Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883

5.

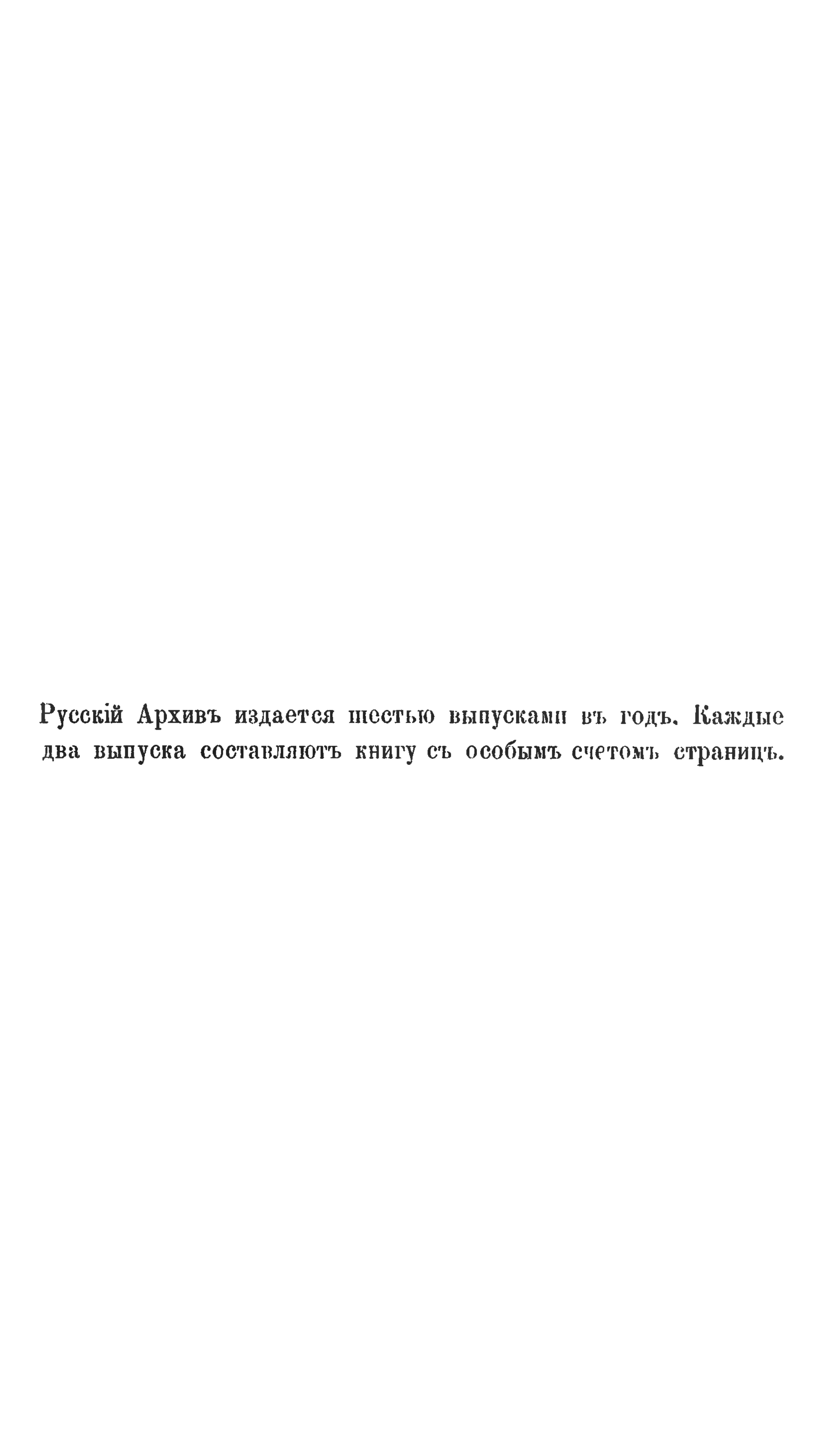
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

3.

Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ книгу съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

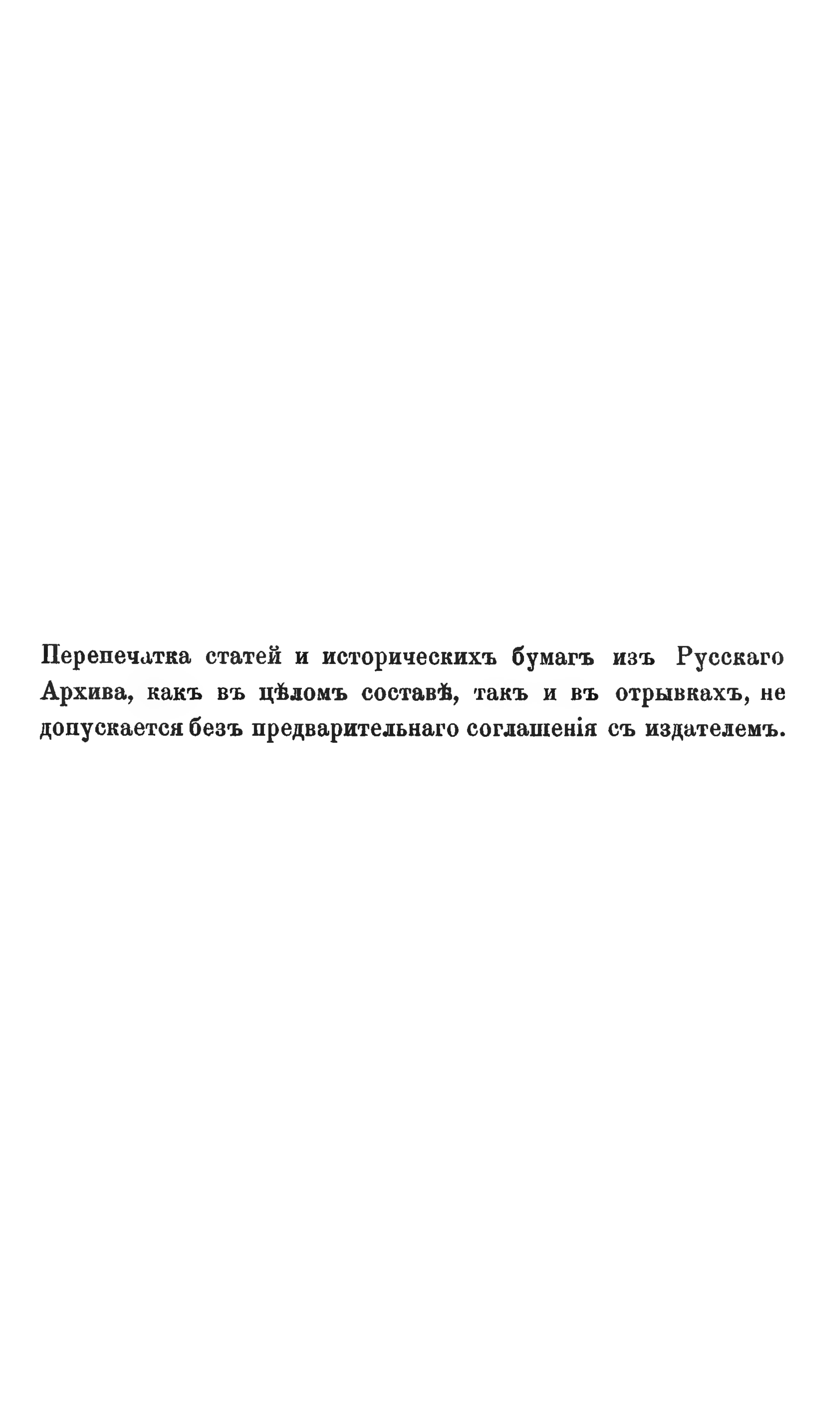
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

БРАТЬЯ ОЛСУФЬЕВЫ, ОБЕРЪ-ГОФМЕЙСТЕРЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Переписка ихъ съ княземъ А. Д. Меншиковымъ.

(1717—1727).

Матвѣй Дмитріевичъ Олсуфьевъ, равно какъ и братъ его Василій Дмитріевичъ, числились въ ряду самыхъ приближенныхъ къ Петру Великому лицъ, хотя имена ихъ рѣдко встрѣчаются у современныхъ и позднѣйшихъ историковъ.

Главнѣйшую причину этого забвенія со стороны историковъ слѣдуетъ полагать въ томъ, что собственно-научныя изслѣдованія Петровской эпохи по источникамъ, на основаніи пріемовъ новѣйшей исторической критики, начались у насъ только во второй четверти текущаго столѣтія и далеко еще не доведены до конца; а между тѣмъ почти всѣ фамильныя бумаги Олсуфьевыхъ, которыя могли бы освѣтить дѣятельность двухъ братьевъ, современниковъ Петра Великаго, ближайшихъ, непосредственныхъ свидѣтелей главнѣйшихъ событій его царствованія, безслѣдно исчезли во время пожара Москвы въ 1812 году. Почти все, что̀ тщательно сберегалось тремя поколѣніями,—семейныя бумаги и документы, подарки царственныхъ особъ и иностранныхъ государей, старинное серебро, коллекція рѣдкихъ книгъ, гравюръ и картинъ, собранная Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ,—все это находилось въ Московскомъ домѣ Дмитрія Адамовича *), внука Василія Дмитріевича, и въ виду нашествія Французовъ было зарыто въ кузницѣ и въ подвалѣ подъ кузницею, на заднемъ дворѣ его дома, на углу Тверской и Леонтьевскаго переулка **).

---

*) Бывшаго въ 1805 году Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

**) Это единственный на Тверской улицѣ домъ изъ допожарной Москвы, не перемѣнившій съ того времени фамиліи владѣльца.

Кладъ былъ зарытъ бережно, тайна сохранялась тщательно немногими, оставшимися въ Москвѣ челядинцами обширной Олсуфьевской дворни; но въ средѣ ихъ нашелся таки измѣнникъ—выѣздной лакей Юрковъ, указавшій тайникъ шайкамъ Французскихъ мародеровъ и Московской черни, грабившимъ, послѣ пожара, уцѣлѣвшіе дома столицы. Все было расхищено и истреблено въ продолженіи немногихъ часовъ, такъ что только нѣсколько гравюръ, изрѣдка попадающіяся у букинистовъ въ Парижѣ, съ собственноручною подписью Адама Васильевича Олсуфьева, свидѣтельствуютъ о богатомъ и рѣдкомъ выборѣ его, знаменитой въ свое время, коллекціи. Извѣстное его собраніе старинныхъ Русскихъ лубочныхъ картинъ, единственное въ своемъ родѣ, уцѣлѣло только потому, что во время разгрома Москвы находилось въ Петербургѣ у князя Бѣлосельскаго, въ потомствѣ котораго, у князя К. Э. Бѣлосельскаго, оно и до сихъ поръ сохраняется. Квартировавшій въ пощаженномъ отъ пожара Олсуфьевскомъ домѣ Французскій маршалъ пришелъ въ такое негодованіе отъ вѣроломнаго поступка Юркова, что сдѣлалъ даже распоряженіе его повѣсить на главныхъ воротахъ дома, выходящихъ на Тверскую; но, воспользовавшись какимъ-то счастливымъ случаемъ, негодяй успѣлъ бѣжать и, прощенный своими господами, мирно кончилъ свою жизнь въ ихъ Орловскомъ имѣніи, въ сороковыхъ годахъ.

Оба брата Олсуфьевы были оберъ-гофмейстерами: Матвѣй—двора Императора и Василій Императрицы *). Они, вмѣстѣ съ графомъ Апраксинымъ и княземъ Трубецкимъ, первые въ Россіи получили высшіе придворные чины новаго, Нѣмецкаго образца. Изъ переписки братьевъ Олсуфьевыхъ съ княземъ Меншиковымъ, обнимающей періодъ времени съ 1716 по 1727-й годъ, видно, что оба они находились безотлучно во все это время при особахъ ихъ величествъ, сопровождая ихъ во всѣхъ путешествіяхъ и походахъ какъ за границею, такъ и въ Россіи. Только съ низоваго похода на Каспійское море, въ 1722 году, имѣются письма одного Матвѣя Дмитріевича. Можно полагать, что

*) Князь Долгорукій, основываясь вѣроятно на дневникѣ камеръ-юнкера Беркгольца, ошибочно утверждаетъ, что Василій состоялъ при Императорѣ, а Матвѣй при Императрицѣ. Кромѣ свидѣтельства печатаемыхъ ниже писемъ, въ родѣ Олсуфьевыхъ сохранился документъ, ясно указывающій ошибку Беркгольца: грамота за подписью Петра Великаго, данная въ Москвѣ 3-го Февраля 1723 года, которою онъ жалуетъ Василья Дмитріевича Олсуфьева, за „его службу при дворѣ съ 1701 г. и управленіе съ 1708 года дворовыхъ императорскихъ дѣлъ, и за нахожденіе съ тѣхъ поръ неотлучно при Государѣ во всѣхъ воинскихъ и другихъ походахъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ“, въ званіе оберъ-гофмейстера двора ея величества Императрицы.

Василій Дмитріевичъ въ то время уже былъ одержимъ болѣзнью, отъ которой онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи двора умеръ, и что по этому его мѣсто «маршалка» при Императрицѣ, въ походѣ 1722 года, занялъ Матвѣй, вступившій окончательно въ управленіе собственными дѣлами Императрицы послѣ смерти брата, въ Декабрѣ 1723-го года, не переставая вмѣстѣ съ этимъ завѣдывать и общими дѣлами дворцовой канцеляріи. Впрочемъ разграниченія дворовъ Государева и Императрицы, и обязанностей лицъ служащихъ при нихъ, въ то время, какъ и теперь, не существовало; поэтому часто видно изъ первыхъ даже писемъ Матвѣя Олсуфьева, что онъ дѣйствовалъ по приказаніямъ Царицы, а изъ переписки Василья Олсуфьева, что онъ получалъ отъ Меншикова распоряженія и суммы относившіяся до содержанія высочайшаго двора. Но когда царственная чета разлучалась, то мы постоянно видимъ Матвѣя доносящаго Меншикову объ «обращеніяхъ» Царя, а Василья точно также обстоятельно увѣдомляющаго свѣтлѣйшаго князя о „пребываніяхъ“ Царицы.

Матвѣй Дмитріевичъ сопровождалъ Петра Великаго даже въ морскихъ кампаніяхъ, находясь на его флагманскомъ кораблѣ «Ингерманландѣ», съ котораго въ Іюнѣ и Іюлѣ 1719-го года онъ отправилъ пять писемъ къ князю Меншикову.

Значенію Матвѣя при дворѣ несомнѣнно много способствовала его женитьба на любимой фрейлинѣ Императрицы Аннѣ Ивановнѣ Сенявиной, дочери контръ-адмирала Ивана Акимовича, замѣчательной красавицѣ того времени, какъ можно судить по сохранившемуся современному портрету. Анна Ивановна Олсуфьева была изъ первыхъ Русскихъ статсъ-дамъ: она получила это званіе и портретъ Императрицы *), украшенный бриліантами, на Андреевской лентѣ, въ день коронованія Екатерины въ 1724 году. Надобно предполагать, что во время заграничнаго путешествія Екатерины въ 1716 и 1717 годахъ А. И. Олсуфьева вмѣстѣ съ Анисьей Толстой, Анной Паниной и фрейлиной Гамильтонъ находилась въ свитѣ Царицы, съ которой она по окончаніи этого путешествія прибыла въ концѣ 1717 года въ Москву. Это можно заключить вопервыхъ изъ заграничныхъ писемъ Матвѣя Дмитріевича въ Петербургъ къ Меншикову, въ которыхъ онъ постоянно поручаетъ благорасположенію

---

*) По случаю пожалованія статсъ-дамъ этими портретами, Карабановъ разсказываетъ, что Петръ, руководимый ему одному извѣстными побужденіями, одной изъ этихъ барынь, княгинѣ Кантемиръ, не пожелалъ дать портрета Императрицы, а замѣнилъ его своимъ собственнымъ, съ которымъ княгиня Кантемиръ и представлена на всѣхъ современныхъ изображеніяхъ.

князя свою матушку и дѣтей, не упоминая о женѣ; во вторыхъ изъ наказа князя Меншикова адъютанту его Нестерову отъ 14 Декабря 1717 года о заготовленіи лошадей для проѣзда двора.

Помѣщаемъ ниже, дословною выпискою изъ этого наказа, списокъ лицамъ *), для которыхъ приказано было приготовлять лошадей на ста-

*) Подъ проѣздъ Императора требовалось:

Въ сани Его Величества	5	лошадей.
Въ линейку Его Величества	5	„
Верховыхъ впередъ Его Величества	2	„
Генер.-маіору Головину	6	„
Генералъ-маіору Ягужинскому	3	„
Доктору Арескину	6	„
Лакостѣ	3	„
Гр. Платону Мусину-Пушкину	3	„
Господину Макарову	3	„
„ Мурзину	3	„
„ Олсуфьеву	3	„
„ Матюшкину	3	„
Четыремъ урядникамъ	3	„
Гину кухмистру	3	„
Мошкову	3	„
Деньщикамъ	3	„
Для походной канцеляріи и для книгъ	3	„
Поварамъ	6	„
Поляку (sic.)	3	„
Для проѣзда Императрицы:		
Въ сани Ея Величества	6	„
Анисьѣ Толстой	5	„
Аннѣ Паниной	6	„
Олсуфьевой	5	„
Марьѣ Гамильтонъ и Устиньѣ	5	„
Семеновой	5	„
Доктора Блюментроста женѣ	5	„
Шепелеву	2	„
Кошелеву	2	„
Чекину	2	„
Олсуфьеву	3	„
Бабкѣ Александрѣ Яковлевой	4	„
Мичкову (Мошкову?)	3	„
Двумъ пажамъ	3	„
Коськѣ Семенову	3	„
Фурманка подъ платья	4	„
Кухмистру	2	„
Поварамъ	9	„
Петровнѣ	3	„
Конюхамъ и подъ шоры	10	„
Французу Бомону	4	„
Портомойницѣ	4	„
Княгинѣ Прозоровской	3	„

(Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, бумаги князя Меншикова).

нахъ, и вѣдомость о числѣ этихъ лошадей. Документъ этотъ любопытенъ; онъ наглядно доказываетъ, какъ просты и неприхотливы были въ то время путешествія царскихъ особъ, въ особенности въ сравненіи съ расточительной роскошью вояжей Екатерины II и послѣдующей эпохи; и до какой степени свита и придворная прислуга Петровскихъ временъ были немногочислены и маловзыскательны въ своихъ требованіяхъ. Иной богатый баринъ конца царствованія Екатерины II, только для своего переѣзда изъ «отчины» въ Москву «на зиму», сгонялъ болѣе крестьянскихъ лошадей, нежели требовалось подъ проѣздъ всего двора великаго Царя, ревностнаго рачителя государственной казны, «зѣло скупаго», по собственному его выраженію, «на народную копѣйку».

Неизвѣстно, гдѣ получили образованіе братья Олсуфьевы; можно думать, что они были въ числѣ молодыхъ дворянъ, посланныхъ Петромъ для обученія за границу послѣ перваго его путешествія въ чужіе края, хотя въ дошедшихъ до насъ спискахъ, конечно неполныхъ, ихъ имена не встрѣчаются. Во всякомъ случаѣ оба они, въ особенности Матвѣй, судя по слогу и правописанію ихъ, большею частью, собственноручныхъ писемъ, были для того времени люди воспитанные, и по образованію стояли не ниже, ежели не выше, многихъ своихъ сверстниковъ по службѣ при Царѣ, изъ которыхъ иные вовсе не умѣли писать, какъ напримѣръ, даровитѣйшій впрочемъ, князь Меншиковъ, который ограничивался заученнымъ, машинальнымъ подчеркиваніемъ бумагъ своей огромной, всеобъемлющей переписки; другіе же съ трудомъ выводили, устарѣлымъ церковнославянскимъ слогомъ, невообразимые іероглифы.

Что оба брата были усердными сторонниками великихъ реформъ Царя-преобразователя слѣдуетъ заключить изъ ненависти, которую къ нимъ питалъ царевичъ Алексѣй. Изъ дѣла несчастнаго Царевича видно, что въ задушевныхъ бесѣдахъ съ друзьями, которыя потомъ послужили главными пунктами его обвиненія, обоихъ Олсуфьевыхъ онъ причислялъ къ лицамъ, которымъ, по воцареніи своемъ, сулилъ различныя казни и невзгоды *).

Петръ неоднократно посѣщалъ дома своихъ «маршалковъ»—титулъ, которымъ пользовались Олсуфьевы до пожалованія ихъ въ оберъ-гофмейстеры, пировалъ на свадьбѣ Матвѣя и лично принималъ отъ

*) Показаніе Ивана Аѳанасьева Большаго, на допросѣ въ застѣнкѣ. (Устряловъ. Царевичъ Алексѣй).

купели у Василья Олсуфьева сына его, будущаго кабинетъ-министра Екатерины II, Адама Васильевича. Сохранилось семейное преданіе, что имя это, совершенно необычное между Русскими, было дано новорожденному по волѣ самаго Государя, находившагося въ веселомъ настроеніи духа и пожелавшаго противопоставить антитезу Библейской генеалогіи прародителей. Зная, что родительница называлась Еввою Ивановною (она была родомъ Датчанка, по фамиліи Голландеръ), Петръ сказалъ: «Богъ отъ Адама произвелъ Евву, пускай Евва теперь производитъ Адама». Воля Царя была исполнена, и съ тѣхъ поръ имя Адама, на перекоръ православнымъ святцамъ, постоянно встрѣчается въ родѣ Олсуфьевыхъ.

Извѣстно, что Петръ Великій испробовалъ всѣ возможныя ремесла. По народному мѣткому преданію, онъ только не умѣлъ лаптей плесть. Между прочимъ Царь любилъ дергать зубы и считалъ себя отмѣннымъ зубнымъ лѣкаремъ. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится цѣлая коллекція зубовъ вырванныхъ Петромъ Великимъ; между прочими хранится подъ № 1-мъ повидимому здоровый зубъ съ надписью: «Зубъ Еввы Ивановны, жены Василья Дмитріевича Алсуфьева». Безчисленные анекдоты свидѣтельствуютъ о самобытности Петра Великаго и о странностяхъ его шутокъ, когда онъ бывалъ въ веселомъ настроеніи духа. Шутки эти часто тяжело отзывались на его приближенныхъ, и можно предполагать, что эта память Царя-самоучки во всемъ, даже въ ремеслѣ дантиста, имѣетъ отношеніе къ кумовству Петра съ домомъ его маршалка. Не пожелалъ ли онъ и тутъ пошутить и идти на перекоръ традиціямъ? Вмѣсто того, чтобы по Русскому обычаю подарить кумѣ на зубокъ, взялъ онъ отъ нея зубъ, да къ тому же еще здоровый.

Петръ выказалъ привязанность свою къ Василію Дмитріевичу и послѣ его смерти, присутствуя на его пышныхъ похоронахъ, которыя подробно описываетъ въ дневникѣ своемъ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ; при этомъ случаѣ Царь удостоилъ принять изъ рукъ его сына Адама Васильевича, тогда еще семилѣтняго ребенка, золотой поминальный перстень съ вензелемъ Олсуфьева.

Второй оберъ-гофмейстеръ, Матвѣй Дмитріевичъ, много лѣтъ пережилъ своего брата. Онъ игралъ болѣе важную роль, нежели Василій и пользовался повидимому особымъ довѣріемъ Петра Великаго. Ему часто поручались важныя дѣла, не имѣвшія ничего общаго съ придворною службою.

Подъ его вѣдѣніемъ находилось только-что возникшее при Петрѣ государственное коннозаводство, и, если вѣрить Запискамъ князя Пе-

тра Долгорукаго, то одинъ изъ послѣднихъ указовъ, подписанныхъ Императоромъ уже на смертномъ одрѣ, относящійся до этой части, былъ поднесенъ ему Матвѣемъ Дмитріевичемъ. Ему также было поручено, еще въ 1714-мъ году, разыскивать въ Лифляндіи родственниковъ Екатерины I-й.

Князь Долгорукій въ своихъ, не всегда впрочемъ исторически вѣрныхъ, Запискахъ, говоритъ, что Матвѣй Олсуфьевъ, вмѣстѣ съ лекаремъ Паликалою, содѣйствовалъ разрыву связи Петра Великаго съ княжною Кантемиръ, мечтавшей одно время, не безъ основанія, занять мѣсто Екатерины, какъ признанной подруги Царя; и что этому обстоятельству онъ въ особенности былъ обязанъ расположеніемъ къ нему будущей Императрицы. Намъ впрочемъ никогда не случалось встрѣчать какія-либо доказательства, которыя бы подтверждали участіе Олсуфьева въ темной интригѣ, разыгравшейся въ господарскомъ дворцѣ въ Яссахъ и имѣвшей послѣдствіемъ разрушеніе красоты и здоровья дочери Молдавскаго господаря, этой единственной опасной соперницы Екатерины.

Въ день коронованія Екатерины оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ участвовалъ въ торжествѣ, шествуя передъ Императрицею съ маршальскимъ жезломъ, а молодая жена его несла съ тремя другими придворными дамами шлейфъ Ея Величества.

Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, Матвѣй Дмитріевичъ утратилъ свое значеніе при дворѣ, какъ это замѣтно изъ измѣнившагося тона его тогдашнихъ писемъ къ князю Меншикову. Управленіе дворомъ перешло къ пожалованному въ это время камергеромъ, молодому и красивому фавориту, Рейнгольду Фонъ-Левенвольду, обладавшему, кромѣ преданности и усердія, иными недостававшими старѣвшему Матвѣю Дмитріевичу преимуществами. Борьба съ могущественнымъ фаворитомъ была слишкомъ неравная, и старый царедворецъ, наполовину только утѣшенный пожалованною ему Александровскою лентою, покинулъ свои Петербургскія палаты *), и удалился на покой въ Москву, гдѣ у него былъ обширный барскій домъ, на улицѣ носившей до пожара двѣнадцатаго года имя Олсуфьевской (въ теперешней Лефортовской части); лѣтнее время проводилъ онъ въ своихъ подмосковныхъ селахъ Алфёровѣ и Собакинѣ, въ тогдашнемъ Мытищенскомъ станѣ.

---

*) Петербургскій домъ Матвѣя Дмитріевича находился на теперешней дворцовой набережной, на мѣстѣ гдѣ нынѣ дворецъ Великаго Князя Владиміра Александровича, между домами гофмаршала Шепелева и Кушелева. Изображеніе его существуетъ до сихъ поръ на прекрасной картинѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Не смотря на то, что учрежденіе Государственнаго Контроля тогда еще не существовало, однако начеты и удержанія за переборы съ придворныхъ и иныхъ чиновъ, въ особенности когда они были «не у дѣлъ» или въ опалѣ, производились строго и исправно. Впрочемъ, какъ видно, недруги Матвѣя Дмитріевича могли указать на немногіе такіе съ его стороны недочеты, такъ какъ изъ указа дворцовой канцеляріи, помѣченнаго Январемъ 1730 года и требовавшаго къ возврату въ Московскій Сытный Дворъ излишне отпущеннаго, въ прежніе года—года власти и значенія, въ Петербургскій домъ оберъ-гофмейстера, вина оказывается, что таковаго было только 90 бутылокъ Венгерскаго и 5-ть ведеръ другаго простаго. Бутылки были возвращены по назначенію, въ чемъ до сихъ поръ сохранилась квитанція.

Въ точности намъ неизвѣстно, когда умеръ Матвѣй Дмитріевичъ, но во всякомъ случаѣ ранѣе 1753 года, помѣщеннаго въ Родословной Книгѣ князя Долгорукаго, такъ какъ онъ и жена его показаны уже умершими въ сохранившемся раздѣльномъ актѣ между его дѣтьми (помѣченномъ 1750-мъ годомъ).

Этотъ раздѣльный актъ опровергаетъ показаніе Долгорукаго объ огромномъ состояніи оставленномъ Олсуфьевымъ: въ немъ исчислено всего четыре тысячи съ небольшимъ душъ, ему принадлежавшихъ въ Тверской, Новогородской и Московской губерніяхъ, и нѣсколько гаковъ земли въ Лифляндіи, перешедшихъ къ нему послѣ второй его жены *), рожденной Фонъ-Данненстернъ.

Изъ грамоты Петра, жаловавшей Василья Дмитріевича Олсуфьева оберъ-гофмейстеромъ, видно, что онъ находился безотлучно при царѣ съ 1701-го года; надобно думать, что съ самаго этого времени началась дѣятельная переписка между нимъ и княземъ Меншиковымъ, не всегда сопровождавшимъ Петра, который поручалъ ему во время своихъ отбытій управленіе всѣми государственными дѣлами. Сохранились къ сожалѣнію только письма съ 1716-го года. Въ этомъ году, 25-го Января, Петръ отправился въ свое самое продолжительное заграничное путешествіе, имѣя при себѣ маршалкомъ Матвѣя Олсуфьева. Екатерина послѣдовала нѣсколькими днями позднѣе за своимъ супругомъ и соединилась съ нимъ въ Ригѣ; въ свитѣ ея находился Василій Олсуфьевъ.

Письма обоихъ братьевъ въ періодъ путешествія изъ Риги, Данцига и Кенигсберга не уцѣлѣли, и первое по времени письмо въ длинномъ рядѣ писемъ, доходящихъ до 1727-го года, помѣчено Матвѣемъ Олсуфьевымъ изъ Копенгагена, 11 Октября 1716-го года.

---

*) Первая жена Матвѣя Дмитріевича была изъ рода Вельяминовыхъ-Зерновыхъ.

Письма братьевъ Олсуфьевыхъ къ князю Меншикову *).

1.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Письмо вашей свѣтлости, писанное изъ Петербурга прошедшаго мѣсяца въ Амстердамъ къ господину комисару Соловьеву (1) на 3000 ефимковъ Албертусовыхъ, я исправно принялъ, которое не задержавъ въ Амстердамъ на почтѣ послалъ, только еще отповѣди на оное письмо не имѣю. Что же принадлежитъ о здѣшнемъ состояніи, вашей свѣтлости доношу, что здѣсь за помощію Вышняго обстоитъ во всемъ суть благополучно. О подлинномъ здѣшнемъ вашей свѣтлости донесетъ господинъ Нестеровъ (2). Всепокорно прошу вашей свѣтлости, дабы я не оставленъ былъ въ вашей княжеской милости.

Копенгагенъ (3), Октября 11 дня 1716 году.

Получено чрезъ Нестерова, Ноября въ 16 д. 1716.

1) Осипъ Алексѣевичъ Соловьевъ, сынъ Архангельскаго купца, одинъ изъ даровитѣйшихъ людей Петровскаго времени, основалъ по волѣ Царя первый заграничный торговый домъ, въ Амстердамѣ. Онъ имѣлъ титулъ коммисіонера Россійскаго правительства въ Голландіи и велъ тамъ обширныя финансовыя, кораблестроительныя, торговыя и прочія дѣла Государя, который въ Амстердамѣ постоянно останавливался въ его домѣ. Петръ чутко сознавалъ, что такой коммисіонеръ дешевле обойдется Россіи разныхъ Барингговъ, фонъ-деръ-Гоповъ и другихъ преемниковъ перваго Русскаго за границей банкира, смышленаго Русака Осипа Соловьева. Въ послѣдствіи Соловьевъ былъ оклеветанъ передъ Царемъ, вѣроятно происками Голландскаго резидента, Бранта, поддерживаемаго Меншиковымъ, которому Соловьевъ, какъ видно изъ писемъ къ нему Меншикова, не всегда достаточно угождалъ. Брантъ получилъ его мѣсто, а Соловьевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его ожидало уголовное преслѣдованіе, грозившее смертною казнью. Впрочемъ онъ вполнѣ оправдался и даже получилъ отъ Императрицы Екатерины баронскій титулъ, предназначенный ему еще Петромъ.

---

*) Подлинники этихъ писемъ сохранились въ бумагахъ князя Меншикова, въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Обычныя начала и концы писемъ (т. е. свѣтлѣйшій князь, милостивый мой государь и пр.) для краткости опускаются.

2) Степанъ Нестеровъ, одинъ изъ адъютантовъ князя Меншикова, котораго онъ всѣхъ чаще употреблялъ для курьерской службы. Его имя безпрестанно встрѣчается въ обширной корреспонденціи Меншикова, которую Нестеровъ развозилъ съ одного конца Россіи въ другой и во всѣ страны Европы. Спосливость и здоровье этаго прототипа знаменитыхъ нѣкогда „Николаевскихъ" фельдъегерей должны были быть необычайны. Онъ, кажется, былъ братъ оберъ-фискала Нестерова, паденіе котораго и повліяло на его дальнѣйшую карьеру.

3) Пребываніе Петра Великаго въ Копенгагенѣ, въ 1716 году, представляетъ довольно любопытный фазисъ Сѣверной войны, въ продолженіи которой съ такою легкостью заключались и расторгались союзы, мало впрочемъ стѣснявшіе договаривающіяся стороны. Петръ оставался въ Копенгагенѣ съ 3-го Іюля по 16-е Октября, преимущественно съ цѣлью руководить предположенными совмѣстными дѣйствіями союзныхъ державъ, Россіи, Англіи, Даніи и Голландіи, противъ Шведскихъ береговъ.

Исторія еще не произнесла окончательнаго приговора, всѣ ли союзники преслѣдовали единодушно одну общую цѣль нанесенія рѣшительнаго, окончательнаго удара Карлу XII-му высадкою въ Шонію, или же нѣкоторые изъ нихъ имѣли особые планы, скрываемые отъ другихъ и основанные, быть можетъ, на тайныхъ переговорахъ съ общимъ врагомъ. Что соглашеніе было только видимое и, въ этотъ періодъ войны, не достигло никакихъ результатовъ, это несомнѣнно. Подчиненіе въ Августѣ мѣсяцѣ трехъ эскадръ, Англійской, Датской и Голландской, командованію Петра, чѣмъ даже въ послѣдующіе годы онъ такъ гордился, было скорѣе разсчитано на удовлетвореніе самолюбію царственнаго моряка, нежели для достиженія какой-либо серьозной цѣли. Русскіе баталіоны, перевезенные въ Данію въ видахъ высадки въ Швецію, возвратились въ Мекленбургъ, не видавъ иныхъ недруговъ кромѣ Датчанъ, относившихся къ нимъ крайне непріязненно; и взаимное недовѣріе между союзными державами послѣ этой поѣздки Петра въ Копенгагенъ только возрасло. Петръ уѣхалъ изъ Даніи съ убѣжденіемъ, что изъ всѣхъ своихъ союзниковъ онъ можетъ, и то до извѣстной только степени, разсчитывать на Пруссію. Онъ спѣшилъ въ Гавельсбергъ на свиданіе съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ: интересы Россіи и Пруссіи въ то время еще не расходилась, и могущество Швеціи для обѣихъ державъ грозило одинаковою опасностью. (Брикнеръ, Путешествія Петра Великаго; Соловьевъ, XVII томъ, Motley, History of Peter the Great; Gordon, Relations).

2.

Отъ Василія Дмитріевича.

Вашей свѣтлости высокосклонныя писанія, отправленныя изъ Санктъ-Петербурга отъ 24-го и 28-го Сентября, я съ должнымъ моимъ почтеніемъ получилъ, за которыя всепокорно вашей свѣтлости благодарствую и прошу, дабы и напередъ изволили содержать меня въ своей высокосклонной милости. О здѣшнемъ состояніи нынѣ иного вашей свѣтлости донести не имѣю, токмо что Его Царское Величество и Государыня Царица прибыли Октября 30-го дня благополучно, и отсюда изволятъ путь воспріять въ Шверинъ, и будетъ Его Величество свиданіе имѣть съ королемъ Прусскимъ въ Гавелсбергѣ. А по томъ свиданіи намѣренъ Его Величество идти въ Голландію, а Государыня Царица изъ Шверина поѣдетъ въ Ростокъ, и тамо будетъ ожидать возвращенія Его Царскаго Величества изъ Голландіи. Въ протчемъ рекомендую себя въ неотмѣнную вашей свѣтлости высокую милость и пребываю.

Покорно прошу вашу свѣтлость, моего всемилостиваго государя: не оставь домишку моего; по семъ прошу вашу свѣтлость о Васильѣ Павловѣ, дабы ему быть дьякомъ.

Ноября 2 дня.
Любекъ (1716).

3.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивѣйшее писаніе отъ 2-го Октября изъ Санктъ-Петербурга я во всепокорности получилъ, за которое премножественно благодарствуя, прошу содержать меня въ своей милости. О здѣшнемъ доносилъ я вашей свѣтлости предъ симъ изъ Любека, что Его Царское Величество изволитъ идти для свиданія съ королемъ Прусскимъ, а оттоль походъ свой воспріять изволитъ въ Голландію, а Ея Величество Государыня Царица будетъ Его Величества возвращенія ожидать здѣсь. И послѣ того ничего въ томъ не отмѣнилось, и изволитъ Его Величество отсюда послѣ завтра идти, а что̀ далѣе будетъ происходить, донести не оставлю впредъ.

Шверинъ.
Ноября 7 дня 1716 г.

Предположеніе Олсуфьева оказалось невѣрнымъ: Екатерина не осталась въ Шверинѣ, а поѣхала вслѣдъ за супругомъ въ Гавельсбергъ, куда прибыла 12-го и гдѣ вмѣстѣ съ Царемъ имѣла пребываніе до 17-го Ноября.

4.

Отъ Василья Дмитріевича.

Всепокорно доношу вашей свѣтлости, моему премилостивому государю, что Ея Величество, всемилостивѣйшая Государыня, обрѣтается въ добромъ состояніи и сего дни изволитъ путь свой воспріяти до Гамбурга, а изъ Гамбурга въ Голландію. Покорно прошу вашу свѣтлость, моего премилостиваго государя и отца, не оставить во своей милости жены моей и робятишекъ.

Декабря 9 дня 1716 года.
Шверинъ.

5.

Отъ Василья Дмитріевича

Всепокорно доношу вашей свѣтлости, моему премилостивому государю: Ея Величество, всемилостивѣйшая Государыня Царица, имяннымъ своимъ указомъ, пожаловала подключниковъ Гаврилу Мячкова, Степана Соболева, указала учинити имъ жалованье: окладъ послѣ стряпчаго Егора Воинова по пятидесять рублевъ въ годъ человѣку, подключнику Евсигнѣю Жеребцову окладъ послѣ умершаго подключника Ивана Талутина тридцать рублевъ. О томъ Ея Величество, премилостивѣйшая Государыня Царица, къ вашей свѣтлости изволила писать. Покорно прошу вашу свѣтлость показать надъ ними милосердіе для однаго христіанства. Сколько времени служили безъ жалованія! Нечего отъ другихъ ждати милости: сытый голодному не вѣритъ. И я, государь, поѣхалъ пити на Лигу пива. Нѣтъ нынѣ милости и милосердія; но въ томъ разсудитъ Всевышній, какъ Онъ дѣлаетъ людямъ добро.

Шверинъ,
Декабря 9 дня 1716 г.

Получено 8 дня Генваря 1717 году. Отвѣтствовано 14 дня Генваря, отдано того-же числа.

Письмо это написано въ день выѣзда Царицы изъ Шверина къ Петру въ Амстердамъ. Въ концѣ письма находится намекъ на мызу Лигу *), принадлежавшую сестрѣ Государя царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, скончавшейся 16-го Іюня этаго года. Вѣроятно до Олсуфьева дошло извѣстіе, что Царь, на пути своемъ въ Амстердамъ, въ Альтонѣ, письмомъ къ Меншикову, пожаловалъ эту мызу родственнику своему Нарышкину. А что Василій Дмитріевичъ хлопоталъ о пожалованіи ему мызы, видно изъ послѣдующаго его письма отъ 12 Апрѣля 1717 года изъ Амстердама.

*) Нынѣшнее Лигово подъ Петербургомъ. П. Б.

6.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Его Величество, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи. Ея Величество еще сюда не прибыла, а ожидаемъ къ празднику Рождеству Христову. Всепокорно прошу вашу свѣтлость: прикажи не оставить въ своей высокой милости матушки и дѣтей моихъ.

Амстердамъ,
Декабря 14 дня 1716 года.

Получено Генваря 4 дня 1717 г. Отвѣтствовано того жъ числа.

Петръ Великій прибылъ въ Амстердамъ 6-го Декабря. Съ нимъ находились только Головкинъ, Долгорукій, Ягужинскій и Олсуфьевъ. На другой день пріѣхалъ Шафировъ (Брикнеръ). Впрочемъ, остальная его свита, прибывшая вслѣдъ за этимъ, была многочислена. Голландецъ Шельтема въ извѣстномъ своемъ сочиненіи Rusland en de Nederlanden, называетъ, кромѣ поименованныхъ, еще слѣдующихъ лицъ: графъ Мусинъ-Пушкинъ и Петръ Толстой, Бутурлинъ, Черемисскій, Коровинъ, Румянцовъ, Мошковъ, Фитингофъ, Пальчиковъ, Мурзинъ, Черкасовъ и Кобеляковъ. Въ походной канцеляріи состояли: Макаровъ, Шепелевъ, Степановъ и Ларіоновъ, и кромѣ того лейбъ-медикъ Арескинъ, два священника и нѣсколько человѣкъ прислуги. Весьма вѣроятно, что многіе изъ придворныхъ служителей попали, по излишнему усердію Голландскаго хронографа, въ число свитскихъ чиновъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ именъ болѣе нигдѣ не встрѣчаются. Къ тому-же извѣстно, что Петръ Великій не любилъ окружать себя многочисленною свитою. Когда онъ былъ въ Парижѣ и садился за столъ только со своими, то, по словамъ Сенсимона (Saint. Simon), накрывали не болѣе какъ на 14 приборовъ.

Царь остановился въ Амстердамѣ сначала на нѣсколько дней въ домѣ резидента Бранта, а потомъ переѣхалъ въ домъ коммисара Соловьева, находившійся на улицѣ Герегрstatic (Heeregracht).

7.

Отъ Василья Дмитріевича.

Покорно доношу вашей свѣтлости, что Ея Величество, премилостивѣйшая Государыня Царица, изволила прибыть въ Минденъ сего Декабря 22 дня благополучно, токмо путь нашъ съ превеликимъ трудомъ, и такой злой дороги не видали, и отъ Миндена до Амстердама 38 миль. Дай Боже счастливо Ея Величеству придти въ Голандію. Болѣе вашей свѣтлости, моему премилостивому отцу, доносить не имѣю, токмо покорно прошу: не остави въ своей высокой милости жены моей и робятишекъ.

Минденъ (1716),
Декабря 23 дня.

Получено чрезъ почту Генваря въ 11 день. Отвѣтствовано.

8.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе изъ Петербурга, прошедшаго мѣсяца отъ 30 дня, здѣсь получилъ сего 24 дня, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе. О здѣшнемъ состояніи доношу: Его Величество, слава Богу, обрѣтается въ добромъ здравіи; Ея Величества прибытія ожидаемъ сюда на сихъ дняхъ. Сего нынѣшняго дня будемъ отправлять торжественный день Рождества Христа Спасителя нашего, которымъ праздникомъ вашу свѣтлость поздравляю.

Амстердамъ,
Декабря 25 дня 1716.

Получено черезъ почту.

9.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу, что Его Величество, слава Богу, обрѣтается въ добромъ здравіи. Ея Величество еще сюда прибыть не изволила, а имѣли вѣдомость черезъ курьера Сергѣева, что Ея Величество въ мѣстечко Минденъ 23 числа прошедшаго мѣсяца прибыть изволила. О королѣ Аглинскомъ (1) вѣдомость здѣсь имѣемъ, что въ скоромъ времени пойдетъ въ Англію; а будетъ ли видѣться съ Царскимъ Величествомъ въ Гагѣ, о томъ подлинно донесть не могу; а ежели изволитъ прибыть въ Гагу, то и Царское Величество намѣренъ идти въ Гагу. Господинъ князь Куракинъ (2) отсель поѣхалъ въ Гагу для нѣкоторыхъ дѣлъ. У Франціи съ Англіею и Голландіею миръ заключенъ (3). Отъ двора королевскаго Датскаго Вестфаль сюда прибылъ и проситъ 20 баталіоновъ нашихъ войскъ (4). О королѣ Шведскомъ подлинной вѣдомости нѣтъ; только говорятъ, что вступилъ въ Датскую Норвегію и великое разореніе оной чинитъ.

Еще вашей свѣтлости доношу о несчастномъ морскомъ плаваніи на Нордъ-Зее (5) господина капитана Бредаля, что оной свой корабль противъ Ютланда отъ великихъ штормовъ въ морѣ оставилъ, едва самъ съ людьми спасся и 4 мѣдныя пушки снялъ. Такимъ же образомъ и надъ господиномъ Мухановымъ близъ Копенгагена учинилось, о чемъ ваша свѣтлость небезъизвѣстны; правда, что прошедшей осени жестокіе штормы были. Ничего болѣе вашей свѣтлости доносить не имѣю, токмо поздравлю въ новой годъ вашей свѣтлости и прошу, дабы Господь Богъ даровалъ вамъ всякое счастливое пребываніе купно со всею вашею фамиліею.

Амстердамъ,
Генваря 1 числа 1717 г.

Получено черезъ почту Генваря 18 дня.

1) Король Англійскій (онъ же и курфирстъ Ганноверскій) Георгъ I-й былъ уже въ то время въ предѣлахъ Голландіи; 11 Января н. ст. онъ имѣлъ въ Утрехтѣ свиданіе съ аббатомъ Дюбуа (Mémoires etc. Dubois, t. I.), который и сопровождалъ его въ Гагу.

2) Куракинъ, князь Борисъ Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Андреевскій кавалеръ, ум. въ 1727. Одинъ изъ блестящихъ дипломатовъ Петровскаго времени, столь богатаго даровитѣйшими дѣятелями на этомъ поприщѣ. Онъ былъ долгое время посланникомъ въ Римѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ и гдѣ на него возлагали большія надежды для возсоединенія двухъ каѳолическихъ церквей. Во время путешествія Петра Великаго, онъ занималъ должность посланника въ Гагѣ, гдѣ Царь останавливался въ его домѣ на Groote Vorhout. Онъ былъ очень любимъ Петромъ, не смотря, можно сказать, на ихъ близкое свойство, такъ какъ Куракинъ былъ женатъ на сестрѣ разлученной царицы Евдокіи Ѳедоровны. Его отличное знаніе Французскаго языка и Парижскаго общества оказали большія услуги Петру Великому во время его пребыванія во Франціи, и въ воздаяніе за то Государь пожаловалъ ему, при разставаніи въ Клевѣ, Андреевскую ленту. Объ этомъ сохранилось въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ неизданное письмо Волкова, секретаря князя Меншикова, отъ 13 Сентября 1717.

3) Миръ, извѣстный подъ названіемъ Quadruple Alliance (Франціи, Англіи, Голландіи и Испаніи), былъ подписанъ въ Гагѣ 4 Января н. ст. 1717 г. Главнымъ орудіемъ его былъ аббатъ Дюбуа, который съ тѣхъ поръ имѣлъ первенствующій голосъ въ иностранной политикѣ Франціи. Это обстоятельство всего болѣе помѣшало сближенію Регента съ Россіею (Saint-Simon).

4) Просьба Датчанъ была уважена: 20-ть баталіоновъ Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Вейде, расположенные около Ростока и Любека, были предоставлены въ ихъ распоряженіе. Всѣ остальные Русскіе полки, за исключеніемъ гвардейцевъ, были выведены въ Польшу. Какъ видно изъ письма Петра къ Апраксину отъ 16 Марта 1717 г., Датчане не воспользовались этими войсками, вѣроятно находя условія выговоренныя царемъ для обезпеченія ихъ продовольствія слишкомъ обременительными.

5) Несчастные случаи, о которыхъ пишетъ Матвѣй Дмитріевичъ: гибель двухъ шнявъ „Принцесса Анна“, подъ командою капитана Бредаля *) у Ютланда 30 Ноября и „Лизетта“, подъ командою капитана поручика Муханова **) противъ Копенгагена 20 Октября. Петръ, умѣвшій отличать несчастія отъ виновности и оплошности, замѣчательно хладнокровно отнесся къ потерѣ этихъ судовъ, изъ которыхъ „Принцесса“ должна была быть особенно ему дорога, такъ какъ она подъ брейдъ-вымпеломъ Царя получила нѣсколько пробоинъ отъ непріятельскихъ ядеръ во время рекогносцировки Шведскихъ береговъ осенью 1716 года; въ письмѣ къ Апраксину отъ 11 Января, Петръ даже скрываетъ отъ адмирала, несомнѣнно ему извѣстную, потерю Бредалемъ четырехъ пушекъ.

---

*) Бредаль Петръ Петровичъ, въ послѣдствіи адмиралъ, Норвежскій уроженецъ, былъ принятъ изъ Англійской службы въ 1703 г., ум. въ 1756.

**) Мухановъ Ипатъ Калиныч, родоначальникъ нынѣшнихъ Мухановыхъ, любимецъ Государя, который былъ у него на свадьбѣ и крестилъ сына. П. Б.

10.

Отъ Василья Дмитріевича.

Покорно доношу вашей свѣтлости, что Ея Величество, всемилостивѣйшая Государыня Царица, изволила прибыть въ Везель, Декабря 30 дня, благополучно, и 31 дня Декабря Ея Величество изволила пойтить на яхту по полудни въ 6 час., на которой изволила было путь свой имѣть до Амстердама, и на яхтѣ изволила быть 2 часа, потомъ изволила возвратиться въ Везель, понеже время къ разрѣшенію пришло; токмо дай Боже милость Свою счастливое разрѣшеніе Ея Величеству. Въ Генварѣ 1 числа Ея Величество къ Его Царскому Величеству изволила послать курьера господина Толстаго, дабы Его Величество изволилъ быть немедленно въ Везель. Иного доносить вашей свѣтлости, моему премилостивому государю, не имѣю; токмо путь нашъ до Везеля былъ, что такого не видали еще, и людей здѣшнихъ, на деньги лакомыхъ, не слыхивали и не видали: не токмо за что другое даемъ деньги, но и за солому платимъ.

Везель,
Генваря 2 дня 1717 г.

Поздравляю вамъ, моему премилостивому государю, сего наступившаго новаго года со всею вашею фамиліею.

Получено черезъ почту Генваря 24 дня.

Нѣсколько наивное замѣчаніе измученнаго двадцати - одно - дневнымъ путешествіемъ маршалка Екатерины, что за все, даже за солому, платить приходится, становится совершенно понятнымъ, ежели имѣть въ виду письмо Петра отъ 2-го Декабря 1716, въ которомъ онъ указываетъ Екатеринѣ путь на Минденъ и на Везель, какъ на удобнѣйшій, „на которомъ и подводы будутъ давать даромъ“. А вышло совсѣмъ другое: въ иныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Липпенѣ, „за деньги нельзя было достать лошадей. Такого же рода затрудненіе вышло въ Голтернѣ, а въ Бойценбургѣ пришлось пять дней ждать переправы черезъ Эльбу; тяжелыя кареты безпрестанно ломались и требовали починокъ, да къ тому же эти подлые „на деньги лакомые люди“, не то что въ Россіи или въ земляхъ отвоеванныхъ для ея высочества Екатерины Іоанновны, за все, даже за солому, требуютъ уплаты.

Негодованіе и безпокойство Василья Дмитріевича велики, но они весьма естественны: у него на рукахъ беременная Царица. „Береги ее какъ зеницу ока“, былъ вѣроятно послѣдній ему наказъ отъ грознаго Царя; а тутъ новая

бѣда: разсчетъ времени оказался невѣрнымъ; и когда наконецъ, въ Везелѣ, онъ отдохнулъ душой, удобно помѣстивъ Царицу на яхту, присланную за ней Голландскими Штатами, оказывается, что поздно, ѣхать далѣе нельзя, потому что приближается время „безчастнаго рожденія“, какъ Петръ въ собственноручной запискѣ подъ заглавіемъ: „О тяжкихъ обидахъ нанесенныхъ намъ отъ дворовъ Ганноверскаго и Англійскаго“, называетъ появленіе на свѣтъ царевича Павла Петровича, „убійцами котораго господа Ганноверцы могутъ почесться“. (Голиковъ)

11.

Отъ Василья Дмитріевича.

Покорно доношу вашей свѣтлости: сего Января 2 дня, въ 12 часовъ по полуночи, Всевышній Господь Богъ Ея Величество, всемилостивѣйшую Государыню Царицу, отъ ея бремени разрѣшилъ благополучно и даровалъ Богъ Ихъ Величествамъ Государя Цесаревича Павла Петровича (1), и сего числа окрещенъ. И сею веліею радостію вашей свѣтлости, моему премилостивому государю, поздравляю, и съ сею вѣдомостію къ Его Величеству посланъ господинъ Мавринъ (2).

Везель,
Генваря 2 дня 1717 года.

Отдалъ свѣтлѣйшій князь Генваря 20 дня 1717.

1) Царевичъ Павелъ Петровичъ жилъ только три часа. Екатерина, повидимому поджидая супруга и желая раздѣлить съ нимъ общую ихъ скорбь, только 25 Января рѣшилась отправить маленькій гробикъ въ Петербургъ и съ нѣжною, материнскою заботливостью писала объ этомъ Меншикову. (Неизданное письмо въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д.).

2) Семенъ Мавринъ, любимый пажъ Екатерины, которая посылала его также съ письмами къ Государю въ Парижъ. Въ день коронованія Императрицы онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры ея двора.

12.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

По должности своей симъ вашей свѣтлости всепокорно доношу, что вчерашняго дня получена сюда изъ Везеля чрезъ Семена Маврина вѣдомость, что всемилостивый Богъ Ея Величество Государыню Царицу Екатерину Алексѣевну отъ ея имѣвшаго бремени свободить изволилъ и даровалъ Государя Цесаревича Павла Петровича, которою неизрѣченною радостію вашу свѣтлость поздравляю и оканчиваю сіе, остаюсь со всепокорнымъ почтеніемъ и пр.

Амстердамъ,
Генваря 4 дня 1717 года.

Получено Генваря 19 дня.

13.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу въ началѣ: Его Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи; Ея Величество, всемилостивѣйшая Государыня Царица, еще обрѣтается въ Везелѣ во всякомъ благополучномъ здравіи. Сего дня отправленъ отсель отъ Царскаго Величества къ Ея Величеству господинъ капитанъ Румянцовъ: ежели къ состоянію прежняго своего здравія пришла, то бы изволила сюда ѣхать. Того ради Его Царское Величество своею персоною въ Везель ѣхать не изволитъ, ибо королевское величество Великобританіи изъ Ганновера въ Англію пошелъ; и для того постъ свой оставить не изволилъ.

Всепокорно вашу свѣтлость прошу: прикажи не оставить домишку моего.

Амстердамъ,
Генваря 18 дня 1717 года.

Не смотря на столь категорическое показаніе Матвѣя Олсуфьева, можно сомнѣваться, точно ли что Петръ желалъ видѣться съ королемъ Георгомъ и дѣй-

ствительно ли, какъ утверждаетъ большинство историковъ, только болѣзнь Царя препятствовала этому свиданію.

Ни Олсуфьевъ, ни Макаровъ, нѣсколько дней позже, 22 Января, увѣдомлявшій Меншикова объ отъѣздѣ короля Георга въ Англію безъ состоявшагося свиданія съ Государемъ (Мат. для Ист. Русск. Фл. Т. III.) не говорятъ, что Царь былъ тогда боленъ, тогда какъ о предъидущей его болѣзни Макаровъ тотчасъ донесъ Меншикову письмомъ отъ 21 Декабря. Журналъ Петра Великаго, въ которомъ обыкновенно говорится о всѣхъ его немочахъ, прерывается въ первыхъ числахъ Января 1717 г. и возобновляется только въ Февралѣ, а изъ двухъ тогдашнихъ писемъ Петра къ Екатеринѣ можно заключить, что ежели въ этотъ промежутокъ времени, совпадающій съ краткимъ пребываніемъ короля въ Влаардингенѣ, откуда онъ пошелъ въ Англію, Петръ и не былъ совершенно здоровъ, то не настолько, чтобы не быть въ состояніи совершить краткій переходъ на яхтѣ изъ Амстердама въ Гагу (каналы въ эту зиму въ Голландіи не замерзали, что̀ видно изъ посылки Генеральными Штатами яхты на встрѣчу Екатеринѣ въ Везель).

Что Петръ первоначально имѣлъ намѣреніе видѣться съ Англійскимъ королемъ, это несомнѣнно и подтверждается письмомъ Екатерины къ Меншикову отъ 16 Января, въ которомъ она говоритъ объ этомъ намѣреніи ея супруга; но можно предполагать, что въ послѣдствіи Царь измѣнилъ это рѣшеніе, не будучи побуждаемъ къ тому ничѣмъ инымъ какъ личной, взаимной впрочемъ, непріязнью къ Георгу I, которая въ настоящее время еще усилилась въ слѣдствіе холоднаго пріема, оказаннаго Русскому послу въ Ганноверѣ и въ особенности вслѣдствіе полученныхъ въ это время Петромъ извѣстій о непріятностяхъ, которыя Екатерина претерпѣла проѣздомъ чрез Ганноверскія владѣнія. Царь прямо ставилъ это въ вину Ганноверскому правительству.

Вѣроятно также, что Петръ былъ увѣдомленъ чрезъ князя Куракина, находившагося тогда въ Гагѣ, о проѣздѣ аббата Дюбуа на встрѣчу королю въ Утрехтъ, и это еще болѣе должно было повліять на его рѣшеніе не встрѣчаться съ королемъ, враждебныя чувства котораго къ Россіи поддерживались аббатомъ Дюбуа, пріобрѣтшимъ въ предъидущее свое пребываніе въ Лондонѣ большое вліяніе на слабаго Георга I-го.

14.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивыя писанія, отъ 10 и 14 Генваря чиселъ, изъ Санктъ-Петербурга писанныя, со всенижайшимъ моимъ респектомъ получилъ я, за что приношу мое препокорное вашей свѣтлости благодареніе.

Ея Величество, Государыня Царица, 2-го числа сего мѣсяца изволила сюды прибыть благополучно. А Его Царское Величество имѣетъ нынѣ, слава Богу, отъ болѣзни своей облегченіе, и надѣемся, что въ сихъ дняхъ изволитъ выйти изъ каморы своей. Не имѣю инаго ничего къ доношенію вашей свѣтлости, токмо рекомендую себя въ неотмѣнную вашу къ себѣ милость, пребывая даже до послѣдняго часу жизни моей и пр.

Изъ Амстердама,
въ 5-й д. Февраля 1717 г.

Черезъ почту Февраля 21 дня. Отвѣтствовано Февраля 22 дня.

15.

Отъ Василья Дмитріевича.

Покорно доношу вашей свѣтлости, что здѣсь Ихъ Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь и Государыня Царица изволятъ обрѣтаться во всякомъ благополучномъ состояніи, и сего Февраля 17-го дня Ихъ Величество изволятъ ѣхать въ Петербургъ къ господину Бранту, на дворъ его загородной, но тамъ изволятъ мѣшкать два дни; потомъ Его Величество намѣренъ идтить въ Гагу. Иного вашей свѣтлости, моему милостивому государю, доносить не имѣю.

Амстердамъ,
15 дня Февраля 1717.

Брантъ, резидентъ Русскаго правительства при Голландскихъ Штатахъ, имѣлъ обширную торговлю съ Архангельскомъ, гдѣ Петръ Великій узналъ его. По отозваніи изъ Амстердама Соловьева, онъ получилъ его мѣсто правительственнаго коммисара въ Голландіи, но, по свидѣтельству Шельтемы, никогда не могъ заслужить того довѣрія въ торговомъ мірѣ, которымъ пользовался Соловьевъ.

Дача Бранта, названная въ честь Царя Петербургомъ, была роскошная резиденція вблизи Амстердама, гдѣ онъ устраивалъ великолѣпные праздники, послѣ которыхъ всегда встрѣчаются въ Журналѣ Петра и въ письмахъ Екатерины слова: „зѣло", или „изрядно тамъ веселились". Изображеніе этого Петербурга сохранилось на гравюрѣ, приложенной къ Исторіи Петра Великаго Брикнера.

16.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе отъ 22 Февраля я съ нижайшимъ респектомъ получилъ и по моемъ покорнѣйшемъ благодареніи при семъ вашей свѣтлости объ здѣшнихъ новинахъ доношу.

Ихъ Величества изволили 8-го сего мѣсяца прибыть въ Гагу, и на другой день потомъ имѣли аудіенцію у Ихъ Величествъ депутаты статскіе, а потомъ были допущены на аудіенцію всѣ чужестранные министры. Его Царское Величество намѣренъ 18-го сего мѣсяца путь свой воспріять въ Ротордамъ, а Ея Величество, Государыня Царица, имѣетъ остаться въ Гагѣ.

Изъ Гаги,
15 Марта 1717.

Получено черезъ почту Апрѣля 11 дня. Отвѣтствовано Апрѣля 12 дня.

Депутаты Голландскихъ генеральныхъ штатовъ.

17.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе, изъ Петербурга отъ 19 дня Февраля, я не съ немалою радостію принялъ, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе; что же изволите упоминать о неоставленіи господина секретаря Волкова, здѣсь воистинно душевно служить готовъ, въ чемъ могу. Слава Богу, его пріѣздъ зѣло изрядно былъ и великое себѣ счастье получилъ, что Его Величество изъ Ротродама въ путь свой не отшелъ. О здѣшнемъ вашей свѣтлости новаго доносить не имѣю; токмо Его Величество, слава Богу, обрѣтается въ добромъ здравіи. Ея Величество изъ Ротродама изволила идти въ Гагу. Сего числа Его Величество изволитъ идти въ Антверпенъ, можетъ быть и до Бруселя. Всепокорно вашу свѣтлость прошу: прикажи не оставить домишку моего.

Изъ Зеляндии, отъ мѣстечка Флаенна.
Марта 29 дня 1717 г.

Алексѣй Яковлевичъ Волковъ, личный секретарь Меншикова, въ послѣдствіи оберъ-секретарь, былъ отправленъ въ Февралѣ въ Амстердамъ съ донесеніями Меншикова и Апраксина, между прочимъ о ходѣ работъ Кронштадтскихъ укрѣпленій, которыя очень озабочивали въ то время Петра Великаго. Волковъ находился въ свитѣ Царя въ Парижѣ и Спа, и вѣроятно также часто, какъ Макаровъ и Олсуфьевы, доносилъ Меншикову о всемъ происходившемъ; но изъ писемъ его уцѣлѣло только одно, писанное изъ Берлина 13-го Сентября.

18.

Отъ Василья Дмитріевича

Доношу вашей свѣтлости, что Ея Величество, всемилостивѣйшая Государыня Царица, изволила сюда прибыть сего Апрѣля 10 числа за помощію Божіею во всякомъ благополучіи. Иного вашей свѣтлости, моему милостивому государю, ко извѣстію не имѣю, но предаю себя въ вашу непремѣнную милость.

Амстердамъ,
12 Апрѣля 1717 г.

P. S. О чемъ будетъ просить вашу свѣтлость, моего премилостиваго государя, Родіонъ Кошелевъ, а именно о мызѣ, о которой я вашу свѣтлость моего премилостиваго государя просилъ, паки покорно прошу, дабы я тоё мызу себѣ получилъ.

Получено Апрѣля 29 ч. 1717.

Это была вѣроятно мыза Коерово, пожалованная въ послѣдствіи Петромъ Великимъ Василью Дмитріевичу и перешедшая въ наслѣдство сыну его Адаму Васильевичу. Въ третьей тетради Русскаго Архива 1883 г. помѣщено шуточное стихотвореніе его сына Адама Васильевича, относящееся до этой мызы *).

---

*) Кстати исправить здѣсь опечатку въ этомъ стихотвореніи: вмѣсто *ромашку* слѣдуетъ *роспашку*. П. Б.

19.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, слава Богу, сюда изволилъ прибыть сего мѣсяца 10 дня благополучно и намѣренъ здѣсь взять праздникъ Вербное Воскресенье, а потомъ съ Понедѣльника изволитъ путь свой воспріять въ Кале и тамъ изволитъ побыть до праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія. Потомъ изволитъ идти до Парижа, а сколько будетъ того, заподлинно донесть не могу, о чемъ впредъ до вашей свѣтлости буду писать. Нынѣ вашу свѣтлость поздравляю сими наступающими торжественными праздниками и желаю вашей свѣтлости со всею фамиліею счастливо дождаться и въ радости препроводить.

Всепокорно прошу вашу свѣтлость: прикажи не оставить матушки и дѣтей моихъ въ своей высокой милости.

Изъ Дункерка,
Апрѣля 13 дня 1717 г.

Черезъ почту Мая 13 дня и отвѣтствовано.

20.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи и по взятіи праздника изволитъ путь свой воспріять въ Парижъ, а потомъ, можетъ быть, и далѣе до Брешта, гдѣ Французской большой флотъ стоитъ, только о семъ заподлинно вашей свѣтлости донесть не могу. Англійскій флотъ въ 25 корабляхъ воинскихъ уже съ недѣлю изъ Англіи вышелъ и пойдетъ на Остъ-Зей; о Шведскомъ флотѣ здѣсь подлиннаго извѣстія нѣтъ, только слышно, что зѣло сильно вооружаютъ и транспортъ великой готовятъ, а куда намѣреніе есть, о томъ знать никто не можетъ. Наши войска подъ командою генерала Вейда стоятъ

въ Мекленбургіи около Ростока и Любека. Ея Величество изволила прибыть въ Амстердамъ. Всепокорно вашу свѣтлость прошу: прикажи не оставить матушки и дѣтей моихъ въ своей высокой княжей милости.

Изъ Кале,
Апрѣля въ 20 д.
1717 году.

Какъ кажется, о намѣреніи Петра Великаго посѣтить Брестъ нигдѣ, ни у современныхъ, ни у позднѣйшихъ писателей, не говорится. Между тѣмъ свѣдѣніе это, встрѣчающееся, изъ числа писемъ спутниковъ Петра во Францію, только у Олсуфьевыхъ, подтверждаетъ взглядъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ, начинающихъ думать, что Петръ Великій посѣтилъ Францію не столько съ политическою цѣлью, сколько изъ желанія удовлетворить своей необычайной любознательности.

Весьма многое высказанное, а еще болѣе недоговоренное, въ мемуарахъ того времени и въ перепискѣ Петра съ Екатериною убѣждаетъ въ правильности этаго взгляда. Самое распредѣленіе времени пребыванія его въ Парижѣ, изъ котораго такая малая часть была удѣлена на совѣщанія съ государственными людьми Франціи, не указываетъ на политику, какъ на главное побужденіе къ этому путешествію. Версаль, Сенъ-Клу, Марли и Тріанонъ были, кажется, гораздо болѣе удостоены вниманія Царя, нежели Парижъ съ Палерояломъ, тогдашнимъ средоточіемъ государственной жизни Франціи. Не имѣется никакихъ свѣдѣній, чтобы Петръ видѣлся съ министромъ иностранныхъ дѣлъ маршаломъ Юкселемъ (Huxelles) или съ главнымъ выдающимся дѣльцомъ политики Регента, аббатомъ Дюбуа, только что получившимъ, вслѣдствіе удачно проведенныхъ имъ переговоровъ съ Англійскимъ королемъ, окончившихся заключеніемъ союза въ Гагѣ (Quadruple Alliance), мѣсто въ совѣтѣ регентства. Съ другой стороны есть положительныя данныя, что Петръ не имѣлъ никакихъ сношеній съ принцами королевскаго дома, которые пользовались при регентствѣ гораздо большимъ вліяніемъ, нежели въ предъидущія и послѣдующія правленія.

Наконецъ, надобно признать, что образъ жизни Петра Великаго въ Парижѣ, а въ особенности въ окрестностяхъ его (депеши папскаго Нунція Бентивогліо, Записки Сенъ-Симона, Дюкло и друг.), не совсѣмъ соотвѣтствовалъ преслѣдованію какой-нибудь высокой политической цѣли. Иначе держалъ себя Петръ въ Берлинѣ, Варшавѣ, Дрезденѣ и Копенгагенѣ, гдѣ онъ работалъ надъ рѣшеніемъ задачъ, имѣвшихъ дѣйствительно громадное историческое значеніе, и—всегда рѣшалъ ихъ на пользу и славу Россіи.

Указываютъ на достиженіе дипломатами Петра Амстердамскаго трактата, отъ 4-го Августа 1717, значеніе котораго, кажется, преувеличиваютъ. Одинъ

только пунктъ его, третій, благопріятенъ, и то лишь до извѣстной степени, Россіи, гарантируя неболѣе какъ нейтралитетъ Франціи въ случаѣ продолженія борьбы съ Швеціею.

Постоянныя дипломатическія сношенія Франціи съ Россіею, еще долгое время послѣ посѣщенія Петромъ Великимъ, продолжають не существовать, какъ не существовали и прежде (Vandal, Louis XV et la Cour de Russie); состоявшееся позднѣе посольство Кампредона имѣло характеръ только временнаго порученія, относившагося столько же до Шведскаго правительства, сколько до Русскаго. Выраженное Царемъ желаніе видѣть постояннаго Французскаго резидента въ Петербургѣ не было уважено Регентомъ, быть можетъ отчасти оттого, что persona gratissima въ этомъ случаѣ долженъ былъ быть monsieur Вертонъ, метрдотель герцога Орлеанскаго, устроитель пирушекъ въ Марли и Тріанонѣ, приводившихъ въ недоумѣніе даже людей пріученныхъ Регентомъ къ оргіямъ Палерояля.

Слава геніальнаго преобразователя Россіи слишкомъ велика, его значеніе во всемірной исторіи всѣми, даже врагами, такъ безусловно признано, что они никакъ не потеряютъ своего обаянія, ежели даже допустить предположеніе, что въ глазахъ Петра Великаго, какъ бы предугадавшаго воззрѣніе почти всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ въ Парижъ Россіянъ, городъ этотъ былъ прежде всего столицею утѣхъ и забавъ.

21.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Парижъ, Мая 3 дня 1717 году.

Вашей свѣтлости милостивѣйшее писаніе изъ Петербурга отъ 1-го числа прошедшаго мѣсяца я съ великимъ почтеніемъ принялъ, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе.

Что же принадлежитъ о здѣшнихъ вашей свѣтлости донесть: Его Царское Величество прибылъ благополучно въ сей городъ 26 прошедшаго мѣсяца въ 9 часовъ пополудни, изволилъ быть въ старомъ домѣ королевскомъ, называемой Лювръ, съ полчаса, который былъ нарочно изготовленъ про Его Величество; но оной домъ Его Величеству за великостію не понравился. Сегодня изволилъ стать въ домѣ, называемомъ Лотель де-ла-Дигіеръ, и въ 29 д. Апрѣля королевское величество отдалъ первую визиту Его Величеству и принятъ былъ отъ Его Величества на нижнемъ крыльцѣ близъ кареты, гдѣ имѣли ихъ вели-

чества дискурсы нѣсколько минутъ, а потомъ изволили пойти вверхъ и, пришедъ въ спальню, изволили сѣсть на приготовленныхъ мѣстахъ отъ грандъ-церемоніймейстера, въ креслахъ, имѣли дискурсъ нѣсколько минутъ. Его Величество изволилъ говорить чрезъ князя Куракина, а королевское величество чрезъ губернатора своего маршала Девилеруа. И потомъ изволили встать и были на галереѣ нѣсколько минутъ; потомъ королевское величество пошелъ до кареты, и Его Величество пошелъ провожать до кареты, и при разставаніи имѣли между собою близъ кареты дискурсъ, которой состоялъ въ зѣло учливыхъ терминахъ отъ обѣихъ сторонъ. Такимъ же образомъ назавтра Его Величество изволилъ насупротивъ отдать королевскому величеству визитъ.

Всепокорнѣйше вашу свѣтлость прошу: прикажи меня содержать въ своей княжеской милости и не оставить матушки и дѣтей моихъ.

Оберъ-церемоніймейстеромъ Французскаго двора былъ въ то время маркизъ Дрё (Dreux). Не видно, чтобы бережливый Царь далъ ему при отъѣздѣ какой либо подарокъ, и маркизъ, безсомнѣнно немало разсчитывавшій вмѣстѣ со всѣмъ Французскимъ дворомъ не только на щедрость, но и на расточительность „Царя Сѣвера“, долженъ былъ, какъ почти всѣ придворные Регента, сильно разочароваться въ своихъ надеждахъ.

Это письмо, исключая нѣкоторыхъ незначительныхъ прибавленій, представляетъ почти совершенно дословную копію съ того, что̀ записано подъ тѣмъ числомъ въ Журналѣ Петра Великаго и что̀ перешло потомъ во всѣ его исторіи. Это заставляетъ предполагать, что Петръ или сообщалъ содержаніе своего Журнала Матвѣю Дмитріевичу, или, что̀ вѣроятнѣе, поручалъ ему вести оный во время его пребыванія въ Парижѣ, при множествѣ занятій отвлекавшихъ его отъ этого дѣла.

22.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе изъ Питербурха отъ 19 дня прошедшаго мѣсяца я принялъ, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе. О здѣшнемъ вашей свѣтлости доношу: въ началѣ Его Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи.

Всепокорно и всенижайше вашу свѣтлость прошу: прикажи меня одолжить одною тысячью рублями денегъ до пріѣзду моего, которые по прибытіи своемъ вашей свѣтлости заплатить повиненъ, и ежели ваша княжая свѣтлость, по своей ко мнѣ высокой милости, учинить изволите, то прошу, прикажи оную сумму выдать Петру Мошкову съ роспискою.

Нашъ путь отсель къ водамъ въ первыхъ числахъ Іюня, а оттуда къ Питербурху въ Іюлѣ мѣсяцѣ около половины.

Парижъ, Іюня 21 д.
1717.

Получено Іюля 13 д. 1717 г. черезъ почту.

На письмѣ этомъ ясно обозначено Іюня 21; но это очевидная ошибка, замѣченная самимъ Меншиковымъ: оно писано въ Маѣ.

23.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Его Величество, слава Богу, обрѣтается въ добромъ здравіи и вчерашняго дня изволилъ сюда изъ Версали прибыть для процессіи, которая была. Однако Его Величество сначала той процесіи не засталъ, а засталъ ихъ обѣдню и служеніе (1); былъ кардиналъ. И завтрашняго числа изволитъ отселя ѣхать въ другія мѣста для смотрѣнія домовъ и городовъ, а потомъ опять въ Версалію. А сколько тамъ изволитъ забавиться, о томъ заподлинно до-

несть не могу, только изволилъ разговаривать съ другими, чтобъ къ водамъ поспѣть къ осмому или десятому числу Іюня, а отъ водъ въ Амстердамъ; только много забавляться*) не будетъ, и чаемъ съ половины кончая **) Іюля мѣсяца ѣхать въ путь свой въ Петербурхъ.

Всепокорно и всенижайше вашу свѣтлость прошу: прикажи меня по своей ко мнѣ высокой милости одолжить одною тысячью рублями денегъ взаймы для отдѣлки домишку моего, и ежели ваша свѣтлость изволите приказать выдать, то прошу прикажи отдать Петру Мошкову (2) съ роспискою, которые вашей свѣтлости по прибытіи своемъ не медля заплатить повиненъ (3). Инако и болѣе вашей свѣтлости доносить не имѣю.

Парижъ,
Мая 17 д.
1717 году.

1) Это была процессія Божьяго Тѣла (Fête-Dieu), и обѣдню въ этотъ день служилъ въ соборѣ Пресв. Богородицы (Notre Dame) архіепископъ Парижскій кардиналъ Ноайль (Noailles).

2) Петръ Мошковъ, гофъ-интендантъ, изъ придворныхъ служителей; впослѣдствіи, при императрицѣ Екатеринѣ, дошелъ до нѣкотораго значенія и имѣлъ собственный домъ въ Петербургѣ на мѣстѣ, гдѣ теперь переулокъ, носящій до сихъ поръ его имя. Его два брата были въ числѣ приближенной царской прислуги.

3) Заемъ этотъ нелегко дался Матвѣю Дмитріевичу. Ученикъ Петра Великаго, князь Александръ Даниловичъ, такъ же какъ и самъ Царь, былъ необыкновенно скупъ на казенныя деньги, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло шло не о немъ самомъ. При всѣхъ своихъ обширныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, онъ, какъ видно изъ переписки его по этому предмету съ Олсуфьевымъ, вникалъ въ подробности каждой затраты изъ государевой казны, даже когда дѣло шло только о займѣ не очень значительной суммы, для лица пользовавшагося его особымъ расположеніемъ и находившагося съ нимъ, какъ явствуетъ изъ многочисленныхъ его отписокъ на всѣ письма Олсуфьева, почти въ дружескихъ отношеніяхъ. 9-го Іюня Меньшиковъ, какъ видно, рѣшился выдать эту просимую тысячу рублей подъ росписку Мошкову и по этому случаю писалъ Матвѣю Олсуфьеву:

„Черезъ сію ординарную (т. е. черезъ почту, а не съ особымъ курьеромъ) инаго не находимъ что̀ вамъ объявить кромѣ того, что здѣсь при помощи Божіей все благополучно, а особливо ихъ высочества, какъ Государь Царе-

*) Не въ нынѣшнемъ смыслѣ *потѣшаться*, а въ старинномъ смыслѣ *пребывать, оставаться* (отъ словъ *быть, бывать*). П. Б.

**) По нынѣшнему *конечно*. П. Б.

вичъ, такъ и Царевны Государыни, въ добромъ и здравомъ обрѣтаются состояніи; при томъ же зѣло васъ благодаримъ за вашу къ намъ любовь, о которой свѣдомы чрезъ письмо господина Волкова, за что долженствуемъ вашей милости въ чемъ возможемъ услужить. За ваши же два пріятныя писанія отъ 20 Апрѣля изъ Кале и отъ 17-го Мая изъ Парижа и за поданное намъ потребнѣйшее увѣдомленіе по премногу благодарствуемъ, прося да и впредь оными забвенны не будемъ, за что вамъ паки должны служить, и нынѣ по желанію вашему для постройки дому вашего 1000 рублевъ денегъ взаймы, до прибытія вашего, изъ Губернской Канцеляріи съ роспискою господину Мошкову выдать велѣлъ, о чемъ я письмо посылаю".

Матвѣй Дмитріевичъ, получивъ это письмо, уже считаетъ деньги полученными и спѣшитъ благодарить свѣтлѣйшаго князя; но свѣтлѣйшій, какъ видно, тѣмъ временемъ пообдумалъ это дѣло и, вникнувъ въ него поглубже, уже 14-го Іюня вновь пишетъ Олсуфьеву:

„Письмо вашей милости отъ 21-го Мая (въ подлинникѣ повторенно ошибочно выставленное на письмѣ Олсуфьева числа 21 Іюня), а какимъ штилемъ изображено не вѣдаемъ, я здѣсь исправно получилъ; за которое, а особливо за обстоятельное о тамошнихъ обращеніяхъ увѣдомленіе, вашей милости благодарствую. Чтоже изволите упомянуть о ссудѣ на ваши потребы денегъ, и о томъ я Мошкову предлагалъ, который мнѣ объявилъ, что въ домѣ вашемъ въ деньгахъ ни малой нужды нѣтъ, понеже за проданной вамъ здѣсь хлѣбъ денегъ получено довольно, которыми могутъ они здѣсь безъ всякой нужды заняться (т. е. достраивать на эти деньги домъ), и въ томъ, хотя занявъ, также и прочимъ что̀ потребно, извести и другіе припасы, во истину служить не оставлю."

Нечего было дѣлать; пришлось Матвѣю Дмитріевичу сознаться, что деньги эти ему нужны не для постройки дома и не въ Петербургѣ, а въ Голландіи для возвраты Бранту денегъ, взятыхъ у него на покрытіе разныхъ экстраординарныхъ расходовъ въ Парижѣ (которыя онъ не желалъ, видно, дѣлать извѣстными своимъ оставшимся въ Петербургѣ домашнимъ, довѣряясь только выведенному имъ въ люди Мошкову).

Получивъ эту откровенную исповѣдь, Меншиковъ смягчился и, какъ видно изъ послѣдующихъ писемъ М. Д. Олсуфьева, просимая сумма была ему выдана.

24.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивѣйшее писаніе, отъ 19-го минувшаго Апрѣля, я здѣсь съ должнымъ моимъ почтеніемъ получилъ и какъ за оное, такъ и за поздравленіе праздникомъ Святыя Пасхи, вашей свѣтлости премного благодарствую и прошу содержагь мѣня въ своей непремѣнной милости. О здѣшнемъ доношу вашей свѣтлости, что Ея Величество, Государыня Царица, за помощію Всевышняго обрѣтается въ добромъ здравіи и сего числа изволитъ идти для гулянія на дворъ загородной господина Христофора Бранта, имянуемой Петербургъ. А Его Царское Величество еще въ Парижѣ обрѣтается, и писали сюды, что изволитъ быть въ Версали и идти въ Брестъ.

Амстердамъ,
Мая 11 дня (1717).

Въ отсутствіе супруга, Екатерина большею частью жила въ загородномъ домѣ Соловьева близъ Амстердама, называвшемся Haarlemer Hout, и только для прогулокъ и для устраиваемыхъ въ честь ея праздниковъ посѣщала дачу Бранта Петербургъ.

25.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивѣйшее писаніе отъ 31 дня Мая я здѣсь съ почты получилъ и по премногу вашей свѣтлости благодарствую, что не изволите оставлять въ вашихъ милостяхъ, прося покорнѣйше, дабы и впредъ неотмѣнно содержанъ былъ въ вашей высокой милости. О здѣшнемъ вашей свѣтлости только донести имѣю, что Ея Величество, всемилостивѣшая наша Государыня Царица, изъ Петербурга отъ Бранта изволила сюда возвратиться вчерашняго дня, а о Его Царскомъ Величествѣ имѣемъ вѣдомости, что изъ Парижа походъ свой въ Спаа воспріять изволилъ въ самой Троицынъ день и на куръ *) пройти изволилъ 14 числа сего мѣсяца. И тако чаемъ теперь изволитъ употреблять тамошнія воды; дай Боже во здравіе.

Амстердамъ.
21 Іюня 1717 году.

Получено чрезъ почту Іюля 7-го 1717 года. Отвѣтствовано.

*) Т. е. на лѣченіе. П. Б.

26.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе, изъ Питербурха Мая отъ 13 дня, я получилъ, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе. О здѣшнемъ состояніи доношу въ началѣ: Его Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, сюда изволилъ прибыть вчерашняго дня благополучно, и сего числа изволилъ принимать проносное лекарство, а завтрешняго числа изволитъ пустить кровь, а 20 числа изволитъ употреблять воды, и желаемъ, дабы оныя воды дѣйство свое показали. Всепокорно прошу вашу свѣтлость, прикажи одолжить 1000 рублями денегъ взаймы, которыя по прибытіи своемъ вашей свѣтлости заплатить повиненъ, на что буду ожидать вашей свѣтлости милостиваго писанія.

Шпа, Іюня 19 д.
1717 году.

Получено чрезъ почту Іюня 18 дня, отвѣтствовано 19 дня.

27.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе изъ Питербурха отъ 3-го дня прошедшаго Іюня получилъ здѣсь 27-го, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе.

О здѣшнемъ вашей свѣтлости доношу: Его Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи и, отпивъ здѣшнія воды, изволитъ путь свой воспріять съ 8 или съ 9 числа сего мѣсяца въ Ахенъ, а оттоль въ Мастрикъ, даже и до Амстердама водою и тамъ изволитъ забавиться съ двѣ недѣли, или больше, а потомъ въ путь свой къ Петербурху, развѣ нѣсколько дней изволитъ быть въ Берлинѣ.

Шпа, Іюля 1 дня
1717 году.

Получено чрезъ почту Іюля въ 21 д. 1717 году. Отвѣтствовано 22 дня Іюля.

28.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивыя писанія изъ Петербурха, одно отъ 9, другое отъ 14 прошедшаго мѣсяца, я здѣсь получилъ одно 3, другое сего Іюля 7 числа, за которыя вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе. А что же изволите упоминать о милостивомъ своемъ милосердіи ко мнѣ, что приказалъ выдать для моей собственной домовной нужды тысячу рублей денегъ, о которыхъ господину Мошкову отъ вашей свѣтлости повелѣно принять, который донесъ вашей свѣтлости, что нынѣ ему въ нихъ нужды нѣтъ; хотя онъ вашей свѣтлости о томъ и донесъ, однако я покорно прошу, дабы приказалъ оную сумму выдать, понеже я долженъ здѣсь господину Бранту нѣсколькими стами ефимками.

О здѣшнемъ вашей свѣтлости доношу, что Его Величество, слава Богу, обрѣтается въ добромъ и здравомъ состояніи и изволитъ употреблять здѣшнія воды, отъ которыхъ желаемъ всякаго добраго дѣйствія и окончать изволитъ оныя воды сего Іюля 14 дня и того жъ числа изволитъ путь свой воспріять въ Ахенъ, который отселя въ семи часахъ, и тамъ изволитъ побыть два дни, а оттоль въ Мастрикъ, а изъ Мастрика до Амстердама водою.

Шпа, Іюля 8 дня 1717 году.
Получено чрезъ почту Іюля въ 28 день 1717 году.

Это послѣднее письмо М. Д. Олсуфьева изъ путешествія 1716—1717 годовъ; 9-го Октября онъ свидѣлся съ своимъ корреспондентомъ княземъ Меншиковымъ, выѣхавшимъ на встрѣчу Царя, прибывшаго въ Кронштадтъ съ Ягужинскимъ, Макаровымъ, Олсуфьевымъ и священникомъ Иваномъ Хрисанфовымъ (Голиковъ). Священникъ этотъ былъ очень любимъ, какъ веселый собесѣдникъ, Петромъ, съ которымъ былъ и въ Парижѣ, гдѣ по словамъ Сенъ-Симона немало удивлялъ Французовъ своимъ необычайнымъ апетитомъ и непомѣрною жаждою. Екатерина въ письмѣ къ Меншикову отъ 7-го Іюля 1720 г. упоминаетъ о священникѣ Биткѣ (кажется, прозвище), какъ о человѣкѣ очень близкомъ Петру, и описываетъ его смерть отъ апоплексіи. Не одно ли и тоже это лицо съ Иваномъ Хрисанфовымъ, застольные подвиги котораго могли предвѣщать подобный конецъ?

29.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости, моего милостиваго государя, милостивѣйшее писаніе, посланное изъ Питербурха отъ 15-го Іюля, здѣсь я получилъ Августа 4-го дня, за которое вашей свѣтлости, моему государю, много благодарствую и о здѣшнемъ состояніи вашей свѣтлости доношу, что Ихъ Величества, нашъ всемилостивѣйшій Государь и Государыня Царица, здѣсь за помощію Божіею обрѣтаются въ добромъ состояніи и отсель изъ Голландіи намѣрены ѣхать до своихъ краевъ съ половины Августа, токмо повидимому до 20 числа проживутъ и что̀ будетъ впредъ слѣдовать, о томъ вашей свѣтлости съ моею покорностію доносить буду.

Амстердамъ,
Августа 6 дня (1717).

Получено черезъ почту Августа въ 23 день 1717 года.

30.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе, посланное изъ Петербурха отъ 8 Іюля, здѣсь получено 28, за которое вашей свѣтлости, моему премилостивому государю, много благодарствую и впредъ чтобъ не лишенъ вашимъ милостивымъ писаніемъ. О здѣшнемъ состояніи вашей свѣтлости, моему государю, доношу, что Его Величество, нашъ всемилостивѣйшій Царь и Государыня Царица, за помощію Божіею обрѣтаются въ добромъ состояніи и вчерашняго числа изволили пойтить въ Петербургъ къ господину Бранту и тамъ изволятъ мѣшкать три дня, потомъ изволятъ итить въ Утрехтскій каналъ. Здѣсь въ Голандіи изволитъ пробыть до половины Августа и съ половины Августа кончая изволитъ идтить до своихъ краевъ.

Амстердамъ,
Іюля 30 дня 1717 году.

Получено Августа 15 дня, и отвѣтствовано.

31.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Въ нынѣшнемъ Декабрѣ мѣсяцѣ, ѣдучи изъ Петербурга за Царскимъ Величествомъ, попались мнѣ на дорогѣ, не доѣзжая Ядринскаго Яму, шли крестьянишки мои Кашинской моей деревни съ столовыми всякими припасы и съ лошадьми и подводами. Они мнѣ на дорогѣ подали письмо, въ которомъ написано, что Декабря въ 15 числѣ на Яму въ Яжолобицахъ стоящіе ямщики на подставѣ Ядровскіе и Зимнегорскіе били тѣхъ моихъ мужиковъ и грабили, а кто ихъ билъ и грабилъ, о томъ свѣдомъ господинъ капитанъ Семеновскаго полку Петръ Веньяминовъ. И дали ему письмо, кто ихъ билъ, а именно ихъ же Зимнегорской ямщикъ Захарій Дороѳѣевъ съ товарищи.

И пріѣхавъ на Вышній-Волочекъ, просилъ о томъ бою и грабежу Царскаго Величества, дабы повелѣно было въ Петербургѣ розыскать вашей свѣтлости, о чемъ и челобитье мое на нихъ и письмо къ вашей свѣтлости съ Вышняго Волочка на почтѣ посланы.

Прошу вашу свѣтлость, прикажи по оной челобитной подлинной розыскать.

Изъ Москвы, Декабря 23 дня 1717 году.

М. Д. Олсуфьевъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и всѣмъ дворомъ, сопровождали Государя и Государыню въ ихъ поѣздкѣ въ Москву, куда Петръ выѣхалъ изъ Петербурга 15 Декабря 1717 г. Главная цѣль этой поѣздки было открытіе суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, который былъ доставленъ въ Москву 3 Февраля 1718 года. Царь вмѣстѣ съ Екатериною возвратился въ Петербургъ 24 Марта *).

*) Это была пора страшныхъ казней и истязаній, отъ которыхъ не избавились даже лица изъ высшаго духовенства. Замѣчательно, что жестокость овладѣвала душою великаго государя оба раза по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ, въ 1698 и 1717 годахъ: геніальный человѣкъ вслѣдъ за тѣмъ обагрялъ свои царскія руки въ крови подданныхъ. П. Б.

32.

От Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Ихъ Величества, слава Богу, обрѣтаются во всякомъ благополучномъ здравіи.

Еще вашей свѣтлости доношу: въ домѣ вашей свѣтлости во всемъ благополучно, и Его Величество 2 дня сего мѣсяца изволилъ со всѣмъ соборомъ славить и зѣло изрядно веселились, изволилъ самъ подносить по первому стакану всѣмъ, потомъ господинъ адмиралъ. Только недолгое время тому было, изволили учинить изъ вашего дому роспускъ. Впрочемъ донесть вашей свѣтлости иного ничего не имѣю.

Генваря 4 дня 1718 г. (Москва).

Черезъ мичмана, въ 8 д. Генваря.

Помѣтка полученія этаго письма, отъ 8-го Января, свидѣтельствуетъ о быстрой ѣздѣ царскихъ тогдашнихъ курьеровъ или ѣздоковъ.

33.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости, моего государя, милостивое писаніе изъ Петербурха отъ 23 Генваря здѣсь я получилъ Февраля 1-го дня, всепокорно благодарствую; о здѣшнемъ состояніи Вашей свѣтлости доношу, что за помощію Божіею во всемъ благополучно, и Его царское Величество изволитъ путь свой воспріять на пестрой недѣлѣ на Олонецъ; Ея Величество Государыня Царица изволитъ итить въ Питербурхъ; иного къ доношенію вашей свѣтлости не имѣю, токмо здравіе ваше отдаю въ сохраненіе Божіе.

Февраля 1 дня (1719).
Изъ Преображенскаго.
Чрезъ Маврина.

34.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: сего Генваря 26 дня Его Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, изволилъ сюда прибыть во всякомъ благополучномъ здравіи; Ея Величество изволила сюда прибыть сего числа, также въ добромъ здравіи, и 28 дня поутру путь свой воспріимутъ къ водамъ; дай Боже, чтобъ оныя воды дѣйство Ихъ Величествамъ показали (1).

Еще вашу свѣтлость поздравляю со днемъ рожденія Ея Высочества Государыни царевны Анны Петровны (2), и сего числа Его Величество изволилъ кушать въ квартирѣ Ея Величества Государыни Царицы Парасковьи Өеодоровны (3).

Покорно прошу вашу свѣтлость: прикажи не оставить въ своей княжеской свѣтлости матушки и жены моей, за что̀ вашей свѣтлости съ покорностію со всею фамиліею служить буду. Иного къ доношенію сообщить не имѣю.

Съ Петровскихъ Заводовъ (4).
Генваря въ 28 д. 1719 г.

1) Выѣхавъ изъ Петербурга 19-го Января 1719 г., Петръ прибылъ на заводы только 26-го, будучи задержанъ болѣзнью въ Свирскомъ монастырѣ съ 21-го по 25-е Января.

2) Рожденіе царевны Анны Петровны было 26-го Января 1707 года.

3) Царица Прасковья Өеодоровна точно также вѣрила въ цѣлебныя свойства Марціальныхъ Олонецкихъ водъ какъ Петръ: она часто ими пользовалась и имѣла на Кончезарскихъ заводахъ свой отдѣльный домъ, остатки котораго по сіе время существуютъ, подъ именемъ Петровскаго дворца.

4) Теперешній Петрозаводскъ.

35.

Отъ Василья Дмитріевича.

Вашей свѣтлости, моему премилостивому государю, покорно доношу, что здѣсь Его Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, и Государыня Царица обрѣтаются въ добромъ здоровьи и изволятъ употреблять воду. Ихъ Величеству вода дѣйствуетъ изрядно. Послалъ я къ вашей свѣтлости съ денщикомъ вашимъ здѣшней воды двѣ бутылки, закупоря накрѣпко и окутавъ.

Отъ Марціальныхъ водъ,
Февраля 2 дня 1719 г.

Получено черезъ деньщика Мазурина, Февраля 6 дня. Отдано къ спискѣ Февраля 6 дня 1719 года.

Марціальныя *), желѣзистыя воды, близъ Кончезарскихъ заводовъ, Олонецкой губерніи, были открыты крестьяниномъ Иваномъ Рибаевымъ, въ домѣ у котораго Петръ и жилъ во время этаго пребыванія. Онъ очень вѣрилъ въ цѣлебную силу этихъ водъ, нынѣ совершенно забытыхъ, и даже указомъ Сенату объявилъ, что онѣ должны считаться выше водъ въ Спа. Второй разъ онъ посѣтилъ ихъ въ такое же неурочное для леченія время, въ 1720, и къ этому пріѣзду были построены при водахъ четыре предназначенные для царскаго семейства дома. Развалины одного изъ нихъ до сихъ поръ еще существуютъ.

По взглядамъ современной бальнеологіи можно сомнѣваться, чтобы желѣзистыя воды, къ которымъ съ такимъ явнымъ предпочтеніемъ обращался Петръ (Пирмонтъ, Спа, Олонецкія, Липецкія и другія, имъ открытыя между Москвою и Калугою на заводахъ Миллера) могли возстановить его здоровье, разрушенное уже никакъ не малокровіемъ.

*) Отъ желѣзнаго бога Марса. П. Б.

36.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости доношу: Ихъ Величество прошедшаго Генваря съ 30 числа начали употреблять здѣшнія воды, отъ которыхъ желаемъ Ихъ Величеству здравія, и слава Богу съ помощію Вышняго оныя воды показываютъ свое дѣйство. Иного вашей свѣтлости доносить не имѣю, токмо покорно прошу: прикажи не оставить въ своей высокой милости матушки и жены моей, за что долженъ вашей свѣтлости съ покорностію служить.

Еще вашу свѣтлость покорно прошу: прикажи указъ учинить по моей выпискѣ о Кашинскихъ моихъ деревняхъ, чтобъ всякія государевы подати сбираемы были противъ моей братьи помѣщиковъ, а не противъ монастырскихъ.

Отъ Марціальныхъ водъ.
Февраля 2 дня 1719 г.

Получено чрезъ денщика Мазурина, Февраля 6 дня.

Петръ также мало жаловалъ монаховъ, какъ и подражательница его Екатерина II, и ежели онъ не рѣшился на ея смѣлую мѣру въ отношеніи монастырскихъ имѣній, то это не потому, чтобы онъ не сознавалъ противорѣчія между душевладѣніемъ и тѣми обѣтами, которые должны бы руководить монашествомъ. Онъ цѣлымъ рядомъ мѣръ, иногда довольно крутыхъ, старался уменьшить значеніе этаго владѣнія. Одною изъ нихъ было весьма несоразмѣрное обложеніе подушнымъ сборомъ монастырскихъ имѣній въ сравненіи съ дворцовыми, помѣщичьими и другими. Изъ росписи на 1725 г. видно, что съ монастырскихъ и архіерейскихъ имѣній взималось этаго сбора 204.887 р., тогда какъ со всѣхъ прочихъ крестьянъ Россіи его поступило только 4.288.246 р. Кромѣ того, монастыри обязаны были, независимо отъ продовольствія приписанныхъ къ нимъ инвалидовъ, офицеровъ и солдатъ, отпускать натурою провіантъ на извѣстныя части войскъ. Отсюда понятна просьба Матвѣя Дмитріевича не смѣшивать его Кашинскія вотчины съ монастырскими имѣніями.

37.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Ихъ Величества при здѣшнихъ водахъ обрѣтаются въ добромъ здравіи и съ 16 дня сего мѣсяца изволятъ путь свой воспріять на мѣдные заводы и тамъ изволятъ ночевать, а потомъ съ 17 числа изволятъ идти на Петровскіе заводы и побудутъ нѣсколько времени, а потомъ въ Петербургъ.

Всепокорно вашей свѣтлости прошу: прикажи не оставить своей высококняжеской милости жены моей.

От Марціальныхъ Олонецкихъ водъ.
Февраля 15 дня 1719.

Получено чрезъ курьера Шевцова. Февряля 18 дня.

38.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Его Величество, слава Богу, обрѣтается въ добромъ здравіи, и сего числа изволилъ сюда прибыть благополучно.

Сего жъ числа Его Величество изволилъ перемѣнять чинами, которые были на морской баталіи (1): господинъ Синявинъ въ капитанъ-командоры, протчіе повышены капитанствомъ, гардемаринъ въ мичманы, камандору и капитанамъ знаки золотые съ цѣпьми, унтеръ-офицерамъ серебряные, имъ же всѣмъ вообще объявлено денегъ 11.000 рублевъ.

И такъ болѣе вашей свѣтлости доносить не имѣю.

Съ корабля Ингерманландъ (2), стоящаго при Ревелѣ.
Іюня 17 дня 1719 г.

Получено 23 дня Іюня 1719 году,

1) Морское сраженіе при Дагерордѣ, 24 Мая 1719 г., въ которомъ капитанъ Наумъ Акимовичъ Сенявинъ, дядя жены М. Д. Олсуфьева, разбилъ на голову Шведскую эскадру и взялъ въ плѣнъ три корабля съ 98-ю пушками.

2) „Ингерманландъ“ былъ любимый корабль Петра Великаго, который на немъ сдѣлалъ почти всѣ свои морскія кампаніи. Только въ 1723 году перенесъ онъ свой флагъ на вновь построенный корабль „Екатерину“ и съ сожалѣніемъ разставался съ своимъ боевымъ кораблемъ, какъ бы предчувствуя, что на „Екатеринѣ“ ему не суждено болѣе пожинать лавры морскихъ побѣдъ. Въ разговорѣ съ герцогомъ Голштинскимъ 26 Марта 1723 года, Петръ сказалъ, что: „онъ оставляетъ Ингерманландъ не потому, чтобы онъ былъ негоденъ для дальнѣйшей службы, а только, чтобы сохранить его для вѣчнаго воспоминанія и не выводить болѣе изъ гавани, дабы онъ со временемъ какъ-нибудь не пострадалъ на морѣ, такъ какъ онъ на немъ командовалъ четырьмя флотами въ 1716 году.“

Неизвѣстно почему, желаніе создателя нашей морской силы не было исполнено, и почему нашъ флотъ, столь ревниво и зорко берегущій всѣ преданія и воспоминанія своей славной боевой службы, не сохранилъ въ спискахъ своихъ судовъ доблестное имя знаменитаго „Ингерманланда“.

39.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: въ началѣ Его Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, слава Богу, обрѣтается въ добромъ здравіи.

Поздравляю вашу свѣтлость симъ днемъ тезоименитства Его Царскаго Величества и желаю вамъ, дабы въ радости препроводить и въ скоромъ времени очи его видѣть счастливымъ своимъ пріѣздомъ.

Вчерашняго дня отправленъ изо флоту господинъ капитанъ-поручикъ Мишуковъ съ галерою къ острову Аланту, который велѣлъ вашей свѣтлости отдать нижайшій поклонъ купно со всею фамиліею, также и своей нарѣченной невѣстѣ, а за скоростію сей посылки его, писемъ до вашей свѣтлости писать не успѣлъ.

Прошу вашу свѣтлость: прикажи не оставить домашнихъ моихъ, въ чемъ имѣю на вашу свѣтлость надежду.

Отъ Гангута,
21 дня (Іюня) 1719 г.

Этотъ нѣсколько фамиліарный тонъ, который поручикъ беретъ въ отношеніи могущественнаго и гордаго князя Александра Даниловича, объясняется

тѣмъ, что Захаръ Мишуковъ былъ женихомъ его племянницы, вдовы Леонтьевой, съ которой въ Ноябрѣ этого же года онъ и повѣнчался. Леонтьева не была долго за своимъ первымъ мужемъ, племянникомъ канцлера графа Головкина. Изъ писемъ Екатерины къ Меншикову въ 1717 году видно, что Царица старалась склонить Головкина на эту свадьбу, которая Гавріилу Ивановичу почему-то не нравилась.

40.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашему свѣтлѣйшеству въ покорности имѣю донести, что Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, обрѣтается здѣсь въ цѣломъ суть здравіи.

Флотъ корабельный вчерашняго числа отъ здѣшняго гавана подъ командою шаутбенахтовъ Сиверса и Гордона (1) отпустился въ море, которому повелѣно слѣдовать къ острову Аланту, куды сего числа и Царское Величество на галерѣ своей и со обрѣтающеюся здѣсь галерною эшквадрою идти изволитъ же (2), а что̀ впредь здѣсь будетъ чиниться вашу свѣтлость безъ извѣстія не учиню. Впротчемъ прошу покорно еже бы домишка мой въ приключившихся нуждахъ по высокой вашей милости не былъ оставленъ.

За галеры Французской (3).
изъ Гангута, при отпускѣ
въ маршѣ въ 2 д. Іюля 1719.

1) Петръ Ивановичъ Сиверсъ поступилъ изъ Датской службы, умеръ въ 1740 г. адмираломъ. Гордонъ, Томасъ, племянникъ знаменитаго Патрика Гордона, былъ принятъ на службу въ Парижѣ въ 1717 г. Въ послѣдствіи адмиралъ и президентъ адмиралтейства, умеръ въ 1741 г.

2) Петръ Великій по болѣзни не могъ идти съ корабельнымъ флотомъ къ Аландскимъ островамъ; но, не желая ослабить его боевой силы, не оставилъ при себѣ лучшаго корабля эскадры, знаменитаго Ингерманланда, и поэтому перешелъ на галеру; но, почувствовавъ облегченіе, уже на другой день послѣдовалъ за корабельнымъ флотомъ (Журналъ и письма къ Апраксину).

3) Это была галера образца или, какъ тогда называли, „маниры“ Французской. Такихъ маниръ было въ нашемъ галерномъ флотѣ три: Французская, Венеціанская и Турецкая.

41.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Его Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, изволилъ сюда прибыть сего мѣсяца 5-го числа во всякомъ благополучномъ здравіи. Господинъ генералъ-адмиралъ изволилъ сюда съ протчими прибыть 6 дня и господа министры, а сего 8 числа прибылъ нашъ корабельный флотъ въ добромъ здравіи.

Господинъ бригадиръ Лефортъ (1) изъ Стокгольма пріѣхалъ и сказывалъ, что въ Швеціи великую имѣлъ во всемъ нужду, и подлой народъ зѣло къ миру склоненъ, токмо шляхетство къ тому не гораздо склонно, развѣ нынѣ, увидя наши воинскіе корабли и галеры, то могутъ отыскать (?) иную перемѣну. Господа наши полномочные послы еще сюда къ Царскому Величеству не бывали, и вчерашняго числа указъ къ нимъ послали, чтобъ сюда были (2), и что́ по пріѣздѣ ихъ будетъ новаго, о томъ вашей свѣтлости доносить впредъ буду.

Прошу вашу свѣтлость: прикажи не оставить домашнихъ моихъ.

Отъ острова Ламеландъ.
Іюля 8 д. 1719 г.

1) Бригадиръ Лефортъ, въ послѣдствіи генералъ-маіоръ, ѣздилъ въ Швецію поздравлять королеву Элеонору со вступленіемъ на престолъ и передать непосредственно королевѣ предложеніе о мирѣ. Шведское правительство отвѣтствовало посылкою къ Царю бригадира Койста, прибывшаго на Ламеландъ 10 Іюля.

2) Это относится до уполномоченныхъ Россіи на Аландскомъ конгрессѣ, Брюса, Остермана и Ягужинскаго, которые прибыли къ Ламеланду 9-го Іюля.

3) Ламеландъ, самый южный изъ Аландскихъ островов.

42.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу: Его Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, слава Богу обрѣтается здѣсь въ добромъ здравіи.

О здѣшнемъ состояніи вашей свѣтлости доношу: сего числа послѣ полуночи въ 6-мъ часу получена вѣдомость черезъ господина Арсеньева (1) отъ господина генералъ-адмирала графа Апраксина, которую къ нему, Арсеньеву, привезъ на бригантинѣ господинъ поручикъ Черевинъ (2), что съ помощію Вышняго вышепомянутой господинъ съ своею командою въ Шведскіе шеры къ острову къ Калпешеру (?) 11 (3) числа счастливо пришелъ и когда увидѣли наши предъидущія галеры, то Шведы учинили сигналъ пушечною стрѣльбою, пушка за пушкою и маяки зажгли. И симъ вашей свѣтлости поздравляю и желаю, дабы Господь Богъ даровалъ добрую викторію или скорой миръ.

Отъ острова Ламеланда,
Іюля 13 дня 1719.

Приписка.

Вашей свѣтлости милостивыя два писанія, одно отъ 6-го, другое отъ 7-го числа сего мѣсяца, писанныя изъ Петербурга, я сего дня съ покорностію своею получилъ, за которыя также и за неоставленіе домишку моего, о чемъ и впредъ вашу свѣтлость покорно прошу.

Получено черезъ генералъ-адъютанта Полянскаго, Іюля 28 дня.

1) Поручикъ Василій Арсеньевъ, былъ племянникъ или близкій родственникъ княгини Меншиковой. Это можно заключить изъ хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ его писемъ къ Меншикову и его женѣ, въ которыхъ онъ не иначе обращается къ нимъ какъ: государь батюшка и государыня матушка.

2) Василій Черевинъ впослѣдствіи дослужился до капитанъ-командора. Его имя часто встрѣчается въ числѣ немногихъ офицеровъ Русскаго происхожденія, командовавшихъ во время Сѣверной войны отдѣльными судами.

3) Собственно 11-го Іюля никакой баталіи не было. Флотъ подъ начальствомъ графа Апраксина появился у Шведскихъ береговъ около острова Кемпельшера для прикрытія десанта, учиненнаго южнѣе этого острова, отрядомъ, преимущественно казаковъ, подъ командою генералъ-маіора Лесли (его отчего-то многіе историки называютъ Ласси; онъ былъ изъ Шотландской фамиліи Leslie, и поступилъ на Русскую службу изъ Англійской). Лесли дошелъ почти до Стокгольма, откуда можно было видѣть зарево сожигаемыхъ имъ городовъ, селъ и мѣдныхъ заводовъ. Опустошеніе окрестностей Шведской столицы было страшное; и впечатлѣніе его на народонаселеніе было тѣмъ ужаснѣе, что вслѣдствіе обмѣна учтивостей со стороны обоихъ дворовъ, Русскаго и Шведскаго, выразившагося отправленіемъ съ взаимными выраженіями дружбы и желанія мира особыхъ посланцовъ, увѣренность въ скоромъ заключеніи этого мира была всеобщая въ Швеціи.

43.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Покорно вашу свѣтлость прошу: прикажи одолжить двѣ тысячи паръ гонтовъ своего приморскаго мѣста, которое у вашей свѣтлости есть близъ Стрѣлиной мызы, въ которыхъ немалую нужду имѣю и какъ изъ адмиралтейства, сколь скоро достану, того часу вашей свѣтлости толикое жъ число не медля возвращу.

Изъ Дубовой рощи,
Сентября 11 дня 1719.

Къ спискѣ Сентября *) въ 31 д.

Дубки или Дубовая Роща было лѣтнее пребываніе Петра Великаго на берегу Финскаго залива, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга, противъ Петергофа.

*) Т. е. къ отнесенію отвѣта для отправки. П. Б.

44.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу. Его Величество изволилъ путь свой воспріять къ марціальнымъ Олонецкимъ водамъ Февраля 28 дня въ ночь. Ея Величество, всемилостивѣйшая Государыня Царица, изволила путь свой воспріять сего Марта 2 числа (1), въ 1-мъ часу пополудни и въ деревнѣ Колтышахъ (2) господина генералъ-маіора Егушинскаго кушать и въ четвертомъ часу пополудни паки изволила путь свой къ водамъ, и зѣло изрядно веселились. Ея Величество провожали вышеупомянутый господинъ Егушинскій (3), господинъ Макаровъ (4), господинъ Кошелевъ (5) и прочіе. Принужденъ и я хворый Ея Величество проводить до вышеупомянутой деревни и того дня назадъ паки въ Петербургъ возвратился. Ихъ высочества и великій князь и великая княжна (6) слава Богу обрѣтаются въ добромъ здравіи.

Также и ваша любезнѣйшая дщерь (7), слава Богу, обрѣтается въ добромъ здравіи. Иного болѣе вашей свѣтлости доносить не имѣю, токмо остаюсь и пребываю вашъ покорный слуга Матвѣй Олсуфьевъ.

Марта въ 3-е число 1720 года.
С.-Петербургъ.

1) Екатерина пріѣхала въ Кончезарскій заводъ 5-го Марта.

2) Мыза Колтыши, подъ Петербургомъ, была въ числѣ деревень въ Ряпинской волости, пожалованной Ягужинскому въ 1713 году, за успѣшное исполненіе дипломатическаго порученія въ Даніи; она и теперь существуетъ подъ этимъ названіемъ, въ 7-ми верстахъ за Малой Охтой; теперешній Олонецкій почтовый трактъ оставляетъ ее вправо.

3) Ягужинскій, Павелъ Ивановичъ, въ послѣдствіи графъ, бывшій деньщикъ Петра Великаго, съ 1711 г. генералъ-адъютантъ, потомъ генералъ-прокуроръ; ум. въ 1736 г.—Голиковъ (VII, 65—67) говоритъ, что Ягужинскій 28-го Февраля 1720 г. поѣхалъ въ Вѣну. Письмо Олсуфьева указываетъ ошибочность этого показанія; очень можетъ быть, что въ этотъ день Ягужинскій выѣхалъ изъ Петербурга только не въ Вѣну, а для приготовленій къ встрѣчѣ Государыни, на свою мызу Колтыши.

4) Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, тайный кабинетъ-секретарь, постоянный спутникъ Петра; большинство бумагъ, исходившихъ прямо отъ Государя, составлено и написано рукою Макарова.

5) Родіонъ Михайловичъ Кошелевъ былъ женатъ на дочери пастора Глюка, Маргаритѣ Ивановнѣ; онъ пользовался особою милостію Екатерины, часто сопровождалъ ее въ путешествіяхъ и находился въ свитѣ Царицы въ Москвѣ въ 1718 году. Въ коронованіе Императрицы въ 1724 г. былъ пожалованъ шталмейстеромъ двора ея.

6) Великій князь былъ тогда одинъ: Петръ Алексѣевичъ, внукъ Петра, будущій Императоръ. Послѣдній сынъ Петра Великаго Петръ Петровичъ скончался за годъ передъ этимъ, 25 Апрѣля 1719 г. Великихъ княженъ было три: Анна, Елисавета и Наталія Петровны; невозможно опредѣлить, о которой изъ нихъ здѣсь упоминается.

7) Князь Меншиковъ находился тогда въ Малороссіи, куда былъ посланъ въ Февралѣ 1719 г. по смерти фельдмаршала графа Шереметева, управлявшаго этимъ краемъ. Какъ видно изъ этаго и послѣдующаго писемъ, княгиня его съ сыномъ и младшею дочерью, вѣроятно, сопровождала мужа; а хозяйкою въ Петербургскомъ дворцѣ Меншикова оставалась десятилѣтняя княжна Марія Александровна, будущая невѣста Петра II-го.

45.

Отъ Василья Дмитріевича.

Во всепокорности доношу вашей свѣтлости, что Ихъ Величества, всемилостивѣйшій Государь тако-же и премилостивѣйшая Государыня Царица и дѣти и внучата Ихъ Величествъ, всѣ въ добромъ здравіи, и сей день всемилостивѣйшая Государыня Царица изволитъ въ путь шествовать въ Село Царское на нѣсколько времяни для увеселенія. О иномъ болѣе сего вашей свѣтлости ко увѣдомленію принести не имѣю.

Въ Петербургѣ,
Іюля 19 дня 1720 года.

46.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости покорно доношу. Ихъ Величества на Петровскіе заводы отъ водъ изволили прибыть сего Марта 20 дня благополучно, и сего жъ Марта съ 25 числа въ ночь изволятъ путь свой воспріять въ Петербургъ, и ожидаемъ сюда Ихъ Величества прибытія Марта 27, или кончая 28 дня.

Сего жъ Марта 19 дня, въ день тезоименитства вашей свѣтлости любезнѣйшей супруги, моей милостивой государыни, свѣтлѣйшей княгини Дарьи Михайловны, въ домѣ вашемъ у вашей любезнѣйшей дщери были и зѣло довольно веселились. Дай Боже и впредь при вашей свѣтлости также веселиться.

Марта въ 24 день 1720 года.

Царь дѣйствительно возвратился въ свою столицу, какъ это сказано въ его Журналѣ, 27-го Марта, въ 8-мь часовъ вечера.

47.

Отъ Василья Дмитріевича.

Доношу вашей свѣтлости, моему милостивому государю, что здѣсь Его Царское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь и всемилостивѣйшая Царица, обрѣтаются во всякомъ добромъ состояніи. Сего Марта 25 дня Его Величество Государыня Царица и государыня царевна и герцогъ изволили кушать у князь Никиты Ивановича *). Паки вашу свѣтлость, моего милостиваго государя, прошу не оставить въ своей милости жены моей съ робятишками. Иного до вашей свѣтлости, моего милостиваго государя, доносить не имѣю, токмо здравіе ваше отдаю въ сохраненіе Божіе.

Марта 28 дня,
1721 г. (Рига).

*) Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ, тогдашній правитель Прибалтійскаго края.

48.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивѣйшее писаніе изъ Петербурга сего Апрѣля отъ 9 дня чрезъ посланнаго вашего деньщика получилъ, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе. О здѣшнемъ состояніи вашей свѣтлости доношу. Ихъ Величество и ея высочество обрѣтаются въ добромъ здравіи; а что́ ваша свѣтлость изволитъ писать, дабы одинъ анталъ вина Венгерскаго самаго добраго, разливъ въ бутылки, отправить въ Ревель, и то учинить готовъ, токмо сухимъ путемъ отправить опасаюсь, и будетъ немалъ убытокъ. Не изволите ли ваша свѣтлость отписать, какимъ путемъ отсель оное вино до Ревеля отправить? На сіе буду ожидать отъ вашей свѣтлости резолюціи. Къ здѣшнему городу по сіе число ни единаго корабля ни съ чѣмъ не бывало, токмо вѣдомость имѣютъ, многіе Голандскіе корабли уже въ пути обрѣтаются, токмо за противнымъ вѣтромъ сюда не прибыли, и какъ будутъ и что́ новизны привезутъ, тѣмъ вашу свѣтлость не оставлю. Прошу вашу свѣтлость: прикажи не оставить въ своей высокой милости домишку моего и въ немъ живущихъ.

Рига, Апрѣля 13.
1721 г.

Венгерское вино до царствованія Елисаветы замѣняло при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, на банкетахъ и офиціальныхъ торжествахъ, Шампанское, которое въ Россіи было совершенно неизвѣстно. Первый введшій Шампанское вино въ употребленіе при дворѣ былъ маркизъ Делашетарди (De la Chetardie) Французскій посолъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

49.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Письмо вашей свѣтлости изъ Питербурга отъ 14-го дня сего мѣсяца, которое вчерашняго числа получилъ, за которое вашу свѣтлость и за посѣщеніе домишку моего и за увѣдомленіе дѣтей моихъ покорно приношу благодареніе.

О здѣшнемъ состояніи доношу. Ихъ Величества, всемилостивѣйшій Государь и Государыня Царица, и ея высочество (1), слава Богу, обрѣтаются въ добромъ здравіи.

Покорно вашу свѣтлость прошу, дабы приказалъ не оставить въ своей милости меня и оставшихъ моихъ дѣтей, въ чемъ на вашу свѣтлость благонадеженъ есмь и пребываю вашей свѣтлости моего милостиваго патрона всегда покорный слуга

Матвѣй Олсуфьевъ.

Рига, 19 Апрѣля 1721 года.

Приписка.

Сего числа въ Ригу прибылъ господинъ генералъ-маіоръ Ягужинскій (2) въ благополучіи.

1) Это была вдовствующая герцогиня Анна Іоанновна Курляндская; она пріѣхала изъ Митавы встрѣтить царственнаго дядю, прибывшаго въ Ригу 19 Марта 1721 года.

2) Ягужинскаго ожидали съ нетерпѣніемъ при дворѣ; онъ ѣхалъ изъ Вѣны съ донесеніемъ о томъ, какое впечатлѣніе произведено на имперскій кабинетъ рѣшеніемъ Петра обойтись безъ его посредничества при заключеніи мира съ Швеціею, и вести переговоры съ этой державою въ Ништадтѣ, а не въ Брауншвейгѣ, какъ предлагалъ Вѣнскій дворъ. Пріѣзда Ягужинскаго въ Ригу дожидались и для другаго важнаго дѣла: въ этомъ городѣ, 20 Марта 1721 г., состоялось первое свиданіе Царя съ будущимъ супругомъ его дочери, великой княжны Анны Петровны, герцогомъ Голштинскимъ. Ягужинскій первый, еще 12 Декабря 1720 г. изъ Вѣны, указалъ на герцога, какъ на самаго выгоднаго и подходящаго жениха, въ особенности по вѣроятіямъ, которыя онъ въ это время имѣлъ, вступить на Шведскій престолъ.

Соловьевъ обходитъ совершенныимъ молчаніемъ эту поѣздку Петра Великаго въ Ригу; а между тѣмъ тутъ положено основаніе брачному союзу, столь многознаменательному для будущихъ судебъ Россіи. Знаменитый историкъ нашъ относитъ первое знакомство Царя съ будущимъ его зятемъ только къ 27-му Іюля 1721 г. въ Петербургѣ, не обративъ вниманія на прямыя показанія Журналовъ Петра Великаго и Берхгольца.

50.

Отъ Василья Дмитріевича.

О здѣшнемъ состояніи вашей свѣтлости, моему милостивому государю, доношу что Ихъ Величества, нашъ всемилостивѣйшій Государь и Государыня Царица, за помощію Божіею обрѣтаются во всякомъ добромъ состояніи. Господинъ генералъ-маіоръ Ягушинскій въ Ригу прибылъ 19-го дня сего мѣсяца; подводы отъ Риги до Ревеля велѣно поставить Мая къ седьмому числу и по двѣнадцати человѣкъ драгунъ на почтѣ. Покорно прошу вашу свѣтлость, моего милостиваго государя, не оставить въ своей милости жены моей съ робятишками.

Изъ Риги, 23 дня Апрѣля 1721 году.
Отдано Апрѣля 30-го 1721 году.

51.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе, писанное Апрѣля 21 числа которое здѣсь получилъ сего Апрѣля 25 чрезъ вашего куріера, за которое вашей свѣтлости приношу покорное благодареніе, а о здѣшнемъ состояніи вашей свѣтлости доношу, Ихъ Величества и ея высочество, слава Богу, въ добромъ здравіи обрѣтаются. Здѣсь на морѣ появились уже въ близости восемь торговыхъ кораблей, а отколь и съ чѣмъ, то еще вѣдать не можемъ; а какъ довѣдаемся о томъ до вашей свѣтлости писать буду. Всепокорно прошу о неоставленіи домишку моего.

Рига, Апрѣля 28 дня 1721.

Въ этомъ году Финскій заливъ необыкновенно долго былъ покрытъ льдомъ. Открытія навигаціи тревожно ожидали какъ Петръ, такъ и его маршалокъ, конечно для разныхъ цѣлей. Олсуфьевъ, какъ видно изъ его писемъ, преимущественно имѣлъ въ виду полученіе съ моря Венгерскаго вина, устрицъ и другихъ припасовъ для царскаго стола; для Государя же свободный выходъ въ море былъ важенъ для дѣйствія эскадры Лесли противъ Шведскихъ береговъ. Этими дѣйствіями Петръ надѣялся склонить Шведовъ къ уступчивости въ переговорахъ, тѣмъ временемъ уже начавшихся, въ Ништадтѣ. Вотъ почему корабли, показавшіеся передъ Ригою 28 Апрѣля, и о которыхъ Олсуфьевъ спѣшитъ донести Меншикову, упоминаются также въ Журналѣ Петра Великаго; только зоркій глазъ Царя-моряка узналъ вѣрнѣе число и снаряженіе судовъ, ибо въ Журналѣ 29 Апрѣля сказано, что ихъ было шесть галіотовъ торговыхъ и одна шкуна.

52.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости, моего милостиваго государя, писаніе, отъ 8 числа сего Іюня, изъ Аранибома отправленное, я съ нижайшимъ моимъ почтеніемъ принялъ, за которое, а особливо за милостивое увѣдомленіе о благополучномъ состояніи флота и объ отправленіи сюда съ эскадрою контръ-адмирала Гордона всепокорно благодарствую.

О здѣшнемъ состояніи вашей свѣтлости моему милостивому государю доношу, что Его Царское Величество и Ея Величество Государыня Царица Екатерина Алексѣевна, при помощи Божіей, въ добромъ обрѣтаются здравіи, и вчерашняго дня Ихъ Величество въ здѣшней вашей свѣтлости мызѣ изволили плавать и довольно веселились.

Шаубенахтъ Гордонъ, съ своею эскадрою благополучно Іюня въ 8 день сюда пришелъ.

Ревель, Іюня 15 дня 1721.

Ништадскіе переговоры тогда еще не приходили къ концу. Появленіе сильной Англійской эскадры у береговъ Швеціи и Финляндіи внушало опасеніе Петру Великому быть запертымъ въ Ревельской гавани и заставляло его принимать мѣры предосторожности прежде всего строгимъ соблюденіемъ тайны о днѣ его выходѣ изъ Ревеля, такъ что Олсуфьевъ, когда писалъ это письмо князю Меншикову, видимо не подозрѣвалъ, что уже на другой день со всѣмъ царскимъ дворомъ перейдетъ на „Ингерманландъ“ для отплытія въ Кронштадтъ. Но есть и другое доказательство тому, что Царь, сдѣлавшись послѣ Прутскаго похода столь осторожнымъ, опасался, чтобы непріятельскія суда не окружили его: это выговоръ Гордону, послѣ смотра, произведеннаго его эскадрѣ 8-го Іюня, за неточное исполненіе всѣхъ распоряженій Государя для прикрытія движеній флагманскаго корабля подъ штандартомъ Его Величества. (Голиковъ, VII т.).

53.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Доношу вашей свѣтлости. Изволишь ваша свѣтлость приказать отправить сего числа сто человѣкъ солдатъ на Царицынъ лугъ для караулу и но́ски кушанья; въ томъ числѣ тридцать человѣкъ съ ружьемъ и съ оными солдатами офицеровъ что́ надлежитъ.

Января въ 27 день 1722 г.

Царицынъ лугъ, о которомъ здѣсь говорится, называлось въ Москвѣ мѣсто противъ Кремля, гдѣ нынѣ такъ называемое „Болото". Тутъ 28-го Января 1722 г. былъ устроенъ народный праздникъ, съ фейерверкомъ, гдѣ присутствовали Ихъ Величества, прибывшія въ Москву 18-го Декабря 1721 г. для празднованія Ништадтскаго мира.

54.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Доношу вашей свѣтлости. Ихъ Императорское Величество изволили сюда прибыть сего Іюня 2 дня, во всякомъ благополучномъ здравіи, и сего Іюня 6 или 7 числа изволятъ въ путь свой идти.

Всепокорно вашу свѣтлость прошу о неоставленіи Дворцовой Канцеляріи господъ управителей; а паче, чтобъ приказали ваша свѣтлость и прочіе господа сенаторы достальныя деньги на нынѣшній годъ по окладу выдать, также и за издержанные отъ Дворцовой Канцеляріи разныя питья и припасы въ разные банкеты вѣчнаго миру съ короною Шведскою выдать. Ежели ваша свѣтлость не изволите оныхъ денегъ приказать выдать, то повседневнаго расходу въ Петербургѣ для ихъ высочества государынь цесаревенъ купить будетъ не на что́, о чемъ изъ Петербурга многими письмами ко мнѣ пишутъ. Ваша свѣтлость и самъ извѣстенъ, какой нынѣ въ домѣ Ихъ Величества расходъ, къ тому жъ и нынѣшній низовой походъ.

Изъ Казани, Іюня 5 дня.
1722 г.

Въ этомъ письмѣ Царь и Царица въ первый разъ названы *Императорскимъ Величествомъ*: Петръ принялъ этотъ титулъ послѣ Ништатскаго мира въ 1721 г.

Историки Петра Великаго противорѣчатъ между собою касательно дня прибытія Императора (на пути къ Каспійскому морю), въ Казань. Берхманъ говоритъ, что это было 8-го Іюня; Соловьевъ не приводитъ числа прибытія въ Казань, но показываетъ, что Петръ вышелъ изъ Нижняго 30-го Мая: въ такомъ случаѣ, плывя на галерѣ, на веслахъ, онъ никакъ не могъ быть въ Казани уже 3-го Іюня, какъ показано въ Журналѣ и у Голикова. Разница между этими послѣдними показаніями и числомъ 2-го Іюня, которое приведено въ письмѣ Олсуфьева, объясняется тѣмъ, что Матвѣй Дмитріевичъ считаетъ время прибытія въ Казань съ той минуты когда галерная эскадра втянулась въ рѣку Казанку и стала на якорь, что̀ было дѣйствительно вечеромъ 2-го Іюня.—До 6-го числа, дня отплытія изъ Казани, какъ Императоръ, такъ и Императрица жили на своей галерѣ, и Государь ѣздилъ въ Казань лишь на нѣсколько часовъ днемъ, 3, 4 и 5 Іюня, возвращаясь всякій разъ на ночь на галеру.

55.

Отъ Матвѣя Дмитріевича

Доношу вашей свѣтлости. Ихъ Императорское Величество изволили сюда прибыть сего мѣсяца 12 дня во всякомъ благополучномъ здравіи, и здѣшній намѣстникъ Шавкалъ Алди-Гирой встрѣтилъ Его Величество не доѣзжая рѣки Сулака за полверсты, который просилъ съ покорностію, дабы Его Императорское Величество изволилъ принять подъ свою протекцію, на что изволилъ и принялъ.

Изъ Дербеня отвѣтствуютъ на посланные отъ Его Величества универсалы зѣло изрядно и просятъ милости о оборонѣ на противныхъ и желаютъ въ чемъ бы услужить.

Изъ Тарковъ, Августа 14 дня
1722 г.

Петръ, какъ видно изъ Походнаго Журнала и дневниковъ Соймонова и Неплюева, часто совѣщался съ начальниками незначительныхъ бывшихъ съ нимъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, прежде чѣмъ рѣшиться на свое изумительное по смѣлости движеніе въ страну, тогда еще совершенно невѣдомую, въ эти горы, населенныя изувѣрскимип леменами, воинственность которыхъ впослѣдствіи довелось намъ такъ коротко узнать. Матвѣй Дмитріевичъ на этихъ совѣтахъ конечно не присутствовалъ, но какъ видно раздѣлялъ опасенія своихъ спутниковъ, находившихся въ томительномъ недоумѣніи, какъ будутъ приняты отважные царскіе универсалы, повелѣвавшіе бунтовавшимъ данникамъ Персидскаго шаха безусловно признать власть Русскаго Императора.

56

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости милостивое писаніе изъ Москвы прошедшаго Мая отъ 30 дня, которое получилъ сего Іюня 26 дня, за которое вашей свѣтлости покорно приношу благодареніе.

Доношу вашей свѣтлости. Ихъ Императорское Величество изволили сюда прибыть сего Іюня 19 дня во всякомъ благополучномъ здравіи.

Поздравляю вашу свѣтлость съ наступающимъ праздникомъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла и съ дражайшимъ имянинникомъ, Его Императорскимъ Величествомъ, желая отъ Всевышняго, дабы оное торжество вашей свѣтлости и намъ препроводить во всякомъ благополучіи и цѣлости здравія и много такихъ торжествъ счастливо достигнуть.

О здѣшнемъ состояніи ко объявленію вашей свѣтлости нынѣ ничего донесть не имѣю, токмо прибыло сюда немалое число Китайцовъ, Армянъ, Индѣйцовъ съ товарами; а иные и безъ товаровъ пришли того ради, что не безъ опасности онымъ тамъ было. Господинъ генералъ-адмиралъ и прочіе съ командами своими еще сюда не прибыли, токмо гвардіи пришло на тринадцати лодкахъ для завтрашняго числа. Прошу вашу свѣтлость о неоставленіи въ своей милости жены моей съ робятами.

Изъ Астрахани, Іюня 26 дня
1722 г.

Присутствіе въ Астрахани Индѣйскихъ купцовъ, о которыхъ упоминаетъ Олсуфьевъ, имѣло значеніе, доставивъ Петру Великому случай много съ ними разговаривать и распрашивать, въ особенности о путяхъ въ Индію. Мысль о походѣ въ Индію до конца жизни не переставала занимать геніальнаго Царя, уже тогда предугадавшаго, что Индія самое уязвимое мѣсто единственнаго соперника нашего въ дѣлахъ Азіи. Многія распоряженія его и отзывы во время низоваго похода, встрѣчающіеся въ дневникахъ Соймонова и Неплюева, указываютъ, что онъ вѣрно сознавалъ великое значеніе сношеній съ Индіей и постоянно имѣлъ ихъ въ виду.

57.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Доношу вашей свѣтлости. Ихъ Императорское Величество, слава Богу, обрѣтаются во всякомъ благополучномъ здравіи. И завтрашняго числа изволятъ путь свой воспріять водою къ Теркамъ или къ другому мѣсту, гдѣ способнѣе приставать ниже Терекъ. О себѣ вашей свѣтлости доношу: Его Императорское Величество, въ день тезоименитства своего прошедшаго Іюня 29 числа, пожаловалъ меня чиномъ оберъ-гофмейстеромъ, и за такую Его Императорскую милость не вѣмъ, чѣмъ заслужить, токмо долженъ со всею своею фамиліею вѣчно Бога молить.

Покорно вашу свѣтлость прошу о неоставленіи жены моей съ домишкомъ, за что́ съ покорностію своею служить готовъ вашей свѣтлости.

Іюля 19 дня 1722 г.
Астрахань.

Это, можетъ-быть, единственное мѣсто въ письмахъ Олсуфьева, гдѣ надобно прибѣгать къ догадкамъ, чтобы согласовать ихъ хронологію съ журналами Петра Великаго, съ которыми они отмѣнно точно сходятся не только въ числахъ, но даже въ опредѣленіи временъ дня, давая этою тождественностью возможность пополнить хронологическую послѣдовательность, часто прерываемую пробѣлами, встрѣчающимися въ журналахъ. Журналъ подробно описываетъ отплытіе эскадры изъ Астрахани, бывшее 18-го Іюля, между тѣмъ какъ по письму Олсуфьева это не могло быть ранѣе 20-го. Можно только предполагать, что Императрица, при которой вѣроятно оставался Олсуфьевъ, вмѣстѣ съ прочею придворною свитою, выступила изъ Астрахани днемъ или двумя позднѣе Государя, который, какъ сказано у Вебера и Голикова, пошелъ впередъ съ авангардомъ, и примкнула къ нему только близъ урочища Четырехъ Бугровъ, гдѣ флотилія, прибывъ 20-го Іюля, простояла нѣсколько дней до отплытія въ открытое море.

58.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Доношу вашей свѣтлости: Ихъ Императорское Величество обрѣтается въ добромъ здравіи и сюда изволилъ прибыть Его Императорское Величество сего Ноября 19-го дня, пополудни въ 12-мъ часу. Ея Величество сего числа по полудни въ 5-мъ часу, во всякомъ благополучномъ здравіи.

Письмо вашей свѣтлости, писанное изъ Москвы прошедшаго Октября отъ 31 дня, которое получилъ сего Ноября 14 числа, за которое вашей свѣтлости приношу благодареніе, и прошу, дабы впредъ оставить не изволили и желаю, дабы ваши очи въ скоромъ и счастливомъ здравіи видѣть.

Царицынъ.
Ноября 23 дня 1722 года.

Согласно Походному Журналу, Императрица прибыла въ Царицынъ 22-го Ноября вечеромъ, а конвой, состоявшій изъ пѣхотныхъ баталіоновъ, 23-го. Государь отъ мѣста, гдѣ льдомъ на Волгѣ затерло царскія галеры, пошелъ впередъ съ конницею и достигъ Царицына въ 11 часовъ вечера 19-го числа. Вѣроятно подъ самымъ Царицынымъ Екатерина, иногда столь же нетерпѣливая какъ и супругъ ея, утомившись медленностью движенія пѣхоты, сдѣлала остальной путь безъ конвоя. Но все это не поясняетъ, какимъ образомъ столь методически точный въ своихъ донесеніяхъ Олсуфьевъ могъ разойдтись, конечно только на нѣсколько часовъ, съ Журналомъ въ опредѣленіи времени прибытія Императрицы *).

Письмо это было доставлено курьеромъ князя Меншикова поручикомъ Шемякинымъ, пріѣзжавшимъ съ депешами къ Государю 14-го Ноября.

*) Можетъ быть, Матвѣй Дмитріевичъ предпочелъ болѣе спокойное движеніе съ конвоемъ. П. Б.

59.

Отъ Василья Дмитріевича.

Указомъ Его Императорскаго Величества повелѣно на Сытномъ дворцѣ нѣкоторые амбары сломать и перевезть за Фонтанную рѣчку и поставить на показанномъ отъ Его Величества мѣстѣ, и по присланному отъ вашей свѣтлости ордеру господину генералъ-маіору и гвардіи-маіору Дмитріеву-Мамонову велѣно отправить для той ломки солдатъ триста человѣкъ, которыми оные амбары сломаны и перевезены на вышепоказанное мѣсто, а не поставлены. Того ради прошу вашу свѣтлость, дабы изволили опредѣлить ордеромъ, чтобъ прислали для поставки тѣхъ амбаровъ сто человѣкъ изъ гарнизонныхъ солдатъ съ топорами, кои заобычайны плотничной работѣ, дабы какъ наискорѣе оные амбары поставить: для того многіе припасы лежатъ не въ покрытыхъ мѣстахъ, а хотя и покрыто, только одними рогожами, дабы въ томъ тѣмъ припасамъ какой не учинилось траты.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Иванъ Ильичъ, род. 1681 ум. 1730 г. генералъ-анъ-шефомъ; командовалъ въ Персидскомъ походѣ гвардейскими баталіонами.

60.

Отъ Василья Дмитріевича.

Прошедшаго Сентября 6-го дня взнесено въ Москвѣ въ Правительствующій Сенатъ (1) доношеніе объ отпущеніи денегъ 25000 рубл.(2) въ дворцовую канцелярію на покупку запасовъ годовыхъ къ предбудущему году, о томъ нынѣ вашу свѣтлость прошу покорно, чтобъ оное число денегъ повелѣно было отпустить. Истинно, Государь, доношу, что безъ того пробыть невозможно и ежели нынѣ припасовъ въ годъ не заготовить, впредъ великой убытокъ тому будетъ, а иного и сыскать въ то число будетъ невозможно.

С.-Петербургъ,
Октября 15 дня
1722 году.

1) Во время Персидскаго похода, Сенатъ имѣлъ свои засѣданія въ Москвѣ.
2) Сумма эта не должна казаться, по тому времени, слишкомъ малою.

для назначенія, на которое она испрашивалась: Петръ Великій пріучилъ свой дворъ къ строгой бережливости, и весь бюджетъ Дворцовой Канцеляріи, соотвѣтствовавшей теперешнему Министерству Двора, по росписи 1725 года не превышалъ 136.000 рублей.

61.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Покорно прошу вашу свѣтлость о господинѣ маіорѣ Елагинѣ, котораго Его Императорское Величество, будучи у вашей свѣтлости въ селѣ Алексѣевскомъ, изволилъ приказать опредѣлить вашей свѣтлости въ Дворцовую Канцелярію, но и по нынѣ оной господинъ маіоръ Елагинъ въ Дворцовую Канцелярію не присланъ. Того ради паки вашу свѣтлость прошу о вышеписанномъ господинѣ Елагинѣ, дабы опредѣленъ былъ въ Дворцовую Канцелярію.

Изъ Астрахани, Октября 18 дня.
1722 г.

62.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей свѣтлости доношу. Его Императорское Величество изволилъ въ вашу деревню прибыть вчерашняго числа благополучно. Покорно прошу: прикажи обыскать хорошихъ полпивъ и вина крѣпкаго Венгерскаго; а которое у вашей свѣтлости прислано, и то не гораздо крѣпко.

Вашей свѣтлости покорный слуга Матвѣй Олсуфьевъ.

Декабря 12 дня
1722 года.

Письмо это важно, потому что съ точностію указываетъ время прибытія Петра Великаго подъ Москву, по возвращеніи изъ Персидскаго похода. Касательно этаго времени, равно какъ и дня торжественнаго въѣзда Императора съ Императрицею въ Москву, почти всѣ историки этой эпохи въ большомъ

разнорѣчіи, которое объясняется тѣмъ, что самый драгоцѣнный документъ для опредѣленія хронологическаго порядка дѣйствій Петра, его Журналъ, прерывается съ прибытіемъ въ Царицынъ и возобновляется только въ слѣдующемъ 1723 году.

Голиковъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разногласій (VII т., стр. 351 и 401), окончательно высказывается въ послѣднемъ своемъ примѣчаніи, опредѣляя 13-го Декабря днемъ торжественнаго въѣзда въ Москву. Соловьевъ, основываясь вѣроятно только на авторитетѣ Голикова, пишетъ также, что въѣздъ состоялся 13-го числа; тоже число находится въ дневникѣ Соймонова (Sammlung russicher Geschichte B. VII, p. 644). Веберъ (Das veränderte Russland, II, p. 78) утверждаетъ, что въѣздъ былъ 17-го числа. Только Берхгольцъ въ своемъ Дневникѣ (Busching's Magasin, B. XX., p. 585) указываетъ на 18 Декабря, и можно положительно думать, что это показаніе самое вѣрное, какъ потому что оно сходится съ первоначальнымъ мнѣніемъ Голикова (которое потомъ, какъ выше сказано, онъ измѣнилъ), такъ и по степени достовѣрности всѣхъ извѣстій приводимыхъ Берхгольцомъ.

Сличеніемъ письма Олсуфьева отъ 12-го Декабря съ тѣмъ что̀ записано подъ этимъ и предъидущимъ числами въ Дневникѣ Берхгольца, убѣждаешься въ точности, добросовѣстности и полнотѣ хроники Голштинскаго камеръ-юнкера. Съ другой стороны, подробности, передаваемыя Берхгольцомъ, такъ рельефно и осязательно пополняютъ и освѣщаютъ недосказанное и неразъясненное въ письмѣ Олсуфьева къ Меншикову отъ 12-го Декабря, что придаютъ письмамъ оберъ-гофмейстера Петра значеніе историческаго документа неоспоримой точности.

Согласованіе Дневника Берхгольца и письма̀ Олсуфьева начинается съ точнаго установленія ими обоими 11-го Декабря, какъ дня прибытія Петра въ пунктъ подъ Москвою, гдѣ онъ, по отзывамъ всѣхъ исторіографовъ, провелъ нѣсколько дней въ ожиданіи Императрицы и чтобы дать время для окончательныхъ приготовленій къ торжественному въѣзду.

За тѣмъ тождественность между ними еще болѣе высказывается въ опредѣленіи этой подмосковной мѣстности вопреки мнѣнію рѣшительно всѣхъ историковъ какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ, утверждающихъ, что это было село Преображенское. Но Преображенское не лежитъ на низовомъ трактѣ, и оно никогда не принадлежало Меншикову; а между тѣмъ Олсуфьевъ категорически заявляетъ, что Государь прибылъ въ деревню князя Меншикова, и это могло бы заставить усомниться въ достовѣрности его показанія, еслибы Берхгольцъ одинъ не назвалъ этого мѣста иначе: онъ говоритъ, что герцогъ Голштинскій ѣздилъ па встрѣчу Императора въ Neu-Preobrajenskoe, Ново-Преображенское; а этимъ именемъ, въ угоду Царю и въ воспоминаніе дней молодости, проведенныхъ въ рядахъ потѣшныхъ, Меншиковъ, весьма вѣроятно, могъ

прозвать—Люберцы, принадлежавшія ему, по Рязанской дорогѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Москвы, гдѣ Царь и до Персидскаго похода, какъ это видно изъ его Журнала, бывалъ въ гостяхъ у Александра Даниловича.

За тѣмъ, обстоятельство, что Олсуфьевъ пишетъ Меншикову въ Москву 12-го Декабря, тогда какъ по словамъ почти всѣхъ писателей Петръ тотчасъ по прибытіи въ Преображенское принималъ докладъ князя, и слѣдовательно Олсуфьевъ долженъ былъ въ этотъ день уже видѣться съ Меншиковымъ или по крайней мѣрѣ ожидать съ часу на часъ его прибытія—это обстоятельство, съ перваго взгляда, не будучи разъяснено Дневникомъ Берхгольца, также можетъ показаться нѣсколько несообразнымъ. Но у Бергхольца подъ 12 Декабремъ обстоятельно сказано, что Меншиковъ, услыхавъ о прибытіи Императора, сказался больнымъ, зная, что Петръ тѣмъ временемъ получилъ отъ Шафирова доносъ о разныхъ злоупотребленіяхъ своего любимца и опасаясь предстать на грозныя очи Царя, до прибытія своей обычной защитницы Екатерины, которая прибыла въ Люберцы только 15-го Декабря, какъ видно изъ ея письма къ Меншикову (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

63.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

При старомъ деревянномъ домѣ Его Императорскаго Величества что̀ въ Кронштадтѣ, на караулѣ поставленъ беззамѣнно Новогородскаго полка капралъ Софонъ Нефедьевъ сынъ Посниковъ, который и нынѣ беззамѣнно стоитъ, и многіе питья и припасы были у него на рукахъ и нынѣ есть.

И того ради прошу вашу свѣтлость, моего милостиваго государя, повели оному быть при дворцѣ, а вмѣсто его принять въ тотъ полкъ дворцоваго солдата Ѳедора Третьякова, который посылается при семъ.

Февраля 14 дня 1724 года.

64.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вчерашняго числа ваша свѣтлость изволилъ Его Величеству доносить, что въ Почепѣ и въ другихъ мѣстахъ на ярманкахъ покупается тѣлежный станъ колесъ цѣною по два алтына, на что ваша свѣтлость изволилъ обѣщать дать въ Почепъ и письмо.

Того ради прошу вашу свѣтлость, прикажи сего числа къ Почепскому управителю за отворчатою печатью (1) дать письмо, чтобъ на пятьдесятъ колясокъ становъ купилъ и отдалъ въ Трубчевску управителю Клишеву или земскимъ бурмистрамъ.

Санктпетербургъ,
Сентября 14-го дня 1724.

1) Отворчатою печатью называлась въ прежнее время сургучная или восковая печать, прикрѣпленная только къ верхнему краю конверта — cachet-volant. Изъ этого письма можно видѣть, что, вопреки мнѣнію Берхмана, Почепъ, отобранный у Меншикова на основаніи жалобъ Скоропадскаго и доносовъ Шафирова, былъ возвращенъ ему еще при жизни Петра, а не по воцареніи Екатерины.

65.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Указомъ Ея Величества, всемилостивѣйшей Государыни Императрицы, повелѣно на собственномъ вашей свѣтлости стеклянномъ заводѣ сдѣлать стеклянный сервизъ, съ блюдечками, съ чашками и рюмками на шалеѣ самой лучшей работы, и ваша свѣтлость извольте приказать на оные заводы къ управителямъ послать указъ, дабы чтó къ дѣлу онаго сервиза потребно будетъ сдѣлать и отдать тамъ кому повелѣно будетъ на счетъ Дворцовой Канцеляріи.

2 Декабря 1724 года
Санктпетербургъ.

Меншиковъ, достойный ученикъ Петра, былъ образцовымъ хозяиномъ въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ. Вездѣ заводилъ онъ различныя промышленныя и фабричныя заведенія. Стеклянные заводы у него были въ По-

чепѣ, въ Ямбургскомъ и въ другихъ его помѣстьяхъ; надобно полагать, что заказъ, о которомъ ему пишетъ Олсуфьевъ, относится до Ямбургскаго, какъ ближайшаго отъ Петербурга, завода.

66.

Вашей высококняжеской свѣтлости милостивое писаніе, отъ 24 сего Декабря писанное, я сего числа исправно получилъ, по которому о строеніи въ Рижскомъ Ея Императорскаго Величества домѣ, въ кухнѣ очаговъ по первому вашей высококняжеской свѣтлости указу учиню. Что же ваша высокняжеская свѣтлость, по своей ко мнѣ высокой милости, по моимъ нижайшимъ прошеніямъ о учиненіи по духовной тещи моей по здѣшнему обыкновенію рѣшенія къ вице-президенту Ѳелкерзаму изволили дважды писать, и за оное вашей высококняжеской свѣтлости, моему милостивому государю, всенижайше рабски багодарствую.

Декабря 28 дня 1726 года.
Рига.

Приписка.

Нынѣ привезено изъ Либавы свѣжихъ устерсовъ. Купя отправилъ бочку въ домъ Ея Величества, да въ домъ вашей высококняжеской свѣтлости половину бочки, а именно 300 устерсовъ. Прикажи малый презентъ принять и употребить во здравіе: здѣсь явились зѣло хороши, развѣ дорогою повредятся.

Декабря 25 дня 1726 года.
Рига.

Въ Декабрѣ 1726 года М. Д. Олсуфьевъ уже не управлялъ дворомъ Императрицы, и поѣздка его въ Ригу была вызвана его дѣлами по наслѣдству его тещи. Но старая привычка взяла свое: Меншиковъ, какъ видно, не могъ свыкнуться съ мыслью отпустить Олсуфьева безъ порученія по дворцовымъ дѣламъ.

67.

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

За показанную вашей высококняжеской свѣтлости высокую милость, что вашимъ предстательствомъ вчерашняго числа получилъ я въ своемъ пакетѣ Ея Императорскаго Величества собственный указъ къ господину генералу Бону о раздѣленіи по духовной тещи моей ея имѣнія, много рабски благодарствую и при семъ же еще вашу высококняжескую свѣтлость всепокорно прошу, дабы и оставшимъ послѣ тещи моей деревнямъ за мною на арендѣ быть и о томъ прислать сюда указъ. А здѣшнимъ всѣмъ арендаторамъ, которые коронныя маетности здѣсь на аренду взяли (въ томъ числѣ и тещи моей на деревни, лежащія въ Лифляндіи) даны контракты отъ 1725 года предбудущаго 1737 года Іюня до 24 числа. Паки вашей высококняжеской свѣтлости всепокорно прошу сотворить со мною свою высокую милость и приложить въ томъ свое предстательство.

68

Отъ Матвѣя Дмитріевича.

Вашей высококняжеской свѣтлости покорно доношу. Прошедшаго Марта 28 числа въ Тверь пріѣхалъ и государыню свою матушку увидѣлъ еще въ живыхъ, токмо зѣло немоществуетъ, и за тѣмъ нынѣ медлю въ Твери. Всепокорно и всенижайше вашу высококняжескую свѣтлость рабски прошу, дабы я не оставленъ былъ въ вашей высококняжеской милости, за что повиненъ съ домашними своими вѣчно Бога молить.

Тверь, Апрѣля 23 дня
1727 года.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится еще много писемъ братьевъ Олсуфьевыхъ, которыя не печатаются, потому что заключаютъ въ себѣ только краткія свѣдѣнія о здоровьѣ Царя и Царицы. Меншиковъ на большую часть этихъ писемъ отвѣчалъ немедленно, какъ видно изъ помѣтокъ на Олсуфьевскихъ письмахъ. Отвѣтныя его письма погибли при разграбленіи въ двѣнадцатомъ году Олсуфьевскаго дома въ Москвѣ, но въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранились почти всѣ современныя копіи или черновые отпуски ихъ. Они, за исключеніемъ немногихъ помѣщенныхъ выше, всѣ очень кратки и безцвѣтны; въ каждомъ письмѣ онъ благодаритъ Олсуфьевыхъ за обстоятельныя свѣдѣнія ими сообщаемыя и неизмѣнно увѣдомляетъ какъ о здоровьѣ оставшихся въ Петербургѣ лицъ царскаго дома, такъ и семействъ обоихъ братьевъ, домà которыхъ онъ часто посѣщалъ. Замѣчательны въ этой перепискѣ только необычайная дѣловитость и строгая точность Меншикова, не оставлявшаго безъ отвѣта почти ни одного письма своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ. Олсуфьевы были такъ пріучены къ этой точности князя Александра Даниловича, что Василій Дмитріевичъ въ письмѣ отъ 16-го Апрѣля 1716 года изъ Амстердама печалится и „сумнѣвается, нѣтъ ли у его свѣтлости на него гнѣва“ только потому, что четыре почты пришли изъ Россіи безъ писемъ къ нему отъ Меншикова.

Въ Россіи, въ началѣ XVIII вѣка, привычка излагать письменно свои мысли далеко не была такъ распространена, какъ въ наши дни. Надо думать, что редакція этой массы писемъ, большей частью собственноручныхъ, изъ которыхъ болѣе ста сохранилось и навѣрное столько же утратилось, давалась нелегко Матвѣю и Василью Дмитріевичамъ и составляла, при многочисленныхъ лежавшихъ на нихъ служебныхъ обязанностяхъ, трудъ немаловажный. Но то время на Руси было прежде всего время труда упорнаго, неустаннаго. За то какъ спорилось тогда всякое дѣло, съ какимъ увлеченіемъ и какъ успѣшно работалось, когда въ каждомъ починѣ стоялъ геніальный царственный работникъ, а первымъ у источника неограниченной, самодержавной власти находился его даровитый ученикъ Меншиковъ, энергическій, находчивый, съ поразительной смѣткой Русскаго простолюдина и съ выносливымъ трудолюбіемъ Голландца, и, чтó такъ рѣдко встрѣчается въ баловняхъ судьбы, этотъ «полудержавный властелинъ», иногда завистливо и недовѣрчиво относившійся къ тѣмъ, въ которыхъ опасался найдти соперниковъ, былъ всегда благосклонно внимателенъ къ труду каждаго второстепеннаго участника гигантской работы, охватившей, по волѣ великаго Царя, всю Россію.

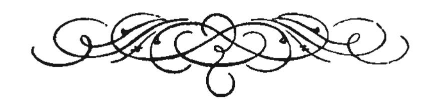
Гр. А. О.

Май 1883 года.
Село Ершово.

*

Мы придаемъ немалое значеніе вышенапечатаннымъ письмамъ и сопровождающимъ ихъ объясненіямъ. Подробное изученіе Петровскаго времени важно для успѣховъ нашей новѣйшей историографіи: тутъ корень и объясненіе всему, чтò происходило въ знаменитомъ XVIII вѣкѣ и чѣмъ по большей части Россія живетъ и до сихъ поръ. Для здраваго пониманія Русской жизни необходимо близкое знаніе великаго переворота, которымъ началась наша новая исторія. Между тѣмъ мы не имѣемъ даже полнаго и связнаго жизнеописанія великаго человѣка, который совершилъ этотъ переворотъ. Покойный Государь Александръ Николаевичъ, участливый покровитель и знатокъ Русской исторіи, сознавалъ эту потребность: по его волѣ составлено и, какъ слышно, приготовлено къ изданію обширное собраніе писемъ Петра Великаго. Но этотъ трудъ почему-то до сихъ поръ не выходитъ въ свѣтъ. Главнѣйшіе письменные памятники Петровскаго царствованія принадлежатъ къ числу книжныхъ рѣдкостей. Въ частныхъ изслѣдованіяхъ таже неудача, какъ напримѣръ съ подробною біографіею князя Меншикова, только начало которой было напечатано въ Русскомъ Архивѣ. Правда и то, что изучать Петровское время дѣло нелегкое: страшная путаница понятій, дѣйствіе разнообразнѣйшихъ, многонародныхъ вліяній, учрежденія и ихъ названія чуть ли не со всего свѣта, и паче всего-почерки, едва поддающіеся прочтенію. Можно сказать, что судороги, появлявшіяся на лицѣ Петра Великаго, отразились и на тогдашнихъ бумагахъ. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА.

Хочу написать то, чтò въ жизни случилось видѣть и испытать, насколько все это сохранилось въ памяти. Успѣю-ли? Мнѣ скоро минетъ 65 лѣтъ.

Я плохо вѣрю безпристрастію автобіографій. Руссо не щадилъ себя въ своихъ Confessions; но я увѣренъ, что онъ сказалъ о себѣ дурнаго или слишкомъ мало, или слишкомъ много: есть и такія странности въ природѣ человѣка. Знаю напередъ, что и въ моемъ разсказѣ будетъ немало недомолвокъ. Общій итогъ жизни будетъ подведенъ не нами. Да будетъ воля Его! Онъ будетъ судить по Своей правдѣ, а не человѣческимъ судомъ, на которомъ не оправдится предъ Нимъ всякъ живый.

22 Іюля 1873 г.

*

Я родился въ Казани, 1 Января 1809 года. Мой отецъ, Иванъ Андреевичъ, былъ родомъ изъ Риги. Объ его происхожденіи я почти ничего не знаю. Онъ былъ средній изъ трехъ братьевъ. Старшій братъ пропалъ безъ вѣсти на тринадцатомъ году жизни; младшій умеръ на службѣ въ Тобольскѣ, оставивъ трехъ сыновей. Помнится, отецъ говорилъ, что ихъ предки вышли изъ Англіи. Во всѣхъ его служебныхъ и офиціальныхъ документахъ онъ названъ Филипсенъ—произношеніе простонародной Шотландской фамиліи Philipson. По ребяческому капризу, я произвольно измѣнилъ Русское произношеніе нашей фамиліи и сталъ называться Филипсонъ; но послѣ встрѣтилъ трехъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, которые воспитывались во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и назывались также Филипсонами. Больше ничего не знаю о семействѣ моего отца. Тринадцати лѣтъ его записали въ военную службу.

Это было, по моему соображенію, въ 1774 г. Чрезъ 12 лѣтъ онъ былъ произведенъ *въ адъютанты съ заслугою одного года за прапорщичій чинъ.* Онъ участвовалъ въ войнахъ Екатерининскаго времени и имѣлъ золотой крестъ за взятіе Праги. Впрочемъ, его служба не была, кажется, ничѣмъ особенно замѣчательна. Въ 1808 году онъ былъ подполковникомъ и командовалъ въ Казани гарнизоннымъ полкомъ. Въ это время онъ женился, имѣя 45 лѣтъ отъ роду. Чрезъ годъ послѣ моего рожденія отецъ оставилъ службу полковникомъ и съ пансіономъ по 210 рубл. ассигнаціями въ годъ.

Мой отецъ былъ добрый и честный человѣкъ. Это одна изъ свѣтлыхъ личностей, оставшихся въ воспоминаніяхъ моего дѣтства. Сдавъ полкъ, обыкновенно дававшій значительный доходъ своему командиру, отецъ оказался обладателемъ двухъ ломберныхъ столовъ, сдѣланныхъ полковыми мастерами и Польской плетеной брички, пріобрѣтенной еще въ Польшѣ, въ царствованіе Екатерины. Въ оправданіе себя онъ обыкновенно говорилъ: «по крайней мѣрѣ ночью подушка подъ головой не вертится». Онъ не отличался особенною твердостью характера; если былъ когда упрямъ и настойчивъ, то чисто пассивно. Екатерининскій вѣкъ и особенно государственная служба не образовывали самостоятельныхъ характеровъ. Необузданный произволъ на всѣхъ ступеняхъ іерархіи вызывалъ раболѣпство, а циническая роскошь любимцевъ, сосавшихъ потъ и кровь изъ народа, растлѣвала нравственность и извращала самыя основныя понятія о чести и честности. Нелегко было тогда оставаться даже тривіально честнымъ. За недостаткомъ особенной твердости характера, отцу помогло въ этомъ религіозное чувство. Онъ былъ Лютераниинъ, но въ дѣлѣ вѣры исповѣдывалъ полнѣйшую терпимость. Если вблизи не было Лютеранской церкви, онъ очень часто ходилъ въ Православную и соблюдалъ всѣ наши правила и обряды при молитвѣ. Только по Воскресеньямъ, вставъ очень рано, онъ ходилъ по залѣ и въ полголоса пѣлъ Лютеранскія церковныя пѣсни, по старинной книгѣ пѣсней (Gesangbuch 1648 г.). Эта книга, вмѣстѣ съ Пражскимъ крестомъ, осталась у меня единственнымъ послѣ него наслѣдствомъ. Ближайшая отъ нашего имѣнія Лютеранская церковь была въ Саратовѣ, въ 200 верстахъ. Ѣздить туда онъ не могъ, старость приближалась, недостатокъ общенія съ единовѣрцами, какъ видно, становился для него все болѣе тягостнымъ. Въ 1820 году онъ рѣшился принять Православную вѣру. Онъ сдѣлалъ это безъ всякаго шума. Его помазалъ мѵромъ нашъ деревенскій священникъ, отецъ Николай, человѣкъ полуграмотный и котораго рѣдко можно было видѣть трезвымъ. Перемѣна вѣры нисколько не измѣнила образа жизни и обычаевъ отца. Онъ продолжалъ по Воскресеньямъ, до обѣдни, пѣть

свои Лютеранскія пѣсни, къ немалому соблазну прислуги. Еще одна черта замѣчательна въ характерѣ моего отца: это необыкновенная простота жизни и близость къ народу. Это была его природная наклонность, а не убѣжденіе, выработанное размышленіемъ и опытомъ.

Въ началѣ своей службы, отецъ ѣздилъ какъ-то на свою родину, въ Ригу; но тамъ уже никого не нашелъ; отецъ и мать его умерли; младшій братъ былъ где-то на службѣ, старшій такъ и не отъискался. Даже родныхъ никого не оказалось. Отца это очень опечалило. Болѣе въ свою опустѣвшую родину онъ не ѣздилъ, но долго искалъ по всей Россіи своего старшаго брата. Два раза ему удалось найти своихъ однофамильцевъ: Выборгскаго коменданта и Нижегородскаго помѣщика. Къ послѣднему онъ самъ ѣздилъ; но и тотъ и другой оказались ему чужими. Одинокій старикъ дожилъ вѣкъ въ кругу родныхъ своей жены, моей матери.

Моя мать, Прасковья Степановна, урожденная Есипова. Эта фамилія ведетъ свой родъ отъ Татарина Мурзы Юсуфа, который отъ царя Михаила Ѳедоровича получилъ значительныя помѣстья въ нынѣшнихъ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Большая часть этихъ имѣній вышла изъ рода Есиповыхъ, и вообще родъ этотъ захудалъ и обѣднѣлъ; но это не мѣшало моей матери оставаться неравнодушною къ памяти своего Азіатскаго предка. Если кому изъ Есиповыхъ случалось сдѣлать что-нибудь энергическое, хотя бы самодурство, мать не безъ нѣкоторой гордости приписывала это «нашей Татарской крови». Это былъ безконечный предметъ ея споровъ съ младшимъ братомъ моимъ Николаемъ, который Казанскихъ Татаръ не любилъ и называлъ «кочевниками».

Отецъ моей матери, Степанъ Петровичъ Есиповъ, имѣлъ болѣе 500 душъ крестьянъ въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ и жилъ въ своемъ Симбирскомъ имѣніи Ка́провѣ, которое въ народѣ извѣстно подъ названіемъ «Ковырѣва». Онъ жилъ зажиточно, былъ страстный псовый охотникъ и любилъ попировать, страсть общая всѣмъ почти Есиповымъ. Дѣдъ мой женатъ былъ на Александрѣ Аѳанасьевнѣ Кайсаровой, дочери богатаго помѣщика Владимирской губерніи. Въ имѣніи ея отца с. Ушаткинѣ (въ 8 верст. отъ г. Судогды) родилась моя мать 24 Іюля 1789 года.

Мать моя женщина добрая и любящая, хотя имѣла особенности характера, которыя дѣлали ее неуживчивой и невсегда справедливой. Образованіе ея, какъ и большой части дворянокъ того времени, состояло въ томъ, что крѣпостной лакей ея отца, Иванушка-Хорошій, научилъ ее читать и писать. Она была женщина очень не глупая и чтеніемъ кое-что добавила къ своему образованію. Замужъ вышла она,

конечно, не по любви. Супружеская жизнь моихъ родителей была не очень счастлива; была тишь, но были и бури на ихъ житейскомъ морѣ. Кажется, главною виною ихъ несогласія была слишкомъ большая разность лѣтъ. Едва-ли возможно слить жизнь 19-лѣтней дѣвочки, еще не жившей, съ жизнью 45-лѣтняго мужчины, уже очень пожившаго. Къ этому нужно прибавить различіе происхожденія, вѣры, обычаевъ. Въ старости супруги сжились, но каждому изъ нихъ не дешево стоило это едва-ли искреннее согласіе.

Первый годъ моей жизни прошелъ въ Казани. Мнѣ заранѣе приготовлена была кормилица, изъ крѣпостныхъ моей матери, но я только 4 мѣсяца пользовался ея молокомъ. Она оказалась беременною и была прогнана, а оканчивать кормленіе возложено было на козу.

Отецъ вышелъ въ отставку и собирался поселиться въ имѣніи моей матери. Въ ожиданіи своего отъѣзда изъ Казани, отецъ и мать отправили меня впередъ больнаго за 350 верстъ, зимою и на рукахъ няньки, 22-хъ-лѣтней женщины. Ѣхали мы проселочными дорогами, въ каретѣ, на своихъ лошадяхъ. Въ день успѣвали проѣхать отъ 50 до 60 верстъ, слѣдовательно пробыли въ дорогѣ не менѣе недѣли. Ночевали въ деревняхъ, въ крестьянскихъ избахъ. Ночь и день бѣдная нянька не могла сомкнуть глазъ; все время у мени былъ сильный жаръ; однажды она сочла меня умершимъ и положила на столъ. Меня спасло конечно не чудо, а здоровое сложеніе и особливо любовь и заботы моей доброй няньки, которую я всегда любилъ, какъ мать.

Авдотья Назаровна была крѣпостная дѣвушка моей бабушки, Есиповой, товарищъ дѣтства моей матери, которой она дана была въ приданое. 19-ти лѣтъ ее отдали за двороваго человѣка, Ефима, конечно не спрося ея согласія. Мужъ оказался самодуромъ и горькимъ пьяницей. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ добрый, буянилъ только подъ пьяную руку и съ какимъ-то дѣтскимъ легкомысліемъ, но во всякое время готовъ былъ отдать нуждающемуся послѣднюю съ себя рубаху. Работалъ онъ съ какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ, но плодами его трудовъ всего менѣе онъ самъ пользовался. Можно себѣ вообразить, сколько горя натерпѣлась бѣдная молодая женщина съ такимъ мужемъ! Ея назначеніе нянькою давало ей нѣкоторый отдыхъ и мало-по-малу совсѣмъ разлучило съ мужемъ. Но явилось новое горе. Въ первый же годъ брака у нея родился сынъ, Хрисанѳъ, прекрасный мальчикъ, который, кажется, наслѣдовалъ не только всѣ хорошія качества отца, но и его легкомысліе. Матери съ нимъ нѣкогда было возиться; 11 лѣтъ его отдали въ Казань учиться портному мастерству, а онъ научился воровству. Кончилось тѣмъ, что, пройдя много промежуточныхъ степеней, онъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Нельзя выразить, что́ пе-

ретерпѣла во все это время бѣдная мать, для которой сынъ былъ все, что́ красило ее безрадостную жизнь!

Нянька моя была женщина очень неглупая, но прежде всего добрая и любящая, честная и совершенно безкорыстная. Она ходила за мной шесть лѣтъ, а потомъ нянчила еще брата и четырехъ сестеръ. Кротость ея и терпѣніе были невѣроятны; въ шесть лѣтъ моего болѣзненнаго и очень балованнаго дѣтства, я не помню не только грубаго со мною обращенія, но даже и того, чтобы она хоть разъ возвысила голосъ. Впослѣдствіи она сдѣлалась почти членомъ нашего семейства. Мать дала ей отпускную, но она и не думала оставлять насъ: дѣлила скуку деревенской жизни съ моею матерью, для которой она была вѣрнымъ и преданнымъ другомъ до самой смерти въ 1854 году. Послѣ нея осталось рубля на три разныхъ тряпокъ. Такъ кончила свою скромную и совершенно-безупречную жизнь эта замѣчательная женщина. Ея память самое—свѣтлое воспоминаніе моего дѣтства. Миръ душѣ ея!

На зло всѣмъ вѣроятностямъ, меня довезли живаго до имѣнія моей матери, Пензенской губ. Городищенскаго уѣзда, с. Архангельскаго, которое въ народѣ извѣстно только подъ неблагозвучнымъ именемъ Чертовки. Говорятъ, это названіе дано отъ глубокаго ущелія въ ближнемъ лѣсу, Чертолома, въ которомъ долго было становище шайки разбойниковъ. Впослѣдствіи я нѣсколько разъ бывалъ въ этомъ ущельи: мѣсто дикое и для разбойниковъ удобное. Легко можетъ быть, что преданіе имѣетъ основаніе: во время и послѣ Пугачевщины тутъ была большая неурядица въ народѣ. Многіе изъ крестьянъ находились въ шайкѣ Пугачева, и я еще помню двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ былъ есауломъ и имѣлъ, почему-то, отрѣзанный кусокъ лѣваго уха. Впрочемъ и теперь это порядочная глушь, въ точкѣ соединенія губерній Симбирской, Саратовской и Пензенской. Мнѣ было уже лѣтъ 5 (около 1814 г.), когда среди бѣлаго дня человѣкъ 12 разбойниковъ, съ зажженными пуками лучины, въѣхали верхомъ въ село Качимъ (въ 18 отъ насъ верстахъ) и разграбили домъ нашего знакомаго помѣщика Перлатова. Хозяина не было дома; его жена съ двумя мальчиками убѣжала чрезъ задній дворъ и спряталась въ конопляхъ. Одинъ ея сынокъ, моихъ лѣтъ, отъ испугу, остался глухонѣмымъ на всю жизнь. Въ Качимѣ душъ пятьсотъ, но мужчины были въ полѣ на работѣ. Впрочемъ, все таки зрителей было больше, чѣмъ актеровъ; но огнестрѣльнаго оружія ни у кого не было, а у злодѣевъ бюло два ружья. Они и провели тамъ часа три, съѣли даже двѣ банки помады и выпили стклянку духовъ, полагая это барскимъ лакомствомъ; одѣлись въ лучшія мужскія и женскія платья и, оставивъ въ залѣ цѣлый уголъ

лаптей, онучь и тряпья, уѣхали благополучно безъ всякаго преслѣдованія. Вотъ что̀ было возможно въ томъ краѣ 60 лѣтъ тому назадъ!

Небольшой, деревянный барскій домъ, въ 6 комнатъ, нѣсколько лѣтъ оставаясь пустымъ, обвѣтшалъ; комнаты натопили и по возможности убрали къ нашему пріѣзду, но нянька нашла, что жить въ нихъ было невозможно и отнесла меня къ помѣщику Подбѣльскому, жившему въ томъ-же селѣ.

Это была очень оригинальная личность и стоитъ того, чтобы сказать объ ней все, что̀ сохранилось въ моей памяти. Мать моя въ дѣтствѣ помнила Ивана Акимовича Подбѣльскаго повѣреннымъ въ дѣлахъ у ея отца. Въ то время онъ уже былъ сѣдъ и славился знатокомъ въ письменныхъ дѣлахъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ коротко остриженными густыми волосами, которые когда-то были черными, съ нависшими густыми бровями. Онъ былъ не безобразенъ, но выраженіе лица его было злое и фальшивое. Умъ, не совсѣмъ обыкновенный, онъ изощрилъ въ службѣ по провіантскому вѣдомству, по разнымъ судамъ и приказамъ. Въ 1806 году онъ былъ въ ополченіи и возвратился прапорщикомъ; по этому случаю онъ всю жизнь носилъ ополченскій кафтанъ. Въ началѣ самостоятельной дѣятельности онъ былъ бѣденъ. Въ Архангельскомъ была у него одна семья крѣпостныхъ крестьянъ, и ее онъ эксплуатировалъ довольно оригинально. Морозенокъ, глава этой семьи, былъ мужикъ зажиточный и платилъ своему помѣщику хорошій оброкъ; но въ каждый рекрутскій наборъ Иванъ Акимовичъ забривалъ ему лобъ и везъ сдавать въ рекруты. Чтобы избѣжать этой бѣды, Морозенокъ платилъ своему помѣщику деньги и оставался до слѣдующаго набора. Поселившись окончательно въ с. Архангельскомъ, Подбѣльскій занялся сутяжничествомъ и мелкимъ ростовщичествомъ. Онъ бралъ на себя веденіе чужихъ тяжбъ, выигрывалъ ихъ, но въ тоже время втягивалъ своихъ вѣрителей въ другія хлопоты и оканчивалъ тѣмъ, что раззорялъ ихъ. Такимъ образомъ, ко времени пріѣзда моихъ родителей въ Архангельское, у Подбѣльскаго было уже душъ 30 крестьянъ, и онъ имѣлъ въ окрестностяхъ славу перваго доки, могущаго черное сдѣлать бѣлымъ. Видно, подвиги его были ужъ слишкомъ вопіющи, потому что дворянство постановило не допускать Подбѣльскаго на выборы, а губернское начальство исходатайствовало ему воспрещеніе быть ходатаемъ по чужимъ дѣламъ. Впрочемъ, это мало стѣсняло его дѣятельность. Подбѣльскій былъ звѣрски жестокъ съ своими крестьянами. Слухи носились о засѣченной женщинѣ и объ утонченномъ истязаніи другой; но все это осталось неразъясненнымъ, благодаря его искусству ладить съ судами и чиновниками. Нѣсколько разъ его отравляли, ко-

нечно, мышьякомъ или сулемой, но онъ всегда успѣвалъ во́ время принять мѣры противъ яда. У него была еще слава, которую онъ съ выгодою эксплуатировалъ: всѣ были увѣрены, что онъ колдунъ и чернокнижникъ. Такое убѣжденіе народа раздѣляла и бо́льшая часть мѣстной интеллигенціи, очень недалеко ушедшая отъ крестьянъ въ образованіи. Съ своей стороны онъ дѣлалъ все возможное, чтобы утвердить за собой эту славу. За 80 лѣтъ онъ женился вторымъ бракомъ на гувернанткѣ дѣтей сосѣдняго помѣщика, бойкой особѣ лѣтъ тридцати. Чрезъ годъ у нихъ родился сынъ, а еще чрезъ годъ дочь: оба живые портреты Ивана Акимовича. Другаго младшаго сына онъ называлъ внукомъ, давая знать, что его племянникъ, сосѣдній помѣщикъ, имѣетъ болѣе права называть сыномъ этого малютку. Старшій жилъ недолго, а младшій сдѣлался совершеннымъ негодяемъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Подбѣльскаго въ Пензѣ въ 1842 году Онъ былъ очень дряхлъ; память ему не измѣняла, но онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы на Кавказѣ что-нибудь измѣнилось послѣ того какъ онъ въ 1770 году возилъ провіантъ въ Грузію для войскъ генерала Тотлебена изъ кр. Св. Димитрія (близъ Ростова). Онъ умеръ 106 лѣтъ въ своемъ имѣніи. Страхъ, который наводилъ онъ на мужиковъ, не прошелъ и послѣ его смерти. Разсказывали, что онъ по ночамъ ходитъ; иныя бабы его видали. Въ одно утро могила его оказалась разрытою, трупъ его перевернутъ внизъ лицемъ, и въ него вбитъ осиновый колъ—средство, какъ извѣстно, самое вѣрное, чтобы олдунъ не вставалъ изъ гроба. Лично моимъ старикамъ этотъ недобрый сосѣдъ сдѣлалъ много непріятностей своими кляузами и наговорами подъ личиной участія. Въ притворствѣ и умѣніи играть всякую роль не легко было найти ему подобнаго.

Наконецъ, пріѣхали мои родители и началось мое деревенское воспитаніе т. е. вскармливанье.

Наша деревенская жизнь шла очень однообразно. Отецъ и мать вставали рано; отецъ шелъ на работы, а мать начинала безконечную возню съ такъ называемымъ женскимъ хозяйствомъ. Впослѣдствіи она такъ къ этому привыкла, что это сдѣлалось для нея необходимостью, и подъ вліяніемъ этой возни, въ которой она чувствовала себя полновластной и непререкаемой властительницей, сложился ея характеръ. Отецъ много ходилъ и ужъ непремѣнно присутствовалъ при всѣхъ работахъ барщины, не рѣдко самъ бралъ грабли или вилы и помогалъ рабочимъ. Отъ служебнаго величія полковника и полковаго командира въ немъ ничего не осталось Мужики его любили и боялись. Въ обращеніи съ ними онъ былъ простъ и дружелюбенъ. Съ наслажденіемъ вспоминаю его высокую фигуру съ сѣдыми волосами и въ бѣ-

ломъ, полотняномъ сюртукѣ, который самъ онъ себѣ и шилъ въ длинные, зимніе вечера, когда глаза устанутъ отъ чтенія Дѣяній Петра Великаго Голикова. Знакомые довольно рѣдко насъ посѣщали. Имѣніе наше давало возможность быть очень сытымъ, но не доставляло средствъ для роскоши и прихотей. Впрочемъ, въ то время весь складъ жизни помѣщиковъ былъ очень простъ. Если они иногда и проматывались, то рѣдко на утонченныя наслажденія, а болѣе на широкое гостепріимство, псарню и кутёжъ.

Мнѣ было четыре года, когда моя добрая нянька научила меня произносить по порядку буквы Русской азбуки. Сама она была неграмотна и только умѣла называть буквы на память и по порядку: азъ, буки, вѣди и т. д. Съ этого времени начинается мое образованіе—безсистемное, отрывочное, по методамъ довольно дикимъ, а иногда и безъ всякой методы. Не помню, было ли мнѣ 5 лѣтъ, когда отецъ посадилъ меня за азбуку, [illegible] шести лѣтъ я уже хорошо читалъ и писалъ. Отецъ былъ первымъ моимъ учителемъ. Позднѣе онъ помѣстилъ меня въ университетскій пансіонъ, содержавшійся въ Казани лекторомъ Нѣмецкаго языка Лейтеромъ. Увидѣвъ огромное множество мальчиковъ (до 60), я оробѣлъ, особенно, когда изъ другой комнаты вышла колоссальная фигура самаго содержателя пансіона. Иванъ Ѳедоровичъ Лейтеръ при высокомъ ростѣ былъ тученъ, говорилъ громко и держалъ строго своихъ воспитанниковъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, честный и по крайнему разумѣнію относился серьёзно къ своей педагогической задачѣ. Его худенькая маленькая супруга, Катерина Карловна, была хорошая хозяйка въ домѣ и помогала мужу въ надзорѣ, особенно за младшими.

Это было въ 1818 году. Мое ученіе пошло правильнѣе и успѣшнѣе. Я былъ мальчикъ способный; память у меня была очень хороша. Мои успѣхи въ наукахъ были такъ удовлетворительны, что на публичномъ экзаменѣ, когда мнѣ не было еще 12 лѣтъ, профессоръ математики Бартельсъ, погладилъ меня по головѣ за то, что я бойко вывелъ передъ нимъ Ньютоновъ биномъ. Правда, алгебра проходилась у насъ по Фусу, котораго сочиненіе можно скорѣе назвать сборникомъ алгебраическихъ рецептовъ, чѣмъ разумнымъ руководствомъ. Экзаменъ былъ у насъ обыкновенно въ половинѣ Іюня, и затѣмъ вакаціи продолжались до 15 Августа Въ это время за мною всегда присылали лошадей или пріѣзжалъ кто-нибудь изъ моихъ стариковъ и увозилъ меня въ деревню. Этотъ переѣздъ, въ 350 верстъ, на своихъ лошадяхъ, совершался довольно оригинально. Ѣхали не почтовымъ трактомъ, а проселочными дорогами и всегда по одному направленію, признанному кратчайшимъ. Отъ Казани первые два ночлега были у родныхъ: въ Семиключахъ, у тетки и въ Капревѣ, у дяди Петра Степановича Еси-

пова. На остальномъ разстояніи ночевали всегда почти въ тѣхъ-же деревняхъ и въ избахъ тѣхъ-же мужиковъ. Посѣщенія всей семьей близкихъ родныхъ продолжались почти ежегодно и послѣ моего отъѣзда изъ Казани. Эта семейственная перекочевка двухъ или трехъ бричекъ и кибитокъ, наполненныхъ дѣтьми, прислугой, пуховиками, подушками и всякой провизіей, имѣла свою прелесть, непонятную въ нынѣшнемъ вѣкѣ желѣзныхъ дорогъ и скорыхъ почтовыхъ сообщеній. Мужики и бабы, у которыхъ мы останавливались кормить лошадей, посреди дня, или ночевать, встрѣчали насъ радушно, какъ родныхъ, съ участіемъ распрашивали о нашемъ житьѣ - бытьѣ и меня называли не иначе, какъ Гришей. Нѣкоторые изъ этихъ добрыхъ людей были еще живы въ 1842 году, когда я въ послѣдній разъ проѣзжалъ по этой дорогѣ. По прежнему они называли Гришей 33 лѣтняго полковника и вспоминали то время, когда меня, больнаго ребенка, везли тутъ въ первый разъ. По пріѣздѣ на дневную остановку, кучера отправлялись убирать лошадей и давать имъ сѣна, а семья принималась за обѣдъ. Если же ѣхали мы одни съ отцомъ, то ожидали возвращенія кучеровъ, и тогда отецъ говорилъ хозяйкѣ свою обычную фразу: «ну-ка, мать, что̀ есть въ печи, на столъ мечи». Садились всѣ вмѣстѣ и обѣдали тѣмъ, что̀ оказывалось въ неприхотливой стряпнѣ хозяйки. Трапеза шла чинно неторопливо, съ какою-то важностью; разговоры велись разумные и нешумные. Не забуду я сѣдую фигуру моего старика, когда онъ съ простотою библейскаго патріарха предсѣдательствовалъ въ этой общей трапезѣ съ своими слугами. Не все-же безусловно дурно было въ прежнемъ быту при крѣпостномъ правѣ.

Отецъ не могъ сидѣть внутри закрытаго экипажа, и потому дорогой садился сбоку на облучкѣ, свѣся ноги; а, какъ мы на половину ѣхали шагомъ, то онъ всегда вставалъ и шелъ пѣшкомъ версты по двѣ и болѣе. Вообще онъ былъ большой пѣшеходъ и въ деревнѣ ежедневно ходилъ поутру верстъ по 10 и 15. Я часто ему сопутствовалъ, и это развило у меня привычку и любовь къ ходьбѣ, что̀ въ жизни мнѣ не разъ было полезно.

Три года я пробылъ въ пансіонѣ Лейтера. Старики платили за меня по 600 р. въ годъ, сумма въ тогдашнее время огромная и далеко превышавшая ту, которую они безъ стѣсненія могли платить за мое образованіе. А тутъ еще семейство наше начало прибавляться почти ежегодно. Въ 1818 году родилась сестра Екатерина, въ 1819 братъ Николай. Старики рѣшились взять меня изъ Казани. Въ то время у меня очень болѣла нога, которую я, вѣроятно, расчесалъ на берцовой кости. Рана не закрывалась уже мѣсяца два. Я былъ золотушный ребенокъ. Еще на первомъ году жизни я потерялъ слухъ на

лѣвое ухо, изъ котораго долгое время вытекала золотушная матерія. Въ Казани меня лѣчили мѣстныя знаменитости Вердерамо и Тило, но безуспѣшно. Меня привезли въ деревню съ глухимъ ухомъ и больной ногой. Послѣдняя излѣчилась оригинальнымъ образомъ. Къ намъ въ деревню пріѣзжалъ почти ежегодно разнощикъ, Владимирскій крестьянинъ, котораго на родинѣ прозвали Иваномъ-крестителемъ. Поводомъ къ этому прозвищу послужило то, что въ 1812 году, въ ихъ деревню наѣхали мародёры или фуражиры изъ непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ тогда Москву. Мародёровъ было человѣкъ 15; они требовали хлѣба, вина и разныхъ припасовъ. Иванъ предложилъ имъ боченокъ водки и, когда они бросились всѣ въ подвалъ, онъ вдругъ затворилъ наружныя двери, заперъ и завалилъ ихъ. Чрезъ нѣсколько дней мужики перебили ихъ всѣхъ, изнуренныхъ голодомъ и жаждой. Разсказывая этотъ случай, Иванъ всегда прибавлялъ съ злобной усмѣшкой, что онъ мусьевъ привелъ въ крещеную вѣру. Много звѣрскихъ инстинктовъ вызвало бѣдствіе 1812 года. Война была въ полномъ смыслѣ народная. Въ дѣтствѣ я помню разсказы подобные тому, героемъ котораго былъ Иванъ, Владимирскій мужикъ. Теперь такіе разсказы возбуждаютъ только омерзѣніе къ вызвавшему ихъ безчеловѣчному фанатизму, но въ свое время эта дикость спасла Россію. Ничего еще не придумала военная наука для народной войны. Но ничего подобнаго и не было въ Пруссіи, Австріи и Франціи во время погрома 1806, 1866 и 1871 гг., когда послѣ одного проиграннаго сраженія при Іенѣ рухнула Прусская монархія, войска сдавались, а крѣпости безъ выстрѣла отворяли ворота побѣдителямъ. Есть дикія силы въ Русскомъ народѣ. Вопросъ: что́ правители сдѣлаютъ изъ этого сыраго матеріала? Покуда еще не видно, чтобы его обратили на пользу человѣчности и цивилизаціи.

Возвращаюсь къ разсказу. Пріѣздъ разнощика составляетъ въ захолустномъ помѣщичьемъ быту пріятное событіе. Ловкій и говорливый торговецъ является прежде всего съ реестромъ товаровъ. Оказывается, что у него все есть, что́ нужно: и красные товары, и посуда, и бакалея. Все это на двухъ или на трехъ возахъ везется изъ Москвы и пополняется въ губернскихъ городахъ, по мѣрѣ распродажи. Процессъ осмотра товаровъ и разговоры съ новымъ лицомъ, расторопнымъ и бывалымъ, по крайней мѣрѣ столько же всѣхъ занимаютъ какъ и самая покупка. На этотъ разъ у Ивана оказался, въ числѣ многихъ другихъ товаровъ, пластырь, заклеенный въ коробочкѣ и запечатанный. Какой это пластырь—Иванъ не зналъ, но увѣрялъ, что «очень пользительный». Мать моя, по запаху, догадалась, что это тотъ пластырь, отъ котораго закрылась у нея фистула на глазу, долго не

поддававшаяся никакимъ другимъ средствамъ. На этомъ основаніи пластырь былъ купленъ и тотчасъ же приложенъ къ моей ногѣ, а чрезъ недѣлю рана зажила. Таково было и есть врачеваніе по всей Россіи; между крестьянами же главную роль играютъ заговоры, нашептыванья и безчисленное множество предразсудковъ и повѣрій, передаваемыхъ изъ рода въ родъ и губящихъ людей столько же, какъ и самыя болѣзни. Врачей и нынѣ почти нѣтъ, а въ то время и совсѣмъ не было. Если наѣзжалъ иногда лекарь въ деревню, то или для вскрытія тѣлъ скоропостижно умершихъ, или для прививки оспы. Въ обоихъ случаяхъ, завидѣвъ его, дѣти разбѣгались въ лѣсъ или прятались въ конопляхъ, а взрослые старались избѣгнуть встрѣчи съ лекаремъ, чтобы ихъ не заставили быть при томъ, какъ станутъ потрошить бѣднаго покойника. Эта операція всегда возбуждала въ народѣ ропотъ и враждебное отношеніе къ врачамъ и къ администраціи.

Въ концѣ зимы отецъ повезъ меня въ Саратовъ и по чьей-то рекомендаціи, помѣстилъ въ пансіонъ Квятковскаго, гдѣ за меня платили ста рублями дешевле, чѣмъ въ Казани.

Николай Степановичъ Квятковскій былъ бодрый старикъ лѣтъ 55. Онъ служилъ прежде землемѣромъ и на этомъ основаніи слылъ ученымъ. Оставивъ службу нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ завелъ пансіонъ для мальчиковъ. Говорятъ, что въ первое время, его заведеніе шло хорошо, но старикъ вздумалъ завести кирпичный заводъ и работать машиной, которую самъ изобрѣлъ. Это поглотило не только все его время, но и все небольшое его состояніе. Въ послѣднемъ много помогли ему жившая съ нимъ свояченица - вдова, дочь дѣвица лѣтъ 24 и сынъ, служившій помощникомъ губернскаго архитектора. Это было нехорошее семейство. Впрочемъ старика можно упрекнуть только въ томъ, что пансіономъ онъ совсѣмъ не занимался и не старался имѣть порядочныхъ учителей. Проэкзаменовавъ меня, онъ сказалъ отцу, что я многому учился, но ничего основательно не знаю. Тутъ была доля правды; но нужно признаться, что въ его пансіонѣ я кое-что́ забылъ и ровно ничего не пріобрѣлъ. Самъ онъ училъ насъ Французскому языку, ариѳметикѣ и географіи, но все ученіе состояло въ задаваніи уроковъ *отселѣ доселѣ,* и выучиваніи наизусть. Сверхъ того онъ по цѣлой недѣлѣ иногда совсѣмъ насъ не видѣлъ; учителя были такъ же неисправны. По Субботамъ послѣ обѣда и по праздникамъ мы были свободны отъ всякихъ занятій, и намъ позволялось гулять по городу вмѣстѣ или поодиночкѣ, безъ всякаго надзора. Въ Субботу вечеромъ мы должны были ходить ко всенощной, а въ Воскресенье къ обѣднѣ. Чтобъ не стоять долго, мы обыкновенно, поодиночкѣ, кочевали изъ одной церкви въ другую, выжидая конца службы. Такимъ

образомъ я попалъ въ церковь Св. Сергія, на высокомъ берегу Волги, съ которой открывался обширный видъ. Церковь была старинная, каменная, очень большая. У всенощной прихожанъ было мало; служилъ протоіерей, маститый старецъ за 80 лѣтъ. Служба при этой обстановкѣ произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Приходя каждую Субботу ко всенощной, я становился въ алтарѣ. Священникъ привыкъ видѣть меня и всегда говорилъ нѣсколько ласковыхъ словъ, или упрекалъ, если я опаздывалъ. Это былъ старецъ замѣчательной красоты наружной и душевной. Кротость, доброта и сознаніе святости своего призванія видны были во всѣхъ словахъ его и дѣйствіяхъ. Я привязался къ нему всей душой. Миръ душѣ твоей, старецъ! Я считаю тебя однимъ изъ своихъ благодѣтелей и едва ли не единственнымъ наставникомъ въ ученіи Христовомъ, хотя не по школьному руководству. Въ одну Субботу я узналъ, что старецъ скончался. На другой день я былъ на его похоронахъ и оплакалъ его какъ отца. Протодіаконъ громко и внятно читалъ молитвы, обычныя при погребеніи протоіерея. Торжественность обряда и краснорѣчіе молитвъ вызвали у меня нервный плачъ. Чрезъ 42 года (въ 1864 г.), я опять посѣтилъ церковь Св. Сергія. Она нисколько не измѣнилась, но мнѣ не удалось возбудить въ себѣ прежняго молитвеннаго настроенія. Вѣроятно воспоминаніе о немъ было причиною того, что во всю жизнь я охотно посѣщалъ церковь во всенощную и рѣдко въ обѣдню, слишкомъ образная торжественность которой и внѣшняя обстановка не позволяютъ сосредоточиться для искренней молитвы.

Осенью меня опять взяли въ деревню, а недѣли черезъ двѣ отецъ отвезъ въ Пензу, гдѣ я принятъ былъ въ 1 классъ гимназіи, а жилъ у директора, Ив. Ив. Лажечникова, содержавшаго въ своемъ домѣ небольшой пансіонъ. Это былъ будущій авторъ «Послѣдняго Новика», «Ледянаго дома» и другихъ романовъ, написанныхъ подъ сильнымъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта, но въ свое время занимавшихъ почетное мѣсто въ Русской литературѣ. Гимназіей онъ мало занимался, за то она и была въ такомъ порядкѣ, что привела бы въ ужасъ самаго снисходительнаго изъ нынѣшнихъ педагоговъ. Учителя были плохи, нѣкоторые приходили въ классъ пьяными, рукамъ давали большую волю, но ученьемъ не стѣсняли. Перемѣны продолжались по часу; а часто учителя совсѣмъ не приходили. Свободное время употреблялось на кулачные бои, классъ на классъ. Надзору никакого. Грязь вездѣ была невообразимая.

Въ Іюнѣ 1822 года я перешелъ во 2 классъ, а 1 Января 1823 года мнѣ минуло 14 лѣтъ. Отецъ, вступившій въ военную службу 13 лѣтъ, нашелъ, что и мнѣ пора. Старый сослуживецъ, генералъ Кузьминъ

присовѣтовалъ ему записать меня юнкеромъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ. Встрѣтилось затрудненіе: въ службу можно было опредѣлиться не моложе 17 лѣтъ; но это, повидимому неодолимое, затрудненіе, было легко устранено посредствомъ пятирублевой бумажки, данной секретарю Консисторіи. Отецъ повезъ меня въ городъ Наровчатъ, гдѣ былъ штабъ Олонецкаго пѣхотнаго полка. На дорогѣ, въ гор. Инсарѣ, мы случайно встрѣтили унтеръ-офицера этаго полка; онъ присовѣтовалъ моему отцу просить, чтобы меня зачислили въ 3-ю мушкатерную роту: обстоятельство, кажется, совершенно ничтожное, но имѣвшее благодѣтельное вліяніе на всю мою жизнь. Полкомъ командовалъ полковой командиръ Геннадій Иван. Кознаковъ, числившійся прежде въ Семеновскомъ полку, но, какъ видно, не бывшій въ этомъ полку во время возмущенія этого полка противъ своего командира Шварца, и въ то время имѣвшаго незавидную славу звѣрской жестокости. Отецъ побывалъ у полковаго командира, кончилъ всѣ формальности и на другой день уѣхалъ въ деревню, а я отправился въ юнкерскомъ мундирѣ въ 3-ю мушкатерскую роту, стоявшую на тѣсныхъ квартирахъ въ д. Шиловкѣ, въ 3 верстахъ отъ Наровчата.

Здѣсь конецъ моему дѣтству. Воинъ, защитникъ отечества, я уже былъ самостоятельнымъ гражданиномъ. Въ сущности я былъ совершенно ребенокъ; у меня сохранился мой первый китель, похожій на одежду куклы скорѣе, чѣмъ на солдатскій мундиръ. Крестьянскіе мальчишки, къ великому моему огорченію, кричали: «Гриша, Гриша», когда я проходилъ по деревенской улицѣ. Житейскаго смысла и опытности—никакихъ. И такое дитя пустили на распутіе дорогъ, съ правомъ самостоятельнаго выбора!

Олонецкій пѣхотный полкъ, куда я опредѣлился, принадлежалъ къ 5 пѣхотной дивизіи и 2 пѣхотному корпусу, и славился хорошимъ обществомъ офицеровъ. Хорошъ ли былъ полковой командиръ, я не знаю; но, вообще Г. И. Казнаковъ былъ человѣкъ образованный и порядочнаго общества. Это вѣроятно отражалось на всей его полковой семьѣ и до нѣкоторой степени умѣряло дикость нравовъ этого варварскаго времени для нашего военнаго вѣдомства. 3-ю мушкатерскою ротою командовалъ Егоръ Яковлевичъ Непенинъ. Онъ былъ лѣтъ 35, былъ въ кампаніи 1814 года и довольно долго оставался въ Парижѣ. Въ полку онъ считался отличнымъ ротнымъ командиромъ и коноводомъ. У матери его было имѣніе въ Вологодской губ., и потому онъ менѣе многихъ другихъ товарищей былъ подавленъ крайне-скуднымъ тогдашнимъ содержаніемъ. Егоръ Яковлевичъ былъ человѣкъ честный, замѣчательно добрый, разумный и порядочно образованный. Я считаю его своимъ благодѣтелемъ и сохраню навсегда память о

немъ. Ему я обязанъ тѣмъ, что не попалъ въ ту колею, по которой шли большая часть моихъ товарищей. Кромѣ меня, юнкеровъ въ полку было 66. Между ними были такіе, какъ братья Жулябины, однодворцы, вступившіе въ службу, чтобы не потерять дворянскихъ правъ. Старшій, мужикъ лѣтъ 30, привелъ двухъ братьевъ къ полковому командиру въ лаптяхъ. Грамотѣ они знали столько, чтобы нацарапать свое имя съ грѣхомъ пополамъ. Но это были люди только простые и вѣроятно честные; а между юнкерами были и такіе, которые были неравнодушны къ двугривенному своего ближняго.

Ротный командиръ принялъ меня ласково и послалъ къ фельдфебелю для полученія квартиры. Въ ротѣ оказался у меня землякъ, юнкеръ Андріяновъ, изъ Базарной Кеньши, въ 12 верстахъ отъ нашей деревни. Фельдфебель Филипъ Гавриловичъ Казанковъ, принялъ меня съ подобающею важностью, саркастически отозвался о пользѣ, которую могутъ принести такіе царскіе слуги, и когда я попросилъ, чтобы меня поставили съ Андріяновымъ на одну квартиру, благосклонно спросилъ: «а что, али однокорытники?»

Деревня Шиловка была экономическая, въ ней было душъ 200 м. пола. Мужики были очень бѣдны послѣ пожара, года три назадъ истребившаго всѣ дома. Съ Андріяновымъ стояли еще человѣкъ пять солдатъ, которые «бѣлились» въ то время, когда я взошелъ въ избу. Это значитъ: они чистили бѣлые ремни своей аммуниціи. Въ избѣ былъ совершенный хаосъ: пыль столбомъ, вездѣ мѣловыя брызги покрывали исконную грязь пола и лавокъ. Оказалось, что Андріяновъ жилъ не въ избѣ, а, по лѣтнему времени, въ хлѣвѣ, гдѣ многія поколѣнія скота и птицъ оставили аршина на полтора навозу. Туда, за ненадобностью, втащены розвальни, на нихъ положена солома, покрытая синей крашенинной простыней съ двумя такими же подушками; и на всемъ этомъ роскошно развалился Андріяновъ, очевидно довольный своимъ положеніемъ. Вокругъ него, по стѣнѣ, были развѣшаны его доспѣхи: киверъ, сума, портупея, тесакъ и т. д.

Тутъ же мы рѣшили: втащить для меня другія розвальни и устроить ложе у другой стѣны. Насъ позвали обѣдать. На дворѣ, за столъ, накрытый грязнѣйшимъ столешникомъ, усѣлись съ нами пять солдатъ. Каждый принесъ свой хлѣбъ, хозяйка подала большую чашку щей съ лебедой, приправленныхъ кусочкомъ свинаго сала и ложкой молока. «Вотъ она, солдатская-то нужда», думалось мнѣ. Я былъ совершенно счастливъ сознаніемъ, что и я несу тягости военной службы, о чемъ слышалъ съ завистью нерѣдкіе разсказы моего отца. Однако щи были очень невкусны, и я отъ нихъ совсѣмъ отказался, когда одинъ изъ солдатъ вытащилъ изъ нихъ большаго таракана. Хозяйка, все время

смотрѣвшая на меня пригорюнившись, расплакалась, что я молодёшенекъ пошелъ на чужую сторону и на солдатскую нужду. Добрая женщина принесла мнѣ стаканъ молока, отнявъ его у своихъ малютокъ. Послѣ нашего обѣда меня позвали къ капитану обѣдать, а возвратившись вечеромъ домой, я нашелъ неожиданное великолѣпіе: Иванъ, бывшій моимъ дядькой въ пансіонѣ, а теперь посланный со мною съ благовиднымъ титуломъ слуги, поговорилъ съ старостою; явились мужики съ вилами и лопатами, навозъ подняли до земли и увезли, а землю посыпали песочкомъ и вообще устроили мою резиденцію кокетливо и съ возможнымъ комфортомъ. Иванъ Никитичъ былъ крѣпостной моей матери. Это былъ человѣкъ лѣтъ 26-ти, пріятной наружности, неглупый и большой франтъ. Онъ самоучкой выучился сапожному мастерству, шилъ хорошо и работу любилъ. У него водилась деньга̀, но онъ любилъ веселую кампанію и бывалъ пьянъ; впрочемъ пьяницей онъ никогда не былъ. Семейная жизнь его была несчастлива. За мной смотрѣлъ онъ хорошо, и я его любилъ.

Водворившись въ своей резиденціи, я распросилъ Андріянова: «какъ и что». «Главная сила—задобрить фельдфебеля. Я ему подарилъ десяти-рублевую бумажку, на рубашку ситцу и полштофа сладкой водки». Посовѣтовавшись съ Иваномъ, я послалъ такой же гостинецъ съ прибавкой. Это было довольно чувствительно для моего кошелька, въ которомъ было 70 р. ассигнаціями. Впрочемъ моя щедрость пропала даромъ: Филиппъ Гавриловичъ обидѣлся, что я не самъ принесъ, а прислалъ съ Иваномъ, что̀ послѣднему не помѣшало возвратиться на веселѣ.

Филипъ Гавриловичъ Казанковъ былъ типическій фельдфебель того времени. Лѣтъ подъ сорокъ, средняго роста, коренастый, грамотѣ не зналъ, но память имѣлъ очень хорошую, держалъ роту въ ежовыхъ рукахъ; но какъ начальникъ, такъ и подчиненные были имъ довольны. Ко мнѣ онъ былъ нерасположенъ, далъ самую жирную ременную аммуницію, мундиръ пригналъ такъ узко, что со мною сдѣлалось дурно. «Сомлѣлъ... эхъ, дворянчикъ». Болѣе онъ мнѣ ничего сдѣлать не могъ, потому что ротный командиръ взялъ меня подъ свое особое покровительство. Можно вообразить мое удивленіе, когда въ 1832 г. на дневкѣ, близъ Ломзы, ко мнѣ явились Филиппъ Гавриловичъ и бывшій мой дядька Василій Горбуновъ. Послѣдній былъ капральнымъ унтеръ-офицеромъ; первый продолжалъ быть фельдфебелемъ тойже роты; прибавились у него только Георгіевскій крестъ за Турецкую войну и золотой шевронъ. Это были единственные остатки третьей мушкетерской роты моего времени. Ихъ полкъ дѣлалъ Турецкую войну, былъ два раза комплектованъ и возвратился въ Россію въ составѣ 137 нижнихъ чи-

новъ. Нужно было случиться, что моя рота, возвращаясь послѣ войны изъ Польши въ Россію, дневала именно въ той деревнѣ, гдѣ былъ постоянный ротный дворъ 3-ей мушкетерской роты Олонецкаго полка. За эти 9 лѣтъ Филиппъ Гавриловичъ преуспѣлъ въ грамотѣ: умѣлъ читать, а по нуждѣ и нацарапать свое имя. Его хотѣли представить въ подпоручики; но онъ рѣшительно отказался, говоря: «Какой я буду офицеръ? а какъ исправный фельдфебель, я во всей дивизіи извѣстенъ».

Въ годъ моего вступленія на службу, Олонецкій полкъ не стоялъ въ лагерѣ, а былъ собранъ на тѣсныя квартиры вокругъ полковаго штаба. Норовчатъ скорѣе походилъ бы на большое село, чѣмъ на городъ, если бы не было присутственныхъ мѣстъ и десятка лавочекъ. Окрестныя деревни были одинаково бѣдны и грязны; но, если я не ошибаюсь, тогдашняя бѣдность была лучше нынѣшней. Пьянства было гораздо меньше, подати легче, и потому сытыхъ въ народѣ было больше, чѣмъ нынѣ. Взятки и поборы были тѣже, но чиновниковъ было меньше; да и довольствовались они мѐньшимъ, потому что вообще роскошь и прихоти были менѣе развиты во всѣхъ сословіяхъ. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ было много помѣщиковъ, но большею частью людей небогатыхъ. Уровень ихъ образованія былъ низокъ, нравы грубы; но потребности легко удовлетворялись продуктами крѣпостнаго права, которыя нѣкоторые эксплуатировали не совсѣмъ гуманно. Роскошь составляли: гостепріимство, кутежи и охота. Теперь все это измѣнилось, и только духовенство и бóльшая часть купечества остаются покуда неизмѣнно-вѣрными своимъ дѣдовскимъ преданіямъ.

Весной, со вступленіемъ на тѣсныя квартиры, начиналась усиленная учебная дѣятельность. Въ войскахъ фронтовое обученіе солдатъ не было доведено до такихъ тонкостей, какъ это было въ царствованіе Николая Павловича, когда какой-то забавникъ справедливо назвалъ одиночное ученіе фронтологіей. Дѣйствительно, это сдѣлалось наукой, съ своими аксіомами, своими личными взглядами, возбуждавшими жаркіе споры, съ своей терминологіей, непонятной профанамъ, и съ своими фанатиками искренними и притворными. Въ царствованіе Александра I, одиночное ученіе въ войскахъ было на второмъ планѣ, умѣнье маневрировать было неудовлетворительно, главнымъ дѣломъ считался церемоніальный маршъ. На смотрахъ всю надежду возлагали на него и на общее усердіе. Я говорю конечно объ арміи; вѣроятно, это было иначе въ гвардіи и совсѣмъ иначе въ саперныхъ войскахъ, которыя были подъ начальствомъ генералъ-инспектора, тогда мало думавшаго о престолѣ.

Но эта, казалось, немудренная наука дорого доставалась бѣднымъ солдатамъ. Съ началомъ ученья начиналось немилосердое дранье и зубодробленіе за малѣйшее движеніе, которое признавалось ошибочнымъ. Драли розгами, палками, шомполами и тесаками. Были начальники, которые особенно славились тѣмъ, что въ ихъ частяхъ съ каждаго ученія по нѣскольку человѣкъ уносили на плащахъ. Сто розогъ или палокъ было легкимъ наказаніемъ: давали по тысячѣ и полторы тысячи ударовъ. Все это происходило предъ фронтомъ по одному слову начальника, часто произнесенному въ запальчивости. Случалось, что на ученье вмѣстѣ съ частью войскъ привозился возъ палокъ; унтеръ-офицеры имѣли всегда палки въ стволѣ ружья и сзади подъ фалдами мундира. Драли и колотили по зубамъ солдатъ всѣ, начиная съ ефрейтора; въ саперныхъ баталіонахъ были люди, получавшіе зуботычины изъ рукъ, впослѣдствіи державшихъ скипетръ.

При опредѣленіи мѣры наказанія начальникъ ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Казалось бы, этотъ произволъ могъ сдѣлать наказаніе менѣе жестокимъ; но нужно вспомнить общую дикость нравовъ и жестокость этого времени, наслѣдство предшествовавшихъ вѣковъ. И вотъ Петровъ или Ивановъ начинаетъ прогулку по зеленой улицѣ (техническій терминъ) между двумя рядами солдатъ. У каждаго лоза аршина полтора длины и въ мизинецъ толщины. Каждый, при проходѣ несчастнаго, ударяетъ его по голой спинѣ. Пройдя весь строй, возвращается назадъ; лекарь щупаетъ пульсъ и рѣшаетъ, можно ли продолжать наказаніе. Если нельзя, Петрова или Иванова отправляютъ въ лазаретъ, лечатъ и снова выводятъ, чтобы «доходить положенное число разовъ». Кто повѣритъ, что были выдерживавшіе 12 тысячъ лозановъ? Кто повѣритъ, что хлестаніе этой безобразной массы чернаго окровавленнаго мяса, возимаго на телѣжкѣ, продолжалось даже и въ то время, когда Петровъ или Ивановъ стоялъ уже предъ престоломъ Милосердаго Судьи?

Многія изъ этихъ страшныхъ сценъ я видѣлъ своими глазами во времена моего юношества и первой молодости, гдѣ, подъ старость, обыкновенно ищутъ свѣтлыхъ воспоминаній.... Исторія смягчитъ судъ объ этомъ варварскомъ, кровожадномъ времени; но человѣчество благословитъ того, кто избавилъ Россію отъ этихъ кровавыхъ зрѣлищъ, понявъ, что тѣлесныя истязанія унижаютъ преступника, унижаютъ солдатъ, которые являются палачами своего собрата и, наконецъ, унижаютъ правительство, которое не понимаетъ военной дисциплины, не основанной на драньѣ и зубодробленіи.

Въ два года моей службы въ ротѣ я не помню, чтобы Егоръ Яковлевичъ, на ученьи, кого-нибудь своеручно ударилъ; онъ и назна-

чалъ наказаніе въ рѣдкихъ случаяхъ. Солдаты его очень любили. Роль Аракчеева игралъ у него Филипъ Гавриловичъ, который, въ отсутствіе ротнаго командира, не клалъ охулки на свою руку. Если въ ротѣ и имъ были довольны, то только потому что онъ бариномъ не прикидывался, жилъ съ солдатами посолдатски и подъ часъ не прочь былъ раздѣлить съ ними бесѣду и штофъ водки.

Въ ротѣ было немало людей, которые имѣли медали за 1812—1814 гг.; они помнили еще по нѣскольку словъ Французскихъ и Нѣмецкихъ и охотно разсказывали о своихъ походахъ. Старики были со мною очень ласковы. Тяжела была тогда солдатская служба. 25-лѣтній срокъ продолжителенъ до нелѣпости, а если кто былъ оштрафованъ, хотя бы смѣщеніемъ изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые за незнаніе фронта, тотъ оставался на службѣ всю жизнь. При ротныхъ артельныхъ лошадяхъ у насъ былъ рядовой Плѣшкинъ, старецъ лѣтъ 70, почтенной наружности и всѣми уважаемый. Онъ служилъ безъ отставки, потому что былъ изъ Польскихъ плѣнныхъ; прослуживъ 48 лѣтъ, онъ конечно могъ выйти въ неспособные на родину, въ инвалиды; но старикъ давно забылъ свою родину, гдѣ онъ вѣроятно иначе и назывался, и сроднился съ ротой, въ которой онъ пережилъ много поколѣній. Эта грустная картина напоминала мнѣ слова моего отца: «молодой солдатъ—старый нищій».

Полковой сборъ кончался смотромъ бригаднаго командира. Я на немъ не былъ, потому что не въ силахъ еще былъ поднимать 14-фунтовое ружье и таскать пудовой ранецъ. Правильнѣе будетъ сказать, что этой льготой я обязанъ былъ добротѣ моего достойнаго ротнаго командира, который отечески обо мнѣ заботился.

Послѣ смотра мы отправились на зимнія квартиры, верстъ за 20 отъ Наровчата. Ротный дворъ былъ въ экономическомъ селѣ Покровскомъ, гдѣ было около 2.000 душъ и двѣ церкви. Здѣсь мужики были зажиточнѣе: денегъ, правда, ни у кого не было, но не было и голодной нужды. Егоръ Яковлевичъ взялъ меня къ себѣ на квартиру, но независимо отъ этого мнѣ и Ивану были отведены квартиры, каждому по 24 рев. души. На эти квартиры я обыкновенно ходилъ поочередно утромъ ѣсть сливки и яичницу. Добрые люди были ко мнѣ ласковы; обижали меня только мальчишки, которые продолжали называть меня Гришей.

На зимнихъ квартирахъ солдатамъ давался безусловный отдыхъ, если не считать службой одиночныхъ по избамъ ученій ружейнымъ пріёмамъ, учебному шагу и *пунктикамъ*: такъ называлась у солдатъ книжечка, которую безграмотные солдаты должны были заучивать наизусть. Тамъ, сверхъ многихъ довольно отвлеченныхъ и тайныхъ тол-

кованій о значеніи и обязанности солдата, были имена его начальниковъ. Нельзя было безъ смѣху и жалости смотрѣть, какъ какой-нибудь Чувашъ или Хохолъ коверкалъ свой языкъ, чтобы на вопросъ: «кто у тебя главнокомандующій?» отвѣчать: «генералъ отъ инфантеріи графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.»

На зимнихъ квартирахъ, внѣ служебныхъ занятій, солдатъ пользовался совершенной свободой въ одеждѣ и жизни. Онъ надѣвалъ полушубокъ и шапку своего хозяина и старался сдѣлаться его семьяниномъ, помогалъ въ работахъ полевыхъ и домашнихъ. Конечно, народную нравственность это не улучшало; но солдатъ отдыхалъ въ привычномъ ему быту и былъ гораздо здоровѣе, чѣмъ тотъ, который зимовалъ въ вонючихъ казармахъ, отапливаемыхъ изъ экономіи человѣческою теплотою.

Если устранить все грубое и дикое, принадлежавшее тому времени, едва ли не окажется, что тогдашній порядокъ содержанія и употребленія войскъ былъ раціональнѣе нынѣшняго. Лагерная жизнь не имѣетъ ничего общаго съ жизнью въ крестьянскомъ быту и съ жизнью солдата въ военное время. Бóльшая часть фронтовыхъ тонкостей имѣютъ значеніе условное и совсѣмъ безполезны для прямаго назначенія войскъ, а между тѣмъ дорого стоятъ здоровью солдата. Худо было тогда то, что совсѣмъ не заботились о физическомъ и умственномъ развитіи солдата и не учили его стрѣлять въ цѣль. Въ два года службы въ полку я не слышалъ ни одного боеваго выстрѣла, хотя отпускалось по три патрона на человѣка. Впрочемъ, и ружья были отвратительно дурны, испорчены варварской чисткой, съ изогнутыми стволами и неисправными замками. Щегольствомъ былъ частый батальный огонь въ развернутомъ фронтѣ, чему помогали огромныя затравки, изъ которыхъ при заряжаніи высыпался порохъ на пóлку. Много дикаго было тогда, но немало осталось и теперь. Тогда не было по крайней мѣрѣ такой ефрейторщины и игры въ солдатики, какая нынѣ царствуетъ въ военномъ вѣдомствѣ въ малыхъ и огромныхъ размѣрахъ. Тогда не считали мирныхъ маневровъ школою для боя, а военной игры школою для образованія полководцевъ. Въ послѣдствіи времени мнѣ только на Кавказѣ пришлось видѣть войска, въ которыхъ еще сохранились Суворовскія преданія. Это были въ полномъ смыслѣ des héros en guénilles *), но они едва могли ходить въ ногу, о равненіи на церемоніальномъ маршѣ имѣли смутное понятіе, а о томъ, что́ такое щегольской разводъ и не подозрѣвали. Теперь, говорятъ, общій уровень прошелъ и по этимъ раскольникамъ военнаго вѣдомства. Жаль

*) Герои въ отрепьяхъ.

мнѣ васъ, боевые товарищи, жаль и Россіи! Зубодробительная и задирательная дисциплина съ 25-лѣтнимъ срокомъ службы теперь конечно невозможна; оказывается настоятельная необходимость внести разумныя начала въ военный быть, относиться трезво и безъ увлеченій ко всѣмъ особенностямъ народнаго характера и Русской земли, а пуще всего перестать играть въ солдатики. Бѣда, если у насъ будетъ Прусская армія. Не часто придется имѣть дѣло съ непріятелемъ, котораго арміи, послѣ перваго неудачнаго боя, падаютъ духомъ и кладутъ оружіе. Намъ нужны войска, которыя послѣ тысячеверстнаго отступленія дерутся какъ львы подъ Бородинымъ. А врядъ ли этого можно ожидать отъ войскъ, которыя образуются на основаніи новой военной организаціи. Въ ней много гуманнаго, но мало Русскаго; она можетъ быть вредной или гибельной; послѣднее, если насъ война застанетъ до окончанія преобразованій. Вредной эта реформа, по моему разумѣнію, будетъ безусловно до тѣхъ поръ, пока народное образованіе не придетъ въ уровень съ требованіями новой организаціи войскъ. А это будетъ очень нескоро. Основаніемъ и корнемъ солдатской семьи служатъ унтеръ-офицеры и старые солдаты. Ни тѣхъ, ни другихъ не можетъ быть при нынѣшнемъ срокѣ службы, изъ котораго еще полагается увольнять въ $1\frac{1}{2}$ годичный отпускъ. Образованные офицеры будутъ болѣе или менѣе далеки отъ солдатъ, и именно на всю разность ихъ умственнаго развитія. Говорятъ, что при всесословной военной повинности въ рядахъ солдатъ будутъ молодые люди развитые и образованные. Это правда, и такой аргументъ былъ бы очень важенъ, еслибы будущія войны могли оканчиваться однимъ боемъ или въ короткое время; но для трудныхъ, продолжительныхъ войнъ нужны закаленные ветераны, de vieux grognеurs *); нужны Ширванцы, Кабардинцы, Куринцы, Мингрельцы, Нижегородцы, Тенгинцы, которые по десятку лѣтъ не видали своего полковаго штаба и находили это совершенно естественнымъ. Вѣчная память вамъ, простодушные воины, не подозрѣвавшіе своего великаго героизма! Потомки не повѣрятъ вашей скромной доблести и будутъ мѣрять васъ на свой аршинъ. Въ 1828 году, когда Ермоловъ только что оставилъ Кавказъ, знаменитый Ширванскій полкъ долженъ былъ вступать въ Тифлисъ послѣ 11-лѣтнихъ безпрерывныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій. Дибичъ долженъ былъ смотрѣть этотъ полкъ при вступленіи. Попечительное начальство отправило за одну станцію новыя шинели на весь полкъ, чтобы славныя лохмотья Ширванцевъ не мозолили глаза солдата «Нѣмецкихъ

*) Старые ворчуны.

пудреныхъ дружинъ». Но Богъ знаетъ куда увлекли меня воспоминанія. Возвращаюсь къ моему юнкерству.

Весною 1824 г. начались усиленныя фронтовыя занятія. Государь долженъ былъ смотрѣть 2-й корпусъ въ Пензѣ. Мы пришли на прежнія тѣсныя квартиры. Часто собирался весь баталіонъ вмѣстѣ для батальоннаго ученія. Однажды даже было полковое ученіе, котораго я былъ только зрителемъ, потому что произошелъ только стойку, повороты и маршировку. Дядька мой, рядовой Василій Горбуновъ, былъ добрѣйшее существо и нисколько не торопился открыть мнѣ всѣ тайны побѣдъ. Не безъ умиленія вспоминаю теперь, сколько добрыхъ людей мнѣ случилось встрѣтить въ эту эпоху моей жизни. Къ Егору Яковлевичу я привязался всей душой, какъ къ отцу. Онъ заботился обо мнѣ съ деликатностью, которую только въ послѣдствіи я могъ оцѣнить, старался устранить меня отъ всего, что́ есть циническаго въ жизни холостыхъ офицеровъ и если кто-нибудь начиналъ разговоръ при мнѣ о грязныхъ предметахъ и въ выраженіяхъ нецеремонныхъ, онъ всегда останавливалъ словами: «при ребенкѣ можно бы этого не говорить». Но ребенокъ находилъ много другихъ учителей и, къ сожалѣнію, многими уроками слишкомъ воспользовался. Вообще военная семья плохая школа для молодаго человѣка, еще не выработавшаго никакого характера, никакихъ самостоятельныхъ убѣжденій. При новой организаціи военной повинности *всѣ* молодые люди пройдутъ чрезъ эту школу. Конечно есть разница между возрастами 14—15 и 17—20 лѣтъ, но эта разница не очень велика, и вообще нѣтъ сомнѣнія, что такой усиленный милитаризмъ будетъ имѣть вредное вліяніе на нравственность народную и особенно на молодыхъ людей болѣе достаточныхъ классовъ.

Однажды Егоръ Яковлевичъ, пріѣхавъ изъ Наровчата, сказалъ мнѣ: «Ну, Филипсонъ, я тебя просваталъ. Если ты хорошій мальчикъ, скажешь мнѣ спасибо; отъ тебя будетъ зависѣть сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ». Оказалось, что полковой командиръ получилъ предписаніе выбрать изъ юнкеровъ его полка нѣсколько болѣе другихъ образованныхъ и послать въ дивизіонный штабъ. Эти юнкера назначались въ юнкерскую школу, которая, по иниціативѣ начальника главнаго штаба 1-й арміи барона Толя, открывалась при главной квартирѣ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, на новыхъ основаніяхъ.

Помню очень хорошо, что это извѣстіе меня очень обрадовало, и Егоръ Яковлевичъ за то меня ласково похвалилъ; но, кажется, другимъ юнкерамъ оно представилось иначе, потому что въ полку не оказалось другаго охотника. На другой же день Егоръ Яковлевичъ представилъ меня полковому командиру, который сдѣлалъ мнѣ экза-

менъ: изъ данной точки на данную линію опустить перпендикуляръ, спросилъ кое-что объ Александрѣ Македонскомъ, и какой главный городъ въ Испаніи? Когда я сказалъ: Мадридъ, онъ спросилъ, а на какой онъ рѣкѣ? Ничтожнаго и мутнаго Мансанареса я бы могъ и не знать, но у меня всегда была острая память на имена и числа. Бойкій отвѣтъ мой разсмѣшилъ полковника и когда я написалъ подъ диктовку десятокъ строкъ по-русски и по-французски, онъ призналъ меня достойнымъ отправленія и прибавилъ: «учись, ты еще почти дитя, тебѣ бы и не слѣдовало покидать школьную скамью».

До отправленія въ дивизіонный штабъ мнѣ позволено было съѣздить къ моимъ старикамъ недѣли на двѣ. Сборы были не долги. Совѣстно признаться, я простился съ моимъ почтеннымъ Егоромъ Яковлевичемъ безъ особеннаго горя. Молодость живетъ въ будущемъ, и меня манила впередъ какая-то надежда на что-то лучшее. Возбуждалось самолюбіе и вмѣстѣ съ нимъ тщеславіе. Мнѣ дали отпускной билетъ, конечно съ приложеніемъ ротной печати, и по этому документу Иванъ ухитрялся въ каждой деревнѣ добывать обывательскихъ лошадей. Раза два какой-то грамотѣй возразилъ, что въ бумагѣ о лошадяхъ не сказано, но Иванъ указывалъ на слова: «оказывать всякое законное содѣйствіе» и дополнялъ ихъ убѣдительною косушкою водки.

Старики мои были очень довольны моимъ назначеніемъ; только мать плакала и усиленно кормила меня домашними снадобьями на томъ основаніи, что Богъ знаетъ, придется ли мнѣ еще когда-нибудь ѣсть родительскій хлѣбъ-соль.

Я пробылъ въ деревнѣ двѣ недѣли и отправился съ Иваномъ въ Пензу, напутствуемый благословеніями и обыкновенными наставленіями.

Въ Пензѣ я пробылъ довольно долго въ ожиданіи прибытія юнкеровъ изъ другихъ полковъ дивизіи. 2-й пѣхотный корпусъ собирался въ Пензу къ смотру Государя, корпусный штабъ уже прибылъ; но князя Горчакова еще не было, и его должность исправлялъ старшій изъ дивизіонныхъ начальниковъ, г.-л. Эмме. Здѣсь предстоялъ намъ экзаменъ болѣе серьезный. Насъ оказалось 7, изъ которыхъ я былъ младшій лѣтами и меньшій ростомъ. Остальные были молодые люди 19—20 лѣтъ, рослые и очень недовольные предстоящимъ назначеніемъ. Экзаменовалъ насъ начальникъ штаба 2-го корпуса, полковникъ В. А. Обручевъ. Всѣ мои товарищи были егеря, т. е. въ черной аммуниціи; я одинъ былъ мушкетеръ, т.-е. въ бѣлой аммуниціи и представлялъ довольно жалкую фигуру на лѣвомъ флангѣ нашей шеренги.

Началось съ портупей-юнкера Купріянова. «Вы, г. Купріяновъ, какъ далеко проходили математику?» —Математику? Не помню; кажется,

не проходилъ.—Ну да вѣдь четыре-то первыя правила ариѳметики вы знаете?—«Зналъ, но забылъ; впрочемъ, кажется, сложеніе и вычитаніе помню.

— А вы, г. Сабуровъ, учились ариѳметикѣ?

— Учился, г. полковникъ, но это было давно, и я теперь ничего не помню.

Обручевъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ внимательно и строго, спросилъ еще двухъ другихъ и, получивъ тѣже отвѣты, понялъ что тутъ есть стачка. «Господа, сказалъ онъ строго, вы не хотите учиться, полагая, что и безъ того будете офицерами. Я даю вамъ честное слово, что пока я здѣсь, ни одинъ изъ васъ не будетъ произведенъ. Извольте идти въ дежурство; тамъ вы получите обратное отправленіе въ полки». Меня онъ не спрашивалъ; я былъ въ большомъ горѣ и чуть не заплакалъ. Вѣроятно Обручевъ это замѣтилъ. «И вы, Филипсонъ, ничего не знаете?» Я, не долго думая, скороговоркой сказалъ: «Я все знаю». —«Ну ужъ это слишкомъ много. Посмотримъ однакожъ». На всѣ вопросы я отвѣчалъ удовлетворительно и съ видимымъ желаніемъ быть отправленнымъ въ школу. Это, вѣроятно, расположило Обручева въ мою пользу, и онъ ласково старался облегчить мнѣ отвѣты, а иногда по-школьнически подсказывалъ. Я объ этомъ упоминаю потому, что В. А. Обручевъ послѣ былъ генералъ-губернаторомъ Оренбургскимъ и былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ человѣкъ суровый и большой педантъ.

Изъ 5-й дивизіи я одинъ, а изъ 6-й двое получили отправленіе въ Могилевъ. Въ Рязани мы должны были соединиться съ юнкерами 4-й дивизіи и ѣхать далѣе вмѣстѣ.

Мы отправились на почтовой тройкѣ. Товарищи мои, Стрекаловъ и Войтъ, были гораздо старше меня и смотрѣли на меня, какъ на мальчика, съ видомъ покровительства. Въ Рязани мы прождали недѣли двѣ и употребили это время на игру въ горку, спанье и гулянье. Изъ 4-й дивизіи прибыло 5 юнкеровъ и въ томъ числѣ два брата Никифоровыхъ, изъ которыхъ второй былъ молодой человѣкъ съ замѣчательными способностями, но съ несноснымъ самолюбіемъ. Онъ былъ старше меня годами четырьмя, но съ нимъ я особенно подружился.

Въ бытность нашу въ Рязани, чрезъ этотъ городъ проѣхалъ императоръ Александръ Павловичъ въ Пензу, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлать послѣдній въ его жизни смотръ корпуса. Я его видѣлъ издали, когда онъ вышелъ изъ собора, окруженный большою свитою.

Изъ Рязани мы ѣхали черезъ Москву и Смоленскъ день и ночь. Все это было для меня ново и возбуждало во мнѣ наивное любопытство и удивленіе, надъ чѣмъ смѣялись мои болѣе опытные товарищи. Въ Августѣ ночи бываютъ холодны, а на мнѣ была одна солдатская

шинель. Я согрѣвался только тѣмъ, что соскакивалъ съ телѣги и бѣжалъ рядомъ съ ней саженъ по сотнѣ.

Когда мы пріхали въ Могилевъ, нашъ старшій, Ляпуновъ, представилъ насъ начальнику школы юнкеровъ, майору Волкову, который принялъ насъ сурово и сказалъ: «Здѣсь только двѣ дороги: быть хорошимъ офицеромъ или солдатомъ; выбирайте». Это нагнало на насъ большой страхъ; особливо, когда прежде насъ пріѣхавшіе товарищи разсказали намъ о строгостяхъ въ школѣ.

Намъ предстоялъ экзаменъ, который долженъ былъ рѣшить: кто изъ насъ поступитъ въ 1-й, и кто во 2-й классъ. Отъ этого зависѣло пробыть ли въ школѣ годъ или два. Я порядочно боялся этого экзамена, но онъ сошелъ съ рукъ очень удачно. По странному случаю изъ математики, которой я особенно боялся, мнѣ дали именно тѣ вопросы, на которые я отвѣчалъ Обручеву и при его содѣйствіи.

Изъ девяти юнкеровъ нашего корпуса только два брата Никифоровы и я поступили въ 1-й классъ, гдѣ кромѣ насъ было еще пятнадцать юнкеровъ. Это было очень счастливо: на насъ смотрѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ на юнкеровъ младшаго класса, которыхъ было человѣкъ 70, и конечно въ такой семьѣ обошлось не безъ уродовъ. Въ продолженіи года, двухъ (Дудинскаго и Гельмана) разжаловали въ рядовые за дурное поведеніе *для примѣра*. Признаюсь, мнѣ всегда казалось это слово наглымъ сознаніемъ власти въ умышленномъ неправосудіи. Наказаніе должно быть соразмѣрно съ преступленіемъ; на судѣ можно принимать только соображенія, относящіяся собственно къ преступнику, его товарищи тутъ не при чемъ; иначе власть войдетъ въ роль Спартанскаго отца, который сѣкъ безвиннаго илота, чтобы показать только сыну примѣръ. Я хорошо помню, что церемонія разжалованія двухъ нашихъ товарищей вызвала въ насъ искреннія слёзы объ ихъ участи и недоброе чувство къ власти.

Юнкерская школа при главной квартирѣ показала, какъ много хорошаго можно сдѣлать съ малыми средствами, но при доброй волѣ и просвѣщенномъ взглядѣ на дѣло. Всѣмъ своимъ новымъ устройствомъ она обязана начальнику главнаго штаба 1-й арміи барону Толю, который преобразовалъ ее изъ прежней неудовлетворительной школы и вновь учредилъ офицерское училище для приготовленія офицеровъ въ генеральный штабъ и въ спеціальныя войска. На содержаніе юнкеровъ отпускалось по 15 к. мѣдью въ день на каждаго; къ этому прибавлялся намъ провіантъ и жалованье по 5 р. асс. въ треть. На такую ничтожную сумму насъ кормили незатѣйливо, но сытно, и сверхъ того сберегли столько, что могли завести столовое бѣлье, оловянную посуду и ложки. Вездѣ виденъ былъ порядокъ и зоркій глазъ хозяина.

Всѣмъ распоряжался майоръ Василій Яковлевичъ Волковъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, лѣтъ подъ 40, худощавый, порядочно образованный, толковый и безупречно-честный. Василій Яковлевичъ былъ строгъ до суровости, но подъ этою корою было доброе, чувствительное сердце. Онъ очень хорошо зналъ фронтовую службу и считался отличнымъ офицеромъ. Мнѣ казался онъ человѣкомъ съ твердымъ характеромъ; къ сожалѣнію, послѣдствія какъ будто доказали противное. Послѣ начальствованія школою, онъ служилъ въ корпусѣ жандармовъ и имѣлъ важныя порученія, въ которыхъ онъ выказалъ свою распорядительность и строгую честность, но пристрастился къ излишнему употребленію спиртныхъ напитковъ. Я съ нимъ встрѣтился въ 1834 году и душевно пожалѣлъ, что такой достойный человѣкъ подчинился такой жалкой слабости.

Учителями у насъ были офицеры, которые получали за то довольно скудную прибавку къ жалованью. Только Законъ Божій преподавалъ 2-му классу оберъ-священникъ 1-й арміи Маджугинскій. Въ нашемъ классѣ Закона Божія не преподавалось.

Занятія наши начались въ Сентябрѣ. Для меня они были легки; но я долженъ признаться, что я не довольствовался изученіемъ того, что́ требовалось, а всегда забѣгалъ впередъ или составлялъ себѣ для занятій болѣе обширную и нерѣдко нелѣпую программу. Такъ, однажды мнѣ пришла фантазія составить *систему рѣкъ въ Россіи*. Для этого я выписалъ съ довольно подробной карты всѣ рѣки, расположивъ ихъ по морямъ и озерамъ, куда впадаютъ вливающіяся въ нихъ рѣки, съ правой и лѣвой стороны, со всѣми ихъ притоками, какіе только были названы на картѣ. Все это было расположено систематически подъ Римскими и Арабскими цифрами и буквами разныхъ алфавитовъ. Помнится, что въ одну Волгу названо было притоковъ 200; большія Сибирскія рѣки имѣли ихъ немногимъ менѣе. Страховъ случайно увидалъ у меня эту тетрадку, похвалилъ и взялъ къ себѣ. Не безъ удивленія увидѣлъ я, что въ послѣдствіи онъ внесъ значительную часть моего труда въ свой курсъ географіи; но хуже всего было то, что товарищи узнали автора этой чепухи и порядочно меня поколотили. Въ числѣ строгихъ критиковъ моего географическаго труда былъ и князь Гагаринъ, съ которымъ я послѣ подружился, помѣнялся крестами и прожилъ по-братски 42 года. Объ немъ я буду имѣть случай говорить подробнѣе.

Лѣтомъ насъ отправили на топографическую съемку въ д. Карабаново, въ 3 верстахъ отъ Могилева, а въ Сентябрѣ мѣсяцѣ мы явились на годичный экзаменъ. Тутъ присутствовали: главнокомандующій графъ Сакенъ, начальникъ главнаго штаба баронъ Толь, ге-

нералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ и много другихъ чиновъ главной квартиры. Экзаменъ былъ вообще удовлетворителенъ, а мнѣ особенно посчастливилось, такъ что баронъ Толь обратилъ на меня вниманіе и сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ.

Офицерское училище имѣло только одинъ годичный курсъ и помѣщалось въ зданіи Іезуитскаго монастыря, передѣланномъ по изгнаніи Іезуитовъ. Изъ корридора во всю длину втораго этажа, по обѣ стороны, были двери въ небольшую переднюю, изъ которой направо и налѣво было по одной отдѣльной комнатѣ. Въ нихъ мы помѣщались по одному и по два. Изъ того же корридора былъ ходъ въ столовую, классную и актовую залы. Нижній этажъ былъ занятъ хозяйственными службами и квартирою инспектора училища, подполковника Кононова, который былъ и начальникомъ своднаго баталіона, расположеннаго въ казармахъ на томъ же дворѣ. Кононовъ служилъ прежде въ саперахъ. Онъ былъ ограниченнаго ума, любилъ выпить и принималъ нѣжное участіе въ экономѣ, который, по его избранію, не безъ грѣха завѣдывалъ нашимъ столомъ. Для этого отпускалось отъ казны на каждаго изъ офицеровъ по 200 р. асс., въ видѣ прибавочнаго жалованья.

Курсъ офицерскаго училища былъ продолженіемъ курса юнкерской школы съ прибавленіемъ артиллеріи и фортификаціи. Въ числѣ учителей были полковники генеральнаго штаба (въ то время еще называвшагося свитой Е. И. В. по квартирмейстерской части) баронъ Зедделеръ и Притвицъ: оба люди очень образованные и даровитые, съ которыми мнѣ въ послѣдствіи не разъ случалось встрѣчаться. Первый читалъ исторію, другой географію, и оба очень хорошо. Математику, т.-е. стереометрію, прямолинейную тригонометрію и аналитику читалъ майоръ Сухотинъ, хорошій математикъ, человѣкъ добрый, но чрезвычайно странный и часто нетрезвый.

Мы еще застали своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ четверо были переведены въ генеральный штабъ. Въ томъ числѣ былъ Нестеровъ, съ которымъ я подружился и послѣ не разъ встрѣчался при различныхъ обстоятельствахъ. Это былъ молодой человѣкъ замѣчательно пріятной наружности, съ большимъ практическимъ толкомъ, но крайне лѣнивый. Взаимныя поздравленія двухъ курсовъ вызвали нѣсколько кутежей, въ которыхъ я былъ покуда только свидѣтелемъ. Внѣ классовъ мы пользовались полной свободой.

Вспоминая весь обиходъ офицерскаго училища, я отдаю полную справедливость просвѣщенному и практическому уму учредителя этого полезнаго заведенія. Оно завершило систему военныхъ училищъ. начинавшуюся корпусными юнкерскими школами. Кстати сказать, что

въ головѣ всей этой системы военнаго образованія стоялъ начальникъ военныхъ училищъ 1-й арміи генералъ-майоръ Кратцъ; помнится даже, что мы его раза два-три видѣли, но ни съ кѣмъ изъ насъ онъ не говорилъ, и мы знали объ немъ только, что онъ человѣкъ добрый и безвредный. Специальныя войска и особенно генеральный штабъ получали этимъ путемъ хорошихъ офицеровъ съ весьма небольшими денежными пожертвованіями отъ казны. Инженерныя войска и артиллерія имѣли тогда свои специальныя училища, а генеральный штабъ пополнялся преимущественно изъ Финляндскаго Кадетскаго Корпуса и изъ Муравьевской Школы Колоновожатыхъ. Тогда господствовало убѣжденіе, что офицеръ генеральнаго штаба долженъ быть хорошій математикъ и отличный съемщикъ. Энциклопедическаго образованія въ наукахъ и особеннаго въ наукахъ военныхъ стали требовать только по учрежденіи Военной Академіи въ 1832 г. По мѣрѣ надобности недостатокъ офицеровъ этого вѣдомства пополнялся переводомъ изъ арміи и гвардіи, и выборъ дѣлался не всегда съ безпристрастіемъ и разборчивостію.

Вечеромъ, въ послѣднихъ дняхъ Ноября (1825 г.), мы узнали о смерти императора Александра, и намъ велѣно приготовиться, чтобы утромъ идти къ общей присягѣ новому Императору. Я былъ такъ молодъ, что это событіе не произвело на меня никакого впечатлѣнія, и едвали даже я спросилъ: кто вступаетъ на престолъ? Оказалось, что это великій князь Константинъ Павловичъ. Присяга совершалась въ огромномъ экзерциргаузѣ, гдѣ собраны были нѣкоторыя части войскъ, множество генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и вся главная квартира съ главнокомандующимъ. Оберъ-священникъ прочиталъ форму присяги, всѣ держали поднятую руку и затѣмъ поочередно прикладывались къ кресту и Евангелію.

Казалось, все уладилось тихо и мирно, безъ всякихъ замѣшательствъ; войска и чиновники присягнули Константину, и въ высшихъ сферахъ пошла ломка взаимныхъ отношеній: надежды и опасенія пріурочивались къ новому царствующему лицу. Вдругъ, къ общему изумленію, чрезъ нѣсколько дней потребовали снова къ присягѣ. Въ томъ же экзерциргаузѣ прочитана переписка, хранившаяся въ Сенатѣ, и отреченіе Константина Павловича отъ престола... Приказано присягнуть Николаю Павловичу... Ну и присягнули.

Дѣло однакожъ далеко не ясно. Порядокъ престолонаслѣдія утвержденъ былъ императоромъ Павломъ. Этотъ органическій законъ Имперіи не могъ быть измѣненъ завѣщаніемъ императора Александра; но всѣ знали, что это завѣщаніе существуетъ и хранится въ Сенатѣ съ надписью на конвертѣ: «прочесть по смерти моей, не при-

«ступая до того ни къ какимъ дѣйствіямъ». Другой экземпляръ хранился у митрополита Филарета. По полученіи извѣстія изъ Таганрога, Государственный Совѣтъ и Сенатъ собрались. Всѣ молчатъ; одинъ графъ Милорадовичъ настойчиво потребовалъ присяги законному наслѣднику, Константину. Въ тотъ-же день Николай отправилъ въ Варшаву Опочинина, отставнаго д. с. совѣтника, извѣстнаго только по репутаціи картежнаго игрока. Ему поручено было напомнить Константину объ его отреченіи отъ престола и звать его самого въ Петербургъ, чтобы устранить всѣ дальнѣйшія недоразумѣнія. Михаилъ былъ въ Варшавѣ во время полученія тамъ прямо изъ Таганрога извѣстія о смерти Александра. Михаилъ привезъ изъ Варшавы только извѣстіе, что Константинъ не приводитъ къ присягѣ войска и гражданъ, между тѣмъ всѣ остальныя войска и вся Россія ему присягнули. Онъ фактически сталъ Императоромъ. Чтобы отказаться отъ престола, ему нужно было издать манифестъ и лично явиться народу въ Петербургѣ. Ни того, ни другаго сдѣлать онъ не хотѣлъ. Манифестъ съ приложеніемъ завѣщанія и отреченія, сдѣланнаго Константиномъ въ 1822 году въ письмѣ къ императору Александру, изданъ былъ лично Николаемъ; а Опочининъ, возвратившись уже послѣ присяги Николаю, не привезъ отъ Константина никакого письма, которое могло бы быть обнародованнымъ. Такимъ образомъ восшествіе на престолъ Николая имѣло видъ узурпаціи для каждаго мыслящаго человѣка. Всѣмъ было извѣстно существованіе въ Россіи тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью измѣненіе государственнаго строя. Въ войскахъ были колебанія, в. к. Николай былъ непопуляренъ. Нельзя было не ожидать, что тайныя общества воспользуются смутнымъ временемъ для совершенія переворота; но съ самаго начала всѣ недоразумѣнія происходили отъ шаткости убѣжденій, отъ незнанія Россіи и войскъ, и безъ сомнѣнія отъ слабости характера новаго вѣнценосца, мало приготовленнаго къ высокому сану, на который, по обыкновенному порядку престолонаслѣдованія, онъ не имѣлъ никакого права. Да простятъ меня тѣ, которые привыкли восхищаться желѣзнымъ характеромъ и непреклонною волею императора Николая: упрямство совсѣмъ не доказываетъ твердости характера.

Я не стану описывать событій, извѣстныхъ подъ именемъ 14 Декабря, во 1-хъ потому, что тогда они меня интересовали только какъ разсказъ о небываломъ событіи, а во 2-хъ правдивая исторія вступленія Николая на престолъ до сихъ поръ не написана ни у насъ, ни за границей. Начало и развитіе въ Россіи тайныхъ обществъ и заговоровъ съ цѣлью измѣнить государственный строй изложены подробно въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи, учрежденной послѣ 14 Декабря.

Въ этомъ изложеніи находится множество умышленныхъ неточностей и видно желаніе выставить все дѣло и дѣятелей въ жалкомъ и смѣшномъ видѣ. Редакторомъ этого донесенія былъ графъ Блудовъ, который потомъ въ свою долгую жизнь раскаявался въ этомъ поступкѣ.

Въ одно время узнали мы о бунтѣ Черниговскаго полка и о Петербургской катастрофѣ 14 Декабря. Однажды ночью, часовъ въ 11, мы услышали въ нашемъ корридорѣ шумъ и бряцаніе цѣпей. Я еще не спалъ и выбѣжалъ изъ своей комнаты. По корридору двигалась цѣлая толпа. Впереди шелъ жандармскій полковникъ Гаяриновъ съ нашимъ Кононовымъ; сзади нихъ, окруженные четырьмя часовыми, шли трое арестантовъ въ цѣпяхъ, за ними жандармскій офицеръ, фельдъегерь, и нѣсколько личностей, мнѣ неизвѣстныхъ. Арестантовъ помѣстили въ двухъ порожнихъ комнатахъ. На другой день и въ слѣдующіе продолжались такіе-же приводы арестантовъ. Ихъ перебывало у насъ до 50 и, какъ помѣщенія уже не доставало, то насъ стѣснили по два и по три въ одной комнатѣ. Это все были офицеры Черниговскаго полка и другихъ полковъ 1-й и 2-й арміи, расположенныхъ въ юго-западной Россіи. Ихъ содержали въ кандалахъ и съ большою строгостію: у каждаго окна въ ихъ комнатѣ стоялъ часовой, безъ штыка и шомпола, а въ общей для двухъ комнатъ передней сидѣлъ унтеръ-офицеръ. Сверхъ того было по часовому на обоихъ концахъ корридора; на дворѣ противъ оконъ ходили три часовыхъ съ заряженными ружьями. Надзоръ за исправностію карауловъ возложенъ былъ на дежурнаго, которымъ ежедневно назначали одного изъ насъ: мы обязаны были навѣщать арестантовъ утромъ и вечеромъ и по нѣскольку разъ днемъ и ночью. Въ первое время наши посѣщенія происходили съ серьезною важностью и въ молчаніи; потомъ, мало по малу, мы присмотрѣлись къ арестантамъ, стали понемногу съ нѣкоторыми разговаривать, а наконецъ, въ дни дежурства, проводили у нихъ большую часть свободнаго времени. Мнѣ эти посѣщенія особенно нравились, и я почти ежедневно дѣлалъ ихъ за себя или за другихъ. Особенно сблизился я съ Лебедевымъ и Молчановымъ, которые впослѣдствіи были избавлены отъ всякаго наказанія. Майоръ Лебедевъ лѣтъ 45 числился въ Черниговскомъ полку, но во время бунта находился въ дальней командировкѣ. Противъ него не было никакихъ уликъ, но это не помѣшало ему просидѣть въ цѣпяхъ мѣсяца полтора. Это былъ человѣкъ очень добрый, хорошо образованный, характера ровнаго и мирнаго. Ко мнѣ онъ показывалъ доброе расположеніе. Товарищъ его по комнатѣ, Молчановъ былъ офицеръ какого-то егерскаго полка въ корпусѣ генерала Рота. Онъ началъ службу юнкеромъ въ Семеновскомъ полку и при расформированіи этого полка за

возмущеніе въ 1820 г. былъ юнкеромъ-же переведенъ въ армію. Когда онъ былъ уже прапорщикомъ, генералъ Ротъ обратилъ на него особенное вниманіе, взялъ его къ себѣ за адъютанта, показывалъ ему большое расположеніе, даже искалъ его дружбы; когда же узналъ о бунтѣ Черниговскаго полка, тотчасъ велѣлъ его арестовать и, закованнаго въ цѣпи, отправилъ въ главную квартиру. Молчановъ былъ близкій родственникъ князя Вадбольскаго, былъ съ нимъ друженъ и велъ частую переписку. Князь Вадбольскій игралъ видную роль въ тайныхъ обществахъ того времени, и Ротъ, которому существованіе этихъ обществъ было конечно извѣстно, хотѣлъ чрезъ Молчанова узнавать все, что̀ тамъ происходитъ. Этотъ маневръ, который на полицейскомъ языкѣ называется ловкостью, а у простыхъ людей подлостью, не удался. Молчановъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, даровитый, образованный и съ замѣчательнымъ житейскимъ толкомъ. У него найдены письма Вадбольскаго, но его отвѣтныя письма успѣли сжечь до ареста Вадбольскаго.

Молчановъ мнѣ очень понравился, и я проводилъ съ нимъ почти каждый вечеръ. Разговоры шли у насъ на Французскомъ языкѣ, потому что свидѣтелями этихъ бесѣдъ были два часовыхъ, стоявшихъ у оконъ комнаты. Съ дѣтскимъ простодушіемъ я не стѣснялся въ выраженіи своихъ мыслей о предметахъ политическихъ, пока опытный и толковый Молчановъ не разсказалъ мнѣ, какъ онъ въ Петербургѣ, ѣдучи на извощикѣ съ своимъ пріятелемъ, говорилъ откровенно по-французски, а на другой же день былъ приглашенъ въ 3-е отдѣленіе. Оказалось, что извощикъ не хуже его зналъ этотъ языкъ. Анекдотъ, если онъ и былъ вымышленъ, послужилъ мнѣ полезнымъ предостереженіемъ. Вообще я долженъ сказать, что сообщество политическихъ арестантовъ навело многихъ изъ насъ на новыя мысли и понятія и въ первый разъ заставило подозрѣвать, что не все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Важнѣйшіе изъ арестантовъ, какъ Пестель, Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и другіе пробыли въ Могилевѣ по нѣскольку дней, остальные гораздо долѣе и, наконецъ, Молчановъ прожилъ полгода. Мѣсяца чрезъ полтора послѣ пріѣзда, съ него и съ Лебедева сняты кандалы, а подъ конецъ Молчановъ пользовался въ домѣ и нѣкоторою свободою.

При главной квартирѣ учреждена была слѣдственная и военносудная коммисія, которая засѣдала въ нашемъ-же актовомъ залѣ. Главными дѣльцами были генералъ - аудиторъ 1-й арміи Шмаковъ и оберъ-аудиторъ Чекалинъ. Первый имѣлъ репутацію человѣка жестокаго, второй—способный дѣлецъ, но горькій пьяница. Молчановъ, имѣвшій хорошее состояніе, доставлялъ обильную пищу этой его

страсти, и былъ ему много обязанъ тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался.

Коммиссія засѣдала очень усердно, а аудиторы работали часто за полночь. Вѣроятно мы имъ порядочно мѣшали; потому что, при нерѣдкихъ празднествахъ, веселая компанія расхаживала по корридору и шумѣла. Кононова мы почти никогда не видѣли, но это не помѣшало ему взвалить общую вину на нѣкоторыхъ, а особливо на меня. Надобно признаться, что въ нашихъ шалостяхъ и затѣяхъ я игралъ не послѣднюю роль, но особенное нерасположеніе Кононова заслужилъ тѣмъ, что однажды, за тухлую говядину и дерзкій отвѣтъ, нѣсколько разъ ударилъ чубукомъ эконома. Къ тому же я и учился неровно: иногда очень усердно, иногда лѣниво. Однимъ словомъ, я попалъ на дурное замѣчаніе у начальства.

Между тѣмъ вышло наше производство въ прапорщики. При этомъ я былъ переведенъ въ гренадерскій е. к. в. принца Евгенія Виртембергскаго полкъ, по неумѣстной любезности Государя переименованный изъ славнаго въ свое время Таврическаго полка. Наше производство было подписано 26 Февраля 1826 года. Нечего и говорить, какъ радостно встрѣчаютъ всегда это событіе. Что-то въ этомъ родѣ, но безъ молодой простодушной веселости, бываетъ при производствѣ въ генералы. Но мы такъ долго ожидали, что встрѣтили извѣстіе безъ большой радости, тѣмъ болѣе, что и прежде носили офицерскую форму.

Лѣтомъ мы отправились на съемку въ Палыковичи, имѣніе Римскаго-Корсакова, въ 7 верстахъ отъ Могилева. Старинный деревянный домъ, огромный, хотя въ одинъ этажъ, оставался пустымъ со всей мебелью, бывшею при Римскомъ-Корсаковѣ, въ концѣ XVIII вѣка. Мы занимали двухъ-этажный каменный домикъ, въ которомъ были когда-то службы.

Около этого времени я особенно подружился съ княземъ Гагаринымъ и обмѣнялся съ нимъ крестами, по старому Русскому обычаю, на вѣчное братство. Отецъ кн. Ив. Вас. Гагарина былъ деревенскій помѣщикъ, Тульской губерніи. У него было душъ 400 крестьянъ и большое семейство. Жена его была прежде крѣпостной его дѣвушкой. Сынъ часто вспоминалъ о своей матери, какъ о созданіи добромъ, кроткомъ и любящемъ. Ихъ было 4 брата и 3 сестры. Старшій Николай служилъ въ кавалеріи, имѣлъ нѣсколько дуэлей, вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и въ свою очередь женился на крѣпостной дѣвушкѣ, остальные три брата были въ юнкерской школѣ въ Могилевѣ, и одинъ Иванъ, младшій, былъ производенъ въ одно со мною время; другой его братъ, Левъ, произведенъ чрезъ годъ, а 3-й, Васи-

лій, вялый, сонный и болѣзненный, вышелъ въ отставку юнкеромъ, облѣнился въ деревнѣ, сдѣлался псовымъ охотникомъ и отцомъ многочисленнаго импровизованнаго семейства.

Князь Иванъ Гагаринъ былъ старше меня двумя годами. Это былъ добрый и честный человѣкъ. Наружность его не имѣла ничего особеннаго; лицо было испорчено оспою, но доброта и искренность свѣтились въ его глазахъ. Въ дѣтствѣ золотуха повредила его слуховые органы; особенно правымъ ухомъ онъ плохо слышалъ (у меня это наоборотъ). Умственныя способности его были довольно остры, особливо въ словесныхъ и политическихъ наукахъ; математики онъ не любилъ и тратилъ на нее много труда и усилій, чтобы слѣдовать за курсомъ. Вообще воображеніе преобладало у него надъ глубиною мысли. Вѣроятно, воспитаніе его въ томъ было много виновато. Онъ воспитывался дома, подъ надзоромъ своей старшей сестры, старой дѣвы чрезвычайно доброй и мечтательной. Первыя чтенія его почти въ ребяческомъ возрастѣ были: Ключъ къ таинствамъ натуры Экарсгаузена; Ночныя размышленія Юнга Штилинга; Угрозъ Свѣтовостоковъ, Сведенборгъ и подобная дребедень, въ которой онъ доискивался таинственнаго смысла. Это дало ему мистическое направленіе, которое не покидало его во всю жизнь и едва ли не ускорило его кончину. Ученіе Христово находило отголосокъ въ его любящей душѣ; но онъ не высоко цѣнилъ православную обрядность; фанатическая и невѣжественная исключительность нашего духовенства возмущала его такъ же, какъ и всякое другое проявленіе деспотизма. Его политическія убѣжденія были своеобразны; онъ часто былъ недоволенъ настоящимъ строемъ Россіи, выражалъ иногда рѣзко свое осужденіе къ лицу государя; но идея самодержавія, выработанная тысячелѣтнею исторіею Россіи, была для него неприкосновенна. Онъ любилъ Россію, любилъ Русскихъ, способенъ былъ на восторженное самоотверженіе за общее благо, но изъ знаменитаго девиза Французской республики, равенства онъ не понималъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такія воззрѣнія сложились подъ вліяніемъ его воспитанія и семейныхъ обычаевъ. Когда грудное дитя измараетъ пеленки, его кормилица говоритъ: «князь Иванъ Васильевичъ изволилъ помараться». Въ этомъ выросъ и состарѣлся этотъ гидальго въ дырявомъ плащѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что на него вліялъ и примѣръ его доброй матери, для которой мужъ былъ прежде всего князь, потомокъ князей, которымъ раболѣпно служили ея предки. Такое міросозерцаніе не исключало чувствъ искренняго благорасположенія къ народу. Христіанская любовь къ ближнему была ему доступна безъ всякаго надъ собою насилія; но, обнимая своихъ меньшихъ братьевъ, онъ

требовалъ, чтобы они безпрекословно признали его старшимъ братомъ, а подчасъ и своимъ опекуномъ.

Конечно, многое изъ того, чтó я здѣсь сказалъ, въ 1826 году представляло только намеки и темныя черты, изъ которыхъ впослѣдствіи выработался нравственный характеръ князя Ивана Гагарина. Собственно говоря, политическихъ убѣжденій ни у него, ни у меня въ то время не было; мы почти ничего не читали о политическомъ строѣ другихъ государствъ и народовъ; Гагаринъ, къ сожалѣнію, и не зналъ ни одного иностраннаго языка, а въ нашей литературѣ свирѣпствовала цензурная инквизиція. Не смотря на то, разность мнѣній рождала у насъ безпрестанные и горячіе споры. Онъ не отличался особенною твердостью характера, но упрямо стоялъ за свои основныя убѣжденія. Наши характеры были не совсѣмъ сходны, а въ соціальныхъ вопросахъ мы часто были противуположнаго мнѣнія; но вмѣсто того, чтобы насъ отдалять другъ отъ друга, это-то несходство насъ болѣе сближало: молодой пылъ, почти дѣтское простодушіе и какой-то оттѣнокъ великодушія и самоотверженія въ стремленіяхъ покрывали всѣ шероховатости. Мы были почти неразлучны, а послѣ съемки жили втроемъ въ одной комнатѣ. Въ городѣ у насъ знакомыхъ не было, а часто проводили вечера у подпоручика Мызникова, одного изъ учителей младшаго класса юнкерской школы. Эти вечера проходили въ чтеніяхъ Русскихъ авторовъ, въ литературныхъ и другихъ преніяхъ. Часто бесѣда наша въ троемъ продолжалась за полночь. Я съ признательностью вспоминаю о добромъ Василіѣ Яковлевичѣ: бесѣды съ нимъ доставляли мнѣ особенное удовольствіе и были полезны особливо потому, что отвлекали отъ инаго провожденія времени. Душевно радъ, что чрезъ 35 лѣтъ случай доставилъ мнѣ возможность быть ему полезнымъ въ трудныхъ для него обстоятельствахъ.

Василій Яковлевичъ Мызниковъ былъ человѣкъ для того времени развитой и образованный. Онъ родился въ Остзейскихъ губерніяхъ и потому владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ такъ же свободно, какъ и Русскимъ; зналъ и любилъ литературу и самъ былъ немного писателемъ въ прозѣ и стихахъ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, немного восторженный и страстный поклонникъ прекраснаго пола. Впрочемъ, образъ жизни его былъ самый правильный и скромный. Съ нами онъ очень сблизился, хотя былъ старше меня десятью годами.

Въ Могилевѣ былъ у меня и родственникъ, полковникъ Ник. Ѳед. Геркенъ, бывшій тогда адъютантомъ при начальникѣ артиллеріи 1-й арміи князѣ Яшвилѣ. Это былъ братъ генералъ-маіора Петра Ѳед. Геркена, который въ 1828 г. донесъ Государю о лживости донесенія генерала Рота объ одномъ сраженіи въ Европ. Турціи, и представилъ

правдивое описаніе этого несчастнаго дѣла, гдѣ мы потерпѣли большой уронъ, по винѣ самого Рота. Военный судъ приговорилъ Геркена къ разжалованію въ рядовые; а Государь, по сродному ему милосердію, приказалъ только исключить его изъ службы. Это былъ человѣкъ очень образованный, страстный поклонникъ Наполеона, котораго всѣ войны онъ зналъ съ большими подробностями. Братъ его мнѣ былъ несимпатиченъ, и я у него рѣдко бывалъ.

Послѣ съемки нѣкоторые учителя оканчивали свой курсъ, другіе дѣлали репетиціи, которыя продолжались довольно долго. Намъ объявлено, что публичнаго экзамена не будетъ; а вдобавокъ мы узнали, къ большому огорченію, что изъ нашего курса никто не будетъ переведенъ въ генеральный штабъ. Новый Императоръ прогнѣвался на это вѣдомство, изъ котораго многіе офицеры знали о тайныхъ обществахъ или играли тамъ видную роль. Какъ и всегда, они были самые даровитые молодые люди между своими сослуживцами и могли принести большую пользу въ будущемъ. Жизнь и карьера ихъ были безвозвратно испорчены. Впрочемъ, Николай Павловичъ не любилъ такъ называемыхъ ученыхъ, справедливо подозрѣвая, что они молча или открыто осуждаютъ его правленіе. Онъ не разъ говорилъ во всеуслышаніе, что ему нужны не умники, а усердные исполнители его воли.

По этому случаю я вспоминаю исторію одного моего хорошаго знакомаго, Ал. Вас. Алферова. Онъ былъ поручикомъ Корпуса Путей Сообщенія и адъютантомъ генерала Дестрема. По неудовольствію къ генералу, адъютанта его посадили на гауптвахту за незастегнутую пуговицу мундира. Алферовъ вышелъ въ отставку и два года въ крайней бѣдности ожидалъ обѣщаннаго ему мѣста въ государственномъ контролѣ. Это былъ человѣкъ даровитый и съ сильнымъ характеромъ. Отъ голодной смерти онъ спасался только, рисуя для литографіи Беггрова разные виды и сцены. Сошедшись съ нѣсколькими другими полуголодными, онъ задумалъ издавать журналъ для народа, чтобы сообщать самыя общеполезныя свѣдѣнія простымъ, но правильнымъ языкомъ. Цѣну своему журналу они назначили самую низкую, чтобы только покрыть издержки и самимъ не голодать. Конспектъ журнала представленъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, на высочайшее соизволеніе. Государь потребовалъ особаго мнѣнія министра о томъ: полезно-ли будетъ для народа такое изданіе? И вотъ министръ народнаго просвѣщенія побѣдоносно разрѣшилъ вопросъ и доказалъ, что народу просвѣщеніе отнюдь не полезно. Самъ Николай Павловичъ задумался, но затѣмъ махнулъ рукой и сказалъ: «Запретить. У меня есть 1000 дураковъ генераловъ; я всѣхъ ихъ знаю, а этихъ сорванцовъ, литераторовъ и журналистовъ, ни одного не знаю».

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ кончился нашъ курсъ, и мы должны были отправиться на службу къ своимъ частямъ. Гагаринъ и Никифоровъ 2-ой переведены были въ саперы, а меня предположено было перевести въ гарнизонъ, за шалости и лѣность. Кому пришла прекрасная мысль погубить полу-ребенка на всю жизнь и за что́? Не знаю. Вѣроятно, для примѣра; а, можетъ быть, какъ мнѣ говорили, за то, что́ я не лѣзъ въ глаза начальству и никого не поздравлялъ съ праздникомъ. Мнѣ сказалъ это Гагаринъ, и въ тоже время узналъ я о горячемъ заступничествѣ за меня генеральнаго штаба полковника Притвица, одного изъ нашихъ учителей и инспектора юнкерской школы. Въ послѣдствіи онъ въ этомъ не сознавался, но это не мѣшало мнѣ всегда помнить его доброе дѣло.

Притвицъ былъ однимъ изъ блистательныхъ офицеровъ генеральнаго штаба того времени. Съ хорошими способностями онъ соединялъ блестящее образованіе и самый ровный и уживчивый нравъ. Въ обществѣ это былъ умный и пріятный собесѣдникъ; между товарищами онъ не имѣлъ враговъ и пользовался общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. У него былъ замѣчательный талантъ къ рисованію. Все это заставляло ожидать для Павла Карловича блестящей служебной карьеры, тѣмъ болѣе, что онъ былъ близкій родственникъ бар. Дибича, который тогда стоялъ во главѣ военнаго вѣдомства. Но ожиданія не сбылись: Притвицъ кончилъ жизнь генералъ-лейтенантомъ и сенаторомъ, бывъ долгое время вице-директоромъ департамента военныхъ поселеній, а талантъ его въ живописи ограничился остроумными и очень бойкими каррикатурами. Можетъ быть, виною тому были его лѣнь, безпечность и чрезвычайная разсѣянность, доходившая до того, что одинъ разъ, говорятъ, онъ забылъ свое имя.

Меня отправили въ полкъ, котораго командиру предписано было доносить ежемѣсячно о моемъ поведеніи. Дальнѣйшихъ послѣдствій это распоряженіе не имѣло. Простился я съ кн. Гагаринымъ и добрыми товарищами. Въ молодости не вѣрится, чтобы разставанье могло быть навсегда, но многихъ я уже съ тѣхъ поръ не видалъ.

Чрезъ нѣсколько дней я пріѣхалъ въ г. Мосальскъ (Калужск. губ.), гдѣ былъ штабъ нашего полка. Имущество мое состояло изъ маленькаго чемодана, коробки съ киверомъ и двугривеннаго въ кошелькѣ; но я былъ уже дома въ своей полковой семьѣ.

Полковой командиръ, полковникъ Ст. Герас. Соболевскій, принялъ меня просто, но очень ласково, поручилъ одному капитану Глазову позаботиться обо мнѣ и пригласилъ къ себѣ обѣдать. Такъ началась моя дѣйствительная офицерская служба. На первое время она была необременительна. Полкъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ въ двухъ уѣздахъ;

большая часть офицеровъ, кромѣ ротныхъ командировъ, жили въ штабѣ, и единственная обязанность ихъ была являться каждый день обѣдать къ полковому командиру. Дѣйствительно, я нашелъ въ его столовой многочисленное общество. Соболевскій ласково представилъ меня товарищамъ, и, когда я въ разговорѣ называлъ его г. полковникомъ, онъ добродушно и съ рѣзкимъ малороссійскимъ акцентомъ говорилъ: «меня, сударь мой, зовутъ Степаномъ Герасимовичемъ».

Миръ душѣ его! Это былъ добрый и простой человѣкъ, простой въ евангельскомъ смыслѣ, потому что его добродушіе происходило отнюдь не отъ скудоумія, хотя его образованіе не шло дальше грамотности. Онъ участвовалъ въ войнахъ 12, 13, 14 годовъ и, безъ сомнѣнія, служилъ какъ слѣдуетъ честному и храброму офицеру. Полкомъ онъ командовалъ уже лѣтъ шесть, былъ взыскателенъ, но весьма любимъ и уважаемъ. Старый холостякъ, онъ имѣлъ при себѣ двухъ племянниковъ. Я засталъ ихъ обоихъ прапорщиками и подружился съ ними; Петръ былъ моихъ лѣтъ, другой Павелъ, двумя годами моложе меня. Скоро я сдѣлался какъ-бы третьимъ племянникомъ Степана Герасимовича. У него я завтракалъ, обѣдалъ, пилъ чай, а иногда и ужиналъ. Когда мой двугривенный пришелъ къ концу, онъ далъ мнѣ въ счетъ жалованія 25 р. съ такимъ добрымъ и ласковымъ привѣтомъ, что я и до сихъ поръ вспоминаю съ признательностію. Любилъ онъ кормить своихъ знакомыхъ. Самъ ѣлъ не много, но иногда почти силой заставлялъ другихъ ѣсть больше, чѣмъ слѣдуетъ. Впослѣдствіи времени, когда онъ командовалъ 13 пѣх. дивизіей, стоявшей въ Севастополѣ, у моряковъ ходилъ разсказъ, что онъ двухъ адмираловъ закормилъ до смерти. Если кто-нибудь изъ офицеровъ, живущихъ въ городѣ, не приходилъ къ обѣду, онъ за нимъ посылалъ и полушутя, полусерьезно дѣлалъ замѣчаніе. Такъ было и со мною, пока я не привыкъ къ этому порядку вещей. «Семеро одного у каши не ждутъ. А можетъ быть, сударь мой, ты привезъ отличнаго повара, то съ нами не церемонься, «пригласи насъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, а съ своимъ уставомъ въ «чужой монастырь не ходи». Всѣмъ офицерамъ онъ говорилъ «ты»; исключеніе было только для тѣхъ, которыми онъ былъ очень недоволенъ.

Гостепріимство Ст—а Гер. относительно своихъ офицеровъ могло имѣть и полезную цѣль. Онъ близко узнавалъ своихъ подчиненныхъ и у многихъ отнималъ возможность проводить время въ не совсѣмъ приличномъ обществѣ. Ежедневно, за однимъ столомъ, офицеры сближалися между собою, составляли одну семью, но это нисколько не вредило дисциплинѣ. Ст. Гер. держалъ себя съ достоинствомъ: его не только любили, но и боялись. Нужно сказать еще, что всегда готовый,

сытный столъ его значительно улучшалъ вседневный бытъ офицеровъ, изъ которыхъ большая часть не имѣли своего состоянія, а жалованье было скудно до неимовѣрности. Какъ прапорщикъ, я получалъ въ годъ 450 р. асс., изъ которыхъ 2% вычитали въ инвалидный капиталъ. Такое гостепріимство существовало тогда почти во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, хотя, можетъ быть, не всегда предлагалось съ такимъ простодушнымъ радушіемъ. Мало-по-малу этотъ прекрасный обычай сталъ исчезать; долѣе другихъ войскъ, онъ держался въ артиллеріи, которая и до сихъ поръ сохраняетъ свои очень почтенныя особенности. Государю Николаю Павловичу казалось, что это ведетъ къ фамильярности. Немудренно, что на эту мысль навели его свѣжія воспоминанія 14 Декабря. Это несчастное событіе положило печать на все его тридцатилѣтнее царствованіе. Онъ постоянно старался поставить чинъ на мѣсто человѣка. Иначе нельзя было объяснить странныхъ назначеній какъ на высшія, такъ и на менѣе важныя административныя должности.

Другою причиною ослабленія военной семьи было то, что средства командировъ отдѣльныхъ частей сократились. Въ то время полки стояли очень просторно и въ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Полковой командиръ бралъ на себя довольствіе полка по назначеннымъ ему цѣнамъ. Всякій остатокъ обращался въ его законную собственность. Отъ удешевленія цѣнъ при покупкѣ муки и крупы на мѣстѣ изъ первыхъ рукъ и отъ уступки крестьянами провіанта оставалась значительная экономія. Нѣкоторые полковые командиры наживали порядочныя состоянія, но содержаніе войскъ обходилось казнѣ гораздо дешевле; нижніе чины были хорошо довольствуемы, крестьяне находили сбытъ своихъ произведеній безъ посредства коммисіонеровъ, перекупщиковъ и подрядчиковъ, которые всегда оставляютъ себѣ львиную долю, и наконецъ бытъ офицеровъ, вещественный и нравственный, несомнѣнно улучшался. Нынѣ первый значительно измѣнился къ лучшему, но это сдѣлано на счетъ государственнаго бюджета, котораго третья часть поглощается военнымъ вѣдомствомъ. Нижнимъ чинамъ назначено болѣе обильное и существенное продовольствіе, и оно до нихъ дѣйствительно доходитъ; жалованье офицерамъ увеличено. Все это вмѣстѣ съ другими гуманными и почти либеральными мѣрами, принятыми въ военномъ вѣдомствѣ, особливо въ послѣдніе тринадцать лѣтъ (1873), во многомъ измѣнило положеніе войскъ. Болѣзненность и смертность уменьшились въ войскахъ, побѣги почти прекратились. Но многое еще остается сдѣлать, а нѣкоторые изъ новыхъ порядковъ, какъ мнѣ кажется, полезно было бы измѣнить.

Наибольшая часть полевыхъ войскъ расположена близъ западной границы, слѣд. въ краю бѣдномъ и котораго особенности неблагопріятны для войскъ. Теперь идетъ рѣчь объ устройствѣ казармъ, чтобы окончательно уничтожить постоянную квартирную повинность въ городахъ и селеніяхъ. Это потребуетъ огромнаго капитала на постройку и большихъ расходовъ на содержаніе и ремонтъ казармъ, тѣмъ болѣе что всѣ казенныя и общественныя постройки у насъ дѣлаются не всегда по совѣсти, а непрѣменно по урочному положенію. Едва-ли земство, и безъ того доходящее до нищенства, въ состояніи будетъ принять на себя этотъ новый расходъ. Казарменная жизнь вредна для здоровья нижнихъ чиновъ и слишкомъ разъединяетъ солдата съ народомъ. Говорятъ, что это устранитъ одну изъ причинъ порчи народной нравственности. Я въ этомъ сомнѣваюсь: для этого нужны бы были болѣе строгія карантинныя мѣры, а онѣ невозможны. Императрица Екатерина смотрѣла на это съ болѣе практической точки зрѣнія. Когда ей доложили, что въ Ладожскомъ уѣздѣ населеніе вырождается, мельчаетъ и хилѣетъ, она приказала послать въ этотъ уѣздъ на два или три года кавалергардскій полкъ, расположивъ его на просторныхъ квартирахъ. Говорятъ, мѣра эта оказалась полезною. Впрочемъ, народная нравственность въ этомъ отношеніи стоитъ вообще на низкомъ уровнѣ, особливо въ Великорусскихъ западныхъ провинціяхъ.

Въ домашнемъ быту и хозяйствѣ войскъ произошла тоже существенная перемѣна противъ прежняго. Первымъ поводомъ къ этому было опасеніе высшаго начальства, что недостатокъ контроля въ расходованіи солдатскихъ и для войскъ отпускаемыхъ казенныхъ суммъ ведетъ ко многимъ злоупотребленіямъ, вреднымъ для сбереженія нижнихъ чиновъ и для сохраненія дисциплины въ войскахъ. Все это было справедливо; но едва-ли лекарство не было хуже болѣзни. Зло происходило не отъ недостатка контроля, а отъ болѣе общихъ и важныхъ причинъ. Въ государствѣ, гдѣ $^1/_4$ доходовъ получались отъ виннаго откупа, т. е. отъ умышленнаго спаиванья народа, гдѣ откупщикъ держалъ на жалованьѣ всю администрацію, гдѣ народное образованіе было на самой низкой степени, гдѣ существовало въ полной силѣ крѣпостное право, сложившееся во времена Татарскаго ига, Московскаго деспотизма и Екатерининской безнравственности, гдѣ было полное отсутствіе не только политическихъ, но и гражданскихъ правъ; гдѣ невѣжественное и преданное грязнымъ интересамъ духовенство проповѣдывало только обрядную сторону религіи и грубыя суевѣрія, гдѣ слѣдовательно не было ни у кого никакого общаго интереса, гдѣ ничто не отвлекало отъ ежедневной грязи къ другимъ болѣе высокимъ и человѣчнымъ побужденіямъ,—въ такомъ государствѣ не нужно искать при-

чины упадка народной нравственности въ какихъ-нибудь случайныхъ явленіяхъ: оно необходимо обусловливается всѣмъ общественнымъ строемъ. Безполезно призывать мозольнаго оператора, когда вся нога поражена гангреной и гніетъ. Съ того времени многое измѣнилось, но и до сихъ поръ наибольшая часть конфирмацій надъ офицерами, сужденными военнымъ судомъ, произносится за растрату казенныхъ или солдатскихъ денегъ. Къ этому вопросу я возвращусь впослѣдствіи.

Въ Мосальскѣ полкъ пробылъ при мнѣ только два мѣсяца: въ Февралѣ мы получили приказаніе отправиться на постоянныя квартиры въ Старорусскій округъ Новгородскаго поселенія. Переходъ въ 550 верстъ мы сдѣлали въ мѣсяцъ и въ концѣ Марта прибыли въ с. Великое, Старорусскаго округа, назначенное штабомъ полка.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о военномъ поселеніи, объ этомъ уродливомъ чадѣ Аракчеева, наводившемъ невольный ужасъ на каждаго, кого судьба туда забрасывала. Мысль объ учрежденіи въ Россіи военныхъ поселеній явилась въ концѣ десятыхъ годовъ этого столѣтія. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала несомнѣнно графу Аракчееву, которому вполнѣ развязалъ руки императоръ Александръ Павловичъ, предавшійся въ то время мистическимъ мечтамъ, не мѣшавшимъ ему однакоже безпрестанно разъѣзжать по конгрессамъ въ Западной Европѣ. Странное и, кажется, не совсѣмъ разгаданное явленіе представлялъ этотъ Государь, котораго событія вознесли на верхъ славы и окружили какимъ-то таинственнымъ обаяніемъ. Сынъ Павла Петровича, любимый внукъ Екатерины II, воспитанникъ республиканца Лагарпа, онъ началъ царствованіе попытками либеральныхъ реформъ, обѣщалъ Россіи конституцію, былъ членомъ Масонскаго общества и, кончилъ тѣмъ, что наскучивъ всѣми этими ролями, возложилъ все государство на А. А. Аракчеева, человѣка ограниченнаго, малограмотнаго, но съ дикою энергіей, упрямаго и жестокаго, но прикрывавшаго беззавѣтною преданностью Государю свои варварства, отъ которыхъ содрогается позднѣйшее потомство. Въ Эрфуртѣ, въ 1808 году, Наполеонъ сказалъ объ Александрѣ: c'est un Grec du Bas-Empire; а когда учрежденіе въ Россіи военныхъ поселеній сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ, герцогъ Веллингтонъ сказалъ: «видно, Русское правительство не боится своихъ собственныхъ штыковъ». То и другое выраженіе имѣютъ свою долю правды, и надо радоваться, что перемѣна царствующаго лица не допустила предсказанія Веллингтона до полнаго осуществленія.

Когда мы пришли въ Новгородское поселеніе, Аракчеевъ уже былъ въ немилости: но сѣмена имъ посѣянныя продолжали приносить горь-

кіе плоды, и недостаточно было тридцатилѣтняго царствованія Николая Павловича для того, чтобы ихъ окончательно заглушить.

Кажется, еще въ 1817 или 1818 г. переведена была въ Новгородъ 1-я гренадерская дивизія, вслѣдъ за тѣмъ истребованы туда же третьи баталіоны 2-й гренадерской дивизіи. Съ этаго началось Новгородское военное поселеніе, но успѣло въ 1826 г. получить окончательное устройство только для 1-й гренадерской дивизіи; въ округѣ же 2-й дивизіи оно только начиналось. Старорусскій округъ былъ раздѣленъ на полковые округа съ подраздѣленіями на четыре района поселенныхъ ротъ, которыя составляли поселенный баталіонъ полка. Нашъ полкъ расположился въ округѣ своего имени, и въ вѣдѣніе полковаго командира поступили какъ 3-й, такъ и поселенный баталіоны.

Третій баталіонъ былъ составленъ изъ небольшаго числа прежнихъ старыхъ солдатъ и изъ мѣстныхъ поселянъ, которыхъ дѣти, по достиженіи 21 года, должны были непремѣнно поступать въ солдаты на общихъ правахъ. Поселяне военной службы не несли, но должны были носить форменную одежду и брить бороды. Аракчеевъ дополнилъ реформу Петра Великаго: заставилъ крестьянина обрить бороду, совершенно измѣнить свой бытъ и вѣковые обычаи. Но какими страшными варварствами была достигнута эта нелѣпая цѣль! Многіе крестьяне, которыхъ фанатизмъ былъ въ высшей степени возбужденъ, самоубійствомъ избавляли себя отъ этой операціи, памятной народу подъ названіемъ забривки. Въ этомъ краѣ было много раскольниковъ. Между послѣдними было немало примѣровъ, что цѣлыя семейства уходили во мхи, т.-е. болотистые лѣса и тамъ добровольно умирали голодною смертью.

Тѣже самыя явленія происходили въ южныхъ поселеніяхъ, въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской. Потративъ безчисленные милліоны денегъ, исковеркавъ насильственно народный бытъ, достигли наконецъ того, что отняли у человѣка его личность, обратили его въ орудіе для исполненія воли начальства во всѣхъ, даже вседневныхъ, его дѣйствіяхъ, заглушили въ немъ всякую иниціативу, всякое желаніе улучшить свое положеніе, и были довольны, что безчисленнымъ рядомъ варварскихъ мѣръ устроили порядокъ, который живо напоминалъ государство Іезуитовъ въ Парагваѣ, въ XVII столѣтіи.

Въ Апрѣлѣ баталіонъ нашъ переведенъ былъ на лѣто въ бараки, выстроенные близъ гор. Старой-Русы, и назначенъ для дѣланія кирпича на казенныя постройки. Меня назначили адъютантомъ 1-го баталіона, которымъ командовалъ подп. Петръ Григорьевичъ Поляковъ. О немъ и женѣ его я долженъ сказать нѣсколько словъ, не забывая того, чѣмъ я имъ обязанъ. Мальчика 17 лѣтъ они приласкали съ

искреннимъ и радушнымъ участіемъ. «Дорого яичко въ Христовъ день», говоритъ пословица. Впослѣдствіи я много разъ встрѣчался съ ними въ жизни и различныхъ положеніяхъ.

П. Г. Поляковъ дѣлалъ кампаніи 1813 и 14 гг. адъютантомъ генерала Писарева. По возвращеніи въ Россію, генералъ его женился на дочери ген. Дурасова, человѣка богатаго, извѣстнаго въ Москвѣ тѣмъ, что онъ кончилъ жизнь схимонахомъ въ монастырѣ. Вслѣдъ за генераломъ адъютантъ женился на другой дочери Дурасова, противъ воли ея матери. Бракъ былъ по любви. Мать долго сердилась и давала молодымъ супругамъ только по 10 т. р. асс. въ годъ на ихъ расходы. Поляковъ произведенъ былъ въ подполковники и назначенъ въ нашъ полкъ, гдѣ конечно считался Крезомъ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, вспыльчивый, очень гостепріимный и страстный псовый охотникъ. Супруга его, Катерина Михайловна, и понынѣ вдовствующая (1873 г.), существо исковерканное Московскимъ аристократическимъ воспитаніемъ. Русскій языкъ знала плохо, и если видѣла у кого Русскую книгу, то всегда спрашивала: «Что это у васъ за гадость?» Она была очень капризна и не отличалась супружескою вѣрностію. Мужъ смотрѣлъ сквозь пальцы и платилъ тою же монетою. Но, по наружности, ихъ жизнь шла мирно и гладко. Оба они были плохо образованы; но онъ понатерся между порядочными людьми, а она бренчала на фортепіано, рисовала цвѣты и читала Французкіе романы и стихотворенія. Какъ бы то ни было, я проводилъ у нихъ большую часть времени. Все же, общество, которое встрѣчалъ я въ ихъ домѣ, было во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше того, въ которомъ живутъ наибольшая часть офицеровъ. У Катерины Михайловны оказался большой сундукъ съ книгами. Онъ отданъ былъ въ мое распоряженіе. Большею частью это было старье Французской и Русской беллетристики. Выборъ былъ скудный, но я до того времени такъ мало читалъ, что радъ былъ и этому.

Въ 1827 году я былъ произведенъ въ подпоручики и, мнѣ удалось побывать у своихъ стариковъ, жившихъ тогда въ Пензѣ.

Вскорѣ послѣ того Ст. Гер. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, а командиромъ нашего полка назначенъ полковникъ Обрадовичъ, до того семь лѣтъ командовавшій Новоингерманландскимъ полкомъ.

Сдача полка была всегда Дамоклесовымъ мечомъ надъ головою полковаго командира. Люди разсчетливые заранѣе къ тому приготовлялись, или лучше сказать приготовляли свой кошелекъ. Нашъ старикъ крѣпко задумался, когда за пріемъ взялся человѣкъ очень бывалый. Но дѣло обошлось мирно. Ст. Гер. сдалъ полкъ въ двѣ недѣли, продолжая въ это время кормить всѣхъ своихъ офицеровъ бор-

щемъ и жаренымъ гусемъ, къ досадѣ новаго полковаго командира, привезшаго съ собою Француза-повара.

Наконецъ мы разстались съ нашимъ добрымъ командиромъ. Прощаніе было искреннее, но обошлось безъ обычнаго въ нынѣшнее время обѣда и безъ спичей, которые тогда не получили у насъ права гражданства. Признаюсь, я ихъ не люблю; они совсѣмъ не въ Русскихъ нравахъ. Слушая этотъ потокъ фразъ, мнѣ все хочется спросить: кого здѣсь надуваютъ?

Новый полковой командиръ нашъ былъ опытный человѣкъ и большой служака. Родомъ Сербъ, изъ окрестностей Рагузы, онъ, кажется, родился и воспитывался въ Россіи. Когда-то онъ былъ очень красивымъ молодымъ человѣкомъ; но въ то время ему было лѣтъ 45, и видно было, что сильныя причины состарили его прежде лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ очень неглупый и, я прибавлю, даже добрый, хотя не всѣ со мною соглясятся, потому что на немъ лежала толстая кора казарменной жизни и командирской возни съ солдатами и подчиненными офицерами. Онъ былъ очень строгъ, и на словахъ старался казаться даже жестокимъ. Съ офицерами своего полка онъ не сближался. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ противоположенъ своему доброму предмѣстнику. Отличный хозяинъ, онъ извлекалъ, не всегда безъ грѣха, возможныя выгоды изъ своего полка, но любилъ азартныя игры на сторонѣ. Впослѣдствіи оказалось, что его грызло неудовлетворенное честолюбіе. Онъ кончилъ жизнь въ концѣ тридцатыхъ годовъ самоубійствомъ, не получивши награды, на которую имѣлъ право.

Осенью 1828 года меня назначили командиромъ учебной команды, при полковомъ штабѣ. Видно было, что Обрадовичъ готовилъ меня въ ротные командиры и старался посвятить во всѣ таинства фронтовой и гарнизонной службы. Мѣсяца три я добросовѣстно и неутомимо несъ это ярмо и въ концѣ года назначенъ былъ командующимъ 1-ой гренадерской роты, которой командиръ капитанъ Зезевитовъ былъ посланъ къ рекрутскому пріему. Въ то время мнѣ было 20 лѣтъ, житейской опытности у меня было мало, за то много желанія учиться. Рота была въ хорошемъ порядкѣ; унтеръ-офицеры старые, а фельдфебель Василій Алексѣевичъ Колпаковъ—человѣкъ очень опытный и въ своемъ родѣ оригинальный. Лѣтъ подъ 45 отъ роду, онъ былъ некрасивъ собой и ростомъ не болѣе двухъ аршинъ и 4 вершковъ, что̀ особенно бросалось въ глаза при составѣ роты изъ людей рослыхъ и красивыхъ. Правый флангъ роты начинался $10^1/_2$ вер., а лѣвый кончался 7-ми вер. Колпаковъ былъ неграмотенъ, но считался въ полку лучшимъ фельдфебелемъ. Онъ дѣлалъ войны 1813, 14 гг., имѣлъ Кульмскій крестъ и знакъ отличія военнаго ордена. Съ такими помощни-

ками дѣло пошло хорошо, хотя меня постоянно мучила мысль, чтобы не сказали, что безъ настоящаго хозяина рота опустилась.

Въ Мартѣ 1829 года возвратился капитанъ Зезевитовъ, а я былъ назначенъ командиромъ 2-ой фузилерной роты, которую принялъ отъ Павла Соболевскаго, командовавшаго ею временно, по случаю устраненія бывшаго командира за растрату денегъ и безпорядки.

Новая моя рота не была похожа на прежнюю. Ею лѣтъ 10 командовалъ Ал. Тих. Бурковскій. Рутину службы онъ зналъ, но въ ротѣ у него были всѣ кумовьями; женатыхъ солдатъ много, нѣкоторые солдаты были въ особенной милости, и всѣ они промышляли продажей водки. Это—великое зло, хотя очень нерѣдко встрѣчающееся въ войскахъ. Справедливость и дисциплина бываютъ невозможными, нижніе чины входятъ въ долги, привыкаютъ къ безпорядочной жизни и разстраиваютъ свое здоровье, употребляя водку разбавленную водой съ разными одуряющими специіями. Послѣ Бурковскаго, года полтора командовалъ ротою пор. Рогульскій,—картёжный игрокъ, и человѣкъ вообще ненадежной нравственности. Онъ еще болѣе увеличилъ зло, съ которымъ трудно было справляться бѣдному Павлу Соболевскому, имѣвшему едва 18 лѣтъ. Рагульскій былъ всѣмъ долженъ; расходъ ротныхъ денегъ производился небезупречно; жалованье и аммуничныя деньги раздавалъ несвоевременно, а многіе солдаты ихъ и совсѣмъ не получали. Претензій не показывали, боясь мщенія ротнаго командира, который, при почти неограниченномъ правѣ, не отличался мягкостью нрава.

Я принялся за дѣло смѣло, но круто, съ увлеченіемъ слишкомъ молодаго человѣка. Обрадовичъ назначилъ смотръ одиночнаго ученія моей роты, былъ недоволенъ всѣмъ и особенно мною; ко всему придирался и передъ ротой дѣлалъ мнѣ выговоры въ выраженіяхъ грубыхъ и совершенно, какъ мнѣ казалось, несправедливо. Уходя съ плаца, онъ приказалъ наказать палками человѣкъ двадцать солдатъ, за замѣченныя имъ ошибки. Когда я пришелъ провожать его, онъ встрѣтилъ меня съ улыбкой: «Ну, вотъ вы вѣрно на меня очень сердитесь. Я старый солдатъ, а вы молоды. Я пріѣхалъ помогать вамъ. Солдаты будутъ меня ругать, что я такъ зло нападаю на ихъ ротнаго командира и требую почти невозможнаго; объявите ротѣ, что по вашей убѣдительной просьбѣ я простилъ тѣхъ, кого велѣлъ наказать. За все, что видѣлъ въ вашей ротѣ, благодарю, но совѣтую впередъ вести дѣло не такъ круто, а постепенно; торопливостью можно только испортить, а не поправить.»

Я постарался воспользоваться совѣтомъ по крайнему разумѣнію и не имѣлъ причины раскаяваться. Воздухъ въ ротѣ видимо очищал-

ся, и въ тоже время рота сдѣлала такіе успѣхи, что лѣтомъ на высочайшемъ смотру была далеко не послѣднею въ полку.

Послѣ смотра началась опять однообразная жизнь въ моемъ ротномъ дворѣ, дер. Зехинѣ, въ 35 вер. отъ Старой Русы, и въ 20 отъ полковаго штаба. Въ городъ я никогда не ѣздилъ, а въ штабъ ходилъ иногда только по дѣламъ службы. Я говорю: ходилъ, потому что ѣздить было не на чемъ. Хотя осенью 1829 г. я былъ произведенъ въ поручики, и слѣд. получалъ уже 600 р. асс., но этой прибавки едва доставало на нѣкоторыя прихоти, которыя я сталъ себѣ позволять, какъ напр.: чай и ружейную охоту. Впрочемъ, долговъ я никогда не имѣлъ и, лѣтомъ, на сборахъ, когда нижніе чины ѣдятъ изъ своего котла, я довольствовался ихъ пищей, съ небольшими прибавками. Впрочемъ, тутъ для меня не было никакого лишенія: рота моя славилась хорошимъ приваркомъ. На это расходовалась артельная сумма, которую нижніе чины почти не считали своею, потому что на руки она выдавалась только при отставкѣ, а рѣдкій мечталъ объ этомъ при 25 л. службѣ. Предметы расхода артельной суммы были строго опредѣлены положеніемъ, и всѣ покупки производились, по распоряженію ротнаго командира, артельщикомъ, который повѣрялся капральными унтеръ-офицерами и ефрейторами. Послѣдствія этой повѣрки и состояніе ротной артели объявлялись ротѣ, отъ которой зависѣлъ выборъ артельщика. Большею частью артельщикъ дѣлалъ покупки не одинъ, а съ нѣсколькими старыми солдатами или унтеръ-офицерами, которые и удостовѣряли дѣйствительность расхода. Я изложилъ нѣсколько подробно этотъ порядокъ, потому что въ настоящее время онъ измѣненъ и, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ удачно. Это измѣненіе сдѣлано прежде всего главнымъ штабомъ дѣйствующей арміи. Побудительною причиной послужило нерѣдко встрѣчавшееся произвольное и незаконное распоряженіе ротныхъ командировъ солдатскою артелью. Издана была подробная регламентація, въ основаніи которой положено совершенное устраненіе ротнаго командира отъ хозяйственныхъ распоряженій. Всѣ покупки должны дѣлаться не иначе, какъ по письменному приговору роты и повѣряться избранными ею людьми, такъ что, въ этомъ self-governement'ѣ, командиръ не получалъ даже права veto. Это постановленіе введено было во всѣхъ остальныхъ войскахъ; съ тѣхъ поръ случаи растратъ и злоупотребленій солдатскою артелью не сдѣлались рѣже прежняго. Кажется, тутъ нужны бы были другія общія мѣры, какъ-то: 1) поднятіе образованія во всѣхъ военныхъ чинахъ, 2) развитіе чувства законности, 3) ограниченіе дикаго самодурства начальствующихъ, порожденнаго безправіемъ подчиненныхъ, 4) болѣе строгій выборъ началь-

никовъ частей, выборъ, основанный не на одномъ знаніи фронтовой службы. Кой-что изъ этого теперь и дѣлается; но оно, кажется, должно бы предшествовать, а не слѣдовать за постановленіями, которыя въ то время противорѣчили всему строю и обычаямъ военнаго вѣдомства, а между тѣмъ подрывали уваженіе нижнихъ чиновъ къ своему ротному командиру, которому само правительство оказываетъ недовѣріе, не потому что онъ того лично заслуживаетъ, а потому что онъ ротный командиръ. Во всемъ государствѣ выборное начало не существовало или было смѣшнымъ призракомъ, а хотѣли ввести его въ войскахъ т. е. именно тамъ, гдѣ оно, кажется, менѣе всего умѣстно. Впрочемъ, и въ настоящее время такое либеральное постановленіе какъ-то странно не сходится напр. съ закономъ, который даетъ начальнику право уволить офицера отъ службы безъ прошенія, причемъ уволенный не имѣетъ права ни жаловаться, ни даже спрашивать, за что́ онъ уволенъ; а между тѣмъ вторично на службу онъ можетъ быть принятъ только по личному за него ручательству начальника части, въ которую онъ желаетъ поступить. Сколько офицеровъ сдѣлались жертвою самодурства, если не другихъ, еще менѣе почтенныхъ, побужденій своихъ ближайшихъ начальниковъ!

Въ мое время въ ротахъ была или могла быть еще такъ называемая экономическая сумма; она употреблялась на такіе расходы, которыхъ нельзя было дѣлать изъ артели. Эта сумма составлялась изъ разныхъ источниковъ, отыскиваніе которыхъ зависѣло отъ изобрѣтательности ротнаго командира. Нижніе чины очень дорожили этою суммой, потому что она доставляла ротѣ много разныхъ удобствъ и избавляла людей отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ работъ и обязанностей. Сумма эта хранилась у артельщика и не подлежала повѣркѣ при инспекторскихъ смотрахъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что при принятіи роты я не нашелъ въ ней ни гроша, а при сдачѣ въ ней оказалось 960 рубл., т. е. едвали не болѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ ротахъ полка вмѣстѣ.

Обрадовичъ былъ доволенъ моими распоряженіями по строевой и хозяйственной частямъ, но я и самъ видѣлъ успѣхъ въ своихъ стараніяхъ. Всѣми мѣрами я освободилъ роту отъ солдатокъ и отъ кумовства; по фронту и обмундированію моя рота была изъ первыхъ въ полку. Капральные унтеръ-офицеры скоро поняли то, чего отъ нихъ требовали, между ними два оказались очень хорошими, другихъ двухъ я назначилъ вновь; фельдфебель Калугинъ былъ менѣе надеженъ, но, къ счастію, его скоро произвели въ подпоручики. Рота, какъ знаменная, состояла большею частью изъ молодыхъ солдатъ, которые скоро привыкли къ новому порядку и, что́ мнѣ всего болѣе было пріятно,

это очень значительное уменьшеніе случаевъ, когда необходимо было прибѣгать къ строгости. Однажды въ ротѣ оказалось воровство; воръ открытъ; это былъ молодой солдатъ, который и прежде былъ на дурномъ замѣчаніи; я собралъ роту и отдалъ вора на ихъ судъ съ тѣмъ, чтобы они сами и наказали его. Это было очень некстати, потому что рота присудила дать ему 150 палокъ, и наказаніе было такъ сильно, что бѣдный солдатъ былъ отправленъ въ полковой лазаретъ. Полковой штабъ-лекарь доложилъ Обрадовичу, а этотъ, узнавъ дѣло, показалъ только знàкомъ, что нужно смотрѣть сквозь пальцы; со мной же онъ объ этомъ даже и не говорилъ. Больной очень скоро выздоровѣлъ; я его обласкалъ, показывалъ довѣріе и старался, чтобы рота не упрекала въ его проступкѣ. Впослѣдствіи однакоже, бывши у меня на вѣстяхъ, онъ былъ схваченъ въ то время, какъ вытаскивалъ изъ моего чемодана деньги и бѣлье. Это, впрочемъ, единственный примѣръ неблагодарности, котораго мнѣ случилось быть жертвою; а случаевъ къ тому было много, потому что я, никогда не искавъ благодарности, всегда въ нее вѣрилъ.

И въ 1830 году, отбывъ лагерь и высочайшій смотръ, полкъ нашъ возвратился на прежнія квартиры, а я въ туже деревню, Зехино. Время тянулось однообразно. Я не скучалъ только потому, что много работалъ на службѣ и много читалъ, хотя безъ всякой критики и системы, а просто чтò попадалось.

Въ Декабрѣ, въ 2 ч. ночи, я былъ разбуженъ фельдфебелемъ, который, только что возвратясь изъ полковаго штаба, принесъ мнѣ приказъ по полку о выступленіи нашего полка въ походъ по маршруту, который данъ до пограничнаго города Россіены; извѣстно же было, что мы идемъ въ Бельгію и будемъ имѣть войну съ Французами. Выступленіе было назначено чрезъ недѣлю.

Нельзя передать, какъ всѣ обрадовались походу, начиная съ ротнаго командира до послѣдняго солдата. Но еще не успѣли мы двинуться, какъ маршрутъ нашъ былъ отмѣненъ, и намъ данъ новый, форсированный, на Гродно и Бѣлостокъ. Возмущеніе въ Польшѣ вызвало эту перемѣну. Это поубавило нашу радость. Говорятъ, что императоръ Николай сказалъ: «j'irai en France et je roulerai par la Pologne.»

Обрадовичъ пошелъ еще далѣе: онъ приказалъ взять съ собою вторые солдатскіе мундиры, потому что войны быть не можетъ, а мы будемъ стоять въ Польшѣ въ видѣ военной экзекуціи. События, впрочемъ, не оправдали догадки ни Императора, ни полковаго командира: вторые мундиры были брошены на переходѣ чрезъ границу Польши, еще до перваго сраженія.

Передъ выходомъ изъ Старой Русы, насъ, по полкамъ, смотрѣлъ генералъ-адъютантъ Клейнмихель, который, послѣ паденія своего патрона Аракчеева, принялъ начальство надъ военными поселеніями. Онъ былъ совсѣмъ не военный человѣкъ и нисколько въ войскахъ не популяренъ. Прошедши по фронту, Клейнмихель сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ конечно никто не слышалъ; но всѣ дружно кричали: ура! хотя голосами довольно хриплыми, потому что въ строю было много пьяныхъ, на прощаньяхъ. На чтò было напутственное благословеніе Клейнмихеля—это сказать трудно.

Походъ нашъ до Польской границы совершился безъ всякихъ событій и безъ утомленія. Вступивъ въ Витебскую губ., мы чувствовали, что вступили въ міръ Поляковъ и Жидовъ, двухъ національностей для меня очень несимпатичныхъ, хотя, въ частности, я встрѣчалъ между Поляками немало людей очень хорошихъ.

Проходя по Бѣлоруссіи и Литвѣ, мы вездѣ слышали сужденія о Варшавскихъ событіяхъ. Почти всѣ помѣщики въ этомъ краѣ были Поляки, многіе даже плохо знали Русскій языкъ, но всѣ безусловно обвиняли Поляковъ за мятежъ и съ какимъ-то азартомъ заявляли свои вѣрноподданническія чувства. Тогда мнѣ казалось это страннымъ столько же, какъ и въ послѣдствіи, когда я узналъ, что нѣкоторые изъ этихъ жаркихъ патріотовъ Россіи были повѣшены или сосланы въ Сибирь за измѣну и вооруженный мятежъ, для котораго они считали минуту удобною, когда разныя неблагопріятныя обстоятельства затянули эту войну. Только ознакомившись съ нашей западной окраиной, я понялъ, что эта двуличность и наклонность къ измѣнѣ и заговорамъ есть не болѣе, какъ неизбѣжный продуктъ тысячелѣтней исторіи Польши, съ ея государственной неурядицей, буйной шляхтой и фанатическимъ католицизмомъ. Не надобно однакоже думать, что вся вина на одной сторонѣ. Русское правительство имѣетъ тутъ свою широкую долю. Здѣсь, какъ и вездѣ, главная бѣда въ томъ, что слово и дѣло расходились въ противоположныя стороны. Въ послѣднія два столѣтія Польша переходила изъ рукъ въ руки и постоянно теряла свою самостоятельность. Республика съ избирательнымъ королемъ, но безъ королевской власти и безъ республиканскихъ нравовъ, Польша была разлагающимся хотя нарумяненнымъ трупомъ, задолго до того какъ Костюшко подъ Маціовицами сказалъ: Finis Poloniae! Наполеонъ возстановилъ тѣнь самобытности въ небольшой части Польши, но далъ ей титулъ герцогства Варшавскаго. Послѣ его паденія, герцогство не могло существовать самостоятельно: неизбѣжно должно оно было подвергнуться раздробленію, или сдѣлаться добычею одного изъ сосѣдей. Императоръ Александръ былъ тогда въ апогеѣ славы и могущества.

Въ первые годы царствованія его считали великодушнымъ и либеральнымъ. Этого было достаточно, чтобы герцогство Варшавское отдалось подъ его могущественное покровительство. Торжественная депутація въ 1815 году предложила ему корону Пястовъ и Ягеллоновъ. Естественно было ожидать, что императоръ Александръ при этомъ взвѣситъ прежде всего интересы своего государства и, присоединяя къ нему герцогство Варшавское, не сдѣлаетъ ничего противнаго вѣковой политикѣ своихъ предшественниковъ и общему строю имперіи. Тщеславіе и остатокъ либеральнаго чада увлекли его въ противную сторону. Варшавское герцогство присоединено къ Россійской Имперіи подъ титуломъ Царства Польскаго, получило конституціонныя формы правленія, отдѣльную армію и суды, устроенные по Наполеоновскому кодексу. Но и этого было мало: въ рѣчи на сеймѣ Александръ сказалъ торжественно, что въ непродолжительномъ времени онъ намѣренъ ввести тѣже реформы правленія въ Литвѣ и что туже долю онъ приготовитъ и остальной имперіи. Къ сожалѣнію, это были только слова, т.-е., по выраженію Гоголя, неосязаемый чувствами звукъ; дѣла же были иныя. Главнокомандующимъ въ Польшу назначенъ великій князь Константинъ Павловичъ, знаменитый только дикимъ, неукротимымъ нравомъ, доводившимъ его до крайнихъ предѣловъ неразборчиваго деспотизма. Заёнчекъ, назначенный намѣстникомъ, т.-е. главою гражданскаго управленія, покорился роли ничтожества, въ которое поставило его необузданное самовластіе цесаревича, находившее въ Петербургѣ поддержку и одобреніе. Произошло то, что̀ вездѣ бываетъ при такихъ обстоятельствахъ: дикій произволъ Константина не зналъ предѣловъ, неудовольствіе было повсюду, Польша преизобиловала угодниками власти и шпіонами, никто не могъ ручаться за цѣлость своей особы, чести и имущества; явно совершались дѣла возмутительныя, безъ всякой разумной цѣли, а только по внушенію необузданнаго произвола. Сеймъ не былъ созываемъ, конституціонный строй былъ фактически разрушенъ, хотя и продолжалъ существовать на бумагѣ. Общее недовольство и ропотъ заглушались въ тюрьмахъ и Сибири. Войска были такъ же недовольны, какъ и граждане, хотя великій князь былъ почему-то увѣренъ въ преданности ему войскъ. Фанатическое духовенство и люди крайнихъ политическихъ оттѣнковъ воспользовались общимъ ропотомъ, чтобы вызвать взрывъ *).

---

*) Намъ кажутся эти отзывы преувеличенными, и причины взрыва не вѣрно указанными: Польская шляхта въ 1830 г. принялась бунтовать наканунѣ *освобожденія крестьянъ съ землею*, вполнѣ приготовленнаго въ то время Россіею, точно также какъ бунтовала она и тридцать лѣтъ спустя; а Европейскимъ державамъ всякая наша смута на руку. П. Б.

Для великаго князя этотъ взрывъ былъ совершенною неожиданностью. Толпа шпіоновъ ничего объ немъ не знала, а, можетъ быть, и не хотѣла знать. Великій князь полуодѣтый ускользнулъ изъ Бельведера, въ который ворвалось нѣсколько молодыхъ людей изъ школы подхорунжихъ. Нѣсколько баталіоновъ остались ему вѣрными и, непреслѣдуемые, проводили его до Русской границы, откуда онъ ихъ отпустилъ обратно въ Варшаву, сказавъ, что «отечество ихъ тамъ ожидаетъ». Любопытно было бы спросить, что̀ его высочество называлъ отечествомъ.

Въ городѣ была ночная рѣзня. Погибло немало людей Русскихъ или которыхъ считали преданными Россіи. Варѳоломеевы ночи и Сицилійскія вечерни—въ обычаѣ въ Польшѣ, гдѣ ярый католическій фанатизмъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, особливо когда соединяется съ политическими возбужденіями, въ которыхъ много громкихъ, опьяняющихъ фразъ и никакого здраваго смысла. Какъ бы то ни было, энтузіазмъ былъ общій *). Образовалось временное правительство, во главѣ котораго поставили генерала Хлопицкаго, ветерана Наполеоновскихъ войнъ, человѣка очень популярнаго, но который благоразумными совѣтами скоро возбудилъ къ себѣ недовѣріе. Созвали сеймъ и дѣятельно принялись за устройство войскъ и мѣръ къ оборонѣ края. Элементы для этого были готовы: Русское правительство передъ тѣмъ только въ изобиліи снабдило крѣпости и арсеналы оружіемъ и всѣми военными потребностями. 36 т. регулярныхъ войскъ послужили ядромъ для образованія сильной арміи. Все это произошло такъ быстро, какъ перемѣна декорацій въ какой-нибудь волшебной піесѣ.

Мы перешли чрезъ границу Польши 25 Января. Погода была теплая, снѣгъ таялъ, пахло весной. Наша 2-я гренадерская дивизія соединилась, но шла до Венгрова безъ военныхъ предосторожностей. 2-го Февраля въ Венгровѣ было первое небольшое дѣло; мы пришли уже когда оно кончилось и могли видѣть только нѣсколько нашихъ раненыхъ. Изъ Сѣдльца мы шли уже со всѣми военными предосторожностями. Наша дивизія составляла при главной квартирѣ отдѣльный отрядъ, къ которой прикомандировали какую-то армейскую батарею, потому что наша артиллерія не могла перейти чрезъ рѣки по ненадежности льда. 5 Февраля было первое сраженіе, въ которомъ мы участвовали, при м. Калушинѣ. Картина была прекрасная. Дивизія вышла изъ лѣсу на разсвѣтѣ и построилась въ боевой порядокъ, вер-

*) Любопытно было бы дознаться, когда именно Варшава получила свой многознаменательный гербъ *Сирены съ мечемъ.* П. Б.

стахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ мѣстечка, занятаго непріятелемъ. Предъ началомъ атаки бригадный командиръ г.-м. Чеодаевъ проѣхалъ по фронту, вѣроятно, чтобы ободрить войска. Нелѣпая рѣчь этого жалкаго рыцаря съ блѣдными губами могла бы имѣть на солдатъ вредное дѣйствіе, еслибы не возбудила общаго смѣха. Непріятель не держался и отступилъ изъ Калушина по двумъ дорогамъ; мы его преслѣдовали весь день и взяли нѣсколько десятковъ новобранцевъ, имѣвъ десятокъ раненыхъ.

Отъ Калушина до Минска движеніе происходило въ лѣсистомъ краю. Пороху сожжено много; но ни та, ни другая сторона много не потерпѣли. Въ одномъ мѣстѣ, на полянѣ, Екатеринославскій полкъ неожиданно наткнулся на непріятеля, занимавшаго опушку лѣса. Съ обѣихъ сторонъ открытъ сильный батальный огонь; но когда непріятель отступилъ, оказалось, что ни съ той, ни съ другой стороны потери не было. Это показываетъ, какъ мало боевой опытности имѣли и наши войска въ началѣ войны. 7-го Февраля подъ Минскомъ было болѣе серіозное сраженіе, но наша дивизія туда не поспѣла. Наконецъ, мы вышли изъ лѣсовъ и увидѣли вдали Варшаву, раскинувшуюся на возвышенномъ лѣвомъ берегу Вислы. Мы расположились на Гроховскихъ поляхъ, верстахъ въ $4\frac{1}{2}$ отъ Праги.

Я не имѣю никакого желанія писать исторію Польской войны, но поневолѣ долженъ сдѣлать нѣсколько указаній на общее положеніе края и арміи, хотя эти соображенія не могли въ то время быть доступными фронтовому поручику.

Планъ кампаніи сдѣланъ былъ графомъ Дибичемъ, при назначеніи его главнокомандующимъ. Планъ этотъ былъ смѣлъ и обѣщалъ скорый конецъ войны, но непредвидѣнныя обстоятельства разстроили всѣ соображенія. Раннее открытіе весны, ненадежность льда и знаменитая въ томъ краѣ грязь, которую Наполеонъ назвалъ пятою стихіей, замедлили движеніе обозовъ и артиллеріи. Армія тремя направленіями вошла въ Царство Польское, но до соединенія подъ Варшавой разныя части имѣли мало между собой сообщенія и потому не всегда могли согласовать между собой свои дѣйствія. 1-я и 3-я гренадерскія дивизіи, перешедшія чрезъ границу въ Ковно, подъ начальствомъ корпуснаго командира князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго, двигались отдѣльно, и имъ назначено присоединиться къ арміи подъ Прагой, чтобы принять участіе въ генеральномъ сраженіи, причемъ онѣ должны составить правый флангъ арміи. Гвардейскій корпусъ былъ далеко позади, у границы, и его не считали боевой силой. Непріятель рѣшился съ главными силами ожидать насъ подъ стѣнами Праги и ввѣрить свою судьбу генеральному сраженію въ виду Варшавы. Ледъ на

Вислѣ еще стоялъ, но уже былъ очень ненадеженъ. Прага была сильно укрѣплена, какъ предмостное укрѣпленіе, прикрывающее единственный чрезъ Вислу мостъ. Изъ этого видно, что положеніе непріятеля могло сдѣлаться отчаяннымъ въ случаѣ потери сраженія и рѣшительнаго преслѣдованія. Очевидно разсчитывали на нравственныя силы Польскихъ войскъ, защищающихъ послѣдній оплотъ своей отчизны. И дѣйствительно, воодушевленіе было общее; новобранцы смотрѣли старыми солдатами, даже Жиды національной гвардіи гордо расхаживали во всеоружіи по улицамъ Варшавы, конечно до поры до времени. Городъ все болѣе наполнялся волонтерами, которые съ двухствольными ружьями шли въ застрѣльщичью цѣпь, какъ на охоту.

Князю Шаховскому приказано было ускорить движеніе и избѣгать дѣла. Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Владимиръ Осиповичъ Гурко сдѣлалъ противное. Два дня были потеряны на безплодныя движенія при Бялоленкѣ и Непорентѣ. Главнокомандующій рѣшился начать генеральное сраженіе 13-го Февраля, все еще въ надеждѣ, что князь Шаховской примкнетъ къ правому флангу арміи и своимъ движеніемъ вдоль праваго берега Вислы будетъ угрожать непріятелю отрѣзаніемъ отступленія въ Прагу. Надежда эта не сбылась: князь Шаховской пришелъ только на другой день послѣ битвы на Гроховскихъ поляхъ.

Съ обѣихъ сторонъ дрались упорно и понесли большую потерю; нѣкоторыя части были почти уничтожены. 4-й линейный полкъ, имѣвшій большую славу въ Польской арміи, былъ совершенно истребленъ. Гроховская ольховая роща много разъ переходила изъ рукъ въ руки и, наконецъ, осталась за нами. Наша первая бригада 2-й гренадерской дивизіи назначена была для поддержанія атаки кирасирской бригады. Атаку блистательно началъ кирасирскій принца Альбрехта Прусскаго полкъ. Свѣжіе люди, на свѣжихъ лошадяхъ, ринулись на непріятеля, пробили двѣ линіи, но не достигли никакого положительнаго результата, кромѣ славы. Атака отмѣнена, когда уже одинъ дивизіонъ погибъ, а другой сильно потерпѣлъ. Изъ 2-го дивизіона нѣсколько человѣкъ проскакали Прагу и были взяты у моста чрезъ Вислу. Между ними, говорятъ, было нѣсколько убитыхъ, которыхъ окоченѣлыя руки охватили несшую ихъ лошадь. Человѣкъ восемь героевъ уцѣлѣло и были съ большимъ почетомъ приняты Поляками. Я видѣлъ ихъ послѣ взятія Варшавы, въ имѣніи г. Шимановскаго, гдѣ они все время жили на честномъ словѣ. Зачѣмъ была предпринята эта атака и почему отмѣнена,—никто не понималъ, а все приписывали интригамъ, которыми изобиловала главная квартира.

Бой кончился вечеромъ. Поляки отступили за Вислу, оставивъ сильный отрядъ въ Прагѣ. Обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду.

Какъ мнѣ кажется, обѣ одинаково правы и неправы. Едва ли это не была безполезная бойня. Мы удержали за собой поле сраженія, нашъ авангардъ занялъ предмѣстье Праги; но тѣмъ и ограничились наши успѣхи. Преслѣдованія или другихъ наступательныхъ дѣйствій не было, и мы двѣ недѣли простояли подъ Прагой въ бездѣйствіи. Говорятъ, причиной былъ недостатокъ продовольствія, зарядовъ и патроновъ, потому что вагенбургъ и большая часть артиллеріи еще не присоединились къ арміи. Дѣйствительно, въ продовольствіи былъ большой недостатокъ, такъ что нѣкоторые полки дня два были совсѣмъ безъ сухарей. У насъ этого не было, благодаря распорядительности полк. Обрадовича. Лично для меня это время памятно тѣмъ, что я нѣсколько дней долженъ былъ свой супъ ѣсть съ порохомъ вмѣсто соли, которой ни у кого не было. Особенно въ Дибичевскій періодъ войны армія довольствовалась *реквизиціей*. Это иностранное слово можно перевести порусски *грабежъ края*. Для довольствія лошадей это было необходимо; но понятно, что, отыскивая сѣно и овесъ, которые жители старались прятать, нѣкоторые фуражиры искали его между прочимъ въ кладовыхъ и сундукахъ. Между тѣмъ, что̀ генералъ-интендантъ предполагалъ дѣлать для довольствія арміи, при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и тѣмъ, что̀ дѣйствительно дѣлалось, была огромная разница. Я видѣлъ цѣлыя деревни ограбленныя начисто и брошенныя жителями. Въ нѣкоторыхъ оставались еще полуголодные жители; съ какимъ-то отупѣлымъ равнодушіемъ они смотрѣли, какъ у нихъ отнимали послѣдній кусокъ хлѣба. Народнаго ожесточенія не было и слѣда. Фуражиры иногда давали росписки, и я самъ видѣлъ цѣлую пачку такихъ росписокъ, данныхъ одному помѣщику на Русскомъ языкѣ. Въ этомъ курьезномъ документѣ было сказано: «Росписка дана сія пану №№ въ томъ, что чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи любезный мой. Лубенскаго гусарскаго полка поручикъ №№». Фамилія была невымышлена и написана чётко. Офицера этого я послѣ зналъ. Ихъ было два брата. Этотъ былъ младшій.

Нѣтъ, это не была народная война, какъ она была въ Россіи въ 1812 г. Старостихи Вавилы и Иваны-Крестители иначе бы распорядились съ этими фуражирами и мародёрами. Это была одна изъ шляхетскихъ революцій, которыми преизобилуетъ исторія Польши. Народъ былъ тутъ ни при чемъ; онъ просто шелъ умирать, куда его посылали панъ или ксёндзъ: двѣ многовѣковыя язвы Польши, къ сожалѣнію, неизцѣлимыя.

За сраженіе подъ Гроховымъ я получилъ орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость». Я былъ на своемъ мѣстѣ и отличія никакого не оказалъ; но такова была, а, можетъ быть, и понынѣ есть—

система наградъ. Во всей нашей дивизіи всѣ поручики получили этотъ орденъ, шт.-капитаны и капитаны св. Анны 3 ст. съ бантомъ; шт.-офицеры св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и т. д. Тогда я былъ очень доволенъ, но послѣ догадался, что такая система, развивая безполезное тщеславіе, уничтожая соревнованіе, отнимаетъ цѣну и уваженіе у награды. Въ первый разъ эта система принята была, кажется, Паскевичемъ въ Азіатской Турціи, гдѣ онъ сыпалъ кресты только что не четвериками. Тамъ же значительно усовершенствовано было искусство писать реляціи, до того, что участники въ этой войнѣ не узнавали ни мѣстъ, ни дѣйствій. Напримѣръ, взятіе Эривани было изображено до такой степени рельефно, что Государь пожаловалъ Паскевичу титулъ графа Эриванскаго. Можно было полагать, что эта сильная крѣпость, тогда какъ это небольшой Азіятскій городъ, окруженный стѣнкой изъ глины. Ермоловъ, узнавъ о новомъ графѣ, сказалъ, что слѣдовало бы назвать его не Эриванскимъ, а Іерихонскимъ, потому что и тутъ стѣны упали почти отъ одного звука трубнаго.

Первоначальный Дибичевскій планъ кампаніи былъ очевидно разстроенъ окончательно. Армія двинулась изъ подъ Праги на Югъ къ Вѣпржу. Думали переправиться черезъ Вислу, чтобы атаковать съ западной стороны Варшаву, которая тогда не была еще укрѣплена. Для этого дѣлали марши и контръ-марши. Войска встрѣчались и на взаимные вопросы отвѣчали, что идутъ «впередъ». Начальникъ главн. штаба графъ Толь дѣлалъ усиленную рекогносцировку къ Замостью, но никакого существеннаго результата не достигнуто; а между тѣмъ непріятель сильно потѣснилъ барона Розена, который съ Литовскимъ корпусомъ стоялъ предъ Прагой. Розенъ отступилъ къ Бресту, и непріятель очутился у насъ почти въ тылу. Литовскій корпусъ оказался слишкомъ ненадежнымъ. Онъ состоялъ изъ уроженцевъ западной окраины. Офицеры были большею частью Поляки, и въ полкахъ слышенъ былъ только Польскій языкъ. Здѣсь представилась очевидная невозможность для Россіи имѣть мѣстныя войска по системѣ Пруссіи. Казалось бы этого достаточно было, чтобы отвергнуть эту систему; вышло не такъ: систему приняли, отвергнувъ только то, что̀ въ ней раціонально.

Около половины Апрѣля наша дивизія пришла въ Сѣдльце. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣтились съ холерой. 3-я гренадерская дивизія пришла туда нѣсколько дней прежде. Отправившись отыскивать Сибирскій полкъ, я былъ пораженъ какимъ-то уныніемъ въ почти пустыхъ улицахъ города. Ни одного веселаго или живаго звука не слышалось; не видно было обыкновенной на улицѣ суеты: всѣ встрѣчавшіеся смотрѣли какъ-то пасмурно и озабоченно. Въ одномъ дворѣ ходилъ

часовой какого-то гренадерскаго полка, а на воротахъ крупными буквами мѣломъ написано: «холера». Часовой объяснилъ мнѣ, что онъ поставленъ тутъ, потому что всѣ жильцы этого дома вымерли... Часовой оказался Сибирскаго полка. Онъ помогъ мнѣ найти Базилёва, который только что заболѣлъ холерою. Отъ него узналъ я, что князь Гагаринъ уже съ недѣлю боленъ холерою и начинаетъ поправляться. Печальная встрѣча! Гагарина я нашелъ въ постелѣ, въ комнаткѣ мезонина. За нимъ ухаживала дочь хозяйки дома, а деньщикъ его былъ уже въ госпиталѣ. Тогда вѣрили въ безусловную заразительность холеры и, какъ предохранительное средство, употребляли частыя обмыванія хлоровой водою, конечно безъ пользы, но не безъ вреда. Леченіе же состояло въ кровопусканіи и сильныхъ пріемахъ жидкаго опіума и мятняго масла. Базилёвъ славился въ дивизіи тѣмъ, что никто изъ его больныхъ не умиралъ. Гагарина я нашелъ очень измѣнившимся и въ сильной испаринѣ. Это считалось хорошимъ знакомъ. Три дня я провелъ съ нимъ, а ночевалъ у себя въ лагерѣ. На четвертый день, подъѣзжая верхомъ къ его квартирѣ, я съ ужасомъ увидѣлъ подлѣ дома часоваго и на воротахъ зловѣщую надпись. Къ счастію, Гагаринъ видѣлъ меня издалека и показался у окна. Оказалось, что въ эту ночь умерло все доброе семейство хозяевъ, а 11 лѣтняя дочь неизвѣстно куда убѣжала!... Ходъ болѣзни былъ тогда вообще скоротечный.

Благодаря Бога, оба больные мои быстро поправлялись, когда чрезъ недѣлю полкъ нашъ выступилъ изъ Сѣдльца.

Послѣ нѣсколькихъ движеній къ Минску, Калушину и Эндржеіеву, наша дивизія расположилась на позиціи при Жуковѣ, въ прекрасной сѣянной, дубовой рощѣ, которая, конечно, быстро исчезала на лагерные огни и на вареніе пищи. Это было въ концу Апрѣля. Дни были жаркіе, ночи довольно холодныя, и къ утру бывали заморозки. Въ войскахъ у насъ была холера. Мой бѣдный слуга Аѳанасій отчаянно заболѣлъ, но Базилёвъ его спасъ. Я былъ совершенно здоровъ; но, послѣ ночи, проведенной на аванпостахъ, и у меня сдѣлалась холера. Къ счастью моему, мы простояли на этой позиціи недѣли три, и я успѣлъ управиться съ этой болѣзнью, благодаря пособію и заботливости Базилёва.

Расположеніе нашей арміи на театрѣ войны было, кажется, неудовлетворительно, безъ всякой видимой причины. Гвардейскій корпусъ былъ въ сѣверо-восточномъ углу Польши, вдали отъ главныхъ силъ арміи. Онъ составлялъ отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, который проявлялъ свои воинскія дарованія исключительно на парадномъ плацѣ. Это дало мысль Скржинецкому, главнокомандующему Польскихъ войскъ, всѣми силами уда-

рить на гвардейскій отрядъ, который, будучи застигнутъ въ расплохъ, бросилъ свои тяжести и быстро отступилъ въ предѣлы Россіи. Скржинецкій былъ прежде полковникомъ генеральнаго штаба и былъ извѣстенъ какъ офицеръ, выходящій изъ общаго уровня способностями и образованіемъ. Движеніе его хорошо задумано и энергически исполнено, но, отдалясь отъ Варшавы, онъ подвергался самъ опасности быть отрѣзаннымъ отъ своего основанія главными силами нашей арміи, которыя, тотчасъ по полученіи извѣстія, были двинуты форсированнымъ маршемъ ему въ тылъ на Высокомоховецкое и Остроленку. Это было въ началѣ Мая, но дни были жаркіе и ясные. По мѣрѣ приближенія къ Остроленкѣ движеніе наше ускоривалось, и наконецъ 13 Мая мы прошли 56 верстъ почти безъ остановокъ и безъ горячей пищи. Войска очень утомились. 14 Мая рано утромъ нашъ полкъ остановили предъ Остроленкой, гдѣ уже кипѣлъ бой. Когда скомандовали: стой! рядовой 2-й гренадерской роты Асинцовъ, запѣвало и пѣсельничій атаманъ, вскричалъ съ досадой: «экое начальство! Остановили, а ноги только что расходились». Солдаты расхохотались и забыли о своей усталости. Асинцовъ былъ золотой человѣкъ. Онъ уже былъ лѣтъ двадцать въ службѣ, но долженъ былъ служить *вѣчно*, потому что былъ штрафованъ и не отличался особенною трезвостью. Это былъ человѣкъ неглупый, очень остроумный и всегда готовый на какую-нибудь забавную выходку, а особливо въ трудную минуту, когда и старые солдаты готовы носъ повѣсить. Въ полку его всѣ знали и почти оффиціально признавали за нимъ титулъ пѣсельничьяго атамана. Я вспомнилъ объ немъ какъ объ явленіи, почти невозможномъ въ настоящее время при короткомъ срокѣ службы и при невозможности на долго удержать старыхъ солдатъ подъ знаменами.

Скржинецкій отступалъ такъ же быстро, какъ и двигался впередъ для атаки гвардіи. Едва достигъ онъ Остроленки, какъ былъ живо атакованъ шедшей ему на перерѣзъ нашей арміей. Пришлось дать сраженіе въ позиціи очень невыгодной для Поляковъ: г. Остроленка лежитъ на вершинѣ изгиба Нарева, котораго возвышенный лѣвый берегъ значительно командуетъ правымъ. Варшавское шоссе, перешедъ чрезъ Наревъ въ самой вершинѣ изгиба, круто поворачиваетъ влѣво и идетъ параллельно теченію рѣки. Очевидно, что на этой позиціи необходимо было во что бы то ни стало держаться на лѣвомъ берегу Нарева и въ Остроленкѣ; иначе, при нашемъ численномъ превосходствѣ, Поляки не только не могли удержаться на другой сторонѣ рѣки въ ея исходящемъ углу, но могли быть отрѣзаны отъ ихъ прямаго и удобнѣйшаго пути отступленія, отъ Варшавскаго шоссе. Съ другой стороны, и наше положеніе на правомъ берегу Нарева имѣло то огром-

ное неудобство, что отступленіе могло совершиться только по двумъ полуразрушеннымъ мостамъ въ тѣсномъ углу изгиба рѣки. Понятно, что съ той и другой стороны можно было ожидать отчаянныхъ усилій. Въ случаѣ неудачи Поляки могли быть отрѣзаны отъ Варшавы, а намъ грозила катастрофа Фридланда, по близкому сходству мѣстности съ тою, на которой рѣшилась участь кампаніи 1807 года.

Нашъ полкъ вошелъ въ Остроленку, когда городъ былъ уже занятъ нашими войсками, изъ которыхъ четыре батальона перешли на лѣвую сторону по двумъ полуразрушеннымъ мостамъ и на плечахъ Поляковъ. Туда же какъ-то перетащили два легкихъ орудія. Другіе полки постепенно переходили, но позиція не позволяла имъ свободно развернуться. Все толпилось во входящемъ углу рѣки и вдоль возвышеннаго шоссе. Непріятель, отступившій сначала на покрытую перелѣсками равнину, вправо отъ шоссе, дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы отбросить наши войска за Наревъ. Восемь разъ 16 Польскихъ батальоновъ ходили въ атаку, всегда были отбиты и преслѣдуемы по равнинѣ. Удаляясь отъ рѣки, наша пѣхота была атакуема съ боку Польскою кавалеріею. Въ это время поставлены были большія батареи на лѣвой сторонѣ; перекрестными выстрѣлами онѣ покровительствовали нашей пѣхотѣ, постепенно усиливавшейся новыми войсками. Наша 1-я бригада 2-й гренадерской дивизіи долго стояла въ самомъ городѣ, въ резервѣ, и подвергалась только незначительному артиллерійскому огню. Городъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ. Когда насъ перевели за рѣку, позиція была окончательно за нами, и непріятель началъ свое безпорядочное отступленіе.

Небольшое пространство, на которомъ бой кипѣлъ весь день, было буквально покрыто трупами, разными обломками и изрыто ядрами. На этой позиціи намъ пришлось простоять три дня, при страшной жарѣ и зловоніи отъ гніющихъ труповъ, которые постепенно зарывались; но, особливо, лошади такъ не глубоко, что копыта торчали изъ земли. Я находилъ отраду только купаясь нѣсколько разъ въ день въ Наревѣ; но и тутъ ноги въ водѣ безпрестанно наступали на трупы утонувшихъ при переходѣ по полуразрушеннымъ мостамъ.

Преслѣдованія разбитаго непріятеля не было. Благовидную причину этого бездѣйствія вѣроятно нашли; но намъ тогда показалось это особенно страннымъ, потому что весь гвардейскій отрядъ оставался въ 6 верстахъ отъ поля сраженія, а почти вся кавалерія не участвовала въ бою, по свойству самой мѣстности. Къ этому нужно прибавить, что Польская армія, въ которой было много новобранцевъ, была почти дезорганизована въ первые дни послѣ Остроленскаго боя. Движеніе къ Пултуску было мирное, и армія расположилась на позиціи, гдѣ ей

суждено было потерять своего стараго и встрѣтить новаго главнокомандующаго. Наша дивизія расположилась въ трехъ верстахъ отъ Пултуска, близъ мызы Клешева, гдѣ помѣстилась главная квартира.

Дибича войска мало знали. Съ солдатами онъ никогда не говорилъ. Неудачный ходъ войны дѣлалъ его мало популярнымъ. Носились слухи, что онъ неумѣренно употребляетъ крѣпкіе напитки. Каждый день мы видѣли его невзрачную фигуру съ длинными всклоченными волосами, когда на маршѣ онъ обгонялъ идущія войска, окруженный многочисленною главною квартирой.

Гораздо бóльшею популярностью пользовался въ арміи начальникъ главнаго штаба графъ Толь. Не смотря на свою иностранную фамилію и на Остзейское происхожденіе, онъ смотрѣлъ Русскимъ человѣкомъ, хорошо зналъ Русскій языкъ и умѣлъ сказать при случаѣ горячее слово. Онъ былъ очень серьёзенъ и строгъ. Его всѣ боялись, и едва ли не ему обязаны были нѣкоторою тѣнью порядка въ многочисленной, разноплеменной, вѣчно-интригующей главной квартирѣ и въ войскахъ.

Однажды утромъ, часовъ въ шесть, я услышалъ разговоръ своей прислуги за палаткою. Разсказывалъ съ особеннымъ жаромъ цирюльникъ моей роты, взятый въ главную квартиру и гордившійся незавидною честью брить и стричь самого Дибича. «Умеръ, говорю вамъ, умеръ! Кому же знать какъ не мнѣ? Вчера брилъ; былъ здоровёхонекъ, а ночью Богу душу отдалъ. Вишь, холера... кто ихъ знаетъ!!» Рѣчь шла о главнокомандующемъ, котораго всѣ мы видѣли наканунѣ часовъ въ семь вечера совершенно здороваго, съ зрительной трубкой, на холму, противъ расположенія нашего полка.

Отъ Кіевскаго полка потребовали роту со знаменемъ въ почетный караулъ къ тѣлу. Графъ Толь, какъ начальникъ главнаго штаба, вступилъ въ командованіе арміею и тотчасъ-же, со всею главною квартирою, перешелъ въ Пултускъ. На другой день моя рота вступила въ почетный караулъ. Страшная картина представилась мнѣ на мызѣ и въ домѣ, гдѣ лежало тѣло бывшаго главнокомандующаго. Два дня тому назадъ здѣсь кипѣла жизнь, все суетилось, слышался говоръ на всѣхъ языкахъ, и все это вращалось вокругъ маленькаго, некрасиваго человѣчка, небрежно одѣтаго, съ всклоченными волосами; теперь тѣло этого человѣчка неподвижно лежитъ на парадномъ одрѣ, окруженномъ табуретами, съ орденами и звѣздами, а въ головѣ одра безмолвно стоятъ два уборныхъ унтеръ-офицера съ ружьями у ноги. Въ домѣ и на мызѣ ни души. Тѣло было покрыто парчевымъ покрываломъ, но лице можно было видѣть; я могу сказать только, что на немъ не видно было никакихъ признаковъ смерти отъ холеры. Эта болѣзнь счи-

талась тогда безусловно заразительною, и зараза сообщалась особенно изверженіями и трупомъ холерика. Странно, что убѣжденіе въ заразительности сдѣлало исключеніе для трупа главнокомандующаго: его не только выставили открыто, но предварительно бальзамировали. Наканунѣ смерти Дибича къ нему пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ графъ А. Ѳ. Орловъ. Въ арміи припомнили легенды, связанныя съ фамиліею Орловыхъ, и изъ всего этого составилось почти общее убѣжденіе, что Дибичъ умеръ неестественною смертью. Послѣ узнали, что Паскевичъ уже былъ въ Петербургѣ и долженъ былъ замѣнить Дибича, котораго дѣйствіями Государь былъ недоволенъ. Возможно, что неудача и разрушеніе всѣхъ его плановъ заставили его самого прекратить свою жизнь. Миръ душѣ его! Знавшіе его близко добромъ вспоминаютъ его, какъ человѣка. Бывшій адъютантъ его А. И. Будбергъ говорилъ мнѣ: «Вотъ какая разница между Дибичемъ и Паскевичемъ: одинъ во всѣхъ его окружающихъ старался отыскивать и употреблять на пользу хорошую и честную сторону, другой— напротивъ». Крупная похвала!

Черезъ часъ послѣ моего вступленія въ караулъ пріѣхали графъ Толь и графъ Орловъ съ огромною свитою. Они на минуту входили въ залу, гдѣ лежало тѣло. При выходѣ изъ дому караулъ отдалъ честь. Графъ Орловъ, съ позволенія Толя, поздоровался съ гренадерами и сказалъ: «Я ѣду къ Государю, что̀ прикажете ему сказать отъ васъ?» Солдатъ нашъ не привыкъ разговаривать съ начальствомъ, да и начальство рѣдко считаетъ нужнымъ дѣлать вопросы, кромѣ тѣхъ, которые уже освящены обычаемъ, и отвѣтъ на нихъ заученъ солдатами до малѣйшихъ оттѣнковъ интонаціи. Вопросъ графа Орлова не входилъ въ этотъ скудный реперторій; многіе вопроса не слыхали или не поняли; но рота, въ одинъ голосъ, съ громкою оффиціальною интонаціею, крикнула на всякій случай: «Ради стараться, ваше сіятельство!»— «Такъ и скажу Государю, что вы ради стараться», отвѣчалъ графъ Орловъ и прямо изъ Клешева отправился обратно въ Петербургъ.

Въ началѣ Іюня прибылъ новый главнокомандующій, графъ Паскевичъ-Эриванскій. Въ арміи знали только, что онъ послѣ Ермолова былъ начальникомъ на Кавказѣ и кончилъ войну съ Персіянами и въ Азіятской Турціи. Узнали и то, что, при назначеніи его въ Польшу, Ермоловъ, умѣвшій вставить кстати свое меткое и крѣпкое словцо, сказалъ: «на Ванькахъ-то не далеко уѣдешь» (и Дибича, и Паскевича звали Иваномъ).... Николаю Павловичу нуженъ былъ герой его выбора.

Новый главнокомандующій объѣхалъ войска и сказалъ солдатамъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, изъ которыхъ предъ нашимъ пол-

комъ я разслышалъ только: «пора въ Варшаву»... Остальныя слова были покрыты дружнымъ: «ради стараться, ура!»

Однако въ Варшаву мы не очень торопились. Мы двинулись на Сѣверъ только 22 Іюня и дошли до Плоцка безпрепятственно. Здѣсь мы пробыли до 29 Іюня. Петровъ день—праздникъ Кіевскаго гренадерскаго полка. Командиръ его, полковникъ Мандерштернъ, имѣлъ любезность пригласить къ себѣ на праздникъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ нашего полка, а своимъ кавалерамъ представилъ право позвать къ себѣ по два человѣка знакомыхъ; такимъ образомъ, изъ моей роты отправились человѣкъ двадцать унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

День былъ дождливый, знаменитая Польская стихія совсѣмъ растворилась. Вдругъ прискакалъ Донской офицеръ, и спросилъ графа; ему указали на городъ, и онъ поскакалъ туда, сломя голову и крича: «тревога, непріятель идетъ». Не знаю, кто приказалъ ударить тревогу, но она была принята всѣми войсками и произвела страшную суматоху, какъ въ войскахъ, такъ особенно въ главной квартирѣ. Большая часть гостей прибѣжали изъ Кіевскаго полка полупьяными; нѣкоторыхъ успѣли протрезвить обливаніемъ водой, въ чемъ помогалъ проливной дождь. Жаль мнѣ было унтеръ-офицера своей роты Алексѣя Петрова, молодаго, расторопнаго человѣка, никогда не замѣченнаго въ пьянствѣ. Бѣднякъ совершенно не могъ стоять на ногахъ, но былъ въ полной памяти и упрашивалъ меня, чтобы я оставилъ его на позиціи, накрывъ лагерной соломой и разнымъ хламомъ; онъ бы навѣрное пропалъ или попалъ въ плѣнъ, еслибы вся тревога не была слѣдствіемъ недоразумѣнія: Донской офицеръ искалъ не графа Паскевича, а графа Витта, который командовалъ аріергардомъ и въ это время былъ въ Плоцкѣ. Появленіе непріятеля или его передвиженіе было событіе ежедневное въ арьергардѣ и могло касаться не болѣе какъ арьергарда, а тутъ офицера привели прямо къ главнокомандующему. Проскакавъ нѣсколько верстъ, офицеръ, конечно, неспокойнымъ тономъ доложилъ о появленіи непріятеля и произвелъ всю эту тревогу. Обозы главной квартиры загромоздили улицы Плоцка; безпорядокъ былъ такой, что главнокомандующій съ своей свитой, съ величайшими затрудненіями, могъ выбраться изъ города.

Войска выстроились въ боевой порядокъ и простояли такъ часа три, потомъ двинулись всей линіей, прошли версты три и опять стали. Всю ночь перетаскивали съ прежней позиціи обозы, завязшіе въ непроходимой грязи. Люди всю ночь не спали и стояли подъ ружьемъ на проливномъ дождѣ. Не смотря на то, что недоразумѣніе давно разъяснилось, мы все еще стояли и двигались въ боевомъ порядкѣ, какъ бы ожидая нападенія непріятеля, хотя хорошо было извѣстно,

что за нами слѣдуетъ только 10 т. отрядъ Ушинскаго. Въ Жидахъ, въ Польшѣ, кажется, нѣтъ недостатка; но мы невсегда имѣли вѣрныя свѣдѣнія. За то непріятель зналъ не только всѣ наши настоящія, но и предполагаемыя движенія. Разсказывали, что нѣсколько времени въ главную квартиру пріѣзжалъ, въ числѣ адъютантовъ, Польскій офицеръ, выписывалъ вмѣстѣ съ другими приказанія и диспозиціи на слѣдующій день и благополучно отвозилъ въ свой лагерь. Этотъ анекдотъ относится къ Дибичевскому періоду. Надо сказать, что при Паскевичѣ вообще порядку было больше, и особливо уменьшилось грабительство, потому что снабженіе арміи провіантомъ сдѣлалось правильнѣе. За то всѣ движенія наши стали медленными, а частыя, продолжительныя остановки костически приписывались сушенію сухарей. Впрочемъ на этотъ разъ причиной медленности было изготовленіе переправы черезъ Вислу на самой границѣ Пруссіи, близъ Торна.

7 Іюля мы перешли черезъ Вислу въ м. Осекъ. Мостъ устроенъ былъ на судахъ, купленныхъ и нанятыхъ въ Пруссіи. Туда-же были доставлены по Вислѣ большіе запасы провіанта и боевыхъ припасовъ, такъ что, при дальнѣйшемъ движеніи къ Варшавѣ, наше основаніе было не въ Россіи, а въ Пруссіи.

Съ недѣлю мы двигались отъ переправы къ Ловичу безпрепятственно. Польскія войска стянулись къ Варшавѣ, въ которой кипѣла работа укрѣпленія города на лѣвомъ берегу Вислы. Народный энтузіазмъ еще разъ ярко вспыхнулъ: знатныя дамы и дѣвицы передниками носили землю на укрѣпленія. Это было мило и эффектно.

На позиціи близъ Ловича мы простояли около двухъ недѣль. Авангардъ нашъ былъ въ Ніоборовѣ, имѣніи князя Радзивила. Тамъ его великолѣпный дворецъ съ богатой картинной галлереей, которую всѣмъ позволялось осматривать, хотя во дворцѣ квартировалъ начальникъ авангарда графъ Виттъ. Это была первая картинная галлерея, которую мнѣ довелось видѣть. Кажется, природа не щедро одарила меня чувствомъ изящнаго. Мнѣ случалось довольно равнодушно смотрѣть на произведенія знаменитыхъ мастеровъ, тогда какъ въ другое время сильно дѣйствовали на меня картины живописцевъ, не пользующихся никакою славою. Можетъ быть, тоже бываетъ и со многими другими; я только имѣю дерзость въ этомъ признаваться.

Ловичъ можно бы назвать порядочнымъ городомъ, если бы въ немъ не было много Жидовъ. Характеръ Польскихъ городовъ и помѣщичьихъ усадьбъ не похожъ на то, что мы видимъ въ коренной Россіи. Въ усадьбахъ главную роль играютъ хозяйственныя заведенія и постройки; помѣщичьи дома большею частью имѣютъ скромную наружность. Вообще сельское хозяйство въ Польшѣ ведется гораздо

лучше нашего, хотя и тамъ, какъ и у насъ, люди богатые и знатные въ имѣніяхъ не живутъ. Польскіе магнаты часто ѣздили и жили по долгу за границею и особенно въ Парижѣ. Вообще, Польская интеллигенція тяготѣла отнюдь не къ Россіи, а къ Западной Европѣ. Если какой-нибудь богатый самодуръ поселялся въ провинціи, то строилъ себѣ что-нибудь въ родѣ рыцарскаго замка съ сторожевыми башнями, стрѣльчатыми сводами и готическими окнами. Таковъ былъ именно замокъ генерала Клицкаго въ Ловичѣ. Всѣ находили, что эта новенькая постройка вѣрно передаетъ видъ баронскаго замка феодальныхъ временъ. Я его осматривалъ внутри и снаружи, и нашелъ только, что потрачено очень много денегъ для того, чтобы имѣть самое неудобное жилье. Тоже можно сказать и о виллѣ князя Радзивила Аркадія, близъ Ловича. Садъ великолѣпенъ, а жилой домъ представляетъ хижину, покрытую соломой; стѣны сдѣланы изъ огромныхъ и толстыхъ зеркальныхъ стеколъ. Внутри большая зала, уставленная хрусталемъ, который при освѣщеніи долженъ производить большой эффектъ. Кромѣ залы есть двѣ маленькія комнаты. Вообще, эта хижина не болѣе, какъ очень дорогая прихоть, но никакъ не сдѣлана для житья. Въ саду можно видѣть ротонду, посвященную памяти одной княгини Радзивилъ. Тамъ видѣлъ я стѣнную живопись какого-то славнаго художника. Это была копія извѣстной картины, кающейся Маріи Магдалины. Мнѣ было 23 года. Признаюсь, видъ полуобнаженной красавицы, въ полномъ цвѣтѣ юности и здоровья, произвелъ на меня не то впечатлѣніе, которое, вѣроятно, желалъ вызвать художникъ.

Непріятельскій авангардъ находился въ это время въ м. Болимовѣ, а аванпосты расположены были на открытой равнинѣ въ виду нашей передовой цѣпи. Перестрѣлка между аванпостами происходила часто и если не дѣлала большаго вреда, то безпрестанно держала передовыя войска въ тревогѣ. Тогда рѣшились послать въ цѣпь Финскій стрѣлковый батальонъ, единственную часть нашихъ войскъ, вооруженную хорошими штуцерами и очень хорошо обученную цѣльной стрѣльбѣ. Черезъ полчаса Поляки должны были перемѣнить цѣпь, а еще черезъ полчаса стали отступать. Графъ Толь, которому долгое бездѣйствіе наше очень не нравилось, сдѣлалъ усиленную рекогносцировку, дошелъ до Болимова и занялъ его; оказалось, что за мѣстечкомъ была болотистая рѣка. Поляки, при отступленіи, уничтожили мостъ, а сзади гребли видны были небольшія части пѣхоты и нѣсколько орудій. Главныя силы непріятеля, вѣроятно были за лѣсомъ, который тянется вдоль берега рѣки. Генеральнаго штаба полковникъ Бутовскій взялся сдѣлать рекогносцировку. Съ нѣсколькими казаками этотъ лихой наѣздникъ отыскалъ бродъ, проѣхалъ лѣсъ и прискакалъ

доложить, что непріятель въ полномъ отступленіи. Графъ Толь послалъ сказать главнокомандующему, что необходимо тотчасъ же начать преслѣдованіе. Много часовъ прошло въ нетерпѣливомъ ожиданіи, и дѣло кончилось тѣмъ, что наши войска отступили опять на прежнія свои позиціи. Между Паскевичемъ и Толемъ никогда не было гармоніи.

Наконецъ, 3 Августа мы двинулись къ Варшавѣ. Въ два дня мы дошли до м. Блоне. Едва успѣли мы расположиться на позиціи, какъ меня потребовали въ корпусный штабъ. Я еще не сказалъ ничего о лицахъ, составлявшихъ этотъ штабъ. Гренадерскимъ корпусомъ командовалъ генералъ отъ инфантеріи князь И. Л. Шаховской, одинъ изъ героевъ Бородинскаго боя. Въ корпусѣ онъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ замѣчательно добрый и, можетъ быть, слишкомъ довѣрчиво вручившій бразды правленія своему начальнику штаба, генералъ-маіору В. С. Гурко. Въ мирное время все шло хорошо, но въ военное желательно было бы больше самостоятельности въ начальникѣ корпуса, тѣмъ болѣе, что Гурко во всю свою долгую боевую жизнь не выказалъ нигдѣ военныхъ способностей. Въ его характерѣ было много Польскаго, хорошее общее образованіе и свѣтскій лоскъ дѣлали его замѣтнымъ между генералами, которыхъ общій уровень былъ тогда довольно низокъ. Самоувѣренность и докторальный тонъ его заставляли иногда предполагать, что позади всей этой наружной обстановки есть что-то болѣе существенное. Это предположеніе не всегда сбывалось. Гурко имѣлъ много качествъ хорошихъ и дурныхъ, которыя въ то время были одинаково полезны, чтобы выдвинуться изъ общаго строя. Третье въ штабѣ лице, о которомъ стоитъ вспомнить—это оберъ-квартирмейстеръ полковникъ баронъ И. А. Зальца. Это былъ человѣкъ очень образованный, свѣтскій, съ хорошими способностями, но чрезвычайно лѣнивый и любившій покутить. Еслибы онъ свой умственный капиталъ не размѣнялъ на мелкую монету, онъ могъ бы играть болѣе видную роль. Товарищи и подчиненные офицеры генеральнаго штаба его очень любили. Изъ этихъ офицеровъ Бруновъ и Бергенстроле были Шведы изъ Финляндскаго корпуса; Бергенгеймъ Нѣмецъ, а Дайнезе—неизвѣстной націи, родомъ изъ Перы. Первые два были хорошіе люди и практическіе офицеры; военное же теоретическое образованіе ихъ было не обширно, какъ и вообще всѣхъ офицеровъ, которыми снабжалъ генеральный штабъ Финляндскій кадетскій корпусъ.

Былъ въ штабѣ еще Кауфманъ, маленькій, юркій офицерикъ, довольно ничтожный. Этотъ былъ изъ Турецкаго генеральнаго штаба. Такой эпитетъ требуетъ объясненія. Въ генеральномъ штабѣ давно уже чувствовали большой недостатокъ въ офицерахъ; онъ еще увеличился, когда Государь Николай Павловичъ, послѣ событія 14-го Де-

кабря, возненавидѣлъ это вѣдомство, послѣ того какъ оно названо генеральнымъ штабомъ вмѣсто прежняго страннаго названія: «свита Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части». При началѣ Турецкой войны 1828 г. нашли необходимымъ пополнить недостатокъ офицеровъ этаго вѣдомства переводомъ лучшихъ и болѣе образованныхъ офицеровъ изъ войскъ. Выборъ предоставленъ былъ частнымъ начальникамъ, и потому въ число переведенныхъ много попало такихъ, которые нисколько не соотвѣтствовали потребностямъ этаго рода службы; за ними надолго осталось названіе Турецкаго генеральнаго штаба. Лучшими офицерами этаго вѣдомства были тогда вышедшіе изъ Муравьевской школы колоновожатыхъ и изъ Финляндскаго корпуса. Офицерское училище главной квартиры первой арміи дало также съ десятокъ хорошихъ офицеровъ. Во время Польской войны, офицеровъ изъ войскъ прикомандировывали къ генеральному штабу въ видѣ испытанія и потомъ переводили въ это вѣдомство или возвращали въ свои части. Такихъ было въ штабѣ гренадерскаго корпуса три: Пеловъ, Печковскій и Петровскій; оба послѣдніе были мои товарищи по Могилёвской школѣ. Печковскій былъ переведенъ въ генер. штабъ, а Петровскій послѣ войны получилъ мѣсто старшаго адъютанта въ корпусномъ дежурствѣ. Съ обоими я во всю жизнь ихъ часто встрѣчался и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Оказалось, что меня потребовали въ штабъ именно по ихъ указанію, чтобы поручить мнѣ исправленіе дороги и моста въ томъ направленіи, по которому армія должна была идти. Мнѣ дали сборную команду въ 1000 человѣкъ съ двумя офицерами. Начальникъ штаба Гурко указалъ мнѣ на картѣ это мѣсто и далъ проводника, сказавши, что для исправленія моста я найду на нашихъ аванпостахъ инженернаго офицера.

Было уже совсѣмъ темно, когда я выступилъ изъ лагеря. Прошедъ верстъ пять къ сторонѣ Варшавы, мы встрѣтили деревню, въ которой расположенъ былъ резервъ нашихъ аванпостовъ. Онъ состоялъ изъ 2-хъ или 3-хъ эскадроновъ Новоархангельскаго уланскаго полка и нѣсколькихъ сотенъ Донцовъ. Аванпосты были въ полуверстѣ; но мѣсто, гдѣ должна была производиться моя работа, находилось еще впереди нашихъ аванпостовъ. Начальникомъ этой части аванпостовъ былъ уланскій маіоръ, котораго я нашелъ въ помѣщичьемъ домѣ за ужиномъ, съ 5-ю или 6-ю офицерами, въ числѣ которыхъ оказался и мой инженеръ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за 30, съ южнымъ типомъ лица и большою лысиной. Онъ сказалъ нѣсколько словъ маіору, и тотъ сейчасъ велѣлъ двинуть всю цѣпь аванпостовъ впередъ на полверсты за оврагъ, гдѣ мы должны были работать.

Въ комнатѣ пахло кушаньями и табачнымъ дымомъ, слышались веселые разговоры улановъ, кончившихъ свой ужинъ. Инженеръ спросилъ, не хочу ли я ужинать? Я признался, что въ этотъ день я не обѣдалъ. «Такъ прикажите скорѣе подать себѣ ужинъ, пока передвигаютъ аванпосты». Развѣ здѣсь трактиръ?—«Нѣтъ. Но вотъ хозяйка дома». «Но я съ ней незнакомъ, и мнѣ совѣстно». Инженеръ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и, кликнувъ хозяйку, рѣзко приказалъ подать мнѣ ужинъ, прибавивъ: «Только живо, потому что намъ недосугъ дожидаться». Это приказаніе онъ выразилъ на чистомъ Польскомъ языкѣ. Хозяйка нашла, кажется, все это естественнымъ, и чрезъ минуту мнѣ подали супу и жаркаго. Инженеръ оказался человѣкомъ очень опытнымъ въ жизни аванпостной. Онъ состоялъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба при г.-м. Власовѣ, походномъ атаманѣ Донскихъ казаковъ, о которомъ онъ мнѣ разсказывалъ много оригинальныхъ анекдотовъ, пока мы шли къ мѣсту работъ. Этотъ дикарь безъ рода и племени началъ съ того, что былъ писаремъ у графа М. И. Платова. Кромѣ грамоты онъ не имѣлъ никакого образованія, но былъ хитеръ, сметливъ, расторопенъ и храбръ, любилъ выпить и не стѣснялся строгостію правилъ нравственности. Около 1820 года онъ былъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго войска и на голову разбилъ подъ Калаусомъ трехтысячную партію Черкесовъ, вторгнувшуюся въ наши предѣлы для грабежа. Партія была почти вся истреблена или потоплена въ болотахъ, въ которыхъ и до сихъ поръ отыскиваютъ оружіе и панцыри. Объ этомъ бѣдствіи у Черкесовъ сложено было много жалобныхъ пѣсенъ. Впослѣдствіи времени онъ былъ наказнымъ атаманомъ на Дону, гдѣ, какъ говорятъ, не отличался справедливостію и безкорыстіемъ. Онъ умеръ около 1850 г., оставивъ сестрѣ, безграмотной, пьяной старухѣ, значительное наслѣдство. Во время Польской войны квартиру генерала Власова можно было узнать, потому что на трубѣ дома сидѣлъ Донской казакъ съ зрительною трубой. Жилъ онъ и пировалъ на счётъ края, нисколько не церемонясь съ обывателями. Впрочемъ, казаки его любили и имѣли довѣріе къ его боевой опытности и предпріимчивости. Однимъ словомъ, онъ былъ спеціалистъ казацкаго дѣла и могъ быть отличнымъ партизаномъ, если бы его умѣли хорошо употребить.

Всю ночь продолжалась наша работа. Было за полночь, когда ко мнѣ пріѣхалъ съ аванпостовъ офицеръ сказать, что весь нашъ авангардъ двигается и потому я долженъ самъ позаботиться о своемъ охраненіи. Я выставилъ вокругъ себя посты съ резервомъ на дорогѣ и ждалъ прохода мимо меня войскъ авангарда; но, до самаго разсвѣта,

все было тихо. Инженеръ уѣхалъ около полуночи, окончивъ исправленіе моста. Къ разсвѣту и моя работа была окончена. Возвращаясь по той же дорогѣ, я не нашелъ уже ни улановъ, ни казаковъ въ деревнѣ, гдѣ былъ ихъ резервъ. Всѣ мы очень устали, и потому, не доходя версты три до м. Блоне, я сдѣлалъ привалъ, и всѣ мы часа четыре отдохнули и выспались. Когда мы возвратились въ Блоне, около полудня, тамъ уже были трофеи внезапнаго нападенія нашихъ передовыхъ войскъ на непріятельскій арьергардъ. Трофеи эти состояли изъ раненнаго начальника аріергарда генерала Голоа, около 2 т. плѣнныхъ и 6-ти или 7 орудій. Авангардъ нашъ уже былъ въ виду Варшавы, гдѣ произвелъ большую тревогу.

Мы пришли въ лагерь нашей дивизіи какъ разъ въ то время, когда полки становились въ ружье для движенія впередъ. Переходъ былъ не великъ, и вечеромъ мы расположились верстахъ въ 20 отъ Варшавы, впереди мѣстечка Надаржинъ, гдѣ помѣстилась главная квартира.

Исчезновеніе Польской арміи съ выгодной позиціи подъ Болимовымъ объяснилось переворотомъ, который въ это время совершился въ Варшавѣ. Несчастный народъ Польскій, жертва многовѣковыхъ, собственныхъ недостатковъ и вѣроломной политики своихъ сосѣдей, давно уже потерялъ центръ тяжести и теперь находился подъ вліяніемъ слѣпаго фанатизма ксендзовъ и крайней революціонной партіи. Скржинецкій лишился начальства надъ войсками. Онъ, кажется, дѣйствительно, излишне вдавался въ политику и ждалъ скораго прибытія легіоновъ изъ Франціи и выраженія сочувствія изо всей Западной Европы. Многіе были заподозрѣны въ тайныхъ сношеніяхъ съ Русскими и въ измѣнѣ. Это стоило жизни подозрѣваемымъ и многимъ Русскимъ, неуспѣвшимъ выѣхать изъ Варшавы въ началѣ революціи. Императоръ Николай былъ объявленъ лишеннымъ престола, Польская республика возстановленною въ предѣлахъ 1772 г. Наши ошибки много содѣйствовали этой заносчивости Польскихъ патріотовъ. Мы слишкомъ понадѣялись на твердость нашего положенія въ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Варшавскіе эмиссары приготовили волненіе въ этихъ провинціяхъ распространеніемъ истинныхъ и ложныхъ извѣстій съ театра войны и изъ Западной Европы. Еще вскорѣ послѣ движенія главной части нашей арміи отъ Праги къ Вѣпржу, Польскій отрядъ успѣлъ проникнуть на Волынь, а послѣ Остроленки мелкіе отряды проходили въ сѣверную часть Литвы и вездѣ находили сочувствіе и содѣйствіе. Скоро стали составляться шайки повстанцевъ, и весь Западный край былъ охваченъ открытымъ бунтомъ, при дружномъ содѣйствіи трехъ главныхъ элементовъ всѣхъ переворотовъ, ко-

торыми такъ изобилуетъ исторія Польши, а именно: ксендзовъ, женщинъ и общаго легкомыслія. Немало помогла возстанію и наша администрація своими дѣйствіями и поступками, слишкомъ живо напоминающими Татарскій періодъ нашей исторіи. Для подавленія бунта въ огромномъ краѣ отъ Курляндіи до Днѣстра, покрытомъ лѣсами и болотами и гдѣ почти всѣ помѣщики и вся интеллигенція были Поляки, потребовалось организованіе особой арміи, подъ названіемъ резервной. Непріятель вездѣ исчезалъ и вездѣ вновь являлся; возни было немало. Кромѣ пушекъ и ружей пущены въ ходъ висѣлицы и Сибирь, которыя пользы сдѣлали мало, а поселили или укрѣпили сѣмена народной ненависти. Кстати вспомнить, что незадолго предъ тѣмъ произошелъ бунтъ въ Старорусскомъ военномъ поселеніи. Поводомъ къ тому была укоренившаяся въ народѣ молва, что холера происходитъ отъ того, что Поляки отравляютъ воду въ рѣкахъ и колодцахъ. Хотѣли употребить противъ бунтовщиковъ резервные батальоны 2-й гренадерской дивизіи; но эти части, въ которыхъ $^3/_4$ солдатъ были изъ туземцевъ, или отказались дѣйствовать противъ своихъ близкихъ, или явно стали на сторону бунтовщиковъ, выдавъ имъ своихъ офицеровъ. 96 офицеровъ были изуродованы побоями или варварски убиты. Въ числѣ послѣднихъ былъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ. Но самымъ страшнымъ въ этой кровавой комедіи былъ ея финалъ. По усмиреніи бунта начались наказанія: кнутъ и шпицрутены долго и усиленно работали. Цѣлый Старорусскій округъ разоренъ, и значительная часть его жителей переселена въ Сибирь. Повернулись ли въ землѣ кости графа Аракчеева, который былъ главнымъ виновникомъ этой кровавой, но неизбѣжной катастрофы? Бунтъ въ Новгородскомъ поселеніи не имѣлъ прямаго отношенія къ войнѣ въ Польшѣ, но возмущеніе въ Западныхъ провинціяхъ представляло существенное затрудненіе: армія не имѣла другаго вѣрнаго сообщенія съ основаніемъ своимъ, кромѣ какъ по Вислѣ и чрезъ Пруссію; отряды, дѣйствовавшіе на правомъ берегу Вислы, выше Варшавы, были разъединены съ главными силами и имѣли съ ними и съ Россіей необезпеченное сообщеніе.

Мы простояли подъ Надаржиномъ недѣли двѣ съ половиною. Въ продолженіе этого времени дѣлались приготовленія къ штурму Варшавы, стягивались всѣ отряды, заготовлялись туры, фашины, штурмовыя лѣстницы, войска обучались штурмованію полевыхъ укрѣпленій, нарочно для того устроенныхъ. Изготовленіе штурмовыхъ принадлежностей было поручено мнѣ. Трудовъ было немало, лѣсу изведено гибель, а въ дѣло ничто не пошло: все было брошено далеко не доходя Варшавы.

Отряду барона Розена велѣно было наступить къ Варшавѣ, чтобы вызвать оттуда часть войскъ, а затѣмъ стараться отвлечь ихъ какъ можно далѣе, отступая хотя до предѣловъ Россіи. Этотъ маневръ удался. Противъ барона Розена высланъ изъ Варшавы 18 т. корпусъ Ромарино, который такъ увлекся преслѣдованіемъ, что не могъ уже принять участія въ оборонѣ Варшавы. Поляки приписываютъ это измѣнѣ Ромарино и Круковецкаго, который въ это время имѣлъ диктаторскую власть. Нѣтъ сомнѣнія, что подозрѣнія могутъ имѣть нѣкоторое основаніе, потому что отсутствіе 18 т. лучшихъ войскъ въ рѣшительный моментъ имѣло сильное вліяніе на исходъ штурма. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что въ Польшѣ не было ни одного сколько-нибудь значительнаго лица, которое бы не обвиняли въ измѣнѣ. И Хлопицкій здрàдзилъ, и Скржинецкій здрàдзилъ, и вписцы здрàдзили. И эта несчастная нація мечтала о республикѣ!

Наконецъ, наступилъ день Варшавскаго штурма. Съ 24 на 25 Августа мы всю ночь передвигались къ тому мѣсту, гдѣ намъ назначено было находиться при началѣ штурма. Всѣ войска перемѣняли позицію, и это совершалось не безъ большихъ недоразумѣній и безпорядковъ. Войска разныхъ частей и оружій сталкивались вмѣстѣ, мѣшались и загромождали проходы чрезъ деревни и мосты. Однакоже до восхода солнца мы были уже на мѣстѣ, влѣво отъ Калишскаго шоссе и противъ главнаго передоваго укрѣпленія, Волы.

Съ восходомъ солнца раздались первые пушечные выстрѣлы. Наша дивизія была въ резервѣ. Переднія войска взяли два отдѣльныхъ передовыхъ укрѣпленія передъ Волой и съ трехъ сторонъ двинуты на штурмъ самой Волы. Бой кипѣлъ на всей линіи; ружейнаго огня не было слышно за непрерывной пушечной пальбой, при чемъ ярко отдѣлялись только выстрѣлы изъ большихъ крѣпостныхъ орудій, поставленныхъ на главномъ городскомъ валу.

Вола защищалась упорно и стоила обѣимъ сторонамъ немало крови. Это было не полевое, а временное укрѣпленіе очень сильной профили и съ палисадами во рву. Внутри укрѣпленія былъ знаменитый Вольскій костелъ, въ которомъ короновались короли. Это конечно поддерживало воодушевленіе защитниковъ, и безъ того напряженное увѣренностью, что въ этотъ день рѣшается судьба всего ихъ дѣла, если не ихъ отечества, потому что послѣдняя давно уже рѣшена безповоротно. Сила взяла свое. 3-я гренадерская дивизія овладѣла укрѣпленіемъ и въ немъ расположилась. Во все это время наша 2-я гренадерская дивизія стояла впереди взятыхъ передовыхъ укрѣпленій и терпѣла только отъ артиллерійскаго огня. Наступилъ моментъ тишины вокругъ нашей позиціи. Зная, что Сибирскій полкъ былъ на штурмѣ

Волы, я отпросился сходить туда, чтобы узнать о князѣ Гагаринѣ. Вошедъ въ Волу, я увидѣлъ свѣжіе слѣды отчаяннаго боя. Вездѣ были трупы и кровь. Оружія и аммуниція разбросаны по землѣ; между деревьями какого-то сада ходили кучками солдаты и убирали раненыхъ. Всѣ были озабочены и, какъ будто, чего-то искали. Въ свою очередь я тоже искалъ встрѣтить кого-нибудь изъ Сибирскаго полка, а наткнулся неожиданно на графа Паскевича, который шелъ и разговаривалъ съ дежурнымъ генераломъ Обручевымъ. Чтобы избѣжать встрѣчи, я бросился къ костелу и тамъ увидѣлъ страшную картину. Послѣдній отчаянный бой происходилъ въ стѣнахъ этого древняго зданія, видѣвшаго другія времена. Горсть Поляковъ съ какимъ-то безногимъ генераломъ (кажется Соболевскимъ) держалась до послѣдней крайности. Всѣ они тутъ погибли. Въ костелѣ устроенъ перевязочный пунктъ, и нѣсколько докторовъ, безъ сюртуковъ, съ засученными рукавами рубахъ, всѣ въ крови, дѣлали операціи, рѣзали руки и ноги; болѣе 1000 раненыхъ ожидали перевязки. Въ воздухѣ пахло кровью и свѣжимъ мясомъ, и слышались стоны тысячи раненыхъ и умирающихъ!.. Къ счастью, я встрѣтилъ офицера Сибирскаго полка и узналъ, что Гагаринъ цѣлъ и невредимъ, только осколкомъ гранаты у него сорвало верхнюю часть кивера на головѣ. Полкъ ихъ потерпѣлъ менѣе, чѣмъ можно было ожидать. Теперь всѣмъ казалось, будто сраженіе кончено, хотя непріятельскія ядра безпрестанно летали и косили молодыя деревца сада. Кажется, Поляки попробовали раза два снова овладѣть Волою, но неуспѣшно. Они отступили къ Варшавѣ, и тишина дѣйствительно водворилась.

Пробывъ нѣсколько времени съ Гагаринымъ, я воротился на свою позицію и узналъ, что заключено перемиріе, и ведутся переговоры о сдачѣ Варшавы. Ночь прошла спокойно; на другой день по утру Крюковецкій со свитою пріѣхалъ въ Волу и былъ принятъ Паскевичемъ въ корчмѣ безъ оконъ и дверей, съ разстрѣлянными стѣнами. Отъ Поляковъ требовали безусловной покорности. Наглый тонъ Крюковецкаго былъ причиною того, что переговоры прерваны, и ему дано было время до часу пополудни. Срокъ этотъ прошелъ, и штурмъ возобновился.

Передовыя укрѣпленія были взяты по всей линіи, когда графъ Паскевичъ былъ контуженъ ядромъ въ руку. Ему открыли кровь и сдѣлали перевязку.

Вступившій въ командованіе арміею графъ Толь тотчасъ же двинулъ войска на штурмъ главнаго вала. Въ этомъ актѣ почетное мѣсто принадлежало гренадерскому корпусу. Наша дивизія была переведена на правую сторону шоссе и стала противъ предмѣстья Чисте,

которое было атаковано и занято армейской пѣхотой. Вслѣдъ за тѣмъ ген. штаба капитанъ Бруновъ повелъ нашу бригаду въ это же предмѣстье, довольно далеко выдающееся за городовой валъ. Вошедъ въ Чисте, мы повернули круто вправо и направились на флешъ, дававшую фланговую оборону длиннымъ фасамъ городоваго вала. Правѣе этой флеши валъ дѣлалъ поворотъ, и на исходящемъ углу его были Іерусалимскіе ворота.

По выходѣ изъ Чисте, мы должны были идти почти параллельно къ длинному фасу городоваго вала. Появленіе наше было, кажется, неожиданно и произвело у непріятеля большое смятеніе. Насъ встрѣтили и провожали сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ; но тутъ было больше шуму, чѣмъ опасности: страшная масса пуль летала чрезъ наши головы, а непріятельскихъ головъ, за брустверомъ, мы почти не видали. Нѣсколько ядеръ съ флеши выхватили цѣлые ряды, и возлѣ меня упали прапорщикъ Богородскій и двое рядовыхъ 2-й гренадерской роты. Въ эту минуту раздался громкій крикъ Асинцова: «пѣсельниковъ къ атаману!» Кучка, человѣкъ въ 50, собралась къ нему на маршѣ, и онъ запѣлъ веселую пѣсню: «ахъ, зачѣмъ было огородъ городить?» съ непечатными прибавленіями. Хоръ весело подхватилъ, и пѣсня продолжалась, пока полкъ подошелъ къ самой флеши и, съ громкимъ ура! бросился на штурмъ по обѣ стороны этого передоваго укрѣпленія.

Непріятель слабо защищался, и овладѣнье флешью и городовымъ валомъ намъ обошлось очень недорого, не смотря на то, что укрѣпленія были очень сильной профили (отъ 22 до 23 ф. отъ дна рва до кроны бруствера), съ палисадами во рву и съ достаточною фланговою обороною. Упадокъ духа обороняющагося соразмѣряется съ силою позиціи и рѣшительностью наступленія. Примѣры этого упадка нерѣдки въ военной исторіи.

Какъ моя рота (знаменная) была впереди, мнѣ съ нѣсколькими солдатами удалось пробраться за городовой валъ прежде другихъ. Тамъ были сады и огороды съ одиночными строеніями. Непріятель былъ невидимъ, но производилъ сильный ружейный огонь. Полковникъ Обрадовичъ послалъ стрѣлковую цѣпь впередъ и приказалъ зажечь всѣ отдѣльныя постройки. Стрѣлки выгнали непріятеля изъ садовъ и вступили въ улицу, которой многіе дома уже горѣли. Сильная пальба слышна была вправо отъ насъ. Прибѣжалъ какой-то адъютантъ, съ приказаніемъ нашему полку идти вправо и атаковать во флангъ и въ тылъ непріятеля, упорно державшагося у Іерусалимской рогатки и по ту сторону. Тамъ атаковала городовой валъ карабинерная бригада нашей дивизіи.

Двигаясь вправо, полкъ нашъ овладѣлъ Іерусалимской рогаткой, перешелъ шоссе и сталъ на открытой полянѣ, имѣя впереди какіе-то деревянные бараки. Увидавъ насъ у себя почти въ тылу, Поляки отступили отъ городоваго вала, и болѣе мы ихъ не видали.

Наступили сумерки, но отъ яркости огня пожаровъ небо казалось совершенно мрачнымъ, какъ въ темную осеннюю ночь. Изъ бараковъ сыпались на насъ пули; но мы не отвѣчали, полагая, что это могутъ быть наши карабинеры, овладѣвшіе городовымъ валомъ и расположившіеся по ту сторону баракъ. Обрадовичъ послалъ взводъ моей роты съ поручикомъ Шипинымъ, приказавъ ему зажечь бараки и войти въ сношеніе съ нашими ближайшими войсками. Добрый мой товарищъ Шипинъ живо исполнилъ порученіе, но, вмѣсто своихъ, нашелъ въ баракахъ Поляковъ, которыхъ оттуда и выгналъ. Вообще Обрадовичъ распоряжался какъ опытный и очень внимательный частный начальникъ. Онъ разсылалъ всюду по ротамъ и по взводамъ съ разными порученіями, польза которыхъ была очевидна; но, наконецъ, полку необходимо было устроиться, потому что въ строю едва оставалось три роты. Застрѣльщики наши, еще до начала нашего движенія къ Іерусалимской рогаткѣ, отдалились отъ полка въ другомъ направленіи. Ихъ нелегко было отыскать среди общаго хаоса въ улицахъ, которыхъ дома горѣли. Ихъ нашелъ и привелъ къ полку адъютантъ, поручикъ Петръ Соболевскій. Этотъ отличный офицеръ, столько же храбрый, какъ и скромный, былъ при этомъ раненъ въ ногу, но перетянулъ рану платкомъ и до конца штурма оставался въ строю.

Мало-по-малу полкъ сталъ собираться, и тогда только хватились знамени перваго батальона. Обрадовичу вообразилось, что оно досталось въ руки непріятеля, и онъ былъ въ отчаяньи, пока оказалось, что оно, послѣ взятія Іерусалимской рогатки, было оставлено тамъ подъ прикрытіемъ знамённыхъ рядовъ.

Перестрѣлка начала утихать. Наши застрѣльщики сомкнулись съ карабинерами и Кіевскимъ полкомъ, который былъ лѣвѣе насъ. Стрѣлковый резервъ занялъ какія-то зданія посреди открытой поляны, окруженныя стѣнами и большими деревьями. Стрѣлки, не долго думая, зажгли одну часть построекъ. Оказалось, что это была артиллерійская лабораторія и складъ ракетъ простыхъ и снаряженныхъ гранатъ, пороху и разныхъ артиллерійскихъ матеріаловъ. Къ счастью, стрѣлки успѣли выбраться оттуда ранѣе начала взрывовъ, такъ что, кажется, дѣло обошлось безъ жертвъ, и мы часа три любовались великолѣпнымъ фейерверкомъ.

Ночь была темная и холодная. Въ городѣ была мертвая тишина; только слышны были по временамъ вой собакъ и унылые звуки трубы, игравшей отбой.

На разсвѣтѣ мы узнали, что Польскія войска отступили за Прагу, а городъ сдался безусловно. Вслѣдъ за тѣмъ гвардейскій корпусъ вступилъ въ Варшаву; а мой добрый слуга Аѳанасій отыскалъ меня съ чаемъ, который мы выпили съ жадностью и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Всѣ понимали, что война кончена. Полкъ нашъ могъ смѣло сказать, что въ этотъ день онъ честно сдѣлалъ свое дѣло. Мы потеряли менѣе, чѣмъ можно было ожидать. У насъ ранено: одинъ штабъ и три оберъ-офицера; числа выбывшихъ изъ строя нижнихъ чиновъ я не помню. У меня въ ротѣ одинъ убитъ и шесть ранено.

Непріятель отступилъ къ крѣпости Модлину, но не клалъ оружія, а показывалъ видъ, что намѣренъ идти въ Плоцкъ и тамъ сложить оружіе, какъ это требовалось манифестомъ Императора при началѣ войны.

Недѣли двѣ мы отдохнули въ Варшавѣ и окрестностяхъ, и снова двинулись по обѣимъ сторонамъ Вислы, сначала къ Модлину, а потомъ, чрезъ Раціонжъ и Безунь, къ Прусской границѣ. 23 Сентября непріятельскія войска безъ боя перешли въ Пруссію и тамъ положили оружіе. Польская революція кончена. Французскій министръ Савари сказалъ въ палатѣ депутатовъ слово, которое доставило ему печальную славу: Varsovie fut prise, et l'ordre règne *).

За штурмъ Варшавы я получилъ орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Это была валовая награда по чину.

Съ Прусской границы нашъ корпусъ отправился въ Калишское воеводство и расположился довольно просторно въ г. Серадзѣ и его округѣ. Моя рота помѣстилась въ д. Бискупицѣ, принадлежащей г-ну Сементковскому, брату ген.-адъютанта, убитаго Поляками въ Варшавѣ при началѣ революціи. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 32, довольно ничтожный, только что возвратившійся изъ-за границы, куда попалъ еще въ началѣ войны. Онъ служилъ во 2-мъ Калишскомъ конномъ полку и наединѣ откровенно разсказывалъ мнѣ свои похожденія. Калишане съ Познанчанами сформировали два конныхъ полка. Это былъ патріотическій порывъ. Всѣ помѣщики стали въ ряды и привели съ собою всѣхъ своихъ слугъ, въ полномъ вооруженіи. Кто медлилъ или уклонялся, тому женщины или дѣвицы присылали кудель, чтобы по крайней мѣрѣ могъ прясть на пользу войскъ, сражающихся за родину. Оба Калишскихъ полка были прекрасно обмундированы, вооружены и на хорошихъ лошадяхъ. Когда они вступили въ Варшаву, энтузіазмъ былъ общій. Толпы народа встрѣтили ихъ за заста-

*) Варшаву взяли, и порядокъ господствуетъ.

вой и кричали: «niech žią Kaliszanie»! Мы ѣхали, говоритъ Сементковскій, гордо, гладили усы и отвѣчали: «niech zginą Kaliszanie žeb tylko oiczizna žila!» Это было великолѣпно, обѣщало много подвиговъ. Еще до Гроховскаго сраженія 2-ой полкъ, въ ничтожной аванпостной схваткѣ, показалъ тылъ и опомнился, какъ говорилъ мой разсказчикъ, только въ Петриковѣ. Первый полкъ служилъ лучше и съ Гелгудомъ положилъ оружіе въ Пруссіи. Съ какимъ-то легкомысленнымъ цинизмомъ хозяинъ мой и его племянникъ, Микорскій, смѣялись надъ своими воинскими подвигами; но сцена перемѣнялась, когда къ нимъ собирались сосѣди и на столъ являлась пулгарцувка венгржину. Послѣ второй или третьей, всѣ наперерывъ начинали разсказывать о такихъ своихъ подвигахъ, которые сдѣлали бы честь Геркулесу. Бѣдные Москали гибли тысячами подъ ихъ ударами, и обыкновенно бесѣда заключалась такою-же хвастливою мазуркою, которую пѣли хоромъ и хриплыми голосами.

Время шло довольно однообразно. Зима стояла теплая и ясная. Снѣгу почти не было. Это было первое мое знакомство съ мягкимъ, здоровымъ климатомъ Западной Европы. Рота моя была однакоже менѣе довольна своей стоянкой.

Съ самаго начала принуждены были приварокъ готовить въ артельномъ котлѣ, потому что солдаты не могли ѣсть хозяйской пищи. У Сементковскаго было большое стадо мериносовъ. Зимой начался падежъ, и каждый день овчары вытаскивали по 10 и 15 дохлыхъ овецъ. Этой операціи ожидали мужики съ нетерпѣніемъ и на расхватъ брали дохлыхъ овецъ, за одинъ день работы на помѣщика. Мясо этой дохлой скотины употреблялось въ пищу безъ всякой церемоніи на основаніи того, что ее самъ Богъ зарѣзалъ. Вообще бытъ простаго народа въ Польшѣ былъ очень не отраденъ и не совсѣмъ противорѣчилъ исторической фразѣ: «Польша—рай для шляхты и адъ для мужиковъ». По закону мужикъ былъ свободенъ и могъ два раза въ годъ оставить землю одного владѣльца и перейти къ другому; но на дѣлѣ это оказывалось почти невозможнымъ. Отходя, мужикъ долженъ сдать землю, хату, скотъ и земледѣльческія орудія, которыя онъ получилъ отъ владѣльца. Тутъ являлись безчисленныя прижимки, и споръ кончался разборомъ гминнаго войта, т.-е. тоже шляхтича и землевладѣльца. Своей земли крестьяне не имѣли. Все это родило какую-то апатію. Протестовъ на такой порядокъ вещей было мало; во 1-хъ) потому что къ нему привыкли, а во 2-хъ) потому что въ прежнія времена было еще хуже. Сельское хозяйство было однакоже далеко лучше нашего, благодаря близости и примѣру Силезіи и Познани, съ которыми Калишане имѣли ежедневное общеніе.

Весна приближалась. Въ Польшѣ водворилось то, чтó Савари такъ оригинально назвалъ порядкомъ, т.-е. скрытая, глухая ненависть, готовая вспыхнуть пламенемъ Варѳоломеевской ночи при удобномъ случаѣ, при возбужденіи фанатическаго духовенства и буйной шляхты, недовольной законнымъ своеволіемъ, которое ей оставлено нашимъ правительствомъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ Обрадовичъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ гренадерскаго полка короля Прусскаго. Преемникъ его, полковникъ А. С. Пухинскій принялъ полкъ въ три дня. Это былъ середній гвардейскій офицеръ, лѣтъ 32-хъ, высокаго роста, красивой наружности. Частью никакой онъ не командовалъ: служилъ прежде въ сапёрахъ, а потомъ былъ начальникомъ учебной команды. Лѣтами онъ былъ моложе большей части ротныхъ командировъ; въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ, опытности административной не имѣлъ никакой. Онъ не могъ понять разницы между полками и учебной командой и безпрестанно заботился о томъ, чтобы нижніе чины были разсортированы по ротамъ: по цвѣту волосъ и другимъ наружнымъ особенностямъ. Выше я его назвалъ середнимъ гвардейскимъ офицеромъ, потому что такихъ обыкновенно полковыхъ командировъ назначали въ армію изъ гвардіи, чтó, конечно, не могло не оскорблять заслуженныхъ армейскихъ офицеровъ. Пухинскій былъ человѣкъ впрочемъ довольно образованный, хотя безхарактерный, но имѣвшій представительность и лоскъ человѣка натершагося въ хорошемъ обществѣ. Много другихъ было гораздо хуже его.

Полкъ нашъ получилъ приказаніе о возвращеніи въ Россію. Мы двинулись въ Мартѣ чрезъ Варшаву, Ломжу и Ковно. Пока мы шли, наши будущія квартиры нѣсколько разъ перемѣняли; мы простояли нѣсколько недѣль въ Динабургѣ, столько же въ Лифляндіи и наконецъ пришли въ гор. Лугу, въ уѣздѣ котораго полкъ расположился на постоянныхъ квартирахъ. Начались обыкновенныя фронтовыя занятія, постепенно усиливавшіяся съ приближеніемъ весны. Пухинскій былъ со мною очень любезенъ; но кто-то успѣлъ внушить ему, что я возбуждаю противъ него офицеровъ. Глупое недоразумѣніе, безъ всякой со стороны моей вины, показало мнѣ, что онъ расположенъ ко мнѣ враждебно и при случаѣ можетъ сдѣлать мнѣ немало вреда.

Въ Іюнѣ полкъ нашъ потребовали въ Петербургъ для содержанія карауловъ во время пребыванія гвардейскихъ войскъ въ лагерѣ. 137 верстъ отъ Луги до Петербурга я прошелъ пѣшкомъ съ ротою и такимъ образомъ имѣлъ торжественное вступленіе въ столицу. Квартиръ въ натурѣ здѣсь не отводять, и потому нужно было позаботиться наймомъ квартиры и устройствомъ своего продовольствія. Го-

родъ мнѣ былъ совершенно неизвѣстенъ, средства мои были крайне ограничены. Я вспомнилъ, что старый мой товарищъ, Никифоровъ, находится въ какой-то Военной Академіи и отправился къ нему за совѣтомъ. Онъ вышелъ ко мнѣ съ лекціи. Послѣ дружескихъ объятій, онъ спросилъ меня: «Ты тоже къ намъ въ академію хочешь?» Этотъ вопросъ смутилъ меня неожиданностію. Я сказалъ, что не думалъ объ этомъ, и что во всякомъ случаѣ я не могъ бы выдержать вступительнаго экзамена, потому что семь лѣтъ не бралъ въ руки ни одной научной книги. Никифоровъ пригласилъ меня обѣдать у него и на досугѣ переговорить объ этомъ дѣлѣ, которое, кажется, его интересовало.

Признаюсь, что эта мысль запала мнѣ въ голову, и потому, не возражая, я отправился, послѣ обѣда съ Никифоровымъ, къ полковнику генеральнаго штаба Иванову и къ вице-директору Военной Академіи генералъ-маіору барону Зеддлеру, которые знали меня еще въ Могилевѣ. Первый принялъ меня радушно, второй какъ-то уклончиво. Понятно, что онъ не очень радъ былъ пріобрѣсти въ Военную Академію офицера, котораго зналъ въ офицерскомъ училищѣ какъ повѣсу, не хотѣвшаго заниматься. Онъ обѣщалъ, однакоже, доложить генералъ-адъютанту Сухозанету и военному министру, и просилъ меня пріѣхать къ нему на другой день. Дѣло приняло такой оборотъ, что на третій день я уже привезъ полковнику Пухинскому предписаніе изъ министерства о немедленномъ принятіи отъ меня роты и о моемъ прикомандированіи къ Военной Академіи.

Для всѣхъ это было неожиданностью; но когда я призвалъ каптенармуса Ѳедора Петровича Бѣлугина и сказалъ, чтобы приготовлялъ сдаточныя бумаги, онъ просто сказалъ: «Готовы, ваше благородіе».—Да, ты почему зналъ?—«Да, ужъ мы видѣли, что вы насъ оставляете».

Не безъ горькаго чувства я разстался со 2-ою фузилерною ротою, которою командовалъ пять лѣтъ. Я зналъ каждаго солдата, и особливо война сблизила меня съ ними и дала возможность оцѣнить ихъ по достоинству. Въ ротѣ было много людей, о которыхъ я и по сіе время храню пріятное и живое воспоминаніе. Фельдфебель Михаилъ Петровичъ Кокушкинъ, капральные Ефремъ Григорьевъ 1-й, М. С. Скворцовъ, Михель Отто и Константинъ Васильевъ; наконецъ, каптенармусъ Ѳ. П. Бѣлугинъ: это такія личности, которыя въ настоящее время совершенно невозможны. На разставаньи хочу сказать нѣсколько словъ о Бѣлугинѣ. Его хотя и называли каптенармусомъ, но онъ былъ рядовой и ротный писарь. Худощавый, маленькій ростомъ и некрасивый, онъ могъ быть незамѣченъ во 2-й шеренгѣ, около лѣваго

фланга; но это былъ человѣкъ очень неглупый, грамотный и съ большимъ характеромъ. Передъ моимъ вступленіемъ въ командованіе ротой, Бѣлугинъ былъ горькимъ пьяницей и часто подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ; все это очень разстроило его здоровье. Еще до меня, послѣ жестокаго наказанія розгами, онъ далъ себѣ слово болѣе не пить водки. Я старался поддержать его рѣшимость, обращался съ нимъ почеловѣчески, называлъ Ѳедоромъ Петровичемъ и показывалъ полное довѣріе. Это средство мнѣ неразъ удавалось. Бѣлугинъ велъ себя безупречно, ротное хозяйство въ его рукахъ процвѣтало, и въ затруднительныхъ случаяхъ съ нимъ совѣтовались другіе каптенармусы. Передъ войной отъ насъ потребовали списокъ неспособнымъ къ строю нижнимъ чинамъ. Бѣлугинъ упросилъ меня помѣстить его въ этотъ списокъ, говоря, что полковой штабъ-лѣкарь обѣщалъ помѣстить его въ тотъ разрядъ, который переводился въ инвалидъ на родину. Къ сожалѣнію, я согласился, и Бѣлугинъ, вмѣсто инвалида, былъ назначенъ деньщикомъ къ подпоручику Андрееву, который вымещалъ на немъ сотни розогъ, такъ недавно достававшихся на его долю въ Дворянскомъ полку, тогда еще извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ корпуса волонтроповъ. Этаго мало: онъ колотилъ его по зубамъ на каждомъ шагу и вообще показывалъ злобное презрѣніе къ этому несчастному. Я этого не зналъ и случайно нашелъ Бѣлугина, во время войны, лежащимъ близъ дороги, въ сильнѣйшей холерѣ; а въ Капинскомъ воеводствѣ онъ опять явился ко мнѣ въ роту по выздоровленіи изъ госпиталя. Но уже воля была сломлена: онъ даже не хотѣлъ и дать мнѣ слово, что не будетъ пить. Въ ротѣ его всѣ уважали, какъ честнаго и разумнаго человѣка. Любопытно было видѣть разныя ухищренія, которыя солдаты предпринимали, чтобы на маршѣ скрыть его отъ меня, когда онъ бывалъ пьянъ. Мнѣ не всегда можно было притворяться не видящимъ; но, до самой сдачи роты, мнѣ удалось обойтись безъ тѣлесныхъ наказаній. Не знаю, какая была судьба этого несчастнаго, жертвы тогдашней дикости нравовъ и зубодробительной дисциплины. Онъ держался до тѣхъ поръ, пока у него не отняли уваженія къ самому себѣ.

Іюнь уже былъ въ концѣ, а пріемный экзаменъ назначенъ 26 Августа, какъ нарочно въ день Варшавскаго штурма. Для меня это былъ тоже рѣшительный день. Понятно, что на экзаменъ я смотрѣлъ не какъ школьникъ, которому ничего не значитъ провалиться. Неудача была для меня непоправима и могла имѣть вліяніе на всю мою жизнь: мнѣ предстояло со стыдомъ воротиться въ полкъ.

Съ ужасомъ разсмотрѣлъ я программы пріемнаго испытанія, выданныя мнѣ изъ Академіи. Повѣряя свои знанія, я сознавалъ, что на бóльшую часть вопросовъ я совсѣмъ не могу отвѣчать; а тутъ еще были цѣлыя науки или отдѣлы наукъ, о которыхъ я понятія не имѣлъ, какъ напр. долговременная фортификація, артиллерія, тригонометрія, уставы кавалерійской и артиллерійской строевой службы. На все это оставалось около двухъ мѣсяцевъ. Помогать мнѣ никто не могъ, потому что во всемъ городѣ у меня былъ только одинъ знакомый, Никифоровъ, который самъ былъ очень занятъ. Платить за уроки мнѣ и въ голову не приходило, потому что это было рѣшительно невозможно; но я рѣшился. Въ библіотекѣ Смирдина я абонировался на чтеніе книгъ и когда потребовалъ курсъ математики Франкёра и долговременную фортификацію Бусмара, въ магазинѣ приняли меня за сумасшедшаго. Къ счастію, тутъ былъ самъ почтенный А. Ф. Смирдинъ. Онъ принялъ во мнѣ участіе и приказалъ доставлять мнѣ всѣ книги, какія потребую.

Я началъ съ ариѳметики и тотчасъ же убѣдился, что я не въ состояніи дать отвѣта на первый вопросъ программы: какъ выразилось бы данное число при двѣнадцатиричной системѣ счисленія? Я отвыкъ думать. Нужны были страшныя усилія, чтобы добиться самаго простаго результата. Тутъ только я понялъ, какъ вредны механическіе курсы математики, которые не развиваютъ мышленія, а даютъ готовые рецепты. Я бросалъ книгу, бѣгалъ по городу, садился снова, перемѣнялъ предметы. Я работалъ 17 часовъ въ сутки. Мало-по-малу дѣло пошло успѣшнѣе. Я давно уже написалъ кн. Гагарину, звалъ его въ В. Академію и въ половинѣ Іюля былъ обрадованъ его пріѣздомъ. Я тогда могъ уже ему помогать, и это было тѣмъ болѣе необходимо, что онъ не отличался особенно крѣпкимъ здоровьемъ. Какое-то неестественное напряженіе поддерживало мои силы. Одолѣвъ математику, я уже сдѣлалъ половину дѣла; во всѣхъ остальныхъ предметахъ мнѣ помогала моя хорошая память, такъ что я съ нѣкоторою увѣренностью явился 26 Августа на экзаменъ. Это было тяжелое время, и вѣроятно волненіе мое было велико, если сцены экзамена мнѣ и теперь иногда снятся. Однако я выдержалъ экзаменъ такъ удачно, что сталъ первымъ и сохранилъ это положеніе во весь академическій курсъ. Кн. Гагаринъ тоже выдержалъ экзаменъ, и мы, конечно, поселились на одной квартирѣ.

Лекціи начались съ половины Сентября. Все вошло въ свою колею, и для меня началась новая дѣятельность, совсѣмъ не похожая на ту, къ которой я привыкъ въ семь лѣтъ фронтовой службы. Но тутъ, какъ видно, силы меня оставили. Я заболѣлъ, казалось легко,

но недугъ быстро *развился* и наконецъ обратился въ воспаленіе мозга съ разными осложненіями. Меня отправили въ сухопутный госпиталь, гдѣ я три недѣли былъ между жизнью и смертью. Молодость и заботы почтеннаго главнаго доктора Флоріо меня спасли.

Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ о самой Военной Академіи. Мысль объ ея учрежденіи принадлежитъ барону Жомини, человѣку во многихъ отношеніяхъ замѣчательному и который остатокъ своей долгой и бурной жизни съ 1813 года провелъ въ Россіи и въ Русской службѣ. Эта мысль явилась очень естественно, при видѣ неудовлетворительности нашего Генеральнаго Штаба и способовъ его комплектованія, о чемъ въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ уже случай говорить. Баронъ Жомини составилъ свой проектъ въ большихъ размѣрахъ. Онъ предположилъ родъ университета военныхъ наукъ, съ неопредѣленнымъ числомъ слушателей, изъ которыхъ только выдержавшіе окончательный экзаменъ могли быть переводимы или зачислены въ Генеральный Штабъ. Этотъ проектъ имѣлъ мѣстныя неудобства, которыя со временемъ могли быть устранены; съ другой же стороны, при доброй волѣ исполнителей, онъ могъ образовать разсадникъ ученыхъ офицеровъ не только для Генеральнаго Штаба, но и для всѣхъ войскъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что это учрежденіе могло быстро поднять уровень образованія офицеровъ всего военнаго вѣдомства. Государь Николай Павловичъ, не высоко цѣнившій научное образованіе въ офицерѣ, увидѣлъ въ этой мысли барона Жомини только одни недостатки. Ему казалось совершенно невозможнымъ, чтобы офицеръ два года жилъ въ Петербургѣ безъ всякой служебной обязанности, кромѣ добровольнаго посѣщенія лекцій Военной Академіи. Воображеніе тотчасъ же представляло картину разлива либеральныхъ идей, возбуждаемыхъ какъ самыми лекціями, такъ и нѣкоторой свободой жизни молодыхъ людей. Этого было достаточно, чтобы совершенно измѣнить первоначальную мысль барона Жомини. Уставомъ, высочайше утвержденнымъ въ 1832 году, число ежегодно поступающихъ въ Академію офицеровъ ограничено 25-ю; курсъ положенъ въ два года; офицерамъ назначено по 500 р. асс. столовыхъ денегъ. При пріемѣ потребовано отвѣтственное удостовѣреніе дивизіоннаго и корпуснаго командировъ о благонадежности образа мыслей и поведенія. При Академіи положено три или четыре штабъ-офицера «для надзора за обучаемыми въ оной офицерами». По тону всего устава видно, что правительство постаралось, чтобы новое учрежденіе менѣе всего походило на университетъ и сколько можно болѣе подходило къ тогдашнему идеалу военнаго воспитанія, т.-е. къ кадетскимъ корпусамъ или къ офицерскимъ классамъ спеціальныхъ училищъ. Въ довершеніе всего, президентомъ Военной

Академіи назначенъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ, который цинически объявлялъ себя врагомъ всякаго научнаго развитія, смѣялся надъ учеными и литераторами, а въ Академіи не только никогда не былъ, но и мимо зданія не ѣздилъ. Сторонники этой странной личности могли говорить въ его пользу только то, что онъ былъ добрый человѣкъ, и это, кажется, дѣйствительно было такъ. Другая его замѣчательная черта была—беззавѣтная преданность своему державному брату. Его страстная преданность ефрейторству, которое было доведено до безобразнаго совершенства, могла имѣть основаніемъ желаніе обратить на себя и насмѣшки, и негодованіе, возбуждаемыя въ войскахъ этими одуряющими занятіями. Назначеніе его президентомъ было конечно почетное; но этого нельзя сказать о директорѣ, который могъ имѣть и имѣлъ прямое вліяніе на ходъ этого новаго учрежденія. Въ эту должность назначенъ генералъ-адъютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ, картежный игрокъ, котораго молодость была позорна, а въ старости онъ былъ героемъ безчисленнаго множества соблазнительныхъ разсказовъ. Это былъ человѣкъ злой, наглый, цинически безнравственный. Служа всегда въ артиллеріи, онъ былъ довольно образованъ и считалъ себя краснорѣчивымъ ораторомъ. Онъ отличился 14 Декабря 1825 года, приложивъ своеручно фитиль къ пушкѣ, направленной на толпу возмутившихся. Это сдѣлало ему репутацію вполнѣ преданнаго, и онъ старался ее оправдать, безмѣрно усиливая и безъ того не мягкіе порывы державнаго раздраженія. Въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ случилось происшествіе. Кадетъ Житковъ, выведенный изъ терпѣнія наглымъ и грязнымъ приставаньемъ корпуснаго офицера, обнажилъ тесакъ, но кажется не былъ допущенъ до удара. Государь очень разгнѣвался и приказалъ Сухозанету ѣхать въ Москву и наказать виновнаго примѣрно. Сухозанетъ еще въ Петербургѣ сказалъ, что онъ ѣдетъ засѣчь на смерть Житкова. Онъ это и исполнилъ. Несчастнаго юношу, предъ наказаніемъ, исповѣдали и причастили и въ присутствіи всѣхъ кадетовъ корпуса сѣкли розгами, пока увѣрились, что онъ умеръ. Трудно, очень трудно воздержаться, чтобы не проклясть память этого холоднаго изверга!

Къ счастію Военной Академіи, вице-директоромъ назначенъ былъ г.-м. баронъ Зеддлеръ. Это былъ человѣкъ съ блестящими умственными способностями и съ разностороннимъ образованіемъ. Онъ родомъ Венгерецъ, былъ въ Австрійской службѣ, участвовалъ въ кампаніи 1809 года и подъ Ваграмомъ получилъ рану, которая его въ послѣдствіи нерѣдко безпокоила. Въ Русскую службу онъ перешелъ послѣ 1814 года, и уже въ 1825 году я зналъ его въ Могилевѣ на

Днѣпрѣ полковникомъ Генеральнаго Штаба. Ловкій и красивый, одинаково хорошо владѣвшій Русскимъ, Французскимъ и Нѣмецкимъ языками, баронъ Зедделеръ игралъ блестящую роль какъ въ обществѣ, такъ и въ Генеральномъ Штабѣ. Основательное спеціальное образованіе, при остромъ умѣ и большой начитанности, обѣщало ему блестящую будущность. Онъ находился въ свитѣ государя Александра Павловича на всѣхъ конгрессахъ, которые были въ Европѣ съ 1814 по 1824 годъ. Товарищи и особенно молодежъ любили его за радушный и независимый характеръ. Надобно впрочемъ сказать правду, что въ послѣднее время жизнь его порядочно потрепала. Онъ женился и завелся семействомъ, которое почти ежегодно увеличивалось. Зависимость отъ службы вызвала уступки, которыя прежде показались бы невозможными. Но и эти уступки не спасли его отъ большихъ неудовольствій со стороны его наглаго и своевольнаго начальника Сухозанета.

Баронъ Зедделеръ читалъ у насъ исторію военнаго искусства. Вообще надобно сказать, что въ первые годы по учрежденіи Военной Академіи профессора спеціальныхъ военныхъ наукъ должны были, читая лекціи, составлять и руководства каждый по своему предмету. Это было тѣмъ болѣе трудно, что самые размѣры и значеніе нѣкоторыхъ предметовъ не были вполнѣ опредѣлены. Мысль о военной географіи, какъ отдѣльной наукѣ, еще только слагалась: нѣкоторые отрицали даже ея возможность, какъ самостоятельнаго предмета; другіе не соглашались въ ея разграниченіи отъ политической и физической географіи, отъ военной статистики и отъ стратегіи. Послѣдняя изъ этихъ наукъ и въ Европѣ была слишкомъ мало разработана. Всѣ сочиненія по этому предмету на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ отличались односторонностью. Разумную систему стратегіи нужно было еще создать, равно избѣгая рутины и умозрительныхъ тонкостей, невозможныхъ на дѣлѣ.

Стратегію, тактику и военную исторію читалъ г.-м. баронъ Н. В. Медемъ. Этому замѣчательному профессору мы обязаны разумнымъ направленіемъ, которое обезпечило развитіе военныхъ наукъ въ Россіи. При огромной начитанности баронъ Медемъ имѣлъ необыкновенную память. Всѣ творенія военныхъ писателей онъ изучилъ добросовѣстно, относился къ нимъ критически, не торопясь сдѣлать изъ всего читаннаго свой собственный теоретическій выводъ, чтобы не впасть въ туже односторонность, которая встрѣчалась у всѣхъ авторовъ, писавшихъ о стратегіи. Поэтому онъ, въ продолженіе двухлѣтняго курса, читалъ критическій разборъ всѣхъ въ то время извѣстныхъ системъ стратегіи, указывая ихъ хорошія стороны въ частныхъ

случаяхъ и ошибочность въ видѣ безусловной системы военной науки. Его лекціи были въ высшей степени интересны и поучительны. Онъ читалъ ихъ живымъ языкомъ, безъ всякаго педантизма, никогда не влѣзалъ на каѳедру и относился къ своимъ слушателямъ съ деликатностью, которая не часто встрѣчалась. За то мы всѣ очень уважали его и любили. Это была вообще замѣчательно-симпатичная личность. Въ 1833 году онъ передалъ лекціи тактики полковнику Генеральнаго Штаба Ив. Ѳед. Веймарну, который въ то время былъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса. Онъ былъ настолько хорошимъ профессоромъ тактики, насколько можетъ имъ быть человѣкъ никогда не участвовавшій въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ то время вошла въ моду военная игра. Думали найти въ ней и въ маневрахъ войскъ, во время лѣтнихъ лагерей, вѣрный образъ войны и хорошую школу для генераловъ и даже для главнокомандующихъ. Многіе изъ извѣстныхъ тогда генераловъ должны были пройти чрезъ это испытаніе предъ полученіемъ назначенія корпуснымъ командиромъ. Государь Николай Павловичъ любилъ эту игру и считалъ себя въ ней сильнымъ; въ маневрахъ онъ всегда командовалъ одною стороною, одерживалъ побѣды, которыя происходили всегда въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ, гдѣ, къ тому времени, приготовленъ былъ обѣдъ для многочисленной свиты Государя. Ив. Ѳед. Веймарнъ считался мастеромъ въ обѣихъ этихъ игрушкахъ и едва ли не искренно вѣрилъ въ ихъ серьезное военное значеніе. Это, независимо отъ его образованія, личныхъ качествъ и связей, доставило ему славу знатока военнаго дѣла и приблизило къ Государю. Ив. Ѳед. Веймарнъ читалъ у насъ лекціи тактики по программамъ и основаніямъ, положеннымъ его почтеннымъ предмѣстникомъ. Только въ низшей тактикѣ, по примѣненію къ нашимъ уставамъ фронтовой службы, онъ былъ совершенно дома. Вообще онъ читалъ лекціи хорошо, хотя довольно сухо.

Генеральнаго Штаба подполковникъ А. П. Болотовъ былъ у насъ профессоромъ геодезіи. Воспитанникъ Муравьевской школы колонновожатыхъ, онъ не былъ глубокимъ математикомъ, но имѣлъ достаточныя и основательныя познанія, страстно любилъ свой предметъ и издалъ очень хорошее сочиненіе о геодезіи, въ которое вошли читанныя имъ лекціи.

Артиллерію читалъ намъ полковникъ Вессель. Живыя и разумныя лекціи этого ученаго артиллериста были увлекательны и особенно полезны. Этого нельзя сказать о лекціяхъ фортификаціи инженеръ-подполковника Ласковскаго. Онъ читалъ ихъ сухо, вяло, совершенно по казенной надобности, какъ онъ привыкъ проповѣдывать предъ

кондукторами и воспитанниками офицерскихъ классовъ въ Инженерномъ Училищѣ.

Но всѣхъ другихъ военныхъ наукъ были неудовлетворительнѣе лекціи военной географіи, между прочимъ по неопредѣленности идеи и размѣровъ этой рождавшейся науки.

Профессоромъ новѣйшей исторіи былъ у насъ И. П. Шульгинъ, котораго лекціи я слушалъ съ наслажденіемъ; а тѣ, которые слышали ихъ во многихъ другихъ мѣстахъ, говорили, что онъ давно уже не прибавляетъ къ нимъ ни одного слова.

Лекціи Русской словесности читалъ профессоръ Н. И. Бутырскій. Анекдоты были главною частію этихъ лекцій; остальное отзывалось Кошанскимъ и вообще было скучно и бѣдно. Но Бутырскій имѣлъ тонкій вкусъ и здравый, критическій взглядъ на литературу. Его разборы сочиненій были интересны и поучительны.

Кстати вспомнить, что были еще лекціи: обязанностей офицеровъ Генеральнаго Штаба. Ихъ читалъ Ген. Шт. полковникъ Апол. Ал. Ивановъ, который самъ удивился, когда въ концѣ курса увидалъ у насъ составленныя и обработанныя его лекціи, представлявшія нѣчто какъ будто серьезное и особенно систематическое.

Вотъ все, что́ я могу сказать о лекціяхъ и лекторахъ. Въ первые годы въ В. Академію брали не всегда лучшее, а принуждены были довольствоваться тѣмъ, что́ было подъ рукою. Всѣ эти разноцвѣтные лоскутки долженъ былъ склеивать и давать имъ общій колоритъ вице-директоръ баронъ Зеддлеръ. Этотъ не легкій трудъ составляетъ его главную заслугу.

Вскорѣ послѣ моего выздоровленія, мои старики прислали мнѣ брата моего Николая, красиваго и способнаго мальчика 15 лѣтъ, котораго домашнее воспитаніе и образованіе было не блестящее. Я долженъ былъ опредѣлить его въ Дворянскій полкъ, который въ это время былъ преобразованъ почти на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и остальные кадетскіе корпуса. Эта операція, для всѣхъ не легкая, мнѣ удалась, благодаря участію моего академическаго начальства. Братъ пробылъ въ Дворянскомъ полку три года и былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гренадерскій корпусъ. Во все время его пребыванія въ Дворянскомъ полку меня какъ кошмаръ мучило воспоминаніе о несчастномъ Житковѣ, засѣченномъ Сухозанетомъ, и я ставилъ предъ собою страшный вопросъ: «что́ я сдѣлаю, если подобная участь постигнетъ и моего бѣднаго брата?» Признаюсь, отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ далекъ отъ христіанскаго ученія о прощеніи обидъ.

Въ Іюнѣ 1834 года гвардейскія войска выступили въ лагерь. Съ ними отправились и мои товарищи, прикомандированные къ разнымъ

строевымъ частямъ. Гагарина и меня освободили отъ этой непріятной обязанности, какъ старыхъ офицеровъ и бывшихъ ротныхъ командировъ. Для содержанія карауловъ въ Петербургѣ пришла наша 2-я гренадерская дивизія. Она участвовала, вмѣстѣ со всѣми другими войсками, стоящими близъ Петербурга, при открытіи памятника императору Александру Павловичу. Самое открытіе должно было быть особенно эффектно. Памятникъ былъ завѣшенъ холстомъ. Государь долженъ былъ дернуть за шнурокъ, и въ то мгновеніе когда упадетъ завѣса, войска должны сдѣлать на караулъ. Государь дергалъ нѣсколько разъ и наконецъ оборвалъ шнурокъ, но памятникъ не открылся, пока инвалидный солдатъ не полѣзъ по лѣстницѣ и не перерѣзалъ всѣ бичевки. Можно вообразить эту комическую сцену! Подобную я видѣлъ въ 1862 году въ Мюнхенѣ, при открытіи памятника королю Людовику I-му, съ тою разницею, что тамъ публика расхохоталась.

По окончаніи лагернаго времени мы всѣ отправились на съемку, въ окрестностяхъ села Гостилицы, имѣніи и лѣтней резиденціи Тат. Бор. Потемкиной. Отдыхъ и деревенскій воздухъ были мнѣ нужны; я чувствовалъ утомленіе отъ непривычной для меня сидячей жизни, при постоянно напряженномъ вниманіи и притомъ въ Петербургѣ, который справедливо славится какъ одно изъ наименѣе здоровыхъ мѣстъ въ Европѣ. Особливо въ то время слава эта была вполнѣ заслуженною: городъ былъ грязенъ и вонючъ, полиція была въ самомъ жалкомъ видѣ, будочники умѣли только дѣлать алебардою на караулъ всѣмъ проѣзжающимъ сильнымъ земли и хватать за шиворотъ пьяныхъ.

По возвращеніи со съемки, насъ ожидалъ годичный экзаменъ. Эта перспектива испортила деревенскій отдыхъ для многихъ моихъ товарищей. Все свободное время они употребляли на приготовленіе къ экзамену. Я не раскрывалъ ни одной книги. Тоже дѣлалъ я и во время самыхъ экзаменовъ, продолжавшихся недѣли двѣ; только наканунѣ экзамена изъ геодезіи я освѣжилъ въ памяти нѣкоторыя формулы и вычисленія. Мнѣ всегда казалось, что̀ лучше явиться съ свѣжей головой, чѣмъ съ памятью безпорядочно обремененной разными плохо-усвоенными и безсвязными обрывками. Экзаменъ для меня кончился хорошо, но при этомъ произошло событіе очень непріятное. Сухозанетъ воспользовался случаемъ, чтобы самымъ наглымъ образомъ и при постороннихъ лицахъ оскорбить генерала Зедделера. На экзаменѣ изъ исторіи военнаго искусства онъ вызвалъ меня и предложилъ разсказать устройство Македонской фаланги. Я чувствовалъ, что тутъ есть какая-то задняя мысль, и потому, отвѣчая, старался избѣгать всякихъ мелкихъ подробностей и особенно Греческихъ названій, которыми

дѣйствительно преизобиловала эта лекція б. Зедделера. Сухозанетъ ничего мнѣ не подарилъ: онъ настоятельно требовалъ, чтобы я высказалъ всѣ синтагмы, дифалангархіи, тетрафалангарфіи, даже лохагоса и урагоса. Сухозанетъ поздравилъ меня съ острою памятью, но совѣтовалъ какъ можно скорѣе выбросить изъ головы всю эту чепуху, которую намъ навязали, и что знаніе всѣхъ этихъ пустяковъ столько же подвинетъ насъ въ изученіи военнаго искусства, какъ если бы мы выучили наизустъ именной списокъ перваго баталіона Преображенскаго полка. Эту наглую выходку Сухозанетъ кончилъ словами: «Генералъ Зедделеръ, это я вамъ говорю». Баронъ Зедделеръ покраснѣлъ, но, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ зала. Едва ли и послѣ этого было между ними какое объясненіе; но поутру мы узнали, что баронъ Зедделеръ уволенъ отъ службы, безъ мундира и пансіона, и переѣхалъ съ семействомъ на Карповку. Мы съ Гагаринымъ ѣздили туда, и это посѣщеніе нашего почтеннаго опальнаго начальника казалось тогда актомъ гражданскаго мужества. Послѣ мы узнали, что отставка бар. Зедделера была не болѣе какъ слѣдствіе убѣжденія Государя, что нужно поддержать дисциплину и показать примѣръ. Мнѣ кажется, дисциплина дѣлается невозможною именно отъ того, что высоко ставятся люди подобные Сухозанету и поддерживаются во что́ бы то ни стало самодержавной властью. Баронъ Зедделеръ скоро опять былъ принятъ на службу и назначенъ инспекторомъ всѣхъ кантонистскихъ школъ и баталіоновъ. Эта синекурія была для него изобрѣтена, а въ тоже время Государь возложилъ на него главное редакторство «Военно-Энциклопедическаго Лексикона», тогда задуманнаго. Баронъ Зедделеръ трудился много и сдѣлалъ все, что́ могъ тогда сдѣлать человѣкъ съ умомъ, съ многостороннимъ образованіемъ и съ любовью къ дѣлу. Говорили, что онъ нерѣдко и неумѣренно пилъ пуншъ по вечерамъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть его не только въ нетрезвомъ, но и въ возбужденномъ состояніи. Въ послѣдній разъ я былъ у него въ Петербургѣ въ 1848 году. Мнѣ памятно это посѣщеніе потому, что баронъ показалъ мнѣ графную вѣдомость о числѣ солдатскихъ дѣтей во всей Россіи. Число этихъ несчастныхъ было слишкомъ 224 т. Это были дѣти отцовъ, здоровье и жизнь отдавшихъ на трудную и безотрадную службу отечеству; дѣти, которымъ неизбѣжно предстояла участь своихъ отцовъ, если только они переживутъ варварское воспитаніе въ школахъ военныхъ кантонистовъ, гдѣ ихъ систематически забивали и съ какимъ-то бездушнымъ равнодушіемъ истребляли голодомъ, нуждою и безпрестанными тѣлесными наказаніями. Это называлось Спартанскимъ воспитаніемъ, которое должно было приготовлять закаленныхъ воиновъ. Исто-

рія благословитъ память того, кто въ первый же годъ восшествія на престолъ уничтожилъ это дикое и безчеловѣчное учрежденіе.

Въ Сентябрѣ возобновились наши лекціи. По уставу Военной Академіи, курсъ долженъ быть двухгодичный. Въ первый годъ предполагалось кончить всѣ теоретическія лекціи, а второй посвятить практическимъ занятіямъ по разнымъ отраслямъ военнаго искусства. Но это оказалось невозможнымъ. Лекціи продолжались оба года, и только часть времени посвящалась рѣшенію задачъ по тактикѣ и фортификаціи. Впрочемъ, въ эти первые годы существованія Военной Академіи, все носило на себѣ печать новизны и неустановившагося порядка.

При переходѣ въ практическое отдѣленіе, офицерамъ присвоенъ былъ аксельбантъ по цвѣту пуговицъ мундира. Это была почти невѣроятная милость Государя къ Академіи. Это дѣлало насъ замѣтными въ обществѣ и въ строю. Людямъ тщеславнымъ лестно было походить на флигель-адъютантовъ, но въ тоже время эта особенность формы позволяла нашему президенту издали узнавать академика. Зоркій и опытный глазъ в. к. Михаила Павловича тотчасъ замѣчалъ или шляпу съ поля, или разстегнутые крючки, и вольнодумецъ отправлялся на гауптвахту. Я долженъ признаться, что новое отличіе мнѣ было не въ пользу. Никто меня не принималъ за флигель-адъютанта, а одинъ почтмейстеръ упорно принималъ за фельдъегеря, хотя хорошо зналъ, что у нихъ воротникъ черный, а у меня былъ красный. Вѣроятно въ моей наружности и пріемахъ ничего не было грознаго и внушающаго. Однажды, когда я былъ уже генераломъ и начальникомъ штаба войскъ Кавказской линіи, мы съ братомъ, бывшимъ тогда у меня старшимъ адъютантомъ и поручикомъ, переѣзжали чрезъ Донъ на паромѣ. Мы оба были въ шинеляхъ. Братъ, высокаго роста и въ щегольской шинели, раскричался на старика-есаула, завѣдывавшаго переправой. Старикъ подошелъ ко мнѣ и тихонько сказалъ: «Вотъ собака-то! Какъ это вы служите съ такимъ генераломъ?» Братъ былъ десятью годами моложе меня.

Мои занятія шли очень хорошо. Я предавался имъ съ какимъ-то лихорадочнымъ увлеченіемъ и произвольно увеличивалъ свою обязательную работу посторонними занятіями. Такъ у меня явилась мысль изученія восточныхъ языковъ. Конечно, можно было придумать для этого много важныхъ и основательныхъ причинъ; но я долженъ признаться, что тогда меня побуждали къ этой работѣ жажда новизны и какое-то инстинктивное влеченіе къ Востоку. Не безъ того, что слава въ Европѣ Рунджитъ-Синга Лагорскаго, къ которому стремились офицеры всѣхъ Европейскихъ націй, имѣла вліяніе на направленіе туда моихъ неясныхъ мечтаній. Я сошелся въ этомъ намѣреніи съ двумя

изъ своихъ товарищей, Горемыкинымъ и Вуичемъ. Первый числился въ л.-гв. Московскомъ, другой въ конно-гвардейскомъ полку; оба были одарены замѣчательными способностями, много обѣщали въ будущемъ, и оба мало сдержали, хотя не по ихъ винѣ.

Ѳ. Ив. Горемыкинъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, но вѣроятно самъ или съ постороннимъ пособіемъ, дополнилъ въ своемъ образованіи то, чего не могли давать кадетскіе корпуса. Добрый и любящій отъ природы, онъ былъ любимъ своими товарищами, и если можно было въ чемъ-нибудь его осуждать, то развѣ въ излишней страсти къ женщинамъ и въ непомѣрномъ честолюбіи, которое нерѣдко переходило въ тщеславіе. Иванъ Вас. Вуичъ былъ гораздо моложе насъ. Кажется, воспитывался онъ дома и получилъ блестящее образованіе въ набожной и почтенной семьѣ. Онъ хорошо владѣлъ Французскимъ, Нѣмецкимъ, Англійскимъ и Итальянскимъ языками. Вообще къ изученію языковъ онъ имѣлъ замѣчательную способность и, кажется, ему первому изъ насъ трехъ пришла мысль заниматься восточными языками. Вуичъ былъ идеальный юноша. Красавецъ, строгаго Греческаго или Сербскаго типа, съ изящными свѣтскими манерами, умный, скромный, добрый и услужливый—Вуичъ былъ такою личностью, которой нельзя было не замѣтить. Я привязался всей душой къ этимъ добрымъ моимъ товарищамъ и этимъ воспоминаніемъ плачу имъ за ихъ дружбу. Съ Горемыкинымъ я былъ ближе, но Вуичъ былъ мнѣ симпатичнѣе.

Мы поручили Вуичу войти въ переговоры съ мирзою Джафаромъ Топчибашевымъ, профессоромъ Персидскаго языка въ университетѣ и въ училищѣ восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Мирза Джафаръ съ особенною готовностью принялъ небывалое приглашеніе и отказался отъ всякаго вознагражденія за уроки. Это былъ почтенный старикъ лѣтъ 55, природный оріенталистъ, родомъ изъ Тифлиса, основательно знавшій Персидскій, Турецкій и Арабскій языки и ихъ богатую литературу. Мы начали съ Персидскаго языка, потомъ ознакомились съ главными грамматическими формами Арабскаго и, наконецъ, серьозно принялись за Турецкій языкъ, который собственно и былъ тотъ, который мы хотѣли изучить основательно. Занятія наши мы держали въ тайнѣ отъ академическаго начальства и даже отъ своихъ товарищей. Я предавался имъ съ большимъ увлеченіемъ и настойчивостью, къ досадѣ моего сожителя кн. Гагарина, котораго часто будилъ ночью, стараясь выработать произношеніе гортанныхъ звуковъ восточныхъ языковъ. Мирза Джафаръ былъ очень доволенъ нашими успѣхами. Къ концу 1834 года мы въ состояніи были читать прозу и многіе стихи изъ Персидской

христоматіи Болдырева и Турецкаго сочиненія Хаджи-Хелифэ. Въ разговорномъ языкѣ мы не имѣли никакой практики.

Независимо отъ этихъ занятій, требовавшихъ много трудовъ и времени, мы имѣли еще и частныя лекціи. Почтенный нашъ профессоръ геодезіи А. П. Болотовъ читалъ намъ у себя дифференціальное и интегральное исчисленія, послѣ чего мы отправлялись на публичныя лекціи химіи Гессе или на лекціи физики профессора Нелюбина. Я долженъ признаться, что изъ всѣхъ этихъ лекцій у меня остались въ головѣ только поверхностныя понятія, которыя нельзя было приложить ни къ жизни, ни къ какому-нибудь спеціальному дѣлу. Я вспоминаю объ нихъ потому только, что въ настоящее время мнѣ самому непонятно, какъ я могъ безъ крайняго утомленія выносить такую упорную работу, посвящая ей не менѣе 16 часовъ въ сутки.

Скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ другихъ моихъ товарищахъ, съ которыми впрочемъ я мало сближался, встрѣчаясь только на лекціяхъ. Старше всѣхъ насъ годами былъ артиллеріи поручикъ М. И. Богдановичъ, племянникъ автора «Душеньки». Признаюсь, что мы съ Гагаринымъ очень ошибались, думая, что онъ не болѣе какъ труженикъ: за безпримѣрной его усидчивостью мы не видали его положительныхъ дарованій. Можетъ быть, на насъ имѣли вліяніе его наружность и манеры не совсѣмъ симпатичныя. Впослѣдствіи времени онъ былъ профессоромъ стратегіи въ Военной Академіи, слѣдовалъ направленію, данному б. Медемомъ и кончалъ свои лекціи словами: «Я изложилъ вамъ, милостивые государи, мысли о стратегіи мои и лучшихъ писателей. Если я вселилъ въ васъ полное недовѣріе ко всѣмъ этимъ заключеніямъ и выводамъ, то я вполнѣ достигъ своей цѣли». Кажется, лекторъ пропустилъ выразить желаніе, чтобы слушатели, самостоятельнымъ трудомъ и изученіемъ, пополняли недостатки существующихъ системъ стратегіи. Покинувъ каѳедру, Богдановичъ занялся исторіею войскъ Россіи въ XIX столѣтіи, а теперь занятъ исторіею царствованія императора Александра Перваго. Всѣ появившіяся сочиненія его составляютъ капитальный вкладъ въ нашу небогатую военную литературу.

Шлегель 2-й, тоже артиллеристъ, молодой человѣкъ, хорошо приготовленный, скромный, но съ замѣтными способностями, обѣщалъ выйти изъ рядовъ; но, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умеръ.

А. Н. Шіяновъ, сынъ милліонера, Кіевскаго откупщика, человѣкъ моихъ лѣтъ, но попробовавшій всѣхъ возможныхъ родовъ службы, отъ казака до дипломатическаго чиновника, былъ для насъ непонятнымъ явленіемъ. При огромныхъ способностяхъ онъ обладалъ множествомъ основательныхъ познаній, особливо по части высшей мате-

матики. Онъ написалъ: Traité sur les minimes, которое высоко цѣнилъ Остроградскій, прочитавъ его въ рукописи. Шіяновъ прекрасно владѣлъ Русскимъ, Французскимъ, Нѣмецкимъ и Англійскимъ языками. Я читалъ на Французскомъ языкѣ его описаніе природы Кавказа, гдѣ онъ былъ у немирныхъ горцевъ, по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Подъ этимъ блестящимъ и поэтическимъ описаніемъ Шатобріанъ смѣло могъ бы подписать свое имя. Лѣнь, неустойчивость характера и совершенная безпорядочность въ образѣ жизни были причиною того, что Шіяновъ скоро оставилъ службу и ученыя занятія и гдѣ-то пропалъ въ толпѣ.—Всѣхъ насъ было въ этомъ курсѣ 18, но на окончательный экзаменъ въ Сентябрѣ явилось только 14. Этотъ заключительный актъ былъ особенно торжественъ; на немъ присутствовали: военный министръ князь Чернышевъ, графъ Толь, бывшій тогда главноуправляющимъ путей сообщенія, генералъ-квартирмейстеръ Шубертъ и много другихъ важныхъ лицъ. Князь Чернышевъ предоставилъ распоряженіе экзаменомъ графу Толю, какъ старшему его въ чинѣ и почетному гостю, и онъ дѣйствительно принялъ въ немъ участіе, какъ военный человѣкъ съ обширными свѣдѣніями и огромною опытностью.

Для всего курса, а для меня особенно, экзаменъ кончился блистательно. Къ крайнему моему удивленію, графъ Толь вспомнилъ меня и конечно вспомнилъ какъ повѣсу-прапорщика, который ничѣмъ не хотѣлъ заниматься въ Могилевскомъ офицерскомъ училищѣ. Онъ далъ мнѣ изъ военныхъ наукъ тему: написать диспозицію къ бою для аріергарда, данной силы и на извѣстной мѣстности предъ Краснымъ Селомъ. Я сдѣлалъ это, какъ умѣлъ. При чтеніи графъ Толь сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ и возраженій, изъ которыхъ произошелъ споръ. Мое положеніе было щекотливо: я судилъ о мѣстности по топографической картѣ, а всѣ присутствовавшіе знали ее въ натурѣ. Съемка производилась подъ руководствомъ генерала-квартирмейстера Шуберта, тутъ присутствующаго и который стоялъ за ея вѣрность. Графъ Толь понялъ это и вывелъ меня изъ затрудненія, сказавъ: «Видно, что вы не были на мѣстѣ и потому можете повѣрить намъ на̀-слово, что этотъ оврагъ гораздо круче, чѣмъ здѣсь выражено». За тѣмъ, сказавши мнѣ нѣсколько добрыхъ и симпатичныхъ словъ, графъ Толь кончилъ экзаменъ тѣмъ, что поздравилъ военнаго министра съ приготовленіемъ отличныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба. Скоро оказалось, что и Государь былъ очень доволенъ нашимъ выпускомъ. Всѣ мы были причислены къ Генеральному Штабу. Какъ первый по баламъ, я получилъ чинъ капитана, потому что еще 1 Апрѣля этого года и по какому-то странному случаю былъ произведенъ въ штабсъ-

капитаны на вакансію, которой я не занималъ. Сверхъ того, я получилъ большую серебряную медаль, очень неудачно составленную.

По положенію Военной Академіи мы имѣли право воспользоваться четырехмѣсячнымъ отпускомъ съ производствомъ жалованья. Князь Гагаринъ немедленно отправился къ своимъ въ Тулу, а оттуда въ Кіевъ, къ своему мѣсту, а я просилъ о назначеніи меня на Кавказъ. Всѣмъ такая просьба казалось странною; всѣ находили, что я могъ бы ожидать бо́льшихъ успѣховъ по службѣ, оставаясь при войскахъ гвардейскаго корпуса. Объясненіе было очень просто: я не имѣлъ состоянія, столичная жизнь и дѣятельность мнѣ не нравились, а Востокъ продолжалъ привлекать меня къ себѣ. Желаніе мое было исполнено и, сверхъ того, Государь разрѣшилъ мнѣ выдать 1500 р. ассиг. на путевыя издержки. Въ первый разъ въ жизни у меня была въ рукахъ такая громадная сумма: до сихъ поръ я не дерзалъ мечтать далѣе третнаго не въ зачетъ жалованья. Это было очень кстати: не смотря на крайнюю умѣренность, князь Гагаринъ, распоряжавшійся нашимъ общимъ хозяйствомъ, оставилъ на мою долю 125 р. долгу портному. Это былъ первый мой долгъ и, прежде чѣмъ я могъ его заплатить, я за полверсты обходилъ домъ моего кредитора. Оказалось, что Виспольскій, портной офицеровъ путей сообщенія, надо мною же посмѣялся, когда я принесъ ему деньги и требовалъ, чтобы онъ далъ мнѣ росписку. Онъ показалъ мнѣ книгу, толстѣйшій in folio, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ были записаны почти всѣ офицеры этаго вѣдомства. Долговъ было на 60 т. рубл., изъ которыхъ безнадежные разложены, по его словамъ, на другихъ заказчиковъ, въ томъ числѣ и на меня.

Въ добавокъ ко всему, мнѣ разрѣшили пробыть въ Петербургѣ до конца Декабря и только съ того времени воспользоваться отпускомъ. Эти три мѣсяца я употребилъ на занятія восточными языками вмѣстѣ съ моими добрыми товарищами Вуичемъ и Горемыкинымъ. Оба они отлично кончили экзаменъ: Вуичъ вторымъ, Горемыкинъ третьимъ, получили слѣдующіе чины и назначены въ гвардейскій Генеральный Штабъ. На конференціяхъ мое первенство не было признано всѣми; были голоса и за Вуича, и мнѣ неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ меня предпочли. Имя мое и теперь находится на мраморной доскѣ въ Военной Академіи; но я долженъ признаться, что самъ его не видалъ и въ домъ Академіи ни разу не входилъ. Богдановичъ и Шлегель 2-й получили слѣдующіе номера и были тоже произведены, хотя не по уставу Академіи, а по особому монаршему благоволенію.

Можетъ быть, я слишкомъ распространился объ этомъ хорошемъ періодѣ моей жизни. Эти воспоминанія мнѣ особенно до́роги. Я чувствовалъ, что самъ, безъ чужой помощи, круто повернулъ свою жизнь

на другую дорогу. Самолюбіе было возбуждено, блестящая бабочка надежда летѣла передо мною и манила куда-то и къ чему-то невѣдомому. Человѣкъ очень серьезный и положительный, графъ Толь неожиданно подстрекнулъ мои мечты о будущемъ. Когда я пришелъ съ нимъ проститься, онъ обласкалъ меня совершенно по-отечески и сказалъ: «Вы далеко пойдете, если молодость не собьетъ васъ съ дороги. Я знаю, что я не дурной пророкъ». Оказалось, что тутъ и съ его стороны была нѣкоторая доля самообольщенія.

Я пріѣхалъ въ Пензу въ послѣднихъ числахъ Декабря. Стариковъ своихъ я нашелъ здоровыми; но отецъ уже устарѣлъ, хотя держался бодро, какъ старый солдатъ. Ему было тогда 72 года. Двѣ сестры были за мужемъ, двѣ другія подростали. Мужья старшихъ сестеръ, Протопоповъ и Акаевскій, были мѣстные чиновники и жили безбѣдно, хотя на средства, условно признанныя честными. Вообще ихъ среда была довольно грязна. Пензенская губернія имѣла ту особенность, что отъ губернатора до послѣдняго чиновника всѣ были на жалованьи у виннаго откупщика. Мелкіе чиновники окладъ свой получали не деньгами, а натурою, и потому пьянство было всеобщее и безобразное. Я былъ счастливъ тѣмъ, что доставилъ своимъ старикамъ нѣсколько радостныхъ минутъ. Конечно мы собрались всей семьей въ Казань казать роднымъ мои капитанскіе эполеты и золотой аксельбантъ. Мы пробыли въ Капрёвѣ около мѣсяца. Дядя Петръ Степановичъ очень постарѣлъ, а тетка Клавдія Андреевна, рожденная Ханенёва, была въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Это была прекрасная личность, всѣми любимая и уважаемая. Двѣ хорошенькія дочери были уже почти невѣсты, сынъ учился въ Петербургѣ въ Институтѣ Путей Сообщенія. Семейство дяди мы считали своимъ и потому провели этотъ мѣсяцъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Тетка, Марья Степановна Горемыкина, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, тотчасъ сама пріѣхала въ Капрёво съ своими двумя дочерьми. Послѣ масляницы вся компанія отправилась къ теткѣ въ Семиключи и прогостила у ней недѣли двѣ. Приближеніе весны заставило насъ возвратиться въ Пензу, а 4-го Апрѣля я простился съ своими стариками, изъ которыхъ отца мнѣ уже болѣе не суждено было видѣть.

9 Апрѣля я переѣхалъ чрезъ Вонючій Егорлыкъ, служившій границею Ставропольской губерніи, а въ 2 часа ночи былъ въ Ставрополѣ. У меня было какое-то предчувствіе, что меня здѣсь задержатъ, и потому я поднялъ на станціи большой шумъ, требуя скорѣе лошадей по дорогѣ въ Тифлисъ. Можно вообразить мою досаду, когда смотритель подалъ мнѣ предписаніе явиться къ оберъ-квартирмейстеру войскъ Кавказской линіи и состоять въ его распоряженіи. Всѣ мои

мечты о Востокѣ разлетѣлись какъ дымъ! Цѣлую ночь я проходилъ изъ угла въ уголъ по небольшой станціонной горницѣ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа.

Въ 10 часовъ я явился къ полковнику Горскому, который какъ-то сонливо-равнодушно сказалъ, что меня давно ожидали. Я съ раздраженіемъ отвѣчалъ, что не имѣли никакого права давно меня ожидать, потому что срокъ моего отпуска оканчивается еще чрезъ 10 дней. Горскій улыбнулся и сказалъ: «Чего же вы сердитесь; я совсѣмъ не думалъ дѣлать вамъ упрека». Мнѣ стало совѣстно. Передо мной стоялъ маленькій, невзрачный человѣкъ, въ странномъ костюмѣ, но съ добрымъ, простодушнымъ выраженіемъ лица и съ манерами, въ которыхъ ничего не было начальническаго.

Устроивъ кое-какъ свое несложное хозяйство, я хотѣлъ ознакомиться съ краемъ и моими новыми обязанностями. Я спросилъ оберъ-квартирмейстера: что̀ прикажетъ мнѣ дѣлать? — «А что̀ хотите».—Но, какія же будутъ мои служебныя обязанности?—«А никакихъ. Да что вы торопитесь? Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ». Въ этотъ разъ я засталъ Горскаго въ какомъ-то зеленомъ архалукѣ, въ шароварахъ верблюжьяго сукна и въ очень порыжѣлой Кабардинской папахѣ. Это былъ его всегдашній, домашній костюмъ. Для полноты картины надо прибавить, что онъ не выпускалъ изо рта сигары неперваго сорта. Я засталъ его за работой: онъ рисовалъ акварелью большую картину, представлявшую сцену изъ Кавказской боевой жизни. Это было его любимое и почти единственное занятіе.

Горскій представилъ меня своей женѣ. Оба просто и радушно пригласили меня обѣдать. Это было доброе и почтенное семейство, о которомъ мнѣ пріятно вспомнить. Н. И. Горскій, оберъ-квартирмейстеръ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, былъ старый полковникъ, стараго генеральнаго штаба. Онъ не отличался особенно бойкими способностями и серьезнымъ образованіемъ, былъ добръ, честенъ и храбръ, какъ шпага. Онъ былъ безпеченъ и апатиченъ въ мирное время и въ сильнѣйшемъ боевомъ огнѣ. Жена его, урожденная фонъ-Дерфельденъ, была, напротивъ, красивая женщина, хорошо образованная и очень пылкаго характера. Супруги уживались, сколько могли, при такой разности характеровъ. Въ ихъ домѣ все было просто и искренно; всѣ офицеры генеральнаго штаба какъ будто принадлежали ихъ семьѣ: приходили обѣдать незваные и всегда встрѣчали радушный пріемъ. Впрочемъ, гостепріимство было общею Кавказскою добродѣтелью.

О Кавказѣ и Кавказской войнѣ я имѣлъ смутное понятіе, хотя профессоръ Языковъ на лекціяхъ военной географіи проповѣдывалъ

намъ о томъ и другомъ; но по его словамъ выходило какъ-то, что самое храброе и враждебное намъ племя были Кумыки. За то оказывались на Кавказѣ стратегическія линіи и пути. Еще подъ вліяніемъ этихъ ученыхъ воспоминаній, я пошелъ провѣрять ихъ въ управленіе генеральнаго штаба. Тамъ я нашелъ заурядъ-хорунжаго Янкова, который велъ единично всю несложную переписку по генеральному штабу, и прапорщиковъ корпуса топографовъ, Александрова и Горшкова, завѣдывавшихъ топографическимъ отдѣленіемъ.

Управленіе помѣщалось въ двухъ большихъ комнатахъ, изъ которыхъ въ одной уголъ былъ заваленъ связками бумагъ. Это былъ архивъ. Все было бѣдно и не совсѣмъ опрятно. Горскій уже съ недѣлю не былъ въ управленіи.

Янковъ подалъ мнѣ нѣсколько новыхъ донесеній съ лѣваго фланга о военныхъ дѣйствіяхъ. Одно было на имя командующаго войсками отъ подполковника Пулло, начальника Сунжинской кордонной линіи, съ представленіемъ копіи донесенія ему отъ его подчиненнаго, начальника кордоннаго участка, о предпринятомъ имъ набѣгѣ на одинъ Чеченскій аулъ. Начальникъ участка, штабсъ-капитанъ, собравъ наскоро небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ при двухъ орудіяхъ, двинулся ночью къ аулу, чтобы напасть на него предъ разсвѣтомъ, врасплохъ, но былъ открытъ пастухами не доходя аула. Сдѣлалась тревога, Чеченцы собрались, и завязалась перестрѣлка. Штабсъ-капитанъ овладѣлъ ауломъ открытою силою и послѣ упорнаго сопротивленія сжегъ его. Съ десятокъ горцевъ убито, 8 взяты въ плѣнъ; но казаки, какъ сказано въ донесеніи, въ пылу ожесточенія, сбросили ихъ со скалы. Сверхъ того, у непріятеля отбито болѣе ста лошадей, довольно много овецъ и рогатаго скота. У насъ одинъ рядовой убитъ и два казака ранены.

Представляя это донесеніе, полковникъ Пулло доносилъ, что раззоренный аулъ былъ изъ мирныхъ и отличался вѣрностью, что штабсъ-капитанъ не спрашивалъ его разрѣшенія на этотъ набѣгъ; при личномъ же объясненіи доложилъ ему, что совершенно убѣдился въ измѣнническомъ поведеніи жителей аула, а спрашивать разрѣшенія на набѣгъ не могъ, чтобы не открыть заранѣе своего предпріятія. Въ заключеніе рапорта, Пулло просилъ командующаго войсками воспретить кордоннымъ начальникамъ дѣлать такіе набѣги безъ его разрѣшенія.

Рапортъ этотъ былъ доложенъ командующему войсками, который приказалъ только внести происшествіе въ военный журналъ. Другія донесенія были о мелкихъ хищничествахъ въ нашихъ предѣлахъ, но стоившихъ жизни нѣсколькимъ мирнымъ обывателямъ, а одинъ былъ взятъ горцами близъ Пятигорска и увлеченъ за Кубань. Въ послѣд-

немъ хищничествѣ участвовали жители Бабуковскаго аула, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пятигорска. Бабуковцы—выходцы изъ Кабарды и входятъ въ составъ линейнаго казачьяго войска.

Наконецъ, былъ тутъ же запросъ по высочайшему повелѣнію: почему не было донесено, какъ о чрезвычайномъ происшествіи, о нападеніи горцевъ на шихтмейстера, ѣхавшаго съ конвоемъ по Военно-Грузинской дорогѣ, причемъ шихтмейстеръ былъ убитъ, а конвойные казаки ускакали. На этотъ запросъ командующій войсками отвѣчалъ просто и ясно, что такое происшествіе не считалъ чрезвычайнымъ, такъ какъ подобныя бываютъ почти ежедневно.

Можно вообразить, какой хаосъ понятій о нашемъ въ краю положеніи прибавили эти донесенія къ лекціямъ Языкова о Кавказѣ. Правда, что въ донесеніяхъ не упоминалось о Кумыкахъ; но это вѣроятно потому что это храброе и враждебное, по словамъ Языкова, племя давно было покорно и имѣло нашу администрацію.

На другой день полковникъ Горскій представилъ меня командующему войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генералъ-лейтенанту Вельяминову; а послѣ того я явился къ начальнику штаба генералъ-маіору Петрову. О послѣднемъ мнѣ не придется говорить: это была личность довольно ничтожная, несимпатичная и съ дурной славою; на дѣла, и особенно военныя, онъ не имѣлъ никакого вліянія. Вельяминовъ его не жаловалъ. Петровъ почти ничего не дѣлалъ и только щеголялъ мундиромъ генеральнаго штаба, котораго онъ не имѣлъ права носить.

О генералѣ Вельяминовѣ мнѣ придется говорить много разъ. Это былъ человѣкъ далеко выдающійся изъ рядовъ толпы. Онъ принялъ меня съ ледяною холодностью и, помнится, ровно ничего не сказалъ. Это былъ худощавый человѣкъ лѣтъ 50-ти, рыжій, съ тонкими губами и тонкими чертами лица. Одѣтъ онъ былъ въ свѣтлозеленый атласный архалукъ. Вообще тогда на Кавказѣ мало знали военную форму и нисколько ею не стѣснялись, отъ младшаго до старшаго. О киверахъ и шляпахъ помину не было; ходили въ фуражкахъ или папахахъ, а вмѣсто форменной шпаги или сабли носили Черкесскую шашку на ременной портупеѣ чрезъ плечо. Глазу моему, привыкшему на Сѣверѣ къ стройной формальности, странно было видѣть такое разнообразіе и даже иногда фантастичность военныхъ костюмовъ.

Вообще Ставрополь имѣлъ своеобразный видъ. Въ пестромъ населеніи его было много Армянъ, Грузинъ, Ногайцевъ и даже горцевъ. Первые были исключительно торговцы и за свою безцеремонную ловкость въ мелочной торговлѣ назывались не иначе какъ Армяшками. Костюмъ Ногайцевъ, Армянъ и Грузинъ подходилъ нѣсколько къ костюму Черкесовъ, который былъ въ большой модѣ у всѣхъ Русскихъ.

Большая часть офицеровъ, особенно пріѣзжихъ, носили этотъ костюмъ если не публично, то по крайней мѣрѣ въ своей квартирѣ. Довольно забавно было встрѣчать иногда какого-нибудь мирнаго секретаря или столоначальника въ черкескѣ съ 16 ружейными патронами на груди. Но Черкесское оружіе носили всегда и всѣ офицеры. Общая мода имѣла своихъ фанатиковъ и знатоковъ. Оружіе имѣло условную цѣну, иногда до нелѣпости высокую. Холодное оружіе было дѣйствительно недурно, хотя не выдержитъ сравненія съ хорошими сабельными и кинжальными клинками Солингенскими. Огнестрѣльное оружіе было гораздо хуже: кремневые замки винтовокъ и пистолетовъ были старинной, очень неудобной системы. Наружный видъ и отдѣлка оружія были своеобразны и очень красивы. Русскіе переняли отъ Черкесовъ старательное сбереженіе оружія. Чистый Черкесскій костюмъ взятъ въ образецъ для служебныхъ мундировъ линейнаго казачьяго войска и нѣсколько измѣненъ былъ въ Черноморіи. Вообще какъ костюмъ и оружіе, такъ сѣдло и убранство лошади были красивы, удобны и приспособлены къ климату и роду войны.

Я пріѣхалъ въ Ставрополь именно въ то время, когда прошлогодніе прикомандированные офицеры собирались уѣзжать и за стаканомъ Кахетинскаго разсказывали пріѣзжающимъ, новымъ прикомандированнымъ, свои похожденія и передавали свои впечатлѣнія на Кавказѣ, обѣтованной землѣ для всякаго, кому надоѣла сонная, пустая, однообразная жизнь въ Россіи и особенно въ Петербургѣ. Офицеры прикомандировывались ко всѣмъ частямъ Кавказскаго корпуса на одинъ годъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Эта мѣра была не безполезна, но не нравилась мѣстнымъ войскамъ, потому что слишкомъ часто гости дѣлались счастливыми соперниками хозяевъ при полученіи наградъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Ставрополѣ было видно особенное оживленіе. Всѣ заняты были приготовленіями къ экспедиціямъ, которыя обыкновенно начинались въ Маѣ. Главныя военныя дѣйствія въ этомъ году должны были производиться на правомъ флангѣ противъ Закубанскихъ горцевъ. Отрядомъ долженъ былъ командовать самъ Вельяминовъ. — Н. И. Горскій предложилъ мнѣ на выборъ отправиться въ отрядъ, или на съёмку, которая должна была дѣлаться двумя партіями топографовъ: въ Черноморіи и въ окрестностяхъ минеральныхъ водъ. Я выбралъ послѣднее, думая, что полезнѣе для меня будетъ ознакомиться со всѣми особенностями края, прежде чѣмъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кстати же мнѣ нужно было немного и отдохнуть въ хорошемъ климатѣ: Петербургская жизнь и занятія отзывались большою усталостью.

2 Мая я выѣхалъ изъ Ставрополя съ четырьмя топографами, которые должны были составлять мою партію. Съёмка моя должна была примыкать съ восточной стороны къ той, которая была прежде доведена до укрѣпленія и урочища Каменный Мостъ на Малкѣ, а съ западной и южной къ Кубани и Карачаю. Большая часть съёмки назначена въ 200 саж. въ дюймѣ, и только самая западная часть отъ Эшкакона къ Кубани въ масштабѣ — верста въ дюймѣ. Край этотъ до того мало былъ извѣстенъ, что составленная мною карта, изъ всѣхъ имѣвшихся въ Генеральномъ Штабѣ свѣдѣній, оказалась впослѣдствіи невѣрною на 30 верстъ между Каменнымъ Мостомъ на Малкѣ и Кубанью.

Я поселился въ ст. Кисловодской, въ трехъ верстахъ отъ укрѣпленія Кисловодскаго, куда знаменитый Нарзанъ привлекалъ посѣтителей, больныхъ и здоровыхъ, изо всей Россіи. Все лѣто я провелъ въ разъѣздахъ для осмотра работъ топографовъ, которые были размѣщены верстъ на полтораста. Мѣста, гдѣ производилась съёмка, считались не безопасными, а потому при каждомъ топографѣ было отъ 15 до 20 линейныхъ казаковъ, и кромѣ того у меня въ конвоѣ было человѣкъ 12, въ числѣ которыхъ были и изъ мирныхъ горцевъ. Я съ наслажденіемъ дышалъ полною грудью ароматическимъ, здоровымъ воздухомъ горъ и степей. Поѣздки мои совершались всегда верхомъ и часто продолжались по недѣлѣ и болѣе. На всемъ пространствѣ съёмокъ не было почти никакого жилья; только безпрестанно встрѣчались по балкамъ пространства, заросшія крапивой и высокимъ бурьяномъ. Это были мѣста ауловъ, жители которыхъ въ 1811 г. вымерли отъ чумы или разбѣжались. Природа въ этой странѣ великолѣпна и величественна. Мѣстность постепенно возвышается къ Югу и образуетъ два отрога Кавказа, тянущихся на разстояніи болѣе двухсотъ верстъ и перерываемыхъ ущельями Кубани, Кумы, Подкумка, Малки и ихъ притоковъ. Дальній, т. е. южный, отрогъ имѣетъ уже значительную высоту. Нѣкоторыя вершины, какъ напр. Бермамытъ, Эшкаконъ и другія, имѣютъ до 7000 ф. высоты. Лѣса хвойные и лиственные ростутъ вообще только по долинамъ и ущельямъ рѣкъ, остальное пространство покрыто густой, сочной, ароматической, но невысокой травою, питающей огромныя стада овецъ, принадлежащихъ Кабардинцамъ и Карачаевцамъ, которыхъ аулы были за десятки верстъ за Малкою и въ вершинахъ Кубани. Эти стада служили лучшими заложниками вѣрности Карачаевцевъ, живущихъ у подножія Эльбруса, въ верхнихъ частяхъ долины Кубани, въ горномъ краѣ, трудно доступномъ, покрытомъ хвойными лѣсами. Ихъ пастбища доставляютъ сочный кормъ овцамъ только въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы и по мѣрѣ

того, какъ жары начинаютъ уменьшаться, Карачаевскія стада спускаются съ горъ и наконецъ зимуютъ въ долинѣ Кубани ниже Хумары, въ ущельяхъ Кумы, Подкумка, Эшкакона и Учкуля.

Во время моихъ разъѣздовъ я часто ночевалъ или отдыхалъ на ихъ кошахъ и лакомился шашлыкомъ, которымъ пастухи угощали насъ съ патріархальнымъ радушіемъ. Карачаевская баранина вкуснѣе лучшей телятины и имѣетъ какой-то особенный ароматъ, вѣроятно отъ горныхъ травъ, между которыми много пахучихъ цвѣтовъ. Мнѣ удалось познакомиться со многими Карачаевцами, и я съ любопытствомъ изучалъ этотъ добрый и смирный народъ. Карачаевцы, которыхъ число могло быть до 5 т. душъ муж. пола, были когда-то покорены Кабардинцами и освободились только въ то время, когда сами завоеватели подпали подъ власть Россіи. Не смотря на то, въ ихъ аулѣ жилъ всегда одинъ изъ Кабардинскихъ князей Атаджукиныхъ и считался главою народа. Своихъ князей у нихъ не было, а по обычаямъ горцевъ народъ не могъ дѣйствовать оружіемъ противъ какой-нибудь хищнической партіи, въ которой есть лицо княжескаго рода. Карачаевцы воинственны и хорошо вооружены, но едва ли когда отличались особеннымъ хищничествомъ, подобно Закубанцамъ. Въ 1828 году, командовавшій войсками Кавказской линіи генералъ Эмануэль занялъ ихъ аулъ безъ особенныхъ затрудненій и потерь. Карачаевцы присягнули на подданство, дали заложниковъ и съ тѣхъ поръ оставались спокойными подъ управленіемъ нашего пристава. Карачаевцы говорятъ Тюркскимъ нарѣчіемъ, мало отличающимся отъ Ногайскаго, но народный типъ совершенно ничего не имѣетъ похожаго на Ногайскій. Между ними много русыхъ, съ голубыми глазами, обильной бородой и чертами лица, очень сходными съ типомъ мужиковъ средней Россіи. Итальянскимъ писателямъ среднихъ вѣковъ они извѣстны подъ именемъ Карачіоли, а Туркамъ Кара-черкесъ. Съ племенемъ Адиге, которое мы и Турки называемъ Черкесами, Карачаевцы ничего общаго не имѣютъ, но слогъ *Кара* въ ихъ имени указываетъ или на ихъ порабощеніе или на особенную древность поселенія въ этомъ краѣ. Ни одна рѣчка въ ихъ землѣ не называется Кара-чай или Кара-су. Между Карачаевцами есть немало людей богатыхъ. Въ мое время говорили, что Крымъ-шаукалъ имѣлъ до 200 т. овецъ. Ихъ стада постоянно находятся въ дали отъ ауловъ и зимуютъ подъ скалами, въ такихъ ущеліяхъ, гдѣ они болѣе укрыты отъ зимней непогоды. Пастухи едва однажды въ годъ бываютъ въ своемъ аулѣ и живутъ бездомными и безсемейными кочевниками. Замѣчательно, что такихъ пастуховъ Карачаевцы, какъ и Осетины, называютъ *казаками.*

Пространство, на которомъ производилась моя съёмка, къ Югу отъ Кисловодска до Малки и ея притока Хасаута, до горы Бермамыта, чрезъ Кумбаши и по ущелью Мары до Кубани, образовало Кисловодскую кордонную линію, которой начальникъ, артиллеріи подполковникъ баронъ Ганъ, жилъ въ Есентукахъ и былъ подчиненъ начальнику праваго фланга генералъ-майору Зассу, котораго мѣстопребываніе было въ Прочномъ-Окопѣ. Баронъ Ганъ былъ человѣкъ очень серьёзно образованный, но большой пьяница. Чрезмѣрная тучность дѣлала его совершенно неспособнымъ къ кордонной службѣ; за то онъ мало объ ней и заботился. На постахъ былъ безпорядокъ; постовые начальники, большею частью урядники или хорунжіе линейнаго войска, отпускали казаковъ въ домà за условную плату, такъ что, пріѣхавъ однажды ночью на постъ Кабардинскій, я нашелъ тамъ однѣхъ собакъ. Надо однакоже признаться, что хищничества случались въ этомъ краѣ нечасто, благодаря особенно удаленію жилищъ непокорныхъ горцевъ. Для обезпеченія минеральныхъ водъ отъ вторженія значительныхъ партій, выставлялось на передовой линіи нѣсколько отрядовъ, и именно: на Кичмалкѣ, на Каменномъ Мосту (на Малкѣ), гдѣ было постоянное укрѣпленіе, на Хасаутѣ, въ вершинахъ Эшкакона, на Кумбаши, и при укрѣпленіи Хумара, близъ устья Мары и Кубани. Отряды эти состояли изъ одной роты пѣхоты, 2-хъ полевыхъ орудій и полсотни казаковъ. На Эшкаконѣ было двѣ роты и сотня казаковъ, а на Каменномъ Мосту цѣлый батальонъ, 2-го Мингрельскаго егерскаго полка, съ 4-мя орудіями. Хотя эта передовая линія, выставленная съ 1-го Іюля по 1-е Сентября, была учреждена генераломъ Вельяминовымъ, отлично знавшимъ край; но можно сомнѣваться въ ея особенной пользѣ, какъ событія и показали въ Августѣ этого года. Сильная партія Абадзеховъ въ 1.500 человѣкъ, возвращаясь послѣ нападенія на Кисловодскъ, переночевала въ виду Эшкаконскаго отряда, который не смѣлъ носа показать изъ-за своего укрѣпленія, импровизованнаго на лѣто изъ навоза и разнаго мусору. Правда, что этотъ случай относится къ неудобствамъ кордонной системы болѣе, чѣмъ къ сообразному устройству этой передовой линіи, такъ какъ эти три временныхъ поста имѣли еще спеціальною цѣлью прикрывать пространство въ вершинахъ Подкумка и Эшкакона, гдѣ дирекція минеральныхъ водъ вырубала сосновыя деревья на постройки при водахъ.

Въ началѣ Августа, я переѣхалъ изъ Кисловодской станицы въ аулъ Тохтамышевскій, верстахъ въ 8 отъ Кубани и ст. Баталпашинской. Мнѣ хотѣлось видѣть ближе бытъ туземцевъ. Огромный аулъ населенъ былъ Ногайцами; но ихъ обычай, образъ жизни и вооруже-

ніе совершенно одинаковы съ Черкесами и Абазинцами, ихъ сосѣдями. Аулъ съ давняго времени покоренъ, но очень нерѣдко жители его по одиначкѣ присоединялись къ хищническимъ партіямъ немирныхъ горцевъ, участвовали въ разбояхъ, служили вожаками или укрывали хищниковъ. На туземномъ языкѣ говорилось, что это молодежъ шалитъ. Но эти шалости имѣли всегда характеръ трагическій и какъ повторялись почти ежедневно, то въ Русскомъ населеніи укоренилась ненависть къ такъ-называемымъ «мирнымъ», и ихъ не безъ основанія считали болѣе вредными, чѣмъ племена, находившіяся въ явно враждебномъ къ намъ отношеніи. Впрочемъ, край былъ очевидно въ переходномъ положеніи: Кубанскіе Ногайцы и Абазинцы мало по малу теряли свою самостоятельность и даже воинственность по мѣрѣ того какъ наши дѣйствія отодвигали немирныя, горскія племена далѣе къ Западу отъ верхнихъ частей Кубани. Поручикъ Алкинъ, бывшій въ то время приставомъ Кубанскихъ Ногайцевъ, говорилъ мнѣ. «Вѣдь «это они только теперь присмирѣли, а въ началѣ двадцатыхъ годовъ «какіе они намъ задавали бои! Выѣзжало иногда до 5.000 всадниковъ, «изъ которыхъ очень много было панцырниковъ». Надобно признаться, что наше начальство, до нѣкоторой степени, виновно въ томъ, что воинственность и страсть къ разбойническимъ подвигамъ все еще сохранялась между мирными. Изъ нихъ набирались милиціи для отраженія вторженій или для наступательныхъ движеній. Этимъ пріобрѣтали только весьма ненадежное, дорого стоющее и совершенно безпорядочное войско. Сверхъ того, надобно замѣтить одну туземную особенность: горцы считаютъ разбой и грабежъ не порокомъ, а напротивъ удальствомъ и заслугою. Русскіе отчасти заразились подобнымъ же убѣжденіемъ. Горецъ славился своими подвигами и если ожидалъ, что Русское начальство подвергнетъ его наказанію, то бѣжалъ къ немирнымъ и тамъ старался обратить на себя особенное вниманіе предпріимчивостью и удальствомъ. Часто такіе бѣглецы дѣлались извѣстными предводителями хищническихъ партій. Случалось и то, что изъ мирныхъ бѣжали къ немирнымъ люди, ни за что̀ не преслѣдуемые, но собственно, чтобы прославиться своими подвигами и усовершенствоваться въ разбойничьей войнѣ. Чрезъ такую высшую академію прошли многіе молодые люди, какъ напримѣръ Абазинскій князь Househouse Маматъ-Гирей Лоовъ, Адиль-Гирей Каплановъ-Нечевъ, впослѣдствіи бывшіе генералъ-майорами, носившіе тонкое бѣлье и курившіе хорошія сигары. Изъ нихъ первый—человѣкъ хитрый и энергическій, красавецъ и отличный наѣздникъ, отправляясь къ немирнымъ Абадзехамъ, предалъ порученнаго ему капитана генеральнаго штаба барона Торнау, который вызвался проѣхать чрезъ земли не-

покорныхъ горскихъ племенъ для собранія всякаго рода свѣдѣній. Это предпріятіе показываетъ, вопервыхъ, какъ мало мы знали край, въ которомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ велась война, а вовторыхъ, какіе странные пріемы употребляли для собранія этихъ свѣдѣній. Еще въ 1830 году преемникъ Ермолова, Паскевичъ послалъ артиллерійскаго поручика Новицкаго въ горы съ такимъ же порученіемъ. Новицкій обрилъ голову, отпустилъ бороду, надѣлъ Черкесскія рубища, выпачкалъ лицо и руки и, представляя глухонѣмаго нукера, проскакалъ отъ Прочнаго-Окопа до Анапы. Проводникомъ его были извѣстные Шапсугскіе дворяне Абатъ и Убыхъ Неморè, подкупленные за значительное вознагражденіе. Они ѣхали по почамъ, а дни проводили у знакомыхъ Абата. Не смотря на то, Новицкаго узнали по мозолямъ на ногахъ, и онъ едва не поплатился жизнью за свой безполезный подвигъ. Все это не помѣшало однакоже Новицкому представить Паскевичу толстую тетрадь, въ которой систематически, хотя невсегда вѣрно, были описаны Черкесскій край и племена, обитающія не только по пути его проѣзда, но и по южной покатости хребта до самой Абхазіи. Разумѣется, самъ Новицкій ничего этого не видѣлъ и не слышалъ, а всѣ свѣдѣнія сообщены ему были Таушемъ и Люлье, переводчиками, служившими прежде въ кампаніи Де-Скасси и жившими около 15 лѣтъ между горцами. Объ этихъ двухъ личностяхъ я буду имѣть случай еще говорить, а здѣсь упоминаю только для того, чтобы показать, въ какой степени безполезна отважная поѣздка Новицкаго. Вѣроятно тѣже результаты имѣла бы и попытка барона Торнау, еслибы не измѣна Маматъ-Гирея. Несчастный Торнау пробылъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну и съ большимъ трудомъ и издержками правительства могъ спастись бѣгствомъ. Перенесенныя имъ во время плѣна лишенія и бѣдствія разстроили только его здоровье.

Въ концѣ Августа, съёмка моихъ топографовъ приближалась къ концу, а пребываніе въ аулѣ мнѣ начало надоѣдать. Въ саклѣ, безъ оконъ и дверей, ни на одну минуту нельзя быть свободнымъ отъ докучливыхъ посѣтителей, которые, нисколько не стѣсняясь, входили и уходили, вступали въ разговоръ или во время чаепитія запускали грязную лапу въ сахарницу и раздавали куски мальчишкамъ, которыхъ всегда штукъ 15 глазѣло въ дверныя и оконныя отверстія. Я переѣхалъ въ станицу Баталпашинскую, куда вскорѣ собрались и мои топографы, чтобы вычерчивать брульоны своихъ съёмокъ. Я пробылъ тамъ до конца Ноября и былъ доволенъ тѣмъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ возможность близко ознакомиться съ своеобразнымъ бытомъ линейныхъ казаковъ. Съ «межевымъ», какъ меня тамъ называли, никто не церемонился, и я видѣлъ все въ будничномъ видѣ.

Однообразіе моей станичной жизни было скоро нарушено однимъ замѣчательнымъ происшествіемъ. Часовъ въ 6 вечера пушечный выстрѣлъ съ вала, окружающаго станицу, возвѣстилъ тревогу. Поднялись страшная суета и бѣготня. Всѣ способные къ оружію схватили шашку и ружье, и бросились на станичный валъ; женщины бѣжали туда же, отведя дѣтей въ каменную церковную ограду, служившую цитаделью. Станица была очень большая; но, какъ большая часть служилыхъ казаковъ были на службѣ по дальнимъ постамъ, а регулярныхъ войскъ не было, то защищать такое обширное и при томъ очень слабое укрѣпленіе было дѣломъ нелегкимъ. Оказалось впрочемъ, что горцы не имѣли никакого намѣренія нападать на эту станицу. Ихъ партія открытой силой перешла чрезъ Кубань у поста Черноморскаго и двинулась мимо Тохтамышскаго аула по направленію къ станицѣ Бекешевской. Отъ станицы Баталпашинской ихъ густая толпа проскакала верстахъ въ 4-хъ, и не смотря на то, по нимъ стрѣляли изъ шестифунтовыхъ чугунныхъ пушекъ, чтобы сдѣлать тревогу въ краѣ и дать знать непріятелю о своей готовности къ бою. Часа черезъ три прискакалъ съ казаками и Ногайской милиціей генералъ-маіоръ Зассъ, начальникъ праваго фланга. Я въ первый разъ видѣлъ эту далеко недюжинную личность. Тогда Зассъ явился мнѣ въ ореолѣ множества легендарныхъ объ немъ разсказовъ и въ обстановкѣ какъ нельзя болѣе марціальной и поэтической. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ тонкими чертами лица, длинными русыми усами и плутоватыми глазами. Онъ и всѣ лица его свиты были одѣты въ живописный Черкесскій костюмъ и щеголяли оружіемъ. Я былъ молодъ, воображеніе дополняло дѣйствительность. Только впослѣдствіи времени въ этой блестящей картинѣ оказались темныя мѣста. Польза этихъ рыцарскихъ подвиговъ оказалась сомнительною, но это нисколько не умаляетъ заслугъ Засса. Въ настоящее время это былъ бы идеальный партизанскій генералъ, который въ Европейской войнѣ могъ бы играть важную роль при нынѣшнемъ устройствѣ и вооруженіи войскъ.

При генералѣ Зассѣ состоялъ прикомандированный къ Генеральному Штабу гусарскій поручикъ Цеге-фонъ-Мантейфель. Отъ него я узналъ, что ворвавшееся въ наши предѣлы скопище состояло изъ Абадзеховъ и Убыховъ до 1500 человѣкъ подъ предводительствомъ Али-Хырсыза, извѣстнаго разбойника, какъ видно уже и изъ самаго его имени (хырсызъ значитъ разбойникъ). Этой кличкой Али особенно гордился, и она-то вѣроятно и доставила ему честь быть предводителемъ въ смѣломъ набѣгѣ. Вообще воровство и разбой, какъ въ древней Спартѣ, были у Черкесовъ въ чести; позорно было только

быть пойманнымъ въ воровствѣ. Мнѣ памятенъ одинъ характеристичный случай. Въ 1842 году, къ начальнику отряда, дѣйствовавшаго въ странѣ Натухайцевъ, контръ-адмиралу Серебрякову, пріѣхала депутація для переговоровъ. Изъ пяти человѣкъ четверо были сѣдые старики, пятый безбородый юноша. Серебряковъ говорилъ съ депутатами по-турецки безъ переводчика и началъ съ того, что упрекнулъ народъ Натухайскій за то, что прислалъ для переговоровъ такого мальчика, которому слѣдуетъ только молчать и слушать старшихъ; я былъ при этомъ разговорѣ. Серебряковъ спросилъ меня, понялъ ли я отвѣтъ одного изъ стариковъ депутатовъ. Я сказалъ, что, если не ошибаюсь, старикъ говоритъ, что, хотя молодой человѣкъ дѣйствительно молодъ, но онъ сынъ очень почтеннаго родителя, которому 80 лѣтъ и который никогда не воровалъ.—«Плохо-же вы поняли», сказалъ Серебряковъ; «онъ 80 лѣтъ воровалъ, но ни разу не былъ пойманъ; отъ того его сыну и сдѣланъ такой почетъ».

Цѣль вторженія партіи составляла безусловную тайну и вѣроятно извѣстна была одному предводителю; иначе нашлось бы немало желающихъ продать эту тайну Зассу или другому кордонному начальнику. Это составляетъ характеристическую черту Черкесовъ. У всѣхъ нихъ была общая ненависть къ Русскимъ и общая жадность къ рублямъ. Лазутчикъ, измѣннически выдавшій тайну партіи, летитъ опять къ ней и дерется противъ насъ съ самоотверженіемъ. Лазутчиковъ мы имѣли во всѣхъ сословіяхъ, начиная отъ князей до послѣдняго пастуха. Экстраординарная сумма, отпускавшаяся безотчетно кордоннымъ начальникамъ на подарки горцамъ, производила разрушительное дѣйствіе на нравственность этого дикаго народа и могла бы окончательно его развратить, если бы значительная часть этой суммы самовольно не отклонялась отъ своего назначенія. Впрочемъ горецъ, получивъ наши рубли, никогда не употреблялъ ихъ на улучшеніе своего быта, и, если не сбывалъ ихъ Армянамъ на оружіе или его украшеніе, то зарывалъ въ землю, опасаясь открытія его сношеній съ Русскими.

Партія ночевала передъ этимъ верстахъ въ 80 отъ Кубани; бо́льшая часть всадниковъ были о-дву-конь, т.-е. имѣли въ поводу запасную лошадь. Это указывало на дальнюю и серьозную цѣль набѣга. Генералъ Зассъ, по первому извѣстію о движеніи непріятельской партіи, собралъ все, что̀ было возможно и двинулся къ Баталпашинску. Здѣсь онъ долженъ былъ остаться нѣсколько часовъ, чтобъ дать вздохнуть лошадямъ, и особливо, чтобы получить вѣрныя свѣдѣнія о направленіи партіи. Для этаго Ногайская милиція была немедленно послана по слѣдамъ партіи.

Событія разъигрались съ необыкновенною быстротою. Партія, проскакавъ въ виду Бекешевской станицы на правый берегъ Кумы, поднялась на лѣсистые и пересѣченные берега р. Дарьи и тамъ имѣла нѣсколько часовъ отдыха. Еще до разсвѣта, горцы пустились въ дальнѣйшій путь по направленію къ ст. Есентукской, но наткнулись на двухъ Донскихъ казаковъ, посланныхъ въ ст. Боргусантскую съ извѣстіемъ о тревогѣ. Они гнались за казаками нѣсколько верстъ, своротивъ къ ст. Боргусантской. Одинъ Донской казакъ былъ схваченъ и изрубленъ; другой, изъ Калмыковъ, проскакалъ мимо станицы, гдѣ уже была тревога и ворота заперты, и бросился по дорогѣ къ Кисловодску. Можно думать, что гонка за казаками отвлекла горцевъ отъ ст. Есентукской и, какъ тревога уже распространилась по всему краю, они рѣшились броситься на Кисловодскъ.

То что̀ называлось городомъ, состояло изъ нѣсколькихъ улицъ, съ маленькими турлучными домиками, принадлежавшими офицерамъ и солдатамъ гарнизона; тамъ были двѣ роты и штабъ-квартира линейнаго батальона. На бастіонахъ маленькой крѣпостцы было нѣсколько орудій, изъ которыхъ едва ли когда-нибудь стрѣляли. Возможность открытаго нападенія на Кисловодскъ едва ли кому-нибудь приходила въ голову, тѣмъ болѣе, что передовые отряды войскъ еще не были сняты, хотя курсъ минеральныхъ водъ уже кончился и только оставалось нѣсколько запоздалыхъ посѣтителей. Рано утромъ Калмыкъ подскакалъ къ запертымъ воротамъ казачьяго поста, находящагося на краю города у подножія возвышенности, на которой была крѣпостца. Горцы схватили Калмыка и бросились на постъ и окрестные дома. Въ одномъ изъ нихъ они изрубили помѣщицу Шатилову, которой, по чрезвычайной тучности, не могли увезти. Казаки отстрѣливаясь успѣли отступить; горцы зажгли постъ. Въ городѣ происходила страшная суматоха: жители прятались, солдаты бѣжали въ крѣпость; туда же прибѣжалъ 60-лѣтній старикъ, Ѳедоровъ, подпоручикъ гарнизонной артиллеріи. Нужно было открывать огонь по непріятелю, находившемуся въ какихъ-нибудь 150 саженяхъ, но фитилей не оказалось. Принесли огня, когда горцы уже стали уходить. Изъ первыхъ на тревогу явилась извѣстная въ то время генеральша Мерлина, верхомъ, показачьи, съ шашкой и нагайкой, которой чуть не досталось старику Ѳедорову. Наконецъ, открыли огонь ядрами. Тутъ наѣздница выказала замѣчательныя тактическія соображенія. Она закричала на Ѳедорова: «Старая крыса, стрѣляй гранатами впередъ непріятеля, а когда разрывъ снарядовъ остановитъ толпу въ ущельѣ, валяй картечью». Старикъ сказалъ: «слушаю, матушка, ваше превосходительство»; но выстрѣловъ гранатами не послѣдовало, горцы были уже да-

леко. На посту оказалось нѣсколько человѣкъ ранеными и шесть казаковъ увлечены въ плѣнъ. Все это произошло не болѣе какъ въ полчаса. У непріятеля тяжело раненъ предводитель Али-Хырсызъ. Его взвалили на лошадь, но, проскакавъ нѣсколько верстъ, увидѣли, что онъ умеръ.

Партія направилась мимо поста Красиваго, къ вершинамъ Эшкакона. Пѣхота наша пошла слѣдомъ, казаки стали со всѣхъ сторонъ собираться, но прослѣдовали вяло, по причинѣ малочисленности. Горцы къ вечеру достигли вершинъ р. Эшкакона и остановились тамъ для отдыха. Они развели огни, пѣли пѣсни, дѣлили скудную добычу и вообще нисколько не стѣснялись нашимъ передовымъ постомъ, отъ котораго были не далѣе пушечнаго выстрѣла. До разсвѣта горцы уже спокойно продолжали ѣхать чрезъ Карачаевскую землю, перешли чрезъ Кубань выше устья Мары и въѣхали въ ущелье р. Аксаута.

Впродолженіе этого времени генералъ Зассъ, узнавъ направленіе горцевъ, немедленно сдѣлалъ распоряженіе направить пѣхоту, еще не дошедшую до Баталпашинска, за Кубань, а самъ съ казаками переправился туда же и назначилъ общій соборный пунктъ въ ущельи р. Аксаута. Со всѣхъ сторонъ къ нему приходили вѣрныя извѣстія о движеніи партіи, и онъ, зная край и обычаи горцевъ, не сомнѣвался, что они будутъ возвращаться не по той дорогѣ, по которой пришли и гдѣ все въ тревогѣ, а изберутъ другое удобнѣйшее, хотя не кратчайшее направленіе. Въ этомъ предположеніи онъ быстро двинулся вверхъ по Аксауту и занялъ удобную позицію. Горцы не заставили себя долго ждать; наткнувшись на наши войска, они рѣшились пробиться, но лошади были слишкомъ утомлены, и мѣстность была для нихъ очень неудобна. Не смотря на то, имъ удалось наконецъ пройти но оставивъ 42 тѣла и бросивъ нашихъ плѣнныхъ. Казаки почти не преслѣдовали далѣе непріятеля, партія разбрелась по одиночкѣ. Зассъ, по обычаю, приказалъ отрѣзать головы убитыхъ и съ этимъ трофеемъ возвратился въ свой Прочный-Окопъ. Чрезъ годъ послѣ того, я встрѣтилъ генерала Засса въ Ставрополѣ. Онъ ѣхалъ въ саняхъ, а другія сани, закрытыя полостію, ѣхали за нимъ. «Куда это, ваше превосходительство, и что́ вы везете»?—«Ѣду, землякъ, въ отпускъ и везу Вельяминову въ сдачу рѣшенныя дѣла». Съ этимъ словомъ онъ открылъ полость, и я не безъ омерзенія увидѣлъ штукъ пятьдесятъ голыхъ череповъ. Вельяминовъ отправилъ ихъ въ Академію Наукъ.

Я довольно подробно описалъ это происшествіе, потому что для меня оно было своеобразною и характеристичною картиной Кавказской кордонной войны, а сверхъ того оно и само имѣло большой общій интересъ. Это было почти послѣднее вторженіе горцевъ въ на

ши предѣлы открытою силою, и для нападенія на отдаленное и значительное заведеніе. Горцы, чрезъ мирныхъ, очень хорошо знали, что въ Кисловодскѣ есть регулярная пѣхота, а въ крѣпости пушки; слѣдовательно успѣхъ предпріятія могъ быть только при чрезвычайной быстротѣ и внезапности нападенія. Безпрестанные набѣги генерала Засса заставили непокорныхъ горцевъ удалить свои жилища за Лабу, такъ что ближайшіе Абадзехскіе аулы были верстахъ въ 90 отъ верхней Кубани. Въ этомъ промежуткѣ жили, по предгоріямъ, разныя мелкія племена, которыя безпрестанно покорялись и измѣняли. Они равно боялись и Русскихъ, и Абадзеховъ. Волей или неволей, они давали пристанище всѣмъ воровскимъ партіямъ и большимъ сборищамъ, готовившимся ко вторженію въ наши предѣлы или оттуда возвращавшимся. Такъ сборище Али-Хырсыза ночевало въ 80 верстахъ отъ Кубани и въ два послѣдующіе дня должно было проскакать болѣе 250 в., имѣя два небольшихъ отдыха и не болѣе получаса остановки въ Кисловодскѣ. Такая быстрота объясняется тѣмъ, что большая часть всадниковъ имѣли заводныхъ лошадей и еще болѣе тѣмъ, что горцы имѣли свой, выработанный вѣками разбойничества, способъ приготовлять лошадей для такихъ дальнихъ и быстрыхъ походовъ. Чтобы приготовить (или какъ казаки говорили, подъяровить) лошадь, нужно не менѣе мѣсяца, въ который ее держатъ въ теплой конюшнѣ, кормятъ сначала мало, а потомъ даютъ только овесъ, ячмень или просо; ѣздятъ на ней умѣренно, увеличивая постоянно разстоянія. Впрочемъ порода Черкесскихъ лошадей имѣетъ въ этомъ особенное значеніе. У горцевъ западной половины Кавказа были тогда знаменитые конскіе заводы: Шолокъ, Трамъ, Есени, Лоо, Бечканъ. Лошади не имѣли всей красоты чистыхъ породъ, но были чрезвычайно выносливы, вѣрны въ ногахъ, никогда не ковались, потому что ихъ копыта, по выраженію казаковъ «стаканчикомъ», были крѣпки, какъ кость. Нѣкоторые кони, какъ и ихъ всадники, имѣли громкую славу въ горахъ. Такъ напр. бѣлый конь завода Трамъ былъ почти столько же извѣстенъ у горцевъ, какъ и его хозяинъ Магометъ-Ашъ-Атаджукинъ, бѣглый Кабардинецъ и знаменитый хищникъ. Горцы любятъ своихъ лошадей, очень объ нихъ заботятся, но держатъ ихъ на уздѣ очень строго и безпрестанно возбуждаютъ ихъ энергію хлопаньемъ нагайки и разными поворотами. Я купилъ на Баталпашинской ярмаркѣ за 22 р. сер. молодаго мерина, мало ѣзжанаго, завода Есени, сѣрой масти, какъ и всѣ лошади этого завода. Толку въ лошадяхъ я не знаю; но могу сказать, что мой конь вѣрно служилъ мнѣ 7 экспедицій и удивлялъ меня необыкновенною выносливостью, послушаніемъ и искусствомъ лазить по горамъ. Впослѣдствіи его цѣнили въ 500 р. сер. Вѣроятно, онъ и долго

еще продолжалъ бы вѣрно служить мнѣ, если бы его не погубили: морякъ, которому я его на время поручилъ, и ученый ветеринаръ.

Съёмка моя была вычерчена, подписана и наклеена. 2 Декабря я возвратился въ Ставрополь, готовясь получить большія похвалы за безпримѣрный успѣхъ работы. Я представилъ оберъ-квартирмейстеру всѣ листы съёмки, занявшіе полъ почти всей его столовой. Горскій, посмотрѣвъ очень равнодушно, сказалъ: «Что же это вы сдѣлали? Вы сняли все пространство. Куда же мы будемъ посылать съёмочныя партіи?» Этотъ вопросъ поубавилъ мои надежды, а когда Горскій представилъ меня и мою съёмку командующему войсками, генералъ Вельяминовъ сказалъ только: «Экая термалама!» Послѣднее выраженіе относилось къ большой пестротѣ плана края, гористаго и во многихъ мѣстахъ покрытаго лѣсами хвойными, лиственными и смѣшанными. Впослѣдствіи времени я получилъ, при общемъ представленіи, единовременно тысячу рублей, которые мнѣ были совсѣмъ не необходимы, и я ихъ отправилъ своимъ старикамъ.

Чрезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ, полковникъ Горскій объявилъ мнѣ, что я долженъ вступить въ исправленіе должности оберъ-квартирмейстера по случаю скораго отъѣзда его, Горскаго, въ Тифлисъ, по требованію корпуснаго командира. Еще до пріѣзда въ Ставрополь я получилъ увѣдомленіе, что высочайшимъ приказомъ я переведенъ капитаномъ въ Генеральный Штабъ, по правамъ Военной Академіи. Не смотря на то, я не былъ старшимъ изъ наличныхъ офицеровъ этаго вѣдомства. Капитанъ Пассекъ былъ старше меня въ чинѣ. Горскій не принялъ этаго въ соображеніе, выразившись очень нелестно о Пассекѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ вялый отъ природы и еще болѣе изнуренный болѣзнями и непорядочною жизнью. Это былъ сынъ отъ перваго брака Пассека, сосланнаго въ Сибирь и тамъ женившагося *). Всѣ дѣти этаго втораго брака были люди способные и энергическіе. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя особое вниманіе на Кавказѣ и погибъ въ чинѣ генералъ-майора, во время знаменитой экспедиціи князя Воронцова въ Дарго, въ 1845 году.

Полковникъ Горскій выѣхалъ въ Тифлисъ, а до того времени ничего не дѣлалъ, или рисовалъ акварелью батальныя картины, а я исправлялъ его должность, и разъ въ недѣлю докладывалъ генералу Вельяминову, которому такой порядокъ вещей совсѣмъ не казался ненормальнымъ. Вообще, тогда на Кавказѣ не было того педантическаго формализма, который на каждомъ шагу билъ въ глаза во всей Россіи. Частный начальникъ устроивался въ своемъ управленіи болѣе или менѣе по своему личному усмотрѣнію. Особенно это относилось

*) См. Записки его въ Русскомъ Архивѣ 1863 г. П. Б.

къ начальникамъ главныхъ частей. Генералъ Вельяминовъ былъ вмѣстѣ и начальникомъ Кавказской области. Его гражданское управленіе, въ которомъ онъ имѣлъ права генералъ-губернатора, было совершенно отдѣльно отъ военнаго. Послѣднее устроилось довольно оригинально. Главныя его части, какъ и вездѣ, составляли дежурство и управленіе генеральнаго штаба. Дежурство, сверхъ обыкновеннаго круга дѣйствій, имѣло еще много другихъ занятій, обусловливаемыхъ особенностями края и производившимися въ немъ военными дѣйствіями; генеральный штабъ, напротивъ, былъ значительно стѣсненъ въ своемъ кругѣ дѣйствій. Вельяминовъ не любилъ офицеровъ этого вѣдомства. Бóльшую часть занятій по военнымъ дѣйствіямъ во всемъ краѣ онъ сосредоточилъ въ секретномъ отдѣленіи, которымъ, подъ его руководствомъ и въ его квартирѣ, управлялъ состоявшій при немъ для особыхъ порученій полковникъ Ольшевскій. Онъ прежде былъ адъютантомъ Вельяминова и теперь пользовался у него большимъ довѣріемъ. Объ этой личности я долженъ сказать нѣсколько словъ. Ольшевскій, Полякъ и католикъ, былъ сынъ какого-то шляхтича въ Бѣлоруссіи или Литвѣ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и потому образованіе получилъ самое посредственное. Никакого иностраннаго языка онъ не зналъ. Отъ природы онъ имѣлъ хорошія умственныя способности, на службѣ пріобрѣлъ навыкъ и рутину очень хорошаго канцелярскаго чиновника, а въ школѣ Вельяминова сдѣлался очень недурнымъ боевымъ офицеромъ. Ольшевскій былъ очень трудолюбивъ и, кажется, искренно былъ преданъ Вельяминову... Онъ былъ хорошій семьянинъ и любилъ окружать себя родными и угодниками. Послѣднихъ было у него немало въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ. Съ Горскимъ онъ былъ во враждѣ, и это невыгодно отзывалось на служебномъ положеніи офицеровъ генеральнаго штаба. Личность и характеръ Ольшевскаго были очень несимпатичны. Говорятъ, будто Вельяминову однажды кто-то сказалъ о злоупотребленіяхъ Ольшевскаго, и Вельяминовъ отвѣчалъ: «докажи, дражайшій, и тогда я его раздавлю; а если не можешь доказать, то я сплетней не желаю и слушать». Если этого и не было, то могло быть.

Настала весна 1837 года. Сѣверному жителю трудно и вообразить себѣ прелесть весны въ предгоріяхъ, подъ 45° широты. Мои несложныя занятія оставляли мнѣ много свободнаго времени. Днемъ я дѣлалъ большія прогулки пѣшкомъ и верхомъ, вечера проводилъ съ немногими товарищами, съ которыми особенно сблизился.

Изъ новыхъ знакомыхъ особенно замѣчателенъ былъ Н. В. Майеръ. Дружбѣ его я многимъ обязанъ и потому очень бы хотѣлъ изобразить его такимъ, какъ онъ былъ, но едвали съумѣю: такъ много

сталкивалось разнообразныхъ, а нерѣдко и противуположныхъ качествъ въ этой личности, далеко выступавшей изъ толпы.

Отецъ Майера былъ уважаемый ученый секретарь одной Академіи. Крѣпкаго сложенія, бодрый умомъ и тѣломъ, семидесятилѣтній старикъ не любилъ своего младшаго сына, который ни въ чемъ на отца не былъ похожъ. Ребенокъ провелъ дѣтство въ болѣзняхъ и страданіяхъ; отъ золотухи у него одна нога сдѣлалась на четверть короче другой. Только любовь доброй матери могла удержать жизнь въ этомъ тщедушномъ ребенкѣ. Вѣроятно, ей же онъ былъ обязанъ тѣмъ, что на всю жизнь сохранилъ любовь къ Богу и къ людямъ. Первая у него проявлялась съ значительнымъ оттѣнкомъ мистицизма, не имѣющаго впрочемъ ничего общаго съ его оффиціальнымъ вѣроисповѣданіемъ. Отецъ его былъ крайнихъ либеральныхъ убѣжденій; онъ былъ масонъ и дѣятельный членъ нѣкоторыхъ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ было множество въ Европѣ между 1809 и 1825 годами. Какъ ученый секретарь Академіи, онъ получалъ изъ-за границы книги и журналы безъ цензуры. Это давало ему возможность слѣдить за политическими событіями и за движеніемъ умовъ въ Европѣ. Въ началѣ 20-хъ годовъ онъ получилъ изъ-за границы нѣсколько гравированныхъ портретовъ Итальянскихъ карбонари, между которыми у него были друзья. Его поразило сходство одного изъ нихъ, только что разстрѣляннаго Австрійцами, съ его младшимъ сыномъ, Николаемъ. Позвавъ къ себѣ мальчика, онъ поворачивалъ его во всѣ стороны, осматривалъ и ощупывалъ его угловатую, большую голову и, наконецъ, шлепнувъ его ласково по затылку, сказалъ по-нѣмецки: «однакожъ изъ этого парня будетъ прокъ!» Съ этого времени онъ полюбилъ своего Никласа, охотно съ нимъ говорилъ и читалъ и кончилъ тѣмъ, что привилъ сыну свои политическія убѣжденія. Старикъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, добрая жена его умерла, старшій сынъ пропалъ безъ вѣсти, младшій—Николай, остался круглымъ сиротой. Онъ получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе и поступилъ въ Медико-хирургическую Академію. Научныя занятія его были неровны, порывисты; если онъ дѣлалъ успѣхи, то только благодаря своему острому уму и огромной памяти. Онъ много читалъ и много думалъ. Въ болѣзненное дѣтство, лишенный возможности раздѣлять игры и забавы своихъ товарищей, онъ создалъ себѣ особый міръ и на всю жизнь остался почти ребенкомъ въ дѣлахъ житейскихъ.

По выпускѣ изъ Академіи, Майеръ поступилъ на службу врачемъ въ вѣдѣніе генерала Инзова, управлявшаго колоніями въ южной Россіи, а оттуда переведенъ въ Ставрополь для особыхъ порученій въ распоряженіе начальника Кавказской области, генерала Вельями-

нова. Эти порученія были несложны: зимой онъ жилъ въ Ставрополѣ, а лѣтомъ на минеральныхъ водахъ. Онъ сдѣлался очень извѣстнымъ практическимъ врачемъ; особенно на водахъ онъ имѣлъ огромную и лучшую практику, что̀ совершенно его обезпечивало. Въ общественныхъ удовольствіяхъ онъ не участвовалъ; но можно было быть увѣреннымъ, что всегда встрѣтишь его въ кругу людей образованныхъ и порядочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкомъ свѣтскимъ. Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная начитанность вмѣстѣ съ какимъ-то аристократизмомъ образа мыслей и манеры невольно привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ Русскимъ, Французскимъ и Нѣмецкимъ языками и когда былъ въ духѣ, говорилъ остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ и этимъ конечно былъ обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшаго роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавый и хромой, Майеръ нисколько не былъ похожъ на типъ гостиннаго ловеласа; но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство, которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторымъ замѣчательнымъ женщинамъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастическій оттѣнокъ его разговора навлекали ему иногда непріятности, но не лишили его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное прямодушіе. Преданность друзьямъ однажды едва не погубила его. Въ третій годъ бытности на Кавказѣ онъ очень сблизился съ А. Бестужевымъ (Марлинскимъ) и съ С. Палицынымъ — декабристами, которые изъ каторжной работы были присланы на Кавказъ служить рядовыми. Оба они были люди легкомысленные и тщеславные и во всѣхъ отношеніяхъ не стоили Майера. Бестужеву Полевой прислалъ бѣлую пуховую шляпу, которая тогда въ западной Европѣ служила признакомъ карбонари. Доносъ о такомъ важномъ событіи обратилъ на себя особенное вниманіе усерднаго ничтожества, занимавшаго должность губернскаго жандармскаго штабъ-офицера. При обыскѣ квартиры, въ которой жили Майеръ, Бестужевъ и Палицынъ, шляпа найдена въ печи. Майеръ объявилъ, что она принадлежитъ ему, основательно соображая, что, въ противномъ случаѣ, кто-нибудь изъ его товарищей долженъ былъ неминуемо отправиться обратно въ Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряженію высшаго начальства, Майеръ выдержалъ полгода подъ арестомъ въ Темнолѣсской крѣпости. На его начальника этотъ случай не имѣлъ никакого влі-

янія: генералъ Вельяминовъ отнесся къ нему совершенно равнодушно, и сохранилъ къ Майеру свое прежнее благорасположеніе.

Чрезъ Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые, по разрядамъ, присылались изъ Сибири рядовыми въ войска Кавказскаго корпуса. Изъ нихъ князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ жилъ въ одномъ домѣ съ Майеромъ и былъ нашимъ постояннымъ собесѣдникомъ. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Аристократъ до мозга костей, онъ былъ бы либеральнымъ вельможей, еслибы судьба не забросила его въ Сибирскіе рудники. Казалось бы, у него не могло быть рѣзкихъ противорѣчій съ политическими и религіозными убѣжденіями Майера, но это было напротивъ. Оба одинаково любили парадоксы и одинаково горячо ихъ отстаивали. Спорамъ не было конца, и нерѣдко утренняя заря заставала насъ за нерѣшеннымъ вопросомъ. Эти разговоры и новый для меня взглядъ на вещи заставляли меня устыдиться моего невѣжества. Въ эту зиму и въ слѣдующую я много читалъ, и моими чтеніями руководилъ Майеръ. Я живо помню это время. Исторія человѣчества представилась мнѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Давно извѣстные факты совсѣмъ иначе освѣтились. Великія событія и характеры Англійской и особенно Французской революціи 1789 года, приводили меня въ восторженное состояніе. Майеръ и Голицынъ съ какою-то гадливостью смотрѣли на толпу и если соглашались считать братомъ грязнаго оборвыша, то только младшимъ братомъ, который обязанъ былъ признавать ихъ превосходство. Я же любилъ народъ, какъ сынъ народа. Мнѣ казалось высокимъ и великодушнымъ посвятить себя служенію народу, не только не въ видахъ его благодарности за жертвы, но съ увѣренностью, что эти жертвы не будутъ оцѣнены никѣмъ, кромѣ совѣсти и Того, Кто видитъ глубину нашей души. Было много угловатаго, порывистаго, даже безразсуднаго въ убѣжденіяхъ, которыя я тогда составилъ; но въ нихъ было много молодаго, добраго и искренняго. Вѣроятно это-то и пріобрѣло мнѣ дружбу Майера и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, съ которыми я тогда сошелся.

Голицына и Кривцова я засталъ уже унтеръ-офицерами и съ солдатскими Георгіевскими крестами. Это было уже послѣднимъ шагомъ къ чину прапорщика. Сергѣй Ивановичъ Кривцовъ былъ большаго роста, съ рѣзкими чертами лица, порядочно образованъ, но довольно легкаго характера. Въ 1838 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики и на одномъ балу пустился въ плясъ. Голицынъ подошелъ къ нему и, полушутя, шепнулъ: Mon cher Кривцовъ, vous dérogez à votre dignité de pendu *).» Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то неловко видѣть пры-

*) Любезный Кривцовъ, вы роняете вашъ санъ висѣльника.

гающаго между молодежью человѣка пожилаго, прошедшаго чрезъ такое страшное бѣдствіе. Бестужевъ тоже былъ произведенъ въ прапорщики линейнаго батальона, составлявшаго гарнизонъ укрѣпленія Гагры. Это укрѣпленіе выбрано для него потому, что славилось своимъ губительнымъ климатомъ. Бестужевъ отправился въ Тифлисъ и былъ прикомандированъ къ отряду, которому назначено было занять устье рѣки Мдзышты, въ землѣ Джигетовъ, гдѣ и было построено укрѣпленіе Св. Духа. Въ дѣлѣ, бывшемъ при занятіи этого мѣста, Бестужевъ былъ посланъ съ приказаніемъ отъ барона Розена, лично командовавшаго отрядомъ, и не возвратился. Вѣроятно онъ былъ убитъ въ лѣсу. Долго послѣ того его искали, но всѣ распросы у горцевъ не навели ни на какіе слѣды. Въ 1838 году я узналъ, что у Убыховъ есть въ плѣну какой-то офицеръ, но когда его выкупили за 200 пудовъ соли, оказалось, что это былъ прапорщикъ Вышеславцовъ, взятый горцами въ пьяномъ видѣ и надоѣвшій своимъ хозяевамъ до того, что они хотѣли его убить. Это не помѣшало ему однакоже отправиться въ Петербургъ, гдѣ какой-то грамотѣй описалъ его подвиги и приключенія. Бестужевъ пропалъ безъ вѣсти. Миръ душѣ его! Онъ не дожилъ до серьёзной критики своихъ сочиненій, которыя тогда читались съ упоеніемъ.

Возвращаюсь къ веснѣ 1837 года. Это было время, когда рѣшался важный вопросъ: кто куда поѣдетъ на лѣто? Всѣ старались попасть въ экспедицію, но, конечно, не всѣмъ удавалось. Исправленіе должности оберъ-квартирмейстера поставило меня въ прямыя сношенія съ командующимъ войсками, которому я докладывалъ разъ въ недѣлю. Вѣроятно, поэтому онъ назначилъ меня въ отрядъ, который долженъ былъ дѣйствовать подъ его начальствомъ въ землѣ Натухайцевъ.

Въ концѣ Апрѣля я отправился на сборный пунктъ отряда, Ольгинское мостовое укрѣпленіе, вмѣстѣ съ моими добрыми товарищами Старкомъ и Сальстетомъ. Оба они были Финляндцы, но совершенно разнаго характера. Старкъ былъ прикомандированъ на годъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ; постоянно онъ служилъ поручикомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, гдѣ былъ извѣстенъ какъ очень способный офицеръ. Онъ годомъ раньше меня вышелъ изъ Военной Академіи первымъ. Сальстетъ былъ прикомандированъ къ генеральному штабу, а числился прапорщикомъ въ Навагинскомъ полку. Это была олицетворенная доброта и честность. Съ нимъ я вмѣстѣ квартировалъ въ Ставрополѣ и дружно прожилъ до 1861 года. Оба они рано умерли.

Наша поѣздка въ Ольгинское была довольно оригинальна. Это разстояніе въ 300 верстъ мы проѣхали верхомъ. Отрядъ собрался, а въ первыхъ числахъ Мая пріѣхалъ Вельяминовъ.

Здѣсь мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какого рода предстояли намъ дѣйствія, а прежде всего о самомъ генералѣ Вельяминовѣ, который ихъ долженъ былъ привести въ исполненіе. Тутъ я долженъ оговориться. Я знаю, что многіе не раздѣлятъ моего мнѣнія объ этомъ не совсѣмъ обыкновенномъ человѣкѣ. Могу только поручиться, что я старался его изучить и если имъ не восхищаюсь, то, по крайней мѣрѣ, и не могу себя упрекнуть въ пристрастіи.

Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, но не имѣлъ никакихъ аристократическихъ притязаній. Однажды у него за обѣдомъ одинъ господинъ (г. Кутузовъ), думая доставить ему удовольствіе, сказалъ, что родъ его древній и что въ исторіи Россіи Вельяминовы упоминаются при Димитріѣ Донскомъ. «Ну, это ты, дражайшій, далеко хватилъ. При Иванѣ Грозномъ дѣй«ствительно упоминается о Вельяминовѣ; но видно былъ мошенникъ, «за то и повѣшенъ». У Алексѣя Александровича былъ старшій братъ, Иванъ Александровичъ, бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, и двѣ сестры, старыя дѣвицы, жившія въ небольшомъ родовомъ имѣніи въ Тульской губерніи. Съ братомъ Алексѣй Александровичъ былъ всегда очень друженъ; смерть брата въ 1837 году ускорила и его кончину. Онъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ и умеръ холостымъ. Вотъ все, что̀ я знаю объ его семействѣ; а объ его молодости мнѣ извѣстно только, что онъ служилъ въ артиллеріи и участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи (1805 г.). Онъ принадлежалъ къ кружку, изъ котораго вышло нѣсколько замѣтныхъ дѣятелей, какъ Ермоловъ, князь Меншиковъ, графъ Бенкендорфъ и другіе, съ которыми онъ сохранилъ дружескія отношенія. На Кавказѣ онъ сдѣлался извѣстенъ, какъ начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, во время командованія А. П. Ермолова, котораго онъ былъ вѣрнымъ другомъ и помощникомъ. Они были на ты и называли другъ друга Алешей. За Елисаветпольское сраженіе Вельяминовъ получилъ Георгія 3-й степени; очевидцы говорятъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ побѣды, начавъ рѣшительную атаку, даже противъ воли главнаго начальника, Паскевича. Командующимъ войсками Кавказской линіи и Черноморіи и начальникомъ Кавказской области онъ былъ назначенъ, кажется, въ 1831 году. А. А. Вельяминовъ получилъ хорошее образованіе, а отъ природы былъ одаренъ замѣчательными умственными способностями. Складъ его ума былъ оригинальный. Воображеніе играло у него очень невидную роль; всѣ его мысли и заключенія носили на

себѣ видимый характеръ математическихъ выводовъ. Поэтому, вѣроятно и въ отношеніяхъ къ людямъ ему чужды были чувствительность и состраданіе, тамъ гдѣ онъ думалъ, что долгъ или польза службы требовали жертвы.

Строгость его доходила до холодной жестокости, въ которой была нѣкоторая доля цинизма. Такъ во время экспедиціи онъ приказывалъ при себѣ бить палками или нагайками солдатъ, пойманныхъ въ мародерствѣ. Онъ покойно садился на барабанъ и назначалъ время, въ продолженіе котораго должна производиться экзекуція. При этомъ онъ разговаривалъ съ другими, пока по часамъ оказывалось, что прошелъ назначенный срокъ. Однажды за обѣдомъ, при мнѣ, онъ въ разговорѣ объ одномъ преступникѣ цинически сказалъ: «Ну, чтожъ? Слѣдуетъ ему прописать Англійское стеганіе». Этимъ шутливымъ терминомъ онъ называлъ публичное наказаніе кнутомъ.

Вельяминовъ хорошо, основательно учился и много читалъ; но это было въ молодости. Его нравственныя и религіозныя убѣжденія построились на твореніяхъ энциклопедистовъ и вообще писателей конца XVIII вѣка. За новѣйшей литературой онъ мало слѣдилъ, хотя у него была большая библіотека, которую онъ постоянно пополнялъ. Онъ считался православнымъ, но кажется, былъ деистомъ, по крайней мѣрѣ никогда не бывалъ въ церкви и не исполнялъ обрядовъ. Настольными его книгами были Жильблазъ и Донъ-Кихотъ на Французскомъ языкѣ. Перваго ему читали даже наканунѣ смерти; изящная литература его нисколько не интересовала.

Вельяминовъ, былъ честный и вѣрный слуга Государя, но съ властями держалъ себя самостоятельно, а съ ближайшимъ начальникомъ, барономъ Розеномъ, не ладилъ. Сколько мнѣ изъ дѣлъ извѣстно, въ этомъ его нельзя упрекать. Придирчивость и недоброжелательство Тифлиса доходили часто до жалкой мелочности. Все это вредило и дѣлу и людямъ. Тогда я безусловно обвинялъ барона Розена и перемѣнилъ свое мнѣніе, когда опытъ показалъ, что такія отношенія между корпуснымъ командиромъ и начальникомъ войскъ на сѣверной сторонѣ Кавказа зависѣли менѣе отъ лицъ, чѣмъ отъ непрактичнаго положенія, въ которое эти лица были поставлены. Военныя дѣйствія производились постоянно на сѣверной сторонѣ Кавказа; а въ южной, гдѣ непосредственнымъ начальникомъ и войска и края былъ корпусный командиръ, они возникали только случайно и не имѣли особенной важности. Тамъ была задача болѣе мирная, но не менѣе трудная: сплотить разныя народности Закавказскаго края, слить ихъ въ одну массу подъ управленіемъ, которое бы не противорѣчило ни общему строю имперіи, ни вѣковымъ обычаямъ и историческимъ преданіямъ каждаго

племени. Сверхъ того, нужно было охранять границу отъ полудикихъ, но коварныхъ и измѣнчивыхъ сосѣдей, Персіянъ и Турокъ. Анархическое состояніе этихъ разлагающихся государствъ дѣлало чрезвычайно-труднымъ примѣнять къ нимъ Европейскія правила международныхъ отношеній. Еще болѣе: дикія и невѣжественныя племена Кавказскія питали къ нимъ однакоже сочувствіе, по единовѣрію, по общей страсти къ необузданному своеволію и разбойническимъ подвигамъ, и наконецъ, по инстинктивному сознанію, что Турки и Персіяне наши естественные враги и слѣдовательно ихъ союзники. Этимъ путемъ проникали къ намъ издавна мусульманскій фанатизмъ, контрабанда и чума. А. П. Ермоловъ успѣлъ сосредоточить въ себѣ всю военную и административную дѣятельность на всемъ Кавказѣ. При немъ все шло ровнымъ шагомъ, безъ колебаній; его имя было грозно у сосѣдей, у враговъ и у своихъ подвластныхъ. Войскъ у него было мало, но этотъ недостатокъ съ избыткомъ восполнялся несомнѣннымъ превосходствомъ главнаго начальника, полнымъ довѣріемъ и преданностью ему войскъ. Баронъ Розенъ былъ совсѣмъ въ другомъ положеніи. Назначенный командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ въ Грузіи, не въ уваженіе его предшествовавшихъ подвиговъ военныхъ и административныхъ, подвиговъ довольно скромныхъ, а по связямъ и по безотчетной прихоти Государя и Паскевича, баронъ Розенъ явился въ край, ему совершенно неизвѣстный, и долженъ былъ руководить сложнымъ дѣломъ, ему совершенно чуждымъ. Въ 1832 г. онъ попробовалъ лично принять начальство надъ войсками, дѣйствовавшими противъ Кази-муллы. Экспедиція была трудная, взятіе Гимры и истребленіе Кази-муллы надѣлали шуму, но едва ли не были однимъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые приносятъ болѣе славы, чѣмъ пользы. Послѣ этого Розенъ утонулъ въ пучинѣ Тифлисской бумажной администраціи, предоставивъ себѣ только общее направленіе военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Я не думаю, чтобы онъ добровольно покорился этой роли, хотя допускаю возможность, что онъ хотѣлъ ее честно исполнить. Но—одинъ въ полѣ не воинъ. Его многочисленный штабъ съ завистью и недоброжелательствомъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые на сѣверной сторонѣ Кавказа постоянно участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и получаютъ болѣе наградъ. Нужно сказать, что императоръ Николай (особливо послѣ командованія Паскевичемъ на Кавказѣ) былъ столько же щедръ на награды за военныя отличія, сколько скупъ за гражданскую и мирную службу. Военныя дѣйствія на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Дагестанѣ поручилъ онъ Вельяминову, котораго зналъ лично и не могъ не цѣнить его достоинствъ, блистательно выказанныхъ въ долговременную службу на Кавказѣ. Выборъ

былъ вполнѣ удаченъ. Я думаю, не было и нѣтъ другаго, кто бы такъ хорошо зналъ Кавказъ, какъ А. А. Вельяминовъ; я говорю Кавказъ, чтобы однимъ словомъ выразить и мѣстность, и племена, и главныя лица съ ихъ отношеніями и, наконецъ родъ войны, которая возможна въ этомъ краѣ. Громадная память помогала Вельяминову удержать множество именъ и фактовъ, а методическій умъ давалъ возможность одинаково освѣтить всю эту крайне-разнообразную картину. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы я считалъ его непогрѣшимымъ и признавалъ всѣ его дѣйствія геніальными. Впослѣдствіи мнѣ придется говорить объ его ошибкахъ; теперь же могу сказать только, что какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ мирной администраціи это былъ самобытный и замѣчательный дѣятель.

При такомъ обширномъ кругѣ дѣйствій А. А. Вельяминовъ былъ очень лѣнивъ. Стоило не мало усилій упросить его выслушать какой-нибудь докладъ или подписать бумаги. Приговоры по судебнымъ дѣламъ оставались по году и болѣе неподписанными, и подсудимые во множествѣ сидѣли въ острогѣ, который отличался всѣми возможными неудобствами. Мой докладъ ему по Вторникамъ былъ всегда довольно коротокъ; но одинъ разъ, пришедши въ кабинетъ съ докладнымъ портфелемъ, я нѣсколько минутъ ждалъ, пока онъ встанетъ съ кушетки, гдѣ обыкновенно лежалъ на спинѣ, заложивъ руки за шею. Когда онъ вышелъ, то покосился на меня неласково и сказалъ: «нынѣ не твой день, дражайшій». Не успѣлъ я сказать, что сегодня Вторникъ, А. А. вышелъ въ другую комнату, г я услышалъ, что онъ работаетъ на токарномъ станкѣ. Я подождалъ минутъ пять въ адъютантской и вошелъ опять въ кабинетъ, когда Вельяминовъ былъ уже тамъ. Онъ молча ходилъ взадъ и впередъ, по временамъ косясь на мой портфель; наконецъ, не выдержалъ и спросилъ съ неудовольствіемъ: «Да что это у тебя, дражайшій, сегодня такъ много къ докладу?». Тогда только я спохватился.— «Это, ваше превосходительство, проектъ покоренія Кавказа флигель-адъютанта полковника Ханъ-Гирея, присланный военнымъ министромъ на ваше заключеніе».—«А, пусто-болтанье! Положи, дражайшій, на столъ, я разсмотрю». Я положилъ въ одно изъ отдѣленій его письменнаго стола и болѣе года видѣлъ его тамъ-же, только съ возраставшимъ слоемъ пыли. Такъ онъ и не разсмотрѣлъ до своей смерти этаго проекта, въ которомъ, дѣйствительно, ничего не было существеннаго. За то если А. А. превозмогалъ свою лѣнь, то собственноручно писалъ огромныя черновыя бумаги разумно, толково, съ полнымъ знаніемъ края и дѣла, но просто до сухости и безъ всякаго притязанія на фразерство. Нужно сказать, впрочемъ, что лѣнь Вельяминова часто происходила отъ его болѣзненнаго состоянія. Онъ стра-

далъ геморойдальными припадками, которые иногда до того усиливались, что онъ не могъ ѣхать верхомъ или на дрожкахъ, и его, во время экспедиціи, однажды носили на носилкахъ. Вообще онъ былъ сложенія довольно слабаго, рыжій, средняго роста, худощавый, съ манерами и движеніями медленными; онъ вѣроятно и въ молодости не считался ни ловкимъ, ни красивымъ. Въ чертахъ лица его особенно замѣтны были его тонкія губы, острые и рѣдкіе зубы и умные серьезные глаза; онъ говорилъ всегда серьезно, степенно и умно, но безъ педантства и напускной важности. За обѣдомъ, у себя, онъ былъ разговорчивъ, но не позволялъ говорить о служебныхъ дѣлахъ. Гостепріимство его было оригинально до странности: у него обыкновенно обѣдало человѣкъ 25 или тридцать, но онъ никого не звалъ. Всякій изъ штабныхъ могъ приходить. Самъ онъ, какъ строгій гомеопатъ, обѣдалъ у себя отдѣльно и чрезвычайно діэтно, но каждый день заказывалъ повару меню «для компаніи» (какъ онъ называлъ) и выходилъ къ общему столу за вторымъ блюдомъ. Хозяйство его шло безпорядочно, но оригинально. Всѣ запасы и даже столовыя принадлежности закупались въ гомерическихъ количествахъ. Всѣмъ у стараго холостяка завѣдывалъ Ольшевскій. Однажды, когда А. А. вышелъ на крыльцо, чтобы сѣсть въ экипажъ, одинъ изъ насъ обратилъ его вниманіе на то, что его фуражка уже порядочно устарѣла; онъ снялъ ее, поворочалъ серьезно на всѣ стороны и сказалъ Ольшевскому: «Скажи, дражайшій, чтобы мнѣ сшили дюжину фуражекъ». Такъ было во всемъ: единицами онъ не считалъ. Во время экспедицій, съ нимъ была его походная кухня, которой запасы возились въ фургонахъ, и сверхъ того было 18 вьючныхъ верблюдовъ; но за то гостепріимство его не измѣнялось. Въ Ставрополѣ мнѣ случалось мѣсяца два сряду видѣть за его столомъ какого-то артиллерійскаго оберъ-офицера въ старенькомъ сюртучкѣ и въ шароварахъ верблюжьяго сукна. Однажды А. А. спросилъ меня: кто этотъ капитанъ? Я пошелъ узнать. Оказалось, что этаго офицера (поручика) никто не приглашалъ, а приходилъ онъ къ обѣду, потому что ему ѣсть нечего. Послѣ этаго я не видѣлъ этаго офицера, и увѣренъ, что Вельяминовъ велѣлъ ему помочь. Для этаго употреблялись обыкновенно деньги изъ экстраординарной суммы, которая отпускалась въ значительныхъ размѣрахъ для подарковъ горцамъ и для содержанія лазутчиковъ, но большею частью только выводилась по книгамъ въ расходъ на Мустафу или Измаила, а на дѣлѣ расходовалась совсѣмъ на другіе предметы. Въ томъ краѣ и въ то время, это было совершенно необходимо. Конечно, отъ начальника зависѣло, чтобы эта сумма была употреблена съ пользою и не попала въ его собственный карманъ. Вельями-

новъ былъ въ этомъ отношенiи внѣ всякаго подозрѣнiя; но, къ сожалѣнiю, этаго нельзя сказать объ его окружающихъ, пользовавшихся его довѣрiемъ. Надобно признаться, что при выборѣ этихъ приближенныхъ онъ мало обращалъ вниманiя на ихъ нравственную сторону. Отъ того при немъ являлись нерѣдко личности довольно темныя. Легко можетъ быть, что многiя изъ нихъ были ему навязаны ***-скимъ, который пользовался его лѣнью и дѣлалъ много такого, чтó легло упрекомъ на память Алексѣя Александровича.

Подчиненные и войска боялись Вельяминова и имѣли полное довѣрiе къ его способностямъ и опытности. У горцевъ мирныхъ и немирныхъ имя его было грозно. Въ аулахъ о немъ пѣлись пѣсни; онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Кызылъ-Дженералъ (т.-е. рыжiй генералъ) или Ильмeнинъ. Дѣятель временъ Ермолова, онъ не стѣснялся въ мѣрахъ, которыя долженъ былъ принимать въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Деспотическiя выходки его были часто возмутительны. Однажды, узнавъ, что конвой отъ Донскаго полка, при появленiи горцевъ, бросилъ проѣзжающаго и ускакалъ и что, по произведенному дознанiю, въ этомъ полку было множество злоупотребленiй, онъ послалъ туда штабъ-офицера и приказалъ арестовать полковаго командира и всѣхъ офицеровъ, а казаковъ всего полка по именному списку всѣхъ высѣчь ногайками. Донцы конечно подняли большой шумъ, и Вельяминову былъ сдѣланъ секретный высочайшiй выговоръ.

Чтобы кончить рѣчь о Вельяминовѣ, я долженъ выставить еще одну черту его характера. Онъ не боялся декабристовъ, которыхъ много къ нему въ войска присылали. Онъ обращался съ ними учтиво, ласково и не дѣлалъ никакого различiя между ними и офицерами. Многiе бывали у него въ солдатскихъ шинеляхъ, но въ Ставрополѣ и въ деревняхъ они носили гражданскую или Черкесскую одежду, и никто не находилъ этаго неправильнымъ. Впрочемъ, надобно сказать, что вообще Кавказскiя войска имѣли очень своеобразное и отчасти смутное понятiе о формѣ. Однажды бригадный командиръ упрекалъ во фронтѣ капитана князя Вахвахова, что онъ не въ формѣ и именно въ томъ, что у него шашка безъ темляка. Вахваховъ, Грузинъ и ротный командиръ, былъ въ мундирѣ, эполетахъ и шарфѣ, но панталоны его были съ широкимъ очкуромъ изъ краснаго канауса, и сверхъ панталонъ висѣла разноцвѣтная шелковая кисть. Вахваховъ обидѣлся и отвѣчалъ: «Развѣ я Армяшка, чтобы темлякъ нацѣплять на шашку?» На Кавказѣ Армяне часто были маркитантами при войскахъ и въ тоже время участвовали въ военныхъ дѣйствiяхъ. Если за военныя отличiя такой волонтеръ былъ производимъ въ прапорщики милицiи, то спѣшилъ прицѣпить серебряный темлякъ къ шашкѣ, безъ

которой туземцы никогда не ходятъ, и это обезпечивало его личность при продажѣ солдатамъ водки или чихирю. Въ вышеразсказанномъ случаѣ интересно то, что бригадный командиръ, тоже доморощенный, нашелъ возраженіе капитана естественнымъ. Впрочемъ это было въ Абхазіи, краѣ дикомъ, даже по сравненію съ Ставрополемъ.

Обращаясь къ предстоявшимъ намъ военнымъ дѣйствіямъ, я долженъ сдѣлать очеркъ театра войны и нашего въ немъ положенія.

Въ обширныхъ степяхъ, по низовьямъ Волги и Дона, издавна жили въ полудикомъ состояніи отдѣльныя группы Славянъ. Во времена могущества Хазаровъ, они входили въ составъ этой разноплеменной державы, а послѣ ея паденія удержались между Волгой и Дономъ и въ княжествѣ Тмутараканскомъ. Во время нашествія Татаръ (1224 г.) они были извѣстны подъ именемъ Бродниковъ и сражались противъ Русскихъ князей, вмѣстѣ съ Татарами, въ несчастной битвѣ при Калкѣ. Воевода ихъ звался Плоскиня; они были, очевидно, Славяне и православные. Татарскія опустошенія обезлюдили Югъ Россіи, и воинственныя ватаги Бродниковъ находили тамъ просторъ и всѣ удобства. Число ихъ увеличивалось новыми выходцами, а по мѣрѣ упадка могущества Татаръ, они стали образовать отдѣльныя общины, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ничто не мѣшало имъ заниматься единственнымъ промысломъ: войной и разбоемъ. Татары назвали ихъ *казаками*, и это имя сохранилось навсегда. Слово казакъ очевидно принадлежитъ Тюркскому языку и имѣетъ близкое отношеніе къ словамъ Кайсакъ и Косогъ. И до сихъ поръ Кавказскія племена, а особливо Татарскія, называютъ казаками людей бездомныхъ и ведущихъ бродячую жизнь. Въ половинѣ XV-го столѣтія мы уже видимъ двѣ группы этихъ казаковъ подъ именемъ Донскихъ и Запорожскихъ, образовавшихъ военныя республики на низовьяхъ Дона и Днѣпра. Въ половинѣ XVI вѣка у насъ былъ уже Терскій городокъ на рѣкѣ Терекѣ (кажется, противъ устья Сунжи) съ достаточной ратной силой, подъ управленіемъ воеводы. Съ сосѣдями Кабардинцами, образовавшими тогда сильную аристократическую республику, мы жили въ мирѣ и дружбѣ. Одна изъ женъ Ивана Грознаго была дочь Кабардинскаго князя. Кабардинцы нѣсколько разъ предлагали Русскимъ царямъ взять ихъ подъ свою высокую руку; но это не могло имѣть серьезнаго значенія и, по всей вѣроятности, дѣлалось только для того, чтобы выманить подарки. Сѣверо-западная сторона предгорія населена была въ это время Ногайскою ордою, признававшею власть Крымскаго хана. Въ самыхъ горахъ, по лѣвую сторону Кубани и по восточному берегу Чернаго моря, жило другое племя, родственное Кабардинцамъ, но уже давно отъ нихъ отдѣлившееся. Это племя мы называли Черкесами, а самъ себя этотъ народъ

называлъ Адехе. Они не были аборигенами и не далѣе, какъ съ XV вѣка стали постепенно занимать этотъ край съ Сѣверо-запада, оттѣснивъ къ Югу прежнихъ жителей Абхазскаго племени. Въ началѣ XVIII столѣтія, на низовьяхъ Кубани и до Суджукской бухты, поселились казаки, ушедшіе съ Дона подъ предводительствомъ Некрасова, во время Булавинскаго бунта на Дону. Некрасовцы оставались тамъ до 1785 и перешли въ Европейскую Турцію за восемь лѣтъ до того, какъ на Кубань переведены были княземъ Потемкинымъ другіе казаки, образовавшіе такъ названное вѣрное Черноморское войско. Эти остатки славнаго Запорожскаго коша заняли край по правому берегу Кубани отъ моря до устьевъ Лабы. Край этотъ они нашли почти безлюднымъ: Ногайцы разбрелись или переселились въ Турцію. Итальянскіе путешественники, бывшіе въ этомъ краѣ въ XVII стол., говорятъ о Черкесахъ, какъ о народѣ храбромъ и хищномъ; они называютъ ихъ настоящимъ именемъ Адехе. Джіорджіо Интеріано говоритъ, что сосѣди ихъ, Ногайцы, много терпѣли отъ ихъ набѣговъ и что одинъ Черкесъ могъ драться съ десятью Ногайцами. Не смотря на то, новые пришельцы, Запорожцы, въ первое время жили мирно и дружелюбно съ своими сосѣдями. Съ сѣверной стороны они примыкали къ землямъ Донскихъ казаковъ, но съ ними не сближались, называя ихъ Москалями. Скоро и съ восточной стороны къ нимъ примкнули другіе казаки: Кубанскіе, образовавшіеся изъ Донскихъ полковъ, поселенныхъ тамъ насильственно въ концѣ XVIII ст. и въ началѣ нынѣшняго. Кубанскіе казаки заняли обширныя степи по правому берегу Кубани отъ устья Лабы вверхъ до самыхъ Карачаевскихъ горъ и далѣе на Востокъ до Терека. По берегу этой рѣки, отъ устья Малки до Каспійскаго моря, жило болѣе древнее казачество. Еще во времена Терскаго воеводства тамъ стали селиться казаки съ Дону и съ Волги. Они образовали нѣсколько группъ, принявшихъ названія войскъ Гребенскаго, Терскаго, Семейнаго-Кизлярскаго, Моздокскаго и Горскаго. Изъ нихъ Гребенское войско было самое древнее и славное своими воинскими подвигами. Есть причины думать, что Гребенцы жили прежде и на правомъ берегу Терека, въ ладу съ своими сосѣдями Чеченцами, у которыхъ брали дѣвокъ въ жены и своихъ отдавали за Чеченцевъ. Почти всѣ эти казаки были фанатическіе раскольники, и ихъ населеніе значительно увеличилось вслѣдствіе смутъ на Дону и преслѣдованій раскола при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ. Въ 20 годахъ этого столѣтія всѣ эти войска соединены въ одно Линейное Казачье войско, раздѣленное на полки съ названіями, которыя носили до того отдѣльныя войска.

Такъ началось занятіе Кавказа Русскимъ народомъ; оно продолжается доселѣ и еще нескоро кончится.

Интеріано, сообщившій очень много вѣрныхъ свѣдѣній о Черкесахъ или Адехе его времени, говоритъ, что въ половинѣ XVII вѣка они были христіанами, хотя вообще не оказывали много усердія къ вѣрѣ. Ежегодно къ нимъ ѣздили изъ Терскаго городка попы (которыхъ онъ называетъ папири) для совершенія крещеній и браковъ и для благословенія могилъ. Во многихъ мѣстахъ ихъ земли до сихъ поръ можно видѣть хорошо сохранившіяся развалины христіанскихъ церквей, Византійскаго стиля.

Магометанство стало именно въ половинѣ XVII вѣка проникать къ Кавказскимъ горцамъ съ двухъ сторонъ, изъ Турціи и изъ Персіи. Персіяне, впрочемъ, оказались плохими пропагандистами; не смотря на ихъ долгое владѣніе Грузіей и Закавказскими провинціями, исламизмъ Шіитскаго толка укоренился только въ немногихъ юго-восточныхъ частяхъ Кавказскаго перешейка: все остальное населеніе приняло Сунитскій толкъ. Изъ двухъ частей Кавказа восточная всегда выказывала болѣе ревности къ вѣрѣ; въ западной сохранилась смѣсь легендъ и обрядовъ языческихъ, христіанскихъ и мусульманскихъ, при общемъ равнодушіи къ вѣрѣ. Крымскіе ханы, а съ ними и султаны Турецкіе называли себя повелителями горскихъ народовъ, но это былъ почти пустой титулъ: дѣйствительной власти ни тѣ, ни другіе не имѣли.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Турки заняли нѣсколько пунктовъ на восточномъ берегу моря: Анапу, Суджукъ, Сухумъ и Поти. Всѣ они были укрѣплены высокими каменными стѣнами. Анапа и Сухумъ служили мѣстопребываніемъ пашей и имѣли сильный гарнизонъ. Внутри края Турки нигдѣ не удержались, хотя тратили много денегъ и посылали нерѣдко войска для поддержки и возбужденія противъ насъ горцевъ. Они успѣли только вооружить ихъ противъ насъ, сами-же не извлекли изъ того никакой выгоды и по Адріанопольскому миру, въ 1830 году, уступили Россіи земли Кавказскихъ народовъ, которыми никогда не владѣли и которыхъ жители этого и не подозрѣвали, а продолжали свои хищничества и набѣги въ наши предѣлы.

Имъ за это мстили вторженіями въ ихъ край и разореніемъ всего, что́ попадалось нашимъ отрядамъ. Такого рода временныя дѣйствія назывались *репресаліями*, особенно въ землѣ Черноморскаго войска, которое было подчинено Новороссійскому генералъ-губернатору и только впослѣдствіи поступило въ вѣдѣніе Кавказскаго начальства. Въ восточной части Кавказа было менѣе серьезныхъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ въ западной. Чечня считалась полупокорною, хотя разбои и хищничества на линіи были нерѣдки. Осетины были совершенно по-

корны, и только Лезгинскія племена и Дагестанъ, мало намъ извѣстный, были въ явно-враждебномъ къ намъ положеніи. Въ началѣ 20-хъ годовъ тамъ возникъ «тарикатъ», фанатическое ученіе въ мусульманствѣ, породившее Кази-муллу, Гамзатъ-бека и Шамиля и стоившее намъ немало крови, впродолженіе тридцатилѣтней борьбы.

Со времени поступленія Грузіи въ подданство Россіи (въ 1801), Кавказъ получилъ для насъ болѣе важное значеніе. Первое время войска наши въ Грузіи должны были бороться съ внутренними и внѣшними врагами. Корпусъ, занимавшій Кавказъ и Кавказскій край, постепенно усиливали. Особенно важно было для насъ единственное сообщеніе чрезъ хребетъ, шедшее по Тереку, чрезъ Гутъ-гору, по Арагвѣ и Курѣ на Тифлисъ. Это сообщеніе названо Военно-Грузинской дорогой. Часть ея, отъ Моздока до выхода Терека изъ горъ, пролегала по Кабардѣ, которая только считалась вполнѣ покорною, но въ сущности была намъ враждебна. Народъ Кабардинскій, послѣ нѣсколькихъ возмущеній и усмиреній, потерялъ прежнее свое значеніе. Сильная и гордая аристократія нелегко мирилась съ своимъ униженіемъ и всегда готова была тайно и явно взяться за оружіе противъ насъ. Сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ производилось подъ прикрытіемъ сильныхъ отрядовъ съ артиллеріей; случаи разбоевъ и грабежей были очень часты. Генералъ Ермоловъ построилъ при выходѣ Терека изъ горъ крѣпость, которой далъ громкое имя *Владикавказъ*. Конечно, Кавказомъ она владѣть не могла, но была первымъ шагомъ къ упроченію этаго пути, рядомъ постовъ и укрѣпленій. Образовалась вдоль дороги полоса земли, съ которой всѣ бывшіе тамъ аулы Кабардинцевъ перешли далѣе въ предгорія. Полоса эта составляла совершенную равнину, орошаемую притоками Терека, почти безлѣсную, но богатую черноземною почвою. На этой полосѣ въ 1832 году были поселены два Малороссійскихъ казачьихъ полка и образовали Владикавказскій казачій полкъ, вошедшій въ составъ Кавказскаго линейнаго войска. Военно-Грузинская дорога имѣла большія неудобства; но какъ это было единственное сообщеніе съ Тифлисомъ, то правительство употребило много денегъ и трудовъ для ея улучшенія. Очень хорошее шоссе проложено отъ ст. Екатериноградской (при впаденіи Малки въ Терекъ) чрезъ Владикавказъ. Сообщенія сдѣлались частыми и менѣе опасными отъ большихъ шаекъ; случаи же мелкихъ разбоевъ, грабежей и убійствъ въ это время (въ 1837 г.) были часты. Но главная польза отъ этой занятой Русскими и обезпеченной укрѣпленіями и станицами полосы оказалась въ томъ, чего, кажется, не ожидали: эта полоса разъединила сѣверную сторону Кавказа на два отдѣльныхъ театра войны, имѣющіе разныя народности, ничѣмъ меж-

ду собою не связанныя и представляющія совершенно разнородныя данныя въ смыслѣ военно-топографическомъ и политическомъ. Впослѣдствіи времени, это раздѣленіе было для насъ чрезвычайно полезно.

Въ 1830 году, по окончаніи войны съ Турціею, большой отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ графа Паскевича, перешелъ Кубань и сдѣлалъ нѣсколько движеній въ землѣ Шапсуховъ, при чемъ были стычки съ горцами и уничтожено много ауловъ. Серьозной цѣли этаго движенія не было; прямымъ послѣдствіемъ его была постройка укрѣпленій Мостоваго-Алексѣевскаго на Кубани, Афитскаго и Ивано-Пшебскаго. Первое изъ нихъ, какъ мостовое, могло быть полезно для послѣдующихъ движеній въ землю Шапсуговъ, но этихъ движеній не было. Ивано-Пшебское скоро было упразднено по безполезности и вредному климату. Афитское укрѣпленіе, вполнѣ безполезное, долгое время занималось однимъ батальономъ Черноморскихъ казаковъ, которые, безъ сообщенія съ Черноморіей, посреди скуки и тревогъ отъ окружающихъ ихъ горцевъ, при весьма скудномъ продовольствіи, болѣли цынгою и умирали во множествѣ. Мѣсто это было ссылочнымъ, и отправленіе безъ очереди на службу въ Афитское укрѣпленіе постановлялось въ приговорахъ военнаго суда. Но еще бо̀льшій вредъ экспедиція графа Паскевича сдѣлала тѣмъ, что показала наши завоевательные замыслы и общей опасностью сблизила разныя племена Адехе, до того времени не имѣвшія общаго интереса и нерѣдко между собою враждовавшія. Съ другой стороны, эта экспедиція дала графу Паскевичу право на авторитетъ для направленія послѣдующихъ дѣйствій, чѣмъ онъ долгое время пользовался, съ увѣренностью въ своей непогрѣшимости, какъ это и всегда бываетъ, когда обстоятельства и прихоть самодержца изъ обыкновеннаго человѣка сдѣлаютъ героя и геніальнаго полководца. Въ этомъ званіи Паскевичъ состоялъ во все царствованіе императора Николая. Всѣ предположенія мѣстныхъ начальниковъ посылались на его заключеніе, и онъ, изъ Варшавы, давалъ рѣшительный отвѣтъ, вдохновляемый своимъ геніемъ и Новицкимъ, который состоялъ при немъ. Это былъ уже довольно ограниченный человѣкъ, но усердный и безгранично преданный. Вдохновенія свои онъ получалъ отъ записки, представленной имъ послѣ поѣздки чрезъ Черкесскій край, подъ видомъ глухонѣмаго нукера, записки, которой дѣйствительные авторы были Таушъ и Люлье.

Въ 1832 г. Паскевичъ составилъ въ Варшавѣ цѣлый планъ покоренія горцевъ въ западной части Кавказа. Онъ предполагалъ проложить путь съ Кубани прямо на Геленджикъ, построить на этой дорогѣ нѣсколько укрѣпленій и сдѣлать ихъ основаніями для дѣйствій отдѣльныхъ отрядовъ; когда все это будетъ готово, то направить око-

ло десяти малыхъ отрядовъ изъ разныхъ пунктовъ этой линіи, названной Геленджикскою кордонною, одновременно на Западъ съ тѣмъ, чтобы гнать передъ собою горцевъ къ Анапѣ и морю, и тамъ имъ угрожать истребленіемъ, если не покорятся. Послѣ этого прорѣзать Кавказъ другою линіею, паралельною первой, но болѣе къ Востоку, и такъ далѣе до верхней Кубани, очищая или покоряя пространство между линіями. Едва ли можно выдумать что-нибудь болѣе нелѣпаго и показывающаго совершенное незнаніе края и непріятеля, не говоря уже о томъ, что едва ли кто въ наше время отважится, вообще, предлагать кордонную систему войны въ такомъ педантическомъ, безусловномъ видѣ. Однакоже, проектъ Паскевича былъ принятъ за чистое золото въ Петербургѣ, гдѣ незнаніе Кавказа доходило до смѣшнаго. Вельяминовъ своеручно исписывалъ десятки листовъ противъ этихъ предположеній, принятыхъ въ Тифлисѣ безусловно, изъ угодничества къ Паскевичу, а отчасти и въ досаду Вельяминову. Всѣ усилія послѣдняго, до самой его смерти, избавили его только отъ облавы горцевъ; но онъ вынужденъ былъ строить Геленджикскую кордонную линію и занимать по восточному берегу Чернаго моря разные пункты, посредствомъ которыхъ Паскевичъ предполагалъ пресѣчь горцамъ сообщеніе съ Турціей, откуда направились къ намъ контрабандныя суда, доставлялось оружіе и могла быть занесена чума. Черновыя бумаги, собственноручно писанныя Вельяминовымъ, поучительны и показываютъ его честное отношеніе къ дѣлу. Видно, что онъ безъ особенной ловкости лавировалъ, чтобы выставить неярко нелѣпости проекта, иногда пускался даже на неловкія любезности «вождю, со славою окончившему три войны», но отъ облавы рѣшительно отказался. Выставивъ невозможность найти десять отрядныхъ начальниковъ, которые бы съ одинаковой математической точностью могли выполнить этотъ планъ, Вельяминовъ просилъ назначить для общаго распоряженія другаго, болѣе его способнаго, начальника, а себя предлагалъ въ начальники одного изъ десяти малыхъ отрядовъ.

Въ 1833 г. было построено на Кубани мостовое Ольгинское укрѣпленіе, которое должно быть началомъ, а Геленджикъ другою оконечностью Геленджикской кордонной линіи. Въ 1834 г. Вельяминовъ двинулся съ большимъ отрядомъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія, прошелъ болотистую полосу и сталъ лагеремъ на границѣ земель Шапсуговъ и Натухайцевъ, на р. Абинѣ, гдѣ и построилъ укрѣпленіе на одинъ баталіонъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, по вооруженіи и снабженіи новаго укрѣпленія, Вельяминовъ предпринималъ движенія во всѣ стороны, разоряя аулы. Такой порядокъ былъ и въ три слѣдующіе года. Эти періоды экспедиціи солдаты называли: первый переводъ людей и

второй переводъ. Дѣйствительно, трудовъ было много, и войска болѣе изнурялись работами, чѣмъ военными дѣйствіями. Непріятель въ этотъ годъ мало собирался и ничего серьёзнаго не предпринималъ. Въ 1835 г. было докончено Абинское и выстроено Николаевское укрѣпленіе, при впаденіи р. Атакуафъ въ Абинъ. Во второмъ періодѣ сдѣлана рекогносцировка къ Геленджику по Шедогобскому ущелью, оказавшемуся для перехода черезъ хребетъ совершенно неудобнымъ; поэтому рѣшено было вести дорогу и линію по Атакуафу черезъ перевалъ Нако и спуститься къ морю у ю. в. края Суджукской бухты; оттуда до Геленджика 16 верстъ очень удобной дороги. Во второмъ періодѣ экспедиціи движеніе отряда было значительнѣе, и непріятель въ большихъ силахъ дрался смѣло, видимо пріобрѣтая опытность въ дѣлѣ и смѣтливость, свойственную всѣмъ горцамъ. Потеря наша въ военныхъ дѣйствіяхъ была болѣе значительна, но все-таки едва ли превышала 250 или 300 человѣкъ во все время. Тогда еще потери наши не считались тысячами. Въ этой экспедиціи участвовалъ и былъ тяжело раненъ корнетъ князь Барятинскій, которому судьба назначила быть въ послѣдствіи главнымъ виновникомъ покоренія Кавказа.

Въ 1836 г. Вельяминовъ прошелъ съ отрядомъ чрезъ Нако къ Суджукской бухтѣ и построилъ тамъ, при устьѣ р. Добъ, укрѣпленіе названное Кабардинскимъ. Движенія для разоренія ауловъ и для изученія края производились между новой линіей, Анапой и Кубанью, но продолжались менѣе обыкновеннаго, потому что пронесся слухъ о появленіи въ горахъ чумы, занесенной изъ Турціи. Поэтому, въ концѣ Сентября, отрядъ выдерживалъ 14-дневной карантинъ на бивуакѣ, при Ольгинскомъ укрѣпленіи. Въ войскахъ тогда говорили, что чума выдумана была переводчиками Таушемъ и Люлье, которые между горцами имѣли много друзей. Подкупить ихъ горцы не могли потому что нечѣмъ, но они могли сами быть обманутыми. Впослѣдствіи оказалось, что гдѣ-то между горцами была какая-то заразительная болѣзнь; но нѣтъ причины думать, чтобы это именно была чума, тѣмъ болѣе, что болѣзнь ограничилась небольшимъ пространствомъ.

Вотъ я опять пришелъ къ началу экспедиціи 1837 г. Предположенія на этотъ годъ были обширнѣе предыдущихъ, и отрядъ долженъ былъ дѣйствовать преимущественно на южной сторонѣ хребта къ Юго-востоку отъ Геленджика, въ краѣ, куда еще не проникали Русскія войска. Цѣль этихъ дѣйствій—занятіе устьевъ двухъ рѣкъ: Пшады и Вулана (Чюэпсинъ) и постройки тамъ укрѣпленій. Здѣсь я долженъ прежде сказать нѣсколько словъ о театрѣ военныхъ дѣйствій и о непріятелѣ, съ которымъ мы должны были имѣть дѣло.

Рѣка Кубань, вытекая изъ подъ вѣчныхъ снѣговъ Эльбруса, направляется между черными горами на Сѣверъ. До Каменнаго Моста или до впаденія въ нее рѣки Теберды, она течетъ въ глубокомъ, покрытомъ лѣсомъ ущельѣ, чрезъ которое есть небольшое число переходовъ. Отъ Теберды, въ направленіи сѣверномъ, долина Кубани расширяется и постепенно теряетъ характеръ горной рѣки; близъ станицы темишбекской она поворачиваетъ круто на Западъ и въ этомъ направленіи протекаетъ между отлогими, безлѣсными берегами, а отъ устья Лабы до самаго впаденія ближайшая къ Кубани полоса земли поросла камышемъ и при всякомъ разливѣ, въ концѣ Іюня, заливается водою. Верстахъ въ 25 за Екатеринодаромъ эта поросшая камышемъ полоса простирается въ ширину верстъ на 120 и составляетъ восточный берегъ Азовскаго моря, въ которое Кубань вливается однимъ рукавомъ (Протока), главное же русло рѣки идетъ въ западномъ направленіи и впадаетъ въ Черное море нѣсколькими рукавами.

Кубань долго составляла границу между нами и горцами. Лѣтомъ она представляла довольно серьёзное препятствіе для перехода большихъ отрядовъ и партій; но малыя хищническія партіи легко чрезъ нее прокрадывались въ наши предѣлы. Для ближайшаго наблюденія и для обороны границы по Кубани устроены были казачьи станицы, укрѣпленія и посты. По верхней Кубани до устья Лабы Кубанская кордонная линія была подъ начальствомъ барона Засса; а оттуда до Чернаго моря простиралась Черноморская кордонная линія, которой начальникъ жилъ въ Екатеринодарѣ. Въ 1828 г. отрядъ князя Меншикова взялъ Анапу при содѣйствіи Черноморскаго флота. Эта обширная крѣпость, построенная въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Французскими инженерами, не дѣлала особенной чести ихъ искусству и знанію. Открытая съ моря, она была окружена высокою, каменною стѣною со многими бастіонами, которыхъ фланги били другъ въ друга. Турецкій гарнизонъ имѣлъ до 15 т. и до 120 орудій. Тамъ помѣстили два баталіона линейныхъ, только что для этаго сформированныхъ, и сверхъ того, въ крѣпости водворили одну изъ станицъ гражданскаго поселенія, которое, кажется, по проекту Новороссійскаго генералъ-губернатора, предположено устроить на богатыхъ и открытыхъ окрестностяхъ Анапы.

При такомъ положеніи нашей границы тревоги были часты. Казаки, особенно линейные, соревновали съ горцами въ удальствѣ, неутомимости и быстрыхъ движеніяхъ, но нерѣдко не имѣли успѣха. Въ такомъ случаѣ мѣстная тактика требовала угаданія обратнаго перехода вторгнувшейся партіи чрезъ Кубань. Это большею частью удавалось. Я разсказалъ выше удачное дѣло г. Засса противъ Абадзе

ховъ, прорвавшихся до Кисловодска; еще гораздо ранѣе (кажется, около 1824 г.) генералъ Власовъ разбилъ сильную партію горцевъ подъ Калаусомъ при возвращеніи послѣ нападенія на ст. Полтавскую. Говорятъ, что горцы потеряли тутъ до 2500, большею частью утонувшихъ въ болотахъ, въ которыхъ и до сихъ поръ находятъ горское оружіе и панцыри. Очень немногимъ изъ этой партіи удалось спастись. Во всѣхъ Закубанскихъ аулахъ пѣли пѣсни объ этомъ бѣдственномъ походѣ.

Набѣги генерала Засса удалили немирныхъ горцевъ верстъ на сто отъ верхней Кубани, такъ что до самой Лабы были только въ небольшомъ числѣ аулы такъ называемыхъ мирныхъ. Но противъ Черноморской кордонной линіи Закубанская сторона вполнѣ принадлежала горцамъ, которыхъ аулы начинались верстахъ въ десяти по лѣсамъ, пересѣкаемымъ болотистыми притоками Кубани. Тревоги на линіи были особенно часты зимою, когда рѣка замерзала. Большую часть ночей казаки и регулярныя войска проводили подъ ружьемъ.

Такое положеніе дѣлъ показывало до очевидности, что нужны были совсѣмъ другія мѣры для прочнаго обезпеченія края, а никакъ не устройство линій, пересѣкающихъ Кавказскій хребетъ и приморской линіи укрѣпленій, отрѣзывающей горцевъ отъ Чернаго моря. Еслибы исполненіе этого проекта и было возможно, то во всякомъ случаѣ оно должно потребовать огромныхъ жертвъ людьми, деньгами и временемъ. Послѣ оказалось, что эти жертвы были принесены безъ всякой пользы.

Въ 1837 г. въ Черноморіи квартировали три полка 19 пѣх. дивизіи, съ своею артилеріею и 2 саперныя роты. Полки были четырехбатальонные. Дивизіей временно командовалъ генералъ-маіоръ Лингенъ, человѣкъ очень добрый, совершенно безотвѣтный. Но это была война не генеральская. Самую важную роль играли полковые, баталіонные и ротные командиры. Первые были изъ старыхъ Кавказскихъ служакъ. Тенгинскимъ полкомъ командовалъ полковникъ В. А. Кашутинъ, Кабардинскимъ генералъ-маіоръ Пирятинскій, оба люди боевые, опытные. Кашутина всѣ любили за доброту, беззавѣтную храбрость и радушное гостепріимство, выражавшееся часто большимъ количествомъ бутылокъ портеру. Навагинскимъ полкомъ командовалъ полк. Полтининъ, человѣкъ не безъ военныхъ заслугъ, но довольно сумасбродный и кутила. Онъ говорилъ о себѣ: Полтининъ пять разъ раненъ, три раза контуженъ и ни разу не сконфуженъ. Четвертый полкъ 19 дивизіи, Куринскій, былъ расположенъ на лѣвомъ флангѣ, и командиръ его полк. Пулло, Русскій Грекъ, жилъ въ кр. Грозной и былъ начальникомъ Сунженской кордонной линіи. Офицера, пріѣхав-

шаго изъ Русскихъ войскъ, поражали самостоятельность и самоуваженіе ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, разумная смѣтливость и незадерганность солдатъ въ Кавказскихъ войскахъ. Дисциплина была строга и конечно отзывалась общею дикостью того времени. Кабардинскій полкъ справедливо считался лучшимъ въ дивизіи; послѣ него добрую славу имѣлъ Тенгинскій; какая-то старая закваска держалась въ этихъ полкахъ, не смотря на довольно быстрыя перемѣны и общества офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Унтеръ-офицеры были вообще очень хороши и люди заслуженные. Въ это званіе производили не за наружность и ловкость во фронтѣ. Вообще въ войскахъ видны были остатки преданій Суворовскаго времени, еще несглаженные тонкостями фронтовой службы. Между офицерами было немало кутилъ, но старшіе берегли молодежь и честь полка. Мнѣ не трудно было бы назвать нѣсколько штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ, которые пользовались заслуженною славою боевыхъ офицеровъ и отличныхъ начальниковъ.

Въ составъ дѣйствующаго отряда въ 1837 г. назначены были Тенгинскій и Навагинскій полки въ полномъ составѣ и два баталіона Кабардинскаго, двѣ роты саперъ, четыре пѣшихъ полка Черноморскаго казачьяго, нѣсколько конныхъ сотенъ линейнаго войска и три батареи, 19-й артил. бригады. О Кавказской артиллеріи можно сказать, что она была въ общемъ уваженіи и всегда держалась вполнѣ своеобразно и съ большимъ достоинствомъ. Впрочемъ, это же самое относится и вообще къ Русской артиллеріи. Батареи были осми-орудійнаго состава, и въ каждую придано, сверхъ того, по два горныхъ единорога и по двѣ Кегорновы мортирки. Командиръ 19-й бригады, полковникъ Бриммеръ, квартировалъ въ Ставрополѣ. Вельяминовъ былъ о немъ хорошаго мнѣнія; послѣдствія показали, что онъ не ошибся.

Пѣхота вооружена была старыми, кремневыми ружьями, до того плохими, что нельзя было съ увѣренностью попасть на сто шаговъ. Линейные казаки имѣли винтовки Черкескаго образца, а Черноморскіе казаки—разнообразныя, очень плохія ружья. Пѣхота стрѣляла довольно плохо, артиллерія дѣйствовала хорошо, но въ теоретической части своего дѣла Кавказскіе артиллеристы были недалеки.

Черноморскіе казаки были у всѣхъ начальниковъ въ загонѣ и держались въ черномъ тѣлѣ. Это ошибочное мнѣніе раздѣлялъ и Вельяминовъ. Четыре пѣшихъ полка этаго войска взяты были въ составъ отряда, преимущественно, какъ рабочая сила при постройкѣ укрѣпленій. На нихъ лежала вся черная работа при движеніяхъ и расположеніи отряда. Надобно правду сказать, начальство Черноморскихъ казаковъ не только не протестовало противъ такой несправедливости,

но находило въ томъ свою выгоду. Я тогда почти не зналъ Малороссійскаго элемента и потому гораздо позже оцѣнилъ Черноморцевъ по ихъ достоинству.

Линейные казаки пользовались вполнѣ заслуженною славою удальства и храбрости. На коняхъ горскихъ породъ, въ красивомъ горскомъ костюмѣ, линейные казаки многое заняли отъ горцевъ: джигитовку, удальство и блестящую храбрость съ театральнымъ оттѣнкомъ. Даже въ манерахъ и въ домашней жизни они многое переняли отъ своихъ исконныхъ враговъ. Нужно признаться, что народная нравственность была у нихъ очень нестрога; но вообще, какъ ихъ хорошія, такъ и дурныя качества, приводили въ восторгъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ на Кавказъ изъ всѣхъ войскъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Для нихъ линейные казаки были постоянно окружены какимъ-то военно-поэтическимъ ореоломъ, и свои восторги они черезъ годъ развозили по всей Россіи вмѣстѣ съ Черкесскимъ костюмомъ и оружіемъ.

7 Мая прибылъ генералъ Вельяминовъ, а 9-го отрядъ выступилъ по хорошо знакомой дорогѣ на укрѣпленіе Абинское. Прошедъ Аушецкія и тляхофиджскія болота, отрядъ двигался по открытой равнинѣ, оставя вправо глубокія колеи, сдѣланныя обозами въ предшествующіе года. Вельяминовъ ѣхалъ на своей «бачѣ», Имеретинской лошадкѣ съ отрѣзанной гривою, и окруженный довольно многочисленнымъ штабомъ. Къ нему подскакалъ полковникъ Бриммеръ. «Ваше превосходительство, отрядъ давно своротилъ съ Абинской дороги. Куда же мы такъ придемъ?»—«Не знаю, дражайшій, горнистъ трубилъ на лѣво. Спроси его». Бриммеръ понялъ свою неловкость, извинился и поспѣшилъ къ своему мѣсту. Дѣйствительно, это былъ сюрпризъ. Отрядъ вошелъ въ мѣстность пересѣченную перелѣсками и топкими ручьями въ неглубокихъ долинахъ. Вдали видно было нѣсколько ауловъ. Началась перестрѣлка. Горцы знали о нашемъ движеніи и были въ большомъ сборѣ. Въ одномъ мѣстѣ перестрѣлка очень усилилась и продолжалась нѣсколько минутъ, перемежаясь дикимъ, визгливымъ крикомъ горцевъ и громкимъ ура! Вельяминовъ, ѣхавшій очень равнодушно, подозвалъ меня и сказалъ: «поѣзжай, дражайшій, скажи этимъ болванамъ, чтобы долго не забавлялись перестрѣлкой, а если непріятель упорно держится, то прогнать его штыками». Не успѣлъ я показаться съ этимъ приказаніемъ, какъ Тенгинцы дружно крикнули: ура! Горцы только успѣли выхватить шашки какъ были опрокинуты и исчезли въ кустахъ. Къ вечеру перестрѣлка начала умолкать, аулы горѣли, и отрядъ расположился на позиціи вокругъ большаго кургана Ошхатахъ, давшаго имя всей этой мѣстности. Трофеями этаго дня

были нѣсколько труповъ горцевъ, у которыхъ отрубили головы, завернули и зашили въ холстъ. За каждую голову Вельяминовъ платилъ по червонцу и черепа отправлялъ въ Академію Наукъ. Поэтому за каждаго убитаго горца была упорная драка, которая иногда многимъ стоила жизни, съ той и съ другой стороны. Для горцевъ была другая причина упорства. Отправляясь на какое-нибудь военное предпріятіе, горцы заключали съ своими ближними друзьями военные союзы, при чемъ давали присягу не выдавать своего товарища живаго или мертваго; если нельзя унести изъ сраженія тѣла, его товарищъ долженъ, по крайней мѣрѣ, отрубить ему голову и принести ее семейству убитаго; въ противномъ случаѣ онъ обязанъ во всю жизнь на свой счетъ содержать вдову и дѣтей своего убитаго товарища. Сверхъ того, такое дѣйствіе считалось позорнымъ. Драка за трупы и отрѣзываніе головъ вошли въ нравы и обычаи Кавказскихъ войскъ. На первый разъ, не смотря на воодушевленіе новизною картинъ и впечатлѣній, видъ завернутыхъ въ холстъ головъ, привязанныхъ къ концу казачьихъ пикъ, вызвалъ у меня чувство гадливости и омерзенія.

Я исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера отряда. Полковникъ Ольшевскій былъ начальникомъ штаба, не нося только этого титула.

Вечеромъ я долженъ былъ поставить и осмотрѣть всю цѣпь аванпостовъ и ихъ резервовъ. Послѣ этаго резервы зажигали передъ собой большіе костры, которыхъ линія показывала мѣстà ихъ расположенія. Вельяминовъ не уходилъ въ свою палатку прежде, чѣмъ я доложу ему о постановленіи аванпостовъ и о томъ, какъ они заняты. Если гдѣ потухалъ костеръ или не былъ разложенъ, Вельяминовъ сердился и посылалъ начальнику резерва замѣчаніе въ выраженіяхъ, которыхъ рѣзкость никого не удивляла.

Лагерь становился обыкновенно длиннымъ четыреугольникомъ, котораго фасы составляли авангардъ, арріергардъ и два боковыхъ прикрытія. Такою же живою крѣпостью отрядъ и двигался: авангардъ и аррієргардъ по ущелью или долинѣ, а боковыя прикрытія по горамъ, въ такомъ разстояніи, чтобы пули горцевъ не могли бить въ колоннѣ, гдѣ были остальныя войска и обозъ. Дороги были вообще болѣе или менѣе дурны, мѣстность въ горахъ покрыта лѣсомъ. Чтобы держать боковыя прикрытія на своихъ мѣстахъ и чтобы цѣпи стрѣлковъ не разрывались въ закрытой и пересѣченной мѣстности, ихъ часто окликали сигнальными рожками. Этимъ способомъ и при условленныхъ заранѣе сигналахъ, передавались всѣ приказанія при движеніяхъ.

При такомъ порядкѣ, движеніе отряда никогда не могло быть быстро, и непріятель имѣлъ полную возможность сосредоточивать свои силы на мѣстахъ наиболѣе удобныхъ для обороны. Зная цѣль нашихъ движеній, горцы могли собираться противъ насъ въ значительныхъ силахъ и, при совершенномъ знаніи мѣстности, имѣли полную возможность располагать своими дѣйствіями, такъ что безъ всякой ошибки можно сказать, что вездѣ, гдѣ завязывалась упорная драка, мы были нумерически слабѣе непріятеля и находились въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Все это съ избыткомъ вознаграждалось дисциплиной, боевой опытностью и невѣроятной выносливостью почтенныхъ Кавказскихъ войскъ. Я уже сказалъ, что пѣхота наша была очень дурно вооружена и стрѣляла плохо; въ этомъ отношеніи непріятель надъ нами имѣлъ большое превосходство. Нельзя сказать, чтобы горцы были отличные стрѣлки; но ихъ длинныя винтовки, заряженныя пулями съ сальною тряпкой, били гораздо вѣрнѣе нашихъ ружей и, при оборонительныхъ дѣйствіяхъ, они могли укрываться и выжидать приближенія нашихъ. Пользовались они мѣстностью очень хорошо, и съ инстинктомъ горца соединяли замѣчательную храбрость и легкость въ ходьбѣ по горамъ.

Самая трудная роль доставалась обыкновенно арріергарду, а самая легкая авангарду, гдѣ рѣдко бывала серьезная перестрѣлка. Въ боковыхъ прикрытіяхъ все зависѣло отъ свойствъ мѣстности, но какъ рѣдко можно было идти по гребню, образующему водораздѣлъ, то войска боковыхъ прикрытій сильно утомлялись безпрестанными спусками и подъемами, причемъ нерѣдко нужно было выбивать непріятеля изъ засадъ, которыя онъ дѣлалъ, зная напередъ, что прикрытія не минуютъ этаго мѣста. Случалось, что отрядъ растягивался верстъ на пять, и тогда конечно боковыя прикрытія усиливались войсками изъ колонны. Вельяминовъ зорко смотрѣлъ за всѣмъ и ничего не оставлялъ безъ вниманія. Каждый солдатъ и частью начальникъ былъ увѣренъ, что старый Вельяминовъ его видитъ. Войска вообще имѣли большое довѣріе къ своему начальнику. Для меня служба при немъ была лучшею военною школою.

Я нѣсколько распространился въ описаніи этого дня, потому что таковъ былъ всегдашній порядокъ движенія отряда. Можно упрекнуть Вельяминова только развѣ въ нѣсколько излишней методичности. Вообще горцы сравнивали наши экспедиціи съ грозовою тучею, которая пройдетъ полосой, надѣлаетъ шуму и разореній и умчится, не оставивъ прочныхъ слѣдовъ. Кажется, они правы.

(*Продолженіе впредъ*).

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЦИРКУЛЯРЪ ВЪ НАЧАЛѢ ПРОШЛАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

(1855).

Въ одной весьма замѣчательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи, при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго бѣдственнаго положенія, между прочимъ, сказано: «Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности, и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты: вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что́ есть, отъ того, что́ кажется, правду отъ неправды или полуправды: и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками. Но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія?»

Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ **** вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ. Прошу повторить имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы, а истины, и въ особенности откровеннаго и глубоко-обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ будетъ нужно читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностію. Прошу ваше превосходительство разослать всѣмъ вышеупомянутымъ мѣстамъ и лицамъ копіи съ настоящей моей записки.

26 Ноября 1855.

(*Съ современнаго списка, снятаго рукою князя В. Ѳ. Одоевскаго*)

КОМПОЗИТОРЪ СѢРОВЪ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАУПТВАХТѢ.

26-го сего Марта (1861), на концертѣ, данномъ отставнымъ поручикомъ Лазаревымъ въ пользу Сирійскихъ христіанъ, въ домѣ Якунчикова, у Синяго моста, было весьма большое стеченіе публики, съѣхавшейся изъ любопытства слушать его оригинальныя произведенія. Концертъ долженъ былъ начаться въ 2½ часа; но Лазаревъ опоздалъ, что́ заставило публику выразить свое нетерпѣніе, требуя Лазарева, съ прибавленіемъ «Абиссинскаго»,—названіе, которое ему давали въ прошломъ году всѣ писатели статей, критиковавшіе какъ сочиненія его, такъ и смѣлость, съ которою онъ ставилъ себя въ параллель съ Бетховеномъ. Наконецъ, въ 3 часа, явился Лазаревъ и проходя черезъ залу, былъ провожаемъ аплодисментами и криками: браво, маэстро, amico di Rossini! Послѣ первыхъ двухъ піесъ оркестръ долженъ былъ исполнить одну изъ увертюръ Бетховена, для сравненія съ произведеніями Лазарева; но тутъ коллежскій совѣтникъ Сѣровъ, служащій въ почтовомъ вѣдомствѣ, вставъ на скамейку, обратился къ публикѣ и сказалъ: «Господа! Послѣ этой чепухи, которую мы сейчасъ слышали, не должна быть допущена ни одна нота Бетховена, и я увѣренъ, что публика этого не дозволитъ. Лазаревъ выманилъ у насъ по нѣскольку цѣлковыхъ, и за эту дерзость слѣдовало бы его закидать гнилымъ картофелемъ».

На эти слова нѣкоторые кричали браво, а другіе шикали и начали вставать на скамейки. Лазаревъ, въ свою очередь, вставъ на стулъ, началъ просить публику послушать его увертюру, надѣясь что послѣ ея исполненія ему дозволятъ сыграть и увертюру Бетховена; но со всѣхъ сторонъ закричали: «не надо, не надо!»

Не смотря на шумъ, Лазаревъ, вставъ на свое мѣсто, началъ дирижировать оркестромъ, который исполнялъ его увертюру. Тишина водворилась; но когда услышали странные звуки нѣкоторыхъ мѣдныхъ инструментовъ, то снова стали кричать: «довольно, довольно!», и нѣкоторые бросали въ него афишами и платками. Тутъ оркестръ началъ расходиться, и самъ Лазаревъ удалился въ контору клуба, сказавъ передъ тѣмъ, что онъ никого не приглашалъ и кто не хо-

четъ слушать, можетъ уйти, а не мѣшать его концерту, который онъ даетъ въ пользу Сирійскихъ христіанъ. Когда публика начала расходиться, то г. Полетика замѣтилъ публикѣ, что общество собралось на концертъ этотъ съ цѣлью посмѣяться и что подобный шумъ показалъ совершенное неуваженіе къ обществу и къ артистамъ, которые согласились исполнить сочиненіе Лазарева.

Генералъ-адъютантъ Паткуль.

28 Марта 1861 года.

*

На подлинной бумагѣ, рукою ген.-ад. Паткуля: «Доложено Его Величеству. Коллежскій совѣтникъ Сѣровъ арестованъ на недѣлю, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, по распоряженію главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ. 28 ч.»

(Сообщено въ подлинникѣ изъ Твери А. К. Жизневскимъ).

ПИСЬМО КІЕВСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА Н. Н. АННЕНКОВА КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ.

Конфиденціально.

М. г. Михаилъ Владимировичъ!

Въ письмѣ вашемъ, напечатанномъ въ 134 нумерѣ Московскихъ Вѣдомостей, между прочимъ, сказано, что «Поляки уже около вѣка надуваютъ насъ, умѣя, тѣмъ или другимъ способомъ, ублажать насъ. Выполняя свою новую программу, Поляки подали адресъ и какой адресъ!»

Такъ какъ по содержанію печатаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ статей, относящихся до Юго-западнаго края, я часто получаю вопросы отъ высшихъ правительственныхъ лицъ, то, предвидя возможность вопроса и въ настоящемъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ адресѣ, благосклонно принятомъ Государемъ Императоромъ и за который объявлена Высочайшая благодарность, я считаю нужнымъ покорнѣйше просить ваше превосходительство не оставить сообщить мнѣ: въ какомъ смыслѣ употреблено вами выраженіе: «и какой адресъ», и если въ смыслѣ порицанія, то что̀ именно въ этомъ адресѣ подало вамъ поводъ къ такому о немъ отзыву, а также увѣдомить, почему вы думаете, что, при подачѣ всеподданнѣйшаго адреса, Поляки дѣйствовали неискренно, а хотѣли обмануть правительство и общество для какихъ-то тайныхъ цѣлей? Этотъ послѣдній вопросъ я предлагаю въ томъ убѣжденіи, что ваше превосходительство, заявляя печатно въ органѣ, по которому большею частію слагается общественное мнѣніе

въ Россіи о Польскомъ вопросѣ, что Поляки здѣшняго края подали всеподданнѣйшій адресъ, руководствуясь особыми, невысказанными въ адресѣ, намѣреніями—вѣроятно имѣете въ виду какія-нибудь указанія на то, что намѣренія эти дѣйствительно существуютъ, и въ чемъ они состоятъ.

1 Іюля 1864.

Отвѣтъ М. В. Юзефовича Н. Н. Анненкову.

На конфиденціальное письмо вашего высокопревосходительства, вчера мною полученное, имѣю честь отвѣтствовать.

Вѣковое предательство Поляковъ и ненависть ихъ къ намъ давно уже обратились въ историческую аксіому. Всѣ опыты прошедшаго не допускаютъ съ нашей стороны никакого къ нимъ довѣрія. Поэтому всѣ адресы ими подаваемые въ моихъ глазахъ суть ни что иное, какъ вынужденные акты покорности, которые можно принимать, но которымъ нельзя вѣрить, безъ опасности впасть въ новый обманъ. Тѣмъ менѣе можетъ внушать намъ довѣріе такой адресъ, какой представленъ отъ Кіевской губерніи, въ которомъ нѣтъ слова о Россіи и который подписанъ Поляками, формально отвергнувшими редакцію другаго адреса отъ Кіевскаго уѣзда, гдѣ говорится о сліяніи съ Русской семьей и гдѣ Поляки именуютъ себя Русскими Римско-католическаго исповѣданія, какъ и быть должно на Русской землѣ. Къ этимъ послѣднимъ Полякамъ я отнесся въ статьѣ своей съ самымъ теплымъ сочувствіемъ, объ адресѣ же первыхъ я сказалъ: «и какой адресъ!» оцѣняя смыслъ его по духу, а не по буквѣ.

Государь нашъ благъ, и нашъ долгъ благословлять всѣ дѣйствія его благости; но этотъ долгъ не запрещаетъ осуждать тѣхъ, кто мало ея достоинъ. Впрочемъ, ежели мое Русское чувство, всецѣло и безгранично отдавшееся Царю и Россіи, подлежитъ осужденію, то я могу только скорбѣть, а не оправдываться.

На прочіе вопросы, предложенные мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, позвольте мнѣ уклониться отъ всякаго отвѣта: я могу обличать Поляковъ публично, а не конфиденціально. Притомъ же всѣ желаемыя вами свѣдѣнія войдутъ въ новую мою статью о примиреніи нашемъ съ Поляками, гдѣ я разбираю этотъ вопросъ на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ какъ изъ исторіи, такъ и изъ живой дѣйствительности. Мудрость нашего Государя обратила борьбу съ полонизмомъ въ народное у насъ дѣло каждаго мыслящаго Русскаго, и я служу этому дѣлу и буду служить ему, не смотря на всю месть Поляковъ и на все зло впереди, быть можетъ, меня ожидающее.

2 Іюля 1864.

(Съ современныхъ списковъ)

БАРАТЫНСКІЙ.

(Замѣтки по поводу новаго изданія его стихотвореній, Москва 1883).

Изъ поэтовъ Пушкинской эпохи, послѣ самого Пушкина, второе мѣсто безспорно принадлежитъ Баратынскому. Пушкинъ великій поэтъ во всѣхъ родахъ поэзіи, онъ переходитъ всѣ ея тоны. Наслаждаясь или страдая, онъ изображаетъ жизнь какъ она есть, сочувствуя ея радостямъ и страданіямъ. Но постоянная грустная дума лежитъ на челѣ Баратынскаго. Это не то унылое разочарованіе, которое было тогда въ модѣ и породило столько вялыхъ элегій, но какая-то глубокая мысль. Баратынскій съ юныхъ лѣтъ привыкъ серіозно смотрѣть на жизнь. Онъ началъ свое поэтическое поприще, подражая Французскимъ поэтамъ эротическими стихами; но эти стихи не имѣютъ упоевающей нѣги Пушкина. Эпиграммы его остры, но не смѣшны. Его называли пѣвцомъ „Пировъ", потому что онъ написалъ легкое и шутливое стихотвореніе подъ этимъ именемъ; но это самое несвойственное ему названіе. Мысль была постояннымъ его удѣломъ: Баратынскій былъ по преимуществу поэтъ-мыслитель.

Ода *на смерть Гёте* есть лучшая дань памяти великаго поэта. Никто изъ соотечественниковъ не почтилъ его такою чудною пѣснью. Странно, что Нѣмцы, которые такъ хорошо и близко переводятъ со всѣхъ языковъ (въ послѣднее время и съ Русскаго) не узнали, не перевели, не затвердили этой родственной имъ пѣсни, такъ какъ у насъ знаетъ ее каждый любитель поэзіи. Стихъ: „Съ природой одною онъ жизнью дышалъ" и проч. относится не къ однимъ только поэтическимъ произведеніямъ Гёте, но и къ занятіямъ его по естествознанію. Гёте былъ не только поэтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и естествоиспытатель, такъ какъ Шиллеръ былъ поэтъ и историкъ. Наука у нихъ шла объ руку съ поэзіей; одна поддерживала другую.

Баратынскій предугадывалъ наступающую эпоху промышленной и торговой дѣятельности, вслѣдъ за которою у насъ настала эпоха грубаго матеріализма. Онъ какъ бы предузналъ, что недалеко то время, когда одинъ изъ корифеевъ молодаго поколѣнія во всеуслышаніе провозгласитъ, что всякій сапожникъ выше Шекспира и Пушкина. Удивительно-ли, что Баратынскій, отчаяваясь за поэзію, думалъ, что она должна исчезнуть съ лица земли? Подъ вліяніемъ этой думы созданы стихотворенія: „Послѣдній поэтъ", „Примѣты",

„Предразсудокъ", „Риѳма".... Напрасный страхъ! Поэзія—одинъ изъ элементовъ души человѣческой; она можетъ умолкнуть на время, но возраждается снова. Какъ не бываетъ весны безъ цвѣтовъ, такъ міръ не останется безъ поэзіи.

Баратынскій думалъ совсѣмъ оставить поэзію. Для кого она нужна? спрашивалъ онъ:

Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ
Его полетъ высокъ иль нѣтъ,—
Самъ судія и подсудимый! (Риѳма).

Напрасно Языковъ, послѣдній изъ поэтовъ Пушкинской эпохи, не смотря на тяжкую болѣзнь, остававшійся до конца вѣрнымъ своему призванію и подарившій намъ въ послѣдніе свои годы нѣсколько прекрасныхъ пѣсень, призывалъ своего собрата покинуть шумъ свѣта и удалиться въ родныя долины

Не медли, другъ и братъ! Судьбу твою рѣшила
Поэзія. О будь же вѣренъ ей всегда!
Она твое прибѣжище и сила,
Она твой долгъ, твоя звѣда!

Таже неотступная мысль преслѣдовала Баратынскаго и въ деревенской тиши. Засѣвая рощу, онъ говоритъ:

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ *пустоцвѣтный* колоссъ.
Я дни изжилъ, стучась къ людскимъ сердцамъ...
Отвѣта нѣтъ! Оставилъ струны я,—
Да кряжъ иной мнѣ будетъ плодоносенъ!

Надѣленный способностью анализа, даромъ проникать въ сущность явленій, Баратынскій еще смолоду заглянулъ въ лицо суровой истинѣ и ничего не ожидалъ отъ жизни.

Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша!
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!

Еще сильнѣе, этотъ безотрадный взглядъ на жизнь выразился въ превосходномъ стихотвореніи *Осень*.

Оба наши поэта, Пушкинъ и Баратынскій, воспѣли осень. Роскошными красками Пушкинъ рисуетъ свѣтлую картину осени: *Природы пышное увяданіе*, въ *багрецъ и золото одѣтые лѣса*. Онъ любуется ею, съ наслажденіемъ вспоминаетъ прогулки верхомъ, удовольствіе охоты, поэтическія мечты у яркаго камина. Для него это была любимая пора творчества.

Минута, и стихи свободно потекутъ.

Вы видите его ясный и спокойный взглядъ на жизнь.

Баратынскій рисуетъ мрачными красками свою осень:

Сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ,
Росой потоплены долины,
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ,
И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

Видя довольство поселянина, собравшаго съ своихъ полей обильную жатву, онъ съ горькою ироніей спрашиваетъ себя:

Ты такъ же-ли какъ земледѣлъ богатъ?
Какъ онъ, и ты съ надеждой сѣялъ;
Какъ онъ, и ты о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ.
Любуйся же, гордись возставшимъ имъ.

Затѣмъ слѣдуетъ мрачная картина души человѣка въ осень дней, презрѣніе къ мечтамъ и страстямъ людскимъ и страшный гимнъ безнадежности.

Шиллеръ съ тихою грустью прощался съ утраченными идеалами своей юности; но у него оставались еще утѣшенія дружбы и неразслабляющій трудъ, который творитъ медленно, не разрушая. У нашего поэта нѣтъ исхода:

Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ!

Но человѣкъ долженъ жить, долженъ примиряться съ дѣйствительностію, и искать въ ней если не утѣшенія отъ скорбныхъ думъ своихъ, то хотя бы успокоенія или развлеченія. Мы имѣемъ немногія біографическія черты Баратынскаго въ его перепискѣ и матеріалахъ для его біографіи. Баратынскій былъ счастливъ въ семейной жизни, имѣлъ друзей и безъ сомнѣнія искреннихъ почитателей его таланта, хотя онъ никогда не былъ любимцемъ толпы. Баратынскій не былъ чуждъ практической дѣятельности: въ молодости онъ былъ хорошимъ математикомъ, въ деревнѣ онъ занимался хозяйствомъ, управлялъ имѣніемъ своимъ и своихъ родныхъ, любилъ архитектуру и самъ выстроилъ домъ въ подмосковной. Ему хотѣлось увидать новую природу, подышать новою жизнью. Поѣздка за границу, соединенная въ то время съ разными препятствіями, имѣла особенную прелесть, непонятную для насъ, катающихся по желѣзнымъ дорогамъ и не затрудняющихся полученіемъ паспорта. Тогда это было привилегіей немногихъ избранныхъ. Пушкинъ напрасно хотѣлъ увидѣть Европу. Баратынскій тоже давно стремился „изъ царства виста и зимы“ туда:

Гдѣ въ древнихъ кампяхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, вѣчной красотѣ
Рафаэль дышетъ на холстѣ,
Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы.

Мысль увидѣть страну прекрасной природы, искусствъ и великихъ историческихъ воспоминаній приводила въ восторгъ его охладѣлую душу. Однажды, говоря объ Италіи, онъ импровизировалъ вдохновенную октаву:

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтическій древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь ли нѣкогда мною ты зрима!
Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
Къ гордымъ обломкамъ древняго Рима,
Снятся мнѣ рощи, лѣса благовонны,
Снятся мнѣ падшихъ чертоговъ колонны.

Путешествіе, перемѣна мѣста оживили поэта. Зиму онъ провелъ въ Парижѣ. Изъ писемъ его видно, что онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Тамъ онъ, чтобы познакомить съ Музою своихъ Парижскихъ знакомыхъ, перевелъ по французски прозою нѣкоторыя свои стихотворенія. Въ переводахъ этихъ онъ держался болѣе мысли, чѣмъ выраженій Русскаго подлинника и измѣнилъ нѣсколько стиховъ изъ оды на смерть Гёте, можетъ быть для того, чтобы сдѣлать ее доступнѣе для аббатовъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, надъ которыми онъ такъ мило подшучивалъ въ своихъ письмахъ. Наконецъ, поэтъ сѣлъ на пароходъ, чтобы отплыть въ Италію. Много лѣтъ, много событій протекло, пока суждено было осуществиться его завѣтному желанію. Съ первымъ попутнымъ вѣтромъ повѣяло на него и вдохновеніе. Ночью, на пароходѣ, во время плаванья въ Ливурно, онъ написалъ чудную пѣсню, въ которой, привѣтствуя море и Италію, поэтъ кидаетъ взглядъ на свое прошлое:

Много я бросилъ земель за собою,
Много я вынесъ смущенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много тяжелыхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь—надежды символъ.

Символъ надежды! Да, была надежда, что поэтъ возродится снова, что онъ на южномъ солнцѣ перестроитъ свою лиру. Послѣдніе стихи его уже не такого мрачнаго настроенія какъ прежніе: отъ нихъ какъ бы вѣетъ Итальянскимъ воздухомъ. Баратынскій чувствовалъ себя здоровымъ и бодрымъ. Кто могъ думать, что онъ доживаетъ свои послѣдніе дни? Какъ глубоко подѣйствовали на него красоты Итальянской природы и славныя воспоминанія, видно изъ послѣдняго его стихотворенія къ „Дядькѣ-Итальянцу“. Въ этой его лебединой пѣсни, написанной за нѣсколько дней до кончины, воспоминанія дѣтства соединились съ картинами Италіи. Смерть его была внезапна и неожиданна. Такъ почти всегда умираютъ Русскіе поэты: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Хомяковъ.

И. Х.

XCIV.

Moscou, le 3 VII-bre 1817.

Ah que je suis fâché, chère princesse, que ma lettre soit arrivée trop tard pour avoir pu prouver à l'Empereur à quel point on abuse de l'autorité qu'il confie à certaines gens. Jugez jusqu'où cela va: hier on m'apporta le billet de logement pour Kissélew et on me fit signer que je l'avais reçu; il lui faut quatre chambre, une cuisine, une remise et la place pour quatre chevaux et pour ses gens; tout cela est détaillé dans l'ordre imprimé. Rien au monde n'est plus gênant, mais je m'y suis résigné pour sauver l'appartement du comte Markow. J'arrangeais dans ma tête, comment je ferais pour me caser (car je n'ai jamais songé à quitter cette maison), lorsqu'un nouveau message arrive avec ordre à moi de montrer les chambres que je destinais à m-r Kissélew. Je répondis qu'on pouvait s'en remettre à moi et que je ferais en sorte qu'il fût content. On répliqua en insistant pour voir le local. „Eh bien", dis-je: „c'est celui-ci même où vous êtes, messieurs". Alors ces deux messieurs de la police taisent, examinent et finissent par prononcer que ces chambres peuvent convenir au général Léwachow et que je dois en montrer quatre autres pour Kissélew. A ces mots la colère m'a gagné, et j'ai envoyé promener brusquement mes examinateurs, en leur disant qu'il m'était bien égal qu'on me donnât Léwachew, Kissélew ou tout autre; mais qu'on n'aurait que mes chambres et rien de plus. Ils repartirent que la maison était trop grande pour ne fournir que quatre chambres et que non-seulement on en prendrait quatre autres pour Léwachew, mais qu'on aurait de plus le droit d'imposer ici un troisième logement; et ils me quittèrent avec cette menace. Je ne puis croire que cela soit sérieux et je suis presque certain que c'est une coquinerie de subalterne pour attraper de l'argent: car on assure que le colonel, qui court les maisons pour arranger les logements, se fait une centaine de milliers de roubles en ménageant ceux qui le payent et en accablant ceux qui ne financent pas. Cela crie vengeance. Décidément on n'aura que mes chambres et rien de plus, et je ne donnerai pas un sou. Comment pouvez-vous croire que dans aucun cas j'irais loger chez Virginie! Non, je me nicherai ici dans quelque coin; mais je serai sur les épaules du c-te Markow ou sur les genoux de mad. Hus, et cela est fort incommode. Je tâcherai de savoir où vous serez logée pour vous en rendre compte; mais puisque l'Empereur vous a recommandée, cela ne peut manquer d'être fort bien.

Vous voyez que la princesse Boris a l'air de jetter son bonnet par-dessus les moulins; elle en fera bien d'autres cet hyver, mais tout cela finira par lui donner un bon ridicule sans mari pour ses filles. Qui voudra de demoiselles qui courent après un homme, quelqu'il soit? Pour la cousine Catinka elle est vraiment fort heureuse d'avoir trouvé ce petit Caumont; c'est un homme fort bien né, mais Dieu sait ce qu'il est d'ailleurs. Voilà une fière charge que prendre la maison de la Force en adoptant une belle-mère comme la princesse Michel! Je les suppose ruinés et dans l'illusion sur la fortune de Catinka. Le Caumont, pour la naissance et l'illustration, est bien autre chose que Tercy, qui n'est connu qu'à Bergame. Mais au fond qu'est-ce que cela fait pour le bonheur du ménage? Catinka doit être souple comme un gand après l'éducation qu'elle a reçue, et elle épouserait Raoul Barbe-bleue qu'encore gagnerait-elle au change. Mais qui sera le souffre-douleur de madame sa mère désormais? Qui portera la grosse montre? Qui papillottera les petits pots à bouillons ou à juleps? Qui lira la nuit? Qui écoutera les amoureuses histoires du tems passé? Qui approuvera les chapitres de romans? Je ne me fais pas une idée de ce que deviendra cette mère sans filles. A propos de mère sans filles, le comte Czernichew a perdu son fils cadet âgé de six mois.

J'ai passé une heure chez Sophie ce matin; elle m'a conté l'arrivée de la princesse Woldemar à Lgova et les angoisses de madame A. pour cette réception; et puis la noce et son lendemain, et nous avons ri de bon coeur. Elle vous a mandé tout cela sans doute; mais ce qu'il y a de rare, c'est qu'elle part après demain pour Zoubrilowka à l'instante prière de ***.... qui lui a dit: „Pour l'amour de Dieu, chère princesse, venez avec nous; que ferais-je de ce tête-à-tête avec ma femme six jours de suite, si vous n'avez la bonté de le rompre un peu? Je ne suis pas amoureux, je ne puis croire que N.... le soit de moi, et jugez ce que nous pourrions avoir à nous dire pendant la route....!" Le lendemain de la noce ***.... n'en pouvait plus; les époux étaient levés et tout habillés à 9 heures du matin et fesaient des visites de chambre en chambre. Toute cette noce doit être en ville aujourd'hui, je n'en verrai pas l'ombre. Mais vous serez ici dans quelques jours, et je serai ravi de pouvoir causer à coeur ouvert avec vous, chère et bonne amie. Je vous écrirai jusqu'au moment où vous me direz de cesser, et si une fois le jour de votre départ est fixé, avertissez-moi pour que je calcule et n'expose pas une lettre à se perdre.

XCV.

Pawlowsky, le 1-er VII-bre 1817.

Si vous saviez comme nous sommes affairées ici, vous vous mettriez à deux genoux pour me remercier de penser encore à vous écrire! C'est aujourd'hui le premier de septembre, comme vous voyez. Eh bien, monsieur, sachez que le 4 au soir nous jouons la comédie, nous donnons deux romances en action et nous faisons voir trois tableaux. En un mot, il a passé par la tête de notre chère Impératrice de fêter la S-te Élisabeth dès la veille. Ce projet a été conçu le 29. Dans la soirée du même jour nous fûmes coucher à la Tauride pour la S-te Alexandre. Le 30 nous fumes donc à Newsky pour une grande messe, puis déjeuner chez le métropolite; après cela on revint à la Tauride pour un grand dîner de circonstance. A sept heures du soir nous montâmes en carosse pour revenir à Pawlowsky. Il n'y a pas trop de tems pour nous préparer; cependant, à force d'agitations, le prince Radzivil est parvenu à accrocher des chanteurs et le comte Czernichew des acteurs: l'un veut chanter, l'autre veut jouer, et nous autres, qui ne voudrions ni chanter ni jouer, nous chantons et nous jouons. Je suis chargée du rôle de Lisette dans *l'Entrevue*, petite pièce de Vigée, et puis de celui de mad. Donaireville dans un proverbe intitulé les Foux. Les autres acteurs sont m-lle Sologoub, Narichkine, le c-te Czernichew, le p-sse Radzivil, Kologriwow et un jeune Brestowsky, gentilhomme de la chambre; les actrices, outre votre servante, sont la princesse Catiche Soltikow et la petite comtesse Samoïlow. Dans les romances ce sera encore ces deux dames. La première romance est le Cid qui fait ses adieux à Chymène; la seconde c'est la Pèlerine. Les tableaux sont: les *Couseuses du Guide*; une petite fille qui regarde par la fenêtre, de Rembrandt; et puis une scène de famille de Greuse. Voilà le programme de notre soirée; les détails du succès ou de la nonréussite vous viendront après.—Je suis bien aise que vous en soyez quitte pour loger m-r Kissélew: c'est un jeune homme extrêmement comme il faut, que je connais beaucoup et qui est en grande faveur auprès du Maître; il est en Bessarabie pour une commission, ainsi il vous arrivera peut-être avant que j'aye pu le voir et lui apprendre qu'il va devenir votre hôte. Si par hasard il allait vous arriver tout de suite, réclamez-vous de ma connaissance et dites-lui que vous m'avez écrit à son sujet; je réponds d'avance qu'il sera très-coulant. Quant à l'arrangement de ses chambres, ma foi vous êtes trop bon. Pourquoi

voulez-vous en faire trop? Pourvu qu'il soit proprement, que vous importe de le loger comme une petite maîtresse? Donnez-lui de quoi coucher, s'asseoir et écrire; il me paraît que cela est bien suffisant. Je m'étonne qu'il n'aille pas s'établir chez ses parents ou chez Théodore, avec qui il est lié depuis des siècles. L'homme qui doit préparer nos chambres à nous est déjà parti; il se nomme Kamensky, c'est un гоффурьеръ de la cour, il se sera abouché avec le prince Youssoupow et si vous voyez ce dernier, par pitié parlez-lui de me donner un bon logement et qui soit clair surtout. Concevez-vous que les demoiselles d'honneur du château, qui ne sont point de la suite des Impératrices, veuillent absolument aller à Moscou; on leur a dit qu'il n'y avait de logement au palais du Kremlin que pour nous autres; eh bien, malgré cela, elles espèrent qu'elles en prendront par force; en vérité, il y a des personnes bien peu délicates, pour ne pas dire impudentes! Je voudrais qu'on les mît à la rue: elles n'auraient vraiment que ce qu'elles méritent.

J'ai reçu hier soir un billet de la princesse Boris qui me fait ses adieux; elle avait eu l'intention de venir ici Dimanche saluer S. M., mais cela ne peut se faire, car on ne reçoit pas ce jour-là. J'ai répondu que j'étais bien fâchée de ne plus la voir et de savoir qu'elle m'en voulait encore *pour un tort purement apparent;* je l'assure de mon amitié constante etc. etc.

Le soir du 1-er VII-bre.

Tout le monde est au salon, moi seule je reste chez moi: la journée a été si cruellement agitée par des répétitions de tous genres que la tête m'en tourne. Personne ne sait rien; le proverbe ne va pas du tout. Radzivil, occupé des seules romances, ne parle que de Rodrigue et de Blondel; Czernichew travaille à un prologue où il veut faire des compliments à l'Impératrice, et n'apprend pas son rôle de m-r Desjarrets; il faut un musicien sur la scène, on n'en a pas; enfin, il y a un décousu parfait, et si demain l'ordre n'est point établi, je ne sais trop comment cela pourra aller. On a répété aussi l'Entrevue. Frontin n'a pas plus de mémoire qu'un lièvre, et moi, Lisette, je me désole de voir comment il fait languir la scène. Ah, ce premier jour a été complètement mauvais!

Je connais votre m-r Carbonnier pour l'avoir vu une couple de fois chez la c-sse Nathalie Tolstoï. Mais que tout ce que vous en dites est intéressant! Oui, c'est bien là un véritable Chrétien. Dieu veuille

l'aider de Sa grâce et calmer sa douleur. Il avait une jolie femme que je me rappelle avoir vue aussi à Twer chez la grande-duchesse Catherine, il me semble què Carbonnier servait sous les ordres du prince d'Oldenbourg, et voilà pourquoi il se trouvait à la cour de Twer.

Le 2 VII-bre, au soir.

La princesse Soltikow, qui ne s'est pas trouvée dans le nombre des personnes invitées, m'a fait rester aussi. Le matin l'Impératrice m'a député le prince Lobanow, pour me dire qu'elle désirait que je fisse les honneurs de Pawlowsky en son absence à Catiche, en sorte que j'ai été quitte de Czarsko-Célo. Cependant la journée n'a pu être mise à profit, car la princesse Catiche s'est trouvée incommodée. Elle a été même obligée de se mettre au lit, d'avaler un bol pour transpirer, enfin de ne remuer ni pied ni patte. Sa mère est arrivée pour la soigner. A 7 heures on a fait les répétitions des tableaux; celui des Couseuses, mauvais autant que possible, les poses presque toutes manquées, par trop d'affectation ou par trop d'abandon. L'Entrevue marche, mon Frontin a retrouvé sa mémoire, il a très-bien dit son rôle ce matin, et notre première scène doit être d'un charmant effet. Le prologue ira aussi, Czernichew m'a fourni de jolies choses à dire; en un mot, je commence à espérer que la partie théatrale sera mieux que je ne croyais. Mais ce qui promet d'être charmant, c'est la romance du Cid, la musique en est délicieuse. Radzivil l'a faite l'année du Congrès, lors qu'on a exécuté toutes ces romances à Vienne. La p-sse Catiche la chante à ravir; mais si elle allait nous jouer le tour d'être malade encore deux jours, adieu la fête!

XCVI.

Moscou, Dimanche, 9 VII-bre 1817.

Le comte S-t Priest, qui est ici depuis six semaines, s'est avisé enfin de se souvenir que je l'avais logé et choyé il y a deux ans, et il est venu me faire une visite dans laquelle nous avons beaucoup parlé du comte Markow, comme de raison; et je vous prie de croire que sans que j'aye fait aucune remarque qui amenât ce sujet, il m'a dit tout bonnement que si m-r de Markow compte beaucoup sur l'amitié du m-r Gouriew, il est dans une grande erreur; que lui S-t Priest

avait été dans le cas de parler à ce dernier des intérêts du comte et qu'il l'avait trouvé *un peu plus qu'indifférent*. Je ne suis surpris de rien après ce que j'en sais. Il n'aime pas la petite et trouve fâcheux que cette jeune personne *enlève* l'héritage de son père aux enfants du comte Héracly. Le même sentiment régne ici dans les personnes appelées à protéger cette petite, et si on ne la marie du vivant de son père, elle court grand risque de l'être fort mal et de perdre sa fortune par les intrigues du gros oncle. Tout cela me fait désirer vivement le retour du comte Arkady et les noces de Warinka. Nous n'avons pas mal coulé à fond avec S-t Priest le caractère et l'humeur de ses bellessoeurs dont il n'est nullement enchanté; et je l'ai fait convenir que si mad. **. a la foi qui transporte les montagnes, elle n'a pas la charité qui sauve. Il a ri de ma remarque sans pouvoir disconvenir de sa justesse.

Lundy, 10 VII-bre.

J'aurai été chez le prince Youssoupow, j'aurai vu vos chambres, je vous donnerai tout ce que je pourrai, chère princesse. Mon Dieu, qu'il me tarde de vous voir ici. La nouvelle du jour c'est que mad. la grande-duchesse est décidément grosse et qu'en conséquence toute la cour repartira en Février. C'est m-r Tormassow qui le débite ainsi; mais vous nous resterez sans doute un peu plus, et je compte même qu'on vous verra plus à loisir après le départ de la cour qu'avant. Le pauvre c-te Czernichew au milieu de ses farces aura appris la mort de son fils, ce qui est moins gay que le rôle de m-r Desjarrets. Ouï, sans doute, Carbonnier a demeuré à Twer; sa femme est une excellente petite femme; c'est lui qui est chargé de bâtir ici la maison d'exercice, et plus d'un membre de la commission lui en veulent un mal de mort.

Je ne peux pas remettre à vous dire ma pensée sur la manière dont le roi de Prusse court Paris. Parce qu'il a pris le nom du comte Rupin, il pense pouvoir agir en particulier et il abuse de l'incognito. Deux heures après son arrivée il court chez Brunet; or, ce théâtre est la sentine de Paris où jamais tête couronnée ne devrait s'appercevoir en peinture. Le lendemain il va rouler embas les montagnes de bois, il trouve une demoiselle (et Dieu sait quelle demoiselle), et le voilà qu'il la prend dans la cariole et roule avec elle. Or, sa majesté prussienne a pourtant 47 ans, ce qui est pour l'ordinaire l'âge de raison et des bienséances. Il faut convenir que, malgré les horreurs de la révolution française et la démoralisation complète de cette nation, ce

n'est pourtant que là que l'on a conservé le tact des convenances. Si Louis XVIII venait à Moscou, fut-il même sous le nom du comte de Lisle, il n'irait sûrement pas aux balançoires de Podnowinsky, s'enfermer dans une boîte avec une inconnue et tourner en haut en bas comme les badauds des rues. Le duc de Berry même ne se le permettrait pas. On aurait fait voir Brunet au comte Rupin sur le théâtre particulier des Thuilleries, tant qu'il aurait voulu, ainsi qu'en use le roi quand la fantaisie lui prend de se divertir des calembourgs nouveaux. Bon Dieu, que je suis bête de m'affecter de cela! Mais je ne peux m'accoutumer à voir les rois oublier leur dignité et se ravaler à ce point-là; cela me fait l'effet de coup de bâtons sur les os des jambes.

La vieille comtesse Orlow, femme du comte Wladimir, est morte.

XCVII.

S-t Pétersbourg, le 11 septembre 1817.

Je suis indignée de toutes les injustices qui se commettent à Moscou relativement à ces logements. Hier encore nous en parlions chez les Gouriew avec horreur. Il est bien positif que l'Empereur ne se doute pas de ce qui se passe, et à moins qu'on ne lui dise la vérité, il restera convaincu que tout s'est fait dans le meilleur ordre et du plein consentement des propriétaires. Soyez sûr que c'est ainsi qu'on le lui présentera; mais si jamais je puis tomber sur ce sujet, je vous réponds que je ne lui tairai pas ce vandalisme. Je vous exhorte à tenir bon, à ne vous point laisser intimider, ne loger que Kissélew ou bien Léwachow, mais ne donner que ce que vous vouliez donner et envoyer les promener tous, tant qu'ils sont.

Nous sommes en ville depuis le 7 au soir. L'Impératrice a eu toutes les peines du monde à s'arracher de Pawlowsky qu'elle aime avec raison. Elle n'a jamais pu se décider à en partir de si bonne heure, elle veut y retourner encore le 23 pour y rester jusqu'au 25. Nous autres nous partons le 16, c'est-à-dire Dimanche prochain. Le Ciel dans sa bonté nous sauve de la comtesse Worontzow et de m-lle Pouchkine; nous ne conduisons des demoiselles du château que la seule Nélidow. Le *nous* c'est m-lle Kotchétow et m-lle Nélédinsky. On nous donne une bonne berline à quatre places pour nos personnes, et puis une calèche pour chacune de nous; le gros bagage va en avant dans des fourgons. Nos calèches ne seront chargées que des choses nécessaires à la route et de nos femmes de chambre. Les miennes sont

d'une telle humeur qu'il y a de quoi en devenir folle; mais je les supporte avec une résignation dont je puis me vanter. Ma longue Modène, depuis quelques jours, ne sait plus ce qu'elle fait: quand je l'envoye à droite, elle va a gauche.... Ah, mon Dieu, prenez pitié de moi! Je suis dans les horreurs de l'emballage; au moment où je vous écris, j'ai devant les yeux deux coffres qu'on arrange, des cassettes sans fin, une énorme quantité de lettres à brûler et de papiers à déchirer, un fatras de livres à restituer; enfin, je suis dans un chaos, et pour quelqu'un qui a la maladie de l'ordre et de la symétrie vous imaginez combien cette vue est peu recréative.

Le duc de Polignac est mort avant-hier; je crois vous avoir dit qu'il était fort mal depuis quelque tems. On avait cru que c'était la goutte remontée. Point du tout: il avait un squire. Il a été pris tout-à-coup par de terribles vomissements qui pendant quelques jours sont devenus de plus en plus fréquents; à la fin, il rendait du sang caillé et ne pouvait plus prendre aucune nourriture. Dès qu'il s'est senti si mal, il a exigé que son médecin lui parlât clairement sur son état. Chreighton, sans prononcer absolument qu'il n'y eût plus de ressource, lui avoua qu'il était en danger. Ce bon vieillard, sans être effrayé le moins du monde, a tout de suite pensé à remplir tous ses devoirs: il a reçu les sacrements d'abord, puis il s'est occupé à régler toutes ses affaires; il a écrit de sa propre main, tant qu'il a eu la force de tenir la plume; ensuite il a dicté toutes ses volontés à m-r de Noaïlles, qui dans cette occasion s'est montré parfait pour la famille: il n'y a pas eu un seul jour où il ne soit venu passer plusieurs heures de suite et souvent deux fois le jour; il a soigné le duc comme aurait pu le faire le parent le plus proche, et je crois même qu'il est mort en sa présence. Voilà Armand de Polignac duc et pair par la mort de son père. Je suppose que la comtesse Diane aura la jouissance, sa vie durante, des biens qui sont en Russie, après quoi Louis et Héraclius en seront les héritiers. Mad. Sabakine, ayant reçu sa dot, ne peut avoir aucune prétention. La pauvre comtesse Diane me fait pitié; elle est profondément affligée, elle avait 6 ans de plus que son frère, et il faut qu'elle l'enterre. La certitude de le suivre de près est la seule consolation qui puisse lui rester. Je veux l'aller voir un de ces jours, et si l'on m'envoye une carte pour l'enterrement, peut-être aussi irai-je à l'église. J'aimais le duc de Polignac: c'était sans contredit un brave et digne homme. Son fils Jules doit arriver incessamment.

Imaginez que rien n'a manqué absolument: tableaux, romances, comédies, tout a été à merveille. Frontin et Lisette se sont couverts de gloire. Mad. Golowine prétend que je lui rappelle *m-lle Vienne* de

la Comédie Française. L'Impératrice me compare à *la Toussaint;* enfin, c'était à qui m'en dirait davantage. Le grand-chambellan Razoumowsky est venu me demander: où diable avez-vous été prendre ce talent?— Dans le dénuement des prétentions, lui dis-je. Et cela est vrai: aussitôt qu'on joue sans y attacher de l'importance, je crois qu'on va toujours bien. Je ne vois pas pourquoi on doit affecter un autre air, un autre langage que celui qui vous est naturel, et parce que vous vous trouvez d'une archine plus haut que le parquet sur lequel vous marchez tous les jours, est-ce une raison de grasseyer quand on ne le fait pas habituellement, ou bien de minauder, quand on ne l'a jamais fait? Le proverbe des Foux a été tout improvisé, personne n'a dit un mot de ce qui était dans le livre, et pourtant cela a fort bien été. Je vous porterai le prologue du comte Czernichew qui ne se doutait pas quand il jouait et dansait que son petit garçon se mourrait.

QUELQUES BILLETS PENDANT LE SÉJOUR AU KREMLIN DE SEPTEMBRE 1817 A JUIN 1818.

Je ne sais rien du tout, sinon que m-r de Markow, ayant reçu à Bielotzerkw même la lettre où je lui faisais part des procédés de la police à l'égard de sa maison, en a communiqué le contenu au prince Wolkonsky avec prière d'en instruire l'Empereur. Le prince Wolkonsky a dit à Markow que lui-même était l'auteur de l'ordre donné à Tormassow, mais que celui-ci l'avait mal compris et qu'il n'avait jamais entendu qu'on ferait autre chose que de louer de gré à gré. A vous dire vrai, chère princesse, le grand Wolkonsky aurait pu exprimer cela dans son ordre. Quoiqu'il en soit, il a promis à Markow de faire réparer la chose; l'a-t-il fait de son chef, on bien a-t-il rendu compte à l'Empereur, voilà ce que je ne saurais vous dire; car Markow n'en sait pas plus que ce que je vous dis, et sa lettre n'est arrivée que ce matin. Je l'attends d'un jour à l'autre. Je ne peux pas avoir le bonheur de dîner chez mad. Arseniew, mais j'aurai celui de faire son casino ce soir sans faute. Dans l'instant la police vient me dire qu'on ne logera point chez moi. Que Dieu en soit béni, c'est un grand repos d'esprit; et si m-r Tormassow m'en veut un peu, je tâcherai de n'en pas mourir de désespoir. Vous voyez pourtant ce qu'on gagne à résister quelquefois à l'arbitraire; je suis le seul en effet qui ait osé protester; tout le monde, même le comte Tolstoï, me prédisait que j'en serais la dupe, que la maison ne serait pas moins prise et que Markow rejetterait sur moi le tort de la mauvaise volonté. Ils se sont trompés et seront bien honteux que moi, étranger, ait pu sauver

42 maisons de Moscou de cette mesure inique. On aime ici à plumer la poule sans la faire crier; pour moi, je crois que c'est précisément au sein de l'arbitraire que la puissance *des cris* est la plus efficace. Je vous baise les mains. A ce soir. Ce 27 VII-bre.

*

Nous rentrons dans ce moment de la Cathédrale; tout ce que nous venons de voir est idéalement beau. Quel monde! Quel coup d'oeil en descendant le Красное Крыльцо! Enfin, j'en ai été ravie à la lettre. Tout mon état-major s'est présenté; Dieu sait si tous ces gens m'aiment comme ils en ont l'air, mais les démonstrations sont des plus vives! Tolstoï m'a embrassée sur les deux joues; il m'a promis de venir demain, et je me propose de lui dire à lui-même ce que j'ai dit hier à la comteste Protassow.—Je viens de changer de projet: nous dînons à la cour, et j'y passerai la soirée. Ah, je vois d'ici la vie singulière que nous allons faire; ce sera à peu près celle de Pawlowsky, et Dieu sait comment nous nous arrangerons, ma tante et moi. Je peux vous recevoir ce soir de 8 à 9, mais demain ce sera mieux.

*

Chreighton m'a donné de la rhubarbe; force m'est de ne pas bouger, et mon dîner me sera apporté dans ma chambre. Ce soir j'espère avoir ma tante pour le casino. Dites à m-r de Markow que ses observations sont tout-à-fait malicieuses; mon sommeil d'avant-hier n'était qu'un avant-coureur de mon indisposition. Quand je me porte bien, je peux lui tenir tête pour la veillée. Le 7 VIII-bre.

*

Le 14 VIII-bre. J'ai été très-souffrante hier; aujourd'hui je ne le suis pas, mais un grand accès de paresse me fait demeurer chez moi, tandis que tout le monde s'agite pour le bal. J'ai vu la présentation des femmes ce matin, toutes ont des corsets épouvantables, et les plus belles robes ne font pas le moindre effet avec des tailles disgracieuses; à peine y en a-t-il trois qui marchent bien. Toutes ces observations entre nous; je ne me permets pas la plus petite parole sur cet article avec personne. Demain soir je serai chez Théodore, sa femme est arrivée; tâchez d'y venir. Ayez pitié de moi et donnez moi de l'encre meilleure que celle dont je me sers en ce moment. Sophie Tolstoï a été confiée à mes soins ce matin, et nous sommes comme deux soeurs avec la mère. Cela me fait plaisir, mais je n'irai pas chez elle.

*

Le 4 IX-bre. Il n'y a pas de dîner chez l'Impératrice, c'est chez l'Empereur qu'il y en a un; mais j'ignore absolument qui sont les en-

gagés. J'ai été priée ce matin. Je suis aux regrets de ne pas vous voir; Dieu sait quand vous vous remettrez, la saison n'étant rien moins que favorable pour les goutteux! Jusqu'à présent je n'ai pu trouver un moment pour répondre à m-r Royer; que n'ai-je votre admirable facilité! L'Impératrice, qui a lu sa lettre prétend qu'il y a du rabâchage, et Dieu me pardonne, elle a raison; car après l'avoir relue j'ai trouvé également qu'il revient trop sur le même sujet.

*

Le 15 IX-bre. Vous avez deviné juste, cher ami: j'ai été souffrante, mais souffrante à un point que je n'avais pas pour un liard de raison. Un grand dérangement de nerfs depuis Dimanche soir, un échauffement sur le visage à faire soupçonner un érysipèle. L'Impératrice m'a envoyé Chreighton avec l'ordre de me saigner; je l'ai envoyé promener, mais je me suis livrée au calomel, j'en ai pris hier et aujourd'hui encore; ce que je rends de bile ne se conçoit pas; il faut que je sois d'une méchanceté révoltante, et Dieu sait pourtant que je ne veux de mal à personne; enfin, à mesure que je rends cette bile, *le triste* se dégage. Je pense même que ce soir je puis être de bonne compagnie. Je dînerai demain chez m-r de Markow, mais je lui demande des mets simples: autrement tout est perdu. Mon Dieu, pouvais-je penser que je vous verrais si peu cet hyver! Mais tâchez donc de vous débarrasser de cette horrible goutte. Le comte Tolstoï est venu me voir enfin, il est resté longtems hier; j'avais aussi le prince Dmitri Galitzine; ils ont disputé et crié à me fendre la tête. Si vous ne montez pas demain chez Markow, ce sera, je pense, après dîner que je descendrai chez vous.

*

Le 16 IX-bre au matin. Je n'ai pas besoin de voiture, j'irai dîner chez vous avec celle de la cour; mais il faut que ce dîner soit une espèce de bonne fortune et que le comte Markow n'en parle pas, vu que je me dis malade pour toutes les sorties de la cour. L'Impératrice est venue me voir ce matin et m'a bien ordonné de rester à la maison; je n'irai donc pas au salon ce soir et j'espère avoir ma tante. Vous l'avez dit, cher ami, j'ai du chagrin, c'est ce qui me fait de la bile. Hélas! D'après mon fatal systême, ou pour mieux dire d'après la promesse que j'ai faite intérieurement à Dieu, je ne puis retirer aucun soulagement d'aucune causerie. Je veux tout taire, tout dévorer en silence. Qu'il serait heureux de faire tout cela avec résignation; elle me manque, je suis découragée à l'excès.

*

Le 17 IX-bre. Je vous remercie, très-cher ami, de votre tendre intérêt et des bons avis que vous me donnez; je m'y conformerai au pied de la lettre. Vous avez parfaitement raison: il ne faut pas s'échapper en paroles. Au reste, je puis vous protester que vous seul m'avez su arracher ces demi-aveux; jamais je ne cause sur mon état avec personne.—Ma santé est meilleure aujourd'hui, excepté une petite ébullition qui paraît sur la joue gauche; Chreighton en rit de tout son coeur et se moque de ma sagesse; alors je tourne la chose en plaisanterie et avec un air très-dégagé je parviens à le faire taire. Il sort a l'instant de chez moi après m'avoir ordonné le calomel pour demain soir.

*

Le 19 IX-bre. Le duc de Glocester a épousé sa cousine la princesse Marie qui a 41 ans; si vous croyez qu'il est possible d'avoir des enfans à cet âge, peut-être seront-ce les siens qui hériteront de cette couronne d'Angleterre qui vous tient si fort à coeur. Sinon, il y a à parier qu'on n'apellerani vous ni moi. Au reste, c'est une pitié que la mort de cette jeune princesse, qui n'avait que 21 ans, qui adorait son mari, et qui depuis son mariage avait prodigieusement changé en bien. Les Russes en étaient aussi fort aimés, de manière qu'en politique c'est encore une perte. Bonjour; portez-vous donc bien; un de ces jours je viendrai vous voir.

*

Le 27. IX-bre. Je me porte bien, cher Christin; je fais ma vie accoutumée. Aujourd'hui je dîne à la cour et ensuite je ferai une visite à mad. de Nesselrode qui a fait une fausse couche. Je sais bon gré au baron Bloome d'être allé vous voir; cela est venu purement de lui, je vous assure, et c'est une très-bonne idée. Je commence à croire que votre goutte vous tiendra tout l'hyver et que nous ne nous verrons que de sept en quatorze. Hélas, voilà comme cela s'arrange en grande partie dans la vie. Au revoir. Je suis entre Modène et Wladimir, qui parlent de cet éternel procès Fualdès, qui n'avance pourtant pas.

*

Le 3 X-bre. J'ai prié le comte Markow de vous dire que je m'étais mise en mouvement pour votre monsieur. J'en ai parlé au prince Galitzine en présence de l'Empereur, chez qui j'ai dîné hier. Il me semble que c'est avoir bien commencé. Vous m'enverrez votre protégé Mercredy ou Vendredy entre 9 et 10 heures, et moi je l'enverrai à Galitzine; mais en attendant je veux que ce ministre ait votre lettre et la composition de Péreslawsky, en conséquence je lui envoye votre paquet en nature. Je me réjouis de savoir que vous êtes mieux et que

vous ayez pu sortir; mais je vous exhorte à vous bien ménager encore par le froid qu'il fait. Si vous étiez ingambe, je vous aurais engagé a venir demain soir chez ma tante où je fête ma patronne, mais avec le tems que nous avons je ne veux pas que vous bougiez.

*

(Le 4 X-bre, jour de S-te Barbe, patronne de la princesse Turkistanow, elle reçut un camée monté en médaillon avec le portrait gravé de l'Empereur, d'une ressemblance parfaite, et pour envoie les mots suivants:

„Celui que vous préférez de la part de celui qui vous préfère".

*

Le 19 X-bre. Ce matin, en me levant, ma première idée a été d'aller vous voir aujourd'hui, et je pense le faire encore dans le courant de l'après-midy, en vous priant toutefois de n'en rien dire au comte Markow, qui pourrait venir s'établir chez vous et par cela même me gênerait infiniment. Il est sûr que de la manière dont nous existons l'un pour l'autre, vous pourriez vous supposer à S-te Hélène plutôt qu'à Moscou. Vous me demandez ce que j'ai fait tout ce tems-ci? Mais toujours la même chose, à la cour et chez ma tante, chez ma tante et à la cour, méditant toujours de grands projets de retraite, ennuyée, fatiguée à l'excès de tout ce que je vois chaque jour, et grande velléité d'aller à Carlsbad. Tantôt nous en parlerons plus au long, si je vous trouve seul.

*

Le 31 X-bre. Je n'ai pas été au bal de Tormassow, par conséquent je n'ai rien vu de ce qui a pu s'y passer, et personne ne m'a dit le mot sur le compliment de l'Empereur et sur tous les faits et gestes de m-r de Markow. Je souhaite qu'il soit content de son gendre et sa fille de son mari, qui n'est absolument à mes yeux qu'un cuirassier bien dressé. La petite m'a bien l'air d'une enfant qui, je crois, ne sait ce qu'elle veut ni ce qu'elle ne veut pas. La semaine dernière elle rudoyait le jeune homme; hier elle le trouvait peut-être charmant. Tout cela sent bien 15 ans, ou une absence totale de réflexion.

*

Le 29 janv. 1818. J'ai tellement souffert hier après vous que j'ai craint en vérité devenir folle. Dans mon désespoir j'ai envoyé chercher Stoffregen pour me faire magnétiser; sa porte était fermée. Enfin, j'ai été tourmentée toute la nuit. Aujourd'hui je suis plus enflée que jamais, et affreuse à voir. L'autre mal va son train; j'ai eu des humeurs et du sang. Venez me voir dans l'après-midy tandis qu'on jouera.

*

Le 31 janvier. Tous mes maux commencent à me laisser respirer; la fluxion diminue fort, la partie méridionale en très-bon état aujourd'hui, grâce à la petite purge salée avec laquelle Chreighton me raffrâichit. L'Empereur est arrivé à minuit, mon laquais me l'a dit; j'ai voulu voir Menschikow qui l'a accompagné, mais il n'est pas au-dessus de moi, il est allé tout droit chez sa femme; je ne sais donc encore rien de Pétersbourg. Ah, si vous pouvez aller à Carlsbad, allez-y; croyez-moi, vous ferez très-bien, votre santé s'en trouvera à merveille et puis vous y serez agréablement.. . et Capo d'Istria? Allez, allez, je voudrais bien être à votre place.

*

Le 15 mars. Je vous remercie pour les livres; je pensais bien que vous êtiez malade, puisque vous n'êtes pas venu tous ces jours. Je tâcherai de vous aller voir incessamment, mais je suis beaucoup chez mad. Narichkine qui a un enfant souffrant (pour mourir, je crois), et puis la tante.... Vous avez tort de me pronostiquer des mécomptes pour l'avenir. Ah, mon Dieu, je n'ai pas les yeux fascinés sur tout cela, aussi bien ne suis-je pas très-gaye. Il n'y a qu'une idée consolante, c'est que toutes les peines qu'on a, grandes ou petites, doivent finir un jour, et que le tems n'est rien auprès de l'éternité.

*

Le 21 mars. Je pensais bien que Péreslawsky serait content d'être placé auprès de Galitzine. Je lui écrirai le courrier prochain pour le rassurer sur son avenir. Quant aux moyens pécuniaires, je suis sûre qu'on y pourvoira. Eh, bon Dieu, qu'est-ce que vous avez donc contre les gens de Cima? Que vous ont-ils fait; sont-ce de nouveaux comméra-ges? Battez-vous en l'oeil et ne vous chagrinez qu'à ma manière, c'est-à-dire en dévorant tout. Tout ne doit-il pas finir un jour! Nous avons été hier à Gorinky, chez le comte Alexis Razoumowsky; je suis émerveillée de la richesse de ses serres. Rien ne saurait être plus beau que les plantes qu'il possède. Il faut convenir aussi que Fischer est fort entendu dans cette partie. Nous avons dîné là et nous sommes revenues à 8 heures du soir, l'Impératrice dans l'enchantement. J'ai eu chez moi le comte Tolstoï avant-hier, nous avons causé avec plaisir. Ah, que cet homme, hors de chez lui, est excellent!

*

Le 25 avril. Si vous pouvez m'avoir l'écrit dont nous avons parlé hier avec le comte, c'est-à-dire, cette réfutation du discours de Repnine, je vous serai bien obligée. On s'est compromis avec le prince Radzivil; on s'est compromis avec la partie adverse. Dieu sait comment ce procès finira! Dites à m-r de Saugy combien je serai enchantée de faire sa connaissance.

XCVIII.

Moscou, Dimanche, 16 juin 1818, à 7¼ du soir. Vous êtes à peine à la barrière.

Finis coronat opus! Il fallait ce qui m'arrive pour compléter les contrariétés qui me poursuivent depuis neuf mois. Fidèle observateur de vos ordres, je suis à 7 heures précises au Kremlin; à la porte du commandant je vois arriver une bagarre, des carosses sans fin. Mon cocher me dit, c'est l'Impératrice, et en même tems je la vois sous mes yeux, je salue et ne cherche que vous dans la voiture sans pouvoir reconnaître votre visage parmi ces grands chapeaux qui cachent tous les traits. La voiture allait trop bon train pour la faire arrêter, et puis peut-être l'Impératrice n'aurait pas trouvé bon nos adieux dans la rue, en sorte que j'ai avalé mon chagrin, mais non sans faire une rude grimace. L'idée m'est venue que vous m'aviez trompé par un rendez-vous tardif; pour m'en éclaircir, je continue espérant trouver votre soeur; elle était en effet sur l'escalier du Kremlin avec la dame de classe, prêtes à monter dans la voiture de m-r Moukanow. Le prince Youssoupow partait aussi. On m'assure que vous aviez cru ne vous mettre en route qu'après 8 heures et que vous aviez été surprise, ce qui m'a consolé un peu, puisque votre intention n'était pour rien dans ma disgrâce. Je suis revenu chez moi plus triste, le coeur plus serré, que je ne pourrais vous le dire, et me voici à vous exprimer mon chagrin par écrit; car le sort contraire veut que je vous écrive plus souvent que je ne vous parle. Hélas! Quand aurai-je de vos nouvelles! Ces chiens de Prussiens vont prendre tout votre tems, et vous ferez la dame *cicerone* à Pétersbourg comme à Moscou. Je n'attends rien de considérable, mais je suis comme les mendiants qui se prosternent quand on leur donne un денежка, et je serai content d'une ligne qui me dise: *je pense à vous*. Pour: *je vous regrette*, je n'y prétends pas; nous ne nous sommes pas vus. Si jamais vous revenez sans la cour et que vous me trouviez sans la goutte, dites-vous bien que je veux vivre dans votre poche. M-r Kosadawlew va revoir de mes enveloppes, il saura bien vous trouver. J'ai de l'humeur contre ces deux princesses, qui sont arrivées sur mes talons les trois dernières fois que j'ai été chez vous. Quoique la princesse Dolgorouky soit dans les mêmes sentiments politiques que les miens, et que cette conformité lie plus ou

moins, cependant j'aurais préféré vos idées libérales à son royalisme. Le fait est que nous nous sommes séparés sans adieux, et comme si l'un de nous fut mort subitement, ce qui laisse l'autre tout abasourdi. Vous ne sentez rien de tout cela, vous en courant les champs, c'est fort simple.... Mais moi, dans ma chambre, isolé et solitaire, vous faites-vous une légère idée de ce que j'éprouve? Je vous assure que j'ai envie de pleurer. Adieu, à demain.

Lundy, 17 juin.

J'ai passé aux Enfans-Trouvés une matinée que j'aurais employée bien plus à mon gré en vous écrivant. Mais il faut de l'argent parfois, et ces besoins-là commandent. Je pense que vous êtes à Twer pour dîner; le tems est beau, ni chaleur ni poussière, cela me fait plaisir pour vous. Quel songe que la vie! Si au moins ce songe était calme; mais je ne supporte pas de se séparer au milieu d'un tourbillon sans prévoir quand on se reverra et si on se reverra! On n'a point laissé entrer mon laquais pour prendre la petite table du prince Alexis Dolgorouky dont le garde-meuble du Kremlin va hériter selon toute apparence. Si vous voyez Ribeaupierre, pensez à Saugy et à m-r Tchitcherine. Pensez à moi quand vous ne verrez personne: je préfère cela. Je vous baise les mains; je suis triste et hypocondre. Je vous vois sans cesse dans ce petit corridor, recommandant votre protégée à m-r Schröder. Cette image m'est fort agréable: vous avez du coeur et de la chaleur pour vos amis. Et puis je vous vois dans cette voiture Markow où je vous ai laissée avec l'espoir aussi flatteur qu'illusoire de passer deux heures le soir entre Sophie et vous.

XCIX.

Pawlowsky, le 21 juin 1818.

Notre voyage s'est fait avec une rapidité inconcevable; nous avons marché la première nuit, on s'est arrêté à 3 heures du matin chez m-r Mertwago, dont la femme se trouve être la soeur de ce Poltoratsky qui va épouser Sophie Galitzine. Ces braves gens, qui avaient calculé qu'on viendrait souper chez eux, comme on l'avait promis, restaient toujours à attendre, madame toute parée, monsieur en habit de sénateur, le cordon par-dessus l'habit. Des lampes et des bougies partout, quoiqu'il fut déjà grand jour. C'était assez plaisant à voir. Tandis que l'Impératrice et toutes nos dames se rangeaient autour de la table où le souper, apprêté depuis si longtems, fut enfin étalé, je m'en allai dans une chambre éloignée pour prendre une tasse de thé avec de la fleur d'orange: j'avais mal aux nerfs, à la tête, mes yeux étaient gros comme le poing, car j'ai pleuré comme une folle du moment où je me suis vue dans cette voiture qui allait m'éloigner de Moscou. Heureusement que mes compagnons ne m'en imposaient point; mon vis-à-vis, qui était Storch, ne perdit pas une seule de mes larmes, mais il eut la discrétion de ne pas proférer une parole de consolation. Le 17 on déjeuna à Twer, on coucha à Wychni-Wolotchok, le 18 à Крестцы. La chaleur était terrible, on allait d'une vitesse qui faisait tomber les chevaux morts; ces pauvres bêtes, déjà si fatiguées avant nous, me faisaient peine à voir. Le roi de Prusse en avait expédié quatre le même jour; jugez ce qu'il y en a eu avec le reste du monde. Enfin, c'est une calamité qu'une course pareille. Dieu merci que de longtems il n'en sera question. L'Impératrice proposa de marcher la nuit du 19; elle alla aux voix, toutes furent pour accepter, car encore vaut-il mieux ne point dormir que de souffrir du chaud. De cette manière S. M. arriva ici hier Jeudy 20, à six heures du matin, et moi à neuf. Nous avons alterné avec m-lle Kotchétow: tandis que l'une était dans le carrosse de l'Impératrice, l'autre était dans la voiture des cavaliers. J'arrivai avec ces derniers et, en me retrouvant dans ma chambre, il me parut tout extraordinaire de revoir chaque chose à sa place, justement comme si je l'avais quittée hier; il me semblait même être au moment de mon départ d'ici pour Moscou. Mon Dieu, que ces neuf mois se sont vite écoulés! L'Empereur est venu dîner ici; je ne l'ai pas vu, car j'ai demandé la permission de rester chez moi toute la journée, et je l'ai passée presqu'entière dans mon lit pour reposer mes membres; j'ai écrit

à ma tante, j'ai un peu lu. Le soir il n'y a pas eu de société, l'Impératrice étant allée à Czarsko-Célo. Aujourd'hui mon premier soin a été de vous écrire à vous, et puis je vais aller à la messe. J'ignore encore ce qui aura lieu; cependant je pense que nous aurons un dîner pour le roi de Prusse. On vient de recevoir la nouvelle des couches de mesdames les grandes-duchesses Marie et Catherine; la princesse de Weymar a eu un garçon, la reine de Wurtemberg une fille. Notre ami Fitzthum devait arriver avec cette annonce; je ne sais pas trop pourquoi cela a manqué.

Adieu, très-cher; je suis triste, j'ai idée qu'il m'arrivera quelque chose de désagréable. Que la volonté du Ciel soit faite sur tout! S'il m'arrive d'être noire dans mes lettres, je vous prie de ne jamais les communiquer à Sophie.

C.

Moscou, le 27 juin 1818.

J'aurais fait comme vous, en arrivant à Pawlowsky: je me serais donné 24 heures pour recueillir mes idées et mes esprits, et les aurait passées au lit. Ce tourbillon est tuant pour qui aime à penser; vous en avez cependant encore pour huit jours au moins, et si le voyage d'automne a lieu, ce sera à recommencer pour six mois. Votre heureux naturel vous fera sans doute tirer de ce mal réel tout le bien possible et à coup sûr vous rendra bien précieuse comme société dans toutes ces cours d'Allemagne; mais que de moments durs à passer, jusqu'au retour! C'est lors de ce retour que vous commencerez à jouir de la vie avec calme et dans une paix durable, pourvu que vous ne donniez plus d'accès aux idées noires qui reviennent chez vous comme une tentation du malin esprit. Rejettez tout cela, ou prenez un ami pour ouvrir votre coeur, car vous n'éprouverez de vrai soulagement que dans un épanchement *sans réserve*. Quelque chose vous travaille, cela est visible; or, ce quelque chose est, ou une idée vague et générale, ou un objet particulier. Dans l'un ou l'autre cas consultez un ami et aimez le assez pour faire abstraction de ce que l'amour-propre peut avoir à souffrir dans l'aveu que vous lui ferez. Si cet ami pouvait être *m-r Le Grand*, je vous en féliciterais; mais je doute qu'il eût le tems de vous donner les soins assidus que demandent les maladies de l'âme. Il faut un homme qui s'y dévoue entièrement, qui vous entende mille fois sur le même sujet sans se lasser de vous répéter les

mêmes consolations qui n'entrent que peu à peu dans les coeurs malades; en un mot, il faut *un ami*, et rien n'est plus rare que ce trésor-là, je le sais bien. Vous êtes très-communicative de votre naturel; mais on s'pperçoit qu'il y a un secret dans votre âme que vous tenez soigneusement renfermé et qui pourtant a besoin de percer. Je ne vous demande point de pardon de vous parler ainsi: c'est l'office du sentiment tendre et sincère que je vous ai voué pour la vie. Peut-être ceci vous parviendra-t-il dans un moment où une circonstance heureuse aura éloigné les peines habituelles, et alors vous ne ferez nulle attention à ce que je vous écris; mais dans ce cas, relisez-moi au premier retour de la peine, et dites-moi si le conseil que je vous donne ne s'accorde pas avec l'idée secrète qui vous presse?

CI.

S-t Pétersbourg, le 27 juin 1818.

Je suis entrée à Pétersbourg sans le moindre sentiment de plaisir; c'est la première fois que cela m'arrive; j'ai été étonnée de ne pas me retrouver cette jubilation intérieure que me causait toujours la seule vue de la barrière. Cette fois il n'y en a pas eu du tout, je suis demeuré d'une indifférence parfaite; je dirai même que j'ai éprouvé quelque chose de triste et que cette belle régularité que j'ai admirée si souvent m'a parue une monotonie désagréable. C'est Moscou qui est cause de cet effet, et maintenant je conçois que le caractère bizarre de cette ancienne capitale doit plaire davantage aux étrangers. Cependant 24 heures de séjour à Pétersbourg suffit pour donner la préférence à cette dernière ville. Lorsque les Prussiens ont jeté les yeux sur la Néva au moment de leur arrivée, qui était précisément celui du coucher du soleil, ils sont demeurés bouche béante, et leur admiration a toujours été progressivement; tout ce qu'on leur montre chaque jour est tellement grand, tellement beau, qu'ils n'en reviennent pas. Hier l'Empereur a mené le roi à la maison de l'état-major, où il a vu un travail magnifique; les plans, les cartes sont faits avec une perfection merveilleuse; on a litographié le portrait de sa maj. prussienne en sa présence; ensuite on lui a fait voir les différentes machines employées à tout cela, et le mécanisme a attiré l'attention de tout le monde. A l'hôtel des monnaies c'était encore superbe; on y a frappé deux médailles qu'on a présentées au roi, l'une portait son éfigie d'un côté, et le revers présentait la ville de Pétersbourg avec cette légende: *l'amitié*

des souverains fait le bonheur des peuples. La seconde médaille avait une légende latine que je n'ai pas trop comprise, mais qui signifiait que c'est Pétersbourg qui l'offre à son auguste convive. Le lendemain du jour de notre arrivée en ville il y a eu dîner chez l'Impératrice-mère, et le soir bal à la salle de S-t Georges; il n'a pas été nombreux, comme ceux de la Грановитая Палата du Kremlin, mais sans contredit de meilleure tenue, à cause des toilettes bien autrement soignées que celles des dames de Moscou. Lundy nous avons eu un goûter à la Tauride; en sortant de là l'Impératrice a été au palais d'Anitchkow chez le grand-duc Nicolas qui était indisposé depuis le matin. Je l'ai accompagnée, et comme je demeurai avec Modène tandis que S. M. entra chez son fils, je crus voir à tout ce qu'on me dit qu'il n'y allait pas moins que de la rougeole. Mardy matin les médecins la déclarèrent, et maintenant elle est dans sa plus grande force. Le grand-duc souffre beaucoup des yeux; il a eu une très-forte fièvre pendant deux jours, aujourd'hui elle a commencé à diminuer. Cette rougeole a changé tous nos plans; l'Impératrice s'est établie garde-malade, et n'est plus d'aucune fête, ce qui nous laisse également de côté. Nous n'irons pas à Peterhof, nous restons au palais d'hyver, et quoiqu'il y fasse très-chaud, je l'aime encore mieux que la Tauride dont l'éloignement de partout est désolant. J'ai mis à profit la journée d'hier pour me donner Kamennoï-Ostrow; là j'ai retrouvé toutes mes ardeurs passées; j'en ai visité sentimentalement les moindres coins. J'ai dîné chez l'aide-de-camp Czernichew qui est vis-à-vis Krestowsky-Ostrow, ensuite j'ai été chez Ribeaupierre établi à la campagne Laval; de là chez la princesse Dolgorouky, et enfin j'ai terminé ma soirée chez madame Gouriew où j'ai été reçue à bras ouverts. Madame Swertchkow est heureuse au possible; elle me paraît adorer son mari, qui de son côté m'a paru avoir un singulier air avec moi, c'est comme s'il voulait s'excuser d'avoir épousé m-lle Hélène. Je ne sais pas trop pourquoi il s'excuserait: il a très-bien fait, et il vaut bien mieux à mon avis être le gendre de m-r de Gouriew que celui de tout autre. S'il pouvait avoir une mission agréable, je crois qu'il aimerait assez à quitter le pays; mais je ne suppose pas qu'il voulût retourner au Brésil cependant. Nos chers Ribeaupierre font toujours un ménage délicieux; leurs enfants sont charmants; ils ont une petite fille de cinq ans qui est remplie d'esprit et dont le raisonnement est en vérité surprenant; un petit garçon de 7 mois joli comme uu amour; une autre petite fille de 4 ans très-jolie encore, et puis une troisième fille de trois ans qui n'a pas l'air de leur appartenir, car tous leurs enfans ayant des yeux noirs et des cheveux bruns, m-lle Mimi se trouve être blonde et avoir les yeux bleus; elle ressem-

ble à Woldemar Galitzine; c'est très-plaisant à voir. Je leur ai demandé cet enfant, et le père avec beaucoup de sérieux me promettait de m'en faire présent, ce qui me plairait fort si la chose était possible.

On trouve ici le mariage de Sophie Galitzine assez extraordinaire; on rabâche sur le nom de Poltoratsky dont on a connu le père, fils de prêtre et chantre à la cour; on compte les quartiers de l'illustre famille et l'on s'étonne d'une alliance aussi disproportionnée. Je laisse dire; je n'ai pas épousé cette cause, mais il est assez inconséquent qu'avec le goût de la charte et des idées constitutionnelles on aille rechercher les ayeux d'un homme qui a pourtant par lui-même un certain rang dans le monde.—Lise Kourakine est plus folle que jamais; André m'a dit qu'elle ne parle pas du tout; depuis un mois on n'a pu lui arracher que quelques monosyllabes. Le mari tient toujours à la faire partir, et quoiqu'il n'ait pas la moindre envie de se déplacer, il veut le faire pour l'acquit de sa conscience. Je commence à douter du voyage de la princesse Boris. Dieu sait comment elle pourrait l'entreprendre; il faut à présent de l'argent pour marier Sophie, et ce n'est pas une bagatelle de doter à la fois une fille et de s'en aller pour 8 mois à Paris. Le mari aura beau travailler: à l'impossible nul n'est tenu.

CII.

Moscou, le 4 juillet 1818.

J'écrirai demain à Saugy que vous ne l'oubliez pas. J'avais mille choses à vous conter sur lui, si j'avais pu vous voir seule dans les derniers tems; tout ce que je vous en aurais dit vous aurait prouvé l'urgente nécessité de le tirer bientôt de Kassimow, où il partage les extravagances d'une femme qui ne peut que lui valoir incessamment une esclandre fâcheuse. Le mari seul ignore encore ce qu'il sera forcé d'apprendre; déjà les domestiques l'ont arrêté à la descente d'un balcon à deux heures du matin, il s'est tiré de leurs mains en leur donnant tout ce qu'il avait d'argent; et vous sentez que quand les choses en sont là, l'éclat n'est pas éloigné. Faites-le passer aux gardes plustôt que plus tard, si la chose est possible.

L'air de m-r Swertchkow ne me surprend guères; il pense que vous aviez conçu de lui une idée supérieure à celle d'un homme capable de faire un mariage où le goût est sacrifié à l'intérêt; et comme

la figure de sa femme ne laisse aucun doute sur le motif, cela l'embarrasse à vos yeux. Vous décidez même le sens de ma pensée dans la phrase de votre lettre, car vous ne dites point: il a très-bien fait, il vaut mieux être le mari de m-lle Hélène que celui de toute autre; mais vous dites: *il vaut mieux être le gendre de m-r Gouriew que de tout autre*. C'est donc la fille du ministre en faveur qu'il a épousée et non m-lle Hélène Gouriew, toute excellence qu'on assure qu'elle est. C'est le sentiment d'une délicatesse un peu blessée qui l'embarrasse, mais cela passera. On se fait à tout. On se fera aussi à madame Poltoratsky, belle-fille d'un chantre, pourvu qu'elle joue un rôle dans le monde. Les dîners de m-r Laval, fils d'un marchand de vin, l'ont mis au niveau de tout ce qu'il y a de grand, et depuis bien longtems même. On n'a plus le droit de s'étonner d'aucune fortune dans ce siécle, et moins en Russie que partout ailleurs! Les Razoumowsky ne sont-ils pas de très-grands seigneurs? Et demandez-moi où est né leur propre père! Les Golowkine descendent d'un diatchok qui sut plaire à Nathalie Kirilowna, mère de Pierre Premier. Koutaissow a passé de l'antichambre au cordon bleu, et Lapouchine lui a donné sa fille. Rostopchine vient de je ne sais quel Tartare écrasé par le Tzar. Obolianinow est un autre champignon de circonstance. En un mot, rien n'est si commun dans un pays tout neuf. L'Empereur Alexandre, en renonçant à l'usage de donner des paysans et des terres, rendra la fortune de ses favoris plus précaire; sans cela que ne serait pas aujourd'hui Spéransky malgré sa chute. J'en reviens à Poltoratsky; j'ai dîné hier avec mad. Labkow qui voit souvent la princesse Boris, laquelle attend son mari avec les galions de l'Ukraïne. On a acheté la moitié du basar de Moscou pour le trousseau de Sophie, il ne reste plus qu'à aquitter les mémoires des marchands; je doute, comme vous, qu'il reste des fonds pour le voyage de Paris; et puis quel serait le but de ce voyage? On assure que la cour passera l'hyver à Pétersbourg, dans ce cas à quoi ressemblerait un voyage lointain pour la princesse Boris? La noce aura lieu à Czarsko-Célo, le jour de naissance de la princesse Boris.

Le comte Markow n'est parti que Samedy, on croit sa fille grosse. Il avait envoyé en avant un m-r Gmelin pour diriger ses affaires en Podolie; ce Gmelin laissait ici une femme et sept enfans qui devaient le rejoindre au mois d'août. Voilà que tous ces enfans tombent malades de la rougeole et que le cadet en meurt. La mère qui avait un principe d'hydropisie s'est trouvé beaucoup plus mal ces jours derniers. Elle m'a fait appeler; je la trouve entre Richter, Dam et Hans; sur une table étaient étalés tous les instruments de ces messieurs qui me

préviennent qu'ils vont faire une ponction. La malade, que je voyais pour la première fois, me recommande ses pauvres enfans dont l'aîné a 14 ans et me dit qu'elle a le ferme préssentiment de mourir. Je promets comme de raison tout ce qui est en mon pouvoir et je veux me retirer; mais la mère me supplie d'attendre la fin de l'opération qui dura une heure sans qu'elle proféra une plainte; elle s'y était préparée par une férvente prière. Quand tout fut fini, elle ne se trouva pas mieux, quoiqu'il fut sorti 37 livres d'eau; les médecins me dirent qu'ils n'auguraient rien de bon. C'était Vendredy, veille du départ du comte Markow; j'eus le tems encore d'obtenir de lui que si cette femme mourait, je prendrais les enfans chez moi jusqu'à leur départ pour Létichew. La malade n'alla pas loin; je la revis Dimanche calme, tranquille, mais un visage renversé. Lundy, au moment où j'allais vous écrire, elle me fit prier de venir bien vite, et n'eut que le tems de me dire: prenez soin de ces pauvres orphelins, et elle expira sans agonie quelconque; la gangrenne s'était mise dans son intérieur. Je la fis enterrer hier, et demain ces 6 enfans viendront loger ici. C'est une tâche que m'envoye la fortune pour un mois ou six semaines, jusqu'à ce que je sache les intentions du père et celles du comte. Il y a parmi les enfants un petit Édouard de 8 ans qui m'a pris dans une telle affection qu'il veut absolument que je sois son papa. Maman me l'a promis, me répète-t-il sans cesse; si les autres lui ressemblaient, je n'aurais presque que du plaisir, mais ils sont malingres, malsains et fort laids; il y a entre autres une petite fille de 10 ans qui a la gale et la teigne, en sorte qu'on ne sait par quel bout la prendre. Cependant je vais faire soigner tout cela de mon mieux. Il y a 8 jours que je n'en connaissais pas un, et les voilà tous sur mes bras.

Je fais des voeux pour que le voyage de l'Impératrice n'ait pas lieu. Est-il vrai que la princesse de Weymar a du faire ses couches à Dresden à cause de l'agitation politique de son duché?

CIII.

S-t Pétersbourg, le 4 juillet 1818.

J'ai rencontré à Oranienbaum un grand nombre de connaissances; le corps diplomatique en plein et parmi ces messieurs le duc de Serra-Capriola qui m'a paru extrêmement vieilli. Nous sommes revenus hier pour le dîner; le reste de la journée je l'ai passée chez moi couchée de mon long, un roman à la main, intitulé *Ondine*, qui m'a été recommandé par tous les Prussiens et qui a eu un grand succès en Allemagne; c'est une traduction de madame de Montolieu, l'auteur est un certain La Mothe-Fouqué au service du roi de Prusse et depuis longtems établi à Berlin.

Aujourd'hui nous avons dîné cher l'Empereur à Kamennoï-Ostrow; à six heures nous avons vu lancer une frégate à Ochta, puis nous sommes revenues par eau. Je suis rentrée pour écrire et pour me coucher de bonne heure, devant me lever demain de grand matin pour accompagner l'Impératrice à Gatchina, où le roi vient dîner.

J'ai souvent été distraite par une pensée qui me suit sans cesse, une pensée dominante, enfin un sentiment qui ne change rien au fond à celui que j'ai pour vous par exemple, mais qui, malgré cela, m'a souvent détourné des objets qui me sont également chers et dont je prise infiniment la bienveillance. N'en parlons plus.

CIV.

Moscou, le 11 juillet 1818.

La vie que je mène est à ce moment douce, calme et fort de mon goût; mais elle ne fournit pas la plus petite chose à dire, pas la moindre remarque à faire. Je ne vois que mon livre; je n'entends de nouvelles que celles que m'apportent les gazettes; mais je jouis de moi-même dans un repos, dont je sens d'autant mieux le prix que je l'ai acheté par un long hyver d'agitations. C'est une tâche pénible que celle d'être mêlé de gré ou de force dans les intérêts d'autrui. On a beau aimer les gens, partager sincérement tout ce qui leur arrive d'heureux ou de fâcheux: on se fatigue de leurs affaires domestiques, quand on en a les oreilles rebattues, et qu'on se sent un esprit porté

plus haut que ces misères, qui pourtant absorbent tous les moments dans l'intérieur d'une famille. Enfin, j'aime le comte Markow et sa fille, et le leur prouverai toute ma vie par des faits, si je peux; mais je suis bien aise de n'entendre plus discuter les petits intérêts de leur vie privée, de leur ménage pour mieux dire. Cela nuisait au bonheur de tous les moments, qui pour moi ne consiste que dans la liberté de faire ce qu'on veut à tous les instants du jour, de ne rien faire de tout un jour quand on en a la fantaisie, de ne voir point entrer chez soi, au moment où l'on sent le besoin d'être seul, quelqu'un qui a le droit de ne trouver aucune porte fermée dans sa maison; de ne point voir un valet de chambre qui vient vous dire: графъ васъ проситъ къ себѣ, à l'instant que vous ouvrez votre livre ou que vous prenez votre plume pour écrire; de ne point sentir la convenance de monter un ou deux étages, soir et matin, comme une espèce de salaire de son loyer. J'ai porté pendant 9 mois le fardeau de cette gêne, et depuis que j'en suis affranchi, mon projet favori est de m'acheter une petite maison qui sera toute à moi et où je pourrais vivre dans un repos exempt de toute interruption. Je sais que cela m'ôtera une partie de l'aisance dont je jouis; mais avec le genre de vie que j'ai adopté et qui me convient de tous points beaucoup mieux que le monde, quatre chevaux me sont inutiles; j'en conserverai deux, et je ferai quelques autres retranchements qui me permettront encore de nouer les deux bouts, comme on dit vulgairement. Voilà le projet sur lequel mon esprit se promène avec délice et que je caresse tous les jours. Peut-être une réflexion plus mûre m'en fera voir les inconvénients, mais au sortir de cet hÿver je n'ai pas la force de chercher les défauts de ce nouveau plan: je suis trop pénétré de ce que l'ancien a de pénible. Croiriez-vous qu'une simple visite à faire me semble aujourd'huy une corvée? Aussi laissé-je tomber le plus possible toutes les relations où le coeur n'est pour rien; ce n'est plus que par le sentiment de l'amitié que je veux tenir à l'espèce humaine: tout le reste est d'un vide affreux à mes yeux.

Je n'envie de tout ce que vous avez vu que le feu d'artifice d'Oranienbaum: c'est à mon gré une chose fort agréable, quand elle réussit à souhait. Je n'en ai vu de beaux qu'en Russie, et il y a bien longtems; car c'était celui que l'impératrice Catherine donna au jeune roi de Suède en VII-bre 1796. Je doute que le vôtre ait pu être plus magnifique: les 22 ans passés par là-dessus n'en ont terni ni l'éclat ni le brillant dans mon souvenir.

Ah, que je suis bien aperçu de cette idée dominante qui ne vous quitte point. Un certain matin, pendant que la princesse Barbe Dolgorouky vous représentait la nécessité où vous êtes de ne pas quitter la

cour, vous ne l'écoutiez pas; vous étiez toute à votre idée.... n'est-ce pas? Mais quelle est-elle cette idée, voilà ce que je meurs d'envie de savoir, et pourtant sans la moindre curiosité et par pur intérêt. Ah, mon Dieu, si c'était l'amour sans espoir de bonheur, que je vous plaindrais vivement! Le tems y serait le seul remède. Mais si ce sentiment est placé de manière à conserver l'espoir d'une heureuse fin, je sens que le tems même n'y fera rien et que l'espérance le nourrira, bon-gré malgré qu'on en ait et en dépit de tous les obstacles éventuels. Que ne suis-je digne d'être votre ami, et que ne pouvez-vous ouvrir votre coeur! C'est le seul soulagement que vous puissiez goûter, croyez-moi; non que je me propose si vous connaissez quelqu'un qui vous soit aussi attaché que moi et plus à portée de vous entendre que je ne le suis; mais parce que je sens que je saurais vous dire tout ce qui allégerait votre peine; je trouverais dans ma tendresse pour vous toutes les consolations dont votre coeur serait susceptible.... Mais vous ne voulez pas que je m'appesantisse sur ce sujet; il faut donc le quitter pour ne le reprendre que quand vous jugerez à propos d'y revenir.

Vous ne me dites point si le dîner de Gatchina sera le dîner d'adieu du roi. Je le suppose, puisqu'il tombe sur le 5, jour annoncé pour son départ, et que Gatchina est sa première station devers la Prusse. Le voyage de l'Impératrice-mère s'éclaircit-il? Ah, que je voudrais qu'il n'eût pas lieu et combien cet hyver prochain sera plus agréable pour moi si je reçois souvent de vos nouvelles, et de Pétersbourg plutôt que de l'Allemagne! Comment êtes-vous avec *monsieur Le Grand*? Cela m'intéresse beaucoup aussi. Adieu, chère princesse; je suis avec mes six petits Allemands sur les bras. Ils sont d'un extérieur assez déplaisant, mais quand je les vois à l'envie faire leur petit menage à l'aide d'une seule servante; quand je vois l'ordre et l'adresse avec lesquels agissent ces petites filles, je sens pour elles une profonde pitié. Elles ont l'air d'être pénétrées de leur malheur, elles sont douces, polies et versent des larmes dix fois par jour au souvenir de leur mère; dans ces moments-là elles seraient jolies comme des amours que je ne pourrais pas me sentir plus d'intérêt pour elles. Adieu encore; je vous baise les mains cent mille fois. On dit que la jolie madame Nékloudow a donné dans la haute dévotion. Rien ne m'étonne dans ce genre depuis que madame Kologriwow (Прасковья Юрьевна) traduit l'Imitation de Jésus-Christ.

CV.

S-t Pétersbourg, le 9 juillet 1818.

J'avais bien cru vous écrire de Pawlowsky aujourd'hui, car nous devions y être depuis avant-hier, Dimanche. Mais ne voilà-t-il pas que Samedy soir madame la grande-duchesse se trouve incommodée; d'abord c'est un évanouissement, ensuite elle se plaint d'un rhume, d'un mal de gorge, elle passe une mauvaise nuit, le lendemain elle est couverte de tâches; on dit que c'est la rougeole. Aussitôt on ordonne d'arrêter les équipages prêts à partir pour Pawlowsky. Pendant ce tems, moi, je me sens prise par une colique hémorroïdale d'une telle force que faute de laquais sous la main j'envoye Nathalie chercher Rhul qui demeure au palais, Chreighton se trouvant à la campagne. Rhul me prescrivit une potion, un baume pour des frictions et force lavements que je déteste et qu'il a fallu prendre. J'ai gardé le lit tout le jour, et hier encore la chambre. M-lle Samoïlow m'a tenu fidèle compagnie me faisant la lecture d'un roman nouveau intitulé: Le Coin du feu du pasteur. Nous avions souvent des nouvelles du palais Anitchkow; les tâches de mad. la grande-duchesse étaient entièrement disparues, ce n'était plus la rougeole; un valet de pied nous fut envoyé pour nous prévenir que l'on partirait aujourd'hui pour Pawlowsky, mais une heure après un second message arriva pour nous apprendre qu'on passerait à la Tauride. Il résulte de là que nous ignorons encore le parti définitif qu'on prendra. J'ai mal dormi cette nuit à cause de la chaleur accablante qu'il fait dans ce palais d'hyver, qui n'en est vraiment pas un d'été. J'ai eu mes fenêtres ouvertes toute la nuit; mes douleurs sont à peu près passées, et si elles ne reviennent pas d'ici à ce soir, je sortirai pour aller voir la vieille comtesse Protassow qui arrive de Moscou.

Nous avons fait nos adieux au roi de Prusse Vendredy dernier. Il vint, ainsi que je vous le mandais l'autre jour, dîner avec nous à Gatchina. Sur les sept heures il partit. Sa fille l'accompagna une dixaine de verstes; l'Empereur le suivit jusqu'à la première poste. Le roi m'a semblé fort ému en prenant congé des Impératrices, particulièrement de la mienne, qui l'embrassa à plusieurs reprises; il parlait allemand, mais autant que j'ai pu le comprendre, il la remerciait toujours pour sa fille. Il a fait de magnifiques cadeaux à toutes les grandes charges, aux messieurs de la suite, aux pages qui l'ont servi et généralement à tout ce qui l'a approché; vingt cinq mille roubles aux

laquais de la cour. Dans la maison de sa fille il a été de même très-généreux. M-r de Modène a eu une boîte avec son portrait; la dame d'honneur Wolkonsky une bombonnière d'une pierre de Silésie avec un bel entourage en diamants et son portrait au milieu; les jeunes personnes ont eu des boucles d'oreilles, la gouvernante, l'Anglaise, la nourrice de l'enfant ont eu aussi de très-beaux cadeaux; en un mot, il s'est très-bien montré. Ne croyez pas au reste que nous autres n'ayons pas suivis un si bel exemple: pour mieux dire, c'est nous qui l'avons donné. L'aide-de-camp général du roi m-r de Fitzleben a été décoré du cordon de S-te Anne; Schoëller, ministre de Prusse, a eu le second Wladimir; Yago, grand écuyer du roi, a reçu une tabatière de 20 mille roubles, et tous les autres à proportion. Un certain Branchitz a même eu un beau fermoir pour sa femme. Enfin, la récolte a été abondante des deux côtés.

Ne vous amusez pas à faire des conjectures: elles tomberaient toutes à faux. Il n'existe pas un être qui pût découvrir le secret que vous me supposez; je n'ai jamais eu la nécessité des confidences, je m'en suis bien trouvée et je ne dévierai jamais de ce principe. Il est vrai que j'en souffre un peu plus, mais aussi j'ai l'avantage d'être libre en souffrant, et ç'en est un très-grand.

CVI.

Moscou, le 15 juillet 1818.

Envoyez-nous un peu de cette chaleur qui vous incommode: ici l'air ne cesse d'être froid et aigre en dépit du soleil, et loin de dormir à fenêtres ouvertes, je n'ai pu quitter encore une bonne couverture de laine.

Les Prussiens sont devenus très-magnifiques dans leurs présents; c'est une preuve que leurs finances se relévent et qu'un état peut revenir de loin. Quand on pense à ce qu'a été la Prusse de 1807 à 1813, on est tenté de ne désespérer plus de rien.

Rappellez-moi au souvenir de m-r de Fitzthum, je vous prie, et demandez lui de ma part où en sont les constitutions de l'Allemagne? Est-il vrai que la Bavière est mécontente de la sienne, qu'elle ne voudrait ni clergé ni noblesse entre le trône et le peuple, que le roi penche pour ce système qui l'affranchirait de bien des entraves? L'appetit vient en mangeant: l'électeur Maximilien avait de la répugnance à devenir roi, et le voilà qui voudrait être sultan et faire de Munich une

jolie petite Constantinople. Est-il vrai qu'à Weymar il y a de l'agitation et que madame la grande-duchesse a dû en conséquence faire ses couches à Dresde? Les gazettes françaises ne disent pas un mot de tout cela; mais on m'a assuré que celles d'Allemagne le font entendre, et je m'adresse au constitutionnel baron de Fitzthum pour savoir si ces bruits ont quelque fondement.

Je suis charmé de savoir que vous êtes en correspondance avec *m-r Le Grand*; je crois toujours que tôt ou tard il vous sera utile. Mais ne fondez pas sur lui comme sur le roc; il est homme et par conséquent sable. Comment sais-je que vous lui écrivez, me demanderez-vous? C'est que l'enveloppe de votre № 4 lui avait d'abord été destinée et portait son nom en plein, et que par une économie de papier vous n'avez fait que la retourner pour y mettre le mien. S'il lit vos lettres avec autant de plaisir que moi, écrivez-lui bien souvent.... Mais je crois son attention si partagée; c'est un centre qui a tant de rayons qu'à moins d'être la Providence il est impossible qu'il suffise à tout entendre et à répondre à tout.

CVII.

Moscou, le 18 juillet 1818.

On débitait hier au club que le prince Alexandre Kourakine était mort à Weymar; cela est-il vrai? Est-il vrai que m-r Nicolas Gouriew épouse mad-lle Narichkine, fille de Dmitri Lwowitch? On assure aussi que la princesse Bagration a épousé un homme obscur, mais qu'elle conserve son nom et son titre; aussi bien que la femme de Vernègues, qui ne cesse point de s'appeler comtesse Tolstoï. Madame de Staël a donné l'exemple, et les autres sautent comme les moutons de Panurge. A l'avenir, les veuves qui se marieront ne prendront le nom de leur mari qu'autant qu'il flattera leur vanité. C'est un accommodement avec le Ciel; on veut bien calmer sa conscience et apaiser son confesseur; mais faire un sacrifice à l'amour-propre, c'est une autre affaire, et l'on est enchanté de se sauver au meilleur marché possible.

Nous ne cessons d'avoir froid, et malgré ce froid le tonnerre tue un lieutenant-colonel sur son droshky, l'orage ravage nos campagnes, la grêle casse nos vitres, si bien que nous avons tous les inconvénients de la saison sans en avoir aucun agrément.

CVIII.

Au Palais Tauride, le 12 juillet 1818.

Je suis installée ici depuis quatre jours. Mardy dernier mad. la grande-duchesse, ayant eu tous les symptomes de la rougeole, il a été arrêté que son enfant devait être transporté à la campagne. Comme on n'a pas voulu en même tems l'éloigner trop du palais Anitchkow, on s'est décidé pour la Tauride, et nous avons eu ordre de nous y établir le même jour que l'enfant. Nous sommes dans la retraite la plus absolue, l'éloignement des isles empêche toute communication avec la société qui est en grande partie à Kamennoï-Ostrow, et malgré le désir que j'aurais de voir mes amis et surtout les Ribeaupierre, je ne suis pas fâchée de cette solitude: il y a longtems que mon corps et mon esprit en avaient besoin. Voulez-vous savoir ma vie? Je me lève à 7 heures; ma toilette est terminée à 8, je descends au jardin, je marche seule jusqu'à 9 que je vais trouver madame de Lieven. Nous déjeunons ensemble; après la tasse de café qu'elle me donne je demeure avec elle une demi-heure à causer; si elle n'a pas à me faire écrire (car très-souvent je lui sers de secrétaire pour le français et le russe), je reprends ma promenade. A midy je rentre dans ma chambre; sur les trois heures une autre toilette pour le dîner. Depuis notre arrivée ici l'Impératrice a toujours dîné chez le grand-duc; notre repas est donc présidé par madame de Lieven, et notre table est composée de mesdemoiselles Diwow, Kotchetow et Samoïlow et en hommes du grand-écuyer Mouchanow, du papa Albédil et du docteur Rhul, seuls humains de votre sexe que ces murs renferment et tous les trois d'un genre à faire perdre toute mauvaise pensée qui pourrait venir en tête: car ces messieurs feraient à merveille dans un couvent de l'ordre le plus austère. Au sortie de table nous allons nous asseoir sur la verte pelouse, à l'ombre d'un beau saule; là on dresse une table de jeu pour faire un *dourak*, et celui qui gagne la poule emporte 3 roubles, je vous prie de croire. A six heures et demie, celle qui est de service va au palais Anitchkow pour y chercher l'Impératrice, qui ne rentre pourtant qu'à 10 heures; les autres font ce qui leur convient. Je marche beaucoup le soir avec mademoiselle de Samoïlow, qui est aimable tout-à-fait; sa gouvernante n'étant pas avec elle, je la vois davantage maintenant et je goûte infiniment toute sa manière d'être. Nous lisons ensemble le Coin du feu dont je vous ai parlé dernièrement. C'est un peu du galimatias.

Je vous promets qu'à ma première visite chez Ribeaupierre je lui parlerai de Saugy. Je connaissais sa liaison avec mad. Timann, mais je ne me doutais pas qu'il en fût encore à l'escalade des balcons, je le croyais plus avancé et à portée de voir sa belle beaucoup plus commodément. S'il lui arrivait de se faire prendre encore une fois par les laquais de m-r le colonel, je ne répondrais pas en effet de leur discrétion. Cependant pour le faire passer aux gardes ce n'est pas une raison à présenter; le général Чичеринъ a été sollicité par Kourakine, nous verrons ce qu'il fera; la chose est très-difficile, je vous en avertis.

Le prince Alexandre Kourakine est mort à Weymar à la suite d'une maladie de 20 jours. Il s'était arrêté chez mad. la grande-duchesse pour la voir avant ses couches et voulait ensuite aller à Carlsbad, mais les médecins lui ordonnèrent de prendre avant tout les eaux de Wildunge; il les commença sans pourtant vouloir s'astreindre au régime sévère qu'on lui avait préscrit et qui ne convenait pas à sa gourmandise; il se donna une indigestion de fruit qui fut le principe de la maladie; les premiers jours il ne voulut faire aucun remède de sorte que des vomissements fréquents le mirent bientôt en danger. Lors qu'il s'aperçut de l'affaiblissement de ses forces, il se prêta à ce qu'on voulut; mais c'était trop tard, rien ne put le sauver; il perdit connaissance 24 heures avant sa mort, qui d'ailleurs fut assez douce. Le médecin de madame Marie a envoyé ici le journal de toute la maladie; à l'ouverture de son corps on lui trouva 30 pierres, dont 28 dans la vessie et deux dans les reins. Ce pauvre prince en avait rendu il y a deux ans à Gatchina; je me rapelle parfaitement la frayeur qu'il en eut alors. Il laisse ses affaires dans un ordre parfait; on assure qu'il n'a point de dettes et que le sort de ses bâtards Serdobine est assuré; il avait vendu une terre pour un million et deux cent mille roubles, et cet argent a été destiné à ses enfants. Il laissa 5 mille paysans à son neveu Boris, mais avec la condition que la régie en soit confiée au prince Alexis; celui-ci hérite des pécheries qui donnent 150 mille roubles de rente.

Samedy, 13 juillet au soir.

Le baron de Fitzthum est venu dîner avec nous pour rompre la monotonie dont je vous ai parlé. J'ai beaucoup causé avec lui sur l'esprit de l'Allemagne; il m'a juré qu'il n'y avait pas un mot de vrai sur les prétendues agitations de son pays; madame Marie, à l'exception du voyage qu'elle fit l'année dernière aux eaux d'Ems, n'a pas quitté Weymar; c'est là qu'elle vient d'accoucher, et elle n'a jamais pensé à aller à Dresde. La constitution marche chez eux à merveille; dans le pays de Nassau tout de même; dans le Wurtemberg cela prendra également, le roi gouverne avec esprit, sagesse et fermeté. On désire généralement le gouvernement représentatif, et il paraît probable qu'il finira par s'établir dans toute la Germanie. Les souverains alliés sont attendus à Aix-la-Chapelle; il a été signifié à la diète de Francfort qu'on n'admettrait au congrès aucun agent diplomatique, les discussions ne devant porter que sur un seul objet, savoir si on peut retirer les troupes alliées de France. Fitzthum est fort pour l'affirmative; il prétend qu'on peut avoir confiance dans ce gouvernement. M-r de Richelieu sera, comme de raison, au congrès.

Je fus hier au palais d'Anitchkow, car c'était mon tour de service; la rougeole va très-bien, mad. la grande-duchesse a dû quitter le lit aujourd'hui. J'ai fait ce matin une équipée qui m'a tout-à-fait réussi; j'ai voulu me donner Kamennoï-Ostrow, mais n'ayant pas de voiture je me suis embarquée en bateau, toute fine seule avec une feuille du Moniteur en main. J'ai navigué avec deux bateliers qui m'ont déposée à la porte des Gouriew; de là je fus voir les Ribeaupierre, puis dîner chez madame de Litta et le soir je revins chez les Gouriew d'où monsieur me ramena charitablement chez moi. Il ne peste pas mal contre ce projet de voyage de la cour; la dépense en sera très-forte, et il est déjà à se creuser le cerveau pour fournir au courant et ne sait pas comment il fera face à l'extraordinaire. Il a certainement raison; de plus, je ne vois pas ce que ce voyage peut avoir d'agréable; il n'y aurait pour l'Impératrice-mère que le plaisir de voir mesdames ses filles; pour tout le reste je n'y vois rien d'amusant. Faites des voeux pour qu'il manque pour tous, et particulièrement pour moi qui ne m'en soucie pas le moins du monde.

Mon Dieu, comme il vous arrive toujours de ces évènements auxquels vous ne vous attendez pas! La mort de cette mad. Gmelin qui vous met sur les bras six enfans, et cela pour six semaines. Jeannot Narichkine n'est point à regretter; dans l'état de démence où il se

trouvait rien ne pouvait être plus heureux que de mourir; si pareille chose arrivait à Lise Kourakine, elle délierait les mains de bien du monde. J'ai fort envie de presser la princesse Boris de donner Titine à l'institut de S-te Catherine; je suis bien sure que l'Impératrice s'en occuperait particulièrement en mémoire de son oncle. Jamais cette enfant ne pourrait être aussi bien élevée à la maison sous la seule inspection de son père. Imaginez que madame Thomon me disait l'autre jour que cette pauvre petite commence déjà à être nerveuse. Concevez-vous cela à 8 ans! La princesse Boris n'aura pas grand sujet de joye en arrivant ici, à moins qu'elle ne se console avec le logement qu'on vient de lui garder à Czarsko-Célo. On y a arrangé quatre maisons qu'on donne pour cet été aux deux aides-de-camp généraux Czernichew et Troubetzkoy et aux princesses Dolgorouky et Galitzine; j'aime assez que ces deux puissances rivales marchent sur la même ligne: il n'y en aura pas plus pour l'une que pour l'autre.

Lundy matin, 15 juillet.

Vous ne vous doutez pas de ce que nous avons fait hier; oh, sûrement pas, car personne ne peut imaginez les tours de force que l'Impératrice se plaît à nous faire faire! Eh bien, monsieur, nous avons été prendre du thé à Pawlowsky tout aussi lestement que s'il eût été question de Kamennoï-Ostrow. On a fait un déjeuner à la fourchette au palais d'hyver, après lequel nous sommes parties, S. M., m-lle Nélidow, m-lle Kotchetow, m-lle Samoïlow et moi; on s'est arrêté une demie-heure à Czarsko-Célo chez l'Empereur en allant, et autant en revenant. Il était d'une humeur charmante, et jamais je ne l'ai vu plus beau, avec un surtout et le fourachka. Sans contredit, c'est un des plus beaux hommes qu'on puisse voir! Nous sommes revenues en ville à onze heures.

CIX.

Moscou, le 22 juillet 1818.

J'étais hier matin chez votre soeur que j'ai trouvée fort préocupée du projet de l'oncle d'aller habiter une maison en face de celle du prince Youssoupow, ce qui l'éloignerait de toutes ses connaissances, et dans laquelle elle serait au surplus fort mal logée: une seule petite chambre, et la femme de chambre serait obligée d'aller demeurer avec celle de la tante. Tout cela ne rit point à Sophie; un reste d'espoir c'est que le marché n'est point tout-à-fait conclu. Votre soeur est convenue que l'oncle fait sur ces nerfs un effet prodigieux et qu'elle tient souvent sa patience à deux mains pour qu'elle ne lui échappe pas. Ah, mon Dieu, comme je la comprends et comme je la plains; ce que je vous mandais l'autre jour sur l'inconvénient de n'être pas absolument chez soi, est plus applicable encore à la princesse Sophie qu'à moi, puisqu'elle a toute sa vie ce que je n'ai que momentanément. Au moment où j'allais la quitter, après avoir raisonné à perte de vue, voilà-t-il pas Titow qui entre chez elle tout frais arrivant de Paris; ce furent des cris pendant un quart d'heure, car on ne le savait pas de retour. Il apportait à Sophie force lettres et présents de Carlsbad. Imaginez un Titow régénéré, ne crachant plus, ne toussant point, élégant comme un homme de 25 ans, un frac du dernier goût, des pantalons et un gilet de fantaisie tels qu'aurait pu les choisir un jeune marié pour le lendemain de ses noces; du linge de la dernière beauté, enfin de la santé, de la jeunesse et de la gayété à revendre.... Non, il n'est rien de tôt que d'aller à Paris quand on a 60 ans! Je veux me donner le plaisir d'aller voir ce cher général dans son lit pour savoir si la réforme est complète, s'il a pris l'habitude de coucher entre deux draps et s'il n'a plus pendue à sa muraille l'infâme guénille contre laquelle il crachait jadis.

A propos de cracher, qu'avez-vous dit de l'aventure de sir Murrai Maxwell aux élections de Westminster, et que pensez-vous des constitutions qui permettent des abus aussi énormes sans qu'on puisse les réprimer par la force armée? Ces choses à mon avis déshonorent l'Angleterre, et j'aime mieux vivre sous les ordres quelquefois assez vexatoires de notre comte Tormassow et sous la police tranchante de Choulguine que sous une populace indisciplinée et indisciplinable par ses droits constitutionnels, qui peut attaquer ouvertement ceux qui lui déplaisent en contrariant ses vues, les assassiner au besoin, et cela sans

qu'on en puisse prévenir l'effet. Je suis bien aise que m-r le grand-duc Michel voye cela de ses yeux: rien ne peut mieux le convaincre que le juste milieu n'est nulle part, en gouvernement plus qu'en toute autre chose. La force abusera toujours un peu, et par conséquent il vaut mieux qu'elle soit trop concentrée que trop disséminée.

Vous croyez donc bien difficile de faire passer aux gardes notre jeune Saugy? J'en suis bien fâché, car il lui arrivera quelque malheur à Kassimow. Ce ne sont pas les difficultés que fait *la belle* qui obligent à escalader les balcons, mais c'est qu'elle passe la nuit maritalement et s'échappe dans un petit oratoire quand le bon mari dort, afin d'y recevoir celui qui ne trouve pour s'y rendre d'autre chemin que la fenêtre. Il y a là-dedans des détails que vous devrez toujours ignorer même vis-à-vis de Ribeaupierre, mais que je veux vous conter pour vous apprendre jusqu'où peut aller la rouerie d'une femme. C'est il y a une année, en allant à la foire de Makariew que l'affaire s'est liée sans de bien longs préliminaires. La belle était accompagnée de son mari et de 4 ou 5 officiers; elle ne pouvait supporter les izbas et passait les nuits dans sa calèche où on lui faisait un lit. La première fois qu'il fut convenu que ce lit serait partagé, elle appela son mari pour le prier de l'arranger. «Mon bon ami, ces gens n'y entendent rien; il n'y a que vous qui sachiez arranger ce matelas et ces coussins; quand les domestiques s'en mêlent, je ne ferme pas les yeux». Et le bon colonel aussitôt de travailler à cet arrangement avec un tendre empressement, de faire placer sa femme, de lui demander si tout est bien, si elle désire encore quelque chose? «C'est à merveille, mon cher ami, je suis sûre *que je vais passer une nuit excellente.* Bonsoir, mon bon ami; promettez-moi de bien dormir aussi, adieu!» Le bon ami baise les pieds de sa trompeuse, ferme la calèche et retourne vider encore une bouteille avec les jeunes gens qui tous avaient été témoins de ces attentions maritales, après quoi chacun se rend dans l'izba où il devait passer la nuit. La première question de notre Helvétien en réjoignant la calèche fut de l'étonnement de ce qu'elle avait employé le colonel pour une besogne de ce genre. *Nigaud*, répondit la dame, *ne sentez-vous pas que c'est bien plus piquant!* Il fut un peu étourdi de la réponse qui, si elle ne nuisit pas à la volupté, empêcha tout net l'estime de naître. Il y a cent traits de cette force-là. En conséquence, notre jeune homme est arrêté par le plaisir, par la facilité de son caractère, mais n'est point retenu par un véritable amour: il me l'a avoué franchement. Le mari ne sait rien, ne se doute de rien; mais il faudra bien qu'il apprenne tôt ou tard qu'on le trompe, et alors les

choses en viendront à un éclat violent. Vous conviendrez que mad. de Merteuil n'aurait pas mieux fait que la petite comtesse.

Voilà Boris Kourakine devenu riche par l'héritage de l'oncle; il a bien besoin des dédommagements de la fortune: sa femme est une rude croix. Vous croyez que la princesse Boris sera bien affligée de l'état de sa fille! Le mariage de Sophie la distraira de ce chagrin-là, et les jouissances de la vanité l'étourdiront sur l'avenir. Rien n'est parfait dans ce bas monde: la maison de Czarsko-Célo perd la moitié de son prix par celle qu'on accorde à la princesse Dolgorouky dans le même lieu. Mais le monde est fait ainsi, les heureux s'y attacheraient trop s'ils pouvaient jouir d'un bonheur sans mélange! Je suis ravi que m-r de Fitzthum vous ait rassurée sur l'Allemagne. Quant au congrès, à en croire les gens instruits, le but n'est point de savoir si on peut ou non retirer les troupes alliées de la France: car cette question est toute résolue affirmativement depuis deux mois. C'est Wellington qui a été chargé de tout arranger, et la retraite est décidée; du moins le comte Tolstoï me l'a assuré ainsi. Quel est donc le but de l'entrevue? Voilà ce qu'on ignore et ce que le tems dévéloppera de reste. On ne veut pas y être incommodé par des représentations, des explications ou des supplications, puisqu'on en exclut tout envoyé des puissances.

Le voyage de l'Impératrice est donc aux trois quarts décidé.... J'en suis vraiment bien fâché, quoique je persiste dans mon horoscope pour vous. Mais quand je vous vois désirer de demeurer en Russie, je n'ai pas la force de former un voeu différent. C'est au ministre des finances à représenter l'embarras de fournir à cette dépense extraordinaire..... J'avoue que dans les constitutions que je n'aime pas, je trouve que la loi d'une liste civile est pourtant bien commode pour un ministre du trésor; mais si j'étais souverain, je n'en voudrais pas entendre parler: il est trop agréable de pouvoir prendre de l'argent dans les caisses de l'état comme on puise de l'eau dans la mer.

Vraiment c'est un tour de force que votre course à Pawlowsky, et l'Impératrice est inconcevable par son activité. Elle parcourra l'Allemagne: cela me paraît clair.

Une phrase de la fin de votre lettre m'a donné à penser ou plutôt m'a fait revenir sur une pensée que j'avais eue plus d'une fois. Je veux parler du surtout, du fourachka; ah, si c'était cela, que je vous plaindrais de toute mon âme! Je vous l'ai dit, c'est un centre qui a trop de rayons. On ne mécontentera personne jusqu'à un certain point, mais aussi on ne satisfera personne complètement; ce partage à peu près égal causera plus de peine que de plaisir aux copartageantes.

C'est un labyrinthe d'où un coeur prudent doit tâcher de se retirer avant de se laisser blesser par les épines qui entourent les roses. J'espère bien que j'extravague.... Mais enfin, si c'était cela, partez, partez pour l'Allemagne. Je suis votre ami de coeur et d'âme et point un flatteur. Je voudrais par-dessus tout voir s'établir entre vous une liaison de bonne et franche amitié, de confiance, d'estime réciproque, une de ces liaisons qui contribuent au bonheur de la vie et qui est si facile entre deux personnes de sexes différents! Mais quelque chose de plus vif, Dieu vous en puisse préserver dans Sa miséricorde.... Cela finirait par un changement qui vous laisserait dans le désespoir.... Votre coeur est trop aimant pour n'être pas payé d'un retour absolu, et je doute qu'ici ce retour pût avoir lieu. Vous éprouveriez des hauts, des bas, des secousses et peut-être pis encore. Souvenez-vous du jour de l'an pour vous dire que ce qui a pu arriver une fois pourra arriver encore. Ah, que je vous souhaite de bonheur; mais que j'ai peur pour vous si par hasard j'ai mis le doigt sur la playe. Adieu; je vous baise cent fois les mains et vous aime de tout mon coeur.

CX.

Moscou, le 25 juillet 1818.

Vous partez donc avec l'Impératrice. La chose est décidée. J'en fais compliment à S. M., qui trouverait difficilement une compagne aussi agréable et quelqu'un d'aussi propre à faire honneur à sa cour. Vous vous ferez connaître si avantageusement partout où vous séjournerez, que quelque chose d'heureux en résultera pour vous, si vous n'y mettez pas quelqu'obstacle volontaire.

L'impératrice Élisabeth voyagera-t-elle aussi, comme on le prétend? Avez-vous ouï dire que l'Empereur passerait par Moscou en allant en Allemagne, que l'évêque de Nijni, Moïse, sera dégradé dans notre cathédrale par les mains d'Augustin? Avez-vous su que Magnitzky dût être mis sous jugement pour avoir calomnié un gentilhomme de Symbirsk en l'accusant à tort de vexations envers ses paysans? Dites-moi si tout cela a quelque fondement?

Tout ce que conte le civilisé Titow de Paris me persuade qu'il n'y a vu que des étrangers. Mais imaginez donc qu'il est revenu doux comme un agneau, qu'il ne se fâche plus, qu'il n'élève même pas la voix et qu'en un mot il s'est conformé au tour de la bonne compagnie. Si vous ne prenez pas comme une critique ce que je pense, je vous

d'irai que je suis persuadé qu'il perdra cet heureux pli en fréquentant ici la meilleure société: non que ceux qui la composent voulussent n'être pas les gens les plus polies du monde, mais c'est qu'ils n'aiment Titow que pour ses défauts, et que s'il cesse de les amuser par ses emportements et ses fougues, il en viendra de suite à les ennuyer. Il a tout juste le tact de le sentir, et nous le verrons reprendre ses fureurs au nom de Laptiew ou de Scherbatow ou de ceux dont il fallait jadis éviter de parler devant lui, et dont par la même raison on ne cessait de l'entretenir pour le mettre hors des gonds.

CXI.

S-t Pétersbourg, le 19 juillet 1818.

Tous vos voeux et les miens pour le manque du voyage d'Allemagne ont été infructueux. On part, cela est décidé. Hier il y eut à ce sujet une conférence très-longue entre la mère et le fils, dont le résultat fut ce que je vous apprends. La comtesse de Lieven m'a donné cette nouvelle aujourd'hui. Sans m'avoir dit positivement que j'étais du voyage, elle croit que l'Impératrice a porté mon nom sur la liste, et la chose me paraît plus que probable; car depuis que nous sommes de retour elle est mieux que jamais pour moi. Je ne sais pas si je vous ai conté que le lendemain de notre arrivée de Moscou, elle me conduisit à l'Empereur en disant: «Sire, voilà quelqu'un de bien aimable en voyage». Cette recommandation me fit dès lors présumer qu'elle ne partirait pas sans moi, et il en arrive ainsi. Cher Christin, loin d'être satisfaite, je suis désolée de ma faveur; personne ne le croira peut-être, mais je passe des heures entières à pleurer. Oui, à pleurer de chaudes larmes. Je me vois esclave à tout jamais, passant mes jours dans ces châteaux où l'on végète au lieu de vivre, entourée d'objets indifférents. Je vois qu'on m'envie, qu'on me jalouse, qu'on me prête peut-être de l'intrigue du manége; enfin, on me juge autre que je ne suis, et on ferme les yeux sur le peu de bon que je puis avoir en moi. Voilà mes entours, et je suis destinée à ne pas m'en séparer jusqu'au moment où il plairait à Dieu de terminer mon existence! D'un autre côté, quitter la cour pour aller où? Je n'en sais rien. Vivre de quoi? Hélas, je n'ai point de fortune. S'en aller loger chez les autres? Pour tout au monde je ne le ferais pas. Dites-moi, si tout cet avenir n'est pas affreux! Ah, quand les bonnes princesses Dolgorouky et Kawansky me prêchaient leur morale au Kremlin, que j'étais loin de me conformer à leur avis!

Je les écoutais, mais je ne partageais pas leur opinion. Et savez-vous encore ce qui cause le plus mon tourment? C'est mon peu de résignation au bon plaisir de Dieu. Puisque Sa volonté a été de me placer où je suis, le prends-je comme il convient? Suis-je patiente? Suis-je souple? Rien de tout cela! Lorsque je m'examine là-dessus, je m'épouvante de manière à pleurer, comme je vous le dis, toutes les larmes de mon corps. Jugez si cet état est heureux! Et je suis sûre qu'il y a des gens qui croyent que cet ordre de choses est justement ce qu'il me faut! Enfin, je ne sais pas ce qui en adviendra par la suite, mais pour le moment vous pouvez être sûr que je suis à mille lieues du bonheur, *tel que je l'entends*.

Pour en revenir à ce voyage, je vous dirai qu'il doit être de quatre mois. En janvier tout le monde sera de retour. L'Impératrice-mère quittera Pétersbourg dans les premiers jours de septembre. Elle va d'abord à Warsovie, puis à Weymar, Stutgardt et Bruxelles. Elle n'ira point à Aix-la-Chapelle, et à son retour elle s'arrêtera à Berlin. Je vous écrirai de partout aussi souvent que la chose sera possible. Avant de partir, je vous instruirai de la manière dont il faudra que vous m'écriviez aussi; je pense vous assigner à la chancellerie du grand-duc Nicolas.

La princesse Boris est arrivée avant-hier directement en ville; j'en fus informée hier par un billet d'André qui m'apprend en même tems que Nicolas est entré dans les cuirassiers de l'Empereur. Il me paraît que ce dernier aura déjà vu notre princesse, du moins certaines exclamations d'André semblent l'annoncer; au reste, cela se saura bien vite, car on n'observe pas le silence sur ces visites. Je viens d'écrire à la princesse; on m'a dit qu'elle a revu sa fille Kourakine dans un bon moment: elle était calme et tranquille. Cela est heureux, car elle est souvent furieuse, et la semaine dernière encore elle battait tous ceux qui entraient dans sa chambre et jettait les assiettes à la tête de ceux qui lui apportaient son dîner. Cette pauvre Lise est dans un état pitoyable; sa tante Alexis m'a conté qu'elle avait tellement enlaidi qu'on ne pouvait pas se douter qu'elle eût été jolie un jour. Je dis toujours que s'il plaisait à Dieu de la retirer de ce monde, ce serait un bonheur pour tous les siens! Ma soeur Sophie m'écrit que Poltorasky n'a pas la moindre envie de changer de brigade et que sa promise s'exprime là-dessus fort raisonnablement, ne demandant pas mieux que de demeurer à Moscou. Si cela est vrai, j'en serais bien aise pour Sophie: elle prouverait qu'elle voit les choses autrement que sa mère; mais je doute un peu de la vérité de toutes ces phrases, et six semaines de séjour à Czarsko-Célo pourraient bien faire désirer les A. sur les épau-

lettes ou quelque chose d'approchant. Nous verrons lequel des deux l'emportera, de la vanité ou de la raison.

J'ai passé la soirée d'hier chez les Gouriew. Il y a aussi dans cette maison un petit air de noces prochaines: Nicolas épouse m-lle Narichkine, la fille du grand-veneur. Cette jeune personne est l'unique héritière des vingt mille paysans que possède son père; les deux autres enfans n'y prennent aucune part, leur fortune étant faite. Vous conviendrez qu'une promise de cette sorte n'est pas à dédaigner, d'ailleurs elle a 20 ans et paraît être bonne personne. De son côté madame Narichkine place sa fille dans une famille très comme il faut: Gouriew est un garçon d'esprit, d'une conduite parfaite et bien vu dans le monde. Marie Antonowna, qui a la plus grande envie de quitter le pays pour un certain nombre d'années, sera charmée d'établir cette grande demoiselle qui seule l'arrête dans ce moment; une fois qu'elle n'aura plus cette épine sous son oreiller, elle ira de nouveau à Paris ou ailleurs. En attendant, elle vit ici en reine; son mari lui a fait arranger une maison délicieuse sur le chemin de Péterhof; chaque Mercredy elle y donne à souper, toute la grande société s'y porte comme de raison. Mardy prochain elle viendra se présenter à l'Impératrice-mère, et à cette occasion j'espère aussi voir sa fille. Un moment avant d'aller hier chez Gouriew j'ai passé chez Ribeaupierre où j'ai vu Magnitzky après six ans d'absence. Il a beaucoup changé; cependant ce beau caractère de tête que je lui ai toujours trouvé, est encore le même. Il vint avec nous chez les Gouriew, et c'est à peu près avec lui seul que je causai toute la soirée; il est grand partisan du magnétisme.

A 9 heures du soir, le 19 juillet.

J'ai eu ce matin la princesse Boris, qui s'est croisée avec mon billet et qui a interrompu cette lettre. Elle m'a fait de grands éloges de ma soeur Sophie, et un peu à mon détriment. J'ai tout avalé sans mot dire. Ensuite nous avons parlé de sa fille Kourakine qui a été tranquille il est vrai, mais qui a revu sa mère avec la plus complète indifférence: elle s'obstine à ne point parler du tout. Kourakine veut toujours partir, mais il ne peut le faire qu'après avoir pris connaissance du testament de son oncle qu'on doit ouvrir bientôt. La princesse Boris n'a pas encore vu l'Empereur, elle n'est pas satisfaite de voir son fils Nicolas dans les cuirassiers: elle veut qu'il soit dans les grenadiers de Pawlowsky, parce que c'est la garde et que les cuirassiers n'en sont pas. Demain elle va à Czarsko-Célo pour y passer deux ou trois jours.

Fitzthum et Woldemar Galitzine m'arrivèrent après elle, et comme j'étais restée avec ce dernier qui était en surtout et point vêtu d'après la forme, ne voilà-t-il pas qu'on vint m'annoncer *m-r Le Grand*! La frayeur de Galitzine a été des plus plaisantes: sortir et rencontrer le Sire n'était pas fesable. Nous jouâmes une scène de comédie: j'ouvris une porte qui mène chez ma femme de chambre et l'enfermai dans un couloir, et je vins m'asseoir gravement à attendre mon auguste visite, qui entra tout de suite et resta une demie-heure. Je lui avais écrit pour quelque chose ces jours passés, il venait me faire réponse. Je vous confesse qu'après l'avoir reconduit et que je vins rendre la liberté à mon prisonnier, nous nous pâmâmes de rire l'un et l'autre. Cette aventure m'amusa un instant, et je vous la conte en vous priant de ne la transmettre à personne cependant. Toute la société ne parle que du voyage d'Allemagne et du nouvel ouvrage de mad. de Staël.

Samedy soir, 20 juillet.

Encore une expédition aujourd'hui dans le genre de celles de Moscou. J'ai été à sept heures en voiture pour accompagner l'Impératrice à Alexandrowsky. Nous avons été là quatre heures sur nos pieds pour le moins à visiter toute cette manufacture. C'est un établissement aussi curieux qu'intéressant; tout y est dans le plus bel état. Nous avons vu tout le procédé de la préparation du coton soit pour faire des bas ou pour en faire des toiles. Tout marche par le moyen d'une machine à vapeur; et la construction de plusieurs autres mécaniques est la chose du monde la plus admirable. J'ai pensé que si l'Impératrice pouvait aller jusqu'en Angleterre, elle y verrait beaucoup d'objets qui pourraient lui donner de nouvelles idées; mais il ne paraît pas vraisemblable qu'elle aille plus loin qu'à Bruxelles. Elle ne m'a pas dit un mot sur le voyage, de sorte que j'en suis encore à ma nouvelle de la comtesse de Lieven.

Nous sommes revenues à la Tauride pour donner à dîner au prince royal de Prusse qui partira le 23. Nous allons le 22 à Czarsko-Célo et peut-être coucher à Pawlowsky. Je me suis procuré l'ouvrage posthume de mad. de Staël et de plus un voyage en Angleterre par un certain Simond, que le c-te Sévérin Potocky m'a fort recommandé; aussi commencerai-je par lui. A propos de Sévérin, mad. Potocky de Toulczine vient d'arriver avec ses filles qui sont belles comme des astres, dit-on. Elle va les produire dans le monde, nous verrons si elle leur attrapera quelque mari. Je trouve qu'il faudrait y penser à deux

fois avant de se donner une belle-mère de ce calibre. Cela ne serait pas autrement gay; quand il n'y aurait que l'ennui de l'entendre mentir 24 heures durant. Kissélew, à son passage dans l'armée de Beningsen, s'était arrêté à Tulczine et avait fait la cour à Sophie; cela suffit pour qu'on débite ici que cela fera un mariage, mais il en est à cent lieues, et il part avec le prince royal. Dans quelques jours je vous apprendrai un évènement qui prouve le danger qu'il y a à se marier avec une tête trop montée! J'ai appris quelque chose à ce sujet qui me fait une véritable peine; je vous conterai cela un peu plus tard. En attendant bonsoir.

CXII.

Moscou, Mardy, 30 juillet 1818.

Je suis affligé, comme vous, de l'absence que vous allez faire, tout en rendant grâce à Dieu de ce que le voyage ne sera que de 4 mois: je le supposais devoir durer plus longtems. Mais je vous redirai toujours qu'il en résultera un bien imprévu et que par la suite vous serez charmée de l'avoir fait. Quelque changement bien marquant s'est opéré dans la disposition de votre esprit à cet égard. Vous souvenez-vous que l'automne dernier, dès qu'il fut question de ce voyage, vous désirâtes d'accompagner l'Impératrice et que vous fîtes part à l'Empereur des regrets que vous éprouviez de n'avoir pas les droits d'ancienneté pour être choisie, et que S. M. leva cette difficulté à votre grand contentement? Bientôt après vous passâtes à une indifférence complète sur cet objet, et pourtant vous désirâtes d'accompagner la princesse Boris dans le premier moment où elle parla d'aller à Paris. Comment se fait-il que rien de ces désirs *vagabonds* ne vous reste? Que s'est-il donc passé dans votre coeur? C'est là le mot de cette énigme que je cherche en vain: c'est là votre secret que personne ne saura, dites vous.... Je crois pourtant que j'en soupçonne au moins la nature; mais vous m'avez interdit ce sujet, et je me tais. Je suis, au demeurant, parfaitement d'accord avec vous sur le peu de liberté de votre situation, et sur ce que la dépendance a de pénible; mais dites-vous, pour vous consoler, que de toutes les espèces de gênes, celle que vous éprouvez est la plus honorable. Attachée à une grande cour, distinguée comme vous méritez de l'être par les individus de la famille impériale, aimée dans la société, appréciée par quelques amis, cet ensemble heureux ne compense-t-il pas les inconvénients de votre place! La refléxion déga-

gée de toute passion, ne vous prouve-t-elle pas que dans l'état où la Providence vous a fait naître, je veux dire avec une fortune presque nulle et une naissance élevée, il eut été difficile de trouver, hors du mariage, mieux que ce que vous avez? Votre état n'est-il pas au-dessus de celui de vos soeurs? N'êtes-vous pas entrée à la cour avec plaisir? N'y avez-vous pas réussi au-delà de vos espérances? Pourquoi vous appliquer aujourd'hui à voir le mauvais côté des choses et vous en occuper jusqu'à manquer de résignation pour les peines attachées à votre place. Il n'en existe pas une dans le monde qui n'ait ses tribulations. Si vous en doutez, regardez bien autour de vous et jugez. Dans le mariage, voyez-vous un seul ménage *parfaitement* heureux? Si les époux s'accordent, comptez-vous pour rien les chagrins que donnent des enfans, qui meurent ou qui tournent mal? Vous êtes faite, je vous le dis sans flatterie, plus qu'aucune femme que je connaisse, pour rendre un homme heureux; mais son caractère vous conviendra-t-il? Mais son humeur et ses goûts seront-ils en harmonie avec les vôtres?.... Ah, chère princesse, partout le bien est mêlé de mal, et nul de nous ne sait parfaitement ce qu'il lui faut; le mieux est de s'en remettre à la Providence et de chercher à voir le beau côté de ce qu'Elle nous donne en nous résignant à Sa volonté pour les embarras, les entraves, les peines de notre existence. Je vous répète là des vérités triviales, je le sais bien; mais elles n'en sont pas moins des vérités consolantes.

Mercredy, 31 juillet.

J'avais entendu parler de ce mariage du jeune Gouriew. Il y a bien loin de mad-lle Narichkine, héritière de 20 mille paysans, à la fille d'un horloger de Genève à qui il aspirait de lier son sort, en revenant de ce pays-là, quand il ne voulait point aller chez mad-lle Pachkow, parce qu'elle était trop riche. Je suis bien aise de voir que m-r Nicolas s'est *réacclimaté*. Je crains que la princesse Boris ne nuise à son fils cadet en le voulant absolument dans la garde; elle devrait se trouver heureuse de le voir rapproché autant qu'il l'est et ne pas l'exposer à mille mauvaises affaires en le faisant rentrer dans un corps où il ne peut plus être vu de bon oëil. Je crois même que l'Empereur a senti cela et a concilié, autant qu'il a pu, le désir de la mère avec la possibilité des choses. Votre aventure avec Woldemar Galitzine est vraiment comique, mais je ne voudrais pas que, même après coup, elle fût sue du *visiteur*, à qui cela pourrait fort bien ne pas plaire, et qui sans miracle pourrait la prendre de travers; je vous promets que

je n'en soufflerai mot à personne.—Je suis étonné que l'Impératrice ne vous ait pas parlé du voyage, son choix ne doit plus être un secret; vous me direz qui sont les personnes qui l'accompagneront. Je croyais le prince royal parti avec son père et je suis tout étonné de le retrouver encore dans votre lettre. Sûrement, mad. Potocky mariera ses filles: elles sont riches, et l'on court après l'argent. Dieu veuille qu'elles soyent plus heureuses que leurs soeurs du premier lit qui se marient, se démarient et se remarient sans jamais trouver ce qu'elles cherchent. Vous venez d'exciter ma curiosité avec cet évènement que vous promettez de me conter dans quelques jours et qui prouve le danger de se marier avec une tête trop montée; je repasse les mariages et les têtes et je ne vois que madame ou m-r Czernichew à qui le peu que vous me dites puisse s'appliquer.

Lundy, 1-er août.

J'ai deviné: votre soeur Sophie que je vis hier m'a conté que mad. Czernichew voulait quitter son mari pour une retraite ignorée. Elle est folle, sans doute; mais m-r Czernichew a-t-il dû s'attendre à autre chose de la part d'une femme qui avait fait ses preuves d'une façon si authentique? Son amour, et plus encore, son amour-propre lui ont fait illusion; il a cru qu'il était aussi facile d'enchaîner la fortune sous les étendards de Venus que sous les drapeaux de Mars; c'était mal connaître les femmes et ne pas se rendre justice sur ce qui fixe celles d'une certaine trempe.

Titow est allé avec la comtesse Tolstoï à la cour de la princesse Woldemar à Kalouga. C'est bien le moins qui soit dû à cette vice-impératrice, qui y réunit toute sa famille. A propos, dites-moi de grâce si vous êtes en froid avec la comtesse Strogonow, que vous n'avez point vue cet hyver? Toute retirée qu'elle ait vécu, il n'était pas cependant qu'elle ne reçût beaucoup de ses connaissances; elle ne s'est dispensée que de donner des fêtes et de sorties. Mad. Ostermann va, dit-on, à Pétersbourg avec son mari pour demander à l'Empereur la permission de donner Illinsky à la petite S-t-Priest. C'est une terre dont Ostermann n'a que la jouissance viagère et qui doit revenir après sa mort à des Tolstoï, cohéritiers du feu chancelier. Je ne vois pas bien à quel titre on les frustrerait de cet héritage, et il me semble dans tous les cas que c'est avec ces héritiers qu'il faudrait s'arranger à l'amiable sans y faire intervenir l'autorité. Adieu, chère princesse. Je vous porte dans mon coeur et ne vous dis point tout ce dont il est rempli

pour vous; et pourtant, si, comme je n'en doute pas, vous êtes sensible à une tendre amitié, vous y trouveriez, je vous jure, une consolation à bien des peines. Il n'y a qu'un autre sentiment du coeur sur lequel l'amitié la plus vive n'ait aucune prise; mais c'est une soeur qui sait tout partager, peines, plaisirs, espérances ou craintes. Souvenez-vous-en dans l'occasion et comptez sur moi.

CXIII.

Au Palais Tauride, le 25 juillet 1818.

Le 22 nous avons été fort en l'air. D'abord habillées depuis 9 heures pour féliciter l'Impératrice et assister aux présentations; ensuite à la messe au palais Anitchkow; de là en voiture pour courir dîner à Czarsko-Célo, et le soir à Pawlowsky. Le 23 toute la matinée a été consacrée à la promenade, après dîner il a fallu partir pour revenir en ville. Si le prince royal n'avait pas dû partir le même soir, peut-être serions-nous restés tout-à-fait à la campagne, mais les adieux qu'il y avait à lui faire ont ramené toute la famille. M-r *Le Grand* a été tellement aimable le jour de la fête de l'Impératrice qu'on ne saurait assez l'admirer; je n'ai jamais vu des attentions plus touchantes: c'est le modèle des fils. Imaginez qu'il est arrivé la veille, uniquement pour être le premier à la féliciter; le lendemain il l'a accompagnée à l'église, et puis il est parti en avant pour la recevoir chez lui à Czarsko-Célo. Le soir il est venu à Pawlowsky où il n'y a eu absolument personne que nous, et il y est demeuré pour souper, ce qu'il ne fait presque jamais. Il a conservé toute la journée une humeur adorable; il a causé longuement avec moi, avec toutes nos dames; en un mot, il a été charmant. Le voyage est entièrement décidé; hier matin j'en ai été instruite par l'Impératrice elle-même. La comtesse Lieven, mad-lle de Samoïlow et moi sommes les seules dames qui accompagnons S. M. Le grand-chambellan Narichkine a titre de grande charge; papa Albédil pour le gros ouvrage, tels que le payement de la poste, l'ordre à observer pour les dîners et couchées, enfin une espèce de maréchal des logis; m-r de Willamow en qualité de secrétaire; Rhul comme médecin. Vous voyez que c'est en tout huit maîtres. Nous autres femmes serons dans le carosse de S. M.; le grand-chambellan en aura un pour lui, les 3 autres messieurs un troisième. Mad. de Lieven a sa suite avec les femmes de chambre de l'Impératrice; on nous donne une calèche pour ma femme de chambre et celle de m-elle Samoïlow. Si on

avait la bonté d'y joindre mon fidèle Orlow, cela me serait fort commode; mais il y aura tant d'autres équipages encore pour les effets de S. M., pour sa cuisine etc. qu'il trouvera peut-être moyen de se fourrer quelque part. Dans un mois nous serons en route; puissent toutes vos prophéties, cher Christin, s'accomplir pour moi, aussi bien qu'elles se sont accomplies pour ma soeur Catherine! Je ne puis rien prévoir dans ce moment pour mon avenir, mais peut-être le résultat d'un évènement, qui, comme vous dites, fait époque dans la vie, sera-t-il meilleur que je ne l'espère; il est possible encore que je ne fasse tout ce voyage que pour y découvrir ce lieu de retraite après lequel mon coeur soupire, ce lieu qui, en m'éloignant de tout ce qui me trouble, m'offrira cet azile de calme et de tranquillité qui doit être, je crois, la dernière scène de ma vie. Mais en quel tems! Quelle année! Quel jour? Voilà ce qu'il serait important de savoir et ce que personne assurément ne me dira. En attendant, vous avez dit une bien grande vérité dans votre dernière lettre: c'est que l'agitation de la vie convient à celle du coeur; j'ai éprouvé souvent que cela est parfaitement juste.

Je vous renvoye la lettre de Maisonfort que je trouve très-raisonnable. Voyez-vous: si vous étiez en France, avec les principes que vous professez, vous trouveriez, je suis sûre, qu'ils sont exagérés ou du moins qu'ils ne peuvent s'accorder avec l'état actuel des choses. La France est une merveille: elle se relève à vue d'oeil, le crédit s'y établit, la confiance dans le gouvernement est évidente.

Mademoiselle Narichkine a été présentée Dimanche. Elle est jolie; cependant, sa mère, à l'heure qu'il est, l'est bien autrement: elle est encore belle comme le jour, sa figure n'a rien perdu ni de sa douceur ni de son éclat; elle a un teint ravissant. Le doit-elle à quelque secours de l'art, je n'en sais rien; le fait est qu'elle m'a frappée par sa fraîcheur. Sa tenue est d'une noblesse et d'une modestie achevée, elle s'exprime avec grâce et élégance, et je tiens moi que son séjour dans l'étranger l'a formée extraordinairement. Si j'étais l'Empereur et que j'eusse retrouvé cette femme avec les sentiments d'autrefois, je pense que ma tête en eût été tournée de nouveau. Mais il n'en est pas question. Nous marchons tellement droit que toute chose en sens contraire nous éloigne à mille lieues. Pour en revenir à mes amis les Gouriew, ils sont fort contents; outre le bon naturel de la petite, la fortune qu'elle aura un jour ne laisse pas que d'être un objet attrayant. Madame Nesselrode est partie hier pour Wisbaden, son mari suivra l'Empereur. M-r Swertchkow est chargé d'affaire à Florence. Cela vaut un peu mieux que le Brésil; il va avoir un traitement convenable qui, réuni aux 15 mille roubles de rente d'Hélène, le fera vivre à son aise en

Italie. Je ne suis pas éloignée de croire que sa femme ne s'y fasse catholique, avec la pente que je lui connais pour les dogmes de votre église. Un séjour de quelques années à Florence pourrait bien l'y déterminer. Grégoire Gagarin quitte l'Italie et va s'établir à Berne pour placer son fils chez Fellenberg.

Nous avons l'espoir de placer Saugy comme aide-de-camp de prince Dmitri Galitzine, qui va commander le second corps de la 1-ère armée; il a 4 aides-de-camp et comme Nécloudow, l'un des quatre, va devenir colonel, il a promis de le remplacer par Saugy; mad. de Ribeaupierre et moi l'en avons prié instamment. N'écrivez point encore tout ceci à Kassimow: cela serait prématuré. Quant à passer aux gardes, il faut que Saugy y renonce; Ribeaupierre a compté que d'entrer dans les dragons lui coûterait douze mille roubles au moins; or, où les prendrait-il? Adieu, cher Christin; je vais dîner chez l'Empereur à Kamennoï-Ostrow.

CXIV.

Moscou, le 5 août 1818.

Voici, chère princesse, votre № 7 dont une phrase m'a fait grand plaisir. C'est celle où vous vantez la beauté qui brave le tems et les années, la beauté d'une mère qui efface sa fille de 20 ans. Vous ajoutez qu'à la place d'un certain homme, en la revoyant ainsi, la tête vous eût tourné de nouveau. Tout cela me plaît sortant de votre plume, parce que j'en tire la conséquence que je me suis trompé sur certaine conjecture qui, si elle eût été fondée, ne vous aurait pas laissé vous expliquer ainsi, à moins pourtant, que l'insensibilité actuelle de l'homme en question pour l'objet de son ancien attachement ne soit précisément ce qui vous rend si indulgente et si prévenue pour cet objet. Ah, bon Dieu, cette dernière réflexion change toute ma joye en crainte!

Quant à la dame, je l'approuve infiniment d'être modeste dans son maintien, cela seul fait pardonner bien des légéretés. Mais convenez que le rigorisme de nos dames à grande vertu s'apprivoise à merveille quand l'intérêt personnel s'en mêle ou que le reflet de la faveur peut donner sur elles. Combien de femmes qu'on est convenu d'écraser sous le tort de quelques faiblesses, parce qu'elles ne sont ni riches ni protégées, demeurent pourtant à mille lieues de l'immoralité de celle qu'on encense aujourd'hui et dont les plus sévères recherchent l'alliance pour leurs enfans! Ne croyez-vous pas que la femme qui deux ou trois

fois dans sa vie a cédé au mouvement de son coeur et n'a jamais succombé qu'à l'amour, est bien moins repréhensible que celle qui entretient deux liaisons à la fois, l'une par vanité, l'autre par tempérament? Cependant les circonstances personnelles de l'une lui font tout pardonner, et l'autre demeure chargée de l'animadversion générale.... Ainsi va le monde, et vous voudriez qu'on fît grand cas de ses jugements! Non, ce ne sera pas moi assurément: plus je le connais et moins je l'estime. J'honorerai toute ma vie la vertu telle que je me la figure d'après l'Évangile, sévère pour elle-même, indulgente et charitable pour les autres. Mais cette vertu montée sur des échasses contre le faible pécheur et prosternée devant le vicieux puissant ne sera jamais pour moi que de l'hypocrisie.

Pensez bien à l'adresse dont je devrai me servir pour vous écrire pendant le voyage, et donner bien la mienne aussi à celui qui devra me transmettre vos lettres. Hélas, qu'elles seront rares, à ce que je prévois! Vous aurez si peu de tems entre les devoirs, les plaisirs et les convenances, que je m'attends à toutes sortes de privations. Encore devrez vous faire la correspondance de mad. de Lieven selon toute apparence, et cela ne sera pas une petite besogne quand elle sera séparée de toutes ses connaissances. Ah, mon Dieu, comment pense-t-on à faire voyager au coeur de l'hyver une personne de 75 ans! Cela me passe. Mais, les gens vieillis dans les cours ont une force et une grâce d'état qui répond à tous les besoins; j'ai souvent remarqué cela sans en comprendre la cause. Vous n'en êtes pas là, vous; mais c'est que vous n'êtes pas rompue à la cour, vous en êtes encore à votre apprentissage, et ce n'est que depuis deux ans que, sortie du noviciat, vous êtes entrée en profession. Cette profession demande dix ans d'habitude, après quel tems on est dans son véritable élément, et peut-être qu'en 1826 vous pleurerez à la seule idée de quitter le harnois. Voyez m-lle Protassow, à laquelle pourtant Dieu me préserve de vous comparer.

CXV.

Pawlowsky, le 1-er août 1818.

Ce n'est pas cela, soyez tranquille: ni la fourachka ni le surtout n'entrent pour rien dans mon affaire. Voici ma réponse à votre № 7 dont la fin, partant de cette idée-là, devenait tellement tragique que pour peu que vous eussiez continué, je vous voyais déjà le mouchoir à la main essuyant les larmes que ma position infortunée vous faisait répandre. Non, mon cher Christin, je ne vais pas chercher midy à quatorze heures et je vous répète aujourd'hui ce que je crois vous avoir dit cent fois: ces choses-là ne peuvent avoir lieu *qu'entre égaux*! Au reste, pourquoi en parler!

On m'a fait lire certaines lettres inédites de Voltaire que l'Impératrice vient de recevoir de Paris; il y en a un volume, et je l'ai achevé hier. C'est assez insignifiant; par ci par là, les plaisanteries et le genre d'esprit de l'auteur se reproduisent, mais dans le fond il ne valait pas la peine de faire ce receuil. Après cela nous avons essayé des *Voyages Poétiques* de mad. de Genlis? Eh bien, c'est encore une drogue que nous avons mise de côté; j'aimerais tout autant qu'on me fît lire quelque chose de sérieux.—Blondasse et sa femme sont des dîners et soupers; je ne sais trop si cette vie les arrange, mais moi je n'y tiendrais pas si j'étais à leur place. Une fois qu'on a son ménage, où est le plaisir d'aller manger chez les autres et de ne point avoir un seul jour pour soi?

Le bruit a couru ici que l'Empereur avait fait revenir m-r de Kotchoubey; on en faisait déjà un ministre de l'intérieur et de la police tout ensemble. Cependant cela m'a bien l'air d'un fagot, et à juger sur l'apparence, on croirait plutôt que Kotchoubey est mécontent: il dîna dernièrement à la Tauride, je lui trouvai l'air fâché et très-préoccupé.

Avez-vous lu une certaine feuille anglaise qui parle de Sir Robert Wilson? Au cas qu'elle ne soit parvenue à votre connaissance, je vous dirai que Sir Robert, après avoir été élu, fit un beau discours à sa commune, l'engage à garantir la liberté des citoyens, vante le beau caractère anglais, espère que ce caractère ne sera jamais alteré et que la noblesse anglaise différera toujours de la noblesse russe, qui reçoit des coups de bâtons de son souverain et lui baise aussitôt la main pour le remercier de l'honneur qu'on lui a fait en la rossant. Ce sont des absurdités qui n'ont pas de nom. Mais conçoit-on que celui qui les débite a servi dans nos armées en 1812, a reçu la croix de

S-t Georges sur le champ de bataille, a été comblé des bontés de l'Empereur et en dernier ressort sauvé peut-être par lui dans l'affaire de la Valette! C'est un misérable que ce Sir Robert Wilson.

CXVI.

Moscou, le 8 août 1818.

Comment voulez-vous que blondasse s'ennuye à la cour? Pour sa femme, qui n'y trouve rien de nouveau, cela serait fort simple; mais ce chambellan tombé des nues ou, ce qui est bien plus fort encore, sorti comme par un trou de souris de la société de messieurs M—w, où Capitoline Mikhalowna et Anne Sergewna font la pluie et le beau tems, pour se trouver tout d'un coup aux dîners et soupers de l'Impératrice, il y a de quoi tourner une tête plus forte et moins vaniteuse que celle du blond. Et ne comptez-vous pour rien le plaisir d'écrire à nos bons Moscowites en datant ses lettres de Pawlowsky? Sentez-vous tout le relief que cela donne à un homme qui a coutume de dire le plus naïvement du monde: j'ai deux mille vertus, j'ai deux mille charmes, j'ai deux mille qualités; car j'ai deux mille paysans. Si sa vanité a le même abandon par écrit, sa correspondance doit être aujourd'hui une chose précieuse, et je serais curieux de lire ses lettres, pourvu toutefois qu'elles ne s'adressassent pas à moi, ou que je ne fusse pas tenu d'y répondre.

Serez-vous de la noce Poltoratzky, le 18? J'espère au moins que vous m'en donnerez des nouvelles par ouï-dire, si vous ne la voyez pas. Je crois que la princesse Boris perdra à ce mariage, car c'est Sophie principalement qui attirait le monde chez elle; or, que fera-t-elle sans ce monde? Encore Alexandrine à marier, et la voilà seule dans sa maison. Alors elle prendra Titine Kourakine, et elle se fera *la violence* de la conduire dans le monde et d'en recevoir pour elle. Madame Labkow prétend que le prince Boris part pour Kiachta sur les frontières de la Chine pour l'affaire de ses fermes d'eau de vie. Sa femme, ses fils et ses filles devraient baiser les pas de cet homme-là, car il n'a pas son second au monde.

CXVII.

Pawlowsky, le 3 août 1818.

Le voyage est avancé: au lieu du 5 VII-bre nous partons le 28 août, en sorte que je n'ai plus que 25 jours à rester à Pétersbourg; encore si c'était vraiment à Pétersbourg! Mais ici je n'ai pas le plaisir de voir les personnes auxquelles je voudrais donner le peu de tems que j'ai à passer en Russie. On parle de revenir en décembre; Dieu sait si la chose est possible. Il me semble que ce serait assez déraisonnable; une fois hors du pays, on aimerait à s'épargner les horreurs d'un hyver. Mais les empereurs et même les impératrices ont dans toutes leurs actions un libre arbitre désolant; s'il leur plaît de trouver qu'il fait bon voyager par 25 degrés de froid, ils ne se mettent pas en peine de savoir à quel point cela peut convenir aux individus qui les suivent. En général tout ce départ est à l'inverse du bon sens. N'eût-il pas mieux valu le remettre jusqu'en février et ne le commencer que quand les jours grandissent, se donner le séjour des eaux, voir ensuite les trois grandes-duchesses l'une après l'autre et revenir en VIII-bre?—Les beaux pays que nous allons parcourir se seraient fait voir sous leur vrai point de vue, au lieu que nous n'aurons qu'un moment pour jouir du beau tems. On ne commence plus par Weymar, c'est par le Wurtemberg, parce que la reine doit aller en Italie. Elle voulait remettre ce voyage, mais l'Impératrice ne l'a point permis, et pour concilier tout, elle arrange que cette visite soit la première.

L'Impératrice est en retraite depuis avant-hier. Elle a communié ce matin; j'ai donc été libre deux jours de suite. J'en ai profité pour aller à Czarsko-Célo chez la comtesse Protassow-Bachmétiew qui était venue me voir deux fois; c'est une personne que j'aime de tout mon coeur et que j'estime de même: elle est vraiment chretienne et diffère prodigieusement de son amie mad. Tolstoï dont nous avons beaucoup parlé et qu'elle connaît.... ah! La comtesse s'est établie à Czarsko-Célo pour son fils, qui a un goût décidé pour le militaire; elle y passera même l'hyver.

CXVIII.

Moscou, le 12 août 1818.

J'ai mille fois admiré l'esprit et l'éloquence de mad. de Staël sans jamais pouvoir adopter ses opinions. Nous avons passé un été tout entier, presque seuls, à Coppet entre m-r Necker et elle, et là vous pouvez croire que nous avons coulé à fond toutes ces questions constitutionnelles. Il y a beaucoup de bonnes choses à dire en faveur du système représentatif; mais on y répond par la difficulté et les dangers de le mettre en pratique. Qu'il vous suffise de savoir que si m-r Necker eût pu s'emparer des rènes de l'état par son ascendant sur le roi, il aurait gouverné la France comme Richelieu la gouvernait sous Louis XIII, ou tout au moins comme Mazarin sous Anne d'Autriche, et qu'il eût été le plus zélé et le plus hardi défenseur de la prérogative royale. Mais républicain de naissance, banquier de condition et réformé de religion, il sentait fort bien qu'il n'aurait jamais que le département des finances sous ses ordres, et qu'il ne parviendrait à être premier ministre qu'au moyen d'un changement dans la constitution; de là ses états-généraux où il doubla la représentation du tiers-état, ce qui d'un coup de plume renversait le clergé et la noblesse en le rendant, lui Necker, l'idole du peuple. De là toutes les horreurs successives de la révolution! Quant à sa fille, le pouvoir était de même tout ce qu'elle ambitionnait, elle ne pouvait pas même cacher cette disposition autant que la prudence l'aurait exigé. Elle recevait à souper Robespierre et Danton jusqu'au moment où, s'apercevant du danger de devenir leur victime, elle se réfugia en Suisse. Le Directoire la revit à Paris s'agiter de toute manière pour placer ses amis, et c'est à elle seule qu'on doit le retour de Talleyrand d'Amérique. Elle était l'amie intime de Barras. Bonaparte survint, et elle fit l'impossible pour s'emparer de son esprit; mais là elle rencontra un coeur sec, des opinions toutes faites, et Napoléon, loin de l'admettre à son intimité, l'exila à Coppet. Au plus fort de la tyrannie de cet homme elle interrompait les plaintes amères que son exil lui arrachait pour s'écrier: *ah, s'il voulait m'épouser, comme je lui pardonnerais tout le mal qu'il me fait*! Et quand je repoussais avec indignation un voeu aussi extravagant, elle me disait: *croyez-vous que quelque chose pourrait me coûter pour avoir la France à mes pieds*? Et c'était dans de ces moments d'entier abandon où la vérité parlait, qu'elle me tenait ce langage. Croyez, chère princesse, qu'une constitution quel-

conque où elle eût pu jouer un grand rôle lui aurait parue excellente et que si elle eût pu être en femme ce que Potemkine était en homme, la Russie lui eût semblé le pays le mieux constitué de la terre. Voilà la vérité pure sur le fond du coeur d'une femme que j'ai beaucoup connue et que j'ai fort aimée, malgré la différence de nos manières de voir. Tout le reste n'est que des phrases bien tournées, séduisantes par la couleur qu'elle savait donner aux choses, mais qui se seraient trouvées vides de sens si les circonstances eussent mis leur auteur en mesure de les démentir par l'exercice de l'autorité et l'usage de la puissance, qui seules étaient ses idoles.

CXIX.

Pawlowsky, le 9 août 1818.

Je suis restée trois jours en ville; je n'y ai rien fait qui vaille. Arrivée le Lundy pour dîner, je ne pus ce jour-là aller qu'aux dames de S-te Catherine voir Louise Hertel et ma nièce Potemkine. J'ai trouvé la première très-bien; on continue à en être parfaitement content, les études vont bien, la conduite encore mieux. La petite nièce en revanche va très-mal, paresseuse comme un chien, entêtée, raisonnant lorsqu'on la corrige; de tous côtés on m'a fait des plaintes, et j'ai dit le plus sérieusement du monde que si rien ne venait à changer d'ici à ma première visite à l'institut on eût à administrer les verges, sur quoi mad. Breïtkopf a été entièrement de mon avis. Quoique la mode actuelle soit de ne point châtier les enfans de la manière dont on le faisait autrefois, je pense moi que le système de la verge n'est point à dédaigner lorsque toutes les punitions sentimentales sont en pure perte. Je sais bien que j'ai eu la verge deux fois en ma vie: d'abord pour avoir menti, ensuite pour avoir fourré une grosse épingle dans les juppes de m-lle Bridel avec l'intention de la piquer, et je vous assure que ce châtiment ne m'a point nui du tout. M-lle Potemkine, qui n'a que 12 ans et qui paraît à peine en avoir 9, aura donc les verges s'il lui arrive encore d'être paresseuse et entêtée.

J'ai trouvé à cet institut la petite Radzivil, jolie comme un coeur, avec cette robe de camelot brun. Elle commence à s'habituer à tout ce qu'elle voit. Les premiers jours elle était toute *ahurie*, cette quantité d'enfans semblait lui faire peur; elle était pensive plutôt que triste, et

quand on lui demandait ce qu'elle sentait, elle répondait en polonais: *сердце смутно*, expression charmante et qui rend très-bien le trouble du coeur. Stéphanie m'apprit que sa mère avait été la voir dans la matinée de ce même jour, et au moment où je me levai pour m'en aller, elle courut après moi pour me charger de baiser les mains à son papa Czernichew. Je lui répondis en riant que je ne pouvais m'a-quitter de cette commission, et aussitôt, se reprenant, elle me dit: „Ah ouï, je n'y pensais pas; eh bien, dites-lui qu'il me vienne voir pour que je puisse le faire moi-même". Elle est charmante cette petite, et je m'applaudis bien d'avoir suggéré à son beau-père de la mettre à l'institut. Pour son bonheur je voudrais que de longtems elle ne vît sa mère, qui est bien la folle la plus consommée qu'on puisse voir dans le monde. Vous ne pourriez jamais vous faire une juste idée de la conduite qu'elle tient; non pas qu'elle fasse quelque chose de mauvais, qu'elle soit coquette ou rien de semblable, pas du tout: elle n'a pas plus l'air de se soucier d'un autre homme qu'elle ne se soucie de son mari; mais voyez-la et vous croiriez qu'elle va se jeter à l'eau ou se pendre au premier poteau; c'est comme un désespoir! Je lui ai parlé, l'Empereur lui a parlé aussi bien que tous les Polonais qui se disent ses amis; mais tout cela ne fait rien sur elle. Elle prétend qu'elle a une maladie de l'âme; qu'il lui faut la liberté; que le devoir l'accable de tout son poids; enfin, elle dit les choses les plus extravagantes. Czernichew lui a écrit une lettre pleine de sentiment, d'honneur, de loyauté; le lendemain du jour où elle la reçue elle est venue le trouver en ville pour lui dire qu'il était le meilleur des hommes, qu'elle le reconnaissait, en était touchée, mais qu'elle ne pouvait espérer de le rendre heureux, parce que d'après la disposition de son esprit elle sentait que si elle venait à lui promettre une chose aujourd'hui, elle ne pourrait la tenir demain; que pour leur bonheur mutuel il fallait se séparer *au moins pour un certain tems*. Czernichew y a consenti à la suite de cette explication, et lui a renvoyé jusqu'au dernier sou de son argent en lui laissant la pleine jouissance de tout ce qu'elle a, sans en vouloir retenir la moindre chose. Il a eu la délicatesse de se charger d'arranger les affaires d'héritage pour ce fils qui est à Vienne et qui va être légitimé sous peu. Ensuite il l'a priée de lui épargner des scènes désagréables dans la société, où elle a la manie d'étaler sa morale avec les premiers venus; elle faisait des professions de foi et des aveux qui le mettaient hors de lui, tout en amusant l'auditoire devant lequel madame se livrait à sa franchise. Enfin, le résultat de tout ceci a été celui de se produire ensemble le moins souvent possible. Il est telle-

ment malheureux qu'il faudrait être bien mauvais pour en rire. Tout ce qu'il y a à désirer pour lui est que Dieu le délivre du sentiment qu'il porte encore à cette femme. Jugez quelle affreuse position d'aimer ce qui ne nous aime plus. Est-il quelque chose de plus cruel?

Czernichew est venu Mardy chez-moi avec une portefeuille immense remplie de lettres que sa femme lui avait écrites. Eh bien, croiriez-vous qu'elle ait eu le front de lui dire en faisant un triage de ces mêmes lettres: „voyez-vous, quand j'écrivais celle-ci, je ne vous ‹aimais déjà presque plus›. Ou elle est folle, ou c'est un monstre! J'ai conseillé à Czernichew de la laisser partir et aller où bon lui semblera, de ne plus lui écrire du tout, de s'occuper beaucoup, et quand après un laps de tems il se trouverait un peu calmé, de faire ce que Troubetzkoy a fait avec mad. de Sagan: l'envoyer promener, divorcer en due et bonne forme et en épouser une autre. Pourquoi faut-il qu'un homme, qui a toutes les qualités requises pour être heureux en ménage, entrave son existence, parce qu'une vilaine créature aurait porté son nom un jour? Il a jetté les hauts cris à ce conseil, mais c'est égal: il est assez probable qu'il le suivra dans deux ans; le tems fera pour lui ce qu'il a fait pour tant d'autres.

Mardy soir je fus voir Ribeaupierre. J'ai trouvé chez lui Magnitzky fort inquiet de la santé de sa femme, le grand Wassilitchkow s'amusant à tourmenter les enfans, et le banquier Pichler à qui j'ai fait un emprunt de 1500 roubles en ducats. Voilà, grâce à Sa Majesté, une dette que je vais contracter. On nous parle de nous donner notre argent de table avec bonification de change pendant le voyage, ce qui serait très-bien; car au lieu de 240 roubles cela nous en ferait 800 par mois, mais jusqu'à présent aucun ordre encore n'a paru à ce sujet. Je suis bien décidée à ne pas dire un mot pour l'argent.

CXX.

Moscou, le 15 août 1818.

J'ai chaque poste des nouvelles de Letichew où l'on est dans tous les embarras d'un changement d'administration. On chasse un *intendant Larron* qui à la longue aurait rendu le comte Markow aussi pauvre que le baron du Bas-Poitou de la chanson. C'est un certain Grec nommé Makiousi qui avait fait ses preuves chez les fermiers d'eau de vie de Pétersbourg et dont je ne sais quelle âme charitable affubla le c-te il y a 4 ans. Il a volé quatre cent mille roubles dont on ne peut retrouver trace. J'ai dans l'idée que Baïkow est le grand soutien et protecteur de ce Grec, qui, comme contrebandier, a toujours eu beaucoup d'amis aux douanes. Or, Baïkow est à ce moment chez le c-te Markow où il cherche à tirer d'embarras ce Makiousi.

Titow est bien décidé, à ce qu'il dit, à n'être plus le bouffon de mesdames Tolstoy et Ostermann; il a bien raison assurément; mais ce qu'il y gagnera en considération, il le perdra en prévenances: car on ne l'aimera plus comme auparavant, et Titow raisonnable sera un être fort nul aux yeux de ces dames, qui veulent en faire un passe-tems. Quand il est arrivé à Kalouga, la vieille princesse est venue à lui pour lui recommander de ne point s'oublier et de ne prononcer jamais le nom du défunt comte Strogonow. Il l'a promis; et aussitôt mad. Apraxine l'a tiré à part pour le supplier de ne jamais parler de Carlsbad ni de sa fille Nathalie et de son gendre Serge Galitzine, dont on n'ose pas faire mention devant la princesse Woldemar. Incessamment il faudra garder le même silence sur la princesse Tcherbatow, qui va partir pour Nice, ce que cette grand-mère ne peut admettre, malgré les raisons de santé qui commandent ce voyage.

CXXI.

S-t Pétersbourg, le 13 août 1818.

Je ne peux me faire à l'idée que dans 15 jours j'aurai quitté Pétersbourg et serai de nouveau à rouler dans une voiture impériale! Cela me désole. La cour rentre ici le 21 pour y rester jusqu'au 26, jour du départ de l'Empereur, qui s'en va directement de Czarsko-Célo. Nous autres partons le 27 pour Gatchina, et le 28 nous nous mettons également en route.

Vous me demandez à quoi tient la versatilité d'idées? A la nature humaine, vous dirai-je. Souvent une chose qui nous arrange dans tel tems nous dérange dans tel autre. Il faut que cela tienne absolument aux circonstances, et c'est mon histoire. Ce qui pouvait me convenir l'automne dernier à Moscou ne me convient pas à présent. Mais quoi? Mais qu'est-ce? Nos prairies sont bien tristes. Elles sont inondées de pluie; de plus, un vent continuel à ébranler le château.

Dites-moi donc que le plus beau soleil luira tout exprès pour me faire plaisir; qu'il fera chaud, que je pourrai voyager en simple schal et que ce qui m'attend depuis Gatchina jusqu'à.... Londres peut-être, ne sera que plaisir et agrément. Ah, mon Dieu, dites-le-moi.—Oh, Londres, direz-vous! Mais cela est dans les possibles: si le prince-régent qui nous saura si près nous faisait une invitation un peu polie, j'ai tout lieu de croire que nous y répondrions avec sentiment. L'Angleterre a d'ailleurs des fabriques, des manufactures de tout genre; nous sommes curieuses, avides d'instruction, et ce serait le cas d'en acquérir; donc il est très-faisable que je vous écrive un jour de Bond-Street ou de Gross venor-Square.

CXXII.

Moscou, le 19 août 1818.

Pensez donc aux objets de curiosité sans nombre qui seront au moins pour vous des objets de *distraction* contre ce désespérant secret que je ne devinerai jamais, et qui vous cause tant de regrets. J'en suis déjà à n'avoir plus besoin que d'un *nom*, car c'est sûrement un *nom* qui fait le mot de cette énigme. Cela viendra pour peu que vous soyez constante; ce dont on a le coeur rempli se trouve un beau jour sur les levres ou au bout de la plume, sans qu'on y ait pensé; c'est un éclair qui fait trait de lumière. Mais non, la route et ses fatigues, les divers séjours et leurs distractions, les nouvelles connaissances et leurs agréments; les plaisirs de toute espèce, les fêtes de tout genre, ne vous laisseront pas un moment pour vous livrer au chagrin.

Vous ne me dites qu'un mot de la princesse Boris. Si son gendre nouveau ressemble à ses chers frères, surtout à Dmitri Markisch, ma foi il tombe on ne peut mieux avec ces commères: car ce Dmitri Markisch est bien le plus grand feseur de paquets de toutes les Russies.

CXXIII.

Pawlowsky, le 19 août 1818.

Le mariage des Poltoratsky a eu lieu hier, à la chapelle de Pawlowsky, en présence de toute la cour et d'une centaine de personnes invitées pour un bal que l'Impératrice donnait à la grande-duchesse et qui est venu très à propos pour cette occasion. Sophie s'est habillée ici dans un appartement qui lui avait été préparé, ensuite l'Impératrice-mère lui a posé ses diamants. Je n'ai pas vu comment on a été à l'église ni la cérémonie, car je ne suis sortie de ma chambre qu'à 8 heures pour aller droit dans la salle du bal. A travers les polonaises j'ai découvert la princesse Boris que j'ai été embrasser et féliciter. Elle me semblait fort gaye; Sophie avait l'air assez embarrassée de se trouver dans cette cohue, et c'était bien naturel, le marié fort désagréable. L'Empereur s'est retiré à 10 heures, comme il a coutume de le faire, et l'Impératrice a fait les honneurs du souper. Toute la noce a été à la table impériale; pour moi je me suis mise à une des petites tables rondes d'où j'avais en perspective la tête chauve d'un certain général

Soukarew, qui devient le beau-frère de Sophie, et la taille épaisse de madame son épouse. J'ai vu aussi une quantité de petits officiers qui sont je ne sais qui, mais que je suppose être de proches parents. Je crois que l'orgueil du prince Boris se serait mal accomodé de cet amalgame de l'ancien et du moderne, il aurait pensé faire outrage aux mânes de ses ayeux en alliant ainsi le beau nom de Galitzine à celui plus que modeste de Poltoratsky. Après le souper les mariés partirent pour la ville, et aujourd'hui je suppose que l'Empereur, qui à l'autel a servi de père à Sophie, y sera allé faire son compliment et porter son cadeau.

Nous dinâmes Samedy à Czarsko-Célo; la société était nombreuse, celle de Pawlowsky me faisait l'effet d'une invasion, je le dis au Maître qui trouva l'idée plaisante et en rit beaucoup. Au beau milieu du dîner il se fit un grand mouvement, un cri perçant partit: c'était la générale Raewsky prise d'une attaque de nerfs pour avoir senti l'odeur de l'ail dont on avait assaisonné un plat. Sa répugnance pour cette odeur est tellement forte qu'elle en prend des convulsions. Le prince Wolkonsky lui donne la main pour sortir, mad-lle Walouew suivit celui-ci, mademoiselle Raewsky courut après m-lle Walouew, et quelqu'un allait courir après m-lle Raewsky, lorsqu'on vint dire que la générale allait mieux. Après le dîner l'Empereur voulut savoir comment la chose s'était passée, il s'approcha de mad. de Kotchoubey et lui en fit la question; celle-ci avec un air pathétique lui dit: «Sire, aussitôt «que le plat vint à passer, madame Raewsky fut saisie d'un tremble«ment de terre (elle voulait dire de nerfs)». Un éclat de rire général partit à cette erreur de mot, et mad. de Kotchoubey rit plus fort que les autres. Le mari Kotchoubey s'est déridé, il est redevenu parlant et aimable comme par le passé; je lui trouve l'air bien grand seigneur, et je crois que dans son jeune âge cela devait faire un des plus jolis hommes de son tems; vous l'avez sûrement connu alors. Mad-lle Kotchoubey ressemble à son père sans être pourtant une beauté; elle a une taille élégante, elle danse à merveille, enfin elle est tout juste comme il faut pour charmer. On dit qu'elle a beaucoup d'esprit, et je le crois volontiers; car sa physionomie a beaucoup d'expression et de jeu. Je ne suis pas en peine pour l'établissement de celle-ci, il est à parier qu'elle n'épousera personne qui s'appelle Poltoratsky.

C'est inouï combien de monde s'apprêtte à quitter Pétersbourg; nous venons de faire nos adieux à Troubetzkoy et à sa femme qui vont à Aix-la-Chapelle, à Paris et en Italie. Je tiens moi que tout ce monde est devenu de la famille impériale; il n'est pas permis à l'Empereur de bouger que toutes ces femmes chez lesquelles il va prendre du thé

quelquefois ne se mettent en campagne aussitôt: il semble qu'elles font partie de ses bagages. J'aime à croire que l'Impératrice nous permettra d'avoir un livre en voiture; il est impossible de rester toujours oisive ou de causer comme une pie. En voyage j'aime à lire des romans ou autres nigauderies.

CXXIV.

Moscou, le 29 août 1818.

Quand on a des répugnances pour une odeur au point de se trouver mal, on ne devrait pas dîner à la cour: il y a toujours du ridicule à faire une scène et surtout chez l'Empereur. Il est arrivé pis que cela à madame de Vaudemont; si je ne vous l'ai jamais conté, cela viendra à propos. Mad. de Vaudemont ne peut pas voir un homar sans se trouver mal; voilà qu'elle arrive à la Haye en 1784 et qu'elle est présentée au stathouder dont la figure enluminée la frappa prodigieusement. Le stathouder l'invita à souper, elle ne pouvait s'empêcher de regarder ce prince et de lui trouver la figure du monde la plus déplaisante; tout-à-coup voilà qu'on pose sur la table et vis-à-vis d'elle un énorme homar, aussitôt son emotion brouille ses idées, et la voilà qui s'écrie tout haut: emportez ce stathouder, par pitié emportez ce stathouder, et elle se renverse sur sa chaise, met sa main sur ses yeux, conjurant toujours qu'on la délivre de la vue de ce stathouder, sans jamais pouvoir trouver le mot homar qu'elle voulait dire. Nous sommes fort heureux nous autres hommes de n'avoir pas de ces faiblesses-là, et je crois que si les femmes le voulaient bien, elles n'en auraient pas plus que nous.

Mon Dieu, que me dites-vous donc de la liberté de prendre un livre dans la voiture de l'Impératrice! A moins que ce ne soit pour divertir S. M. en lisant haut, j'espère bien que vous n'aurez pas l'idée de toucher à une brochure. Il ferait beau voir une Impératrice au milieu de trois dames qui toutes auraient un livre à la main: non, non, sûrement, je vous ai mal compris. Puisque vous aimez à lire des bêtises en voyage, je vous dirai qu'un certain colonel, qui a son régiment a Casan, demandait l'autre jour à quelqu'un qui parlait du Vésuve, ce que c'était que ce Vésuve? C'est une montagne qui jette sans cesse du feu ou de la fumée, lui dit-on.—Et cela est-il dangereux?—Certainement, cela a causé souvent de grands désastres, détruit des villes et des villages.—Et où se trouve cette montagne? demanda le colonel.—

Tout près de Naples, lui dit-on.—Et que fait donc la police de ce pays-là?—Eh, monsieur, la police ne peut rien contre un phénomène de la nature....—Ne peut rien, ne peut rien, répliqua le colonel, ah bien ouï, qu'on m'envoye un peu là avec mon bataillon, et l'on verra si le Vésuve brûlera encore 24 heures! Tout cela est à la lettre et m'a paru un fort bon conte à faire au moment où l'on baillera en voiture.

CXXV.

S-t Pétersbourg, le 23 août 1818.

M-r Kosadawlew reste au ministère et se chargera de toute notre correspondance; la nouvelle organisation n'aura lieu qu'au retour de l'Empereur. Les seuls changements qui viennent de se faire c'est que Miloradowitch est devenu gouverneur-général de Pétersbourg, m-r Wiasmitinow ministre de la police avec le titre de comte. Ribeaupierre vient aussi d'être avancé comme conseiller privé, ce qui m'a fait grand plaisir; je voudrais beaucoup voir l'Empereur chez moi avant son départ pour lui parler de ce bon Ribeaupierre, il ne se doute pas encore de tous les talents de ce jeune homme, de tous ses moyens; la manière dont il entend cette partie des finances fait l'étonnement de Gouriew, et puis un zèle et une activité admirables, enfin j'espère qu'il se fera connaître par la suite.

Nous allons directement de Varsovie à Stutgardt; nous y passerons 15 jours. De là à Bruxelles et, si le tems est encore assez beau, il est possible que nous allions par eau de Binguen à Cologne. On dit que c'est l'affaire de deux jours, et de cette manière nous verrions à merveille toute la rive du Rhin. Nous demeurerons aussi 15 jours à Bruxelles, et de là nous irons à Weymar où nous séjournerons trois semaines; l'Empereur viendra nous y voir. Je suppose que nous nous arrêterons aussi une huitaine de jours à Berlin, en sorte que deux mois pour les séjours et deux autres pour la voiture feront juste les 4 mois désignés pour ce voyage. Je désirerais déjà qu'il fût fait et que j'eusse à débaler au lieu d'embaler. En notre absence c'est le grand-duc Nicolas qui tiendra la cour, les dîners seront fréquents et tous les 15 jours un bal; par ce moyen le public connaîtra mieux ce jeune ménage. On assure que l'impératrice Élisabeth n'a pas la plus petite envie de partir, mais j'ai peine à le croire: si vraiment elle avait le désir de rester, qui est-ce qui aurait pu l'engager à faire un voyage malgré elle? Elle va voir sa mère à Bruxhal, et prend une dame de plus, qui sera m-lle Sabloukow; madame Pitt la quitte à Bruxhal pour aller voir sa famille en Angleterre.

De toute la maison de l'Empereur il n'y a que Wolkonsky et Menschikow qui partent avec lui; Ozarowsky et Czernichew prennent les devants, Orlow et Kissélew demeurent ici; Nesselrode et Capo d'Istrie vont chacun de leur côté. Nous verrons ce que produira cette seconde réunion des souverains. La sortie des troupes étrangères de France une fois arrêtée, je ne conçois plus l'objet de ce congrès, à moins de renouveller le traité de *la sainte alliance*, ce qui deviendrait alors une pure affaire de sentiments.

J'ai appris hier l'arrivée d'Ostermann et de sa femme. S'ils viennent pour ce que vous m'avez dit, il me semble que c'est trop tard; je crois plutôt que c'est pour faire leurs adieux. Monsieur ne voudrait-il pas d'Aix-la-Chapelle comme il a voulu de Varsovie? Ah que je me moque de moi-même quand je pense au tems où j'avais la bonne foi de croire Ostermann *Romain*! J'en suis bien revenue au moins; toute sa distraction ne l'a jamais empêché de distinguer le comte Arakchéew et le prince Wolkonsky, il les saluait du plus loin qu'il les apercevait. Voilà ce que j'ai vu moi-même au Kremlin.

Nous partons demain. Je suis triste à mourir. Qu'est-ce qui m'attend dans ce voyage, je n'en sais rien, mais le fait est que mon coeur est tellement serré que si quelqu'un venait me dire dans ce moment que l'Impératrice renonce à son voyage, je lui sauterais au cou. Il y a aussi des moments où je me dis: allons, il faut se laisser mener par la Providence; jusqu'ici, comme dit Christin, elle m'a bien conduit; si je pouvais me coucher sur cette idée, je serais sûre au moins d'avoir une bonne nuit; au lieu de cela je rève noir que cela fait trembler. J'ai couru depuis deux jours sans discontinuer de chez l'Anglaise qui a fait mes robes, chez Sichler qui fait mes bonnets, puis chez Maigron et au magasin de schals pour en aller choisir à la comtesse Lieven. Si vous croyez que celle-ci m'ait sauvé sa correspondance, vous vous trompez bien fort: elle m'a fait écrire hier matin quatre lettre et dans une chambre tellement chaude que j'y ai gagné un violent mal de gorge; à présent cela va mieux, je me suis mis de la corde de vaisseau au tour du cou, cela m'a fait grand bien; si vous ne connaissez pas ce remède, je vous l'enseigne. On appelle cela en russe канатъ.

César en surtout et en fourachka sous le bras m'a interrompu, et il vient de me quitter. Il est aimable tout-à-fait. Je lui avais écrit un mot pour lui dire que je n'aimais pas à lui faire mes adieux en public, et il est arrivé de suite; je l'aime beaucoup quand il est ainsi en citoyen. Et pourtant je vous dirai encore une fois: *ce n'est pas cela*. Convenez, me direz-vous à votre tour, que la fin de votre lettre est plus gaye que le commencement?—Mais peut-être, et pourtant *ce n'est pas cela*.

CXXVI.

Moscou, le 5 VII-bre 1818.

Vous savez que Fontenelle prétendait qu'il y avait des mots qui hurlaient de surprise de se trouver ensemble; ceux de *César* et de *fourachka* me semblent être dans ce cas: c'est comme si on disait Sémiramis en pet-en-l'air. Je suis ravi cependant qu'on aille en négligé voir ses amis; cela est de bon augure pour une liaison durable, et quoique *ce ne soit pas cela*, c'est pourtant quelque chose de fort agréable, et c'est par là qu'on se soutiendra et qu'on réussira pour le présent et pour l'avenir.

Depuis trois ans nous avons la paix, et les contributions de la France ont versé chez nous beaucoup d'or; cependant notre papier ne s'est pas relevé du tout et en demeure au taux des années les plus désastreuses de ces dernières époques. Il convient extrêmement aux Anglais et en général à toute l'Europe que les choses demeurent sur ce pied: on paye bien plus facilement tout ce qu'on tire de ce pays. Mais c'est la ruine de la Russie et la honte de son ministre des finances de laisser subsister une banqueroute de 75 pour cent sur son papier-monnoye.

CXXVII.

Moscou, le 11 (23) VII-bre 1818.

On ne parle ici que du nouveau chambellan le comte Théodore Tolstoï à qui son futur gendre a apporté la clef avec un ordre de servir au Kremlin sous le prince Youssoupow. Les méchants prétendent que m-r Zakrewsky, ne se souciant point d'avoir son beau-père et sa belle-mère à Pétersbourg où ils annonçaient vouloir suivre leur fille, a demandé cette clef et ce service pour le retenir ici. Tant y a que le bon comte Théodore est partagé entre la jòye que lui cause sa décoration et le regret de devoir quitter sa fille unique. On rit un peu de son embarras, mais on le trouve heureux d'en être quitte à si bon marché, en le comparant au beau-père de m-r Potemkine. Si cela continue, on dira bientôt un tour de gendre comme on disait ci-devant un tour de page.

A propos de gendre, madame Polouyéchtow arrivait à Moscou pour accoucher. Voilà qu'elle avait mal calculé et que les douleurs l'ont saisie dans un misérable village borgne à 50 verstes d'ici où, sans autre secours que son mari et sa femme de chambre, elle a fait

une petite fille très-bien portante, et la mère, dit-on, ne fait qu'un éclat de rire de son aventure dans le plus vilain izba du monde, couchée sur un banc avec un peu de paille, tandis que le lit, la layette et tout l'attirail d'une accouchée l'attendait ici.

Votre soeur Sophie m'a envoyé votre lettre de Riga à mad. Arséniew. Je conçois et partage votre fatigue quand, arrivant à 5 heures après-midy, après trois mauvaises nuits, mourant d'envie de dormir, on vous fait parer et aller à la comédie, au bal et au souper de la ville et demeurer en public jusques à minuit. Cette pauvre petite comtesse Samoïlow, qui a des nausées en voiture, qui rend tout ce qu'elle mange et qu'on fait valser aussi comme si de rien n'était..... Ah, mon Dieu, comme c'est payer cher le plaisir d'un voyage impérial!

Ni l'or ni les grandeurs ne nous rendent heureux.
Ces deux divinités n'accordent à nos voeux
Que des biens peu certains, qu'un plaisir peu tranquille...
L'humble toit est exempt d'un tribut si funeste,
Le sage y vit en paix et méprise le reste:
Content de ses douceurs, errant parmi les bois,
Il regarde à ses pieds les favoris des rois;
Il lit au front de ceux qu'un vain luxe environne,
Que la fortune vend ce qu'on croit qu'elle donne.

Voilà ce que me rapelle votre position et celle de votre jeune amie dans le carosse de S. M. Vous, toussante, crachante, enrhumée, et mad-lle Samoylow ayant le coeur sur les levres..... Et pourtant, il faut être bien gayes, bien aimables et toujours prêtes à rire, à parler, à danser quand on arrive, à se mettre à table quand on veut dormir, et à remonter en voiture quand on commence seulement à reprendre haleine...... Consolez-vous cependant: vous n'aurez pas 75 ans que vous y serez toute accoutumée. Voyez madame de Lieven, cela est très-encourageant; elle est de fer et résiste à tout, parce qu'elle est trempée par 50 ans de vie de cour. Autant vous en pend à l'oreille, et alors vous serez la plus heureuse personne du monde. Mad. Kologriwow est arrivée ce matin de chez sa fille Polouyéchtow; ce qu'on a débité de ses couches est encore un fagot de Moscou: le fait est qu'elle est accouchée chez elle au moment d'en partir et sans aucun aide que son mari et sa femme de chambre, mais nullement en chemin et dans une cabane. Enfin, notre bonne ville ne finira jamais de mentir; je croirais que c'est ici que furent composées les Mille et une Nuits, s'il n'y avait dans ces contes trop d'esprit et de gayeté pour les comparer à ceux de nos auteurs modernes.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1884 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

Русскій Архивъ, историческій сборникъ преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1884 году **шесть разъ** въ годъ, въ Генварѣ, Мартѣ, Маѣ, Іюлѣ, Сентябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ издается уже третье десятилѣтіе и потому не прибѣгаетъ къ многообѣщающимъ посуламъ. Онъ останется вѣренъ основной своей мысли — служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнопрошедшими событіями и въ отечественной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣйствительности. На его знамени можно бы написать старинную поговорку: «не найдешь въ себѣ, не ищи въ селѣ». Разумѣется, при такомъ отношеніи къ дѣлу немыслимо пристрастное освѣщеніе историческихъ лицъ и событій, въ угоду господствующему направленію современности. Лѣтопись временъ прошедшихъ должна быть подлинная; издатель своими указаніями и примѣчаніями только помогаетъ уразумѣнію страницъ ея. Историческое изданіе, своимъ содержаніемъ удовлетворяющее не одному минутному любопытству и цѣнное не для однаго нашего времени, но и для временъ будущихъ, ведется въ такомъ видѣ, чтобы читатели могли немедленно отыскивать прочтенное и наводить нужныя справки. Для того при каждой книгѣ Русскаго Архива имѣются особые указатели, и нынѣ печатается общая предметная роспись за первыя двадцать лѣтъ (1863—1882), посредствомъ которой легко обозримо и сподручно все исторіографическое содержаніе нашего сборника.

Для новыхъ подписчиковъ приводимъ содержаніе Русскаго Архива за 1883 годъ, чтобы они могли видѣть, какого рода чтеніе предлагается имъ въ 1884 году.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА
1883 года.

Письма **Жуковскаго** къ Государю Императору Александру Николаевичу, съ предисловіемъ и поясненіями издателя. — Воспоминанія **А. П. Бутенева** 1812 и 1813 годы.— Письма **М. П. Погодина** къ С. П. Шевыреву, 1839—1864. (Шафарикъ.—Бенардаки.—Бодянскій.—Библіотека Моля.—Первые шаги „Москвитянина".—Погодинъ въ Даніи и у берлинскихъ профессоровъ.—Хомяковъ.—Увольненіе крестьянъ.—Участіе митрополита Филарета.—Три вечера въ Петербургѣ.—Чичеринъ и Герценъ.—Записки А. В. Зименки. — Шевыревъ за границею). Съ объясненіями **Н. П. Барсукова**.—Записки графини **Н. Н. Мордвиновой**.—Въ память В. А. Золотова. **Старушки изъ степи**.—Къ біографіи Жуковскаго. (Письма его матери и родныхъ).—Письмо **графа В. Д. Олсуфьева** къ митрополиту Филарету (о Кремлевскомъ колоколѣ, упавшемъ въ день присяги покойному государю Але-

ксандру Николаевичу) 1855.—Записочки митрополита **Филарета** къ Е. П. Глазовой. Изъ памятныхъ замѣтокъ **П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго** (О Третьемъ Отдѣленіи).

Автобіографическія записки **графа Александра Романовича Воронцова** съ его портретомъ и съ послѣсловіемъ издателя.—Изъ памятной книги **Е. И. Раевской**. (И. Г. Бибиковъ.—Князь Валерьянъ Голицынъ.—М. М. Нарышкинъ).—Воспоминаніе о Московскомъ генералъ-губернаторѣ П. А. Тучковѣ. **С. П. Шипова**.—Къ біографіи **Жуковскаго**: а) Его переписка о бракѣ съ М. А. Протасовой, б) Разсказъ А. П. Зонтагъ объ его человѣколюбіи. в) Его письма къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. г) Его письмо къ Сперанскому о воспитаніи Государя Александра Николаевича. д) Его письма и шуточныя записки къ А. О. Смирновой. е) Его письма къ графу Д. Н. Шереметеву объ увольненіи изъ крѣпостной зависимости родныхъ профессора Никитенки.—Разсказы и анекдоты про Петра Великаго.—Коронація императрицы Екатерины Первой: а) Разсказъ очевидца. б) Современное правительственное описаніе.

Приложенъ портретъ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова. (Съ оригинальнаго портрета, хранящагося въ Одессѣ).

Записки артиллеріи маіора Елисаветинскихъ временъ **М. В. Данилова**. — Письмо графа **Н. Н. Панина** къ О. А. Поздѣеву объ охотничей собакѣ (1776).—Шуточное посланіе **А. В. Олсуфьева** къ князю Г. Г. Орлову.—Приживальщики и приживалки. Очерки недавно прошедшаго быта. **Старуши изъ степи**.—Письмо уѣзднаго дворянскаго предводителя въ мѣствому дворянину-помѣщику (1858).—Біографія графа **П. В. Завадовскаго** (Екатерининскаго любимца и перваго министра народнаго просвѣщенія) **И. С. Листовскаго**. Съ портретомъ графа Завадовскаго.—Записка **А. Н. Муравьева** о нуждахъ православной церкви въ Россіи.—Секретный приказъ Кавказскаго полководца **П. А. Вельяминова** Ладинскому (1818). Разсказы канцлера князя Горчакова объ А. С. Пушкинѣ (письмо князя А. И. Урусова къ издателю Р. Архива).—Письмо **Ѳ. В. Чижова** къ одному сановнику.

Записки Василія Александровича Нащокина, генерала временъ Елисаветинскихъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Д. И. Языкова**.—Бабушка Е. А. Бибикова (Изъ Записокъ ея внучки). Братья Олсуфьевы, оберъ-гофмейстеры Петра Великаго. Переписка ихъ съ княземъ А. Д. Меншиковымъ (1717—1727). Со введеніемъ и примѣчаніями **гр. А. В. О.**— Воспоминанія **Григорія Ивановича Филипсона**.—Знаменательный циркуляръ въ началѣ прошлаго царствованія.—Композиторъ Сѣровъ на Петербургской гауптвахтѣ (1861).— Кіевскій генералъ-губернаторъ Н. Н. Анненковъ и М. В. Юзефовичъ (по поводу Польскаго всеподданнѣйшаго адреса 1864 года).—Баратынскій. Замѣтки по поводу новаго изданія его стихотвореній 1883 года. Князь Я. Ѳ. Долгорукій, Петровскій дипломатъ и сенаторъ съ большимъ гравированнымъ его портретомъ.

Къ „Русскому Архиву“ 1883 года приложены: I. Переписка Кристина съ княжною Туркестановой на Французскомъ языкѣ. II. Петербургскій Некрополь. Справочный историческій указатель надгробій на Петербургскихъ кладбищахъ В. И. Саитова. III. Большая гравюра на мѣди съ портретомъ славнаго князя Я. Ѳ. Долгорукаго.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**девять** рублей. Для Германіи—**одинадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, куда и обращаются г.г. иногородныя. **Въ Петербургѣ**—у Полицейскаго моста, въ книжномъ магазинѣ Мелье; **въ Кіевѣ**, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ домѣ Стефановича, у Марьи Михайловны Булгакъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры „Русскаго Архива“ 1883 года продаются по 9 рублей въ указанныхъ выше мѣстахъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ

НЕКРОПОЛЬ

Приложеніе къ Русскому Архиву 1883 года.

МОСКВА.

1883.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Личныя бумаги императрицы Елисаветы.—Дневная записка Коллегіи Иностр. дѣлъ 1742 г.—Письма кн. Кантемира къ гр. М. Л. Воронцову.—Письма принцессы Цербской Іоанны Елисаветы къ гр. М. Л. Воронцову.—Дѣло о Шетарди (Перлюстрація депешъ). *Со снимками.*

КНИГА ВТОРАЯ. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюмина съ графомъ М. Л. Воронцовымъ.—Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.—Письма Миниха.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елисаветѣ.—Бумага о побѣгѣ Д. В. Волкова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова.—Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ гр. М. Л. Воронцову. — Коржавины. — Объ арестѣ Лестока.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головкинымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елисаветы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ.—Секретная посылка Веймарна и Шпрингера 1752.—Записка гр. М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ 1759.—Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ съ отзывами имп. Елисаветы.—Письма гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ ихъ дочери.—Письма Ломоносова къ гр. М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ.—Письмо герцога Голштинскаго къ Елисаветѣ Петровнѣ.

КНИГА ПЯТАЯ. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.—Письма княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ гр. А. Р. Воронцову.

КНИГА ШЕСТАЯ. Доклады Коллегіи Иностр. Дѣлъ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и пр. — О взятіи Берлина Русскими войсками, *съ планомъ.*

КНИГА СЕДЬМАЯ. Доклады Елисаветинской конференціи.—Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена.—Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.—Бумаги о тайной перепискѣ имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ.—Конференціи при Петрѣ III-мъ и въ перв. полугодіе при Екатеринѣ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Екатериною II-ю.—Замѣчанія кн. Дашковой на книгу Рюльера. *Съ портретомъ графа М. Л. Воронцова.*

ПЕТЕРБУРГСКІЙ НЕКРОПОЛЬ

или

СПРАВОЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ,

РОДИВШИХСЯ ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

ПО НАДГРОБНЫМЪ НАДПИСЯМЪ АЛЕКСАНДРОНЕВСКОЙ ЛАВРЫ

и

УПРАЗДНЕННЫХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КЛАДБИЩЪ.

составилъ

Владиміръ Саитовъ.

(Приложеніе къ „Русскому Архиву").

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

СПРАВОЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ, РОДИВШИХСЯ ВЪ XVII И XVIII СТ., ПО НАДГРОБНЫМЪ НАДПИСЯМЪ АЛЕКСАНДРОНЕВСКОЙ ЛАВРЫ И УПРАЗДНЕННЫХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КЛАДБИЩЪ.

При историческихъ розысканіяхъ часто приходится обращаться за свѣдѣніями о томъ или другомъ лицѣ на кладбища. Поиски эти бываютъ сопряжены съ немалыми затрудненіями и часто остаются даже тщетными. Устранить эти неудобства въ извѣстной мѣрѣ можетъ предлагаемый указатель. Сверхъ того, цѣнный историческій матеріалъ, заключающійся въ старинныхъ надгробныхъ надписяхъ, съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, уничтожается и, быть можетъ, скоро исчезнетъ безслѣдно. При составленіи настоящаго указателя имѣлось въ виду сохранить хотя часть еще уцѣлѣвшаго матеріала, именно ту, которая относится къ прошедшему столѣтію.

Считаю необходимымъ сказать, какихъ пріемовъ я держался при составленіи этого указателя.

Въ списокъ вошли лица, родившіяся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Сюда же внесены и тѣ лица, надгробныя надписи которыхъ не заключаютъ въ себѣ ни года рожденія, ни числа прожитыхъ лѣтъ, или же вовсе не имѣютъ хронологическихъ данныхъ. Относительно лицъ, погребенныхъ въ церквахъ Александроневской Лавры, я позволилъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ общаго плана, помѣстивъ сюда и такихъ, которыя родились въ XIX столѣтіи.

При списываніи надгробій я опускалъ обычныя формулы: „здѣсь покоится прахъ", „подъ симъ камнемъ лежитъ" и т. п., равно какъ и тексты изъ Св. Писанія; не соблюдалъ также и стариннаго правописанія.

Такъ какъ во время составленія указателя многихъ надписей уже не существовало, то для пополненія списка я пользовался другими источниками, а именно:

1) „Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга отъ начала заведенія его съ 1703 по 1751 г., сочиненное г. Бог-

дановымъ, со многими изображеніями первыхъ зданій, а нынѣ дополненное и изданное надв. сов. правящимъ должность директора надъ Новороссійскими училищами, Вольнаго Россійскаго Собранія при И. М. Университетѣ и С.-Петербургскаго Вольн. Экон. Общества членомъ Васильемъ Рубаномъ. Изд. 1-е. Въ С.-Петербургѣ. 1779“ 8°. На стр. 374—446 этой книги издатель помѣстилъ „Роспись надписямъ, состоящимъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ знатныхъ особъ и другихъ лицъ по 1778“. Роспись эта важна въ настоящее время тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ списки надписей со многихъ памятниковъ, теперь уже не существующихъ. Но она обнимаетъ собою только 61 годъ, да и за означенный періодъ времени представляетъ пропуски.

2) „Описаніе Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, съ хронологическими списками особъ, погребенныхъ въ церквахъ и на кладбищахъ лаврскихъ, Андрея Павлова. С.-Петербургъ. 1842“. 8°. Списки эти, по словамъ автора, составлены изъ метрическихъ книгъ Алекс.-Невск. Лавры, вслѣдствіе чего и отличаются крайнею скудостью біографическихъ данныхъ и притомъ очень не полны и испещрены ошибками всякаго рода.

3) Наконецъ, я пользовался списками съ надгробныхъ надписей Алекс.-Невск. Лавры, начатыми въ 1873 г., продолженными же и оконченными по приказанію намѣстника лавры, архимандрита Симеона. Списки эти также послужили необходимымъ дополненіемъ къ моему указателю.

Для удобства справокъ указатель расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Мѣсто погребенія указано въ скобкахъ, при чемъ употреблены слѣдующія сокращенія.

Благ. ц. (упраздненное кладбище при церкви Благовѣщенія въ 8-й линіи Вас. Острова).

Б. ц. (Благовѣщенская церковь Александроневской Лавры).

В. Кр. (упраздненное кладбище при церкви Воздвиженія Животворящаго Креста въ Ямской).

Д. ц. (Духовская церковь Александроневской Лавры).

Л. к. (Лазаревское кладбище Александроневской Лавры).

Л. ц. (Лазаревская церковь Александроневской Лавры).

Н. к. (Никольское кладбище Александроневской Лавры).

П. Б. ц. (Палатка Благовѣщенской церкви въ Александроневской Лаврѣ).

П. Д. ц. (Палатка Духовской церкви въ Александроневской Лаврѣ).

П. Л. ц. (Палатка Лазаревской церкви въ Александроневской Лаврѣ).

Преобр. к. (Упраздненное кладбище при церкви Преображенія Господня на Петербургской сторонѣ).

П. Ѳ. ц. Палатка Ѳедоровской церкви въ Александроневской Лаврѣ).

Самп. к. (Упраздненное кладбище при церкви Сампсона Страннопріимца).

Т. к. (Тихвинское кладбище Александроневской Лавры).

Т. ц. (Тихвинская церковь Александроневской Лавры).

Хол. к. (Упраздненное Холерное кладбище на Выборгской сторонѣ у Куликова поля).

Ѳ. ц. (Ѳедоровская церковь Александроневской Лавры).

*—означаетъ свѣдѣнія, заимствованныя у Рубана,

**—у Павлова,

***—изъ лаврскихъ списковъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю выразить искреннюю признательность преосвященному Симеону, епископу Орловскому и Сѣвскому, бывшему во время моихъ занятій въ Александроневской Лаврѣ намѣстникомъ оной. Просвѣщенное и радушное содѣйствіе его преосвященства много способствовало облегченію моего труда.

Владиміръ Саитовъ.

Ааронъ архимандритъ, † 18 Апр. 1844. Жилъ 63 года. Изъ гражданъ гор. Карачева, постриженъ въ монашество въ Бѣлобережской пустыни Орловской епархіи въ 1810 г.; бывшій экономъ, а потомъ намѣстникъ Александроневской Лавры. (За церковью Сошествія Св. Духа въ А. Н. Лаврѣ).

Абаза Аггей Васильевичъ, р. 16 Декабря 1782 † 21 Марта 1852. (Т. к.)

***Августалій, соборный іеромонахъ, † 31 Декабря 1853. (Т. к.).

Авдулина Екатерина Сергѣевна, урожденная Яковлева, жена генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Авдулина, † 12 Марта 1832 г. на 45 году. (Л. к.).

Авдулинъ Алексѣй Николаевичъ, р. 16 Іюля 1776 † 28 Февраля 1838, въ 7 час. пополудни. Жилъ 62 г. 7 м. 11 д. (Л. к.).

Авдѣевъ Сергѣй Николаевичъ, надвор. сов., р. 7 Марта 1787 † 4 Декабря 1828 (Л. к.).

Аверкіевъ Александръ Егоровичъ, т. с., сенаторъ, р. 16 Августа 1790 † 15 Февраля 1858. (Т. к.).

Авраамій, инокъ, † 1 Декабря 1801. Жилъ 115 лѣтъ. (Л. к.).

Чтобъ Богу лишь служить, въ обитель онъ вступилъ,
Оставивъ міръ, всѣ суеты мірскія.
Но нѣтъ! Всевышняго о немъ судьбы такія,
Чтобъ Богу онъ не здѣсь, а въ небесахъ служилъ.

Автюринъ Сергѣй Васильевичъ, тайный сов. Погребенъ 18 Декабря 1790. (Л. к.).

Авчинников Семенъ Тихоновичъ, д. с. с. и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 20 Іюля 1746 † 10 Августа 1817 на 71 году. Служилъ 53 года (Л. к.).

***Агафонова** Прасковья Васильевна, жена Петербургскаго 1 гильдіи купца, † 4 Іюня 1831. Жила 51 годъ 8 м. 21 д. (Л. к.).

***Агафоновъ** Павелъ Ивановичъ, Петербургскій 1 гильдіи купецъ, † 31 Марта 1828. Жилъ 57 л. 5 м. (Л. к.).

***Адодурова** Анна Ивановна, супруга сенатора, р. 9 Декабря 1777 † 20 Августа 1854. (Д. ц.).

Адодуровъ Алексѣй Петровичъ, шталмейстеръ Двора Его Величества, сенаторъ и кавалеръ, р. 10 Марта 1758 † 30 Января 1835. Жилъ 76 лѣтъ 10 м. 20 д. (Д. ц.).

Адодуровъ Василій Евдокимовичъ, д. т. с., сенаторъ, кураторъ Московскаго Университета, кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго и Св. Анны, р. 15 Марта 1709 † 5 Ноября 1780. Жилъ 71 годъ 7 м. 20 д. (Л. к.).

Адодуровъ Василій Васильевичъ, генералъ-маіоръ † 28 Апрѣля 1845 на 81 г. (Л. к.).

****Акиндинъ**, іеромонахъ А. Н. Лавры. Погребенъ 20 Сентября 1773. (Л. к.).

Аклечѣевъ Иванъ Ѳедоровичъ, генералъ-маіоръ, р. 21 Мая 1792 † 11 Декабря 1836 г. на 45 г. (Т. к.).

Аклечѣевъ Иванъ Матвѣевичъ, генералъ-маіоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 1 Октября 1758 † 3 Января 1824. (Т. к.).

***Аладчанинъ** Андрей Ивановичъ, бригадиръ Ингерманландскаго полка и галерный мастеръ, р. 17 Октября 1700 † 10 Октября 1765. Въ службѣ при флотѣ находился 51 г. (Л. к.).

Александрова Екатерина, изъ старинной фамиліи Смоленскихъ дворянъ *Дедешиныхъ*, р. 17 Декабря 1748 † 9 Ноября 1805, бывъ въ супружествѣ вторымъ бракомъ 20 л. 10 м. 5 д. дому оберъ-камергера и кавалера графа Николая Петровича Шереметева за управителемъ *Никитою Александровымъ*. (Л. к.).

Александровскій Василій Павловичъ, тайный сов. † 14 Февраля 1878 на 60 г. и сынъ его Александръ. (П. Ѳ. ц.).

Александровъ Илларіонъ Осиповичъ, д. с. с. † 9 Ноября 1864 г. (Т. к.).

Александровъ Иванъ Сергѣевичъ, чиновникъ артил. департ. воен. минист., † 2 Іюля 1831 на 41 г. (Хол. к.).

Александръ, іеромонахъ А. Н. Лавры, † 27 Апрѣля 1830 (Л. к.). «Кого родилъ, тотъ сей и соорудилъ».

Алексѣева Екатерина Михайловна, генералъ-маіорша, р. 27 Сентября 1769 † 9 Декабря 1804. (Л. к.).

От горестей отшедшая къ покою
Сокрыта здѣсь подъ мраморной доскою.
Любя истину и добродѣтель,
Воздвигъ сей монументъ ея невинности свидѣтель.

Алексѣева Настасья Михайловна, надвор. сов., получившая бытіе свое во дни Великаго Петра, 28 Октября 1713 † 20 Февраля 1791 г. (Л. к.).

Алексѣева Марія Степановна, камеръ-юнгфера Двора Его Вел., р. 10 Января 1744 † 14 Декабря 1821. (Л. к.).

Алексѣевъ Иванъ Алексѣевичъ, ст. сов. и кавалеръ † 18 Января 1807 на 85 г. и супруга его Василиса Алексѣевна † 25 Ноября 1806. Въ супружествѣ жила 50 л. (Л. к.).

Алексѣевъ Иванъ Алексѣевичъ, полковникъ † 10 Августа 1853. Жилъ 74 г. Въ службѣ былъ 57 л. (Т. к.). «Отъ признательнаго душеприкащика».

Алексѣевъ Сергѣй, протоіерей Александроневской приходской церкви, р. 4 Октября 1738 † 11 Января 1816. (Л. к.).

Алексѣевъ Николай Сергѣевичъ, сынъ предыдущаго, священникъ Александроневской приходской церкви, р. 1 Мая 1764 † 30 Марта 1843. (Л. к.).

****Алексѣй**, схимонахъ А. Н. Лавры. Погребенъ 25 Мая 1825 г. (Т. к.).

Алексѣй, іеродіаконъ, свѣчникъ А. Н. Лавры † 9 Марта 1867 г. на 67 г. (Т. к.).

Алфимова Елена Сергѣевна, ст. сов., происходившая отъ племени знаменитыхъ князей Кантемировыхъ, р. 12 Мая 1741 † 25 Марта 1782 (Л. к.).

****Алфимовъ** Николай Ѳедоровичъ, кол. сов. Погребенъ 23 Августа 1778 г. (Л. к.).

Алымова Екатерина Петровна † 2 Іюля 1831. Жила 47 л. 9 м. 7 д. (Хол. к.).

*****Альвіанъ**, іеромонахъ, лаврскій головщикъ, † 23 Декабря 1864 г. (Т. к.).

Амосовъ Иванъ Григорьевичъ, Двора Ея Вел. гофъ-штабъ-квартирмейстеръ полковничьяго ранга, р. 16 Февраля 1709 г. при г. Архангельскомъ, въ службу ко Двору Е. И. В. вступилъ въ 1742 г., гдѣ и по кончину свою оную продолжалъ, которая послѣдовала 22 Марта 1779 въ 70-е лѣто отъ рожденія. Памятникъ ставила жена. (Л. к.).

Ананьевская Авдотья Васильевна, супруга тайн. сов. *Ивана Сергѣевича Ананьевскаго* † 14 Сентября 1827 г. (Л. к.).

Ананьевскій Иванъ Сергѣевичъ, тайный сов. и кавалеръ, р. 28 Марта 1739 † 26 Ноября 1812 г. (Л. к.).

Анна Даниловна, карлица Двора Ея Вел., которая въ службѣ находилась при Высочайшемъ Дворѣ съ 1748 г. † г. 17 Іюня 1786 г. Жила 57 л. (Л. к.).

Анна Леопольдовна, правительница, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская, р. 7 Декабря 1718 † 8 Марта 1746 г. (Б. ц.).

Анна Петровна, в. к., дщерь государя вел. князя Петра Ѳедоровича, р. 8 Марта 1757 † 8 Марта 1759 г. (Б. ц. въ алтарѣ).

Анастасія Георгіевна, царевна, супруга Имеретинскаго царевича *Константина Давидовича*, ур. княжна *Абашидзе*, р. 19 Августа 1796 † 15 Сентября 1831 г. (Ѳ. ц.).

Анастасія Ираклiевна, Грузинская царевна, р. 3 Ноября 1763 † 17 Января 1838 г. (Д. ц.).

Анатолій, іеромонахъ А. Н. Лавры † 24 Ноября 1838 г. на 63 г. (Л. к.).

Андреевъ Александръ Андреевичъ, чиновникъ 7 класса и кав. разныхъ орденовъ. Служилъ въ артил. департ. воен. мин. 35 л. † 22 Іюня 1831 г. Жилъ 56 л., (Хол. к.).

Андреевъ Павелъ Ивановичъ, д. с. с. † 26 Февраля 1869 г. (Т. к.).

Андреевъ Семенъ Алексѣевичъ, кол. асес. † 18 Сентября 1877 г. на 73 г. (П. Ѳ. ц.).

***Андрей**, священно-іерей главнаго Спб-го градонадзирательства, мужъ отмѣннаго благонравія и примѣрнаго житія, р. въ Октябрѣ 1719 † 20 Апрѣля 1777, священствовалъ 29 лѣтъ съ особливою отъ всѣхъ сограждан похвалою. Свѣдущіе о жизни его начертали здѣсь слѣдующую достопамятность:

Подъ камнемъ симъ лежитъ тотъ пастырь и отецъ,
Кой двадцать девять лѣтъ словесныхъ пасъ овецъ;
Пучину бытія толь свято преплывалъ,
Что кормчимъ всякъ его себѣ имѣть желалъ. (Л. К.).

****Антоній**, іеромонахъ А .Н. Лавры. Погребенъ 6 Іюля 1794 г. (Л. к.).

Антоній, членъ Св. Сѵнода, митрополитъ Новгородскій, С.-Петебургскій, Эстляндскій и Финляндскій, священно-архимандритъ Святотроицкой А. Н. Лавры, кавалеръ ордена Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра 2 ст. и Св. Анны 1 ст., р. въ Волынской епархіи отъ священника 19 Февраля 1782, рукоположенъ во священника въ 1809, въ санъ протоіерея возведенъ въ 1813.

Оставшись вдовымъ, поступилъ въ монашество и произведенъ въ архимандрита 1833, хиротонисанъ во епископа Варшавскаго 8 Іюля 1834, произведенъ въ архіепископа въ 1840, всемилостивѣйше назначенъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ 17 Января 1843 † 16 Ноября 1848 г. (Д. ц.).

***Антоновъ** Карпъ, житія его было 91 г. Погребенъ 11 Октября 1742 г. (Л. к.).

Антоновъ Иванъ Кононовичъ, купеческій сынъ † 22 Мая 1879 на 47 г. (П. Ѳ. ц.).

*****Антроповъ** Алексѣй Петровичъ, кол. асес., живописи художникъ, р. 14 Марта 1716 † 12 Іюня 1795. Жилъ 79 л. 2 м. 29 д. (Л. к.).

Анцифоровъ Владиміръ Петровичъ, р. 28 Января 1857 † 31 Декабря 1871 г. (Ѳ. ц.).

Апайщикова Анна Ивановна, дѣвица, р. 9 Ноября 1769 † 5 Ноября 1811 г. Съ благоговѣніемъ посвящаетъ преданнѣйшій братъ А. А. (Л. к.).

Апайщикова Прасковья Ермолаевна, именитая гражданка † 10 Іюля 1802 на 56 г. (Л. к.).

****Апайщиковъ** Андрей, С-Петербургскій купецъ. Погребенъ 7 Февраля 1782 г. (Л. к.).

*****Апайщиковъ** Иванъ Андреевичъ, С.-Петербургскій именитый гражданинъ, р. 21 Августа 1728 † 30 Апрѣля 1793 г. на 65 г. (Л. к.).

Апайщиковъ Александръ Ивановичъ, ст. сов., р. 8 Февраля 1779 † 9 Сентября 1839 г. (Т. к.).

*****Апраксина** Анна, графиня (Д. ц.).

***Апраксина** Агриппина Леонтьевна, ур. *Соймонова*, супруга генералъ-фельдмаршала, графа *Степана Ѳедоровича Апраксина*, статсъ-дама Ея Вел., р. 4 Іюня 1719 † 28 Октября 1771 г. Жила 52 г. (Л. к.).

Источникъ милостей отъ сей на ближнихъ текъ,
И добродѣтельми ея красёнъ былъ вѣкъ,
То множество дѣвицъ являютъ благородныхъ,
Чрезъ дѣйствіе ея талантовъ превосходныхъ,
Благополучными содѣланныхъ отъ ней:
Въ нихъ жертва и хвала и вѣчна память ей.

Апраксина Елена *) † 25 Ноября 1820. «Покойная кроткимъ нравомъ и добрымъ сердцемъ была въ жизни полнымъ для матери утѣшеніемъ». (Д. ц.).

---

*) Антоновна (описаніе А. Н. Лавры, Павлова стр. 74), жена генералъ-адъютанта гр. *Степана Ѳедоровича Апраксина*, ур. герцогиня *де-Серра-Капріола* (Рос. родосл. книга Долгорукова, ч. II стр. 115).

Апраксинъ Александръ Петровичъ, графъ, р. 1 Сентября 1690 † 19 Февраля 1725. Служилъ во флотѣ капитаномъ. (Б. ц.).

Апраксинъ Александръ Ѳедоровичъ, графъ, † 15 Іюня 1792 г., въ 2 часа по полудни. Жилъ 58 л. 9 м. 15 д. (Л. к.),

***Апраксинъ** Ипполитъ Николаевичъ, сынъ л.-гв. коннаго полка секундъ-ротмистра графа *Николая Ѳедоровича*, р. 23 Ноября 1771, погребенъ 21 Февраля 1774 г. (Л. к.).

Апраксинъ Матвѣй Ѳедоровичъ, графъ, р. 19 Декабря 1744 † 26 Февраля 1803. Жилъ 59 л. 2 м. 8 д. (Л. к.).

***Апраксинъ** Орестъ Николаевичъ, сынъ л.-гв. Коннаго полка секундъ-ротмистра графа *Николая Ѳедоровича*, р. 13 Янв., погребенъ 1 Февраля 1774. Жилъ 18 дней (Л. к.).

***Апраксинъ** Петръ Алексѣевичъ, графъ, л.-гв. Семеновскаго полка адъютантъ, р. 21 Ноября 1728, опредѣленъ въ службу въ помянутый полкъ 1 Ноября 1742, † 23 Ноября 1757 г., въ 12 часу пополудни. Жилъ 29 л. Погребенъ 27 Ноября (Л. к.).

***Апраксинъ** Степанъ Ѳедоровичъ, генералъ-фельдмаршалъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 30 Іюля 1702 † 26 Августа 1760. Жилъ 58 лѣтъ.

Сей первый съ Пруссами изъ Россовъ воевалъ
И какъ ихъ побѣждать примѣръ собою далъ.
При Эгерсдорфѣ лавръ побѣдъ его блистаетъ
И славу дѣлъ его потомкамъ возвѣщаетъ. (Л. к.).

Апраксинъ Ѳедоръ Александровичъ, графъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ, р. 5 Марта 1754, † въ Январѣ 1811. Жилъ 56 л. 9 м. 3 д. (Л. к.)

Апраксинъ Ѳедоръ Андреевичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, дѣйств. камергеръ Двора Ея Вел., кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, р. 26 Іюня 1703, † 2 Ноября 1754 на 53 г. Погребенъ 5 Ноября. (Л. к.).

****Апухтина** Александра Ивановна, жена генералъ-поручика. Погребена 25 Іюня 1778 (Л. к.).

****Апушкинъ** Александръ Николаевичъ, полковникъ. Погребенъ 18 Января 1830. (Т. к.).

Араповъ Пименъ Николаевичъ, д. с. с. р. 6 Августа 1796, † 23 Марта 1861. (Т. к.).

Арбенева Марѳа Ивановна, дочь д. т. с., сенатора, *Ивана Ивановича Козлова*, р. 27 Февраля 1741 † 10 Января 1804. (Л. к.).

Арбеневъ Иванъ Іосафовичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 29 Іюня 1771, † 15 Января 1804 (Л. к.).

Арбеневъ Іосафъ Іевлевичъ *), генералъ отъ инфантеріи и разныхъ орд. кавалеръ, р. 19 Августа 1742, † 4 Мая 1808. Служилъ своимъ монархамъ и отечеству болѣе 40 л. съ полнымъ усердіемъ и честью. Памятникъ ставилъ сынъ его 20 Іюня 1808. (Л. к.).

**Аргамаковъ Алексѣй Михайловичъ, директоръ Московскаго Университета и Мануфактуръ-Коллегіи совѣтникъ. Погребенъ 25 Января 1757. (Л. к.).

Аргамаковъ Семенъ Трофимовичъ, д. с. с., р. 31 Августа 1796, † 23 Сентября 1862 (Т. к.).

***Армянинова Вѣра Ефимовна, жена Петерб. купца *Ильи Ивановича Армянинова*, † 18 Декабря 1823. Жила 64 г. 13 м. 10 д. Тезоименитство ея 17 Сентября (Л. к.).

***Армяниновъ Александръ Ильичъ, сынъ Петерб. купца *Ильи Ивановича*, р. 1 Августа 1791, † 2 Апрѣля 1822. Жилъ 30 л. 8 м. 1 д. (Л. к.).

Любезный сынъ, отрада дней моихъ, едва разцвѣлъ и умираетъ,
А мать несчастная живетъ, слезами камень омываетъ
И покоя на землѣ себѣ не ожидаетъ.

***Армяниновъ Иванъ Ивановичъ, Петерб. 2 гильдіи купецъ, † 26 Января 1787. Жилъ 42 г. 3 м. 10 д. и жена его, *Екатерина Дмитріевна*, † 8 Апрѣля 1831 на 74 г. (Л. к.).

***Армяниновъ Илья Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 6 Марта 1797. Жилъ 50 л. 6 м. 20 д. Въ супружествѣ былъ 18 л. 1 м. (Л. к.).

Арсеньевъ Дмитрій Васильевичъ, полковникъ л.-гв. Преображенск. полка, † 3 Декабря 1807 (Л. к.).

Арсеньевъ Павелъ Михайловичъ, д. с. с. и кавалеръ, † 11 Окт. 1820 на 53 г. (Л. к.).

Артамонова Авдотья Макаровна, † 2 Іюля 1831 на 53 г. (Хол. к.)

**Артемонъ, іеромонахъ Введенскаго Островскаго монастыря. Погребенъ 6 Февраля 1839 (Л. к.).

Артемьевъ Иванъ Артемьевичъ, д. с. с., † 8 Мая 1782. Жилъ 52 г. 7 м. 11 д. (Л. к.).

***Артыганьевъ Алексѣй Ульяновичъ, Московскій почетный гражданинъ, р. 30 Августа. 1774. Жилъ 59 л. 6 м. 27 д. День ангела его 12 Февраля (Т. к.).

---

*) Онъ ставилъ общій памятникъ 20 Янв. 1804 тремъ лицамъ: Ивану Іосафовичу Арбеневу, Аннѣ Ивановнѣ Козловой и Марѳѣ Ивановнѣ Арбеневой „въ память любезнымъ друзьямъ“.

Архарова Екатерина Александровна, ур. *Римская-Корсакова*, жена *Ивана Петровича Архарова*, кавалерственная дама ордена св. Екатерины, р. 12 Іюля 1755, † 27 Мая 1836 (Л. к.).

Архаровъ Иванъ Петровичъ, генералъ отъ инфантеріи, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, св. Анны и св Владиміра большаго креста, р. 13 Мая 1744, † 4 Февраля 1815 (Л. к.).

*****Архиповъ** Иванъ Алексѣевичъ, Петерб. купецъ, † 29 Мая 1838 на 45 г. (Т. к.).

Архиповъ Стефанъ, дьяконъ, † въ Январѣ 1755. Жилъ 80 л. и жена его, *Екатерина Ивановна* † 8 Іюня 1766. Жила 78 л. (В. Кр.)

Асатіани Романъ Петровичъ, князь, † 11 Іюля 1865 на 70 г. (Н. к.).

Аѳанасій, іеромонахъ, духовникъ Александроневской лавры, † 23 Сентября 1837 на 80 г. «Сей памятникъ воздвигнутъ признательными духовными дѣтьми въ знакъ незабвенной памяти и истиннаго почтенія и глубочайшаго уваженія къ его духовному водительству ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ». (Л. к.).

*****Бабушкина** Ирина Гавриловна, жена Петерб. 3 гильдіи купца *Ѳедота Ивановича Бабушкина*, † 1 Января 1826. Жила 62 г. 8 м. 8 д. (Л. к.).

*****Бабушкинъ** Иванъ Тихоновичъ, Петерб. купецъ, р. 26 Сентября 1727, † 19 Апр. 1822. Жилъ 95 л. 6 м. 23 д. (Л. к.).

*****Багратіонъ** Григорій Ивановичъ, князь, подполковникъ Астраханскаго казачьяго войска, † 21 Сентября 1830 на 41 г. «Отъ жены и дѣтей его». (Д. ц.).

Багратіонъ-Имеретинскій Александръ Георгіевичъ, князь, генералъ отъ кавалеріи, † 5 Февраля 1862 на 66 г. (Л. к.).

Багратіонъ-Имеретинскій Дмитрій Георгіевичъ, князь, генералъ-маіоръ, † 6 Ноября 1845 на 46 г. (Л. к.).

Багратъ Георгіевичъ, Грузинскій царевичъ, сенаторъ и кавалеръ, р. 1776, † 8 Мая 1841 (Ѳ. ц.).

Базаровъ Александръ Николаевичъ, † 26 Іюня 1879 на 21 г. «Въ память незабвеннаго племянника и друга» (Т. ц.).

Байковъ Павелъ Сергѣевичъ, д. с. с., р. 25 Января 1768, † 26 Февраля 1815 (Л. к.).

*****Байковъ** Петръ Семеновичъ, декеръ Двора Ея Вел., р. 18 Янв. 1741, въ службу вступилъ 1751, служилъ при Дворѣ 23 г., въ супружествѣ жилъ съ женою 16 л., † 24 Января 1780 (Л. к.).

Баклановскій Николай Ивановичъ, надв. сов., † 22 Октября 1811 на 32 г. «Сей скромный памятникъ, точное изображеніе души его, воздвигнутъ осиротѣвшими по немъ супругою и 4 дѣтьми». На другой сторонѣ памятника слѣдующая надпись: «Праху почтеннѣйшей

матери, княгинѣ *Екатеринѣ Ивановнѣ Несвицкой*, † 11 Января 1812 на 62 г. Послѣдній долгъ отъ усердныхъ дѣтей любезной и добродѣтельной матери» (Л. к.).

Бакунина Анна Сергѣевна, ур. *Татищева*, супруга д. с. с., Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ члена и ордена св. Анны кавалера, *Петра Васильевича Бакунина*, р. 3 Іюня 1741, † 21 Октября 1778 (Л. ц.).

Бакунинъ Павелъ Петровичъ, дѣйствительный камергеръ, р. 24 Мая 1766, † 24 Декабря 1805. Сей памятникъ воздвигла супруга его *Екатерина Александровна*, ур. *Саблукова* съ оставшимися дѣтьми, оплакивая кончину нѣжнаго супруга и попечительнаго отца. (Л. к.).

Бакунинъ Петръ Васильевичъ, тайный сов., членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, кавалеръ ордена св. Владиміра и св. Анны, р. 173...[1] † 16 Мая 1786. Памятникъ ставилъ другъ и родственникъ его, графъ *Александръ Воронцовъ*. (Л. к.).

Балабина Наталья Сергѣевна, ур. *Уварова*, р. 7 Февраля 1821, † 13 Янв. 1843. (Л. ц.).

Балабинъ Петръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 21 Апрѣля 1776, † 9 Октября 1856 (Л. к.).

Балкъ-Полевъ Петръ Θедоровичъ, во св. крещеніи нареченный Павломъ, генералъ-лейтенантъ, дѣйств. камергеръ и кавалеръ, р. 8 Мая 1689 въ половинѣ 6-го часа пополудни, † 4 Сентября 1743. Погребенъ 10 Сентября. (Л. к.).

Баллина Варвара Петровна, † 1 Марта 1857. (Т. к.).

Баллинъ Петръ Николаевичъ, д. с. с., † 2 Іюля 1849 (Т. к.)

Баранова Александра Осиповна, дѣвица, дочь полковника, р. 3 Января 1785, † 8 Іюня 1837 (Т. к.).

Баранова Варвара Александровна, д. т. с., р. 19 Января 1791, † 24 Іюня 1850 (Д. ц.).

Барановъ Дмитрій Осиповичъ, д. т. с., сенаторъ и кавалеръ, р. 8 Марта 1773, † 23 Августа 1834 (Д. ц.).

Баратынскій Евгеній Абрамовичъ, р. 19 Февраля 1800, † 29 Іюня 1844. (Т. к.).

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца. (Его слова).

*__Бармина__ Евдокія Михайловна, жена Олонецкаго купца *Ивана Бармина*, † 15 Сентября 1764 въ 5 часовъ пополуночи. Жила 33 г., въ замужествѣ была 15 л. 10 м. Погребены съ нею младенцы: *Николай*, *Петръ*, *Степанъ*, *Анна* и *Евфросинія*. (Л. к.).

---

[1]) 1731 или 1734 годъ. трудно разобрать.

***Барминъ** Александръ Емельяновичъ, бывшій Петерб. купецъ, † 17 Ноября 1771. Жилъ 22 г. (Л. к.).

*****Барминъ** Дмитрій Емельяновичъ, Петерб. купецъ, р. 26 Октября 1744, † 6 Мая 1771 въ 4 часа послѣ полудня (Л. к.).

****Барминъ** Егоръ Ивановичъ, Петерб. купецъ. Погребенъ 3 Февр. 1782 (Л. к.).

***Барминъ** Емельянъ Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 2 Марта 1771. Жилъ 76 л. (Л. к.).

*****Барминъ** Петръ Емельяновичъ, Петерб. купецъ, † 27 Октября 1779. Жилъ 42 г. 29 д. (Л. к.).

*****Бармины**, младенцы, дѣти Петерб. купца *Емельяна Бармина*: *Акилина*, *Марѳа*, *Пелагея*, *Иванъ*, *Алексѣй*, *Никита*, *Ѳедоръ* и внукъ *Иванъ* (Л. к.).

****Бартеневъ** Иванъ Никитичъ, полковникъ. Погребенъ 2 Декабря 1794 (Л. к.).

****Баршъ** Домна Петровна, вице-адмиральша. Погребена 12 Іюня 1755 (Л. к.).

****Барятинскій** Сергѣй Ивановичъ, князь, капитанъ. Погребенъ 29 Апрѣля 1746 (Л. к.).

***Баскакова** Прасковья Васильевна, жена камеръ-юнкера Ея Вел. и л.-гв. Преображенскаго полка капитана *Михаила Егоровича Баскакова*, † 13 Мая 1765, пожившая отъ рожденія своего до замужства 20 л., а въ замужствѣ 1 г. 6 м. (Л. к.).

***Баскаковъ** Василій Григорьевичъ, ст. с., вице-призедентъ Канцеляріи Опекунства Иностранныхъ, р. 18 Декабря 1728, † 17 Ноября 1772. Жилъ 43 г. 11 м. (Л. к.).

***Басовъ** Алексѣй Степановичъ, Бѣлевскій купецъ, † 23 Августа 1776, въ 4 часу пополуночи (Л. к.).

Баташева Анна Герасимовна, ур. *Сушкина*, жена Тульскаго купца *Авраама Баташева*, р. въ Тулѣ 1 Декабря 1754, бракомъ сочеталась 18 Января 1771, † къ неописанной горести супруга и дѣтей 3 Сент. 1781. Жила 26 л. 9 м. 3 д. (Л. к.).

Баташева Анна Лукьяновна, вдова *Ѳедора Тарасовича Баташева*. † 10 Сентября 1786. Жила 59 л. 9 м. (Л. к.). Памятникъ ставили дѣти.

Баташева Анна Савична, ур. *Яковлева*, жена дворянина *Александра Ивановича Баташева*, † 15 Мая 1825. Жила 76 л. (Л. к.).

Баташевъ Александръ Ивановичъ, дворянинъ, р. 19 Апрѣля 1741, † 26 Ноября 1807 (Л. к.).

Батуринъ Евграфъ Петровичъ, полковникъ и кавалеръ св. Георгія 4 ст., р. 24 Августа 1767, † 19 Іюля 1811. Жилъ 43 г. 10 м. 25 д.

Памятникъ ставила сестра его дѣвица *Елисавета Петровна Батурина* (Л. к.).

Былъ вѣрный сынъ отечества.
Въ войнѣ геройскій духъ явилъ
И былъ другъ человѣчества,
Всю жизнь свою онъ правдой жилъ.

Батюшкова Александра Григорьевна, ур. *Бердяева*, жена Вятскаго губернскаго прокурора, надвор. сов. и кавалера *Николая Львовича Батюшкова*, † 21 Марта 1795. «Добродѣтельной супругѣ въ знакъ любви, истиннаго почитанія, воздвигъ сей памятникъ оплакивающій невозвратно ее Николай Батюшковъ купно съ дѣтьми своими 1795» (Л. к.). Это мать поэта Батюшкова.

Бахметевъ Николай Павловичъ, генералъ-маіоръ, р. 10 Марта 1797, † 5 Декабря 1863 (Т. к.).

Башмаковъ Михаилъ, младенецъ, р. 19 Ноября 1834, † 20 Апрѣля 1836 (Л. ц.).

*****Бащовъ** Иванъ Тимоѳеевичъ, Москов. 3 гильдіи купецъ, † 1 Августа 1831. Жилъ 63 г. 2 м. 6 д. (Т. к.).

Бегеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, генералъ-лейтенантъ, горный инженеръ, р. 15 Ноября 1790 † 25 Января 1861 (Л. к.).

Безбородко Анна Ивановна, графиня, ур. *Ширяева*, д. т. с. и кавалерственная дама орд. св. Екатерины 2 ст., р. 9 Сентября 1766, † 27 Іюля 1824 (Д. ц.).

Безбородко Александръ Андреевичъ, князь имперіи Россійской съ титломъ свѣтлости и графъ Римскій, д. т. с. 1-го класса, р. въ г. Глуховѣ 17 Марта 1747, трудомъ и дарованіями пріобрѣлъ довѣренность государей, въ царствованіе Екатерины II и Павла I управлялъ внутренними и внѣшними дѣлами; возведенъ ими на высшую степень достоинствъ: былъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ Совѣта, сенаторомъ, главнымъ директоромъ почтъ, оберъ-гофмейстеромъ, кавалеромъ всѣхъ Россійскихъ орденовъ и бальи св. Іоанна Іерусалимскаго. † 6 Апрѣля 1799 (П. Б. ц.).

Безбородко Илья Андреевичъ, графъ, д. т. с., С.-Петербургскаго дворянства губернскій предводитель, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, св. Владиміра 1 степени большаго креста, св. Георгія 3 класса и св. Анны 1 кл., р. 16 Февраля 1756, † 3 Іюня 1815. Жилъ 59 л. 3 м. 18 д. (Д. ц.). За алтаремъ на наружной стѣнѣ слѣд. надпись: «Графу И. А. Безбородко, погребенному въ семъ храмѣ за лѣвымъ клиросомъ, до построенія еще онаго, противъ гроба брата его, канцлера, свѣтл. князя А. А. Безбородко, коего прахъ покоится тамъ же за стѣною.»

****Безобразова** Анна Александровна, дочь тайн. сов., дѣвица. Погребена 4 Марта 1830 (Л. к.).

Безобразова Анна Сергѣевна, ур. княжня *Урусова*, † 4 Марта 1809 на 64 г. Памятникъ ставила дочь ея *Варвара Өедоровна Резанова*, жена тайн. сов. и кавалера, сенатора, *Дмитрія Ивановича Резанова* (Л. к.).

Безобразова Анна Өедоровна, ур. *Орлова*, супруга д. т. с., сенатора и кавалера *Александра Михайловича Безобразова*, р. 9 Сентября 1795, † 10 Октября 1830. «Нѣжнѣйшая, любезнѣйшая, вѣрнѣйшая супруга и несравненный другъ, неоцѣненная и примѣрная мать 10 сыновей и 5 дочерей до дверей гроба оплакиваема будетъ неутѣшно скорбнымъ ея супругомъ и искреннѣйшимъ другомъ и 10 оставшимися дѣтьми, временно разлучившимися со своею покровительницею и благодѣтельницею. Боже милостивый и всеблагій Господи! Молимъ Тебя изъ глубины скорбью преисполненныхъ сердецъ нашихъ, упокой душу любезнѣйшей супруги и матери нашей, гдѣ праведные Твои упокоиваются, и да водворится она въ селеніи св. Твоихъ. Господи І. Х., Спаситель нашъ и все упованіе наше, не призри молитву грѣшныхъ рабовъ Твоихъ, но по неизреченнымъ Твоимъ щедротамъ и по безпредѣльному Твоему человѣколюбію услыши насъ и исполни моленія наши. Благочестивый христіанинъ, просимъ тебя, помяни душу здѣсь почивающей рабы Божіей, ибо молитва и единаго есть велика предъ престоломъ Трисвятаго Бога. Ты отдашь тѣмъ долгъ прямой, чистѣйшей добродѣтели въ красотѣ и цвѣтѣ лѣтъ призванной отъ земли сея въ селенія вѣчности» (Д. ц.).

Безобразовъ Александръ Михайловичъ, д. т. с., сенаторъ, р. 29 Декабря 1783, † 19 Апрѣля 1871 (Д. ц.).

Безобразовъ Михаилъ Осиповичъ, оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаръ, р. 29 Октября 1746, † 15 Января 1789. Отцу усердіемъ сына *Александра Безобразова* сей памятникъ поставленъ 17 Апрѣля 1822 (Л. к.).

Безобразовъ Петръ Михайловичъ, полковникъ л.-гв. Семеновскаго полка и кавалеръ, р. 17 Апрѣля 1788 † 23 Января 1819 (Л. к.).

Безобразовъ Өедоръ Васильевичъ, государственной С.-Петербургской коллегіи прокуроръ, † въ Февралѣ 1773, въ 11 часовъ пополуночи (Самп. к.).

Беклемишевъ Петръ Васильевичъ, поручикъ, р. 22 Іюня 1751, † 5 Марта 1811. Жилъ 59 л. 8 м. 13 д. (Л. к.).

Беклешова Наталья Николаевна, фрейлина Ея Вел., † 6 Іюля 1850, (Л. к.).

Беклешова Ульяна Сергѣевна, дочь генералъ-лейтенанта, р. 28 Сентября 1799. † съ 18 на 19 Марта 1856 на 58 г. (Л. к.).

Беклешовъ Алексѣй Андреевичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ, р. 12 Марта 1746, † 3 Декабря 1823 (Л. к.).

Беклешовъ Дмитрій Николаевичъ, р. 8 Октября 1787, † 23 Марта 1819 (Л. к.).

Беклешовъ Николай Андреевичъ, сенаторъ и кавалеръ, р. 5 Декабря 1741, † 6 Іюня 1822 на 81 г. и жена его *Анна Ивановна*, ур. *Неронова*, † 19 Апрѣля 1805 на 52 г. «Возлюбленнымъ родителямъ отъ признательныхъ дѣтей» (Л. к.).

Бекъ Аксинья Тимоѳеевна, ст. сов., † 30 Ноября 1782 на 29 г. (Л. к.).

****Бекъ** Марья, жена генералъ-маіора. Погребена 7 Января 1816 (Л. к.)

Бекъ Александръ Ивановичъ, д. с. с., р. 14 Октября 1779, † 27 Февраля 1850, и жена его *Надежда Яковлевна*, р. 25 Декабря 1789, † 12 Февраля 1857 (Л. к.).

Бемъ Надежда Степановна, жена ст. с., р. 2 Января 1799, † 31 Мая 1856 (Л. к.).

*****Березина** Дарья Егоровна, жена Петерб. купца *Александра Березина*, р. 18 Марта 1840, † 6 Марта 1793. Жила 52 г. 11 м. 15 д. Въ супружествѣ жила 36 л. (Л. к.).

*****Березинъ** Александръ Петровичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, р. 15 Ноября 1723, † 1 Ноября 1799, въ 6 часу утра. Жилъ 75 л. 11 м. 13 д. (Л. к.).

Бержинская Екатерина Андреевна, ур. кн. *Долгорукова*, † 21 Апрѣля 1857 (Л. к.) (сестра Московскаго генералъ-губернатора).

Берхманъ Марья Сергѣевна, ур. *Шкурина*, жена генералъ-лейтенанта, р. 8 Октября 1786, † 9 Февраля 1850 (Т. к.).

***Безпалова** Марѳа Васильевна, жена Петерб. купца *Семена Безпалова*, † 3 Сентября 1776. Жила 39 л. 2 м. (Л. к.).

*****Безпаловъ** Василій, сынъ Петерб. купца *Семена Безпалова*, † 4 Февраля 1791, въ 1 часу пополуночи. Жилъ 18 л. 6 м. 19 д. (Л. к.).

Безпаловъ Семенъ Семеновичъ, кол. ас. и Петерб. купецъ, р. 3 Февраля 1731, † 17 Сентября 1807 въ 1 ч. пополуночи. Жилъ 76 л. 7 м. 13 д. Памятникъ ставила жена его *Вѣра Степановна* съ дѣтьми (Л. к.).

*****Бестужева** Анна Борисовна, супруга чиновника 4 класса *Алексѣя Ивановича Бестужева*, р. 30 Ноября 1763, † 15 Іюня 1831 (Т. к.).

***Бестужевъ-Рюминъ** Илья Васильевичъ, поручикъ кадетскаго корпуса, погребенъ 25 Апрѣля 1750 (Л. к.).

Бестужевъ-Рюминъ Петръ Дмитріевичъ, генералъ-маіоръ, р. 11 Декабря 1709, въ службу вступилъ въ Іюнѣ 1732 и служилъ 28 л., † 24 Ноября 1759. Жилъ 49 л. 10 м. 16 д. (Л. к.).

**Бехтѣевъ Ѳедоръ Дмитріевичъ, церемоніймейстеръ. Погребенъ 25 Сентября 1761 (Л. к.).

Бецкій Иванъ Ивановичъ, р. въ Стокгольмѣ 3 Февраля 1704, † въ С.-Петербургѣ 31 Августа 1795. На памятникѣ изображена медаль съ слѣдующими словами: «Отъ Сената 20 Ноября 1772 за любовь къ отечеству.»

Что заслужилъ въ своихъ полезныхъ дняхъ,
Да будетъ памятникъ и въ позднихъ то вѣкахъ.
Quod aevo promeruit, aeterne obtinuit (П. Б. ц.).

Бибикова Анна Васильевна, тайн. сов., р. 10 Февраля 1772, † 29 Декабря 1826 (Л. к.).

Бибикова Анна Гавриловна, † 9 Апрѣля 1780 (Л. к.).

Бибикова Варвара Никитична, ур. *Шишкова*, жена *Ильи Александровича Бибикова*, генералъ-инженеръ-поручика, † 10 Сентября 1773 на 54 г. Въ 1807 г. памятникъ возстановила дочь ея *Екатерина Голенищева-Кутузова* (Л. к.).

Бибикова Варвара Михайловна, † 12 Мая 1882. (Т. к.)

Бибикова Настасья Семеновна, ур. кн. *Козловская*, вдова генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера *Александра Ильича Бибикова*, р. 26 Дек. 1729 † 4 Мая 1800. (Л. к.).

Бибиковъ Александръ Александровичъ, сенаторъ, пролившій кровь за вѣру, царя и отечество, р. 7 Янв. 1765. † 20 Іюля 1822. (Л. к.).

Бибиковъ Дмитрій Гавриловичъ, р. 18 Марта 1791, † 22 Февр. 1870. (Т. к.).

***Бизюкинъ** Гавріилъ Васильевичъ, полковникъ вѣдомства Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, который службу свою продолжалъ сначала при Адмиралтействѣ, изъ дворянъ, съ 1713 по 1770 г., а въ 1770 г. Мая 20 отъ службы уволенъ съ чиномъ полковника, † 26 Сент. 1775, въ 10 часу пополудни, погребенъ 29 числа. Жилъ 78 л. 3 м. 26 д. (Л. к.).

Бирилова Настасья Парѳентьевна, первая танцовщица придворнаго театра, р. 29 Окт. 1778. † 12 Янв. 1804. Жила 26 л. 2 м. 12 д. (Л. к.).

Какое зрѣлище плачевное явилось!
Пріятныхъ дней ея теченье прекратилось.
Она ужъ мертвая, и все сокрылось съ нею,
Сокрылось навсегда съ правдивою душею.
Въ цвѣтущей младости она скончала дни,
Оставя по себѣ лишь слезы лить одни
Сестру, которая, лишася друга въ ней.
На вѣки сохранитъ печаль въ душѣ своей.

Биронъ Александра Александровна, супруга генералъ-адъютанта, меньшая дочь князя *Александра Даниловича Меншикова*, р. 17 Дек. 1712 † 13 Сент. 1736 (Б. ц.).

***Благово** Варвара Сергѣевна, дочь чиновника 5 класса, дѣвица, † 8 Февр. 1834 (Т. к.).

Блудова Авдотья Ѳерапонтовна, артиллеріи капитанша, происходившая отъ племени *Суровцовыхъ*, р. 13 Марта 1754, въ супружество вступила съ *Иваномъ Яковлевичемъ Блудовымъ* 25 Мая 1767, къ крайнему сожалѣнію родственниковъ, друзей и питавшихся ея благотвореніями отъ добра души и любви къ ближнему проистекавшими, скончалась на 41 году отъ рожденія своего 12 Дек. 1793 (Л. к.).

Блудова Анна Андреевна, графиня, ур. княжна *Щербатова*, р. 1 Іюня 1777 † 6 Февр. 1848. Отъ оплакивающаго ее семейства (Т. к.).

Блудовъ Дмитрій Николаевичъ, графъ, р. 5 Апр. 1785 † 19 Февр. 1864 (Т. к.).

***Боборыкинъ** Петръ Васильевичъ, † 13 Ноября 1796 (Л. к.).

Бобринская Софія Александровна, графиня, ур. гр. *Самойлова*, р. 4 Окт. 1799 † 11 Ноября 1866 (Б. ц.).

Бобринскій Алексѣй, графъ, младенецъ, р. 9 Окт. 179.... † 20 Іюля 1797 (Л. к.).

Бобринскій Алексѣй Алексѣевичъ, графъ, р. 6 Янв. 1800 † 4 Окт. 1868 (Б. ц.).

Бобрищева-Пушкина Анна Осиповна, ур. *Козодавлева*, жена покойнаго гвардіи капитана *Ивана Емельяновича Бобрищева-Пушкина*, р. 3 Іюля 1722 † 31 Дек. 1798 (Л. к.).

***Бобрищевъ-Пушкинъ** Павелъ Сергѣевичъ, полковникъ, р. 5 Дек. 1732, служилъ л.-гв. въ Преображенскомъ полку съ 1752 по 1771 г., отставленъ изъ капитанъ-поручиковъ полковникомъ, † 30 Янв. 1771 (Л. к.).

***Богданова** Прасковья Семеновна, вдова тит. сов., ур. *Сабелина*, † 16 Авг. 1867. Жила 69 л. (Н. к.).

Богдановичъ Лука Ѳедоровичъ, адмиралъ, р. 14 Окт. 1779 † 11 Іюня 1865. Служилъ 70 л. (Л. к.).

***Боголюбова** Капитолина, жена протоіерея, † 1874 и дочь ея *Елисавета* (Ѳ. ц.).

Богословскій Петръ Михайловичъ, ст. с. и кавалеръ, р. 29 Іюля 1795 † 28 Авг. 1864 (Т. к.).

Богушевская Варвара Александровна, ур. *Кафтырева*, † 2 Апр. 1824 на 31 г. (Т. к.).

Болотникова Анна, жена отставнаго капитана *Сергѣя Болотникова*, † 21 Ноября 1768, погребена 23 Ноября. Жила 22 г. (Преобр. к.).

Болотниковъ Алексѣй Ульяновичъ, д. т. с., членъ Государ. Совѣта, сенаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 3 Марта 1760, † 15 Ноября 1828 (Л. к.).

Болотниковъ Ульянъ Тихоновичъ, полковникъ адмиралтейскаго вѣдѣнія, р. 1722, † 12 Іюля 1782. Жилъ 60 л. (Л. к.).

****Болтинъ** Иванъ Никитичъ, генералъ-маіоръ. Погребенъ 6 Окт. 1792. (Л. к.). Извѣстный историкъ.

Борисова Ольга Андреевна, генералъ-маіорша, ур. княжна *Гундурова* † 28 Янв. 1833. (Л. к.).

Борисовъ Гавріилъ Григорьевичъ, ст. с. и кавалеръ, † 5 Ноября 1803 на 54 г. (Л. к.).

Борисовъ Иванъ Никифоровичъ, инженеръ генералъ-маіоръ, р. 19 Мая 1721, † 11 Мая 1791. (Л. к.).

Борисовъ Павелъ Гавриловичъ, надв. сов. и кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., † 20 Іюня 1822 на 50 г. (Л. к.).

Бороздина Екатерина Александровна, генералъ-лейтенантша, ур. *Шемякина*, р. 25 Окт. 1787, † 26 Іюня 1828. (Д. ц.).

*****Бороздинъ** Михаилъ Саввичъ, генералъ-поручикъ, р. 26 Ноября 1740, † 21 Янв. 1796 въ 5 часовъ пополуночи. Постановлено сіе надгробіе въ память любезному и добродѣтельнѣйшему супругу и отцу усердіемъ горестной и благодарной его супруги и 3 сыновьями (Л. к.).

Борщова Александра Өедоровна, ур. *Дубянская*, жена генералъ-лейтенанта *Сергѣя Семеновича Борщова*, р. 17 Апр. 1769, † 12 Сент. 1898. (Л. к.).

Борщова Екатерина Сергѣевна, дѣвица, р. 14 Іюня 1785, † 25 Ноября 1796 (Л. к.).

Какъ ангелъ красотой и кротостью своей
Она здѣсь въ мірѣ процвѣтала;
Какъ роза вянетъ средь полей,
Она блеснула и увяла.

Борщовъ Александръ Сергѣевичъ, сынъ генералъ-лейтенанта *Сергѣя Семеновича*, р. 23 Сент. 1792, † 10 Мая 1807 (Л. к.).

Бриггенъ-фонъ Александръ, младенецъ, сынъ Польскаго камергера и въ службѣ Ея Вел. премьеръ-маіора, р. 9 Апр. 1790, † 13 Апр. 1791 (Л. к.).

Бровцынъ Иванъ Степановичъ, кол. ас., конторы строенія Александроневскаго монастыря присутствующій, р. 19 Апр. 1737, † 19 Іюня 1777 на 41 г. (Л. к.).

Брусилова Екатерина, дочь *Петра Ивановича Брусилова*, дворянина Орловской губ., р. 25 Янв. 1778, которая въ самый день рожденія была въ замужество помолвлена, но внезапно скончалась въ

Спб-гѣ 8 Апр. 1801 въ 6 часовъ утра. «Надъ мѣстомъ обиталища, обычнаго всѣмъ смертнымъ, поставилъ сіе надгробіе 21 Апр. 1801 г. огорченный отецъ и сѣтующія искренно о разлукѣ дѣти его братъ и сестра». (Л. к.).

****Брюсъ** Яковъ Александровичъ, д. т. с. Погребенъ 30 Ноября 1791 (П. Б. ц.).

Будневская Наталія, отроковица, р. 31 Авг. 1860, † 4 Ноября 1873 (Т. ц.).

Букаревская Анна Никифоровна, дѣвица, р. 9 Дек. 1773, † 9 Апр. 1804 (Л. к.).

Булгакова Марія Нестеровна † 27 Іюля 1863 на 65 г. (Хол. к.).

Булгаковъ Дмитрій Михайловичъ † 20 Іюня 1831 на 11 г. (Хол. к.).

Булгаковъ Константинъ Яковлевичъ † 29 Окт. 1835 и супруга его, *Марія Константиновна*, р. 3 Апр. 1796, † 17 Апр. 1879 (Д. ц.).

Булгари Николай Антоновичъ, графъ, д. с. с. и кавалеръ, † 19 Февр. 1812 на 75 г. Памятникъ ставилъ сынъ его, камеръ-юнкеръ Двора Его Вел. графъ *Яковъ Булгари* (Л. к.).

*****Булыгина** Варвара † 12 Авг. 1865 (Л. к.).

*****Булыгина** Марія † 29 Апр. 1872 (Л. к.).

*****Булыгина** Надежда Алексѣевна, ур. *Персидская*, † 28 Апр. 1861 (Т. к.)

*****Булыгинъ** Тихонъ † 23 Янв. 1863 (Л. к.).

Бурба Александра Дмитріевна, ур. *Ляпунова*, жена Литовско-Виленской губ. господина и кавалера *Антона Бурбы*, † 18 Апр. 1817 на 21 г. (Л к.).

Бурмакина Пелагея Васильевна † 22 Ноября 1866. Жила 90 л. (Т. к.).

Бурмакинъ Яковъ Григорьевичъ, Петерб. 3 гильдіи купецъ, р. 1777, † 26 Марта 1860 (Т. к.).

Буровъ Василій Андреевичъ, маіоръ гарнизонной артиллеріи, р. 1795, † 4 Ноября 1866 (Хол. к.).

Бутеневъ Владиміръ Петровичъ, генералъ-маіоръ, р. 13 Янв. 1795, † 5 Дек. 1862 (Л. к.).

Бутеневъ Леонтій Петровичъ, ст. сов. и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 9 Апр. 1797, † 26 Ноября 1852. «Служилъ вѣрой и правдой въ военной и гражданской службѣ 36 лѣтъ». (Т. к.).

Буткевичъ Екатерина Александровна, ур. *Кошелева*, жена л.-гв. коннаго полка подпоручика *Александра Дмитріевича Буткевичъ*. Погребена 21 Дек. 1778 на 24 г. Въ замужествѣ была 21 м. 2 недѣли. (Л. к.).

Буткевичъ Татьяна Алексѣевна, ур. *Толбугина*, жена генералъ-поручика *Дмитрія Михайловича Буткевичъ*, † 26 Мая 1783 на 51 г. Въ замужествѣ была 36 л. 3 м. 20 д. Погребена 29 Мая. (Л. к.).

Бутримова Вѣра Осиповна, жена д. с. с., † 16 Окт. 1853 (Т. к.).

Бутримовъ Иванъ Александровичъ, д. с. с., р. 24 Февр. 1782, † 19 Янв. 1851 (Т. к.)

***Бутурлина** Екатерина Борисовна, ур. княжна *Куракина*, супруга генералъ-фельдмаршала, сенатора, л.-гв. Преображенскаго полка подполковника, генералъ-адъютанта, дѣйствительнаго камергера и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера, графа *Александра Борисовича Бутурлина*, р. 26 Окт. 1702, сочеталась бракомъ въ 1730, въ супружествѣ была 37 л. 8 м. 6 д., вдовствовала 5 л. 1 м. 16 д., † 14 Ноября 1772 въ среду пополуночи во 2 часу, на память св. и всехвальнаго апостола Филиппа, а всего житія ея было 70 л. 21 д. (Л. к.).

Бутурлина Елисавета Михайловна, статсъ-дама, ур. *Комбурлей*, р. 13 Авг. 1805, † 7 Іюля 1859 (Д. ц.).

***Бутурлина** Мавра Аѳанасьевна, р. 1698, а тезоименитство ея на память св. мучениковъ Тимоѳея и Мавры, † 9 Іюня 1771 на память Кирилла, архіепископа Александрійскаго (Л. к.).

****Бутурлина** Марія Романовна, графиня, тайн. с. родилась 29 Февр. 1738 (Л. к.).

Бутурлина Настасья Владимировна, дѣвица, р. 12 Авг. 1780, † 20 Февр. 1856 (Л. к.).

Бутурлинъ Алексѣй. Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, р. 13 Янв. 1802, † 25 Янв. 1863 (Ѳ. ц.).

Бутурлинъ Дмитрій Петровичъ, членъ Государ. Совѣта, сенаторъ, р. 30 Апр. 1790. † 9 Окт. 1849. (Д. ц.).

Бухвостовъ Антонъ Семеновичъ, капитанъ, † 28 Марта 1781 на 44 г. (Л. к.).

*****Бушкова** Пелагея Кузьминична, почетн. гражд., дѣвица, † 7 Авг. 1838 на 42 г. «Сей памятникъ сооруженъ въ незабвенную память любезнѣйшей сестры признательными ея братьями Мологскими почетн. гражданами Бушковыми». (Т. к.).

Быковская Аграфена Львовна, дѣвица, воспитанная при дворѣ Екатериною II, р. 1769. † въ Февр. 1784. (Л. к.).

Бѣлавина Анна Сергѣевна, ур. *Шкурина*, жена отставнаго штабъ-ротмистра Кавалергардскаго полка *Владимира Ивановича Бѣлавина*, р. 16 Сент. 1791. † 26 Янв. 1810. Жила 18 л. 4 м. 10 д. (Л. к.).

Бѣлкина Анна Васильевна, супруга гвардіи штабъ-капитана, † 29 Ноября 1848. По первому браку *Мясникова.* (Д. ц.).

Бѣлоградская Марія Петровна, ур. *Собакина*, жена генерала отъ инфантеріи, † 22 Апр. 1846. (Т. к.).

Бѣлосельская-Бѣлозерская Анна Григорьевна, княгиня, статсъ-дама, р. 26 Мая 1773. † 14 Февр. 1846. Памятникъ ставилъ сынъ ея *Эсперъ Александровичъ*, р. въ СПБ. 27 Дек. 1802. † 15 Іюня 1846. Прахъ его покоится близъ Москвы, въ селѣ Льяловѣ. (Л. к.).

***Бѣлосельская** Наталья Григорьевна, жена генералъ-кригсъ-комиссара флота и адмиралтейства и кавалера, покойнаго князя *Михаила Андреевича Бѣлосельскаго*, рожденная 5 Апр. 1711, отъ графа *Григорія Петровича Чернышева* и гр. *Евдокіи Ивановны Ржевской*, † 1 Декаб. 1760. Жила 49 л. 8 м. 25 д. (Л. к.).

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій Александръ Михайловичъ, князь, д. т. с., оберъ-шенкъ, бывшій сенаторъ, дѣйств. камергеръ, почетный членъ 1-го кл. С.-Петербургской Академіи Художествъ и Россійской Академіи Наукъ, Булонскаго Института, Нансійской Академіи Словесности, Кассельской Академіи Древностей членъ, кавалеръ орд. Св. Александра Невскаго, княжескаго орд. Св. Губерта, Прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орла и орд. Св. Іоанна Іерусалимскаго бальи и родовой командоръ, † 26 Дек. 1809. Памятникъ ставила жена его *Анна Григорьевна* 19 Сент. 1810 г.

Пусть Кліо родъ его отъ Рурика ведетъ;
Поэтъ, къ достоинству любовью привлеченный,
Съ благоговѣніемъ на камень сей кладетъ
Вѣнокъ, слезами Музъ и дружбы орошенный. *Дмитріевъ.* (Л. к.).

***Бѣлосельскій** Михаилъ Андреевичъ, князь, Россійскаго флота и адмиралтейства генералъ-кригсъ-комиссаръ и орд. Св. Александра и Св. Анны кавалеръ, р. 1 Ноября 1702 † 19 Янв. 1755. Жилъ 53 г. 2 м. 18 д. Служилъ отечеству своему 38 л. безъ всякаго подозрѣнія и порока. (Л. к.).

Бѣляевъ Козьма Васильевичъ, Фридрихсгамскій первостатейный купецъ, р. 26 Окт. 1798 † 24 Сент. 1858. (Ѳ. ц.).

*****Бѣлянкина** Анастасія Александровна, жена Петерб. купца *Ѳеодора Яковлевича Бѣлянкина*, † 21 Ноября 1777. Жила 47 л. (Л. к.).

Бюлеръ Степанида Ивановна, баронесса, д. с. с., ур. *Голенищева-Кутузова*, р. 20 Янв. 1769 † 8 Ноября 1805. «Помогала бѣднымъ и была мать сиротамъ». (Л. к.).

*****Вавилова** Ирина Логиновна † 28 Марта 1863. (Т. к.).

*****Вавиловъ** Павелъ Петровичъ † 11 Апр. 1867. (Т. к.).

***Вадковская** Ирина Андреевна, жена генералъ-аншефа, л.-гв. Семеновскаго полка подполковника и кавалера *Ѳедора Ивановича Вад-*

ковскаго, дочь *Андрея Васильевича Воейкова*, † 28 Ноября 1774 г. по утру въ половинѣ 6 часа. Жила 57 л. 7 м. (Л. к.).

Вадковскій Павелъ Өедоровичъ, камеръ-юнкеръ Двора Его Велич. и кавалеръ, р. 22 Мая 1792 † 15 Мая 1829. (Л. к.).

Вадковскій Өедоръ Ивановичъ, генералъ-аншефъ, сенаторъ, л.-гв. Семеновскаго полка подполковникъ, Россійскихъ орденовъ кавалеръ, р. 17.. † 17.. (Л. к.).

Вадковскій Өедоръ Өедоровичъ, д. т. с. и кавалеръ разныхъ орденовъ, р. 21 Дек. 1756 † 27 Авг. 1806. (Л. к.).

Валуева Екатерина Петровна, камеръ-фрейлина Ея Вел., † 28 Нояб. 1848. Жила 74 г. (Т. к.).

****Валуевъ** Степанъ Алексѣевичъ, кол. сов. Погребенъ 3 Января 1809. (Л. к.).

*****Ванифатьева** Евдокія, жена Петерб. купца *Максима Ванифатьева*, † 11 Ноября 1789. (Л. к.).

*****Ванифатьева** Настасья, жена Петерб. купца и Государ. Асигнаціоннаго банка директора *Ивана Ванифатьева*, «житіемъ безпорочная, къ супругу нѣжная, къ дѣтямъ усердная», р. 1761 † 19 Іюня 1788. (Л. к.).

Ванифатьевъ Иванъ Максимовичъ, надвор. сов., †16 Янв. 1813. (Л. к.).

*****Ванифатьевъ** Максимъ Андреевичъ, Петерб. купецъ, р. 1 Авг. 1715 † 6 Мая 1780. (Л. к.).

Ванифатьевъ Николай Ивановичъ, кол. сов., р. 23 Ноября 1780 † 27 Авг. 1823. (Л. к.).

*****Варварина** Пелагея Дмитріевна, жена Петерб. купца, † 29 Апр. 1827 на 42 г. (Л. к.).

*****Варварина** Татьяна Семеновна, жена Любимскаго купца *Ивана Варварина*, † 4 Янв. 1781. Жила 26 л. (Л. к.).

*****Варваринъ** Иванъ Өедоровичъ, Петерб. купецъ, † 19 Ноября 1825 въ 9 часу утра на 76 г. (Л. к.).

*****Варварины**, дѣти Любимскаго купца *Ивана Варварина*: дочь *Анна*, р. 1779 † 1787 Мая 6; сынъ *Иванъ*, р. 1784, † 7 Мая 1787. (Л. к.).

Варенцова Анна Ивановна, ур. *Куманина*, первая жена *Алексѣя Николаевича Варенцова*, р. 1766 † 7 Авг. 1801. (Л. к.).

Варенцова Екатерина Алексѣевна, ур. *Сырейщикова*, вторая жена *Алексѣя Николаевича Варенцова*, р. 1776 † 10 Ноября 1804. (Л. к.).

Варенцова Екатерина Михайловна, вдова генералъ-маіора *Петра Алексѣевича Варенцова*, р. 14 Окт. 1789 † 12 Дек. 1862. (Л. к.).

Варенцовъ Алексѣй Николаевичъ, оберъ-провіантмейстеръ, род. 9 Марта 1751 † 9 Апр. 1806. Памятникъ ставилъ сынъ его 19 Іюня 1815 года. (Л. к.).

Варенцовъ Петръ Алексѣевичъ, генералъ-маіоръ, р. 24 Авг. 1793 † 8 Іюля 1848. (Л. к.),

****Варлаамъ**, іеромонахъ Алек. Невск. лавры. Погребенъ 29 Февр. 1788. (Л. к.).

****Варлаамъ**, іеромонахъ Алек. Невск. лавры. Погребенъ 14 Декаб. 1798. (Л. к.).

*****Варобой** Марія Дмитріевна, надвор. сов., род. 11 Іюля 1767 † 14 Декабря 1815. (Л. к.).

****Варсонофій**, іеромонахъ Алек. Невск. лавры. Погребенъ 20 Окт. 1826. (Л. к.).

****Варѳоломей**, іеромонахъ Алек. Невск. лавры. Погребенъ 6 Апр. 1811. (Л. к.).

***Василій Іоанновичъ**, архіепископъ Пекскій и Сербіи, Болгаріи, Поморіи, Далмаціи, Албаніи, Босніи, Герцеговины, Славоніи, Кроаціи и всего Иллирика патріархъ. Родомъ онъ былъ изъ дворянъ Сербскихъ, р. въ Римской имперіи, въ городѣ Карловцахъ 30 Дек. 1720, † въ С.П.Б—гѣ 10 Февр. 1770 въ 12 часу утра. Жилъ 51 г. 1 м. 10 д. (П. Б. ц.).

***Василій Петровичъ**, митрополитъ Скендеринскій и Приморскій, Черной горы, патріаршаго Сербскаго ѳрона екзархъ, † въ С.П.Б—гѣ 10 Марта 1766 въ 7 часу пополудни. Жилъ 57 л. (П. Б. ц.).

Васильевъ Алексѣй Алексѣевичъ, чиновникъ 8 класса, служилъ въ артиллерійскомъ департаментѣ, † 1831 на 54 г. (Хол. к.).

Васильевъ Алексѣй Ивановичъ, графъ, д. т. с., сенаторъ, министръ финансовъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 28 Февр. 1742, въ службу вступилъ 1754, † 15 Авг. 1807. Памятникъ ставилъ *Ѳедоръ Голубцовъ* «въ знакъ благодарности». (Л. к.).

Васильевъ Андрей, канцеляристъ Военной Коллегіи, † 18 Іюня 1758 на 62 г., да сына его секретаря *Николая Васильева* дочь *Манщева Екатерина* † 19 Авг. 1761 на 2 г. (Самп. к.).

Васильевъ Иванъ Ларіоновичъ, кол. секр., экономъ въ ..... гимназіи, † 30 Іюня 1831. Служилъ 43 г., жилъ 65 л. (Хол. к.).

Васильевъ Ѳедоръ Ивановичъ, д. с. с. и кавалеръ, † 9 Дек. 1798 на 49 г. (Л. к.).

Вахрушова Екатерина Дмитріевна, ур. *Фальева*, кол. сов., род. 1788 † 1827. (Т. к.).

Вахтангъ Ираклiевичъ, Грузинскій царевичъ, † 28 Окт. 1814 на 53 г. Памятникъ соорудила вдова его, Грузинская царевна *Марія Давыдовна* (Б. ц.).

***Вахтина** Елисавета Өедоровна, жена главной дворцовой канцеляріи секретаря *Өедора Григорьевича Вахтина*, † 15 Іюля 1773, погребена 18 Іюля, жила 39 л.

****Вейде** Адамъ Адамовичъ, генералъ отъ инфантеріи, кавалеръ орд. Св. Андрея Первозваннаго, † 26 Іюня 1720. (Л. к.).

Вейдемейеръ Владиміръ Ивановичъ, д. с. с. и кавалеръ, † 24 Марта 1828 на 43 г. къ душевному прискорбію оплакивающихъ: супруги его, матери, родныхъ и друзей. (Т к.).

Вейдемейеръ Иванъ Андреевичъ, членъ Государ. Совѣта, сенаторъ и кавалеръ, р. 22 Іюня 1752 † 1 Марта 1820. (Л. к.).

Вельяминова-Зернова Анна Яковлевна, ур. *Ханыкова*, жена ст. сов., р. 23 Апр. 1797 † 12 Янв. 1863. (Т. к.).

****Вельяминовъ-Зерновъ** Андрей Ивановичъ, маіоръ. Погребенъ 1 Апр. 1754. (Л. к.).

****Вельяминовъ-Зерновъ** Владиміръ Өедоровичъ, ст. сов., р. 7 Іюля 1784 † 17 Янв. 1831. (Т. к.).

Вельяшевъ, кол. сов., † 1847 на 76 г. Ноября 16. (Т. к.).

Веневитиновъ Сергѣй Алексѣевичъ, р. 30 Іюня 1853 † 21 Сент. 1873. (Т. ц.).

Веніаминъ, іеродьяконъ Свято-Троицкой Сергіевской Лавры, † 29 Янв. 1832. (Л. к.).

Веніаминъ, архимандритъ, † 4 Апр. 1858. (Т. к.).

Вердеревскій Николай Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ свиты Его Вел. и разныхъ орденовъ кавалеръ, † 26 Іюля 1812 на 44 г. Памятникъ ставилъ братъ его, флота капитанъ лейтенантъ и кавалеръ *Илья Ивановичъ Вердеревскій*. (Л. к.).

Веригинъ Алексѣй Петровичъ, полковникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 5 Февр. 1775 † 18 Іюля 1831. «Брату и другу». (Т. к.).

Веригинъ Апполонъ Никитичъ, поручикъ Кавалергардскаго полка, † 25 Іюня 1819 на 20 году. (Л. к.).

Веригинъ Николай Петровичъ, подполковникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 27 Апр. 1768 † 13 Дек. 1824. «Брату и благодѣтелю». (Т. к.).

Веригинъ Өедотъ Михайловичъ, генералъ-маіоръ, членъ Государ. Военной Коллегіи, р. 1 Іюня 1722 † 27 Авг. 1783. Служилъ отечеству 48 л. (Л. к.).

*****Вершинцкій**.

Здѣсь лежитъ любезный человѣкъ;
Жаль, что на свѣтѣ былъ его кратокъ вѣкъ. (Л. к.).

Ветошникова Татьяна Александровна, ур. *Березина*, жена покойнаго Адмиралтейской Коллегіи архитектора, подполковника и кавалера,

р. 27 Дек. 1760 † 5 Сент. 1811. Въ супружествѣ была 9 л. 9 м. (Л. к.).

Ветошниковъ Михаилъ Николаевичъ, Государ. Адмиралтейской Коллегіи архитекторъ, подполковникъ и кавалеръ орд. Св. Владиміра 4 ст., р. въ Москвѣ 1751, въ супружествѣ былъ 9 лѣтъ 9 мѣс., † 31 Іюля 1791. (Л. к.).

*****Вечерухина** Степанида Матвѣевна, жена Петерб. купца *Ивана Васильевича Вечерухина,* р. 8 Нояб. 1747 † 17 Апр. 1813 по утру въ 8 час. Въ супружествѣ была 46 л. (Л. к.).

Вешняковъ Иванъ Петровичъ, генералъ-маіоръ, р. 7 Авг. 1791 † 5 Мая 1841. (Л. к.).

Визинъ-фонъ Денисъ Ивановичъ, ст. сов., род. 3 Апр. 1745 † 1 Дек. 1792. Жилъ 48 л. 7 м. 28 д. *). (Л. к.).

Визинъ-фонъ Петръ Александровичъ, р. 7 Іюля 1791 † 25 Апрѣля 1802. (Л. к.).

****Викторъ** Ладыженскій, архимандритъ Курскаго Знаменскаго монастыря. Погребенъ 15 Авг. 1775. (П. Б. ц.).

*****Викулинъ** Тимоѳей Степановичъ, купецъ Псковскаго намѣстничества г. Опочки, р. 12 Февр. 1775 † въ С.П.Б-гѣ 20 Авг. 1793 въ 11 часу пополуночи. Жилъ 18 л. 6 м.

Витовтова Наталья, ур. *Осокина,* † 3 Дек. 1799. Жила 29 л. 4 м. 12 д. (Л. к.).

Віельгорская Елисавета Юрьевна, графиня, дѣвица, † 6 Окт. 1809 на 15 г. (Л. к.).

****Віельгорская** Софья Дмитріевна, граф. **), † 28 Мар. 1796. (Л. к.).

****Віельгорскій** Александръ Юрьевичъ, графъ, погребенъ 12 Мая 1821. (Л. к.),

****Віельгорскій** Іосифъ Михайловичъ, графъ, гвардіи поручикъ. Погребенъ 25 Авг. 1840 (Л. к.).

Віельгорскій Матвѣй Юрьевичъ, графъ, оберъ-гофмейстеръ, р. 15 Апр. 1794 † въ Ниццѣ 21 Февр. (5 Марта) 1866. (Б. ц.).

Віельгорскій Михаилъ Юрьевичъ, графъ, оберъ-шенкъ, р. 31 Окт. 1788 † 28 Авг. 1856. (Л. ц.).

Віельгорскій Осипъ Юрьевичъ, графъ, р. 12 Марта 1790 † 5 Дек. 1816. (Л. к.).

Віельгорскій-Матюшкинъ Михаилъ Михайловичъ, графъ, р. 28 Февр. 1822 † въ Крыму 22 Ноября 1855. (Л. ц.).

---

*) Списано вѣрно, но при вычисленіи является разница на одинъ годъ.

**) Ур. графиня *Матюшкина,* жена д. т. с. гр. *Юрія Михайловича Віельгорскаго.* (Рос. Родослов. книга Долгорукова, ч. III, стр. 96).

****Владиміръ**, іеромонахъ Алек. Невск. Лавры. Погребенъ 15 Іюля 1816. (Л. к.).

****Владиславичъ-Рагузинскій** Савва Лукичъ, графъ. Погребенъ 23 Іюня 1738. (Б. ц.).

Влангали Егоръ Михайловичъ, д. с. с. и кавалеръ, † 27 Марта 1834. (Т. к.).

Власій, іеродьяконъ Преображенскаго Валаамскаго монастыря, † 25 Мая 1830. (Т. к.).

Власова Өедосья Алексѣевна, полковница. «Здѣсь покоится священный прахъ матери моей. Съ благоговѣніемъ проливая слезы горести, родительницѣ и благодѣтельницѣ, ангелу покровителю моему, посвящаетъ сей памятникъ дочь ея Екатерина, желая, чтобы и ея бренные останки были сокрыты подъ симъ же камнемъ. Въ ужасный для меня день, 1 Ноября 1828 г., въ 11 час. 30 м. по полуночи пресеклась драгоцѣнная жизнь полковницы Ө. А. Власовой на 62 г». (Т. к.).

Власьева Екатерина Дмитріевна, кол. ас., ур. *Бехтѣева*, р. 18 Дек. 1782 † 26 Окт. 1824. Жила 41 г. 11 м. 8 д. (Л. к.).

Влодекъ Александра Дмитріевна, ур. графиня *Толстая*, р. 20 Окт. 1788 † 22 Авг. 1847. (Ө. ц.).

Воеводская Надежда Андріяновна, ур. *Шарова*, жена ст. сов., † 7 Апр. 1815 г. къ чувствительному сожалѣнію оставшагося семейства, супруга и дѣтей. Жила 40 л. 7 м. Въ супружествѣ была 18 л. (Л. к.).

***Вожжинская** Елена Константиновна, жена генералъ-поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера *Никиты Андріановича Вожжинскаго*, † 12 Дек. 1775 на 62 г. (Л. к.).

***Возилукій** Петръ Павловичъ, священноіерей, пастырь лейбъ-компанскаго корпуса, † 16 Янв. 1752. Жилъ 59 л. (Л. к.).

Волкова Анна Яковлевна † 8 Февр. 1779. (Л. к.).

Волковъ Александръ Андреевичъ, д. с. с., р. 12 Окт. 1736, въ службу вступилъ въ 1745, бракосочетался въ 1753, † 15 Апр. 1788. Кончину оплакиваютъ жена и дѣти. (Л. к.).

Волковъ Иванъ Ильичъ, д. с. с., р. 20 Янв. 1769 † 15 Мая 1838. (Т. к.).

Волковъ Сергѣй Аполлоновичъ, р. 5 Іюля 1788 † 5 Апр. 1854. (Л. к.).

Волконская Александра Николаевна княгиня, дщерь генералъ-фельдмаршала князя *Репнина*, статсъ-дама Импер. двора, орд. св. Екатерины 1-го класса съ алмазами кавалерственная дама, р. 25 Апр. 1756 † 23 Дек. 1834. (Д. ц.).

Волконская Варвара Михайловна, княжна, камеръ-фрейлина Ея В. † 25 Дек. 1865. Жила 84 г. (Ө. ц.).

Волконская Елисавета Петровна, княгиня, † 14 Ноября 1797. Жила 44 г. 5 м. (Л. к.).

****Волконскій** Александръ Григорьевичъ, князь. Погребенъ 7 Февр. 1780. (Л. к.).

Волконскій Григорій Григорьевичъ, князь, р. 8 Окт. 1782 † 28 Февр. 1783. (Л. к.).

Волконскій Григорій Семеновичъ, князь, генералъ отъ кавалеріи, кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. Георгія 2 класса большаго креста и св. Анны 1-й ст. Служилъ отечеству 66 л. на полѣ брани сподвижникомъ Румянцова, Суворова и Репнина; на поприщѣ же гражданскомъ сенаторомъ, Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и потомъ членомъ Государ. Совѣта, р. 25 Янв. 1742 † 17 Іюля 1824. (Д. ц.).

Волконскій Николай Петровичъ, князь, сынъ генералъ-адъютанта князя Петра Михайловича, родился и преставился 28, а погребенъ 29 Мая 1803. Тутъ же погребены: прапрадѣдъ его, князь *Семенъ Ѳедоровичъ Мещерскій*, отецъ покойной прабабки сего младенца, генералъ-аншефши княгини *Софіи Семеновны Волконской*, и дядя его князь *Александръ Григорьевичъ Волконскій* (Л. к.).

Волынскій Артемій Петровичъ [1]) † 27 Іюня 1740. Жилъ 51 г. (Самп. к.)

*****Волярская** Анастасія Васильевна, дочь полковника, дѣвица, † 6 Янв. 1820. (Л. к.).

Воронихинъ Андрей Никифоровичъ, надв. сов., старшій профессоръ архитектурный, членъ Совѣта Академіи Художествъ, строитель собора Казанской Божіей Матери въ Петербургѣ, р. 1760 † 21 Февр. 1814 (Л. к.).

Воронцова Анна Карловна, ур. графиня *Скавронская*, оберъ-гофмейстерина двора Ея Вел. и кавалерственная дама орд. св. Екатерины, р. 7 Дек. 1722 † 31 Дек. 1775. Жила 53 г. 24 д. (Л. к.).

Воронцова Ирина Ивановна, [2]) графиня, р. 16 Авг. 1768 † 10 Окт. 1848. (Д. ц.).

***Воронцова** Марѳа Ивановна, супруга камеръ-юнкера двора Ея Вел. *Романа Ларіоновича Воронцова*, дочь *Ивана Михайловича Сурмина*, р. 17 Іюня 1718 † 19 Апр. 1745, погребена 22 Апрѣля (Л. к.).

Воронцова Прасковья Ѳедоровна, [3]) графиня, ур. *Квашнина-Самарина* † 26 Окт. 1797 на 18 г. (Л. к.).

---

[1]) Вмѣстѣ съ нимъ погребены *Петръ Михайловичъ Еропкинъ* и *Андрей Ѳедоровичъ Хрущовъ*.

[2]) Ур. *Измайлова*, жена камеръ-юнкера графа *Илларіона Ивановича Воронцова* (Рос. Родосл. кн. ч. 2, стр. 106).

[3]) Жена д. т. с. графа *Артемія Ивановича* (Рос. Родосл. кн. ч. 2, стр. 106).

Воронцовъ Ларіонъ Ивановичъ, графъ, камеръ-юнкеръ, р. 9 Сент. 1760 † 30 Марта 1790. Жилъ 30 л. Памятникъ ставила жена его *Ирина*, ур. *Измайлова.* (Л. к.

Воронцовъ Семенъ Михайловичъ свѣтлѣйшій князь, р. въ Одессѣ 23 Окт. 1823 † въ Спб-гѣ 6 Мая 1882. (II. Ѳ. ц.).

Воронцовъ-Дашковъ Иванъ Илларіоновичъ, графъ, членъ Государ. Совѣта, оберъ-церемоніймейстеръ, камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 2 Іюня 1790 † 26 Іюня 1854. (Д. ц.).

Вронченко Ѳедоръ Павловичъ, графъ, министръ финансовъ, д. т. с. и кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго. Погребенъ 9 Апр. 1852, скончался 6 Апр. на 74 году жизни и 51 службы. (Д. ц.).

Вяземская Екатерина Николаевна, княжна, р. 3 Авг. 1824 † 17 Янв. 1840 на 16 году. (Д. ц.).

Вяземскій Александръ Алексѣевичъ, князь, генералъ-прокуроръ, р. 3 Авг. 1727 † 8 Янв. 1793 *) и супруга его *Елена Никитична*, ур. княжна *Трубецкая* р. 27 Дек. 1745 † 14 Окт. 1832. (II. Б. ц.).

Вяземскій Петръ Андреевичъ, князь, р. 2 Іюля 1792 † 10 Ноября 1878. (Т. к.).

Вязминъ Петръ Наумовичъ, кол. сов., р. 27 Іюня 1719 † 15 Янв. 1791. Жилъ 71 г. 6 м. 8 д. Служилъ 56 л. (Л. к.).

Вязмитинова Александра Николаевна, графиня, генеральша отъ инфантеріи, ур. *Энгельгардтъ.* Погребена 9 Іюля 1848. (Л. ц.).

Вязмитиновъ Сергѣй Козмичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ Государ. Совѣта, р. Октября (не означено) дня 1744 † 15 Окт. 1819. Служилъ отечеству и государямъ съ честію и славою 60 лѣтъ. (Л. ц.).

Вындомскій Максимъ Михайловичъ. Погребенъ 1 Мая 1778. (Л. к.).

Гавриловъ Дмитрій Петровичъ, тайн. сов., р. 20 Окт. 1826 † 4 Янв. 1874. (Т. ц.).

Гавріилъ царевичъ, сынъ Грузинскаго царя *Георгія* XIII и царицы *Маріи*, р. 13 Авг. 1788 † 29 Февр. 1812. (Л. к.).

Гдѣ онъ? Гдѣ радость матери, родныхъ?
Гдѣ милый сынъ ея и гдѣ ихъ утѣшенье?
Не сѣтуйте, въ обителяхъ Творца
Невинный видитъ ваше сокрушенье.
Смотрите, вотъ... духъ его паритъ,
Онъ проситъ васъ о немъ не сокрушаться.
Не слышите-ль? Я счастливъ, говоритъ,
Молюсь за васъ: къ чему же огорчаться?

---

*) На мраморной аркѣ была слѣд. надпись: „28 лѣтъ, до изнеможенія силъ, отправлялъ онъ генералъ-прокурорскую должность съ твердостію и правотою и скончался защитникомъ утѣсненныхъ и другомъ несчастныхъ". (Описаніе Санктпетербурга Ив. Пушкарева С.П.Б. 1839, ч. I, стр. 148).

Я путь свершилъ... теперь на небесахъ.
Здѣсь лучше, здѣсь не знаютъ разлученья;
Здѣсь жизнь—не сонъ и радость—не въ мечтахъ:
Здѣсь пристань наконецъ успокоенья.

Гагарина княгиня, ур. княжна *Лопухина* *), статсъ-дама Ихъ Имп. Вел., кавалеръ орд. Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, род. 177 . (не дописано), Ноября 8 † 25 Апр. 1805. Въ память княгини Гагариной, моей супруги и благодѣтельницы». (Л. ц.).

Гагарина Елена Павловна, княгиня, д. с. с., ур. *Кондоиди*, р. 28 Мая 1746 † 21 Сент. 1822. (Л. к.).

Гагарина Елисавета Ивановна, княгиня, ур. *Балабина*, р. 28 Мар. 1773 † 23 Мая 1803. (Л. к.).

Гагарина Марія Алексѣевна, княгиня, ур. графиня *Бобринская*, р. 30 Янв. 1798 † 30 Іюля 1835 и дочь ея, княжна *Марія Николаевна*, р. 3 Февр. 1820 † 2 Іюля 1837 въ Карлсбадѣ, жила 17 л. (Д. ц.).

Гагарина Марія Ивановна, княгиня, † 22 Окт. 1867. (Б. ц.).

***Гагарина** Марія, дочь л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ-поручика князя *Матвѣя Александровича Гагарина*, р. 20 Авг. 1749 † 4 Ноября 1759. Жила 10 л. 4 м. 15 д. (Л. к.).

Гагаринъ Александръ Петровичъ, князь. См. Кондоиди Марія Васильевна.

Гагаринъ Левъ Николаевичъ, князь, р. 3 Сент. 1828 и сынъ его, князь *Владиміръ*, р. 4 Ноября 1851. Скончались 22 Іюля 1868. (Б. ц.).

Гагаринъ Николай Сергѣевичъ, князь, гофмейстеръ высочайшаго двора, р. 19 Іюля 1786 † 25 Іюля 1842. (Д. ц.).

Гагаринъ Павелъ Гавриловичъ, князь, генералъ-маіоръ, р. 8 Янв. 1777 † 2 Апр. 1850 на 73 г. «Незабвенному супругу и отцу благодарная жена и признательная дочь». (П. Л. ц.).

Гаевская Александра Ивановна, супруга д. с. с., р. 19 Окт. 1832 † 9 Янв. 1863. (Ѳ. ц.).

Гаевскій Павелъ Николаевичъ, надв. сов., р. 18 Февр. 1789 † 13 Февр. 1840. (Т. к.).

*****Галактіонова** Евдокія Емельяновна, жена покойнаго купца *Семена Петровича Галактіонова*, † 23 Дек. 1804. (Л. к.).

******Галактіоновъ** Семенъ Петровичъ, Петерб. 1-й гильдіи купецъ, † 10 Ноября 1793. (Л. к.).

Галлеръ Александръ Карловичъ, ст. сов., р. 21 Февр. 1789 † 15 Мая 1850. (Л. к.).

---

*) Анна Петровна, жена генералъ-адъютанта князя *Павла Гавриловича Гагарина*, р. 8 Ноября 1777 г. (Рос. Родослов. книга Долгорукова, ч. I, стр. 247).

Галовъ Петръ Алексѣевичъ, потомств. почетн. гражданинъ, р. 27 Марта 1824 † 24 Февр. 1871. (Ѳ. ц.).

Гамалѣя Михаилъ Михайловичъ, тайн. сов., † 11 Сент. 1868 на 73 г. (Н. к.).

Ганнибалъ Иванъ Аврамовичъ, генералъ-лейтенантъ, кавалеръ орд. Св. Александра Невскаго, Св. Владимира, Св. Анны первыхъ степеней и Св. Георгія 3 ст., р. 5 Іюня 1731 † 12 Окт. 1801. Жилъ 70 л. 4 м. 7 д.

Зной Африки родилъ, хладъ крови его покоилъ,
Россіи онъ служилъ, путь къ вѣчности устроилъ.
Стенящіе о немъ, родня его и ближни
Сей памятникъ ему съ усердіемъ воздвигли. (Л. к.).

Гедеонова (ур. Шишкина) Наталья Павловна, жена д. т. с., † 8 Февр. 1840. Жила 50 л. (Л. к.).

Гедеонъ, іеродьяконъ. «40 лѣтъ усердно исправлялъ онъ свою службу и съ братіею велъ всегда преискреннюю дружбу, но духъ его уже изчезъ изъ міра сего вонъ». † 22 Іюня 1848 на 59 г. (Л. к.).

Гедеонъ, архимандритъ, Владимірской епархіи Цареконстантиновскаго второкласснаго монастыря настоятель, р. 12 Янв. 1781, священство получилъ 5 Ноября 1805, въ монашество постриженъ 23 Февр. 1811, въ игумены произведенъ 28 Ноября 1815, архимандритомъ съ 22 Іюня 1824, скончался на чредѣ священнослуженія и проповѣди Слова Божія 18 Мая 1834. (Т. к.).

Здѣсь, подлѣ дочери (т.-е. *Натальи Григорьевны Зайцевой*) почиваетъ тѣло вдовствовавшей достойнаго по храбрости и геройскимъ подвигамъ подполковника и кавалера *Григорія Ивановича Гейкина* супруги *Маріи Герастовны*, ур. княжны *Жеваховой*, † въ Февр. 1784. Памятникъ возобновленъ 10 Мая 1814 г. зятемъ ея, *Алексѣемъ Зайцевымъ*, овдовѣвшимъ. (Л. к.).

***Гендрикова** Марія, дочь графа *Ивана Симоновича Гендрикова*, р. 24 Ноября 1759 на память великомученицы Екатерины по полудни въ 11 часу, тезоименитство ея 22 Іюля на память Св. Маріи Магдалины, † 13 Янв. 1762 на память мученика Ермія по полуночи въ 1 часу. Жила 2 г. 1 м. 2 недѣли и 6 дней. (Л. к.).

Гендриковъ Александръ Андреевичъ, графъ, р. 31 Окт. 1773 † 22 Янв. 1818. (Л. к.).

***Гендриковъ** Дмитрій, сынъ графа *Ивана Симоновича*, р. 28 Янв. 1758 на память преподобнаго Ефрема Сирина, по полуночи въ 5 часу, тезоименитство его 21 Сентября, на память Св. Дмитрія Ростовскаго, † 2 Апр. 1762, на память преподобнаго Тита, по полуночи въ 9 часу. Жилъ 4 г. 2 м. 4 д. (Л. к.).

Геневскій Андрей, придворный священникъ, который при дворѣ служилъ съ 1745 по 1763 годъ, отъ рожденія своего пожилъ 58 л., † 5 Окт. (Л. к.).

Георгіева Евдокія, жена священника *Алексѣя Георгіева*, † 13 Апр. 1759. Жила 40 л. (Самп. к.).

Георгій, іеромонахъ, † 7 Мая 1823. Продолжалъ духовную службу свою сначала и до кончины при Алекс.-Нев. Лаврѣ, всего 23 г. Жилъ 64 г. Памятникъ ставила сестра его, поручица *Авдотья Евдокимовна Самойлова*. (Л. к.).

Георгій, Имеретинскій царевичъ, † 21 Ноября 1807 на 28 г. (Л. к.).

«Безжалостная коса смерти поспѣшила ко мнѣ, не пощадила до времени ранъ моихъ и сѣкла девятилѣтній цвѣтъ моего младенчества. Я былъ внукъ знаменитаго Имеретинскаго царя *Давыда*, сынъ царевича *Константина*, *Георгій*, воспламенившій неугасимый огнь въ сердцѣ матери моей и оставилъ ее несчастную, рыдающую и неутѣшимую навсегда въ горѣ; равно повергъ я въ жестокую печаль возлюбленную бабку мою, ея высочество царицу *Анну*, которая всячески старалась о моемъ излѣченіи, но не могла избавить меня отъ смертной судьбы. Теперь умиленно прошу взирающихъ поминать меня. Я родился 26 Апр. 1809 † 1 Сент. 1819». (Ѳ. ц.).

******Герасимовъ** Савелій Герасимовичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, р. 6 Янв. 1777 † 22 Мая 1834. Жилъ 57 л. 4 м. 16 д. Сей памятникъ сооруженъ другомъ и товарищемъ съ сердечною признательностью Петерб. 1 гильдіи купцомъ *Фирсомъ Мироновымъ Садовниковымъ*. (Т. к.).

******Германъ**, перво-іеродьяконъ Алекс.-Нев. Лавры, † 14 Янв. 1836 на 70 г. (Л. к.).

Гершельманъ Олимпіада, ур. *Доброницки*, камермедхенъ двора Ея Вел., † 29 Марта 1807. «Сей памятникъ соорудилъ въ знакъ любви незабвенной супругъ ея». (Л. к.).

Гессенъ-Гомбургская Анастасія Ивановна, княгиня, ур. княжна *Трубецкая*, † 2 Дек. 1755. «Dilectissimae sorori Anastasiae principi Trubetskoi n-t hoc doloris monumentum frater moestissimus p.-Возлюлюбезнѣйшей сестрѣ Анастасіи, рожд. кн. Трубецкой сію печали память прискорбнѣйшій братъ постав.». (Б. ц.).

Гика Смарагда Карловна, княжна, дочь Молдавскаго господаря, р. 9 Марта 1753 † 10 Янв. 1818. (Л. к.).

Смарагда, Гиковъ дщерь, мать сирымъ и несчастнымъ,
Жизнь дѣвственну свершивъ, здѣсь тѣломъ почіетъ.
Но духомъ радостнымъ и тлѣна непричастнымъ
Въ обителяхъ Отца Спасителемъ живетъ.

****Гика** Георгій, князь Волошскій и Молдавскій. Погребенъ 5 Марта 1785. (Л. к.).

Гладкова Марія Сергѣевна, генералъ-лейтенантша, р. 12 Іюля 1773 † 7 Мая 1846 (Т. к.).

Гладковъ Иванъ Васильевичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 27 Января 1766 † 7 Авг. 1832. (Т. к.).

Глазуновъ Никифоръ Герасимовичъ, Петерб. купецъ, † 2 Декабря 1775. (Л. к.).

«Подъ симъ памятникомъ, сооруженнымъ безутѣшною матерью, Маріею Осиповною *Глинкою*, покоится милый прахъ нѣжной, чувствительной и любезной ея дочери *Сашеньки*». † 1809. «Съ тобою жестокая смерть похитила мое спокойствіе». (Л. к.).

*****Глухова** Пелагея Гавриловна, жена Калужскаго 1 гильдіи купца *Мартына Сидоровича Глухова*, р. въ Калугѣ 1 Окт. 1744 † 3 Декаб. 1793. Жила 49 л. 2 м. 3 д. «Сей памятникъ положенъ мужемъ ея въ вѣчную ей память». (Л. к.).

*****Глуховъ** Мартынъ Мартыновичъ, Петерб. купецъ, р. 24 Сент. 1780 † 29 Апр. 1815. (Л. к.).

*****Глуховъ** Мартынъ Сидоровичъ, Калужскій купецъ, † 7 Декаб. 1809. (Л. к.).

*****Глуховъ** Александръ Мартыновичъ, Петерб. купецъ, † 14 Авг. 1812. (Л. к.).

*****Глушкова** Васса Егоровна, жена Верейскаго 1 гильдіи купца *Алексѣя Васильевича Глушкова*, р. въ г. Бѣжецкѣ 20 Августа 1746 † 10 Марта 1800. Жила 53 г. 6 м. 20 дней. Памятникъ ставилъ мужъ. (Л. к.).

***Глѣбова** Марія Симоновна, ур. графиня *Гендрикова*. Погребена 23 Марта 1756 *). (Б. ц.).

Гнѣдичъ Николай Ивановичъ, р. 2 Февр. 1784 † 3 Февр. 1833. «Гнѣдичу, обогатившему Русскую словесность переводомъ Омира, отъ друзей и почитателей. (Т. к.). «Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися». (Иліада, п. I, с. 249).

Гогенлоге-Кирхбергъ Екатерина Ивановна, принцесса, ур. графиня *Голубцова*, р. 3 Мая 1801 † 18 Марта 1840. (Л. ц.).

*****Година** Прасковья Борисовна, жена Петерб. купца *Өедора Ивановича Година*, † 28 Іюля 1782. Жила 32 г., въ супружествѣ была 15 л. Памятникъ ставилъ мужъ. Возобновили памятникъ сей сынъ и дочь 1804 г. (Л. к.).

---

*) Въ первомъ бракѣ Чоглокова. Она изображена въ Запискахъ Екатерины II-й.

Голдобина Анна Никифоровна, жена асессора *Өедора Никитича Голдобина*, † 17 Окт. 1761. Жила 29 л. 7 м. 14 д. (Самп. к.).

Голенищева-Кутузова Евдокія Ивановна, статсъ-дама. Погребена 9 Марта 1807. (П. Б. ц.).

«Здѣсь преданъ землѣ тлѣнный покровъ чистѣйшія души княгини Екатерины Ильиничны *Голенищевой-Кутузовой-Смоленской*, ур. *Бибиковой*, супруги главнаго вождя всѣхъ Россійскихъ войскъ во время отечественной войны 1812 г., р. 5 Ноября 1754, къ сердечной горести всѣхъ ея ближнихъ, всѣхъ ее знавшихъ скончалась, не достигнувъ 70 лѣтъ, 23 Іюля 1824». (Д. ц.).

Голенищевъ-Кутузовъ Александръ Ивановичъ. «Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ полковникомъ, по болѣзни оставилъ службу, † 26 Сентября 1818. Жилъ 37 л. Былъ любимъ всѣми ближними, всѣми его знавшими. Жена оплакиваетъ его кончину сердечными слезами». (Л. к.).

Голенищевъ-Кутузовъ Иванъ Логиновичъ, † 12 Апр. 1802. (П. Б. ц.).

Голиковъ Иванъ Ларіоновичъ, Курскій именитый гражданинъ, р. 22 Ноября 1729 † 17 Ноября 1805. Жилъ 76 лѣтъ. Оставилъ сына и двухъ дочерей. (Л. к.).

Голицына Анна Григорьевна, ур. графиня *Чернышова*, супруга д. с. с. князя *Өедора Сергѣевича Голицына*, члена Ямской Канцеляріи, † 28 Сент. 1770. Жила 46 л. 21 д. (Л. к.).

О смерть, здѣсь Голицыной хранишь ты бренность тѣла,
Но чистыя души ея не одолѣла,
Со добродѣтельми на свѣтѣ семъ жила,
Со добродѣтельми и къ вѣчности пришла.

Голицына Варвара Аркадіевна, княгиня, ур. граф. *Моркова*, д. с. с-ца, р. 3 Апр. 1798 † 6 Февр. 1835. (Л. к.).

Голицына Дарія Алексѣевна, жена фельдмаршала князя *Александра Михайловича Голицына*. Погребена 13 Мая 1798. (Б. ц.).

Голицына Дарія Калиничнa, княгиня, кавалерственная дама, супруга оберъ-егермейстера князя *Петра Алексѣевича Голицына*, † 27 Мая 1836 на 77 г. (Л. к.).

Голицына Евдокія, княгиня, ур. *Измайлова*, р. 4 Авг. 1780 † 18 Янв. 1850. «Прошу православныхъ Русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа Русскаго» *). (Д. ц.).

---

*) Это знаменитая *Княгиня Ночная* (Princesse Nocturne).

Голицына Екатерина, княгиня, ур. графиня *Левашова*, р. 9 Сент. 1826 † 24 Іюня 1853 (Д. ц., въ усыпальницѣ гр. Левашовыхъ).

*«Здѣсь въ церкви Святотроицкаго Александро-Невскаго монастыря, по правую сторону, въ трапезѣ, близъ столбовъ, погребена ея сіятельство княгиня *Екатерина Александровна*, бывшая супруга гофмаршала и кавалера князя *Николая Михайловича Голицына*, урожд. флотовъ Ея И. В. отъ адмирала *Александра Ивановича Головина* и супруги его адмиральши *Марьи Іонишны*, которая родилась въ 1728 г. † въ 1769, жизни ея было 41 г.»

*__Голицына__ Екатерина Дмитріевна, кн., ур. княжна *Кантемиръ*. Погребена 20 Дек. 1762. (Б. ц.).

***__Голицына__ Елена Александровна, ур. княжна *Салтыкова*. «Сокрушенный горестью супругъ, князь *Николай Голицынъ*, воздвигнулъ сей памятникъ и самъ ждетъ утѣшенія отъ смерти, которая соединитъ его съ драгою супругою въ жизни вѣчной. Память о ней пребудетъ незабвенна въ сердцахъ всѣхъ знающихъ отличающія ее качества. Примѣрная супруга, примѣрная дочь, примѣрная мать! Всевышній воззвалъ тебя къ Себѣ въ цвѣтѣ твоей юности, дабы поспѣшить наградить многія твои добродѣтели не мірными суетами, а вѣчнымъ блаженствомъ». (Л. к.).

**__Голицына__ Елисавета Александровна, княжна. Погребена 9 Дек. 1816. (П. Б. ц.).

Голицына Ирина Борисовна, дочь князя *Бориса Андреевича Голицына*, р. 7 Мая 1800 † 9 Окт. 1802. (Л. к.).

Голицына Марія Адамовна, княгиня, тайн. сов., ур. *Олсуфьева*, р. 22 Іюля 1757 † 13 Дек. 1820. (Л. к.).

Голицына Марія Аркадіевна, княгиня, ур. кн. Италійская граф. *Суворова-Рымникская*, р. 26 Февр. 1802 † 16 Февр. 1870. (Ѳ. ц.).

Голицына Марія Николаевна, княжна, р. 15 Сент. 1798 † 1 Авг. 1812. (Л. к.).

Голицына Прасковья Андреевна, жена князя *Михаила Андреевича*, р. 19 Дек. 1767 † 11 Дек. 1828. (Л. к.).

Голицына Татьяна, княжна, р. 22 Авг. 1849 † 15 Авг. 1850 (Д. ц., въ усыпальницѣ графовъ Левашовыхъ).

*__Голицына__ Татьяна Борисовна, княгиня, ур. кн. *Куракина*. Погребена 10 Мая 1757. (Б. ц.).

*__Голицына__ Татьяна Кирилловна, жена генерала, князя Голицына ур. *Нарышкина*, род. 1704 † 23 Іюля 1757. Жила 53 г. 5 м. 28 д. (Л. к.).

**__Голицынъ__ Александръ Михайловичъ, князь, фельдмаршалъ. Погребенъ 11 Окт. 1783. (Б. ц.).

***Голицынъ** Александръ Сергѣевичъ, князь, л.-гв. Преображенскаго полка подпоручикъ, † 25 Ноября 1755. Жилъ 29 л. 4 м. (Л. к.).

Голицынъ Борисъ Андреевичъ, князь, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, р. 15 Мая 1766 † 30 Марта 1822. (Л. к.).

Земная жизнь какъ тяжкій плѣнъ стѣсняетъ;
Удѣлъ земли—мятежъ и суета,
Но въ дебряхъ жизни сей насъ грустныхъ утѣшаетъ
Животворящее сіяніе креста.
За нимъ, христіанинъ, отринь сей жизни бремя;
За нимъ, туда, туда, гдѣ зародилось время,
Отколь связуетъ все цѣпь древняя вѣковъ;
Тебя, какъ сына, тамъ ждетъ вѣчная любовь.
Ни тяжкая земля, ни камень гробовой
Души безсмертныя не окуютъ полета:
Она, какъ узница, отъ цѣпи роковой
Летитъ въ безбрежну даль сіянія и свѣта.

Голицынъ Борисъ Дмитріевичъ, свѣтлѣйшій князь, р. 17 Мая 1819 † 10 Дек. 1878. (Д. ц., въ усыпальницѣ графовъ Левашовыхъ).

Голицынъ Михаилъ Андреевичъ, князь, тайн. сов., дѣйств. камергеръ и кавалеръ, † 31 Авг. 1812. «Онъ былъ нѣжнѣйшій супругъ, чадолюбивѣйшій отецъ и вѣрный другъ». (Л. к.).

Голицынъ Михаилъ Михайловичъ, князь, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба, р. 4 Февр. 1793 † 21 Мая 1856. (Л. к.).

****Голицынъ** Николай Михайловичъ, князь, оберъ-гофмейстеръ, погребенъ 2 Янв. 1787. (Л. к.).

Голицынъ Петръ Александровичъ, князь, генералъ-маіоръ, † 25 Дек. 1827 на 56 г. (Л. к.).

Голицынъ Сергѣй Яковлевичъ, князь, д. с. с. и камергеръ, р. 28 Окт. 1792 † 21 Дек. 1859. (Л. к.).

***Головина** Екатерина, дѣвица, дочь тайн. сов. и дѣйств. камергера, гр. *Николая Александровича Головина*, р. 18 Іюня 1749, во 2 часу по полуночи, въ день апостола Іуды, брата Господня, † 15 Янв. 1775 по полудни въ 10 часу, 40 м. (Л. к.).

Головина Екатерина Флегонтовна, ур. *Башмакова*, р. 14 Ноября 1816 † 9 Окт. 1841. (Л. ц.).

Головина Настасья Степановна, ур. *Лопухина*, графиня, тайн. сов. и дѣйствит. камергерша, р. 16 Окт. 1725 † 24 Февр. 1799. Жила 73 г. 4 м. 8 д. (Л. к.).

Головинъ Николай Николаевичъ, оберъ-шенкъ и кавалеръ (Л. к.) Погребенъ 2 Іюня 1821. (Описаніе А.-Н. Лав., А. Павлова, стр. 127).

****Головкина** Екатерина Львовна, графиня, ур. *Нарышкина*. Погребена 9 Ноября 1820. (Д. ц.).

Головкина Софья Александровна, граф., статсъ-дама и кавалеръ орд. Св. Екатерины меньшаго креста, ур. *Демидова*, р. 23 Мая 1766 † 19 Окт. 1831. Жила 65 л. 4 м. 22 д. (Л. к.).

Головцынъ Петръ Ивановичъ, подполковникъ и жена его *Акулина Михеевна*, прожили въ супружествѣ 40 л. 7 м. и 15 д., которыя препроводжали во всегдашнемъ согласіи, почтеніи и дружбѣ. Онъ † 6 Авг. 1776, жилъ 67 л. 11 м.; а невступно чрезъ два года она † 23 Іюня 1778, жила 61 г. 14 д. (Л. к.).

Голубцова Меланія Ивановна, жена д. т. с. *Ѳедора Александровича Голубцова*, р. 25 Дек. 1777 † 3 Ноября 1827. (Д. ц.).

Голубцовъ Иванъ Александровичъ, тайн. сов. и кавалеръ орд. Св. Анны 1 ст. и Св. Владиміра 4 ст., р. Ноября—дня 176—(такъ и на памятникѣ) † 27 Окт. 1802. (Л. к.).

Голубцовъ Яковъ Михайловичъ, ст. сов. и кавалеръ, р. 1 Окт. 1738 † 9 Іюня 1819. ‹Доброму родителю отъ признательнаго сына› (Л.к.).

Голубцовъ Ѳедоръ Александровичъ, д. т. с. и орденовъ Россійскихъ: св. Александра Невскаго, св. Анны 1 кл., св. Владиміра 2 кл. и королевскихъ Прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орловъ кавалеръ, р. 23 Дек. 1758 † 1 Марта 1829. (Д. ц.).

Голынская Любовь Ивановна, д. с. с., р. 5 Іюля 1794 † 24 Февр. 1822, въ 6 часу пополуночи, имѣя отъ рожденія 27 л. 7 м. 19 д. «Нѣжнѣйшей матери, супругѣ незабвенной отъ супруга» (Д. ц.).

Горихвостова Анна Гавриловна, вдова генералъ-лейтенанта, † 28 Окт. 1864 (Б. ц., въ усыпальницѣ Бобринскихъ).

Горчаковъ Алексѣй Ивановичъ, князь, генералъ отъ инфантеріи и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 20 Мая 1769 † 12 Ноября 1817. (Л. к.).

*****Горяйнова** Матрена Ивановна, д. с. с., р. 20 Марта 1763 † 27 Апр. 1838. (Т. к.).

Горяйновъ Александръ Алексѣевичъ, пажъ, р. 21 Окт. 1795 † 22 Февр. 1813. (Л. к.).

Любезный сынъ, отрада дней моихъ,
Едва разцвѣлъ и умираетъ;
А мать несчастная живетъ,
Слезами камень омываетъ,
Покоя на землѣ не ждетъ.

*****Граньинъ** Алексѣй Михайловичъ, д. с. с., р. 12 Февр. 1716 † 8 Февр. 1764, въ 7 часу по полуночи. Жилъ 48 л. 26 д. (Л. к.).

Григорій митрополитъ Новгородскій и СПБургскій, р. 1 Ноября 1784, постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха въ 1814, возведенъ въ санъ архимандрита 1817, посвященъ въ санъ епископа Ревельскаго, викарія Петербургской епархіи 7 Мая 1822,

назначенъ на каѳедру Калужской епархіи въ 1825, перемѣщенъ на Рязанскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ архіепископа и опредѣленъ членомъ св. Синода въ 1829, переведенъ на каѳедру Тверскую 1831, на Казанскую въ 1848, возведенъ въ санъ митрополита Казанскаго 26 Авг. 1856, назначенъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Пбургскимъ 20 Окт. того же года, † 21 Іюня 1860. (Д. ц.).

Григорій Іоанновичъ, царевичъ Грузинскій, внукъ послѣдняго Грузинскаго царя *Георгія XIII*, р. въ Тифлисѣ въ 1789 † въ СПБ-гѣ 21 Сент. 1830 и супруга его, *Варвара Ѳедоровна*, р. въ Тифлисѣ 10 Дек. 1810 † въ СПБ-гѣ 29 Ноября 1876. Отъ дѣтей. (Д. ц.).

*****Григорьева** Варвара Ивановна, ур. *Кривцова*, † 14 Ноября 1862. (Т. к.).

*****Григорьевъ** Семенъ, Петерб. купецъ, † 21 Мая 1834. Жилъ 59 л. 9 м. 20 д. Памятникъ сооруженъ женою его *Надеждою Михайловною Григорьевой*. (Т. к.).

****Гринева** Наталья Ивановна, жена генералъ-маіора. Погребена 6 Ноября 1784. (Л. к.).

Грузинскій Александръ Александровичъ, князь, отставной полковникъ, р. 3 Окт. 1763 † 19 Апр. 1823. (Л. к.).

Грумъ-Гржимайло Павелъ Моисеевичъ, д. с. с., † 9 Апр. 1874. (Т. к.).

***Грушецкій** Михаилъ Владимировичъ, сержантъ л.-гв. Семеновскаго полка, р. 5 Мая 1741, а тезоименитство 23 Мая. Жилъ 20 л. 7 м. 6 д., † 1 Янв. 1762. (Л. к.).

Грязновскій-Лапшинъ Михаилъ Яковлевичъ, Петерб. купецъ, усерднѣйшій сего храма попечитель и украситель, директоръ, р. 8 Іюля 1719 † 24 Іюля 1769. Жилъ 50 л. 16 д. Погребенъ подлѣ родителей. (Самп. к.).

*****Гудимовъ** Иванъ Моисеевъ, мундшенкъ Двора Ея Вел., р. въ Малороссіи 1 Дек. 1746, бракосочетался въ СПБ-гѣ, † 20 Янв. 1786. Жилъ 40 л. 11 м. 20 д. (?) Памятникъ ставила жена и дѣти. (Л. к.).

Гудимъ Иванъ Максимовичъ, чиновникъ 4 класса, † 24 Іюня 1831 на 70 году. (Хол. к.).

****Гудовичъ** Прасковья Кирилловна, ур. *Разумовская*, жена генералъ-фельдмаршала, графа *Ивана Васильевича Гудовича*. Погребена 6 Окт. 1808. (Ѳ. ц.).

****Гудовичъ** Михаилъ Васильевичъ, д. с. с., графъ. Погребенъ 18 Февр. 1818. (Ѳ. ц.).

Гунаропуло Прасковья Ѳеопемптьевна, ур. Попова, жена кол. ас. *Аѳанасія Юрьевича Гунаропуло*, р. 13 Апр. 1769, бракомъ сочеталась 6 Окт. 1791, † 5 Марта 1795. (Л. к.).

Гурко Татьяна Алексѣевна, генералъ-лейтенантша, ур. баронесса *Корфъ*, † 27 Февр. 1840 на 46 г. «Здѣсь на вѣки для меня поглощена и дружба, и любовь, и отрада». (Т. к.).

Гурьева Татьяна Матвѣевна, камеръ-фрау Ея Вел., р. 7 Янв. 1719 † 9 Февр. 1783. Жила 64 г. (Л. к.).

Гурьевъ Николай Григорьевичъ, д. с. с., генералъ-рекетмейстеръ, р. 21 Сент. 1723 † 2 Дек. 1770. Жилъ 47 л. (Благ. к.).

Гусева Анна Семеновна, дочь *Семена Семеновича Безпалова*, р. 13 Янв. 1789 † 14 Февр. 1863. (Л. к.).

Гусева Матрена Андреевна, жена почетнаго гражд. и 1 гильдіи купца *Григорія Петровича Гусева*, † 17 Іюня 1848 на 61 г. Жила 60 л. 3 м. 2 д. Въ супружествѣ была 39 л. 3 м. 25 д.

Останки бренные въ могилѣ сей зарыты.
Но доблести души ся въ сердцахъ сокрыты.
Супруга нѣжнаго, дѣтей
И вѣчно въ памяти друзей (Т. к.).

Гусевъ Григорій Петровичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ и почетный гражданинъ, † 30 Дек. 1859 на 72 г. (Т. к.).

Гуцци Марія Степановна, камеръ-юнгферша Двора Его Вел., р. 1752 † 4 Сент. 1817. (Л. к.).

Давидъ, наслѣдникъ Грузинскаго престола и сынъ послѣдняго Грузинскаго царя *Георгія XIII*, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ разныхъ орденовъ, р. 1 Іюня 1767 † 13 Мая 1819. (Ѳ. ц.).

Давыдовъ Владиміръ Васильевичъ, р. 9 Марта 1784 † 22 Дек. 1799. «Сей памятникъ сооруженъ неутѣшною его матерью» (Л. к.).

Печальный монументъ, слезами окропленный,
Храни предметъ любви и горести моей;
А ты, сынъ милый, незабвенный,
Жди матери своей.

****Давыдовъ** Семенъ Михайловичъ, князь, генералъ-маіоръ. Погребенъ 13 Іюня 1792. (Л. к.).

Дадіанъ Нина Фарнавазовна, княгиня, дочь Грузинскаго царевича, супруга камеръ-юнкера Рос Импер. Двора, князя Дадіана, р. 28 Сент. 1802 † 31 Авг. 1828. «Воспоминаніе о добродѣтеляхъ и о милыхъ свойствахъ сей нѣжнѣйшей матери и обожаемой супруги пребудетъ въ вѣкъ для неутѣшнаго семейства неисчерпаемымъ источникомъ слезъ, проливаемыхъ въ душевномъ прискорбіи. Здѣсь, вмѣстѣ съ прахомъ матери своей, покоится младенецъ, князь *Николай Дадіанъ*», р. 29 Сент. 1824 † 5 Окт. 1829. (Д. ц.).

Дадіанъ Софья Александровна, княжна, † 27 Февр. 1798 на 12 году. (Л. к.).

Дадіанъ Платонъ, князь корнетъ л.-гв. Уланскаго полка, внукъ *Кацо*, владѣтеля Мингреліи и *Симона*, владѣтеля Гуріи, † 18 Сент. 1838. Жилъ 20 л. 10 м. «Сынъ нѣжный, другъ вѣрный, воинъ храбрый, соединялъ доблести мужа съ кротостію юности. Прохожій, соедини слезы съ молитвою! Камень сей покрылъ счастіе и надежду всѣхъ съ нимъ соединенныхъ узами родства и дружбы». (Л. ц.).

**Данаурова Евдокія Михайловна, супруга сенатора, *Ивана Герасимова Данаурова*. Погребена 26 Іюня 1776. (Л. к.).

Даниловъ Михаилъ Ивановичъ, ст. сов., † 8 Марта 1839 на 51 г. (Т. к.).

*Дарагановъ Григорій Ефимовичъ, отставной полковникъ, р. 26 Сент. 1744 † 17 Апр. 1766. (Л. к.).

**Дарія Георгіевна, Грузинская царица супруга царя *Ираклія*, † 15 Ноября 1807 (См. Рос. Родословная Книга, ч. III, стр. 19). Погребена на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло императора Петра III. (Б. ц.).

Дарія Ростомовна, Имеретинская царевна, ур. княжна *Эристова*, † 16 Янв. 1816 на 37 г. (Л. к.).

«Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей, Варвары Васильевны *Дашковой*, р. 13 Окт. 1797 † 12 Окт. 1877» (надпись на образѣ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры).

Дашковъ Василій Дмитріевичъ, младенецъ, р. 4 Ноября 1832 † 27 Марта 1838. (Л. ц.).

Дашковъ Дмитрій Васильевичъ, д. т. с., р. 25 Дек. 1788 † 26 Ноября 1839. (Л. ц.).

Дашковъ Николай Яковлевичъ, капитанъ л.-гв. Семеновскаго полка, званый *Евграфомъ*, р. 7 Мая 1720 † 17 Авг. 1741. Жилъ 21 г. 3 м. 9 д. (Благ. к.).

Дгебуадзева Маргарита, находившаяся при Имеретинскомъ царскомъ домѣ, которая прожила 80 л., † 30 Окт. 1838. (Т. к.).

**Девіеръ Антонъ Мануиловичъ, графъ, генералъ-аншефъ. Погребенъ 27 Іюня 1745. (Л. к.).

Деденевъ Михаилъ Алексѣевичъ, д. т. с., сенаторъ и кавалеръ и супруга его *Авдотья Петровна*, которая р. 4 Мая 1735 † 9 Апр. 1793, во 2 часу по полуночи. Жила 57 л. Памятникъ (общій) ставила дочь, *Анна Михайловна Деденева* 25 Мая 1793 *) (Л. к.).

---

*) Существуетъ еще отдѣльная плита съ остатками слѣдующей надписи: *Деденевъ* Михаилъ Алексѣевичъ. д. т. с., сенаторъ, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго и св. Анны....

Деккиндлейнъ Екатерина Ивановна, прежде бывшая *Ахлебинина*, † 5 Іюня 1846 на 60 году. (П. Л. ц.).

Демидова Варвара Ивановна, дѣвица, дочь генералъ-поручика и флота генералъ-цехмейстера и кавалера орд. св. Анны *Ивана Васильевича Демидова*, р. 29 Апр. 1764 † 25 Сент. 1779. (Л. к.).

Демидова Екатерина Алексѣевна, ур. *Жеребцова*, жена тайн. сов. *Петра Григорьевича Демидова*, † 7 Авг. 1810 на 62 году. «Въ память любезнѣйшой супруги и нѣжнѣйшей матери поставленъ сей камень мужемъ и другомъ, жившимъ съ нею въ совершенномъ согласіи 46 лѣтъ» (Л. к.).

Демидова Екатерина Петровна, ур. княжна *Лопухина* жена гофмейстера, дѣйствит. камергера и кавалера *Григорія Александровича Демидова*, р. 11 Апр. 1783 † 21 Іюля 1830. Жила 47 л. 3 м. 20 д. (Л. к.).

Демидова Елена Ивановна, ур. *Козлянинова*, жена флота генералъ-лейтенанта и кавалера *Алексѣя Ивановича Демидова*, р. 7 Іюля 1762 † 7 Сент. 1800. Жила 38 л. Въ супружествѣ была 18 л. (Л. к.).

****Демидова** Настасья Яковлевна, жена *Никиты Акинфьевича Демидова*. Погребена 13 Авг. 1756. (Л. к.).

Демидова Наталья Евдокимовна, дѣвица, дочь дворянина, р. въ Тулѣ 26 Окт. 1754 † 24 Авг. 1772. Жила 17 л. 9 м. 29 д. (Л. к.).

Демидова Прасковья Матвѣевна, ур. *Олсуфьева*, д. с. с., † 22 Окт. 1813 на 84 г. (Л. к.).

Демидова Ѳекла Петровна, ур. *Морозова*, жена генералъ-цехмейстера и кавалера орд. Св. Анны *Ивана Васильевича Демидова*. р. 17 Сент. 1728 † 24 Авг. 1776 *). (Л. к,).

Демидовъ Александръ Григорьевичъ, д. с. с., р. 22 Авг. 1737 † 8 Февр. 1803. (Л. к.).

Демидовъ Григорій Александровичъ, гофмейстеръ, дѣйств. камергеръ и кавалеръ орд. Св. Анны 1 ст., р. 10 Февр. 1765 † 19 Янв. 1827 на 62 г. (Л. к.).

Демидовъ Дмитрій Ивановичъ, артиллеріи капитанъ, сынъ генералъ-цехмейстера *Ивана Васильевича Демидова*, р. 14 Іюля 1758 † 21 Мар. 1793. Жилъ 34 г. 9 м. 7 д. (Л. к.).

Демидовъ Евдокимъ Никитичъ, дворянинъ, р. 29 Іюля 1713 въ Тулѣ † 1 Февр. 1782. (Л. к.).

Демидовъ Иванъ Васильевичъ, генералъ-цехмейстеръ, генералъ-поручикъ и кавалеръ орд. Св. Анны р. 2 Янв. 1713 † 24 Дек. 1792. (Л. к.).

---

*) У Рубана, стр. 403 сказано: „поживе отъ рожденія 75 лѣтъ, преставися въ вѣчную жизнь 1776 г. Августа 21 дня“.

Демидовъ Никита Григорьевичъ, р. 26 Іюня 1798 † 28 Дек. 1813.

Печальный монументъ, слезами окропленный,
О ты, предметъ любви и горести моей,
О милый сынъ и незабвенный,
Жди матери своей.

Демидовъ Никита Никитичъ, дворянинъ, р. 1728 † 20 Дек. 1804. (Л. к.).

**Демидовъ Павелъ Николаевичъ, д. т. с. Погребенъ 23 Марта 1840. (Т. к.).

Демидовъ Петръ Григорьевичъ, тайн. сов. и кавалеръ ордена Св. Анны 1 ст., р. 6 Авг. 1740 † 12 Янв. 1826. Жилъ 85 л. 5 м. 6 д. (Л. к.).

Демидовы, дѣти тайн. сов., дѣйств. камергера *Николая Никитича*: дочь *Александра*, р. 19 Окт. 1796 † 16 Янв. 1800; сынъ *Николай*, р. 17 Іюля 1799 † 29 Іюня 1800. (Л. к.).

Дергачевъ Иванъ Михайловичъ † 18 Авг. 1881 на 81 г. (Т. к.)

Державина Екатерина Яковлевна, ур. *Бастидонъ*, жена тайн. сов., сенатора, правящаго должность Комерцъ-Коллегіи президента и кавалера *Гаврiила Романовича Державина*, р. 8 Ноября 1760 † 15 Іюля 1794 въ 5½ часовъ по полуночи, сочеталась бракомъ 18 Апр. 1778. (Л. к.).

Гдѣ добродѣтель? Гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
Увы! здѣсь дверь на небеса......
Сокрылась въ ней—да солнце встрѣтитъ!

«Поставилъ сіе надгробіе въ память любезной и добродѣтельной супруги огорченный и благодарный мужъ.

Дивова ...... Ивановна, дочь д. т. с. и кавалера *Ивана Ивановича Дивова*, р. 1755 Ію.... дня † 1785 ..... дня. (Л. к.).

**Дивова Наталья Богдановна, тайн. сов. Погребена 11 Мая 1756. (Л. к.).

*Дивовъ Иванъ Ивановичъ, д. т. с. и кавалеръ, р. 24 Ноября 1706, въ службу вступилъ 20 Іюля 1722 и продолжалъ оную безпорочно 46 лѣтъ, † 10 Окт. 1773. Жилъ 66 л. 10 м. 16 д. (Л. к.).

Дингельштетъ Өедоръ Андреевичъ, маіоръ, р. 3 Янв. 1788 † 20 Сент. 1850. (Л. к.).

Діонисій, лаврскій іеродьяконъ. † 8 Апр. 1861. (Т. к.).

Дмитріева Прасковья, вдовица, † 7 Окт. 1778. Жила 82 г. (Л. к.).

Дмитріева-Мамонова Марія Александровна, ур. *Лачинова*, р. 13 Дек. 1768 † 16 Ноября 1794. (Л. к.).

Дмитрій, сынъ Грузинскаго царевича *Іулона Ираклієвича*, р. 11 Апр. 1803 † 14 Янв. 1845. (Ѳ. ц.).

Дмитрій, Грузинскій принцъ (см. царевичъ Симеонъ Леоновичъ).

*Дмитрій. Грузинскій принцъ, р. 9 Іюля 1727 † 19 Марта 1745. Жилъ 17 л. 7 м. 11 д. (Л. ц.).

Долгорукова Варвара Сергѣевна, княжна, р. 21 Ноября 1844 † 21 Мая 1865 въ Пятницу. (П. Д. ц.).

Долгорукова Екатерина Александровна, княжна, р. 8 Марта 1814 † 25 Февр. 1829. (Л. ц.).

Долгорукова Елисавета Ѳедоровна, княгиня ур. *Дубянская*, р. 4 Сент. 1747 † 19 Ноября 1779. (Л. к.).

Не титломъ княжескимъ, сколь добрыми дѣлами
Сіяла въ жизни сей княгиня передъ нами,
И да сіяетъ днесь въ святыхъ душа ея.
О Боже, удостой награды Ты сея.—Соч. *Ив. Слатвинской.*

Долгорукова Марія Дмитріевна, княгиня, ур. княжна *Салтыкова*, дочь кн. *Дмитрія Николаевича*, р. 22 Іюля 1795 † 27 Декабря 1823. (Л. к.).

Подъ хладнымъ камнемъ симъ лежитъ священный прахъ
Супруги, дочери и матери примѣрной.
Какъ лучъ она, блеснувъ, въ сей жизни скоротечной,
Подобно ангеламъ сокрылась въ небесахъ *).

Долгорукова Настасья Алексѣевна, княгиня, ур. гр. *Шереметева*, р. 19 Апр. 1784 † 1 Апр. 1823 въ часъ по полудни. Жила 39 л. 18 д. (Л. ц.).

Долгорукова Серафима Сергѣевна, княжна, р. 21 Сент. 1859 † 20 Сент. 1868 г., въ Пятницу. (П. Д. ц.).

***Долгорукова Софья Васильевна, княжна, младенецъ, р. 4 Іюля † 5 Іюля 1798. (Л. к.).

Долгоруковъ Александръ Васильевичъ, князь, р. 31 Окт. 1794 † 24 Марта 1795. (Л. к.).

Долгоруковъ Алексѣй Алексѣевичъ, князь, членъ Государ. Совѣта, сенаторъ и кавалеръ, р. 14 Мая 1775 † 11 Авг. 1834. (Д. ц.).

Долгоруковъ Василій Андреевичъ, князь, генер.-адъютантъ, оберъ-камергеръ, † 6 Янв. 1868. (Л. к.).

*Долгоруковъ Василій Владимировичъ, князь. Погребенъ 1 Марта 1746. (Б. ц.).

*Долгоруковъ Григорій Ѳедоровичъ, князь, Е. И. В. Петра I, Самодержца Всероссійскаго д. т. с. и кавалеръ орденовъ: Св. Андрея и Бѣлаго Орла, р. 7 Окт. 1657 † 15 Авг. 1723. (Л. к.).

---

*) См. о ней въ Воспоминаніяхъ Бутенева, Р. Архивъ 1881 г.

Долгоруковъ Дмитрій, младенецъ, князь, р. 26 Февр. 1841 † 10 Мая 1842. (Л. ц.).

Долгоруковъ Иванъ Николаевичъ, князь, бригадиръ, р. 4 Іюля 1755 † 12 Янв. 1791. Памятникъ ставили мать и братъ. (Л. к.).

Долгоруковъ Михаилъ Васильевичъ, князь, тайн. сов., дѣйств. камергеръ, сенаторъ, † 20 Авг. 1791. Жилъ 45 л. (Л. к.).

Долгоруковъ Михаилъ Петровичъ, князь, генералъ-адъютантъ и генералъ-лейтенантъ, р. 19 Ноября 1780, убитъ въ сраженіи подъ Индесальми, противъ Шведскихъ войскъ 15 Окт. 1808. (Б. ц.).

Долгоруковъ Петръ Петровичъ, князь, генералъ-адъютантъ, р. 19 Дек. 1777 † 8 Дек. 1806. Тезоименитство его было 21 Декабря. (Б. ц.).

*__Долгоруковъ__ Сергѣй Петровичъ, князь, д. с. с. и орд. Св. Анны кавалеръ, род. 2 Ноября 1696 † 5 Мая 1761. Жилъ 64 г. 6 м. 3 д. (Л. к.).

**__Дондуковъ__ Іона Θедоровичъ, князь, бригадиръ. Погребенъ 30 Ноября 1781. (Л. к.).

Донецъ-Захаржевская Елисавета, болярыня, † 12 Дек. 1848. (Д. ц.).

Донцова Анна Егоровна † 14 Мая 1863. (Т. к.).

Доровей, монахъ, вступилъ въ монашество 29 Авг. 1819 † 30 Марта 1820 на 32 г. (Л. к.).

Друцкой Адріанъ Семеновичъ, р. 16 Авг. 1740, вступилъ въ службу при конюшенномъ дворѣ въ архитекторскую науку въ 1750 и, происходя разными чинами, наконецъ экипажмейстеромъ въ рангѣ секундъ-маіора скончался 15 Февр. 1782, въ 8 часу по полуночи. (Л. к.).

Дубянская Александра Θедоровна, ур. *Ладыгина*, супруга *Θедора Θедоровича Дубянскаго*, † 16 Янв. 1806 на 66 г. (Л. к.).

Дубянская Вѣра Яковлевна, дѣвица, † 8 Марта 1841. (Л. к.).

*__Дубянская__ Марія Константиновна, ур. *Шаргородская*, жена протоіерея *Θедора Дубянскаго*, р. 14 Дек. 1714 † 16 Ноября 1769. (Л. ц.).

Дубянская Наталья Θедоровна, бригадирша, р. 10 Іюня 1740 † 25 Февр. 1818. (Л. к.).

Дубянскій Александръ Михайловичъ, д. с. с., р. 8 Марта 1777 † 23 Мая 1843. «Любезному дядѣ моему». (Л. к.).

**__Дубянскій__ Дмитрій Θедоровичъ, гвардіи сержантъ. Погребенъ 11 Мая 1781. (Л. к.).

Дубянскій Дмитрій Михайловичъ, кол. сов. и кавалеръ орд. св. Анны 2 ст. и св. Іоанна Іерусалимскаго, членъ коммисіи составленія законовъ, директоръ придворной капеллы. † 12 Дек. 1825 на 57 г. (Л. к.)

***Дубянскій** Захарій Өедоровичъ, сынъ протоіерея *Өедора Дубянскаго* и жены его *Маріи Константиновны*, л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ, р. 5 Февр. 1743, † 10 Авг. 1765. (Л. к.).

Дубянскій Михаилъ Өедоровичъ, унтеръ-егермейстеръ двора Его Вел., отъ арміи бригадиръ, † 9 Авг. 1776 на 43 г., въ 10 час. пополудни (Л. к.).

Дубянскій Петръ Яковлевичъ, кол. сов., р. 23 Авг. 1774, † 15 Мая 1822. «Любезному брату нашему» (Л. к.).

Дубянскій Яковъ Өедоровичъ, маіоръ, † 22 Янв. 1807. Жилъ 62 г. (Л. к.).

Дубянскій Өедоръ Михайловичъ, бригадиръ, правленія Государ. Заемнаго Банка совѣтникъ и кавалеръ орд. св. Владиміра 3 ст., р. 5 Февр. 1760, † 4 Авг. 1796. Жилъ 35 л. 6 м. (Л. к.).

Въ тебѣ, мой другъ неоцѣненной.
Отца и брата я имѣлъ
И дружбою твоей священной
Все счастье жизни я обрѣлъ.—*Александръ Дубянскій.*

***Дубянскій** Өедоръ Өедоровичъ, л.-гв. Коннаго полка ротмистръ, † 13 Янв. 1774, въ 7 часу пополудни. Жилъ 34 г. (Л. к.).

Дуки Елисавета Никаноровна, баронесса, р. 12 Февр. 1776, † 10 Окт. 1841 (Л. ц.). Супруга генерала отъ кавалеріи *Ильи Михайловича Дуки* (Описаніе А. Н. лавры, А. Павлова, стр. 88.).

Дурново Александра Дмитріевна, р. 24 Дек. 1793, † 12 Сент. 1795. (Л. к.).

Дурново Александра Петровна, ур. княжна *Волконская*, жена *Павла Дмитріевича Дурново*, р. 7 Іюня 1804, † 1 Іюня 1859 (Д. ц.).

Дурново Марія Никитична, ур. *Демидова*, д. т. с. и кавалерственная дама, р. 2 Іюня 1776, † 25 Мая 1847 (Д. ц.).

Дурново Дмитрій Николаевичъ, оберъ-гофмаршалъ двора Его Вел., р. 14 Февр. 1769, † 11 Дек. 1834 (Д. ц.).

Дурново Никита Дмитріевичъ, р. 28 Іюня 1795, † 25 Іюня 1811. Жилъ 15 л. 11 м. 27 д. (Л. к.).

Дурново Николай Павловичъ, младенецъ, сынъ *Павла Дмитріевича* и *Александры Петровны Дурново*, р. 26 Окт. 1833, † 12 Марта 1835. (Д. ц.).

Дурново Павелъ Дмитріевичъ, р. 6 Марта 1804, † 12 Марта 1864 (Д. ц.).

Дурново Сергѣй Дмитріевичъ, р. 13 Дек. 1796, † 26 Ноября 1812 Жилъ 15 л. 11 м. 13 д. (Л. к.).

****Дурова** Маргарита Александровна, инокиня. Погребена 10 Ноября 1792 (Л. к.).

Духовницкая Анна Александровна, ур. *Шувалова*, р. 27 Янв. 1764, † 31 Окт. 1801 (Л. к.).

Духовницкій Петръ Прокофьевичъ, р. 16 Дек. 1800 † 29 Дек. 1801 (Л. к.).

Дьяконовъ Алексѣй Степановичъ, бригадиръ, † 11 Окт. 1789, проживъ 55 л. (Л. к.). «Оный мужествомъ по службѣ въ арміи и въ дѣлахъ гражданскихъ своимъ благоразуміемъ и трудомъ отличившійся, пріобрѣлъ себѣ многихъ друзей и почитателей. Былъ непристрастный подражатель правды, щедръ, человѣколюбивъ и утѣсненнымъ съ отличною ревностію помощникъ по самую кончину. Сему великодушному мужу да будетъ вѣчная память».

Евгеній Булгаръ, архіепископъ Словенскій и Херсонскій, † 27 Мая 1806, поживе 90 л. (Ѳ. ц.).

Евграфъ, соборный іеромонахъ А. Н. лавры, бывшій благочинный болѣе 25 лѣтъ, духовникъ двухъ іерарховъ: Серафима и Антонія, † 7 Іюля 1853 на 76 г. (Т. к.).

****Евдокія** Борисовна, герцогиня Курляндская, ур. княжна *Юсупова*. Погребена 14 Іюля 1780 (П. Б. ц.).

***Евтифѣевъ** Парфеній, Петерб. купецъ, погребенъ 11 Окт. 1765. Жилъ 87 л. 8 м. (Л. к.).

****Евѳимій**, іеромонахъ и благочинный А. Н. лавры. Погребенъ 26 Іюля 1809 (Л. к.).

Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургская, дщерь государя царя Іоанна Алексѣевича, р. 29 Окт. 1691, † 14 Іюня 1733 (Б. ц.).

*****Елагинъ** Леонтій Васильевичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 16 Іюня 1734, † 7 Февр. 1800 на 66 г. (Л. ц.).

Елаго-Цѣхановъ Николай Яковлевичъ, р. 6 Ноября 1835, † 4 Дек. 1876 и сынъ его *Михаилъ*, воспитанникъ 2 военной гимназіи, р. 29 Дек. 1863, † 15 Февр. 1877 (П. Ѳ. ц.).

Елена Отаровна, Грузинская царевна, ур. княжна *Сардаря Амилахвара*, р. 8 Сент. 1767, † 10 Марта 1866 (Ѳ. ц.).

Елена Семеновна, Грузинская царевна, супруга Грузинскаго царевича *Давида Георгіевича*, ур. княжна *Абамелекъ*, р. 21 Мая 1770, † 20 Марта 1836. «Посвящается сей памятникъ родными братьями ея, кн. Абамелекъ, въ изъявленіе сердечной любви, признательности и преданности къ христіанскимъ ея добродѣтелямъ». 1836 г. (Ѳ. ц.).

Елена, свѣтлѣйшая княжна, дочь царевича *Фарнаваза Ираклієвича*, † на 69 г. въ Царскомъ Селѣ 7 Іюля 1867 (Ѳ. ц.).

Елисавета Александровна, в. к., дщерь государя императора *Александра I*, р. 3 Ноября 1806, † 30 Апр. 1808 (Б. ц., въ алтарѣ).

Елисавета, царевна, дочь Грузинскаго царевича *Фарнаваза Иракліевича*, † на 18 г въ СПБ-гѣ 21 Дек. 1818 (Ѳ. ц.).

Еллинская Мавра Ивановна, жена кол. сов., † 12 Ноября 1817. (Л. к.).

****Елмановъ** Андрей Васильевичъ, вице-адмиралъ. Погребенъ 23 Іюня 1778 (Л. к.).

Елпидифоръ, архіепископъ Таврическій и Симферопольскій, † 31 Мая 1860 на 57 г. (Ѳ. ц.).

Енгалычева Александра Парфеньевна, княжна, † 14 Марта 1871. (Ѳ. ц.).

Енгалычева Анна Парфеньевна, княжна, † 14 Дек. 1873. (Ѳ. ц.).

Енгалычева Марія Ивановна, княгиня, ур. *Неплюева*, † 17 Марта 1871 (Ѳ. ц.).

Енгалычева Софія Парфеньевна, княжна, † 13 Іюля 1880. (Ѳ. ц.).

Епанчинъ Иванъ Петровичъ, адмиралъ, р. 8 Сент. 1788, † 4 Авг. 1875 (Н. к.).

Епанчинъ Николай Петровичъ, адмиралъ, р. 23 Апр. 1787, † 26 Ноября 1872. (Н. к.).

****Епифаній**, іеромонахъ А. Н. лавры и ректоръ. Погребенъ 4 Ноября 1788 (Л. к.).

***Епифановъ** Василій Петровичъ, р. 24 Дек. 1765, † 1 Сент. 1776. Жилъ 10 л. 8 м. 11 д. Обучался въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ свободнымъ наукамъ, въ коихъ изъявляя успѣхи, превышающіе лѣта его, сердца родителей напоялъ надежною радостію. (Л. к.).

****Ергольскій** Григорій, д. с. с. Погребенъ 14 Мая 1750. (Л. к.)

Еремѣева Марія, дѣвица, † 3 Окт. 1844 (Т. к.).

Еремѣевъ Николай Андреевичъ, чиновникъ 5 класса, † 28 Іюня 1831 на 53 г. (Хол. к.).

****Ермогенъ**, іеромонахъ Воронежской епархіи. Погребенъ 20 Февр. 1809 (Л. к.).

Ермолаевъ Александръ Степановичъ, подпоручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, † 19 Апр. 1792 на 32 г. (Л. к.).

Еропкина Анна Васильевна, ур. *Олсуфьева*, жена д. с. с. *Алексья Михайловича Еропкина*, † 24 Февр. 1782. Жила 58 л. 4 м. 16 д. (Л. к.).

Еропкина Прасковья Алексѣевна, дѣвица, р. 28 Іюня 1760 † 15 Іюня 1817. (Л. к.).

Еропкина Софья Алексѣевна, дѣвица, дочь д. с. с., р. 25 Апр. 1754 † 10 Апр. 1828. (Л. к.).

Еропкинъ Алексѣй Михайловичъ, д. с. с., р. 12 Февр. 1716 † 8 Февр. 1764 въ 7 часу пополуночи. Жилъ 48 л. 11 м. 26 д. (Л. к.).

Еропкинъ Петръ Михайловичъ, † 27 Іюня 1740. (Сампс. к.).

Ерофеевъ Никифоръ Павловичъ, Петерб. купецъ и фабрикантъ стеклянной фабрики, † 4 Сент. 1786 на 54 г. (Л. к.).

Ефимовская Екатерина, графиня, дѣвица, р. въ Мартѣ 1754, пожалована во фрейлины къ Ея Вел. въ Янв. 1765, † 12 Янв. 1780. Жила 25 л., 9 м., 16 д. (Л. к.).

Ефимовская Марья Павловна, графиня, дочь графа *Павла Ивановича Ягужинскаго*, р. 29 Авг. 1732 † 12 Ноября 1755. (Л. ц.).

***Ефимовскій** Иванъ Михайловичъ, графъ, служилъ л. гв. Семеновскаго полка маіоромъ и въ армейскихъ полкахъ генералъ-маіоръ, кавалеръ орд. св. Александра, р. 20 Авг. 1717 † 20 Апр. 1738. Жилъ 32 г. Погребенъ 23 Апр. 1738. (Л. к.). *).

****Жадимеровская** Анисья Евстигнѣевна, ком. сов. Погребена 5 Апр. 1828. (Т. к.).

*****Жадимеровская** Анна Дмитріевна, жена Петерб. купца *Ивана Алексѣевича Жадимеровскаго*, дочь Дорогобужскаго купца *Дмитрія Степановича Рыбникова*, † 20 Окт. 1819. Жила 22 г. (Л. к.).

Твердъ камень сей, но временемъ сотрется;
Къ тебѣ жъ любовь моя и въ вѣчность пренесется.
Въ печали, горести кропимъ твой прахъ слезой;
Утѣшусь лишь тогда, какъ буду и съ тобой.

Жадимеровская Марья Ивановна, ур. *Маркелова*, р. 2 Іюля 1795 † 16 Авг. 1845. (Т. к.).

Жадимеровскій Алексѣй Петровичъ, Петерб. первостатейный купецъ, надвор. сов. и кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., р. 7 Марта 1758 † 8 Іюля 1823. Жилъ 65 л., 4 м., 1 д. (Л. к.).

Жадимеровскій Егоръ Алексѣевичъ, почетный гражд. и кавалеръ, р. 3 Янв. 1784 † 22 Мая 1836. (Т. к.).

Жадимеровскій Иванъ Алексѣевичъ, р. 1785 † 1863. (Т. к.).

Жадимеровскій Петръ Алексѣевичъ, р. 18 Іюня 1791 † 9 Февр. 1870. (Т. к.).

Жандръ Андрей Андреевичъ, д. т. с., сенаторъ, р. 9 Февр. 1789 † 19 Янв. 1873. (Л. к.).

Жандръ Павелъ Андреевичъ, д. с. с., р. 7 Марта 1794 † 16 Авг. 1879 (Л. к.).

---

*) Очевидно что невѣрно списано Рубановъ.

Жаркова Степанида † 25 Сент. 1817, на 40 г.
Жарковъ Петръ, кол. рег., † 1 Іюня 1834, жилъ 66 л. } Нѣжнымъ и добрымъ отцу и матери благодарныя дѣти (Л. к.).

Жарковъ Алексѣй Тимоѳеевичъ † 4 Февр. 1821 на 43 г. Памятникъ ставилъ братъ. (Л. к.).

Жданова Евдокія Ильинична, почет. гражд., р. 10 Февр. 1791 † 18 Іюля 1873. (Т. к.).

***Ждановъ Яковъ Ивановичъ, почетн. гражд., Кашинскій 1 гильдіи купеческій братъ, р. 1 Окт. 1777 † 14 Ноября 1844. (Т. к.).

Желтухина Екатерина Дмитріевна, ур. княжна *Тенишева*, † 12 Февр. 1817 на 27 г. Памятникъ сооруженъ супругомъ ея, генералъ-маіоромъ. Въ одной могилѣ съ нею похоронена дѣвица *Настасья*, которой Желтухина до конца ея дней была второю матерью и наставницею. (Л. к.).

Желѣзнякова Татьяна Васильевна, вдова, р. 27 Дек. 1732 † 14 Дек. 1810. (Л. к.).

**Желѣзнова Александра Алексѣевна, надв. сов. Погребена 18 Іюля 1776. (Л. к.).

**Жемчужниковъ Иванъ Ѳедоровичъ, профессоръ Петерб. духовн. семинаріи. Погребенъ 11 Дек. 1835. (Т. к.).

Жербина Александра Петровна, ур. *Сыренкова*, жена коммерціи сов. и кавалера *Ивана Ѳедоровича Жербина*, р. 1 Ноября 1789 † 6 Іюня 1834, въ 7 час. пополудни. (Л. к.).

Жеребцова Анна Алексѣевна, ур. *Еропкина*, тайн. сов., р. 11 Янв. 1758 † 7 Іюня 1825. (Л. к.).

Жеребцовъ Алексѣй Алексѣевичъ, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ, р. 17 Марта 1758 † 11 Дек. 1819. (Л. к.).

Жеребцовъ Алексѣй Григорьевичъ, д. т. с. и кавалеръ орд. св. Александра Невскаго и св. Анны, р. въ Февр. 171....., въ службу вступилъ....., † 1777. Жилъ 65 л. (Л. к.).

Жилинъ Григорій Андреевичъ, д. с. с., † 7 Апр. 1855 на 76 г. (Т. к.).

Жилинъ Лукьянъ Евдокимовичъ, р. 8 Окт. 1737. Сначала вступилъ въ службу въ 1755 въ л. гв. Семеновскій полкъ солдатомъ, въ 1759 въ лейбъ-компанію гренадеромъ въ рангѣ армейскаго поручика въ 1761 тѣмъ же чиномъ выпущенъ въ армейскіе полки, въ 1762 по именному указу взятъ въ кавалергарды, въ 1765 по именному указу пожалованъ въ преміеръ-маіоры и въ капралы оковалеръдовъ (sic). Отставленъ генералъ-маіоромъ, † 17 Марта 1789. (Л. к.).

*** **Жиновъ** Алексѣй Григорьевичъ, д. т. с., дѣйств. камергеръ, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго и св. Анны, р. 5 Февр. 1712, въ службу вступилъ 1720 и продолжалъ оную по 1761, † 7 Іюля 1777. Жилъ 65 л. 8 м. (Л. к.).

Жукова Анна Васильевна, ур. Энгельгардтъ, д. т. с., р. 18 Дек. 1740 † 11 Февр. 1820. (Л. к.).

Жукова Анна Петровна, дѣвица, дочь полковника *Петра Алексѣевича Жукова*, † 24 Сент. 1789. Жила 53 г. (Л. к.).

Жуковъ Михаилъ Михайловичъ, д. т. с., и кавалеръ, истинный христіанинъ, усердный слуга отечеству, вѣрный супругъ, нѣжный отецъ, другъ человѣчества. Поставила сей памятникъ супруга его *Анна Васильевна*, ур. *Энгельгардтъ* 23 Февр. 1813. Государю и отечеству служилъ въ военной и статской службѣ 52 г., жилъ 74 г., 4 м., 15 д. Усердіемъ и братскою любовью памятникъ возобновленъ тайн. сов. и кавалеромъ *Василіемъ Васильевичемъ Энгельгардтомъ* 74 Іюля 1822. (Л. к.). Погребенъ 26 Февраля 1803. (Описаніе А. Н. лавры, А. Павлова, стр. 116.).

Жуковъ Петръ Өедоровичъ, кол. сов., предс. Петерб. губернскаго магистрата, р. 6 Авг. 1736 † 14 Мая 1782. Жилъ 45 л. 9м. 8 д. (Л. к.).

«Въ память вѣчную знаменитаго пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ, Василія Андреевича *Жуковскаго*, р. въ Бѣлевѣ 28 Янв. 1781 † въ Баденѣ 12 Апр. 1852. Воздвигнутъ стараніями и приношеніями почитателей безсмертныхъ трудовъ его и дарованій». (Т. к.) *).

Жуковскій Николай Дмитріевичъ, ст.сов.,† 4 Апр. 1877 на 79 г. (Н.к.).

Журавлевъ Николай Михайловичъ, р. 8 Дек. 1810 † 21 Янв. 1872. (Ө. ц.).

Завадовская Елена Михайловна, графиня, ур. *Влодекъ*, † 22 Марта 1874. (Ө. ц.).

Завадовская Пелагея, младенецъ, утѣшавшая родителей 7 м., 3 д., † 7 Сент. 1788. (Л. ц.).

Завадовскій Василій Петровичъ, графъ, р. 15 Іюля 1798 † 10 Окт. 1855. (Ө. ц.).

Завадовскій Иванъ Яковлевичъ, графъ, д. с. с., камергеръ, р. 7 Мая 1785 † 6 Марта 1833. (Д. ц.).

Завадовскій Петръ, графъ, † въ Неаполѣ 20 Дек. 1842. Жилъ 14 л. (Ө. ц.).

«Д. О. М. графъ Петръ Васильевичъ *Завадовскій*, другъ человѣчества, р. 1739, предводительствовалъ разными дѣлами, пріобрѣлъ колѣну своему графское достоинство, † 10 Янв. 1812». Памятникъ воздвигнутъ женою его, гр. *В. Н. Завадовскою, ур. гр. Апраксиной.* Возобновила дочь, *Татьяна Каблукова*, въ 1866 г. (Л. к.).

Завелейскій Петръ Даміановичъ, д. с. с., членъ Совѣта Министерства Финансовъ, р. 12 Янв. 1800 † 24 Марта 1843. (Т. к.).

---

*) Рожденіе показано не вѣрно: Жуковскій род. 29 Янв. 1783.

****Завьяловъ Өедоръ Өедоровичъ, гвардіи маіоръ. Погребенъ 9 Ноября 1829. (Т. к.).**

******Загибенина** Агаөья Матвѣевна, жена Петерб. купца, † въ Янв. 1793 на 62 г. (Л. к.).

Загибенина Евдокія Матвѣевна, † 5 Янв. 1828 на 71 г. (Л. к.).

*** **Загибенинъ** Алексѣй Астафьевичъ, сынъ Петерб. купца *Астафія Матвѣевича Загибенина*, † 22 Окт. 1781. Жилъ 12 л. 8 м. 10 д. (Л. к.).

Загибенинъ Петръ Стахіевичъ † 8 Апр. 1864 на 70 г. (Л. к.).

*****Загибенинъ** Стахій Матвѣевичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, † 28 Апр. 1804, въ 11 час. ночи. Жилъ 75 л. (Л. к.).

Загряжская Екатерина Ивановна, дѣвица, фрейлина Ея Вел., р. 14 Марта 1779 † 18 Авг. 1842 (Т. к.).

Загряжская Наталья Кирилловна, ур. графиня *Разумовская*, р. 5 Сент. 1747 † 19 Марта 1837. (Д. ц.).

****Задонская** Анна Воиновна, дѣвица, дочь генералъ-лейтенанта. Погребена 12 Мая 1838. (Л. к.).

Задонская Марія Сергѣевна, ур. *Барщова*, жена генералъ-лейтенанта *Воина Дмитріевича Задонскаго*, р. 25 Іюня 1791 † 27 Іюля 1825. (Л. к.).

Зайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ Анна Петровна, графиня, жена генералъ-поручика и кавалера, ур. княжна *Долгорукова*, † 28 Іюля 1789. Жила 49 л. 10 м. 16 д. (Л. к.).

*****Зайцева** Аксинья Ивановна, жена Петерб. купца *Петра Аванасьевича Зайцева*, † 1801. (Л. к.).

Зайцева Наталья Григорьевна, д. с. с., ур. *Гейкина*, † 10 Мая 1814 на 43 г., «оставя супруга, нѣжно ее любящаго и благодарнаго, оплакивающаго въ горести кончину ея» (Л. к.).

Зайцевъ Павелъ Петровичъ, потомств. почетн. граж.. р. 9 Іюля 1829 † 25 Іюля 1857. (Ѳ. ц.).

****Закревская** Марія Ивановна, д. т. с. Погребена 8 Февр. 1787. (Л. к.).

Закурина Пелагея Ивановна, Петерб. купчиха, † 8 Апр. 1827 на 66 г. (Л. к.).

*****Закуринъ** Василій Михайловичъ, Петерб. купецъ, р. 26 Апр. 1760 † 4 Янв. 1813. (Л. к.).

*****Закуринъ** Өедоръ Васильевичъ, Петерб. купецъ, † 30 Дек. 1828 на 36 г. (Л. к.).

***Замятнинъ** Василій Якимовичъ, управитель дома графа Петра Борисовича Шереметева. † 28 Мая 1773. Жилъ 75 л. 3 м. 28 д. (Л. к.)

*****Замяткина** Авдотья Ефимовна, жена купца, † 15 Марта 1838. (Т. к.).

*****Замяткинъ** Василій Ивановичъ, Петерб. купецъ, р. 24 Декабря 1799 † 17 Октября 1836. (Т. к.).

*****Замяткинъ** Иванъ Онисимовичъ, Петерб. купецъ, † 5 Ноября 1832. (Т. к.).

***Затрапезновъ** Алексѣй Ивановичъ, ст. с., р. 10 Марта 1732 † 1 Октября 1773. Жилъ 41 г. 6 м. 22 д. (Л. к.).

Захаржевская Елена Александровна, ур. графиня *Самойлова*, † 23 Августа 1843. (Л. к.).

Захаржевскій Григорій Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 12 Октября 1792 † 30 Октября 1845. (П. Л. ц.).

Звягцова Екатерина Алексѣевна, ур. *Скрипицына*, вдова д. с. с. герольдмейстера, р. 1 Января 1786 † 11 Мая 1851. (Л. к.).

Звѣркова Федосья Спиридоновна, жена ком. сов. и кавалера, р. 30 Мая 1783 † 20 Сентября 1850. (Т. к.).

Звѣрковъ Иванъ Матвѣевичъ, ком. сов. и кавалеръ, † 19 Іюля 1838. (Т. к.).

Зиминъ Гавріилъ Степановичъ, тит. сов., р. 6 Іюля 1748 † въ Мартѣ 1806. Жилъ 57 л. 7 м. 23 д., и жена его *Лукерья Гавриловна* † 5 Декабря 1816. Жила 48 л. (Л. к.).

Зиминъ Петръ Ивановичъ, придворный священникъ, р. въ 1711 служилъ при церкви Симеона Богопріимца священникомъ и дьякономъ 14 л., а при дворѣ 20 л. † 10 Августа 1768. Жилъ 57 лѣтъ. (Л. к).

Зиновьева Варвара Михайловна, ур. *Дубянская*, фрейлина Ея Вел. р. 25 Октября 1763 † 17 Іюня 1803. Въ замужествѣ была 13 л. 4 м. Оставила по себѣ память благочестивой и добродѣтельной женщины. (Л. к.).

Зиновьевъ Иванъ Васильевичъ, надв. сов. и кавалеръ орд. св. Владиміра 4 ст. Любезнѣйшему сыну. Погребенъ 19 Апрѣля 1816, какъ показано въ описаніи А. Н. лавры, А. Павлова, стр. 124. (Л. к.).

Зоммеръ Варвара Сергѣевна, ур. *Шкурина*, жена полковника *Григорія Ивановича Зоммеръ*, р. 15 Сентября 1785 † 15 Октября 1817. Жила 32 г. 1 м. (Л. к.).

Зотова Варвара Ивановна, ст. с., р. 4 Декабря 1763 † 6 Ноября 1813. Памятникъ соорудили дѣти. (Л. к.).

Зотова Екатерина Степановна, ур. *Лопухина*, полковница, † 9 Декабря 1780, въ 3 часа пополудни. Жила 45 л. (Л. к.).

*****Зотова** Марья Павловна, полковница. Погребена 24 Іюля 1833. (Л. к.).

Зотова Софья Александровна, ур. *Михайлова*, р. 7 Марта 1795 † 14 Апрѣля 1827. (Л. к.).

****Зотова** Софья Александровна, дѣвица, дочь чиновника 8 класса. Погребена 3 Марта 1839. (Л. к.).

****Зотовъ** Ѳеимъ Лукьяновичъ, бригадиръ. Погребенъ 29 Декабря 1746. (Л. к.).

Зотовъ Захаръ Константиновичъ, ст. с., † 5 Октября 180 . Жилъ 47 л. Погребенъ 25 Октября 1802, какъ показано въ описаніи А. Н. лавры, А. Павлова, стр. 115. (Л. к.).

Зуевъ Харитонъ Лукичъ, д. с. с. и кавалеръ ордена Св. Владиміра большаго креста, † 28 Января 1806. (Л. к.).

Зыбина Прасковья Андреевна, д. с. с., ур. *Ѳабурова*, р. 22 Сентября 1729 † 4 Апрѣля 1802. (Л. к.).

Иванова Пелагея Михайловна, ур. *Алеева*, жена надв. сов. и секретаря Сената *Ѳтепана Петровича Иванова*, † 8 Октября 1783. Жила 38 л. 5 м. Въ супружествѣ жила 22 г. 5 м. (Л. к.).

Иванова Ѳедосья Андреевна, ур. *Дунайская*, вдова подпоручика, † 19 Октября 1829 на 72 г. (Т. к.).

Иванова Ѳедосья Николаевна, тит. сов., † 31 Марта 1837 на 49 г. (Т. к.). «На смертномъ одрѣ, окруженная неутѣшными дѣтьми, сестрою и друзьями, она просила ихъ молиться о спасеніи души ея. Исполняя святое завѣщаніе драгоцѣнной матери, дѣти ея просятъ и благочестивыхъ посѣтителей мѣста сего помянуть усопшую въ молитвахъ своихъ».

****Ивановъ** Василій Осиповичъ, подполковникъ. Погребенъ 30 Іюля 1774 (Л. к.).

****Ивановъ** Петръ Корниловичъ, генералъ-майоръ. Погребенъ 25 Мая 1793. (Л. к.).

*****Ивановъ** Прохоръ Ивановичъ, дьяконъ, † 9 Іюля 1853 и жена его *Анна Ивановна*, † 12 Января 1854. (Т. к.).

Ивановъ Степанъ Григорьевичъ, поручикъ, р. 19 Марта 1746 † 8 Іюля 1831. (Д. ц.).

Ивановъ Ѳеоктистъ Ивановичъ, частный приставъ Каретной части, р. 31 Декабря 1780 † 16 Сентября 1830 (Т. к.).

Игнатій, архіепископъ Воронежскій и Задонскій, бывшій первосвятитель Олонецкой епархіи, † 20 Января 1850 на 60 г. въ 22-е лѣто архипастырскаго служенія своего церкви Божіей. (Ѳ. ц.).

*****Игнатій**, лаврскій іеродіаконъ, † 19 Февраля 1856. (Л. к.).

Игнатьева Аграфена, камеръ-юнгфера половины в. к. Михаила Павловича, р. 16 Іюня 1769 † 8 Іюля 1804. Памятникъ сооруженъ 14 Ноября 1804. (Л. к.).

Игнатьева Прасковья, камеръ-юнгфера Ея Вел., р. 23 Октября 1776 † 15 Января 1804. (Л. к.).

Измайлова Александра, ур. княжна *Юсупова*, р. 20 Апрѣля 1744 † 25 Марта 1791. Жила 47 л. (Л. к.).

***Измайлова** Анастасія Михайловна, ур. *Нарышкина*. Погребена 8 Мая 1761. (Б. ц.).

****Измайлова** Анна, дѣвица, дочь д. т. с. Погребена 12 Авг. 1783. (Л. к.).

***Измайловъ** Борисъ, сынъ л.-гв. коннаго полка секундъ-маіора и кавалера *Ивана Михайловича Измайлова*, тогожъ полка гефрейтъ-капралъ, р. 12 Ноября 1774 † 16 Авг. 1776. Жилъ 1 г., 8 м., 23 д. (Л. к.).

Измайловъ Иванъ Михайловичъ, д. т. с., р. 30 Янв. 1724 † 10 Ноября 1787. Жилъ 63 г. (Л. к.).

*****Израиль**, іеромонахъ Отенскаго монастыря, бывшій во флотѣ, † въ Ноябрѣ 1828. (Т. к.).

*****Икорникова** Ѳедосья Семеновна, жена купца, дочь купца *Галактіонова*, р. въ Маѣ 1777 † 27 Авг. 1802, въ Среду, въ 12 час. по полудни, на 26 г. (Л. к.).

Иларіонъ, монахъ, † 5 Мая 1865. (Т. к.).

Иларіонъ Козакевичъ, іеромонахъ. Пострижонъ въ монашество въ Кіевѣ, въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ въ 1748, указомъ взятъ въ Троицкой Александроневскій монастырь 1757 для послушанія, служилъ прежде во флотѣ, а потомъ крилосную должность исправлялъ радѣтельно, † 1 Дек. 1772 въ 12 часу по полудни, жилъ 63 г. (Л. к.).

Илличевская Александра Ивановна, жена д. с. с., † 1831. (Хол. к.).

Ильина Анна Ивановна жена *Ивана И. Ильина* меньшаго, род. 1729 † 26 Авг. 1789 на 61 г. (Л. к.).

Ильина Екатерина Сергѣевна, † 7 Ноября 1860 на 83 г. (Л. к.).

*****Ильина** Марья Андреевна, ур. *Устинова*, жена Петерб. купца *Алексѣя Ивановича Ильина*, † 27 Дек. 1801. (Л. к.).

Ильина Наталья Ѳедоровна, дочь Петерб. купца *Ѳедора Звѣркова*, жена Петерб. купца *Алексѣя Ильина*, р. 9 Авг. 1771, въ замужество выдана 24 Мая 1787, † 14 Дек. 1793, въ 12 час. по полуночи. Жила 22 г. 4 м. 5 д. (Л. к.).

****Ильина** Прасковья Ивановна, генералъ-маіорша. Погребена 1 Сент. 1832. (Л. к.).

*****Ильинъ** Алексѣй Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 22 Дек. 1805. (Л. к.).

Ильинъ Анфрій † 1831. Жилъ 60 л. (Хол. к.).

Ильинъ Василій Ѳедоровичъ, артиллеріи генералъ-маіоръ и кавалеръ орд. Св. Владимира 2 ст. и Св. Анны 1 ст., р. 24 Янв. 1769 †

7 Іюля 1821, въ 12 час. по полудни, и жена его *Прасковья Ивановна*, † 29 Авг. 1832 на 62 г. (Л. к.).

Ильинъ Иванъ Ильичъ меньшой, р. 1720 † 7 Сент. 1808 на 88 г. (Л. к.).

Ильинъ Θедоръ Ивановичъ, † 17 Дек. 1819 на 61 г. (Л. к.).

Ильманъ Анна Никитична, ур. *Пучкова*, жена оберъ-бергъ-гауптмана и кавалера *П. Ф. Ильмана*, р. 1774 † 2 Дек. 1810. Жила въ супружествѣ 20 л. Оставила по себѣ 5 дѣтей. (Л. к.).

Иннокентій, бывшій архіепископъ Псковскій и Рижскій, «который въ архіепископскомъ санѣ былъ ... 6 л. 11 м., уволенъ за слабостію и оскудѣніемъ силъ отъ правленія епархіею и присутствія въ Синодѣ со знаками высокомонаршаго благоволенія 9 Окт. 1798. Вѣры и благочестія преисполненный преселился въ вѣчность 24 Янв. 1799 на 78 году, оставивъ память пастырскаго благонравія и смиренія и истинное сожалѣніе въ его паствѣ и сродникахъ, лишившихся въ немъ истиннаго пастыря, отца и благодѣтеля, въ сирыхъ и безпомощныхъ оплакив......... и покровителя и возсылающихъ усерднѣйшія моленія ко Господу о упокоеніи души его въ ликѣ святыхъ и избранныхъ». (П. Б. ц.).

Витія о тебѣ не возгласилъ похвалъ!
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ.

Ираклій, іеромонахъ, духовникъ, † 13 Апр. 1880 на 84 г. (За церковью Сошествія Св. Духа, въ А. Н. лаврѣ).

****Ириней**, архіепископъ Псковской, Лифляндскій и Курляндскій. Погребенъ 24 Апр. 1818. (Θ. ц.).

Исаевъ Савва Исаевичъ, протопресвитеръ Московскаго Благовѣщенскаго собора, духовникъ Екатерины II, Павла I и Маріи Θедоровны, членъ Росссійской Академіи и Св. Синода, † 31 Дек. 1799. Жилъ 74 г. 11 м. 19 д. (Л. к.).

Исленьева Ульяна Христофоровна, ур. графиня *Минихъ*, полковница, р. 30 Апр. 1791 † 19 Февр. 1820, въ 10 часу по полудни. «Женѣ, другу и благодѣтельницѣ». (Л. к.).

Исленьевъ Николай Александровичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, † 25 Февр. 1851. (Л. ц.).

Іакинфъ Бичуринъ, р. 1777 † 11 Мая 1853. (Л. к.).

*****Іакинфъ**, іеромонахъ, подризничій А. Н. лавры, † 10 Ноября 1859. (Т. к.).

Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій, † 20 Мая 1850. Сей знакъ положенъ Саратовскимъ купцомъ *Андреемъ Бесоновымъ*. (Θ. ц.).

Іеронимъ, архимандритъ Успенскаго Трифонова монастыря, ректоръ Вятской семинаріи, † на чредѣ священнослуженія и проповѣди слова Божія въ Ноябрѣ 1834. (Т. к.).

***__Іоанникій__, монахъ Введенскаго Островскаго монастыря, † 28 Іюля 1828. (Т. к.).

Іоанникій, іеромонахъ А. Н. лавры, † 12 Сент. 1840. (Л. к.).

**__Іоаннъ__, іеромонахъ А. Н. лавры. Погребенъ 23 Окт. 1838. (Л. к.).

Іоаннъ Георгіевичъ, Грузинскій царевичъ, сынъ послѣдняго царя *Георгія XIII*, р. въ Тифлисѣ 1766 † въ С.-Пб-гѣ 15 Февраля 1830. Отъ внучать. (Д. ц.).

***__Іоаннъ__ Григорьевичъ, князь Грузинскій, правнукъ царя *Георгія XIII*, р. въ Астрахани 24 Іюня 1826 † въ С.Пб-гѣ 15 Сент. 1880 и погребенъ въ могилѣ царевича Іоанна. «Отъ сестеръ». (Д. ц.).

Іоасафъ, іеромонахъ А. Н. лавры, † 17 Марта 1834. Жилъ 78 л. «Въ сердечной памяти оставшійся у всѣхъ любившихъ его какъ любезнѣйшій отецъ и другъ истинный человѣчества». (Т. к.).

**__Іоасафъ__, іеромонахъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры. Погребенъ 20 Марта 1798. (Л. к.).

Іоиль, іеромонахъ, р. 4 Окт. 1776 † 4 Дек. 1851. (Л. к.).

***__Іона__ Хедлевъ, іеромонахъ, р. 1772, рукоположенъ іеромонахомъ 1812, † 4 Дек. 1837. (Л. к.).

Іона, митрополитъ, членъ Св. Синода, бывшій экзархъ Грузіи, р. 18 Февр. 1765 † на покоѣ въ здѣшней лаврѣ 22 Іюня 1849, на 84 г. Памятникъ сей соорудилъ пользовавшійся любовію и пастырскимъ назиданіемъ представльшагося почетн. гражд. Ал. К. (Ѳ. ц.).

Іулонъ Ираклієвичъ, Грузинскій царевичъ.

Царя Иверія Ираклія Второго,
Величіемъ души отечеству драгаго,
Сынъ Іулонъ сокрытъ въ священномъ мѣстѣ семъ.
Сокрытъ, но доблести, являвшіяся въ немъ,
Иверцы будутъ чтить въ потомствѣ отдаленномъ.
Порфироносца сынъ въ смиреніи душевномъ
Предъ Господомъ небесъ всю жизнь свою провелъ,
Любилъ отечество, удары претерпѣлъ,
Которыми его судьба обременяла,
Но вѣра праваго повсюду осѣняла. Р. 1760 † 23 Авг. 1816. (Ѳ. ц.).

Казаринова Марья Алексѣевна, супруга *Александра Яковлевича Казаринова*, р. 9 Іюня 1751 † 25 Мая 1810. (Л. к.).

Казариновъ Александръ Яковлевичъ, ст. с. и кавалеръ, р. 1739 † 1784. (Л. к.).

Казариновъ Василій Александровичъ, ст. с., р. 26 Дек. 1776 † 11 Апр. 1800. (Л. к.).

Казаринов Николай Александровичъ, л.-гв. Преображенскаго полка полковникъ и кавалеръ, † 11 Февр. 1818 на 41 г. (Л. к.)

Казаринъ Георгій Васильевичъ † 29 Апр. 1882. (Т. к.).

Казнаковъ Геннадій Геннадіевичъ † 13 Сент. 1870. (Л. к.).

Кайсаровъ Петръ Сергѣевичъ, д. т. с., сенаторъ, камергеръ и кавалеръ, р. 7 Апр. 1777 † 27 Февр. 1854. Жилъ 77 л. (Ѳ. ц.).

Калачовъ Иванъ Лаврентьевичъ, подполковникъ, † 23 Іюня 1831 на 53 г. (Хол. к.).

Калашниковъ Семенъ Ивановичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ и кол. ас. (Л. к.).

Калержи Эммануилъ Ивановичъ, надв. сов., р. 20 Дек. 1754 † 22 Сент. 1829. (Д. ц.).

***__Калистратовъ__ Николай Ивановичъ, почетн. гражд. и 1 гильдіи купецъ. (Т. к.).

***__Калитина__ Прасковья Ѳедоровна, жена покойнаго Петер. купца *Василія Ермолаевича Калитина*, р. 21 Окт. 1745, бракомъ сочеталась 13 Іюля 1763, была въ замужествѣ 17 л. 6 м. 17 д. † 16 Іюня 1792. Жила 46 л. 7 м. 27 д. (Л. к.).

Калитинъ Александръ Васильевичъ, кол. ас., † 6 Янв. 1843. Жилъ 70 л. и сестра его *Александра Васильевна* † 12 Марта 1853. (Т. к.).

***__Калитинъ__ Василій Николаевичъ, тит. сов., † 25 Окт. 1826 въ 7 часу по полудни. День рожденія его 25 Янв., а день ангела 30 Янв. (Л. к.).

Калитинъ Ермолай Ивановичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, р. 26 Іюля 1718 † 22 Ноября 1784. Жилъ 66 л. 3 м. 28 д. и внучка его *Надежда Васильевна Калитина*, коей житія было 1 г., 6 м. (Л. к.).

Калитинъ Иванъ Васильевичъ, тит. сов., р. 25 Мая 1776 † 16 Мая 1816. (Л. к.).

Твердъ камень сей, но временемъ сотрется;
Къ тебѣ жъ моя любовь и въ вѣчность пренесется.
Въ печали, горести кропимъ твой прахъ слезою;
Утѣшимся тогда, какъ будемъ мы съ тобою.

Калитинъ Николай Васильевичъ, отъ арміи поручикъ, † 6 Августа 1822. Жилъ 57 л. 1 м. 6 д. День рожденія его 30 Іюня, день ангела 27 Іюля. «Въ память моего супруга и благодѣтеля» (Л. к.).

Меѳодій, игуменъ Отенскаго монастыря, жившій на покоѣ, † 12 Дек. 1838. Жилъ 78 л. (Л. к.).

***__Калитинъ__ Семенъ Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 11 Февр. 1778 послѣ полудня въ 8 час. 50 м. Жилъ 54 г. 6 м. (Л. к.).

***__Калистратова__ Прасковья Ивановна, Тихвинская купчиха, р. 28 Окт. 1793 † 17 Іюля 1831. (Т. к.).

****Каморскій** Михаилъ Григорьевичъ, кол. ас. Погребенъ 25 Марта 1784. (Л. к.).

Канаевъ Филимонъ Константиновичъ, вѣдомства государ. адмиралтейской коллегіи галерной команды отставной командоръ, † 15 Іюня 1765. Жилъ 68 л. (Самп. к.).

Кантакузина Марья Матвѣевна, княгиня, † 14 Іюня 1808 на 56 г. (Л. к.).

****Кантемиръ** Анастасія Дмитріевна, ур. княжна *Голицына*. Погребена 16 Апр. 1746. (Л. к.).

****Кантемиръ** Константинъ Дмитріевичъ, сынъ Волошскаго князя. Погребенъ 18 Янв. 1747. (Л. к.).

Капнистъ Елена Ивановна, ур. Муравьева-Апостолъ, † 12 Апр. 1855. (Ѳ. ц.).

Караваева Татьяна, жена купца *Александра Караваева*, р. въ Москвѣ 5 Янв. 1795 † въ СПБ-гѣ 1 Апр. 1838 въ 9 часу пополудни. Жила 43 г. 2 м. 25 д. (Т. к.).

Карадыкинъ Николай Матвѣевичъ, тайн. сов., членъ Импер. Кабинета, кавалеръ орд. св. Анны 1 ст. и св. Владимира 2 ст., † Янв. 1804. Жилъ 60 л. Памятникъ ставила жена его *Марія Евгеніевна*, ур. *Кашкина*, 1 Окт. 1804. Здѣсь же погребена дочь его *Александра* † 28 Мая 1804, жившая 1 г. 10 м., и жена его *Марія Евгеніевна*, † 22 Февр. 1825. (Л. к.).

****Каразинова** Евдокія Николаевна, кол. ас. Погребена 19 Окт. 1837. (Т. к).

Карамзина Александра Ильинична, дочь *Елисаветы Никаноровны Дуки*, р. 12 Авг. 1820, † 9 Сент. 1871. (Л. ц.).

Карамзина Екатерина Андреевна, р. 16 Ноября 1780, † 1 Сент. 1851 (Т. к.).

Карамзинъ Николай Михайловичъ, р. 1 Дек. 1766, † 22 Мая 1826 (Т. к.).

****Каратыгина** Марія Ивановна, тайн. сов. Погребена 26 Февр. 1825 (Л. к).

****Каратыгинъ** Николай Матвѣевичъ, д. т. с. Погребенъ 4 Янв. 1804 (Л. к.).

Карачинская Флена Владиміровна, ст. сов., † 11 Февр. 1822 на 43 г. Сей памятникъ сооруженъ дѣтьми достойному праху матери (Л. к).

Карніолинъ-Пинскій Матвѣй Михайловичъ, д. т. с., р. 23 Ноября 1800, † 21 Дек. 1866 (Т. к.).

Карнѣевъ Захаръ Яковлевичъ, тайн. сов., членъ Государ. Совѣта и сенаторъ, р. 24 Марта 1748, † 9 Марта 1828 (Л. к.).

Карпова Елисавета Александровна, † 4 Іюля 1871 (Л. к.).

***Карпова** Марья, жена Петерб. купца *Никифора Карпова,* дочь *Демидова,* † 3 Марта 1776. Въ супружествѣ была 14 л. 28 д. Жила 33 г. 7 м. 16 д. (Л. к.).

Карповъ Василій Николаевичъ, профессоръ Петерб. духовной академіи, р. 1798, † 3 Дек. 1867. Служилъ 42 г. „Отъ слушателей, сослуживцевъ и почитателей“ (Н. к.).

Карповъ Евгеній, сынъ Петерб. купца *Никифора Карповича Карпова* р. 15 Янв. 1789, 3 Дек. 1806. Жилъ 17 л. 10 м. 19 д. (Л. к.).

Карташевскій Григорій Ивановичъ, тайн. сов., сенаторъ, р. 18 Сент. 1777, † 12 Авг. 1840 на 63 г. „Рѣдкому мужу, нѣжнѣйшему отцу, истинному христіанину“ (Т. к.).

Карцова Екатерина Николаевна, ур. *Беклешова,* жена генералъ-маіора *Павла Степановича Карцова,* р. 3 Окт. 1786, † 17 Ноября 1820, въ 4 часа пополудни. „Добродѣтельнѣйшей, почтеннѣйшей и любезной моей женѣ“.

Карцовъ Николай Александровичъ, д. с. с., † 18 Февр. 1866 на 66 г. (Т. к.).

Карцовъ Павелъ Степановичъ, отставной генералъ-маіоръ, † 10 Янв. 1847 (Л. к.).

Карчевскій Викентій Станиславовичъ, генералъ-лейтенантъ, † 3 Янв. 1873 (Т. к.).

****Каръ** Алексѣй Филипповичъ, д. с. с. Погребенъ 30 Іюля 1756 (Л. к.).

Катакази Гавріилъ Антоновичъ, р. 17 Іюля 1794, † 25 Апр. 1867 (Л. к.).

Кафтырева Елена Семеновна, жена *Ивана Степановича Кафтырева,* р. 29 Іюня 1750, † 9 Дек. 1791 (Л. к.).

Кафтыревъ Дмитрій Александровичъ, маіоръ, р. 22 Іюля 1783, † 14 Авг. 1825 на 43 г. (Т. к.).

Кафтыревъ Иванъ Степановичъ, приставъ штата Управы Благочинія гражданскихъ дѣлъ, подполковникъ. Началъ службу въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадет. Корпусѣ, р. 22 Іюля 1746, † 12 Ноября 1788 (Л. к.).

Кацарева Анна Ивановна, дѣвица, † 13 Авг. 1772 на 17 г. (Л. к.).

*****Кацарева** Дарья Павловна, жена Голштинскаго военнаго совѣтника *Ивана Николаевича Кацарева,* ур. *Сытина,* † 10 Марта 1808 (Л. к.).

Кацарева Марія Ивановна, дѣвица, † 28 Марта 1793 (Л. к.).

*****Кацаревъ** Иванъ Николаевичъ, правитель комнатной конторы в. к. Петра Ѳедоровича и вотчинныхъ дѣлъ, Шлезвигъ-Голштинскій воен-

ный совѣтникъ, р. въ Греціи, въ г. Янинѣ 1715, † въ С.-Пб-гѣ 18 Марта 1759 (Л. к.).

Кацаревъ Николай Ивановичъ, тайн. сов. и кавалеръ, † Мая 1815 на 68 г. и жена его *Смарагда*, ур. княжна *Кантакузина*, † 6 Дек. 1807 (Л. к.).

***Качаловъ** Иванъ Гавриловичъ, подполковникъ, который въ службѣ военной находился 44 г., въ рангѣ оберъ и штабъ - офицера былъ 39 л., † 20 Февр. 1776. Умирая 65 лѣтъ, оставилъ память добродѣтелей своихъ безсмертную (Л. к.).

Кашкинъ Евгеній Петровичъ, генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ, л.-гв. Семеновскаго полка преміеръ-маіоръ и орд. св. Владиміра 1 ст. и св. Анны кавалеръ, р. 12 Янв. 1737, военную службу продолжалъ 30, гражданскую 17 лѣтъ. Въ сей послѣдней генералъ-губернаторомъ былъ въ 6 губерніяхъ и первыя двѣ: Пермскую и Тобольскую открылъ и устроилъ, † 7 Окт. 1796 во Вторникъ. Жилъ 58 л. 8 м. 24 д. (Л. к.).

** **Квашнина-Самарина** Анна Юрьевна, д. с. с. Погребена 29 Авг. 1781 (Л. к.).

Квашнинъ-Самаринъ Павелъ Петровичъ, полковникъ арміи, р. 22 Февр. 1772, † 16 Ноября 1796. Жилъ 24 г. 8 м. 24 д.

Одинъ онъ у меня былъ сынъ,
Дарами и души добротой отличался
И въ старости моей подпорой оставался;
Но мужества его въ цвѣту постигла смерть,
И скорбь души моей она лишь можетъ стерть.

Кетавана Константиновна, Грузинская царевна, жена покойнаго царевича *Вахтанга*, первороднаго сына царя *Ираклія*, ур. княжна *Багратіонъ-Мухранская*, р. 20 Февр. 1744, † въ С. Пб-гѣ 4 Марта 1808 (Л. к.).

Кикинъ Петръ Андреевичъ, дежурный генералъ 1-ой арміи противъ Наполеона, статсъ-секретарь, сенаторъ, кавалеръ орд. св. Георгія 3 ст., св. Владиміра 2 ст., св. Анны 1 ст., св. Александра Невскаго и Прусскаго Краснаго Орла 2 ст. Имѣлъ двѣ шпаги за храбрость съ алмазами, р. 27 Дек. 1775, † 18 Мая 1834 (Т. к.).

*****Кинецкій** Григорій Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 20 Мая 1869 и жена его *Анна Петровна* † 27 Авг. 1868 (Т. к.).

Кипріанъ, іеромонахъ, казначей Саровской пустыни, † 16 Янв. 1806. Жилъ 48 л. 4 м. (Л. к.).

***Кириковъ** Петръ, Троицкій протоіерей, „который отъ 1735 до 1776 года по 2 число Января былъ при соборѣ. отъ роду ему было 58 л.

съ половиною, служа братіи, ближнимъ, знаемымъ и убогимъ съ любовію. Мимоходящіе отцы, братія, меня простите и о насъ здѣ и всюду лежащихъ Бога молите" (Л. к.).

Кирилина Елена Өедоровна, жена тайн. сов., р. 6 Февр. 1829, † 12 Ноября 1877 (Ө. ц.).

****Кириллъ**, іеромонахъ А. Н. лавры. Погребенъ 15 Марта 1808 (Л. к.).

Кириллъ, архіепископъ Каменецъ - Подольской и Брацлавскій и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 14 Мая 1788, въ монашество постриженъ въ 1814 г., въ архимандриты произведенъ въ 1817, во епископа хиротонисанъ 26 Окт. 1824, въ архіепископы возведенъ 24 Янв 1832 † 28 Марта 1841, въ часъ пополудни (Ө. ц.).

*****Киселева** Вѣра Ивановна, надв сов., ур. княжна *Болховская*, р. 18 Окт. 1755, † 23 Апр. 1807. „Добродѣтельнѣйшей и вѣрной супругѣ отъ супруга. Благодѣтельной и милой сестрѣ отъ сестры. Чадолюбивѣйшей, попечительнѣйшей и почтеннѣйшей матери нашей отъ двухъ дочерей и сына ея" (Л. к.).

Киселевъ Дмитрій Григорьевичъ, штабъ-ротмистръ л.-гв. гусарскаго полка и кавалеръ, р. 23 Мая 1785, † на 1-е Янв. 1807, въ 9 час. пополудни, на 23 г. „Отъ родителя любезнѣйшему и всѣмъ первенствующему изъ дѣтей сыну. Отъ тетки милѣйшему племяннику, а отъ двухъ сестеръ и брата почтеннѣйшему брату" (Л. к.).

Кислинскій Иванъ Ефремовичъ, генералъ-маіоръ, въ службу вступилъ 15 Апр. 1755, служилъ 38 лѣтъ, р. 7 Ноября 1741 † 13 Окт. 1793 (Л. к.).

*****Клементьевъ** Никтополіонъ Михайловичъ, тайн. сов., р. 28 Октября 1793 † 9 Мая 1871. (Л. к.).

****Климентъ**, іеромонахъ А.-Н. лавры. Погребенъ 30 Октября 1798. (Л. к.).

***Кобылякова** Татьяна Герасимовна, жена оберъ-камердинера *Ивана Андреевича Кобылякова*, р. 6 Января 1666 † 10 Февраля 1750, всѣхъ лѣтъ житія ея 74 г. (sic). Погребена 13 Февраля 1750. (Л. к.).

Ковальковъ Александръ Ивановичъ, тайн. сов. и камергеръ, р. 8 Іюля 1795 † 20 Декабря 1852. (Л. к.).

Кожина Екатерина Михайловна, жена генералъ-майора, ур. княжна *Волконская*, р. 11 Мая 1777 † 1 Ноября 1834. (Л. к.).

*****Козаковъ** Яковъ Петровичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, р. 21 Марта 1770 † 23 Іюня 1836. (Т. к.).

Козицкая Екатерина Ивановна, ур. *Мясникова*, жена статсъ-секретаря Екатерины II, ст. сов. и кавалера *Григорія Васильевича Козицкаго*, р. 24 Октября 1746 † 6 Мая 1833. (Л. к.).

Любви нѣжнѣйшей къ дочерямъ
Въ душѣ родительской ты пламень сохранила,
И чувство то въ мольбахъ о насъ кого любила
Да вознесется къ небесамъ. К-зь Е. Б-й Б-й.

Козлова Анна Ивановна, супруга сенатора, тайн. сов. и кавалера *Ивана Ивановича Козлова*, † 22 Августа 1774. (Л. к.).

***Козлова** Авдотья Демидовна, дѣвица купеческаго званія, р. 23 Февраля 1790 † 2 Іюня 1828. Жила 38 л. 3 м. 9 д. (Т. к.).

Козловъ Василій, служитель князя Алексѣя Борисовича Куракина, р. 25 Декабря 1787 † 26 Мая 1824. Признательность помѣщика къ вѣрности и усердію служившаго ему болѣе 12 л. (Т. к.).

Козловъ Дмитрій Ѳедоровичъ, тайн. сов., сенаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 5 Февраля 1756 † 22 Ноября 1802. (Л. к.). «Жизнь его была жизнь праведника. Онъ то доказалъ долговременнымъ служеніемъ государю въ ревностномъ исполненіи возложенныхъ на него должностей,—человѣчеству споспѣшествованіемъ благу каждаго. Безмолвная тишина да оградитъ прахъ его и въ вѣчныхъ селеніяхъ да веселится душа его».

Козловъ Иванъ Ивановичъ, р. 11 Апрѣля 1779 † 30 Января 1840 (Т. к.).

Козодавлева Анна Петровна, жена *Осипа Петровича Козодавлева*, ур. кн. *Голицына*, кавалерственная дама орд. Св. Екатерины меньшаго креста † 29 Марта 1820 на 64 г. (Л. к.).

Козодавлевъ Осипъ Петровичъ, д. т. с., министръ внутреннихъ дѣлъ и кавалеръ разныхъ орденовъ, † 24 Іюля 1819 на 65 г. (Л. к.).

***Козодавлевъ** Петръ Осиповичъ, л.-гв. коннаго полка секундъ-ротмистръ, р. 2 Декабря 1727, опредѣленъ въ службу ко двору Ея Им. Вел. 2 Августа 1741, былъ пажемъ и камеръ-пажемъ, выпущенъ 27 Мая 1751 л.-гв. въ конный полкъ поручикомъ, служилъ при дворѣ и въ томъ полку до конца своей жизни безпорочно, † 4 Октября 1757 пополудни въ 6 часовъ съ половиною. Жилъ 29 л. 9 м. 14 д. Погребенъ 7 Октября 1757 *). (Л. к.).

Кокоринова Настасья Александровна, дѣвица дочь ректора Академіи Художествъ, р. 17 Апрѣля 1763 † 6 Октября 1785. Жила 22 г. (Л. к.).

Кокоринова Пульхерія, дочь дворянина *Григорія Акинфіевича Демидова*, жена директора Академіи Художествъ *Александра Филипповича Кокоринова* † 5 Апрѣля 1784 на 39 г. (Л. к.).

---

*) На существующей въ настоящее время плитѣ слѣдующая надпись: *П. О. Козодавлевъ*, г.-гв. коннаго полка секундъ-майора, р. 21 Декабря 1727 † 4 Октября 1757.

Кокошкина Екатерина Алексѣевна, подполковница, ур. *Турчанинова*, р. 13 Іюня 1771 † 14 Апрѣля 1818. Жила 46 л. 10 м. 1 д. (Л. к.).

Кокошкина Марья Леонтьевна, жена флигель-адъютанта Его Им. Вел., ур. *Бѣлышева*, р. 28 Февраля 1795 † 11 Марта 1820. Жила 25 л. 12 д. Женѣ и другу. (Л. к.).

Кокошкинъ Иванъ Алексѣевичъ, р. 13 Января 1765 † 21 Января 1835. (Л. к.). «Покойся милый другъ нѣжнѣйшій! Подпора всѣхъ дѣтей и ближнихъ покровитель. Любя тебя, тобой дышали и памятникъ сей слезами сооружали. Здѣсь молимъ Вышняго небеснаго Творца о праведномъ его души упокоеніи».

Кокушкина Прасковья Ивановна, ур. *Раева*, жена *Петра Кокушкина*, † 2 Февраля 1797. Жила 78 л. 3 м. 15 д. (Л. к.).

*****Кокушкинъ** Александръ, отрокъ, сынъ Петербургскаго купца *Ивана Матвѣевича Кокушкина*. Погребенъ 16 Іюля 1770. Жилъ 8 л. 4 м. (Л. к.).

*****Кокушкинъ** Алексѣй Петровичъ, Петербургскій купецъ, † 24 Января 1783 въ 11 часу пополудни. Жилъ 52 г. 11 м. 24 д. (Л. к.).

****Кокушкинъ** Матвѣй Степановичъ, Петербургскій купецъ. Погребенъ 17 Декабря 1777. (Л. к.).

Колесникова Анна Аѳиногеновна, ур. *Мыльникова*, р. въ Иркутскѣ 17 Іюля 1839 † въ Царскомъ Селѣ 3 Іюля 1878. (Д. ц.).

Колесниковъ Александръ Петровичъ, потомств. почетн. гражд., † 3 Ноября 1879. (Д. ц.).

«Образъ Преображенія Господня въ память дня рожденія дѣвицы Маріи *Колзаковой* 1837 г. † 9 Февр. 1852. (Л. ц.).

Колзаковъ Андрей Андреевичъ, генералъ-маіоръ, членъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, р. 30 Ноября 1780 † 9 Марта 1853. (Л. к.).

*****Колобовъ** большой Иванъ Аврамовичъ, Боровицкій купецъ, именитый гражданинъ, † 7 Авг. 1793 въ 5 ч. пополудни. Жилъ 80 л. (Л. к.).

Кологривова Елисавета Михайловна, р. 26 Мая 1777 † 5 Іюля 1845. «Съ покорностію къ назначенной ей чашѣ прошла она чрезъ великія испытанія и, послѣ того какъ утратила нѣжно любимыхъ братьевъ: *Дмитрія Михайловича* и князя *Александра Николаевича Голицына*, отдала себя смиренно вожденію Божію и, совлекшись всего земнаго, усладивъ сердце добромъ, встрѣтила смерть, какъ радость свиданія съ ними». (Л. к.).

Кологривовъ Дмитрій Михайловичъ, гофмейстеръ двора Его Вел. и камергеръ, кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., р. 13 Марта 1780 † 15 Іюля 1830. (Л. к.).

Колодкинъ Яковъ Аникіевичъ, генералъ-маіоръ, † 5 Окт. 1853 (Т. к.).

Колодный Симонъ Сидоровичъ † 4 Авг. 1878 на 78 г. Завѣщалъ весь сбереженный капиталъ народному училищу своей родины. (Н. к.).

Колокольцова Александра Аполлоновна, д. с. с., † 20 Янв. 1836 на 64 г. (Т. к.).

Колокольцова Варвара Александровна, ур. гр. *Апраксина*, жена вице-адмирала и сенатора, р. 15 Ноября 1764 † 12 Сент. 1830. (Т. к.).

Колокольцова Марія Ивановна, ур. Аничкова, жена д. т. с., сенатора и кавалера разныхъ орденовъ барона *Ѳедора Михайловича Колокольцова*, † 27 Дек. 1806 на 65 г. (Л. к.).

Колокольцовъ Ѳедоръ Михайловичъ, баронъ, д. т. с., и кавалеръ разныхъ орденовъ, сенаторъ, р. 15 Апр. 1732 † 24 Апр. 1818. (Л. к.).

Колосовъ Иванъ Петровичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 1 Ноября 1774 † 13 Дек. 1819. Жилъ 45 л. 1 м. 12 д. (Л. к.).

Колпаковъ Иванъ Ивановичъ, кол. сов., † 29 Іюня 1831. Жилъ 65 л. (Хол. к.).

*****Колтовская** Наталія, оберъ-гофмейстерина. (Л. к.).

Колычева Марія Петровна, ур. княжна *Волконская*, р. 26 Ноября 1755 † 18 Февр. 1818. Памятникъ ставилъ сынъ ея, *Александръ Михайловичъ Колычевъ*, камеръ-юнкеръ Его Величества, 5 класса. (Л. к.).

Колычева Наталья Захаровна, ур. *Хитрово*, жена *Степана Алексѣевича Колычева*, р. 13 Іюня 1774 † 25 Окт. 1803 на 29 г. (Л. к.).

Колычевъ Александръ Михайловичъ, д. с. с., камергеръ, † 6 Мая 1859 на 79 г. (Л. к.).

Колычевъ Степанъ Алексѣевичъ, д. т. с., дѣйств. камергеръ Его Вел., кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, св. Владимира 2 ст., св. Анны 1 ст., командоръ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, р. 15 Іюля 1746, служилъ 44 г., 4 м., 13 д. Былъ вице-канцлеромъ и полномочнымъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ и еще посломъ при Французской республикѣ, † 14 Марта 1805. Памятникъ ставилъ двоюродный братъ его тайн. сов. и кавалеръ *Степанъ Колычевъ* общe съ племянникомъ. (Л. к.).

Колычевъ Степанъ Степановичъ, тайн. сов., дѣйств камергеръ, гофмаршалъ Екатерины II, кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., † 14 Окт. 1810 на 52 г. Памятникъ ставили двоюродные племянники. (Л. к.).

Кольчугина Аграфена Ивановна, камеръ-юнгфера Ея Вел., † 27 Дек. 1816. (Л. к.).

*****Комарова** Александра, дѣвица, † 7 Сент. 1832. (Т. к.).

*****Комарова** Наталья Михайловна, тайн. сов. (Л. к.).

****Комаровъ** Петръ Сергѣевичъ, тит. сов. Погребенъ 21 Авг. 1841. (Т. к.).

*****Комаровъ** Сергѣй Ивановичъ, тайн. сов. (Л. к.).

Комбурлей Анна Андреевна, тайн. сов., р. 1783 † 4 Окт. 1864. (Ѳ. ц.).

Комбурлей Михаилъ Ивановичъ. (Д. ц.).

Комовская Евдокія Степановна, кол. сов., ур. *Гвоздева*, † 13 Апр. 1837 (Хол. к.).

Комовскій Дмитрій Григорьевичъ, кол. сов., † 26 Іюня 1831 на 64 г. (Хол. к.).

***Кондоиди** Марія Васильевна, жена тайн. сов. *Павла Захарьевича Кондоиди*, и съ нею погребены сыновья ея *Аѳанасій* и *Анастасій Павловичи*, дочь *Марія Павловна* и внукъ, князь *Александръ Петровичъ Гагаринъ*. Род. она въ СПБ-гѣ 1722 † 13 Марта 1757. Жила 35 л., 2 м., 12 д. Сей монументъ сооруженъ въ знакъ сыновней къ родителямъ почтительной любви и незабвенной памяти *Николаемъ* и *Григоріемъ Кондоиди*, Августа 1776 г. (Л. к.).

Кондоиди Наталья Адамовна (урожд. Олсуфьева), тайн. сов., р. 14 Апр. 1758 † 30 Дек. 1826. (Л. к.).

Кондоиди Софья Николаевна, † 11 Апр. 1862. (Л. к.).

Кондоиди Владиміръ Григорьевичъ, ст. сов. и кавалеръ, р. 16 Сент. 1788 † въ СПБ-гѣ 23 Авг. 1827. (Л. к.).

Кондоиди Григорій Павловичъ, тайн. сов., сенаторъ и разныхъ орд. кавалеръ, р. 25 Янв. 1754 † 7 Ноября 1817. (Л. к.).

Невинныхъ онъ всегда усердно защищалъ,
Несчастнымъ въ горестяхъ охотно помогалъ.
Прохожій, воздохни: здѣсь Кондоиди прахъ
И пожелай ему блаженства въ небесахъ.

***Кондоиди** Павелъ Захарьевичъ, тайн. сов., архіатеръ и первый лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны, надъ Медицинскою Канцеляріею и надъ всѣмъ въ Россійской имперіи медицинскимъ факультетомъ главный директоръ и СПБургской Академіи Наукъ членъ, р. въ Корфу 24 Іюня 1710 † въ Петергофѣ 30 Авг. 1760. Жилъ 50 л., 2 м., 6 д. (Л. к.).

****Коневидовъ** Петръ Антоновичъ, вице-адмиралъ. Погребенъ 9 Дек. 1786. (Л. к.).

Коновницына Анна Ивановна, жена подпоручика *Ивана Коновницына*, дочь секундъ-маіора *Ивана Челищева*, † 30 Мая 1737. Жила 16 л., 8 м. (Самп. к.).

Константинова Екатерина Алексѣевна, дочь надв. сов. и внучка *М. В. Ломоносова*, р. 3 Апр. 1774 † 25 Ноября 1847. (Л. к.).

*«Въ нѣдра Авраамля всельшейся души рабы Божіей Елены Михайловны *Константиновой*, единой дочери единаго *Ломоносова*, р. 21 Февр. 1749, бракомъ сочетавшейся 15 Сент. 1766, ходившей въ путехъ заповѣдей Господнихъ непреткновенно, по семидневномъ недугѣ, въ здравомъ разумѣ и твердомъ на Бога упованіи о будущемъ блаженствѣ, безболѣзненно предавшей духъ свой въ руцѣ Божіи 21 Мая 1772, въ 1 часу пополудни, оставившей по себѣ на всегдашнее сѣтованіе мужа, сына и трехъ дочерей, мало поживе, но добрыми дѣлами исполни лѣта многа; несчастливый мужъ, надворный совѣтникъ *Константиновъ*, лишась многими добродѣтельми и различными дарами украшенной супруги, омывъ лице ея слезами, тѣло погребенію предалъ.» (Л. к.).

Константиновъ Алексѣй Алексѣевичъ, кол. сов.. р. 5 Февр. 1728 † 11 Мая 1808. (Л. к.).

****Константинъ** іеромонахъ А. Н. лавры. Погр. 26 Сент. 1808. (Л. к.).

****Константинъ**, іеромонахъ А. Н. лавры. Погр. 5 Февр. 1816. (Л. к.).

****Константинъ** Якубовскій, іеромонахъ А. Н. лавры. Погребенъ 18 Іюля 1810. (Л. к.).

*****Корнилова** Александра Ильинична, ур. *Ростовцова*, жена д. с. с. *Ивана Петровича Корнилова*, р. 2 Авг. 1827 † 9 Марта 1861. (Ѳ. ц.).

*****Корнилова** Марія Ивановна, дѣвица, дочь тайн. сов. *Ивана Петровича Корнилова*, р. 16 Янв. 1859 † 10 Іюня 1870. (Ѳ. ц.).

Образъ въ память Натальи Александровны *Корсаковой*, ур. *Львовой*, р. 16 Мая 1832 † 16 Мая 1859 и сына ея, младенца *Александра*, р. 9 Апр. 1859 † 1 Мая 1859. (Л. ц.).

** **Корсаковъ** Исидоръ Ѳомичъ, арміи полковникъ. Погребенъ 28 Ноября 1781. (Л. к.).

***Корфъ** Екатерина Карловна, ур. граф. *Скавронская*. Погребена 22 Февр. 1757. (Б. ц.).

*****Корфъ** Елисавета Андреевна, баронесса, р. 8 Февр. г. † 27 Февр. 1832. (Л. к.).

Корфъ Ольга Сергѣевна, баронесса, ур. *Смирнова*, р. 10 Іюля 1780 † 29 Февр. 1844. (Л. к.).

Еще къ тебѣ подъемля руки,
Онъ указалъ на матерь, на дѣтей,
На милый кругъ и кровныхъ, и друзей.
И ты тогда, казалось, жить хотѣла:
Былъ тихъ и святъ сердечный твой недугъ.
Но безъ тебя сгрустнулъ твой милый другъ
И, кинувъ всѣхъ, къ нему ты улетѣла.

Корфъ Модестъ Андреевичъ, графъ, р. 11 Сент. 1800 † 2 Янв. 1876. (Н. к.).

****Косагова** Аграфена Матвѣевна, жена генералъ-маіора. Погребена 16 Апр. 1750. (Л. к.).

***Косаговъ** Иванъ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, л. гв. Преображенскаго полка премьеръ-маіоръ и орд. св. Александра и св. Анны кавалеръ, р. 19 Апр. 1691, сначала вступилъ въ службу въ армію 1706, происходилъ въ 1707 въ оберъ-офицеры, а въ 1725 гвардіи въ оберъ-офицеры жъ, въ 1742 въ генералъ маіоры и гвардіи въ премьеръ-маіоры, въ 1755 въ генералъ-поручики, † 15 Янв. 1762. Жилъ 70 л., 8 м., 26 д. (Л. к.).

Косиковская Татьяна Николаевна, † 19 Окт. 1854. (Т. к.).

Косиковскій Александръ Андреевичъ, потомств. почетн. гражд., р. 11 Янв. 1796 † 20 Іюля 1856. (Т. к.).

Косиковскій Андрей Ивановичъ, Петербургскій 1 гильдіи купецъ, † 23 Іюня 1838 на 70 г. (Т. к.).

*****Косиковскій** Павелъ Анисимовичъ, р. 24 Авг. 1795 † 3 Окт. 1847. (Т. к.).

*****Косова** Хіонія Николаевна, р. 11 Іюня 1793 † 4 Іюня 1856. (Л. к.).

Костальцовъ Петръ Антоновичъ, вице-адмиралъ и кавалеръ орд. св. Владимира, р. 29 Дек. 1724 † 9 Дек. 1786 на 63 г. Памятникъ тавила дочь. (Л. к.).

*****Костровъ** Андрей Ивановичъ, 2 гильдіи купецъ, † 27 Окт., жилъ 62 г. Памятникъ устроенъ въ 1857 году *А. Григорьевымъ*. (Л. к.).

Кочубей Анна Викторовна, графиня, дѣвица, р. 12 Сент. 1813 † 16 Марта 1827. (Д. ц.).

Кочубей Марія Васильевна, княгиня, ур. *Васильчикова*, супруга государ. канцлера, статсъ-дама и орд. св. Екатерины 1 ст. кавалерственная дама, р. 10 Сент. 1779 † въ Парижѣ 12 Янв. 1844. (Д. ц.).

Кочубей Викторъ Павловичъ, князь, государ. канцлеръ, р. 11 Ноября 1768 † 3 Іюня 1834. (Д. ц.).

Кошелева Варвара Ивановна, ур. *Плещеева*, жена оберъ-гофмаршала *Родіона Александровича Кошелева*, р. 8 Окт. 1756 † 10 Апрѣля 1809. (Л. к.).

*****Кошелева** Екатерина Родіоновна, дѣвица, р. 10 Дек. 1782 † 14 Февр. 1796. (Л. к.).

Кошелевъ Родіонъ Александровичъ оберъ-гофмаршалъ двора Его Вел., дѣйств. камергеръ и кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, род. 31 Мая 1749 † 26 Ноября. 1827. Жилъ 78 л., 5 м., 26 д. (Л. к.).

«Въ сей обители покоится прахъ блаженныхъ младенцевъ, дѣтей д. с. с., камергера *Валеріана Ивановича Кошелева*: *Ѳедора*, род. 31 Авг.

1837 † 7 Мая 1838 и *Николая*, род. 6 Сент. 1838 † 25 Февр. 1840». (Надпись на образѣ въ алтарѣ церкви Сошествія Св. Духа).

*«Здѣсь лежитъ, любезныя мои дѣти, мать ваша, которая на память оставила вамъ послѣднее сіе завѣщаніе: Живите дружелюбно и имѣйте всегда между собою любовь, а если которая изъ васъ запомнитъ сіе приказаніе, то приди и взгляни на скрижаль сію; притомъ помните и то, что *Ириной* звали ее, въ супружествѣ была за Петерб. купцомъ *Василіемъ Крапивинымъ* 19 л., 44 д., отъ роду имѣла 34 г., 11 м., 16 д., къ несказанной же моей и вашей печали разлучилась съ вами, оставя миръ вамъ и благословеніе, 30 Марта 1777, по полудни въ 7 часовъ. Молите за меня Бога». (Л. к.).

Краснопѣвковъ *) Сергѣй Ѳедоровичъ, протопресвитеръ, духовникъ Его Величества, членъ Синода, комитета духовныхъ училищъ, Россійской Академіи и Вольнаго Экономическаго Общества, кавалеръ орд. св. Анны 1 ст. и св. Іоанна Іерусалимскаго. Кроткій служитель церкви, нѣжный отецъ семейства и другъ человѣковъ, † 4 Марта 1808 на 65 г. (За алтаремъ лаврской церкви Сошествія Св. Духа).

***Красносельскій** Андрей Степановичъ, профессоръ Духовной Академіи, р. 1796 † 1830. (Т. к.).

Красовскій Иванъ Ивановичъ, сакеларій придворнаго собора, протоіерей, членъ Россійской Академіи, посвятившій церкви и отечеству 46 л. трудовъ въ разныхъ должностяхъ въ Костромѣ, на Каменномъ Островѣ и въ семъ царствующемъ градѣ Св. Петра, р. 12 Февр. 1746 † 5 Апр. 1811. (Л. к.).

***Крашенинникова** Акулина Алексѣевна, жена Петерб. купца *Лаврентія Крашенинникова*, ур. *Янишникова*, † 9 Сент. 1810. Цвѣла 27 л., 3 м., 3 д. Въ супружествѣ жила 7 л., 7 м., 22 д. (Л. к.).

Крашенинниковъ Илья, Петерб. купецъ, † 30 Сент. 1830. (Л. к.).

Крекшинъ Алексѣй Васильевичъ, кол. сов., р. 10 Февр. 1799 † 25 Янв. 1871. (Н. к.).

Крекшинъ Дмитрій Ивановичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ, р. 13 Февр. 1789 † 5 Мая 1832. (Т. к.).

Кречетовъ Андрей Андреевичъ, профессоръ Петерб. Духовной Академіи. Погребенъ 14 Апр. 1841. (Т. к.).

Кривцовъ Александръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 22 Авг. 1784 † 4 Ноября 1851. (Т. к.).

Кривцовъ Николай Александровичъ, полковникъ, р. 11 Ноября 1819 † 10 Марта 1863. (Д. ц.).

---

*) Фамиліи на плитѣ не означено, а только имя и отчество. Фамильное имя значится только въ описи. Это дѣдъ извѣстнаго Московскаго архіерея Леонида.

Кромина Ольга Іосифовна, ур. *Товбичъ*, † 20 Марта 1877. (П. Ѳ. ц.).

*****Кружевникова** Ирина Ивановна, жена Петерб. 1 гильдіи купца *Андрея Ѳедоровича Кружевникова*, † 16 Апр. 1808 въ 10 часовъ по полудни на 64 г. «Отъ десяти благодарныхъ дѣтей приносится матери должная жертва вѣчныя памяти». (Л. к.).

*****Кружевниковъ** Андрей Ѳедоровичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, † 29 Дек. 1794 въ 2 часа по полуночи. Жилъ 54 г., 2 м. Оставилъ горестно оплакивать свою кончину жену и 10 человѣкъ дѣтей. (Л. к.).

Крыловъ Иванъ Андреевичъ, р. 2 Февр. 1768 † 9 Ноября 1844. (Т. к.).

Крюкова Пелагея Ивановна, дѣвица, † 2 Іюля 1831 на 34 году. (Хол. к.).

Крюковъ Николай Семеновичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 20 Января 1768 † 12 Іюля 1815. Жилъ 47 л., 5 м., 22 д. (Л. к.).

Кузминскій Иванъ Гавриловичъ, ст. сов., р. 25 Марта 1757 † 17 Ноября 1808. «Сей памятникъ сооруженъ супругою и дѣтьми его, оплакивающими въ немъ потерю друга». (Л. к.).

Кузнецова Анна Алексѣевна, жена почетн. гражданина, р. 1 Дек. 1836 † 19 Ноября 1864. (Б. ц.).

****Кузьминъ** Сергѣй Матвѣевичъ, тайн. сов. *) Погребенъ 12 Декаб. 1788. (Л. к.).

*****Кукина** Марья Тимоѳеевна, жена Петерб. первостатейнаго купца *Дмитрія Евсъевича Кукина*, † 12 Дек. 1792 на 77 г. Въ супружествѣ была 42 г., во вдовствѣ 17 л. Сей камень положенъ благодарностію дочери. (Л. к.).

***Кукинъ** Дмитрій Евсѣевичъ, Петерб. купецъ, † 8 Апр. 1775, погребенъ 11 Апр., на Страстной недѣлѣ въ Субботу. Жилъ 66 л., 11 м. Въ болѣзни былъ 4 г., 8 м. (Л. к.).

Купреянова Анна Николаевна, † 13 Апр. 1865 на 76 г. (Л. к.).

*****Купреянова** Марья Ивановна, вдова Петерб. купца, † 21 Дек. 1843 на 78 г. (Л. к.).

***Купреянова** Прасковья Андреевна, жена гофъ-фурьера *Ивана Павловича Купреянова*, р. 12 Окт. 1713 † 28 Марта 1777. Жила 64 года 5 м. 15 д. (Л. к.).

Купреяновъ Иванъ Кипріановичъ, Петерб. купецъ, р. 1741 † 7 Февр. 1816. Жилъ 75 л. (Л. к.).

Купреяновъ Михаилъ Ивановичъ † 20 Іюля 1849 на 64 году. (Л. ц.).

---

*) Статсъ-секретарь Екатерины II-й. П. Б.

Куракина Екатерина Андреевна, княгиня, ур. *Бутурлина,* род. 1 Ноября 1766 † 11 Марта 1824. (Л. к.).

***Куракина** Елена, княгиня, дочь генералъ-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера *Степана Өедоровича Апраксина,* р. 5 Сент. 1735, бракомъ сочетавшись на 16 году возраста своего съ княземъ *Борисомъ Александровичемъ Куракинымъ,* гофмейстеромъ, камергеромъ и кавалеромъ, поживе въ супружествѣ по 22 Ноября 1764, † 29 Окт. 1769 къ сожалѣнію многихъ, оставя по себѣ любезныхъ дѣтей, четырехъ сыновей *). (Л. к.).

***Куракина** Прасковья Александровна, княжна, р. 13 Іюня 1741, отъ брака князя *Александра Борисовича Куракина,* оберъ-шталмейстера Ея Вел., сенатора, камергера и двухъ Росс. орденовъ кавалера и княгини *Александры Ивановны,* ур. *Паниной,* † въ непоколебимой вѣрѣ Греческаго исповѣданія, по претерпѣніи 13 дней болѣзни горячкою, 5 Ноября 1755 въ ночь, показавъ во время 14 лѣтъ, 4 м., 20 д. жизненнаго ея теченія особливые знаки своихъ душевныхъ дарованій, оставя по себѣ въ фамиліи своей незабвенное сожалѣніе. (Л. к.).

*****Курвагова** Марія Андреевна, ур. *Апайщикова,* жена Нарвскаго купца *Александра Курвагова,* † 18 Ноября 1783. Жила 70 л. (Л. к.).

*****Кусова** Пелагея Ивановна, ур. *Кокушкина,* жена *Ивана Васильевича Кусова,* † 2 Февр. 1797. Жила 37 л., 8 м., 29 д. (Л. к.).

Кусовникова Александра Михайловна, дѣвица, дочь кол. сов., † 19 Сент. 1813. (Л. к.).

Кусовникова Елена Васильевна, кол. сов., ур. *Ольхина,* р. 18 Апр. 1768 † 3 Ноября 1832. (Л. к.).

Кусовъ Василій Григорьевичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, † 18 Сент. 1788. Жилъ 59 л., 8 м. и супруга его *Неонила Яковлевна* † 29 Янв. 1791. Жила 59 л., 3 м. «Сей памятникъ сооруженъ отъ внуковъ дѣду и бабкѣ ихъ и отъ преданныхъ сыновъ незабвенно-почитаемому родителю 1822 г. Соч. гр. *Ө. П. Толстой*». (Л. к.).

Кусовъ Иванъ Васильевичъ, коммерціи сов. и кавалеръ ордена св. Владиміра 4 ст. и св. Іоанна Іерусалимскаго, Петерб. первостатейный купецъ, † 18 Авг. 1819. Жилъ 69 л., 7 м. (Общій памятникъ съ предыдущими Кусовыми).

Кусовъ Сергѣй Ивановичъ, род. 1 Окт. 1784 † 30 Марта 1824. Жилъ 39 л., 5 м., 29 д. «Отъ супруги и дѣтей». (Л. к.).

---

*) Дочь *С. Ө. Апраксина* и статсъ-дамы *Аграфены Леонтьевны,* замужъ вышла 6 Февраля 1751, † 31 Октября 1769 (по возобновленному и существующему до сихъ поръ памятнику).

Кутайсова Прасковья Петровна, графиня, ур. свѣтл. княжна *Лопухина*, кавалер. дама, жена д. т. с., † 25 Апр. 1870 на 86 г. (Т. к.).

*Кухновъ Ѳедоръ Силичъ, Олонецкій купецъ, † 18 Авг. 1776, въ 12 часу по полудни, погребенъ 21 Авг. Жилъ 50 лѣтъ, 2 м., 18 дней (Л. к.).

Кушакевичъ Александръ Ѳедоровичъ, тит. сов., † 20 Іюня 1831 на 99 г. (Хол. к.).

Кушелева-Безбородко Александра Александровна, графиня, младенецъ, р. 24 Ноября 1830 † 8 Янв. 1833. (Д. ц.).

Кушелева-Безбородко Александра Николаевна, графиня, р. 1 Мар. 1805 † 9 Окт. 1836. (Д. ц.).

Кушелева Екатерина Родіоновна, дѣвица, р. 10 Дек. 1782 † 17 Февр. 1796. (Л. к.).

*****Кушелева** Анастасія, супруга покойнаго сенатора *Егора Андреевича Кушелева*, (Л. к.).

Кушелева Любовь Ильинична, графиня, ур. граф. *Безбородко*, † 14 Іюля 1809, въ 8 часовъ по полудни. (Л. к.).

Кушелевъ Безбородко Александръ Григорьевичъ, графъ, государ. контролеръ, сенаторъ, р. 4 Сент. 1800 † 6 Апр. 1855. (Д. ц.).

Кушелевъ-Безбородко Николай Александровичъ, графъ, р. 28 Ноября 1834 † 11 Апр. 1862. (Д. ц.).

Кушелевъ-Безбородко Николай Николаевичъ, графъ, младенецъ, р. 13 Янв. 1861 † 5 Дек. 1861.

Кушниковъ Сергѣй Сергѣевичъ, д. т. с. *). (Т. к.).

Земная жизнь—борьба; сопутствуютъ молитвы
Тому, кто подвигъ свой здѣсь совершилъ вполнѣ,
И бодрый съ честью палъ среди кипящей битвы,
Какъ воинъ доблестный на боевой стѣнѣ.
　　Таковъ былъ Кушниковъ!
Онъ и въ младыя лѣта,
И въ поздніе года, подъ холодомъ сѣдинъ,
Былъ чистъ передъ судомъ и совѣсти и свѣта,—
Братъ вѣрный ближняго, отчизны вѣрный сынъ.

Лаба Николай Осиповичъ, генералъ-маіоръ, † 27 Окт. 1816 на 53 г. Въ описаніи А. Н. лавры, А. Павлова, стр. 124, названъ генералъ-провіантмейстеромъ (Л. к.).

---

*) Р. 1765 † 1838. сенаторъ, племянникъ *Н. М. Карамзина*, сынъ сестры его, *Екатерины Михайловны*. Погребенъ 18 Февр. 1839. (Описаніе А. Н. лавры, А. Павлова, стр. 147). Эпитафія сочинена княземъ *П. А. Вяземскимъ*. (См. Полн. Собр. сочиненій его, т. IV, стр. 241).

*****Лабынцова** Екатерина Филипповна † 25 Авг. 1870. (Т. к.).

Лаваль Александра Григорьевна, графиня, р. 18 Марта 1772 † 17 Ноября 1850. (Л. к.).

Лавинскій Александръ Степановичъ, д. т. с., членъ Государ. Совѣта, предсѣдательствующій С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, р. 12 Апр. 1776 † 2 Авг. 1844. (Л. к.).

«1722 г. Іюля 9 дня преставился отъ житія сего рабъ Божій *Лаврентій*, а житія его 60 л.» (Преобр. к.).

****Лаврова** Марѳа Петровна, жена тайн. сов. *Ивана Павловича Лаврова*. Погребена 26 Ноября 1838. (Л. к.).

Лаврова Прасковья Андріяновна, вдова кол. сов. р. 14 Окт. 1775 † 7 Марта 1853. (Л. к.).

Лавровъ Иванъ Михайловичъ, кол. сов., † 17 Авг. 1813. Жилъ 42 г., 7 м., 16 д. (Л. к.).

Лавровъ Иванъ Павловичъ, тайн. сов., сенаторъ, р. 22 Іюня 1768 † 22 Мая 1836 (Л. к.).

Лавровъ Сергѣй Ивановичъ, инженеръ-генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, † съ 6 на 7 Марта 1814. (Л. к.).

Лавровскій Яковъ Тимоѳеевичъ, надв. сов., † 6 Ноября 1851 на 53 г. (Т. к.).

*****Ладунка** Наумъ Ивановичъ, придворный уставщикъ въ рангѣ капитана р. 4 Дек. 1730 въ Черниговѣ и служилъ при дворѣ 30 л., † 21 Іюня 1782 по утру въ 10 часовъ, на 52 г. (Л. к.).

Лазарева Марія Александровна, жена флигель-адъютанта Его Величества, капитана 1-го ранга *Алексѣя Петровича Лазарева*, ур. *Бекъ*, р. 27 Мая 1810, бракомъ сочеталась 23 Апр. 1830, имѣла 4-хъ дѣтей: *Александра*, *Николая*, *Алексѣя и Екатерину*, † 9 Апр. 1834 въ 2 ч. 40 м. по полудни. «Скорбящій супругъ примѣрно-добродѣтельнѣйшему другу, супругѣ и матери». Поставлена доска въ день ангела оставшагося сына Александра, 30 Авг. 1834. (Л. ц.).

****Ламбъ** Иванъ Варѳоломеевичъ, генералъ-аншефъ. Погребенъ 29 Дек. 1801. (П. Б. ц.).

*****Ланская** Евдокія Владимировна, ур. *Маслова*, † 8 Іюня 1866. (Л. к.).

Ланской Дмитрій Сергѣевичъ, тайн. сов., † 21 Окт. 1839 и жена его, *Варвара Александровна*, ур. княжна *Одоевская*, † 11 Сент. 1845. (Т. к.).

Ланской Павелъ Петровичъ, генералъ отъ кавалеріи, † 25 Янв. 1873 на 82 г. (Л. к.).

Ланской Петръ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, р. 13 Марта 1799 † 6 Мая 1877 (Л. к.).

Ланской Петръ Сергѣевичъ † 18 Апр. 1805. (Л. к.).

Ланской Сергѣй Петровичъ, генералъ-маіоръ. † 20 Мая 1832 (Л. к.).

Ланской Сергѣй Сергѣевичъ, тайн. сов. сенаторъ, кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., р. 7 Сент. 1761 † 1 Мая 1814. (Л. к.).

Отрада дней моихъ, души моей блаженство,
Моихъ желаній цѣль, спокойствія залогъ,
Кѣмъ счастья моего вѣнчалось совершенство,
И твой здѣсь прахъ... а мнѣ покровъ, подпора Богъ. Е. Л.

Лапшина Прасковья Карповна, жена Петерб. купца и директора *Михаила Яковлевича Лапшина*, † 14 Дек. 1778. Жила 52 г., 2 м. Въ замужествѣ была 26 л., вдовѣла 12 л. (Л. к.).

*«На семъ мѣстѣ погребена Агафія Иванова, дочь, де-Ласкаря жена, ур. Карабузина. Монументъ, котораго нѣжность моя воздвигнула ея достоинству, источнику и свидѣтелю наигорчайшей моей печали, приводи на память потомкамъ нашимъ причину моихъ слезъ; пускай оплакиваютъ купно со мною обитающую здѣсь добродѣтельми изящныхъ дней достойную Гречанку, пріятную разными живо въ ней являющимися качествами, скромную, благотворительную и нѣжную жену, безъ слабости, къ прелестямъ, къ талантамъ вмѣщающую въ себѣ и премудрость. О судьба, вотъ сколько причинъ долженствовали тебя умилостивить!» Р. 4 Февр. 1753 † 16 Авг. 1772. (Рубанъ, стр. 425). Въ настоящее время на плитѣ слѣдующая надпись: Ci git Agathe Lascaris, née Karabusin; monument qu'éleva ma tendresse au mérite, cause et temoin de mes vives douleurs, rappelées à nos neveux la raison de mes pleurs qu'ils regrettent avec moi l'épouse qui l'habite, digne par ses vertus des beaux jours de la Grèce par mille qualités plaisant, sans le chercher, modeste, bienfaisante et tendre sans faiblesse, aux charmes, aux talents unissant la sagesse. Que demotifs, o sort, auroient du te toucher. Née le IV février MDCCLIII, morte le XVI août MDCCLXXII.

*Въ семъ же мѣстѣ погребена и вторая его, подполковника де-Ласкаря, жена Агафія Иванова, дочь Городецкая. (Л. к.).

*«На семъ мѣстѣ погребена Елена де-Ласкари третья жена, ур. *Хрисоскулеева.*» Несчастный мужъ, я кладу въ сію могилу печальные остатки любезной жены. Ею лишился благополучія своего, пріятельницы и всего того, что̀ бремя жизни облегчаетъ. Прохожій, ты, который причину слезъ моихъ зришь, возстони о печальной моей судьбѣ и знай, что добродѣтель, таланты, прелести и самая даже юность вотще смерти противоборствуютъ», р. 27 Мая 1759 † 29 Апрѣля 1773. (Л. к.).

Ласкина Елисавета Алексѣевна, дѣвица, дочь генералъ-маіора, † 27 Янв. 1863. (Д. ц.).

Ласкинъ Алексѣй Андреевичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ, † 14 Марта 1848. (Д. ц.).

Ласунскій Алексѣй Михайловичъ, р. 1 Марта 1773 † 8 Мая 1821. (Л. к.).

Ласунскій Павелъ Михайловичъ, гофмаршалъ Его Величества и кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., р. 8 Іюля 1777 † 14 Дек. 1829. (Л. к.).

*****Латухинъ** Яковъ Семеновичъ, купецъ г. Балахны, † 26 Мая 1743, погребенъ 28 Мая. Жилъ 28 л., 7 м., 4 д. Положенъ сей камень 8 Іюля 1788. (Л. к.).

Лау-фонъ Николай Карловичъ, кавалергардскаго полка поручикъ и кавалеръ, р. 22 Іюня 1795 † 21 Мая 1816. (Л. к.).

Лебедевъ Степанъ Исидоровичъ, д. с. с., † 16 Апр. 1882. (II. Ѳ. ц.).

Левашова Евгенія Владимировна, графиня, р. 10 Мая 1873 † 29 Апр. 1877 (Д. ц.).

Левашова Евдокія Васильевна, графиня, р. 20 Ноября 1796 † 23 Мая 1868. (Д. ц.).

Левашова Екатерина Владимировна, ур. *Грушецкая*, р. 14 Апр. 1750 въ день св. исповѣдника Мартына, папы Римскаго, † 21 Февр. 1770. (Л. к.).

Левашова Марія, дѣвица, дочь оберъ-егермейстера, р. 1782 † 27 Сент. 1825. (Л. к.).

Левашовъ Алексѣй Семеновичъ, капитанъ, р. 14 Марта 1793 г. † 19 Іюля 1870. (Т. к.).

Левашовъ Василій Васильевичъ, графъ, р. 10 Окт. 1783 † 23 Сент. 1848. (Д. ц.).

Левашовъ Василій Владимировичъ, графъ, р. 3 Марта 1862 † 26 Марта 1880. (Д. ц.).

****Левашовъ** Василій Ивановичъ, оберъ-егермейстеръ. Погребенъ 23 Февр. 1804. (Л. к.).

Леонова Марѳа Дмитріевна, дѣвица, дочь полковника, † 19 Марта 1847. (Л. к.).

Леонтій іеромонахъ, уроженецъ г. Малоярославца, села Хрусталя, † 27 Апр. 1859 на 60 г. (Т. к.).

Ливенцовъ Алексѣй Михайловичъ, † 17 Дек. 1869. Жилъ 77 л. (Н. к.).

Ливенъ Вильгельмъ Карловичъ, баронъ, р. 29 Сент. 1800 † 2 Фев. 1880. (Т. к.).

Ливенъ Николай Васильевичъ, баронъ, р. 24 Янв. 1854 † 11 Сент. 1874. (Т. ц.).

****Линьковъ** Тихонъ Ивановичъ, крестьянинъ. Погребенъ 26 Апрѣля 1773. (Л. к.).

Лисянскій Юрій Өедоровичъ, флота капитанъ 1-го ранга, командовавшій кораблемъ «Нева» во время перваго путешествія Русскихъ вокругъ свѣта съ 1803 по 1806, р. 2 Апр. 1773 † 22 Февр. 1837. (Т. к.).

Литвинова Татьяна Афанасьевна, мать Невской Канцеляріи комиссара *Василія Панкратьевича Литвинова*, погребена 26 Марта 1727. (Л. к.).

Литта Екатерина Васильевна, графиня, ур. Энгельгардтъ, Рос. импер. двора гофмейстерина, кавалерственная дама орд. св. Екатерины 1 ст. и большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго, † 7 Февр. 1829. (Д. ц.).

Лищевъ Петръ Петровичъ, штабсъ-капитанъ Виленскаго мушкатерскаго полка, р. 1782 † съ 11 на 12 Окт. 1808. Жилъ 26 л. Былъ жалованъ нѣкогда щедротами Павла I и Маріи Өеодоровны *). (Л. к.).

Лобанова Александра Антоновна, р. 9 Ноября 1793 † 26 Сент. 1836. (Т. к.).

И дружба, и любовь, и самый прахъ мнѣ милой,
Все, все поглощено могилой.

Лобанова-Ростовская, княгиня Клеопатра Ильинична, ур. графиня *Безбородко* † 21 Дек. 1840. (Л. к.).

Лобанова-Ростовская Софья Петровна, княгиня, ур. княжна *Лопухина* † 3 Апр. 1825 на 27 г. (Л. к.).

Лобановъ-Ростовскій Александръ Яковлевичъ, князь, почетный командоръ импер. морскаго Яхтъ-Клуба, † 26 Ноября 1866 на 78 г. (Л. к.).

***Лобковъ** Дмитрій Петровичъ, д. с. с. и герольдмейстеръ, р. 24 Окт. 1717 † 5 Авг. 1762. Жилъ 44 г. 9. м. 12 д. (Л. к.).

Логинова Евдокія Ефимовна † 18 Дек. 1857. (Л. к.).

Въ память славному мужу Михаилу *Ломоносову*, р. въ Колмогорахъ въ 1711, бывшему ст. сов., С.-Петербургской Академіи Наукъ профессору, Стокгольмской и Болонской члену, разумомъ и науками превосходному, знатнымъ украшеніемъ отечеству послужившему, краснорѣчія, стихотворства и исторіи Россійской учителю, мусіи первому въ Россіи безъ руководства изобрѣтателю, преждевременною смертію отъ Музъ и Отечества на дняхъ Св. Пасхи 1765 г. похищенному. Воздвигъ сію гробницу графъ *М. Воронцовъ*, славя Отечество съ тако-

---

*) Погребенъ рядомъ съ *Петромъ Ивановичемъ Челищевымъ*. Вѣроятно побочный сынъ послѣдняго.

вымъ гражданиномъ и горестью соболѣзнуя о его кончинѣ. Возобновленъ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ 1832.

Лонгиновъ Михаилъ Николаевичъ, † 23 Янв. 1875. Подъ однимъ камнемъ и супруга его Александра Дмитріевна, ур. *Левшина*. (Т. к.).

****Лопухина** Екатерина Петровна. Погребена 28 Іюня 1789. (Л. к.).

Луарсабъ, князь, сынъ Грузинскаго царевича *Іулона Ираклїевича*, р. 29 Сент. 1789 † 23 Дек. 1850. (Ѳ. ц.).

Лубяновская Александра Яковлевна, супруга д. т. с., ур. *Мерлина*, р. 1 Авг. 1782 † 28 Марта 1863. (Ѳ. ц.).

Лубяновскій Петръ Ѳедоровичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 4 Ноября 1809 † 22 Іюня 1874. (Ѳ. ц.).

Лубяновскій Ѳедоръ Петровичъ, д. т. с., сенаторъ, р. 9 Авг. 1777 † 2 Февр. 1869. (Ѳ. ц.).

***Лукина** Пелагея, кол. сов., р. 14 Мая 1754 † 24 Янв. 1775, «бывъ невступно 21 года, въ супружествѣ жила 5 л.; своею добродѣтелью, кроткимъ и снисходительнымъ нравомъ составляла счастіе своего мужа, утѣшеніе всѣхъ родственниковъ, а смертію своею приключила какъ имъ, такъ и всѣмъ своимъ друзьямъ и знаемымъ печаль и горесть». (Л. к.).

Лукинъ Владиміръ Игнатьевичъ, д. с. с., членъ Придворной Конторы, кавалеръ орд. св. Владиміра 3 ст., р. 8 Іюля 1737 † 9 Іюля 1794. (Л. к.).

Я умеръ, здѣсь мой сокрытъ во гробѣ прахъ.
Я духомъ живъ и̓ буду жить у искреннихъ друзей въ сердцахъ.

****Лукинъ** Павелъ Ѳедоровичъ, полковникъ. Погребенъ 16 Дек. 1782. (Л. к).

****Лукинъ** Ѳедоръ Ивановичъ, Петерб. купецъ. Погребенъ 3 Іюня 1815. (Л. к.).

Лукины, дочери Владиміра Игнатьевича Лукина: *Надежда*, род. 2 Апр. 1771 † 18 Марта 1787 и *Александра*, род. 3 Марта 1773 † 30 Іюня 1786. (Л. к.).

Лукьяновъ Александръ Ивановичъ, Новоладожскій мѣщанинъ, р. въ Новой Ладогѣ въ Сент. 1786 † въ С.-Пб-гѣ 2 Янв. 1872 на 86 г. (Н. к.).

*****Лукьяновъ** Иванъ Дмитріевичъ, Петерб. купецъ, † 24 Января 1780. Жилъ 55 л. Памятникъ ставила жена. (Л. к.).

****Лупандинъ** Василій Ѳедоровичъ, контръ-адмиралъ. Погребенъ 15 Сент. 1779. (Л. к.).

Любимовъ Иванъ Филипповичъ, коммерціи сов., Пермскій купецъ, 18 Сент. р. 1805 † на 59 г. отъ рожд. 5 Февр. 1864. (Б. ц.).

Люцова Анна Васильевна, баронесса ур. баронесса *Дризенъ*, р. 14 Мая 1791 † 8 Мая 1867. (Н. к.).

Лялина Анна Матвѣевна, жена камергера и кавалера *Пимена Васильевича Лялина*, † 18 Янв. 1756. Жила 47 л. (Л. к.).

****Ляпунова** Екатерина Ефимовна, премiеръ-маiорша. Погребена 16 Iюня 1808. (Л. к.).

Ляпунова Марья Ефимовна, дѣвица, р. 4 Iюня 1763 † 1 Августа 1805. (Л. к.).

Ляпуновъ Ефимъ Ѳедоровичъ, оберъ-берейторъ, † 13 Янв. 1781, жилъ 54 г. и жена его *Екатерина Матвѣевна*, † 12 Iюня 1809 на 64 г. (Л. к.).

Ляпуновъ Яковъ Дмитрiевичъ, поручикъ, р. 6 Авг. 1799 † 20 Сен. 1856. «Милому мужу преданная до гроба жена.» (Л. к.).

Мой другъ, разстался ты со мной!
Я стану за тебя молиться
И жить надеждою одной
Съ тобою вновь соединиться.

****Львовъ** Сергѣй Лаврентьевичъ, генералъ отъ инфантерiи. Погребенъ 6 Дек. 1812. (Л. к.).

Маврина Марiя Николаевна, род. 3 Iюля 1785 † 17 Января 1863. (Т. к.).

Мавринъ Михаилъ Семеновичъ, тайн. сов., р. 2 Янв. 1772 † 27 Марта 1849. (Т. к.).

Мадатова Софья Александровна, княгиня, ур. *Саблукова*, род. 21 Ноября 1787 † 4 Сент. 1875. (Т. к.).

Мадатовъ Валерьянъ Григорьевичъ, князь, генералъ-лейтенантъ, р. 18 Мая 1782 † подъ Шумлою 4 Сент. 1829. (Т. к.).

Мазаракiй Семенъ Семеновичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 23 Iюля 1787 † 8 Окт. 1854. (Л. к.).

****Макарiй**, iеромонахъ Малицкой пустыни. Погребенъ 8 Ноября 1788. (Л. к.).

Макарiй, iеромонахъ А. Н. лавры, † 22 Апр. 1865 на 66 г. (Т. к.).

Макаровъ Матвѣй Степановичъ, ст. сов., † 25 Iюня 1831 на 64 г. и жена его *Надежда Романовна*, † 9 Iюля 1839 на 60 г. (Хол. к.).

*****Макаровъ** Павелъ Александровичъ, тайн. сов., сенаторъ р. 12 Мая 1756 † 27 Сент. 1834. (Л. к.).

Макаровъ Петръ Степановичъ, генералъ-маiоръ и кавалеръ, род. 1768 † 7 Дек. 1815. «Общество офицеровъ л.-гв. Павловскаго полка своему шефу.» (Л. к.).

Максимовичъ Иванъ Корниліевичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 7 Янв. 1800 † 2 Февр. 1874. (Т. ц.).

***__Макушевъ__ Алексѣй Кирилловичъ, Петерб. купеческій сынъ, род. 28 Сент. 1797 † 12 Марта 1839. Жилъ 41 г., 5 м., 11 д. (Т. к.).

***__Макушевъ__ Николай Кирилловичъ, Петерб. купецъ, р. 1 Дек. 1793, † 2 Февраля 1863. (Т. к.).

Малевинскій Николай Ивановичъ, † 11 Мая 1853. Памятникъ ставили вдова и дѣти. (Л. к.).

Маленина Ольга Өедоровна, р. 20 Янв. 1792, † 25 Марта 1882. (Б. ц.).

Малимоновъ Григорій Леонтьевичъ, мундшенкъ при дворѣ Ея Вел., † 26 Марта 1778, на 43 г. Служилъ 28 л. Оставилъ по себѣ жену съ двумя сыновьями и четырехъ дочерей. (Л. к.).

***__Малимоновъ__ Дмитрій Григорьевичъ, надв. сов., р. 6 Іюня 1759, † 27 Апр. 1819. Л. к.).

Малиновская Анна Васильевна, полковница, ур. *Цигорева*, р. 5 Дек. 1795, † 2 Февр. 1822. (Л. к.).

***__Маляхинская__ Прасковья Өедотовна, Петерб. почетн. гражд., р. 1792, † 28 Янв. 1843. (Т. к.).

***__Маляхинскій__ Петръ Николаевичъ, Нарвскій 1 гильдіи купецъ, р. 1783, † 21 Февр. 1834. (Т. к.).

Мамонтова Авдотья Борисовна, † 13 Марта 1822. (Л. к.).

Мамонтовъ Степанъ Трофимовичъ, † 14 Іюня 1843. (Л. к.).

Мансурова Екатерина Андреяновна, жена д. с. с. *Павла Александровича Мансурова*, р. 14 Сент. 177..., † 11 Ноября 1820. (Л. к.). «Незабвенной супругѣ и матери».

Мансуровъ Павелъ Александровичъ, тайн. сов., сенаторъ, р. 11 Мая 1756, † 27 Сент. 1834. (Л. к.).

Маринъ Сергѣй Никифоровичъ, полковникъ, флигель-адъютантъ Его Величества и кавалеръ, † 9 Февр. 1813, въ 10 съ половиною часовъ пополудни. Жилъ 36 л., 11 м., 23 д. Памятникъ ставила сестра его, княгиня *Варвара Никифоровна Мещерская*. (Л. к.).

О мой надежный другъ!
Разстались мы съ тобой,
И скрылись отъ меня
И счастье и покой.

Марія Александровна, Грузинская царевна, жена д. т. с., сенатора и кавалера, царевича *Миріана Ираклієвича*, дочь подполковника, князя *Александра Яковлевича Хилкова*, р. 17 Іюня 1788, бракомъ сочеталась

22 Мая 1814, † 31 Мая 1815, жила съ мужемъ 1 г., 9 д. Всего житія было 26 л., 11 м., 15 д. (Л. к.)

Марія Александровна, дщерь Государя Наслѣдника Цесаревича *Александра Павловича*, р. 18 Мая 1799, † 27 Іюля 1800. (Б. ц., въ алтарѣ).

Марія Каціевна, царица, супруга Имеретинскаго царя *Соломона* II, † въ Спб. 19 Марта 1841 на 57 г. (Ѳ. ц.).

Маркелова Татьяна Васильевна, жена *Ивана Ивановича Маркелова*, р. 25 Дек. 1777, † 25 Марта 1846. (Т. к).

Маркеловъ Иванъ Ивановичъ, кол. ас. и кавалеръ, р. 19 Окт. 1756, † 8 Ноября 1840. (Т. к.).

Маркова Александра Ѳедоровна, ст. сов., р. 5 Марта 1776, † 22 Іюля 1828. (Л. к.).

****Мартирій**, іеродіаконъ А. Н. лавры. Погребенъ 31 Дек. 1827. (Т. к.).

Мартыновъ Павелъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, р. 17 Авг. 1782, † 14 Февр. 1838. Д. ц.).

*****Мартыновъ** Савва Михайловичъ, † 3 Мая 1864 на 84 г. (Н. к.).

«Сію печали память надъ тѣломъ вселюбезнѣйшей сестры Маріи, рожденной отъ благородныхъ родителей *Обуховыхъ*, прискорбнѣйшая сестра поставила. Род. 21 Іюля 1769, въ замужествѣ за гвардіи капитаномъ *Мартьяновымъ*, живши 6 недѣль, р. 21 іюля 1762, † 7 Іюня 1789. Жила 26 л., 11 м., 16 д.» (Л. к.).

Pano *Maruzzi*, marchioni Janninensi a Catherina II, Russor. imperatrice immort. memoriae in equites s. Annae primi ordinis cooptato negotiis eius apud rempub. Venetam aliosq. Italiae principes egregie functo, Paulo I Russor. imperatori pio felici augusto a privatis consiliis, vitae integritate morumq. elegantia spectatissimo, conjugi optime, merito Zuiza *Geka*, princeps *Constantinus* filius Pauli Russor. imper. cubicularius ordinis Hierosolym. commendatarius patri optimo *Constantinus* et *Lambrus* marchiones fratri carissimo moerentes monumentum posuerunt. Vixit annos LXIX, obiit X kal. jul. an. MDCCIC. (Л. к.).

Марченко Василій Романовичъ, д. т. с., членъ Государ. Совѣта, р. 28 Дек. 1782, † 6 Дек. 1840. (Л. ц.).

Маслова Елена Ивановна, дѣвица, камеръ-юнгфера императрицы Елисаветы Алексѣевны, р. 5 Мая 1778, † 25 Авг. 1814. (Л. к.).

***Мастинскій** Гавріилъ Григорьевичъ, р. 5 Февр. 1732, служилъ при Медицинской Государ. Коллегіи секретаремъ, умре холостъ 25 Окт. 1776. Жилъ 43 г., 9 м. (Л. к.).

***Матвѣй** Андреевичъ, придворный священникъ, р. 9 Ноября 1686, служилъ при дворѣ 34 г., 8 м., а во священствѣ служилъ 48 л., † 7

Окт. 1764, во второмъ часу пополуночи. Жилъ 78 л. Погребенъ 11 Октября. (Л. к.).

**Матюшкина Анна Алексѣевна, графиня, статсъ-дама. Погребена 3 Мая 1804 г. (П. Б. ц.).

Машановъ Семенъ Дмитріевичъ, гвардіи Семеновскаго полка капралъ, по отставкѣ былъ на Отдашномъ дворѣ (sic) управителемъ, а при полку службы его было 25 лѣтъ, † 12 Ноября 1735. Жилъ 66 лѣтъ. (Преобр. к.).

Медвѣдевъ Василій Григорьевичъ, гребецъ со шлюпки императрицы Елисаветы Петровны, † 10 Іюня 1763. Жилъ 59 л. Изъ 5 сыновей его 4 служили при императрицѣ камердинерами до 6-го класса, а одинъ до 9-го, и три дочери. Изъ нихъ 7 скончались: двое 86 лѣтъ, трое 72-хъ, двое 62-хъ. «Я же, юнѣйшій дому отца моего, камеръ-фурьеръ 6-го класса *Гаврило Медвѣдевъ*, ущедренный отъ Государя двумя указами. Указъ Придворной Конторѣ: Камердинера моего, Гаврилу Медвѣдева, по прошенію его за старостію увольняя отъ службы за добропорядочное и усердное оной продолженіе, жалую въ камеръ-фурьеры 6-го класса, а объ произвожденіи ему пенсіи данъ указъ Кабинету. Въ Павловскѣ. Александръ, 17 Авг. 1801 г. Возобновилъ сей памятникъ на 61 г. моей жизни, 1821 г». (В. Кр.).

Межакова Ольга Ивановна, р. 1 Янв. 1794 † 4 Апр. 1833. (Т. к.).

Мейеръ Варвара Алексѣевна † 1848. (Л. к.).

***Мелентьевъ Михаилъ, кол. секр. и Невскаго монастыря архитекторскій помощникъ, † 18 Дек. 1797. Жилъ 70 л., 1 м., и жена его, *Евдокія Семеновна*. Погребена 2 Авг. 1794. Жила 49 л. (Л. к.).

Мелисино Петръ Ивановичъ, р. 11 Янв. 1726 † 26 Дек. 1797 и супруга его, *Марія Дмитріевна*, ур. *Кацарева*, р. 20 Іюля 1740 † 5 Іюня 1801. (Л. ц.).

Мелиховъ Василій Ивановичъ, адмиралъ, членъ Государ. Совѣта, р. 24 Февр. 1794 † 30 Ноября 1863. (Т. к.).

Меллеръ Елисавета Николаевна, супруга артиллеріи генералъ-маіора, ур. *Огарева*, † 14 Апр. 1816 на 49 г. (Л. к.).

Меллеръ Марья Андреевна, дѣвица, дочь *Елисаветы Николаевны*, р. 20 Марта 1789 † 22 Февр. 1873 на 84 г. (Л. к.).

Мельгунова Афимья, жена д. с. с. и кавалера *Петра Наумовича Мельгунова*, дочь *Василія Никитича Корсакова*, р. 8 Іюля 1705 † 16 Мая 1762. Жила 56 л., 10 м., 18 д. (Л. к.).

**Мельгуновъ Владиміръ Алексѣевичъ, бригадиръ. Погребенъ 1 Мая 1804. (Л. к.).

Мельгуновъ Петръ Наумовичъ, д. с. с. и кавалеръ орд. св. Анны, Петерб. вице-губернаторъ, р. въ Дек. 1685 † 8 Мая 1751. Жилъ 65 л., 5 м. (Л. к.). (Вѣроятно, отецъ извѣстнаго Ярославскаго намѣстника).

Мельхиседекъ, священно-архимандритъ, духовникъ А. Н. лавры, † 2 Авг. 1862 на 87 г. (за алтаремъ церкви Сошествія Св. Духа въ А. Н. лаврѣ).

***__Меньшикова__ Агрипина Ивановна, жена Петербур. купца, † 15 Мая 1786. Жила 32 г. 11 м. (Л. к).

Меньшикова Анна Андреевна, род. 15 Января 1783 † 9 Сентября 1855. (Т. к.).

***__Меньшикова__ Анна Мартыновна † 7 Марта 1784. «Супругъ супругѣ». (Л. к.).

Меньшикова Марья Дмитріевна, жена Петерб. 1 гильдіи купца *Дмитрія Сергѣевича Меньшикова*, род. 20 Іюля 1751 † 1 Мая 1800. Жила 48 л., 9 м., 10 д. (Л. к.).

***__Меньшиковъ__ Алексѣй Дмитріевичъ, Петерб. купецъ, † 4 Сент. 1816 на 54 г. (Л. к.).

***__Меньшиковъ__ Гавріилъ Дмитріевичъ, Петерб. купецъ. (Л. к.).

Меньшиковъ Дмитрій Сергѣевичъ, Петерб. купецъ, † 28 Сентября 1799. (Л. к.).

**__Меньшиковъ__ Иванъ Николаевичъ, Петерб. купецъ. Погребенъ 7 Іюня 1789. (Л. к.).

Меньшиковъ Михаилъ Никитичъ, р. 22 Сент. 1820 † 4 Іюня 1880 и супруга его, *Софія Алексѣевна*, р. 13 Апр. 1827 † 6 Іюня 1881. (П. Ѳ. ц.).

Меньшиковъ Никита Николаевичъ, р. 3 Апр. 1777 † 26 Февраля 1843. (Т. к.).

Меньшиковъ Николай Дмитріевичъ, коммерціи сов. и Петерб. городской голова, р. 1 Дек. 1747 † 18 Февр. 1813. «Доброму родителю отъ признательныхъ дѣтей». (Л. к.).

***__Меньшиковъ__ Николай Николаевичъ, род. 21 Ноября 1784 † 31 Янв. 1815. (Л. к.).

**__Меньшиковъ__ Петръ Александровичъ, свѣтлѣйшій князь Римской имперіи, гвардіи капитанъ и оберъ-камергеръ. Погребенъ 27 Февраля 1781. (Л. к.).

Мечникова Наталья Александровна, ур. княжна *Щербатова*, р. 30 Авг. 1774 † 21 Сент. 1854. (Д. ц.).

Мечниковъ Евграфъ Ильичъ, оберъ-бергъ-гауптманъ 3-го класса, сенаторъ и кавалеръ, р. 21 Мая 1770 † 22 Сент. 1836. (Д. ц.).

Мещерская Степанида Ѳедоровна, княгиня, урож. *Лопухина*, † 19 Февр. 1799. (Л. к.).

Мещерскій Александръ Ивановичъ, князь, ст. сов., р. 6 Іюня † 24 Апр. 1779. (Л. к.).

Мещерскій Алексѣй Васильевичъ, д. т. с., князь, р. 13 Мая 1720 † 11 Апр. 1782. Жилъ 61 г., 10 м., 28 д. (Л. к.).

Мещерскій Петръ Сергѣевичъ, князь, д. т. с., сенаторъ, † 31 Дек. 1856 на 77 г. (Л. к.).

Мещерскій Семенъ Өедоровичъ, князь, генералъ-лейтенантъ, р. 1 Февраля 1668 † 8 Декабря 1732. Жилъ 64 г. Тезоименитство его 3 Февраля. (Л. к.).

Мещерскій Сергѣй Васильевичъ, князь, благонравіемъ и добродѣтельми равно какъ и родомъ сіявшій, р. въ Москвѣ 25 Іюня 1737 † въ С.-Пб-гѣ 25 Марта 1781 на 44 г. Служилъ при Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ въ чинѣ канцеляріи совѣтника съ раченіемъ и похвалою и награжденъ при увольненіи отъ службы чиномъ статскаго совѣтника; стяжалъ отъ всѣхъ знавшихъ его искреннюю любовь въ жизни, а нелицемѣрное сожалѣніе по смерти. Былъ женатъ на *Александрѣ Ивановнѣ Кушелевой*. Имѣлъ 5 дѣтей. (Л. к.).

Меѳодій, игуменъ Отенскаго монастыря, жившій на покоѣ, † 12 Дек. 1838. Жилъ 78 л. (Л. к.).

******Мижуева** Екатерина, жена Петрозаводскаго именитаго гражданина *Корнилія Мижуева*, р. 17 Ноября 1763 † 7 Іюля 1806. Жила 42 г., 7 м., 21 д. (Л. к.).

******Мижуевъ** Корнилій Евтихіевичъ, коммерціи сов., Петерб. первостатейный купецъ, † 25 Янв. 1827 на 74 г. (Л. к.).

Миклашевичева Варвара Семеновна, кол. сов., р. 1772 † 21 Дек. 1846 и сынъ ея *Николай*, р. 16 Іюля 1800 † 25 Іюля 1808. (Л. к.).

Миклашевичъ Антонъ Осиповичъ, кол. сов., † въ глубокой старости 9 Дек. 1816. (Л. к.).

****Миклашевичъ** Николай Сергѣевичъ, сынъ ст. сов. Погребенъ 28 Іюля 1808. (Л. к.).

Микулинъ Василій Яковлевичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, † 10 Іюля 1841 на 50. (Т. к.).

Милорадовичъ Михаилъ Андреевичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, всѣхъ Росс. орденовъ и всѣхъ Европейскихъ державъ кавалеръ, р. 1 Окт. 1771 † отъ ранъ, нанесенныхъ ему пулею и штыкомъ на Исакіевской площади 14 Дек. 1825, въ СПБ-гѣ. (Д. ц.).

Милославскій Өедоръ Сергѣевичъ, вице-адмиралъ, сенаторъ, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго и св. Анны, р. 1709 † 25 Апр. 1783. (Л. к.).

***Милютинъ** Андрей Гавриловичъ, Ростовскій купецъ, † 29 Мая 1776, погребенъ 31 Мая. Жилъ 45 л., 10 м. (Л. к.).

***Милякова** Аграфена, дочь Петерб. купца *Ивана Милякова*, р. 18 Іюня 1774 † 22 Янв. 1776. Жила 1 г., 7 м., 8 д. (Л. к.).

***Миляковъ** Петръ Егоровичъ, бывшій Петерб. купецъ, уроженецъ г. Серпухова, † 4 Іюня 1775, пополуночи въ половинѣ 5 часа. Жилъ 34 г., 5 м., 2 д. (Л. к.).

Минихъ Анна Андреевна, графиня, р. 1 Авг. 1751 † 22 Мая 1824. въ 8 часовъ пополудни. (Л. к.).

Минихъ Екатерина Христофоровна, графиня, дѣвица, р. 31 Окт. 1787 † 15 Іюля 1822, въ 2 часа пополудни. (Л. к.).

Минихъ Сергѣй Христофоровичъ, графъ, адъютантъ в. к. Константина Павловича, полковникъ, кавалеръ орд. св. Георгія 4 ст., св. Владимира 3 ст. и Прусскаго пурлемерита, р. 2 Окт. 1773 † 12 Марта 1809. Памятникъ ставили мать и двѣ сестры. (Л. к.).

Минюшская Наталія, младенецъ, р. 20 Марта 1880 † 6 Іюня 1881. (Т. ц.).

Миріанъ Ираклієвичъ, Грузинскій царевичъ, д. т. с., сенаторъ и кавалеръ, р. 19 Авг. 1767 † 15 Окт. 1834. (Д. ц.).

*****Миткевичъ** Степанъ Ивановичъ, кол. секр. и кавалеръ, † 14 Іюня 1818. (Л. к.).

Митусова Елена Петровна, младенецъ, дочь полковника *Петра Петровича Митусова*, р. 12 Окт. 1782 † 30 Сент. 1784 въ 1 часу пополудни. (Л. к.).

Митусова Марія Степановна, ур. *Шешковская*, тайн. сов., р. 21 Марта 1765 † 22 Мая 1841. Жила 76 л., 2 м., 1 д. «Матери и благодѣтельницѣ». (Л. к.).

Митусовъ Григорій Петровичъ, д. т. с., сенаторъ, р. 20 Янв. 1795 † 28 Мая 1871. «Брату и дядѣ-благодѣтелю». (Л. к.).

Митусовъ Петръ Петровичъ, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ, р. 9 Дек. 1750 † 4 Ноября 1823. Жилъ 72 г. 10 м. 25 д. «Другу и благодѣтелю». (Л. к.).

Михайлова Елисавета Захарьевна, д. с. с., р. 22 Авг. 1791 † 24 Ноября 1840. (Л. к.).

*****Михайлова** Елисавета Ивановна, † 30 Окт. 1809 на 32 г. «Въ память друга моего». (Л. к.).

Михайловъ Александръ Алексѣевичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 7 Іюля 1773 † 24 Сент. 1826. (Л. к.).

***Михайловъ** Алексѣй, іерей л.-гв. Измайловскаго полка, † 1 Янв. 1776, «въ чинѣ священства служилъ 32 г., а умирая безъ мала 60 лѣтъ, оставилъ память добродѣтелей своихъ безсмертну». (Л. к.).

*****Михайловъ** Георгій Ѳедоровичъ, Петерб. купецъ, р. 3 Ноября 1786 † 10 Февр. 1834. Жилъ 48 л., 3 м., 7 д. (Т. к.).

*****Михайловъ** Өедоръ Михайловичъ, ст. сов., † 30 Ноября 1850. (Т. к.).

Михайловскій-Данилевскій Александръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, р. 26 Авг. 1789 † 9 Сент. 1848. (Т к.).

Михайловскій-Данилевскій Иванъ Лукьяновичъ, д. с. с. и разныхъ орденовъ кавалеръ. «Почтенному родителю признательный сынъ 10 Авг. 1807». (Л. к.).

Михаилъ, митрополитъ СПБургскій и Новгородскій, † 24 Марта 1821 на 60 г. (Д. ц.).

Михаилъ Журовъ, іеромонахъ А. Н. лавры, † 4 Авг. 1828. (Л. к.).

***Михей**, монахъ Троицко-Сергіевой лавры, погребенъ 19 Февр. 1772. (Л. к.).

Мишинъ Александръ Ивановичъ, профессоръ Петерб. Духовной Академіи, † 2 Мая 1859. (Т. к.).

Мишукова Анна Андреевна, жена отставнаго маіора *Андрея Мишукова*, р. 6 Дек. 1736 † 8 Іюня 1771. Жила 35 л., 6 м. (Л. к.).

***Мишуковъ** Захаръ Даниловичъ, Е. И. В. флотовъ адмиралъ, кавалеръ обоихъ Росс. орденовъ: св. ап. Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, который служилъ Ихъ Импер. Величествамъ 64 г., р. 14 Марта 1684 † съ 1 на 2 Дек. 1762. Жилъ 78 л. (Л. к.).

Молчанова Авдотья Ивановна, супруга тайн. сов. и сенатора, ур. *Кушелева*, р. 23 Ноября 1786 † 7 Окт. 1823. (Д. ц.).

Молчановъ Александръ Петровичъ, р. 26 Февр. 1811 † 27 Ноября 1828. (Д. ц.).

Молчановъ Иванъ Кузьмичъ, губерн. секр., † 29 Янв. 1845 на 58 г. (Т к.)

Мордвинова Екатерина Александровна, ур. *Саблукова*, жена генералъ-инженера и кавалера *Михаила Ивановича Мордвинова*, р. 26 Іюля 1747 † 20 Ноября 1823. (Л. к.).

Мордвинова Екатерина Сергѣевна, жена полковника и кавалера *Николая Михайловича Мордвинова*, р. 13 Дек. 1770 † 15 Мая 1816. Жила 45 л., 5 м., 2 д. (Л. к.).

****Мордвинова** Наталья Ивановна. Погребена 6 Мая 1795. (Л. к.).

Мордвиновъ Дмитрій Михайловичъ, сенаторъ, † 11 Іюля 1848. Жилъ 75 л. (Л. к.).

Мордвиновъ Михаилъ Ивановичъ, генералъ-инженеръ и кавалеръ, † 7 Окт. 1782. Жилъ 56 л., 11 м., 2 д. (Л. к.).

Мордвиновъ Николай Михайловичъ, полковникъ, † 1 Апр. 1844. Жилъ 75 л., 11 м. (Л. к.).

Мордвиновъ Николай Семеновичъ, графъ, р. 17 Апр. 1754 † 30 Марта 1845. (Л. к.).

Мордвиновъ Семенъ Ивановичъ, адмиралъ и кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго и св. Анны, р. въ Февр. 1700 † въ Мартѣ 1777, и жена его *Наталья Ивановна*, р. 4 Іюня 1733 † 6 Мая 1795. (Л. к.).

Морковъ Аркадій Ивановичъ, графъ, д. т. с., членъ Государ. Совѣта, кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. Владимира 1 ст., св. Анны 1 ст., р. 6 Янв. 1747 † 29 Янв. 1827. (Л. к.).

Поборникъ истины, блюститель правоты,
Служилъ, какъ вѣрный сынъ, отечеству, престолу,
Какъ столпъ недвижимый, непреклоненъ долу.
Высокій, тонкій умъ и сердца доброты
Всегда онъ озарялъ чистѣйшею душою.
Былъ славенъ на землѣ, но вѣрою святою
Въ преклонныхъ дняхъ своихъ стремился къ небесамъ.
Здѣсь въ памяти живетъ, а духъ безсмертный тамъ.
Дочь благодарная, печалію сраженна,
Лежитъ едва дыша у праха ей священна,
Лежитъ и молится и про себя и вслухъ:
Да въ лонѣ Божіемъ его почіетъ духъ.

Морсочниковъ Иванъ Михайловичъ, д. с. с. *), р. въ Москвѣ 19 Авг. 1717, въ службу вступилъ 28 Сент. 1731, бракомъ сочетался 8 Ноября 1741, † въ СПБургѣ 11 Мая 1785. (Л. к.).

Морсочникова здѣсь внутрь персти перстный прахъ,
Безсмертный духъ его въ безсмертныхъ есть мѣстахъ.
Ты христіанскій долгъ яви мольбой, читатель,
Да праведныхъ въ свой кровъ пріемлющій Создатель
Во вѣчности его блаженной водворитъ,
Въ его же домѣ плачъ на радость претворитъ.—*В. Р.* (обыкновенная подпись Василія Григорьевича Рубана).

Мосолова Антонина Митрофановна, ур. *Елленская*, р. 23 Апр. 1822 † 24 Апр. 1881. (П. Θ. ц.).

Мудровъ Матвѣй Яковлевичъ, старшій членъ Медицинскаго Совѣта, докторъ холерной центральной коммиссіи, профессоръ и директоръ Клиническаго Института въ Московскомъ Университетѣ, д. с. с. и разныхъ орденовъ кавалеръ. Окончилъ земное поприще свое послѣ долговременнаго служенія человѣчеству на христіанскомъ подвигѣ подаванія помощи зараженнымъ холерою въ Петербургѣ и палъ отъ оной жертвою своего усердія, р. 23 Марта 1776, † 8 Іюля 1831. Жилъ 55 л. (Хол. к.).

Муравьева Вѣра Алексѣевна, р. 1 Іюня 1790, † 31 Мая 1867. (Т. к.).

---

*) Статсъ-секретарь Екатерины II-и. П. Б.

Муравьева Екатерина Николаевна, ур. *Мордвинова*, жена статсъ-секретаря, † 24 Апр. 1819 г., въ цвѣтѣ жизни 24 л., 11 м., 20 д., оставя по себѣ многолюдное семейство, котораго счастіе содѣлывали ея добродѣтели. «Здѣсь прахъ супруги моей милой! Увы, прошли дни счастья моего. О дѣти милыя, гдѣ матерь ваша, гдѣ другъ нашъ нѣжный и примѣрный?» (Л. к.).

Муравьева Софья Николаевна, графиня, † 26 Февр. 1879. (Л. к.).

Муравьевъ Михаилъ Никитичъ, тайный сов., сенаторъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, и пр., р. 25 Окт. 1757, † 29 Іюля 1807. Жилъ 49 л., 9 м., 4 д. «Надгробіе сіе поставила въ достодолжную его память и благодарность къ нему супруга его *Екатерина* съ малолѣтними сыновьями *Никитою* и *Александромъ* съ пролитіемъ горькихъ слезъ и усердныхъ молитвъ ко Всевышнему, да успокоитъ душу представльшагося въ селеніяхъ своихъ небесныхъ.»—На другой сторонѣ памятника слѣдующая надпись: Hic jacet vir quondam excellentissimus Michael *Mouravieff*, senator, consiliaris privatus sacrae Majestatis Imperialis, minister adjunctus publicae instructionis, eques ordinum sancti Alexandri, sanctae Annae primae classis, sancti Vladimiri 3-ae nec non curator caesar. Universitatis Mosquensis, quem mors praematura nobis eripuit die 29 mensis Julii anno D-ni 1807. Fuit non solum vir doctus, sed etiam vir bonus, patriae amans, pauperum pater, artium et litterarum protector, fidei justitiaeque tenax, modestiae comitatisque exemplum; omnes hae virtutes in suo pectore communem sedem habebant. Ave pia anima! Hanc lapidem tempus edax diruet, sed et nomen tuum et nominis tui memoria in aeternum manebunt.—Сбоку, рядомъ съ портретомъ, слѣдующая эпитафія:

Духъ кроткій, честный, просвѣщенный,
Не міра гражданинъ сего,
Взлетѣлъ въ селенія священны.
Здѣсь друга прахъ почіетъ моего.

Memoriae perenni. (Л. к.).

Муравьевъ Михаилъ Николаевичъ, графъ, р. 24 Сент. *) 1796, † 29 Авг. 1866. (Л. к.)

Муравьевъ Никита Артемоновичъ, тайн. сов., кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., р. 8 Сент. 1721, † 18 Апр. 1799. Служилъ отечеству 60 лѣтъ, въ Сенатѣ присутствовалъ 16 лѣтъ. (Л. к.).

---

*) Ошибочное число. Онъ родился 1 Октября. (Жизнь гр. М. Н. Муравьева, біограф очеркъ Д. А. Кропотова, Спб. 1874, стр. 32—33.)

Мусина-Пушкина Марья Андреевна, полковница, ур. *Чагина*, р. 8 Февр. 1777, въ бракъ вступила 30 Окт. 1798, † 5 Мая 1799. (Л. к.).

* «Здѣсь погребены въ церкви приходской, во храмѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы монастыря Александра Невскаго, у лѣваго клироса, истинные графы *Мусины-Пушкины*: Епафродитъ Ивановичъ 16 Окт. 1733, сынъ его Алексѣй Епафродитовичъ 18 Сент. 1742, графиня Елисавета Платоновна 1 Апр. 1766.»

Мухановъ Дмитрій, младенецъ, р. 28 Іюля 1880 † 7 Дек. 1881. (Т. ц.).

Мягковъ Василій Филипповичъ, д. с. с., предсѣдатель Петерб. Гражданской Палаты, р. 1717, † 10 Апр. 1784. Въ службѣ находился 52 г. Памятникъ ставили жена и дѣти его. (Л. к.).

Мяновская Марія, р. 21 Сент. 1852 † 30 Апр. 1853. (Л. ц.).

Мясниковъ Василій, младенецъ, р. 4 Авг. 1859 † 17 Дек. 1863, внукъ *Анны Васильевны Бѣлкиной*. (Д. ц.).

Мясниковъ Иванъ Ѳедоровичъ, коммерціи сов., † 24 Янв. 1855. (Д. ц., на паперти).

Мясниковъ Никита Ѳедоровичъ, коммерціи сов. и кавалеръ, р. 8 Сент. 1781, † 3 Сент. 1847 на 66 г. (Д. ц.).

*****Мясниковъ** Николай, сынъ Ростовскаго почетн. гражданина *Никиты Мясникова*, † 21 Іюля 1832. (Т. к.).

Мясоѣдовъ Алексѣй Ефимовичъ, вице-адмиралъ, р. 16 Мая 1757 † 19 Марта 1818. «Брату и другу *Николай Мясоѣдовъ*.» (Л. к.).

Мятлева Прасковья Яковлевна, вдова адмирала и кавалера орд. св. Александра Невскаго *Василія Алексѣевича Мятлева*, р. 21 Окт. 1726 † 6 Февр. 1782. Жила 56 л., 3 м., 5 д., 6 ч. (Л. к.).

***Мятлевъ** Василій Васильевичъ, л.-гв. подпоручикъ, р. 21 Февр. 1649 † 30 Марта 1771. Жилъ 22 г., 1 м., 9 д. (Л. к.).

Набоковъ Александръ Ивановичъ, генералъ отъ инфантеріи, † 29 Ноября 1807 и жена его *Авдотья Ивановна* † 2 Марта 1803. (Л. к).

***Навроцкій** Степанъ Константиновичъ, полковой священникъ л.-гв. Коннаго полка, † 25 Марта 1776. Жилъ 55 л., 4 м. (Л. к.).

Надаржинскій Алексѣй Филипповичъ, маіоръ и кавалеръ, Харьковскій помѣщикъ, истинный христіанинъ и другъ человѣчества, род. 17 Февр. 1747, былъ супругомъ любимой жены 16 л., † 31 Ноября 1799 на 52 г. «Сей памятникъ посвящаютъ дружба, любовь, благодарность, горесть, и кипящія слезы жены покойнаго *Настасьи Николаевой* дочери, по отцѣ *Тютчевой*.» (Л. к.).

Нартова Елисавета Петровна, ур. княжна *Мещерская*, жена д. с. с. *Андрея Андреевича Нартова*, † 18 Апр. 1779. Жила 35 л. (Л. к.).

Нартовъ Андрей Константиновичъ, ст. сов., служившій съ честію и славою государямъ: Петру I, Екатеринѣ I, Петру II, Аннѣ Іоан-

новнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и оказавшій отечеству многія и важныя услуги по различнымъ государственнымъ департаментамъ, р. въ Москвѣ 28 Марта 1680 † въ С.-Пб-гѣ 6 Апр. 1756. (Благ. к.).

****Нарышкина** Анна Никитична, гофмейстерина *), † 2 Февраля 1820. (П. Б. ц.).

Нарышкина Екатерина Николаевна, р. 5 Мая 1817 † 29 Декабря 1869. (Ѳ. ц.). Первая жена оберъ-гофмаршала *Эммануила Дмитріевича Нарышкина*, урожд. *Новосильцова* (Русская Родословная книга, часть I, стр. 247).

***Нарышкина** Екатерина, дѣвица, дочь генералъ-аншефа, оберъ-егермейстера, дѣйств. камергера и разныхъ орденовъ кавалера *Семена Кирилловича Нарышкина*, р. 2 Сент. 1763 † 13 Апр. 1771, въ 11 часу пополудни. Жила 7 л., 7 м., 12 д. (Л. к.).

***Нарышкина** Екатерина Сергѣевна, фрейлина двора Ея Им. Вел., р. 30 Ноября 1739 † 30 Окт. 1767, въ Четвергъ, пополудни въ 9 часу. Жила 18 л. (sic.). Погребена 3 Ноября. (Л. к.).

****Нарышкина** Елисавета Дмитріевна, младенецъ. Погребена 28 Авг. 1804. (П. Б. ц.), дочь оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича (Русская Родословная книга, ч. I. стр. 247).

Нарышкина Елисавета Львовна, дѣвица, дочь оберъ-шталмейстера, дѣйств. камергера *Льва Александровича*, род. 14 Янв. 1770 † 1 Іюля 1795. Жила 25 л., 5 м., 17 д. (Л. к.).

****Нарышкина** Зинаида Дмитріевна, младенецъ. Погребена 18 Іюля 1810. (П. Б. ц.), дочь оберъ-егермейстера *Дмитрія Львовича* (Русская Родословная книга, ч. I, стр. 247).

****Нарышкина** Марина Осиповна, жена оберъ-шталмейстера *Льва Александровича Нарышкина*, † 28 Іюля 1800. (П. Б. ц.).

****Нарышкина** Марія Александровна, дочь *Александра Львовича*. Погребена 8 Мая 1800. (П. Б. ц.).

Нарышкина Марія Алексѣевна, ур. *Сенявина*, статсъ-дама и орд. св. Екатерины 2 ст., кавалеръ, род. 9 Марта 1762 † 30 Дек. 1822. (Д. ц.).

Нарышкина Марія Васильевна, ур. княжна *Долгорукова*, р. 19 Апр. 1814 † 7 Дек. 1869. (Ѳ. ц.).

Нарышкина Марія Павловна, ур. *Балкъ-Полева*, жена покойнаго генералъ аншефа, оберъ-егермейстера и разныхъ орденовъ кавалера

---

*) Ур. *Румянцова* (р. 11 Февраля 1730), жена оберъ-гофмаршала *Александра Александровича Нарышкина* (Русская Родословная книга, изд. Русской Старины, часть I, стр. 243).

Семена Кирилловича Нарышкина, р. 23 Ноября 1728 † 28 Мая 1793. Жила 64 г. 6 м. 4 д. (Л. к.).

Нарышкина Марія Яковлевна, ур. княжна *Лобанова-Ростовская*, р. 22 Окт. 1789 † 4 Іюня 1854. (Д. ц.).

Нарышкинъ Александръ Александровичъ, бригадиръ .... (Л. к.).

Нарышкинъ Александръ Александровичъ, оберъ-шенкъ, сенаторъ, дѣйств. камергеръ. Погребенъ 21 Мая 1795. (П. Б. ц.).

****Нарышкинъ** Александръ Ивановичъ, тайный совѣт. Погребенъ 27 Ноября 1782. (Л. к.).

Нарышкинъ Александръ Львовичъ, оберъ-камергеръ и Рос. орденовъ канцлеръ, орд. св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. Анны, св. Іоанна Іерусалимскаго и многихъ иностранныхъ кавалеръ, р. 14 Апр. 1760 † 21 Янв. 1826. (Д. ц.).

Нарышкинъ Дмитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ и кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго и другихъ Росс. и иностранныхъ, род. 30 Мая 1758 † 31 Марта 1838. (П. Б. ц.),

Нарышкинъ Кириллъ Александровичъ, оберъ-гофмейстеръ, членъ Государ. Совѣта, дѣйств. камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 17 Авг. 1786 † 26 Окт. 1838. (Д. ц.).

Нарышкинъ Кириллъ Львовичъ, р. 2 Мая 1839, † 4 Окт. 1859. (Ѳ. ц.).

***Нарышкинъ** Кириллъ, сынъ генералъ-аншефа, оберъ-егермейстера, дѣйств. камергера, обоихъ Росс. орденовъ и св. Анны кавалера, *Семена Кирилловича Нарышкина*, р. 6 Сент. 1761, служилъ л.-гв. въ конномъ полку, † 4 Сент. 1770 невступно однимъ днемъ девяти лѣтъ. (Л. к.).

Родительскихъ утѣхъ любезнѣйшій предметъ
Сей гробъ съ сердцами ихъ и мыслями сокрылъ,
Кой радость былъ отцу и матери, какъ свѣтъ,
Но рокъ безвременно со свѣтомъ разлучилъ.
Родители его любили, и сердечно
Надежды сей лишась, оплакиваютъ вѣчно.

Нарышкинъ Левъ Александровичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, р. 5 Февр. 1785, † въ Неаполѣ 17 Ноября 1846. (Д. ц.).

****Нарышкинъ** Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ. Погребенъ 10 Дек. 1799. (П. Б. ц.).

Нарышкинъ Левъ Кирилловичъ, д. с. с., р. 27 Іюля 1809, † 20 Сент. 1855. (Б. ц.).

Нарышкинъ Семенъ Васильевичъ. Погребенъ 8 Сент. 17.... (Л. к.).

Во благочестіи родясь и утвержденный
Въ любви ко ближнему и къ Богу непремѣнный,

Почтительный былъ сынъ и нѣжный, вѣрный другъ,
Несчастный въ случаяхъ и счастливый супругъ.
Отъ нѣжныхъ чувствій онъ чувствъ здравія лишился
И, девять лѣтъ страдавъ, въ жизнь вѣчну преселился.

Наталія Алексѣевна, супруга Государя Наслѣдника Цесаревича *Павла Петровича*, р. 14 Іюня 1755, † 15 Апр. 1776. (Б. ц., въ алтарѣ).

Наталія Алексѣевна, великая княжна, дщерь Государя Царя *Алексѣя Михайловича*, р. 22 Авг. 1673, † 18 Іюля 1716. Перенесена изъ церкви Воскресенія Лазаря 24 Окт. 1723. (Б. ц.).

Нащокина Екатерина Александровна, ур. *Алединская*, † на 19 году отъ рожденія, и младенецъ, не родившійся на свѣтъ, умеръ съ матерью 1 Іюля 1828. (Д. ц.).

Нащокинъ Павелъ Александровичъ, † 8 Сент. 1843 на 44 г. (Д. ц.).

Негри Елена Константиновна, д. с. с., ур. княжна *Ипсиланти*, р. 1788 въ Константинополѣ, † въ Спбургѣ 27 Мая 1837. «Добродѣтельной и нѣжной супругѣ, вѣчно оплакиваемой оставленнымъ въ суетномъ мірѣ семъ неутѣшнымъ супругомъ ея.» (Т. к.).

Недремскій Никита Трофимовичъ, священно-дьяконъ Александровской приходской церкви, † 13 Дек. 1827, въ 8 часовъ по утру, на 58 г. (Л. к.).

Неклюдова Елисавета Ивановна, ур. Левашова, жена тайн. сов. и кавалера орд. св. Анны и св. Владимира, *Петра Петровича Неклюдова*, р. 21 Авг. 1755, † 21 Февр. 1799, «надъ коей сіе надробіе ея юныя чада съ пролитіемъ слезъ въ память любви и почтенія постановили.» (Л. к.).

Здѣсь милыхъ, юныхъ сонмъ дѣтей
На гробѣ матери ихъ нѣжной
Льютъ часто слезы изъ очей,
Молитвою прося прилежной
Ходатайства за нихъ передъ Творцомъ.
Богъ внемлетъ,—и благословенье,
Какъ утренней росы стремленье,
На дѣтскій ниспадаетъ домъ.

Неклюдова Софья Петровна, дочь тайн. сов., р. 11 Дек. 1788, † 5 Іюня 1859. (Л. к.).

Неклюдовъ Петръ Васильевичъ, тайн. сов. и кавалеръ орд. св. Анны и св. Владимира, р. 5 Іюня 1745, † 18 Іюля 1797. (Л. к.).

Неклюдовъ Петръ Сергѣевичъ, † 26 Апр. 1864. (Л. к.).

Неклюдовъ Сергѣй Петровичъ, д. с. с., р. 27 Мая 1790, † 18 Апр. 1874. (Л. к.).

Нелединская-Мелецкая Настасья Николаевна, ур. графиня *Головина*, жена д. т. с. и кавалера *Александра Юрьевича Нелединскаго-Мелецкаго*, † 3 Янв. 1803. Жила 49 л. (Л. к.).

Нелидовъ Өедоръ Александровичъ, генералъ-маіоръ, † 5 Іюня 1866. (Хол. к.).

** **Неплюевъ** Дмитрій Николаевичъ, тайн. сов. Погребенъ 21 Окт. 1806. (Л. к.).

Нертовская Наталья Симоновна, ст. сов., р. въ Авг. 1777, † 3 Февр. 1814. Памятникъ ставили дѣти ея: *Н*...., *А*.... и *С*.... (Л. к.).

Нертовскій Василій Ивановичъ, ст. сов., р. 12 Апр. 1762, † 4 Мая 1811. Памятникъ соорудили супруга и дѣти. (Л. к.).

Несвицкая Анна Ивановна, княгиня, р. 31 Янв. 1742, † 25 Ноября 1801. Жила 58 л., 9 м., 25 д. Памятникъ ставили: князь *Николай Михайловичъ Несвицкій*, *Аөанасій Никитичъ* и *Елена Николаевна Тулубъевы*. (Л. к.).

Несвицкая Екатерина Ивановна, княгиня, † 11 Янв. 1812, на 62 г. (Л. к.).

***Несвицкая** Елисавета, княжна (Л. к.).

Несвицкая Марія Васильевна, княжна, дочь бригадира *Василія Михайловича Несвицкаго*, р. 10 Апр. 1790, † 24 Іюля 1814, по полудни въ началѣ 2 часа. (Л. к.).

Несвицкій Василій Михайловичъ, князь, бригадиръ, † 25 Апрѣля 1818 на 64 г. (Л. к.).

Несвицкій Василій Өедоровичъ, князь, вице-адмиралъ, р. 22 Марта 1704, службу началъ съ 1715 въ морскомъ флотѣ и служилъ 48 л., отставленъ въ 1764 вице-адмираломъ, † 25 Апрѣля 1771 поутру въ 10 часу. Жилъ 67 лѣтъ, 1 м., 3 д. (Л. к.).

***Несвицкій** Иванъ Николаевичъ, князь. «Сей памятникъ поставленъ въ знакъ душевной любви отъ родителей: князя *Николая Михайловича* и княгини *Анны Ивановны Несвицкихъ*». (Л. к.).

***Несвицкій** Иванъ Өедоровичъ, князь, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, р. 11 Сент. 1763 † 25 Іюля 1787 поутру. (Л. к.).

Несвицкій Николай Михайловичъ, князь. (Л. к.).

Нессельродъ Марія Дмитріевна, графиня, ур. графиня *Гурьева*, супруга государ. канцлера, р. 2 Іюня 1786 † 6 Авг. 1849. (Д. ц.).

Нефедова Маремьяна Петровна, ур. *Сыренкова*, жена Петерб. купца *Памфилія Аникіевича Нефедова*, † 3 Іюня 1788. Жила 29 л. (Л. к.).

Нефедовъ Памфилій Аникіевичъ, Петерб. купецъ, р. 1747 † 11 Дек. 1813. (Л. к.).

Нефедьевъ Павелъ Ильичъ, л.-гв. Коннаго полка штабъ-ротмистръ и кавалеръ, адъютантъ в. к. Константина Павловича, р. 25 Іюля 1781 † 1 Октября 1806. (Л. к.).

****Нечаевъ** Алексѣй Ивановичъ, адмиралъ. Погребенъ 9 Января 1781. (Л. к.).

Нѣловъ Александръ Дмитріевичъ, генералъ отъ инфантеріи, р. 28 Авг. 1790 † 13 Дек. 1858. (Т. к.).

Никаноръ, архимандритъ, намѣстникъ А. Н. лавры, р. 2 Мая 1790 года. † 3 Іюля 1863. (За алтаремъ церкви Сошествія Св. Духа А. Н. лавры).

Никаноръ архимандритъ, казначей А. Н. лавры, настоятель Троицкаго Зеленецкаго монастыря, † 9 Ноября 1845 на 52 г. (Тамъ же).

Никаноръ митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій, Эстляндскій и Финляндскій, Свято-Троицкой А. Н. лавры священно-архимандритъ. (Д. ц.), † 1856.

Никитина Настасья Гавриловна, д. с. с., † 13 Іюля 1809. Жила 80 лѣтъ. Памятникъ ставила дочь ея, дѣвица. (Л. к.).

Никитинъ Левъ Борисовичъ, д. с. с., членъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, р. 13 Февр. 1724 † 22 Ноября 1781. Жилъ 57 л., 8 м., 12 д. (Л. к.).

Никитинъ Николай Львовичъ, с. с., † въ Мартѣ 1816. Жилъ 64 г. (Л. к.).

Никитинъ Павелъ Ефимовичъ, с. с. и кавалеръ, р. 28 Іюня 1785 † 11 Мая 1842. (Л. к).

Никитинъ Сергѣй, кадетъ шляхетнаго артиллерійскаго инженернаго корпуса, † 25 Апр. 1781. Погребенъ 28 Апр. Жилъ 17 л., 10 м., (Л. к.).

Никифоръ, архимандритъ, духовникъ А. Н. лавры, † 24 Апрѣля 1875. (За алтаремъ церкви Сошествія Св. Духа А. Н. лавры).

Никодимъ, Черногорскій архимандритъ, р. 25 Янв. 1798 † 25 Февр. 1858. (Т. к.).

Николаева Ермона Николаевна, дѣвица, † 12 Мая 1810 на 33 г. «Воспитана съ младенчества оберъ-шенкомъ, сенаторомъ, дѣйств. камергеромъ и кавалеромъ орд. Св. Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго и Св. Анны *Александромъ Александровичемъ* и супругою его, гофмейстериною и орд. Св. Екатерины 1 класса кавалеромъ, *Анною Никитичною Нарышкиными*». (Л. к.).

Подъ камнемъ симъ, осыпанный цвѣтами
Младой дѣвицы прахъ, украшенной дарами.
Она безъ трепета оставила міръ сей;
Лишь горько съ той разстаться было ей.

Котора воспріявъ, какъ мать, ее любила,
Дала ей нову жизнь, лелѣяла, хранила...
Ермона тщилася священный долгъ платить;
Жестока Парка вдругъ ея пресѣкла нить,
И та же, съ коей грусть и скорбь она дѣлила,
Оплакавши, любимый прахъ во землю опустила.

Николай, отрокъ, р. 16 Іюля 1800 † 25 Іюля 1808. Жилъ 8 л., 8 д., 8 час. (Л. к.).

*****Никонова** Татьяна Ивановна, жена Петерб. купца *Григорія Григорьевича Никонова*, ур. Паская, р. 21 Сентяб. 177 . † 9 Января 1797. (Л. к.).

*****Никонова** Ульяна, младенецъ, дочъ Петерб. купца *Григорія Григорьевича Никонова* и *Татьяны Ивановны*, р. 4 Янв. 1797 † 15 Сент. 1798. Жила 1 г., 8 м., 10 д. (Л. к.).

Нина, правительница Мингреліи, дочь послѣдняго Грузинскаго царя *Георгія XIII*, р. 15 Апрѣля 1772 † 31 Мая 1847. Жила 75 лѣтъ, 2 м., 15 д. (Ѳ. ц.).

****Нифонтъ**, игуменъ, жившій на покоѣ въ А. Н. лаврѣ. Погребенъ 14 Іюня 1792. (Л. к.).

Нифонтъ, іеромонахъ, экономъ А. Н. лавры, † 27 Мая 1853. (Т. к.).

Новикова Елисавета, младенецъ, р. 22 Февр. 1869 † 14 Марта 1872. (Ѳ. ц.).

Новосильцова Екатерина Александровна, ур. *Торсукова*, вдова д. т. с., р. 2 Ноября 1755 † 8 Іюня 1842 на 87 г. «Матери-благодѣтельницѣ слабый знакъ искреннихъ чувствъ безпредѣльной и вѣчной благодарности ею облагодѣтельствованныхъ и горько оплакивающихъ ея кончину дѣтей ея съ ихъ семействами». (Т. к.).

Новосильцова Екатерина Ивановна, ур. графиня *Апраксина*, † 31 Мая 1864. (Т. к.).

Новосильцова Марія Николаевна, фрейлина, † 4 Ноября 1865. (Т. к.).

Новосильцовъ Александръ Петровичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 10 Янв. 1786 † 10 Авг. 1830. «Отъ неутѣшной матери». (Т. к.).

Новосильцовъ Василій Николаевичъ, † 17 Марта 1870. (Т. к.).

Новосильцовъ Василій Петровичъ, л.-гв. прапорщикъ, † 25 Нояб. 1805 на 17 г., отъ ранъ, на сраженіи полученныхъ. (Л. к.).

Новосильцовъ Николай Николаевичъ, графъ, д. т. с., предсѣдатель Государ. Совѣта, † 8 Апр. 1838 на 72 г. (Д. ц.).

Новосильцовъ Николай Петровичъ, † 2 Окт. 1856. «Супругу и благодѣтелю-отцу». (Т. к.).

Новосильцовъ Петръ Ивановичъ, д. т. с., сенаторъ и кавалеръ орд. св. Владиміра и св. Анны, † 14 Дек. 1805 на 62 г. «Дарованіями ума

украшенный мужъ сей прешелъ въ продолженіи 48 л. службы различныя и важныя должности. Ознаменовавъ поприще жизни добрыми и полезными дѣлами и примѣрнымъ исполненіемъ званій какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, пріобрѣлъ праведное отъ всѣхъ почтеніе. Достойно оплакиваемъ благодарнымъ семействомъ и николи не забвенъ вѣдующими цѣну его». (Л. к.).

Новосильцовъ Петръ Николаевичъ, † 20 Іюня 1864. (Т. к.).

Оболенскій Дмитрій Александровичъ, князь, † 22 Января 1881. (Т. к.).

Обрѣзковъ Василій Дмитріевичъ, младенецъ, р. 22 Іюля 1819 † 29 Ноября того же года (Л. ц.).

****Обухова** Ксенія, подполковница. Погребена 10 Дек. 1785. (Л. к.).

Обуховъ Иванъ Васильевичъ, д. т. с. и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго и св. Анны, дѣйств. камергеръ Ея Величества, р. 2 Іюня 1735 † 30 Апр. 1795 къ сердечной горести супруги и дѣтей, положившихъ ему сіе надгробіе. (Л. к.).

Предъ трономъ возмужалъ, состарился, скончался,
Чтилъ вѣру и любилъ сокровныхъ и друзей
И титломъ честнаго отъ всѣхъ онъ украшался:
Се подвиги его и слава жизни сей.

Огарева Елисавета Ивановна, д. с. с., ур. *Баскакова*, р. 2 Іюля 1784 † 3 Сент. 1815. Жила 31 г., 2 м., 1 д. (Л. к.).

Огарева Елисавета Сергѣевна, ур. *Новосильцова*, жена д. т. с., р. 13 Ноября 1786 † 5 Февр. 1870. (Л. к.).

Огаревъ Георгій Ильичъ, кол. сов., † 2 Марта 1806 на 62 году. (Л. к.).

***Одоевская** Марія Алексѣевна, княгиня, р. 1672 † 16 Окт. 1752. (Л. к.).

Одоевская Марія Өедоровна урожденная *Содковская*, жена бригадира князя *Александра Ивановича Одоевскаго*, р. 18 Марта 1751 † 5 Мая 1786 на 36 г. (Л. к.).

Одоевская Прасковья Александровна, княгиня, генералъ-маіорша, † 9 Окт. 1820 въ 3 съ половиною часа по полуночи, на 51 г. ея праведной и примѣрной жизни. (Л. к.). «Здѣсь покоится драгоцѣнный прахъ вѣрнаго друга, добродѣтельнѣйшей супруги и нѣжной матери, коей сей памятникъ вѣчной привязанности поставили несчастный и удрученный горестію супругъ и сынъ».

***Одоевская** Прасковья Ивановна, княгиня, супруга д. т. с., сенатора и кавалера князя *Ивана Васильевича Одоевскаго*. † 26 Марта 1758. Жила 48 л. Погребена 28 Марта (Л. к.).

Одоевскій Александръ Ивановичъ, князь, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ, р. 6 Янв. 1738 † 21 Ноября 1797. (Л. к.).

Одоевскій Петръ Сергѣевичъ, князь, ротмистръ л.-гв. Коннаго полка, р. 11 Мая 1775 † 1 Февр. 1801. Жилъ 25 л., 8 м., 20 д. Тезоименитство его 18 Мая. (Л. к.).

Озерова Варвара, дѣвица, дочь бригадира *Петра Евграфовича*, р. 29 Авг. 1790 † 14 Янв. 1849. (Л. к.).

Озерова Екатерина, дѣвица, дочь бригадира *Петра Евграфовича*, р. 13 Авг. 1780 † 1 Окт. 1855. (Л. к.).

Озерова Елисавета Андреевна, ур. *Удолова*, бригадирша, р. 1 Іюля 1747 † 16 Дек. 1827. (Л. к.).

Озеровъ Петръ Евграфовичъ, бригадиръ, р. 4 Іюня 1747. «Смерть къ сердечному сокрушенію добродѣтельной его супруги и двухъ его дочерей отлучила его отъ сего свѣта 12 Іюля 1801, въ 6 часовъ по полудни». (Л. к.).

*****Окулова** Анна, жена придворнаго гардеробнаго помощника *Алексѣя Окулова*, р. 21 Авг. 1799 † 24 Ноября 1832. «Вѣрный супругъ въ знакъ любви и незабвенной памяти». (Т. к.).

Окулова Варвара Ивановна, генеральша, † 19 Февр. 1879. (Т. к.).

Окуловъ Александръ Павловичъ, генералъ-маіоръ, р. 14 Февр.1796 † 23 Іюня 1835. (Т. к.).

Окунева Аксинья Варѳоломеевна, ур. *Арсеньева*, вдова генералъ-маіора, † 24 Ноября 1785, по полуночи въ 7 часовъ, погребена 27 Ноября. Жила 73 г., 10 м., 24 д.; памятникъ ставилъ сынъ ея, маіоръ *Петръ Гавриловичъ Окуневъ*. Возобновленъ памятникъ внукомъ ея, ст. сов. *Михаиломъ Петровичемъ Окуневымъ* въ 1840. (Л. к.).

Окунева Александра Алексѣевна, ур. *Скрипицына*, жена кол. сов., † 30 Окт. 1817. (Л. к.).

Оленина Александра Андреевна, ур. княжна *Долгорукова*, † 18 Ноября 1859. (Т. к.).

Оленина Варвара Михайловна, ур. *Жукова*, † 15 Окт. 1807. Жила 25 л. До замужества была фрейлиною. «Опочивайте въ Бозѣ, милыя мои дѣти, въ чаяніи воскресенія мертвыхъ! Тогда всевышнее милосердіе да соединитъ насъ!» (Л. к.).

Оленина Варвара Николаевна, дѣвица, р. 5 Сент. 1771 † 5 Апр. 1833. (Т. к.).

Оленина Елисавета Марковна, д. т. с., ур. *Полторацкая*, р. 2 Мая 1768 † 3 Іюля 1838. (Т. к.).

Супруга нѣжная и другъ своихъ дѣтей,
Да успокоится она отъ жизни сей!

Въ безсмертьи, тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ. ни воздыханья,
Оставя по себѣ тоску семьѣ своей
И сладостныя вспоминанья. *К—ъ.* *)

Оленина Софья Николаевна, дѣвица, р. 29 Дек. 1775 † 5 Іюля 1838. (Т. к.).

Оленинъ Алексѣй Алексѣевичъ, д. с. с., р. 30 Мая 1798 † 25 Дек. 1855 (или 1854) (Т. к.).

Оленинъ Алексѣй Николаевичъ, д. т. с., членъ Государ. Совѣта, президентъ Академіи Худужествъ, р. 28 Нояб. 1763 † 17 Апр. 1843. (Т. к.).

Царю, отечеству онъ преданъ былъ и вѣренъ,
Къ друзьямъ горячъ, нелицемѣренъ.
Неумолимая его скосила смерть;
Но гдѣ водворены художества, науки,
Ея холодныя тамъ слабы руки:
Тамъ памяти о немъ она не можетъ стерть. А. К.

Оленинъ Григорій Никаноровичъ † 25 Іюля 1843. (Т. к.).

Олешевъ Алексѣй Васильевичъ, д. с. с., членъ Петерб. Вольнаго Экономическаго Общества, р. 25 Сент. 1724, въ военную службу вступилъ въ 1741, къ статскимъ дѣламъ опредѣленъ 1764, былъ губернскимъ предводителемъ дворянства Вологодскаго намѣстничества 6 лѣтъ, † въ С.-Петербургѣ 7 Іюня 1788 на 64 г. «Сіе изъ мармора и металла надгробіе положили: оставшаяся по немъ вторая жена и рожденный отъ нея сынъ его, неутѣшно сѣтующіе о разлученіи съ нимъ и горестно оплакивающіе его кончину». (Л. к.). (Женатъ былъ на сестрѣ великаго Суворова).

Останки тлѣнные того сокрыты тутъ,
Кой вѣчно будетъ жить чрезъ свой на свѣтѣ трудъ.
Чѣмъ Шпальдингъ, Дюмулинъ и Юмъ себя прославилъ,
То Олешевъ своимъ соотчичамъ оставилъ.
Былъ воинъ, судія, мудрецъ и экономъ,
Снискавшій честь сохой, и шпагой, и перомъ.
Жилъ добродѣтельно и кончилъ жизнь безъ страху.
Читатель, ты, его воздавъ почтенье праху,
Къ Всевышнему мольбы усердны вознеси,
Да духъ блаженствуетъ его на небеси!

Олешевъ Василій Алексѣевичъ, д. с. с., камергеръ и кавалеръ, р. 25 Дек. 1765 † 10 Марта 1830. (Д. ц.).

****Оливье** Любовь Александровна, капитанша. Погребена 9 Марта 1832. (Л. к.).

---

*) *Иванъ Андреевичъ Крыловъ.* См. Полное собр. сочиненій его. Спб. 1859, т. II, стр. 61.

****Оливье** Марія Петровна, полковница. Погребена 7 Марта 1839 *). (Л. к.).

Олсуфьева Екатерина Ивановна, ур. *Молчанова*, генералъ-маіорша, р. 9 Ноября 1758 † 3 Сент. 1809. (Л. к.).

Олсуфьева Елисавета Сергѣевна, фрейлина в. к. Маріи Павловны, р. 4 Янв. 1782 † 1 Іюля 1799. (Л. к.).

Олсуфьева Марія Сергѣевна, фрейлина в. к. Анны Өедоровны, р. 15 Окт. 1780 † 11 Февр. 1805. (Л. к.).

****Олсуфьева** Христина, дѣвица, дочь д. с. с. Погребена 27 Дек. 1769. (Л. к.).

****Олсуфьевъ** Адамъ Васильевичъ, д. т. с. Погребенъ 29 Іюня 1784. (Л. к.).

Олсуфьевъ Дмитрій Сергѣевичъ. «Жизни моей съ нимъ и счастія было 40 л.» (Л. к.).

Олсуфьевъ Матвѣй Васильевичъ, д. с. с., р. 8 Авг. 1768 † 10 Іюня 1815 и жена его, *Екатерина Петровна*, р. 29 Дек. 1783 † 12 Февр. 1844. (Л. к).

Олсуфьевъ Сергѣй Адамовичъ, генералъ-маіоръ, р. 29 Янв. 1755 † 6 Іюля 1818. (Л. к.).

****Олсуфьевъ** Өедоръ Яковлевичъ, генералъ-маіоръ. Погребенъ 8 Іюня 1783. (Л. к.).

Ольга Павловна, в. к., дщерь Государя Наслѣдника Цесаревича *Павла Петровича*, р. 11 Іюля 1792 † 15 Янв. 1795. (Б. ц., въ алтарѣ).

***Ольхина** Елена Ивановна, жена Петерб. купца и фабриканта *Василія Васильевича Ольхина*, р. 17 Мая 1751 † 13 Мая 1773. Жила 21 г., 11 м., 25 д. (Л. к.).

Ольхинъ Александръ Васильевичъ, коммерціи сов., кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст. и св. Іоанна Іерусалимскаго, р. 20 Іюня 1771 † 19 Авг. 1815. (Л. к.).

*****Ольхинъ** Василій Васильевичъ, Петерб. купецъ, р. 1 Окт. 17... † 25 Іюля 1791. (Л. к.).

*****Ольхинъ** Василій Елеазаровичъ, Петерб. купецъ, уроженецъ Олонецкій, Кирокскаго погоста, р. съ 24 на 25 Дек. 1709 † 9 Дек. 1788. Жилъ 79 л., 10 м. (Л. к).

Ольхинъ Илья Александровичъ, капитанъ, р. 5 Мая 1797 † 1 Мая 1833. (Л. к.).

Опперманъ Карлъ Ивановичъ, графъ, р. 12 Ноября 1766 † 2 Іюля 1831. (Хол. к.).

---

*) Такъ въ „Описаніи" Павлова, а на памятникѣ слѣдующая надпись: *Жеванова* **Марія** Петровна, д. с. с., † 4 Марта 1839, жила 42.

Оржевскій Василій Владиміровичъ, тайн. сов., р. 26 Февр. 1797 † 13 Окт. 1867. (Т. к.).

Орлова Анна Алексѣевна, графиня, младенецъ, р. 24 Ноября 1828 † 8 Янв. 1829. (Д. ц.).

Орлова Екатерина Николаевна, свѣтлѣйшая княгиня, статсъ-дама и кавалеръ орд. св. Екатерины, супруга князя *Григорія Григорьевича Орлова*, ур. *Зиновьева*, † въ Лозаннѣ 1781, на 24 г. (Б. ц.). *)

***__Орловская__ Софія, дѣвица, дочь г-л-нта, † 3 Авг. 1844. (Т. к.).

**__Орловъ__ Александръ Васильевичъ, полковникъ гвардейскаго козачьяго полка. Погребенъ 14 Авг. 1818. (Л. к.).

**__Осиповъ__ Григорій Михайловичъ, д. т. с. Погребенъ 10 Марта 1802. (Л. к.). (Первый намѣстникъ въ Твери).

Осокина Прасковья Ермолаевна, р. 26 Іюля 1794 † 1 Окт. 1842. (Т. к.).

Осокинъ Иванъ Петровичъ. кол. сов., р. 20 Іюня 1745 † 30 Іюня 1808. «Чадолюбивому отцу почтительныя дѣти». (Л. к.).

Остерманъ Александра Ивановна, ур. *Талызина*, жена д. т. с., вице-канцлера, сенатора и кавалера, графа *Ивана Андреевича Остерманъ*, р. 20 Янв. 1755, бракомъ сочеталась 20 Февр. 1778, † съ 7 на 8 Дек. 1793, въ полночь. (Л. к.).

Охотниковы братья: Алексѣй Яковлевичъ, штабъ-ротмистръ кавалергардскаго полка, † 30 Янв. 1807 на 26 г. и Петръ Яковлевичъ † 25 Апр. 1801 на 26 г. (Л. к.). (Первый близокъ былъ къ имп. Елисаветѣ).

**__Очаковскій__ Михаилъ Захарьевичъ, маіоръ. Погребенъ 22 Дек. 1786. (Л. к.).

Павловъ Иванъ, протоколистъ главной полиціи, 47 лѣтъ. Погребенъ 19 Янв. 1746, а память ему 30 Января. Подлѣ него сынъ его *Петръ*, таможенный канцеляристъ, 26 съ половиною лѣтъ. Погребенъ 30 Іюня 1756, а память его 25 Ноября. (Самп. к.).

Павловъ Иванъ Степановичъ, надв. сов. и кавалеръ, р. 3 Сент. 1774 † 6 Марта 1837. Возобновленъ 2 Мая 1862 отъ рода гг. *Обуховыхъ*. (Л. к.).

Павловъ Николай Ивановичъ, генералъ-маіоръ, Новгородскій губернаторъ, р. 6 Іюля 1740 † 21 Авг. 1793. Памятникъ сей возобновила 21 Авг. 1831 внука его, дѣвица *Екатерина Лопухина*. (Л. к.).

**__Паисій__, монахъ А. Н. лавры. Погребенъ 17 Апр. 1837. (Л. к.).

Паисій, іеродьяконъ Спасо-преображенскаго Валаамскаго монастыря, † 25 Мая 1830. (Т. к.).

---

*) Вѣроятно, перевезена изъ Лозаны, гдѣ въ соборѣ находится ей памятникъ. П. Б.

Палладій, архимандритъ, намѣстникъ А. Н. лавры, р. 11 Іюля 1778 † 16 Окт. 1842. (За алтаремъ церкви Сошествія Св. Духа въ А. Н. лаврѣ).

Памфилова Лукія Васильевна, жена протоіерея *Ивана Ивановича Памфилова* † 13 Авг. 1772. Жила 42 г. 2 м. (Л. к.).

Памфиловъ Иванъ Ивановичъ, протоіерей Московскаго Благовѣщенскаго собора, членъ Синода, духовникъ Ея Величества, почетный благотворитель Воспитательнаго Дома, членъ Россійской Академіи, † 19 Іюня 1794 на 74 г. Былъ духовникомъ Екатерины II 24 г. (Л. к.).

Панаевъ Владиміръ Ивановичъ, тайн. сов., статсъ-секретарь, р. 6 Ноября 1792 † 20 Ноября 1859. (Т. к.).

Панина Анна Алексѣевна, ур. *Татищева*, жена полнаго генерала, сенатора и кавалера *Петра Ивановича Панина*. «Воспитанной по замужество при императорскомъ дворѣ фрейлиною и пожившей въ отличныхъ добродѣтеляхъ 35 л. по день кончины, случившейся ей чрезъ маловременную чахотную болѣзнь 27 Окт. 1764, и здѣсь тѣло ея положено при гробахъ прежде скончавшихся младенцевъ, двухъ ея сыновей и матери ея, *Настасьи Нефедьевны Татищевой*, ур. *Кудрявцевой*». (В. Кр.).

Панинъ Никита Ивановичъ, графъ, другъ человѣчества, р. 15 Сент. 1718, предводительствовалъ 20 лѣтъ политическими дѣлами, пріобрѣлъ колѣну своему графское достоинство и имѣлъ довѣренность воспитать Наслѣдника престола Всероссійскаго, † 31 Марта 1783. (Б. ц.).

Панины: Алексѣй Өедоровичъ, корнетъ л.-гв. коннаго полка, р. 6 Мая 1783 † 4 Мая 1799 и Иванъ Өедоровичъ, ротмистръ кавалергардскаго полка, р. 6 Мая 1785 † 29 Сент. 1802. Памятникъ ставили родители ихъ: *Өедоръ Александровичъ* и *Руфина Ивановна Панины*. (Л. к.).

Панины, дѣти графа *Никиты Петровича* и графини *Софьи Владиміровны*: *Петръ* † 9 Марта, *Владиміръ* † 15 Марта, *Елисавета* † 20 Марта 1797. (Л. к.).

Пановъ Петръ Алексѣевичъ, р. 14 Ноября 1800 † 11 Іюля 1876. (За алтаремъ церкви Сошествія Св. Духа въ А. Н. лаврѣ).

Пантелеева Елисавета Петровна, жена надв. сов. *Семена Лазаревича Пантелеева*, † 20 Ноября 1807. (Л. к.).

Пантелеева Марія Кондратьевна, жена кол. сов. *Николая Семеновича Пантелеева*, † 30 Марта 1807. (Л. к.).

Пантелеевъ Николай Семеновичъ, стат. сов., † 11 Февраля 1839. (Л. к.).

Параскева Өедоровна, супруга государя царя *Іоанна Алексѣевича*, р. 12 Окт. 1664 † 13 Окт. 1723. (Б. ц.).

Парфеній, іеромонахъ А. Н. лавры, родомъ Вытегорскаго уѣзда, Шилдскаго священника *Мануила Өедорова* сынъ, † 31 Іюля 1844. (Л. к.).

Пасевьева Екатерина Өедотовна, жена д. с. с. и кавалера *Петра Степановича Пасевьева*, † 26 Февр. 1809. (Л. к.).

Пасевьевъ Петръ Степановичъ, д. с. с. и кавалеръ св. Анны 1 ст., р. 9 Авг. 1759 † 4 Іюля 1816. «Благодарное семейство другу и благодѣтелю своему. *Смир—въ*». (Л. к.).

*****Паская** Александра Дмитріевна, жена купеческаго сына *Степана Ивановича Паскаго*, дочь купца *Дмитрія Ивановича Маркелова*, † 14 Окт. 1816. Жила 19 л. Въ супружествѣ была 1 г., 8 м. (Л. к.).

*****Паская** Александра Яковлевна, жена купеческаго сына *Ивана Ивановича Паскаго 1-го*, дочь купца *Суворова*, р. 13 Февр. 1791 † 1807. Въ супружествѣ была 19 мѣс. (Л. к.).

Паская Марья Григорьевна, ур. *Шарапова*, жена купца *Андрея Ивановича Паскаго*, р. 6 Апр. 1774 † 16 Марта 1811. (Л. к.).

Паскій Андрей Ивановичъ, Петербургскій купецъ, р. 23 Ноября 1772 † 16 Авг. 1815. (Л. к.).

*****Паскій** Василій Ивановичъ, Петербургскій купеческій сынъ, р. 31 Марта 1775 † 28 Февр. 1817. (Л. к.).

Паскій Иванъ Тимоөеевичъ меньшой, коммерціи совѣт. и Петерб. купецъ, р. 11 Апр. 1740 † 1 Мая 1810 и жена его, *Прасковья Васильевна*, р. 22 Окт. 1754 † на 12-е Янв. 1820. (Л. к.).

Паскій Петръ Андреевичъ, род. 13 Іюля 1795 † 12 Мая 1813. (Л. к.).

Паскій Степанъ Ивановичъ † 17 Февраля 1840 на 51 г. (Л. к.).

Пассекъ Марья Сергѣевна, ур. Волчкова, жена *Петра Богдановича Пассекъ*, р. 4 Февр. 1752 † 9 Февр. 1805. (Л. к.).

****Пассекъ** Наталья Исаевна, ур. баронесса *Шафирова*, жена генералъ-аншефа. Погребена 23 Іюля *) 1796. (Л. к.).

Пассекъ Петръ Богдановичъ, генералъ-аншефъ, дѣйств. камергеръ, кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава, р. 18 Февр. 1736 † 22 Марта 1804. (Л. к.).

Пастухова Авдотья Яковлевна, † 14 Апрѣля 1773. Жила 33 года. (Самп. к.).

Пастуховъ Петръ Ивановичъ, д. т. с., сенаторъ и кавалеръ, присутствующій въ комиссіи народныхъ училищъ, р. 9 Янв. 1739 † 11

---

*) Первая жена Петра Богдановича Пассека.

Ноября 1799, въ офицерскомъ чинѣ находился 45 л. Жилъ 59 лѣтъ. (Л. к.).

Патермуфій, монахъ, молчальникъ, въ сердечной памяти оставшійся у всѣхъ любящихъ его, какъ любезнѣйшій отецъ и другъ истинный человѣчества, † 26 Ноября 1825, въ старости, лѣтъ 126. (Т. к.).

***Патрикѣевъ** Николай Ивановичъ, флота капитанъ-лейтенантъ, † 18 Мая 1866 на 73 г. (Н. к.).

Пахомій, іеромонахъ, благочинный, † 28 Марта 1866 на 67 г. (Т. к.).

Пашковъ Иванъ Васильевичъ, р. 13 Февр. 1805 † 17 Дек. 1869. (Д. ц., въ усыпальницѣ графовъ Левашовыхъ).

«Раба Божія Марія Савишна *Перекусихина,* † 8 Авг. 1824 на 85 году». Л. к.).

Перекусихинъ Василій Савичъ, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ орд. св. Анны, р. 20 Февр. 1724 † на 2-е Дек. 1788, во 2 часу по полуночи. Жилъ 63 г., 9 м., 9 д. Памятникъ ставила дочь его, *Екатерина Васильевна Торсукова.* (Л. к.).

Перепечинъ Николай Ивановичъ, тайн. сов. и кавалеръ, р. 14 Окт. 1749 † 20 Марта 1799. (Л. к.).

Пермяковъ Иванъ Григорьевичъ, тит. сов., вѣдомства оберъ-егермейстерскаго корпуса, † 6 Мая 1778, въ 5 часовъ по полудни. Жилъ 58 л., 11 м., 19 д. (Л. к.).

Перовская Екатерина Васильевна, тайн. сов., ур. княжна *Горчакова,* † 15 Ноября 1833. (Л. к.). (Жена графа Льва Алексѣевича, скончалась за границею, анатомирована въ Петербургѣ).

Перовскій Левъ Алексѣевичъ, графъ, р. 9 Сент. 1792 † 9 Ноября 1856. (Л. ц.).

***Перовъ** Трофимъ Петровичъ, Петерб. купецъ, † 29 Марта 1789. Жилъ 60 л. (Л. к.).

***Персидская** Марія Андреевна, † 31 Окт. 1863. (Т. к.).

***Персидскій** Алексѣй Ивановичъ, тайн. сов., р. 17 Марта 1770 † 13 Февр. 1842. Служилъ 59 л., 9 м. (Т. к.).

Персональный Кондратій Өедоровичъ, кол. ас. Погребенъ 3 Авг. 1792. (Л. к.).

Перфильевъ Степанъ Васильевичъ, генералъ-маіоръ. Погребенъ 24 Марта 1793. (Л. к.).

Песоцкій Павелъ Дмитріевичъ, тит. сов., р. 10 Іюня 1786 † 17 Апр. 1817. (Л. к.).

Петрова Наталья Павловна, жена Зимняго дворца псаломщика *Якова Сидоровича,* сына члена Синода, духовника Его Величества, Московскаго Благовѣщенскаго собора протопресвитера и разныхъ орде-

новъ кавалера *Сидора Петрова*, р. 3 Авг. 1783 † 15 Февр. 1803, погребена 17 Февр. Въ замужествѣ была 1 г., 9 м., 10 д. (Л. к.).

Петрова Ульяна Андреевна, жена синодальнаго члена, духовника Его Величества, протопресвитера Московскаго Благовѣщенскаго собора и кавалера орд. св. Анны 1 ст. и командора орд. св. Іоанна Іерусалимскаго *Исидора Петрова*, † 21 Іюня погребена 24 Іюня 1801. Жила 39 лѣтъ. (Л. к.).

***__Петрова__ Хіонія Ивановна, тит. сов. † 30 Янв. 1850 на 69 г. (Т. к.).

Петровъ Василій Петровичъ, тит. сов., архитекторъ А. Н. лавры, р. 28 Янв. 1778 † 11 Іюля 1829. Жилъ 51 г., 5 м., 12 д. (Т. к.).

***__Петровъ__ Петръ Николаевичъ, придворный садовый мастеръ, р. 18 Дек. 1792 † 24 Окт. 1868. «Миръ праху твоему, любезный родитель». (Н. к.).

Петровъ Петръ Петровичъ, р. 28 Іюня 1745 † 15 Сентября 1807. Жилъ 62 г., 2 м., 17 д. Памятникъ ставили: жена его *Матрена Петрова* и братъ его *Дмитрій Петровъ*. (Л. к.).

Петровъ Семенъ Петровичъ, † 2 Сентября 1872. «Жена мужу». (Т. к.).

**__Петровъ__ Яковъ Васильевичъ, повытчикъ С.-Пбургской Консисторіи. Погребенъ 12 Мая 1833. (Т. к.).

Петрово-Соловово Анна Григорьевна, ур. княжна *Щербатова*, жена полковника *Өедора Николаевича Петрово-Соловово*, † 13 Сент. 1821. Жила 35 л. 6 м. (Л. к.).

*__Петрово-Соловово__ Георгій Александровичъ, дѣйств. камергеръ Ея И. Величества, р. 28 Окт. 1703 † 5 Апр. 1743, въ 12 часовъ пополудни, на память свв. мучениковъ Өеодула и Агаөопода, погребенъ 12 Апрѣля. Жилъ 39 л., 6 м., 3 д. (Л. к.).

Петрово-Соловово Өедоръ Николаевичъ, полковникъ и кавалеръ, р. 2 Ноября 1763 † 12 Апр. 1826. (Л. к.).

**__Петръ__ Кирилловичъ, протоіерей Троицкаго собора. Погребенъ 2 Янв. 1776. (Л. к.).

Петръ Петровичъ, царевичъ, сынъ государя царя *Петра Алексѣевича*, р. 29 Окт. 1715 † 25 Апр. 1719. Перенесенъ изъ церкви Воскресенія Лазаря 24 Окт. 1723. (Б. ц.).

Петровы, младенцы: *Анна*, р. 27 Февр. 1797 † 9 Ноября того же года, *Марія*, р. 4 Іюля 1798 † 16 Іюля 1799, дочери духовника Его Величества, члена Синода, Московскаго Благовѣщенскаго собора протопресвитера *Сидора Петрова*. (Л. к.).

***Печерина** Евдокія Семеновна, жена мундшенка *Өедора Печерина*, бывшая камеръ-юнгфера двора Ея И. Величества, † 12 Сент. 1746. Жила 33 г. При дворѣ служила 18 л. (Л. к.).

***Печерина** Надежда, дѣвица, дочь оберъ-мундшенка *Өедора Ивановича Печерина*, † 30 Ноября 1773. Жила 14 л., 2 м., 13 д. (Л. к.).

***Печерина** Марія, дѣвица, дочь оберъ-мундшенка двора Ея Величества, † 18 Сент. 1763, погребена 21 Сентября. Жила 14 лѣтъ съ половиною. (Л. к.).

***Печеринъ** Өедоръ Ивановичъ, оберъ-мундшенкъ двора Ея Величества, въ службѣ былъ при дворѣ съ 1734 г., † 12 Авг. 1763, погребенъ 15 Авг. Жилъ 50 л. (Л. к.).

Писарева Дарія Васильевна, ур. княжна *Несвицкая*, † 19 Іюня 1809 на 58 г. (Л. к.).

Писаревъ Степанъ Ивановичъ, ст. сов., послужившій церкви переводомъ полезныхъ книгъ, † 9 Мая 1775 (sic). Жилъ 67 л. (Л. к.).

Плавовъ Петръ Сергѣевичъ (1794—1864). (Л. к.).

Плаутинъ Михаилъ Өедоровичъ, ген.-маіоръ, р. 5 Ноября 1799 † 10 Февр. 1874. (Т. к.).

Плаутинъ Сергѣй Өедоровичъ, полковникъ, род. 1 Окт. 1798 † 3 Окт. 1881. (Т. к.).

Плетневъ Петръ Александровичъ, р. 10 Авг. 1792 † 29 Дек. 1865. (Т. к.).

Плещеева Надежда Александровна, р. 7 Ноября 1800 † 15 Дек. 1801. (Л. к.).

Плещеева Наталья Өедотовна, ур. *Веригина*, статсъ-дама двора Ихъ Величествъ, кавалерственная дама орд. св. Екатерины большаго креста, жена д. т. с. *Сергѣя Ивановича Плещеева*, умершаго въ г. Монпелье, р. 1768, вдовствовала отъ 23 Янв. 1802, † въ С.-Пбургѣ 6 Февр. 1855. (Л. к.).

*****Плещеевъ** Михаилъ Сергѣевичъ, младенецъ, р. 13 Ноября 1799 † 14 Сент. 1805. (Л. к.).

Плѣшанова Елена Ивановна, Ростовская почет. гражд., р. 13 Мая 1798 † 25 Іюня 1848. (Т. к.).

Плѣшановъ Өедоръ Максимовичъ, почетн. гражд., Ростовскій 1-й гильдіи купецъ, р. 3 Ноября 1795 † 28 Окт. 1767. (Т. к.).

Плющикъ Александра Алексѣевна, жена тит. сов. *Григорія Павловича Плющика*, р. 13 Мая 1792, бракосочеталась 13 Ноября 1818 † 31 Марта 1819. Истинное благочестіе, кротость, милосердіе и любовь къ ближнимъ были свойствами доброй души ея. (Л. к.).

Повало-Швыйковскій Яковъ Ивановичъ, д. т. с. и кавалеръ разныхъ орденовъ, р. 9 Окт. 1750 † 27 Сент. 1807. (Л. к.).

Повенъ Марья Васильевна, жена тайн. сов., † 5 Іюля 1850. Жила 52 г. (Л. к.).

Погожевъ Михаилъ Родіоновичъ, д. с. с., † 7 Іюля 1874 и сынъ его Николай † 7 Января 1872. (Д. ц.).

***__Подлазовъ__ Василій Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 21 Сент. 1857 на 73 г. (Т. к.).

***__Подлазовъ__ Михаилъ Васильевичъ † 17 Іюля 1872. (Т. к.).

Пожарскій Михаилъ Евдокимовичъ, р. 4 Іюля 1796 † 1 Января 1854. (Т. к.).

*__Пожняковъ__ Кононъ Григорьевичъ, Петерб. купецъ, † 24 Апр. 1766. Жилъ 61 г. (Л. к.).

***__Позднякова__ Ульяна Ивановна, рожденная отъ Петерб. купца *Ивана* большаго *Кокушкина* въ Декабрѣ 1712; въ замужествѣ была за Петербургскими купцами: *Василіемъ Перешивкинымъ*, а по кончинѣ его за *Матвѣемъ Позняковымъ*, который † 24 Іюня 1762. Послѣ онаго вдовствовала 4 г., 9 м., 15 д., † 15 Апр. 1787. Жила 74 г., 6 м., 20 д. Тезоименитство ея 21 Декабря. (Л. к.).

Полежаевъ Дмитрій Михайловичъ, коммерціи совѣтникъ, † 2 Авг. 1872. Жилъ 68 л. и жена его *Марія Ивановна*, ур. *Жданова*, † 27 Окт. 1867. Жила 57 л. (Т. ц.).

Поливановъ Михаилъ Юрьевичъ, генералъ-лейтенантъ, † 14 Янв. 1880. (П. Ѳ. ц.).

Поликарпова Елисавета Павловна, ур. княжна *Щербатова*, жена д. т. с. *Александра Васильевича Поликарпова*, р. 24 Ноября 1758 † 21 Апр. 1822. (Л. к.).

Поликарповъ Александръ Александровичъ, сынъ д. с. с. *Александра Васильевича*, р. 24 Авг. 1789 † 28 Марта 1840. (Л. к.).

Поликарповъ Александръ Васильевичъ, д. т. с. и кавалеръ, сенаторъ, р. 15 Авг. 1753 † 19 Окт. 1811 на 59 г. (Л. к.).

Политковская Александра Григорьевна, ур. *Шелехова*, жена д. с. с. и кавалера *Гавріила Герасимовича Политковскаго*, р. 21 Дек. 1788 † 1 Янв. 1816. (Л. к.). Завѣщаніе дѣтямъ моимъ: «помните Бога, слѣдуйте путемъ добродѣтели и будете счастливы и здѣсь и со мною» *А. Политковская.*

Политковская Марья Семеновна, р. 15 Ноября 1809 † 10 Іюня 1864. (Ѳ. ц.).

Политковскій Владиміръ Гавриловичъ, р. 14 Апр. 1807 † 25 Ноября 1867. (Ѳ. ц.).

Политковскій Ростиславъ Гавриловичъ, д. с. с., † 2 Марта 1858. (Т. к.).

Полтавцовъ Игнатій Кирилловичъ, половникъ и камеръ-фурьеръ † 6 Ноября 1756, послѣ полудня въ 6 часу. Жилъ 56 л. (Л. к.).

Полторацкая Агаѳоклея Дмитріевна, дѣвица, р. 13 Іюня 1797 † 24 Марта 1815. (Л. к.).

Полторацкая Софья Алексѣевна, ур. *Щепотьева*, жена *Алексѣя Марковича Полторацкаго*, р. 31 Авг. 1790 † 9 Декаб. 1810. (Л. к.).

Полторацкій Маркъ Ѳедоровичъ, д. с. с., р. 17 Апр. 1729 † 13 Апр. 1795. (Л. к.).

Полубояриновъ Аврамъ Петровичъ, секретарь Его Величества, р. 1705 † 15 Окт. 1735. (Л. к.).

***Полубояровъ** Александръ Аврамовичъ, сержантъ л.-гв. Преображенскаго полка, р. 30 Авг. 1733 † 30 Декаб. 1757. (Л. к.).

Полѣтика Михаилъ Ивановичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 17 Сент. 1768 † 5 Декабря 1824 и жена его, *Елисавета Михайловна*, ур. *Мордвинова*, р. 6 Мая. 1776 † 2 Февраля 1802. (Л. к.).

Полякова Екатерина Михайловна, ур. *Дурасова*, † 2 Ноября 1876. (П. Ѳ. ц.).

Полянская Авдотья Андреевна, дѣвица, р. 18 Февр. 1744, пожалована во фрейлины къ Ея Величеству 17 Дек. 1764, † 17 Мая 1781, въ 1 часу по полудни. Жила 37 л., 2 м. (Л. к.).

Полянская Елисавета Ивановна, тайн. сов., вдова сенатора, ур. *Рибопьеръ*, р. 13 Мая 1784 † 18 Октября 1847. (Л. к.).

Полянская Елисавета Романовна, ур. графиня *Воронцова*, † 2 Февраля 1792. Жила 49 л. (Л. к.).

Полянскій Александръ Александровичъ, сенаторъ, р. 2 Мая 1774 † 28 Марта 1818. (Л. к.).

Полянскій Александръ Ивановичъ, ст. сов. † 28 Ноября 1818. (Л. к.).

Полянскій Петръ Андреевичъ, бригадиръ, р. 12 Іюня 1729, въ службу вступилъ въ армію 1744, а напослѣдокъ продолжалъ оную во флотѣ и при Адмиралтействѣ, отставленъ отъ службы въ 1774, † 11 Октября 1782. (Л. к.).

*****Пономарева** Марія, дѣвица, дочь Петерб. купца *Михаила Пономарева*, р. 27 Марта 1767 † 27 Марта 1784. Жила 17 л. (Л. к.).

Пономарева Настасья Петровна, вдова надв. сов., р. 26 Февр. 1794 † 7 Февр. 1859. (Т. к.).

Пономаревъ Дмитрій Дмитріевичъ, надв. сов., р. 20 Октяб. 1784 † 30 Янв. 1844. Имѣлъ ордена: Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 ст.,

Св. Станислава 2 ст. и знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ *). (Т. к.).

***Попова** Елена, дѣвица, дочь бывшаго Олонецкаго купца *Якова Ивановича Попова*, † 5 Сентяб. 1776. Жила 19 л., 13 м., 15 д. (Л. к.).

Поповъ Алексѣй Семеновичъ, камеръ-фурьеръ подполковничьяго чина, камердинеръ Екатерины II, † 22 Марта 1780 на 52. (Л. к.).

Царицѣ Росскихъ странъ сей ревностно служилъ
И милости ея по смерть свою носилъ.
Днесь Вышнему Царю на службу преселился;
Но чтобы милостивъ къ нему сей Царь явился,
Усердную мольбу, читатель, ты пролей
И о женѣ его и дщери пожалѣй.
Когда родитель былъ ея уже во гробѣ,
Во матерней тогда была она утробѣ.
Въ дни сѣтованія произойдя на свѣтъ,
Отцова вида зритъ единый сей предметъ;
Съ скорбящей матерью она по немъ рыдаетъ,
А марморъ сей печаль сердецъ ихъ представляетъ.

Сей знакъ печали положила вторая жена, *Елисавета Михайловна*, ур. *Гусятникова* съ осиротѣвшею еще до рожденія дочерью *Екатериною* для достодолжнаго чествованія мужа, друга и родителя.

Поповъ Андрей Яковлевичъ, коммерціи совѣтникъ, Верхотурскій 1-ой гильдіи купецъ и кавалеръ, † 2 Октября 1833 на 74 г. (Т. к.).

Поповъ Василій Ивановичъ, тит. сов., р. 26 Дек. 1771 † 3 Дек. 1817, въ 9 часовъ утра. Жилъ 45 л., 11 м., 7 д. Сей памятникъ воздвигнутъ въ знакъ незабвенной памяти и дружбы супругою его *Надеждою Поповой*. (Л. к.).

Поповъ Василій Степановичъ, д. т. с., р. 17 Дек. 1743 † 5 Ноября 1822. Тутъ же погребены *Александръ и Павелъ Поповы*. (Л. к.).

Поповъ Степанъ Степановичъ, Петерб. купецъ. Записанъ въ здѣшнее купечество изъ Бѣлевскихъ въ 1743, † 3 Февр. 1789. Жилъ 70 л. (Л. к.).

****Поповъ** Ѳеопемптъ Васильевичъ, Олонецкій купецъ. Погребенъ 31 Дек. 1774. (Л. к.).

*****Пороховъ** Гаврила Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 20 Янв. 1833. Жилъ 65 л. (Т. к.).

---

*) Сынъ ихъ, капитанъ *Александръ Дмитріевичъ Пономаревъ*, сконч. 22 Мая 1875 г., погребенный на Тихвинскомъ кладбищѣ, по завѣщанію матери, пожертвовалъ въ церковь Сошествія Св. Духа образъ, который и находится въ этой церкви. Тамъ же есть еще образъ въ память супруги генералъ-майора *Лидіи Дмитріевны Астафьевой*, ур. *Пономаревой*.

Постникова Марья Ивановна, ур. Архарова, тайн. сов., р. 5 Іюня 1784 † 16 Іюня 1834. (Т. к.).

Постниковъ Захаръ Николаевичъ, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ, р. 17 Марта 1765 † 8 Дек. 1833. (Т. к.).

Потапова Авдотья Леонтьевна, Петерб. гражданка, † 16 Ноября 1835. Жила 58 л. (Л. к.).

Потаповъ Василій Ивановичъ, Ю. В. К., † 28 Нояб. 1821. Жилъ 47 л., 7 м., 27 д. (Л. к.).

Потаповъ Никандръ Ивановичъ, маіоръ, † 1816. (Л. к.).

Потемкина Анна Богдановна, ур. княжна *Друцкая-Соколинская*, жена егермейстера, † 23 Февр. 1798. (Л. к.).

Потемкина Варвара Ивановна, ур. *Сафонова*, р. 29 Дек. 1786 † 30 Окт. 1810. Памятникъ поставленъ мужемъ. (Л. к.).

Потемкина Прасковья Андреевна, ур. *Закревская*, жена генералъ-аншефа, графа *Павла Сергѣевича Потемкина*, р. 1763 † 1816. «Усердіе сыновнее потщилось воздвигнуть скудельный памятникъ сей не въ споръ всеразрушающей вѣчности, но въ утѣшеніе любви и человѣчеству въ дань». (Л. к.).

Потулова Софья Владимировна, чиновница 4 кл., р. 6 Нояб. 1781 † 2 Дек. 1836. (Т. к.).

******Похотина** Варвара, жена Петерб. купца *Николая Похотина*, дочь *Андрея Кружевникова*, † 22 Апр. 1810 на 35 г. Памятникъ ставилъ мужъ. (Л. к.).

***«Подъ симъ камнемъ, воздвигнутымъ Петерб, 2 гильдіи купцемъ *Николаемъ Ивановичемъ Похотинымъ*, погребено тѣло его, проведшаго жизнь въ С.-Петербургѣ безмятежно 42 года собственными трудами и безъ покрова мнимыхъ пріятелей, во славу же Божію и трудовъ своихъ; р. Тверской губ. въ гор. Кашинѣ † 27 Февр. 1822, въ 12 чачовъ по полудни, въ день воскресный. Жилъ 57 л., 10 м. День ангела празднуется 9 Мая». (Л. к.).

Презентъ Иванъ Ѳедоровичъ, ст. сов., † 23 Іюня 1800 на 35 г. (Л. к.).

Притвицъ Екатерина Карловна, баронесса, младенецъ, р. 4 Іюня 1854 † 16 Дек. 1856. (П. Л. ц.).

Притвицъ Константинъ Карловичъ, баронъ, младенецъ, р. 18 Янв. 1858 † 5 Іюня 1861. (П. Л. ц.).

«**Провъ** Константиновичъ ,князь Волосскій, графъ Австрійскій, происходившій отъ рода Греческаго императора Іоанна Кантакузина, который царствовалъ въ 1198 г. (sic), и праправнукъ бывшаго въ Валахіи господаремъ въ 1619 г. *Сербана Константиновича Кантакузина*, р. въ Трантаваніи (sic) отъ *Погоны Михайловны*, ур. княгини *Кан-*

такузиной въ Августѣ мѣсяцѣ...., пребывавшій въ службѣ при Россійскомъ императорскомъ дворѣ пажемъ и имѣвшій наслѣдственное право на орденъ Константиновича Св. Вкм. и побѣдоносца Георгія, † 4 Мая 1787 въ цвѣтѣ молодыхъ своихъ лѣтъ. Отъ роду имѣлъ 16 л., 8 м». (Л. к.).

Прожекъ Θедоръ Гавриловичъ, отставной гвардіи подполковникъ, † 6 Марта 1853 на 57 г. (Т. к.).

Прозоровъ Яковъ Алексѣевичъ, коммерціи сов., р. въ Вяткѣ 27 Сент. 1816 † въ С.-Петербургѣ 3 Февр. 1881. Тезоименитство 9 Окт. (П. Θ. ц.).

Протасова Анна Степановна, графиня, камеръ-фрейлина † 12 Апр. 1826. (Д. ц.).

***Протасова** Екатерина Михайловна, ур. княжна *Барятинская*, жена тайн. сов. и кавалера орд. Св. Анны 1 кл. *Григорія Григорьевича Протасова*, р. въ Москвѣ 1751, Мая »» дня † 27 Февраля 1800. (Л. к.).

Протасьева Анна Васильевна, над. сов., р. въ Сентябрѣ 1746 † 23 Апр. 1803. «Кротость и добродѣтель были неразлучными спутниками ея жизни, коими она украшала благополучіе семейства своего и доставляла прибѣжище и отраду скорбящему». (Л. к.).

***Протопопова** Марія, жена гвардіи капитана-поручика *Василія Ивановича Протопопова*, дочь д. т. с. и кавалера *Алексѣя Григорьевича Жеребцова*, † 9 Іюня. Жила 25 л., 10 м., 18 д. (Л. к.).

Протопоповъ Лукіанъ Θедотовичъ, членъ Синода, протопресвитеръ Московскаго Большаго Успенскаго собора, р. 8 Окт. 1743 † 15 Нояб. 1813. (Л. к.).

Прудниковъ Михаилъ Θедоровичъ, надв. сов., р. 1 Сент. 1796 † 14 Марта 1850. Жилъ 54 г. (Т. к.).

Прудниковъ Θедоръ Θедоровичъ, кол. сов., р. 4 Апр. 1780 † 15 Нояб. 1838. (Т. к.).

Пуговишникова Александра Ивановна, дочь тайн. сов., р. 174. Февр. † Іюня 1 дня *). (Т. к.).

Пуговишникова Анна Ивановна, дочь тайн. сов. и кавалера, дѣвица, † на 73 г. въ Окт. 1827. Погребена 1 Ноября (Т. к.).

Пуговишникова Ирина Стахіевна, жена тайн. сов. *Ивана Осиповича Пуговишникова*, р. 18 Апр. 1725 † 11 Іюня 1787. Жила 62 г. (Л. к.).

---

*) Погребена 4 Іюня 1824. (Описаніе А. Н. лавры, А. Павлова. стр. 138).

Пуговишниковъ Иванъ Осиповичъ, тайн. сов. Государ. Кол. Иностр. Дѣлъ и кавалеръ, р. 4 Дек. 1710 † 17 Іюля 1780. Жилъ 70 л. (Л. к.).

Пуговишниковы, дочери тайн. сов. Ивана Осиповича: *Ольга*, р. 25 Апр. 1741 † 9 Дек. 1811, *Прасковья*, р. 14 Іюня 1746 † 6 Дек. 1811, *Елисавета*, р. 6 Апр. 1760 † 13 Февр. 1812. (Л. к.).

Пустошкинъ Евсигней Ивановичъ, бригадиръ, р. 22 Іюля 1700, въ службу вступилъ въ 1713, отставленъ въ 1741, † 13 Ноября 1768, пополуночи въ 7 часу, погребенъ 29 Ноября. (Л. к.).

Пучковъ Никита Борисовичъ, тит. сов., р. 5 Августа 1725 † 5 Февр. 1792. (Л. к.).

Радищева Анна Васильевна † 3 Авг. 1783. (Л. к.).

Раевская Елисавета Николаевна, ур. *Чоглокова*, дочь камергера, бывшая при дворѣ Ея Величества фрейлиною, а потомъ въ замужествѣ за гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикомъ *Раевскимъ*, р. 2 Февр. 1749 † 11 Мая 1771. Жила 21 г., 2 м., 17 д. (Л. к.).

Разумовская Софья Степановна, д. т. с., графиня, ур. *Ушакова*, р. 11 Сент. 1746 † 26 Сент. 1803. (Л. к.).

Разумовскій Алексѣй Григорьевичъ, Римскій и Россійскій графъ, Россійскихъ войскъ генералъ-фельдмаршалъ, оберъ-егермейстеръ, лейбъ-компаніи капитанъ-поручикъ, первый камергеръ, л.-гв. Коннаго полка подполковникъ, орд. Росс. св. ап. Андрея, св. Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и св. Анны кавалеръ, р. 17 Марта 1709 † въ С.-Пбургѣ 6 Іюля 1771. Жилъ 62 г., 3 м., 19 д. Тутъ-же погребена *Разумовская* Екатерина Ивановна, графиня, ур. *Нарышкина*, двора Ея Импер. Величества Всероссійская дѣйствительная статсъ-дама, орд. св. Екатерины кавалеръ, р. 11 Мая 1729 † въ С.-Пбургѣ 22 Іюля 1771. Жила 42 г., 2 м., 12 д.—Сей монументъ сооруженъ въ знакъ супружеской и братней любви и незабвенной памяти генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ *Кирилломъ Разумовскимъ* въ 1779 году. (Б. ц.).

Разумовскій Петръ Кирилловичъ, графъ, оберъ-камергеръ, д. т. с. и кавалеръ, р. 15 Янв. 1751 † 14 Дек. 1823. (Л. к.).

****Райковскій** Степанъ Ивановичъ, надв. сов., профессоръ Петерб. Духовной Академіи. Погребенъ 5 Ноября 1854. (Т. к.).

****Ракитская** Александра Петровна, кол. сов. Погребена 26 Сент. 1829. (Л. к.).

Рамбургъ Варвара Петровна, ур. *Щербинина*, жена генералъ-маіора *Александра Ивановича Рамбургъ*, р. 14 Марта 1770 † 29 Апр. 1795, исполненная благонравія, любви къ ближнимъ и почтенія къ родителямъ. Въ супружествѣ была 4 года. (Л. к.).

Рамбургъ Александръ Ивановичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ, р. 13 Авг. 1758 † 3 Мая 1826. (Л. к.).

Рамбургъ Иванъ Александровичъ, гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ, кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст. съ бантомъ, св. Анны 4 кл., Австрійскаго Леопольда и Прусскаго за заслуги, имѣвшій медаль 1812 г., р. 29 Дек. 1792 † 30 Янв. 1822. Жилъ 29 л., 1 м., 2 д. «Неутѣшный отецъ примѣрному сыну». (Л. к.).

«Здѣсь лежитъ тѣло Елисаветы Алексѣевны *Ранцовой*, ур. *Дубенской*, посвятившей жизнь свою для блага дѣтей, ближнихъ и всѣхъ окружавшихъ ее; утѣшительницы несчастныхъ и бѣдныхъ, жены всѣми добродѣтелями украшенной, р. 18 Іюня 1766 † 10 Авг. 1808. Вѣрныя супруги, чадолюбивыя матери, почтите прахъ ея слезою! Въ память любезнѣйшей и нѣжнѣйшей матери поставленъ сей надгробный камень благодарными дѣтьми ея 11 Октября 1808». (Л. к.).

Раткова Анна Александровна, жена генералъ-маіора, † 24 Іюня 1831. (Хол. к. погребена съ сестрою своею, *Екатериною Александровною Свѣчиною*, ур. Чашниковою).

Ратковъ Авраамъ Петровичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., св. Владимира съ бантомъ, св. Георгія, р. 21 Окт. 1773 † 26 Дек. 1829. Памятникъ ставила жена его *Анна Александровна Раткова*, ур. *Чашникова*. (Л. к.).

Рахманова Марія Кирилловна, л.-гв. поручица, р. 27 Мая 1746 † 1814 въ 13 день. Жила 68 л., 11 м. (Л. к.),

***Рахмановъ** Гаврила Андреевичъ, генералъ-маіоръ, л.-гв. Измайловскаго полка секундръ-маіоръ, р. въ Іюлѣ 1694, въ службу вступилъ въ 1713, † 10 Дек. 1760. (Л. к.).

Рахмановъ Николай Михайловичъ, генералъ-поручикъ, кавалеръ орд. св. Владимира 2 ст. большаго креста, св. Георгія 4 ст., Польскаго Бѣлаго Орла и великокняжескаго Голштинскаго св. Анны, р. 5 Дек. 1746 † 27 Марта 1793, въ 5 часовъ по полудни, на 47 г. Памятникъ ставила жена его, *Елисавета Петровна Рахманова*. (Л. к).

Рачинская Марія Васильевна, бригадирша, † 12 Іюля 1812 (Л. к.).

Резанова Анна Григорьевна, ур. *Шелехова*, жена оберъ-прокурора Сената и кавалера *Николая Петровича Резанова*, р. 15 Февр. 1780 † 18 Окт. 1802. Остался мужъ и дѣти: *Петръ* одного года, 3 м. и *Ольга* 12 дней. (Л. к.).

Резанова Варвара Өедоровна, р. 24 Ноября 1773 † 12 Янв. 1820. Памятникъ ставилъ мужъ ея, сенаторъ *Дмитрій Ивановичъ Резановъ*. (Л. к.).

Резановъ Иванъ Гавриловичъ, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ, р. 21 Янв. 1726 † 23 Дек. 1787. (Л. к.).

Ренни Марія Ивановна, ур. *Бекова*, жена генералъ-маіора и кавалера *Романа Егорьевича Ренни*, р. 19 Марта 1781 † 7 Янв. 1810. «Незабвенной супругѣ и матери». (Л. к.).

Ржевская Александра Өедотовна, ур. дѣвица *Каменская*, род. 19 Авг. 1740, бракомъ сочеталась съ *Алексѣемъ Андреевичемъ Ржевскимъ* 19 Февр. 1766. «По прошествіи трехъ лѣтъ произвела первымъ плодомъ супружества сына, именемъ *Ивана* и по разрѣшеніи отъ бремени въ осьмой на десять день горячкою скончалась 7 Апр. 1769, около 12 часовъ по полудни, на 29 году вѣка своего, оставя по себѣ сего новорожденнаго младенца, который, будучи 4 мѣсяцевъ невступно, скончался и въ семъ же мѣстѣ погребенъ».

«Во время жизни своей сія Ржевская любила художества и науки, упражнялась въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ, имѣла великую охоту къ чтенію книгъ и читала разныя книги на Россійскомъ, Французскомъ и Итальянскомъ языкѣ; притомъ имѣла вкусъ въ жизни и знаніе свѣта. Нравъ ея былъ веселъ, склоненъ и пріятенъ, какъ въ обращеніи свѣтскомъ, такъ и въ приватномъ сожитіи. Дарованія ея были украшены острымъ и просвѣщеннымъ разумомъ; добродѣтель и истина были для нея драгоцѣннѣе всего; сердце ея было чувствительно, нѣжно и всегда готово къ содѣланію добра. Имѣла милость и пріемъ отъ Монархини своей; была въ почтеніи у всѣхъ безпристрастныхъ современниковъ своихъ; друзья ее считали сокровищемъ своимъ. Умѣла имѣть друзей и имѣла, умѣла истинно любить, любила ихъ и была сама ими весьма любима; супруга своего любила совершенно и вѣрно, ему же была неизъяснимо любезна. Онъ ее почиталъ первымъ утѣшеніемъ и благополучіемъ своея жизни и, лишася ее, остался по ней въ неописанномъ отчаяніи, въ жестокой горести и неутѣшномъ плачѣ. Смерть ея причинила друзьямъ, роднѣ, пріятелямъ и всѣмъ, кто ее знали, горесть, слезы, печаль и сожалѣніе». (Л. ц.). Стихотворная эпитафія не приводится. См. Описаніе Петербурга Рубана, стр. 384.

Ржевская Анна Андреевна, дѣвица, дочь *Андрея Ивановича Ржевскаго*, р. 25 Ноября 1731 † 28 Сент. 1804 на 73 году. Погребена 30 Сентября. (Л. к.).

Ржевскій Алексѣй Андреевичъ. д. т. с. и разныхъ орденовъ кавалеръ, камергеръ, р. 19 Февр. 1737 † 23 Апр. 1804. (Л. к.).

Онъ рѣдкимъ былъ отцомъ,
Примѣрнымъ былъ супругомъ,
Для счастія родныхъ, для обща блага жилъ.
Любилъ ученіе. поэзіи былъ другомъ
И правдою всегда отечеству служилъ.

Ржевскій Алексѣй, сынъ *Алексѣя Андреевича*, р. 4 Ноября 1791 † 24 Ноября 1792. (Л. к.).

***Ржевскій** Ѳедоръ Васильевичъ, л.-гв. Измайловскаго полка, † 3 Марта 1752. Жилъ 36 л., 20 д. (Л. к.).

Ржевусская Анна Дмитріевна, графиня, ур. *Дашкова*, р. 9 Авг. 1831 † 23 Марта 1858. (Л. ц.).

Рибопьеръ Аграфена Александровна, ур. *Бибикова*, р. 17 Февр. 1755 † 23 Іюня 1812. (Л. к.).

Рибопьеръ Екатерина Михайловна, графиня, кавалерственная статсъ-дама, р. 15 Іюня 1788 † 2 Февр. 1872. (Т. к.).

Рибопьеръ Александръ Ивановичъ, графъ, д. т. с., членъ Государ-Совѣта, бывшій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Прусскомъ и Турецкомъ дворахъ, кавалеръ Россійскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ, † 24 Мая 1865. (Т. к.).

Рикордъ Петръ Ивановичъ, адмиралъ при особѣ Его И. Величества, † 16 Февр. 1855 на 79 г. жизни, на 61 службы. (Т. к.) *).

***Римская-Корсакова** Марія Ивановна, вдова вице-адмирала и кавалера *Воина Яковлевича Римскаго-Корсакова*, р. 20 Іюля 1718 † 31 Іюля 1769, по полуночи въ началѣ 3 часа. (Л. к.).

***Римская-Корсакова** Прасковья Аггеевна, жена вице-губернатора *Якова Никитича Римскаго-Корсакова*, р. 20 Окт. 1679 † 18 Января 1734. (Л. к.).

***Римскій-Корсаковъ** Воинъ Яковлевичъ, вице-адмиралъ и кавалеръ, род. 4 Іюня 1702, служилъ съ 1714 г. во флотѣ. † 30 Іюля 1757. (Л. к.).

***Римскій-Корсаковъ** Максимъ Яковлевичъ, полковникъ Астраханскаго пѣхотнаго полка, р. 1712 † 31 Янв. 1755, служилъ съ 1723 г. (Л. к.).

Рипсима Георгіевна, Грузинская царевна, р. 1780 † 27 Мая 1847. (Ѳ. ц.).

****Рогачевъ** Степанъ Савичъ, совѣтникъ. Погребенъ 10 Мая 1775. (Л. к.).

Роговиковъ Кузьма Гавриловичъ, Петерб. купецъ, † 4 Мая 1719. Жилъ 62 г. и сынъ его *Ѳедоръ*, который убитъ 1723, Ноября ...., а найдено тѣло его въ водѣ на Лахтѣ 6 Августа 1725. Жилъ 30 лѣтъ. (Самп. к.).

*****Родимцевъ** Михаилъ Вуколовичъ, почетн. гражд. и Петерб. 1 гильдіи купецъ, почетный блюститель Петербургскихъ училищъ, † въ

---

*) 24 Іюня 1883 г. скончалась вдова его, Людмила Ивановна Рикордъ. Погребена въ Александро-Невской лаврѣ. Некрологъ ея см. въ Рус. Старинѣ 1883 г., № VIII.

С.-Пбургѣ 5 Февр. 1846 въ часъ по полудни. Жилъ 55 л., 1 д., 5 м. «Плачьте дѣти, плачьте внуки и молитесь Богу объ упокоеніи души отца и благодѣтеля своего». (Т. к.).

Родофиникинъ Константинъ Константиновичъ, д. т. с., сенаторъ, членъ Государ. Совѣта, р. 1760 † 30 Мая 1838. (Д. ц.).

Розенъ Марія Павловна, баронесса, вдова генералъ-маіора *Өедора Өедоровича Розена*, † 11 Марта 1847. (Т. к.).

Розенъ Александръ Владиміровичъ, баронъ, генералъ-маіоръ, род. 18 Окт. 1779 † 20 Авг. 1832. (Т. к.).

Розенъ Өедоръ Өедоровичъ, баронъ, генералъ-маіоръ, † 12 Февр. 1847. (Т. к.).

«Се здѣсь добродѣтельно 55 лѣтъ преживщій, 34 года съ пользою служившій отечеству гражданинъ честный, мужъ и отецъ нѣжный, всѣмъ знавшимъ достопамятный кол. сов. Евөимій Васильевичъ *Розчотовскій*, при неутѣшномъ плачѣ сиротъ, сродниковъ и друзей его, погребенъ 20 Дек. 1792. (Л. к.).

Рокотовъ Дмитрій, подполковникъ, р. 1743 † 1808. (Л. к.).

***Ромодановская** Анастасія Өедоровна, княгиня. Погребена 2 Сент. 1735. (Б. ц.).

*****Ромодановская-Ладыженская** Марія Исаевна, княгиня, ур. баронесса *Шафирова*, жена д. т. с., сенатора и кавалера, князя *Николая Ивановича Ромодановскаго-Ладыженскаго*, † 9 Дек. 1798. Жила 60 лѣтъ. Въ замужествѣ 36 л. (Л. к.),

Рославлева Марія Николаевна, дочь генералъ-поручика, † 8 Марта 1820 на 48 г. (Л. к.).

Образъ св. Михаила Архангела поставленъ въ память д. с. с. Михаила Александровича *Ростовскаго*, † 13 Іюня 1859, 42-хъ лѣтъ. (Л. ц.).

Ростовцова Александра Александровна, ур. *Ольхина*, р. 26 Окт. 1815 † 14 Окт. 1880. (Б. ц.).

Ростовцова Александра Ивановна, д. с. с., р. 18 Февр. 1778 † 4 Февр. 1843. (Л. к.).

****Ростовцова** Александра Михайловна, полковница. Погребена 18 Апр. 1829. (Л. к.).

Ростовцова Анна Васильевна, ур. *Ольхина*, р. 25 Мая 1765 † 14 Іюня 1791. Вѣрной, добродѣтельной супругѣ поставилъ сей памятникъ супругъ ея к. с. *Ив. Ростовцовъ*. (Л. к.).

Ростовцовъ Александръ Ивановичъ, тайн. сов., р. 27 Авг. 1800 † 18 Мая 1867. (Б. ц.).

Ростовцовъ Василій Ивановичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 18 Іюня 1798 † 24 Іюня 1858. (Т. к.).

Ростовцовъ Иванъ *), род. 9 Сентября 1764 † 24 Августа 1807. (Л. к.).

***__Ростовцовъ__ Иванъ Ивановичъ, кол. ас., р. 21 Окт. 1786 † 24 Апр. 1814. (Л. к.).

Ростовцовъ Илья Ивановичъ, полковникъ л.-гв. Финляндскаго полка и кавалеръ, р. 15 Апр. 1797 † 11 Авг. 1828 въ Турціи, въ крѣпости Кистенджи. (Л. к.).

Ростовцовъ Іаковъ Ивановичъ, р. 28 Дек. 1803 † 6 Февр. 1860. «І. И. Ростовцову военно-учебныя заведенія». (Ѳ. ц.). На мѣдной доскѣ, прибитой къ стѣнѣ, рескриптъ императора Александра Николаевича отъ 23 Апрѣля 1861 на имя вдовы І. И. Ростовцова.

Рохель Леонидъ, р. 3 Іюля 1873 † 9 Янв. 1881. (Т. ц.).

*__Рубановскій__ Кириллъ Степановичъ, полковникъ, бывшій при дворѣ Ея Величества, † 27 Марта 1768. Жилъ 69 л. и служилъ 54. (Л. к.).

***__Руммель__ Елена Александровна † 10 Авг. 1812. Жила 28 л. (Л. к.).

Русанова Анна, жена дворянина, † 5 Іюня 1873, день ангела 9 Декабря, и дѣти ея, младенцы: *Анна, Іоаннъ, Василій, Андрей.* (Т. ц.).

Рѣзвая Анна Дмитріевна † 23 Мая 1801. Жила 67 л. «Въ память любезнѣйшей матери благодарныя дѣти поставили». (Л. к.).

Рѣзвый Петръ Терентьевичъ, Петерб. купецъ, † 15 Іюня 1779. Жилъ 49 л., 11 м., 22. «Жизнью своею украшалъ гражданство и съ пользою тому служилъ, а смертію причинилъ неутѣшную горесть многочисленной семьѣ своей». (Л. к.).

Рѣпинскій Кузьма Григорьевичъ † 25 Ноября 1876. (Т. к.).

Рѣпнина Софья Николаевна, княжна, † 28 Сент. 1811. (Л. к.).

Рѣпнинъ Алексѣй Николаевичъ, князь, † 13 Дек. 1812. (Л. к.).

Рѣпнинъ Григорій Николаевичъ, князь, † 2... Іюля 1812. (Л. к.).

***__Рышкина__ Евдокія Максимовна, ур. Оподова, жена бывшаго Петерб. купца *Андрея Васильевича Рышкина*, † 24 Дек. 1785, въ 3 часу по полудни. (Л. к.).

Саблукова Екатерина Андреевна, ур. *Волкова*, жена д. т. с., члена Государ. Совѣта, сенатора и кавалера, *Александра Александровича Саблукова*, кавалерственная дама орд. св. Екатерины, † 11 Апр. 1820. Въ супружествѣ была 46 л. Кончину ея оплакиваютъ: супругъ, два сына, три дочери и девять внучатъ. (Л. к.).

Саблуковъ Александръ Александровичъ, д. т. с., кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, св. Анны 1 ст., св. Владимира 2 ст. боль-

---

*) Алексѣевичъ, д. с. с. Погребенъ 28 Авг. 1807 (Описаніе А. Н. лавры, А. Павлова, стр. 117).

шаго креста, командоръ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, членъ Государ. Совѣта, предсѣдатель С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, сенаторъ, р. 11 Февр. 1749 † 7 Мая 1828. Кончину оплакиваютъ: два сына, три дочери, девять внучатъ и два правнучка. (Л. к.).

Саблуковъ Александръ Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 22 Окт. 1783 † 3 Марта 1857. (Т. к.).

Саблуковъ Александръ Ульяновичъ, кол. сов., р. 1712 † 5 Апр. 1773, жена его *Агафія Яковлевна*, р. 1717 † 15 Апр. 1769 и дочь ихъ *Варвара*, дѣвица, † 17-ти лѣтъ. (При церкви Происхожденія честныхъ древъ Всемилостиваго Спаса, что на Выборгской сторонѣ, въ Симбирской улицѣ).

Сабуровъ Андрей Ивановичъ, оберъ-гофмаршалъ двора Его Величества, р. 30 Іюля 1797 † 13 Февр. 1866. (Ѳ. ц.).

****Савватій**, іеромонахъ А. Н. лавры. Погребенъ 12 Октября 1830. (Л. к.).

****Савеловичъ** Иванъ, тайн. сов. Погребенъ 2 Ноября 1734 (Л. к.).

***Савеловъ** Автамонъ Петровичъ, пажъ двора Ея И. Величества, р. 14 Авг. 1758 † 17 Марта 1776, по полуночи въ 5 часу, въ первой минутѣ. Жилъ 17 л., 7 м., 3 д. (Л. к.).

Савинъ Алексѣй, священно-іерей церкви всѣхъ скорбящихъ Богородицы, что при Невскомъ монастырѣ, † 17 Авг. 1793 на 72 г. (Л. к.).

Савинъ Андрей Алексѣевичъ, р. 13 Авг. 1797 † 2 Мая 1835. (Т. к.).

*****Савинъ** Стефанъ Васильевичъ, купецъ г. Трубчевска, р. 1738 † въ С.-Петербургѣ 18 Окт. 1773. Тезоименитство его 2 Авг. Жилъ 34 г., 2 м., 17 д. (Л. к.).

Савостьяновъ Петръ Ивановичъ, д. с. с., р. 1811 † 1867 (Б. ц.).

*****Садовниковъ** Фирсъ Мироновичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ и почетн. гражд., р. 6 Дек. 1789 † 3 Апр. 1853. Жилъ 63 г., 3 м., 27 д. (Т. к.).

Сакеръ Павелъ Павловичъ, ст. сов. и кавалеръ, † 3 Марта 1822. Жилъ 70 л. (Л. к.).

Салаговъ Семенъ Ивановичъ, князь, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ и кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, св. Анны 1 ст., св. Владиміра 2 ст. большаго креста, командоръ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, р. 24 Мая 1756 † 4 Февр. 1820 и жена его *Марѳа Ѳедоровна* † 19 Апр. 1824. (Л. к.).

Саломія, дочь Грузинскаго царевича *Фарнаваза Ираклiевича*, † 20 Авг. 1860 отъ рожденія 63 лѣтъ (Ѳ. ц.).

*****Салтыкова** Авдотья Михайловна, ур. княжна *Бѣлосельская* д. т. с., р. 5 Окт. 1745 † 31 Авг. 1824 на 79 г. (Л. к.).

Салтыкова Анна Николаевна, ур. *Леонтьева*, жена князя *Дмитрія Николаевича Салтыкова,* р. 6 Янв. 1776, въ супружество вступила 29 Мая 1794, † 19 Іюля 1810. Памятникъ воздвигнутъ супругомъ и вскормленными грудью ея дѣтьми: *Маріею, Иваномъ, Владиміромъ, Петромъ* и *Алексѣемъ*. (Л. к.).

***Салтыкова** Екатерина Михайловна, вдова д. с. с. *Михаила Петровича Салтыкова,* р. 20 Ноября 1707 † 21 Янв. 1769 на 62 г. (Л. к.).

Салтыкова Марія Алексѣевна, статсъ-дама двора Ея И. Величества, † 14 Окт. 1752, въ день св. мученика Назарія, по полуночи 1 часа 15 минуты. Жила 51 г., 9 м., 14 д. Погребена 17 Октября, въ день св. пророка Осіи, по полудни въ исходѣ 1 часа. (Л. к.).

Салтыкова Марія Николаевна, княжна, р. 14 Мая 1870 † 29 Ноября 1880. (П. Д. ц.).

Салтыковъ Дмитрій Николаевичъ, князь, дѣйств. камергеръ, р. 24 Іюня 1767 † 14 Дек. 1826. Памятникъ ставили дѣти его: *Иванъ, Владиміръ, Петръ, Алексѣй*. (Л. к.).

Салтыковъ Иванъ Дмитріевичъ, князь, † въ Москвѣ 17 Дек. 1832 на 36 г. Оставилъ по себѣ малолѣтняго сына *Николая* и супругу, *Елисавету Павловну*, ур. гр. *Строганову*. (Л. к.).

Салтыковъ Сергѣй Васильевичъ, графъ, † 10 Мая 1846. (Л. к.).

Самойлова Екатерина Сергѣевна, графиня, д. т. с., ур. княжна *Трубецкая*, р. 22 Окт. 1763 † 21 Февр. 1830. (Д. ц.).

****Самойлова** Ѳеодосія Ивановна, тайн. сов. Погребена 23 Апр. 1781. (Л. к.).

Самойловъ Михаилъ Александровичъ, графъ, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, † 24 Сент. 1820. Жилъ 20 л. (Л. к.).

Покойся милый прахъ
Нѣжнѣйшаго мнѣ сына.

Самойловъ Николай Александровичъ, графъ, † 23 Іюля 1842. (Л. к.)

****Самуилъ**, іерей церкви св. Пантелеймона. Погребенъ 8 Сентября 1773. (Л. к.).

Санти Прасковья Петровна *), графиня, тайн. сов. Погребена 2 Сент. 1775 (Л. к.).

Сапаловичъ Яковъ Осиповичъ, ст. сов., докторъ, † 14 Іюля 1831 г. на 76 г. (Хол. к.).

Сапожникова Пелагея, р. 5 Іюля 1799 † 17 Дек. 1868. (Л. к.).

Сарычевъ Гавріилъ Андреевичъ, адмиралъ, † 30 Іюля 1831 на 68 г. и вдова его Настасья Васильевна Сарычева † 18 Іюня 1846 на 69 г. (Хол. к.).

---

*) Сибирячка ур. Татаринова (Рос. Родословн. Книга, ч. III, стр. 248).

Сафоновъ Николай Ивановичъ, р. 10 Мая 1789 † 9 Февр. 1807 на 18 году. (Л. к.).

Сафьянникова Любовь Семеновна, жена канцеляріи совѣтника Кол. Иностр. Дѣлъ *Петра Петровича Сафьянникова*, р. 10 Сент. 1725, въ супружествѣ была 38 л., 2 недѣли, 10 д., † 28 Янв. 1781 Жила 55 л., 4 м., 19 д. (Л. к.).

***__Сахарова__ Екатерина Александровна, дѣвица, дочь д. с. с. (Л. к.).

Сахаровъ Андрей Васильевичъ,кол. ас., р. 2 Іюля 1747 † 22 Іюля 1784. Жилъ 37 л., 20 д. (Л. к.).

Свербеевъ Яковъ Никитичъ, ст. сов. и кавалеръ орд. св. Анны 2 ст., † 17 Іюня 1809 на 48 г. (Л. к.). (Дѣдъ Дм. Н. Свербеева).

Сверчкова Елена Алѣксѣевна, д. с. с., † 17 Іюня 1841. Жила 82 г. (Л. к.).

Сверчковъ Василій Ивановичъ, д. с. с., р. 30 Янв. 1745 † 28 Мая 1799. Жилъ 53 г., 3 м., 28 д. (Л. к.).

Свиньина Екатерина, ур. Алексѣева, ст. сов., р. 3 Ноября 1763 † 26 Мая 1807. (Л. к.). (Внука Екатерины II-й и князя Орлова).

***__Свѣтихина__ Прасковья Александровна † 12 Февраля 1868. Жила 75 л. (Н. к.).

Свѣчина Екатерина Александровна, ур. *Чашникова*, жена чиновника VII класса *Дмитрія Михайловича Свѣчина*, † 6 Іюля 1831.(Хол. к.).

Свѣчина Екатерина Васильевна, ур. *Энгельгардтъ*, жена генералъ-маіора, р. 17 Мая 1798 † 17 Дек. 1818. Жила 20 л., 7 м. Памятникъ ставилъ мужъ ея ***Никаноръ Михайловичъ Свѣчинъ*** 17 Мая 1821. (Л. к.).

**__Свѣчинъ__ Александръ Ивановичъ, генералъ-маіоръ. Погребенъ 17 Янв. 1796. (Л. к.).

Свѣчинъ Александръ Сергѣевичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 20 Янв. 1755 † 18 Марта 1801. (Л. к.).

***__Святишина__ Татьяна, дѣвица, дочь Петерб. купца Филиппа Лазаревича Святишина, р. 19 Сент. 1768 † 26 Іюня 1773. (Л. к.).

Севастьянова Вѣра Ѳаддѣевна, жена кабинетскаго секретаря Ивана Севастьянова, † 27 Окт. 1770, по полудни въ 11 часу. Въ супружествѣ была 8 л., 2 м., 6 д. (Л. к.)

*__Севастьяновъ__ Иванъ Ѳедоровичъ, кабинетскій секретарь, р. 15 Янв. 1730 † 5 Ноября 1775. Жилъ 44 г., 9 м., 20 д. (Л. к.).

Севергинъ Павелъ Васильевичъ, оберъ-секретарь Сената, р. 29 Мая 1697 † 5 Мая 1752 во 2 часу по полуночи, погребенъ 7 Мая. Жилъ 54 г., 11 м., 5 д. (Благ. к.).

Селивановъ Өедоръ Михайловичъ, вице-адмиралъ, р. въ Іюнѣ 1700 и будучи 82 лѣтъ и свыше скончался (Л. к.).

Селявинъ Николай Ивановичъ, вице президентъ Кабинета Его Величества, генералъ-лейтенантъ и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ орденовъ кавалеръ, † 6 Окт. 1833. «Признательностію начальства, благодарностію подчиненныхъ». (Т. к.).

Семевская Ольга Васильевна, дочь прапорщика *Василія Семеновича Семевскаго*, р. 31 Мая 1797 † 29 Марта 1807. (Л. к.).

*****Семевская** Софья Сергѣевна, жена кол. ас., р. 7 Марта 1800 † 27 Окт. 1838. (Л. к.).

Семевскій Николай Васильевичъ, кол. ас. и кавалеръ, † 25 Іюня 1848 на 64 г. (Л. к.).

Семеновъ Александръ Ивановичъ, кол. секр., † 1 Февр. 1817. Жилъ 25 л. (Л. к.).

Семеновъ Иванъ Семеновичъ, ст. сов., † 22 Дек. 1813. Жилъ 68 л. (Л. к.)

Семяниковъ Петръ Өедоровичъ, генералъ-маіоръ, р. 30 Окт. 1821 † 20 Авг. 1874 (Т. ц.).

Сенявинъ Алексѣй Наумовичъ, адмиралъ Рос. импер. флотовъ, кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. Владимира 1 ст. и св. Анны, который, произошедъ на свѣтъ отъ родителей: вице-адмирала и кавалера *Наума Акимовича* и *Ненилы Өедоровны*, ур. *Языковой*, 5 Окт. 1722, въ службу опредѣленъ 5 Сент. 1734, † 11 Авг. 1797, будучи въ службѣ. Всей жизни его временной было 74 г., 10 м., 6 д., а службы Россійскимъ государямъ и отечеству въ офицерскихъ чинахъ 62 г., 11 м., 6 д. (Т. к.).

Сенявинъ Григорій Алексѣевичъ, флота капитанъ-командоръ и кавалеръ, р. 29 Янв. 1767 † 17 Апр. 1831. (Т. к.).

Сенявинъ Дмитрій Николаевичъ, генералъ-адъютантъ и адмиралъ, р. 6 Авг. 1763 † 5 Апр. 1831. (Д. ц.).

*****Серафимъ**, іеромонахъ изъ Пекинской миссіи, † въ Мартѣ 1828. (Т. к.).

Серафимъ, крестовый іеромонахъ, духовникъ ставленниковъ, † 20 Дек. 1865. (Н. Д. ц.).

Серафимъ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій, Эстляндскій и Финляндскій, † 17 Янв. 1843 на 85 г. Посвященъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской епархіи 1799; возведенъ въ санъ архіепископа 1812 г., возведенъ въ санъ митрополита Московскаго 1819; переведенъ въ Новгородскую и С.-Пбургскую епархіи 1821. «Незабвенному отцу отъ преданной племянницы». (Д. ц.).

****Сергій**, монахъ А. Н. лавры. Погребенъ 10 Мая 1795. (Л. к.).

***Сергій, іеромонахъ, бывшій дьяконъ Невско-приходской Скорбященской церкви *Симонъ Михайловичъ Сингалевичъ*, † 30 Окт. 1835 на 36. (Т. к.).

*Сергѣевъ Николай Алексѣевичъ, главной артиллеріи поручикъ, р. 23 Апр. 1748 † 2 Дек. 1771. (Л. к.).

***Серикова Вѣра Өедоровна, жена Петерб. купца *Михайла Григорьевича Серикова*, р. 1745 † 19 Окт. 1783. Жила 38 л. (Л. к.).

***Серикова Евөимія Ивановна, жена Петерб. купца *Ивана Григорьевича Серикова*, † 11 Ноября 1788 на 60 г. (Л. к.).

***Сериковъ Александръ Михайловичъ Петерб. купецъ, † 3 Дек. 1807. Жилъ 27 л. (Л. к.)

***Сериковъ Иванъ Григорьевичъ, Петерб. купецъ, р. 3 Янв. 1721 † 17 Іюля 1801. Жилъ 80 л., 6 м., 14 д. (Л. к.).

***Сериковъ Михаилъ Григорьевичъ, Петерб. купецъ, † 3 Мая 1806, въ 6 часу по полуночи. Жилъ 75 л., 6 м., 2 д. (Л. к.).

***Сериковъ Николай Михайловичъ, Петербург. купецъ, р. 1778 † 14 Апр. 1812. (Л. к.).

Де-Сера-Капріола Анна Александровна, дюшесса, ур. княжна *Вяземская*, р. 13 Авг. 1770 † 31 Авг. 1840. (П. Б. ц.).

*Сивинъ Стефанъ Васильевичъ, купецъ г. Трубчевска, р. 1738 † 18 Окт. 1773 въ С.-Петербургѣ. Жилъ 34 г., 2 м., 17 д. Тезоименитство его 2 Августа (Л. к.).

*Силуановъ Андрей Ивановичъ, двора Ея И. Величества, Его Высочества камердинеръ, † 6 Апр. 1759. Жилъ 32 г. Служилъ при дворѣ 16 л. (Л. к.).

*Сильвестръ Кулябка, архіепископъ С.-Петербургскій. Погребенъ 20 Апр. 1761. (Б. ц.).

*«Въ гробѣ семъ мужа положенъ прахъ, знаменитаго древностію и преимуществомъ рода отъ царей Израильскихъ: Давида и Соломона, чрезъ Паткратія и сперва воцарившагося въ Грузіи, происходящаго кровнымъ же сродствомъ царемъ Карталинскимъ соединеннаго, въ 1683 г. Февраля въ 3 день въ міръ сей рожденнаго, а въ 1725 г., ради непоколебимаго содержанія вѣры во Христа, царство Грузинское природное и вся чести, славы и сласти міра сего оставившаго и съ братомъ своимъ одноутробнымъ царемъ, повелѣніемъ благовѣрнѣйшаго и самодержавнѣйшаго великаго государя императора Петра Перваго, при державѣ вѣчнодостойной памяти императрицы Екатерины Алексѣевны, въ Россію пришедшаго; въ семъ же 1740 г. Генваря 26 дня за благополучнаго владѣнія всепресвѣтлѣйшія императрицы Всероссійскія Анны Іоанновны въ Бозѣ усопшаго, всѣхъ лѣтъ житія своего 56 л., 11 м. 17 д. пожившаго благочестію и Богу любовію къ ближ-

нимъ и милостію рабомъ и всѣми христіанами добродѣтельми достохвальнѣйшаго царевича *Сүмеона Леоновича* тѣло почиваетъ. Душа же вмѣсто земнаго на небесѣхъ царствія да будетъ способлена. Всякъ, сіе чтя, здѣ предстоя, къ безсмертному всѣхъ Царю рцы слово во умиленіи сердца: покой, Господи, душу усопшаго раба твоего; о семъ молятъ Тебѣ свѣтлѣйшая супруга, его чада и вся высокая фамилія». (Л. к.).

Симпшина Анна Ивановна † 25 Авг. 1779. (Л. к.).

*****Сифией** Анастасій Сергѣевичъ, родомъ Грекъ, врачъ, р. 1800 † 19 Мая......(Т. к.).

Скавронскій Мартынъ Карловичъ, графъ, генералъ-аншефъ, оберъгофмейстеръ Ея Величества, сенаторъ, дѣйств. камергеръ, и обоихъ Рос. орденовъ и Бѣлаго Орла кавалеръ, р. 24 Іюня 1714 † 28 Іюня 1776. Жилъ 62 г., 4 д. (Л. к.).

Скараманга Андрей Ивановичъ, р. 17 Окт. 1868 † 23 Дек. 1868, своимъ родителямъ оставивъ невыразимую печаль (Ѳ. ц.).

Скворцовъ Павелъ Васильевичъ, бригадиръ, р. 12 Іюля 1756 † 23 Іюня 1814. Сей памятникъ сооруженъ признательностію племянника. (Л. к.).

***Скобельцына** Анна Никитична, жена бывшаго подполковника *Ивана Ивановича Скобельцына*, † 21 Авг. 1771. Жила 65 л., 6 м., 20 дней. (Л. к.).

*****Скобельцынъ** ..... л.-гв. капитанъ-поручикъ ..... Трофим.... Погребенъ 1721 г. Февр. ..... (Л. к.).

***Скобельцынъ** Матвѣй Егоровичъ, полковникъ, службу свою производилъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку и служилъ 21 годъ, былъ капитаномъ онаго полка, отставленъ полковникомъ, р. въ С.-Пбургѣ † 12 Апр. 1773. Жилъ 36 л., 5 м., 3 д. (Л. к.).

Скороходова Анна Константиновна, камеръ-юнгфера двора Его Величества, † 3 Авг. 1801. Жила 70 л., 9 м., 23 д. (Л. к.).

Скороходова Екатерина Константиновна, камеръ-юнгфера двора Ея Величества, р. 9 Ноября 1728 † 6 Сент. 1796, въ 3 часа по полудни. Жила 67 л., 9 м., 5 д. (Л. к.).

***Скороходова** Матрена Константиновна, камеръ-юнгфера, дочь г. Скороходовой, служившей нянею у в. к. Павла Петровича, р. 1709 † 12 Іюля 1772, по полуночи въ 3 часу. (Л. к.).

***Скороходова** Татьяна Аѳанасьевна, вдова, служившая мамушкою у в. к. Павла Петровича, р. 6 Янв. 1735 † 11 Мая 1768, по полудни въ 6 часу. Жила 33 г., 4 м., 5 д. (Л. к.).

Скребицкій Александръ Никифоровичъ, тайн. сов. и кавалеръ, † 19 Іюля 1864. «Жена мужу и другу, дѣти незабвенному отцу». (Б. ц.).

Скрипицына Марія Яковлевна, вдова д. с. с., † 6 Октября 1857. (Л. к.).

Скрипицынъ Алексѣй Васильевичъ, бригадиръ, † 11 Апрѣля 1815. (Л. к.).

Скрипицынъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, дѣйств. ст. сов., † 10 Ноября 1849. (Л. к.).

Слатвинскій Петръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 1 Октяб. 1785 † 6 Апр. 1846. (Т. к.).

Слатвинскій Яковъ Ивановичъ, генералъ-маіоръ, р. 30 Сент. 1783. † 5 Дек. 1853. (Т. к.).

Словцовъ Никифоръ Яковлевичъ, экзекуторъ Св. Прав. Синода, † 24 Іюля 1755. Жилъ 59 л. Служилъ 44 г. (Преобр. к.).

****Слѣдковъ** Александръ Петровичъ, дьяконъ архіерейскаго дома. Погребенъ 13 Апр. 1811. (Л. к.).

Смирнова Мавра Григорьевна, жена оберъ-кригсъ-комиссара *Василія Дмитріевича Смирнова,* р. 27 Апр. 1721 † 16 Дек. 1780, въ 7 часовъ по полудни. Жила 59 л., 7 м., 19 д. Оставила шесть сыновей и двухъ дочерей дѣвицъ. (Л. к.).

Смирнова Марія Васильевна, дѣвица, дочь полковника *Василія Дмитріевича Смирнова,* † 30 Мая 1790, въ 5 часу по полудни, на 27 г. (Л. к.).

Смирновъ Александръ Васильевичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 17 Авг. 1743 † 8 Мая 1805. Жилъ 61 г., 8 м., 24 д. (Л. к.).

Смирновъ Владиміръ Осиповичъ, л.-гв. Семеновскаго полка подпоручикъ и кавалеръ, р. 15 Ноября 1796 † 21 Ноября 1815. Жилъ 19 л., 6 д. (Л. к.).

Цвѣтъ юности его въ бояхъ судьба щадила,
При взорахъ матери ждала его могила.
Таинственной руки непостижимъ законъ!
Едва привѣтствуемъ семействомъ дружнымъ,
И сей привѣта гласъ—гласъ вѣчнаго прощанья:
Болѣзнью сверженъ онъ на хладный одръ страданья.
Отъ юнаго чела отринуть не могли
Удара плачъ сестеръ, родителей стенанье.
Покойся, добрый сынъ, минутный гость земли!
Утѣшьтесь, мать, отецъ! За гробомъ есть свиданье.—Кн. *П. А. Вяземскій.*

Смирновъ Евграфъ Васильевичъ, ст. сов., род. 29 Ноября 1754 † 8 Янв. 1800. (Л. к.).

Смирновъ Мардарій Васильевичъ, чиновникъ 5 класса и кавалеръ, † 10 Іюля 1834 на 78 г. «Благодѣтелю въ знакъ памяти отъ Петерб. купца *П. Е.* и купеческаго сына *Е. П. Егоровыхъ*». (Л. к.).

Смирновъ Николай Васильевичъ, ст. сов. и кавалеръ, р. 17 Апр. 1746 † 24 Апр. 1822. Жилъ 75 л. (Л. к.).

Смирной Өедоръ Николаевичъ, д. с. с., † 29 Янв. 1880 (П. Ө. ц.).

Снегиревъ Иванъ Михайловичъ, † 9 Дек. 1868.(Л. к.). (Извѣстный археологъ).

Собакинъ Александръ Петровичъ, камергеръ 5 класса и кавалеръ, изъ бояръ, р. 23 Іюля 1798 † 12 Марта 1837. (Т. к.).

Собакинъ Петръ Петровичъ, кол. сов. и кавалеръ, изъ бояръ, р. 24 Окт. 1780 † 29 Ноября 1828. (Л. к.).

Соймонова Екатерина Ивановна, жена д. т. с. и кавалера *Петра Александровича Соймонова*, р. 23 Ноября 1756 † 23 Мая 1790. Жила 34 г., 6 м. (Л. к.).

Соколовскій Михаилъ Ивановичъ, кол. сов. и кавалеръ орд. св. Анны 2 ст. и св. Владимира 4 ст., † 17 Іюля 1832, въ 7 часу утра, на 68 г. День рожденія его 6 Ноября, день ангела 8 Ноября. (Т. к.).

Солдейнъ Вѣра Яковлевна, ур. *Мерлина*, род. 28 Апр. 1790 † 2 Февр. 1856. (Т. к.). (Сопровождала главную нашу квартиру въ 1813 и 1814 г.).

Соллогубъ Нат. Львовна, гр. ур. *Парышкина*, †21 Авг. 1819. (Л. к.).

*****Соломоновъ** Иванъ Никитичъ, Боровицкій 1 гильдіи купецъ, почетн. гражд., † 10 Іюля 1852 на 52. Здѣсь же погребено тѣло дѣвицы *Александры Ивановны Соломоновой*, † 14 Янв. 1848. (Т. к.).

Сосновская Марія Богдановна, дѣйств. камергерша, р. 18 Іюля 1773 † 5 Марта 1841. (Т. к.).

Софія, княжна Гурійская, дочь владѣтеля Гурійскаго, князя *Маміи*, р. 1823 † 15 Мая 1840. (Ө. ц.).

Сперанскій Михаилъ Михайловичъ, графъ, р. 1 Янв. 1772 † 11 Февр. 1839. (Т. к.).

Ставицкая Серафима Максимовна, † 10 Авг. 1879. (Л. к.).

Ставицкая Серафима Степановна, вдова генералъ-лейтенанта и сенатора, † 6 Окт. 1855. (Л. к.).

Ставицкій Максимъ Өедоровичъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, † 21 Окт. 1841. (Л. к.).

Ставицкій Петръ Өедоровичъ, генералъ-маіоръ артиллеріи и разныхъ орденовъ кавалеръ, † 21 Февр. 1815, на 47 г. (Л. к.).

*****Сталь-фонъ-Голштейнъ** Иванъ Карловичъ, баронъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, род. 10 Іюня 1798 † 11 Октября 1868. (Н. к.).

Старова Наталья Григорьевна, ур. *Демидова*, жена ст. сов. и кавалера, р. 17 Авг. 1748 † 18 Мая 1832. (Л. к.).

Старовъ Иванъ Егоровичъ, ст. сов. и кавалеръ, строитель церкви Александроневской лавры въ царствованіе Екатерины II, † 1808 въ 1-й день Пасхи. Жилъ 64 г., 2 м. (Л. к.).

Стасовъ Василій Петровичъ, род. 24 Іюля 1769 † 24 Авг. 1848. (Т. к.).

Статковскій Александръ Осиповичъ, гвардейской артиллеріи генералъ-маіоръ и кавалеръ, бывшій директоръ Московскаго Кадетскаго Корпуса, р. 30 Авг. 1795 † 18 Февр. 1837. (Т. к.).

Стежовъ Иванъ Дороѳеевичъ, аудиторъ Кабардинскаго пѣх. полка, † 9 Іюля 1831 на 36 г. (Хол. к.).

Стенбокъ Мирра, графиня, младенецъ, род. 23 Февр. 1866 † 18 Февр. 1869. (Ѳ. ц.).

*«Здѣсь положены Грузинскіе принцы *Стефанъ*, род. 28 Ноября 1729, обучался министерскимъ дѣламъ въ Голландіи при Россійскомъ послѣ и тамо скончавшійся 13 Іюля 1744, и принцъ *Димитрій*, какъ сіе изъ слѣдующихъ стиховъ узнать можно:

Азъ тысяща седмь сотъ двадцать девята лѣта
Въ 28 Ноября жителемъ сталъ свѣта,
А годъ мѣсяца седмь сотъ былъ сорокъ четвертый
13 Іюля, какъ вкусилъ я смерти.
Въ Голландіи живота я тогда лишился,
Когда дѣлъ отечеству полезныхъ учился.
При Россійскомъ министрѣ съ братомъ, что въ срединѣ
Здѣ же лежитъ погребенъ въ день и часъ единый;
Въ томъ только разнство, что мя матерь несчастлива
Въ Голландію пріѣхавъ, не застала жива,
А брата хотя здрава привезла съ собою,
Но умершаго вскорѣ погребе со мною.
И тако, съ братомъ меньшимъ съ малымъ тремя годы,
Оба здѣсь положены; кія жъ мы породы,
На отеческомъ сіе гробѣ ты узнаешь,
Когда надпись полную тамо прочитаешь". (Л. к.).

*****Стогъ** Софья Михайловна, ур. *Юзефовичъ*, тайн. сов., † 12 Дек. 1842 на 63 г. (Т. к.).

Стогъ Алексѣй Даниловичъ, тайн сов., сенаторъ, попечитель Обуховской градской больницы, кавалеръ орд. Бѣлаго Орла, св. Анны 1 ст., св. Владимира 2 ст. большаго креста, род. 17 Марта 1778 † 14 Іюля 1837 на 59 г. (Т. к.).

Столыпина Вѣра Николаевна, тайн. сов., дочь адмирала графа *Мордвинова*, р. 15 Дек. 1790 † 4 Янв. 1834. (Л. к.).

Столыпинъ Алексѣй Аркадіевичъ, † во Флоренціи 10 Окт. 1858. (Л. к.).

Столыпинъ Аркадій Алексѣевичъ, тайн. сов., сенаторъ, р. 15 Дек. 1778 † 7 Мая 1825. (Л. к.).

Прямую изъ путей избравъ себѣ дорогу,
По горькихъ опытахъ онъ въ чувствахъ не остылъ;
Въ несчастьи былъ онъ твердъ и въ счастьи кротокъ былъ
И благодаренъ Богу.

Стрекалова Екатерина Васильевна, ур. Давыдова, генералъ-майорша, р. 19 Марта 1793 † 9 Окт. 1823. (Л. к.).

Стрекалова Елисавета Степановна, дѣвица, † 10 Марта 1815. (Л. к.).

Стрекаловъ Степанъ Өедоровичъ, д. т. с., сенаторъ, членъ Государ. Совѣта, † 10 Октября 1805 на 74 г. «Отечеству съ отличіемъ служилъ въ четыре царствованія и былъ истинно добрый человѣкъ. Да почіетъ прахъ твой подъ сѣнію твоихъ добродѣтелей». (Л. к.).

*«Въ нѣдрахъ Авраамлихъ почившей графинѣ Аннѣ Михайловнѣ *Строгоновой*, ур. гр. *Воронцовой*, благонравія, любви и почтенія къ родителямъ наполненной, скончавшейся въ цвѣтущей младости на 27 г. возраста своего скоропостижно, не оставя по себѣ потомства. Несчастная мать, вдова графиня *Анна Воронцова*, неутѣшно оплакивая такую кончину, положила лѣта отъ Р. Х. 1769 г. Февр. 21 д». (Л. к.).

Строганова Анна Сергѣевна, баронесса, ур. княжна *Трубецкая*, р. 8 Мая 1765 † 21 Окт. 1824 въ Дрезденѣ. (Д. ц.).

Строганова Елисавета Александровна, баронесса, ур. *Загряжская*, † 28 Дек. 1831 на 87 г. (Д. ц.).

Строганова Марья Артемьевна, баронесса, ур. *Загряжская*, р. 25 Марта 1722 † 8 Апр. 1787. (Л. к.).

Строганова Марія Болеславовна, графиня, ур. гр. *Потоцкая*, р. 1 Авг. 1839 † 18 Марта 1882. (П. Ө. ц.)

Строганова Наталья Викторовна, графиня, ур. княжна *Кочубей*, † 24 Янв. 1855 на 55 г. (Т. к.).

Строганова Наталья Михайловна, баронесса, ур. кн. *Бѣлосельская*, † 5 Февр. 1819. (Л. к.).

Строганова Наталья Павловна, графиня, р. 7 Мая 1796 † 7 Окт. 1872. (Ө. ц.).

Строганова Софья Александровна, баронесса, ур. кн. *Урусова*, супруга гофмаршала, дѣйств. камергера и ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго командора, барона *Александра Сергѣевича Строганова*, р. 29 Авг. 1779, сочеталась бракомъ 27 Янв. 1800, † 26 Апр. чрезъ 6 дней по рожденіи дщери, баронессы *Вѣры*, послѣдовавшей за матерью 3 Мая 1801, а сей печальный памятникъ соорудилъ на 72 году отъ своего рожденія генералъ-майоръ князь *Александръ Васильевичъ Урусовъ*, ли-

шившiйся единородныхъ дщери и внуки своихъ, на семъ мѣстѣ покоящихся, коихъ оплакиваетъ съ нимъ супруга его, кн. *Анна Андреевна Урусова.* (Л. к.).

Строганова Софья Владимировна, графиня, ур. кн. *Голицына*, р. 11 Ноября 1775 † 5 Марта 1845. (Л. ц.).

****Строгановъ** Александръ Николаевичъ, баронъ, генералъ-аншефъ. Погребенъ 16 Марта 1789. (Л. к.).

Строгановъ Александръ Павловичъ, графъ, единственный сынъ гр. *Павла Александровича*, 19-ти лѣтъ. Убитъ 23 Февр. 1814 подъ Краономъ, въ битвѣ между 15000 Рос. войскъ, которыми предводительствовалъ его отецъ, и слишкомъ 50000 непрiятельскою армiею подъ личнымъ начальствомъ Наполеона. (Л. к.).

Строгановъ Александръ Сергѣевичъ, графъ, сынъ *Сергѣя Григорьевича*, оберъ камергеръ Его Величества, д. т. с. 1-го класса, членъ Государ. Сов., сенаторъ, президентъ Академiи Художествъ, главный директоръ Императорскихъ библiотекъ, Петербургскiй губернскiй предводитель дворянства въ 9 трехлѣтiй, главный начальникъ Екатеринбургской гранильной фабрики и Петергофской гранильной и шлифовальной мельницъ, первоприсутствующiй въ коммиссiи о построенiи Казанской соборной церкви, кавалеръ многихъ Россiйскихъ и иностранныхъ орденовъ, † 27 Сент. 1811 на 78 г. (Л. к.).

****Строгановъ** Александръ Сергѣевичъ, баронъ, гофмаршалъ. Погребенъ 22 Сент. 1815. (Л. к.).

Строгановъ Валентинъ Григорьевичъ, графъ, штабъ-ротмистръ кавалергадскаго Ея Величества полка, р. 4 Ноября 1801 † 4 Ноября 1833. (Д. ц.).

Строгановъ Григорiй Александровичъ, оберъ-камергеръ, р. 13 Сент. 1770 † 7 Янв. 1857. (Л. ц.).

Строгановъ Павелъ Александровичъ, графъ, генералъ-адъютантъ Его Величества, генералъ-лейтенантъ, командовавшiй л.-гв. 2-ю пѣх. дивизiею, въ прежней его гражданской службѣ тайн. сов., сенаторъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, членъ главнаго правленiя училищъ, многихъ Россiйскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ кавалеръ, р. во Францiи 7 Iюня 1774 † близъ Копенгагена 10 Iюня 1817. (Л. к.).

Строгановъ Павелъ Александровичъ, графъ, младенецъ, р. 20 Авг. † 15 Дек. 1847. (Л. ц.).

Строгановъ Сергѣй Григорьевичъ, баронъ, дѣйств. камергеръ двора Ея Величества и кавалеръ орд. Св. Анны 1 ст. † 30 Сент. 1756 на 49 г. (Л. к.)

Строгановъ Сергѣй Григорьевичъ, графъ, р. 8 Ноября 1794 † 27 Марта 1882. (Ѳ. ц.) (Незабвенный попечитель Москов. учебнаго округа).

Строгановъ Сергѣй Григорьевичъ, графъ, р. 28 Сент. 1861 † 10 Окт. 1877. (П. Ѳ. ц.).

Строгановъ Сергѣй Николаевичъ, ротмистръ л.-гв. коннаго полка, р. 16 Апр. 1738 † 27 Авг. 1771. Жилъ 33 г., 4 м., 10 д. (Л. к.).

Струбинская Анна Леонтьевна, тит. сов., р. 24 Дек. 1776 † 3 Ноября 1827, въ 11 часовъ пополудни. Сей памятникъ воздвигнутъ ей супружескою и дѣтскою любовію. (Л. к.).

Струговщикова Настасья Степановна, дѣвица, дочь д. с. с. *Степана Струговщикова*, р. 27 Апр. 1790 † 30 Апр. 1806. (Л. к.)

Струговщиковъ Степанъ Борисовичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 21 Марта 1738 † 1 Іюля 1804. (Л. к.).

Струнниковъ Иванъ Тимофеевичъ, потомств. почет. гражд., р. 2 Февр. 1804 † 2 Марта 1871 и жена его *Елисавета Ивановна*, ур. *Жданова*, р. 20 Апр. 1819 † 22 Нояб. 1870. (Т. ц.).

******Стуловскій** Ѳедоръ Михайловичъ, Устюжскій 2 гильдіи купецъ, † 22 Сент. 1835, въ 6 часовъ вечера. (Т. к.).

******Стуловскій** Ѳома Михайловичъ, Устюжскій 2 гильдіи купецъ, † 25 Іюня 1831. Жилъ 31 г. 9 м. (Т. к.).

Ступишинъ Петръ Алексѣевичъ, генералъ-поручикъ, бывшій губернаторъ въ Выборгской губ. и кавалеръ орд. Св. Анны, р. 24 Іюня 1718, въ службу вступилъ 28 Дек. 1730, генералъ-поручикомъ съ 7 Янв. 1778, † 20 Февр. 1782 въ 10 часовъ пополуночи. Жилъ 63 г., 7 м., 26 д. (Л. к.).

Стурдза Марія Васильевна, ур. *Чичерина*, р. въ С.-Петерб. 8 Авг. 1795 † въ С.-Петерб. 18 Марта 1817 отъ родовъ вмѣстѣ съ перворoднымъ своимъ сыномъ. (Л. к.).

Стурдза Скарлатъ Дмитріевичъ, Молдавскаго княжества бояринъ, Всероссійской Имперіи д. с. с. и кавалеръ орд. Св. Владимира 2 ст. большаго креста, р. въ Бухарестѣ 8 Мая 1750 † въ С.-Петербургѣ 3 Апр. 1816. (Л. к.).

Суворова Олимпіада Евдокимовна, бригадирша, † 4 Авг. 1803. Жила 52 г. (Л. к.).

Суворовъ Александръ Васильевичъ, генералиссимусъ, князь Италійскій, графъ Рымникскій, р. 13 Ноября 1729 † 6 Мая 1800. Тезоименитство его 24 Ноября (надпись на стѣнѣ), а на плитѣ: «Здѣсь лежитъ Суворовъ». (Б. ц.).

Сукина Анна Яковлевна, дѣвица, дочь *Якова Ивановича Сукина*, р. 3 Февр. 1753 † 5 Дек. 1801, въ 4 часа пополуночи. Погребена 7 Декабря. (Л. к.).

Сукина Ирина Өедоровна, ур. Неѣлова, жена д. с. с. *Якова Ивановича Сукина*, р. 23 Апр. 1728 † 31 Дек. 1778. (Л. к.).

Сукинъ Яковъ Ивановичъ, д. с. с., р. 23 Апр. 1710 † 9 Авг. 1778. Жилъ 68 л., 3 м., 17 д. Служилъ 53 г. (Л. к.).

Сумарокова Александра, графиня, ур. маркиза *Маруцци*, р. 1 Сент. (года не означено) † 7 Янв. 1857. (Т. к.).

****Сумарокова** Елена, дѣвица, дочь ст. сов. Погребена 7 Сент. 1824. (Т. к.).

Сумароковъ Сергѣй Павловичъ, графъ р. 19 Іюня 1791 † 28 Февраля 1875. (Т. к.).

Сурковъ Владимиръ Прохоровичъ, контръ-адмиралъ, † 11 Декаб. 1855. (Хол. к.).

Сутугина Наталья Ивановна, р. 9 Авг. 1775 † 3 Октября 1860. (Л. к.).

Сутугинъ Петръ Матвѣевичъ † 24 Нояб. 1828. (Д. ц.).

Сухарева Агаөоклея Марковна, ур. *Полторацкая*, р. 30 Іюля 1776 † 31 Янв. 1840. «Посвятившая себя съ юныхъ лѣтъ на пользу ближняго. Была дочь почтительная, супруга вѣрная, мать нѣжная, съ тѣмъ вмѣстѣ была бѣднымъ помощница, страждующимъ утѣшительница, притѣсненнымъ защитница, прибѣгающимъ къ ней покровительница, однимъ словомъ жила не для себя, а для ближняго». (Т. к.).

Сухарева Наталья Александровна, дѣвица, р. 17 Янв. 1842 † 11 Іюня 1877. (Т. ц.).

Сухаревъ Александръ Дмитріевичъ, д. т. с., † 30 Апр. 1853 на 83 г. (Т. к.).

Сухотина Марія, дѣвица, дочь вице-адмирала и кавалера *Якова Филипповича Сухотина*, р. 27 Марта 1760 † 17 Іюля 1786. Жила 26 л., 3 м., 20 д. (Л. к.).

*****Сухотинъ** Яковъ Өедоровичъ, вице-адмиралъ, р. 17 . (Л. к.).

Сухозанетъ Иванъ Онуфріевичъ, генералъ-адъютантъ, р. 4 Іюля 1785 † 8 Февр. 1861. (Т. к.).

Сухотинъ Петръ Васильевичъ, солдатъ л.-гв. Семеновскаго полка, † 17 Ноября 1738. Жилъ 20 лѣтъ. Тезоименитство было 5 Октября. (Преобр. к.).

Сушкова Авдотья Ивановна, ур. *Резанова*. жена тайн. сов., сенатора и кавалера *Николая Михайловича Сушкова*, р. 1 Марта 1762 † 16 Янв. 1803. (Л. к.).

Сушкова Анна Дмитріевна, ур. *Резанова*, р. 30 Мая 1792 † 15 Апр. 1823. «Миръ праху твоему. Счастіе, тобою мнѣ дарованное, было минутное; но память о тебѣ умретъ вмѣстѣ со мною». (Л. к.).

****Сушковъ** Николай Михайловичъ, д. т. с. Погребенъ 20 Ноября 1814. (Л. к.).

*****Сыренковъ** Анна Герасимовна, жена Петерб. купца *Өедота Сыренкова*, † 1 Февр. 1788. Жила 20 л., 1 м. Въ супружествѣ была 1 г., 2 м., 17 д. (Л. к.).

*****Сыренковъ** Прасковья Васильевна, дѣвица, дочь Петерб. купца *Василія Даниловича Сыренкова*; † 14 Февр. 1792. Жила 13 лѣтъ, 4 м. (Л. к.).

*****Сыренковъ** Прасковья Өедоровна, жена Петерб. купца *Петра Васильевича Сыренкова*, † 24 Янв. 1778. Жила 36 л. (Л. к.).

*****Сыренковъ** Василій Борисовичъ, Петерб. купецъ, † 11 Окт. 1758. Жилъ 67 л., 9 м. (Л. к.).

*****Сыренковъ** Василій Даниловичъ, Петерб. купецъ, † 24 Окт. 1796. Жилъ 59 л. 10 м. Въ супружествѣ былъ 32 г., 8 м. (Л. к.).

*****Сыренковъ** Павелъ Петровичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ † 7 Авг. 1832 на 52 г. (Л. к.).

Сыренковъ Петръ, именитый гражданинъ, † 15 Окт. 1809 на 73 г. Памятникъ ставили дѣти его. (Л. к.).

*****Сыренковъ** Петръ Петровичъ, купецъ, р. 12 Іюня 1783 † 5 Апр. 1837. (Л. к.).

Сыромятникова Евфросинья Григорьевна, жена купца *Алексѣя Васильевича Сыромятникова*, † 13 Дек. 1765. Жила 48 л. (Самп. к.).

Сыромятниковъ..... Васильевичъ, купецъ, † 30 Іюля 1769. (Самп. к.).

Сѣверина Елена Скарлатовна, ур. *Стурдза*, р. 6 Марта 1794 † 20 Іюня 1818. Въ супружествѣ была 5 м., 7 д. (Л. к.).

Талубьевъ Аөанасій Никитичъ, д. с. с., † 2 Авг. 1857. (Л. к.).

Талызина Прасковья Дмитріевна † 5 Апр. 1864. (Л. к.).

Талызинъ Петръ Александровичъ, л.-гв. генералъ-лейтенантъ, кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., командиръ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, р. 17 Янв. 1767 † 11 Мая 1801, въ 10 часу по полуночи. Жилъ 34 г., 3 м., 23 д. «Любезному, нѣжному и вѣрному брату и другу, въ вѣрѣ непоколебимому, въ счастіи и въ несчастіи равному, въ честности отличному и въ дружбѣ неизмѣнному. Воздвигнули сей прискорбія знакъ съ сердечнымъ сѣтованіемъ оставшіеся по немъ двѣ сестры и братъ». (Л. к.).

Танѣева Марія Васильевна, тайн. сов., р. 16 Февр. 1786 † 18 Окт. 1850. (Т. к.).

Танѣевъ Александръ Сергѣевичъ, д. т. с., членъ Государ. Совѣта, статсъ-секретарь, р. 18 Дек. 1785 † 17 Іюля 1866. (Т. к.).

Тарабаровскій Панкратій Меркуловичъ, кол. сов., † 1 Іюля 1807. Жилъ 77 л., 1 д., и жена его *Наталья Ивановна*, ур. *Метковицкая*, † 10 Апр. 1780. Жила 47 л., 7 м., 22 д. Въ супружествѣ была 25 л. 2 м., 15 д. Сей памятникъ воздвигнутъ отъ благодарной дочери нѣжнымъ родителямъ 28 Іюня 1810 г. (Л. к.).

***Татаринова** Елисавета, дочь флота лейтенанта Рокотова, жена придворнаго мундшенка Ильи Татаринова, р. 16 Окт. 1746 † 22 Авг. 1771, въ 5 часу по полудни на 25 г. Вышла замужъ 1 Сент. 1768 и жила въ замужествѣ 3 года безъ двухъ дней. Погребена 1 Сентября. Тутъ ея и сынъ Дмитрій, р. 26 Окт. 1770, остался послѣ матери отъ 8 мѣсяцевъ, а жилъ 3 г., 1 м., 18 д., † 14 Дек. 1773 въ три четверти 1 часа по полуночи. (Л. к.).

Татаринова Надежда Петровна, ур. *Бутенева*, р. 11 Окт. 1792 † 13 Ноября 1868. (Л. к.).

Татариновъ Владиміръ Александровичъ, переводчикъ Государ. Коллегіи Иностр. Дѣлъ, р. 21 Мая 1786 † 31 Авг. 1809. «Сей надгробный камень положенъ ему въ знакъ незабвенной памяти отъ трехъ братьевъ его родныхъ». (Л. к.).

Татариновъ Николай Александровичъ, р. 14 Апр. 1785 † 8 Февр. 1846. (Л. к.).

Татищева Настасья Нефедьевна, супруга генералъ-аншефа *Алексѣя Даниловича Татищева*, † 17 Марта 1737. Жила 29 л. Погребена 19 Марта. (В. Кр.).

Татищевъ Александръ Ивановичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ Государ. Совѣта и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 8 Августа 1763 † 17 Іюня 1833. Жилъ 69 л., 10 м., 9 д. (Д. ц.).

***Татищевъ** Алексѣй Даниловичъ, генералъ-аншефъ, генералъ-полицеймейстеръ, Е. И. В. дѣйств. камергеръ и орд. св. Александра Невскаго кавалеръ, † 21 Сент. 1760 во второмъ часу по полудни. (Л. к.).

****Татищевъ** Іоаннъ, придворный пресвитеръ. Погребенъ 18 Дек 1777. (Л. к.).

Тевяшева Марія Францовна, полковница, † 26 Авг. 1785. Жила 39 л. (Л. к.). (Ур. графиня Санти).

Теймуразъ Грузинскій царевичъ, сынъ послѣдняго Грузинскаго царя *Георгія XIII*, р. 23 Апр. 1782 † 25 Окт. 1846. (Ѳ. ц.).

Телепневъ Степанъ Ильичъ, кол. ас., р. 28 Окт. 1715 † 24 Ноября 1763. Жилъ 48 л. (Преобр. к.).

Тенгоборская Ольга Петровна † 16 Іюля 1872. (Т. к.).

Тепловъ Григорій Николаевичъ, тайн. сов., сенаторъ, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго и св. Анны, почетный членъ Импер. С.-Петербургской Ак. Наукъ и Художествъ, мужъ отличный къ оте-

честву заслугами, превосходными знаніями и рѣдкими добродѣтелями въ теченіе жизни сіявшій, р. 20 Ноября 1711 † 30 Марта 1779. Жилъ 67 л. (sic.), 4 м., 10 д. Оставилъ безконечное по немъ сожалѣніе пребывающимъ въ живыхъ: супругѣ, сыну и четыремъ дочерямъ его, коими сей знакъ печали положенъ. (Л. ц.).

***Терентьевъ** Алексѣй Петровичъ, флота поручикъ, † 9 Марта 1723. (Л. к.).

*****Терликовъ** Павелъ Ивановичъ, сынъ Кашинскаго 2-й гильдіи купца *Ивана Яковлевича Терликова*, р. 17 Іюня 1799 † 18 Янв. 1833. въ 7 часовъ по полудни. День его ангела 29 Іюня. (Т. к.).

Терци Елисавета Михайловна, маркиза, ур. кн. *Голицына*, р. 12 Окт. 1790 † 21 Янв. 1861. (Т. к.).

Тимашева Варвара Ивановна, ур. кн. *Мещерская*, жена флота капитана 2-го ранга *Алексѣя Ивановича Тимашева*, р. 1765 † 27 Дек. 1787. Жила 22 г., 2 м., 17 д. (Л. к.).

Тимашевъ Николай Александровичъ, р. 27 Іюля 1849 † 23 Марта 1877. (П. Ѳ. ц.).

Тимофеева Прасковья Артемьевна, ур. графиня *Воронцова*, † 25 Іюля 1842 на 57 г. (Т. к.).

Тимофеевъ Василій Семеновичъ, кол. ас., † 31 Мая 1839 на 67 г. (Т. к.).

*****Тимофеевъ** Ефимъ Тимофеевичъ, Петерб. 3-й гильдіи купецъ, † 23 Мая 1857 на 62 г. (Т. к.).

*****Титова** Елисавета Алексѣевна, ур. *Турчанинова*, р. 4 Ноября 1775 † 25 Марта 1827. «Любезной и нѣжной родительницѣ». (Л. к.).

Титова Марѳа Алексѣевна † 4 Іюля 1831. Жила 60 л. (Хол. к.).

*****Титовъ** Алексѣй Николаевичъ, генералъ-маіоръ, р. 12 Іюля 1769 † 8 Ноября 1827. Жилъ 58 л., 3 м., 26 д. «Любезному и нѣжному родителю». (Л. к.).

Титовъ Николай Васильевичъ, полковникъ Кавалергардскаго полка, кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., св. Іоанна Іерусалимскаго кавалерскаго креста и св. Анны 3 ст., † 11 Іюня 1809 поутру въ 10 часовъ, 10 минутъ. «Сыну и другу». (Л. к.).

*****Титовъ** Ѳедоръ Алексѣевичъ, р. 1 Апр. 1793 † 16 Ноября 1810. Жилъ 17 л., 7 м., 16 д. «Любезному и нѣжному сыну». (Л. к.).

****Тихомировъ** Иванъ Борисовичъ, тит. сов., правитель дѣлъ канцеляріи А. Н. Лавры. Погребенъ 18 Сент. 1831. (Т. к.).

Тишевской Сергѣй Андреевичъ, камеръ-юнкеръ, «который былъ самый хорошій христіанинъ, препочтительный и пренѣжный сынъ и братъ и совершенный другъ человѣчества. Онъ во всю свою жизнь

дѣлалъ счастіе, славу, честь и утѣшеніе своихъ родныхъ и оставилъ имъ по себѣ прегорькія слезы и неоцѣненную память», р. 5 Іюля 1777 † 30 Окт. 1806 на 30 г. По завѣщанію покойнаго сей стихъ здѣсь помѣщенъ: «Къ Тебѣ, милосердый Боже, Утѣшителю души и жизни нашей, прими мя, Господи, и прости прегрѣшенія мои». (Л. к.).

Толстая Анна Михайловна, графиня, ур. кн. *Хилкова*, вдова оберъ-шенка Высоч. двора, р. 12 Авг. 17... (не дописано) † въ Ниццѣ 15 (27) Февр. 1868. (Л. к.).

Толстая Евдокія Николаевна, графиня, р. въ Агенѣ (sic) 25 Апр. 1791 † въ С.-Петербургѣ 30 Дек. 1797. (Л. к.).

Толстая Марія, младенецъ, р. 11 Янв. 1852 † 26 Іюля 1854. (Л. ц.).

Толстая Софія Сергѣевна, графиня, ур. гр. *Строгонова*, р. 9 Сент. 1824 † 13 Февр. 1852. (Ѳ. ц.).

Толстой Александръ Николаевичъ, графъ, сынъ оберъ-гофмаршала, графа Николая Александровича, оберъ-шенкъ двора Его Величества, р. 21 Сент. 1795 † въ Ниццѣ 23 Іюня 1866. (Л. ц.).

Толстой Василій, младенецъ, р. 10 Марта 1849 † 10 Марта 1852. (Л. ц.).

Толстой Іуліанъ, младенецъ, р. 30 Янв. 1848 † 7 Марта 1849. (Л. ц.).

Толстой Ларіонъ Матвѣевичъ, поручикъ л.-гр. Преображенскаго полка, р. 28 Мая 1798 † 18 Янв. 1821. (Л. к.).

Толстой Матвѣй Ѳедоровичъ, тайн. сов., сенаторъ, дѣйств. камергеръ, р. 29 Марта 1772 † 20 Ноября 1815 въ 10 часовъ по полудни. Жилъ 43 г., 7 м., 20 д. Тезоименитство его 5 Апрѣля. «Горестное семейство супругу и отцу». (Л. к.).

Толстой Николай Александровичъ, графъ, оберъ-гофмаршалъ, придворной конторы президентъ, дѣйств. камергеръ р. 9 Февр. 1765 † 9 Дек. 1816. (Л. ц.).

Толстой Сергѣй Васильевичъ, р. 16 Окт. 1771 † 4 Авг. 1831. Въ супружествѣ былъ 29 л. (Хол. к.).

Толстой Ѳедоръ Андреевичъ, графъ, тайн. сов., камергеръ, р. 16 Дек. 1758 † 12 Апр. 1849. (Д. ц.).

Толстой Ѳедоръ Петровичъ, р. 1783 † 13 Апр. 1873. (Л. к.).

***Толченова** Ирина Семеновна, жена Петерб. купца *Михаила Толченова*, † 26 Апр. 1776. Жила 47 л., 10 д. Въ супружествѣ была 27 л., 6 м. (Л. к.).

***Толченова** Ѳеодосія Ѳедоровна, жена депутата г. Дмитрова, купца *Алексья Ильича Толченова*, † 6 Мая 1768. Жила 35 л., 11 м. Погребена 19 Мая. (Л. к.).

Томара Василій Степановичъ, д. т. с., † 3 Марта 1819 на 73 г. «Оставилъ супругу». (Л. к.).

Онъ Бога и законъ хранилъ въ душѣ своей;
Онъ бѣднымъ былъ покровъ, несчастнымъ утѣшенье;
Жилъ для отечества, для ближнихъ, для друзей.
Признательны сердца на прахъ почтенный сей
Съ слезами призовутъ небесъ благословенье.

***Томилина** Анна Никифоровна, жена Петерб. купца *Петра Томилина*. Погребена 17 Мая 1773. Жила 93 г. (Л. к.).

Томилинъ Петръ Ивановичъ, протоіерей Петерб. Сергіевскаго артилерійскаго собора, присутствующій Духовной Консисторіи и благочинный, † 16 Мая 1808. Жилъ 50 л. безъ двухъ дней. (Л. к.).

****Торбеевъ** Петръ Петровичъ, д. т. с. Погребенъ 31 Іюля 1810. (Л. к.).

Торсукова Екатерина Васильевна, ур. *Перекусихина*, жена оберъ-гофмейстера, † 15 Февр. 1842. Жила 69 л., 3 м. (Л. к.)

Торсуковъ Ардаліонъ Александровичъ, двора Его Величества оберъ-гофмейстеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, р. 8 Окт. 1754 † 20 Сент. 1810. Жилъ 55 л., 11 м., 12 д. (Л. к.).

де-**Траверсе** Николай Александровичъ, р. 5 Апр. 1844 † 1 Іюля 1880. (П. Ѳ. ц.).

Третьякова Авдотья Дмитріевна † 25 Іюня 1831. Жила 74 г. (Хол. к.).

Трофимовъ Гавріилъ, дьячекъ Александроневской приходской церкви, р. 18 Марта 1768 † 17 Февр. 1829. Служилъ 37 л. (Л. к.).

Трубецкая Дарія Александровна, княгиня, ур. *Румянцова*, супруга д. т. с. и разныхъ орденовъ кавалера князя *Юрія Никитича Трубецкаго*, † 7 Іюня 1809. (Л. ц.).

****Трубецкая** Елена Васильевна, княжна. Погребена 23 Ноября 1831. (Д. ц.).

Трубецкая Софья Андреевна, княгиня, р. 25 Окт. 1796 † 4 Іюня 1848. (Т. к.).

***Трубецкой** Василій Петровичъ, князь, единородный сынъ сенатора, князя *Петра Никитича*, внукъ фельдмаршала князя *Никиты Юрьевича*. Учился по именному повелѣнію въ Лейпцигѣ съ 23 Сентября 1766, возвратился въ отечество 21 Октября 1770 г., служилъ переводчикомъ Иностранной Коллегіи, отъ рожденія имѣлъ 19 л., 4 м., 5 д., скончался горячкою въ 21 день 1771 г. Іюля 7 дня, въ грусть вѣчную отцу. (Л. к.).

Трубецкой Василій Сергѣевичъ, князь, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ Государ. Совѣта, сенаторъ, р. 24 Марта 1776 † 10 Февр. 1841. (Д. ц.).

*****Трубецкой** Иванъ Юрьевичъ, князь, генералъ-фельдмаршалъ Россійскихъ войскъ, сенаторъ, кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго, р. 18 Іюня 1667 † съ 15 на 16 Янв. 1750, по полуночи въ 4 часа въ 35-й минутѣ Жилъ 83 г., 4 м., 28 д. (Л. ц.).

****Трубецкой** Петръ Никитичъ, князь, д. т. с. Погребенъ 12 Мая 1791. (Л. к.).

***Трубецкой** Юрій Юрьевичъ, д. т. с., князь, сенаторъ, кавалеръ орд. Бѣлаго Орла, р. 20 Апр. (года нѣтъ) † 8 Сент. 1739. (Л. к.).

Тузовъ Петръ Ѳедоровичъ, кол. сов., р. 19 Окт. 1758. Жилъ 70 л., 3 м., 19 д. Памятникъ ставила племянница его *Екатерина Ивановна* (Т. к.).

*****Туляковъ** Василій Степановичъ, Петерб. купецъ, † 13 Сент. 1848 и жена его *Марія Степановна* † 6 Мая 1849. (Т. к.).

*****Туковъ** Петръ, Петерб. купецъ, сынъ *Дмитрія Петровича Тукова*, р. 25 Окт. 1794 † 16 Сент. 1810. Жилъ 16 л., 10 м., 22 д. (Л. к.).

Тумашевскій Кузьма Семеновичъ, Петерб. купецъ, жившій въ Петерб. купечествѣ 55 л., † съ 4 на 5 Апр. 1773, въ 1 часу за полночь. Жилъ 85 л. Память его 1 Іюля. (Л. к.).

Тупылева Александра Васильевна, кол. сов., † 1 Іюля 1831 на 52. (Хол. к.).

Тургеневъ Андрей Ивановичъ, р. 1 Окт. 1781 † 8 Іюля 1803. (Л. к.).

Тургеневъ Иванъ Петровичъ, р. 21 Іюня 1752 † 28 Февр. 1807. (Л. к.).

Туркистанова Варвара Ильинична, княжна, фрейлина двора И. И. В., р. 26 Дек. 1775 † 20 Мая 1819. (Л. к.).

Туркистановъ Егоръ Борисовичъ, князь, генералъ-маіоръ и кавалеръ, который присутствовалъ въ Государ. Военной Коллегіи, † 25 Янв. 1795 на 57 г. (Л. к.).

Турчаниновъ Алексѣй Ѳедоровичъ † 21 Марта 1787 на 83 г. «Памятникъ сооруженъ потомками здѣ погребеннаго въ знакъ искренняго къ нему почитанія и любви. Онъ, имѣя дарованія отмѣнныя, истощалъ труды на многія полезныя дѣянія и оставилъ наслѣдующимъ по себѣ незагладимую память». (Л. к.).

Турчаниновъ Иванъ Антоновичъ † 28 Апр. 1781, «котораго потомство оплакивало кончину его и сохранило вѣчную къ нему память». (Л. к.).

***Турчаниновъ** Иванъ Нефедьевичъ, двора Его Величества оберъкеллермейстеръ и полковникъ, † 17 Мая 1762, въ 3 часу по полуночи. Жилъ 62 г., 1 м., 17 д. Въ службѣ былъ 48 л. (Л. к.).

Тутолмина Елисавета Аѳанасьевна † 2 Янв. 1866. (Л. к.)

*****Туфанова** Пелагея Александровна, ур. *Березина*, жена Петерб. купца, р. 22 Сент. 1767 † 17 Іюня 1808. Жила 40 л., 8 м., 18 д. Въ супружествѣ была 24 г., 4 м., 3 д. (Л. к.).

*****Туфановъ** Александръ Петровичъ, Петерб. купеческій сынъ, р. 20 Дек. 1784 † 14 Ноября 1804. Жилъ 20 л. .... м., 35 д. (Л. к.).

Прахъ нынѣ я; но ты постой, остановись!
Се къ вѣчности врата: покойся, иль страшись!

*****Туфановъ** Николай Петровичъ, сынъ Петерб. купца *Петра Яковлевича Туфанова*, р. 6 Дек. 1796 † 2 Іюля 1814. Жилъ 18 л., 7 м., 3 д. (Л. к.).

*****Туфановъ** Петръ Петровичъ Петерб. купецъ, † 23 Ноября 1847. Жилъ 56 л. (Л. к.).

*****Туфановъ** Петръ Яковлевичъ, Петерб. купецъ, р. 1 Окт. 1761 † 8 Апр. 1838 въ 11 часовъ утра. Жилъ 77 л. (Л. к.).

Тучкова Александра Петровна, ур. *Неклюдова*, р. 30 Іюня 1792 † 24 Іюня 1869. (Л. к.).

Тучковъ Павелъ Алексѣевичъ, д. т. с., членъ Госуд. Совѣта, р. 8 Окт. 1775 † 24 Янв. 1858. (Л. к.).

Тюльнинъ Иванъ Михайловичъ, ст. сов., служилъ при дворѣ Его Величества, † въ Янв. 1813, въ 10 ч. пополудни. (Л. к.).

*****Тюменевъ** Илья Ѳедоровичъ, Рыбинскій почетн. гражд., † 12 Авг. 1850 на 51 г. (Т. к.).

Уварова Екатерина Алексѣевна, графиня, ур. гр. *Разумовская*, р. 5 Янв. 1781 † 14 Іюля 1849. (Л. ц.).

Уварова Марья Дмитріевна, надв. сов., р. 11 Іюля 1787 † 14 Дек. 1815. (Л. к.).

Уваровъ Дмитрій Петровичъ, д. с. с. и кавалеръ, шталмейстеръ двора Его Величества, † 6 Ноября 1820. (Л. к.).

Уваровъ Ѳедоръ Петровичъ, генералъ отъ кавалеріи, генералъадъютантъ Его Величества, членъ Госуд. Совѣта, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ, шефъ Кавалергардскаго полка, членъ комитета раненыхъ и всѣхъ Россійскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кавалеръ, р. 16 Апр. 1769 † 20 Ноября 1824. (Д. ц.).

***Удолова** Анна Онуфріевна, совѣтница, † 18 Февр. 1773. Жила 57 л. (Л. к.).

***Удолова** Марья Андреевна, дѣвица, дочь члена главной дворцовой канцеляріи, кол. сов. *Андрея Владимировича Удолова*, † 3 Мая 1772, въ 1 часу пополудни. Жила 21 г., 1 м., 23 д. (Л. к.).

Урусова Александра Ивановна, княгиня, † 24 Іюня 1808, въ 3 ч. по полудни, на 23 г. (Л. к.).

Урусова Екатерина Ивановна, княгиня, ур. *Кусова*, р. 1 Сент. 1791 † 24 Авг. 1868. (Л. к.).

****Урусовъ** Сергѣй Васильевичъ, князь, ст. сов. Погребенъ 25 Ноября 1787. (Л. к.),

Урусовъ Сергѣй Юрьевичъ, князь, тайн. сов., р. 10 Дек. 1772 † 29 Іюня 1840. (Л. к.).

Устинова Софья Александровна, ур. *Полянская*, † 16 Дек. 1866. (Т. к.).

Устиновъ Михаилъ Михайловичъ, тайн. сов., † 24 Іюня 1871. (Т. к.).

Уткинъ Михаилъ Михайловичъ, дьяконъ Чесменскаго дворца, р. 15 Ноября 1763 † 15 Окт. 1797. Жилъ 34 г. (Л. к.).

Ухтомскій Романъ Ивановичъ, князь, д. с. с., † 4 Мая 1807. (Л. к.).

Ушакова Анна Ларіоновна, надв. сов., ур. *Голенищева-Кутузова*, р. 20 Авг. 1746 † 29 Ноября 1813. Памятникъ сооруженъ признательностью внука и зятя. (Л. к.).

***Ушаковъ** Андрей Ивановичъ, графъ. Погребенъ 20 Марта 1747. (Б. ц.).

***Ушаковъ** Андрей Степановичъ, келлермейстеръ двора Ея Величества, † 6 Дек. 1751, въ 6 часу пополуночи. Жилъ 32 г., 2 м. Служилъ 14 лѣтъ. (Л. к.).

Ушаковъ Аполлонъ Аполлоновичъ, генералъ-майоръ, † 3 Февр. 1848. Жилъ 52 г. (Хол. к.).

****Ушаковъ** Михаилъ Өедоровичъ, гофъ-фурьеръ. Погребенъ 10 Ноября 1722. (Л. к.).

Ушаковъ Павелъ Николаевичъ, р. 2 Ноября 1779 † 1 Мая 1853. (Л. к.).

***Ушаковъ** Өедоръ Ивановичъ, генералъ-аншефъ, сенаторъ, л.-гв. Преображенскаго полка подполковникъ и орденовъ: св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеръ, р. 1693, въ службу вступилъ въ 1712 † 24 Мая 1766, жилъ 72. «Служилъ по день кончины 55 л. и во время жизни неоднократно съ большою повѣренностью бывалъ въ Царьградѣ и на Персидскихъ границахъ, а въ Россіи при многихъ ком-

миссіяхъ, гдѣ все порученное ему съ милостивыми императорскими апробаціями управлялъ». (Б. ц.).

Фаминцына Прасковья Ивановна, д. с. с., р. 19 Окт. 1776 † 6 Мая 1809. Тезоименитство ея 28 Октября. «Отъ мужа и дѣтей». (Л. к.

Здѣсь прахъ ея лежитъ, душа на небесахъ,
А памятникъ у насъ въ болѣющихъ сердцахъ.
И бѣдные, что къ ней прибѣжище имѣли,
Какъ матери лишась, теперь осиротѣли.

Фарнавазъ, Грузинскій царевичъ, сынъ царя *Ираклія II*, р. 14 Февр. 1777 † 30 Марта 1852, и супруга его, царевна Грузинская *Анна Георгіевна*, знаменитаго рода князей *Эристовыхъ-Ксанскихъ*, р. 1777 † 26 Мая 1850. (Ѳ. ц.).

Ферзенъ Ольга Павловна, ур. графиня *Строгонова*, р. 1 Іюня 1808 † 13 Апр. 1837. (Л. ц.).

Ферзенъ Мануилъ Павловичъ, графъ, отрокъ, сынъ егермейстера двора Его Величества д. с. с. гр. *Павла Карловича*, р. 11 Февр. 1834 † 8 Іюля 1848. (Л. ц.).

Филисова Прасковья Ивановна, жена д. с. с. и кавалера *Михаила Никифоровича Филисова*, † 7 Февр. 1802. Жила 58 л., 3 м., 24 д. (Л. к.).

Филисовъ Михаилъ Никифоровичъ, д. с. с. и кавалеръ, † 6 Окт. 1803. Жилъ 69 л., 24 д. (Л. к.).

***Флавіанъ**, архимандритъ Святотроицкаго Сергіева Великолуцкаго монастыря, † въ С.-Петерб., въ А. Н. Лаврѣ и погребенъ 25 Ноября 1772. Жилъ 66 л., 6 м. Въ архимандритствѣ былъ 14 лѣтъ. Сей камень положенъ отъ дочерей его *Пелагіи* и *Елисаветы*. (Л. к.).

Флоринскій Сергѣй, младенецъ, р. 6 Окт. 1867 † 11 Окт. 1871. (Въ фамильномъ склепѣ Русановыхъ, подъ церковью св. Николая, что на Никольскомъ кладбищѣ А. Н. Лавры).

*****Фоссе** Варвара Александровна, кол. сов., † 23 Апрѣля 1812 (Л. к.).

****Фролова-Багрѣева** Татьяна Михайловна, жена генералъ-аншефа. Погребена 14 Янв. 1789. (Л. к.).

Фроловъ Петръ Кузьмичъ, тайн. сов., сенаторъ, р. 16 Янв. 1775 † 10 Дек. 1839. (Т. к.).

Фроловъ Степанъ, р. 1 Авг. 1758 † 9 Апр. 1833. (Т. к.).

Фьюсонъ-фонъ Татьяна Дмитріевна, ур. *Талызина*, † 3 Апр. 1857. (Л. к.).

Ханыковъ Иванъ Васильевичъ, д. с. с., р. 1 Мая 1783 † 29 Янв. 1854. (Т. к.).

Ханыковъ Петръ Ивановичъ, адмиралъ, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, св. Георгія 3 ст., св. Владимира 2 ст., св. Анны 1 ст., командоръ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго Большаго Креста. Имѣлъ шпагу золотую съ надписью за «храбрость» и Англійскую украшенную бриліантами, р. 14 Дек. 1743 † 10 Дек. 1812, проведя 53 г. въ службѣ отечеству, прощая и враговъ своихъ. (Л. к.).

Харламова Аграфена Петровна, ур. *Тургенева*, жена ст. сов. *Николая Гавриловича Харламова*, р. Іюня . 1780 † 1 Мая 1815. Жила 34 г., 11 м. (Л. к.).

Харламова Анна Степановна, д. с. с., р. 31 Авг. 1759 † 30 Дек. 1796. Жила 37 л., 3 м., 29 д. (Л. к.).

Харламовъ Евсигней Саввичъ, д. с. с., р. 29 Іюля 1734 † 22 Дек. 1785. Жилъ 51 г., 4 м., 23 д. (Л. к.).

Харламовъ Александръ Гавриловичъ, ст. сов. и кавалеръ, р. съ 1-го на 2-е Авг. 1766 † 5 Авг. 1822, въ 5 часовъ пополудни. (Л. к).

Харьковцовъ Василій Михайловичъ, р. 28 Марта 1799 † 17 Іюля 1851. (Т. к.).

******Хвостова*** Наталья Ивановна, дѣвица, дочь генералъ-майора *Ивана Степановича*, р. 26 Авг. 1743 † 21 Сент. 1807. (Л. к.).

Хвостовъ Георгій Сергѣевичъ, полковникъ л.-гв. гусарскаго полка, р. 10 Окт. 1774 † 2 Февр. 1826, въ 10 часовъ пополудни. Жилъ 51 г., 3 м., 22 д. (Т. к.).

Хвощинская Варвара Александровна † 18 Ноября 1864 на 64 г. (Т. к.).

Хвощинскій Павелъ Кесаревичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 20 Февр. 1790 † 5 Янв. 1852 въ С.-Петербургѣ (Т. к.).

Хилковъ Александръ Яковлевичъ, князь, † 15 Апр. 1819 на 65 г. Отцу и другу благодарныя дѣти: *Степанъ, Григорій, Дмитрій, Иванъ, Прасковья, Вѣра, Надежда, Любовь.* (Л. к.).

Хитрово Александра Николаевна, жена д. с. с. *Захара Алексѣевича Хитрово*, р. 28 Марта 1754 † 2 Янв. 1829. (Л. к.).

Хитрово Елисавета Михайловна, дочь фельдмаршала князя *Голенищева-Кутузова-Смоленскаго*, † 2 Мая 1839 (sic). (Д. ц.).

*****Хитрово** Алексѣй Андреевичъ, генералъ-поручикъ, дѣйств. камергеръ, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго и св. Анны 1 ст., р. 1700 † 23 Мая 1756, погребенъ 26 Мая. Жилъ 56 л. Памятникъ возстановленъ внукомъ его, дѣйств. камергеромъ *Алексѣемъ Захарьевичемъ Хитрово.* (Л. ц.).

Хитрово Захаръ Алексѣевичъ, д. с. с., р. 24 Февр. 1746 † 2 Дек. 1798. Памятникъ ставила жена его *Александра Николаевна.* (Л. к.).

*****«Хіона** Александровна, Сибирская урожденка, † 15 Апр. 1857». (Т. к.).

Хлѣбникова Аграфена Алексѣевна, р. 1794 † 1864. (Т. к.).

*****Хлѣбникова** Степанида Өедоровна, жена Петербургскаго купца *Лукьяна Семеновича Хлѣбникова* р. въ Ярославлѣ 1 Ноября 1719 † 17 Февр. 1784. Жила 65 лѣтъ, 3 м., 18 д. Въ супружествѣ была 47 л., 25 д., вдовѣла 2 г., 4 м., 6 д. (Л. к.).

*****Хлѣбниковъ** Иванъ Лукьяновичъ, Петербургскій купецъ, † 24 Окт. 1786. Жилъ 42 г. Памятникъ ставили дочери его: *Степанида, Анна* и *Екатерина Хлѣбниковы*. (Л. к.).

*****Хлѣбниковъ** Лукьянъ Семеновичъ, Петербургскій купецъ, р. въ Ярославлѣ 8 Окт. 1717 † 11 Сент. 1781. Жилъ 64 г., 11 м., 3 д. (Л. к.).

***Хлѣбниковъ** Петръ Кирилловичъ, генералъ-лейтенантъ, служившій въ штатѣ генералъ-фельдмашала, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго съ 1774 г., р. въ г. Коломнѣ 16 Декабря 1734 † 17 Дек. 1777. Жилъ 43 г., 1 д.

„Смерть его причинила горестную печаль супругѣ и двумъ рожденнымъ отъ него дѣтямъ, а всѣмъ знавшимъ его сердечное соболѣзнованіе и вѣчное воспоминаніе отмѣнныхъ его добродѣтелей и особливой любви къ упражняющимся въ наукахъ Россіанамъ, коихъ ободрять имѣлъ онъ отличное усердіе и за наилучшее въ жизни своей увеселеніе поставлялъ препровождать съ ними въ бесѣдахъ время, снабдѣвать ихъ способами къ изданію въ свѣтъ полезныхъ книгъ, собраніемъ коихъ библіотека его почесться можетъ самою рѣдчайшею, въ разсужденіи множества древнихъ и почти всѣхъ новыхъ Россійскихъ книгъ и несказано великаго числа достопамятныхъ рукописей. Его иждивеніемъ премного напечатано книгъ между коими объ однѣхъ только знатнѣйшихъ въ память потомковъ здѣсь упомянемъ.

1. Древняя Степенная Книга, въ 2-хъ частяхъ, напечатанная въ Москвѣ при Университетѣ въ 4°, тамъ же, 1775 г.

2. Японская исторія, въ 8°, тамъ же 1773 г.

3. Лѣтопись Малыя Россіи, въ 12°, 1777 г.

4. Картины къ сей самой книгѣ Описанію С.-Петербурга его коштомъ грыдированы. Обстоятельнѣе же можно о немъ получить свѣдѣніе въ описаніи жизни его, напечатанномъ въ С.-Петербургѣ 1778 г“.

Хлѣбниковъ погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ А. Н. Лавры.

Хлѣбниковы, внучата Петерб. купца *Лукьяна Хлѣбникова*, единоутробные братья: отрокъ *Өедоръ*, р. 4 Февр. 1770 † 7 Мая 1776. Жилъ 6 л., 3 м., 3 д. и младенецъ *Василій*, р. 7 Іюня 1775 † 15 Мая 1776. Жилъ 11 м., 23 д. (Л. к.).

Хмельницкій Иванъ Пареентьевичъ, ст. сов., оберъ-секретарь Сената, кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., р. въ Янв. 1742 † 2 Янв.

1794. Жилъ 52 г. «Памятникъ ставила жена съ 8-ю дѣтьми». (Л. к.).

Законовъ знаніемъ сей мужъ себя прославилъ
И зримый въ лицахъ свѣтъ согражданамъ представилъ
Для наставленія и въ прозѣ и въ стихахъ *).
Всю жизнь свою провелъ въ полезныхъ онъ трудахъ,
Былъ правосудія недремлянной зѣницей
И въ жизни награжденъ былъ Вышняго десницей.
Отечество его труды по нынѣ зритъ.
Но да Хмельницкаго духъ Богъ съ Собой вселитъ!
Молитствуютъ о семъ жена его и чада,
Да будетъ вѣчно съ нимъ сія небесъ отрада.
Читатель, ко Творцу мольбы и ты пролей:
Обрящешь пользу симъ и ты душѣ своей.—*В. Р.*

Хованская Авдотья Ѳеодоровна, княгиня, урож. *Колокольцова*, † въ Янв. 1791 на 20 г. (Л. к.).

Хованская Елисавета Алексѣевна, княгиня, † 23 Марта 1855 на 86. (Т. к.).

Хованская Марія Николаевна, княгиня, † 31 Мая 1798 на 59 г. (Л. к.).

Хованскій Александръ Николаевичъ, князь, р. 4 Іюня 1777 † 6 Февр. 1857. Жилъ 80 л., 8 м. (Л. к.).

Хованскій Дмитрій Сергѣевичъ, князь, 5 класса и кавалеръ, † 18 Іюня 1833 на 73. (Т. к.).

Хованскій Михаилъ Сергѣевичъ, д. с. с., † 17 Марта 1829 на 65 г. (Л. к.).

Хованскій Николай Николаевичъ, князь, генералъ отъ инфантеріи, членъ Государ. Совѣта и кавалеръ разныхъ Росс. орденовъ, р. 1 Дек. 1777 † 20 Ноября 1837. (Т. к.).

Ховрина Марія Ивановна, вдова камергера, р. 6 Ноября 1796 † 26 Дек. 1878. (Т. к.).

Ховринъ Александръ Львовичъ, ст. сов. и камергеръ, † 31 Янв. 1849. (Т. к.).

Ходовскій Илья Емельяновичъ, д. с. с., † 19 Дек. 1869 на 76 г. (Т. к.).

Хомутова Елена Ивановна, жена генералъ-маіора, ур. *Демидово*, р. 24 Апр. 1744 † 14 Февр. 1805. (Л. к.).

---

*) „Свѣтъ зримый въ лицахъ, или величіе и многообразность Зиждителевыхъ намѣреній, открывающіеся въ природѣ и во правахъ, объясненныя физическими и нравственными изображеніями, украшенными достойнымъ сихъ предметовъ словомъ, въ пользу всякаго состоянія людямъ, а наипаче молодымъ витіямъ, стихотворцамъ, живописцамъ и др. художникамъ„. Перев. съ Нѣм. яз. на Рос. Ив. Хмельницкій, СПБ. 1773; 2-е изд. 1789, 3-е изд. 1805, 4-е изд. 1817. Всѣ изданія in 4°, съ 100 гравир. рисунками.

Хомутовъ Михаилъ Григорьевичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ Государ. Совѣта, род. 4 Іюля 1795 † 7 Іюля 1864. (Ѳ. ц.).

Хомутовъ Константинъ *) † 1866. (Ѳ. ц.).

Хомутовъ Николай Владимировичъ (сынъ *Елены Ивановны Хомутовой*), отставной ротмистръ Кавалергардскаго полка, кавалеръ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, р. 14 Апр. 1771 † 29 Дек. 1802. (Л. к.).

Хотяинцовъ Василій Васильевичъ, тайн. сов., кавалеръ орд. св. Анны 1 ст. и св. Владимира 3 ст., † 17 Янв. 1820 на 74 г. (Л. к.).

Храповицкая Авдотья Ивановна, р. 7 Марта 1769 † 19 Мая 1802. (Л. к.).

Храповицкая Елисавета Андреевна, р. 2 Сент. 1795 † 19 Декаб. 1842. (Т. к.).

Храповицкій Александръ Васильевичъ, † 29 Дек. 1801. (Л. к.).

Храповицкій Иванъ Юрьевичъ, кол. сов. и кавалеръ орд. св. Владимира, р. 13 Апр. 1739 † 21 Марта 1800. (Л. к.).

Храповицкій Николай Ивановичъ, полковникъ и кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 ст., знака отличія Прусскаго желѣзнаго креста и серебряной медали въ память кампаніи 1812 г., р. 22 Янв. 1791 † 14 Апр. 1822. (Л. к.).

Храповицкій Платонъ Юрьевичъ, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ орд. св. Владимира, р. 3 Апр. 1738 † 19 Февр. 1794. Жилъ 55 лѣтъ, 9 м., 16 д. (Л. к.).

****Хрисосхулеева** Анна Дмитріевна, д. с. с. Погребена 14 Декабря 1786. (Л. к.).

Христовская Александра Евсигнѣевна, генералъ-маіорша, † 10 Марта 1828 на 62. (Л. к.).

Христовскій Иванъ Павловичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ орд. св. Владимира, членъ Военной Коллегіи, р. 16 Окт. 1758 † 15 Янв. 1804. (Л. к.).

Хрущовъ Андрей. См. А. П. Волынскій.

****Хрущовъ** Михаилъ Дмитріевичъ, генералъ-лейтенантъ. Погребенъ 2 Іюля 1808. (Л. к.).

***Хрущовъ** Ѳедоръ Никитичъ, кол. сов. и главной полиціймейстерской канцеляріи членъ, р. 31 Мая 1706 † 12 Окт. 1768, въ 12 часовъ по полуночи, на 63 г. Въ статской службѣ находился 48 лѣтъ. Погребенъ 14 Октября. (Л. к.).

---

*) Сынъ Михаила Григорьевича.

Цвѣткова Наталья Ивановна, ур. *Павская*, супруга надв. сов. *Михаила Никитича Цвѣткова*, р. 9 Авг. 1781 † 2 Апр. 1808, оставивъ по себѣ въ незабвенной горести и сиротствѣ супруга и двоихъ дѣтей: сына и дочь. Въ супружествѣ была 2 г., 2 м. (Л. к.).

Цвѣтковъ Михаилъ Никитичъ, ст. сов. и кавалеръ, † 22 Іюня 1813. Жилъ 47 л. (Л. к.).

фонъ-Цуръ-Миленъ Наталья Андреевна, дѣвица, дочь генералъ-маіора, р. 3 Ноября 1832 † 15 Іюня 1851. (Ѳ. ц.).

***фонъ-Цуръ-Миленъ Андрей Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, р. 8 Окт. 1794 † 19 Мая 1864 на 70 г. (Н. к.).

Цыгорева Наталья Петровна, дочь Московскаго купца *Петра Даниловича Ларина*, жена кол. ас. *Василія Васильевича Цыгорева*, р. 21 Авг. 1772 † 30 Сент. 1801. «Оплакиваютъ ее: родительница ея, мужъ, сынъ и 5 дочерей. Достопамятное благотвореніе добродѣтельнаго ея сердца извѣстно всѣмъ. Въ лѣтѣ 1797, Сентября 20 дня». (Л. к.).

Цыгорева Пелагая Васильевна, дѣвица, дочь кол. ас. *Василія Васильвича Цыгорева*, р. 16 Іюля 1788 † 15 Авг. 1805. (Л. к.)

Цызаревъ Александръ Ильичъ, предсѣдатель Уголовной Палаты. Погребенъ 16 Февр. 1797. (Л. к.).

Чавчавадзе Давидъ, д. с. с., Кахетинскій князь, род. 20 Іюня 1757 † 7 Апр. 1811. (Л. к.).

Чаплина Анна Ѳедоровна, потомственная почетн. гражд., род. 8 Іюля 1829 † 4 Дек. 1873. (Л. ц.).

***Чаплина** Евдокія Андреевна, род. 21 Янв. 1785 † 9 Мая 1856. (Л. к.).

****Чаплина** Евдокія Васильевна, жена 1 гильдіи купца. Погребена 26 Ноября 1829. (Л. к.).

*****Чаплина** Ѳекла Семеновна, ур. *Галактіонова*, жена купца *Степана Чаплина*, † 26 Апр. 1798. Жила 39 л., 7 м., 1 д. (Л. к.).

Чаплинъ Григорій Ѳедоровичъ, почетн. гражд., р. 24 Янв. 1770 † 1 Ноября 1833. (Л. к.).

Чаплинъ Петръ Григорьевичъ, потомствен. почетн. гражд., р. 12 Іюня 1819 † 28 Февр. 1865. (Л. ц.).

Чаплинъ Степанъ Ѳедоровичъ, коммерціи сов., † 12 Апр. 1843 на 84 г. (Л. к.).

Чапуговишниковъ Сергѣй Ивановичъ, бригадиръ, р. 10 Сент. 1756 † 29 Дек. 1804. Жилъ 47 л., 11 м., 29 д. (Л. к., погребенъ подлѣ *Ивана Осиповича Пуговишникова*).

*****Чашникова** Евдокія Михайловна, ур. *Пономарева*, жена Петер. купца *Матвѣя Васильевича Чапужникова*, † 2 Янв. 1800. Жила 18 л., 10 м., 15 д. Въ супружествѣ была 10 м., 11 д. (Л. к.).

*** **Чапужникова** Өекла Ульяновна, жена Новоладожскаго купца *Петра Чапужникова*, † 20 Авг. 1790. Жила 73 г. (Л. к.).

*****Чапужникова** Татьяна Васильевна, ур. *Фоминичева*, жена Петер. купца *Василія Чашникова*, † 4 Дек. 1798. Жила 40 л., 11 м., 22 д. Въ замужествѣ была 22 г., 2 м., 7 д. (Л. к.).

Чеботаевъ Григорій Романовичъ, Адмиралтейскаго баталіона премьеръ-маіоръ, † 4 Авг. 1761. Жилъ 68 л. Въ службѣ съ 1716 г. (Самп. к.).

Чебышевъ Николай Дмитріевичъ, генералъ-маіоръ свиты Его Величества, р. 19 Марта 1815 † 22 Марта 1866. (Ө. ц.).

Чекалевская Татьяна Алексѣевна, д. с. с., † 12 Апр. 1834. Жила 73 г. (Л. к.).

Чекалевскій Петръ Петровичъ, д. с. с., вице-президентъ Академіи Художествъ и кавалеръ орд. св. Анны 1 ст. и св. Владимира 3 ст., другъ человѣчества. «Приверженностію къ вѣрѣ, преданностію къ государю и отечеству, страданіемъ (sic) и любовію къ ближнимъ снискалъ благоволеніе верховнаго правительства, уваженіе родныхъ, ближнихъ и друзей и привлекъ къ себѣ юныя сердца питомцевъ, оросившихъ на семъ мѣстѣ слезами прахъ его съ чувствительною супругою, воздвигнувшею сей памятникъ любви и благодарности», род. 16 Янв. 1751 † 7 Мая 1817. Жилъ 66 л., 3 м., 21 д. (Л. к.).

Челищева Марія Михайловна, ур. княжна *Хованская*, супруга члена Государственнаго Совѣта, р. 30 Ноября 1790 † 15 Янв. 1846. (Л. ц.).

Челищевъ Александръ Николаевичъ, поручикъ кавалергардскаго Ея Величества полка, р. 6 Окт. 1813 † 16 Янв. 1836 на 23 г. (Д. ц.).

Челищевъ Алексѣй Богдановичъ, тайн. сов., сенаторъ и кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., † 6 Апр. 1806. Жилъ 62 г. «Незабвенный памятникъ, посвященный любезнѣйшему родителю и благодѣтелю отъ дѣтей его, котораго во всю жизнь былъ единый предметъ вѣрность своимъ монархамъ, истинное благо дѣтей и защита ближнихъ своихъ». (Л. к.).

****Челищевъ** Матвѣй Михайловичъ, д. с. с. Погребенъ 7 Марта 1810. (Л. к.).

Челищевъ Михаилъ Матвѣевичъ, подполковникъ и кавалеръ, р. 29 Ноября 1787 † 7 Дек. 1829. (Л. к.).

Челищевъ Николай Александровичъ, д. т. с., членъ Государ. Совѣта, р. 16 Апр. 1783 † 27 Дек. 1859. (Л. ц.).

Челищевъ Петръ Ивановичъ, отставной маіоръ, р. 14 Авг. 1745 † 25 Сент. 1811. Жилъ 66 л., 40 д. Тезоименитство его 24 Августа. Памятникъ ставилъ свойственникъ его *Егоръ Андреевичъ Кушелевъ*. (Л. к.).

Челищевъ Петръ Ивановичъ, поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка, † 23 Мая 1757. Жилъ 23 г., 5 м., 14 д. (Самп. к.).

***Чемесовъ** Евграфъ Петровичъ, бывшій при Кабинетѣ кол. ассес., † 30 Авг. 1765. Жилъ 28 л. (Л. к.).

Чепелева Александра Васильевна, † 1784. (Л. к.).

Черепанова Марія Семеновна, жена д. с. с. *Павла Сидоровича Черепанова*, р. 17 Мая 1782 † 10 Февр. 1814. (Л. к.).

***Черкасовъ** Иванъ Антоновичъ, д. т. с. и кавалеръ, баронъ, род. 1692 г. Января 27 дня † 21 Ноября 1752. (Л. к.).

Черкасовъ Иванъ Ивановичъ, баронъ, вице-адмиралъ и кавалеръ, р. 5 Янв. 1732 † 29 Окт. 1811. (Л. к.).

Черкасская Марія Юрьевна, статсъ-дама Ея Величества, вторая жена канцлера князя *Алексѣя Михайловича Черкасскаго*, дочь князя *Юрія Юрьевича Трубецкаго*, р. 27 Марта 1696 † 16 Августа 1747 *). (Л. к.).

Черкасскій Петръ Дмитріевичъ, князь, д. с. с. и кавалеръ, камергеръ, р. 22 Февр. 1799 † 3 Дек. 1852. (Л. к.).

Черниковъ Василій Васильевичъ, чиновникъ 9 класса † 25 Іюня 1831. Жилъ 49 л. (Хол. к.).

****Чернышева** Анна Александровна, графиня, ур. *Исленьева*. Погребена 9 Янв. 1794. (П. Б. ц.).

***Чернышева** Евдокія Ивановна, графиня, генеральша, статсъ-дама, ур. *Ржевская*, р. 12 Февр. 1693 † 17 Іюня, на память св. мученика Мануила, 1747 г. Жила 54 г., 4 м., 6 д. (Л. к.).

***Чернышева** Евдокія Ивановна, графиня, дѣвица, р. 4 Ноября 1751, по утру въ 10 часовъ † 29 Дек. 1758, по утру въ 8 часу, на память св. мученикъ 14 тысящъ и преподобнаго отца нашего Маркелла и преподобныхъ Печерскихъ Марка и Ѳеодосія. Жила 7 л., 1 м., 25 д. (Л. к.).

Чернышева Екатерина Андреевна, графиня, дочь генералъ-аншефа, генералъ-адъютанта, сенатора, л.-гв. Преображенскаго полка подполковника, кавалера обоихъ Росс. орденовъ и Бѣлаго Орла, графа *Андрея Ивановича Ушакова*, жена графа *Петра Григорьевича Чернышева*, р. 22 Окт. 1715 † 25 Сент. 1779. Жила 63 г., 10 м., 25 д. (Л. к.).

****Чернышева** Елисавета Александровна, жена генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта. Погребена 16 Янв. 1824. (Л. к.).

---

*) У Рубана показано, что она родилась въ 1694 г. Жила 52 года, 4 мѣс., 20 дней (стр. 411).

Чернышева** Елисавета Іосифовна, графиня, ур. ***Ефимовская, р. 15 Апр. 1734 † 7 Окт. 1755, на память св. мучениковъ Сергія и Вакха. Жила 21 г., 5 м., 23 д. (Л. к.).

****Чернышевъ** Андрей Гавриловичъ, генералъ-маіоръ. Погребенъ 16 Февр. 1797. (Л. к.).

***Чернышевъ** Григорій Петровичъ, графъ Росс. имперіи, генералъ и обоихъ Росс. орденовъ кавалеръ, сенаторъ, р. 1672 † 30 Іюля 1745, на память св. апостолъ Силы и Силуана. «Служилъ отечеству своему 56 л. безъ всякаго подозрѣнія и порока». (Л. к.).

****Чернышевъ** Иванъ Григорьевичъ, графъ, фельдмаршалъ. Погребенъ 31 Авг. 1797. (П. Б. ц.).

Чернышевъ Петръ Григорьевичъ, Всерос. имперіи графъ, д. т. с., дѣйств. камергеръ, сенаторъ, обоихъ Росс. орденовъ и Польскаго Бѣлаго Орла кавалеръ, р. 25 Марта 1712 † въ С.-Пб-ургѣ 20 Авг. 1773, въ 2 часа по полудни. Жилъ 61 г., 4 м., 26 д. «Служилъ онъ своимъ государямъ и отечеству 45 л., сперва въ арміи и при дворѣ, потомъ съ 1740 по конецъ 1755 полномочнымъ министромъ при Датскомъ, Прусскомъ и Англинскомъ дворахъ: по возвращеніи отъ сего послѣдняго опредѣленъ онъ былъ къ присутствію въ Правит. Сенатѣ, а въ 1760 г. отправленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Французскому двору, откуда паки въ отечество возвратился въ 1763 г., съ котораго времени онъ продолжалъ присутствовать въ Сенатѣ и, наконецъ, отъ умножившихся ему болѣзней смерть жизнь его пресѣкла, къ крайней горести его ближнихъ и къ искренному соболѣзнованію его друговъ и почитателей». (Л. к.).

Черткова Елена Григорьевна, ур. баронесса *Строгонова*, р. 11 Февр. 1800 † въ Царскомъ Селѣ 25 Іюня 1832. (Д. ц.).

****Черткова** Марія Семеновна, д. с. с. Погребена 10 Февр. 1814. (Л. к.).

Черткова Софья Ивановна, дочь *Елены Григорьевны Чертковой*, р. 25 Іюня 1832 † 31 Іюля 1837, на Каменномъ островѣ. (Д. ц.).

Чертковъ Александръ Васильевичъ, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, сынъ генералъ-майора и Госуд. Воен. Кол. члена *Василія Александровича Черткова*, р. 20 Февр. 1765 † 4 Янв. 1783. Жилъ 17 л., 10 м., 15 д. (Л. к.).

****Чертковъ** Евграфъ Александровичъ, д. т. с. Погребенъ 29 Дек. 1797. (Л. к.).

Чертковъ Иванъ Дмитріевичъ, р. 29 Дек. 1797 † 6 Февр. 1865, въ Москвѣ. (Д. ц.).

Чертковъ Николай Дмитріевичъ. р. 18 Іюня 1794 † 14 Ноября 1852. Передъ плитою, на колоннѣ, образъ съ надписью: «Соорудителю и попечителю Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенанту Черткову». (Д. ц.).

Чертовъ Иванъ Васильевичъ, бригадиръ и кавалеръ орд. св. Георгія 4 ст., р. 12 Іюля 1722 (?) † въ Февр. 1802. (Л. к.).

***Чивилева** Агрипина Матвѣевна, жена придворнаго келлермейстерскаго помощника *Петра Чивилева*, † 3 Апр. 1777. Жила 28 л., 9 м.. (Л. к.).

Чижевъ Іоаннъ, рабъ Божій, † 3 Марта 1878. (Л. к.).

*****Чистовъ** Василій Ивановичъ, Мышкинскій 2-й гильдіи купецъ, р. 1762 † 10 Окт. 1829, въ 12 часовъ по полудни. Жилъ 67 л., 8 м., 4 д. (Т. к.).

Бѣдныхъ, сирыхъ покровитель.
Другъ, наставникъ и родитель.

Чихачева Александра Михайловна, ур. *Филисова*, жена д. с. с. *Николая Матвѣевича Чихачева*. (Л. к.).

Чичаговъ Александръ Никифоровичъ, д. с. с., † 4 Марта 1882 и жена его *Надежда Иларіоновна* † 24 Іюля 1879. (Т. к.).

Чичаговъ Василій Яковлевичъ, адмиралъ и кавалеръ, р. 28 Февр. 1726 † 4 Апр. 1809. (Л. к.).

Съ тройною силою шли Шведы на него.
Узнавъ, онъ рекъ: „Богъ защитникъ мой,
Не проглотятъ они насъ“.
Отразилъ, плѣнилъ и побѣды получилъ.—*Екатерина II*.

***Чичерина** Марія Александровна, ур. *Зыбина*, супруга генералъ-аншефа и кавалера *Николая Ивановича Чичерина*, † 28 Сент. 1776, въ 4 часу по полудни, на 49 г. (Л. к.).

Чичеринъ Александръ Александровичъ, сынъ генералъ-майора *Александра Николаевича Чичерина*. † 15 Авг. 1808 на 17 г. Памятникъ ставила мать. (Л. к.).

****Чичеринъ** Николай Ивановичъ, генералъ-аншефъ. Погребенъ 28 Ноября 1782. (Л. к.).

Чоглокова Варвара Николаевна, дѣвица, р. 10 Мая 1769 † 18 Авг. 1789. (Л. к.).

Чоглоковъ Симонъ Николаевичъ, поручикъ Конной гвардіи, р. 5 Апр. 1744 † 24 Апр. 1762. Жилъ 18 л., 19 д. (Л. к.).

*****Чугуновъ** Егоръ Макаровичъ, тит. сов., Имеретинскій дворянинъ. р. 23 Февр. 1777 † 1827. Супругу и благодѣтелю». (Т. к.).

*****Чугунова** Марія Егоровна, жена *Егора Макаровича Чугунова*, † 26 Февр. 1843. (Т. к.).

Чуйкевичева Елисавета Григорьевна, полковница, ур. *Кондоиди*, р. 29 Сент. 1786 † 11 Апр. 1818. (Л. к.).

*****Чуркинъ** Алексанръ Ивановичъ, Петербургскій купецъ и директоръ, р. въ С.-Петерб. 14 Авг. 1733 † 2 Іюля 1785. Жилъ . . . 9 м., 18 д. (Л. к.)

Шабельской Иванъ Петровичъ, генералъ отъ кавалеріи, † 17 Мая 1874. Жилъ 83 г. (Т. к.).

Шамшинъ Иванъ Өедоровичъ, д. т. с., членъ Совѣта Государ. Контроля, р. 6 Ноября 1788 † 12 Мая 1876. (Т. к.).

*****Шапошниковъ** Максимъ Ивановичъ, Петерб. купецъ, † 10 Февр. 1781. Жилъ 56 л., 3 м. (Л. к.).

*****Шарова** Екатерина Никитична, ур. *Пучкова*, жена Петерб. купца, † 7 Авг. 1810. Жила 62 г. (Л. к.).

*****Шарова** Наталья Ивановна, ур. *Куманина*, р. 10 Авг. 1779 † 11 Февр. 1800 на 21 г. и дѣти ея: дочь *Александра* р. 16 Мая 1797 † 7 Іюля и сынъ *Андріанъ*. Памятникъ ставилъ мужъ ея, Петерб. купецъ *Николай Шаровъ*. (Л. к.).

*****Шаровъ** Андріанъ Ефремовичъ, Петерб. купецъ, сынъ *Ефрема Ивановича Шарова*, р. въ Старой Ладогѣ 20 Авг. 1747 † въ С.-Петербургѣ 28 Янв. 1779. Жилъ 31 г., 5 м., 7 д. (Л. к.).

*****Шаровъ** Ефремъ Ивановичъ, потомств. почет. гражд. и Петерб. 1 гильдіи купецъ, р. въ Старой Ладогѣ 22 Янв. 1722 † въ С.-Петерб. 15 Мая 1792. Жилъ 70 л., 3 м., 25 д. и жена его *Прасковья Васильевна*, р. въ Новой Ладогѣ 6 Октября 1719 † 5 Дек. 1779. Жила 60 л., 2 м., 1 д. (Л. к.).

*****Шаровъ** Николай Александровичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, р. 30 Ноября 1769 † 16 Іюня 1804. Сей памятникъ сооруженъ другу семейства сестрами его родными, кол. совѣтницами: *Надеждою Воеводскою* и *Прасковьею Лавровою*. (Л. к.).

*****Шаровъ** Петръ Ивановичъ, Новоладожскій купецъ, † 20 Окт. 1809 на 66 г. и жена его *Настасья Антоновна* † 24 Іюля 1810 на 45 г. (Л. к.).

***Шарогородская** Екатерина Макаровна, жена двора Ея Величества гофъ-интенданта *Ивана Константиновича Шарогородскаго*, † 7 Апр. 1750, въ 8 часу по полудни. Жила 50 л., 5 м., 23 д. Въ замужествѣ была 34 г. (Л. к.).

***Шарогородскій** Иванъ Костантиновичъ, гофъ-интендантъ двора Е. И. В., р. 5 Янв. 1694 и на 10 г. отъ рожденія своего, т.-е. 1704 г., взятъ ко двору, въ 1741, по вступленіи императрицы Елисаветы

Петровны на престолъ, пожалованъ бригадиромъ и по смерть служилъ при дворѣ безпорочно, † съ 9 на 10 Іюня 1760, по полуночи во 2 часу, въ 8 минутъ. Жилъ 66 л., 5 м., 4 д. (Л. к.).

***Шарогородскій** Константинъ Өедоровичъ, священно-іерей, духовникъ цесаревны Елисаветы Петровны, † 18 Іюня 1735, на память св. мученика Леонтія. Жилъ 70 л., 29 д. (Л. к.).

Шатилова Прасковья Өедоровна, ур. *Лопухина*, жена генералъ-майора, † 13 Апр. 1799. (Л. к.).

****Шаховская** Анна Александровна, княгиня. Погребена 30 Ноября 1791. (Л. к.).

Шаховская Анна Семеновна, княгиня, р. 23 Окт. 1783 † 27 Окт. 1843. (Л. к.).

Шаховская Прасковья Петровна, княжна, фрейлина, р. 24 Авг. 1810 † 7 Февр. 1831. (Д. ц.)

Шаховской Алексѣй Александровичъ, князь, арміи полковникъ, р. 14 Іюня 1753 † 19 Янв. 1783. (Л. к.).

Шаховской Петръ Өедоровичъ, князь, дѣйств. камергеръ, р. 17 Марта 1773 † 21 Дек. 1841. (Л. к).

Шаховской Яковъ Петровичъ, князь, поручикъ Кавалергардскаго полка, р. 11 Янв. 1806 † 24 Янв. 1830. Жилъ 24 г., 13 д. (Д. ц.).

Шаховской Яковъ Өедоровичъ, князь, прапорщикъ гвардіи, р. 16 Апр. 1768 † 5 Сент. 1830. (Л. к.).

***Швейцовъ** Іоаннъ, Петерб. купецъ, † 15 Дек. 1771. (Л. к.).

Шелева Анастасія, жена покойнаго сенатора *Егора Андреевича Шелева*. (Л. к.).

****Шелеповъ** Василій Васильевичъ, бригадиръ. Погребенъ 9 Іюня 1784. (Л. к.).

Шемякинъ Александръ Никитичъ, надв. сов., р. 22 Окт. 1765 † 1 Мая 1807. «Почтенному родителю отъ благодарныхъ дѣтей». (Л. к.).

*****Шемякинъ** Антонъ Ивановичъ, почетн. гражд., † 27 Дек. 1834 на 56. (Т. к.).

Шемякинъ Никита Тимоѳеевичъ, ст. сов., р. 8 Сент. 1727 † 16 Окт. 1799. «Сохраняетъ память огорченный сынъ». (Л. к.).

Шеншина Варвара Петровна, ур. *Неклюдова*, жена *Василія Никаноровича Шеншина*, р. 17 Іюля 1794 † 3 Мая 1827. (Л. к.).

Шеншинъ Василій Никаноровичъ, генералъ-адъютантъ Его Величества, генералъ-лейтенантъ, р. 17 Апр. 1784 † 16 Мая 1831 г. (Л. к.).

Шеншинъ Николай Николаевичъ, ротмистъ Кавалергардскаго полка. (Л. к.).

Шеншинъ Петръ Ипполитовичъ, корнетъ Кавалергардскаго полка, который поступилъ въ оный полкъ изъ прапорщиковъ Курляндскаго драгунскаго полка 14 Янв. 1809 г, р. 10 Февр. 1787 † 7 Дек. 1811. (Л. к.).

Шепелева Елисавета Никитична, дѣвица, дочь полковника, р. 24 Апр. 1723 † 18 Янв. 1812. (Л. к.).

Шепелевъ Петръ Ампліевичъ, д. т. с. и кавалеръ разныхъ орд. р. 29 Іюня 1737 † 8 Ноября 1828. (Л. к.).

Шереметева Анна Петровна, дочь графа *Петра Борисовича*, невѣста графа *Никиты Ивановича Панина*, фрейлина премудрыя Монархини, † 17 Мая 1768 на 24 г. «и вмѣсто брачнаго чертога тѣло ея предано нѣдрамъ земли, а непорочная душа ея возвратилась къ непорочному своему источнику въ животъ вѣчный, къ вѣчному и живому Богу». (Л. к.).

Шереметева Александра Григорьевна, графиня, ур. *Мельникова*, р. 30 Янв. 1 . . . (не дописано) † 20 Дек. 1874. (Л. ц.).

Шереметева Екатерина, младенецъ, р. 26 Окт. 1860 † 8 Янв. 1861. Жила 2 м., 12 съ половиною дней. (Л. ц.).

Шереметева Прасковья Ивановна, графиня, рожденная отъ фамиліи Польскихъ шляхтичей *Ковалевскихъ*, супруга д. т. с., сенатора, оберъ-камергера, орд. св. Андрея Первозваннаго, св. Владимира 1 ст. и прочихъ Росс. и иностранныхъ орденовъ кавалера, графа *Николая Петровича Шереметева*, р. 20 Іюля 1768, въ супружество вступила 6 Ноября 1801 въ Москвѣ, † въ С.-Петербургѣ 23 Февр. 1803, въ 3 часа по полуночи. (Л. ц.).

Не пышный мраморъ сей, нечувственный и бренный.
Супруги, матери скрываетъ прахъ безцѣнный.
Храмъ добродѣтели душа ея была.
Миръ, благочестіе и вѣра въ ней жила.
Въ ней чистая любовь, въ ней дружба обитала,
Въ ней вѣрность искренняя, чувствительность блистала.
Она и въ смертный часъ, въ преданности своей,
Всю чувствовала скорбь оставшихся по ней.
Какая же судьба несчастнаго супруга,
Сужденнаго влачить всю жизнь свою безъ друга?
Безплодны вздохи, плачъ, тоска и тяжкій стонъ,
Которыми свое питаетъ сердце онъ.
Но смерть ея была къ безсмертію дорога;
Невинный духъ ея въ объятіяхъ у Бога.
Въ покровъ нетлѣнія безсмертный облеченъ,
И ликомъ ангельскимъ повсюду окруженъ.
Въ жилищѣ праведныхъ всѣхъ благъ ліющій рѣки.
О Боже! упокой сей чистый духъ во вѣки!

«Лѣта отъ Р. Х. 1719 г., Февраля 10 дня, преставися въ Москвѣ рабъ Божій, Россійскихъ войскъ первый генералъ-фельдмаршалъ, тайн. сов. и военный кавалеръ Мальтійскаго славнаго чина, св. ап. Андрея и прочихъ орденовъ, графъ Борисъ Петровичъ *Ш..метевъ*; а тѣло, по повелѣнію царскаго пресвѣтлаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Москвы привезено въ царствующій градъ С.-Петерб. и погребено въ Троицкомъ Невскомъ монастырѣ Апр. 10 дня 1719. Сей надгробный знакъ возобновленъ въ 1791 графомъ *Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ*. (Л. ц.).

Шереметевъ Василій Васильевичъ, штабъ-ротмистръ Кавалергардскаго полка, р. 1 Марта 1794 † 13 Ноября 1817. (Л. к.).

Шереметевъ Дмитрій Николаевичъ, графъ, гофмейстеръ двора Его Величества, р. въ С.-П.-бургѣ 3 Февр. 1803 † въ селѣ Кусковѣ 12 Сент. 1871. (Л. ц.).

Шереметевъ Николай Петровичъ, графъ, д. т. с., сенаторъ, оберъ-камергеръ и всѣхъ Россійскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ кавалеръ, р. 28 Іюня 1751 † 2 Янв. 1809, въ 4 часу по полудни. (Л. ц.).

Шереметевъ Петръ Васильевичъ, полковникъ, р. 1 Янв. 1799 † 23 Дек. 1837. (Л. к.).

***Шереметевъ** Порфирій Петровичъ, графъ, сынъ генералъ-лейтенанта, дѣйств. камергера и разныхъ орденовъ кавалера, графа *Петра Борисовича*, корнетъ л.-гв. Коннаго полка, † 7 Янв. 1758. Жилъ 12 л., 2 м., 5 д. Погребенъ 10 Янв. 1758. *) (Л. ц.).

Шереметевъ младенецъ. (Ѳ. ц.).

Шешковскій Иванъ Степановичъ, бригадиръ, † 31 Окт. 1818. Жилъ 55 л. Памятникъ сооруженъ сестрою его, *Маріею Митусовою*. (Л. к.).

Шешковскій Степанъ Ивановичъ, тайн. сов. и кавалеръ орд. св. Владимира 2 ст., † 12 Мая 1794. Жилъ 74 г., 4 м., 22 д. Служилъ отечеству 56 л., и жена его *Елена Петровна* † 7 Авг. 1805. Памятникъ ставила дочь, *Марія Митусова*, жена тайн. сов. и сенатора. (Л. к.).

Шешковскій Тимоѳей Ивановичъ, подпоручикъ, Коломенскій помѣщикъ, р. 1723 † 4 Апр. 1782. (Л. к.).

Шидловскій Евдокимъ Степановичъ, кол. ас., † 19 Янв. 1808 на 65 г. (Л. к.).

---

*) По возобновленной надписи р. 2 Ноября 1745 † отъ болѣзненныхъ припадковъ 2 Ноября 1758.

Шильдтъ Наталья Ивановна, дѣвица, р. 8 Окт. 1784 † 27 Дек. 1804, въ 4 часу по полудни. Жила 20 л., 2 м., 19 д. (Л. к.).

Шильдтъ Иванъ Ивановичъ, кол. сов. и кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., оберъ-секретарь Сената, † 25 Апр. 1796. Жилъ 38 л., 11 м. Въ супружествѣ былъ 14 л., 6 м. «Сей памятникъ поставила съ рыданіемъ сердечнымъ оплакивающая прахъ его оставшаяся по немъ въ горести супруга его и пять человѣкъ дѣтей малолѣтнихъ». (Л. к.).

***Шильдтъ** Иванъ, сынъ бывшаго оберъ-секретаря *Ивана Шильдта*, служилъ въ полку графа Аракчеева 5 м., 21 д. † 9 Мая 1809. Жилъ 17 л., 7 м., 3 д. Памятникъ ставила мать. (Л. к.).

Шипневская Анна Васильевна, жена надв. сов. *Михаила Степановича Шипневскаго*, р. 24 Іюня 1775 † 22 Февр. 1827. Жила 52 г. (Л. к.).

Шипневскій Михаилъ Степановичъ, надв. сов., † 16 Іюля 1805. (Л. к.).

*__Шиповъ__ Петръ Михайловичъ, тайн. сов., президентъ статсъ-конторы, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, † 11 Іюля 1753, въ 5 часу по полуночи, на 68 г. (Л. к.).

Шихмановъ Яковъ Ананьевичъ, адмиралъ, р. 17 Марта 1796 † 5 Марта 1877. (Л. к.).

Шишкина Людмила, супруга подполковника, р. 28 Іюля 1829 † 24 Марта 1850. (Ѳ. ц.).

Шишкина Марія Павловна, р. 8 Марта 1789 † 18 Іюля 1881. (Л. к.).

. **Шишкина** Олимпіада Петровна, фрейлина Ея Величества, р. 1 Іюля 1791 † 11 Мая 1854. (Т. к.).

Шишковъ Александръ Семеновичъ, членъ Государ. Совѣта и президентъ Россійской Академіи, адмиралъ, р. 9 Марта 1754 † 9 Апр. 1841. (Л. ц.).

Шишмарева Анна Сергѣевна, ур. *Яковлева*, жена гвардіи штабсъ-капитана, р. 2 Окт. 1800 † 27 Янв. 1829. (Л. к.).

Шишова Ѳеодосія Ларіоновна, жена ст. сов. и кавалера *Егора Петровича Шишова*, р. 30 Мая, въ супружествѣ была 28 л., † въ 1-й день Пасхи 18 Апр. 1815 на 47 г. Памятникъ ставили мужъ и дѣти. (Л. к.).

Шишовъ Георгій Петровичъ, д. с. с. и кавалеръ, р. 5 Апр. 1765 † 10 Дек. 1839. (Л. к.).

*__Шкурина__ Анна Григорьевна, супруга дѣйств. камергера *Василія Григорьевича Шкурина*, р. 3 Февр. 1735 † 28 Іюля 1771, по полудни въ 4 часу, въ 50 минутъ. Жила 36 л., 5 м., 24 д. (Л. к.).

****Шкуринъ** Василій Григорьевичъ, тайн. сов. Погребенъ 9 Февр. 1782. (Л. к.).

Шлихтингъ Василій Карловичъ, полковникъ, р. 21 Марта 1799 † 14 Апр. 1865. (Б. ц.).

Шлихтингъ Николай Васильевичъ, младенецъ, сынъ отставнаго гвард. полковника, р. 5 Іюля 1854 † 2 Мая 1855. (П. Л. ц.).

Шмаковъ Александръ Васильевичъ, тайн. сов., р. 11 Авг. 1798 † 15 Ноября 1873. (Т. ц.).

Шрейдеръ Александра Степановна, полковница. «Женѣ и другу». (Д. ц.).

Штеричъ Серафима Ивановна, ст. сов., ур. *Борноволокова*, р. 18 Апр. 1778 † 12 Окт. 1848. (Д. ц.).

Штеричъ Евгеній Петровичъ, двора Его Величества камеръ-юнкеръ и кавалеръ, р. 20 Февр. 1809 † 12 Марта 1833. Жилъ 24 г. 20 д. (Д. ц.).

Штеричъ Петръ Ивановичъ, ст. сов. и кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., ведущій свой родъ отъ древнихъ Иллирическихъ дворянъ, р. 2 Іюня 1768 † въ С.-П.-бургѣ 25 Авг. 1809, въ 3 часа по полуночи. «Былъ истинный сынъ Церкви и усердный слуга отечеству и Государю, добрый гражданинъ, нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ, нелицемѣрный другъ, кроткій господинъ, искусный хозяинъ и за то любимый въ жизни такъ же, какъ и сожалѣемый по смерти всѣми, кто его зналъ. Памятникъ ставила жена его *Серафима Ивановна*, ур. *Борноволокова* 31 Мая 1810». (Л. к.).

Штрандтманъ Марія Константиновна, младенецъ, р. 14 Апр. 1865 † 20 Февр. 1866. (Ѳ. ц.).

Шубина Анастасія Ивановна, ур. *Старова*, дочь строителя А. Н. Лавры, супруга чиновника 5 класса, р. 12 Дек. 1785 † 5 Сент. 1849. Жила 63 г., 8 м., 23 д. «Благодѣтельной матери признательныя дѣти». (Л. к.)

Шубина Любовь Николаевна, кол. сов., † 8 Окт. 1816. (Л. к.)

Шубина Наталья Петровна, дѣвица, дочь кол. сов. *Петра Ивановича Шубина*, † 21 Апр. 1813, въ 7 часовъ по полудни. (Л. к.).

Шубинъ Павелъ Ѳедоровичъ, чиновникъ 5 класса и кавалеръ, р. 6 Іюня 1778 † 17 Мая 1839. (Л. к.).

Шубинъ Петръ Ивановичъ, кол. сов., † 25 Мая 1810, въ 3 часа по полудни. (Л. к.).

Шувалова Екатерина Петровна, графиня, ур. гр. *Салтыкова*, статсъ-дама двора Ихъ И. Величествъ и орд. св. Екатерины 1-го класса кавалеръ, супруга д. т. с., сенатора и кавалера, графа *Ан-*

дрея Петровича Шувалова, р. 2 Окт. 1743 † въ Римѣ 13 Окт. 1816. «Возлюбленной родительницѣ». (Л. ц.).

Шуваловъ Андрей Петровичъ, графъ, д. т. с. и кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, р. 23 Іюня 1743 † 24 Апр. 1789. (Л. ц.).

Шуваловъ Иванъ Ивановичъ, д. т. с. и разныхъ Росс. орденовъ кавалеръ, оберъ-камергеръ, р. 1 Ноября 1727 † 15 Ноября 1797. (П. Б. ц.).

Шуваловъ Петръ Андреевичъ, графъ, генералъ-лейтенантъ, дѣйств. камергеръ и кавалеръ орд. св. Анны 1 ст., р. 29 Іюня 1771 † 30 Дек. 1808. (Л. к.).

Шуваловъ Петръ Ивановичъ, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, † 4 Янв. 1762. (Л. к.).

Шульгинъ Дмитрій Ивановичъ, здѣшній военный губернаторъ, р. въ Февр. 1784 † въ Декабрѣ 1854. (Л. к.).

Щегловскій Василій Романовичъ, гвардіи капитанъ, жалованъ двумя крестами за одержанную побѣду подъ Очаковымъ и Бендерами. Былъ въ Сибири 49 лѣтъ и по прибытіи въ С.-Петерб. скончался въ 1845 г. Жилъ 107 л. Памятникъ ставила дочь его *Ольга Щегловская*. (Л. к.).

****Щелкановъ** Петръ Степановичъ, камергеръ. Погребенъ 30 Окт. 1773. (Л. к.).

*****Щербакова** Дарья Петровна, дочь Петерб. купца *Петра Ильича Лебедева*, жена Петерб. купца *Михаила Игнатьевича Щербакова*, р. 7 Марта 1769 † 28 Дек. 1784. Жила 15 л., 9 м., 20 д. Въ супружествѣ была 2 г., 1 м., 13 д. (Л. к.).

Щербатова Анастасія Валентиновна, княгиня, д. т. с., кавалерственная дама, ур. гр. *Мусина-Пушкина*, р. 7 Янв. 1774 † 6 Марта 1841. (Д. ц.).

Щербатова Анна Григорьевна, княгиня, † 17 Апр. 1870. (Ѳ. ц.).

Щербатова Варвара Александровна, княжна, р. 7 Февр. 1781 † 13 Окт. 1824. Жила 43 г., 8 м., 6 д. (Т. к.).

Щербатова Екатерина Петровна, княжна, р. 12 Марта 1753 † 19 Іюля 1828. (Т. к.).

Щербатова Марія Павловна, княжна, р. 21 Іюня 1797 † 10 Дек. 1797. (Л. к.).

Щербатова Прасковья Сергѣевна, княгиня, р. 16 Апр. 1773 † 19 Окт. 1851. (Т. к.).

Щербатовъ Александръ Александровичъ, князь, ст. сов., камергеръ, † 16 Авг. 1834. (Т. к.).

****Щербатовъ** Алексѣй Логиновичъ, тайн. сов. Погребенъ 27 Іюля 1802. (Л. к.).

Щербатовъ Андрей Николаевичъ, князь, д. т. с., кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Станислава, командоръ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, р. 31 Мая 1728, съ усердіемъ и ревностію отечеству послужилъ 58 л. Окончивъ службу сенаторомъ, скончался 2 Апр. 1810, по полудни 12 часа въ 5 минутъ, къ общей печали оставшихся родственниковъ и имъ облагодѣтельствованныхъ. Жилъ 81 г., 10 м., 1 д. (Л. к.).

Щербатовъ Павелъ Петровичъ, князь, д. т. с., дѣйств. камергеръ, орд. св. Александра Невскаго, св. Анны 1 кл. кавалеръ, св. Іоанна Іерусалимскаго командоръ, р. 3 Февр. 1762 † 21 Марта 1831. (Д. ц.).

Щербачевъ Алексѣй Логиновичъ, д. т. с. и кавалеръ, † 25 Іюня 1802 на 82 г., и жена его, *Матрена Васильевна*, † 27 Іюля 1780. Жила 54 г., 4 м., 17 д. (Л. к.).

Щербинина Ольга Петровна, ст. сов., ур. княжна *Дадіанова*, р. 7 Мая 1750 † 17 Мая 1821. Жила 71 г., 10 д. (Л. к.).

Щербининъ Александръ Андреевичъ, ст. сов., р. 6 Марта 1747 † 4 Февр. 1816. Жилъ 68 л., 10 м., 28 д. (Л. к.).

Щербининъ Григорій Александровичъ, д. с. с. и кавалеръ, оберъ-прокуроръ Сената, р. въ Саратовѣ 7 Іюня 1784 † въ С.-Петерб. 21 Февр. 1843. (Л. к.).

Щербининъ Михаилъ Павловичъ, д. т. с., сенаторъ, р. 30 Ноября 1807 † 4 Сент. 1881. Жилъ 73 г. (П. Ѳ. ц.).

Щербининъ Петръ Андреевичъ, кол. сов., р. въ Кіевѣ 24 Іюня 1739 † въ С.-Петерб. 31 Мая 1791, въ 6 часовъ по утру. Оставилъ трехъ сыновей, дочь и двухъ внуковъ. (Л. к.).

*****Щукинъ** Матвѣй Меркуловичъ, Петерб. купецъ, † 22 Сент. 1791. Жилъ 65 л., 9 м., 20 д. (Л. к.).

*****Щукинъ** Ѳедоръ Александровичъ, младенецъ, р. 13 Іюня 1790 † 8 Янв. 1792. (Л. к.).

Щулеповъ Петръ Петровичъ, тайн. сов., сенаторъ, дѣйств. камергеръ, почетный опекунъ С.-Петерб. Воспитательнаго Дома, попечитель градскихъ богадѣленъ, кавалеръ орд. св. Владимира 2 ст., св. Анны 1 ст. съ короною и св. Іоанна Іерусалимскаго, † 5 Сент. 1832 на 63 г. (Т. к.).

Щулеповъ Ѳедоръ Андреевичъ, ст. сов., † 2 Дек. 1802 на 46 г., и жена его *Екатерина Александровна* † 24 Янв. 1782 на 24 г. (Л. к.).

*****Щуровъ** Исидоръ Петровичъ, Петерб. купецъ, † 17 Мая 1838 на 65 г., и жена его *Дарья Герасимовна* † 10 Мая 1841 на 71 г. «Благодѣтельнымъ прародителямъ благодарный внукъ». (Т. к.).

Энгельгардтъ Ольга Михайловна, жена полковника и кавалера, р. 23 Іюня 1796 † 21 Дек. 1853. (Ѳ. ц.).

Эртценъ Елена Дмитріевна, графиня, род. 1790 † 7 Ноября 1873. (П. Б. ц.).

Эссенъ Марія Александровна, ур. *Рамбургъ*, р. 20 Декабря 1792 † 8 Іюля 1859. (Л. к.).

Юрьева Ксенія Петровна, † 19 Апр. 1761, въ Четвергъ Св. Недѣли. Жила 82 г. Плита положена въ 1772 г. (Самп. к.).

Юсупова Татьяна Васильевна, княгиня, ур. *Энгельгардтъ*, вдовствовавшая, по первому браку *Потемкина*, † 23 Мая 1841. (П. Б. ц.).

***Юсуповъ** Борисъ Григорьевичъ, князь, д. т. с., сенаторъ, дѣйств. камергеръ и обоихъ Росс. орденовъ кавалеръ, Ладожскаго канала главный директоръ, р. 18 Іюля 1695 † 1 Марта 1759. Жилъ 63 г., 7 м., 14 д. Въ службѣ находился съ 1710 г., т.-е. 48 лѣтъ. Былъ главнымъ директоромъ Кадетскаго Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса съ 10 Февр. 1750 г., а 15 Февр. 1759 г. дирекціею надъ тѣмъ корпусомъ сдалъ в. к. Петру Ѳедоровичу. (Благовѣщенская деревянная церковь А. Н. Лавры противъ амвона).

Юсуповъ Борисъ Николаевичъ, князь, младенецъ, р. 7 Марта 1863 † 10 Мая 1863. (П. Б. ц.).

Юшкова Варвара Ивановна, ур. *Голубцова*, жена дѣйств. камергера *Іосифа Ивановича Юшкова*, род. 28 Іюня 1795 † 24 Авг. 1841. (Т. к.).

Юшковъ Іосифъ Ивановичъ, д. с. с. и кавалеръ, шталмейстеръ двора Его Величества и дѣйств. камергеръ, род. 13 Марта 1788 † 1 Авг. 1849. (Т. к.).

Юшковъ Ѳедоръ Осиповичъ, контръ-адмиралъ, † 28 Ноября 1876. (Т. к.).

Яворскій Иванъ Васильевичъ, тайн. сов., кавалеръ, орд. св. Анны и св. Владимира. Погребенъ 19 Дек. 1799. (Л. к.).

Ягужинскій Павелъ Ивановичъ, графъ, генералъ-аншефъ, кавалеръ Росс. орденовъ, генералъ-прокуроръ, оберъ-шталмейстеръ и кабинетный министръ Е. И. В., подполковникъ конной лейбъ-гвардіи, † въ С.-Пбургѣ 6 Апр. 1736 въ началѣ 53 лѣта славы и вѣчной памяти достойныя жизни своея. (Б. ц.).

Ягужинскій Сергѣй Павловичъ, графъ, генералъ-лейтенантъ, дѣйств. камергеръ и орд. св. Анны 1 ст. кавалеръ, р. въ Москвѣ 14 Апр. 1731 † въ С.-Пбургѣ 10 Февр. 1806. (П. Б. ц.).

Языкова Марѳа Яковлевна † 3 Апр. 1867. (Ѳ. ц.).

*****Яишникова** Аграфена Васильевна, жена Петрозаводскаго именитаго гражданина *Алексѣя Васильевича Яишникова*, † 10 Ноября

1819. Жила 72 г., 4 м., 18 д. Въ супружествѣ была 55 л., 8 м., 20 д. (Л. к.).

Яшинковъ Алексѣй Васильевичъ, именитый гражданинъ, † 8 Апр. 1824 на 76 году. «Дѣду признательный внукъ *Илья Крашенинниковъ*». (Л. к.

****Якимовичъ** Θедоръ, дворцовой канцеляріи тит. сов. Погребенъ 1 Дек. 1779 (Л. к.).

Якимовъ Иванъ, воспитанникъ оберъ-камергера и разныхъ орденовъ кавалера, графа *Николая Петровича Шереметева*, р. 2 Января 1780 † 1 Марта 1804. Жилъ 24 г., 1 м., 29 д. «Сей памятникъ сокрылъ прахъ непревознесеннаго пышностію и блескомъ, украшеннаго добродѣтелію человѣка, съ младенчества его 23 года въ благопризрѣніи воспитаннаго, кроткими правилами жизни и неизмѣннымъ въ теченіе 15 лѣтъ усердіемъ привлекшаго къ себѣ признательность своего воспитателя, который, оплакивая потерю его, изъявилъ онымъ свою чувствительность. Съ малыхъ юныхъ дней до послѣдняго вздоха пребылъ онъ добрымъ въ душѣ, вѣрнымъ въ обязанностяхъ своихъ».

Яковлева Мавра Борисовна, подполковница, † 20 Марта 1805. Жила 31 г., 11 м. (Л. к.).

Яковлева Марія Ивановна, вдова *Саввы Яковлевича Яковлева*, † 6 Февр. 1797. Жила 76 л., 11 м. (Л. к.).

Яковлева Степанида Степановна, жена тит. сов. *Михаила Саввича Яковлева*, р. 5 Ноября 1738 † 14 Марта 1781. Въ супружествѣ была 24 г. Жила 43 г., 4 м., 9 д. (Л. к.).

Яковлева Степанида, дочь сестры покойнаго кол. ас. *Саввы Яковлевича Яковлева*, р. 11 Ноября 1711, «отъиде сей временной жизни въ вѣчный животъ — числа — году, всѣхъ лѣтъ житія ея было —» (Л. к.).

*****Яковлева** Устинья Яковлевна, незабвенная супруга и другъ *Николая Алексѣевича Яковлева*, † 19 Сент. 1854. (Т. к.).

Яковлевъ Александръ Алексѣевичъ, д. с. с. и кавалеръ, камергеръ, р. 12 Ноября 1762 † 3 Ноября 1825 и жена его *Олимпіада Максимовна*, р. 13 Іюня 1775 † 18 Окт. 1865. (Т. к.).

Яковлевъ Алексѣй Александровичъ, ст. сов. и кавалеръ, † 17 Февр. 1868 на 73 г. (Т. к.).

Яковлевъ Василій Васильевичъ, д. с. с., р. 12 Апр. 1796 † 31 Окт. 1872. (Т. к.).

***Яковлевъ** Гавріилъ, младенецъ, сынъ оберъ-директора *Михаила Саввича Яковлева*, внукъ кол. ас. *Саввы Яковлевича*, р. 26 Марта 1773 † 27 Сент. 1776, по полуночи въ 3 часу. (Л. к.).

Яковлевъ Михаилъ Саввичъ, тит. сов., р. 1 Ноября 1742, бракомъ сочетался въ 1756 г., † 21 Марта 1781. Жилъ 38 л., 4 м., 12 д. (Л. к.).

Яковлевъ Николай Алексѣевичъ, чиновникъ 6 класса и кавалеръ, † 11 Апр. 1860.

«Вотъ и мой тлѣнный составъ теперь здѣсь. Кто я и для чего я былъ здѣсь—единому Богу извѣстно и что со мной будетъ, не знаю; только вѣрую, люблю и уповаю». (Т. к.).

Яковлевъ Николай Михайловичъ, надв. сов. и кавалеръ орд. св. Анны 2 ст., р. 6 Дек. 1761 † 29 Марта 1813. Жилъ 51 г., 3 м., 23 д. «Памятникъ ставила жена его *Дарья Семеновна*». (Л. к.).

**Яковлевъ Петръ Петровичъ, генералъ-маіоръ. Погребенъ 2 Авг. 1779. (Л. к.).

Яковлевъ Петръ Саввичъ, кол. сов., р. 21 Іюня 1754 † 29 Іюня 1809. (Л. к.).

Яковлевъ Савва Яковлевичъ, кол. ас., Сибирскихъ, Невьянскихъ и др. желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ и Ярославской большой полотняной мануфактуры и разныхъ содержатель, р. 28 Ноября 1712 г. и, бывъ воспитанъ въ благочестіи и вѣрѣ христіанской, непреткновенно ходилъ въ путѣхъ заповѣдей Господнихъ, † 21 Февр. 1784, въ 10 часу по полуночи, оставивъ по себѣ сѣтующую супругу, дѣтей и семейство, которыя въ незабвенную память сему добродѣтелями украшенному мужу поставили сей памятникъ». (Л. к.).

***Яковлевъ Сергѣй Михайловичъ, арміи прапорщикъ, р. въ Сентябрѣ, † 24 Дек. 1792. Жилъ 25 л., 9 м., 12. «Памятникъ поставленъ братьями». (Л. к.).

Яковлевъ Сергѣй Саввичъ, д. с. с., и кавалеръ орд. св. Анны 2 ст. съ алмазами и св. Владимира 4 ст., р. 16 Апр. 1763 † 20 Янв. 1818. Жилъ 54 г., 9 м., 4 д. (Л. к.).

Якунчикова Александра Михайловна, р. 11 Мая 1850 † 29 Нояб. 1872. (Б. ц.).

Якунчиковъ Михаилъ Авраамовичъ, ком. с., потомств. почетный гражданинъ, Касимовскій 1 гильдіи купецъ, кавалеръ орд. св. Владимира 4 ст., † 4 Апр. 1849 на 70 г. (На паперти церкви Сошествія Св. Духа, въ А. Н. Лаврѣ).

Якунчиковъ Михаилъ Ивановичъ, р. 30 Авг. 1816 † 15 Февраля 1869. (Б. ц.).

***Янковъ Иванъ Ивановичъ, тайн. сов., род. 16 Апр. 1788 † 6 Янв. 1874. (Н. к.).

Янковичъ-де-Миріево Юліана Юрьевна, жена д. с. с. *Өедора Ивановича Янковича де-Миріево*, р. въ Будинѣ (въ Венгріи) въ 1755 отъ Славяносербскихъ родителей. Въ 1782 г. прибыла въ С.-Пбургъ съ мужемъ и сыномъ, гдѣ и скончалась 7 Окт. 1818. (Л. к.).

Янковичъ де-Миріево Өедоръ Ивановичъ, д. с. с. и кавалеръ, членъ комиссіи народныхъ училищъ, Россійской Академіи и Вольн. Эконом. Общества, р. въ Венгріи, близъ Петервардейна, въ 1741 г. Былъ первымъ учредителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ 1773 г. во всемъ Темешварскомъ банатѣ, а съ 1782 г. во всей Россіи, † въ С.-Пбургѣ 22 Мая 1814. Тутъ же погребена и малолѣтняя дочь его *Марія*. (Л. к.).

Ярославцова Мавра Алексѣевна, жена коммерціи директора, Ярославскаго депутата, † 4 Января 1783 на 69 г. Тезоименитство ея 3 Мая. (Л. к.).

Ярославцовъ Алексѣй Ивановичъ, коммерціи директоръ. Погребенъ 4 Мая 1779. (Л. к.).

Ярцовъ Иванъ Васильевичъ, ст. сов., † 19 Ноября 1809 на 64 году (Л. к.).

Яхонтова Екатерина Александровна, † 5 Ноября 1808 на 24 г. «Памятникъ воздвигъ мужъ ея, штабъ-ротмистръ кавалергардскаго полка *Александръ Андреевичъ Яхонтовъ*, оплакивающій купно съ дѣтьми своими о невозвратной потерѣ искренняго друга и чадолюбивой матери». (Л. к.).

Яценковъ Григорій Максимовичъ, тайн. совѣт., † 3 Апрѣля 1852 на 76 г. (Т. к.).

***Өедорова** Евдокія Петровна, вдова тит. сов., † 13 Мая 1870 на 78 г. (Н. к.).

Өедорова Елисавета Александровна, ур. *Витовтова*, † 26 Авг. 1829, и младенецъ *Анна*. (Л. к.).

***Өедоровъ** Иванъ, псаломщикъ двора Ея Имп. Величества, † 15 Марта 1765, въ первомъ часу по полудни. Жилъ 75 л. Погребенъ на семъ мѣстѣ преосв. архіепископомъ Гавріиломъ С.-Пбургскимъ и Ревельскимъ того жъ мѣсяца 19 дня. (Л. к.).

Өедоровъ Николай, священно-іерей, † 2 Іюля 1769. Жилъ 38 л. Погребенъ при соборѣ Животворящей Троицы (противъ крѣпости).

***Өеодосій** Янковскій, архіепископъ С.-Пбургскій. Погребенъ 22 Апр. 1750. (Б. ц.).

***Өеофанія**, монахиня, мать *Саввы Рагузинскаго*, † 8 Янв. 1726. Тутъ же погребена и внука ея, младенецъ *Екатерина*. (Б. ц.).

«Здѣсь погребены два брата: іеромонахъ ***Ѳеофанъ,*** **† 13 Янв. 1878 жилъ** 79 **л.** и протоіерей *Алексѣй Ивановичъ Черенскій,* † 27 Іюля 1881. Жилъ 82 г». (П. Ѳ. ц.).

Ѳеофилактовъ Матвѣй Гавриловичъ, † 21 Іюня 1831 на 56 году. (Хол. к.).

Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверской и Кашинскій, бывшій членъ Св. Синода. Погребенъ 8 Мая 1741. (Л. ц.).

*****Ѳоминъ** Викула Ѳомичъ, Петерб. купецъ, † 3 Іюля 1836. Жилъ 57 л. (Т. к.).

*****Ѳоминъ** Михаилъ Егоровичъ, Петерб. 1 гильдіи купецъ, † 12 Авг. 1795, въ 8 часовъ по полудни. Жилъ 31 г., 11 м. Оставилъ по себѣ жену и трехъ малолѣтнихъ дѣтей. (Л. к.).

*****Ѳоминъ** Семенъ Викуловичъ, Петерб. купеческій сынъ, † 9 Сент. 1848, и жена его *Прасковья Николаевна,* † 15 Авг. 1848. (Л. к.).

КНИГА ВОСЬМАЯ. Автобіографія графа С. Р. Воронцова и письма къ нему, къ его брату и къ его сыну графа Ѳ. В. Ростопчина.

КНИГА ДЕВЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ 1783—1796. *Съ портретомъ графа С. Р. Воронцова.*

КНИГА ДЕСЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ, при Павлѣ и Александрѣ I-мъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. Переписка графа С. Р. Воронцова съ графомъ Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ графамъ Воронцовымъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ. Письма князя А. А. Безбородки.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Письма князя Кочубея, графа Моркова, князя А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова и И. В. Страхова.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ. Письма А. Я. Протасова и князя Чарторыжскаго.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Письма графа С. Р. Воронцова къ его отцу и къ другимъ лицамъ.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

КНИГА ОСМНАДЦАТАЯ. Письма князя Кочубея, Татищева и Новосильцова.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Переписка съ Чичаговымъ и Грейгами.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ. Переписка съ графомъ Морковымъ, Тамарою, Италинскимъ, барономъ Гриммомъ, Лизакевичемъ и Смирновымъ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Записки кн. Е. Р. Дашковой. *Со снимками.*

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Переписка графовъ Воронцовыхъ съ баронами Николаи.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Бумаги разнаго содержанія.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Тоже.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Тоже.

КНИГА ДВАДЦАЦЬ СЕДЬМАЯ. Тоже.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ. Письма Русскихъ Государей и особъ Царскаго Дома къ графамъ Воронцовымъ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Письма иностранцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1884 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

Русскій Архивъ, историческій сборникъ преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1884 году **шесть разъ** въ годъ, въ Генварѣ, Мартѣ, Маѣ, Іюлѣ, Сентябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ крупнаго и вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ издается уже третье десятилѣтіе, и потому не нуждается въ зазывахъ и многообѣщающихъ посулахъ. Онъ остается вѣренъ основной своей мысли—служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнопрошедшими событіями и въ отечественной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣйствительности. На его знамени можно бы написать старинную поговорку: «не найдешь въ себѣ, не ищи въ селѣ». Разумѣется, при такомъ отношеніи къ дѣлу немыслимо пристрастное освѣщеніе историческихъ лицъ и событій, въ угоду господствующему направленію современности. Историческое изданіе, своимъ содержаніемъ удовлетворяющее не одному минутному любопытству и цѣнное не только для нашего времени, но и для временъ будущихъ, ведется въ такомъ видѣ, чтобы читатели могли немедленно отыскивать прочтенное и наводить нужныя справки. Для того при каждой книгѣ Русскаго Архива имѣются особые указатели, в нынѣ печатается общая предметная роспись за первые двадцать лѣтъ (1863—1882), посредствомъ которой легко обозримо и сподручно все историографическое богатство нашего сборника.

Приводимъ содержаніе Русскаго Архива за 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА

1883 года.

Письма **Жуковскаго** къ Государю Императору Александру Николаевичу, съ предисловіемъ и поясненіями издателя. — Воспоминанія **А. П. Бутенева** 1812 и 1813 годы.—Письма **М. П. Погодина** къ С. П. Шевыреву, 1839—1864. (Шафарикъ.—Бенардаки.—Боднянскій.—Библіотека Моля.—Первые шаги „Москвитянина“.—Погодинъ въ Даніи и у берлинскихъ профессоровъ.—Хомяковъ.—Увольненіе крестьянъ.—Участіе митрополита Филарета.—Три вечера въ Петербургѣ.—Чичеринъ и Герценъ.—Записки А. В. Зименки. — Шевыревъ за границею). Съ объясненіями **Н. П. Барсукова**.—Записки графини **Н. Н. Мордвиновой**.—Въ память В. А. Золотова. **Старушки изъ степи**.—Къ біографіи Жуковскаго. (Письма его матери и родныхъ).—Письмо **графа В. Д. Олсуфьева** къ митрополиту Филарету (о Кремлевскомъ колоколѣ, упавшемъ въ день присяги покойному государю Але-

ксандру Николаевичу) 1855.—Записочки митрополита **Филарета** къ Е. П. Глазовой.—Изъ памятныхъ замѣтокъ **П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго** (О Третьемъ Отдѣленіи).

Автобіографическія записки **графа Александра Романовича Воронцова** съ его портретомъ и съ послѣсловіемъ издателя.—Изъ памятной книги **Е. П. Раевской**. (И. Г. Бибиковъ.—Князь Валерьянъ Голицынъ.—М. М. Нарышкинъ).—Воспоминаніе о Московскомъ генералъ-губернаторѣ П. А. Тучковѣ. **С. П. Шипова**.—Къ біографіи **Жуковскаго**: а) Его переписка о бракѣ съ М. А. Протасовой, б) Разсказъ А. П. Зонтагъ объ его человѣколюбіи. в) Его письма къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. г) Его письмо къ Сперанскому о воспитаніи Государя Александра Николаевича. д) Его письма и шуточныя записки къ А. О. Смирновой. е) Его письма къ графу Д. Н. Шереметеву объ увольненіи изъ крѣпостной зависимости родныхъ профессора Никитенки.—Разсказы и анекдоты про Петра Великаго.—Коронація императрицы Екатерины Первой: а) Разсказъ очевидца. б) Современное правительственное описаніе.

Приложенъ портретъ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова. (Съ оригинальнаго портрета, хранящагося въ Одессѣ).

Записки артиллеріи маіора Елисаветинскихъ временъ **М. В. Данилова**. — Письмо графа **Н. Н. Панина** къ О. А. Поздѣеву объ охотничей собакѣ (1776).—Шуточное посланіе **А. В. Олсуфьева** къ князю Г. Г. Орлову.—Приживальщики и приживалки. Очерки недавно прошедшаго быта **Старуши изъ степи**.—Письмо уѣзднаго дворянскаго предводителя въ мѣствому дворянину-помѣщику (1858).—Біографія графа **П. В. Заводовскаго** (Екатерининскаго любимца и перваго министра народнаго просвѣщенія) **П. С. Листовскаго**. Съ портретомъ графа Заводовскаго.—Записка **А. Н. Муравьева** о нуждахъ православной церкви въ Россіи.—Секретный приказъ Кавказскаго полководца. **П. А. Вельяминова Ладияскому**. (1818). Разсказы канцлера князя Горчакова объ А. С. Пушкинѣ (письмо князя А. И. Урусова къ издателю Р. Архива).—Письмо **Ѳ. В. Чижова** къ одному сановнику.

Записки Василія Александровича Нащокина, генерала временъ Елисаветинскихъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Д. Н. Языкова**.—Бабушка Е. А. Бибикова. (Изъ записокъ ея внучки). Братья Олсуфьевы, оберъ-гофмейстеры Петра Великаго. Переписка ихъ съ княземъ А. Д. Меншиковымъ (1717—1727). Со введеніемъ и примѣчаніями **гр. А. В. О.**— Воспоминанія **Григорія Ивановича Филипсона**.—Знаменательный циркуляръ въ началѣ прошлаго царствованія.—Композиторъ Сѣровь на Петербургской гауптвахтѣ (1861).— Кіевскій генералъ-губернаторъ Н. Н. Анненковъ и М. В. Юзефовичъ (по поводу Польскаго всеподданнѣйшаго адреса 1864 года).—Баратынскій. Замѣтки по поводу новаго изданія его стихотвореній 1883 года. Князь Я. Ѳ. Долгорукій, Петровскій дипломатъ и сенаторъ съ большимъ гравированнымъ его портретомъ.

Къ „Русскому Архиву" 1883 года приложены: I. Переписка Кристина съ княжною Туркестановой на Французскомъ языкѣ. II. Петербургскій Некрополь. Справочный историческій указатель надгробій на Петербургскихъ кладбищахъ В. И. Саитова.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма графа Ѳ. В. Ростопчина.
Записки Марьи Сергѣевны Мухановой о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки И. В. Ваталина, доктора К. К. Зейдлица и В. А. Еропкина.
Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ.
Письма императрицъ Елисаветы Петровны, Екатерины Второй, имп. Александра Перваго, князя Суворова и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы графа В. А. Перовскаго, по его письмамъ.
Бумаги С. П. Шевырева.
Воспоминанія генералъ-адъютанта С. П. Шипова.
Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.
Письма А. С. Хомякова къ Гильфердингу.
Записка В. А. Жуковскаго объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха Палладія Лаврова.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма Екатерины Великой къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья П. В. Шумахера (по новымъ документамъ).
Письма А. С. Пушкина къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ графа С. Р. Воронцова.
Бумаги графа П. И. Панина.
Записки Саввы Текели.

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч М. П. Погодина.
Разсказъ графа Н. И. Панина объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма Хомякова къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.
Письма князя Вяземскаго къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма Хомякова къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки:—Новая глава „Капитанской Дочки“.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Немногія оставшіяся годовыя изданія 1881 года продаются со всѣми приложеніями по 8 р., съ пересылкою 9 р.

*

Русскаго Архива 1882 года въ продажѣ болѣе не имѣется.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883

6.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1884 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

Александръ Князь Бѣлосельскій Изобр:

КНЯЗЬ Я. Ѳ. ДОЛГОРУКІЙ.

Дипломатъ и Сенаторъ временъ Петра Великаго.

Князь Долгорукій Яковъ Ѳедоровичъ, старшій сынъ окольничаго князя Ѳедора Ѳедоровича, родился въ 1639 г. и получилъ въ домѣ отца своего наилучшее, по тогдашнему времени, воспитаніе: обученъ Латинскому языку, Математикѣ и Богословіи. Приверженность къ вѣрѣ предковъ, пламенная любовь къ Отечеству и ненарушимая вѣрность къ Государю, были плодами даннаго ему образованія. Онъ вступилъ въ службу въ 1669 году и вскорѣ пожалованъ стряпчимъ *); потомъ произведенъ въ стольники (въ 1672 году) и въ семъ званіи обратилъ на себя вниманіе царя Ѳедора Алексѣевича, который, замѣтя въ немъ особенныя способности, пожаловалъ его воеводою Казеннаго Разряда съ титуломъ Симбирскаго намѣстника. Во время бурнаго правленія Софіи, одинъ проповѣдникъ дерзнулъ, въ присутствіи Долгорукаго, говорить въ церкви противъ Петра. Вѣрный подданный согналъ съ каѳедры недостойнаго священника и, уличивъ его передъ народомъ, краснорѣчиво напомнилъ слушателямъ долгъ ихъ сохранять присягу помазанникамъ Божіимъ, гнушаясь измѣнниками, которые не достойны имени сыновъ Россіи. Юный Петръ умѣлъ цѣнить заслуги и давать вѣсъ каждому. Онъ полюбилъ князя Долгорукаго, удостоилъ его своею довѣренностію и возвелъ въ званіе комнатнаго стольника.

Вскорѣ князь Яковъ Ѳедоровичъ отправленъ былъ посломъ во Францію и Испанію (1687 г.) для приглашенія сихъ дворовъ къ общему вооруженію противъ враговъ Святаго Креста. Товарищами его были стольникъ князь Мышецкій и дьякъ Алексѣевъ. Они выѣхали

*) Въ старину названіе стряпчій имѣло совсѣмъ другое значеніе, нежели нынѣ. Сей чинъ давался однимъ придворнымъ, и стряпчіе исправляли тогда должность нынѣшнихъ пажей.

изъ Москвы 27 Февраля, сѣли 30 Апрѣля въ Ригѣ на корабль и прибыли 17 Іюня въ Сенъ-Дени. Людовикъ XIV поручилъ двумъ церемоніймейстерамъ, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, объявить посламъ, чтобы они, прежде королевской аудіенціи, вступили въ переговоры съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Кольбертомъ де Кроаси (братомъ славнаго Жанъ-Батиста, основателя торговли и покровителя наукъ во Франціи). Дорожа достоинствомъ своимъ, Долгорукій отвѣчалъ что «онъ не только не можетъ сего исполнить, но и помыслить не дозволяетъ себѣ, не бывъ на аудіенціи у короля, начать переговоры съ министромъ». Тщетно Людовикъ ссылался на примѣръ пословъ Цесарскихъ. Долгорукій сказалъ, что «не считаетъ себя обязаннымъ принять оный въ руководство при требованіи никогда небываломъ и чести Россійскихъ государей предосудительномъ». Увѣряли пословъ, что прежніе наши посланники всегда являлись къ Кольберту до пріемной аудіенціи королевской, что Людовикъ готовъ собственноручною подписью подтвердить сію истину. На сіе предложеніе, Долгорукій поручилъ донесть королю, что «это дѣло несбыточное; ибо не только посланникъ, ниже гонецъ Россійскій прежде короля къ министрамъ его не поѣдетъ; что письменнаго удостовѣренія въ томъ не приметъ, и чтобъ король изволилъ оставить напрасное затрудненіе». Угрожали ему отнятіемъ пристава и почетнаго караула. Долгорукій отвѣчалъ, что «не сдѣлаетъ невозможнаго». Наконецъ, гордый Людовикъ принужденъ былъ отмѣнить данное приказаніе. 30 Іюля присланъ въ Сенъ-Дени, для встрѣчи пословъ, вице-адмиралъ маршалъ Дестре съ двумя каретами, королевскою и дофиновою; для дворянъ приготовлено было еще шесть придворныхъ каретъ; прочей свитѣ подведены верховыя лошади. На дорогѣ къ Парижу и по улицамъ толпился народъ. Пословъ угощали королевскимъ столомъ и вслѣдъ затѣмъ объявили имъ, что король назначилъ аудіенцію 2 Августа, но требуетъ, чтобъ съ ними не было ни трубъ, ни литавръ и чтобъ свита ихъ не имѣла сабель. Возраженія пословъ не уважены, и Долгорукій, называя приказаніе королевское «притѣсненіемъ, посрамленіемъ», уступилъ на сей разъ необходимости. У крыльца въ Версали послы были встрѣчены оберъ-церемоніймейстеромъ Бленвилемъ, а у дверей аудіенцъ-залы маршаломъ Люксенбургскимъ. Король сидѣлъ на тронѣ; подлѣ него, съ правой стороны, стоялъ дофинъ, съ лѣвой братъ, герцогъ Орлеанскій, а за ними министры и придворные. Объявивъ о заключенномъ съ Польшею мирѣ и союзѣ противъ невѣрныхъ, Долгорукій вручилъ королю грамоту царскую, которую Людовикъ принялъ, вставши съ трона и снявъ шляпу. Король спрашивалъ пословъ о здоровьѣ государей, изъявилъ благодарность за присланное къ нему посольство, желалъ ихъ царскимъ

величествамъ счастливыхъ побѣдъ надъ врагами Святаго Креста, радовался о заключенномъ мирѣ съ Польшею, допустилъ къ рукѣ своей пословъ и свиту ихъ, принялъ благосклонно дары *) и обнадежилъ своимъ благоволеніемъ.

По выходѣ изъ аудіенцъ-залы угощали пословъ великолѣпнымъ столомъ и, подъ видомъ облегченія отъ затруднительныхъ переѣздовъ изъ Парижа въ Версаль, предложено имъ, послѣ заздравныхъ чашъ, тотчасъ идти на конференцію. Тогда послы объявили Кольберту, что государи ихъ приглашаютъ короля приступить къ общему союзу христіанскихъ державъ противъ враговъ Православія и содѣйствовать святому соединенію, если не войсками, то хотя деньгами. Министръ Французскій истощилъ все свое краснорѣчіе въ увѣреніяхъ, что король пріемлетъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ, толь великомъ и полезномъ всему Христіанству, хвалилъ премудрое благоусмотрѣніе обладателей Россіи и обѣщалъ донести королю предложеніе пословъ.

Второй конференціи назначено быть 10 Августа, въ Парижѣ, въ посольскомъ домѣ.

Но въ то время, какъ видимый успѣхъ начиналъ радовать князя Долгорукаго и его товарищей, пріѣхалъ 8 числа въ мѣстечко Шалонъ Турецкій посланникъ и прямо препровожденъ въ Версаль. Тутъ политика Франціи обнаружилась: она притворно доброжелательствовала Россіи, не страшась отдаленнаго государства; но имѣла надобность въ Турціи для умаленія могущества Вѣнскаго кабинета. Солиманъ III просилъ у Людовика помощи противъ союзныхъ монарховъ, и тотъ самый министръ, который, не задолго передъ тѣмъ, увѣрялъ Долгорукаго именемъ Людовика, что побѣды Россіянъ надъ невѣрными пріятны его сердцу, объявилъ тогда посламъ, черезъ церемоніймейстера, чтобъ они, по приказанію короля, готовились къ отъѣзду, безъ отпускной аудіенціи, и что отвѣтная грамота пришлется къ нимъ. Изумленный столь неожиданнымъ оборотомъ, Долгорукій отвѣчалъ, что «ни подъ какимъ видомъ ни отъ кого не приметъ грамоты, кромѣ самого короля». Велѣно удвоить караулъ посольскій, подъ предлогомъ безопасности приставлены солдаты къ имуществу, которое хотѣли подвергнуть таможенному осмотру, и запрещено Россіянамъ выходить изъ посольскаго двора. Долгорукій сказалъ, что «тотъ караулъ приставленъ не для безопасности ихъ, а единственно для нанесенія имъ безчестія; что ему нѣтъ дѣла до того, осматриваютъ ли другихъ по-

*) Въ числѣ даровъ, состоявшихъ изъ разныхъ дорогихъ мѣховъ, собольихъ и черныхъ лисицъ, находились живые кречеты, соколы, боберъ и барсъ.

словъ; но знаетъ онъ то, что у прежнихъ посланниковъ Россійскихъ никогда не дѣлали подобныхъ досмотровъ, и что послы не обязаны никому показывать своихъ пожитковъ и ни подъ какимъ видомъ до того не допустятъ». На другой день, присланный чиновникъ объявилъ посламъ, что король чрезвычайно гнѣвенъ, грозитъ имъ великимъ безчестіемъ и приказалъ выслать ихъ за границу. «Онъ всегда властенъ удалить насъ изъ Франціи», отвѣчалъ безстрашный Долгорукій,—но гнѣвъ его и самая даже моя смерть не принудятъ меня принять грамоту на посольскомъ дворѣ.

Августа 15, церемоніймейстеры Бонелій и Жиро привезли къ посламъ королевскіе дары въ замѣнъ поднесенныхъ ими на аудіенціи. Долгорукій просилъ благодарить его величество за оказанную милость и не принялъ даровъ. «Сначала мы обязаны совершить дѣла, порученныя намъ отъ Государей нашихъ», сказалъ онъ, «потомъ слѣдуетъ мнѣ получить отвѣтную грамоту изъ королевскихъ рукъ. Непостижимо обращается съ нами король: держитъ насъ подъ карауломъ и въ тоже время жалуетъ дарами своими. Караульте, если вамъ угодно, пожитки наши, только не нарушайте, господа, пристойности въ дѣлахъ, на насъ возложенныхъ; поступайте съ нами, какъ поступаютъ въ христіанскихъ просвѣщенныхъ государствахъ съ послами. Мы присланы во Францію утвердить любовь и согласіе, а не въ неволю». Долго уговаривали его церемоніймейстеры принять королевскіе дары и согласиться, хотя для одного вида, открыть имущество. Долгорукій рѣшительно повторилъ, «что даровъ не приметъ безъ надлежащаго отпуска, а пожитковъ своихъ, изъ принужденія, никакъ не покажетъ и ни одного сундука не откроетъ, хотя бы король велѣлъ все отнять». Бонелій и Жиро объявили посламъ, что прикажутъ уложить королевскіе подарки въ возы ихъ. «Король», отвѣчалъ на то Долгорукій, «можетъ въ государствѣ своемъ сдѣлать надъ нами, что̀ хочетъ; но если положатъ подарки насильно въ возы, въ такомъ случаѣ мы и отъ возовъ своихъ отступимся». Видя такую непреклонность, церемоніймейстеры принуждены были отправиться назадъ съ подарками. Черезъ день возобновились убѣжденія и угрозы, но твердость Долгорукаго не поколебалась. «Доложите королю», сказалъ онъ, «что ничей гнѣвъ для меня не страшенъ: страшусь только провиниться въ неисполненіи повелѣннаго моими Царями». Церемоніймейстеры и въ другой разъ удалились съ дарами, безъ успѣха. Тогда князь Долгорукій узналъ отъ Греческаго митрополита, пріѣхавшаго въ Парижъ съ Турецкимъ посланникомъ, что король принялъ магометанъ съ великою любовію и велѣлъ помѣстить ихъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жили Россійскіе послы. Августа 18, находившійся при нихъ приставъ объявилъ имъ

волю королевскую, чтобъ они ѣхали въ Сенъ-Дени и ожидали тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Послы, зная, для чего ихъ выживаютъ изъ занимаемаго ими дома въ Парижѣ, начали противорѣчить; но приставъ, не входя ни въ какія объясненія, промолвилъ только, что приказано отъ короля немедленно тотъ домъ исправить, и началъ выбирать всю мебель, снимать обои и все укладывать. Въ то самое время въѣхали на дворъ десять каретъ, нѣсколько фуръ и верховыхъ лошадей; послы по неволѣ отправились въ предмѣстье Сенъ-Дени. Тамъ объявлено имъ, что король освобождаетъ посольскіе пожитки изъ подъ караула и не велѣлъ ихъ осматривать. Но Долгорукій явилъ себя и въ семъ случаѣ человѣкомъ необыкновеннымъ: приказалъ тотчасъ раскрыть всѣ сундуки въ присутствіи пристава, желая тѣмъ уничтожить всякое сомнѣніе и доказать, что одно только принужденіе заставило его противоборствовать волѣ королевской. Людовикъ, вытѣснивъ изъ столицы пословъ Россійскихъ, прекратилъ насилія, сдѣлался благосклоннѣе, и Августа 22 прислалъ въ Сенъ-Дени, для выслушанія ихъ предложеній, министра своего Кольберта де Кроаси. Представивъ ему списокъ съ заключеннаго договора съ Польскимъ королемъ о вѣчномъ мирѣ и союзѣ противъ враговъ Креста Господня, Долгорукій велерѣчиво убѣждалъ, «чтобы король Французскій, отложа временныя свои выгоды, пріобрѣтаемыя отъ пріязни съ Турецкимъ султаномъ, поработалъ во славу имени Христа Спасителя, для блага прочнѣйшаго, для вѣчности». Но тщетно описывалъ онъ со всею живостію поруганіе храмовъ христіанскихъ, томленіе плѣнниковъ, впадшихъ въ руки невѣрныхъ, варварство отъ Магометанства, всюду распространяющееся, безмѣрное высокомѣріе Порты, уничижающее всѣ прочія державы, и ея насилія, не дающія мѣста справедливости; напрасно убѣждалъ Кольберта, Словомъ Божіимъ и пользою всей Европы, приступить къ союзу и присоединить побѣдоносное оружіе Французовъ къ ополченіямъ христіанскихъ государей, для низложенія надменнаго исполина. Французскій министръ, съ своей стороны, описавъ посламъ многія потери, которыя претерпѣло королевство въ прежніе годы отъ союзной войны съ Цесаремъ и Венеціянами противъ Турковъ, доказывалъ, что несовмѣстно мудро царствующему королю его вступиться за враждующаго императора Леопольда и разорвать миръ съ дружелюбною державою. Въ заключеніе Кольбертъ прибавилъ, «что «могущественный Людовикъ ищетъ собственной своей славы и ни съ «кѣмъ изъ союзниковъ дѣлиться ею не хочетъ; что дальнее разсто«яніе Россіи преграждаетъ возможность и открываетъ безполезность «тѣснаго ея соединенія съ Франціею». Тогда онъ возобновилъ прежнія свои учтивства и увѣренія въ благодарности короля за оказанную

ему честь предложеніемъ союза. Долгорукій желалъ знать: «обнадежитъ ли, по крайней мѣрѣ, король Французскій, что не будетъ препятствовать союзникамъ въ продолженіе войны съ Турками?» На сей вопросъ Кольбертъ отвѣчалъ двусмысленно: «Не будетъ, если только «сопредѣльные съ Франціею государи сами не подадутъ къ тому ка-«кого повода». И, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ объясненій, вдругъ перемѣнилъ разговоръ, объявилъ посламъ желаніе Людовика, «чтобы Рос-«сійскіе Цари приказали, по братской ихъ дружбѣ и любви, пропу-«скать чрезъ свои владѣнія іезуитовъ во всѣ земли для проповѣданія «Слова Божія». Долгорукій отвѣчалъ: «Французскіе послы, посланники и гонцы имѣютъ свободный проѣздъ чрезъ Россійское государство, но духовнымъ особамъ не можно дать сего позволенія безъ разрѣшенія царскаго». Послѣ сего, Россійскій полномочный завелъ рѣчь о постановленіи торговаго договора съ Франціею; но и сей предметъ отклоненъ Кольбертомъ, который отвѣчалъ, что «королю из-«вѣстно отъ прежнихъ посланниковъ и весьма пріятно желаніе Рос-«сійскаго двора распространить торговыя сношенія между обоими го-«сударствами и что Французскимъ купцамъ будетъ дозволено ѣздить «съ товарами къ пристани Архангелогородской». Тѣмъ кончились переговоры. Назначивъ для отпускной аудіенціи 24 Августа, Кольбертъ поѣхалъ въ Версаль. Надлежало, по принятому издавна обыкновенію, прислать къ Россійскимъ посламъ, за день до сей аудіенціи, отвѣтную королевскую грамоту для разсмотрѣнія, нѣтъ ли въ ней пропусковъ или ошибокъ въ титулахъ царскихъ; но князю Долгорукому (какъ ни ссылался онъ на примѣры прежнихъ посланниковъ) вручили копію съ грамоты въ Версали, когда онъ пріѣхалъ къ королю. Послы увидѣли, что въ титулѣ недостаетъ словъ: «Великіе Государи»; протестовали противъ сего и объявили Кольберту, что не примутъ неисправной грамоты и на аудіенцію не пойдутъ. Долго оставались они безъ отвѣта королевскаго; наконецъ, Людовикъ прислалъ сказать, что «ожидаетъ ихъ въ аудіенцъ-залѣ и чтобъ они не имѣли никакого «сомнѣнія въ принятіи грамоты, вѣря, что она имъ самимъ подписана». Послы просили дозволить имъ разсмотрѣть до аудіенціи хотя списокъ. Король велѣлъ сказать имъ: «Развѣ они не вѣрятъ его слову, «заставляя ждать себя!» Обнадеженные Людовикомъ, послы вошли въ аудіенцъ-залу. Король принялъ ихъ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ и произнесъ, что «благодаренъ ихъ царскимъ величествамъ за при-«сланное посольство, радуется союзу христіанскихъ государей и же-«лаетъ, чтобъ сіе благое дѣло увѣнчалось благимъ окончаніемъ, на «пользу Христіанства». Потомъ поручивъ кланяться отъ него Царямъ, онъ допустилъ пословъ и свиту ихъ къ своей рукѣ. Лишь только Долго-

рукій вышелъ изъ аудіенцъ-залы, тотчасъ замѣтилъ, что именованіе въ титулѣ Великихъ Государей было, какъ и прежде, пропущено. Онъ обременилъ Французскихъ чиновниковъ упреками въ несостоятельности обнадеживанія королевскаго и отдалъ имъ грамоту для представленія королю. Людовикъ XIV выслалъ сказать, что прикажетъ переписать ее, а посламъ велѣлъ ѣхать изъ Версали въ Сенъ Дени. Августа 26 явился къ Долгорукову приставъ и, вынувъ изъ-за пазухи туже самую грамоту, объявилъ «что король не приказалъ ее перепи«сывать; ибо никого изъ государей великимъ никогда не титуловалъ, «да и самъ ни отъ кого не принималъ такого титула». Послы, въ доказательство противнаго, ссылались на грамоту, привезенную отъ короля стольникомъ Алмазовымъ въ 1685 году *); стыдили пристава, что онъ принесъ къ нимъ за пазухою бумагу, подписанную королемъ, и отказались принять ее. Приставъ положилъ грамоту на столъ. Долгорукій тотчасъ вышелъ изъ той комнаты съ своими товарищами, произнеся, что «онъ грамоты не возьметъ и никто изъ нихъ не вступитъ въ комнату, гдѣ она положена». Приставъ отправился въ Версаль и, возвратясь оттуда, объявилъ: «что король не именовалъ «Великими Государями царей Россійскихъ въ отвѣтѣ своемъ, отправлен«номъ съ Алмазовымъ, и утверждаетъ сіе клятвенно **)». Онъ убѣждалъ пословъ принять грамоту, врученную имъ на отпускной аудіенціи; но они рѣшительно отъ всего отказались. На другой день Людовикъ прислалъ имъ съ церемоніймейстерами дары, въ числѣ которыхъ находились четыре портрета его, украшенные алмазами: для трехъ пословъ и племянника старшаго изъ нихъ, князя Василія Лукича Долгорукаго. Послы благодарили короля за милость, но отказались отъ подарковъ, требуя прежде, чтобъ исправлены были титулы царскіе. Сдѣлавъ выговоръ Долгорукову за причиняемыя досады королю, какихъ онъ еще ни отъ кого не имѣлъ, церемоніймейстеры отправились съ дарами въ Версаль. Нѣсколько дней сряду продолжались настоянія о пріемѣ грамоты и даровъ. Приставы, придворные служители и караульные удалены отъ пословъ. Кольбертъ угрожалъ Долгорукову казнію за отсылку королевскихъ портретовъ и настоятельно требовалъ, чтобъ они были приняты, отложивъ прочіе дары. Послы, желая доказать Людовику XIV, что отказъ ихъ былъ основанъ единственно на поддержаніи правъ

*) Грамота сія отъ 3 Іюня. Цари въ ней именованы: Très-hauts, très-excellents et „très-puissants grands-seigneurs, Tzars et Grands-Ducs." Первыя два слова были пропущены въ 1687 году.

**) Въ семъ случаѣ Людовикъ XIV правъ: très-hauts не означаетъ Великіе, но Высокіе. Долгорукій не зналъ Французскаго языка и, вѣрно, имѣлъ дурнаго переводчика.

Россійскихъ самодержцевъ, согласились, во избѣжаніе вражды непримиримой, принять портреты; но грамоту отослали назадъ.

Послѣ сего объявлено, что они отпускаются въ Гавръ-де-Грасъ на королевскихъ подводахъ съ двумя приставами, откуда будутъ отправлены на военномъ кораблѣ и высажены въ Испанскомъ пограничномъ городѣ Себастіанѣ; сухимъ путемъ въ Испанію возбранено имъ ѣхать. Поблагодаря за сіе, послы возобновили представленія о перемѣнѣ отвѣтной грамоты, безъ успѣха, ибо король запретилъ даже докладывать о томъ. Изъ Сенъ-Дени они выѣхали 31 Августа. По-видимому должны были прекратиться всѣ неудовольствія; но въ Гавръ-де-Грасѣ ожидали ихъ подарки королевскіе, и угрозы, что въ случаѣ отказа, велѣно задержать тутъ посольство. Князь Долгорукій принужденъ былъ согласиться *).

15 Сентября (1687) послы отправились моремъ въ Испанію. И тамъ не имѣли они успѣха: Карлъ II, выхваляя благоразумное ихъ поведеніе при дворѣ Мадритскомъ, ссылался на оказанное Испаніею пособіе императору противъ Турковъ войсками и деньгами и отказалъ ссудить Царей двумя милліонами ефимковъ.

Князь Долгорукій возвратился въ Москву 15 Мая 1688 г. Тогда любимецъ Софіинъ, князь В. В. Голицынъ, желая загладить стыдъ, нанесенный ему неудачнымъ походомъ въ Крымъ (1687 г.), вооружалъ сильное войско. Князь Я. Ѳ. Долгорукій участвовалъ въ тогдашнихъ военныхъ дѣлахъ и награжденъ кубкомъ золоченымъ, парчевымъ кафтаномъ на соболяхъ и увеличеніемъ жалованья. Вскорѣ Петръ, достигнувъ совершеннаго возраста, сдѣлался Самодержцемъ Россіи и, съ согласія Іоанна, заключилъ властолюбивую Софію въ монастырь (1689 г.). Онъ зналъ правоту, безкорыстіе Долгорукаго и возвелъ его въ почетное достоинство судьи Московскаго Судпаго Приказа (1690 г.).

Здѣсь, наблюдая во всей строгости силу законовъ, кн. Яковъ Ѳедоровичъ защищалъ слабыхъ, обнаруживалъ сокровенныя преступленія, охранялъ собственность каждаго, преслѣдовалъ и каралъ однихъ злодѣевъ. Среди полезныхъ занятій, Долгорукій подвергся большой непріятности (1691 г.): онъ поссорился во дворцѣ съ царскимъ дядькою бояриномъ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ и, увле-

*) Каждый посолъ, кромѣ портретовъ, получилъ: пару пистолетовъ, фузею, боевые часы, двое часовъ карманныхъ и шесть ковровъ шелковыхъ съ золотомъ. Князю Долгорукому дано еще четыре куска матеріи золотной; дворянамъ, переводчику и старшему подьячему золотыя медали съ изображеніемъ Людовика XIV; прочимъ серебряныя. Съ того времени письменныя сношенія съ Франціею прекратились на семнадцать лѣтъ, а съ Испаніею на тридцать.

каемый горячимъ нравомъ, назвалъ его измѣнничьимъ правнукомъ. Голицынъ, любимый, уважаемый Петромъ, пожаловался Государю: Долгорукій принужденъ былъ заплатить противнику за безчестіе и посланъ въ темницу; но, не доходя оной, прощенъ во уваженіе отличныхъ заслугъ и испытанной вѣрности.

Въ 1696 году князь Яковъ Өедоровичъ сражался подъ знаменами Петра и доказалъ на опытѣ, что способенъ былъ ко всѣмъ предназначеніямъ: перешелъ съ семью стами гвардейцевъ чрезъ рѣку Донъ (14 Іюля), находясь въ водѣ по-плéча, и овладѣлъ каланчею города Азова, отчаянно защищаемою двумя тысячами Оттомановъ; предводительствуя десятью тысячами пѣхоты и тремя тысячами Запорожскихъ казаковъ, разбилъ на голову (18 числа), близъ рѣки Кагальника, султана Нурадина, выступившаго противъ него съ тридцатитысячнымъ войскомъ; положилъ на мѣстѣ битвы значительное число непріятелей, разсѣялъ остальныхъ; былъ главнымъ виновникомъ новаго пораженія, которое потерпѣли Турки и Татары въ окрестностяхъ Азова, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Нурадина; мужественно напалъ съ четырьмя тысячами Россіянъ на сильную армію невѣрныхъ, состоявшую изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, далъ время Шеину обойти ихъ, преслѣдовалъ побѣжденныхъ за десять верстъ, усѣялъ поле битвы трупами противниковъ. На этомъ сраженіи пало 13,900 мусульманъ, взято въ плѣнъ 12,000. Наше войско было втрое менѣе непріятельскаго. Побѣды князя Долгорукаго ускорили сдачу Азова (1696 г.). Вслѣдъ затѣмъ, князь Яковъ Өедоровичъ предводительствовалъ тридцатипятитысячнымъ наблюдательнымъ корпусомъ на Бѣлгородской чертѣ. Онъ воевалъ съ такимъ же успѣхомъ и въ слѣдующихъ годахъ, вспомоществуемый гетманомъ Мазепою: снабдилъ свѣжимъ гарнизономъ крѣпости Кизикерменскую и Таванскую (1697 г.), разбилъ подъ Очаковымъ Турецкаго сераскира, обратилъ его въ бѣгство, осадилъ Перекопъ, разсѣялъ подъ этимъ городомъ сильное войско Татаръ, предводимое Кази-гиреемъ, сыномъ хана Крымскаго (1698 г.) и награжденъ за свои ратные подвиги достоинствомъ боярина.

Благоволеніе Петра къ князю Долгорукову возрастало по мѣрѣ заслугъ его: уничтоживъ (1700 г.) приказы Рейтарскій и Иноземческій, онъ замѣнилъ ихъ Приказомъ Воинскихъ Дѣлъ и ввѣрилъ управленіе его князю Якову Өедоровичу, съ званіемъ генералъ-кригсъ-комиссара; пожаловалъ его вскорѣ тайнымъ совѣтникомъ; назначилъ было въ Стокгольмъ чрезвычайнымъ посломъ; но послѣдовавшій разрывъ между Россіею и Швеціею, заставилъ снова Долгорукаго, вмѣсто дипломатическаго поприща, выступить на бранное. Нарвское сраженіе, проигранное по причинѣ измѣны главнокомандовавшаго герцога Кроа,

отсутствія Петра изъ арміи и неопытности воиновъ нашихъ, знаменито оказанною Долгорукимъ храбростію среди неудачъ, въ виду бѣжавшихъ рекрутъ. «Что̀ дѣлать намъ?», спрашивали его другіе полководцы.—«Идти впередъ, друзья, отвѣчалъ онъ. Съ нами Богъ, никто же на ны. Оставимъ робкихъ и будемъ повелѣвать храбрыми». Съ сими словами повелъ онъ полки гвардейскіе противъ непріятеля, остановилъ стремленіе его, принудилъ податься назадъ. Карлъ XII, удивленный мужествомъ Россіянъ, согласился на свободное отступленіе ихъ и лично обнадежилъ въ томъ Долгорукаго. Но когда лучшія войска наши переправились черезъ рѣку Серру съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, тогда Шведы, забывъ свое обѣщаніе, бросились на остальные полки и, обезоруживъ ихъ, объявили военноплѣнными.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ находился князь Долгорукій. Онъ отвезенъ былъ въ Стокгольмъ, гдѣ около десяти лѣтъ содержался подъ крѣпкимъ карауломъ, занимаясь во все сіе время разсматриваніемъ Шведскаго правовѣдѣнія; потомъ перемѣщенъ въ Якобштатъ. Лишенный свободы посредствомъ вѣроломства, храбрый полководецъ Петровъ вздыхалъ объ отчизнѣ, сѣтовалъ о своемъ бездѣйствіи, о потерянномъ времени и, вмѣстѣ, помышлялъ о способахъ свергнуть съ себя тяжкія оковы. Небо услышало, наконецъ, мольбы его. Въ 1711 году, по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены моремъ въ Умео. Въ числѣ ихъ находился Долгорукій. Русскихъ было сорокъ четыре человѣка, Шведовъ менѣе. Это самое внушило князю Якову Ѳедоровичу мысль овладѣть непріятельскою шкуною и возвратиться въ отечество. Онъ сообщилъ намѣреніе свое товарищамъ, которые охотно согласились содѣйствовать ему. Исполненіе отложено до слѣдующей Субботы; сигналомъ должны были служить, во время вечерняго пѣнія, слова: «Дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи!» При первыхъ двухъ положено всѣмъ имъ бросить весла (ибо они шли греблею), при послѣднихъ: каждому схватить Шведа и, куда кто можетъ, его управить. Въ назначенную минуту, Русскіе устремились на Шведовъ, нимало того не ожидавшихъ, обезоружили ихъ, умертвили нѣкоторыхъ, столкнули въ море; остальныхъ, связавъ, заключили подъ палубу, кромѣ одного только шкипера, которому Долгорукій, приставивъ къ груди шпагу, сказалъ: «Если хочешь быть живъ, вези насъ къ Кроншлоту или Ревелю; но берегись измѣны»! Шкиперъ повиновался семидесятилѣтнему герою, но не зналъ пути. «Мы не имѣли картъ морскихъ», писалъ Долгорукій Меншикову, «и то море переѣхали, безъ всякаго вѣдѣнія, управляющимъ древнимъ бѣдственно-плавающихъ кормщикомъ, отцемъ Николаемъ (Библ. для Чтенія XIV, ч. 2, стр. 74).

Достигнувъ благополучно острова Дакто, завоеваннаго Русскими, Долгорукій дозволилъ Шведамъ, исключая капитана, возвратиться въ отечество; прибылъ въ Ревель 19 Іюня и помышлялъ объ одномъ: «чтобъ всемилосердый Богъ допустилъ его немедленно видѣть пресвѣтлыя очи милостивѣйшаго Государя». Петръ Великій находился тогда за Днѣстромъ, и только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ узналъ о чудесномъ освобожденіи Долгорукаго. Возвратясь въ С.-Петербургъ къ новому году (1712), Государь обнялъ вѣрнаго подданнаго и, неоднократно цѣлуя, выхвалялъ мужественную его рѣшимость. Заслуженный старецъ не могъ удержаться отъ слезъ при свиданіи съ обожаемымъ Монархомъ; Петръ, строгій, но чувствительный къ подвигамъ необычайнымъ, также проливалъ слезы радости и удивленія.

Долгорукій получилъ тогда, за претерпѣнное страданіе, нѣсколько деревень, званія сенатора, «генералъ-пленипотенціялъ-кригсъ-коммисара» и президента Ревизіонъ-Коллегіи, повѣрявшей всѣ государственные приходы и расходы. Онъ вездѣ оправдалъ лестную довѣренность Царя безкорыстіемъ, правотою; но, въ особенности, обезсмертилъ имя свое въ Сенатѣ. Вступивъ въ это верховное судилище, Долгорукій разсматривалъ дѣла, не собирая предварительно справокъ о связяхъ прикосновенныхъ лицъ съ царедворцами; не зналъ пословицы: *съ сильнымъ бороться, съ богатымъ тягаться не должно*; не кривилъ вѣсами правосудія, преслѣдовалъ порокъ, защищалъ невинно-утѣсненныхъ; безбоязненно, грубымъ, но правдивымъ языкомъ, вѣщалъ истину грозному Монарху, противорѣчилъ ему для славы его или пользы народа, иногда даже дерзко: ибо Долгорукій не умѣлъ льстить, любилъ не себя, а Царя и Отечество *).

Петръ нуждался въ деньгахъ, а доходы государственные, въ то время весьма умѣренные, простирались (съ 1711 по 1723 годъ) только до пяти милліоновъ рублей и не могли удовлетворять необходимыхъ расходовъ. Въ сихъ тѣсныхъ для Россіи обстоятельствахъ, корыстолюбивые купцы Голландскіе предложили вносить въ казну ежегодно до милліона и болѣе рублей, безъ всякаго, по словамъ ихъ, отягощенія народа, если отданъ имъ будетъ на десять лѣтъ откупъ внутренней пошлины, съ правомъ покупать изъ первыхъ рукъ во всей Россіи всякіе продукты, произрастенія и издѣлья, и привозимые ими товары продавать повольною цѣною, гуртомъ и врознь. Они представили въ проектѣ своемъ, что, кромѣ существенныхъ выгодъ для госу-

---

*) Примѣры гражданской доблести князя Долгорукаго напечатаны въ „Разсказахъ и Анекдотахъ про Петра Великаго“ въ Русскомъ Архивѣ нынѣшняго года. Приводимъ только тѣ, которые тамъ не помѣщены. П. Б.

дарства, со стороны доходовъ, произойдутъ еще отъ того слѣдующія: 1) увеличится внутренняя торговля и портовая пошлина; 2) земледѣльцы пріобрѣтутъ способъ къ размноженію продуктовъ своихъ, и 3) Россіяне, отъ ближайшаго обращенія съ иностранцами, получатъ новыя познанія въ торговлѣ; особенно купечество Россійское, которое снабжая Голландцевъ прикащиками, узнаетъ искусство вести порядочныя книги. Петръ, хотя и проникнулъ въ хитрость иноземцевъ, но внесъ проектъ ихъ на разсмотрѣніе Сената, при чемъ объявилъ, что имѣетъ нужду въ деньгахъ, и что милліонъ рублей прибыли можетъ удовлетворить недостатки. Начались сужденія и кончены, какъ должно было ожидать, одобреніемъ проекта. «А ты, дядя», спросилъ Государь Долгорукаго, который одинъ только не говорилъ ни слова, «зачѣмъ молчишь?»—«Для того», отвѣчалъ князь Яковъ Ѳедоровичъ, «что я размышлялъ о коварствѣ Голландцевъ: они дадутъ и по пятидесяти копѣекъ на рубль пошлины, вмѣсто предлагаемыхъ тридцати, только бы имъ прибрать въ однѣ свои руки всю внутреннюю торговлю. Вели пригласить ихъ въ Сенатъ и дай мнѣ волю поговорить съ ними: ты увидишь, правду ли я сказалъ». Долгорукій не ошибся: Голландцы согласились на прибавку, увѣряя, будто-бы останутся въ убыткѣ. «Государь» сказалъ князь Яковъ Ѳедоровичъ, пріѣхавъ во дворецъ, «они дадутъ и болѣе; но помысли, не отяготительно ли это будетъ твоимъ купцамъ и всему народу? Призови первыхъ: яснѣе узнаешь тогда, сколько торговля отъ того потерпитъ, какое раззореніе угрожаетъ крестьянамъ». Петръ изъявилъ благодарность свою Долгорукому и, дѣйствительно, удостовѣрился изъ разговора съ почтеннѣйшимъ купечествомъ Петербургскимъ, что предложеніе Голландцевъ клонилось къ обогащенію ихъ, со вредомъ государству.

Нѣкто полковникъ Блеклый имѣлъ тяжебное дѣло въ Сенатѣ съ Зотовымъ. Долгорукій, почитая его правымъ, увѣрилъ его, что оно рѣшено будетъ въ пользу его; но, въ противность обѣщаннаго, подписалъ опредѣленіе, вмѣстѣ съ прочими сенаторами, въ пользу Зотова. Удивленный проситель явился къ Долгорукому для личнаго объясненія. «Ты правъ», сказалъ ему безпристрастный сенаторъ; «но я долженъ былъ обвинить тебя. Подай непремѣнно апелляціонную жалобу Государю на Сенатъ и на меня самаго».—«Что это за бумага?» спросилъ Петръ Блеклаго, не принимая оной.—«Челобитная въ Сенатъ», отвѣчалъ полковникъ.—«Но подписалъ ли опредѣленіе Долгорукій?»—«Подписалъ». Тогда Государь взялъ просьбу, прочелъ ее, вытребовалъ дѣло къ себѣ, разсмотрѣлъ и, удостовѣрясь въ правотѣ Блеклаго, послалъ за Долгорукимъ. «Кто правъ», спросилъ его Петръ: «Блеклой или Зотовъ?» —«Первый», отвѣчалъ Долгорукій.—«Но зачѣмъ же ты под-

писалъ опредѣленіе въ пользу его соперника?»—«Сильная рука Зотова превозмогла», продолжалъ Долгорукій: «нынѣ наступили святки, а онъ моего брата, по злобѣ на него, уже опоилъ; еслибъ я обвинилъ его, и мнѣ была бы, можетъ быть, такая же участь; а какъ ты, Государь, передѣлаешь по своему и насъ обвинишь, то не на кого будетъ ему и сердиться».—Государь принялъ съ неудовольствіемъ оправданіе Долгорукаго, рѣшилъ дѣло въ пользу Блеклаго, наложилъ чувствительный штрафъ на сенаторовъ, а на князя Якова Ѳедоровича вдвое, потому, прибавилъ онъ собственноручно, «что онъ всѣхъ ихъ казался безпристрастнѣе».

Долгорукій, однажды, до такой степени вывелъ Государя изъ терпѣнія, что Петръ устремился на него съ обнаженнымъ кортикомъ и, навѣрно, закололъ бы его, еслибъ тотъ ухватя за руку, не сказалъ ему: «Постой, Государь! Честь твоя дороже мнѣ жизни моей. Что́ тогда скажетъ о тебѣ свѣтъ, если ты своими руками умертвишь вѣрнаго подданнаго, и за то только, что онъ осмѣлился тебѣ противорѣчить въ дѣлѣ, которое иначе понималъ? Когда тебѣ голова моя надобна, не поганя своихъ рукъ, вели ее снять палачу на площади; тогда сочтутъ казнь мою за какое нибудь важное злодѣйство, и ты останешься безъ порицанія: судить же тебя будетъ со мною одинъ только Богъ». Государь, приведенный въ стыдъ словами Долгорукаго, забылъ свою запальчивость, бросилъ кортикъ на полъ, вышелъ изъ комнаты, и потомъ возвратился, чтобы просить у подданнаго прощенія въ своемъ поступкѣ.

Всѣмъ извѣстна чрезвычайная печаль, которой предавался Петръ Великій передъ кончиною любимаго сына своего, царевича Петра Петровича *). Нѣжность родительская преодолѣла тогда мужество его и твердость духа, ему свойственную: онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, легъ въ постель, орошалъ ее горькими слезами и около трехъ су-

*) Царевичъ Петръ Петровичъ родился отъ второй супруги Петра Великаго Екатерины Алексѣевны, 29 Октября 1715 года, а скончался 25 Апрѣля 1719. Печаль, чувствуемая Государемъ по кончинѣ сего царевича, соотвѣтствовала радости, оказанной имъ при рожденіи его. Онъ въ одномъ письмѣ своемъ къ фельдмаршалу графу Шереметеву, извѣщая его о рожденіи Петра Петровича, называлъ послѣдняго ниспосланнымъ отъ Бога рекрутомъ, и приказывалъ своимъ именемъ поздравить съ тѣмъ всю армію. Петръ Великій надѣялся самъ образовать сердце сего царевича и видѣть въ немъ достойнаго преемника своей славы.—Почтенный Голиковъ и придерживающійся его сочинитель Исторіи Петра Великаго, Берхманъ, увѣряютъ, ссылкою на Журналъ князя Меншикова, что Штелинъ несправедливо, будто бы, передалъ намъ анекдотъ о чрезвычайной печали Государя; что, напротивъ, онъ не обнаружилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ оной.—Но не въ томъ ли самомъ Журналѣ, за два дни передъ кончиною царевича, ничего не записано о Петрѣ Великомъ? См. Дополн. къ Дѣян. т. XII, стр. 193.

токъ не только не допускалъ къ себѣ никого, но даже и не употреблялъ никакой пищи. Тщетно Государыня, желавшая облегчить скорбь его, старалась войти къ нему въ кабинетъ: сколько она ни стучала въ двери, никакого не слышала отвѣта. Чувствительная Екатерина изнемогала отъ слезъ и горести. Она оплакивала неминуемую потерю сына, и вмѣстѣ страшилась лишиться обожаемаго ею супруга. Въ семъ бѣдственномъ положеніи пришла ей счастливая мысль послать ночью за сенаторомъ Долгорукимъ. Описавъ ему отчаяніе Петра и опасность, угрожавшую всему государству, Екатерина умоляла его извлечь Государя изъ заключенія. Подумавъ нѣсколько, Долгорукій успокоилъ Екатерину, увѣривъ ее, что дѣло въ слѣдующій день приметъ совсѣмъ другой оборотъ, и что Государь покажется народу. Онъ, немедленно, пригласилъ всѣхъ сенаторовъ явиться поутру во дворецъ для чрезвычайнаго собранія; краснорѣчиво представилъ имъ послѣдствія необычайной горести Царя, обязанность на нихъ лежащую, отвѣтъ, который должны они дать Богу и Отечеству, оставаясь покойными зрителями въ толь рѣшительныя минуты, когда каждая угрожаетъ имъ невозвратною потерею мудраго преобразователя. Всѣ одушевились однимъ чувствомъ: восмидесятилѣтній старецъ смѣлыми шагами пошелъ къ кабинету Государя, сопровождаемый Сенатомъ, и началъ стучаться. Внутри комнаты царствовало глубокое молчаніе. Удвоивъ стукъ, Долгорукій громкимъ голосомъ кричалъ Петру, чтобы отперъ дверь, что Долгорукій и весь Сенатъ пришли предложить Его Величеству дѣло чрезвычайной важности. Государь приблизился къ дверямъ, ничего не отвѣчая, и Долгорукій еще болѣе возвысилъ голосъ: «Дѣло это не терпитъ никакой отсрочки; отопри дверь», кричалъ онъ, «и подай рѣшеніе, или принуждены мы будемъ выломить дверь и взять «тебя насильно, если не хочешь лишиться престола и государства». Услышавъ слова сіи, Государь выступилъ изъ комнаты, изумился сначала, увидѣвъ передъ собою весь Сенатъ; но, пришедъ въ себя, сказалъ: «Ну, за чѣмъ вы?»—«Отъ удивительнаго твоего отлученія», отвѣчалъ Долгорукій, и отъ твоей весьма продолжительной и ничему неполезной печали все государство приходитъ въ замѣшательство; всѣ важныя дѣла остановились, успѣхи морской и сухопутной войны пресѣклись; побѣжденные столь часто враги получаютъ опять бодрость и угрожаютъ государству нападеніемъ; и еслибъ ты, уклонясь отъ правленія, находился бы еще далѣе въ заключеніи, то твои государственные чины принуждены бы были разсуждать о избраніи на твое мѣсто другаго государя». Убѣжденный столь справедливымъ представленіемъ, Петръ далъ слово сенаторамъ разсѣять печаль

свою, безропотно покорился волѣ Божіей и на другой день занялся дѣлами по прежнему.

Заключу анекдоты о знаменитомъ Долгорукомъ еще однимъ, дѣлающимъ честь возвышеннымъ его чувствамъ. Однажды, за шумнымъ обѣдомъ, Государь завелъ рѣчь о дѣлахъ царя, родителя своего; каждый изъ сидѣвшихъ за столомъ сообщалъ свои замѣчанія; наконецъ, придворные не чувствительно склонили разговоръ къ сравненію дѣлъ Петра Великаго съ дѣяніями Алексѣя Михайловича, и одинъ изъ нихъ, (графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ), чтобы польстить царствующему государю, началъ хвалить его, осуждая правленіе Алексѣя; наконецъ, самые даже знаменитые подвиги царя Алексѣя приписалъ онъ Морозову и другимъ искуснымъ министрамъ того времени. Съ негодованіемъ Петръ внималъ словамъ царедворца. «Ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою», сказалъ онъ ему, «болѣе меня бранишь, нежели я стерпѣть могу» и, вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Долгорукому, остановился за его стуломъ и произнесъ: «Дядя! Я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжко спорами своими досаждаешь, что часто едва могу стерпѣть; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно и благодарю. Нынѣ же тебя спрошу и увѣренъ, что о дѣлахъ отца моего и моихъ скажешь правду нелицемѣрную». «Изволь сѣсть», отвѣчалъ Долгорукій, «а я подумаю». Всѣ хранили молчаніе, которое, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, прервалъ Долгорукій сими словами, поглаживая длинные усы свои. «Государь! Вопросъ твой нельзя кратко изъяснить, для того что дѣла разныя: въ иномъ твой отецъ, а въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія нашего достоинъ. Главныя дѣла государей, по коимъ они отличаются, суть три. Первое, внутренняя расправа, важнѣйшее занятіе ваше, ибо отъ онаго проистекаетъ правосудіе. Въ семъ отецъ твой больше сдѣлалъ, нежели ты: онъ далъ намъ Уложеніе, по коему и нынѣ мы судимся; но когда и ты о семъ прилежать будешь, то, можетъ быть, и превзойдешь его, и пора уже тебѣ о томъ и думать. Второе, военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныя хвалы удостоился, и пользу великую государству принесъ, и тебѣ устроеніемъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ путь показалъ; но по немъ несмысленные почти всѣ его учрежденія такъ раззорили, что ты почитай все вновь дѣлалъ и въ лучшее состояніе привелъ; однакожъ, я, много думая о томъ, еще не знаю, кого болѣе хвалить? Но конецъ войны твоей прямо намъ то покажетъ. Третіе, въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранными, ты далеко бо́льшую пользу государству и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели отецъ, и все сіе самъ,

надѣюсь, за правду примешь. Чтоже разсуждаютъ, якобы государи каковыхъ министровъ, умныхъ или глупыхъ имѣютъ, таковы ихъ и дѣла, то я противно разумѣю: мудрый государь умѣетъ мудрыхъ и совѣтниковъ избирать и вѣрность ихъ наблюдать. И такъ у мудраго не могутъ быть глупые министры; понеже онъ о достоинствѣ каждаго разсудить и правые совѣты отъ неправыхъ и вредныхъ различить можетъ».—«Благій рабе и вѣрный!» произнесъ тогда Петръ Великій, обнимая Долгорукаго; «въ малѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю» *).

Однакожъ, не смотря на сіи обѣщанія, на лестный отзывъ Монарха, который часто говорилъ приближеннымъ: «Князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ, онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лице», Долгорукій остался по самую кончину свою въ званіи тайнаго совѣтника и сенатора, не получивъ отъ Государя ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, хотя преимущественно имѣлъ предъ другими право на него. Онъ испыталъ даже многія огорченія: кромѣ денежнаго штрафа (которому самъ себя подвергнулъ изъ шутки) по дѣлу Блеклаго, былъ онъ преданъ слѣдственной коммиссіи (1716 г.), но оправдался; не имѣлъ никакого успѣха въ ходатайствѣ за родственниковъ своихъ Долгорукихъ, лишенныхъ чиновъ, сосланныхъ въ ссылку (1718 г.); былъ подозрѣваемъ даже Царемъ въ лихоимствѣ по дѣлу князя Гагарина за то только, что купилъ палатку, принадлежавшую сему несчастливцу и что дворецкій Долгорукаго удержалъ у себя тысячу рублей, выданные за нее господиномъ. Здѣсь видна сострадательность его, и нѣтъ преступнаго поползновенія; ибо невѣроятно, чтобы мужъ совѣтовъ, руководствовавшійся всегда правотою и законами, могъ, на закатѣ славныхъ дней своихъ, защищать виновнаго, прельщенный, будто-бы, дешевизною палатки, въ коей не имѣлъ надобности! Завистники Долгорукаго старались очернять его въ глазахъ Государя; но онъ терпѣливо сносилъ ихъ гоненія, и отомщалъ имъ самымъ чувствительнымъ образомъ—своими дѣлами. Тотъ не былъ великъ, кто не вооружалъ противъ себя зависти.

Впрочемъ, отдавая должную справедливость Долгорукому, нельзя умолчать, что онъ, не за долго до кончины своей, отягченный старостью и болѣзнями, подписывалъ иногда дѣла, не читая оныхъ, лежа

*) Въ подмосковномъ селѣ Тарбеевѣ (за Химками), нѣкогда принадлежавшемъ кн. Я. Ѳ. Долгорукому, до послѣдняго времени росъ (а можетъ быть и теперь цѣлъ) вѣковой кедръ, подъ которымъ Петръ сиживалъ и бесѣдовалъ съ своимъ славнымъ сенаторомъ. П. Б.

въ постелѣ, полагаясь на своихъ товарищей. Такимъ образомъ утвердилъ онъ неправильное опредѣленіе Сената по тяжбѣ корабельнаго мастера Гурьева съ однимъ вельможею. Петръ Великій, вникнувъ въ существо дѣла, взялъ сторону перваго и написалъ на просьбѣ его: «Поелику по законамъ положена смерть тому, кто неправо бить челомъ будетъ на Сенатъ; то разумѣется, что и сенаторы подвергаются той же казни за неправое рѣшеніе, отъ которой и не могу я ихъ избавить, если не проститъ ихъ Гуръ Гурьевъ». Тяжко было Долгорукому чувствовать себя «въ первый разъ въ жизни виноватымъ»; сильно выговаривалъ онъ товарищамъ за неосмотрительность, пристрастіе ихъ, хулилъ свое легкомысліе и принужденъ былъ, со всѣми сенаторами, униженно просить прощенія у корабельнаго мастера. «Счастливы вы», произнесъ имъ безсмертный Монархъ, «что попали на добраго человѣка: «а то я показалъ бы вамъ, какъ должно поступать съ тѣми, которые, вмѣсто того чтобы быть примѣромъ правосудія, сами оное нарушаютъ».

Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій скончался въ С.-Петербургѣ отъ опухоли въ груди, 24 Іюня 1720 г., на восемдесятъ первомъ году отъ рожденія *). Онъ былъ роста высокаго, имѣлъ лице полное и нѣсколько продолговатое, глаза черные, огненные; волосы, въ молодыхъ лѣтахъ, темнорусые; большіе усы, придававшіе ему видъ грозный и мужественный; станъ стройный, величественный, крѣпкое сложеніе тѣла. Отъ природы чрезвычайно вспыльчивый, Долгорукій говорилъ о Петрѣ Великомъ: «Онъ горячъ, а я горячѣе его». Съ храбростію соединялъ онъ необыкновенное присутствіе духа; обращался съ подчиненными, какъ съ друзьями, не зналъ низкой лести, забывалъ обиды и твердилъ безпрестанно: «Любить Царя, любить Отечество; Царю правда лучшій слуга; служить такъ не картавить; картавить, такъ не служить» **).

(Изъ Словаря Д. Н. Бантыша-Каменскаго).

*

Разосланный при этой книгѣ большой гравированный портретъ князя Я. Ѳ. Долгорукаго отпечатанъ съ мѣдной доски прошлаго столѣтія и изготовленный по заказу нашего Туринскаго посланника князя А. М. Бѣлосельскаго. За сообщеніе этой доски мы обязаны Александру Александровичу Васильчикову. П. Б.

---

*) У него была одна только дочь, княжна Анна Яковлевна, въ замужествѣ за поручикомъ отъ флота, Алексѣемъ Петровичемъ Шереметевымъ. Она скончалась въ 1746 году, не оставя потомства.

**) Князь Яковъ Ѳедоровичъ похороненъ въ Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, въ церкви Андрея Первозваннаго.

ЗАПИСКА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ОБЕРЪ-ГОФМАРШАЛУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

По отъѣздѣ моемъ, съѣздите къ Дмитрію Матюшкину и старайтесь, чтобъ мужъ съ женою вмѣстѣ были, и скажите камергеру Матюшкину при женѣ его моимъ словомъ, что онъ, имѣвъ жену и дѣтей, столь дерзокъ, что осмѣлился невѣсткѣ и сыну моему и кое-кому другимъ говорить, опорочивая и осуждая волю мою въ опредѣленіи генерала Салтыкова; что я оставлю на его размышленіе, чтó-бы государи, прежде меня царствовавшіе въ Россіи, за то съ нимъ учинили бы; что онъ кладетъ руку между коркою и деревомъ и ищетъ ссорить мать съ сыномъ и Государыню свою съ наслѣдникомъ; что и я бы не оставила бы наказать его за сію дерзость, еслибъ я не увѣрена была, что все сіе происходило отъ его глупости и зависти, прося себя на то мѣсто, къ которому ни одной способности не имѣетъ; что, въ разсужденіи жены его и дѣтей, кои въ семъ ни малѣйшаго участія не имѣютъ, его сей разъ прощаю, но при томъ запрещаю на глаза ко мнѣ казаться, пока буду въ Царскомъ Селѣ, дабы ему показать, какъ я людей удерживать умѣю отъ прежняго движенія; а съ 25-го Ноября онъ можетъ дневать по прежнему. Графинѣ же Аннѣ Алексѣевнѣ скажите, что я совершенно увѣрена, что въ семъ дѣлѣ мужъ ея съ нею не совѣтовался; ибо она умна, а сіе есть дѣло глупости. Скажите еще Матюшкину и то, что онъ изъ того можетъ видѣть, что я его умнѣе, что я выговоръ ему сей велѣла сдѣлать не при дѣтяхъ его, дабы не умалить ихъ почтенія къ отцу, который сіе правило нарушилъ въ разсужденіи меня.

Любопытная записка эта, сохранившаяся въ современномъ спискѣ, сообщена въ Русскій Архивъ Артеміемъ Марковичемъ Выводцевымъ. На ней не означено времени. Она должна относиться къ концу 1783 года, когда Екатерина назначила наставникомъ-наблюдателемъ къ внукамъ своимъ, Александру и Константину, Николая Ивановича Салтыкова (въ то время человѣка еще безъ титула, впослѣдствіи графа и князя), доказавшаго ей свою вѣрность во время путешествія по Европѣ графа и графини Сѣверныхъ, при которыхъ онъ состоялъ гофмаршаломъ. Легкомысленный камергеръ графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ (1725—1800) женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Гагариной, любимой подругѣ Екатерининой молодости при Елисаветѣ Петровнѣ. П. Б.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ, ХРАНЯЩІЕСЯ ВЪ ЧЕХІИ.

Профессоръ В. И. Ламанскій передалъ мнѣ списки съ нѣкоторыхъ документовъ по Русской исторіи, полученныхъ имъ отъ одного Чеха, любителя старины, г. Дворскаго, который извлекъ ихъ изъ архива, находящагося въ Чешскомъ городѣ Индриховомъ Градцѣ (Jindřichův Hradec, Neuhaus). Нѣкоторые изъ этихъ документовъ содержатъ въ себѣ извѣстія довольно любопытныя, и потому мнѣ показалось не лишнимъ сдѣлать, на страницахъ Русскаго Архива, обозрѣніе полученныхъ г. Ламанскимъ бумагъ.

Всѣхъ документовъ, извлеченныхъ изъ Индрихово-Градецкаго архива, восемь. Содержаніе ихъ слѣдующее:

I.

Письмо на Нѣмецкомъ языкѣ изъ Нарвы, писанное 31-го Мая 1595 года по новому стилю барономъ фонъ-Минквицемъ къ Адаму фонъ-Нейгаузу и содержащее въ себѣ извѣстіе о заключеніи мира между Россіей и Швеціей въ Тявзинѣ, близъ Ивангорода, при посредствѣ барона Минквица, какъ цесарскаго посланника. Извѣстіе объ этомъ мирѣ см. у *Карамзина*, Исторія Госуд. Росс., изд. *Эйнерлинга*, X, 97.

II и III.

Два документа на Чешскомъ языкѣ, 1614 и 1652 годовъ, касающіеся цесарскихъ плѣнныхъ, которые спасались изъ Турецкой неволи, по видимому, чрезъ Россію.

IV.

Письмо на Нѣмецкомъ языкѣ императора Леопольда къ Пражскому архіепископу Іоанну-Фридриху, отъ 24-го Мая нов. стиля 1692 года, изъ Лаксенбурга. Въ письмѣ этомъ императоръ увѣдомляетъ, что Московское правительство воспретило іезуитамъ пребываніе въ Москвѣ, и что потому необходимо въ замѣнъ ихъ послать туда два другихъ духовныхъ лица, которыя были бы знакомы съ Чешскимъ или Славянскимъ языкомъ, притомъ отличались бы примѣрнымъ поведеніемъ и ревностью къ распространенію католической религіи въ Московскомъ царствѣ. Въ объясненіе этого письма должно припомнить слѣдующее. Іезуиты были удалены изъ Москвы въ 1688 году, послѣ того какъ обнаружились ихъ намѣренія вмѣшиваться въ Русскія церковныя дѣла и пропагандировать католичество; къ тому же, Русскому правительству стала извѣстна и безнравственность ихъ частной жизни. Въ 1691 году бывшій въ Москвѣ цесарскій посланникъ Курцъ сдѣлалъ попытку ходатайствовать о возвращеніи іезуитовъ, но Русское правительство не изъявило на то своего согласія, и Курцъ могъ лишь добиться разрѣшенія оставить

въ Москвѣ, въ качествѣ священника, находившагося при немъ Доминиканца Блеера, да прислать ему помощника. Курцъ выѣхалъ изъ Москвы въ Сентябрѣ 1692 года, а въ Декабрѣ того же года, къ великой радости Московскихъ католиковъ, прибыли въ Москву присланные цесаремъ миссіонеры Лефлеръ и Ерошъ. По всей вѣроятности, о присылкѣ этихъ миссіонеровъ Курцъ писалъ къ своему правительству изъ Москвы еще въ концѣ 1691 года, и потому понятно, что еще въ первой половинѣ слѣдующаго года Леопольдъ могъ заботиться о подысканіи въ Чехіи способныхъ людей для Московской миссіи. Извѣстія объ этихъ обстоятельствахъ находятся у *Соловьева*, Исторія Россіи, XIV, 152—153, у графа *Толстаго*, Римскій Католицизмъ въ Россіи, I, 114—130 и у *Поссельта*, Tagebuch des Generals P. Gordon, III, 307 и 326.

V.

Извѣстія о поискахъ Малороссійскихъ казаковъ противъ Крымцевъ въ 1694 году, писанныя на Малороссійскомъ языкѣ, но Польскими буквами. Русскія извѣстія о томъ же см. у *Бантыша-Каменскаго*, Исторія Малой Россіи, изд. 1830 г., III, 16—18.

VI.

Относящееся къ царствованію Петра II и составленное кѣмъ-либо изъ чиновниковъ тогдашняго имперскаго посольства въ Россіи донесеніе о государственномъ устройствѣ, военныхъ и морскихъ силахъ, экономическомъ бытѣ и нравственномъ состояніи Россіи того времени. Въ этомъ небольшомъ очеркѣ, среди извѣстій излагаемыхъ безъ близкаго знакомства со страной, попадается и нѣсколько свѣдѣній, не лишенныхъ интереса; поэтому сообщаемъ его въ переводѣ съ Нѣмецкаго.

Краткій очеркъ состоянія Русскаго государства при императорѣ Петрѣ Второмъ.

Управленіе столь обширнаго государства до самыхъ его отдаленнѣйшихъ предѣловъ, послѣ упраздненія воеводствъ, предусмотрительно ввѣрено губернаторамъ, а въ особенности по отношенію къ разнымъ провинціямъ и различнымъ въ нихъ языкамъ имѣются 72 секретаря, которые, подъ высшимъ надзоромъ, должны заботиться о различныхъ отрасляхъ управленія. Высшія инстанціи этого государства составляютъ Верховный Совѣтъ, Сенатъ и другія коллегіи. Въ Верховномъ Совѣтѣ засѣдаютъ въ настоящее время: адмиралъ [1]), великій канцлеръ [2]), государственный вице-канцлеръ г-нъ баронъ фонъ-Остерманъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ [3]), оберъ-егермейстеръ и бывшій посланникъ въ Швеціи,—оба эти послѣдніе князья Долгорукіе [4]). Всѣ эти члены вмѣстѣ должны разсуждать, какъ

---

[1]) Графъ Ѳ. М. Апраксинъ.—[2]) Графъ Г. И. Головкинъ.—[3]) Князь Михаилъ Михайловичъ.—[4])Князья Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ.

о внутреннихъ, такъ и о внѣшнихъ дѣлахъ; но по внѣшнимъ дѣламъ съ иностранными сносится одинъ баронъ фонъ-Остерманъ. Сенатъ не имѣетъ опредѣленнаго числа членовъ и по большой части завѣдуетъ дѣлами, относящимися до внутренняго состоянія страны. Коллегіи имѣютъ свои подраздѣленія: военная коллегія, адмиралтействъ-коллегія, камеръ-коллегія, комерцъ-коллегія, полицей-коллегія и другія; изъ нихъ первыя двѣ имѣютъ немаловажное значеніе. Въ каждой коллегіи находится по семи членовъ.

Въ настоящее время, по случаю несовершеннолѣтія монарха, правленіе государствомъ находится въ рукахъ Верховнаго Совѣта, гдѣ немало преобладаетъ фамилія Долгорукихъ, такъ какъ сынъ оберъ-егермейстера, нынѣ оберъ-камергеръ, пользуется особеннымъ расположеніемъ молодаго государя. Но главное управленіе по дѣламъ внѣшней политики находится совершенно въ рукахъ уже прежде упомянутаго г. барона фонъ-Остермана.

Военная часть устроена очень хорошо и во многомъ по Нѣмецкому образцу; полки въ хорошемъ и полномъ составѣ, солдаты довольно хорошо обучены фрунтовой службѣ и по строгости и выдержкѣ значительно превосходятъ солдатъ другихъ націй; значительныя военныя силы, которыя для безопасности постоянно содержатся, такъ расположены по огромнымъ границамъ, что въ короткое время можно стянуть вооруженную армію на всякой границѣ. Здѣшнія крѣпости очень укрѣплены, снабжены гарнизономъ и въ особенности имѣютъ много орудій, хотя здѣсь весьма часто встрѣчаются чугунныя пушки. Крѣпости содержатся въ хорошемъ оборонительномъ положеніи, и вторженіе непріятеля всегда можетъ быть успѣшно отражено. При такихъ порядкахъ и по естественнымъ качествамъ страны, которая повсюду прорѣзана большими рѣками и покрыта болотистыми лѣсами, не такъ-то легко кому-либо удалиться изъ этой страны безъ узаконеннаго паспорта, который выдается полиціею только послѣ опубликованія объ отъѣздѣ, съ тою цѣлью, чтобы никто не могъ бѣжать отъ долговъ или совершивъ какое-либо преступленіе.

Приблизительно на разстояніи трехъ часовъ ѣзды отъ Петербурга находится въ морѣ крѣпость Кронштадтъ, нынѣ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ укрѣпленій, не столько по естественному своему положенію, какъ вслѣдствіе приложеннаго тутъ труда и искусства; и конечно, мимо этой крѣпости не можетъ пройти и шлюпка, не говоря уже о настоящемъ кораблѣ, и тѣмъ менѣе причинить какой-либо вредъ находящемуся за цитаделью флоту, который находится подъ защитою болѣе чѣмъ 900 наведенныхъ пушекъ.

Дѣйствительная морская сила, съ находящимися въ Ревелѣ кораблями, состоитъ нынѣ изъ 30 линейныхъ кораблей, 12 фрегатовъ и нѣсколькихъ сотъ галеръ. Такая сила, еслибы можно было достаточно положиться на иностранныхъ офицеровъ и матросовъ, могла бы считаться весьма значительною; а въ настоящее время она служитъ только какъ прикрытіе здѣшнихъ береговъ, къ которымъ и безъ того только въ немногихъ пунктахъ можно приблизиться; и такъ флотъ оказывается безполезнымъ. Корабли, которые строятся здѣсь и въ Петербургѣ, не уступаютъ иностраннымъ кораблямъ ни по искусству постройки, ни по величинѣ и красотѣ, при чемъ достойно удивленія, какимъ образомъ стопушечный военный корабль посредствомъ устроенной для того машины спускается въ Неву и затѣмъ перевозится въ Кронштадтъ. Внутри самой страны чужое государство при лѣтнемъ вторженіи имѣло бы мало успѣха, такъ какъ, вслѣдствіе большаго количества лѣсовъ и болотъ, дороги чрезвычайно узки, и даже по нимъ едва ли можно было бы пробираться, если бы на нихъ не были вездѣ устроены мосты и гати, которые въ настоящее время во многихъ мѣстахъ очень испортились, чрезъ что́ сообщеніе затруднительно; кромѣ того, вездѣ протекаютъ частью большія, частью съ виду маленькія, но глубокія рѣки. А потому непріятель легко мо́жетъ быть остановленъ.

Люди здѣсь въ короткое время на столько привыкли, какъ къ морскому, такъ и къ сухопутному военному дѣлу, что въ случаѣ нужды ихъ можно употреблять на все, а при хорошей командѣ на нихъ, по моему мнѣнію, можно вполнѣ положиться.

Торговля значительна преимущественно въ Петербургѣ, такъ какъ сюда ежегодно прибываетъ значительное число кораблей Голландскихъ, Англійскихъ, Шведскихъ, Датскихъ и другихъ націй; эти корабли снабжаютъ страну различными иностранными предметами необходимости, а въ замѣнъ того покупаютъ разные туземные товары, при чемъ это на столько выгодно негоціантамъ, что они могутъ продавать товары по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Изъ Архангельска большая часть товаровъ привозится зимою, а большой караванъ изъ Китая приходитъ въ каждые три года одинъ разъ и привозитъ съ собою рѣдкіе туземные товары, и въ особенности Китайскій фарфоръ, который иногда продается здѣсь довольно дешево; прибытіе этого каравана ожидается сюда къ Февралю мѣсяцу наступающаго года. Торговля съ Персіей, по причинѣ существующихъ теперь тамъ смутъ и свирѣпствующей заразы, большею частью пріостановилась; но за то здѣсь на столько поднялось фабричное производство, что открытыя покойнымъ царемъ въ Петербургѣ и внутри страны шелковыя, полотняныя, парусинныя, канатныя и парусинныхъ снастей фабрики теперь достаточно процвѣ-

таютъ, а послѣднія даже посылаютъ значительное количество своихъ издѣлій въ Англію и въ другія страны. Кромѣ того, близъ Петербурга находится извѣстный Систербекъ, а внутри страны, въ Олонецкомъ краѣ, другой заводъ, гдѣ дѣлается оружіе для всей арміи, и значительное число ружейныхъ стволовъ и пушекъ вдругъ просверливаются посредствомъ особенно для того устроенной дорогой машины. При этомъ надо удивляться, что Русскіе, которыхъ главнымъ образомъ употребляютъ при всѣхъ этихъ работахъ, такъ хорошо къ нимъ привыкаютъ; имъ надо сказать въ похвалу, что они, подобно обезьянамъ, легко всему подражаютъ, но въ дѣлѣ изобрѣтенія довольно тяжеловаты.

По отношенію къ земледѣлію страна довольно хорошо обработана, и даже среди самыхъ большихъ лѣсовъ, по крайней мѣрѣ отъ Петербурга до нашихъ странъ, не такъ легко отыскать свободную землю, которую жители не употребили бы въ свою пользу. Притомъ жители весьма промышленны, и изъ крестьянъ можно найти только немногихъ, которые не знали бы какого-либо ручнаго производства; въ особенности занимаются они плотничествомъ, въ которомъ чрезвычайно искусны: заранѣе изготовляютъ много срубовъ для деревянныхъ домовъ и перевозятъ ихъ на рынки сосѣднихъ городовъ, гдѣ и продаютъ. При всей этой работѣ они ничего другаго не употребляютъ кромѣ извѣстнаго рода желѣзной сѣчки (топоръ), которая здѣсь вездѣ служитъ главнымъ инструментомъ при всѣхъ работахъ, и дѣйствительно, надо удивляться, съ какимъ искусствомъ эти люди имъ владѣютъ. Вслѣдствіе того, въ настоящее время при кораблестроеніи мало работаетъ иностранцевъ, и съ гораздо меньшими издержками ежегодно строятъ много галеръ, военныхъ и другихъ кораблей, которые по достоинству своему и по красотѣ мало уступаютъ кораблямъ иностранной постройки, находящимся въ здѣшнемъ флотѣ.

Что касается женщинъ и дѣтей, то онѣ много занимаются пряжею и значительную часть своей работы доставляютъ на вышеозначенныя фабрики. Относительно образа жизни можно сказать, что они живутъ вмѣстѣ, и даже мужчины, женщины и дѣти, какъ они Богомъ созданы, ходятъ въ одни и тѣже здѣсь очень распространенныя бани, при чемъ въ особенности должно замѣтить, что, выходя изъ самаго сильнаго жара бани, они не только лѣтомъ, но и зимою, бросаются въ холодную воду рѣки или пруда, близъ которыхъ бани обыкновенно строятся, или же бросаются ницъ и трутъ себя снѣгомъ. При всемъ этомъ они довольно чистоплотны, при дворахъ своихъ имѣютъ отдѣльныя избы, сараи, клѣти и навѣсы, а также одѣты всегда въ хорошую рубашку. Одежда ихъ во многомъ похожа на одежду, которую носятъ въ Венгріи Раціи (Ratzen) и ихъ жены. Тѣлосложеніе ихъ и во-

обще здоровье очень крѣпкое: такъ они могутъ ѣсть сырые овощи и плоды, сырой Excumen (?), вонючую рыбу и тому подобное и считаютъ все это большимъ лакомствомъ, при чемъ все это запиваютъ только плохимъ квасомъ или даже нечистою болотистою водою. Природа одарила ихъ, вѣроятно, большею физическою силой, чѣмъ другія націи, потому что они при самыхъ сильныхъ наказаніяхъ остаются нечувствительными; даже повѣшенные за ребра на желѣзные крюки или посаженные на колъ едва выказываютъ свои страданія, хотя иногда остаются живыми три, четыре или даже пять дней; въ этомъ я лично могъ убѣдиться, присутствуя при наказаніи большимъ кнутомъ. Впрочемъ, безъ строгости и безъ побоевъ съ ними ничего не подѣлаешь, и самое лучшее при этомъ, что они за побои каждый разъ благодарятъ. Между ними есть много добродушныхъ и услужливыхъ людей, хотя изъ Русскихъ мало можно найти такихъ, которые что нибудь сдѣлали бы безъ интереса; а цѣну деньгамъ они лучше знаютъ, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Люди со значеніемъ замѣтно начинаютъ выдѣляться; но старые порядки еще крѣпко держатся, а вслѣдствіе преобладающаго другъ къ другу недовѣрія они мало между собою сходятся. На пищу и напитки они мало тратятся, такъ какъ Русскій не такъ легко пригласить на званый обѣдъ; но вообще случаются самыя большія передержки въ употребленіи водки, дурнаго Французскаго вина и такъ-называемаго пунша, который приготовляется изъ смѣси воды, водки и лимоннаго соку; кромѣ того, раннею или позднею порою охотно выпивается чарка водки, которая и подается часто въ перемежку между виномъ. У знатныхъ, конечно, подается и Венгерское вино, но уже не столь изобильно. Кромѣ того, любятъ они также очень Бургонское вино, но болѣе всего выпивается различная смѣсь.

До наукъ и до учености Русскіе, кажется, не очень большіе охотники, что́ отзывается и на юношествѣ, и хотя вѣра ставится выше всего, и перемѣнять вѣру, запрещено подъ смертною казнью, но нравственныя начала вѣры такъ мало распространены, что многіе, въ особенности между простымъ народомъ, кромѣ того, что крестятся передъ каждымъ образомъ и передъ каждою церковью, въ этомъ отношеніи мало или ровно ничего не знаютъ. Священники не даютъ никакого значенія проповѣдямъ, не считаютъ своею обязанностію говорить ихъ, и кромѣ небольшаго церковнаго служенія, ничего не дѣлаютъ и предаются съ своими женами праздности, а на исповѣди такъ подробно расспрашиваютъ о разныхъ видахъ грѣховъ, что часто юношество узнаетъ раньше о такихъ грѣхахъ, которые для его возраста должны были бы быть скрытыми и непонятными. Черное

духовенство, котораго очень много въ богатыхъ монастыряхъ, также не лучше; кромѣ обыкновеннаго пѣнія на клиросѣ, оно ничѣмъ не занято, и вообще монахи положительно—ограниченные простяки. Архіепископъ Новгородскій *), какъ апостатъ отъ нашей религіи,—единственный человѣкъ, который считается высоко - ученымъ; остальные епископы и архимандриты мало имѣютъ научнаго образованія.

Въ церквахъ и монастыряхъ, конечно, нѣтъ недостатка, такъ какъ они повсюду встрѣчаются въ большомъ количествѣ, и здѣсь ихъ насчитываютъ до тысячи. Церкви по большей части каменныя, хорошо выстроенныя, съ своеобразными куполами и колокольнями, внутри украшены древнею живописью, а иногда и цѣлыя стѣны въ церкви бываютъ покрыты образами въ золотыхъ ризахъ; монастыри въ особенности имѣютъ красивый видъ, и при каждомъ всегда по три и болѣе церквей. Монастырей очень много, въ особенности близъ большихъ городовъ; около Новгорода страна ими совершенно покрыта. Монашествующій орденъ здѣсь Базиліанскій, но онъ отличается одеждою. Въ женскихъ монастыряхъ весело живутъ, такъ такъ здѣсь находятъ возможность тайкомъ проводить къ себѣ мужчинъ, которые впрочемъ, по народной молвѣ, иногда дорого за это поплачивались, пропадая безъ вѣсти.—Строенія, кромѣ Петербурга, въ весьма дурномъ состояніи; изъ большихъ домовъ большая часть разрушились, дома купцовъ не особенно хороши, а всѣ остальные выстроены изъ дерева. Пышность здѣсь, кромѣ табельныхъ и торжественныхъ дней, которыхъ очень много, не очень значительна; ибо, за исключеніемъ только главныхъ министровъ, большинство изъ господъ князей ѣздятъ верхомъ или въ одноколкахъ, тележкахъ и колымагахъ съ двумя верховыми служителями; въ такихъ же экипажахъ ѣздятъ женщины и всѣ остальные. Мужчины и болѣе знатныя женщины одеждою своею ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ, но простыя женщины одѣты въ особаго рода костюмъ, при чемъ довольно смѣшно видѣть, что въ хорошую погоду женщины снимаютъ башмаки и босыя ходятъ гулять.

Дворъ въ столь короткое время (такъ какъ при покойномъ императорѣ Петрѣ въ этомъ отношеніи ничего не было) еще довольно хорошо устроенъ. При его величествѣ состоятъ оберъ-гофмейстеръ, оберъ-шталмейстеръ, оберъ-камергеръ, оберъ-егермейстеръ, гофмаршалъ, церемоніймейстеръ, много камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, 12 пажей, 12 скороходовъ, 12 гайдуковъ, очень много камеръ-лакеевъ, которые всѣ вмѣстѣ съ музыкантами и трубачами одѣты въ красивую

---

*) Ѳеофанъ Прокоповичъ.

государственную ливрею, состоящую изъ зеленыхъ бархатныхъ кафтановъ и красныхъ камзоловъ съ богатыми золотыми галунами; пажи имѣютъ золотое шитье на жилетахъ, а гайдуки одѣты въ Романскую одежду изъ зеленаго бархата съ богатымъ шитьемъ.

Гвардія состоитъ изъ 60 конныхъ гвардейцевъ, одѣтыхъ также въ красное и зеленое сукно, и по обмундировкѣ гораздо великолѣпнѣе, чѣмъ у короля Польскаго; далѣе, изъ роты гренадеръ, которые въ желѣзныхъ боевыхъ каскахъ очень красивы, и изъ роты Преображенскаго полка. При выѣздѣ его величества вышесказанные конные гренадеры всякій разъ исполняютъ свои служебныя обязанности верхомъ. Придворный штабъ великой княжны *)—тотъ же, что̀ и при другихъ дворахъ, съ тѣми же придворными дамами; а когда здѣсь бываютъ придворныя празднества, которыя довольно часты, то соблюдается достаточный порядокъ, и едвали можно было ожидать въ здѣшнемъ обществѣ такого учтиваго обращенія. Вотъ все, что̀ въ поспѣшности и вкратцѣ я могъ составить; объ остальномъ можно усмотрѣть изъ моего предъидущаго письма, на которое и ссылаюсь.

VII.

Извлеченіе изъ письма изъ Москвы, отъ 28 Марта новаго стиля 1728 года, о происходившемъ среди тамошнихъ католиковъ празднованіи канонизаціи Іоанна Непомука, только что послѣдовавшей въ то время въ Римѣ, съ изложеніемъ проповѣди, сказанной по этому случаю Московскимъ католическимъ священникомъ Зуклеемъ.

VIII.

Нѣмецкое стихотвореніе къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ по случаю пребыванія Русскаго вспомогательнаго корпуса въ Австрійскихъ владѣніяхъ въ 1735 и 1736 годахъ. Это, безъ сомнѣнія, самый интересный изъ сообщенныхъ г. Дворскимъ документовъ. Извѣстно, что борьба за Польскій престолъ, оставшійся вакантнымъ послѣ смерти Августа II-го, повела къ продолжительнымъ столкновеніямъ между большею частью Европейскихъ государствъ. Австрія была въ войнѣ съ Франціей, которую поддерживали Испанія и Сардинія, и въ 1735 году императоръ Карлъ VI, тѣснимый своими противниками, потребовалъ, согласно союзному договору 1726 года, помощи отъ Россіи. Тогда Русское правительство рѣшилось отправить къ берегамъ Рейна 20,000 пѣхоты подъ начальствомъ генерала Леси. Въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (XX, 60—61) сообщается нѣсколько свѣдѣній о походѣ этого отряда, почерпнутыхъ изъ донесеній фельдмаршала Леси.

„8-го Іюня 1735 года“, говоритъ Соловьевъ, „Леси выступилъ изъ Польши въ Силезію. Здѣсь на первыхъ порахъ бѣжало изъ полковъ до 20

*) Наталіи Алексѣевны, сестры императора.

человѣкъ солдатъ, нѣкоторые изъ нихъ были переловлены и казнены смертію". „Впрочемъ", писалъ Леси, „по отдаленіи отъ Польскихъ границъ и при настоящемъ въ пищѣ и въ прочемъ довольствѣ, надежно, что бѣгать не будутъ". Провіантъ и фуражъ получали изъ цесарскихъ магазиновъ, а именно въ сутки чистаго ржанаго хлѣба по два фунта съ половиною, соли и крупъ соотвѣтственно ежемѣсячнымъ Русскимъ обыкновеннымъ дачамъ; за фунтъ мяса получалось деньгами по три копѣйки; сѣна по 16 фунтовъ, овса и сѣчки по два гарнца, соломы по одному снопу въ сутки. По вступленіи въ Богемію, гдѣ, по выраженію Леси, тутошніе обыватели съ солдатами безнуждный имѣютъ разговоръ, бѣжало изо всѣхъ полковъ до 20 человѣкъ. 30-го Іюля войско вступило въ Нюренбергъ, откуда Леси писалъ: „До сихъ поръ походъ совершился благополучно; солдаты въ пропитаніи нужды не имѣли, и жалобъ ни отъ кого никакихъ на войско не происходило; въ здѣшнихъ краяхъ очень удивляются, что многочисленная армія содержится въ такомъ добромъ порядкѣ; изъ дальнихъ мѣстъ многіе пріѣзжаютъ смотрѣть наше войско, особенно когда во время роздыха бываютъ экзерциціи". 15-го Августа Русская армія соединилась съ цесарскою и была расположена между Гейдельбергомъ и Ладебургомъ подлѣ рѣки Некара. Въ Сентябрѣ войска были перемѣщены, и Русскій корпусъ расположился у рѣки Инца, въ двухъ миляхъ отъ Филипсбурга. „Въ командѣ моей", доносилъ Леси, „все состоитъ благополучно, больныхъ меньше, чѣмъ въ другихъ войскахъ, болѣзни не тяжкія". Въ Октябрѣ армія расположилась на зимнихъ квартирахъ, въ Дурлахской и Виртембергской областяхъ, причемъ Леси съ штабомъ помѣстился въ мѣстечкѣ Форцгеймѣ. Русское войско не участвовало въ битвахъ, потому что съ его движеніемъ къ Рейну начались мирные переговоры между Франціею и Австріею.... Въ концѣ Ноября (1735 г.) заключено было перемиріе, и Леси долженъ былъ спѣшить съ своимъ корпусомъ назадъ, чтобы принять участіе въ Турецкой войнѣ".

Вотъ къ какимъ событіямъ относится найденное г. Дворскимъ стихотвореніе, и притомъ оно представляетъ нѣсколько любопытныхъ дополненій къ тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, какія у насъ имѣются объ этомъ первомъ походѣ Русскихъ войскъ по владѣніямъ Австрійскаго дома. Такъ, между прочимъ, изъ стихотворенія и примѣчаній къ нему видно, что Русское войско оставалось въ предѣлахъ Чехіи дольше, чѣмъ можно заключить изъ словъ Соловьева, именно—до Мая 1736 года. Поэтическаго достоинства стихи эти, конечно, не имѣютъ; да и авторъ ихъ, І. Фр. А. Крауссъ,—лицо, кажется, совершенно неизвѣстное ни въ Нѣмецкой, ни въ Чешской литературѣ. Тѣмъ не менѣе стихотвореніе заслуживаетъ вниманія: несмотря на свой нескладный и напыщенный тонъ, не исключающій въ тоже время и тривіальности, оно обнаруживаетъ неподдѣльное сочувствіе автора-Славянина къ соплеменникамъ, представителямъ Русскаго имени и Русскаго могущества. Сочувствіе это тѣмъ

замѣчательнѣе, что въ то время болѣе, чѣмъ когда-либо, національный духъ былъ совершенно подавленъ въ Чехіи Нѣмецкимъ господствомъ.

Сообщаемъ полный переводъ стихотворенія *).

Россійскаго корпуса императорскихъ вспомогательныхъ войскъ радостное прибытіе 6 Іюля 1735 года и благополучное отбытіе 10 Мая 1736 г.

Сію сугубую и пріумноженную пѣснь 9-го Мая, на день коронаціи свѣтлѣйшей и могущественнѣйшей государыни Анны Іоанновны, императрицы и самодержицы всея Россіи и пр., вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ празднованія сего торжества, всеподданнѣйше осмѣлился поднести въ главной квартирѣ въ Нейгаузѣ, въ день выступленія войскъ 29-го Апрѣля стараго или 10-го Мая новаго стиля 1736 года, для вѣчной памяти какъ Россійскому корпусу, такъ и городу Нейгаузу,— въ долгіе годы пребыванія своего въ Россійскихъ предѣлахъ много добраго видѣвшій, а равно вмѣстѣ съ Россійскимъ корпусомъ походъ совершившій всеподданнѣйшій рабъ Іосифъ-Францискъ-Антоній Крауссъ, Чехъ изъ Крабера, въ Лютомерицкомъ округѣ.

Да здравствуетъ Анна, державнѣйшая императрица Всероссійская, и пр.

О, великая монархиня! О, исполненное ликованія время! Высокое празднество твоего коронованія приноситъ радость всѣмъ Россамъ. Пріими отъ своего народа, пріими отъ своихъ рабовъ вѣнецъ вѣрности, сочетенный ими отъ всего сердца и помышленія. Хотя ихъ теперь и веселитъ зеленое время весны, которая освѣжаетъ духъ ихъ величайшею пріятностью, но еще болѣе радуетъ ихъ звонкій кликъ радости: „Се снова коронуемъ великую Анну! День сей долженъ быть для насъ высочайшею честью, долженъ стоять высоко подъ звѣздами вѣчнымъ памятникомъ; златыми письменами высѣчемъ на кедрѣ день, который потомство сохранитъ въ мраморѣ. Да будетъ день сей день безсмертія, да святится онъ на Западѣ и Востокѣ, на Сѣверѣ и Югѣ; занесемъ день сей на скрижали, коихъ не сокрушитъ ходъ времени!“ Коликая была радость, когда, шесть лѣтъ тому назадъ, Небо даровало Россіи Анну. Россійское государство пребывало въ скорбныхъ помышленіяхъ и не знало кому выпадетъ корона; по единогласному рѣшенію послали къ границамъ Курляндскимъ и предложили тебѣ корону, великая государыня. И се явилась Анна, подобно солнцу, ко блеску лучей коего стремятся земли и народы. Когда поднялся въ ярости кинжалъ Ляховъ, открылись къ Анниной славѣ врата побѣды, и мертвыя тѣла пали въ глубокій снѣгъ. Народъ твой пріобыкъ переносить и жаръ и холодъ; и въ снѣгъ, и подъ зноемъ солнца стоитъ онъ станомъ въ полѣ: зане тамъ, гдѣ суровый Сѣверъ питаетъ бі-

*) Авторъ, бывшій въ Россіи, зналъ Русскій языкъ и потому счелъ умѣстнымъ вставить въ свое стихотвореніе нѣсколько Русскихъ словъ; въ переводѣ слова эти напечатаны курсивомъ.

лаго медвѣдя, тамъ для Росса льется матернее молоко. Твоя власть покрываетъ мрачный Сѣверъ, и надъ свѣтлымъ Востокомъ царитъ твой вѣнецъ; гдѣ ударяютъ о берегъ волны Чернаго Моря, и тамъ въ палящую непогоду шествуетъ твой воинъ. И се ступаетъ онъ въ Священную Римскую Имперію; вмѣстѣ съ Римскимъ орломъ понесся Россійскій орелъ, расправилъ свои крылья на гладкихъ поляхъ Ляшскихъ и устремилъ свой полетъ въ Богемію и Черный Лѣсъ. *„Пошелъ! Ступай! Смотри!“* И безъ всякихъ затрудненій карабкаются лошади и люди высоко по горамъ и надъ пропастями. Разнесся слухъ, будто идутъ народы, которые обитаютъ на цѣлыя тысячи миль вдали отъ нашихъ границъ; многіе глупцы заперли своихъ дочерей и приготовили пустые домы, повторяя молву, что идутъ даже людоѣды и держатъ путь въ наши страны. Но Россъ пришелъ тихо и безъ крика: строгая дисциплина принесла съ собою покорность и сдержанность; по неволѣ будешь остерегаться рвать запрещенный плодъ, когда послѣ предстоитъ похлебка изъ самыхъ кислыхъ *батоговъ*. Тѣ, которые должны были явиться со страшною львиною пастью, идутъ точно овцы, едва открываютъ уста. Не они, но мечи ихъ пожираютъ людей, тѣла и члены и повергаютъ на землю много храбрыхъ героевъ. Казаки и Татары должны идти обратно въ свои камышовыя хижины; одни Россы должны остаться въ войскахъ Римскихъ. Смотри, какъ соединяются Чехъ, Ляхъ и Россъ: тройная сила готова выступить въ бой. Быстрое теченье Невы, омывающей Петербургъ, журчащимъ гуломъ привѣтствуетъ Рейнъ и ищетъ соединиться съ нимъ подобно Мозелю и Майну, чтобы потомъ вмѣстѣ устремиться въ море. Радуется и Кроншлотъ о днѣ коронаціи Анны; онъ пораженъ удивленіемъ, и я слышу, онъ какъ бы говоритъ: „Неужели Россы пошли на подкрѣпленіе Римской имперіи сражаться въ открытомъ полѣ и штурмовать крѣпостные верки? Это еще болѣе, о государыня, возвеличиваетъ твой вѣнецъ и возноситъ до облаковъ день твоего коронованія. И потому я поистинѣ привѣтствую тебя, о моя государыня, и салютую тебѣ сотнями тысячъ выстрѣловъ“. Петръ открылъ врата въ Нѣмецкую землю и ввелъ своихъ людей въ Меклепбургъ. При Петрѣ Россъ могъ, пожалуй, отвѣдать завтрака, при Аннѣ же достигъ онъ и обѣда. Онъ въ самомъ дѣлѣ находится уже на берегахъ быстротекущаго Рейна, и всѣ страны ему одинаковы—что́ Римъ, что̀ Москва. Суровый народъ вмѣсто промерзшей камбалы лакомится Бахарахскимъ сокомъ и Рейнскимъ виномъ. Се идетъ Россійское войско на Украйну, останавливается у дикихъ Татаръ на плетневыхъ засѣкахъ, и вдругъ надежный отрядъ обращается противъ Лиліи: императрица Анна шлетъ помощь императору. Смотри, здѣсь Россъ черпаетъ своею шапкою воду изъ Рейна, а его соплеменникъ омываетъ кровь со свѣжихъ ранъ подъ Азовомъ, на берегахъ Прута и Донца; далѣе же, у Ледовитаго и Бѣлаго морей, Самоѣды и Вогулы глотаютъ морскую рыбу. Вскорѣ Богемскій Левъ склоняется покорно и указываетъ неутомимымъ полчи-

цамъ жилища въ Нейгаузѣ *). Два Орла и Левъ ни предъ кѣмъ не склоняются и сами хотятъ обороняться противъ вражескихъ мечей и злобы. Но само Небо устроило такъ, что масличная вѣтвь замѣнила обнаженный мечъ, и празднество коронованія Анны въ предѣлахъ Россійскихъ и Нѣмецкихъ, къ общей радости народовъ, украшено лавровыми вѣнками. И старъ, и младъ, всѣ восклицаютъ въ радости: „Да здравствуетъ Римскій, да здравствуетъ Россійскій престолъ! Да здравствуетъ Карлъ, великій Римскій императоръ! Да ниспошлетъ Небо еще желанныхъ вѣнценосцевъ! Да здравствуетъ великая Анна на Россійскомъ престолѣ!“ Такъ сегодня восклицаетъ Нейгаузъ съ новою радостью; такъ восклицаетъ все войско, вмѣстѣ съ своими генералами; такъ восклицаютъ офицеры. Да здравствуетъ тысячу разъ! Блистаютъ орудія, гремитъ металлъ. Всѣ въ восторгѣ восклицаютъ: „Да здравствуетъ Анна!“ Ракеты взлетаютъ къ голубымъ небесамъ; тутъ вращается огненное колесо, тамъ трещатъ мушкеты, вскорѣ раздается всеобщій радостный кличъ: „Да здравствуетъ императрица Анна, да здравствуетъ Россійскій престолъ!“ Гляди вправо и влѣво: скоро сдваиваются ряды, задніе стоятъ, передніе падаютъ. Какъ только командиръ крикнетъ: *взводи курки!* курки взводятся, а онъ командуетъ: *пали!* Молнія, огонь, дымъ и жаръ! Тысячи выстрѣловъ оглушаютъ толпу, подобно тяжелымъ раскатамъ грома. И въ Нейштадтѣ тоже гремятъ пушки, и граждане своимъ весельемъ усугубляютъ общую радость. Даже темная ночь уступаетъ свѣту факеловъ и ради блестящаго коронованія заставляетъ блѣднѣть войска полумѣсяца. Но Небо остается все-таки защитою твоей великой власти, которая стремится стать обороной справедливости: не устрашаютъ ея ни звукъ оружія, ни предсмертные стоны, ибо боги держатъ надъ нею вѣрный щитъ въ рукахъ своихъ. Смотри, съ хвалой и благодарностью выходитъ народъ твой изъ Богеміи, чтобы служить тебѣ, великая монархиня, вѣрой и правдой. Этотъ походъ будетъ далеко возвѣщенъ славой: тамъ гдѣ близъ экватора возлежатъ слоны, народы, подъ тѣнью зонтиковъ, пребываютъ въ удивленіи и возглашаютъ имя твое съ Фарфоровой башни. Даже Новая Земля воспоетъ сей походъ, а китоловъ перенесетъ его на берега Гренландіи. Тамъ, гдѣ золотистый песокъ Ганга окружаетъ сахарный тростникъ, и тамъ будетъ извѣстна вѣрная помощь Россовъ. Нѣмецкая земля благодаритъ тебя за то, что ты защищаешь ее своими войсками, и вторитъ ей Священная Римская имперія. Се Марсъ ударилъ въ барабанъ; народъ твой съ храбрымъ духомъ идетъ въ Польшу: *Ступай не бойся, братъ!* По твоему повелѣнію, они готовы идти къ Татарамъ и Кал-

---

*) Въ переводѣ какъ стиховъ, такъ и примѣчанія къ нимъ, мы не считали нужнымъ оговаривать разные промахи и нелѣпости автора въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ блеснуть своими свѣдѣніями о Россіи. Но, какъ уже упомянуто выше, свѣдѣнія его о пребываніи Русскихъ войскъ въ Нейгаузѣ имѣютъ значеніе извѣстій достовѣрныхъ.

мыкамъ, даже въ Камчатку. Въ чужихъ краяхъ даже самая живопись дѣлается для нихъ магнитомъ: комната, въ коей къ великой чести стоитъ твое изображеніе, становится для народа твоего пріятнымъ плѣномъ; стоятъ они углубленные въ свои мысли и открываютъ передъ тобою сердце и душу, и ихъ стремленіе обращается въ желаніе привѣтствовать тебя, о государыня, скорѣе облобызать съ благоговѣніемъ твой скипетръ и испросить себѣ, какъ величайшую награду отъ твоего величества, отъ пурпура, вѣнца и трона, милость и благоволеніе. Ликъ твой явится намъ тогда, словно солнце, и мы смиренно склонимся къ твоимъ стопамъ. Итакъ, да здравствуетъ Анна на многія лѣта! Такъ восклицаю я, какъ рабъ; такъ восклицаетъ весь народъ Россійскій, и будетъ онъ служить тебѣ, неустрашимъ духомъ и сердцемъ, и запечатлѣетъ то желѣзомъ и кровью.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Нейгаузъ, Nova Domus, Индриховъ Градецъ — прекрасный, хорошо обстроенный городъ, съ замкомъ, іезуитскою коллегіею, гимназіей и семинаріей; въ немъ есть прекрасныя приходскія церкви, при оныхъ пробстъ съ епископскими знаками и преимуществами и также церкви Св. Магдалины, Св. Іоанна, Св. Троицы, Св. Вячеслава, Св. Елисаветы и Св. Іакова, и сверхъ того Францисканскій монастырь. Городъ находится въ Бэхинскомъ округѣ въ Чехіи и принадлежитъ къ высокографскому Чернинскому владѣнію. Въ замкѣ три большія площади и капелла Св. Духа, также прудъ безъ плотины, откуда и поговорка: „въ Нейгаузѣ башня безъ крыши, прудъ безъ плотины и скамья безъ ножекъ". Вокругъ замка высокіе каменные дома; пользуются извѣстностью пивоваренный заводъ и мельница о 14 поставахъ. Предмѣстьи суть: Нейштадтъ, Назеръ и Вейгеръ, по коимъ протекаетъ рѣка Нечарка. Городъ имѣетъ свое управленіе подъ вѣдѣніемъ Пражскаго аппеляціоннаго суда; патронъ города—Св. Ипполитъ.

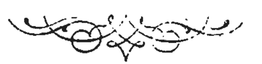
Когда Россійская армія шла обратно изъ Имперіи, то здѣсь расположились для квартированія генеральный штабъ, артиллерійскій и инженерный корпуса, а прочія войска расположились въ Таборѣ, Молд. Тэйнѣ, Веселомъ, Собѣславѣ, Пильграмѣ, Черновцѣ, Каменцѣ. Когда генералъ-фельдмаршалъ Леси получилъ приказаніе отправиться въ Россію, командованіе перешло къ генералъ-лейтенанту Кейту, и такъ какъ наканунѣ выступленія войскъ пришелся праздникъ коронаціи ея величества императрицы Всероссійской, то и былъ онъ отпразднованъ слѣдующимъ образомъ. Изъ Тэйна, Собѣслава, Веселаго и пр. собраны были войска подъ командой полковника фонъ-Кермана съ музыкой и распущенными знаменами. На площади въ зеленой палаткѣ совершено было Россійское богуслуженіе; войска размѣстились отъ улицы Св Іоанна до императорской почтовой конторы; ихъ полевыя орудія поставлены были на горѣ Св. Іакова, а орудія магистрата здѣшняго славнаго города послѣ того какъ изъ нихъ произведены были привѣтственные выстрѣлы, раз.

мѣщены были на Нейштатскомъ валу. Затѣмъ генералитетъ, вмѣстѣ съ находившимися здѣсь принцами императорскаго двора и офицерами, сѣли за обѣденный столъ, а на площади спущена была ракета, на что пушки отвѣчали салютомъ семь разъ, а всѣ части войскъ дали разомъ залпъ. Тоже самое повторилось, когда пили здоровье, а между тѣмъ магистратъ отвѣчалъ салютомъ, что̀ повторилось трижды. По окончаніи стола генералитетъ отправился передъ фронтъ, и войска послѣ грома выстрѣловъ опустились на одно колѣно, обнажили головы и прокричали громкимъ голосомъ: „Виватъ Анна Ивановна, *сударыня* и императрица наша!“ Затѣмъ были выкачены бочки съ пивомъ; сначала приступили къ нимъ офицеры, а за ними и солдаты стали пить здоровье; вечеромъ при иллюминаціи было спущено множество ракетъ, что̀ видя изъ далека народъ стекался во множествѣ. Это продолжалось до полуночи, и тѣмъ заключено было торжество дня коронаціи. За симъ, 10 Мая, въ 4 часа утра, всѣ войска выступили въ походъ, а за ними послѣдовалъ и весь штабъ со своими офицерами.

*

Крауссъ сопровождалъ свое стихотвореніе и другими примѣчаніями, но они не приводятся здѣсь по своей малосодержательности.

Л. Майковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА *).

День 9 Мая 1837 г. намъ обошелся не дешево. У насъ убито и ранено было 50 человѣкъ, и сверхъ того ранены полковн. Кашутинъ и нѣсколько офицеровъ. Кашутина положили въ карету, которую Вельяминовъ всегда возилъ при отрядѣ, на случай своей болѣзни или раны. Къ этой каретѣ ежедневно наряжалась сотня Черноморцевъ для вытаскиванья на рукахъ въ трудныхъ мѣстахъ, которыя въ горномъ и бездорожномъ краѣ часто встрѣчаются.

На слѣдующій день мы пришли въ укр. Абинское, почти безъ перестрѣлки. Это показывало, что наканунѣ горцы имѣли большую потерю. Слѣдующій переходъ былъ къ укр. Николаевскому при впаденіи Атакуафа въ Абинъ. Здѣсь отрядъ уже вошелъ въ предгорія, покрытыя лиственнымъ лѣсомъ, преимущественно дубомъ и берестомъ. Перестрѣлка въ этотъ и послѣдующіе дни до Геленджика была незначительна, конечно потому, что горцы привыкли уже къ движенію отряда по этому направленію и знали безвредность для нихъ этихъ движеній. Но въ первый годъ тутъ были жаркія дѣла: одна мѣстность на нашихъ картахъ названа Гвардейскою Поляной, потому что тутъ въ 1835 г. было убито и ранено нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ.

Укрѣпленіе Абинское было выстроено на лѣвомъ берегу рѣки Абина и на равнинѣ совершенно открытой. Оно составляло правильный пятибастіонный фортъ высокой профили, съ палисадами во рву. Гарнизонъ его состоялъ тогда изъ трехъ ротъ пѣхоты и полусотни конныхъ казаковъ. Укрѣпленіе Николаевское было такой-же постройки, но гораздо меньше и имѣло гарнизону одну роту. Оно было окружено горами, отъ которыхъ внутреннее пространство было по возможности дефилировано. Въ окрестностяхъ горцы имѣли двѣ или три старыхъ Турецкихъ пушки, которыя они иногда привозили на горы и стрѣляли ядрами по укрѣпленію, не дѣлая особеннаго вреда, но держа гарнизонъ въ безпрестанной тревогѣ. Оба эти укрѣпленія имѣли сообщеніе съ Черноморіей только раза два въ годъ, когда имъ привозили годичное продовольствіе, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда. Во все остальное время между Абинскимъ и Николаевскимъ укрѣпленіями сообщеніе было возможно только чрезъ лазутчиковъ. Безпрестанныя тревоги, плохое продовольствіе,недостатокъ свѣжаго мяса, томительная скука, близость болотъ, лихорадочный климатъ—все это порождало въ гарнизонѣ болѣзни, окончившіяся обыкновенно цингою. Потеря въ людяхъ ежегодно была огромная. Эти укрѣпленія считались ссылоч-

---

*) См. выше стр. 73.

ными по преимуществу. Естественно будетъ спросить, какая же была польза отъ этихъ укрѣпленій, предположенныхъ самоувѣренною посредственностью и утвержденныхъ противъ мнѣнія Вельяминова лицемъ, котораго совершенное незнаніе края можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1835 году Вельяминовъ представлялъ подробный проектъ о покореніи горцевъ западной стороны Кавказа, въ основаніи весьма раціональный, но сильно отзывающійся математическимъ складомъ его ума. Онъ предлагалъ построить укрѣпленія на Илѣ и другихъ главныхъ притокахъ Кубани, сдѣлать ихъ складочными пунктами, изъ которыхъ отряды могли бы дѣйствовать вверхъ по долинамъ рѣкъ и такимъ образомъ очистить пространство по сѣверному скату Кавказа; на южномъ же склонѣ стѣсненное населеніе не найдетъ возможности къ существованію и должно будетъ покориться. Государь Николай Павловичъ нашелъ все это основательнымъ, но не разрѣшилъ, «потому что это помѣшаетъ окончательному покоренію горцевъ въ семъ году». Въ 1835 же году, Вельяминову сообщена высочайшая собственноручная резолюція на одномъ его рапортѣ: «дать горцамъ хорошій урокъ, чтобы они на первыхъ порахъ обожглись». Этотъ урокъ, вѣроятно, предполагалось дать постройкой Николаевскаго укрѣпленія, надъ которымъ горцы не могли не смѣяться. Наконецъ, когда рѣшено было построить рядъ укрѣпленій по восточному берегу Чернаго моря, Вельяминову высочайше повелѣно было послать изъ Геленджика одинъ баталіонъ по берегу на встрѣчу другаго баталіона, который будетъ посланъ изъ Гагръ. Эти баталіоны должны были пройти по всему берегу и возвратиться къ своимъ отрядамъ, «дабы получить ясное понятіе о топографіи этаго края». Вельяминовъ конечно этого не исполнилъ, потому что посланный имъ баталіонъ былъ бы истребленъ никакъ не далѣе слѣдующаго дня по выходѣ. Я уже не говорю о томъ, что Министерство Финансовъ предлагало устроить по всему берегу таможенные посты для воспрепятствованія ввозу контрабанды въ наши предѣлы... Въ Петербургѣ и не подозрѣвали, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ полумилліоннымъ горнымъ населеніемъ, никогда не знавшимъ надъ собою власти, храбрымъ, воинственнымъ и которое, въ своихъ горныхъ заросшихъ лѣсомъ трущобахъ, на каждомъ шагу имѣетъ сильныя, природныя крѣпости. Тамъ еще думали, что Черкесы не болѣе какъ возмутившіеся Русскіе подданные, уступленные Россіи ихъ законнымъ повелителемъ султаномъ, по Адріанопольскому трактату!

Долина Атакуафа, по которой мы двигались отъ Николаевскаго укрѣпленія, образуетъ довольно широкое ущелье, покрытое лѣсомъ. Аулы были сожжены еще въ прошломъ году и не возобновлялись гор-

цами; но на каждомъ шагу являлись мѣстности, удобныя для жительства, съ богатою растительностью и замѣчательно живописныя.

Отрядъ повернулъ въ долину Нако, по которой поднялся на самый гребень Кавказскаго хребта, образующаго здѣсь глубокое сѣдло. Трудно вообразить себѣ что-нибудить живописнѣе вида, который открылся съ перевала. Хребетъ въ этомъ мѣстѣ едва-ли имѣетъ болѣе 5 т. футовъ надъ поверхностью моря; южный его склонъ крутъ и изрѣзанъ глубокими балками, покрытыми лѣсомъ; по правую сторону простиралась у подножія хребта обширная Суджукская бухта, а впереди Черное море съ горизонтомъ безъ предѣловъ.

Спускъ къ укр. Кабардинскому, у юго-западнаго угла бухты, шелъ по удобному шоссе, сдѣланному въ предъидущемъ году Вельяминовымъ и напоминавшему Римскія работы. Это укрѣпленіе устроено было на одну роту. Очертаніе разбивалъ самъ Вельяминовъ, старавшійся съ особенною заботливостью дефилировать внутреннее пространство отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Отъ этого укрѣпленіе получило форму наименѣе пригодную для такого военнаго учрежденія—форму стрѣлы съ наконечникомъ на одномъ концѣ и съ перьями по обѣ стороны другаго конца. Въ 1838 г., когда эта неудобная форма возбудила удивленіе генерала Головина, преемника барона Розена, генералъ Граббе, преемникъ Вельяминова, сказалъ: «Я узнаю моего умнаго предмѣстника. Если человѣкъ большаго ума задумаетъ сдѣлать глупость, то сдѣлаетъ такую, какой всѣ дураки не выдумаютъ».

Отъ укр. Кабардинскаго до Геленджика 16 верстъ удобной дороги по мѣстности, покрытой кустарниками. Этотъ мирный переходъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что, поѣхавъ чрезъ кусты въ сюртукѣ, я пріѣхалъ въ какой-то курточкѣ съ лохмотьями полъ. Между кустами множество березы, которую солдаты называютъ «держи дерево», потому что его безчисленное множество иголъ съ загнутымъ концомъ вцѣпляются въ одежду и ее непремѣнно разрываютъ.

Наконецъ, мы пришли въ Геленджикъ, гдѣ нашли стоящими въ бухтѣ пароходъ Язонъ и нѣсколько частныхъ судовъ, привезшихъ разные предметы для войскъ. Вельяминовъ объявилъ, что мы останемся здѣсь нѣсколько дней и что я долженъ изготовить журналъ военныхъ дѣйствій отряда. Работа эта была не трудная и не требовала ни краснорѣчія, ни богатства фантазіи. Въ предшествовавшіе два года эта обязанность лежала на прапорщикѣ Горшковѣ, офицерѣ очень хорошемъ, но едва грамотномъ. Я видѣлъ его черновыя тетради журнала. Вельяминовъ ихъ своеручно поправлялъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Горшковъ ужъ слишкомъ рѣзко расходился съ грамматикой и особенно съ ороографіей. Журналъ дѣйствій представлялся командиру

Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и въ копіи военному министру для всеподданнѣйшаго доклада. Вельяминовъ пріучилъ и Петербургскій людъ читать между строками въ его сухихъ и хорошихъ донесеніяхъ. Правда, впрочемъ, что гвардейскіе офицеры въ частныхъ письмахъ не жалѣли красокъ и краснорѣчія и дѣлались Омирами въ описаніи подвиговъ, которые они совершали какъ новые Ахиллесы. Для другаго это могло бы быть дѣломъ вѣрнаго разсчета; но старый Вельяминовъ принялъ этотъ порядокъ совсѣмъ по другимъ соображеніямъ.

На другой день по нашемъ приходѣ въ Геленджикъ намъ дали знать, что пятеро горскихъ старшинъ пріѣхали къ аванпостамъ для переговоровъ съ г. Вельяминовымъ. Это были пять стариковъ, очень почтенной наружности, хорошо вооруженные и безъ всякой свиты. Они назвались уполномоченными отъ Натухайцевъ и Шапсуговъ. Вельяминовъ принялъ ихъ съ нѣкоторою торжественностью, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ. Въ этотъ только разъ я видѣлъ на немъ, кромѣ шашки, кинжалъ: предосторожность далеко не лишняя послѣ примѣровъ фанатизма, жертвою котораго сдѣлались князь Циціановъ, Грековъ, Лисаневичъ, князь Гагаринъ и многіе другіе.

Эта сцена была для меня новостью. Мнѣ казалось, что тутъ рѣшается судьба народа, который тысячи лѣтъ прожилъ въ дикой и неограниченной свободѣ. Въ сущности это была не болѣе, какъ пустая болтовня. Депутаты горцевъ начали съ того, что отвергли право султана уступать ихъ земли Россіи, такъ какъ султанъ никогда ихъ землею не владѣлъ; потомъ объявили, что весь народъ единодушно положилъ драться съ Русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонитъ Русскихъ изъ своей земли: хвалились своимъ могуществомъ, искусствомъ въ горной войнѣ, меткой стрѣльбой и кончили предложеніемъ возвратиться безъ боя за Кубань и жить въ добромъ сосѣдствѣ. Переводчикъ К. И Таушъ назвалъ всѣхъ ихъ по имени. Онъ ихъ зналъ лично и, проникнутый уваженіемъ къ высшей Черкеской аристократіи, съ какою-то торжественностью титуловалъ каждаго называемаго узденемъ 1-й степени. Старикъ Вельяминовъ на длинную рѣчь депутатовъ отвѣчалъ коротко и просто, что идетъ туда, куда велѣлъ Государь, что, если они будутъ сопротивляться, то сами на себя должны пенять за бѣдствія войны, и что если наши солдаты стрѣляютъ вдесятеро хуже горцевъ, за то мы на каждый ихъ выстрѣлъ будемъ отвѣчать сотней выстрѣловъ. Тѣмъ конференція и кончилась.

Ночью лазутчики дали знать, что вблизи находится огромное сборище, котораго силу они вѣроятно увеличили, говоря, что въ немъ не менѣе 10 т. конныхъ и пѣшихъ отъ всѣхъ народовъ племени Адехе, и что всѣ приняли торжественную присягу драться съ Русскими до

послѣдней крайности, и за тайныя сношенія съ нами назначили смертную казнь. Дней семь мы получали тѣже извѣстія; лазутчики говорили еще, что сборище усилилось прибывшими дальними Убыхами. По ночамъ мы видѣли ихъ бивуачные огни на большомъ пространствѣ къ сторонѣ Мезиба. Горцы ждали нашего движенія и ничего не предпринимали противъ лагеря, огражденнаго засѣкой. Вельяминовъ не двигался, говоря: «Подождемъ, дражайшій. У нихъ генералъ-интендантъ неисправный. Когда поѣдятъ свое пшено и чужихъ барановъ, сами разойдутся». Такъ и случилось: мы простояли въ Геленджикѣ 9 дней, и когда двинулись къ Мезибу, видѣли немного горцевъ, которые вели пустую перестрѣлку съ стрѣлковыми цѣпями.

Перейдя чрезъ Адерби, который въ нижнихъ частяхъ теченія называется Мезибомъ, дорога начала подниматься по долинѣ одного изъ его притоковъ, постепенно отдаляясь отъ моря. Мы вступили въ край, въ которомъ не были еще наши войска. Аулы разбросаны были по сторонамъ долины въ мѣстахъ живописныхъ. Видно было, что тамъ жили въ довольствѣ и совершенной безопасности. Вельяминовъ строжайше запретилъ жечь или грабить аулы, которые мы впрочемъ находили всегда пустыми. По мѣрѣ движенія отряда край дѣлался болѣе гористымъ, и горцы, постепенно собираясь, стали насѣдать на боковыя прикрытія и особенно на арьергардъ. Перестрѣлка почти не прекращалась; мѣстами приходилось выбивать непріятеля штыками изъ крѣпкихъ позицій.

Въ первый день отрядъ прошелъ верстъ 12, во второй 10; дорога была довольно удобна и не требовала большой разработки, но боковыя прикрытія сильно утомлялись, слѣдуя по гребнямъ горъ или поперекъ боковыхъ ущелій. Приходили на мѣсто ночлега поздно вечеромъ, а часовъ въ 6 утра опять поднимались На третій день мы достигли перевала изъ системы Адерби въ систему Пшада. На вершинѣ горы Черкесы дрались съ особеннымъ упорствомъ въ прекрасной дубовой рощѣ. Вельяминовъ послалъ полковника Бриммера съ тремя баталіонами занять перевалъ и разработать дорогу. Когда мы пришли, все уже было готово, и горцы удалены. Оказалось, что это была священная роща (тхахапкъ), гдѣ съ глубокой древности совершались языческіе обряды богослуженія. Дубы были тщательно сохранены; въ одномъ изъ нихъ виденъ былъ довольно крупный камень, который со всѣхъ сторонъ, обхватило дерево, при постепенномъ ростѣ, и обвило корою. Можно думать, что дубу было не менѣе двухъ столѣтій.

Вельяминовъ приказалъ спилить это дерево и отпилить часть ствола, въ которомъ былъ камень. Онъ хотѣлъ послать этотъ чурбанъ въ Академію Наукъ, какъ образчикъ могучей растительности этого

края; но каково было удивленіе наше, когда при отпиливаніи пила встрѣтила другой камень, внутри самаго ствола. Осмотрѣвъ окрестную мѣстность, мы нашли много такихъ дубовъ и убѣдились, что туземцы вкладывали эти камни въ развилину молодаго дуба близъ земли и связывали оба ствола выше камня. По мѣрѣ роста и утолщенія стволовъ, они обхватываютъ камень, сливаются въ одинъ стволъ и, такъ сказать, поглощаютъ камень, если онъ не слишкомъ великъ. Кажется, это былъ одинъ изъ обрядовъ язычества и имѣлъ какое-то символическое значеніе.

Мы ночевали на перевалѣ Вуордовюѐ, а на другое утро начали спускаться по притоку Пшада. Въ этотъ день нѣсколько разъ возобновлялась сильная перестрѣлка въ правомъ прикрытіи, которое, по свойству мѣстности, должно было значительно отдалиться отъ колоны. Нѣсколько разъ приходилось ходить въ штыки. У насъ было человѣкъ 35 убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ послѣднихъ командовавшій правымъ прикрытіемъ артиллерійскій генералъ-маіоръ Штейбенъ, который отъ ранъ и умеръ. Я его не зналъ; къ нему былъ хорошо расположенъ Вельяминовъ, который, вообще, не жаловалъ генераловъ.

Мы дошли до устья Пшада, и должны были повернуть круто на право по его долинѣ. Надъ самимъ поворотомъ возвышалась гора, гдѣ горцы сдѣлали завалъ и ожидали нашего прохода, въ большомъ числѣ. Вельяминовъ остановилъ отрядъ внѣ ружейнаго выстрѣла и послалъ 1-й баталіонъ Навагинскаго полка выбить непріятеля и занять гору. Взобраться туда можно было только по узкому гребню, между двумя балками и совершенно открыто, въ виду непріятеля, сидѣвшаго за заваломъ, на горѣ, покрытой лѣсомъ. Навагинцы, въ виду всего отряда, сдѣлали свое дѣло честно и съ большимъ толкомъ. Впереди шла 1-ая гренадерская рота, которою командовалъ поручикъ Егоровъ, родомъ Таганрогскій Грекъ, офицеръ храбрый и опытный. Горцы встрѣтили его у подножія горы залпомъ изъ ружей, не сдѣлавъ никакого вреда. Егоровъ, молча и бѣгомъ, сталъ подниматься на гору. Когда онъ разсчиталъ, что горцы должны были уже зарядить свои винтовки, что̀ они дѣлали довольно медленно, Егоровъ приказалъ людямъ лечь, и не стрѣляя, кричать ура! Услышавъ этотъ крикъ, горцы сдѣлали опять безвредный залпъ, а Навагинцы стали опять молча подниматься на гору. Такой маневръ повторился раза три, пока Навагинцы, достигнувъ вершины, бросились на завалъ; но горцевъ уже тамъ не было: они отступили на другую позицію и удовольствовались одною перестрѣлкой. Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ, происходившемъ въ глазахъ всего отряда, у насъ было только два раненыхъ. Старый Вельяминовъ, не щедрый на похвалы, поблагодарилъ Навагинцевъ и приказалъ назвать

эту гору Навагинскою, какъ она и называется на картахъ. Государь Императоръ пожаловалъ особыя награды за это дѣло, а Егорова произвелъ въ штабсъ-капитаны и далъ ему орденъ св. Георгія 4 степени. Замѣчательно, что онъ вынужденъ былъ дать этотъ орденъ своею властью, потому что Георгіевская дума не удостоила Егорова этой награды, такъ какъ у горцевъ не было пушекъ, и потому подвигъ не подходитъ подъ статутъ ордена. Въ то время офицерскіе Георгіевскіе кресты были чрезвычайно рѣдки на Кавказѣ.

Мы ночевали на прекрасномъ плато, надъ рѣкою Пшадомъ, въ аулѣ Яндаръ-оглу, гдѣ была когда-то славная факторія Де-Скасси. Аулъ, конечно, былъ пустъ. На другой день намъ оставалось сдѣлать верстъ 12 до моря по широкой и прекрасной долинѣ Пшада. Перестрѣлка была незначительна, и довольно рано, 25 Мая, мы дошли до устьевъ рѣки и расположились вокругъ того мѣста, гдѣ предполагалось выстроить укрѣпленіе.

На другой-же день Вельяминовъ приступилъ къ разбивкѣ укрѣпленія. Это онъ всегда дѣлалъ самъ и съ большою заботливостью о дефилированіи внутренности укрѣпленія отъ окружающихъ его горъ. 27 Мая приступили къ работамъ, которыя продолжались мѣсяца полтора. Въ это время скука неподвижной жизни разнообразилась фуражировками и посылкой отрядовъ для рубки лѣса. При отрядѣ было до 2 т. лошадей, которымъ нужно было много сѣна. Часть его для артиллерійскихъ и другихъ казенныхъ лошадей доставлялась изъ Тамани на судахъ, сжатая гидравлическимъ прессомъ; остальное, равно какъ и лѣсъ, нужно было добывать съ бою. По мѣрѣ выкошенія травы въ окрестностяхъ и заборки небольшихъ Черкескихъ запасовъ сѣна, приходилось ходить все далѣе и далѣе по долинѣ Пшада и его притоковъ. Такія движенія дѣлались дня черезъ два, подъ прикрытіемъ 4 хъ или 5 батальоновъ съ 8 или 10 орудіями и сотней конныхъ казаковъ. Горцы всегда знали объ этомъ впередъ, и потому никогда такое движеніе не обходилось безъ драки, болѣе или менѣе упорной. Отряды поручались большею частью Ольшевскому или Бриммеру; офицеры генеральнаго штаба ходили поочередно. Насъ было четверо. Я часто ходилъ съ Ольшевскимъ и долженъ отдать ему справедливость. Онъ былъ хорошій ученикъ Вельяминова: не суетливъ, распорядителенъ, держалъ большой порядокъ въ отрядѣ и не баловалъ себя. У Бриммера порядку было мало, дѣлалось все больше по вдохновенію, но скоро до торопливости. Не смотря на эту разницу, у Ольшевскаго всегда было болѣе потери, чѣмъ у Бриммера.

Такъ прошло полтора мѣсяца. Строенія возводились изъ сырцоваго кирпича и мѣстнаго лѣсу. Эта работа утомляла войска, и всѣ

были очень рады, когда велѣно было приготовиться къ выступленію на другое мѣсто при устьѣ Чуэпсина (Вулана), гдѣ предполагалось въ этомъ же году выстроить укрѣпленіе.

Верки укрѣпленія на Пшадѣ были готовы и вооружены; оставались неконченными только казармы и другія внутреннія постройки. Вельяминовъ назвалъ укрѣпленіе Новотроицкимъ и оставилъ въ немъ одну роту гарнизона и баталіонъ для окончанія работъ.

11 Іюля отрядъ двинулся вверхъ по Пшаду и верстахъ въ 15 повернулъ вправо по одному изъ притоковъ лѣвой стороны, а перешедъ перевалъ, вступилъ въ долину одного изъ притоковъ Вулана, правой стороны. Въ обоихъ перевалахъ мы отдалялись отъ моря верстъ на 25. Мѣстность въ обоихъ случаяхъ была одинакова, но здѣсь горы становились выше и движеніе затруднительнѣе. Переходъ до Вулана отрядъ сдѣлалъ въ трое сутокъ. Непріятель былъ въ сборѣ, и перестрѣлка не прекращалась во все время движенія. Мы имѣли въ эти три дня до 75 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. 13 Іюля, поздно вечеромъ мы, достигли устья Вулана, который близъ самаго моря, сливается съ другою рѣчкой Тешепсъ и образуетъ широкую долину. На другой день Вельяминовъ выбралъ мѣсто для укрѣпленія саженяхъ въ 150 отъ моря, на пониженномъ гребнѣ, раздѣляющемъ обѣ рѣчки. Нужно было увѣриться, могутъ ли доставать съ ближайшей горы ружейные выстрѣлы до укрѣпленія. Въ конвойной командѣ былъ лихой офицеръ Сагандаковъ, храбрый, отличный наѣздникъ и замѣчательно сильный. Вельяминовъ приказалъ ему ѣхать на гору и оттуда сдѣлать по указанному дереву по три выстрѣла изъ своей винтовки и изъ солдатскаго ружья. Насъ съ Вельяминовымъ было человѣкъ двадцать, всѣ верхомъ; мы ожидали результатовъ оригинальнаго опыта. Дерево, назначенное цѣлью, было въ шагахъ 20 отъ насъ. Первые три выстрѣла были изъ винтовки; пули упали очень вѣрно, но не долетѣли до дерева; три остальныя пули направились тоже очень вѣрно, но не въ дерево, а въ насъ. Впрочемъ, онѣ перелетѣли чрезъ насъ съ шумомъ и визгомъ очень высоко. Мѣсто откуда стрѣлялъ Сагандаковъ, впослѣдствіи опредѣлено, и оказалось въ 240 саженяхъ, но гораздо выше того, на которомъ мы были.

Вельяминовъ опредѣлилъ линію огня укрѣпленія, названнаго Михайловскимъ. Никому изъ насъ не приходило въ голову, что чрезъ 2½ года этому укрѣпленію суждено было погибнуть и въ минуту гибели быть свидѣтелемъ подвига самоотверженія, похоронившаго и своихъ и враговъ подъ развалинами. Работы начались 15 Іюля. Нужно было торопиться, потому что намъ было сообщено, что Государь прі-

ѣдетъ на Кавказъ и будетъ смотрѣть нашъ отрядъ въ Геленджикѣ. Большое обиліе лѣса въ окрестностяхъ ускоряло работы, но съ другой стороны верки укрѣпленія были гораздо обширнѣе и имѣли чрезвычайно неудобное очертаніе.

Опять началась однообразная жизнь: крѣпостныя работы, фуражировки. Въ войскахъ было много офицеровъ изъ гвардіи и изъ армейскихъ частей прикомандированныхъ на годъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, между ними люди съ состояніемъ; эти коротали время картежной игрой и кутежемъ; то и другое развилось въ сильной степени. Я не участвовалъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Со мною было нѣсколько книгъ, рекомендованныхъ мнѣ Майеромъ. Это были: Histoire de la révolution française, par Mignet; Histoire de la révolution anglaise, par Guizot; Histoire de la contre-révolution en Angleterre, par A. Carrel, и наконецъ: De la démocratie en Amérique par Tocqueville. Я ихъ прилежно изучалъ, и это дало совсѣмъ особенное направленіе моимъ мыслямъ и убѣжденіямъ. Съ товарищемъ моимъ, Старкомъ, который гораздо болѣе меня былъ знакомъ съ политической литературой, у меня были безконечные споры.

Въ Августѣ мѣсяцѣ произошелъ эпизодъ, давшій пищу для толковъ и разговоровъ на нѣсколько дней. Вельяминовъ послалъ на пароходѣ Язонъ и другомъ мелкомъ военномъ суднѣ небольшой отрядъ для сдѣланія десанта у устья рѣки Джубги и раззоренія тамъ аула, въ которомъ было гнѣздо контрабандистовъ и людей особенно намъ враждебныхъ. Это было не первое подобное предпріятіе. Въ 1834 г. наши войска высадились къ устью Джубги, сожгли одно или два контрабандныхъ судна, но не могли истребить аула, а при отступленіи понесли большую потерю. Въ числѣ раненыхъ тогда былъ Навагинскаго полка подполковникъ Полтининъ, въ 1837 г. командовавшій этимъ полкомъ. Въ этотъ разъ начальство надъ десантнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одной роты Тенгинскаго полка, поручено было капитану 2 ранга Серебрякову, бывшему при Вельяминовѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ по морской части, для фрахтованія судовъ, перевозки разныхъ предметовъ снабженія отряда и для сношеній съ Черноморскимъ флотомъ.

Лазарь Марковичъ Серебряковъ былъ личность очень замѣтная, и я долженъ объ немъ сказать нѣсколько словъ. Его служба началась въ Черноморскомъ флотѣ въ то время, когда большинство офицеровъ тамъ состояло изъ Грековъ и Армянъ. Серебряковъ принадлежалъ къ послѣдней національности. Онъ былъ родомъ изъ Карасубазара, гдѣ у него были торговая баня, домъ, жена, ходившая по-армянски въ шароварахъ, и куча дѣтей. Во флотѣ Серебряковъ игралъ очень скромную

роль и не имѣлъ славы хорошаго морскаго офицера. Въ 1829 году, князь Меншиковъ, тогда еще артиллерійскій генералъ, нашелъ его въ Өеодосіи на брандвахтѣ. Узнавъ, что Серебряковъ хорошо знаетъ Турецкій языкъ, князь Меньшиковъ взялъ его съ собою подъ Анапу, которую ему поручено было взять. Извѣстно, что это предпріятіе выполнено съ успѣхомъ и что съ того времени Анапа осталась въ нашихъ рукахъ. Вся эта операція, при содѣйствіи Черноморскаго флота, продолжалась не долго; но Серебряковъ успѣлъ войти въ милость у князя Меньшикова, который, какъ говорятъ, давалъ ему иногда довольно грязныя порученія. Серебряковъ имѣлъ бойкія умственныя способности, много Азіятской хитрости, расположеніе къ военному дѣлу и торговлѣ и эластическую совѣсть. По окончаніи Турецкой войны князь Меньшиковъ, уже начальникъ главнаго морскаго штаба, взялъ Серебрякова къ себѣ адъютантомъ или по особымъ порученіямъ. Въ 1837 г. Серебряковъ былъ посланъ къ Вельяминову, который цѣнилъ его дѣятельность, здравый смыслъ и распорядительность. Настоящее военное порученіе онъ исполнилъ удачно, но при отступленіи понесъ значительную потерю. Десантъ состоялъ изъ одной роты Тенгинскаго полка, но при ней было много постороннихъ офицеровъ, пожелавшихъ участвовать въ этомъ предпріятіи. У насъ ранены два штабъ-офицера и генеральнаго штаба капитанъ князь Григорій Долгоруковъ, а убитъ гвардейскій поручикъ князь Долгоруковъ. Никакой непосредственной пользы отъ этого предпріятія не было.

Наконецъ, 2 Сентября, мы двинулись обратно въ Геленджикъ, оставивъ двѣ роты гарнизономъ въ ново-построенномъ укрѣпленіи, названномъ Михайловскимъ. Обратное движеніе наше продолжалось пять дней. Горцы преслѣдовали не особенно настойчиво, хотя всѣ аулы по пути были истреблены. Исключеніе сдѣлано только для аула Яндаръ-Оглу, въ честь человѣка, оказавшаго когда-то Русскимъ услугу. За то этотъ аулъ былъ сожженъ самими горцами, а хозяинъ едва отдѣлался отъ обвиненій въ измѣнѣ.

7 Сентября мы пришли въ Геленджикъ. На другой день генералъ Вельяминовъ спросилъ меня, знаю-ли я всѣ правила для разбивки лагеря по формѣ и съ самою педантическою правильностію? Я ихъ не зналъ, и потому Вельяминовъ снабдилъ меня разными руководствами. Къ дѣлу было немедленно приступлено. Я сдѣлалъ примѣрный чертежъ глубокаго лагеря въ колоннахъ. Вельяминовъ его не одобрилъ и приказалъ устроить лагерь развернутымъ фронтомъ. Это потребовало пространство въ три версты, къ Западу отъ Геленджика. Между подножіемъ хребта и моремъ тянется полоса довольно ровной мѣстности, покрытой мелкимъ лѣсомъ. Черезъ два дня этотъ лѣсъ исчезъ,

мѣсто разчищено, и лагерь разбитъ тыломъ къ морю. Въ этомъ положеніи мы ожидали пріѣзда Государя Императора. Во все это время погода стояла прекрасная. По окрестнымъ горамъ видны были горцы, смотрѣвшіе съ любопытствомъ на невиданное для нихъ зрѣлище. Нашъ лагерь долженъ былъ казаться для нихъ грознымъ. Надобно отдать имъ справедливость: во все это время они насъ не тревожили, а во время пребыванія Государя ни одинъ изъ нихъ не приходилъ въ лагерь. Народныя старшины не прислали даже никакой депутаціи, хотя могли быть увѣрены, что если переговоры и не поведутъ ни къ какому результату, то депутаты во всякомъ случаѣ возвратятся съ богатыми подарками.

21 Сентября, наканунѣ пріѣзда Государя, задула бóра и къ вечеру такъ скрѣпчала, что большая часть солдатскихъ палатокъ были изорваны, а на кухняхъ невозможно было разводить огонь и варить кашу. Кое-гдѣ только расторопные деньщики ухитрялись разводить огонь или ставить самовары подъ кручею, у самаго берега моря. Кто не видалъ боры въ этой части восточнаго берега Чернаго моря, тому нелегко вообразить ея страшную силу. Сѣверо-восточный вѣтеръ какъ бы внезапно срывается съ гребня главнаго хребта, отстоящаго отъ моря у Геленджика верстъ на пять; но туземцы и опытные моряки узнаютъ приближеніе боры по нѣкоторымъ признакамъ, и суда спѣшатъ заранѣе выйти изъ бухты въ море, которое въ такое время бываетъ совершенно спокойно. Береговой вѣтеръ не разводитъ волненія, и во все это время бываетъ совершенно ясная погода, при довольно низкой температурѣ. Боры бываютъ чаще, продолжительнѣе и сильнѣе осенью и зимой; лѣтомъ онѣ продолжаются нѣсколько часовъ или сутки; зимою онѣ особенно опасны для судовъ, застигнутыхъ въ бухтѣ. Стремительный вѣтеръ срываетъ верхушки волнъ, обливаетъ суда, ихъ мачты и снасти и, мгновенно замерзая, обращаетъ все судно въ глыбу льда. Тогда гибель судна неизбѣжна, и съ берега невозможно подать никакой помощи. Такъ погибъ въ 1843 г. военный тендеръ въ Суджукской бухтѣ, въ глазахъ цѣлаго отряда. Судно обратилось въ комъ льда и пошло ко дну со всѣмъ экипажемъ. Всѣ попытки подать помощь были тщетны: команды посланныя къ берегу не могли идти противъ вѣтра; людей несло вѣтромъ, и кто не падалъ на землю могъ быть разбитъ, наброшенный на дерево или строеніе. Говорятъ, что въ Суджукской бухтѣ боры сильнѣе чѣмъ въ Геленджикской; я этого не замѣтилъ, но во всякомъ случаѣ онѣ составляютъ такой недостатокъ этихъ единственныхъ между Сухумомъ и Керчью бухтъ, который не обѣщаетъ имъ никакой будущности.

Бора, дувшая предъ пріѣздомъ Государя, была не изъ самыхъ сильныхъ. Вечеромъ 22 Сентября, мы наконецъ, увидѣли два парохода, на которыхъ былъ Государь со свитою. Въ первый разъ Русскій царь посѣтилъ Кавказскій край и, хотя посѣтилъ не такъ театрально, какъ бабка его посѣщала Новороссійскій край, но конечно съ неменьшею пользою.

Съ большимъ трудомъ и не безъ опасности, Государь вышелъ на берегъ въ Геленджикѣ, гдѣ ему приготовлена была квартира въ домѣ коменданта, мало отличавшемся отъ остальныхъ жалкихъ мазанокъ. Съ 1831 г. Геленджикъ мало измѣнился. Безъ сухопутнаго сообщенія, гарнизонъ нерѣдко нуждался въ самомъ необходимомъ. Непривычный климатъ, безпрестанныя тревоги и лишенія произвели общую апатію и развили болѣзни, преимущественно перемежающіяся лихорадки и цингу. Первымъ комендантомъ былъ полковникъ Чайковскій, отъ котораго я слышалъ много разсказовъ объ этой тяжелой порѣ: на первый день Пасхи офицеры всего гарнизона собирались къ нему разговляться, и при этомъ закуска состояла изъ рюмки водки и нѣсколькихъ селедокъ, составлявшихъ неслыханную роскошь.

Съ Государемъ были Великій Князь Наслѣдникъ, графъ Орловъ, князь Меньшиковъ и довольно большая свита. Не думаю, чтобы всѣ они сколько-нибудь комфортабельно провели эту ночь, тѣмъ болѣе, что на разсвѣтѣ начался пожаръ, недалеко отъ квартиры Государя и отъ пороховаго погреба, гдѣ былъ значительный складъ патроновъ и зарядовъ для отряда. Огонь охватилъ провіантскіе склады; при сильнѣйшемъ вѣтрѣ онъ сообщился множеству тѣсно стоявшихъ турлучныхъ построекъ, крытыхъ соломою и камышемъ. Съ самаго начала пожара стали поспѣшно выносить порохъ за крѣпость; все это дѣлалось въ торопяхъ, и каждую минуту можно было ожидать взрыва. Опасность была крайняя, пожарныхъ инструментовъ не было, да они были бы безполезны при такомъ вѣтрѣ. Офицеры и солдаты наперерывъ бросались въ огонь и соревновали въ самоотверженіи предъ глазами Государя. Наконецъ, его упросили выѣхать изъ укрѣпленія въ лагерь ранѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Войска были готовы къ смотру.

Еще съ весны Вельяминовъ предупредилъ всѣхъ о предстоящемъ смотрѣ и просилъ озаботиться тѣмъ, чтобы нижніе чины и офицеры имѣли одежду и вооруженіе по формѣ. Регулярныя войска исполнили это приказаніе по крайнему разумѣнію, а четыре пѣшихъ полка Черноморскихъ казаковъ были поставлены въ прикрытіе. Ихъ резервы по безлѣснымъ вершинамъ хребта составляли прекрасную картину и придавали всему лагерю и смотру военный колоритъ. Войска были

построены въ одну линію развернутымъ фронтомъ. Нижніе чины были въ боевой амуниціи и въ фуражкахъ. Фронтъ былъ прямо противъ вѣтра. Когда Государь подъѣхалъ къ правому флангу, почти всѣ фуражки были унесены вѣтромъ; нижніе чины, держа ружье на караулъ, должны были отставить лѣвую ногу впередъ, чтобъ удержаться на мѣстѣ. Весь фронтъ кричалъ ура! а вѣтеръ въ открытые рты несъ песокъ, пыль и мелкіе камешки. Картина была своеобразная...

Государь убѣдился, что ѣхать верхомъ по фронту невозможно. Онъ сошелъ съ коня, мы сдѣлали тоже и такимъ образомъ дошли до лѣваго фланга, безпрестанно набрасываемые вѣтромъ на фронтъ. Церемоніальнаго марша не было. Войска отпущены въ лагерь, въ которомъ не было ни одной цѣлой палатки; только двѣ Калмыцкихъ кибитки въ штабѣ и палатка Вельяминова уцѣлѣли. Послѣднюю восемь линейныхъ казаковъ держали на оттяжкахъ. Государь вошелъ въ палатку и, напившись чаю, приказалъ Вельяминову позвать солдатъ, кто въ чемъ есть, подъ одинокое дерево, которое онъ указалъ впереди лагеря. Ему хотѣлось сказать милостивое слово этому доблестному войску, въ первый разъ видящему своего Государя. Ординарцы поскакали по всему лагерю; солдаты бѣжали со всѣхъ сторонъ къ сборному мѣсту. Они буквально исполнили высочайшую волю: кто былъ въ мундирѣ, кто въ шинели, а кто безъ того и другаго. Вокругъ Государя и Наслѣдника образовался кружокъ, внутри котораго было нѣсколько офицеровъ. Я былъ отъ него въ двухъ шагахъ, а подлѣ меня генералъ-маіоръ Лингенъ, въ сюртукѣ, съ шашкой чрезъ плечо. Изъ подъ сюртука на цѣлую четверть виденъ былъ бешметъ изъ Турецкой шалевой матеріи. Рядомъ съ нимъ стоялъ полковникъ Горскій, только что пріѣхавшій къ отряду. Онъ былъ одѣтъ по формѣ, но чрезъ плечо; на ремнѣ висѣла Черкесская нагайка. Государь, читавшій, вѣроятно, наши реляціи, спросилъ Лингена: «а гдѣ тутъ Аушецкія и Тляхофидскія болота?» Старый Лингенъ объ нихъ не слыхивалъ; Горскій не зналъ ихъ имени, хотя оба они много разъ чрезъ нихъ проходили. У меня всегда была очень острая память на имена, и я поспѣшилъ доложить, что эти болота на сѣверномъ предгоріи. Толпа все росла, но говорить было невозможно за сильнымъ вѣтромъ. Кружокъ съузился, и Государь, стоя подъ деревомъ, спросилъ: «а гдѣ у васъ Кононъ Забуга?» Это былъ унтеръ-офицеръ Кабардинскаго полка, недавно отличившійся и упомянутый въ реляціи. На вопросъ Государя, раздался надъ его головою громкій голосъ: «Здѣсь, Ваше Императорское Величество». Забуга, въ одномъ бѣльѣ, сидѣлъ на деревѣ, чтобы лучше видѣть. Государь приказалъ ему слѣзть и когда тотъ

почти кубаремъ свалился на землю, Государь поцѣловалъ его въ голову, сказавши: «Передай это всѣмъ твоимъ товарищамъ, за ихъ доблестную службу». Забуга бросился на землю и поцѣловалъ ногу Государя. Вся эта сцена, искренняя и неподготовленная, произвела на войско гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ краснорѣчивая рѣчь, которой никто бы и не слышалъ. Войска съ гордостію смотрѣли на мужественную красоту и царственную осанку своего Государя и на прекраснаго 19-ти лѣтняго юношу, его Наслѣдника. Надобно отдать справедливость, Николай Павловичъ умѣлъ говорить отъ души горячее слово, которое шло прямо въ душу. Выраженіе его лица, въ минуты благоволенія, было чрезвычайно симпатично. Его ласковое и простое обращеніе могло довести неопытнаго и непривычнаго собесѣдника до забвенія его высокаго сана. За то, въ минуты гнѣва и раздраженія, его наружность мгновенно измѣнялась.

Государь былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи. Независимо отъ желанія поблагодарить войска за ихъ трудную и честную службу, онъ выражалъ свое довольство непривычною ему обстановкою, величественною природою, даже бόрою и наивными усиліями все дѣлать и одѣваться по формѣ; а между прочимъ своеобразныя отступленія безпрестанно бросались въ глаза ему, привыкшему къ педантической точности въ гвардіи и при смотрахъ армейскихъ войскъ. Говорятъ, что онъ сказалъ: «Я очень радъ, что не взялъ съ собою великаго князя Михаила Павловича; онъ бы этаго не вынесъ!» Говорятъ еще, что онъ приказалъ Вельяминову подать списокъ разжалованыхъ, которыхъ было много въ отрядѣ. Это приказаніе онъ, будто бы, повторилъ два раза; но почему-то Вельяминовъ этаго не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ до отъѣзда Государя.

Къ вечеру бόра начала утихать. Государь ночевалъ на пароходѣ, а утромъ 24 Сентября пароходы снялись съ якоря и пошли къ Поти, откуда Государь чрезъ Кутаисъ поѣхалъ въ Тифлисъ. Его путешествіе по Закавказскому краю было неудачное и оставило въ немъ непріятное впечатлѣніе. Проѣзжая черезъ Горійскій уѣздъ, гдѣ былъ расположенъ Грузинскій гренадерскій полкъ, Государь увидѣлъ въ лѣсу солдата, котораго онъ принялъ сначала за туземца. Солдатъ былъ въ рубищахъ, напоминающихъ солдатскую шинель и папаху. На вопросъ Государя солдатъ отвѣчалъ, что онъ третій годъ пасетъ свиней своего полковаго командира, а прежде пять лѣтъ былъ въ угольной командѣ. Это чрезвычайно разсердило Государя. Вѣроятно, еще прежде ему было доложено о многихъ другихъ дѣйствіяхъ полковника князя Дадьяна по командованію полкомъ. Этотъ штабъ-офицеръ былъ нисколько не хуже другихъ полковыхъ командировъ, но онъ

былъ женатъ на дочери барона Розена, которымъ тоже Государь былъ недоволенъ. Въ этомъ случаѣ онъ явился козлищемъ отпущенія за общіе грѣхи, до нѣкоторой степени неизбѣжные по мѣстнымъ обстоятельствамъ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ Государь предъ разводомъ приказалъ снять съ князя Дадьяна флигель-адъютантскіе аксельбанты (усердные исполнители сорвали ихъ) и предать его суду за злоупотребленія. Впрочемъ, при этомъ же разводѣ онъ пожаловалъ званіе флигель-адъютанта сыну барона Розена, гвардейскому поручику. Въ довершеніе всѣхъ неудачъ, при выѣздѣ изъ Тифлиса, спускаясь съ горы, лошади понесли экипажъ, въ которомъ сидѣли Государь и графъ Орловъ; на крутомъ поворотѣ экипажъ опрокинулся, и Государь упалъ на краю глубокаго обрыва. Къ счастію, это паденіе не имѣло никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

На другой день по отъѣздѣ Государя изъ Геленджика, мы выступили въ обратный путь на Кубань. Горцы почти не дрались, зная, что въ этомъ году мы уже ничего болѣе не предприменъ. 29 Сентября мы пришли въ Ольгинское укрѣпленіе; экспедиція кончена, и отрядъ распущенъ на зимнія квартиры. Я отправился въ Ставрополь, гдѣ снова началась моя легкая служба въ должности оберъ-квартирмейстера и однообразная жизнь въ кругу нѣсколькихъ добрыхъ товарищей. За экспедицію 1837 года я получилъ орденъ Св. Владимира 4 степени съ бантомъ.

Генералъ Вельяминовъ отправился во Владикавказъ, на встрѣчу Государю, при его возвращеніи изъ Грузіи. Оттуда до Екатеринограда, 104 версты, онъ сопровождалъ Государя верхомъ. Конвой былъ конный, ѣхали довольно скоро; старый Вельяминовъ совершенно изнурился; вѣроятно, это ускорило у него развитіе болѣзни, которая свела его въ могилу. Въ Ставрополѣ Государь не останавливался.

Скоро оказались плоды посѣщенія Государемъ Кавказа. Вельяминовъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами, баронъ Розенъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, начальникъ корпуснаго штаба Вадковскій—командиромъ армейской бригады въ Россіи; начальникъ гренадерской бригады г.-л. Фроловъ, давшій Грибоѣдову типъ Скалозуба—кажется, по арміи. Оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ Фонъ-деръ-Ховенъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ штаба Сибирскаго корпуса. Кромѣ этихъ главныхъ, въ Закавказскомъ краѣ было много другихъ перемѣщеній и удаленій по военному и гражданскому вѣдомствамъ. Погромъ былъ общій. Князь Дадьянъ, по суду, былъ разжалованъ въ солдаты.

Я провелъ зиму по прежнему, почти исключительно въ обществѣ Майера и князя Голицына. Съ первымъ я очень подружился. У нихъ

я познакомился со многими Декабристами и особенно сблизился съ Сатинымъ, молодымъ человѣкомъ, присланнымъ изъ Московскаго университета въ Саратовъ, подъ надзоръ полиціи, за какое-то ребяческое политическое преступленіе. Изъ Саратова онъ получилъ позволеніе ѣхать на Кавказскія минеральныя воды и, по окончаніи курса, остался зимовать въ Ставрополѣ въ ожиданіи слѣдующаго курса водъ. Это былъ очень хорошій молодой человѣкъ, съ доброй и теплой душою, но съ плохимъ здоровьемъ; онъ хорошо учился, много читалъ и былъ либераломъ Московскаго пошиба. Сатинъ жилъ вмѣстѣ съ Майеромъ и княземъ Голицынымъ на одномъ дворѣ. По прежнему нашимъ спорамъ не было конца.

Между тѣмъ зимою наше положеніе на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанѣ начинало дѣлаться болѣе серьезнымъ. Туда переведенъ былъ Кабардинскій полкъ изъ Черноморіи и помѣщенъ на Кумыкской плоскости, въ крѣпости Внезапной и Хасафъ-юртѣ. Начальникъ дивизіи генералъ-лейт. Фези дѣлалъ набѣги и присылалъ громкія реляціи о своихъ подвигахъ и покореніяхъ разныхъ народовъ. Вельяминовъ не давалъ имъ никакой вѣры и вообще, кажется, не придавалъ особенной важности тамошнимъ дѣламъ. Немудрено, что онъ до нѣкоторой степени ошибался, подъ вліяніемъ мнѣнія, составившагося еще во времена Ермолова.

Я не могу описывать событія на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанѣ, потому что хорошенько не знаю ни мѣстности, ни послѣдовательности хода дѣлъ въ томъ краѣ. Извѣстно, что фанатическій шаракатъ возникъ еще въ началѣ 20-хъ годовъ. Непонятно, какъ Ермоловъ не придалъ этому никакого значенія. Не знаю, созналъ ли онъ послѣ свою ошибку, но послѣдствія стоили намъ слишкомъ дорого. Первый имамъ, который пріобрѣлъ въ томъ краѣ большую силу и вліяніе, намъ прямо враждебное, Кази-мулла, погибъ въ Гимрахъ, въ 1832 г.; второй, Гамзатъ-бекъ умерщвленъ измѣннически въ мечети; но одинъ изъ мюридовъ Кази-муллы, Шамиль, раненый спасся во время Гимринской рѣзни. Онъ провозгласилъ себя имамомъ и былъ признанъ. Это былъ человѣкъ умный, ученый въ смыслѣ мусульманскомъ, свирѣпый фанатикъ, кровожадный горецъ со всѣми типическими свойствами своего племени. Съ 1833 г. онъ постепенно усиливался въ Дагестанѣ; но и въ Чечнѣ замѣтно было волненіе, которое не предсказывало ничего хорошаго. Въ 1838 г. тамъ предположены болѣе серьезныя военныя дѣйствія. На правомъ флангѣ предполагалось продолжать занятіе пунктовъ по восточному берегу Чернаго моря, но рѣшено занимать ихъ десантами, при содѣйствіи Черноморскаго флота. Это рѣшеніе основано было, кажется, на увѣреніи Тауша и Люлье (непререкаемыхъ

авторитетовъ), что за Вуланомъ уже нѣтъ возможности двигаться отряду съ артиллеріей, иначе какъ по самому берегу моря, а этотъ проходъ очень опасенъ, часто-же и совсѣмъ невозможенъ: горы упираются обрывами въ самый берегъ моря, и узкая полоса морскаго прибоя затопляется при всякомъ морскомъ вѣтрѣ. Это конечно справедливо относительно приморскаго пути; но невозможность найти проходъ, подобный тому, по которому отрядъ шелъ изъ Геленджика до Пшада и Вулана, очень сомнительна. Довольно вѣроятно, что наши Черкескіе дипломаты не знали края къ Югу отъ Вулана или почему-нибудь не хотѣли, чтобы отрядъ шелъ по этому пути. Предположено было занять устье Шапсуха и Туапсе и построить тамъ укрѣпленія.

Самое простое соображеніе представлялось бы: идти съ отрядомъ сухимъ путемъ отъ Кубани къ устью Туапсе или Шапсуха, такъ какъ намъ было извѣстно, что въ этихъ мѣстахъ хребетъ не достигаетъ снѣжной полосы, перевалъ удобенъ и дорога проходима. Но разстояніе отъ Екатеринограда до берега моря 120—150 верстъ, и потому необходимо было бы устроить одно или два промежуточныхъ укрѣпленія для склада запасовъ, а это было уже отвергнуто въ Петербургѣ, гдѣ все еще сохраняли надежду на очень скорое покореніе горцевъ; при томъ же, это не входило въ планъ дѣйствій, предположенный Паскевичемъ и которому покорился Вельяминовъ, когда его возраженія были не уважены.

Рѣшеніе занимать десантами пункты по восточному берегу Чернаго моря повело за собой устройство береговой линіи, стоившее много милліоновъ, много десятковъ тысячъ людей, сдѣлавшихся жертвою губительнаго климата и давшихъ взамѣнъ всего этаго слишкомъ ничтожные результаты.

Зимою стали прибывать на Кавказъ новыя лица, назначенныя вмѣсто смѣненныхъ и удаленныхъ. Командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и главноуправляющимъ въ Грузіи назначенъ генералъ-лейтенантъ Евгеній Александровичъ Головинъ, начальникомъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ ****, а оберъ-квартирмейстеромъ полковникъ Мендъ. Всѣ трое проѣхали чрезъ Ставрополь безъ большаго шума. Головинъ проѣздомъ навѣстилъ А. А. Вельяминова, котораго здоровье и силы быстро упадали, и онъ уже не выходилъ изъ дома.

Головинъ до назначенія былъ начальникомъ дивизіи. Это былъ человѣкъ не старый, но разрушенный физически и морально. Отъ природы онъ имѣлъ очень хорошія умственныя способности, былъ хорошо образованъ, очень хорошо писалъ на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Въ молодости онъ имѣлъ несчастіе попасть въ общество мистиковъ и былъ иллюминатомъ; знаменитая жрица этой секты, Та-

таринова, присовѣтовала ему еженедѣльно открывать себѣ кровь для умерщвленія плоти. Отъ этаго, или по другимъ причинамъ, но подъ старость онъ сдѣлался неспособнымъ къ усидчивому труду, засыпалъ при докладахъ, не имѣлъ ни характера, ни силы воли, такъ необходимыхъ при его разнообразной дѣятельности. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ строго-честный, нравственный и доброжелательный. Его военныя и административныя способности были не блестящи; послѣ каждой войны или управленія краемъ онъ писалъ длинныя, оправдательныя статьи, очень убѣдительныя и написанныя хорошимъ языкомъ. Читавшіе эти статьи находили, что лучше было такъ хорошо дѣлать, чѣмъ оправдываться.

И къ намъ на Кавказскую линію назначили новаго начальника штаба, флигель-адъютанта генеральнаго штаба полковника А. С. Троскина. Генералъ Петровъ какъ-то стушевался; никто не жалѣлъ. А. С. Троскинъ былъ сынъ полковника Сем. Ив. Троскина, командовавшаго въ Казани учебнымъ карабинернымъ полкомъ, извѣстнаго своимъ огромнымъ ростомъ и страстью къ фронтовой службѣ.

Старикъ былъ сослуживцемъ моего отца и поэтому я ребенкомъ бывалъ въ ихъ домѣ; но А. С—ча тогда уже тамъ не было, а я игралъ вмѣстѣ съ Константиномъ, его младшимъ братомъ, который впослѣдствіи убитъ въ Чечнѣ, въ чинѣ полковника.

Александръ Семеновичъ былъ лѣтъ 32-хъ. Его ростъ, болѣе чѣмъ средній, былъ незамѣтенъ при его чрезвычайной толщинѣ. Онъ былъ то, что́ Французы называютъ viveur: любилъ хорошій столъ, удобства жизни и особливо женщинъ. Онъ имѣлъ хорошія умственныя способности, образованіе свѣтское, но не солидное, владѣлъ хорошо Русскимъ и Французскимъ языками, хорошо зналъ бюрократическую рутину, работалъ скоро и усердно. Отъ природы былъ добръ, но порядочно испорченъ средою, въ которой прошла его молодость. Всю свою службу провелъ онъ въ Петербургѣ и въ Военномъ Министерствѣ. Мало по-малу онъ обратилъ на себя особенное вниманіе министра Чернышева и сдѣлался у него необходимымъ человѣкомъ. По службѣ онъ дѣлалъ быстрые успѣхи; женитьба на баронессѣ Вревской доставила ему состояніе и особенно связи. Его жена была побочная дочь, кажется, князя Куракина или кого-нибудь другаго изъ сильныхъ земли. Она была красавица и очень милая особа (я видѣлъ ея портретъ у Троскина). Онъ имѣлъ несчастіе скоро ея лишиться; дѣтей у него не было. Говорятъ, что Троскинъ испортилъ свою карьеру тѣмъ, что сталъ въ обществѣ слишкомъ много говорить о своемъ участіи въ дѣлахъ Военнаго Министерства и что князь Чернышевъ воспользовался удобнымъ случаемъ съ почетомъ удалить его отъ себя на Кавказъ.

Когда я былъ въ Военной Академіи, Троскинъ былъ членомъ конференціи. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ не участвовалъ и если нюхалъ пороху, то развѣ на Красносельскихъ маневрахъ.

Больной Вельяминовъ предоставилъ Троскину устроить штабъ по его усмотрѣнію. Перемѣнъ было много, но онѣ были разумны и полезны. Генеральный штабъ вышелъ изъ своего опальнаго положенія; въ него передана большая часть дѣлъ изъ секретнаго отдѣленія. За то Ольшевскій понизилъ голосъ не на одну октаву. Я продолжалъ исправлять должность оберъ-квартирмейстера, но уже докладывалъ Троскину, а не Вельяминову.

Въ концѣ зимы явилось въ Ставрополѣ новое замѣтное лице. Генералъ маіоръ Раевскій назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской прибрежной линіи. Это мѣсто изобрѣтено было Вельяминовымъ для генерала Штейбена, но онъ умеръ отъ раны. Въ проѣздъ съ Кавказа Государь сказалъ Вельяминову: «Раевскій просится опять на службу. Возьми его къ себѣ». Вельяминовъ зналъ его и его отца, одного изъ героевъ 12 года, и потому охотно взялъ сына и испросилъ ему вышесказанное, странное и нелестное назначеніе. 1-е отдѣленіе Черноморской прибрежной линіи образовано было изъ прибрежныхъ укрѣпленій отъ Анапы до Михайловскаго включительно. Въ нихъ были расположены три Черноморскихъ линейныхъ баталіона. Начальнику 1-го отдѣленія присвоены права бригаднаго командира. 2-е отдѣленіе не существовало. Раевскій, въ послѣднее время, былъ въ опалѣ, и потому принялъ это назначеніе и пріѣхалъ въ Ставрополь. Здоровье Вельяминова все болѣе и болѣе разстроивалось. Явились признаки водяной. Я, кажется, сказалъ уже, что Вельяминовъ былъ фанатическій гомеопатъ; поэтому онъ самъ себя лечилъ и не хотѣлъ принимать никакихъ совѣтовъ отъ алопатовъ. Онъ почти безвыходно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ была и библіотека. Онъ былъ очень радъ пріѣзду Раевскаго, какъ любезнаго и пріятнаго собесѣдника, который могъ говорить ему о славномъ прошедшемъ и о лицахъ, съ которыми онъ когда-то былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ помѣстилъ Раевскаго у себя въ домѣ и проводилъ съ нимъ почти все время. Вельяминовъ не зналъ опасности своего положенія и потому продолжалъ собираться съ отрядомъ въ походъ.

Государь, узнавъ о его болѣзни, прислалъ ему гомеопата доктора Шеринга, но уже было поздно: болѣзнь очень усилилась, и Шерингъ убѣдился въ безнадежности своего паціента, но объявилъ ему только, что болѣзнь можетъ не дозволить ему весною отправиться съ отрядомъ. Тогда Вельяминовъ рѣшился поручить, до своего пріѣзда, командованіе отрядомъ Раевскому. Онъ заботился о составленіи для

него временнаго штаба, снабдилъ его палатками, кухней и всей бивачной принадлежностью, но предупреждалъ, что по пріѣздѣ къ отряду возметъ все это обратно. Въ послѣднее время онъ впалъ въ дѣтство; его забавляли чтеніемъ, разговорами о гастрономіи, въ которой Раевскій былъ силенъ и, наконецъ, каплуненіемъ пѣтуховъ, въ чемъ очень искуснымъ оказался докторъ Шерингъ. Я былъ назначенъ отряднымъ оберъ-квартирмейстеромъ. Раевскій со мной нѣсколько разъ говорилъ о краѣ и горцахъ и показывалъ мнѣ хорошее расположеніе.

Въ половинѣ Апрѣля Раевскій отправился въ Керчь съ Серебряковымъ, который за экспедицію 1837 г. былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга и оставленъ при Вельяминовѣ въ должности дежурнаго штабъ-офицера по морской части. Весна была въ полномъ развитіи, а Вельяминовъ доживалъ послѣдніе дни. Онъ уже зналъ свое положеніе, но не жаловался и молчалъ. Ему, поочередно, читали Жиль-Блаза. Баронъ Ганъ очередовался въ этомъ съ Сабатинымъ, Подольскимъ помѣщикомъ, жившимъ подъ надзоромъ полиціи, человѣкомъ умнымъ, образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ читалъ то мѣсто, гдѣ Жильблазъ, убѣжавъ отъ разбойниковъ, размышлялъ, что ему предпринять, и рѣшился идти въ Мадритъ, гдѣ всемогущимъ министромъ былъ герцогъ Лерма, которому Жильблазъ когда-то оказалъ услугу въ трудномъ положеніи. «Вѣрно онъ не забудетъ моего благодѣянія и въ свою очередь поможетъ мнѣ». Когда Сабатинъ прочиталъ эти слова, умирающій довольно твердымъ голосомъ сказалъ: «дожидайся, дражайшій!» Ольшевскій, видя, что онъ въ памяти и не лишился языка, предложилъ ему прибѣгнуть къ утѣшеніямъ вѣры, исповѣдаться и причаститься. «Въ грѣхахъ моихъ я исповѣдался Богу, а попу до этаго дѣла нѣтъ». Это были его послѣднія слова. Началась агонія, и на разсвѣтѣ мы узнали, что Вельяминова не стало. Миръ душѣ его! Многое было ему дано, и много съ него спросится; но судъ надъ нимъ совершился не по человѣческой правдѣ, предъ которой не оправдается всякъ живый. Съ нимъ похороненъ гербъ фамиліи Вельяминовыхъ. Тѣло его перевезено въ Тульскую губернію, гдѣ было ихъ небольшое родовое имѣніе.

Упрекъ, который, кажется, можно сдѣлать Вельяминову, какъ общественному дѣятелю, это за его равнодушіе къ порочнымъ наклонностямъ и безнравственности другихъ. Самъ онъ былъ стоически-честенъ, но къ порочнымъ поступкамъ своихъ подчиненныхъ относился слишкомъ снисходительно, если только видѣлъ, что ихъ умомъ, дѣловою опытностью и способностями можно воспользоваться съ выгодою для службы. И въ этомъ, какъ во всемъ, онъ былъ математикомъ, а не поэтомъ.

Вскорѣ послѣ смерти Вельяминова я отправился въ Тамань, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ отряда и мѣсто амбаркаціи. Полковникъ Ольшовскій пріѣхалъ въ тоже время и вступилъ въ должность начальника штаба отряда. Раевскій былъ въ Керчи, откуда успѣлъ съѣздить въ Севастополь, гдѣ Черноморскій флотъ вышелъ на рейдъ и готовился къ отплытію. Раевскій успѣлъ обворожить моряковъ, начиная съ главнаго командира М. П. Лазарева, своеобразною угодливостью и полною готовностью быть полезнымъ лицамъ, которыхъ укажетъ Лазаревъ. Себя же и отрядъ свой онъ поручалъ благосклонному вниманію знаменитаго героя Наваринской битвы.

Амбаркація войскъ на своемъ берегу, въ мирное время, вещь совсѣмъ не трудная, но требующая большой точности, а на берегу бурливаго Чернаго моря—благопріятной погоды. Съ отрядомъ должно было доставить двухмѣсячное продовольствіе и комплектъ боевыхъ зарядовъ и патроновъ. Артиллерійскихъ лошадей предположено взять на четыре легкихъ орудія, каждое съ однимъ зряднымъ ящикомъ. Остальныя лошади и ящики должны были перевезтись впослѣдствіи. Для нагрузки лошадей и тяжестей зафрахтованы были Серебряковымъ частныя суда, и сверхъ того назначены три большихъ военныхъ транспорта. Эскадра состояла изъ шести линейныхъ кораблей, трехъ фрегатовъ, нѣсколькихъ пароходовъ и парусныхъ судовъ меньшаго ранга. Начальство надъ эскадрой, по убѣдительной просьбѣ Раевскаго, принялъ на себя М. П. Лазаревъ.

Всѣ разсчеты по амбаркаціи сдѣлалъ Ольшевскій и, не смотря на новость дѣла, сдѣлалъ ихъ разумно и съ большою точностью, такъ что не было никакого замѣшательства. Серебряковъ распорядился также хорошо по своей болѣе скромной, но существенной и нелегкой обязанности. Мы пробыли въ Тамани съ недѣлю, какъ однажды утромъ нарочный прискакалъ съ мыса Тузлы съ извѣстіемъ, что флотъ видѣнъ въ морѣ. Погода была прекрасная, корабли шли подъ всѣми парусами и къ вечеру стали на якорь. Это было 4 или 5 Мая; на другой день всѣ войска были посажены на суда, а на разсвѣтѣ, 7 Мая, эскадра снялась съ якоря и двумя линіями направилась вдоль восточнаго берега Чернаго моря.

Штабъ Раевскаго и одинъ баталіонъ Тенгинскаго полка были на адмиральскомъ сто-пушечномъ кораблѣ Силистрія, котораго командиромъ былъ капитанъ 1 ранга П. С. Нахимовъ. Адмиралъ Лазаревъ принялъ насъ очень любезно и вообще показывалъ особенное расположеніе не только къ самому Раевскому и его штабу, но вообще ко всѣмъ сухопутнымъ войскамъ. Это былъ разумный примѣръ для его

подчиненныхъ, потому что между моряками и сухопутными войсками никогда не было особенной пріязни.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ о Черноморскомъ флотѣ и объ его знаменитомъ главномъ командирѣ. М. П. Лазаревъ пять лѣтъ служилъ въ Британскомъ флотѣ и дѣлалъ три кругосвѣтныхъ путешествія. Въ 1827 г. онъ командовалъ нашимъ кораблемъ Азовъ и былъ въ соединенной эскадрѣ Британо-французско-русской, подъ начальствомъ лорда Кодрингтона. Турецкій флотъ укрылся въ Наваринской бухтѣ, подъ покровительствомъ сильной крѣпости. Соединенная эскадра не имѣла намѣренія атаковать непріятеля; благородный лордъ, вѣрный исконной политикѣ своей націи, не хотѣлъ рѣшительнаго дѣйствія, могшаго быть гибельнымъ для Турецкаго флота. Корабль Азовъ, по диспозиціи, долженъ былъ первымъ войти въ бухту. Лазаревъ на всѣхъ парусахъ подошелъ на близкое разстояніе, убралъ паруса и сталъ на якорь. Увлеченные соревнованіемъ союзники заняли мѣста въ той же линіи. Говорятъ, что первый выстрѣлъ изъ орудія Турецкаго флота былъ сдѣланъ нечаянно. Какъ бы то ни было, это было сигналомъ къ бою, въ которомъ самая важная и опасная доля досталась кораблю Азовъ, ближайшему къ непріятельскому флоту и береговымъ батареямъ. Сраженіе продолжалось недолго: Турецкій флотъ былъ истребленъ, Наваринъ сдался и былъ занятъ. Корабль Азовъ получилъ много поврежденій и понесъ чувствительную потерю убитыми и ранеными. Кодрингтонъ, прежде знавшій Лазарева, назвалъ его первымъ морякомъ нашего времени. Старшимъ лейтенантомъ на кораблѣ Азовъ былъ тогда П. С. Нахимовъ, а В. А. Корниловъ мичманомъ: два лица особенно пользовавшіяся довѣріемъ Лазарева и сдѣлавшіяся въ послѣдствіи знаменитыми въ Севастопольскую войну. Наваринская битва, а вѣроятно и отзывъ лорда Кодрингтона заставили наше правительство обратить особенное вниманіе на Лазарева. Послѣ Грейга онъ назначенъ (въ 1833 г.) главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ. Онъ былъ въ то время уже вице-адмираломъ и генералъ-адъютантомъ.

Черноморскій флотъ обязанъ Лазареву той славой, которую онъ справедливо заслужилъ, какъ флотъ по преимуществу боевой и практическій. М. П. Лазаревъ имѣлъ страсть къ морю и умѣлъ вдохнуть ее въ своихъ подчиненныхъ, но ему пришлось сначала образовать для себя сотрудниковъ, которыхъ не приготовилъ ему его предмѣстникъ. Во флотѣ было много офицеровъ изъ Грековъ. Бойкіе и расторопные въ младшихъ чинахъ, они въ старшихъ болѣе всего заботились о своихъ выгодахъ, не всегда безгрѣшныхъ. Вообще Черноморскій флотъ у главнаго морскаго начальства былъ пасынкомъ, а Балтійскій любимымъ

сынкомъ. Часто ненадежные офицеры переводились сюда изъ Петербурга, въ видѣ наказанія. Уровень образованія и нравственности между офицерами былъ не высокъ; пьянство было обыкновеннымъ явленіемъ; злоупотребленія по хозяйственому управленію вошли въ пословицу. Севастополь и Николаевъ, исключительно морскіе города, составляли какъ будто отдѣльное государство съ своими законами, обычаями, убѣжденіями и взглядомъ на вещи. Тамъ все поражало моряка своеобразіемъ. Говорили въ шутку, что у моряковъ дважды два не четыре, а пять, но что это между моряками не дѣлало никакого замѣшательства, потому что этотъ выводъ всѣ признавали. Только въ сношеніяхъ съ не моряками это производило недоразумѣнія. На сухопутныя войска моряки смотрѣли съ высоты своего величія, и въ этомъ не всегда были не правы, потому что общій уровень образованія между армейскими офицерами былъ еще ниже.

М. П. Лазаревъ былъ главнымъ командиромъ 18 лѣтъ (1833—1851). Очень многое старое онъ измѣнилъ или замѣнилъ новымъ, но многое осталось нетронутымъ. Онъ приготовилъ много отличныхъ офицеровъ, которые составили славу флота. Заведеніе большаго числа мелкихъ судовъ новаго устройства, и употребленіе ихъ для крейсерства вдоль восточнаго берега Чернаго моря образовало опытныхъ и энергичныхъ командировъ. Я не могу исчислить всѣхъ заслугъ М. П. Лазарева; скажу только, что всѣ его подчиненные, отъ матроса до адмирала, признавали въ немъ строгаго, но справедливаго, разумнаго начальника и непререкаемый авторитетъ во всемъ, чтó относится до морскаго дѣла. Слѣдуетъ однакоже сказать, что въ дѣлѣ фронтовыхъ тонкостей Черноморскій флотъ далеко отставалъ отъ Балтійскаго, и это доставляло сѣвернымъ морякамъ поводъ къ злымъ насмѣшкамъ надъ своими южными сослуживцами.

Въ 1838 г. М. П. Лазареву было 50 лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, коренастъ, съ сѣдыми, коротко обстриженными волосами. Черты лица его были довольно мелки, но выражали добродушіе и энергію. Знавшіе его коротко цѣнили въ немъ человѣка столькоже, какъ и типическаго моряка. Я имѣлъ случай видѣть его въ разныхъ мѣстахъ и положеніяхъ, но могу представить его фигуру не иначе какъ на ютѣ корабля съ зрительной трубой подъ мышкой. Нѣкоторые ставили ему въ упрекъ особенное расположеніе къ нѣсколькимъ лицамъ, которыхъ называли его камариллой. Чтобы понять несправедливость этого упрека, стоитъ только сказать, что эту камариллу составляли: Корниловъ, Нахимовъ, Путятинъ, Метлинъ, Панфиловъ, Истоминъ—

имена принадлежащія славной исторіи Черноморскаго флота. По незнанію, я могъ выпустить нѣкоторыя другія.

Корниловъ въ 1838 г. былъ капитаномъ 2 ранга и начальникомъ штаба на эскадрѣ. Мнѣ онъ показался умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, съ свѣтскими манерами и симпатичной наружностью. Говорятъ, онъ былъ и хорошій морякъ. Въ немъ не было этого общаго практическимъ морякамъ оттѣнка грубоватости и вообще, по развитію и способностямъ, онъ стоялъ выше наибольшей части своихъ товарищей. Онъ былъ ближе всѣхъ къ Лазареву; вѣроятно онъ и тогда мечталъ со временемъ сѣсть на его мѣсто.

Совсѣмъ другаго рода человѣкъ былъ П. С. Нахимовъ. Въ немъ не было ничего бросающагося въ глаза, но это былъ чистый типъ стараго моряка со всѣми его своеобразными оттѣнками. Его всѣ любили и уважали. Во флотѣ онъ былъ извѣстенъ за лучшаго командира корабля. Его слава началась Наваринскою битвою, а кончилась Синопомъ и славною смертью на укрѣпленіяхъ Севастополя. Нахимовъ былъ изъ тѣхъ людей, которые, при случаяхъ, оказываются героями, а не будь случая они бы всю жизнь оставались въ тѣни. Мнѣ доводилось сходиться съ нѣкоторыми другими изъ близкихъ къ Лазареву моряковъ, но я буду говорить о нихъ въ послѣдствіи, а теперь возвращаюсь къ нашему плаванію.

Это было мое первое морское путешествіе, и при какой обстановкѣ! Корабли шли двумя линіями, легкій вѣтерокъ едва надувалъ паруса, море было совершенно покойно. Закатъ солнца привелъ меня въ восторгъ. Я не могъ оторваться отъ этого великолѣпнаго зрѣлища. На противоположной сторонѣ тянулся длинной темною полосою Кавказскій хребетъ. Ночь была лунная, вѣтерокъ подулъ съ берега, воздухъ былъ пропитанъ ароматами. Въ 5 часовъ насъ позвали обѣдать къ адмиралу. Хорошій столъ Англійской кухни и хорошее вино были предложены хозяиномъ съ радушіемъ гостепріимства. Это продолжалось всѣ дни плаванія. Во флотѣ для всѣхъ военныхъ пассажировъ отпускаются порціонныя деньги по чинамъ, поэтому и всѣ офицеры отряда пользовались столомъ въ общей каютъ-компаніи.

Утромъ, 8 числа, погода начала портиться: морской вѣтеръ скрѣпчалъ и сдѣлался противнымъ. Эскадра лавировала, но мало подавалась впередъ. 9 числа вѣтеръ утихъ и сдѣлался мертвый штиль. Корабли начало наваливать другъ на друга. Спустили всѣ гребныя суда, и буксиромъ отводили корабли, слишкомъ сблизившіеся. Эта картина имѣетъ свою комическую сторону: 20 или болѣе баркасовъ, въ одну линію тянутъ огромную массу корабля. Наши сухопутные вспоминали лубочную картину какъ мыши кота хоронятъ. М. П. Лазаревъ

почти не сходилъ съ юта; телеграфъ и сигналы работали непрестанно, но ни шуму, ни суеты не было: всѣ работы экипажъ дѣлалъ бѣгомъ и молча. Слышенъ былъ только голосъ старшаго лейтенанта.

Въ слѣдующіе дни, погода часто измѣнялась; многіе изъ моихъ товарищей страдали отъ морской болѣзни. Качка на кораблѣ для непривычнаго несноснѣе, чѣмъ на малыхъ судахъ. Я вообще морской болѣзни не подвергаюсь, и самая сильная качка производитъ у меня усиленіе аппетита и сонливость.

Только 11 Мая достигли мы устья р. Туапсе и стали на якорь вечеромъ. Десантъ назначенъ на слѣдующее утро.

Высадка войскъ на непріятельскій берегъ есть одна изъ самыхъ трудныхъ военныхъ операцій. Ея успѣхъ зависитъ отъ мѣстности, очертанія морскаго берега, грунта и глубины, а всего болѣе отъ состоянія погоды и отъ предпріимчивости непріятеля. Тотчасъ по высадкѣ части войскъ на берегъ, они заслоняютъ дѣйствіе морской артиллеріи и вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ артиллерія не можетъ быть выгружена въ одно время съ людьми, и во всякомъ случаѣ число выгруженныхъ первымъ рейсомъ съ войсками орудій можетъ быть весьма ограничено. Это самая критическая минута десанта.

12 Мая, на разсвѣтѣ, флотъ приблизился къ берегу и сталъ отъ него въ двухъ кабельтовахъ, т.-е. около полуверсты. Корабли образовали пологую дугу, на оконечностяхъ которой стали фрегаты. Пароходъ Язонъ сталъ еще ближе къ берегу, противъ самаго устья рѣки Туапсе. Долина этой рѣки при устьѣ имѣетъ значительную ширину, которая еще увеличивается тѣмъ, что съ главной долиной сливаются двѣ другія, составляющія русло рѣчки Тешепсъ и другаго ручья, котораго балку впослѣдствіи назвали Екатерининскою. Эта балка, обросшая лѣсомъ, дѣлаетъ, предъ самимъ устьемъ, крутой поворотъ, за которымъ непріятель могъ найти безопасное убѣжище отъ морской артиллеріи. Самый морской берегъ представлялся довольно ровнымъ и открытымъ; а далѣе, по долинѣ, видны были почти сплошныя рощи лиственнаго мелколѣсья. Жилищъ нигдѣ не было видно. Горцы давно знали о нашемъ намѣреніи занять устье Туапсе. Они были въ большомъ сборѣ. Когда флотъ наканунѣ подходилъ къ берегу, видны были толпы пѣшихъ и конныхъ въ разныхъ мѣстахъ; по горамъ горѣли сигнальные огни, а ночью берегъ освѣтился кострами на дальнее разстояніе.

По данному съ адмиральскаго корабля сигналу спустили гребныя суда, которыхъ, по благоразумному распоряженію Лазарева, корабли взяли съ собой почти двойное количество. Начали грузить войска

перваго рейса и съ ними четыре горныхъ единорога, безъ лошадей. Все шло безъ суеты и замѣшательства, по разсчету, сдѣланному Ольшевскимъ и Корниловымъ. Когда нагруженныя гребныя суда выстроились между кораблями, флотъ открылъ огонь по берегу. По условію, обстрѣливанье берега изъ 250 орудій продолжалось $^1/_4$ часа. Трескъ и громъ были страшные, ядра большихъ калибровъ рыли землю и косили деревья. Непріятеля не было видно. По новому сигналу матросы всего флота взбѣжали на ванты съ крикомъ: ура! а гребныя суда дружно двинулись къ берегу, стрѣляя изъ коронадъ, находившихся на носу большей части гребныхъ судовъ; фланговые фрегаты и пароходы продолжали артиллерійскій огонь, пока не были совсѣмъ заслонены десантомъ. Картина была выше всякаго описанія. Раевскій пригласилъ съ собою молодаго живописца Айвазовскаго, который тогда только начиналъ входить въ славу. Онъ изобразилъ именно этотъ моментъ десанта. Его большая картина находится въ Зимнемъ дворцѣ. Знатоки признаютъ ее за одно изъ лучшихъ произведеній Айвазовскаго, который тогда задумывалъ и выполнялъ свои художественныя произведенія не такъ скоро, какъ впослѣдствіи.

Генералъ Раевскій, въ своемъ обычномъ костюмѣ, т.-е. въ рубахѣ съ раскрытой грудью, въ шараварахъ, съ шашкой черезъ плечо, опередилъ гребныя суда на вельботѣ и первый ступилъ на берегъ. Три батальона съ 4 горными единорогами быстро выстроились на берегу и заняли стрѣлками опушку лѣса. Кое-гдѣ началась перестрѣлка, но серьезнаго нападенія не было. Дикари, ошеломленные новымъ для нихъ громомъ, нигдѣ не показывались въ большихъ силахъ. Высадка была сдѣлана лѣвѣе устья Туапсе. Когда же прибылъ второй рейсъ, то мы заняли пониженный хребетъ, спускающійся между Тешепсомъ и Екатерининской балкой. Въ 75 саженяхъ отъ моря, на этомъ хребтѣ оказалась площадка, на которой впослѣдствіи было выстроено укрѣпленіе Вельяминовское. Къ вечеру весь отрядъ расположился лагеремъ и устроилъ засѣки для прикрытія передовыхъ постовъ. Во весь этотъ день у насъ было человѣкъ десятокъ раненыхъ. Флотъ значительно удалился отъ берега; а утромъ адмиралъ Лазаревъ, посѣтивши насъ на новосельѣ, простился съ нами и ушелъ со всѣмъ флотомъ въ море. Я долженъ откровенно сказать, что онъ былъ настоящимъ героемъ этого дня. Подходить съ паруснымъ флотомъ такъ близко къ берегу и еще у Туапсе, не замедлившаго выказать свои гибельныя свойства, по всей справедливости можно назвать больше, чѣмъ смѣлостью.

Вмѣстѣ съ сухопутными войсками съ флота былъ посланъ сводный морской баталіонъ. Матросы были совершенно счастливы этой прогулкой. Они стрѣляли безпрестанно, конечно не по непріятелю, ко-

тораго не видѣли, и успокоились только тогда, когда выпустили всѣ патроны. Раевскій, конечно, съ жаромъ благодарилъ ихъ за храбрость и убѣдительно просилъ Лазарева позволить ему войти съ представленіемъ объ отличившихся, по указанію флотскаго начальства. Отказа, конечно, не было. Вообще, поведеніе Раевскаго съ моряками было очень благоразумно. Моряки побратались съ солдатами; офицеры убѣдились, что успѣхъ нашихъ дѣлъ имъ столько же полезенъ, какъ и намъ, особливо когда увидѣли, что, по представленію Раевскаго, всѣ отличившіеся были щедро награждены.

Н. Н. Раевскій былъ высокаго роста, смуглъ, крѣпко сложенъ и вообще массивенъ. Черты лица его были выразительны; онъ всегда носилъ очки. О наружносги своей онъ не заботился, а о костюмѣ еще менѣе. Въ это время онъ еще не былъ женатъ, и потому его еще нельзя было видѣть иначе, какъ въ рубахѣ съ открытой почернѣвшей отъ солнца грудью и въ шараварахъ. Въ особенныхъ случаяхъ и предъ дамами онъ прибавлялъ къ этому сюртукъ; съ очками и трубкой онъ былъ неразлученъ. Оправдывался онъ тѣмъ, что у него грудь раздавлена заряднымъ ящикомъ во время сраженія; но по его здоровью и по всей его наружности этого нельзя бы было предполагать. Онъ разсказывалъ, что когда ему случилось провести недѣли двѣ въ домѣ графа Воронцова, то графиня, чтобы не лишиться пріятнаго собесѣдника, сшила ему мѣшокъ изъ трехъ юпокъ, и подъ этимъ мѣшкомъ онъ могъ оставаться въ своемъ обычномъ костюмѣ. Вообще онъ не любилъ стѣсняться. Не только въ лагерѣ, но и въ Керчи, онъ нерѣдко въ этомъ костюмѣ отправлялся чрезъ городъ на пароходную пристань, а за нимъ бѣжали два казака-ординарца съ сюртукомъ, изношенной фуражкой и огромнымъ мѣшкомъ табаку.

Кажется, Николай Николаевичъ получилъ домашнее воспитаніе, по тогдашнему времени, очень тщательное, но одностороннее, какъ это обыкновенно было въ то время. Онъ очень хорошо владѣлъ Французскимъ языкомъ, зналъ его литературу, много читалъ; подружившись съ А. С. Пушкинымъ и его кружкомъ, познакомился и съ Русской литературой. Изъ естественныхъ наукъ онъ зналъ только ботанику, которая давала упражненіе его огромной памяти. У него была большая библіотека, въ которой много было Латинскихъ и Греческихъ классиковъ, но во Французскомъ переводѣ. Англійскій языкъ онъ зналъ плохо, а Нѣмецкій еще хуже. Въ то время какъ я его зналъ, онъ на досугѣ занимался только легкимъ чтеніемъ, какъ напр. романами Вальтеръ-Скотта и Купера.

Способности ума Раевскаго были болѣе блестящи, чѣмъ глубоки. У него было много остроумія и особливо доброй, простодушной весе-

лости. Въ его обращеніи всегда видно было что-то искреннее и молодое. Онъ говорилъ и писалъ очень хорошо; впрочемъ вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ диктовалъ; если же самому приходилось написать нѣсколько строкъ, выходила безсмыслица. У него мысль далеко опережала механизмъ руки. Къ серьезному и усидчивому труду онъ былъ не способенъ. Однажды ему пришла мысль написать исторію Стеньки Разина. Онъ собралъ много матеріаловъ, нѣсколько рѣдкихъ свѣдѣній и документовъ, началъ и бросилъ.

Николай Николаевичъ не отличался особенною твердостью характера и еще менѣе твердостью политическихъ убѣжденій. Въ молодости онъ увлекался героями первой Французской революціи и былъ замѣшанъ въ драмѣ, кончившейся кровавою развязкою 14 Декабря, но счастливо отдѣлался. Впрочемъ, главныя лица въ тайныхъ обществахъ относились къ нему недовѣрчиво. Большую часть Декабристовъ, которые присылались къ нему для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ прежде зналъ лично, но теперь не хотѣлъ узнавать и ни съ кѣмъ изъ нихъ не говорилъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что раскаявшійся грѣшникъ готовъ былъ по пути исправленія идти далѣе предѣловъ, которые указываютъ совѣсть и уваженіе къ самому себѣ. На эту мысль меня навело одно обстоятельство, которое мнѣ хотѣлось бы приписать если не какимъ-либо уважительнымъ побужденіямъ, то по крайней мѣрѣ легкомысленному увлеченію. Религіозныхъ убѣжденій у него никакихъ не было; его вѣра была полное равнодушіе къ вѣрѣ. О Богѣ онъ вспоминалъ только въ минуты тяжкой болѣзни.

Раевскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ, былъ адъютантомъ Дибича, а потомъ командовалъ Закавказскимъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и дѣлалъ войну 1826, 28, 29 г. въ Персіи и Азіатской Турціи. Этотъ старый Кавказскій полкъ давно заслужилъ почетную извѣстность. Въ эти войны на его долю досталось нѣсколько удачныхъ и блестящихъ дѣлъ, которыя молодой полковой командиръ конечно безъ особенной скромности сдѣлалъ извѣстными. Главнокомандующій Паскевичъ показывалъ ему особенное расположеніе; въ главной квартирѣ у него было множество друзей. Извѣстно, что это стоитъ не дешево, а Раевскій былъ не богатъ. Средства для широкаго гостепріимства доставлялъ полкъ или, лучше сказать, казна.

Раевскій не только ничего не упускалъ, но едва ли не бралъ съ казны болѣе своихъ предмѣстниковъ. Все это шло на улучшеніе полка и быта нижнихъ чиновъ и на представительность. Раевскій всегда былъ выше всякаго подозрѣнія въ любостяжаніи. По окончаніи войны, какое-то нелѣпое обстоятельство навлекло на него гнѣвъ и преслѣдо-

ваніе Паскевича. Онъ былъ отчисленъ генералъ-маіоромъ по кавалеріи и отправился въ свое маленькое имѣніе Тесели, на южномъ берегу Крыма. На половинѣ пути у него уже недостало денегъ на прогоны, и онъ занялъ 300 рублей у ближайшаго помѣщика. Вообще, надобно сказать, что личное хозяйство его было всегда въ большомъ безпорядкѣ. Знатокъ въ гастрономіи, онъ ѣлъ что̀ попало и цѣлый день пилъ чай, который варили ему, какъ декоктъ, ординарцы, линейные казаки. Жизнь велъ онъ безпорядочную: цѣлый день лежалъ почти раздѣвшись, а ночью занимался дѣлами, читалъ или диктовалъ. Физически онъ былъ крайне лѣнивъ, но умъ его былъ всегда въ работѣ. Въ обществѣ его невозможно было не замѣтить. Вездѣ онъ старался взять на себя первую или, по крайней мѣрѣ, видную роль. Его самолюбіе доходило иногда до тщеславія. Иногда, чтобы выдѣлиться изъ толпы, онъ выдумывалъ въ себѣ пороки, которыхъ не имѣлъ. Такъ онъ часто говорилъ: «Я самъ трусъ и люблю трусовъ. Храбрецы — вредные люди: они не довольствуются честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, а ищутъ отличій, предоставляя своимъ товарищамъ и подчиненнымъ расплачиваться своей шкурой за ихъ безполезные подвиги». Конечно, онъ совсѣмъ не былъ трусъ, но его военныя и административныя способности были не блестящи. Свои безпорядочныя привычки и занятія онъ вносилъ и въ свою администрацію; но онъ былъ счастливъ въ выборѣ людей и умѣлъ заставить ихъ работать. Однажды онъ спросилъ только что пріѣхавшаго къ нему изъ Петербурга флигель-адъютанта Баранова: «Что̀ у васъ говорятъ обо мнѣ? Вѣроятно, говорятъ, что я дуракъ и что за меня все дѣлаетъ N? Я вамъ скажу, любезный другъ, по секрету: я дѣйствительно глупъ, но ему велѣлъ быть умнымъ».

Въ служебныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ онъ не напускалъ на себя важности и все дѣлалъ какъ будто шутя. Диктуя самую серьозную бумагу, онъ не могъ удержаться, чтобы не ввернуть какую-нибудь остроту, насмѣшку или намекъ. Его языка и пера очень боялись въ Ставрополѣ и въ Тифлисѣ. Въ сношеніяхъ съ Петербургомъ онъ показалъ большую ловкость. Всѣ его донесенія туда были тщательно выглажены и имѣли много саркастическаго юмору и вообще оригинальнаго. Онъ былъ плохой подчиненный и то, что̀ онъ часто писалъ о своихъ непосредственныхъ начальникахъ никому другому не сошло бы съ рукъ, а его донесенія Государь читалъ съ удовольствіемъ, хохоталъ и приказывалъ военному министру разрѣшить или дать то, чего Раевскій проситъ. Я долженъ сказать, что въ этихъ донесеніяхъ не всегда была строгая правда; особливо съ цыфрами Николай Николаевичъ не церемонился. Однажды при мнѣ онъ диктовалъ донесеніе,

въ которомъ, между прочимъ, говорилъ, что разстояніе между двумя извѣстными укрѣпленіями 80 верстъ. Я, какъ офицеръ генеральнаго штаба, счелъ своею обязанностью сказать, что тутъ только 35 верстъ. Онъ поглядѣлъ на меня серьозно и спросилъ: «Cela vous fera-t-il du «tort si j'écris 80 verstes?—Non certainement, mais.. — Eh bien, allez toujours, сказалъ онъ и потомъ съ тою же серьезностью продолжалъ диктовать: «отъ Новороссійска до Геленджика 60 верстъ».—Suis-je généreux? Je vous fais cadeau de 20 verstes» *). А дѣло было въ томъ, что ему нужно было доказать невозможность двинуться съ отрядомъ отъ одного мѣста въ другое.

Раевскій любилъ общество молодыхъ людей, любилъ хорошій столъ и хорошее вино, въ чемъ былъ и знатокъ, но легко обходился безъ всякихъ прихотей. Между молодежью онъ былъ веселъ, шутливъ и никого не стѣснялъ; не смотря на то, каждый изъ его веселыхъ собесѣдниковъ ни на минуту не забывалъ его служебнаго положенія. Его всѣ любили. Молодые офицеры, прикомандированные изъ гвардіи и изъ арміи для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, возвращаясь въ Петербургъ, разсказывали объ немъ множество анекдотовъ, которые достигали самыхъ высшихъ сферъ и придавали его фигурѣ какое-то фантастическое освѣщеніе. Впрочемъ, при его связяхъ и родствѣ въ высшемъ кругу, онъ хорошо зналъ всѣ отношенія лицъ и всегда находилъ возможность услужить дядюшкамъ и тетушкамъ, доставляя награды ихъ племянничкамъ. Безусловно похвалить этого конечно нельзя; но извинить можно только тѣмъ, что на Кавказѣ всѣ и всегда дѣлали тоже самое.

Вотъ я много написалъ о личности Н. Н. Раевскаго; но чувствую, что не сказалъ довольно, чтобы обрисовать эту фигуру, оригинально и рельефно выдающуюся изъ толпы. Лично я ему много обязанъ. Съ самаго начала нашего знакомства, онъ показывалъ мнѣ особенное расположеніе, которое, постепенно увеличиваясь, дошло до какой-то отеческой нѣжности, хотя разность нашихъ лѣтъ не такъ велика, чтобы я могъ быть ему сыномъ.

Донесеніе о десантѣ на Туапсе сдѣлано было очень ловко; картина десанта выставлена рельефно и яркими красками; приложены всѣ разсчеты войскъ по кораблямъ, порядокъ самой высадки, разсыпаны перлы похвалъ флоту и войскамъ, но ни слова не упомянуто о самомъ начальникѣ отряда. Въ Петербургѣ всѣ, начиная отъ Государя,

---

*) „Отъ этого развѣ васъ убудетъ, если я напишу 80 верстъ“.—„Нѣтъ, конечно; но....“—„И такъ продолжайте. Я ли не великодушенъ? Дарю вамъ 20 верстъ.

были довольны. Раевскій вошелъ въ моду и сдѣлался популяренъ. Государь пожаловалъ ему чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ Бѣлаго Орла. Вмѣстѣ съ донесеніемъ Раевскій послалъ письмо военному министру князю Чернышеву, въ которомъ просилъ для пользы службы о производствѣ меня въ подполковники. Высочайшій приказъ о моемъ производствѣ подписанъ 11 Іюня 1838 г. Обѣ эти награды военный министръ сообщилъ Раевскому съ особеннымъ фельдъегеремъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о новой личности, съ которою я познакомился. Это былъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, младшій братъ великаго поэта, извѣстный болѣе подъ именемъ Левушки. Въ то время онъ былъ капитаномъ, состоялъ по кавалеріи и при генералѣ Раевскомъ, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ литературномъ кружкѣ, гдѣ были лучшіе тогдашніе молодые писатели; личность Льва Пушкина была охарактеризована двумя стихами:

„А Левушка нашъ радъ,
„Что брату своему онъ братъ".

Между братьями было большое наружное сходство, кромѣ цвѣта кудрявыхъ волосъ на головѣ: у поэта они были черные, а у брата почти бѣлые. Поэтому онъ называлъ себя бѣлымъ арапомъ. Левъ Пушкинъ былъ хорошо образованъ, основательно зналъ Французскую и особенно Русскую литературу; сочиненія своего брата онъ зналъ наизусть и прекрасно ихъ читалъ. Вообще онъ имѣлъ замѣчательную чуткость къ красотамъ литературы. Онъ былъ пріятный и остроумный собесѣдникъ; искренняя веселость, крайняя беззаботность и добродушіе невольно привлекали къ нему; но нужно было его хорошо узнать, чтобы другіе недостатки и даже пороки не оттолкнули отъ него. Онъ слишкомъ любилъ веселую компанію, пилъ очень много; но я не видалъ его пьянымъ. Образъ жизни велъ самый безпорядочный и даже выдумывалъ на себя грязные пороки, которыхъ, можетъ быть, и не имѣлъ. Общество великосвѣтской молодежи втянуло его съ дѣтства въ свой омутъ и сдѣлало его какимъ-то Россійскимъ кревё *). Впослѣдствіи онъ былъ членомъ Одесской таможни, женился и сталъ вести порядочную жизнь. Послѣднему желалъ бы вѣрить, потому что чувства добра и чести въ немъ не заглохли подъ корою легкомысленной распущенности нравовъ.

---

*) Crévé—забулдыга.

Пушкинъ былъ почти неразлученъ съ генераломъ Раевскимъ. Последній былъ большой мастеръ утилизировать людей, но не могъ заставить Пушкина заниматься чѣмъ-нибудь серьёзно, кромѣ писанія подъ его диктовку. Кажется, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку онъ былъ его адъютантомъ; по крайней мѣрѣ, объ этой эпохѣ онъ шутя говорилъ: «когда мы съ генераломъ Раевскимъ командовали Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ». Если это правда, то я сомнѣваюсь въ особенномъ благоустройствѣ того полка.

Однообразіе бивуачной жизни во время постройки укрѣпленія было въ этомъ году еще болѣе томительно, чѣмъ въ предшествовавшемъ. При отрядѣ было не такъ много лошадей, и онѣ довольствовались привозимымъ на суднахъ пресованнымъ сѣномъ. Фуражировокъ, которыя разнообразили бивуачную жизнь, совсѣмъ не дѣлалось. Скука и недостатокъ движенія имѣли вліяніе на здоровье войскъ, особливо когда начались лѣтніе жары и неразлучныя съ ними перемежающіяся лихорадки. Мѣсто занятое лагеремъ, особливо по берегу Туапсе, было покрыто лѣсомъ и густыми кустами. Когда все это было вырублено и мѣстность обнажена на ружейный выстрѣлъ отъ засѣки, солнечные лучи потянули міазмы изъ сырой почвы и особенно усилили лихорадки. Это же было и въ послѣдующіе годы, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣзни дѣлались упорнѣе. Въ 1837 г. отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ барона Розена, занялъ и выстроилъ укрѣпленіе при устьи р. Мдзымты, въ землѣ Джигетовъ. Изъ этого отряда едва ли третья часть вернулась, остальная сдѣлалась жертвою климата вреднаго, на рѣкѣ Мдзымтѣ и еще болѣе губительнаго въ кр. Поти, гдѣ былъ устроенъ общій для отряда госпиталь. Онъ былъ снабженъ всѣмъ для 600 больныхъ, а ихъ бывало до 1.500. Врачи терпѣли столько же, какъ и больные. Были случаи, что изъ всего медицинскаго персонала оставались на ногахъ фельдшеръ и цирульникъ. Первый визитировалъ больныхъ, варилъ для всѣхъ укрѣпительную микстуру (mixtura roborans, которую солдаты называли *рубанецъ*) или же дѣлалъ порошки такого же невиннаго свойства. Выборъ одного изъ этихъ лекарствъ предоставлялся больнымъ. Ихъ разносилъ по палатамъ, въ ведрѣ и мѣшкѣ, цирульникъ, человѣкъ суроваго нрава, исправлявшій должность всѣхъ фельдшеровъ и потому не позволявшій больнымъ долго его задерживать. Мнѣ это разсказывали два очевидца, бывшіе въ то время солдатами и находившіеся за болѣзнью въ Потійскомъ госпиталѣ, и однакоже они остались живыми. Выздоравливали и другіе. Это однакоже никакъ не говоритъ въ пользу нашихъ госпиталей, особенно на Кавказѣ. Полковые лазареты большею частью были несравненно лучше. Полковымъ командирамъ давались большія средства для ихъ со-

держанія и, при вниманіи главнаго начальства, между полковыми командирами являлось соревнованіе въ улучшеніи лазаретовъ и содержаніи больныхъ. Раевскій мнѣ разсказывалъ, что во время войны въ Азіятской Турціи (1828 — 1829 г.) у нихъ однажды долго не было при войскахъ маркитантовъ, такъ что и въ главной квартирѣ не было бутылки вина. Вдругъ пріѣхалъ какъ-то маркитантъ Нижегородскаго драгунскаго полка и привезъ нѣсколько дюжинъ бутылокъ хорошаго портвейну. Раевскій купилъ все вино и приказалъ давать его выздоравливающимъ въ лазаретѣ. Главнокомандующій присылалъ къ нему просить для себя хотя одну бутылку. Раевскій отвѣчалъ, что вино назначено исключительно для выздоравливающихъ въ его лазаретѣ, и что постороннее лицо можетъ получить его не иначе, какъ поступивши въ его лазаретъ. Правда, что это было въ то время, когда Раевскій былъ въ большой милости у Паскевича. И, не смотря на щедрыя средства, которыя давались на полковые лазареты, ихъ содержаніе обходилось гораздо дешевле гошпиталей, которые издавна были излюбленнымъ поприщемъ грабительства безчисленнаго множества учрежденій и лицъ, начиная съ коммисаріатскаго департамента до смотрителя гошпиталя.

Когда лагерь вполнѣ устроился и окружился прочною и высокою засѣкою, горцы оставили насъ въ покоѣ. Только изрѣдка, по ночамъ, они подползали и дѣлали нѣсколько выстрѣловъ безвредныхъ, но производившихъ тревогу въ лагерѣ. Впрочемъ, такія ночныя тревоги часто происходили и не отъ горцевъ, а отъ свѣтящихся бабочекъ, которыхъ прерывчатый свѣтъ аванпосты принимали за сигналы горцевъ и открывали ружейный огонь по всей линіи. Мирныхъ сношеній съ горцами у насъ совсѣмъ не было; лазутчики говорили, что кругомъ лагеря строгіе караулы и всѣмъ измѣнникамъ назначена безпощадная смерть. Однакоже, не только лазутчики, но и наши плѣнные часто проходили безнаказано. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ по десятку лѣтъ находились у горцевъ, терпѣли большую нужду и дурное обращеніе, и теряли надежду когда-нибудь избавиться отъ плѣна. Неожиданное появленіе Русскаго отряда на Туапсе оживило ихъ. Впрочемъ, былъ и добровольный выходецъ. Однажды поднялась частая пальба въ цѣпи. Изъ лѣсу показался днемъ человѣкъ, котораго приняли за горца. Это былъ старикъ за 80 лѣтъ, едва прикрытый рубищемъ. Онъ былъ родомъ изъ Крыма и провелъ 68 лѣтъ въ тяжкой неволѣ. Старикъ почти одурѣлъ и разсказывалъ, что хозяинъ отказался его кормить и *выбросилъ его на волю.* Конечно, ни одна наша пуля въ него не попала, но старикъ упалъ на камни и разсѣкъ себѣ колѣно, отчего и умеръ, проживъ въ лагерѣ недѣли двѣ. Забавно

было слышать, съ какимъ участіемъ онъ уговаривалъ насъ уходить скорѣе, пока Крымскій ханъ не узналъ: иначе онъ ни одного изъ насъ живымъ не выпуститъ.

Конецъ Мая ознаменовался страшною бурею, которая по всему восточному берегу Чернаго моря причинила судамъ много бѣдствій 30 Мая съ утра воздухъ былъ тяжелъ, и горизонтъ на Западѣ мраченъ, но вѣтра совсѣмъ не было. На рейдѣ Туапсе были военныя суда: пароходъ Язонъ, бригъ Ѳемистоклъ, тендера: Лучъ и Скорый транспортъ Ланжеронъ, и восемь купеческихъ судовъ, привезшихъ разные грузы для отряда. Съ моря шла юго-западная зыбь и быстро увеличивалась. Моряки ясно видѣли приближеніе бури, но парусныя суда не могли сняться при совершенномъ безвѣтріи; а пароходъ, кажется, упустилъ время, не ожидая опасности. Съ полудня вѣтеръ скрѣпчалъ и скоро обратился въ штормъ. Сняться съ якоря сдѣлалось уже невозможнымъ. Вѣтеръ дулъ отъ Зюдъ-Веста, т.-е. прямо на берегъ; рейдъ Туапсе образуетъ углубленіе берега, ограниченное съ Сѣверо-Востока выдающимся мысомъ; теченіе въ морѣ было юго-восточное. На какой бы галсъ ни снялось судно, оно будетъ выброшено на берегъ, прежде чѣмъ успѣетъ взять ходъ. Этотъ опасный рейдъ никому не былъ извѣстенъ, и потому суда, для удобнѣйшей выгрузки, стояли довольно близко къ берегу. На пароходѣ были готовы пары, всѣ суда отдали вторые якоря, но и это не помогло. Вѣтеръ и волненіе достигли такихъ страшныхъ размѣровъ, что суда дрейфовало съ якорями. Большое трехмачтовое судно, подъ Австрійскимъ флагомъ, стоявшее ближе къ берегу, видя неминуемую бѣду, обрубило якоря и какъ щепка было выброшено на берегъ. Экипажъ спасся, кромѣ одного матроса, который былъ раздавленъ другимъ судномъ, наброшеннымъ на Австрійца. Это было небольшое двухмачтовое судно Херсонской постройки. Оно ударилось срединою борта въ носъ Австрійскаго, и такова была сила вѣтра и прибоя, что Херсонецъ былъ какъ бы разрѣзанъ пополамъ, и его носъ сошелся съ кормою. Вслѣдъ затѣмъ море стало выбрасывать и остальныя, сначала купеческія, а потомъ и военныя суда. Одинъ тендеръ Скорый успѣлъ срубить мачту. Онъ былъ выброшенъ противъ устья Туапсе. Изъ остальныхъ судовъ: Ланжеронъ выброшенъ внутри расположенія лагеря, какъ и всѣ купеческія суда; но тендеръ Лучъ и бригъ Ѳемистоклъ были выброшены за Туапсе, въ 150 саженяхъ отъ нашихъ аванпостовъ, и подъ самою горою, образующею лѣвую оконечность долины Туапсе. Пароходъ долго держался, помогая якорямъ дѣйствіемъ машины, но наконецъ, когда волненіемъ залило огонь въ печахъ, Язонъ былъ выброшенъ на берегъ, внутри расположенія отряда.

Крушеніе судовъ продолжалось за полночь. Буря ревѣла такъ, что на берегу нельзя было слушать человѣческаго голоса, дождь лилъ всю ночь, и отъ вѣтра трудно было держаться на ногахъ. На берегу никто не сомкнулъ глазъ во всю эту страшную ночь. Всѣхъ давило чувство полной невозможности помочь гибнущимъ.

День 31 Мая освѣтилъ страшную картину. Всѣ тринадцать судовъ были на берегу. Пароходъ былъ выброшенъ саженяхъ въ 30-ти отъ берега, но всѣ наши усилія передать на пароходъ конецъ каната оказались безплодными. Экипажъ не могъ держаться на палубѣ, съ которой волненіе уже смыло нѣсколько матросовъ. Всѣ бросились на ванты и тамъ провели всю ночь. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ лейтенантъ Бефани и одинъ мичманъ, раздѣлись и бросились въ воду, надѣясь доплыть до берега. Всѣ они погибли и унесены въ море. Командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Хомутовъ, сидѣлъ на вантѣ, ниже его машинистъ Англичанинъ Шоу и нѣсколько матросовъ, надъ ними лейтенантъ Данковъ и одинъ матросъ. Пароходъ раскачивало волненіемъ и било килемъ о каменистое дно. Данковъ былъ хорошій пловецъ; онъ и матросъ раздѣлись и, выждавъ минуту, бросились въ море, но матросъ запутался въ такелажѣ, а Данкова на лету ухватила за ногу какая-то болтавшаяся около мачты веревка. Несчастнаго ударило о мачту и размозжило ему голову; матросъ имѣлъ туже участь, но трупъ его висѣлъ за руку. Хомутовъ и Шоу не умѣли плавать. Шоу былъ въ долгополомъ, незастегнутомъ сюртукѣ, который, какъ и его густые кудрявые волосы, развѣвался по вѣтру; окровавленные трупы Данкова и матроса висѣли на равнѣ съ Англичаниномъ и при каждомъ наклоненіи парохода били его по лицу. Картина была фантастическая и отвратительная. Къ полудню 31 Мая буря начала утихать, но волненіе и прибой были огромные. Когда волна отступала отъ берега, пароходъ былъ не болѣе какъ въ 25 шагахъ въ водѣ, но это пространство невозможно было переплыть, потому что новая волна съ моря выбрасывала обратно на берегъ. Попробовали за отливающею волною подкатить чугунное 12-фунтовое орудіе на крѣпостномъ лафетѣ, чтобы имѣть твердую точку въ концѣ отлива: первая же волна выбросила на берегъ какъ щепку и орудіе, и лафетъ. Раевскій все время былъ на берегу и принималъ живое участіе въ спасеніи погибающихъ. На вантахъ парохода были, кромѣ капитана и машиниста, еще нѣсколько матросовъ; всѣ же тѣ, которые бросились вплавь, погибли. Вѣтеръ утихалъ. Раевскій, по колѣна въ водѣ, закричалъ: «Эй, молодцы, 500 р. тому, кто спасетъ капитана!» Бросились вплавь линейный казакъ и горнистъ Тенгинскаго полка. Нѣсколько сотъ человѣкъ смотрѣли съ замираніемъ сердца на ихъ

отчаянныя усилія; три раза волна выбрасывала ихъ на берегъ, въ четвертый имъ удалось добраться до парохода. Каждый изъ нихъ имѣлъ конецъ бичевки, которой другой конецъ былъ на берегу. Такимъ образомъ сообщеніе было устроено: бичевкой перетянули толстую веревку, а держась за нее, можно почти безопасно достигнуть берега. Капитанъ и матросы были спасены, но мистеръ Шоу упорно держался на вантѣ и рѣшился ждать окончанія бури. Онъ уже 18 часовъ былъ въ этомъ положеніи; можно было опасаться, что силы окончательно измѣнятъ ему, и онъ упадетъ въ море. Раевскій приказалъ снять его съ ванты насильно и на веревкѣ перетащить на берегъ. Въ этой операціи была комическая сторона, развеселившая солдатъ. Вытащенный на берегъ, Шоу отдалъ соленую воду, которой наглотался во время своего невольнаго движенія по водѣ и подъ водой, но чувствъ не потерялъ, а, увидя Раевскаго, сказалъ по-англійски: «послѣ Бога—вы, генералъ».

Тѣмъ не кончились бѣдствія этого дня. Я уже сказалъ, что военный бригъ Ѳемистоклъ и тендеръ Лучъ были выброшены, внѣ лагеря, саженъ 150 за Туапсе и у самаго подножія покрытой лѣсомъ горы. Военныя суда были пробиты и затоплены водою; экипажъ не могъ ничего спасти и даже не могъ взять съ собою никакого оружія. Оба судна почти повалило на бокъ къ сторонѣ горы. Это было уже ночью. До утра все было спокойно; но съ разсвѣтомъ, горцы, увидя положеніе выброшенныхъ судовъ и зная, что чрезъ рѣку не можетъ быть перехода, стали спускаться съ горы и стрѣлять по матросамъ, толпившимся около своихъ судовъ. Командиры послали часть своего экипажа въ лагерь, но получили только извѣстіе о невозможности перейти рѣку. Между тѣмъ горцы, подстрекаемые жадностью къ добычѣ и беззащитностью матросовъ, стали подходить ближе и наконецъ по одиночкѣ бросались къ судамъ съ шашками. Моряки вооружились веслами и всѣмъ чтó было подъ рукою и стали отступать по открытому морскому берегу къ устью Туапсе. При этомъ доходило дѣло и до рукопашной схватки. Одинъ матросъ такъ сильно ударилъ горца весломъ, что его унесли; но конечно, всѣ эти несчастные сдѣлались бы жертвою звѣрства Черкесовъ, хорошо вооруженныхъ, еслибы жадность къ грабежу оставленныхъ судовъ не отвлекла послѣднихъ. Пока моряки не собрались къ устью рѣки, артиллерія изъ лагеря мало могла быть намъ полезною, а потомъ стала обстрѣливать картечью суда и пробиравшихся взадъ и впередъ горцевъ. Послѣдніе при грабежѣ судовъ показали храбрость и самоотверженіе, достойныя лучшаго повода; вѣроятно были у нихъ убитые и раненые.

Въ лагерѣ между тѣмъ изыскивали всѣ средства, чтобы устроить сообщеніе чрезъ рѣку. Еслибы ночь застала моряковъ въ такомъ положеніи, горцы ихъ непремѣнно истребили бы въ нашихъ глазахъ, при совершенной невозможности подать имъ помощь. Туапсе, чрезъ которую въ обыкновенное время вездѣ можно было перейти въ бродъ, ревѣла теперь съ страшною быстротою и несла въ море карчи и цѣлыя деревья. Въ это время я былъ тутъ. Солдаты добыли лодку съ одного разбитаго судна; но многіе утверждали, что въ ней невозможно достигнуть другаго берега, чтобы передать туда конецъ веревки. Ширина рѣки была не болѣе пяти сажень, русло дѣлало поворотъ вправо передъ самымъ впаденіемъ въ море. Мнѣ казалось, что если гребцы и не въ состояніи будутъ удержаться на веслахъ, то ихъ теченіемъ выброситъ въ изгибѣ русла. Какъ бы то ни было, я сказалъ слово, въ которомъ и теперь раскаиваюсь: «Неужели между Русскими людьми не найдется нѣсколькихъ человѣкъ, которые бы попытались спасти своихъ гибнущихъ товарищей?» Тутъ были аванпосты Навагинскаго полка, въ толпѣ были большею частью Навагинцы, тутъ же былъ и командиръ Навагинскаго полка, полковникъ Полтининъ. Послѣдній повторилъ мои слова. Мигомъ бросились въ воду пять Навагинцевъ. Съ ними же хотѣлъ ѣхать л.-г. Финляндскаго полка подпоручикъ графъ Толстой, но Полтининъ его не пустилъ. Отважные Навагинцы не успѣли оттолкнуться отъ берега, потокъ ухватилъ ихъ и на срединѣ рѣки опрокинулъ лодку: мы на мгновеніе увидѣли только пять головъ; мутныя воды все поглотили, а пустую лодку набросило на тендеръ Скорый, выброшенный близъ устья рѣки. Миръ душѣ ихъ!.. До сихъ поръ не могу простить себѣ того, что легкомысленно и безъ крайней нужды сказалъ слово, которое стоило жизни пяти человѣкъ. А крайней нужды въ этой жертвѣ дѣйствительно не было. Ольшевскій съ четырьмя баталіонами поднялся вверхъ по Туапсе, въ трехъ верстахъ нашелъ бродъ и, перейдя рѣку, не безъ большаго труда занялъ гору и тѣмъ прикрылъ выброшенныя у подножья суда. При этомъ была довольно сильная перестрѣлка, продолжавшаяся до самой ночи. Наши войска вырубили лѣсъ до гребня и устроили прочную засѣку. При этомъ мы потеряли около 20 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, при крушеніи-же судовъ погибли: три офицера и 46 нижнихъ чиновъ, преимущественно съ парохода Язонъ.

Утромъ 1 Іюня буря совершенно утихла, рѣка пришла въ прежнее положеніе, моряки безъ труда перешли на нашу сторону; у нихъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ; только командиръ тендера Лучъ, лейтенантъ Панфиловъ получилъ на ногѣ сильный ушибъ, заставившій его пролежать недѣли двѣ. Выброшенныя на берегъ

суда представляли печальную картину. Пока продолжалась буря и сильный прибой, пароходъ Язонъ былъ въ 30 саженяхъ отъ берега; теперь море было спокойно, и онъ оказался весь на сушѣ. Тендеръ Скорый, безъ мачты, былъ почти заброшенъ голышемъ и пескомъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ похороненъ съ 12 орудіями и всѣмъ, чтó на немъ было. По осмотрѣ военныхъ судовъ особою коммиссіею оказалось только, что тендеръ Лучъ и пароходъ Язонъ можно было надѣяться снять; а потому рѣшено было бригъ Ѳемистоклъ и транспортъ Ланжеронъ сжечь, обобравъ съ нихъ все, чтò могло быть годно.

Донесеніе объ этомъ несчастномъ событіи было сдѣлано очень ловко и съ подробностями, которыхъ серьёзная сторона не мѣшала литературному достоинству и драматизму *). Къ донесенію приложены: актъ коммиссіи моряковъ о причинахъ, ходѣ и послѣдствіяхъ крушенія и донесенія командировъ судовъ о ихъ распоряженіяхъ во время крушенія. Всѣ эти документы, какъ и самая реляція Раевскаго, были наполнены, а иногда и переполнены, варварскими названіями разныхъ снастей, парусовъ и другихъ судовыхъ предметовъ, названіями, которыя Раевскій слышалъ едвали не въ первый разъ въ жизни. Это сообщало комическій оттѣнокъ, который, говорятъ, принесъ свою пользу. Государь читалъ донесеніе Императрицѣ, которая плакала, слушая о бѣдствіяхъ моряковъ; а за тѣмъ всѣ расхохотались, когда, какъ градъ, посыпались бомъ-брамъ-шкоты, марса-драйрепы со всей Голандской тарабарщиной.

Моряки ожидали, что ихъ отдадутъ подъ судъ, какъ этого требуютъ морскіе законы; а вмѣсто того они получили по три и по четыре награды. Это сдѣлало Раевскаго чрезвычайно популярнымъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Особливо благодаренъ былъ ему адмиралъ Лазаревъ. Въ числѣ командировъ выброшенныхъ судовъ были: капитанъ-лейтенантъ Метлинъ и лейтенантъ Панфиловъ, которыхъ Лазаревъ отличалъ, какъ офицеровъ, подававшихъ большія надежды. Оба они были произведены въ слѣдующіе чины. Въ послѣдствіи Н. Ѳ. Метлинъ былъ морскимъ министромъ, а теперь (1877 г.) членомъ Государственнаго Совѣта. Это человѣкъ умный, способный и честный; но сослуживцы находили, что его строгость, особенно съ матросами, доходила часто до жестокости. А. И. Панфиловъ былъ человѣкъ другаго рода. Это была олицетворенная доброта и честность. Отличный практическій морякъ, онъ былъ довольно плохо образованъ. Умствен-

---

*) Читатели Р. Архива помнятъ, съ какою простотою и достоинствомъ извѣщалъ объ этомъ бѣдствіи М. П. Лазаревъ морскаго министра князя Меншикова. П. Б.

ныя способности его были не выше средняго уровня, но самыми замѣчательными чертами его характера были: чувство долга, энергія и беззавѣтная храбрость, безъ всякаго притязанія на эффектъ. На берегу онъ любилъ весело пожить, на морѣ-же былъ строгій и справедливый начальникъ. Въ послѣдствіи онъ участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи, командуя эскадрою пароходовъ, получилъ Георгія 3-й степени за оборону Севастополя, гдѣ все время безотлучно былъ начальникомъ 3-го отдѣленія обороны, былъ нѣкоторое время главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ и умеръ въ 1873 году адмираломъ и членомъ Адмиралтействъ-совѣта. Съ перваго знакомства и до самой его смерти я былъ съ нимъ въ искренней дружбѣ. Да будетъ миръ душѣ его!

На тендерѣ Лучъ былъ лейтенантомъ Гр. Ив. Бутаковъ, юноша, недавно выпущенный изъ морскаго корпуса, довольно вялый, съ тоненькимъ, почти дѣтскимъ голоскомъ. Ему часто доставалось отъ его энергическаго командира, который за глаза называлъ его «гунявымъ» и ничего путнаго отъ него не ждалъ въ будущемъ. Признаюсь, и я объ немъ имѣлъ тоже мнѣніе, и оба мы очень ошиблись. Теперь (1877 г.) Г. И. Бутаковъ—генералъ-адъютантъ и едва ли не лучшій адміралъ въ нашемъ флотѣ.

Въ половинѣ Іюня намъ дали знать, что къ намъ на Туапсе прибудетъ корпусный командиръ, генералъ Головинъ. Раевскій приготовилъ ему военную встрѣчу и съ особенной заботливостью устроилъ ему помѣщеніе въ только что оконченномъ береговомъ блокгаузѣ. Головинъ былъ тронутъ такимъ вниманіемъ и обвороженъ самимъ Раевскимъ. Съ нимъ былъ маіоръ Н. Н. Муравьевъ, состоявшій при немъ по особымъ порученіямъ *). Объ этой замѣчательной личности много можно бы сказать, но я надѣюсь имѣть къ тому случай впослѣдствіи, такъ какъ судьба насъ сблизила службой на береговой линіи. Н. Н. Муравьевъ былъ у Головина адъютантомъ въ Польскую войну, потомъ вышелъ въ отставку и снова вступилъ въ службу, когда Головинъ былъ назначенъ на Кавказъ. Онъ былъ искренне преданъ Головину и служилъ ему перомъ и головою. Николай Николаевичъ былъ моихъ лѣтъ, малаго роста, съ чертами лица довольно тонкими и подвижными, съ глазами, въ которыхъ было много ума, но было и что-то фальшивое. Главною чертою его характера было честолюбіе, и для достиженія своей цѣли онъ не стѣснялся излишнею разборчивостью въ средствахъ. На Головина онъ имѣлъ огромное

---

*) Впослѣдствіи графъ Амурскій. П. Б.

вліяніе. Между товарищами онъ казался добрымъ малымъ, любилъ дружескую бесѣду за бутылкою вина; но, проведши такъ всю ночь, онъ могъ цѣлый день работать перомъ, а работалъ онъ скоро и хорошо. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду, и неожиданности его не удивляли. Съ перваго знакомства я съ нимъ сошелся, и нѣсколько времени мы были дружны, пока черная кошка между нами не пробѣжала.

На берегу давно шла усиленная работа снятія съ мели военныхъ судовъ. Тендеръ Лучъ снятъ безъ труда, но пароходъ Язонъ долго не поддавался всѣмъ усиліямъ. Всѣми работами распоряжался Серебряковъ. Все необходимое было прислано изъ Севастополя на пароходѣ Колхида, который поступилъ въ распоряженіе Раевскаго. День и ночь отливали воду и затягивали брезентами пробоины; наконецъ, пароходъ всплылъ на воду и былъ оттащенъ на глубину. Не ожидавшій этого Головинъ стоялъ на берегу, крестился и бормоталъ молитву. Къ сожалѣнію, эта молитва не спасла парохода: дней черезъ десять онъ былъ снова выброшенъ на берегъ, гдѣ съ него могли снять орудія, машину и котелъ. Послѣдній не могъ быть перевезенъ въ Севастополь и остался на берегу памятникомъ этихъ несчастныхъ событій.

Крѣпостныя работы приходили къ концу. Раевскій еще заранѣе просилъ адмирала Лазарева о присылкѣ флота, для перевозки войскъ къ устью р. Шапсухо, гдѣ предполагалось выстроить укрѣпленіе. Провожая корпуснаго командира, мы дошли до Анапы, куда выѣхалъ новый командующій войсками Кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Граббе, котораго я въ первый разъ видѣлъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, высокаго роста, красивой наружности, державшій себя прямо, говорившій изысканными фразами, очевидно гоняясь за эффектомъ; манеры и рѣчь его были театральны. Съ перваго раза можно было видѣть только, что это образованный человѣкъ, съ бойкими дарованіями и вполнѣ въ себѣ увѣренный. Съ Раевскимъ онъ былъ старый товарищъ, но между ними мало было общаго. Было очевидно, что ихъ дружба не прочна. Граббе полушутя и очень любезно далъ замѣтить, что онъ прямой начальникъ Раевскаго.

Изъ Анапы мы прошли съ корпуснымъ командиромъ вдоль всего берега до р. Сочи, при устьѣ которой другой отрядъ изъ-за Кавказа строилъ укрѣпленіе, подъ начальствомъ генералъ-маіора Симборскаго. Между нимъ и Раевскимъ были непріятныя столкновенія, въ которыхъ Головинъ принялъ сторону Раевскаго. Послѣдній предложилъ присоединить новое укрѣпленіе и другое построенное въ прошломъ году на р. Мдзымтѣ къ своей прибрежной линіи. Головинъ согласился, и это

было высочайше утверждено, съ переименованіемъ 1-го отдѣленія прибрежной линіи въ Черноморскую береговую линію.

Это было первое завоеваніе Раевскаго, но не отъ непріятеля, а отъ сосѣдняго начальства.

9 Іюля пришелъ флотъ, подъ личнымъ начальствомъ Лазарева, а 12-го мы высадили десантъ къ устью р. Шапсухо. Опять тотъ-же громъ, таже легкая побѣда надъ горцами, которыхъ было мало, да и мѣстность была неблагопріятна для обороны. При устьѣ долина широкая; узкая полоса лѣса исчезла, и первые же дни лагерь устроился очень удобно, и отрядъ тотчасъ принялся за крѣпостныя работы.

Раевскій сдѣлалъ на пароходѣ Язонъ подробный осмотръ берега отъ Сочи до Анапы. Я былъ съ нимъ. Послѣ посѣщенія укрѣпленія Кабардинскаго, Раевскій прошелъ до с.-з. конца Суджукской бухты и пришелъ въ восторгъ отъ этого гигантскаго порта, могущаго вмѣстить всѣ флоты Европы. Недостатки этого порта, и очень существенные, обнаружились послѣ. Мѣстность на берегу оказалась очень удобною для города и большаго заведенія. Раевскій тотчасъ же рѣшился испросить дозволеніе занять этотъ пунктъ въ томъ же году, по окончаніи устройства форта на Шапсухо. Въ представленіи своемъ, очень ловко написанномъ, онъ говорилъ объ этой бухтѣ, какъ будто о новомъ открытіи, и объяснялъ это тѣмъ, что Турки, около трехъ вѣковъ владѣя Крымомъ, не оцѣнили Севастопольской бухты. Все это было не совсѣмъ справедливо, но пошло въ дѣло. Государь ожидалъ, что крушенія судовъ разстроятъ всѣ предположенныя дѣйствія въ этомъ году, а вмѣсто того получилъ въ одно время донесеніе о занятіи Шапсухо и представленіе о немедленномъ начатіи новаго предпріятія, обѣщавшаго принять значительные размѣры съ государственною пользою. Нѣтъ нужды говорить, что предположенія Раевскаго были тотчасъ же высочайше одобрены, и мы получили это разрѣшеніе съ фельдъегеремъ. Здѣсь нужно сказать, что Раевскому дано было право, для ускоренія полученія Государемъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ, представлять военному министру копію своихъ донесеній, командующему войсками Кавказской линіи и корпусному командиру. Раевскій пользовался этою привилегіей въ огромныхъ размѣрахъ и притомъ посылалъ донесенія военному министру съ эстафетой, а прямому своему начальству по почтѣ. Отъ этого происходило, что высочайшія разрѣшенія часто получались съ фельдъегеремъ раньше, чѣмъ корпусный командиръ получалъ въ Тифлисѣ подлинное представленіе. Это послужило поводомъ къ недоразумѣніямъ, породившимъ ожесточенную войну между Раевскимъ и Кавказскими властями.

Въ началѣ Сентября укрѣпленіе на Шапсухо было почти готово. Много ускорило работы принятое правило строить всѣ помѣщенія для гарнизона въ Ростовѣ и Таганрогѣ изъ сосноваго лѣса и потомъ въ разобранномъ видѣ перевозить на судахъ къ строимымъ укрѣпленіямъ. Это стоило дорого, но за то сохраняло здоровье войскъ и избавляло отъ смерти многія сотни, если не тысячи, нижнихъ чиновъ. Не смотря на то, число больныхъ въ отрядѣ было очень значительно, особливо въ Августѣ мѣсяцѣ. Главная и почти единственная болѣзнь была перемежающаяся лихорадка съ ея послѣдствіями: диссентеріей и скорбутомъ. Гошпиталямъ и лазаретамъ отпускалось ничтожное количество хинной соли, а суррогаты дѣйствовали слишкомъ медленно или совсѣмъ были безполезны. Нѣсколько болѣе щедрое употребленіе хинина, какъ дорогаго средства, вызывало врачу замѣчаніе старшаго медицинскаго начальства. Отъ полковыхъ командировъ требовались покупки для лазарета добавочнаго количества этого спасительнаго средства, но не всѣ добросовѣстно это исполняли. Излишнее количество больныхъ отправлялось изъ лазаретовъ на судахъ въ Фанагорійскій гошпиталь, гдѣ здоровый климатъ и лучшія условія жизни болѣе приносили пользы, чѣмъ медикаменты.

9 Сентября опять прибылъ флотъ подъ начальствомъ Лазарева. Всѣ войска садились на тѣже корабли, какъ будто приходили на свои старыя квартиры. Съ моряками у насъ была большая дружба, хотя нерѣдко были и возмутительныя грубости въ обращеніи морскихъ офицеровъ съ сухопутными, грубости, происходившія отъ глупой самоувѣренности однихъ и отъ невсегда одобрительнаго поведенія другихъ. Матросы же съ солдатами искренне дружили.

12 Сентября пополудни мы сдѣлали десантъ въ с.-з. углу Суджукской бухты. Тотъ же громъ, но тутъ ужъ ни одного горца не было видно. Всѣ мы были въ восторгѣ отъ бухты и отъ мѣстности, на которой расположился отрядъ. Оно было на западной сторонѣ Суджукской бухты, глубоко вдающейся въ материкъ. Незначительный хребетъ, проходящій по рединѣ этого длиннаго мыса, спускается къ бухтѣ легкимъ скатомъ, покрытымъ мелкимъ лѣсомъ; на самомъ берегу мѣстность совершенно открытая и довольно ровная. Саженяхъ въ 50 отъ берега оказались явственные слѣды какого-то весьма древняго заведенія, окруженнаго четырехугольнымъ валомъ. По правую сторону лагеря впадала въ море рѣчка Цемесъ (Дзе-Месъ, войсковой лѣсъ, на Адехскомъ языкѣ). Я тотчасъ же сдѣлалъ рекогносцировку долины, чтобы обезпечить отряду воду, которой въ самомъ лагерѣ не было. Рѣчка течетъ въ болотистомъ ложѣ, окруженномъ порядочнымъ ольховымъ и ясеневымъ лѣсомъ. Вода оказалась горько-соленою отъ

примѣси морской воды, часто вливающейся въ рѣку при сильныхъ морскихъ прибояхъ. Рѣка имѣетъ слабое теченіе въ направленіи на Ю. В., т. е. именно въ тотъ румбъ, на который Суджукская бухта совершенно открыта съ моря. При осмотрѣ не оказалось вовсе впаденія въ море, вѣроятно потому, что недавній сильный прибой забросалъ устье голышомъ. Все это значительно охладило наше довольство новосельемъ. Между тѣмъ смерклось; воды не было ни для питья, ни для каши. Рѣшились искать воду утромъ и при неудачѣ перемѣнить мѣсто для лагеря, а на эту ночь взять воду съ кораблей. Всѣ мы очень призадумались. Раевскаго это особенно огорчало. Вдругъ, часу въ 11 вечера, я услышалъ крикъ: «Вода, вода! Эй, 3-я рота, иди скорѣе съ манерками»! Выбѣжавши изъ своей палатки, я увидѣлъ толпу солдатъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ меня; они сустились и уже начали между собой ссориться. Вскорѣ прибѣжалъ туда генералъ Ольшевскій, разогналъ толпу и поставилъ караулъ къ мѣсту, гдѣ оказалась вода. Это было въ небольшомъ углубленіи, очевидно образованномъ искусственно. Вода была прѣсная, чистая и холодная. Нужны были строгія мѣры, чтобы удержать солдатъ отъ грабежа этого безцѣннаго сокровища. Когда осмотрѣлись утромъ, увидѣли, что это былъ древній водопроводъ, что вода была прекраснаго качества и при порядочномъ пользованіи будетъ достаточна для отряда. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воды были слѣды какого-то древняго заведенія, о которомъ я выше говорилъ. Внутри пространства, обнесеннаго валомъ, не было никакихъ слѣдовъ развалинъ; только возвышались три кургана, очевидно насыпные. Чтобы не допустить тайной раскопки ихъ, я взялъ рабочихъ и при себѣ велѣлъ раскопать. Найдены: три желѣзныхъ меча, прямые и очень длинные, но ни костей, ни гробовъ не оказалось. Мечи были до того съѣдены ржавчиною, что желѣза въ нихъ нисколько не осталось. Все говорило о глубокой древности, которой эпоху едвали можно было опредѣлить. По подробномъ осмотрѣ мѣстности рѣшено было прикрыть будущее поселеніе двумя фортами на скатѣ возвышенности. Одинъ изъ этихъ фортовъ рѣшено построить въ этомъ году, а другой въ будущемъ. Раевскій рѣшилъ, что тутъ будетъ городъ, которому его воображеніе придавало огромные размѣры въ будущемъ. Вѣроятно его мечты нашли отголосокъ и въ Петербургѣ. Государь былъ очень доволенъ. Раевскій ловко выставилъ занятіе восточнаго берега и учрежденіе новаго порта, какъ пріобрѣтенія настоящаго царствованія, и тѣмъ до нѣкоторой степени обезпечилъ себѣ успѣхъ въ исходатайствованіи средствъ для продолженія предпріятія. Его уже занимала мысль во-

дворить тутъ и при другихъ прибрежныхъ портахъ Русское населеніе, которое могло бы извлекать средства для существованія изъ природныхъ богатствъ края и особенно изъ рыбной ловли въ морѣ. Въ Ставрополѣ и Тифлисѣ не раздѣляли его убѣжденій и подъ рукой надъ ними подсмѣивались. Генералъ Граббе назвалъ предполагаемое поселеніе колоніей ихтіофаговъ. Во всѣхъ этихъ мечтахъ Раевскаго ничего не упоминалось о горцахъ, которые однакоже были покуда единственные хозяева края. Раевскій не думалъ о дѣйствіи оружіемъ. Ему представлялось возможнымъ покореніе или, лучше сказать, умиротвореніе этого края посредствомъ торговли и развитія между горцами цивилизаціи. Очевидно онъ впадалъ въ туже крайность, которая такъ ярко выказалась въ подобномъ же предпріятіи Де-Скасси.

Въ другихъ частяхъ Кавказа дѣла наши принимали все болѣе серьозное положеніе. Усиленіе Шамиля и измѣна племенъ лѣваго фланга и Дагестана, давно считавшихся покорными, требовали рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій. Въ Петербургѣ были довольны тѣмъ, что нашелся хотя одинъ мѣстный начальникъ, который не хочетъ предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій и представляетъ перспективу мирнаго завоеванія края.

14 Сентября Лазаревъ очень любезно простился съ нами до будущаго года. Возвращаться въ Черноморье отрядъ долженъ былъ сухимъ путемъ чрезъ Анапу и Джиметею, такъ какъ зимняя перевозка отряда на судахъ и особенно ихъ высадка на открытомъ берегу была не только неудобна, но и опасна.

Вскорѣ по устройствѣ лагеря, наша семья генеральнаго штаба увеличилась тремя новыми товарищами: къ отряду прибыли штабсъ-капитанъ Богаевскій, гвардіи поручики Глинка и баронъ Вревскій, только что кончившіе курсъ въ Военной Академіи. Мнѣ показалось, что Богаевскій, племянникъ партизана Фигнера, могъ быть съ пользою употребленъ на предпріятія, подобныя тѣмъ, которыя доставили извѣстность его дядѣ. Онъ былъ хорошо образованъ, имѣлъ военныя способности, лѣтъ восемь служилъ офицеромъ въ артиллеріи и участвовалъ въ войнѣ съ Европейской Турціей 1828—1829 г. Но онъ пилъ неумѣренно и страдалъ Абхазскою лихорадкою, которая скоро его свела въ могилу. Баронъ Вревскій, Ипполитъ Александровичъ, былъ человѣкъ совсѣмъ другаго рода. Братъ Павла Александровича Вревскаго, онъ имѣлъ въ Петербургѣ множество дядюшекъ и тетушекъ, начиная съ князя Чернышева до Троскина, начальника штаба войскъ Кавказской линіи, бывшаго женатымъ на его сестрѣ. Съ дѣтства онъ попалъ въ кругъ Петербургской золотой молодежи (la jeunes-

se dorée) и сдѣлался фатомъ съ очень неясными нравственными принципами, но съ циническимъ самодовольствомъ, пороками, которые составляли славу Петербургскаго creve того времени. Кажется это меня и предубѣдило противъ него. Онъ только начиналъ свою дѣйствительную службу, и мнѣ казалось, что изъ него ничего серьознаго не выйдетъ. Въ этомъ я, кажется, ошибся, что̀ и не разъ случалось. Вревскій служилъ на Кавказѣ съ отличіемъ и убитъ при взятіи одного Чеченскаго аула, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, почти въ одно время съ братомъ своимъ Павломъ, генералъ-адъютантомъ, убитымъ въ Севастополѣ.

Я уже сказалъ, что Кавказъ въ то время былъ убѣжищемъ и сборнымъ мѣстомъ разныхъ пройдохъ и искателей средствъ вынырнуть изъ грязи или изъ неловкаго положенія. Между ними были люди оригинальные, большею частью неглупые, съ свѣтскимъ лоскомъ и образованіемъ. Такъ къ штабу Раевскаго примкнули два такихъ индивидуума: состоящій по кавалеріи полковникъ графъ Энгштремъ-де-Ревельштадтъ и Черноморскаго линейнаго батальона прапорщикъ Т*** Первый былъ старикъ съ наружностью когда-то благообразною, но отъ которой сохранились только развалины съ рѣзкими слѣдами бурно-прожитой молодости. У него было нѣсколько орденовъ Русскихъ и множество иностранныхъ, между которыми были вѣроятно и апокрифическіе. Онъ говорилъ свободно на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Откуда онъ къ намъ попалъ, я не знаю. Теперь я бы принялъ его за одного изъ агентовъ Третьяго Отдѣленія, служащаго болѣе изъ чести, чѣмъ въ надеждѣ на щедрое вознагражденіе. Вскорѣ по его пріѣздѣ въ отрядъ, Раевскій получилъ изъ корпуснаго штаба списокъ его долговъ съ просьбою удерживать третью часть его жалованья. Этотъ длинный списокъ былъ тѣмъ интересенъ, что въ немъ должныя суммы были выражены всѣми возможными монетами Европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ. Т*** узналъ это, взялъ копію и показалъ въ отрядѣ всѣмъ маркитантамъ. Это въ концѣ подорвало кредитъ бѣднаго графа, а онъ ему былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что онъ каждую ночь наединѣ напивался пьянъ. Онъ пришелъ въ бѣшенство и прибѣжалъ къ костру, который постоянно горѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки Раевскаго. Тамъ всегда собирались штабные по вечерамъ: это былъ родъ клуба. Энгштремъ не нашелъ тамъ Т*** и, съ пѣной у рта, громко сказалъ, что ищетъ его, чтобы дать ему пару оплеухъ. Видя, что никто не принимаетъ участья, графъ тѣмъ же громкимъ голосомъ сказалъ: «Si vous voyez ce malotru, dites-lui que je le défie à trois pas de distance; il n'a qu'à se rendre aux

avant-postes» *). Отъ костра графъ прибѣжалъ въ мою палатку и предложилъ мнѣ быть его секундантомъ. Я отвѣчалъ, что не отказываюсь, но приму эту обязанность не прежде, какъ узнаю о причинѣ дуэли и буду убѣжденъ въ ея необходимости, но что едва ли дѣло до того дойдетъ, потому что графъ такъ громко объявилъ о своемъ намѣреніи, что генералъ Раевскій не могъ не слышать. Въ тоже время Т*** просилъ начальника штаба отряда Ольшевскаго быть его секундантомъ. Однимъ словомъ, оба приняли рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы дуэль не состоялась. Эта исторія, на нѣсколько дней позабавившая скучающій отрядъ, кончилась тѣмъ, что Т*** выдержали сутки на гуаптвахтѣ, а графъ Энгштремъ уѣхалъ изъ отряда.

Здѣсь поневолѣ я долженъ сказать хоть нѣсколько словъ о Т***. За 14-е Декабря онъ былъ сосланъ въ каторжную работу. Говорятъ, что онъ самъ на себя наговорилъ, будто принималъ участіе въ заговорѣ и бунтѣ. Немудрено: онъ былъ тогда 18-лѣтній гвардейскій прапорщикъ. Въ Петербургѣ у него много родныхъ между главными лицами служебной и родовой аристократіи. Поэтому онъ не ожидалъ такой развязки своей выходки и видѣлъ въ ней только средство сдѣлаться интереснымъ и получить извѣстность. Впрочемъ, онъ раньше другихъ былъ присланъ рядовымъ на Кавказъ, а въ 1838 уже былъ прапорщикомъ. Ему было тогда за 30 лѣтъ; наружность его, голосъ и манеры были крайне-несимпатичны; нравственные принципы его были болѣе чѣмъ шатки. Генералу Головину онъ приходился какъ-то сродни и потому держался въ Тифлисѣ безъ должности. Спеціальность его сказалась уже при графѣ Воронцовѣ. Т*** сдѣлался шпіономъ, сыщикомъ, доносчикомъ и всѣмъ, чтó нравилось его патрону: онъ былъ посылаемъ секретно въ разныя мѣста, переодѣвался, посѣщалъ кабаки и харчевни, гдѣ собиралъ разныя свѣдѣнія и гдѣ не разъ былъ оскорбляемъ тѣлесно. Окончательная судьба его мнѣ неизвѣстна.

Октябрь приходилъ къ концу, постройка форта тоже. Ночи становились холодными; осень видимо приближалась. Время было думать о возвращеніи отряда за Кубань на зимнія квартиры. 2 Ноября, оставя часть отряда для охраненія лагеря и окончанія работъ, мы выступили въ Анапу, куда къ тому времени должны были прибыть изъ Черноморіи обозы войскъ отряда. Дорога шла по долинѣ р. Цемеса перелѣсками; ауловъ нигдѣ не было видно. Долина постепенно суживалась и, противъ самыхъ вершинъ рѣчки Цемеса, образовался

*) Если увидите этого невѣжу, скажите ему, что я его вызываю на разстояніе трехъ шаговъ; пусть явится на аванпосты.

углубленный перевалъ, за которымъ дорога шла по долинѣ одного изъ притоковъ р. Куматыра, уже около Анапы впадающаго въ море. Отрядъ ночевалъ на берегу другаго притока Мескіаса, а на другой день достигнулъ Анапы; всего разстояніе оказалось въ 45 верстъ. Во все время марша горцы вели ничтожную перестрѣлку и были не въ сборѣ.

Чрезъ два дня мы выступили со всѣми обозами обратно къ Цемесской бухтѣ. Горцы успѣли собраться и были упорнѣе, но далеко не такъ предпріимчивы, какъ жители южной части береговой линіи. Съ ночлега на Мескіасѣ отрядъ повернулъ влѣво и сталъ подниматься на главный хребетъ. Новая дорога была верстами тремя длиннѣе прежней, но удобнѣе для движенія обозовъ. Поднявшись на хребетъ, который здѣсь невысокъ, отрядъ выступилъ въ верхнюю часть долины Адагума. Мѣста здѣсь довольно открытыя. Кое-гдѣ видны аулы въ живописной мѣстности. Здѣсь мы имѣли нѣсколько раненыхъ между казаками, которые бросились выручать артиллерійскаго подпоручика Стромилова, котораго лошадь занесла къ горцамъ, и тѣ успѣли его изрубить.

На другой день мы спустились съ хребта въ долину Цемеса, верстахъ въ 12 отъ лагеря. Раевскій ѣхалъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ и съ большой свитой, мало обращая вниманія на перестрѣлку. Въ одномъ мѣстѣ мы приблизились къ правому прикрытію, за которымъ былъ оврагъ и противоположный берегъ спускался острымъ гребнемъ къ самой рѣкѣ. За этимъ хребтомъ засѣли горцы и, видя толпу конныхъ и Раевскаго, котораго нельзя было не узнать, сдѣлали залпъ изъ двухъ-трехъ десятковъ ружей. Одна пуля шлепнула меня подъ правое колѣно. Отъѣхавъ отъ этого мѣста на нѣсколько саженъ, я остановился, чтобы перевязать рану, но уже самъ не могъ слѣзть съ лошади. Нога распухла и какъ бы одервенѣла. Докторъ нашелъ, что пуля пробила панталоны и бѣлье и ударила въ сухую жилу; было нѣсколько капель крови, но нельзя было сказать навѣрное, гдѣ пуля остановилась. До лагеря я доѣхалъ съ трудомъ; тамъ удостовѣрились, что пуля не углубилась въ тѣло и, вѣроятно, отпала, сдѣлавъ только сильную контузію. Она была на излетѣ, иначе перебила бы жилу. Я пролежалъ съ недѣлю и не внесъ этого пустаго случая въ свой формулярный списокъ.

17 Ноября мы оставили въ фортѣ одну роту Навагинскаго полка и отправились со всѣмъ отрядомъ въ Анапу, а 19-го войска отпущены на зимнія квартиры, и экспедиція этого года кончена.

Раевскій со штабомъ остался еще въ Анапѣ дней десять, чтобы кончить разныя письменныя дѣла и составить представленія къ наградамъ. Эта работа была возложена на меня. Трудъ огромный по

тѣмъ безполезнымъ бюрократическимъ подробностямъ, которыми обставлена форма такихъ представленій. Каждому отличившемуся нужно было написать краткую реляцію его отличія. Изъ войскъ были доставлены эти свѣдѣнія въ большомъ безпорядкѣ, а реляціи написаны совсѣмъ безграмотно. Все нужно было дѣлать заново. Къ счастью я нашелъ себѣ хорошаго сотрудника. Это былъ унтеръ-офицеръ Тенгинскаго полка Платонъ Александровичъ Антоновичъ. Онъ былъ студентомъ Московскаго университета и оттуда съ жандармомъ отправленъ рядовымъ на Кавказъ за то (какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ) «что, зная о существованіи тайнаго общества, не только не донесъ о томъ правительству, но допытывался у губернскаго «секретаря Сумбулова, изъ кого состоитъ это общество и какая его «цѣль?» Причина очевидно достаточная для того, чтобы разбить всю будущность и отравить жизнь 18-лѣтняго юноши! Судьба поправила несправедливость людей: Антоновичъ съ честью вынесъ тяжелое испытаніе и теперь уже болѣе десяти лѣтъ занимаетъ должность попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ чинѣ генералъ-лейтенанта. При бойкихъ умственныхъ способностяхъ и хорошемъ образованіи, Платонъ Александровичъ обладаетъ замѣчательною практическою мудростью и умѣетъ жить съ людьми. Это человѣкъ вполнѣ правительственный и дорогой дѣятель на всякомъ служебномъ поприщѣ. Совершенно непонятно, какъ изъ него ухитрились сдѣлать революціонера. Его нравственные принципы безупречны. Образъ его мыслей, въ сущности, либеральный; но онъ прежде всего вѣрный и разумный исполнитель распоряженій правительства. Доказательствомъ тому его долговременное пребываніе въ званіи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, не смотря на то, что въ продолженіе этого времени нѣсколько разъ измѣнялся взглядъ министерства на народное просвѣщеніе и наконецъ остановился на нынѣшней системѣ. Во все это время Антоновичъ велъ свое дѣло съ одинаковою дѣятельностью и постоянствомъ, которое немного отзывается его Малороссійскимъ происхожденіемъ. Чтобы кончить характеристику этого человѣка, съ которымъ я и до сихъ поръ остаюсь въ дружескихъ отношеніяхъ, я долженъ сказать, что онъ человѣкъ добрый, хотя не простодушный, доброжелательный для другихъ, но не забывающій и себя. Такихъ людей у насъ боятся, потому что крѣпко вѣруютъ въ непогрѣшимость Репетилова, сказавшаго, что «умный человѣкъ не можетъ быть не плутъ».

По окончаніи дѣлъ, всѣ мы разъѣхались въ разныя стороны, къ своимъ постояннымъ мѣстамъ; только генералъ Раевскій поѣхалъ въ Москву и Петербургъ, давъ предписаніе Пушкину, какъ кавалерій-

скому офицеру, отправиться на зиму въ г. Керчь и до весны наблюдать за судоходствомъ по Азовскому морю и въ Керченскомъ лиманѣ. Все это дѣлалось какъ-то молодо, весело, шутя; часто, при затруднительности какого-нибудь распоряженія, на мой вопросъ: какъ же мы это сдѣлаемъ? Раевскій отвѣчалъ «любезный другъ, какъ-нибудь съ дуру сдѣлаемъ». Выходило однакоже не дурно.

Я простился съ Раевскимъ до весны и поѣхалъ въ Ставрополь. Тамъ я нашелъ много перемѣнъ. Для дежурства строился новый домъ на одномъ дворѣ съ старымъ; для генеральнаго штаба купленъ домъ генерала Петрова. Все это помѣщено просторно, мебель новая, все сидитъ чинно и важно—просто министерство. Я уже говорилъ о Троскинѣ и генералѣ Граббе. Послѣдній помѣстился конечно въ домѣ своего предмѣстника, но нашелъ его неудобнымъ и недостаточнымъ: кое-что переломалъ, многое пристроилъ. Надобно сказать, что, во время Эммануэля, командующій войсками помѣщался въ одноэтажномъ каменномъ домѣ, отдѣлявшемся отъ сосѣдняго, деревяннаго, десятисаженнымъ переулкомъ. Вельяминовъ, любившій во всемъ огромные размѣры, купилъ сосѣдній домъ и соединилъ его съ своимъ, уничтоживъ переулокъ. Это соединеніе образовало огромный залъ въ 33 аршина длины; такимъ образомъ составилось помѣщеніе очень обширное, съ фасадомъ, похожимъ на какую-то фабрику. Генералъ Граббе пристроилъ еще нѣсколько комнатъ; преемникъ его, Гурко, еще прибавилъ отъ себя, такъ что образовалось громадное, но неуклюжее помѣщеніе, стоившее казнѣ очень большой суммы на постройки и ежедневный ремонтъ.

Отправившись являться къ командующему войсками, я вышелъ въ знакомый залъ и почти не узналъ его. Меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ въ мундирѣ и шарфѣ. Вся мебель была новая, и вездѣ были видны претензіи на вкусъ, комфортъ и порядочность. По докладу обо мнѣ, генералъ Граббе вышелъ въ сюртукѣ, съ трубкою на очень длинномъ чубукѣ. Онъ принялъ меня съ театральной важностью, но очень ласково и сказалъ нѣсколько любезностей въ красивыхъ фразахъ. Онъ пригласилъ меня обѣдать и представилъ своей супругѣ. Мадамъ Граббе, родомъ Молдаванка, была въ свое время замѣчательной красавицей, не смотря на слишкомъ малый ростъ. У нея была куча дѣтей, и каждый годъ ея семейство увеличивалось. Не смотря на то, она была еще очень хороша. Въ ея манерахъ было немало эксцентрическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ было что-то доброе и искреннее, особенно выдававшееся при театральныхъ манерахъ ея мужа.

Къ обѣду собралось съ десятокъ лицъ, гражданскихъ и военныхъ, мнѣ большею частью неизвѣстныхъ. Все было прилично, чинно, бесѣ-

да шла на Французскомъ языкѣ, причемъ радушный хозяинъ сказалъ нѣсколько фразъ, годныхъ въ любой свѣтскій журналъ. При прощаньи хозяинъ и хозяйка очень любезно пригласили меня бывать у нихъ безъ церемоніи. Все это было хорошо, но мнѣ почему-то стало жаль прежняго порядка вещей. Героическій періодъ Кавказа кончился; наступали новыя времена, новыя условія, новый взглядъ на вещи, при новой обстановкѣ. Хорошо, если не слишкомъ дорого обойдется Россіи этотъ столичный или Европейскій лоскъ, замѣнившій грубоватую простоту нравовъ и жизни прежнихъ подвижниковъ Кавказской войны.

Съ большой радостью встрѣтилъ я Н. В. Майера. Въ толпѣ новоприбывшихъ съ Граббе и Троскинымъ у него не было близкихъ знакомыхъ. Наша зимная жизнь опять вошла въ прежнюю колею. Князь Валеріанъ Голицынъ былъ уже прапорщикомъ и мечталъ объ оставленіи службы; но ему сказали, что теперь это будетъ неловко и даже едва-ли удастся. Сатинъ еще остался зимовать въ Ставрополѣ. Этого общества было для меня очень довольно, хотя и между моими сослуживцами я не могъ жаловаться на недостатокъ людей, для меня сочувственныхъ. Льва Пушкина тоже какой-то вѣтеръ занесъ въ Ставрополь.

Въ эту зиму я много читалъ, хотя времени свободнаго имѣлъ менѣе, чѣмъ прежде. Стараго Горскаго назначили оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, а на его мѣсто полковника Норденстама, бывшаго старшимъ адъютантомъ въ управленіи оберъ-квартирмейстера Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Прежде чѣмъ вступить въ свою должность, Норденстамъ отправился въ 4 мѣсячный отпускъ въ Финляндію, а я, какъ старшій, опять долженъ былъ исправлять должность оберъ-квартирмейстера. Но уже кругъ занятія былъ не тотъ, какъ при Вельяминовѣ. Секретнаго отдѣленія уже не существовало и большая часть дѣлъ была передана въ генеральный штабъ. Докладывать я долженъ былъ начальнику штаба, а съ командующимъ войсками не имѣлъ прямыхъ занятій. Штабныя дѣла шли хорошо; но, оглядѣвшись, я замѣтилъ, что особенной гармоніи не было между Граббе и Головинымъ, не смотря на всѣ старанія Троскина улаживать ихъ отношенія. Головинъ принималъ въ этомъ разладѣ пассивное участіе; близкіе къ нему смотрѣли на это иначе. Начальники писали другъ другу дружескія письма одинаково хорошо на Русскомъ и Французскомъ языкѣ, а штабы волей-неволей слѣдовали по традиціонному пути разногласія. К. увертывался съ своею обыкновенною скользкостью угря; но Мендъ, при своемъ заносчивомъ и раздражительномъ характерѣ, часто возбуждалъ столкновенія. Негла-

снымъ, но главнымъ дѣятелемъ въ этомъ былъ Н. Н. Муравьевъ, имѣвшій по прежнему большое вліяніе на Головина.

Зима началась нехорошо. Полковникъ Пулло, бывшій въ то время начальникомъ лѣваго фланга, вздумалъ обезоружить Чеченцевъ и сбирать съ нихъ незначительную подать, чтобы утвердить въ нихъ понятіе о подданствѣ Русскому царю. Первое было едва ли не грубою ошибкою, потому что Чеченцамъ, ничѣмъ не огражденнымъ отъ сосѣднихъ племенъ, подвластныхъ Шамилю, а намъ враждебныхъ, оружіе было необходимо для собственной защиты. Говорятъ утвердительно, что Пулло, при собираніи съ Чеченцевъ податей для правительства, не забывалъ и себя. Ропотъ въ Чечнѣ былъ общій и мало по малу обратился въ явное возстаніе. Шамиль этимъ воспользовался и окончательно подчинилъ Чечню своей власти. Онъ достигалъ апогея своего могущества. Дагестанъ сѣверный и южный, и всѣ племена лѣваго фланга, кромѣ Осетинъ и Кумыковъ, признали его власть. Онъ раздѣлилъ весь край на наибства, надъ которыми поставилъ самыхъ энергическихъ и преданныхъ ему мюридовъ. Все показывало, что съ весною 1839 г. намъ надобно ожидать въ томъ краѣ серьёзныхъ дѣйствій. Шамиль поселился въ Ахульго, на верхнемъ Сумакѣ, близъ границы Гумбета и недалеко отъ Гимры, гдѣ въ 1832 былъ истребленъ Кази-мулла. Изъ этого гнѣзда, укрѣпленнаго природой и искусствомъ, энергическій и умный горецъ деспотически управлялъ горнымъ краемъ съ нѣсколькими стами тысячъ горцевъ, фанатизированныхъ противъ насъ.

Когда я пріѣхалъ въ Ставрополь, планъ дѣйствій будущаго года былъ уже составленъ и утвержденъ Государемъ. Предполагалось направить на Ахульго два отряда: съ Сѣвера отъ Внезапной и съ Востока отъ Дагестана. Общее распоряженіе военными дѣйствіями Государь поручилъ генералу Граббе, который лично докладывалъ о своихъ предположеніяхъ. Я уже сказалъ, что это человѣкъ съ блестящими способностями, даромъ слова и образованіемъ и, къ сожалѣнію, съ огромною самоувѣренностью, которая можетъ внушить довѣріе людямъ, незнающимъ ни края, ни нашего положенія. Уже самое избраніе предмета дѣйствій, т.-е. взятіе Ахульго, показываетъ непрактичность новаго начальства. Уничтоженіе этого гнѣзда не могло имѣть никакой важности: Шамиль перешелъ-бы въ другой аулъ, и дѣла пошли-бы по прежнему. Болѣе серьозное значеніе имѣло-бы истребленіе самаго Шамиля, но это почти невозможно. Въ 1832 г. Шамиль былъ мюридомъ Кази-муллы, но, хотя раненый, спасся изъ Гимры, при истребленіи его имама. Къ тому же, его мѣсто тотчасъ-же было бы

занято другимъ, который, какъ говорили, былъ уже заранѣе назначенъ преемникомъ имама. Враждебные намъ элементы оставались тѣже, а потеря одного аула или одного лица не могла значительно измѣнить положеніе края.

Въ распоряженіяхъ и приготовленіяхъ къ экспедиціи встрѣтилось недоразумѣніе, имѣвшее въ будущемъ довольно серьёзныя послѣдствія. Мнѣ суждено было, противъ всякаго ожиданія, принять пассивное участіе въ этомъ столкновеніи Граббе и Головина.

На Береговой Линіи предположено въ 1839 г. занять укрѣпленіями устья рѣкъ Шахе и Псезуапé, продолжать постройку укрѣпленія на Суджукской бухтѣ и сверхъ того выстроить укрѣпленіе на р. Мескагѣ, на срединѣ дороги отъ Цемеса въ Анапу. Со стороны Грузіи дѣйствія на восточномъ берегу Чернаго моря прекратились. Зима подходила къ концу. По примѣру прошлаго года, были командированы инженерные капитаны Ермоловъ и Компанейскій въ Ростовъ, по постройкѣ зданій для трехъ предположенныхъ на восточномъ берегу новыхъ укрѣпленій. Сверхъ того, Троскинъ послалъ инженеръ-подполковника Горбачевскаго въ Херсонъ, по постройкѣ зданій для укрѣпленія Суджукской бухты. Выборъ этихъ двухъ разныхъ пунктовъ для постройки былъ сдѣланъ для того, чтобы узнать по опыту, въ какомъ мѣстѣ удобнѣе и дешевлѣ какъ самая постройка, такъ и перевозка на Береговую Линію. Подполковникъ Горбачевскій не отличался ни особенными способностями, ни свѣдѣніями по своей спеціальности, но онъ былъ человѣкъ честный и усердный. На него можно было положиться. Въ штабѣ онъ управлялъ инженернымъ отдѣленіемъ, а по его отъѣздѣ Троскинъ присоединилъ это отдѣленіе къ генеральному штабу.

Въ 1838 г. зданія и особенно перевозка обошлись очень дорого. Троскинъ подозрѣвалъ, что во всей этой операціи много было злоупотребленій и даже открытаго воровства со стороны инженеровъ. Можетъ быть, это было и не безъ основанія; но средство для уличенія инженеровъ было придумано неудачно. Троскинъ никогда не былъ на восточномъ берегу, да и не зналъ даже по картѣ этого края и особенностей морской перевозки. Я ему доложилъ, что сличеніе цѣнъ Херсонскихъ съ Ростовскими не дастъ ему возможности уличить инженеровъ, такъ какъ изъ Херсона будетъ доставка въ Суджукскую бухту, а изъ Ростова на открытые рейды и въ мѣста никому неизвѣстныя; что по этому и по многимъ другимъ особенностямъ, цѣны не могутъ быть одинаковы. Онъ въ этомъ тотчасъ-же согласился; но вдругъ ему пришла мысль послать меня въ Ростовъ, чтобы осмотрѣть работы инженеровъ. Я и отъ этого не ожидалъ желаемаго результата и напередъ сказалъ, что инженеры меня непремѣнно обманутъ

и, вмѣсто пользы, моя командировка можетъ только сдѣлать вредъ. Тогда Троскинъ рѣшился ѣхать самъ въ Ростовъ и Таганрогъ. Во время его отсутствія, я, какъ оберъ-квартирмейстеръ, долженъ былъ докладывать по своей части командующему войсками.

Однажды я получилъ на имя генерала Граббе предписаніе корпуснаго командира о предстоящихъ въ Дагестанѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Бумага написана была рѣзко, содержала въ себѣ многія возраженія противъ представленій Граббе и особенно выставляла его ошибку противъ самаго плана дѣйствій, высочайше утвержденнаго. Какъ это случилось, я не совсѣмъ знаю. Въ запискѣ Граббе, которую онъ докладывалъ лично Государю, было предложено, по взятіи Ахульго, обратиться къ аулу Чиркей, занять этотъ важный пунктъ укрѣпленіемъ; а въ проектѣ Головина написано вмѣсто Чиркей-Чиркатъ. Оба пункта одинаково важны, но занятіе Чиркея было особенно полезно для края, состоящаго подъ начальствомъ Граббе, а Чиркатъ имѣетъ важность для сѣвернаго и средняго Дагестана, подчиненнаго непосредственно Головину. Я угадывалъ, что эта бумага будетъ непріятна Граббе, но не ожидалъ, чтобы она его такъ сильно огорчила. Когда я прочелъ ее, Граббе слушалъ какъ будто равнодушно, но по окончаніи чтенія, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и сказалъ: «Оставьте эту бумагу у меня; я теперь не въ состояніи заниматься. «Я вамъ пришлю ее съ моими резолюціями». На другой день я дѣйствительно получилъ ее, но съ такими резолюціями, которыя помѣстить въ оффиціальной бумагѣ мнѣ казалось невозможно. Сущность выраженій Граббе состояла въ слѣдующемъ: «Государь утвердилъ мои, а не ваши предположенія; мнѣ, а не вамъ поручилъ распоряженіе военными дѣйствіями. Если вамъ угодно отмѣнить высочайшую волю, то прошу поручить исполненіе этихъ новыхъ предположеній кому-либо другому; я же, съ своей стороны убѣжденъ, что, вмѣсто пользы, оно принесетъ вредъ, особливо, если корпусный штабъ, вмѣсто содѣйствія, будетъ продолжать дѣлать мелочныя придирки и затрудненія». Я старался всячески смягчить тонъ и выраженія, но все таки бумага вышла очень рѣзкою и хотя имѣла форму рапорта, но болѣе похожа была на предписаніе, въ которомъ сердитый начальникъ распекаетъ своего подчиненнаго. Оставалась надежда, что Граббе, успокоившись, дастъ другой, болѣе мягкій, оборотъ дѣла; но каково было мое изумленіе, когда онъ, прочитавъ мой брульонъ, не измѣнилъ въ немъ ничего и приказалъ копію этого рапорта представить по экстра-почтѣ военному министру для всеподданѣйшаго доклада. Конечно это было тотчасъ же исполнено, и въ 11 часовъ утра бумага была уже сдана въ почтовую контору. Въ полдень возвратился Троскинъ

изъ своей поѣздки. Я сейчасъ явился къ нему и убѣдился изъ его словъ, что инженеровъ онъ не поймалъ, а, проживъ очень весело нѣсколько дней въ Таганрогѣ, принужденъ былъ ихъ же благодарить за отличную работу. «Они строятъ казармы изъ отличнаго лѣса и такъ чисто, какъ будто дѣлали щегольскую столярную работу». Когда я показалъ ему послѣднюю переписку съ Тифлисомъ, Троскинъ пришелъ въ ужасъ. Онъ схватилъ себя за голову. «Чтó это вы надѣлали! «Нельзя на минуту отлучиться, чтобы тутъ не накутили! Да какъ же «вы не остановили такого сумасбродства?» — «Экстра-почта еще не ушла; «остановите ее, если можете; а я какое право имѣлъ не исполнить «приказанія командующаго войсками?» сказалъ я; «я сдѣлалъ чтó могъ, «и вы сами убѣдитесь въ томъ, сличивъ мой брульонъ съ резолюціями». Троскинъ побѣжалъ къ Граббе. Не знаю, чтó между ними происходило; но бумага не была взята съ почты, а Троскинъ, возвратясь, сказалъ мнѣ: «Видно, что вы не даромъ были у Раевскаго; я узнаю его слогъ». Впрочемъ этотъ случай не имѣлъ для меня дурныхъ послѣдствій, а только заставилъ Троскина охотно согласиться на мое командированіе вновь въ распоряженіе Раевскаго. Генералъ Граббе во все время показывалъ ко мнѣ очень хорошее расположеніе и нерѣдко читалъ мнѣ свою переписку и отрывки изъ журнала. Онъ писалъ одинаково хорошо на Русскомъ и Французскомъ языкахъ.

Недѣли чрезъ полторы пріѣхалъ въ Ставрополь начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Коцебу. Граббе принялъ его съ ледяною важностью, посреди своей залы, и даже не просилъ сѣсть. Коцебу передалъ Граббе письмо Головина; оно было почти слѣдующаго содержанія: Cher général. J'ai signé le malheureux papier sans l'avoir lu. Je vous envoie le general K. pour vous faire mes excuses; si cela ne vous suffit pas, je vous enverrai Mend; si vous n'en êtes pas content non plus, je chasse tout mon état-major. *) Не знаю тронулъ ли Граббе честный и великодушный поступокъ Головина; но ихъ отношенія сдѣлались на время лучше, если не искреннѣе; Коцебу же, отобѣдавъ на другой день у Граббе, отправился назадъ въ Тифлисъ. Хотя это была страстная суббота, Граббе не пригласилъ его провести праздникъ Пасхи. Съ того времени прекратились придирчивыя вмѣшательства Тифлисскаго штаба, и Граббе сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ начальникомъ своего края и войскъ. Не знаю, былъ-ли ка-

---

*) Любезный генералъ. Я подписалъ несчастную бумагу, не прочитавъ ея. Посылаю къ вамъ генерала К., чтобъ извиниться передъ вами; если этого для васъ недовольно, я пришлю къ вамъ Менда; если и того вамъ мало, я прогоню весь свой главный штабъ.

кой-нибудь оффиціальный отвѣтъ изъ Петербурга и если былъ, то едва-ли въ пользу Головина. Во всякомъ случаѣ онъ могъ быть послѣ моего отъѣзда.

Славная, здоровая Кавказская весна была уже на исходѣ. Норденстамъ пріѣхалъ изъ отпуска и вступилъ въ свою должность. Оставаясь безъ дѣла, я безъ труда получилъ разрѣшеніе Троскина отправиться къ генералу Раевскому, который тоже возвратился изъ Петербурга и основалъ свою резиденцію въ Керчи, т. е. не въ той части свѣта, гдѣ находились его край и войска. Это разрѣшеніе, данное временно, по неимѣнію помѣщеній на восточномъ берегу, обратилось въ постоянное и было полезно развѣ только для Керчи, сдѣлавшейся въ короткое время чистенькимъ и оживленнымъ городомъ. Когда Ермоловъ распоряжался въ Чечнѣ и строилъ Грозную, помѣщенія ему тоже не было; онъ выстроилъ себѣ землянку, которая долго сохранялась и неизвѣстно какъ исчезла. Н. Н. Муравьевъ, пріѣхавъ на Кавказъ въ 1854 г., ея уже не нашелъ и писалъ Ермолову, что ее сломало новое поколѣніе, потому что безмолвныя лекціи, которыя читала эта академія, для него слишкомъ высоки и непонятны. Я сказалъ уже, что героическія времена Кавказа миновали.

Н. Н. Раевскій встрѣтилъ меня какъ роднаго. Онъ уже былъ женатъ и потому долженъ былъ измѣнить во многомъ свой прежній бытъ. Онъ встрѣтилъ меня въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, но вымытый и выбритый и въ бархатныхъ шароварахъ лиловаго цвѣта. На мое поздравленіе съ перемѣной, онъ сказалъ серьёзно и поправляя очки: «Mon cher ami, c'est ma femme, qui m'a fait faire quatre culottes en velours, et des couleurs les plus tendres *). Впрочемъ, въ кабинетѣ его продолжалъ царить прежній хаосъ: глазъ хозяйки туда не имѣлъ права проникать.

Анна Михайловна приняла меня очень любезно, но съ холодностью, которая составляла главную черту ея характера. Это была молодая женщина лѣтъ 19-ти или 20-ти, рыжая, съ веснушками, болѣзненнаго сложенія и совсѣмъ не красивая. Она была единственная дочь генерала Бороздина, одного изъ видныхъ дѣятелей 1812 года. Она имѣла очень значительное состояніе, большое родство и была фрейлиной. Воспитаніе и образованіе получила она основательное, болѣе серьозное, чѣмъ другія дѣвицы этаго круга. Говорятъ, что она брала у Остроградскаго уроки высшей математики. Вообще складъ ея

---

*) Любезный другъ, жена моя велѣла мнѣ сшить четверо бархатныхъ штановъ, и притомъ самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ.

ума былъ серьёзный. Она не была расточительна и съ цифрами ладила не хуже иного бухгалтера; въ домѣ была внимательной хозяйкой, не дѣлала пустыхъ расходовъ изъ тщеславія, но умѣла быть щедрой. Съ ней неотлучно была м-мъ Дамбергъ, бывшая ея воспитательницей съ первыхъ лѣтъ жизни до свадьбы. Когда Анна Михайловна получила въ свое распоряженіе имѣніе матери, она сейчасъ-же подарила г-жѣ Дамбергъ 27 т., а когда послѣдняя вышла замужъ и у ней родились два сына-близнеца, Раевская положила въ банкъ на имя каждаго изъ дѣтей по 5 т. р.

Въ Керчи я чувствовалъ себя какъ-бы дома. Тамъ же я нашелъ А. И. Панфилова, назначеннаго къ Раевскому дежурнымъ штабъ-офицеромъ по морской части, вмѣсто Серебрякова, который произведенъ въ контръ-адмиралы свиты Его Величества и назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской Береговой Линіи. Мѣстомъ пребыванія Серебрякова, назначено укрѣпленіе на Цемесѣ, получившее названіе Новороссійска. Вообще, по представленіямъ и личному докладу Раевскаго, въ этомъ краѣ произошли большія перемѣны. Отъ Геленджика до укрѣпленія Св. Духа (на р. Мдзымтѣ) составлено новое второе отдѣленіе, и начальникомъ его г.-м. графъ Опперманъ. Раевскій получилъ правà дивизіоннаго начальника. Его значеніе разросталось, и онъ становился однимъ изъ главныхъ начальниковъ и авторитетовъ на Кавказѣ.

Городъ Керчь, не смотря на пристрастіе къ нему графа Воронцова, имѣлъ тогда довольно жалкій видъ. Близость и изобиліе дешеваго камня давали большія удобства для постройки домовъ; городъ пользовался большими льготами, исходатайствованными въ видахъ развитія тамъ торговли. На самомъ же дѣлѣ эти льготы только разорили Ѳеодосію; Керчь, ничего не имѣющая своего, осталась, какъ и прежде, чѣмъ-то въ родѣ корчмы на большой дорогѣ. На рейдѣ находилось во время навигаціи отъ 100 до 200 судовъ Русскихъ и особенно иностранныхъ, но они были тамъ только для выдержанія карантина и назначались въ порты Азовскаго моря. Съ Еникале и 4 или 5-ю ближайшими Татарскими аулами Керчь составляла градоначальство. Городъ расположенъ былъ вокругъ высокой горы, которую называли по имени знаменитаго Босфорскаго царя Митридата. На вершинѣ горы былъ надгробный памятникъ перваго градоначальника Стемпковскаго, оставившаго по себѣ добрую память. На полугорѣ былъ музей, построенный по чертежу храма Тезея, но въ миніатюрѣ; въ этомъ музеѣ складывались разные предметы, находившіеся въ окрестныхъ курганахъ. Предметы эти составляли драгоцѣнный вкладъ въ исторію темной эпохи Скиѳскихъ царей. Снизу вела къ музею широкая каменная

лѣстница, съ большими претензіями на изящество; при началѣ лѣстницы были два грифона,—гербъ древней Пантикапеи. Для путешественника, входящаго на суднѣ изъ Чернаго моря, Керчь имѣла очень красивый видъ и издали много обѣщала, но съ перваго шага на берегъ являлось разочарованіе. Набережная, сдѣланная изъ рыхлаго плитняка на простой извести или совсѣмъ безъ цемента, была всегда исковеркана морскимъ прибоемъ; въ такомъ-же положеніи была лѣстница на гору; а у грифоновъ, сдѣланныхъ изъ мягкаго, ноздреватаго известняка, мальчишки отбили носы, лапы и крылья. На двухъ улицахъ стояли порядочные каменные дома, затѣйливой архитектуры, но между ними были и такіе, которымъ передній фасадъ служилъ кулисой, и за нею лѣпилась почти лачужка. Отсутствіе зелени и видъ окрестныхъ голыхъ горъ со множествомъ кургановъ давали всему унылый и неоживленный видъ. Передъ пристанью, называемой и царскою, и графскою, было небольшое пространство, огороженное каменной стѣной; въ немъ были видны три чахлыхъ деревца: это Лизина роща, единственный садъ въ Керчи. Въ городѣ было казино, единственный трактиръ, содержимый колонистомъ Гекле, но чтобъ съѣсть котлетку или кусокъ битаго мяса, нужно было дать наканунѣ нѣсколько копѣекъ на говядину. По отчетамъ торговля процвѣтала: въ городѣ было множество капиталовъ по 1-й и 2-й гильдіи, но это отъ того что купечество было избавлено отъ платежа гильдейскихъ повинностей. Понятно, что городское населеніе составилось изъ людей разныхъ націй безъ капиталовъ и только привлеченныхъ льготами. Между жителями было много Грековъ, Славиновъ и Татаръ; градоначальникомъ былъ генералъ-маіоръ князь Херхеулидзевъ, бывшій адъютантъ графа Воронцова. Онъ носилъ титулъ Керчь-Еникальскаго градоначальника; ему подчинены были карантинъ и таможня, и онъ оффиціально считался покровителемъ торговли Азовскаго и Восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ онъ никогда и не былъ. Князь Херхеулидзевъ былъ добрый и честный человѣкъ, плохаго здоровья и совершенно безпамятный. Онъ былъ хорошо свѣтски образованъ, пріятный собесѣдникъ, но къ серьёзному дѣлу совершенно неспособенъ. Въ администраціи было много грѣховъ, но жилось всѣмъ недурно, потому что вообще администрація въ Новороссійскомъ краѣ была мягче и менѣе стѣснительна для жителей. Это направленіе дано рядомъ генералъ-губернаторовъ, и князь Херхеулидзевъ совершенно подошелъ въ этомъ къ характеру графа Воронцова. Однимъ словомъ, вглядясь въ Керчь, видишь на каждомъ шагу декораціи разныхъ родовъ, претензіи на Европеизмъ, затѣи мѣщанскаго великолѣпія и слышишь расплывчатыя фразы, не совсѣмъ сходящіяся съ дѣйствительностью. Въ оправданіе

говорили, что Керчь только начинаетъ развиваться и что ее ожидаетъ блестящая будущность. До сихъ поръ эти ожиданія не оправдались, и если Керчь дѣйствительно устроилась, то этимъ она обязана скорѣе пребыванію тамъ штаба Черноморской Береговой Линіи, чѣмъ усиліямъ своего главнаго начальства.

Въ Керчи я пробылъ очень недолго и отправился въ Тамань, куда уже прибывали войска, назначенныя въ отрядъ. Г. Раевскій поручилъ мнѣ должность начальника штаба отряда и на меня же возложилъ составленіе управленія Черноморской Береговой Линіи. Краеугольнымъ камнемъ этого управленія, впослѣдствіи очень разросшагося, послужили только что произведенный въ прапорщики Антоновичъ, о которомъ я уже говорилъ, и два писаря изъ строевыхъ нижнихъ чиновъ линейныхъ баталіоновъ, куда они были сосланы за участіе въ Севастопольскомъ бунтѣ. Одинъ изъ нихъ, Гедримовичъ, былъ Еврей, и оба имѣли Георгіевскіе кресты. Не было ни штата управленія, ни денегъ. Мы имѣли полную свободу выбирать штабныхъ чиновниковъ изъ линейныхъ баталіоновъ, куда посылали обыкновенно офицеровъ изъ армій за наказаніе, или изъ кадетскихъ корпусовъ за дурное поведеніе, лѣность и неспособность. Поэтому естественно, что я долженъ былъ прибѣгнуть къ выбору изъ такихъ офицеровъ, которые такъ или иначе были посланы на Кавказъ за наказаніе. Между ними, а особливо между посланными за политическія преступленія, было много людей очень способныхъ и очень надежныхъ. Я не бралъ въ штабъ Декабристовъ, потому что г. Раевскому было бы это непріятно; но я былъ знакомъ со многими изъ нихъ, участвовавшими въ экспедиціяхъ. На этотъ разъ я познакомился въ Тамани съ княземъ Одоевскимъ, пріѣхавшимъ въ отрядъ изъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Съ перваго дня знакомства я привязался къ этой свѣтлой, поэтической и симпатичной личности. Онъ былъ юношей, когда несчастное событіе 14 Декабря забросило его въ Читу на каторжныя работы. Это тяжелое испытаніе его нисколько не измѣнило: онъ сохранилъ юношескій пылъ души и страсть къ поэзіи. Самъ онъ много писалъ, но никогда и ничего не печаталъ. Друзья и товарищи его знали наизустъ нѣсколько его поэтическихъ произведеній. Я ихъ слышалъ отъ него и отъ другихъ. Ссылка лишила нашу литературу одного изъ замѣчательныхъ талантовъ.

27 Апрѣля всѣ войска отряда собрались въ Тамани, распоряженія были кончены, и флотъ бросилъ якорь противъ мыса Тузла. Эскадрой командовалъ самъ Лазаревъ. 28 Апрѣля амбаркація кончена благополучно, и эскадра снялась съ якоря, а 3-го Мая, при тихой погодѣ, стала на близкій пушечный выстрѣлъ отъ берега, противъ устья

рѣки Шахе, въ землѣ Убыховъ. Это самое воинственное и враждебное изъ племенъ, обитающихъ въ западной половинѣ Кавказа. Можно было предвидѣть, что сопротивленіе десанту будетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ бывало до сихъ поръ.

Долина р. Шахе отдѣляется отъ другой долины (небольшой рѣчки Субаши или Субешъ) гребнемъ, который у моря низокъ и безлѣсенъ, а далѣе къ Сѣверу быстро возвышается и поросъ густымъ лѣсомъ. Такой же, но болѣе высокій гребень составляетъ и южную окраину долины. Шахе одна изъ большихъ рѣкъ этого края, быстра, но почти вездѣ переходима въ бродъ. По правому берегу ея тянется полосою густой, лиственный лѣсъ; средина долины представляетъ открытую равнину версты на полторы; далѣе же долина съуживается, и оба берега покрыты мелкимъ лѣсомъ.

Послѣ обычнаго грома орудій съ эскадры высадились на берегъ первымъ рейсомъ два баталіона Тенгинскаго, два баталіона Навагинскаго полковъ, два легкихъ и два горныхъ орудія, безъ лошадей. Еще баркасы не успѣли отвалить отъ берега за вторымъ рейсомъ, какъ въ глубинѣ долины показалась густая масса Убыховъ, укрывавшихся отъ морской артиллеріи за изгибомъ мѣстности. Непріятель двигался бѣглымъ шагомъ, но безъ суеты, не стрѣляя и съ обнаженными шашками, вдоль полосы лѣса, прямо на средину нашей линіи. Я побѣжалъ къ артиллеріи, которой только два горныхъ орудія успѣли стать на позицію. Отдавъ приказаніе артиллерійскому офицеру, я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ командиру Тенгинскаго полка, подполковнику Выласкову. Этого храбраго воина, высокаго роста, марціальной наружности, съ кривою Турецкою саблею и двумя парами длинныхъ пистолетовъ за поясомъ, я нашелъ прячущимся за одинъ изъ своихъ баталіоновъ. Онъ былъ въ такомъ положеніи, что говорить съ нимъ было безполезно. Къ счастію, баталіонные командиры были старые Кавказцы, люди опытные и надежные. Подполковникъ Выласковъ былъ только что назначенъ командиромъ Тенгинскаго полка изъ образцоваго полка, гдѣ вѣроятно отличался глубокими свѣдѣніями фрунтовой службы. Это былъ человѣкъ ограниченный, до того мало-грамотный, что въ подписи своей фамиліи дѣлалъ грамматическія ошибки. Это, однакоже, не мѣшало ему исправно набивать себѣ карманъ на счетъ своего славнаго полка, который, кажется, заслуживалъ бы имѣть лучшаго начальника.

Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ не остановили горцевъ; они продолжали двигаться молча и не стрѣляя. Неожиданное обстоятельство разстроило ихъ смѣлую атаку. Два баталіона Навагинскаго полка, высаженные на правомъ флангѣ нашей линіи, пришлись прямо

противъ лѣсной полосы, тянущейся по правому берегу р. Шахе. Сальстету (переведенному за прошлогоднюю экспедицію поручикомъ въ генеральный штабъ) приказано было занять лѣсъ этими двумя баталіонами. Не найдя близъ берега удобнаго мѣста для расположенія баталіоновъ, Сальстетъ выдвинулъ ихъ лѣсомъ впередъ саженъ на сто. Лѣсъ былъ очень густъ и переплетенъ виноградными лозами и вьющимися растеніями. Баталіонами командовали майоръ Германсъ и подполковникъ Танскій. Оба, и особливо первый, были старые Кавказцы и отличные штабъ-офицеры. Услышавъ картечные выстрѣлы, они приняли влѣво и изъ опушки лѣса неожиданно наткнулись на толпу горцевъ, не подозрѣвавшихъ въ лѣсу нашихъ войскъ. Баталіоны открыли ружейный огонь во флангъ и даже въ тылъ непріятеля и вслѣдъ за тѣмъ бросились въ штыки. Горцы остановились, но не побѣжали, а стали въ порядкѣ отступать вверхъ по долинѣ. Въ это же время двинулись впередъ и два баталіона Тенгинскаго полка съ 4 орудіями, изъ которыхъ два легкихъ везлись людьми (съ первымъ рейсомъ успѣли высадить только верховую лошадь генерала Раевскаго). Убыхи были на открытой равнинѣ, лѣсъ былъ въ нашихъ рукахъ, и потому ихъ положеніе было очень неудобно. Потерявъ много убитыхъ и раненыхъ, они, однакоже, отступали въ порядкѣ и нѣсколько разъ бросались въ шашки. Преслѣдованіе поручено г.-м. Кашутину, который остановился только верстахъ въ двухъ отъ берега, занявъ опушку лѣса и выгодную позицію. Съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на хладнокровныя и толковыя распоряженія этаго стараго Кавказскаго ветерана, въ обыкновенное время не отличавшагося особенною бойкостью. Когда я возвратился на берегъ, были уже высажены остальныя войска и артиллерія, топоры стучали въ лѣсу, а чрезъ два часа лагерь огородился высокою засѣкою. Лѣвый флангъ нашъ былъ на низкомъ гребнѣ, раздѣляющимъ долины Субаши и Шахе; правый примыкалъ къ сей послѣдней рѣкѣ.

Въ этомъ дѣлѣ у насъ ранены три офицера, а нижнихъ чиновъ раненыхъ и убитыхъ было до 50; убитыхъ горцевъ осталось въ нашихъ рукахъ 108 человѣкъ; раненыхъ они унесли.

Какъ и въ прошломъ году, со вторымъ рейсомъ былъ высаженъ сводный баталіонъ изъ морякомъ всѣхъ судовъ эскадры, подъ начальствомъ капитана 2 ранга Путятина. Наши храбрые матросы были до того неопытны, что становились спиною къ деревьямъ, перестрѣливаясь съ непріятелемъ. У нихъ было человѣка три раненыхъ, въ томъ числѣ Путятинъ, легко въ ногу. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ Черноморскаго флота и командовалъ фрегатомъ Агатополь.

На другой же день г. Раевскій просилъ Лазарева о приказаніи доставить ему списокъ лицъ, которыхъ адмиралъ признаётъ заслуживающими представленія къ наградамъ. Я далъ на всѣ корабли форму этихъ представленій, но получилъ ихъ въ видѣ совершенно-своеобразномъ. Въ спискахъ штрафованныхъ, на вопросъ: «за что были подъ судомъ и наказаны?» отвѣтъ былъ лаконическій: *за Польшу* или за *Рафаилъ*. Это значило: за участіе въ Польскомъ мятежѣ 1831 года, или за сдачу Туркамъ фрегата Рафаили въ 1828 году. Письменная часть не процвѣтала въ Черноморскомъ флотѣ.

Дня два г. Раевскій диктовалъ Пушкину и Антоновичу и выправлялъ донесеніе объ этомъ, дѣйствительно горячемъ, дѣлѣ. Когда оно было готово, и всѣ бумаги были сданы на пароходъ для доставленія чрезъ Керчь въ Петербургъ, въ Тифлисъ и въ Ставрополь, Раевскій призвалъ меня въ свою палатку и приказалъ Пушкину прочесть вслухъ письмо его военному министру, котораго онъ просилъ исходатайствовать у Его Императорскаго Величества производство меня въ полковники. Письмо было ловко и хорошо написано, хотя въ выраженіяхъ, которыя заставили меня покраснѣть. Я былъ увѣренъ, что это письмо останется безо всякихъ послѣдствій и былъ немало удивленъ, когда съ фельдъегеремъ полученъ былъ высочайшій приказъ о производствѣ меня 26 Мая въ полковники. Многимъ это было непріятно, особливо въ Тифлисѣ и въ Ставрополѣ.

Когда лагерь былъ вполнѣ устроенъ, приступили къ постройкѣ укрѣпленія. Ровная мѣстность позволила дать ему видъ правильнаго четырехбастіоннаго форта. Непріятель, по временамъ, тревожилъ нашу передовую цѣпь, огражденную засѣкой, но ничего серьознаго не предпринималъ. Раевскій отправился на пароходѣ Колхида для осмотра укрѣпленій Навагинскаго и Св. Духа, а оттуда въ Абхазію, на которую онъ уже имѣлъ виды. Этотъ край, вмѣстѣ съ Мингреліей Имеретіей и Гуріей, составлялъ особое управленіе, подчиненное непосредственно корпусному командиру. Управляющимъ былъ генералъ-майоръ Эспехо, котораго резиденція была въ Кутаисѣ. Ему были подчинены всѣ войска, расположенныя въ этихъ провинціяхъ. Онъ имѣлъ вліяніе и на гражданское управленіе, но здѣсь его права и обязанности были довольно неопредѣленны: въ Абхазіи и въ Мингреліи были свои наслѣдственные владѣтели; имъ предоставлены были ихъ традиціонная власть, судъ и расправа надъ ихъ подданными, которые только за важныя уголовныя преступленія судились по нашимъ законамъ военныхъ судомъ. Прежде и Гурія имѣла своего наслѣдственнаго владѣтеля, князя Гуріеля; но по присоединеніи къ Россіи, по Адріанопольскому миру, она поступила въ непосредственное вѣ-

дѣніе правительства и отъ этаго, конечно, только выиграла. Народонаселеніе въ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи—Грузины и христіане. Аристократія была въ этомъ краѣ многочисленна и имѣла очень важное значеніе. Она издревле славилась воинственностью и храбростью, но не отличалась, какъ и все Грузинское племя, умственными способностями; къ томуже дворяне, какъ и народъ, были безъ всякаго образованія. Вообще это край полудикій, но вполнѣ спокойный; народъ бѣденъ и только по привычкѣ несетъ тяжелый гнетъ власти аристократіи и владѣтеля. Путешественникъ можетъ свободно разъѣзжать по этому краю, не подвергаясь опасности быть убитымъ, ограбленнымъ и даже обокраденнымъ.

Владѣтелемъ Мингреліи былъ тогда князь Леванъ Дадіянъ, человѣкъ пожилой, ограниченный, огромнаго роста, знаменитый наѣздникъ и стрѣлокъ. Роду Дадіяновъ предоставленъ былъ титулъ свѣтлости. Леванъ былъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго. Его сынъ и наслѣдникъ, Давидъ, воспитывался въ Тифлисѣ и былъ въ особенной милости у барона Розена...

Въ 1808 году Абхазія приняла подданство Россіи; Сухумъ въ 1809 году былъ бомбардированъ Русскимъ фрегатомъ Воинъ, и гарнизонъ сдался. Но долгое время еще край оставался въ прежнемъ, враждебномъ къ намъ, положеніи. Этому много способствовали кровавыя междоусобія въ семействѣ владѣтеля, равно какъ и близость непокорныхъ горскихъ племенъ, съ которыми Абхазцы, изъ боязни и по врожденному вѣроломству, сохраняли дружественныя связи.

Владѣтельная фамилія въ Абхазіи была изъ рода князей Чечь, которыхъ Грузины, а за ними и мы, называли Шервашидзе. Вѣроятно возвышеніе этого рода произошло вслѣдствіе случайныхъ переворотовъ въ краѣ, потому что нѣкоторыя княжескія фамиліи въ Абхазіи считали себя старше родомъ князей Чечь; таковы напримѣръ: князья Иналипа, Дзаишипа, Маршани, Анчибадзе и другія. Власть владѣтелей зависѣла исключительно отъ ихъ собственнаго характера. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія владѣтелемъ Абхазіи былъ князь Келембей, человѣкъ предпріимчивый, храбрый и умный. Онъ распространилъ свое вліяніе къ Сѣверу на горскія племена до Геленджика (по словамъ Абхазцевъ) и отнялъ одну провинцію у своего исконнаго врага Мингрельскаго Дадьяна. Сынъ его Сафаръ-бей покорился Россіи и получилъ отъ Государя грамоту съ золотою печатью на титулъ владѣтеля Абхазіи и свѣтлости. Въ сущности эта грамота была мертвою буквой: Сафаръ-бей не наслѣдовалъ ума и характера своего отца. Онъ былъ измѣннически умерщвленъ своимъ братомъ, оставивъ сына Михаила (онъ же и Хамидъ-бей) ребенкомъ.

Вообще въ фамиліи Шервашидзе отцеубійства, братоубійства, ядомъ и кинжаломъ, составляютъ событія обыкновенныя. Послѣдній владѣтель изъ этой фамиліи Абхазскихъ Борджіа, Михаилъ, отравилъ своего брата Дмитрія, владѣльца однаго изъ трехъ округовъ Абхазіи; это былъ одинъ изъ послѣднихъ его подвиговъ.

По обычаю горцевъ, Михаилъ воспитывался у ашалыха, Убыхскаго дворянина Хаджи-Берзека Дагумоко. Я уже имѣлъ случай говорить, что этотъ Берзекъ былъ человѣкъ храбрый, предпріимчивый, большаго ума и нашъ закоренѣлый врагъ. Изъ этой начальной школы Михаилъ перешелъ въ другую, едвали-ли не худшую, въ Тифлисѣ, гдѣ при главномъ штабѣ научился немного Русской грамотѣ. По смерти отца, онъ былъ посланъ въ Абхазію, которую засталъ въ большомъ волненіи. Противъ него была сильная партія, предводимая Кацомъ-Маргани, дворяниномъ, который, по уму, отчаянной храбрости и твердому характеру, имѣлъ огромное значеніе не только въ Абхазіи, но и у сосѣднихъ, немирныхъ горскихъ племенъ. Это было въ 1832 году. Князь Михаилъ, 15 лѣтній мальчикъ, былъ осажденъ въ своей резиденціи Соуксу, въ четырехъ верстахъ отъ берега моря. Наши военныя силы въ Абхазіи были тогда ничтожны и при возстаніи всего края не могли имѣть сухопутнаго сообщенія съ Грузіей. Въ Соуксу находились двѣ роты егерскаго полка, подъ начальствомъ капитана Морогевскаго. Этотъ храбрый офицеръ не упалъ духомъ, а устроилъ вокругъ владѣтельскаго дома укрѣпленіе, стащилъ туда провіантъ и нѣсколько мѣсяцевъ держался тамъ противъ огромнаго скопища Абхазцевъ, къ которымъ на помощь пришли ихъ сосѣди Джигеты и Убыхи. Въ 1824 году былъ посланъ въ Абхазію значительный отрядъ, подъ начальствомъ г. м. князя Горчакова (Петра Дмитріевича, впослѣдствіи генералъ-губернатора Западной Сибири). Манъ-Кацъ встрѣтилъ его между Сухумомъ и Соуксу. На этомъ пространствѣ мѣстность волнистая, прорѣзанная множествомъ рѣчекъ и поросшая лѣсомъ. Князь Горчаковъ, при безпрерывной перестрѣлкѣ, достигъ Соуксу, потерявъ 800 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Порядокъ въ Абхазіи былъ, хотя по наружности, возстановленъ, и владѣтель введенъ снова въ свои права, кажется, при сильномъ содѣйствіи тогоже Кацо-Маргани, который съ тѣхъ поръ сдѣлался покровителемъ и опекуномъ молодаго князя и вѣрнымъ слугой нашего правительства. Въ 1839 г. я уже нашелъ его полковникомъ. Послѣ экспедиціи князя Горчакова въ 1824 году, въ Абхазіи былъ оставленъ егерскій полкъ (кажется 40-й), котораго командиру полковнику Пацовскому предоставлено было занимать край, устроивать и управлять имъ по его усмотрѣнію. Выборъ начальника былъ очень удаченъ. Пацовскій былъ

человѣкъ умный и опытный; онъ построилъ укрѣпленія Бамборы и Поцунду, Дранды, Илори и Гагры. Въ первомъ, въ трехъ верстахъ отъ Соуксу, Пацовскій расположилъ цѣлый баталіонъ съ 4-мя полевыми орудіями и устроилъ свое управленіе. Другой баталіонъ занялъ Сухумъ, третій остальныя четыре укрѣпленія. Изъ послѣднихъ самое важное было Гагры, въ 5 верстахъ къ С.-З. отъ устья Бзыба.

Здѣсь горы, составляющія правый берегъ долины Бзыба, упираются въ самое море значительными, крутыми высотами, покрытыми лѣсомъ. Укрѣпленіе построено при устьи небольшой, горной рѣчки Жоадзехъ, вокругъ хорошо сохранившихся развалинъ древняго христіанскаго храма, обращеннаго въ пороховой погребъ. Это укрѣпленіе, построенное между подошвою горы и морскимъ прибоемъ, замыкало единственный, удобный проходъ, которымъ пользовались горцы для вторженія въ Абхазію; обойти его можно было только по снѣговому хребту. Хаджи-Берзекъ однажды предпринялъ, съ партіею Убыховъ, вторженіе по этому дальнему и опасному направленію, но потерялъ нѣсколько сотъ человѣкъ отъ снѣжной мятели, застигшей его на вершинѣ хребта.

Укрѣпленія въ Абхазіи имѣли между собою и съ Мингреліею сухопутное сообщеніе, удобное для верховыхъ и очень трудное для колесныхъ экипажей. Между Пицундой и Гаграми, въ 1839 году, не было сухопутнаго сообщенія. Оно было оставлено, когда десятка два солдатъ, переправляясь на плоту чрезъ Бзыбъ, потонули. Замѣчательно, что изъ всѣхъ бывшихъ на плоту, спасся одинъ Кацо-Маргани, совсѣмъ не умѣющій плавать и имѣвшій врожденное отвращеніе отъ воды.

Между Гаграми и землею Убыховъ живутъ Джигеты, небольшой народъ Абхазскаго племени, находящійся подъ властью трехъ княжескихъ фамилій: Аридъ, Codeчь и Цанъ. Главное населеніе жило по б. рѣки Мдзымты и ея притоковъ. Въ верхней части этой долины и до снѣговаго хребта было горное общество Ахчипсоу въ мѣстахъ трудно-доступныхъ. Это былъ такой-же притонъ безпокойныхъ людей, какъ Псху. Джигеты были подъ сильнымъ вліяніемъ Убыховъ и волею-неволею должны были участвовать во всѣхъ предпріятіяхъ, пока не было построено въ 1837 г. при устьи р. Мдзымты укрѣпленіе Св. Духа съ гарнизономъ однаго баталіона.

Абхазское племя мало разнилось отъ Адехе въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ и вооруженіи. Можно только сказать, что Абхазцы вѣроломнѣе и беднѣе своихъ сосѣдей. Послѣднее вѣроятно происходило отъ ихъ особенной склонности къ воровству; немудрено, что владѣтели и многочисленная аристократія имѣли вредное вліяніе на народное

благосостояніе. Мы считали Абхазію покорною, но это было не совсѣмъ вѣрно. Правда, что въ этомъ краѣ не составлялось партій, противъ которыхъ войска должны бы были дѣйствовать оружіемъ, но разбои и убійство были очень часты: одиночныхъ солдатъ измѣннически убивали и брали въ виду укрѣпленія и особливо близъ Сухума. Тамъ была главная стоянка крейсирующей эскадры. Матросовъ трудно былъ вразумить, что въ этомъ краѣ нельзя бродить по одиночкѣ и особливо въ лѣсныхъ мѣстахъ. Всѣ такіе случаи, называвшіеся шалостями, оставались безнаказанными; виновныхъ не находили и все сваливали на Убыховъ и на горныхъ жителей Псху и Ахчипсоу.

Берегъ Чернаго моря отъ Анапы до границъ Азіятской Турціи вообще не пользуется хорошимъ климатомъ. Особливо къ Югу отъ Шапсухо, природа принимаетъ характеръ жаркихъ странъ: въ Абхазіи, Мингреліи, Гуріи, дикій виноградъ переплетаетъ лѣса вѣтвями огромной толщины, которыя перебрасываются съ одного дерева на другое на большія разстоянія. Во многихъ мѣстахъ нельзя проходить чрезъ лѣса безъ дорогъ иначе, какъ прорубая топоромъ чащу, переплетенную ползучими растеніями. Липы и орѣшникъ достигаютъ гигантскихъ размѣровъ, такъ что подъ однимъ деревомъ рота могла находить тѣнь и ночлегъ. Въ Абхазіи дико растутъ фиговыя, въ Мингреліи и Гуріи гранатовыя деревья, цѣлыя рощи рододендроновъ, азалій и лавровыхъ деревьевъ безпрестанно встрѣчаются. Рододендроны достигаютъ въ Мингреліи и Гуріи необычайной толщины; апельсины и лимоны въ нѣкоторыхъ укрытыхъ мѣстахъ зимуютъ въ грунтѣ и приносятъ плоды. Были дѣлаемы попытки разводить индиго въ Гуріи. Среди этой роскошной природы царствуетъ знаменитая Абхазская лихорадка, которая уносила во сто разъ болѣе жертвъ, чѣмъ всѣ военныя дѣйствія и другія болѣзни. Природные жители этого края отъ нея столько же страдали бы, какъ и наши войска, если бы они не удаляли жилищъ своихъ отъ берега моря въ болѣе возвышенныя мѣста, освѣжаемыя горными вѣтрами. Въ сороковыхъ годахъ мы считали въ 16% потребность ежегоднаго укомплектованія Сухумскаго гарнизона. Это было одно изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ на восточномъ берегу Чернаго моря.

Въ 1839 г. командующимъ войсками въ Абхазіи былъ подполковникъ Козловскій, который въ послѣдствіи игралъ важную роль на Кавказѣ. Тогда положеніе его было довольно скромно. Онъ былъ подчиненъ генералу Эспехо и имѣлъ пребываніе въ укр. Бомборахъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Соуксу. Подъ его начальствомъ были линейные баталіоны, содержащіе постоянный гарнизонъ Абхазскихъ укрѣпленій.

Вотъ почти все, что̀ я могу сказать о положеніи, въ которомъ мы нашли Абхазію въ 1839 году.

Первое мѣсто, которое мы посѣтили въ Абхазіи—Гагры. Встрѣча была нерадушная. Г. Раевскій, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, съ двумя линейными казаками назади, вышелъ на берегъ; мы за нимъ. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ, бросилось множество собакъ и еслибы не прибѣжавшіе солдаты, онѣ бы разорвали казаковъ. Оказалось, что гарнизонъ держитъ и кормитъ эту стаю псовъ крупной породы для лучшаго охраненія укрѣпленія отъ ночнаго нападенія горцевъ. Эти доблестные стражи приняли казаковъ за горцевъ. Такая оригинальная охрана была необходима для укрѣпленія, построеннаго у самой подошвы горы и близъ тѣснаго ущелья. Гарнизонъ состоялъ изъ одной роты, которая ни днемъ, ни ночью не имѣла покоя. Горцы стрѣляли и бросали камни съ горы; внутри укрѣпленія не было мѣста, которое бы укрыто было отъ этихъ выстрѣловъ. Днемъ люди могли отходить только на сотню саженъ къ сторонѣ Абхазіи. Продовольствіе войскъ было скудно въ сравненіи съ нашими приморскими укрѣпленіями, получавшими его по усиленному морскому положенію. Очень часто нижніе чины не имѣли свѣжаго мяса. Стѣсненіе, скука, лишенія и тревога при вредномъ климатѣ опустошали гарнизонъ Абхазскою лихорадкою и цингою. Гагры были ссылочнымъ мѣстомъ. Бестужевъ (Марлинскій) былъ произведенъ въ прапорщики съ назначеніемъ именно въ Гагры. Въ Пицундѣ мы любовались древнимъ христіанскимъ храмомъ, котораго живописныя развалины, впрочемъ, хорошо сохранившіяся, обросли плющемъ, а на сводахъ росли гранатовыя и фиговыя деревья. Внутри храма сохранились нѣкоторыя фрески, и многія детали, свидѣтельствовавшія о глубокой древности.

Въ Бомборахъ мы не застали подполковника Козловскаго. Онъ поѣхалъ встрѣчать своего начальника, генерала Эспехо. Это не помѣшало намъ расположиться въ его домѣ. Это было нашествіе иноплеменныхъ. Г. Раевскаго всегда сопровождала толпа молодежи, которую ему присылали изъ Петербурга для участвованія въ экспедиціи. Раевскій любилъ съ ними болтать и шутить; но нужно сказать, что онъ умѣлъ при этомъ быть строгимъ и что въ его обществѣ никто изъ молодыхъ людей не могъ забыть своихъ служебныхъ отношеній. На этотъ разъ князь Меншиковъ прислалъ трехъ своихъ адъютантовъ: Краббе, Рындина и Баумгартена. Особенно Краббе забавлялъ общество разными фарсами болѣе или менѣе остроумными. Ночевали мы, кромѣ г. Раевскаго, всѣ въ большомъ залѣ на сѣнѣ, постланномъ на полу. Далеко за полночь веселая компанія не давала мнѣ спать. Краббе, ставъ посреди комнаты на голову и поднявъ ноги, дѣлалъ ими

разныя телеграфическія фигуры, какъ-бы передавая депешу: «Генералъ Эспехо пріѣхалъ въ Кутаисъ, съѣлъ кусочекъ рыбки и заболѣлъ лихорадкой». Бѣдный Эспехо дѣйствительно былъ изнуренъ этой болѣзнью и если утромъ не принималъ хинной соли, могъ быть увѣренъ, что къ вечеру у него будетъ пароксизмъ. Ночью онъ прибылъ въ Бомборы вмѣстѣ съ Козловскимъ и кое-какъ переночевалъ въ одной маленькой комнатѣ, а хозяину досталась еще худшая доля.

Утромъ мы отправились верхомъ въ Соуксу сдѣлать визитъ владѣтелю. Генералъ-маіоръ князь Михаилъ Шервашидзе (онъ же и Хамидъ-бей), довольно красивый мужчина, лѣтъ около тридцати, высокаго роста, но съ фальшивымъ выраженіемъ глазъ. Онъ хорошо говоритъ порусски и встрѣтилъ насъ въ генеральскомъ сюртукѣ. Его новый домъ, въ Европейскомъ вкусѣ, еще не былъ готовъ, и онъ посадилъ насъ и угостилъ кофе на крытой террасѣ стараго деревяннаго дома, спрятавшагося въ густой, роскошной зелени. Видъ отсюда прекрасный, растительность великолѣпная, и только яркія лохмотья въ толпѣ народа, сбѣжавшагося поглазѣть на гостей, портили картину. Между зрителями были и совсѣмъ нагіе, прикрытые дырявой буркою. Женщины съ закутанными лицами стояли группами гораздо далѣе мужчинъ. Генералъ Раевскій много распрашивалъ владѣтеля, показывалъ ему большое участіе и совершенно его очаровалъ.

Вечеромъ мы возвратились на пароходъ, а рано утромъ бросили якорь въ Сухумской бухтѣ, саженяхъ въ 15 отъ берега и крѣпости. Сухумская бухта открыта отъ S. O. до W., но сильные морскіе вѣтры сюда рѣдко доходятъ, а разражаются дождями. На восточномъ берегу эта бухта считается лучшею, хотя имѣетъ одно большое неудобство: морское дно слишкомъ быстро углубляется, начиная отъ самаго берега, такъ что при скорой перемѣнѣ вѣтра судно можетъ быть выкинуто на берегъ оставаясь на якорѣ.

Сухумъ имѣлъ очень печальный видъ. Высокія, каменныя стѣны, подмываемыя морскимъ прибоемъ, были очень повреждены со стороны моря, внутреннее пространство занято деревянными помѣщеніями гарнизона и службами. Все это было вѣтхо, гнило, грязно. Жители имѣли видъ болѣзненный, изнуренный, апатичный. Форштатъ состоялъ изъ нѣсколькихъ духановъ, гдѣ Армянскіе торгаши продавали водку, чихирь, табакъ и другіе подобные товары, необходимые для солдатъ. Тутъ-же можно было купить Турецкій ситецъ Англійскаго издѣлія, не смотря на то, что тутъ-же были и карантинъ и таможенная застава. Но главные притоны контрабанды были въ Келасурахъ, въ 6 верстахъ къ Югу отъ Сухума и въ Оченчирахъ, еще южнѣе. Въ первомъ эта торговля процвѣтала подъ покровительствомъ владѣльца Абхазскаго

округа князя Дмитрія, а второй принадлежалъ въ собственность самому владѣтелю Абхазіи. Эта торговля приносила имъ значительный доходъ и служила яблокомъ раздора между ними. Торговцы прежде платили подать и владѣтелю, и князю Димитрію; мало по малу послѣднему, при содѣйствіи Тифлисскаго начальства, удалось устранить владѣтеля въ Келасурахъ. Князь Дмитрій былъ жадный и вѣроломный человѣкъ. Подъ рукой онъ много дѣлалъ вреда владѣтелю. Скрытная вражда между ними все болѣе разгоралась и кончилась тѣмъ, что князь Михаилъ отравилъ своего двоюроднаго брата въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Между Сухумомъ и Келасурами дорога идетъ по лавровой рощѣ. Въ 1836 г. графъ Воронцовъ приходилъ въ Сухумъ на корветѣ Ифигеніи и пароходѣ Колхидѣ. Узнавъ, что въ окрестностяхъ есть лавровыя деревья, онъ попросилъ коменданта приказать наломать ему нѣсколько вѣтокъ и отправить на пароходъ. Возвратясь туда изъ крѣпости часа черезъ два, графъ Воронцовъ и его компанія были удивлены, найдя на палубѣ цѣлый возъ лавровыхъ вѣтвей съ листьями. Въ Сухумѣ солдаты употребляютъ эти вѣтви на вѣники и порадѣли графу, думая, что и онъ хочетъ сдѣлать изъ нихъ тоже употребленіе.

Возвращаясь въ отрядъ, генералъ Раевскій принялся за описаніе своего путешествія по всему восточному берегу отъ Анапы до Мингреліи. Это описаніе имѣло видъ разсказа. Такая форма давала возможность, при всякомъ удобномъ случаѣ, касаться разныхъ предметовъ, не стѣсняясь однообразнымъ содержаніемъ. Такое обозрѣніе г. Раевскій предположилъ дѣлать послѣ каждаго посѣщенія своего края. Онъ самъ диктовалъ ихъ Антоновичу или Пушкину, и послѣ многихъ переправокъ обыкновенно выходила очень интересная и разнообразная статья, написанная эффектно и бойкимъ слогомъ. Послѣ мы узнали, что Государь читалъ эти обозрѣнія съ особеннымъ удовольствіемъ, часто показывалъ Императрицѣ, смѣялся надъ нѣкоторыми искусно вставленными остротами и сарказмами и всегда немедленно разрѣшалъ все, чего испрашивалъ Раевскій. Фельдъ-егерь скакалъ уже въ Керчь съ этими высочайшими разрѣшеніями, когда въ Тифлисѣ только что были получаемы наши донесенія, и тамъ еще не собирались дѣлать своихъ обычныхъ возраженій.

На этотъ разъ обозрѣніе было особенно интересно и заключало въ себѣ разсказъ о весьма удачномъ дѣйствіи нашихъ Азовскихъ казаковъ противъ Убыхскихъ вооруженныхъ галеръ. Прежде нежели разсказать это происшествіе, я долженъ сказать о самихъ Азовскихъ казакахъ и объ ихъ службѣ на Береговой Линіи.

Извѣстно, что Азовское войско составилось изъ Запорожцевъ, перешедшихъ къ намъ изъ Турціи въ 1829 г. и изъ переселившихся къ казакамъ Малороссіянъ. Извѣстно также, что Государь Николай Павловичъ въ Сатуновѣ переѣхалъ чрезъ Дунай на лодкѣ, гдѣ гребцами были только вышедшіе къ намъ Запорожцы. Рулевымъ былъ Осипъ Гладкій. Онъ же и былъ сдѣланъ наказнымъ атаманомъ этого новаго войска, получившаго земли около Бердянска. Гладкій былъ безграмотенъ, но смышленный и хитрый хохолъ; старые его казаки Запорожцы промышляли въ Турціи грабежемъ и разбоемъ на сухомъ пути и на морѣ. Они были смѣлые и искусные моряки. Назначеніемъ ихъ командъ на Береговую Линію мы обязаны адмиралу Лазареву. Онъ очень хорошо понялъ, что разрозненныя, не имѣющія сухопутнаго сообщенія укрѣпленія не могутъ достигнуть цѣли, т. е. занятія восточнаго берега Чернаго моря для прекращенія сообщеній горцевъ съ Турціей. Съ другой стороны, Лазаревъ зналъ, что крейсирующая эскадра, состоящая изъ семи парусныхъ судовъ, совершенно не можетъ прекратить прихода контрабандныхъ судовъ къ этому враждебному намъ краю, не имѣющему удобныхъ портовъ отъ устья Кубани до Батума. Турецкія кочермы, почти плоскодонныя суда, но ходящія быстро съ попутнымъ вѣтромъ, выжидаютъ въ морѣ прохода нашего крейсера и тотчасъ пускаются прямо на берегъ, гдѣ ихъ ожидаютъ защита и гостепріимство горцевъ. Такія суда издревле плавали вдоль этого берега и были описаны еще Страбономъ подъ именемъ камàры. Турки очень ловко ими управляютъ. Крейсеръ нашъ можетъ овладѣть такимъ судномъ только въ особенно-благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ весьма рѣдко встрѣчаться, тѣмъ болѣе что, по международному праву, крейсеръ могъ брать контрабандныя суда только ближе трехъ миль отъ берега, объявленнаго въ блокадѣ. Нерѣдко случалось, что крейсеръ бывалъ принужденъ прекратить преслѣдованіе кочермы, потому что состояніе моря не позволяло ему безъ большаго риска приближаться къ берегу, и онъ довольствовался только нѣсколькими безвредными пушечными выстрѣлами. Лазаревъ предложилъ завести въ каждомъ береговомъ укрѣпленіи по одному и по два Мальтійскихъ баркаса, вооруженныхъ на носу фальконетомъ или каронадою. Эти суда хорошо держатся въ морѣ и безопасно могутъ переходить 25 и до 30 миль, между укрѣпленіями. Баркасы требуютъ отъ 8 до 12 паръ гребцовъ и могутъ, сверхъ того, поднимать до 40 человѣкъ десанта. Такіе баркасы могли предпринимать внезапныя высадки на непріятельскій берегъ и тамъ уничтожать Турецкія суда. Такимъ образомъ представился прекрасный случай извлечь большую пользу изъ морской опытности и предпріимчивости Азовскихъ каза-

ковъ, которые составили экипажъ этихъ баркасовъ, смѣняясь каждые четыре года. Начальство надъ этими командами поручено есаулу Дьяченкѣ, а на каждомъ баркасѣ начальникомъ былъ одинъ изъ старыхъ Запорожцевъ. Надобно отдать справедливость г. Раевскому и его преемникамъ: они умѣли подстрекнуть и развить отважную предпріимчивость казаковъ, щедро награждая отличившихся и отдавая имъ безотчетно всю взятую добычу. Это была самая дѣйствительная мѣра къ прекращенію контрабанды, вредной въ политическомъ отношеніи еще болѣе, чѣмъ въ финансовомъ.

На одномъ изъ такихъ баркасовъ въ укр. на р. Соге (Навагинскомъ) былъ заурядъ хорунжій Бараховичъ. Ему было лѣтъ за 30, онъ былъ бѣлокуръ, черты лица его были безъ особеннаго выраженія. Онъ былъ грамотенъ на столько, что могъ писать и реляціи о своихъ подвигахъ, и ябеды. Онъ былъ однимъ изъ гребцовъ на Государевомъ баркасѣ, и, какъ послѣ оказалось, живя еще на Дунаѣ, занимался, между прочимъ, морскимъ разбоемъ. Бараховичъ былъ храбръ и предпріимчивъ, особенно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Это былъ хитрый хохолъ, умѣвшій лгать безъ зазрѣнія совѣсти, а подъ-часъ разыграть роль простяка и шута. Я сказалъ нѣсколько словъ о личномъ характерѣ этого человѣка, потому что, начавъ свою карьеру казакомъ изъ бѣглыхъ Запорожцевъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ дошелъ до чина полковника, имѣлъ много орденовъ (портретъ его и по сіе время въ Эрмитажѣ) и, наконецъ, умеръ въ своемъ войскѣ подъ судомъ за ябеды и фальшивые доносы.

Однажды, отправясь на своемъ баркасѣ изъ укр. Навагинскаго въ укр. Св. Духа провожать проходившій оттуда другой баркасъ, Бараховичъ увидѣлъ противъ устья рѣки Вардане Черкесскую галеру, отдалившуюся отъ берега и шедшую, какъ казалось, на разбой въ Абхазію. Бараховичъ успѣлъ стать между берегомъ и галерою и рѣшился ее атаковать. На галерѣ было человѣкъ 40 горцевъ; у Бараховича на двухъ баркасахъ было 32 казака, но на носу каждаго баркаса было по одному 3-хъ ф. фальконету. Во время перестрѣлки, казаки замѣтили другую галеру, шедшую отъ берега на помощь атакованной. Бараховичъ рѣшился идти на абордажъ. Вѣроятно, послѣдніе пушечные выстрѣлы были удачны на близкомъ разстояніи: у горцевъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которые стѣсняли дѣйствія другихъ. Галера была взята и потоплена, 21 горецъ взяты въ плѣнъ. Это сдѣлано такъ быстро, что другая галера не успѣла еще подойти и, видя гибель своихъ товарищей, вернулась къ берегу. Казаки ее преслѣдовали пушечными выстрѣлами, но не догнали. Это было послѣднее появленіе Черкесскихъ галеръ въ морѣ. Онѣ были во всѣхъ

устьяхъ главныхъ рѣчекъ и сгнили безъ употребленія. Мы нашли плѣнныхъ уже въ нашемъ лагерѣ. Это были Убыхи; изъ нихъ двое были люди извѣстные и достаточные, одинъ былъ легко раненъ. Раевскій оставилъ ихъ у себя, обласкалъ и когда раненый выздоровѣлъ, далъ имъ подарки и отпустилъ въ дома. Остальные 19 плѣнныхъ Убыховъ были вымѣнены на нашихъ плѣнныхъ. Государь щедро наградилъ казаковъ, участвовавшихъ въ бою. Барахович былъ произведенъ въ сотники и получилъ орденъ, если не ошибаюсь, Владимира 4 ст. съ бантомъ. Георгіевская дума не признала его заслужившимъ орд. св. Георгія 4 класса, потому что на непріятельской галерѣ не было артиллеріи. На этотъ разъ строгость думы была очень кстати, но во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ на Кавказѣ она лишила этой лестной награды многихъ, вполнѣ ее заслужившихъ Казакамъ пожаловано нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ и денегъ.

Въ томъ-же обозрѣніи, гдѣ была помѣщена реляція о подвигахъ казаковъ, было интересное описаніе Абхазіи и предложеніе образовать изъ этого края 3-е отдѣленіе Черноморской Береговой Линіи, для приданія бо́льшаго единства всѣмъ дѣйствіямъ и предпріятіямъ правительства. Отвѣтъ не замедлилъ. Фельдъегерь привезъ высочайшее повелѣніе объ этомъ въ Тифлисъ, гдѣ готовилось сильное возраженіе; проѣзжая чрезъ Керчь, фельдъегерь привезъ Раевскому отъ военнаго министра копію этого высочайшаго повелѣнія.

Это было второе завоеваніе, сдѣланное Раевскимъ у своихъ сосѣдей. Управленіе его быстро расширялось и усложнялось. Въ его вѣдѣніе перешла крейсирующая эскадра, по дѣламъ которой онъ былъ подчиненъ адмиралу Лазареву. Раевскому же были подчинены карантины и таможни въ его краѣ, и въ этомъ отношеніи онъ поступилъ въ непосредственное подчиненіе министру внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ числѣ товаровъ, которые горцы получали изъ Турціи, въ видѣ контрабанды, была соль, которой въ горахъ не было, и выварка ея изъ морской воды стоила слишкомъ дорого. Раевскій предложилъ завести мѣновые дворы въ береговыхъ укрѣпленіяхъ, чтобы снабжать горцевъ этимъ предметомъ первой потребности и въ которомъ по мѣрѣ стѣсненія контрабанды горцы очень нуждались. Это представленіе было немедленно разрѣшено, и приказано отпускать соль изъ Крымскихъ озеръ по казенной цѣнѣ и перевозить на казенныхъ судахъ. По этой операціи Раевскій поставленъ въ прямую зависимость отъ министра финансовъ. Наконецъ, снабженіе укрѣпленій продовольствіемъ, артиллеріею и коммисаріатскими предметами перешло для бо́льшаго удобства въ Симферопольскую провіантскую коммиссію, юж-

ный артиллерійскій округъ и Кременчугскую коммисаріатскую коммисію. У насъ, въ началѣ, былъ одинъ пароходъ; въ 1839 же году куплено еще въ Англіи три парохода и пять военныхъ транспортовъ. Такъ образовалась вмѣстѣ съ 20 Азовскими баркасами значительная флотилія, получавшая снабженіе и команды изъ Севастополя, отъ Черноморскаго флота. Заготовленіе въ Таганрогѣ и доставка на Береговую Линію каменнаго угля для пароходовъ, заготовленіе строительныхъ матеріаловъ, постройка зданій для гарнизоновъ и ихъ перевозка въ укрѣпленія производились подъ распоряженіемъ начальника Береговой Линіи. Вмѣсто 3-хъ баркасовъ, бывшихъ въ началѣ 1838 г., въ распоряженіи начальника Береговой Линіи явилось ихъ 16, изъ которыхъ 4 подвижнаго резерва для военныхъ предпріятій въ краѣ и для подкрѣпленія гарнизоновъ. Всѣмъ этимъ войскамъ Раевскій исходатайствовалъ обильное продовольствіе, какое получаютъ моряки на судахъ. Это была безпримѣрная милость. Довольствіе войскъ до нынѣшняго царствованія было крайне-скудное, хотя на Кавказѣ оно значительно улучшено для нѣкоторыхъ войскъ въ соразмѣрности ихъ трудовъ и лишеній. Войскамъ исходатайствовано усиленное жалованье, и сверхъ того высочайше разрѣшено привозить безпошлинно изъ Одесскаго порто-франко товары, для офицеровъ необходимые.

Всѣ эти разрѣшенія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, были, такъ сказать, взяты съ бою. Въ Ставрополѣ и особенно въ Тифлисѣ дѣлали всевозможное, чтобы уронить представленія Раевскаго, иногда, дѣйствительно не совсѣмъ умѣренныя. Это порождало непріятную переписку, въ которой Раевскій давалъ полную волю своему остроумію и сарказмамъ. Всякому другому это бы не сошло съ рукъ при Государѣ щекотливомъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиненнаго къ начальнику; но Раевскій былъ тутъ какимъ-то страннымъ исключеніемъ. Государь смѣялся его выходкамъ и разрѣшалъ всѣ его представленія, «для выигрыша времени», какъ обыкновенно писалось въ предписаніяхъ военнаго министра. Иногда онъ помѣщалъ такія остроты и безъ надобности, а просто по привычкѣ. Такъ напримѣръ, однажды я ему принесъ прочитать проектъ донесенія по провіантскому вопросу. Бумага была листахъ на двухъ и наполнена цифрами, которыя я постарался сгруппировать такъ, чтобы результатъ выдавался рельефнѣе. Къ удивленію моему Раевскій приказалъ оставить проектъ у себя, говоря, что хочетъ нѣчто прибавить. Дѣйствительно, на другой день я получилъ проектъ обратно, и вся прибавка состояла въ томъ, что въ концѣ моей аргументаціи вставлена была слѣдующая фраза: «Есть истины, которыя затмишь, стараясь доказывать; такъ, напримѣръ, я увѣренъ, что дважды два четыре, но доказать это не возьмусь».

Этимъ однакоже не кончилось. Когда бумага была подписана, вошелъ въ кабинетъ Раевскаго Сикстель, управляющій Симферопольскою провіантскою коммисіею, и доложилъ, что въ укр. Св. Духа почти нѣтъ провіанта. Это произошло отъ того, что требованія годичнаго снабженія береговыхъ укрѣпленій продовольствіемъ дѣлались и нами, и г. Граббе, и г. Головинымъ. При этомъ вышли недоразумѣнія, которыя могли погубить гарнизонъ укр. Св. Духа. Раевскій прибавилъ къ донесенію постъ-скриптумъ. Изложивъ крайнія мѣры, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть для отвращенія бѣдствія, онъ прибавилъ: «Симферопольская провіантская коммисія должна быть очень озадачена, получая съ трехъ сторонъ разнорѣчивыя распоряженія. Для избѣжанія на будущее время подобныхъ недоразумѣній, могущихъ имѣть гибельныя послѣдствія, я вмѣстѣ съ симъ предписалъ Симферопольск. провіант. коммисіи не исполнять впредъ ничьихъ предписаній, кромѣ моихъ, о чемъ в-му с-ву донести честь имѣю.» Это донесеніе, какъ и всѣ другія, отправлено въ Петербургъ съ эстафетой, а чрезъ нѣсколько дней военный министръ съ фельдъегеремъ строжайше подтвердилъ о томъ провіантской коммисіи.

Такихъ случаевъ было множество. Раевскій дѣйствовалъ самостоятельно и не справляясь, имѣетъ ли на то право. Управленіе быстро разросталось. По отношенію къ войскамъ 1-го и 2-го отдѣленій Береговой Линіи онъ былъ подчиненъ командующему войсками Кавказской линіи, по войскамъ 3 отдѣленія непосредственно корпусному командиру; но не слушался ни того, ни другаго, выставляя военныя обстоятельства и исключительное положеніе его края. Къ тому же, всѣ снабженія онъ получалъ извнѣ района Кавказскаго корпуса и умѣлъ часто противупоставлять требованіямъ своего прямаго начальства распоряженія другихъ, постороннихъ лицъ и вѣдомствъ, которымъ онъ, по нѣкоторымъ предметамъ, былъ подчиненъ. Однажды, когда онъ приказывалъ мнѣ написать представленіе о назначеніи въ каждое береговое укрѣпленіе по одному іеромонаху изъ Балаклавскаго монастыря Св. Георгія, я шутя спросилъ, не прикажетъ ли просить, чтобы въ духовномъ отношеніи начальникъ Береговой Линіи подчинялся митрополиту Агаѳангелу, священно-архимандриту Балаклавскаго монастыря? «Не худо бы, но онъ слишкомъ старъ и безтолковъ: отъ него проку никакого не будетъ».—Но, куда это набираете себѣ такую пропасть начальниковъ?—«Любезный другъ, вы темный человѣкъ. Развѣ вы не понимаете, что чѣмъ у меня больше будетъ начальниковъ, тѣмъ менѣе я буду зависимъ. Я ихъ перессорю и буду дѣлать, что́ хочу».

Возвратясь къ отряду на р. Шахе, мы узнали, что безъ насъ горцы вытащили на ближайшую лѣсную гору за рѣкою Шахе два

орудія, за гребнемъ образовали натуральный брустверъ съ отверстіями только для дулъ орудій и начали стрѣлять ядрами въ отрядъ, расположенный въ долинѣ. Цѣль была для нихъ такъ велика, что, при всемъ ихъ неумѣніи, нужно приписать особенно счастливому случаю, что, изъ сотни выстрѣловъ, однимъ ядромъ у насъ убило только артиллерійскую лошадь. Несмотря на то, необходимо было положить конецъ этой канонадѣ, державшей отрядъ въ тревогѣ. Артиллерія наша не жалѣла выстрѣловъ, но не могла сбить непріятельскихъ орудій, потому что для этого нужно было попасть въ одну точку и притомъ навѣсными выстрѣлами. Но еще болѣе тревожилъ непріятель наше лѣвое прикрытіе съ лѣсистаго гребня, отдѣляющаго долину Субаше отъ долины Шахе. Тамъ собирались горцы скрытно и въ большихъ силахъ и, неотдѣленные отъ насъ никакимъ естественнымъ препятствіемъ, безнаказано дѣлали ночныя нападенія или неожиданно атаковали высланныя на фуражировку команды. Раевскій рѣшился занять послѣдовательно одну гору за другою и вырубить покрывающій ихъ лѣсъ на сторонѣ, обращенной къ отряду. Можно было при этомъ ожидать тѣмъ болѣе сильнаго сопротивленія, что непріятель былъ въ сборѣ и что наша артиллерія при этомъ не могла принять участія.

Написавъ начерно диспозицію, я пошелъ навѣстить князя Одоевскаго, который былъ прикомандированъ къ 4-му баталіону Тенгинскаго полка. Я нашелъ его въ горѣ: онъ только что получилъ извѣстіе о смерти своего отца, котораго горячо любилъ. Онъ говорилъ, что порвалась послѣдняя связь его съ жизнью; а когда узналъ о готовящейся серьезной экспедиціи, обрадовался и сказалъ рѣшительно, что живой оттуда не воротится, что это перстъ Божій, указывающій ему развязку съ постылой жизнью. Онъ былъ въ такомъ положеніи, что утѣшать его или спорить съ нимъ было бы безразсудно. Поэтому, пришедъ къ себѣ, я тотчасъ измѣнилъ диспозицію: 4-й баталіонъ Тенгинскаго полка оставилъ въ лагерѣ, а въ словесномъ приказаніи поставилъ частнымъ начальникамъ въ обязанность, подъ строгою отвѣтственностью, не допускать прикомандированія офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ одной части въ другую для участвованія въ предстоящемъ движеніи. Но и это не помогло. Вечеромъ я узналъ, что князь Одоевскій упросилъ своего полковаго командира перевести его заднимъ числомъ въ 3-й баталіонъ, назначенный въ дѣло. Я рѣшился на послѣднее средство: пошелъ къ Н. Н. Раевскому и просилъ его призвать къ себѣ князя Одоевскаго и лично строго запретить ему на другой день участвовать въ дѣйствіи. Я разсказалъ ему причину моей просьбы и, казалось, встрѣтилъ съ его стороны участіе. Призванный князь Одоевскій вошелъ въ кибитку Раевскаго и, оставаясь у входа,

сказалъ на его холодное привѣтствіе солдатскую формулу: «здравія желаю вашему пр-ву». Раевскій сказалъ ему: «Вы желаете участвовать въ завтрашнемъ движеніи; я вамъ это дозволяю». Одоевскій вышелъ, а я не вѣрилъ ушамъ своимъ и не могъ понять, насмѣшка ли это надо мною или слѣдствіе ихъ прежнихъ отношеній? Наконецъ, такого тона на Кавказѣ не принималъ ни одинъ генералъ съ Декабристами. Оказалось, что все это произошло просто отъ разсѣянности Раевскаго, которому показалось, что я именно прошу его позволенія Одоевскому участвовать въ движеніе. Такъ по крайней мѣрѣ онъ меня увѣрялъ. Я побѣжалъ къ князю Одоевскому и объяснилъ ему ошибку. Вѣроятно, я говорилъ не хладнокровно. Это его тронуло; мы обнялись, и онъ далъ мнѣ слово беречь свою жизнь. Это глупое недоразумѣніе насъ еще болѣе сблизило, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю часы, проведенные въ бесѣдѣ съ этою свѣтлою, поэтическою и крайне симпатическою личностію. Этихъ часовъ было немного. Чрезъ мѣсяцъ, когда мы были уже въ Псезуапе́, я долженъ былъ ѣхать съ Раевскимъ на пароходѣ по линіи и зашелъ къ Одоевскому проститься. Я нашелъ его на кровати, въ лихорадочномъ жару. Въ отрядѣ было множество больныхъ лихорадкою; жары стояли тропическіе. Одоевскій приписывалъ свою болѣзнь тому, что наканунѣ онъ начитался Шиллера въ подлинникѣ на сквозномъ вѣтру чрезъ поднятыя полы палатки. Когда, я возвратился изъ своей поѣздки, недѣли черезъ двѣ, Одоевскаго уже не было, и я нашелъ только его могилу съ большимъ деревяннымъ крестомъ, выкрашеннымъ красною масляною краскою. При послѣднихъ его минутахъ былъ нашъ добрый Сальстетъ, котораго покойный любилъ за его дѣтскую доброту и искренность. Не могу понять, какъ могъ Лермонтовъ въ своихъ воспоминаніяхъ написать, что онъ былъ при кончинѣ Одоевскаго: его не было не только въ отрядѣ на Псезуапе́, но даже и на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря.

Но для Одоевскаго еще не все кончилось смертію. Черезъ часъ послѣ его кончины Сальстетъ увидѣлъ, что у него на лбу выступилъ потъ крупными каплями, а тѣло было совсѣмъ теплое. Всѣ бросились за лекарями; ихъ прибѣжало 6 или 7, но всѣ мѣры къ оживленію оказались безполезными: смерть не отдала своей жертвы. Много друзей проводило покойнаго въ его послѣднее жилище. Отрядъ ушелъ, кончивъ укрѣпленіе, а зимой послѣднее было взято горцами. Когда въ 1840 году мы снова заняли Псезуапѐ, я пошелъ навѣстить дорогую могилу. Она была разрыта горцами, и красный крестъ опрокинутъ въ могилу. И костямъ бѣднаго Одоевскаго не суждено было успокоиться въ этой второй странѣ изгнанія! Миръ душѣ этого страстнаго, пылкаго, увлекающагося, но добраго, честнаго и прямодушнаго че-

ловѣка, который занялъ бы видное мѣсто въ нашей литературѣ, еслибы Сибирь не разрушила его жизни въ самомъ ея началѣ.

Дѣло 29 Мая было жаркое. Наши войска заняли гору на разсвѣтѣ и тотчасъ начали рубить деревья на сторонѣ, обращенной къ лагерю, и дѣлать засѣку по гребню горы. Работа кипѣла, засѣка росла, а между тѣмъ горцы собирались и вели безпрорывную перестрѣлку. Нѣсколько разъ они бросались въ шашки и доходили до самой засѣки; нѣсколько разъ происходили частныя рукопашныя схватки чрезъ засѣку. Горцы дрались съ ожесточеніемъ и щеголяли своимъ удальствомъ. Очень многіе изъ нихъ были убиты, стараясь утащить тѣла своихъ прежде убитыхъ близъ засѣки товарищей. Наши солдатики конечно не жалѣли выстрѣловъ: нѣсколько разъ приходилось смѣнять роты, потому что ружья разгорѣлись и покрылись внутри стволовъ толстымъ слоемъ копоти. Горячее дѣло продолжалось съ разсвѣта до семи часовъ вечера. Ночью наши войска зажгли засѣку и отступили въ лагерь, вырубивъ весь лѣсъ, обращенный къ укрѣпленію. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли человѣкъ 70 убитыми и ранеными, въ томъ числѣ троихъ офицеровъ. Непріятель вѣроятно дороже заплатилъ за свою отвагу и упорство. Объ этомъ можно догадываться по тому, что на другой день, 30 Мая, мы, безъ особеннаго сопротивленія, заняли и вырубили лѣсъ на другой горѣ за р. Шахѐ, откуда горцы стрѣляли изъ орудій. Сихъ послѣднихъ уже не было, и мы нашли только мѣста ихъ, прочно блиндированныя и врытыя въ материкъ.

Въ первыхъ числахъ Іюня фортъ былъ готовъ, занятъ одною ротою гарнизона и названъ Головинскимъ. Это былъ правильный четырехъ-бастіонный фортъ въ 50 саженяхъ отъ моря, на берегу котораго были два деревянныхъ блокгауза, вооруженныхъ каждый однимъ орудіемъ.

5-го Іюня прибылъ флотъ, подъ начальствомъ начальника штаба вице-адмирала Хрущова, и тотчасъ же началась амбаркація отряда; а 7 мы были уже на рейдѣ противъ устья р. Псезуапѐ. Послѣ обычнаго грома, мы высадились почти безъ сопротивленія. Мѣсто было ровное и открытое, долина широкая. Къ вечеру исчезли всѣ кустарники и деревья на картечный выстрѣлъ отъ передовой цѣпи, которая окружила отрядъ высокой и крѣпкой засѣкой. Было нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ. Вообще пребываніе наше въ Псезуапѐ не отличалось особенною воинственностію, благодаря удобству мѣстности, и тому, что горцы убѣдились въ безвредности для нихъ нашихъ укрѣпленій.

Г. Раевскій (и я съ нимъ) ѣздилъ снова по Береговой Линіи. Въ Абхазіи мы уже нашли новаго начальника 3-го отдѣленія Черномор-

ской Береговой Линіи, генералъ-маіора Ольшевскаго, очень дѣятельнаго и толково принявшагося за устройство края. Страшная болѣзненность въ войскахъ поразила меня. Особенно свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки, которыя, послѣ двухъ-трехъ пароксизмовъ, оканчивались нерѣдко спячкой, столбнякомъ или ударомъ. Если же продолжались долго, то обращались въ цингу и оканчивались смертельнымъ кровавымъ поносомъ. Особенно страшно свирѣпствовали болѣзни въ Сухумѣ и въ Гаграхъ.

Изъ среднихъ укрѣпленій, мы нашли въ самомъ бѣдственномъ положеніи Вельяминовское (на Туапсе), построенное въ прошломъ году. Гарнизонъ, изъ 2-хъ ротъ, не имѣлъ свѣжаго мяса, цинга свирѣпствовала и порождала общую апатію. Видя издали пароходъ, въ укрѣпленіи многое прибрали и скрыли; но во время осмотра Раевскимъ лазарета, набитаго больными, я увидѣлъ, между лазаретомъ и брустверомъ, палатку, изъ которой торчали голыя человѣческія ноги: это было нѣсколько труповъ, которыхъ не успѣли похоронить. Баталіонный командиръ маіоръ Дзвонкевичъ, съ остальными двумя ротами, находился въ Геленджикѣ. Это былъ человѣкъ ограниченный, храбрый, крайне-безпечный, но не безкорыстный. Ген. Раевскій конечно поднялъ цѣлую бурю, но все оборвалось на бѣдномъ, запуганномъ старикѣ, капитанѣ Папахристо, исправлявшемъ должность воинскаго начальника, и на лекарѣ Нечипуренко. Послѣдняго онъ арестовалъ и приказалъ отправить на пароходъ, который, по разсѣянности, назвалъ, вмѣсто Колхиды, Язономъ. Папахристо буквально исполнилъ приказаніе и посадилъ лекаря въ котелъ парохода Язонъ, потерпѣвшаго тутъ въ прошломъ году крушеніе. Отъ парохода остался только котелъ, который и лежалъ на берегу. Раевскій извинился передъ лекаремъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Эта печальная картина показала всю опасность нашихъ укрѣпленій, лишенныхъ всякаго сухопутнаго сообщенія.

Въ Геленджикѣ былъ тоже новый начальникъ 2-го отдѣленія, генералъ-маіоръ графъ Опперманъ—личность довольно ничтожная. Геленджикъ выходилъ понемногу изъ своей прежней грязи и апатіи. Вообще на Береговой Линіи много было движенія и перемѣнъ къ лучшему, благодаря щедрымъ средствамъ, которыя г. Раевскій умѣлъ исходатайствовать.

Въ Новороссійскѣ мы нашли большую дѣятельность. Второй фортъ и соединительныя линіи были уже окончены и вооружены; казармы для гарнизона и госпиталя строились, равно какъ нѣсколько частныхъ зданій. Морское вѣдомство строило на берегу бухты адмирал-

тейство для незначительныхъ починокъ и для снабженія военныхъ судовъ; корабль Силистрія клалъ на рейдѣ мертвые якоря. Контръ-адмиралъ Серебряковъ толково и усердно хлопоталъ объ устройствѣ Новороссійска, который видимо росъ и принималъ видъ значительнаго заведенія. Климатъ здѣсь былъ хорошій, но бóра все портила и не позволяла Новороссійску надѣяться на блестящую торговую будущность.

Въ Анапѣ и Новороссійскѣ были частыя и не всегда враждебныя сношенія съ горцами. Мало-по-малу горцы стали приходить туда для продажи своихъ произведеній, сначала тайно, а потомъ явно. Серебряковъ, Армянинъ и знающій хорошо Турецкій языкъ, имѣлъ вездѣ вѣрныхъ и преданныхъ ему лазутчиковъ между Армянами, живущими у горцевъ. Въ Анапѣ мѣновая торговля особенно развилась, благодаря вообще меньшей воинственности окрестнаго населенія, и особливо личности коменданта, полковника Бринка. Егоръ Егоровичъ былъ человѣкъ честный, чрезвычайно добрый и ласковый. Горцы его цѣнили и имѣли къ нему большое уваженіе до того, что нерѣдко приходили къ нему разбираться въ своихъ спорахъ. Забавная черта Егора Егоровича состояла въ томъ, что онъ былъ увѣренъ въ неотразимой силѣ своего многорѣчиваго краснорѣчія. Нерѣдко случалось, что горцы ближайшихъ ауловъ, послѣ двухъ или трехъ часовъ увѣщаній, показывали видъ убѣжденныхъ и заявляли желаніе принести покорность, въ сущности невозможную. Несмотря на то, такое положеніе дѣла очень радовало генерала Раевскаго, и онъ старался себя увѣрить, что Натухайцы готовы покориться. Зная, что онъ эту свою надежду передалъ и въ Петербургъ, я считалъ своей обязанностію прямо высказать ему мое убѣжденіе въ противномъ.

По возвращеніи въ отрядъ, мы нашли, что число больныхъ значительно увеличилось, и почти исключительно перемежающеюся лихорадкою. Хинной соли не жалѣли; она и прекращала лихорадку, но чрезъ нѣсколько дней пароксизмы опять возобновлялись. Въ двухъ лазаретахъ и въ околоткѣ было до 3600 больныхъ низшихъ чиновъ. Ихъ перевозили въ Анапскій и Фанагорійскій госпитали; но поступали вновь заболѣвающіе, и общее число больныхъ мало уменьшалось, такъ что постоянно было въ отрядѣ до 35% больныхъ. А намъ еще предстояла въ этомъ году постройка укрѣпленія на серединѣ дороги между Новороссійскомъ и Анапою! Августъ былъ уже въ концѣ; всѣ запасы, строенія и тяжести нужно было перевозить изъ Анапы сухимъ путемъ за 25—30 верстъ; самый перевозъ войскъ на корабляхъ и высадка въ Анапу въ Сентябрѣ, т. е. въ то время, когда обыкновенно бываютъ въ Черномъ морѣ сильныя равноденственныя бури,

все это заставляло очень задуматься. Перечисляя въ разговорѣ съ г. Раевскимъ всѣ мои опасенія, я спросилъ его: какъ мы все это сдѣлаемъ? и получилъ его обыкновенный отвѣтъ: «любезный другъ, какъ нибудь съ-дуру сдѣлаемъ». И дѣйствительно, сдѣлали и совершенно успѣшно.

31 Августа пришелъ флотъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Станюковича, и тотчасъ началась амбаркація. Время было очень сомнительно; нужно было торопиться. Новое укрѣпленіе, названное Лазаревскимъ, вооружено и занято одною ротою гарнизона. 1-го Сентября эскадра снялась съ якоря, а 4-го благополучно высадила отрядъ въ Анапѣ, которой рейдъ считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ на этомъ берегу. Эскадра тотчасъ же удалилась въ море, да и пора было: ночью морской вѣтеръ засвѣжѣлъ, а къ вечеру обратился почти въ бурю съ дождемъ и шквалами. Но флотъ былъ уже въ морѣ, а мы на сухомъ пути, дòма, и могли имѣть свободное сообщеніе съ Черноморіею, откуда къ намъ прибыли всѣ транспорты и подъемныя лошади. Всѣ наши тяжести и запасы еще прежде были привезены въ Анапу моремъ.

Оставивъ всѣхъ больныхъ въ Анапѣ, отрядъ двинулся по дорогѣ въ Новороссійскъ. Видъ его былъ не грозный, но солдаты были веселы. Всѣмъ казалось, что бѣды наши и болѣзни кончились; движеніе, просторъ и хорошій климатъ всѣхъ оживили. 12 Сентября мы пришли на р. Мескіяга, у начала подъема на хребетъ, въ 26 верстахъ отъ Анапы и почти въ такомъ же разстояніи отъ Новороссійска. Мѣсто это оказалось очень удобнымъ для укрѣпленія, и мы расположились лагеремъ на берегу рѣчки, на мѣстности красивой и здоровой. На пути изъ Анапы у насъ была незначительная перестрѣлка.

Еще не успѣли устроить лагерь, какъ г. Раевскій сильно заболѣлъ. Лекаря требовали непремѣнно, чтобы онъ переѣхалъ въ Анапу, а еще лучше въ Керчь. Онъ рѣшился на послѣднее въ надеждѣ на то, что болѣзнь не долго продолжится. Я остался начальникомъ отряда не только, какъ начальникъ штаба, но и какъ старшій въ чинѣ: командиры полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго, тоже больные, отправились въ Анапу. Много офицеровъ всѣхъ чиновъ были больны; весь мой штабъ состоялъ изъ инженеръ-прапорщика Фалькмута и сотника Лазебникова. Мою дипломатическую канцелярію представлялъ урядникъ Тумаевъ, потому что Таушъ и Люлье, тоже больные, оставили отрядъ, о чемъ я совсѣмъ не жалѣлъ, такъ какъ никогда не любилъ ихъ Черкесской дипломатіи. Недостатокъ офицеровъ въ отрядѣ былъ такъ великъ, что капитаны командовали баталіонами, а состоящій по кавалеріи капитанъ Пушкинъ (Левъ Сергѣевичъ) командовалъ однимъ ба-

таліономъ въ Тенгинскомъ и однимъ въ Навагинскомъ полкахъ. Онъ не находилъ этого обременительнымъ, потому что, при всякомъ походѣ въ Анапу, очердной полкъ долженъ былъ доставлять ему закуску и бутылку рому.

Погода была свѣжая и прохладная, но уже начинало пахнуть осенью. Каждые три дня посылалась въ Анапу колонна съ тысячью повозокъ и возвращалась съ тяжестями на третій день. Для солдатъ это была пріятная прогулка. Съ каждой колонной возвращалось въ отрядъ все болѣе и болѣе выздоравливающихъ, въ лагерѣ же всѣ болѣзни прекратились: люди были бодры и веселы. Постройка укрѣпленія шла быстро, перевозка производилась успѣшно. Всѣ работали усердно, чтобы убраться до глубокой осени. Въ концѣ Сентября я съѣздилъ въ Керчь, чтобы получить приказанія г. Раевскаго. Я нашелъ его поправляющимся, но нельзя было и думать о возвращеніи его къ отряду. Онъ приказалъ мнѣ, по окончаніи укрѣпленія, отвести отрядъ въ Черноморіе и распустить по квартирамъ.

Горцы привыкли къ постройкѣ нашихъ береговыхъ фортовъ и мало на это обращали вниманія: они знали, что, по уходѣ отряда, фортъ останется беззащитнымъ. У нихъ для молодежи вошло въ обычай перестрѣливаться съ гарнизонами, дѣлать засады, подкарауливать команды, высылаемыя за дровами и проч. Все это дѣлалось въ видѣ охоты, безъ всякой общей обдуманной цѣли. Другое дѣло было постройка форта внутри края, между Анапой и Новороссійскомъ, гдѣ находились подвижныя войска, для которыхъ фортъ могъ служить опорою при наступательныхъ дѣйствіяхъ въ землѣ Натухайцевъ. Поэтому горцы были постоянно въ большомъ сборѣ, тревожили отрядъ, но ничего серьознаго не предпринимали по выгодности нашей позиціи. Депутаты отъ сборища являлись ко мнѣ часто, но переговоры не длились, благодаря краснорѣчію Тумаева, который, сколько я могъ догадываться, объяснялся съ ними безъ всякихъ дипломатическихъ тонкостей.

Въ половинѣ Октября, укрѣпленіе, названное, по высочайшей волѣ, фортомъ «Раевскій», было совершенно готово, вооружено, снабжено всѣми припасами на годъ и занято гарнизономъ. 19 Октября мы двинулись въ Анапу. Горцы насъ провожали довольно настойчиво, но ничего серьознаго не предприняли: обошлось 5-ю или 6-ю ранеными. 22 Октября отрядъ распущенъ, и я возвратился въ Керчь, гдѣ нашелъ г. Раевскаго почти выздоровѣвшимъ и при немъ моего безцѣннаго Ник. Вас. Майера. Еще лѣтомъ я списался съ нимъ и, по его согласію, г. Раевскій ходатайствовалъ о назначеніи Майера для исполненія порученій по медицинской части на Береговой Линіи. Это

зависѣло отъ генерала Граббе, съ которымъ Раевскій былъ еще тогда въ дружбѣ и потому отказа не было. Майеръ впрочемъ оставался довольно долго при офиціальномъ титулѣ «состоящаго по особымъ порученіямъ при генералѣ Вельяминовѣ», давно умершемъ.

Зима началась для меня усиленной служебной дѣятельностію. Я уже сказалъ, что управленіе наше быстро увеличивалось; офиціальныя же средства усиливались далеко не въ той же соразмѣрности. Въ штатъ штаба Береговой Линіи, высочайше утвержденный, внесены дежурный штабъ-офицеръ, старшій адъютантъ, офицеръ генеральнаго штаба, оберъ-аудиторъ, старшій докторъ и управляющій гражданскою частію. Послѣднюю должность занялъ прапорщикъ Антоновичъ, хотя Раевскій продолжалъ по прежнему диктовать ему по ночамъ, когда именно пробуждалась въ немъ особенная дѣятельность. Для завѣдыванія госпиталями и лазаретами назначенъ докторъ медицины Крейцеръ, когда-то хорошій операторъ, Нѣмецъ до конца ногтей, когда-то красавецъ, а теперь подслѣпый. Для завѣдыванія суммами, которыхъ движеніе чрезъ управленіе все болѣе увеличивалось, назначенъ былъ казначей, коммиссіонеръ Даврикъ. Кромѣ этихъ офиціальныхъ лицъ, необходимость заставила прикомандировать изъ разныхъ мѣстъ нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ, которые завѣдывали разными частями управленія, составляющими особенности этого края. Всѣ работали усердно и, главное, жили дружно. Какъ я сказалъ, почти всѣ силы штаба были изъ разжалованныхъ или по крайней мѣрѣ не по своей волѣ прибывшихъ на Кавказъ. Я не имѣлъ никакого титула, но въ дѣйствительности представлялъ лицо начальника штаба. Работы мнѣ было много, но она меня не тяготила. Меня итересовалъ край, при мнѣ родившійся, на моихъ глазахъ развивающійся. Свѣтскими удовольствіями я не пользовался, проводя время за бумагами, у Раевскаго, съ Майеромъ и своими сослуживцами, о которыхъ сохраняю самое пріятное воспоминаніе; надѣюсь, что и они меня лихомъ не помянутъ.

Занятія мои часто перерывались нашими поѣздками на пароходѣ по всѣмъ укрѣпленіямъ до Сухума включительно. Эти поѣздки предпринимались внезапно и продолжались недѣли по двѣ и болѣе. Г. Раевскій экспромптомъ отправлялся на пароходъ, приказывалъ разводить пары и дать мнѣ знать. Я успѣвалъ только захватить нѣсколько бумагъ, двухъ-трехъ писарей и спѣшилъ на пароходъ, чтобы дать подписать Раевскому самыя необходимыя бумаги. О взятіи съ собою дѣлъ нечего было и думать. Къ счастію, хорошая память помогала мнѣ. Во время плаванія мнѣ приходилось много работать; а тутъ же, въ каютъ-кампаніи, молодежъ шумѣла и возилась, подстрекаемая са-

мимъ Раевскимъ. Я такъ привыкъ къ этому хаосу, что онъ мнѣ нисколько не мѣшалъ работать. Во время службы моей на Береговой Линіи, я вообще не менѣе пяти мѣсяцевъ проводилъ на восточномъ берегу и четыре на пароходѣ; остальные три мѣсяца приходились на жизнь въ Керчи. Наша резиденція въ Европѣ была конечно очень полезна для развитія г. Керчи, но мало полезна для Береговой Линіи, которая вся въ Азіи, за моремъ. Я пробовалъ говорить это Раевскому. Онъ поправилъ очки и спросилъ: «а что бы вы, любезный другъ, сдѣлали на моемъ мѣстѣ»?—Отправился бы со всѣмъ управленіемъ въ Новороссійскъ и донесъ бы о постоянномъ водвореніи тамъ моего управленія.—«Но тамъ нѣтъ ни зданій, ни сухопутнаго сообщенія».—Они явились бы въ самое короткое время, а теперь не скоро явятся.—«Merci. Je ne suis pas de votre avis» *). Кажется, мы оба были не совсѣмъ правы. Успѣхъ всѣхъ нашихъ ходатайствъ, совершенно необходимыхъ для этого новаго края съ исключительнымъ положеніемъ, зависѣлъ отъ разрѣшеній изъ Петербурга, при явномъ недоброжелательствѣ Ставропольскихъ и Тифлисскихъ властей, съ которыми Раевскій велъ открытую войну.

Послѣ новаго года мы приступили къ составленію проекта военныхъ дѣйствій и смѣтъ на 1840 годъ. Экспедиція предполагалась сухопутная, въ землѣ Натухайцевъ. Сообщенія Черноморіи съ Анапою производились только чрезъ Бугазскій проливъ и по песчаной Джиметейской косѣ. Переправа чрезъ проливъ, составляющій главное устье Кубани, производилась очень неудобно и небезопасно на паромахъ; затѣмъ 20 верстъ нужно было ѣхать по сыпучему песку вдоль самаго морскаго берега. Г. Раевскій, желая избѣгнуть этого неудобнаго пути и вмѣстѣ обезопасить Анапское поселеніе, предположилъ устроить новое сообщеніе внутри края, избравъ удобное мѣсто на Кубани, прикрыть переправу укрѣпленіемъ и выстроить промежуточное укрѣпленіе между тетъ-де-пономъ и фортомъ «Раевскій». Такимъ образомъ Анапа и Новороссійскъ имѣли бы обезпеченное и прочное сообщеніе съ землею Черноморскихъ казаковъ, сообщеніе, могущее сдѣлаться и торговымъ путемъ, которому г. Раевскій упорно предсказывалъ блестящую будущность. Кажется, въ Петербургѣ раздѣляли эти надежды, какъ можно думать по названію, данному этому рождающемуся заведенію самимъ Государемъ и по щедрымъ средствамъ, назначеннымъ для его развитія.

*) Благодарю. Я не вашего мнѣнія.

Избраніе мѣста переправы чрезъ Кубань было возложено на меня, и я исполнилъ его еще въ Іюлѣ 1839 года. Это было не легко. Переправу чрезъ Кубань вездѣ можно устроить; но по обѣ стороны рѣки, почти отъ Екатеринодара до устья, тянется полоса низкой мѣстности, заливаемой водою и поросшей камышомъ. Въ 1835 году генералъ Вельяминовъ поручилъ находившемуся при немъ адъютанту военнаго министра барону Вревскому (Павлу Александровичу) найти болѣе удобную переправу чрезъ Кубань по близости Анапы, для возвращенія оттуда отряда въ Черноморію, въ глубокую осень. Баронъ Вревскій избралъ мѣсто, гдѣ отъ главнаго русла отдѣляется рукавъ, Джига. Противъ этого мѣста, на возвышенномъ берегу, находился постъ Новогригорьевскій. Часть отряда дѣйствительно прошла тамъ, но большая часть тяжестей направилась по старой, неудобной дорогѣ чрезъ Бугазъ. Я осмотрѣлъ подробно всѣ эти мѣста и нашелъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ неудобными. Въ дальнѣйшихъ разысканіяхъ мнѣ помогъ Черноморскаго казачьяго войска полковникъ Табанецъ, хромой старикъ, пришедшій урядникомъ изъ Запорожья, въ 1793 году. Онъ указалъ мнѣ мѣсто въ 70 верстахъ отъ Джиги, гдѣ отдѣляется отъ Кубани Вороной Ерикъ. Это урочище называется у казаковъ Вареникова Пристань и находится въ пяти верстахъ отъ Андреевскаго поста или Петровской почтовой станціи. Въ то время былъ разливъ Кубани; пространство между постомъ и Кубанью было залито водою, такъ что мы въ каюкѣ могли доѣхать почти до рѣки, которой только берегъ нѣсколько возвышался надъ водою. Со мною былъ майоръ корпуса путей сообщенія Лобода. Мы переправились на баркасѣ съ десятью пластунами на другую сторону, покрытую лѣсомъ и версты двѣ брели по водѣ, чтобы высмотрѣть мѣсто удобное для устройства укрѣпленія. Иногда вода доставала мнѣ до груди; бѣдный же Лобода, малаго роста, долженъ былъ идти по шею въ водѣ. Лѣсу, кажется конца не было. Я влѣзъ на высокую вербу и увидѣлъ, что мы не только близъ сухаго берега, но и не болѣе полверсты отъ Черкесскаго аула (мы взяли слишкомъ вправо). Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы переѣхали черезъ рѣку, полоса лѣса была менѣе полуверсты шириною, а за ней возвышается мѣстность. Набросавъ глазомѣрно всю видимую мѣстность, я возвратился благополучно и незамѣченный горцами на нашу сторону. Г. Раевскій былъ очень доволенъ моей рекогносцировкой и выборомъ, и тотчасъ же началъ диктовать Пушкину представленіе военному министру. Конечно, тамъ было и покореніе Натухайцевъ, и направленіе торговли изъ сѣвернаго Кавказа чрезъ Новороссійскъ; но каково было мое удивленіе, когда Пушкинъ прочелъ мнѣ проектъ донесенія, гдѣ сказано, что я выбралъ мѣсто переправы

на Джигѣ и что «это мѣсто въ 1835 году было указано г. Вельяминову адъютантомъ вашего сіятельства барономъ Вревскимъ».—Ваше превосходительство, помилуйте: да Вареникова Пристань въ 76 верстахъ отъ Джиги; тамъ отдѣляется Вороной Ерикъ, а не Джига.— «Любезный другъ», сказалъ Раевскій, съ невозмутимою серьозностью поправивъ очки,—«вы темный человѣкъ. Вороной Ерикъ все равно что̀ Джига. Вревскій объяснитъ это Чернышеву, и тотъ будетъ одобрять мой выборъ, потому что его адъютантомъ онъ указанъ». Что̀ было возражать противъ такой логики? Такъ и пошло представленіе. Успѣхъ его превзошелъ наши ожиданія. Съ фельдъегеремъ мы получили увѣдомленіе, что одобрено это предположеніе и приказано послать спеціалистовъ, для составленія подробныхъ плановъ и смѣтъ дороги и постовъ отъ Андреевскаго поста, и для окончательнаго выбора мѣста къ постройкѣ на правомъ берегу укрѣпленія, прикрывающаго переправу.

Все это думали сдѣлать въ 1840 году; но неожиданныя несчастныя событія заставили отложить эти предположенія.

Зима 1839—1840 года была сурова: Керченскій проливъ и весь Таманскій лиманъ покрылись льдомъ, и сообщеніе свободно производилось въ саняхъ; но всѣ зимовавшія въ Керчи суда стояли неподвижно во льду. Пароходное сообщеніе съ Береговой Линіей можно было имѣть только чрезъ Ѳеодосію, которой рейдъ, довольно удобный, почти не замерзалъ. Конечно, можно бы спросить: отчего же штабъ Береговой Линіи не помѣщался по крайней мѣрѣ въ Ѳеодосіи? Отвѣтъ не труденъ: Ѳеодосія былъ мертвый городъ; онъ напоминалъ давно минувшее могущество Генуи и недавнія разрушительныя распоряженія графа Воронцова. Въ Новороссійскомъ краѣ многое можно и нужно было сдѣлать; жаль только, что графъ Воронцовъ имѣлъ для благоустройства этого края расплывчатыя идеи, которыхъ исполненіе, прикрытое фразами на Европейскій ладъ, принесло сомнительную пользу и существенный вредъ. Графъ возлюбилъ Керчь и основалъ Бердянскъ Для привлеченія туда торговли и капиталистовъ онъ исходатайствовалъ значительныя льготы и съ большими пожертвованіями отъ казны, стараясь не только насильно привлечь туда и развить торговлю и промышленность, но и перевести туда разныя казенныя учрежденія. Такъ карантинъ, бывшій въ Ѳеодосіи и Таганрогѣ, переведенъ имъ въ Керчь; огромные казенные склады соли изъ Ѳеодосіи переведены съ большими издержками въ Бердянскъ. Карантинъ въ Таганрогѣ закрытъ; а таможня, съ учрежденіемъ первоклассной таможни въ Керчи, почти лишилась всякаго значенія. Все это убило Ѳеодосію и много повредило Таганрогу. Послѣдствія показали, что, не смотря на всѣ эти мѣры,

Керчь не сдѣлалась важнымъ торговымъ городомъ, а Бердянскъ далеко отсталъ отъ Таганрога и Ростова, находящихся при окончаніи Донской системы и на приморскомъ краю огромнаго хлѣбороднаго района. Нужно ли говорить, что, при выборѣ мѣста для штаба Береговой Линіи, желанія Раевскаго совершенно сошлись съ видами графа Воронцова? Тогда между ними была полная гармонія и частая дружеская переписка.—«Mon cher Пушкинъ, apportez moi la lettre de Worontzow à 18 pages» *). Письмо читалось во всеуслышаніе. Оно было остроумно написано, прекраснымъ Французскимъ языкомъ, хотя далеко не имѣло 18-ти страницъ. Я уже, кажется, сказалъ, что расположеніе въ Керчи штаба Береговой Линіи сдѣлало пользы городу едва-ли не болѣе всѣхъ данныхъ ему льготъ и привиллегій.

Зимою Черное море бурно и небезопасно для плаванія, особенно близъ Восточнаго берега, не имѣющаго ни одного порядочнаго порта. Наша крейсирующая эскадра стояла въ Сухумѣ, и поочередно суда ходили вдоль берега, особенно въ южной его части. До Анапы почти ни одинъ крейсеръ не доходилъ. Пароходы наши выжидали иногда по мѣсяцу удобнаго времени, да и то нерѣдко должны были проходить мимо нѣкоторыхъ укрѣпленій по невозможности пристать къ берегу. Поэтому всѣ донесенія съ Береговой Линіи приходили къ намъ рѣдко и почти всегда случайно; изъ Абхазіи же бумаги отправлялись чрезъ Тифлисъ и Ставрополь и приходили чрезъ мѣсяцъ. Даже съ Ставрополемъ прямое сообщеніе прерывалось иногда мѣсяца на два, когда ледъ на Таманскомъ лиманѣ сдѣлается ненадежнымъ или взломается. Въ такихъ случаяхъ мы ѣздили и направляли корреспонденцію вокругъ Азовскаго моря чрезъ Ростовъ.

10 или 11 Февраля мы получили извѣстіе о взятіи горцами 7 Февраля укрѣпленія Лазаревскаго (на р. Псезуапé) и гибели гарнизона. Это извѣстіе получено чрезъ крейсера, бывшаго случайнымъ очевидцемъ несчастнаго событія и пришедшаго въ Ѳеодосію для отправленія донесенія въ Керчь, по эстафетѣ.

Это неожиданное событіе произвело тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, особливо на г. Раевскаго, человѣка нервнаго и не отличавшагося особенною твердостію. Но онъ скоро оправился.—«C'est à présent ou jamais»,—сказалъ онъ мнѣ—«nous aurons ce qu'il nous faut. Gare à ces messieurs de Stawropol et de Tiflis! S'ils continuent de me faire leurs chicanes, je leur casse le cou» **).—На вопросъ: что̀ бы я сдѣлалъ

---

*) Любезный Пушкинъ, принесите мнѣ письмо Воронцова въ 18 страницъ.

*) Теперь или никогда. У насъ будетъ что̀ намъ нужно. Берегитесь, Ставропольскіе и Тифлисскіе господа! Коль скоро они не перестанутъ дѣлать мнѣ каверзы, я сломлю имъ шею.

въ настоящемъ случаѣ? я отвѣчалъ, что донесъ бы военному министру очень просто о событіи и прибавилъ бы слѣдующее: въ такой-то статьѣ свода военныхъ постановленій сказано, что къ видамъ государственной измѣны принадлежитъ случай, когда комендантъ крѣпости не употребилъ всѣхъ мѣръ къ предохраненію ея отъ взятія непріятелемъ или, при недостаткѣ средствъ къ защитѣ, своевременно не доносилъ объ этомъ начальству. Повергая себя правосудію Его Императорскаго Величества, я бы просилъ военнаго министра испросить высочайшее повелѣніе на производство надо мной строжайшаго слѣдствія, чтобы подвергнуть заслуженному наказанію того, кто окажется виновнымъ. Ген. Раевскій посмотрѣлъ на меня внимательно, поправилъ очки, и нѣсколько разъ сказалъ съ увлеченіемъ: «c'est ce que je ferai! *)» но онъ ничего этого не сдѣлалъ, а продиктовалъ Антоновичу рапортъ военному министру, въ которомъ были фразы и тонкіе намеки на то, что многія его представленія, основанныя на исключительномъ положеніи края, до сихъ поръ остаются неразрѣшенными. Рапортъ, по обыкновенію, былъ посланъ военному министру съ эстафетой, а Кавказскому начальству по почтѣ.

Жалобы г. Раевскаго были совершенно справедливы. У насъ велась безконечная переписка о недостаточности войскъ для обороны укрѣпленій, о неимѣніи подвижнаго резерва, изъ котораго бы можно было подкрѣплять слабые или угрожаемые пункты, и для движеній внутрь края, безъ чего приходилось ограничиваться безплодной пассивной обороной, и наконецъ, о чрезвычайной негодности ружей и артиллеріи. Первыя были кремневыя, Тульскія, прослужившія лѣтъ по 25; послѣднія разныхъ калибровъ и арсеналовъ, чугунныя, служившія съ 1813 года; а лафеты деревянные были до того гнилы, что разсыпàлись нерѣдко послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Къ этому нужно прибавить, что на вооруженіи было много полупудовыхъ короткихъ единороговъ, выведенныхъ изъ употребленія потому, что, при стрѣльбѣ боевыми зарядами, они часто опрокидывались съ лафетомъ. И все это было тамъ, гдѣ укрѣпленія полевыя, защищаемыя одною или двумя ротами чрезвычайно слабаго состава, предоставлены сами себѣ, безъ всякой надежды на помощь, въ краѣ враждебномъ и при безпрерывной опасности со стороны непріятеля, о замыслахъ котораго гарнизоны не могли имѣть никакихъ свѣдѣній.

Можно было предвидѣть, что неожиданный успѣхъ и особливо взятая добыча возбудятъ горцевъ къ дальнѣйшей предпріимчивости.

*) Это я и сдѣлаю.

Всѣ укрѣпленія на Береговой Линіи были въ томъ же положеніи, какъ Лазаревское. Вездѣ гарнизоны были ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ жизни и службы. Всѣ ночи гарнизонъ проводилъ подъ ружьемъ, ежеминутно ожидая нападенія и ложился спать только когда совсѣмъ ободнѣетъ и обходы осмотрятъ ближайшія окрестности. Если къ этому прибавить скуку, отсутствіе женщинъ, недостатокъ движенія, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, станетъ понятнымъ, что роты доходили до половины своего состава и даже менѣе. Надобно еще удивляться, что войска при такомъ страшномъ положеніи нигдѣ и никогда не теряли бодрости и нравственной силы. Дисциплина вездѣ соблюдалась строго, но побѣги къ горцамъ были, къ сожалѣнію, не рѣдки. Мой почтенный сослуживецъ, М. Ѳ. Ѳедоровъ, со словъ ген.-маіора фонъ-Бринка, помѣстилъ въ Іюньской книжкѣ Русской Старины 1877 года статью о взятіи Михайловскаго укрѣпленія. Въ этой статьѣ сказано, между многими другими неточностями, что «горцы получали самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ гарнизоновъ отъ Поляковъ-перебѣжчиковъ». Противъ этого я долженъ протестовать. Польская національность никогда не была для меня симпатичною, но на Кавказѣ я встрѣчалъ множество Поляковъ, въ разныхъ чинахъ и положеніяхъ, которымъ готовъ былъ отъ души подать дружескую руку. Поляковъ въ войскахъ Береговой Линіи, офицеровъ и солдатъ, было болѣ 10%. Бѣглецовъ къ горцамъ было между Поляками соразмѣрно не болѣе, чѣмъ между Русскими; сообщать же свѣдѣнія могли бы какъ тѣ, такъ и другіе, еслибы горцамъ нужны были эти свѣдѣнія. Съ горъ, которыя возвышались надъ укрѣпленіями въ разстояніи 250 саженъ, а иногда и менѣе, они могли видѣть все, что́ дѣлается въ укрѣпленіи до малѣйшей подробности.

Была очевидна настоятельная потребность имѣть вблизи свободныя войска для подкрѣпленія гарнизоновъ наиболѣе угрожаемыхъ пунктовъ. Мы только что получили отъ военнаго министра увѣдомленіе о высочайшемъ утвержденіи нашихъ предположеній на 1840 годъ, причемъ въ числѣ войскъ намъ назначена была изъ 5-го корпуса, стоявшаго въ Крыму и Одессѣ, бригада 15 пѣх. дивизіи съ артиллеріею. Эти войска должны были прибыть изъ Севастополя на Восточный берегъ не ранѣе половины Мая. Ген. Раевскій приказалъ мнѣ ѣхать въ Ставрополь и просить ген. Граббе, чтобы онъ, въ виду крайней нужды, приказалъ немедленно двинуть Тенгинскій и Навагинскій полки съ артиллеріею въ Анапу, въ распоряженіе начальника Береговой Линіи.

Переѣздъ чрезъ Керченскій проливъ былъ невозможенъ, и я поскакалъ на перекладныхъ въ Ставрополь кругомъ Азовскаго моря.

Генералъ Граббе принялъ меня очень ласково, долго говорилъ о положеніи дѣлъ и разрѣшилъ представленіе ген. Раевскаго. На третій день я отвезъ въ Екатеринодаръ его приказаніе войскамъ двинуться въ Анапу, а самъ возвратился въ Керчь. Оттуда я поскакалъ въ Ѳеодосію, гдѣ меня ожидалъ пароходъ Молодецъ, на которомъ я тотчасъ отправился въ Анапу. Туда уже пришелъ ближайшій баталіонъ Тенгинскаго полка. Ночью я взялъ на пароходъ двѣ роты, отвезъ одну въ фортъ Вельяминовскій, другую въ укр. Михайловское. Это были, по моему мнѣнію, самые опасные пункты. Къ сожалѣнію, этимъ усиленіемъ мы ихъ не спасли, а только увеличили число жертвъ.

Съ Береговой Линіи получались донесенія одно другаго тревожнѣе. Волненіе охватило весь край, во многихъ мѣстахъ образовались огромныя сборища горцевъ. 29 Февраля они взяли укр. Вельяминовское. Генералъ Раевскій, донеся объ этомъ, отправился на пароходѣ по Береговой Линіи, не смотря на то, что погода въ морѣ была очень бурная. Меня онъ оставилъ въ Керчи, давъ предписаніе распоряжаться отъ его имени безъ всякаго ограниченія, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ экстренность обстоятельствъ того потребуетъ.

Чрезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ г. Раевскаго, получено приглашеніе ему пріѣхать для объясненій по службѣ въ Тамань, куда прибылъ ген. Граббе. Я тотчасъ же туда отправился. Г. Граббе принялъ меня серіезно и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Онъ объявилъ мнѣ, что счелъ нужнымъ отложить всякія предпріятія на Береговой Линіи до особеннаго высочайшаго повелѣнія и потому остановилъ движеніе войскъ въ Анапу. При этомъ онъ произнесъ длинный монологъ своимъ театральнымъ тономъ, монологъ, въ которомъ были и справедливыя мысли, но въ кучѣ фразъ и общихъ мѣстъ. Видно было, что онъ написалъ въ Петербургъ о необходимости скорѣе рѣшиться на совершенное упраздненіе Береговой Линіи, отъ которой можно ожидать только огромной и безполезной траты въ людяхъ и деньгахъ. «Ошибочныя системы», сказалъ онъ мнѣ, «тѣмъ особенно вредны, что, потративъ на ихъ исполненіе много времени и матеріальныхъ средствъ, не хотятъ покинуть ихъ изъ опасенія лишиться плодовъ принесенныхъ уже жертвъ, и этимъ дѣлаютъ все болѣе труднымъ возвращеніе съ ошибочнаго пути. Я знаю, Николаю Николаевичу не понравится это мое мнѣніе. Онъ держится Римской политики: не ведетъ войны разомъ съ двумя противниками. До сихъ поръ была очередь Головина; теперь, вѣроятно, будетъ моя. Но чтó же дѣлать? Государь рѣшитъ!»—Я доложилъ, что г. Раевскій не ожидалъ такого приказанія объ остановленіи движенія войскъ въ Анапу и, сколько мнѣ извѣстно, считаетъ немедленное прибытіе на Береговую Линію единственнымъ средствомъ

остановить успѣхи непріятеля и помочь остальнымъ укрѣпленіямъ, которыя всѣ находятся въ одинаково-опасномъ положеніи. Во всякомъ случаѣ Раевскій не могъ дать мнѣ никакихъ приказаній о томъ, какъ исполнить настоящее предписаніе его превосходительства; а какъ это исполненіе потребуетъ отмѣны многихъ распоряженій, то я просилъ дозволенія его превосходительства доложить ему все, что̀ считаю нужнымъ сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ. Генералъ Граббе выслушалъ меня внимательно и сказалъ: «Хорошо, я утверждаю всѣ ваши предположенія; предоставляю вамъ тотчасъ же привести ихъ въ исполненіе и донести военному министру».

Много горькихъ мыслей преслѣдовало меня на обратномъ пути изъ Тамани въ Керчь. Я былъ увѣренъ, что остановка движенія полковъ на Береговую Линію будетъ гибелью, но долженъ былъ исполнить приказаніе командующаго войсками Кавказской линіи. Всѣ распоряженія объ отмѣнѣ по всѣмъ частямъ приготовленій къ экспедиціи 1840 г. потребовали нѣсколько дней усиленной работы штаба. Между тѣмъ съ Береговой Линіи приходили, косвенными путями и чрезъ лазутчиковъ, все болѣе тревожныя свѣдѣнія о сборищахъ горцевъ. По обыкновенію, свѣдѣнія эти доходили до Керчи въ преувеличенномъ видѣ; оффиціальныхъ донесеній не было. Весна наступала, но погода стояла бурная и холодная. О г. Раевскомъ извѣстно было только, что онъ взялъ на пароходъ изъ Анапы одну роту Навагинскаго полка и повезъ въ укр. Михайловское, у котораго линія огня была очень обширна и потому необходимо было еще усилить гарнизонъ. Съ того времени въ продолженіе двухъ недѣль о генералѣ Раевскомъ не было слуху. Я счелъ нужнымъ донести военному министру о полученномъ мною приказаніи генерала Граббе и о сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ. При этомъ я подробно изложилъ то, что̀ представлялъ и генералу Граббе объ опасномъ положеніи края и крайнемъ недостаткѣ войскъ для остановленія успѣховъ горцевъ.

Рапортъ мой былъ переписанъ, подписанъ и уже запечатанъ, когда я получилъ эстафету изъ Ѳеодосіи о взятіи горцами 21 Марта укр. Михайловскаго, въ которомъ было четыре роты гарнизона. Это извѣстіе поразило меня. Я часа два ходилъ по комнатѣ и рѣшился на крайнюю мѣру. Распечатавъ свое донесеніе военному министру, я своей рукой прибавилъ къ нему post-scriptum, почти въ слѣдующихъ словахъ: «Рапортъ мой былъ уже запечатанъ, когда я получилъ донесеніе о томъ, что 21 Марта горцы взяли укр. Михайловское. Всѣ укрѣпленія Береговой Линіи въ одинаковой опасности. Войскъ нигдѣ нѣтъ, чтобы остановить успѣхи непріятеля. О генералѣ Раевскомъ двѣ недѣли не имѣю свѣдѣній, море очень бурно, сообщеніе съ открытыми

портами Восточнаго берега невозможно. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ я дѣлаю слѣдующія распоряженія: 1) прошу командира 5-го корпуса собрать бригаду 15 пѣх. дивизіи и ея артиллерію въ Севастополь; 2) главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ прошу вывести эскадру на рейдъ и, посадя десантъ, перевезти его къ 10 Апрѣля въ Θеодосію, 3) предписываю Симферопольской провіантской коммисіи двинуть вмѣстѣ съ десантомъ двухмѣсячное продовольствіе на судахъ въ Θеодосію, и 4) возобновляю всѣ распоряженія, отмѣненныя по приказанію г. Граббе. Буду ждать г. Раевскаго до 13 Апрѣля въ Θеодосіи. Если онъ къ этому времени не пріѣдетъ, считаю нужнымъ двинуть отрядъ въ Геленджикъ и, высадивъ войска, немедленно предпринять движеніе внутрь края для отвлеченія непріятеля отъ предпріятій противъ нашихъ укрѣпленій. Если въ чемъ-либо ошибся, прошу снисхожденія вашего сіятельства въ виду того, что я не могъ получить приказаній моего начальника, а обстоятельства крайнія».

Курьеръ умчалъ мое донесеніе, а у меня закипѣла работа. Это было въ 10 часовъ вечера, и къ разсвѣту всѣ распоряженія были сдѣланы и отправлены съ курьерами въ Севастополь, Николаевъ, Одессу, Херсонъ и Таганрогъ. Для выигранія времени я представилъ начальнику Севастопольскаго порта, вице-адмиралу Авинову, копію моего рапорта главному командиру Черноморскаго флота и портовъ, адмиралу Лазареву, о выводѣ флота на рейдъ и перевозкѣ десанта. Всѣмъ лицамъ и мѣстамъ я писалъ, что отношусь къ нимъ по *крайнимъ военнымъ обстоятельствамъ* и что обо всемъ я донесъ г. военному министру.

Это былъ одинъ изъ выдающихся моментовъ моей жизни. Безсонная ночь, постоянное напряженіе ума, самая смѣлость, или, скорѣе дерзость сдѣланнаго мною шага, произвели во мнѣ нервное возбужденіе. Я цѣлый день ходилъ у себя по комнатѣ и думалъ о возможныхъ послѣдствіяхъ. Отвѣтственность меня не пугала: я боялся неудачи. Я былъ просто полковникъ генеральнаго штаба, даже безъ всякаго оффиціальнаго титула, который бы сколько нибудь дѣлалъ понятными мои требованія отъ лицъ и учрежденій, посторонныхъ не только для меня, но и для главнаго Кавказскаго начальства. Между тѣмъ вся эта сложная операція могла рухнуть, если хотя одно изъ этихъ лицъ или учрежденій откажется исполнить мое требованіе. Всѣ меня знали; но этого недостаточно, чтобы, по моему требованію, израсходовать сотни тысячъ рублей и сдѣлать распоряженія, на которыя нужно высочайшее повелѣніе.

И слѣдующіе сутки я провелъ безъ сна, въ тревожномъ ожиданіи. Поздно вечеромъ курьеръ привезъ мнѣ увѣдомленіе вице-адмирала Авинова изъ Севастополя, что, не ожидая распоряженія адмирала Лазарева, онъ приказалъ вывести эскадру на рейдъ и изготовить къ принятію десанта. Начало хорошо. Вслѣдъ за тѣмъ другой курьеръ привезъ донесеніе Симферопольской провіантской коммисіи о томъ, что суда будутъ зафрахтованы и двухмѣсячное продовольствіе будетъ готово къ отправленію съ десантными войсками. Но будутъ ли войска?... Прошло еще двое сутокъ, и снова курьеръ отъ генерала Лидерса, изъ Одессы. Онъ увѣдомилъ, что направилъ бригаду 15 дивизіи въ Севастополь, а артиллерію, расположенную въ 150 верстахъ, приказалъ везти орудія и ящики на почтовыхъ, а лошадей вести въ поводу форсированнымъ маршемъ, и что 9-го Апрѣля войска будутъ садиться на суда. Ухъ! я не помнилъ себя отъ радости: остальнаго я не боялся.

9-го Апрѣля я со своимъ штабомъ отправился въ Ѳеодосію, на одномъ изъ нашихъ пароходовъ, а 10-го пришла эскадра съ войсками. Бригадой командовалъ ген-маіоръ Румянцовъ. Я явился къ нему и спросилъ его приказаній. Онъ руками замахалъ и сказалъ: «Я тутъ ничего не знаю: дѣлайте какъ хотите».

До 13-го Апрѣля оставалось три дня. Я высадилъ войска на берегъ и разставилъ по горамъ часовыхъ караулить пароходъ генерала Раевскаго. Но его не было, хотя море утихло и погода была прекрасная. 12-го вечеромъ сдѣлана диспозиція къ посадкѣ войскъ, и я донесъ военному министру, что утромъ 13-го эскадра снимается съ якоря и идетъ въ Геленджикъ. На разсвѣтѣ мнѣ дали знать, что въ морѣ видѣнъ пароходъ. Это былъ ген. Раевскій, который, увидавъ эскадру въ Ѳеодосіи, направился туда вмѣсто Керчи. Это было какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ тотъ же день получены были изъ Петербурга бумаги, которыя заставили измѣнить всѣ наши распоряженія. По донесенію ген. Раевскаго о взятіи Вельяминовскаго укрѣпленія послѣдовало высочайшее повелѣніе возобновить укрѣпленія Вельяминовское и Лазаревское и усилить всѣ остальныя укрѣпленія на Береговой Линіи. Для этого назначена была вся 15 пѣх. дивизія съ артиллеріею, четыре Черноморскихъ пѣшихъ полка и одинъ баталіонъ Тенгинскаго полка. Для образованія подвижнаго резерва на Береговой Линіи приказано сформировать вновь четыре линейныхъ баталіона № 13—16, на полевомъ положеніи, размѣстивъ ихъ: № 13 въ Анапѣ, № 14 въ Новороссійскѣ, № 15 въ Геленджикѣ и № 16 въ Сухумѣ.

Генералъ Раевскій отправилъ эскадру за остальными войсками въ Севастополь, а самъ остался въ Ѳеодосіи, ожидая сбора отряда. Онъ одобрилъ всѣ мои распоряженія, хотя послѣ я узналъ стороною,

что ему непріятно было то, что я безъ него вошелъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ. Въ продолженіе моей долговременной военной службы, я очень рѣдко видѣлъ трусовъ противъ непріятеля, за то почти не видалъ начальника, который бы не боялся своихъ подчиненныхъ. Въ 1872 году я поторопился купить портретъ императора Вильгельма въ гражданскомъ костюмѣ: честный старикъ не боялся прятаться за Мольтке и Бисмарка. Мнѣ вспомнился по этому случаю одинъ историческій анекдотъ. Въ 1814 году, послѣ взятія Парижа, за обѣдомъ и послѣ многихъ тостовъ, Блюхеръ похвалился, что сдѣлаетъ такую штуку, какой никто другой сдѣлать не можетъ, а именно: поцѣлуетъ свою собственную голову. По просьбѣ присутствующихъ, старый гусаръ, извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ генерала Vorwärts (впередъ), всталъ, подошелъ къ своему начальнику штаба, Гнейзенау и поцѣловалъ его въ голову. Неизвѣстно, нашелся ли другой такой храбрецъ между присутствующими...

У насъ требуется отъ начальника штаба полное самозабвеніе. Онъ можетъ отвѣчать за ошибки, но успѣхъ сполна принадлежитъ начальнику, какое бы ни принималъ въ немъ участіе его начальникъ штаба. Я зналъ многихъ умѣвшихъ стать на высоту этой трудной роли. Но да позволено имъ будетъ, хоть чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вспоминать объ императорѣ Вильгельмѣ и генералѣ Блюхерѣ...

Въ Θеодосію пріѣхалъ неожиданно генералъ Головинъ, возвращавшійся изъ Петербурга, куда ѣздилъ благодарить Государя за введеніе гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ. Гражданское управленіе ввести въ Грузію было нужно; въ Имеретіи, Карабахѣ, Кубанской и Армянской областяхъ возможно; въ Джаро-Белоканской области, въ Талышахъ и въ Самурскомъ округѣ—весьма сомнительно, а въ разныхъ провинціяхъ Южнаго Дагестана, населенныхъ горцами воинственными, дикими и не понимающими другаго закона кромѣ силы,—формы гражданскаго управленія, съ чиновниками во фракахъ, были странною несообразностію. Сенаторъ баронъ Ганъ, которому поручена была эта операція, не зналъ ни края, ни народныхъ обычаевъ, не хотѣлъ слушать мнѣнія другихъ, даже Головина, главноуправляющаго краемъ и, въ годъ кончивъ эту канцелярскую работу, уѣхалъ въ Петербургъ, надѣливъ край конституціею своего издѣлія.

Съ генераломъ Головинымъ былъ его оберъ-квартирмейстеръ, генералъ-маіоръ Megдъ, человѣкъ не безъ способностей и образованія, но заносчивый и крайне несимпатичный. Однажды вечеромъ генералъ Раевскій послалъ меня доложить корпусному командиру одну длинную записку по разнымъ предметамъ. Головинъ квартировалъ въ Θеодосіи,

а онъ на кораблѣ Силистрія. Было часовъ 9 вечера, когда я вошелъ въ домъ, занимаемый г. Головинымъ. Чрезъ нѣсколько пустыхъ темныхъ комнатъ я дошелъ наконецъ до кабинета, въ которомъ свѣтился огонь. Тамъ я нашелъ Головина и Менда за столомъ, а передъ ними Томазини, Ѳеодосійскаго жителя, сомнительной національности. Оказалось, что Головинъ и Мендъ рѣшили, что на Береговой Линіи всѣ постройки должны быть каменныя, во избѣженіе пожара, и Томазини великодушно предлагалъ имъ доставлять Керченскій камень на своихъ судахъ и во всѣ мѣста Береговой Линіи, *по одному рублю* серебр. за штуку (около 300 куб. вершковъ). Я засталъ только заключительную фразу Головина: «И такъ мы согласились въ цѣнѣ, а о другихъ условіяхъ поговоримъ завтра». Къ счастію, вся эта непрактическая затѣя не состоялась къ великому огорченію Томазини, который нажилъ бы тутъ сотни тысячъ, безъ всякой пользы для укрѣпленій Береговой Линіи.

Генералъ Головинъ приказалъ мнѣ читать записку. Мы сѣли втроемъ за небольшимъ круглымъ столомъ. Не успѣлъ я прочесть двухъ страницъ, какъ услышалъ сильный храпъ. Мендъ, вѣроятно привыкшій къ такой особенности, сталъ говорить однообразнымъ голосомъ: «не останавливайтесь, продолжайте читать; я слушаю». Когда я кончилъ и замолчалъ, Головинъ всхрапнулъ и сказалъ: «скажите генералу Раевскому, что я переговорю съ нимъ объ этомъ завтра». Однакоже это былъ человѣкъ умный, очень хорошо образованный, честный и добрый...

Генералъ Головинъ пожелалъ видѣть и привѣтствовать войска. Съ Кавказа прибыли въ то время только четыре Черноморскихъ казачьихъ полка и саперы. Генералъ Граббе задержалъ Тенгинскій баталіонъ подъ предлогомъ необходимости для него устроиться и укомплектоваться послѣ потерь прошлаго года. Навагинскій полкъ онъ перевелъ совсѣмъ изъ Черноморіи во Владикавказскій округъ.

Я выстроилъ наличныя войска къ смотру въ такомъ порядкѣ, какой дозволяла мѣстность и самый составъ отряда. Войска дѣйствительно имѣли видъ добрый: прибывшія изъ 5 корпуса были рады походу, который хотя на одно лѣто освобождалъ ихъ отъ каторжной работы въ Севастополѣ, отъ неизбѣжныхъ ученій и смотровъ, давалъ имъ болѣе свободы и лучшее продовольствіе. Недовольны были только старшіе начальники, которые были до того отуманены формалистикой, что искренне сочувствовали знаменитымъ словамъ: la guerre gâte le soldat *). День былъ жаркій Войска были конечно въ походной формѣ.

*) Война портитъ солдата.

Самъ г. Раевскій явился въ сюртукѣ и шарфѣ, хотя сюртукъ былъ лѣтней шерстяной матеріи, шаровары кисейные, и шашка черезъ плечо. Онъ мастерски умѣлъ соединить личную угодливость съ полнымъ своеволіемъ. Генералъ Головинъ проѣхалъ по фронту и каждой части сказалъ доброе, радушное привѣтствіе. Когда онъ выразилъ Раевскому свое полное удовольствіе, тотъ неожиданно сказалъ: «Ваше высокопревосходительство, кажется, довольны. Позвольте просить для меня награды».—«Николай Николаевичъ, вы знаете, что я высоко цѣню ваши заслуги и сочту долгомъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ; самъ же я не имѣю власти наградить васъ по заслугамъ». Нѣтъ, ваше в-во, милость, которую я у васъ прошу, совершенно отъ васъ зависитъ».—«Въ такомъ случаѣ я заранѣе согласенъ исполнить ваше желаніе».—«Позвольте мнѣ снять сюртукъ. Я задыхаюсь, у меня грудь раздавлена зряднымъ ящикомъ въ 1812 году». Не успѣлъ старикъ Головинъ дать согласіе, какъ Раевскій уже явился въ своей обыкновенной формѣ, т. е. въ рубахѣ, съ раскрытой загорѣлой грудью и, въ довершеніе картины, ординарецъ его, линейный казакъ, сунулъ ему въ руку закуренную трубку. Въ такомъ видѣ онъ сопровождалъ своего корпуснаго командира до конца смотра. Надобно сказать, что этотъ несовсѣмъ приличный фарсъ сдѣлалъ, на первыхъ порахъ, фигуру Раевскаго очень симпатичною между солдатами и молодыми офицерами новыхъ войскъ.

Наконецъ, былъ полученъ отвѣтъ военнаго министра на мое донесеніе. Оказалось, что Государь Императоръ принялъ его очень милостиво и что Государь въ то самое время призналъ немедленную высадку отряда на Восточный берегъ совершенно необходимою для остановленія успѣховъ непріятеля. Государь думалъ сдѣлать это въ Новороссійскѣ, но призналъ, что выборъ Геленджика былъ цѣлесообразнѣе. Поэтому Государь, утвердивъ всѣ мои распоряженія, приказалъ объявить мнѣ *совершенное высочайшее удовольствіе за отличную, заслуживающую полной похвалы, распорядительность къ усиленной оборонѣ Черноморской Береговой Линіи.* Военный министръ сообщилъ эту высочайшую волю въ предписаніи отъ 16 Апрѣля 1840 г. № 215. Однакоже, вмѣсто того, чтобы отправиться 13-го Апрѣля, мы пробыли въ Ѳеодосіи до 8 Мая. Наконецъ, остальныя войска прибыли изъ Севастополя, всѣ распоряженія были кончены, и эскадра подняла якорь. Къ счастію, предпріимчивость горцевъ получила другое направленіе: 2-го Апрѣля они взяли укрѣпленіе Николаевское, которое не было потомъ возобновлено. Хочется думать, что убѣдились въ совершенной нелѣпости Геленджикской кордонной линіи, отъ которой осталось только укрѣпленіе Абинъ, безъ всякаго смысла и значенія.

26 Мая горцы атаковали и это укрѣпленіе, но были отражены съ большой потерею. Этимъ кончились всѣ наступательныя предпріятія горцевъ въ томъ году.

Корпусный командиръ съ своей свитой, Троскинъ, пріѣхавшій въ Ѳеодосію наканунѣ нашего выхода, и г. Раевскій со штабомъ помѣстились на кораблѣ Силистрія. Эскадрою командовалъ адмиралъ Лазаревъ, а начальникомъ штаба на его эскадрѣ былъ, по прежнему, Корниловъ, уже въ чинѣ капитана 1-го ранга и флигель-адъютантомъ. Командиромъ корабля Силистрія былъ П. С. Нахимовъ, съ давняго времени капитанъ 1-го ранга.

Утромъ 10 Мая эскадра стала на якорь у устья Туапсé. Грустный видъ представляло разоренное горцами укрѣпленіе Вельяминовское. Деревянныя строенія были сожжены; изъ-за бруствера возвышались только обгорѣлыя деревья безъ листьевъ. Горцевъ нигдѣ не было видно, но они могли скрываться за брустверомъ укрѣпленія, находившагося на возвышенности, и потому не подвергались огню артиллеріи съ моря. Пока дѣлались приготовленія къ десанту, я влѣзъ на салингъ гротъ-мачты, чтобы лучше разсмотрѣть внутренность укрѣпленія. Хотя и эта высота оказалась недостаточною, но я вполнѣ убѣдился въ томъ, что укрѣпленіе совершенно пусто: на сучьяхъ обгорѣлыхъ деревьевъ преспокойно сидѣло множество воронъ и галокъ. Я поспѣшилъ на ютъ сообщить генералу Раевскому это открытіе, позволявшее сдѣлать десантъ безъ всякаго шума. Я засталъ его разговаривающимъ съ адмираломъ Лазаревымъ. Едва ли не въ первый и въ послѣдній разъ Раевскій серьозно разсердился на меня за этотъ докладъ.—«Любезный другъ», сказалъ онъ, «не могу я подвергать опасности отрядъ потому, что вы видѣли какихъ-то птицъ». Послѣ того, наединѣ, онъ объяснилъ мнѣ, что я человѣкъ темный, что я не понялъ очень простой вещи: шумъ нуженъ не противъ горцевъ, а по политическимъ соображеніямъ. Однимъ словомъ, десантъ произошелъ по прежнему, т. е., передъ посадкой войскъ на гребныя суда и движеніемъ къ берегу, морская артиллерія громила пустой берегъ изъ 300 орудій, въ продолженіи четверти часа. «Почто гибель сія бысть?» А что я темный человѣкъ, въ этомъ я и самъ убѣдился, потому что всѣ были довольны. По диспозиціи отрядомъ командовалъ начальникъ дивизіи, ген.-адъют. Гасфортъ, авангардомъ—Мендъ, правымъ прикрытіемъ Троскинъ; разнымъ выдающимся лицамъ сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ придуманы были назначенія, иногда фантастическія. Вышелъ комическій случай. Укрѣпленіе предположено штурмовать, по высадкѣ 2-го рейса, цѣлою бригадою, которая должна была выстроиться на берегу у подножія холма. Стрѣлковою цѣпью

командовалъ старый Кавказецъ, майоръ Лико. Ему былъ данъ сигналъ подвинуться впередъ, чтобы очистить мѣсто для войскъ. Онъ это исполнилъ, но тогда уже очутился на близкій ружейный выстрѣлъ отъ укрѣпленія. Не долго думая (какъ сдѣлалъ бы и всякій другой), Лико двинулся прямо на укрѣпленіе. Раевскій предположилъ въѣхать туда съ передовыми штурмующими колоннами. Видя, что весь эффектъ разстроенъ, онъ поскакалъ прямо въ укрѣпленіе, въ рубахѣ и съ трубкой въ зубахъ. Когда я это увидѣлъ, то обратился съ просьбой къ г. Гасфорту двигать скорѣе пѣхоту, потому что мы такъ долго стояли на берегу, что непріятель могъ, въ самомъ дѣлѣ, занять укрѣпленіе. Г. Гасфортъ вышелъ на середину, скомандовалъ: «Смирно. Баталіонъ на плечо!» Все это повторялось по уставу всѣми частными начальниками въ извѣстные промежутки времени, а Раевскій былъ уже у подножья укрѣпленія. Зная, что дальнѣйшая узаконенная процедура будетъ еще продолжительна, я подбѣжалъ къ баталіону Литовскаго полка, вынулъ шашку и закричалъ: «Впередъ, ребята, генералъ въ опасности!» Баталіонъ побѣжалъ за мною, но уже Раевскій былъ въ укрѣпленіи, гдѣ не оказалось ни одного горца. Г. Гасфортъ былъ мною очень недоволенъ.

Въ укрѣпленіи, на грудахъ мусора и углей, мы нашли 40 человѣческихъ остововъ. Это были остатки несчастнаго гарнизона. Мы ихъ похоронили съ честью въ общей могилѣ.

Однакоже при этомъ мирномъ десантѣ у насъ было 2 или 3 раненыхъ. Г. Мендъ забрался слишкомъ далеко съ авангардомъ въ лѣсъ и, вѣроятно, наткнулся на нѣсколько человѣкъ горцевъ; это дало нѣкоторую военную окраску всему этому дѣлу.

На другой день ушелъ флотъ и уѣхалъ корпусный командиръ, котораго г. Раевскій провожалъ до Сухума на пароходѣ. Начальникомъ отряда остался г. Гасфортъ. Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности, игравшей въ свое время довольно выдающуюся роль.

Я помню Гасфорта полковникомъ генеральнаго штаба, въ 1826 году, въ главной квартирѣ 1-й арміи. Онъ имѣлъ славу одного изъ лучшихъ офицеровъ этого вѣдомства. Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ былъ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса; въ 1839 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и помѣнялся мѣстами съ начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Данненбергомъ. Онъ былъ почти вдвое старше меня лѣтами. Въ молодости я его лично не зналъ и, встрѣтя въ 1840 г., ломалъ себѣ голову, чтобы объяснить себѣ его прежнюю славу. Это былъ Остзейскій Нѣмецъ въ полномъ смыслѣ слова, по наружности, манерамъ, складу ума и ха-

рактеру. Все это было не крупно, но прилично и какъ будто заставляло чего-то ожидать, хотя позади этой декораціи не оказывалось ничего, кромѣ умѣнья жить съ людьми и пользоваться своими связями, чтобы эксплуатировать свое служебное положеніе. Онъ былъ вдовъ, но въ глубокой старости и почти слѣпой женился во второй разъ на 17-ти-лѣтней дѣвицѣ. Когда Западная Сибирь избавилась наконецъ отъ своего полудержавнаго проконсула князя Петра Дмитріевича Горчакова, всѣ пустились въ догадки: кто будетъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, и всѣ удивились, узнавъ, что на это важное мѣсто, требовавшее большой энергіи и мѣстныхъ свѣдѣній, назначенъ генералъ Гасфортъ...

По возвращеніи Раевскаго сдѣланы были всѣ распоряженія для десанта половины отряда въ Псезуапé. Это выполнено 22 Мая, безо всякой потери, хотя не безъ грома морской артиллеріи. Въ высочайшемъ повелѣніи о возобновленіи укрѣпленія Лазаревскаго приказано было г. Раевскому сдѣлать движеніе внутрь края, для наказанія горцевъ, и уничтожить окрестные аулы. Движеніе это предпринято 28 Мая. Наканунѣ я пошелъ съ зрительной трубой на брустверъ укрѣпленія, чтобы, сколько возможно, ознакомиться съ мѣстностью и сдѣлать предположенія о предстоящемъ движеніи. Я и не замѣтилъ, что сзади подошелъ ко мнѣ Гасфортъ, которому Раевскій сказалъ, что ему поручаетъ командованіе отрядомъ въ этомъ движеніи, но что самъ будетъ находиться при отрядѣ.—«Чтò это вы дѣлаете?»—«Смотрю мѣстность, по которой мы завтра будемъ двигаться».—«У васъ, на Кавказѣ, вошла въ обычай нераціональная тактика, которую пора измѣнить. Я не намѣренъ двигаться постоянно всѣмъ отрядомъ, а прошедши 4 или 5 верстъ, оставлю репли, одинъ баталіонъ съ двумя орудіями, а потомъ отошедши еще столько же, другое репли и т. д. Такимъ образомъ мои движенія будутъ свободны, и тылъ вполнѣ обезпеченъ».—«А не можетъ ли случиться, что, на обратномъ пути, вы не найдете котораго-нибудь изъ оставленныхъ репли? Вѣдь о непріятелѣ мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній; а къ нему, кажется, нельзя имѣть такого пренебреженія.»—«Вы такъ думаете?» И вслѣдъ за тѣмъ г. Гасфортъ пустился въ длинныя разсужденія, которыя показали только, что онъ ни края, ни горцевъ, ни горной войны совсѣмъ не знаетъ. Я побѣжалъ къ г. Раевскому. — «Ваше пр—во, г. Гасфортъ хочетъ измѣнить тактику Кавказской войны». Когда я разсказалъ нашъ разговоръ, Раевскій въ досадѣ сказалъ: «Любезный другъ, къ чему вы пускаетесь въ такія объясненія съ этимъ.... господиномъ! Напишите для завтрашняго дня глупѣйшую диспозицію, въ которой бы всѣ движенія были въ точности опредѣлены, а если встрѣтится не-

обходимость что-либо измѣнить на мѣстѣ, то чтобы спрашивали моего разрѣшенія. Диспозицію я подпишу». На другой день г. Гасфортъ спросилъ меня: «что́, у васъ всегда пишутъ такія диспозиціи?»—«Нѣтъ, ваше превосходительство, только когда г. Раевскій признаетъ это нужнымъ».

Мы обошли кругомъ устья Псезуапе́ верстъ на пять и сожгли десятокъ ауловъ. Горцевъ было немного; у насъ ранены лѣкарь и пять рядовыхъ. Много было сценъ комическихъ, которыя совѣстно разсказывать.

Командованіе отрядомъ на Псезуапе́ поручено было командиру Замосцскаго егерскаго полка, полковнику Семенову, а г. Гасфортъ возвратился съ однимъ полкомъ въ укрѣпленіе Вельяминовское.

Бруствера̀ укрѣпленій остались почти цѣлыми, и это очень облегчило работу. Строенія для гарнизоновъ и все снабженіе были доставлены во́-время; но за то болѣзненность, особливо въ Крымскихъ войскахъ, сильно стала развиваться съ наступленіемъ жаровъ. Г. Раевскій нѣсколько разъ просилъ г. Гасфорта избавить войска отъ ученій на солнцѣ, чтобы сберечь здоровье людей, на которыхъ лежали крѣпостныя работы, но это оказалось невозможнымъ: одиночныя ученія продолжались ежедневно. Было забавно и жалко видѣть, какъ люди разбѣгались съ ученья, лишь только показывался пароходъ Раевскаго. Это заставило послѣдняго приказомъ строго воспретить всякія фронтовыя ученія безъ его особеннаго дозволенія.

Военныя дѣйствія во все это лѣто были совершенно ничтожны, исключая того, что горцы бомбардировали укр. Навагинское изъ двухъ орудій, поставленныхъ на ближайшихъ высотахъ. Они сдѣлали до 150 выстрѣловъ ядрами, пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ казармы, но людямъ никакого вреда не сдѣлали. Воинскимъ начальникомъ былъ подполковникъ Посыпкинъ, изъ солдатскихъ дѣтей, старикъ усердный и опытный; но героиней оказалась его супруга, которая во все время бомбардированія прогуливалась по банкету подъ зонтикомъ. Государь произвелъ мужа въ полковники. Государыня пожаловала женѣ дорогой фермуаръ, а сына, 7-ми лѣтъ, приказано принять въ Морской Корпусъ и доставить въ Петербургъ на счетъ казны.

Генералъ Раевскій отправился на пароходѣ по Береговой Линіи, изъ Керчи послалъ интересное обозрѣніе и поспѣшилъ въ Таганрогъ, гдѣ нужно было распорядиться заготовкой и доставкой матеріаловъ для усиленія всѣхъ укрѣпленій Береговой Линіи и постройки вездѣ каменныхъ пороховыхъ погребовъ. Проектъ всѣхъ этихъ работъ сдѣланъ былъ военнымъ инженеръ-подполковникомъ Постельсомъ, котораго, при случайномъ проѣздѣ чрезъ Керчь, г. Раевскій силой задер-

жалъ у себя и донесъ объ этомъ военному министру. Постельсъ служилъ въ Севастополѣ и былъ конечно очень радъ своевольству своего новаго начальника. Это былъ очень хорошій инженеръ и честный человѣкъ. Въ послѣдствіи онъ былъ начальникомъ инженеровъ на Кавказѣ. Кромѣ его и меня, съ г. Раевскимъ были флигель-адъютанты полковники Крузенштернъ и Баратынскій и большая свита молодежи. Наше прибытіе сдѣлало въ Таганрогѣ большое движеніе. Тамъ строились зданія, пріобрѣтались строительные матеріалы для Береговой Линіи и заготовлялся каменный уголь для нашихъ пароходовъ. Генералъ Раевскій былъ для города дорогой посѣтитель. Градоначальникомъ былъ тогда тайный совѣтникъ баронъ Франкъ, бывшій адъютантомъ графа Воронцова и давнишній знакомый Раевскаго. Городъ былъ имъ доволенъ, а онъ, кажется, былъ особенно доволенъ нашимъ подрядчикомъ, Ставромъ Григорьевичемъ Вальяно, довольно богатымъ помѣщикомъ, для котораго поставка на Береговую Линію сдѣлалась какъ бы монополіею. Все это не помѣшало бар. Франку быть уволеннымъ отъ службы по ревизіи сенатора Жемчужникова, а Ставру Григорьевичу потерять все почти свое состояніе, благодаря ловкимъ распоряженіямъ нашего инженеръ-капитана Компанейскаго, завѣдывавшаго работами и заготовленіями. Компанейскій былъ сынъ крещенаго Жида, инженеръ посредственный, но человѣкъ практическій, дѣятельный и безъ всякой совѣсти. Намъ предстояло заключить дополнительный контрактъ съ Вальяно болѣе чѣмъ на полмилліона, а денегъ у насъ не было ни гроша. Это не затруднило г. Раевскаго: онъ далъ нѣчто въ родѣ предписанія бар. Франку выдать въ его распоряженіе 128 т. рублей на задатки изъ карантинной суммы и донесъ объ этомъ военному министру. Конечно, деньги были тотчасъ возвращены.

На другой день пріѣзда мы торжественно обѣдали у бар. Франка, на третій Вальяно далъ Балтазаровъ пиръ, на которомъ дамъ не было, а Раевскій присутствовалъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ. Но мнѣ было не до того. Все это время я возился съ инженерными вѣдомостями и съ составленіемъ черноваго контракта, гдѣ опредѣленіе общей суммы заготовленія и перевозки я долженъ былъ назначить по своему соображенію. Когда черновой контрактъ былъ готовъ, я пошелъ доложить его ген. Раевскому, котораго нашелъ за чашкой кофе на балконѣ и въ пріятной бесѣдѣ.—«Любезный другъ, пишите вы ваши папиры какъ знаете; а когда будетъ контрактъ переписанъ, подайте подписать». Подписалъ онъ не читая и даже не спросилъ о количествѣ назначенной суммы. Ни ему, ни мнѣ не приходило въ голову, чтобы такой порядокъ былъ ненормальнымъ. Оба мы считали себя выше всякаго подозрѣнія въ грязномъ стяжаніи. За-

22*

бавно было видѣть Крузенштерна, человѣка довольно мелочнаго. Онъ флигель-адъютантъ Е. И. В., пируя у бар. Франка и у Вальяно, дѣлался какъ бы участникомъ въ темномъ дѣлѣ. Это его видимо мучило. Баратынскій, совсѣмъ напротивъ, держалъ себя просто и безъ всякой чопорности. Мнѣ показалось, что Постельсъ былъ не доволенъ своею ролью. Контрактъ былъ заключенъ безъ его вѣдома. Инженеръ, который тутъ выигралъ десятки тысячъ, не пришелъ предложить ему взятки! Я увѣренъ, что Постельсъ прогналъ бы его въ шею, но все же нужно было оказать уваженіе такому важному лицу.

На слѣдующій день, послѣ завтрака въ упраздненномъ карантинѣ, мы отправились на пароходъ при громкихъ: ура! всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

Въ Керчи явились къ Раевскому генеральнаго штаба полковникъ Шульцъ и путей сообщенія капитанъ баронъ Дельвигъ, посланные, по высочайшему повелѣнію, для выбора мѣста укрѣпленія на Варенниковой Пристани и для составленія проекта дамбы и мостовъ отъ Андреевскаго поста и переправы черезъ Кубань *). О Шульцѣ нечего много говорить: учился онъ въ Военной Академіи очень плохо, отъ природы одаренъ скудно, но храбръ беззавѣтно и столько же самоувѣренъ. Баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ совсѣмъ другаго рода человѣкъ. Онъ родственникъ поэта Дельвига и Москвичъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ славянофильства. Ненависть къ Нѣмцамъ доходитъ у него иногда до черезчурія. При хорошемъ умѣ, бойкихъ способностяхъ, онъ едва ли не лучшій спеціалистъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Въ то время онъ только начиналъ свою карьеру; въ послѣдствіи управлялъ министерствомъ, а теперь (1878 г.) вмѣстѣ со мною сенаторствуетъ, т.-е. доживаетъ вѣкъ безъ всякой дѣятельности, которая могла бы принести государственную пользу. Онъ былъ женатъ на Эмиліи Николаевнѣ Левашовой, которую потерялъ только въ нынѣшнемъ году. Супруги были достойны одинъ другаго и прожили вѣкъ въ полномъ согласіи. Оба они люди замѣчательно-добрые, честные и благородные, съ характеромъ мягкимъ, но совершенно-независимымъ. Я счастливъ, что могу назваться его другомъ съ перваго дня знакомства. Забавно однакоже, что, зная другъ друга въ 1840 г. только по имени, мы взаимно считались Нѣмцами и потому встрѣтились не особенно радушно.

*) Г. И. Филипсонъ обладалъ необыкновенною памятью, но здѣсь она ему измѣнила: баронъ Дельвигъ пріѣхалъ изъ Ставрополя въ Керчь, въ первый разъ, не въ 1840, а въ 1841 году въ Январѣ; а во второй разъ въ Февралѣ того же года. Шульцъ пріѣхалъ въ Февралѣ же, послѣ барона Дельвига.

Прежде нежели продолжать мой разсказъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о подробностяхъ гибели четырехъ нашихъ укрѣпленій, тѣмъ болѣе, что въ разныя времена являлись объ этихъ событіяхъ неточные разсказы.

Всѣ эти укрѣпленія, какъ я выше сказалъ, были полевыя, безъ всякихъ искусственныхъ усиленій, и всѣ командуемыя окрестными высотами на разстояніи 250—400 саженъ. Брустверà сдѣланы были и обрѣзаны очень тщательно, но отъ дождей подвергались порчѣ и не могли быть вполнѣ исправляемы гарнизонами, крайне изнуренными отъ болѣзней, безсонныхъ ночей и вообще неестественной жизни. Сверхъ того, укр. Вельяминовское было расположено на такой мѣстности, что непріятель могъ скрытно подойти къ нему съ двухъ сторонъ по глубокимъ балкамъ Екатерининской и Тешепса. Укрѣпленіе Михайловское, какъ я уже сказалъ, кромѣ неудобствъ мѣстности, имѣло такую странную фигуру, что его трудно было оборонять даже и вдвое сильнѣйшимъ гарнизономъ. Лазаревское, Вельяминовское и Николаевское были взяты предъ разсвѣтомъ, внезапнымъ нападеніемъ. Кто знаетъ легкость и стремительность горцевъ, тотъ легко пойметъ, что главное условіе успѣха такого предпріятія состояло во внезапности и быстротѣ. Воинскіе начальники нашихъ укрѣпленій не имѣли никакихъ средствъ узнавать о сборахъ и замыслахъ непріятеля. Горцы караулили днемъ и ночью наши укрѣпленія и безпощадно убивали каждаго изъ своихъ, если былъ уличенъ въ сношеніяхъ съ нами. Лазаревское и Николаевское достались имъ почти безъ боя; въ Вельяминовскомъ они встрѣтили бóльшее сопротивленіе, но тоже большой потери не потерпѣли. Это и особенно взятая добыча всего болѣе подстрекнули ихъ предпріимчивость, такъ что Михайловское укрѣпленіе они уже атаковали днемъ.

Воинскимъ начальникомъ тамъ былъ штабсъ-капитанъ Лико (младшій братъ майора Лико, о которомъ я упомянулъ выше). Это былъ исправный офицеръ, всю службу проведшій на Кавказѣ, серьезный и отважный. Когда онъ узналъ о взятіи Лазаревскаго укрѣпленія, то, предполагая и себѣ возможность такой же участи, онъ благоразумно отдѣлилъ внутреннимъ брустверомъ ближайшую къ морю часть своего укрѣпленія, гдѣ были провіантскій магазинъ и пороховой погребъ. Въ этой цитадели Лико предполагалъ держаться, еслибы непріятель и ворвался въ остальную часть укрѣпленія.

Въ предшествующую нападенію ночь собаки за укрѣпленіемъ сильно лаяли, гарнизонъ ночевалъ, какъ обыкновенно, подъ ружьемъ; но все было тихо, и когда разсвѣло, непріятеля нигдѣ не было видно. Въ полдень, когда нижніе чины обѣдали, толпа горцевъ, скрывавшаяся за рѣкою Вуланомъ, въ перелѣскахъ, внезапно и безъ шума,

бросилась къ укрѣпленію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился крытый ходъ къ рѣкѣ (такъ какъ другой воды гарнизонъ не имѣлъ). Сдѣлалась тревога, всѣ бросились къ угрожаемому пункту; но это, какъ видно, была фальшивая атака. Главная масса горцевъ атаковала укрѣпленіе съ сѣверной и сѣверо-восточной стороны, гдѣ спускающаяся къ морю мѣстность имъ болѣе благопріятствовала. Лазутчики говорятъ, что горцевъ было очень много и что большая часть ихъ были пьяны, выпивъ вѣроятно спирту, доставшагося имъ въ Лазаревскомъ и Вельяминовскомъ укрѣпленіяхъ. Гарнизонъ дрался съ ожесточеніемъ, но подавленъ огромнымъ превосходствомъ непріятеля, ворвавшагося въ укрѣпленіе съ двухъ сторонъ. Лико, съ горстью людей, отступилъ въ свой редюитъ и продолжалъ тамъ защищаться, обстрѣливая внутренность укрѣпленія картечью изъ горнаго единорога. Строенія въ остальной части укрѣпленія уже горѣли; горцы торопились грабить, уносить добычу и уводить плѣнныхъ. Только часа черезъ два они рѣшились штурмовать редюитъ и, когда ворвались въ него, послѣдовалъ взрывъ пороховаго погреба, отъ котораго погибли остатки храбраго гарнизона и до 2 т. горцевъ, какъ говорятъ лазутчики. Вѣроятно это число преувеличено, но во всякомъ случаѣ потеря была такъ огромна, что поразила ужасомъ горцевъ. Они разбѣжались, не убирая даже своихъ труповъ и съ того времени назвали это мѣсто «проклятымъ». Къ этому разсказу лазутчиковъ единогласно прибавили нѣсколько нижнихъ чиновъ гарнизона Михайловскаго укрѣпленія, случайно не бывшихъ тамъ во время его гибели. Увѣряли, что каждый день, при вечерней зарѣ, дѣлался разсчетъ на случай атаки непріятеля; что штабсъ-капитанъ Лико объявилъ имъ, что не сдастъ укрѣпленія и въ крайности взорветъ пороховой погребъ; что на этотъ подвигъ вызвался рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ, который при разсчетѣ всегда выходилъ впередъ и громко повторялъ свое обѣщаніе.

Въ этомъ видѣ и было донесено г. Раевскимъ военному министру, и Государю Императору угодно было приказать произвести строжайшее изслѣдованіе относительно взрыва пороховаго погреба и точно ли этотъ взрывъ произведенъ Архипомъ Осиповымъ? Казалось, самая сущность событія не давала никакой надежды на полное раскрытіе истины съ юридическою точностію; но тутъ помогли неожиданныя обстоятельства. Со времени взятія Михайловскаго укрѣпленія прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ продолженіи этого времени вышло отъ горцевъ около 50 нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ вскорѣ послѣ того какъ горцы ворвались въ укрѣпленіе. Нѣкоторые бѣжали, другіе были вымѣнены на нѣсколькихъ горцевъ, или выкуплены на соль, въ которой горцы нуждались. Я собралъ всѣхъ этихъ выход-

цевъ. Всѣ они подъ присягой показали: что 1) штабсъ-капитана Лико, какъ начальника строгаго и справедливаго, всѣ подчиненные боялись и уважали; 2) что онъ объявилъ при всѣхъ, послѣ взятія Лазаревскаго укрѣпленія, что взорветъ пороховой погребъ, а не сдастъ укрѣпленія; 3) что служба отправлялась у нихъ строго, и каждую ночь гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ; 4) что при вечерней зарѣ всегда дѣлался разсчетъ гарнизону, кому и гдѣ находиться въ случаѣ нападенія; 5) что вызваны охотники зажечь пороховой погребъ въ случаѣ крайности; ихъ оказалось человѣкъ десятокъ, и очередной вызывался при каждомъ разсчетѣ; 6) что однажны рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ сталъ просить штабсъ-капитана Лико возложить на него одного этотъ подвигъ; Лико согласился, іеромонахъ принялъ его клятву и благословилъ его; 7) что съ того времени Осиповъ всегда выходилъ впередъ, и Лико напоминалъ ему взятый на себя обѣтъ; 8) что Архипа Осипова всѣ въ гарнизонѣ знали, какъ исправнаго солдата, серьознаго и набожнаго человѣка, и никто не сомнѣвался, что онъ сдержитъ свое слово.

Болѣе ничего эти люди не могли показать, потому что взяты были вскорѣ послѣ того, какъ горцы ворвались въ укрѣпленіе. Надобно сказать, что плѣнные считались у горцевъ дорогою добычей и тотчасъ же уводились въ горы, чтобы ихъ не лишиться въ общемъ безпорядкѣ. Иногда одинъ плѣнный доставался нѣсколькимъ горцамъ, и они спѣшили увести его подальше, чтобы условиться въ томъ, какъ пользоваться своею добычею. Такіе плѣнные ничего не знали о взрывѣ пороховаго погреба; но совершенно неожиданно явились трое нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ редюитѣ въ послѣдній актъ взятія укрѣпленія. Они показали подъ присягой: 1) что въ редюитѣ было всѣхъ человѣкъ 80 и въ томъ числѣ Архипъ Осиповъ, находившійся неотлучно при воинскомъ начальникѣ; 2) что горцы атаковали редюитъ со всѣхъ сторонъ, какъ одинъ изъ нихъ выразился—«лѣзли, какъ саранча»; 3) когда они уже ворвались въ редюитъ, Лико былъ сильно раненъ, но сказалъ Осипову твердымъ голосомъ: «дѣлай свое дѣло», а тотъ отвѣчалъ: «будетъ исполнено», и 4) что бывшій тутъ іеромонахъ Маркелъ, въ эпитрахили и съ крестомъ, благословилъ Осипова и далъ приложиться ко кресту.

Двое изъ этихъ показателей были схвачены горцами; третій прибавилъ, что онъ находился подлѣ Лико и тоже былъ раненъ, слышалъ его слова и отвѣтъ Осипова и видѣлъ, какъ онъ взялъ гранату, сорвалъ пластырь и, взявъ въ другую руку зажженный фитиль, вошелъ въ пороховой погребъ; но взрывъ послѣдовалъ не въ тоже

мгновеніе, потому что онъ услышалъ его во рву укрѣпленія, куда горцы успѣли его столкнуть.

Безъискусственный разсказъ этихъ людей носилъ на себѣ печать несомнѣнной истины, и фигуры Лико, Осипова и іеромонаха являлись въ такой героической простотѣ, что недобросовѣстно было бы допускать малѣйшее сомнѣніе, хотя самый актъ зазженія пороха Осиповымъ, по существу своему, не могъ быть доказанъ юридически.

Г. Раевскій представилъ военному министру всѣ подлинныя показанія. Государь былъ тронутъ ихъ чтеніемъ и приказалъ объявить объ этомъ подвигѣ по всему военному вѣдомству, отыскать и щедро обезпечить семейства Лико и Осипова, и сверхъ того приказалъ считать на вѣчныя времена Архипа Осипова правымъ фланговымъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка и, при перекличкѣ, второй человѣкъ долженъ отвѣчать: «погибъ во славу Русскаго оружія».

Такъ кончилась на этотъ разъ эта драма. Укрѣпленія были усилены, гарнизоны увеличены, сформированы 4 баталіона подвижнаго резерва, щедрой рукой улучшено довольствіе войскъ и устройство санитарной части. Въ распоряженіи начальника Береговой Линіи образовалась цѣлая эскадра, 4 парохода, 6 военныхъ транспортовъ и 40 Азовскихъ баркасовъ, вооруженныхъ каждый восьмифунтовою коронадою, сверхъ того крейсирующая эскадра Черноморскаго флота... Казалось, повтореніе несчастныхъ событій 1840 г. сдѣлалось невозможнымъ. Къ сожалѣнію, 1853 годъ показалъ, что всѣ эти огромныя пожертвованія были совершенно безполезны. Со вступленіемъ непріятельскаго флота въ Черное море, мы сами должны были уничтожить береговыя укрѣпленія, которыя намъ стоили такихъ жертвъ людьми, временемъ и деньгами. Все это было естественнымъ слѣдствіемъ настойчивости Государя Николая Павловича и не совсѣмъ безкорыстнаго отношенія къ дѣлу со стороны ближайшаго начальства, которому жаль было оставить насиженное мѣсто. Не безъ того, что тутъ былъ и страхъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ, которое не приминуло бы приписать слабости Россіи, еслибы она, убѣдившись въ ошибочности всей системы, рѣшилась покинуть несчастную мысль устройства Черноморской Береговой Линіи.

*

Мы пробыли въ Керчи нѣсколько дней, чтобы управиться съ бумагами. Жена Раевскаго съ малюткой Николаемъ, родившимся въ 1840 г., отправилась на южный берегъ Крыма въ свое имѣніе Карасанъ. Съ ними проводили лѣто Майеръ и Софья Андреевна Дам-

бергъ. Послѣдняя нянчилась съ ребенкомъ съ терпѣніемъ и приторной добротой Нѣмки. Часто она служила намъ съ Майеромъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ въ дружеской бесѣдѣ. Тогда оба мы и не подозрѣвали, что черезъ нѣсколько лѣтъ она будетъ женою Майера и матерью его двухъ сыновей.

Намъ нужно было спѣшить въ Абхазію, гдѣ въ послѣднее время произошли безпорядки.

Я уже сказалъ, что г. Раевскій нашелъ нужнымъ поднять въ этомъ краѣ значеніе и власть владѣтеля. Это очень не понравилось многимъ лицамъ, находившимъ поддержку въ мѣстномъ начальствѣ и въ Тифлисѣ. Абхазія, классическая страна вѣроломства и предательства, была полна интригъ, въ которыхъ не послѣднюю роль игралъ самъ владѣтель. Противная ему партія старалась возбудить противъ него ближайшія Абхазскія области, не входящія въ его владѣніе, и Убыховъ. Послѣдніе имѣли кровомщеніе противъ князей Иналипа и противъ Манъ-Каца, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Кацо-Маргани. Убыхи, вмѣстѣ съ Джигетами, нѣсколько разъ пробовали проходить мимо Гагръ, вторгались въ Абхазію, не имѣли особенной удачи, но держали край въ постоянномъ волненіи. Въ вершинахъ Бзыба и Кодора жили общества Абхазскаго племени Псху и Цебельда, независящія отъ владѣтеля. Это были притоны сброда разныхъ бѣглецовъ и негодяевъ, особливо Псху. Въ обоихъ обществахъ были князья Маршани, считавшіе себя родомъ старше владѣтеля. Сестра послѣдняго была замужемъ за Хрипсомъ, старшимъ изъ Цебельдинскихъ Маршани, человѣкомъ довольно ничтожнымъ. Въ остальныхъ Маршани особенно выдавались храбростію, энергіей и непримиримой враждой къ владѣтелю: Шабатъ, Баталбей и Эсшау. Они подняли всю Цебельду и начали свою разбойническую войну противъ Абхазіи и слѣдовательно противъ насъ. Приставъ Цебельдинскій, поручикъ Лисовскій, имѣвшій при себѣ только шестерыхъ Донскихъ казаковъ, долженъ былъ бѣжать въ Сухумъ. Можно догадываться, что его и не хотѣли преслѣдовать, потому что знали его всегдашнюю вражду съ княземъ Михаиломъ.

Генералъ-майоръ Ольшевскій, по первому извѣстію о бунтѣ въ Цебельдѣ, предложилъ владѣтелю собрать до 1500 милиціонеровъ, конныхъ и пѣшихъ и, приготовивъ двѣ роты и два горныхъ единорога къ движенію въ Цебельду, ожидалъ прибытія генерала Раевскаго.

Лучшая, хотя далеко не хорошая, вьючная дорога въ Цебельду идетъ изъ Сухума до урочища Марамба, находящагося въ срединѣ нижней Цебельды, около 40 верстъ. Во многихъ мѣстахъ непріятель могъ упорно и съ выгодой держаться. За нижней Цебельдой, по вер-

ховьямъ Кодора и Адзгары, лежитъ горное урочище Далъ, со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, окруженное снѣговыми хребтами. Тропа, ведущая въ Далъ, идетъ по берегу р. Амткяля и выходитъ въ долину Кодора, чрезъ который перекинутъ мостикъ для перегона скота и овецъ. Горцы переводятъ по немъ своихъ верховыхъ лошадей въ поводу, но не безъ опасности. Мѣсто это называется Багада. Оно можетъ быть защищаемо горстью отважныхъ людей противъ цѣлой арміи. Долина Дала имѣетъ прекрасныя пастбища, горы покрыты лѣсами; въ южной части есть нѣсколько ауловъ; сѣверная, очень возвышенная, необитаема, но чрезъ нее ведутъ тропы въ Псху, Сванетію и сѣверную сторону главнаго хребта, къ Карачаевцамъ и къ вершинамъ Малой Лабы. Перевалъ чрезъ снѣговые хребты лѣтомъ удобенъ только для пѣшихъ; зимою же совсѣмъ непроходимъ.

Главное затрудненіе предстоявшаго похода въ Цебельду было въ заведеніи вьючнаго транспорта для перевозки тяжестей и въ приспособленіи горной артиллеріи къ возкѣ на вьюкахъ. Все это могло быть изготовлено только въ концѣ Іюля, и 25 числа генералъ Раевскій двинулся съ отрядомъ, котораго главная часть состояла изъ Абхазской милиціи, т.-е. войска наименѣе надежнаго. Но уже много времени прошло: Цебельдинцы успокоились и не оказали никакого сопротивленія движенію отряда. Переходъ до Марамбы сдѣлали мы съ конницей въ одинъ день; пѣхота пришла на другой день. Съ нами былъ владѣтель. Начались безконечные переговоры; нѣкоторые Маршани явились съ повинной головой и были, конечно, прощены. Шабатъ и Баталбей ушли въ Далъ или къ сосѣдямъ.

Генералъ Раевскій рѣшилъ построить укрѣпленіе въ Марамбѣ на одну роту пѣхоты, чтобы имѣть въ этомъ краѣ опорный пунктъ. Это возложено на подполковника Козловскаго, который былъ оставленъ въ распоряженіе начальника 3 отдѣленія Черноморской Береговой Линіи. Дня черезъ четыре мы уже плыли на пароходѣ въ Псезуапе́ и Туапсе́.

Въ обоихъ отрядахъ страшно свирѣпствовала лихорадка. Надобно признаться, что войска 15 дивизіи, независимо отъ неопытности въ новомъ для нихъ краѣ, отличались крайнею нечистотою въ лагерѣ и равнодушіемъ къ мѣрамъ сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ. Работы шли плохо, а ученья продолжались въ тропическія жары, не смотря на запрещеніе. Какая-то апатія была видна на всѣхъ лицахъ. Еще въ Псезуапе́ какъ будто было лучше, и это приписывали полковнику Семенову. Къ счастію, горцы ничего не предпринимали.

Въ концѣ Августа или въ самомъ началѣ Сентября прибылъ въ Туапсе́ на пароходахъ Береговой Линіи 4-й баталіонъ Тенгинскаго

полка въ усиленномъ составѣ. Онъ долженъ былъ замѣнить три полка 15-й дивизіи. Дѣло отъ этой замѣны много выиграло.

Когда, предъ сумерками, Тенгинцы стали выходить на берегъ, всѣ солдаты и офицеры 15 дивизіи сбѣжались смотрѣть на новыхъ пришельцевъ. Контрастъ свѣжихъ, бодрыхъ и расторопныхъ Тенгинцевъ съ апатичными и болѣзненными солдатами 15 дивизіи поневолѣ бросался въ глаза. Командующій баталіономъ, капитанъ Иванъ Павловичъ Корзунъ, распоряжался безъ суеты, толково и съ достоинствомъ. Это былъ старый Кавказецъ, лѣтъ за 40, высокаго роста, съ рѣзкими чертами смуглаго лица, много разъ раненный и между прочимъ въ шею, отчего выговоръ его былъ глухой и не совсѣмъ понятный. На шеѣ у него были ордена Анны и Станислава, въ петлицѣ Владимира 4 ст. съ бантомъ и золотая шашка за храбрость. Въ былыя времена ротный командиръ на Кавказѣ былъ особа почтенная и самостоятельная.

Баталіонъ кончилъ высадку, когда уже совсѣмъ смерклось. Тутъ же на берегу откуда-то явились артельные котлы съ водкой; ротные писаря стали перекликать нижнихъ чиновъ по списку, и пошелъ самочерпъ подъ громкія пѣсни и при бѣшенной пляскѣ плясуновъ. Эхъ!... доброе это было войско. Вѣчная ему память!...

Къ общему удовольствію, 15 дивизія возвратилась въ Крымъ. Работы въ Туапсé и Псезуапé кончили Тенгинцы и Черноморскіе казаки. 28 Ноября корабли перевезли ихъ къ мысу Тузла, и отрядъ разошелся по зимнимъ квартирамъ.

Я уже сказалъ, что г. Раевскій былъ страстный ботаникъ и садоводъ. Еще въ началѣ 1840 г., онъ самъ развезъ по укрѣпленіямъ лозы винограда изъ садовъ графа Воронцова и изъ Никитскаго казеннаго сада, и множество растеній и цвѣтовъ изъ своего сада въ Карасанѣ, на южномъ берегу Крыма. Въ Сухумѣ онъ устроилъ ботаническій садъ, который впослѣдствіи разросся и размножился великолѣпно, и былъ истребленъ Турками и Черкесами въ 1877 г. Завѣдываніе этимъ садомъ онъ поручилъ рядовому 6 линейнаго баталіона Багриновскому, котораго случайно узналъ, какъ ботаника, въ укр. Вельяминовскомъ. Багриновскій кончилъ курсъ по медицинскому факультету Виленскаго университета, но, вмѣсто лекарскаго мундира, на него надѣли солдатскую шинель. Малаго роста, изнуренный лишеніями и лихорадкой, Багриновскій былъ хорошо образованъ и сохранилъ страсть къ научнымъ занятіямъ. Съ высочайшаго соизволенія онъ былъ назначенъ директоромъ Сухумскаго ботаническаго сада съ производствомъ въ унтеръ-офицеры. Между туземцами онъ пользовался большою довѣренностію къ его врачебному искусству; его возили

верстъ за 100 и 150, даже къ непокорнымъ горцамъ. Впослѣдствіи времени мнѣ удалось исходатайствовать ему высочайшее дозволеніе ѣхать на казенный счетъ въ Харьковскій университетъ для выдержанія экзамена на степень лекаря. Это вѣроятно былъ единственный экзаменующійся въ солдатской шинели. Я имѣлъ утѣшеніе видѣть его уже въ лекарскомъ мундирѣ, и онъ собирался держать экзаменъ на доктора медицины. Товарищъ Багриновскаго по университету и несчастію, Вояковскій, попалъ тоже на Кавказъ, служилъ съ отличіемъ и, кажется, продолжаетъ служить (1878) въ чинѣ генералъ-маіора. Это человѣкъ храбрый, честный и съ большимъ характеромъ. Въ мое время ему тоже удалось выбиться изъ солдатской шинели. Въ 1845 году, когда я оставилъ Береговую Линію, у него уже былъ офицерскій Георгіевскій крестъ 4 ст., и онъ былъ поручикомъ.

При этомъ случаѣ не могу не сказать нѣсколько словъ о двухъ другихъ Полякахъ, съ которыми служба на Береговой Линіи меня сблизила. Это были Тржасковскій и Лисовскій, оба студенты Кіевскаго университета, сосланные солдатами въ Абхазію, за участіе въ одномъ изъ заговоровъ, которые такъ часто открывались въ этомъ краѣ.... Они попали въ Абхазію въ 1828 году и десять лѣтъ служили въ нижнихъ чинахъ, несли всю тяжесть службы въ этомъ убійственномъ климатѣ и только въ 1838 г. произведены были въ прапорщики. Оба они хорошо образованы и жили дружно, какъ родные братья. Несчастіе только закалило ихъ характеръ. Я уже говорилъ, что Лисовскій былъ Цебельдинскимъ приставомъ; Тржасковскаго взялъ къ себѣ генералъ Эспехо, для завѣдыванія дѣлами въ его канцеляріи. Когда Абхазія поступила въ составъ Черноморской Береговой Линіи, я взялъ Тржасковскаго къ себѣ въ штабъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ. Въ этой должности онъ работалъ очень усердно и толково, а передъ началомъ всякой экспедиціи, я посылалъ его на пароходѣ по всѣмъ укрѣпленіямъ собирать всѣхъ разжалованныхъ, желающихъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Ихъ набиралось человѣкъ до 200, и мы, въ шутку, называли эту команду иностраннымъ легіономъ. Тржасковскій часто былъ ихъ командиромъ. Не нужно и говорить, что легіонъ лѣзъ въ огонь, очертя голову, чтобы отличиться и выбиться изъ своего положенія. Мнѣ пріятно вспоминать, что очень многимъ изъ этихъ несчастныхъ это и удавалось. Вообще между Поляками было много отличныхъ офицеровъ и солдатъ, столько же, какъ и между другими національностями; но они были замѣтнѣе другихъ, потому что ихъ положеніе придавало имъ особенную оригинальность.

Не могу не сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ Полякѣ, подполковникѣ Карове. Въ 1840 г. правительство объявило, что вся-

кому офицеру, служащему или отставному, при переводѣ или назначеніи въ Черноморскіе линейные баталіоны, будетъ выдаваемо годовое жалованье и прогоны на всякое разстояніе, а женатымъ то и другое вдвое. Эта была мѣра ошибочная, вредная. Очень много офицеровъ, съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ на предлагаемую добычу, оказались болѣе чѣмъ неудовлетворительными. Въ тоже время былъ назначенъ, изъ отставныхъ, въ Черноморскій линейный № 5 баталіонъ, подполковникъ Карòве. Изъ формулярнаго списка, присланнаго намъ ранѣе его пріѣзда, видно было, что ему 60 лѣтъ, что онъ служилъ въ Польскихъ войскахъ, во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ; въ 1812 г. командовалъ дивизіономъ въ Итальянской гвардіи; по присоединеніи Польши къ Россіи, оставилъ службу съ пенсіономъ; въ 1831 г. командовалъ полкомъ противъ насъ, а въ 1840 г. пожелалъ вступить въ ряды нашей арміи. Изъ этой исторіи можно было догадываться, что г. Карòве или шутъ, или выжилъ изъ ума. Можно вообразить себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ почтеннаго, сѣдаго старика, совершенно бодраго, съ прекрасными чертами лица и съ глазами, въ которыхъ видна была необыкновенная доброта. У него былъ одинъ сынъ, прекрасный юноша лѣтъ 18-ти. Трогательно было видѣть ихъ взаимную любовь. На всемъ земномъ шарѣ у нихъ болѣе никого не было близкихъ. Г. Раевскій назначилъ Карòве воинскимъ начальникомъ Новотроицкаго укрѣпленія, котораго гарнизонъ состоялъ изъ одной роты. Скоро его разумная доброта сдѣлалась извѣстною даже ближайшимъ немирнымъ горцамъ, и нерѣдко случалось, что они приходили къ старику съ просьбой разобрать ихъ ссоры или тяжбы. Отъ этого враждебность ближайшихъ горцевъ значительно ослабѣла, гарнизонъ могъ вымѣнивать скотъ на порцію, отчего болѣзненность замѣтно уменьшалась. Одинъ только іеромонахъ Паисій не могъ помириться съ его Польскимъ происхожденіемъ, часто приносилъ нелѣпыя жалобы и дѣлалъ нелѣпые доносы.

Вообще между разжалованными было немало интересныхъ личностей, не говоря уже о Декабристахъ, которые между ними составляли аристократію. Я, кажется, сказалъ нѣсколько словъ о князѣ Урусовѣ, который, по выходѣ изъ Инженернаго Училища, 19 лѣтъ, былъ обвиненъ въ намѣреніи взбунтовать Калмыцкое войско, овладѣть Астраханью и флотиліей и отправиться въ Хиву. Юноша сосланъ былъ солдатомъ въ одинъ изъ Сибирскихъ баталіоновъ, съ лишеніемъ княжескаго и дворянскаго достоинствъ. Въ видѣ особенной милости онъ переведенъ солдатомъ же въ Кабардинскій егерскій полкъ, а оттуда въ одинъ изъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, гдѣ, съ величайшимъ трудомъ, удалось исходатайствовать ему производство въ

унтеръ-офицеры. Въ 1840 году намъ было прислано шесть или семь офицеровъ инженерныхъ, но такъ какъ работы по усиленію обороны производились одновременно во всѣхъ укрѣпленіяхъ, то число инженеровъ оказалось далеко недостаточнымъ. Нужно было изыскивать домашнія средства. Такъ, я рѣшился поручить князю Урусову, какъ бывшему инженеру, постройку въ Головинскомъ укрѣпленіи кирпичнаго пороховаго погреба. Когда уже строеніе было готово и хотѣли переносить туда порохъ, въ самомъ замкѣ свода оказалась большая трещина. Получивъ объ этомъ донесеніе, я не зналъ что̀ дѣлать. Перестройка обошлась бы въ нѣсколько тысячъ рублей, а съ кого ихъ взыскать? Я доложилъ о своемъ горѣ г. Раевскому, который, очень хладнокровно, поправивъ очки, сказалъ: «Je vous arrangerai ça» *). Въ это время онъ диктовалъ Антоновичу одно изъ своихъ обозрѣній, и я, къ немалому удивленію, прочелъ въ немъ, что по всей Береговой Линіи было землетрясеніе, направлявшееся отъ NW къ SO; ударовъ было три, послѣдній во многихъ мѣстахъ былъ силенъ и причинилъ поврежденія, между прочимъ въ укр. Головинскомъ лопнулъ сводъ новаго пороховаго погреба, въ который, къ счастію, не успѣли еще перенести пороха. Конечно, послѣ этого перестройка принята на счетъ казны.

Осенью мы еще разъ побывали въ Абхазіи. Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Керчи, туда пріѣхалъ баронъ Дельвигъ, кончившій свое порученіе на Варенниковой Пристани. Онъ отправился по Береговой Линіи. Край новый, съ рѣзкими особенностями, конечно для него, привыкшаго къ единообразію и неподвижности въ Россіи, былъ любопытенъ. Особливо въ Абхазіи онъ сдѣлался случайно свидѣтелемъ сценъ, имѣющихъ серьезную важность, при самой комической обстановкѣ. Когда, по возвращеніи въ Керчь, г. Раевскій спросилъ его, какое впечатлѣніе произвела на него Береговая Линія, онъ отвѣчалъ, что видѣлъ много хорошаго и интереснаго, но только линіи не видалъ, а посѣтилъ нѣсколько точекъ не имѣющихъ связи.

Въ Абхазіи уже былъ новый начальникъ 3 отдѣленія. Генералъ Ольшевскій назначенъ Ставропольскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а на его мѣсто прибылъ полковникъ Муравьевъ.

Не хотѣлось бы, а волей-неволей я долженъ говорить объ этой выдающейся личности, съ которою судьба сталкивала меня въ разныхъ положеніяхъ. Я уже упоминалъ о нашей первой съ нимъ встрѣчѣ въ 1838 г. Головинъ, у котораго онъ былъ правой рукой, узнавъ о моемъ производствѣ въ подполковники, исходатайствовалъ и ему этотъ чинъ. Въ 1839 г. онъ былъ довольно серьезно раненъ въ руку при взятіи Ахульго. Генералъ Головинъ представилъ его въ полков-

*) Я вамъ это улажу.

ники, но Государь замѣнилъ эту награду орденомъ Станислава 2 ст. Головинъ, въ письмѣ къ министру, настаивалъ на производство Муравьева для пользы службы. Государь, чтобы утѣшить старика, пожаловалъ Муравьеву орденъ св. Анны 2 ст. и приказалъ написать, что не можетъ произвести, потому что Муравьевъ не болѣе года въ чинѣ. Головинъ не унялся и просилъ письмомъ военнаго министра доложить Государю, что Филипсонъ и года не былъ въ чинѣ, когда произведенъ въ полковники. Случилось (говорятъ, не безъ участія Муравьева), что Головинъ въ это время поѣхалъ въ Петербургъ и лично выпросилъ у Государя производство Муравьеву, который такимъ образомъ за одно дѣло получилъ три награды.

Въ Абхазіи мы съ нимъ встрѣтились друзьями.

Господствующими страстями Н. Н. Муравьева были честолюбіе и самолюбіе. Для ихъ удовлетворенія онъ былъ не всегда разборчивъ на средства. Малаго роста, юркій и живой, съ чертами лица некрасивыми, но оригинальными, онъ имѣлъ бойкія умственныя способности, хорошо владѣлъ перомъ и былъ хорошо свѣтски образованъ. У него были какія-то кошачьи манеры, которыя быстро исчезали, когда нужно было показать когти. Улыбка и глаза у него фальшивые. Подъ вліяніемъ огорченія, онъ не умѣлъ сдерживать своего раздраженія и легко рѣшался на крайнія мѣры. Въ бесѣдѣ, особливо за бутылкой вина, онъ высказывалъ довольно рѣзко либеральныя убѣжденія, но на дѣлѣ легко отъ нихъ отступался. Онъ умѣлъ узнавать и выбирать людей, стоялъ за своихъ подчиненныхъ и особенно любилъ приближать къ себѣ молодежь, выдающуюся надъ невысокимъ уровнемъ общаго образованія. Со всѣми разжалованными онъ былъ очень ласковъ и внимателенъ; но, какъ самъ онъ говорилъ, это не помѣшало бы ему каждаго изъ нихъ повѣсить или разстрѣлять, еслибы это было нужно. Вообще съ своими подчиненными онъ былъ склоненъ къ крайнему деспотизму и нерѣдко ни во что ставилъ законъ и справедливость. Къ дѣламъ своего управленія онъ былъ очень усерденъ, работалъ скоро, хорошо и съ какой-то лихорадочною дѣятельностію. Онъ былъ хорошій администраторъ, особливо для края новаго, въ которомъ личныя качества начальника ничѣмъ не замѣнимы. Его военныя способности мнѣ неизвѣстны, хотя я имѣю нѣкоторыя причины въ нихъ сомнѣваться. Онъ легко рѣшался на самыя отважныя предпріятія, но, зашедши очертя голову въ трущобу, не могъ самъ изъ нея выдти и возлагалъ все упованіе на свою звѣзду. Такъ было въ 1841 г. въ Далѣ, также и въ томъ же году было во время движенія къ укрѣпленію Навагинскому. Нервы измѣняли. Хуже всего то, что въ такихъ случаяхъ онъ выпивалъ гораздо болѣе вина, чѣмъ могъ перенести.

У Н. Н. Муравьева было въ Петербургѣ много родныхъ и связей, которыми онъ умѣлъ пользоваться. Съ Береговой Линіи онъ былъ назначенъ Тульскимъ военнымъ губернаторомъ. Тамъ, во время проѣзда Государя, за обѣдомъ рѣчь зашла о Восточной Сибири, изъ которой рѣшились наконецъ отозвать Руперта. Разумный и искусный разговоръ Муравьева объ этомъ отдаленномъ и малоизвѣстномъ краѣ подалъ, говорятъ, мысль Государю назначить его туда генералъ-губернаторомъ. Узнавъ объ этомъ назначеніи, я полушутя сказалъ: «Ну, у насъ будетъ война съ Китаемъ». Я ошибся только благодаря апатіи и косности Китайцевъ. Плаваніе Муравьева по Амуру до Океана и занятіе Амурскаго края были того же характера какъ и Дальская экспедиція, только въ громадныхъ размѣрахъ. Въ Сибири онъ отличался кипучею дѣятельностію, но и крайнимъ деспотизмомъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о домашней жизни Муравьева. Въ 1840 г. онъ былъ холостъ, и съ нимъ жила особа, которую онъ не показывалъ, а называлъ родственницей. Образъ жизни его былъ простъ, но приличенъ. Состоянія онъ не имѣлъ и былъ всегда выше всякаго подозрѣнія въ стяжаніи. Въ Сибири онъ былъ женатымъ. Чрезъ много лѣтъ я встрѣтился съ нимъ въ Брюсселѣ. Тогда онъ былъ графомъ Амурскимъ, генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, но жилъ постоянно въ отпуску, въ Парижѣ. Мы встрѣтились друзьями, и онъ представилъ меня графинѣ. Мнѣ она показалась женщиной умной и совершенно порядочной. Дѣтей у нихъ не было. Въ послѣдствіи я встрѣчалъ ихъ въ Парижѣ, Висбаденѣ и въ Петербургѣ, и встрѣчалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что дружеская бесѣда съ Муравьевымъ, сохранившимъ свою живость, напоминала мнѣ нашу общую молодость. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его весною прошлаго 1877 г. Онъ очень одряхлѣлъ и осужденъ на строгую діету. Война Турціи была объявлена, и онъ явился въ Петербургъ, чтобы предложить себя правительству, но уѣхалъ ни съ чѣмъ въ Парижъ. Что̀ стало ему поперекъ дороги—совершенно не знаю, и не хотѣлъ спрашивать. Говорятъ, его считаютъ краснымъ. Плохо же различаются у насъ цвѣта.

Въ Абхазіи Муравьевъ началъ съ того, что сблизился съ двумя главными лицами: владѣтелемъ и Кацо-Маргани. Первому онъ оказывалъ особенное уваженіе и когда у того родился первый сынъ, приказалъ сдѣлать въ Бомборахъ 101 пушечный выстрѣлъ. Въ сущности онъ заставлялъ владѣтеля дѣлать все по его указанію. Труднѣе было сблизиться съ Кацомъ, горцемъ умнымъ, хитрымъ и имѣвшимъ огромное значеніе въ Абхазіи. Кацу было уже за 60 лѣтъ; хотя онъ сохранилъ бодрость и прежнюю энергію, но поддался кошачьимъ ласкамъ

своего начальника и сдѣлался его усерднымъ агентомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ владѣтель и Кацъ вели переговоры и интриги, чтобы склонить сосѣдей своихъ, Джигетовъ, принести покорность Русскому царю. Къ осени можно было надѣяться на успѣхъ; оставалось поставить точки на ї.

Муравьевъ очень хитро предоставилъ это своему начальнику Раевскому.

Джигеты, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, были одного съ Абхазіею племени и жили между Абхазіей и Убыхами. По берегу моря были владѣнія трехъ княжескихъ фамилій: Аридъ, Гечь и Цакъ. Къ Сѣверу отъ нихъ были общества Цвиджа и Аибга, а еще сѣвернѣе до самаго хребта жило сильное и воинственное общество Ахчипсоу. Въ послѣднемъ главными лицами были князья Маршани, хотя не имѣвшіе никакой политической власти. Только три прибрежныхъ общества (тысячъ до десяти душъ) согласились принести покорность. Можно себѣ вообразить, какъ она могла быть надежна въ виду Убыховъ и горныхъ соплеменниковъ.

Мы прибыли изъ Бомборъ на пароходѣ въ укрѣпленіе Св. Духа, находившееся въ центрѣ прибрежныхъ Джигетскихъ обществъ. Съ нами были владѣтель Абхазіи съ большой свитой и Кацо-Маргани. Старый разбойникъ, знаменитый своею храбростію и энергіей, во все время переѣзда, продолжавшагося нѣсколько часовъ, при тихой погодѣ, сидѣлъ на палубѣ повѣся голову и нюхалъ лимонную корку. Морская болѣзнь дѣлала изъ него тряпку.

Тотчасъ по приходѣ нашемъ въ укр. Св. Духа стали съѣзжаться Джигетскіе князья, и снова начались переговоры, въ которыхъ съ нашей стороны играли главную роль владѣтель и Кацъ *). Раевскій по одиночкѣ говорилъ съ нѣкоторыми значительными лицами въ особой комнатѣ, гдѣ, случайно, разбиралъ Антоновичъ сундукъ съ экстраординарными вещами, назначенными для подарковъ горцамъ. При разговорѣ Раевскаго съ княземъ Гечь-Аптхуа-Асланбеемъ, Антоновичъ, тоже конечно случайно, уронилъ мѣшокъ съ серебряными рублями, которые съ громомъ разсыпались по комнатѣ. У колоссальнаго горца, имѣвшаго въ своемъ народѣ большое вліяніе, разгорѣлись глаза, и онъ готовъ былъ все продать за эту добычу.

*) Въ разсказѣ о подчиненіи Джигетовъ память измѣнила Г. И. Филипсону. Оно совершилось не въ 1840, а въ 1841 г. Все имъ разсказываемое происходило при баронѣ А. И. Дельвигѣ, а онъ былъ на Береговой Линіи въ 1841 г., послѣ увольненія генерала Раевскаго, такъ что въ разсказѣ о подчиненіи Джигетовъ все что сказано о Раевскомъ относится не къ нему, а къ его преемнику Анрепу. Впрочемъ весь этотъ разсказъ въ собственноручной тетради Г. И. Филипсона зачеркнутъ карандашемъ безъ объясненія, почему онъ зачеркнутъ.

Наконецъ, переговоры кончились, и нужно было приводить къ присягѣ новыхъ подданныхъ Бѣлаго Царя. Тутъ встрѣтилось большое затрудненіе: не оказалось ни одного корана, на которомъ Джигеты, считавшіеся магометанами, могли бы принести присягу. Это затрудненіе обойдено очень оригинально. У одного офицера оказалось компактное изданіе басенъ Крылова. По грязности и по объему книжка была похожа на рукописный коранъ, который муллы всегда носятъ при себѣ. Басни Крылова были вложены въ чехолъ изъ зеленаго сафьяна и на такой же тесьмѣ повѣшены на суковатой палкѣ, воткнутой въ землю внѣ укрѣпленія. Джигеты по одиночкѣ подходили, дотрогивались рукой до мнимаго корана и произносили слова́ присяги. Тутъ всѣмъ распоряжался Кацъ; мы всѣ и владѣтель были безмолвными зрителями и свидѣтелями. Коренастый старикъ, съ усами выкрашенными въ розовую краску, съ палкой въ рукѣ, распоряжался энергически, какъ староста на барщинѣ. Если слова присягающаго были удовлетворительны, онъ говорилъ «гай, гай!», и тотъ, приложивъ руку ко рту и ко лбу, отходилъ въ сторону; въ противномъ же случаѣ Кацъ поднималъ свою палку, говорилъ нѣсколько словъ, и присяга возобновлялась. Такъ присягнули до 500 человѣкъ князей, дворянъ и простолюдиновъ.

У меня уже составленъ былъ списокъ и приготовлены подарки, которые и составляли не послѣдній аргументъ въ пользу покорности. Получившихъ подарки было болѣе ста человѣкъ. Нужно было видѣть, съ какою жадностію смотрѣли эти дикари на золото, серебро, шелковыя ткани, сафьянъ и галантерейныя вещицы. Не одному изъ нихъ приходила мысль перерѣзать насъ всѣхъ и овладѣть богатствомъ. Я выкликалъ по списку лицъ, которымъ нужно было давать подарки. Всякій разъ, когда я произносилъ какое-нибудь изъ ихъ варварскихъ именъ, все собраніе выказывало крайнее удивленіе тому, что я всѣхъ ихъ знаю, никогда прежде не видѣвъ.

Такъ совершилось это пріобрѣтеніе Россіей новой области. Не знаю, какое участіе принималъ дѣдушка-Крыловъ въ произношеніи, присяги новыхъ подданныхъ; но я долженъ сказать, что они держали ее вѣрно, и только прибытіе въ Абхазію Омера-паши, въ 1854 году, и измѣна владѣтеля Абхазіи заставили ихъ отказаться отъ покорности.

По представленію г. Раевскаго, владѣтель Абхазіи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, Муравьевъ въ генералъ-маіоры, а старый Кацъ въ полковники по кавалеріи. Покореніе Джигетовъ улучшило положеніе самого г. Раевскаго. Онъ чувствовалъ, что въ Петербургѣ начинаютъ на него смотрѣть не такъ благопріятно, какъ въ 1838 г. Онъ говорилъ мнѣ нерѣдко: «Царская милость мнѣ также пристала, какъ коровѣ сѣдло». Кажется, онъ былъ правъ. На комъ былъ перво-

родный грѣхъ 14 Декабря, тотъ на всегда оставался въ положеніи журнала, которому объявлено два предостереженія; но теперь, какъ семейный и богатый человѣкъ, онъ спокойнѣе смотрѣлъ на свое будущее, продолжая туже остроумную и непримиримую войну съ Ставрополемъ и Тифлисомъ. Государь, по прежнему, забавлялся этой полемикой и не отказывалъ въ представленіяхъ; но Раевскій чувствовалъ, что его время проходитъ и что къ нему уже не имѣютъ прежняго довѣрія. Часто стали наѣзжать къ намъ флигель-адъютанты и другія лица, присылаемыя изъ Петербурга подъ разными предлогами, а иногда съ явнымъ порученіемъ собиранія свѣдѣній.

Такъ прошла вся зима 1840 г. Я провелъ ее особенно пріятно съ Майеромъ, въ кругу своихъ сослуживцевъ и съ книгами большой библіотеки г. Раевскаго. Тамъ были Латинскіе и Греческіе классики, конечно во Французскомъ переводѣ, и очень много старыхъ и новыхъ сочиненій о Кавказѣ. Все это было для меня ново и чрезвычайно занимательно. Я старался пріурочить сказанія древнихъ писателей къ нынѣшнему, мнѣ хорошо извѣстному, положенію Кавказа и особливо его западной половины. Я дѣлалъ обширныя выписки и достигнулъ любопытныхъ сближеній и открытій. Служебной работы было много; но штабъ устроился, имѣлъ достаточныя средства, и я могъ, по справедливости, хвалиться своими сослуживцами.

Еще въ Январѣ 1841 г., г. Раевскій продиктовалъ Антоновичу рапортъ военному министру объ исходатайствованіи ему назначенія состоять по кавалеріи съ увольненіемъ отъ своей должности, по разстроенному здоровью. Конечно въ этомъ рапортѣ (который нѣсколько времени и для меня оставался тайною) говорилось о положеніи Кавказа и особенно Береговой Линіи. О Кавказѣ сказано, что онъ похожъ на колесницу, которую три разныя упряжи тянутъ въ три разныя стороны, «хорошо кому везетъ». О Береговой Линіи сдѣлано ловко и кратко сравненіе восточнаго берега въ 1837 г. и въ 1841 г. Заключенія никакого не было, но оно само собой являлось.

Этотъ рапортъ много разъ передѣлывался, но мѣсяца полтора лежалъ въ проектѣ, пока г. Раевскій рѣшился послать его. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1841 г. послѣдовалъ высочайшій приказъ объ его увольненіи и о назначеніи на его мѣсто генералъ-маіора Анрепа. Я побѣжалъ къ г. Раевскому и засталъ его въ веселомъ разговорѣ съ Майеромъ. Онъ уже зналъ о своемъ увольненіи, котораго не совсѣмъ ожидалъ, но которое, кажется, было особенно пріятно его супругѣ.

Я спросилъ, знаетъ ли онъ Анрепа?. «Какъ же, мы вмѣстѣ были адъютантами у Дибича».—«Quelle espèce d'homme est-ce?—«Mon cher

ami, c'est un mouton qui rêve» *)—характеристика пожалуй не совсѣмъ не вѣрная, но для насъ не утѣшительная.

Разставаясь съ Н. Н. Раевскимъ, я съ благодарностію могу помянуть его только добромъ. Кромѣ служебныхъ успѣховъ, для меня чрезвычайно важныхъ, я обязанъ ему тѣмъ, что онъ заставилъ меня много работать, взваливъ на меня, неопытнаго молодаго человѣка, разнообразныя занятія по множеству предметовъ, требовавшихъ спеціальной опытности и знанія. Онъ имѣлъ ко мнѣ неограниченную довѣренность по дѣламъ административнымъ и денежнымъ. Лично мнѣ онъ оказывалъ постоянное дружелюбіе, и я вѣрю его искренности, когда онъ говорилъ, что любитъ меня, какъ сына, хотя, по лѣтамъ, онъ и не могъ бы быть моимъ отцомъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Какого рода это человѣкъ?—Это, милый другъ, баранъ мечтающій.

ПЕРЕПИСКА М. П. ЛАЗАРЕВА СЪ КНЯЗЕМЪ МЕНШИКОВЫМЪ *).

1848 годъ.

1.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 27 Генваря 1848.

Боры въ Ново-Россійскѣ не перестаютъ уничтожать суда наши. Въ теченіе нынѣшней зимы онѣ свирѣпствовали съ жестокостію и бывшія въ ночахъ 30-го Ноября и 13-го Генваря уподоблялись совершенному урагану: ибо точно также какъ и въ самыхъ жестокихъ ураганахъ слышенъ былъ въ воздухѣ постоянный громъ и трескъ, уподобляющійся щелканію нѣсколькихъ тысячъ бичей. Къ этой жестокости вѣтра если присоединить еще морозъ отъ 13 до 14°, то ваша свѣтлость можете представить себѣ положеніе судовъ нашихъ, стоявшихъ тогда въ Ново-Россійскѣ. Послѣдствіемъ этихъ ураганов было то, что 30-го Ноября фрегатъ «Мидія» стащилъ съ мѣста мертвые якоря и, наконецъ, съ помощію къ нимъ своихъ фрегатскихъ якорей, отстоялся не далѣе какъ въ 50-ти саженяхъ отъ каменьевъ; а бригъ «Аргонавтъ» былъ въ опасности затонуть на бриделѣ отъ накопившагося льда на носовой части, которая, не смотря на безпрестанную работу въ откалываніи онаго и перевозку носовыхъ орудій съ носа на корму для бо́льшаго диферента, тяжестію своею столько осадила носъ къ низу, что вода, накоплявшаяся отъ поддаванія, не могла уже стекать въ боковые шпигеты, а замерзала подъ бокомъ, и на передней части палубы образовала толстую льдяную массу, покрывшую разведенные (на случай) пеньковые канаты; и если бы его съ бриделя сорвало

*) См. Р. Архивъ 1882, вып. 4-й, стр. 205.

или подрейфовало, то отданіе якорей для спасенія брига было бы невозможно. 13-го же Генваря ураганъ былъ еще жесточѣ и выбросилъ (какъ усмотрѣть изволите изъ донесенія моего) на берегъ пароходъ «Боецъ», бригъ «Паламедъ» и транспортъ «Растегай». Чѣмъ онъ кончился, донесенія я еще не имѣю; но большое опасеніе было за корветъ «Пиладъ», который повидимому также стащилъ съ мѣста мертвые якоря, на которыхъ онъ стоялъ. Командира брига «Паламедъ» кап.-лейтенанта Вердемана вытащили на берегъ совершенно окостенѣвшаго отъ мороза, и жизнь ему спасена единственно усиленнымъ растираніемъ тѣла нашатырнымъ спиртомъ; но не менѣе того онъ остался чрезвычайно слабъ и едва ли скоро въ силахъ своихъ поправится.

Два эти урагана были причиною сорванія большей части крышъ со строеній на берегу, даже съ стропилами, и повсемѣстнаго разрушенія, какого никто изъ жителей не запомнитъ, хотя боры бываютъ въ Ново-Россійскѣ каждую зиму. Адмиралтейства нашего выведенъ еще только цоколь, слѣдовательно и вреда ему никакого не послѣдовало; но какъ въ нынѣшнемъ году стѣны будутъ выведены и покрыты, то, дабы и надъ нимъ не случилось подобнаго же несчастія на случай такого же урагана въ слѣдующую зиму или въ послѣдствіи, я признаю необходимымъ на склонѣ крышъ кругомъ вывести небольшіе парапеты изъ того же камня, которые безъ сомнѣнія удержатъ крыши отъ сорванія, а къ окнамъ сдѣлать наружныя ставни для предохраненія стеколъ: ибо силою вѣтра не только въ госпиталѣ и карантинѣ, но и въ домѣ Серебрякова стекла вдавило, такъ сказать, внутрь. Для безопасности же судовъ на будущее время, я полагаю, понадобится тяжесть мертвыхъ якорей увеличить, а на суда отпускать по нѣскольку сажень цѣпей толще ихъ якорныхъ, которыми они и крѣпились бы за бочки. Обо всемъ этомъ я буду просить разрѣшенія вашей свѣтлости въ свое время, когда узнаю о послѣдствіяхъ бывшаго разрушенія подробно; теперь же все вниманіе обращено на спасеніе того, что̀ окажется возможнымъ и отправленіе для сего необходимыхъ средствъ изъ Севастополя.

Въ Николаевѣ и Севастополѣ работы продолжаются съ постоянною дѣятельностію, хотя морозы, доходившіе до 17½, на нѣсколько дней и пріостанавливали ихъ. Исходъ прошедшаго года и начало наступившаго были для Черноморскаго флота очень тягостны: сперва потеря двухъ прекрасныхъ молодыхъ офицеровъ Авинова и Соколовскаго (родители коихъ не могутъ довольно нагореваться), а потомъ крушеніе «Вѣстника» и случившееся несчастіе въ Ново-Россійскѣ! Но подобныя происшествія случаются иногда вездѣ, и избѣжать

ихъ не всегда возможно: стоитъ только прочитать ежемѣсячный отчетъ крушенія Англійскихъ судовъ и военныхъ, и купеческихъ. Разбившійся на дняхъ пароходъ въ 650 силъ *Avenger*, потерявшій до 270 человѣкъ, можетъ послужить этому разительнымъ примѣромъ.

2.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 30 Генваря 1848.

Не успѣлъ я увѣдомить вашу свѣтлость о бѣдствіи, случившемся въ Ново-Россійскѣ съ пароходомъ «Боецъ», бригомъ «Паламедъ» и транспортомъ «Растегай», какъ опасенія на счетъ подобнаго же несчастія съ корветомъ «Пиладъ» подтвердились: ибо якоря его не могли выдержать жестокости бури, и онъ подобно первымъ судамъ, выкинутъ на берегъ и находится въ самомъ сомнительномъ положеніи относительно снятія его съ мели безъ поврежденія, особенно если послѣдуетъ S O, вѣтеръ, производящій въ губѣ весьма сильное волненіе. Къ этому присоединилось вящшее еще несчастіе и доселѣ неслыханное съ тендеромъ «Струя», затонувшимъ на бриделѣ со всѣми людьми, наономъ бывшими. Кромѣ командира к.-лейтенанта Леонова на немъ находились мичмана Обезьяниновъ и Ковалевскій, корпуса штурмановъ прапорщики Скосаревъ и 48 нижнихъ чиновъ. Какимъ образомъ это случилось, доселѣ неизвѣстно; но должно полагать, что накопившійся на носовой части ледъ, при жестокости урагана и 14° мороза, осадилъ оную до такой степени, что волненіе пошло наконецъ черезъ, которое, разливаясь и съ тѣмъ вмѣстѣ замерзая по палубѣ, вынудило людей для спасенія своего убраться внизъ. Люки, вѣроятно, не были надлежащимъ образомъ закрыты, и тендеръ, рыская въ ту и другую сторону на нѣсколько румбовъ, накренило; наконецъ, при одномъ изъ жестокихъ порывовъ на бокъ, онъ черпнулъ конечно бортомъ и пошелъ на дно. Еслибъ Леоновъ догадался выпустить цѣпи, прежде нежели было уже поздно, то хотя и выбросило бы тендеръ на берегъ вмѣстѣ съ прочими судами, но по крайней мѣрѣ спаслись бы люди.

Все, что нужно для спасенія выброшенныхъ судовъ, какъ то: шпили, гики, мастеровые люди и пр. и пр., отправлены изъ Севастополя на транспортѣ «Абинъ» 27-го сего Генваря. Силы же для работъ на отрядѣ достаточно, и если на наше счастіе погода поблагопріятствуетъ, то я не сомнѣваюсь, что будетъ успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ спасеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 29-го Апрѣля 1848.

Полученное повелѣніе съ флигель-адъютантомъ Истоминымъ о сформированіи и вооруженіи одного баталіона Дунайской флотиліи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и предложеніе отставнаго подпоручика Волохова относительно возведенія новаго въ Севастополѣ адмиралтейства, обѣщающее вѣрное и выгодное для казны исполненіе гигантскаго этого предначертанія, рѣшило меня отправить къ вашей свѣтлости нарочнаго курьера, какъ съ донесеніемъ о распоряженіи, сдѣланномъ къ выполненію высочайшаго повелѣнія на Дунаѣ, такъ и съ представленіемъ о дозволеніи Волохову приступить, безъ всякаго соперничества другихъ мелочныхъ торговцевъ, къ начатію работъ по новому адмиралтейству. Первое будетъ исполнено по возможности скоро, и ни одного лишняго часа упущено не будетъ; а на счетъ послѣдняго я вполнѣ увѣренъ, что если предложеніе Волохова будетъ принято, то надежда видѣть новое адмиралтейство въ Севастополѣ воздвигнутымъ въ семилѣтнее время несомнѣнна. Сколько мнѣ извѣстно, то соревнователи Волохова не имѣютъ никакого собственнаго капитала, а входятъ съ своими предложеніями для того только, чтобы получить отъ него отступныя деньги (что̀ конечно послужитъ къ ослабленію его средствъ) и послѣ отказаться подъ разными коммерческими предлогами. Мое убѣжденіе въ пользу Волохова состоитъ въ необыкновенно строгомъ порядкѣ, въ которомъ онъ ведетъ дѣла свои по срытію горы, которыя окончатся чрезъ два или три мѣсяца, тогда какъ срокъ имъ и окончательная плата послѣдуютъ еще въ будущемъ 1849 году. Во всѣхъ дѣйствіяхъ его видно самое основательное распоряженіе. Мнѣ случалось быть въ его заведеніи, устроенномъ нарочно для работъ по срытію горы: люди, приглашенные имъ изъ Великороссійскихъ губерній, пользуются самою сытною и здоровою пищею; устроенъ чистый госпиталь для заболѣвающихъ или ушибающихся на работахъ; всякаго рода мастерскія и литейный заводъ, на которомъ отливаемыя чугунныя вещи могутъ поспорить съ лучшими заводами. Онъ просто охотникъ до подобныхъ работъ, и его можно видѣть на нихъ съ 5-ти часовъ утра безпрестанно; денегъ же онъ, повидимому, не жалѣетъ, потому что всѣ работающіе у него, не исключая въ свободное время матросъ и солдатъ, всегда имъ довольны, и до сихъ поръ не было никогда ни одной жалобы; а это такая рѣдкость, о которой до при-

бытія его въ Севастополь не слыхивали. Не знаю, до какой степени угодно будетъ Его Величеству дозволить продолжать ассигнованіе 300 т. р. на новое адмиралтейство; но желаніе и полная надежда видѣть еще это адмиралтейство въ Севастополѣ устроеннымъ невольнымъ образомъ вынуждаютъ меня просить участія вашей свѣтлости, чтобы работа эта и самое обложеніе отсѣка горы крупнымъ штучнымъ камнемъ, которое онъ берется сдѣлать, не выходя изъ общей цифры, утверждены были за Волоховымъ безъ торговъ. Если только Волоховъ проживетъ эти семь лѣтъ, то можно смѣло ручаться, что новое адмиралтейство будетъ окончено въ томъ видѣ, въ которомъ Государю угодно его видѣть; но ежели по непредвидимымъ судьбамъ его и не станетъ, то казна ничего не потеряетъ, ибо при вѣрномъ обезпеченіи онъ никакихъ задаточныхъ денегъ не требуетъ.

Безотлагательный отвѣтъ по этому дѣлу необходимъ отъ вашей свѣтлости для разрѣшенія моего недоумѣнія; ибо, опасаясь передержекъ казеннымъ средствамъ противу объявленныхъ Волоховымъ даже и на текущій годъ, работы по новому адмиралтейству я пріостановилъ.

Пожелавъ вашей свѣтлости наилучшаго здоровья и (при смутныхъ нынѣ въ Европѣ обстоятельствахъ) продолженія той бодрости духа, неразлучной съ пламенною преданностію Государю и святой нашей Руси, коими Богъ наградилъ васъ и которыя всѣмъ намъ такъ извѣстны, имѣю честь пребыть съ всегдашнимъ уваженіемъ и совершенною преданностію.

4.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 11-го Ноября 1848.

Не знаю, какъ ваша свѣтлость примете представленіе мое о Корниловѣ; но могу увѣрить васъ, что ничто другое, какъ твердое убѣжденіе въ достоинствахъ этого офицера было причиною, что я рѣшился на оное. Контръ-адмираловъ у насъ много, но не легко избрать такого, который бы соединялъ въ себѣ и познанія морскаго дѣла, и просвѣщеніе настоящаго времени, и которому безъ опасенія можно бы было въ критическихъ обстоятельствахъ довѣрить и честь флага, и честь націи. Въ Корниловѣ достоинства эти выражались и прежде, а теперь послѣ пріобрѣтенныхъ имъ познаній въ послѣднее пребываніе его въ Англіи они еще болѣе усовершенствовались. Желаніе же

мое употребить его для особенныхъ порученій и по временамъ присутствовать въ общемъ присутствіи интендантства, впредъ до открытія ваканціи бригаднаго командира, основывается на томъ, что въ первомъ занятіи онъ будетъ особенно полезенъ при введеніи здѣсь тѣхъ улучшеній по флоту и адмиралтействамъ, какія замѣтилъ онъ въ Англіи и которыя признаются по нашему быту удобными, и еслибы ваша свѣтлость дозволили, то я съ удовольствіемъ занялся бы съ нимъ, приводя въ порядокъ оставленное безъ вниманія гр. Гейденомъ росписаніе команды при разныхъ дѣйствіяхъ на судахъ; оно крайне нужно. Артиллерійское ученіе, хотя и напечатанное подъ наблюденіемъ Путятина, но требуетъ по мнѣнію моему нѣкотораго исправленія, несмотря на то, что оно есть ничто другое какъ чистый переводъ съ Англійскаго, въ которомъ много лишняго педантизма и такихъ вопросовъ и отвѣтовъ въ отношеніи къ нижнимъ чинамъ, которыхъ они въ общей массѣ никогда не запомнятъ; словомъ сказать, не мѣшало бы очистить оное отъ всего лишняго, а оставить одно полезное, доступное всякому простому разсудку. Штатъ вооруженія судовъ (хотя весьма не скоро) тоже требуетъ нѣкотораго исправленія и дополненія, о которыхъ, по собраніи нужныхъ свѣдѣній, я буду имѣть честь донести и испрашивать разрѣшенія вашей свѣтлости. Мачтовое искусство доселѣ не напечатано потому единственно, что ожидались нѣкоторыя свѣдѣнія отъ Корнилова; теперь, съ возвращеніемъ его, остановки въ изданіи этомъ не будетъ. Наконецъ, построеніе здѣсь желѣзныхъ судовъ должно начаться тоже при наблюденіи Корнилова, которому предписано было собрать по этой части самыя вѣрныя свѣдѣнія или, лучше сказать, изучить оную.

Чтó касается до права присутствовать ему по временамъ въ интендантствѣ, то отъ здраваго, на опытахъ основаннаго сужденія его я предвижу очень много пользы, и не рѣдко сожалѣлъ я, что подобнаго лица въ присутствіи интендантства не было: ибо, не зная практически дѣла, обсуживали иногда предметъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, и чрезъ то увеличивалась напрасно переписка съ потерею времени.

О яхтѣ «Оріандѣ», послѣ прибытія ея въ Плимутъ 1-го Октября, гдѣ *—ій намѣренъ былъ простоять не болѣе трехъ дней, я никакихъ извѣстій не имѣю, но полагаю, что она давно уже въ Средиземномъ морѣ, и потому ожидаю ея со дня на день. Посольство наше въ Копенгагенѣ (по частнымъ письмамъ *—го) приняло его самымъ непріязненнымъ образомъ, и вмѣсто оказанія просимой имъ помощи по случаю постигшей ихъ холеры, отъ которой потерялъ онъ тогда уже 3-хъ человѣкъ и имѣлъ до 10-ти больныхъ, полу-Русскій посланникъ

нашъ прислалъ къ нему чиновника съ Датскимъ офицеромъ сказать, чтобы онъ непремѣнно и немедленно снимался съ якоря и шелъ куда хочетъ; въ противномъ случаѣ съ батареи будутъ по немъ стрѣлять! На это онъ отвѣчалъ, что Нѣмецкихъ ядеръ онъ не боится и тогда же подтянулся къ батареѣ, чтобы они попробовали свои угрозы, если только осмѣлятся. Онъ требовалъ, чтобы ему прислали прѣсную воду, въ которой имѣлъ надобность, безъ которой онъ не пойдетъ; ибо налитую въ Кронштадтѣ онъ вылилъ, приписывая появленіе въ командѣ эпидеміи ни чему другому какъ той водѣ, чтó въ послѣдствіи и получило вѣроятіе, ибо съ перемѣною воды болѣзнь остановилась, и люди начали выздоравливать. Какъ бы то ни было, но онъ снялся не прежде какъ удовлетворили всѣ необходимыя его требованія, къ стыду и посольства нашего, и безразсудныхъ угрозъ Датскаго офицера. Когда яхта «Оріанда» возвратится, то я потребую отъ *—го форменнаго о происшествіи этомъ донесенія и не замедлю довести оное до свѣдѣнія вашей свѣтлости. Не послужитъ ли оно поводомъ къ прекращенію неоднократныхъ и самыхъ оскорбительныхъ обращеній полу-Русскихъ нашихъ посланниковъ съ Русскими офицерами и вообще подданными Россіи, прибывающими въ тѣ государства, гдѣ они назначены и гдѣ священная обязанность ихъ состоитъ въ поддержаніи чести и флага и имени Русскаго?

5.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 24 Декабря 1848.

Податель сего, штабсъ-капитанъ Рулевъ, обучавшійся нѣкогда гражданской архитектурѣ въ Академіи и выпущенный по познаніямъ своимъ однимъ изъ первоклассныхъ воспитанниковъ, назначенъ строителемъ имѣющаго сооружаться въ Севастополѣ храма во имя Св. Владиміра, и для того отправленъ въ Москву и С.-Петербургъ для обозрѣнія всѣхъ церквей, построенныхъ въ Византійскомъ вкусѣ и собранія изъ нихъ всѣхъ возможныхъ свѣдѣній для будущаго своего руководства.

Рулевъ будетъ имѣть честь представить вашей свѣтлости два небольшіе ящичка съ нѣкоторыми новостями, относящимися до письменнаго стола. Не угодно ли вамъ взглянуть на нихъ и если которыя понравятся, то не прикажете ли нѣсколько еще прислать?

За производство Корнилова приношу вашей свѣтлости тысячу благодарностей.

1849 г.

1.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 24-го Февраля 1849.

Донося съ симъ вмѣстѣ офиціально о привозѣ мраморныхъ статуй для офицерской библіотеки, я не могу умолчать о Керченскомъ градоначальникѣ, который съ самаго вступленія въ эту должность питалъ какую-то злую ненависть ко всему тому, что̀ относилось до морскаго начальства и особенно былъ золъ на меня, недопускавшаго его вмѣшиваться въ распоряженія мои. Онъ происками своими успѣлъ однакожъ стѣснить Адмиралтейство наше, окруживъ вплоть частными строеніями и домогался чрезъ свое начальство вовсе уничтожить оное, предлагая перенести на другое мѣсто, вовсе для того неудобное; но въ этомъ ваша свѣтлость не допустили его. Всякой другой съ удовольствіемъ бы глядѣлъ на постоянно украшающійся Севастополь; но онъ, увидѣвъ поставленыя съ мѣсяцъ уже тому назадъ на парапетѣ библіотеки статуи, приказалъ таможенному чиновнику подать себѣ рапортъ о тайномъ свозѣ ихъ на берегъ и воспользовался этимъ случаемъ выставить привозъ статуй въ видѣ контрабанды, хотя ему и объяснено было, что какъ самое зданіе такъ и статуи принадлежатъ большею частію казнѣ: ибо Государь пожаловалъ на возобновленіе онаго 52 т. р. сер. Онъ не хотѣлъ ничего слушать и послалъ донесеніе свое къ министру финансовъ и съ поводу этого присовокупилъ, что весь южный край Россіи наводняется контрабандою чрезъ приходящіе изъ-за границы военныя наши суда! Дерзкая ложь, которую одна только злоба разстроеннаго разсудка изобрѣсти можетъ и которую доказать никто не въ состояніи. Я долженъ сознаться, что правила при доставкѣ статуй въ полной строгости соблюдены не были; но это произошло нѣкоторымъ образомъ отъ того, что переписка о заказѣ ихъ началась еще въ началѣ 1845-го года, въ томъ предположеніи, что если онѣ не понадобятся на фронтонѣ, то употребятся въ наружныя ниши и для украшенія внутренней лѣстницы при входѣ въ главный залъ, а болѣе въ надеждѣ, что министръ финансовъ, подобно прежнимъ примѣрамъ, дозволитъ пропустить ихъ безъ пошлины. Дозволеній же таковыхъ было много, и они получались всегда съ первою почтою, какъ-то: для старой библіотеки дозволено было привезти

два сфинкса, три статуи и два барельефа; для Екатерининской пристани два льва и четыре статуи; для Петропавловской церкви двѣ статуи колоссальной величины, изображающія апостоловъ Петра и Павла и, наконецъ, для дома собранія флагмановъ и капитановъ два большихъ барельефа, стоющихъ болѣе нежели всѣ пять послѣднихъ статуй вмѣстѣ. Не получая долго никакого свѣдѣнія изъ Каррары, тогда какъ часть денегъ была уже выслана, я откладывалъ представлять о пропускѣ статуй до полученія удовлетворительнаго извѣстія о нихъ; между тѣмъ происшедшія смуты въ Италіи мало уже подавали надежды не только на доставленіе статуй, но и на возвращеніе денегъ; какъ неожиданно въ Сентябрѣ онѣ привезены были на купеческомъ суднѣ изъ Ливорны въ Константинополь, и какъ въ тоже время возвращался изъ Греціи бригъ «Орфей», то посланникъ поручилъ командиру онаго к.-лейтенанту Ендогурову отвезти ихъ въ Севастополь. Онъ это исполнилъ и вошелъ съ бригомъ въ карантинную бухту для выдержанія карантиннаго термина. Ендогуровъ при этомъ случаѣ нисколько обвиняемъ быть не можетъ, потому что онъ просилъ дозволенія тогда же свезти ихъ на берегъ, такъ какъ онѣ загромождали у него верхнюю палубу, на которой онѣ находились въ отрытыхъ ящикахъ; а ему хотѣлось, по выходѣ изъ карантина, въ случаѣ посѣщенія кѣмъ-либо, представить бригъ въ совершенной исправности и чистотѣ; но я на это не согласился изъ опасенія, что частыя перегрузки могутъ повредить ихъ (отломавъ руку или ногу) и рѣшилъ, чтобы онѣ выдерживали карантинъ вмѣстѣ съ бригомъ и всѣми вещами, бригу принадлежащими, что̀ послѣ двукратной окурки, и исполнено было, обливая какъ ихъ, такъ и прочія на верху вещи, т. е. орудія, кнехты, борта и пр. и пр. по нѣскольку разъ водою. По выпускѣ брига изъ карантина статуи свезены были на берегъ, но вовсе не тайно, какъ донесъ г-нъ Херхеулидзевъ, а среди бѣлаго дня, такъ сказать, и въ тотъ же день въ виду многихъ зрителей поставлены на мѣста, на которыхъ онѣ видны изъ всѣхъ частей города. Да и возможно ли провезти колоссальныя статуи тайно? Что̀ касается до непредставленія ихъ въ карантинъ для очищенія, то не было въ томъ никакой надобности, потому что (какъ я сказалъ выше) онѣ выдерживали карантинъ вмѣстѣ съ бригомъ и заключались въ такихъ предметахъ, которые заразы не принимаютъ; иначе слѣдовало бы свозить и пушки и якоря, чего никогда не дѣлается. Относительно же сомнѣнія министра финансовъ, возбужденнаго тоже доносомъ г-на Херхеулидзева, что не заключались ли въ ящикахъ сверхъ статуй еще другіе товары, то на это могутъ показать подъ присягою всѣ тѣ, которые видѣли ящики, что никакихъ вещей въ нихъ кромѣ статуй

не было и быть не могло, особенно *товаровъ*, потому что ящики сверху были раскрыты, и статуи, по устройству, сдѣланному еще въ Каррарѣ, придерживались къ днамъ ящиковъ одними поперечными брусками, слѣдовательно, находясь на верхней палубѣ, подвергались бъ дождю и всякой непогодѣ.

Изъ всего этого я позволяю себѣ надѣяться, что и ваша свѣтлость припишете отступленіе отъ правилъ при свозѣ статуй на берегъ скорѣе къ недоразумѣнію, нежели къ какому либо умыслу провезти ихъ тайно, чего и исполнить было невозможно, да и не было никакой надобности: ибо стоило только представить о дозволеніи провезти ихъ безпошлинно, и нѣтъ сомнѣнія, что оно воспослѣдовало бы, въ чемъ я и упрекаю одного себя.

При семъ имѣю честь представить для любопытства вашей свѣтлости копію съ письма моего къ г-ну Вронченкѣ *), на которое онъ отвѣчалъ тѣмъ, что назначилъ чиновника для производства слѣдствія и розысканія виновныхъ *въ тайномъ* провозѣ статуй! Отвѣтъ достойный той учтивости, съ которою я относился къ нему.

2.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 28-го Февраля 1849.

Александръ Павловичъ Авиновъ пишетъ мнѣ, что послѣ годоваго размышленія онъ рѣшился, наконецъ, просить вашу свѣтлость о назначеніи его въ Адмиралтействъ-Совѣтъ, какъ изъ опасенія потерять зрѣніе свое, которое дѣйствительно пострадало въ теченіе прошедшаго года замѣтнымъ образомъ, такъ и для того что, находясь въ Петербургѣ, онъ болѣе средствъ будетъ имѣть къ воспитанію дѣтей своихъ. Какъ ни жаль и ни тягостно для меня будетъ лишиться такого помощника въ содержаніи флота въ безпрестанной исправности, каковъ въ теченіе почти 12-ти лѣтъ былъ вице-адмиралъ Авиновъ, но если вашей свѣтлости благоугодно будетъ уважить его просьбу, то въ такомъ случаѣ я прошу назначить вмѣсто его командиромъ Севастопольскаго порта и временнымъ военнымъ губернаторомъ вице-адмирала Хрущова, на котораго я вполнѣ надѣюсь, что исполнитъ многотрудныя эти обязанности къ совершенному удовольствію начальства; а вмѣсто сего послѣдняго начальникомъ штаба—контръ-адмирала

---

*) Тогдашнему министру финансовъ. П. Б.

Корнилова. Впрочемъ предаю это предложенiе мое благоусмотрѣнiю вашей свѣтлости.

Къ чести вице-адмирала Авинова я долженъ сказать, что въ продолженiе всего управленiя имъ Севастопольскимъ портомъ не случилось ни одного разу, чтобы назначаемыя для какой-либо надобности суда (въ томъ числѣ для занятiя мѣстъ эскадрами по восточному берегу и при многократныхъ перевозкахъ войскъ туда, несмотря на зимнее и бурное время года) немедленно не выходили по своему назначенiю и не выполняли бы предписанiя въ точности. Всякiй разъ это дѣлалось безъ малѣйшаго затрудненiя; ибо какъ суда состояли всегда въ исправности и готовности на всякую службу, такъ и командиры ихъ чрезъ благоразумныя распоряженiя вице-адмирала Авинова старались соревновать другъ противъ друга къ точному выполненiю всѣхъ обязанностей. Кромѣ того онъ исполнялъ и довольно трудную обязанность предсѣдателя въ комитетѣ по построенiю новаго адмиралтейства, отчетность коего доведена до того, что и за истекшiй только 1848 годъ на дняхъ она отправлена будетъ въ ревизiонный комитетъ. А потому я поставляю себѣ въ священную обязанность представить полезную и усердную службу, проведенную здѣсь вице-адмираломъ Авиновымъ, на благоуваженiе вашей свѣтлости и просить, по весьма недостаточному его состоянiю, благодѣтельнаго ходатайства вашей свѣтлости о доставленiи ему приличнаго пособiя на переѣздъ (буде послѣдуетъ соизволенiе ваше на просимое имъ перемѣщенiе) и продолженiя довольствiя по занимаемому имъ нынѣ мѣсту, котораго, послѣ 45-ти лѣтней ревностной и самоотверженной службы своей, смѣю полагать, онъ заслуживаетъ.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 11-го Марта 1849.

Не безъизвѣстно вашей свѣтлости, что сюда назначенъ братъ мой контръ-адмиралъ Алексѣй Лазаревъ съ состоянiемъ по Черноморскому флоту (какъ полагаю я) для поправленiя здоровья своего въ тепломъ климатѣ. Теперь онъ совершенно здоровъ, въ силахъ своихъ укрѣпился и проситъ назначенiя на дѣятельную службу. Но какъ всѣ контръ-адмиральскiя мѣста здѣсь заняты, и притомъ по родству его со мною, полагаю, служить ему здѣсь неудобно, то я позволилъ себѣ

просить на всякій случай князя Михаила Семеновича *), не найдется ли какого-либо мѣста ему подъ его начальствомъ въ Новороссійскомъ краѣ. На это онъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ желалъ бы поручить ему градоначальство въ Керчи вмѣсто князя Херхеулидзева, который, по разстроенному его здоровью, неприличной перепискѣ и ссорѣ съ генералъ-лейтенантомъ Ѳедоровымъ, долѣе занимать это мѣсто не можетъ, о чемъ и далъ сему послѣднему знать. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ отнестись и просить о таковой перемѣнѣ Керченскаго градоначальника министра внутреннихъ дѣлъ; а какъ назначеніе контръ-адмирала на подобное мѣсто безъ соизволенія вашей свѣтлости послѣдовать не можетъ, то я и прошу, въ случаѣ сношенія съ вами Льва Алексѣевича Перовскаго, не отказать ему въ вашемъ согласіи, и тѣмъ избавить меня отъ непріятности и неудобства служить съ роднымъ братомъ, который въ послѣдствіи, какъ бы достойно ни служилъ и какъ бы хорошо и справедливо о немъ я ни отзывался, всегда таковой отзывъ покажется не только въ глазахъ другихъ, но и высшему моему начальству пристрастнымъ. Снисхожденіе вашей свѣтлости на эту покорнѣйшую просьбу мою я приму съ особенною признательностію и душевною къ вамъ благодарностію.

Въ письмѣ моемъ отъ 24-го Февраля относительно привоза мраморныхъ статуй я доносилъ вашей свѣтлости, что ящики, въ которыхъ онѣ находились, были раскрыты; но это оказалось несправедливо и произошло отъ того, что мнѣ дано было знать, что они уложены были въ Италіи, подобно тому какъ и прежде ихъ привозили; прежде же онѣ доставлялись всегда въ раскрытыхъ ящикахъ и придерживались ко дну поперечными брусками; почему и спѣшу поправить ошибку мою. Оказалось, что ящики были глухіе, обтянутые смоляною парусиною и съ приложенными печатями консула нашего въ Ливорнѣ. Разногласіе это произошло отъ непредвидѣннаго недоразумѣнія. Но въ отношеніи къ карантиннымъ правиламъ онѣ тѣмъ еще менѣе подвергались очищенію, ибо сверхъ смоленой парусины имѣли консульскія печати; а подобныя вещи иначе не очищаются какъ чрезъ обливку сверхъ парусины одинъ разъ водою. Что въ ящикахъ кромѣ статуй ничего другаго не заключалось, въ томъ можетъ удостовѣрить и консулъ, который обязанъ за это отвѣтственностію, и весь экипажъ брига «Орфей» подъ присягою. Командиръ же брига былъ убѣжденъ, что карантинному очищенію подобнымъ образомъ упакованные ящики

*) Воронцова.

не подлежатъ и, признавая статуи казенными, въ карантинъ не предъявилъ. Въ этомъ одномъ состоитъ все недоразумѣніе, не причинившее однакоже ни малѣйшаго нарушенія карантинныхъ правилъ, ни какого-либо ущерба казнѣ.

4.

Князь Меншиковъ М. П. Лазареву.

С.-Петербургъ, 6-го Мая 1849.

Простите, любезный Михаилъ Петровичъ, долгое мое молчаніе, въ которомъ оправдываюсь отчасти исполненіемъ изъявленныхъ въ письмахъ вашихъ желаній относительно Корнилова, Авинова и Хрущова; что же касается до к.-адм. Лазарева, то объ немъ отъ князя Воронцова не поступало еще представленія, съ моей же стороны я готовъ содѣйствовать его назначенію.

Росписаніе командъ, которое вы требуете обратно, ходило по властямъ и коль скоро отыщу, то отправлю къ вамъ.

Премного благодарю васъ за доставленіе сушительныхъ бумажныхъ каталокъ, прекрасныхъ книжечекъ, отличнаго изданія раскладки и карты Средиземнаго моря, которыя получены мною исправно.

Привезенныя изъ Каррары статуи надѣлали много хлопотъ, и дѣло оканчивается выговоромъ за несоблюденіе правилъ карантинныхъ установленій.

1-я флотская дивизія отправляется къ острову Альсену для спасенія Датскаго гарнизона, на случай ежели бы Пруссаки успѣли овладѣть симъ островомъ; въ самой же защитѣ мы никакого участія не принимаемъ.

Государь изволилъ отправиться въ Варшаву, и время возвращенія не опредѣлено.

Одна изъ дивизій арміи отправлена изъ Кракова по желѣзной дорогѣ на защиту Вѣны; остальныя же, долженствующія дѣйствовать противу Венгріи, войска собираются подъ личнымъ предводительствомъ фельдмаршала въ Галиціи, у мѣстечка Дукла, на большой дорогѣ, ведущей чрезъ Эперіесъ и Кашау далѣе въ Венгрію.

Вашъ преданный князь Меншиковъ.

Письмо это вручается капитану Балдохину.

5.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 2-го Декабря 1849.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ несчастная вдова покойнаго брата моего Андрея, изливая всю свою горесть о потерѣ мужа и оплакивая свое одиночество, просила меня обратиться къ вашей свѣтлости о помощи, необходимой ей отъ щедротъ Государя Императора для приличнаго воспитанія оставшихся при ней малолѣтныхъ сиротъ (трехъ дочерей). Зная, до какой степени подобное ходатайство для вашей свѣтлости трудно, я никакъ не рѣшался безпокоить васъ. Но, получивъ вчера оффиціальное увѣдомленіе дежурнаго генерала главнаго штаба Его Императорскаго Величества, что по всеподданнѣйшей просьбѣ вдовы бывшаго здѣсь коменданта, Анны Ребиндеръ, просительницѣ всемилостивѣйше повелѣно производить въ пенсіонъ полный окладъ жалованья мужа ея, по 860 рубл. серебр. въ годъ, и сверхъ того пожаловано въ единовременное пособіе 860 рубл. серебр., о чемъ она извѣщена 26-го минувшаго Октября № 7651, я заключаю изъ сего, что милости Государя къ вдовамъ за службу мужей ихъ неограничены и позволяю себѣ (сколь и для меня это ни тягостно) представить на благоуваженіе вашей свѣтлости теперешнее положеніе Анны Максимовны, съ тѣмъ, что не признаете ли службу мужа ея достойною для сравненія со службою генерала Ребиндера и возможнымъ исходатайствовать ей просимой помощи.

Если бы ваша свѣтлость знали, до какой степени мнѣ тяжело было рѣшиться на письмо это, то конечно извинили бы меня за безпокойство, которое я причиняю вамъ.

6.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 5-го Декабря 1849.

Желаніе Государя, переданное мнѣ чрезъ вашу свѣтлость отъ 18-го Ноября, чтобы въ доки *нынѣ же непремѣнно* введены были суда и сдѣлано было начало работамъ по исправленію судовъ въ докахъ, получено къ исполненію и тогда же объявлено комитету сухихъ доковъ съ предписаніемъ донести немедленно, въ какомъ положеніи на-

ходится теперь разборка перемычки, такъ какъ изъ послѣдняго отчетнаго чертежа за Октябрь самая малая часть оной была только разобрана. А также нельзя ли будетъ, въ случаѣ неокончанія разборки перемычки къ назначенному Уптономъ сроку 15-го Декабря, приладить хотя столько пространства, чтобы можно было ввести если не корабль, то по крайней мѣрѣ меньшаго ранга судно?

Первое донесеніе Уптона было, кажется, неосновательно: онъ поспѣшилъ и конечно не предвидѣлъ, что эти перемычки, забитыя около 20-ти лѣтъ тому назадъ, будутъ вытаскиваться съ большимъ затрудненіемъ; а старая землечерпательная машина въ 20 силъ, часто повреждающаяся, не скоро очиститъ огромное количество глины въ оную насыпанное. Какъ бы то ни было, но я не смѣю обманывать Государя и доносить то, чего, можетъ быть, исполнить мы не въ состояніи. Коль скоро получу рѣшительное и основательное донесеніе отъ комитета сухихъ доковъ, которое ожидаю дня черезъ два, то о положеніи, въ какомъ перемычка и ворота находятся для введенія судовъ въ доки, тогда же вашей свѣтлости донесу и отправлюсь туда самъ для личнаго удостовѣренія. Изъ донесенія моего отъ 10-го Октября и 8-го Ноября Василію Алексѣевичу ваша свѣтлость изволили видѣть, что приступать къ исправленію судовъ въ докахъ я полагалъ неудобнымъ до построенія около нихъ необходимыхъ мастерскихъ, какъ-то: кузницъ, навѣсовъ для лѣсовъ и пр. и пр., окруживъ ихъ и самые доки стѣною для предупрежденія неминуемаго расхищенія матеріаловъ по совершенно открытому мѣстоположенію, которое вашей свѣтлости хорошо извѣстно. Притомъ предвидится и непреодолимое затрудненіе въ доставкѣ къ докамъ большаго размѣра дубовыхъ лѣсовъ, не имѣя для того не только желѣзныхъ рельсовъ, но и дорóги. Наполнить доки водою, можетъ быть, и можно будетъ, если только не помѣшаютъ морозы, и паровая машина, для того устроенная, будетъ дѣйствовать исправно; но прежде нежели ввести въ доки суда для исправленія, необходимо совершенное очищеніе перемычки и удостовѣреніе, что чугунные ворота, при затвореніи ихъ, не будутъ пропускать много воды. Къ этому я долженъ присовокупить еще, что въ теперешнее время нѣтъ въ виду ни корабля, ни фрегата, которые требовали бы исправленія въ докѣ; мелкія же суда, въ томъ числѣ корветы и большіе транспорты, вытаскиваются всякій разъ, когда нужно, на Мортоновъ элингъ. Въ виду можно только имѣть развѣ корабль «Варшаву»; но и тотъ, будучи выстроенъ изъ всякаго сбора лѣсовъ, валявшихся нѣсколько лѣтъ на степи, такъ худъ, что совершенно не стоитъ перетимбировки, и издержка на него была бы напрасная только потеря для казны, потому что, начиная съ штевней и до шпан-

гоутовъ, все на немъ гнило; къ тому же онъ необходимъ подъ блокшивъ для арестантовъ, которые въ помѣщеніи имѣютъ самую крайнюю нужду: многіе изъ нихъ живутъ даже на полузатонувшихъ корветахъ и бригахъ.

Секретное повелѣніе вашей свѣтлости, отъ 17-го Ноября № 1, получено только сегодня и вѣроятно потому такъ поздно, что шло по тяжелой почтѣ. Вопросы, въ немъ заключающіеся, требуютъ весьма основательнаго соображенія и собранія самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній, прежде нежели я въ состояніи отвѣчать на оные, и потому прошу дать мнѣ на это нѣсколько дней времени. Но я могу предварительно увѣдомить вашу свѣтлость, что флотъ совершенно готовъ и для вступленія подъ паруса потребуетъ не болѣе какъ три или четыре дня времени для принятія провизіи и посаженія войскъ, исключая, разумѣется, вновь спущенныхъ кораблей «Парижъ» и «Чесма», которые не могутъ быть изготовлены ранѣе будущей осени.

7.

Князь Меньшиковъ М. П. Лазареву.

С.-Петербургъ, 11 Декабря 1849.

Изъ высочайшаго приказа, состоявшагося 6-го сего Декабря, вы усмотрите, почтенный Михаилъ Петровичъ, что наибольшая часть вашихъ представленій удостоены высочайшаго утвержденія; въ числѣ же неутвержденныхъ находится и производство Вукотича 2-го, потому что Государю неугодно было согласиться на назначеніе адмирала по особымъ порученіямъ, замѣнить же производство орденомъ также было невозможно, ибо Вукотичъ имѣетъ уже Владиміра 3-й степени. Потому, если вы желаете доставить ему слѣдующій чинъ, то очистите ваканцію не перемѣщеніемъ, но увольненіемъ отъ службы кого-либо изъ неспособныхъ. Послѣ окончательнаго утвержденія сихъ представленій, я получилъ отъ васъ таковыя вновь о наградахъ, которыя на дняхъ будутъ поднесены на высочайшее усмотрѣніе.

О нашемъ морскомъ бытѣ ничего замѣчательнаго сообщить вамъ не имѣю; о себѣ же скажу, что старѣю, слѣпну, теряю память и въ непродолжительномъ времени не буду годенъ ни на что̀.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте уважающаго васъ

Меншикова.

1850 годъ.

1.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 13 Января 1850.

Письмо вашей свѣтлости отъ 11-го прошедшаго Декабря я имѣлъ честь получить съ живѣйшею благодарностію за уваженіе, которымъ вамъ угодно было почтить представленія мои къ наградамъ тѣхъ лицъ, которыя признаны были мною того достойными. Что́ касается до представленія къ наградамъ тѣхъ чиновъ, которые содѣйствовали къ успѣшному срытію горы подъ будущее адмиралтейство, то, какъ въ высочайшемъ рескриптѣ, мною полученномъ, именно сказано: «вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ передать мое благоволеніе тѣмъ чинамъ, кои, раздѣляя труды ваши, содѣйствовали успѣшному производству нынѣ конченныхъ работъ», я согласно сему и объявилъ имъ оное. А какъ главнымъ виновникомъ изъявленнаго удовольствія Государемъ Императоромъ за успѣшное срытіе горы есть подпоручикъ Волоховъ, который самоотверженіемъ и примѣрною дѣятельностію своею, не смотря на холерное время, въ которое рабочихъ людей доставать было весьма трудно, окончилъ работы съ полнымъ успѣхомъ, то я рѣшаюсь и его труды, не въ примѣръ другимъ, представить на благоуваженіе вашей свѣтлости. Наше дѣло тутъ было почти постороннее и не болѣе какъ только слѣдить за работами и въ случаѣ неисправности Волохова дѣйствовать на его счетъ; но онъ того не допустилъ.

Ослабѣвающее здоровье и зрѣніе вашей свѣтлости, о которыхъ вы изволите упоминать въ письмѣ вашемъ, навело на меня самое непріятное чувство для будущей службы моей. И потому, если ваша свѣтлость рѣшитесь оставить насъ морскихъ, то позвольте просить сдѣлать и для меня послѣднее благодѣяніе—избавить меня отъ занимаемой мною многотрудной и съ большою отвѣтственностію сопряженной обязанности, а пристроить меня гдѣ-нибудь въ Петербургѣ. Служить подъ начальствомъ вашей свѣтлости мнѣ было чрезвычайно лестно и пріятно; желанія ваши въ видахъ службы я исполнялъ, какъ кажется мнѣ, по мѣрѣ силъ моихъ и разумѣнія и, пробывъ главнымъ командиромъ здѣсь столько же времени какъ и адмиралъ Грейгъ, не могу по совѣсти моей ни на минуту упрекнуть себя, чтобы въ теченіе этого времени сдѣлалъ менѣе его пользы. Будущее же отъ насъ сокрыто. Безъ васъ я бы служить здѣсь не желалъ и хотѣлъ бы

оставить это мѣсто съ честію; притомъ же вотъ скоро и мнѣ стукнетъ 45 лѣтъ въ офицерскомъ чинѣ, и съ нѣкотораго времени начинаю чувствовать сильныя головныя боли отъ случавшейся простуды.

Завтра я отправляюсь въ Севастополь для присутствованія при накачкѣ воды въ доки и если дѣло пойдетъ удачно, то введемъ на первый разъ въ одинъ изъ фрегатныхъ доковъ транспортъ «Березань», требующій значительныхъ въ подводной части исправленій. Я увѣренъ былъ, что къ 10-му Января начать этого дѣла было невозможно, потому что баллеры у чугунныхъ шпилей, посредствомъ коихъ должны затворяться вороты, по короткости ихъ, надобно было наваривать; фильтрацію въ самомъ бассейнѣ надобно было остановить, а въ бывшей перемычкѣ очистить землечертательною машиною по крайней мѣрѣ столько мѣста, чтобы «Березань» могъ пройти. Теперь всѣ эти работы приводятся къ концу и хорошо еслибы не помѣшали морозы, которые послѣдніе четыре дня стояли здѣсь отъ 20 до $22^1/_2{}^0$; слѣдовательно и въ Севастополѣ они не могли быть менѣе 12-ти.

2.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 7 Февраля 1850.

Признавъ весьма полезнымъ, чтобъ к.-ад. Корниловъ поболѣе ознакомился съ инспекторскою частію и по другимъ частямъ, относящимся до штаба Черноморскаго флота и портовъ, я рѣшился отправить его на нѣсколько дней въ Петербургъ, поручивъ ему, послѣ докладовъ о всѣхъ работахъ, которыя здѣсь теперь производятся и удовлетворенія всѣхъ вопросовъ, какіе вамъ угодно будетъ сдѣлать ему, объяснить и недостатки нашего здѣсь положенія.

Возвратясь изъ Севастополя, послѣ трехнедѣльной отлучки, я заваленъ теперь бумагами, накопившимися въ мое отсутствіе, до невозможности, и нѣсколько дней еще пройдетъ, покуда я въ состояніи буду куда-либо изъ дому отлучиться. Нельзя ли, ваша свѣтлость, до нѣкоторой степени сравнять права здѣшнихъ начальниковъ дивизій съ Балтійскими: тогда много облегчатся занятія мои по аудиторіату и дежурству, и съ тѣмъ вмѣстѣ дастся болѣе времени къ занятіямъ болѣе существеннымъ—бывать въ адмиралтействѣ и Севастополѣ чаще, нежели какъ могу это дѣлать теперь.

Вводъ транспорта «Березань» въ докъ продолжится болѣе, нежели ожидалъ я, и это было главною причиною, что я такъ долго тамъ пробылъ. Всякое новое дѣло на первый разъ не вдругъ улаживается;

такъ оно случилось и съ накачиваніемъ въ бассейнъ воды. Главнымъ препятствіемъ были неожиданные морозы, доходившіе иногда до 15°, что въ Севастополѣ бываетъ очень рѣдко. Пріемную чугунную трубу принуждены были разогрѣвать снаружи кипяткомъ и каленымъ желѣзомъ, дабы ледъ въ ней растаялъ; нѣкоторые ворота не плотно притворялись и требовали осмотра въ самыхъ порогахъ ихъ, для чего и принуждены были посылать людей въ водолазныхъ апаратахъ на самое дно доковъ, что при 15° не совсѣмъ было весело. Тамъ находили небольшіе камешки, по очищеніи отъ которыхъ ворота затворялись уже плотно. Въ самой машинѣ тоже оказывались по временамъ незначительныя поврежденія; но не менѣе того они останавливали накачиваніе воды, и тогда вода въ бассейнѣ опять убывала около $1\frac{1}{2}$ дюйма въ часъ; прибывала же во время дѣйствія машины по 2 дюйма въ часъ. Когда воду спустятъ, то приступятъ къ прекращенію фильтраціи въ бассейнѣ посредствомъ пудлингованія и къ исправленію нѣкоторыхъ частей въ машинѣ; и то и другое сдѣлается безъ затрудненія, лишь бы погода была потеплѣе. Чугунные ворота сдѣланы и установлены превосходно: затворяются и отворяются очень легко, напоръ воды выдерживаютъ какъ нельзя лучше, ибо для опыта я приказалъ во второмъ шлюзѣ возвысить воду до того, чтобы она пошла черезъ верхъ воротъ, и они это выдержали. «Березань» введенъ для опыта; но опытъ этотъ показалъ, что еслибы потребовалось ввести вмѣсто его 120-пуш. корабль, то это исполнилось бы точно также легко, и какой бы это былъ видъ для всѣхъ сомнѣвавшихся въ возможности существованія тамъ доковъ, видѣть трехдечный корабль, стоящій, такъ сказать, на горѣ!

При вводѣ судовъ въ доки, и вообще для постояннаго присмотра за совершенною исправностію какъ самыхъ доковъ такъ и воротъ, необходимо имѣть знающее это дѣло лицо и, признавая болѣе всякаго другаго способнымъ къ этому помощника Уптона, сына его Вильгельма, который находился при строеніи доковъ съ самаго начала и совершенно понимающаго свое дѣло, я буду имѣть честь въ скоромъ времени представить о немъ на разрѣшеніе вашей свѣтлости, предупреждая теперь только, что онъ человѣкъ толковый и дѣловой.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 11-го Мая 1850.

Честь имѣю увѣдомить вашу свѣтлость, что его императорское высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ прибыть

сюда около 10-ти часовъ вечера 7-го числа сего мѣсяца. На другой день, послѣ краткой молитвы въ соборѣ, присутствовалъ при закладкѣ 120-ти пушечнаго корабля на томъ самомъ элингѣ, съ котораго спущенъ былъ корабль «Парижъ»; потомъ до полудня осматривалъ верхнее адмиралтейство, а именно: модельную бесѣдку, артиллерійскія, столярную, купорную, малярную и рѣзную мастерскія, литейный заводъ и экипажный магазинъ; послѣ полдня дѣлалъ смотръ и ученье 2-му учебному морскому экипажу, осматривалъ казармы нижнихъ чиновъ и самый городъ.

9-го числа, по случаю табельнаго дня съ утра былъ смотръ и ученье одному изъ батальоновъ Виленскаго егерскаго полка и потомъ осматривалъ только гидрографическое депо; послѣ обѣда былъ смотръ части учебнаго морскаго экипажа въ морскомъ отношеніи на практическомъ суднѣ того экипажа «Перунъ»; затѣмъ было катанье на яхтѣ и гребныхъ судахъ и наконецъ гулянье въ иллюминованномъ Спасскомъ саду. 10-го утромъ, подробный осмотръ нижняго адмиралтейства; послѣ обѣда, осмотръ училища дочерей нижнихъ чиновъ, острога, училища флотскихъ юнговъ, зданія бывшаго артиллерійскаго училища и дома собранія флагмановъ и капитановъ. Сего числа 11-го Мая Его Высочество дѣлаетъ смотръ второму батальону Виленскаго полка и около полдня изволитъ отправиться на пароходѣ «Владиміръ» въ Севастополь, куда и я слѣдую при его особѣ. Его Высочество (по видимому) изволилъ остаться всѣмъ, что онъ въ Николаевѣ видѣлъ, весьма доволенъ, и изъявлялъ свое удовольствіе неоднократно.

Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ получили мы здѣсь невыразимо-непріятное извѣстіе о случившемся съ вашею свѣтлостію ушибѣ; я не смѣлъ прежде писать, чтобы при жестокихъ страданіяхъ вашихъ не обезпокоить васъ; но теперь, получивъ увѣдомленіе, что, благодаря Бога, опасность миновала, и что хотя по немногу, но ежедневно вашей свѣтлости становится легче, я рѣшаюсь занять у васъ нѣсколько минутъ на прочтеніе сихъ строкъ, изъявляющихъ самое искреннее сожалѣніе о случившемся происшествіи и едва не лишившимъ Россію истиннаго государственнаго патріота, а насъ благороднаго и всѣми уважаемаго начальника.

Не припишите, ваша свѣтлость, выраженія эти къ какой-либо гнусной лести, отъ которой я былъ всегда и теперь очень далекъ; но прошу васъ отнести ихъ къ тому высокому уваженію, которое вы въ продолженіе 20-ти-лѣтней службы моей подъ вашимъ начальствомъ невольнымъ образомъ вынудили меня писать къ вамъ.

4.

Лазаревъ князю Меншикову.

Севастополь, 20-е Мая 1850.

Послѣ письма моего къ вашей свѣтлости отъ 11-го сего Мая, кончившагося тѣмъ, что Константинъ Николаевичъ оставилъ Николаевъ около полдня того дня на пароходѣ «Владимиръ», Его Высочество на другой день изволилъ прибыть въ Севастополь около 10-ти часовъ утра. Въ этотъ день (12-го Мая), послѣ краткой молитвы въ Петропавловской церкви, Его Высочество изволилъ осматривать офицерскую библіотеку, старыя казармы флотскихъ нижнихъ чиновъ, домъ собранія флагмановъ и капитановъ, памятникъ Казарскаго, Николаевскую баттарею, строющуюся оборонительную вокругъ города стѣну и Александровскую баттарею. Послѣ обѣда осматривалъ Мортоновъ элингъ, срытый мысъ подъ новое адмиралтейство, доки, водоналивную машину и провіантскіе магазины. 13-го числа осматривалъ эскадру на рейдѣ, посѣтивъ корабли: «Двѣнадцать Апостоловъ» и «Святославъ» фрегаты: «Флору», «Кучукъ-Кулевчи» и бригъ «Орфей»; на семъ послѣднемъ, снявшись съ якоря вмѣстѣ съ прочими мелкими судами и гребными судами со флота, лавировалъ по рейду и, выйдя за вехи, всѣ спустились обратно на рейдъ, гдѣ и стали на якорь на свои мѣста; послѣ обѣда изволилъ осматривать всѣ укрѣпленія на сѣверной сторонѣ бухты. 14-го съ утра былъ смотръ сухопутнымъ войскамъ Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ въ 8-ми батальонахъ, послѣ чего осматривалъ лазаретъ Брестскаго полка и стоящіе въ южной бухтѣ корабли, изъ коихъ изволилъ посѣтить: «Ростиславъ», «Три Святителя» и «Храбрый», обѣдалъ же на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», куда приглашены были всѣ адмиралы и капитаны. Въ теченіе этого времени была гонка гичекъ со всего флота на веслахъ и лавировка по рейду мелкихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ. 15-го числа произведенъ былъ смотръ войскамъ, квартирующимъ на сѣверной сторонѣ въ числѣ 5-ти резервныхъ и запасныхъ батальоновъ; осматривалъ адмиралтейство, морскую госпиталь, новыя и Александровскія казармы, заѣзжалъ въ комитетъ новаго адмиралтейства, гдѣ разсматривалъ планы и чертежи онаго, а равно и храма св. Владиміра. 16-го, въ 2 часа по полуночи отправился на пароходѣ въ Ѳеодосію, куда и прибылъ того же числа, послѣ 12-ти часоваго плаванія. Въ Ѳеодосіи Великій Князь смотрѣлъ картины Айвазовскаго, осматривалъ какъ самый городъ, такъ и окрестности; въ 9 часовъ по полудни оставилъ

Ѳеодосію и прибылъ въ Новороссійскъ къ 8-ми часамъ утра, 17-го, гдѣ Его Высочество осматривалъ вновь отстроенное адмиралтейство, былъ въ церкви для слушанія краткой молитвы, смотрѣлъ госпиталь, посѣщалъ домъ Серебрякова и училище малолѣтныхъ Черкесовъ. Въ полдень того же числа оставилъ Новороссійскъ и прибылъ въ Ялту 18-го числа къ 3-мъ часамъ по полуночи. Съ утра Великій Князь поѣхалъ верхомъ и осматривалъ новостроющуюся «Оріанду», которая едва ли ранѣе 2-хъ лѣтъ можетъ быть готова, завтракалъ въ Алупкѣ и въ 2 часа по полудни отправился верхомъ же чрезъ горы въ Бакчисарай, гдѣ имѣлъ ночлегъ, посѣщалъ Чуфутъ-Кале и возвратился на сѣверную сторону Севастопольской бухты 19-го числа въ $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Сегодня дѣлается ученіе Бѣлостокскому полку, а завтра Его Высочество, по случаю дня тезоименитства его, приглашенъ на обѣдъ и балъ въ домъ собранія, послѣ котораго изволитъ переѣхать на корабль «Двѣнадцать Апостоловъ» и рано утромъ 22-го располагаетъ сняться съ эскадрою съ якоря и отправиться на нѣсколько дней въ море. Въ продолженіе пребыванія Великаго Князя въ Севастополѣ, Его Высочество призналъ болѣе для себя удобнымъ оставаться на пороходѣ, хотя приготовлены были для помѣщенія его Екатерининскій дворецъ и бывшій Ушакова домъ. Его Высочество располагаетъ возвратиться въ Николаевъ 27-го и отправиться оттуда въ обратный путь чрезъ Кіевъ 28-го числа сего же Мая.

5.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 26-го Мая 1850.

Имѣю честь сообщить вашей свѣтлости о занятіяхъ Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича въ послѣдніе дни пребыванія его какъ въ Севастополѣ такъ и здѣсь въ Николаевѣ. Вышедъ изъ Севастополя въ море рано утромъ 22-го числа съ эскадрою, состоявшею изъ шести кораблей, пяти фрегатовъ, трехъ бриговъ, одной шкуны и яхты «Оріанда», Его Высочество изволилъ пробыть подъ парусами до 24-го и возвратился около полдня этого числа обратно въ Севастополь съ кораблемъ «Двѣнадцать Апостоловъ», на которомъ онъ имѣлъ плаваніе, фрегатами, имѣвшими назначеніе перевозить войска въ Одессу и отрядомъ, долженствовавшимъ въ скоромъ времени отправиться къ такому же на смѣну къ восточнымъ бере-

гамъ Чернаго моря; остальная эскадра, состоявшая изъ пяти кораблей и брига «Орфей» подъ флагомъ вице-адмирала Станюковича осталась въ морѣ. Въ продолженіе этихъ трехъ дней производились разнаго рода эволюціи, перемѣна марселей, пушечная экзерциція и пр. и пр. Работами на эскадрѣ Его Высочество остался доволенъ, не смотря на значительное число рекрутъ, которыми она была укомплектована, и въ примѣръ можно привести корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», перемѣнившій въ послѣдній день всѣ три марселя съ взятіемъ одного рифа въ 4 минуты, имѣвшій 248 человѣкъ рекрутъ, въ первый разъ вышедшихъ въ море, вмѣсто выбывшихъ такого же числа лучшихъ людей въ безсрочный отпускъ. Я самъ никакъ не ожидалъ этого. Около 2-хъ часовъ пополудни, 24-го числа Его Высочество изволилъ пересѣсть на пароходъ «Владиміръ»; вчера прибылъ сюда за часъ до полудня; послѣ обѣда изволилъ еще разъ осматривать нижнее здѣсь адмиралтейство; а сегодня около 9 часовъ утра изволилъ отбыть обратно въ С.-Петербургъ по пути чрезъ Кіевъ.

P. S. Предъ отправленіемъ изъ Севастополя Его Высочество изволилъ смотрѣть вводъ корабля «Варшава» въ послѣдній шлюзъ предъ бассейномъ. Вода наполняется изъ Черной рѣчки посредствомъ проведеннаго канала и, судя по изобилію воды, надобно ожидать, что корабль введенъ будетъ въ самый бассейнъ, а слѣдовательно и въ докъ въ будущее Воскресенье, т. е. 28-го числа сего мѣсяца.

6.

Николаевъ, 23-го Сентября 1850.

По возвращеніи моемъ въ Николаевъ, я узналъ, что ваша свѣтлость изволили уже оставить Петербургъ и отправиться въ Москву; полагая однакожъ, что вамъ любопытно будетъ знать о пребываніи въ здѣшнемъ краю Государя Наслѣдника, я рѣшаюсь передать вамъ подробную записку таковаго пребыванія Великаго Князя какъ здѣсь, такъ и въ Севастополѣ, которую при семъ прилагаю. Ничего болѣе прибавить не имѣю какъ только то, что, отправясь изъ Ялты для слѣдованія въ Ново-Россійскъ, вѣтеръ отъ ONO, предвѣщавшій сильную бору въ Ново-Россійскѣ, скрѣпчалъ ночью до такой степени и произвелъ столь сильное противное волненіе, что пароходъ «Влади-

миръ» шелъ наконецъ не болѣе трехъ узловъ и, ныряя бушпритомъ въ воду, имѣлъ чрезвычайно сильную килевую качку не только въ продолженіе этой ночи, но и весь слѣдующій день, что̀ имѣло непріятное вліяніе на здоровье Великаго Князя; а потому рѣшено было укрыться въ Керченскомъ проливѣ подъ Тузлою, куда пароходъ и прибылъ въ темнотѣ уже, т. е. въ 7 часовъ вечера 13-го числа. Это случилось весьма кстати, потому что полученныя послѣ того извѣстія изъ Ново-Россійска подтвердили, что тамъ дѣйствительно дула жестокая бора, которая не дозволила бы съѣхать на берегъ не только 14, но и слѣдующаго числа, тогда какъ Государь Наслѣдникъ повидимому очень желалъ продолжать свое путешествіе безостановочно. Его Высочество, осмотрѣвъ все, что̀ ему угодно было видѣть какъ въ Николаевѣ, такъ и въ Севастополѣ, изволилъ остаться совершенно довольнымъ, о чемъ симъ имѣю честь и извѣстить вашу свѣтлость.

P. S. Послѣднее пребываніе мое въ Севастополѣ ясно убѣдило меня, что раздѣленіе верхней части горы при новомъ адмиралтействѣ на террасы осуществиться не можетъ; потому что, хотя террасы и обозначились уже, но края ихъ по причинѣ слабаго свойства камня не только осыпаются, но имѣютъ уже большіе обвалы, и потому остается сожалѣть только, что измѣнился первоначальный планъ, т. е. съ одною террасою вверху, который по сіе время былъ бы уже оконченъ. Теперь, чтобы поправить это дѣло, остается (мнѣ кажется) одно средство, т. е. чтобы продолжать стѣну отъ основанія къ верху до второй снизу террасы, сдѣлать тутъ одну таковую гораздо обширнѣе предполагавшихся, на которой, по насыпкѣ земли, разсадить деревья и потомъ довести лицевую кладку тесанымъ камнемъ по остальной части горы до самаго верху. Я писалъ объ этомъ Василію Алексѣевичу Перовскому, а между тѣмъ поручилъ Уптону сдѣлать подробный планъ предполагаемой этой перемѣны, который въ скорости и представлю на утвержденіе. Какъ жаль, что ваша свѣтлость не заглянули къ намъ въ Севастополь. Вы рѣшили бы это дѣло лучше и скорѣе насъ; продолжать же его въ томъ видѣ, въ которомъ оно теперь дѣлается, невозможно, ибо въ послѣдствіи исправленіе обваловъ и осыпей повлечетъ за собою неисчислимыя издержки.

1851 годъ.

1.

Лазаревъ князю Меншикову.

Высокая милость, которою удостоилъ меня Государь Императоръ пожалованіемъ мнѣ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, при высочайшей грамотѣ столь лестнаго содержанія, что я могу чувствовать только, а не выразить вполнѣ моей глубокой вѣрноподданнической благодарности, обязываетъ, однакожъ, меня принять смѣлость повергнуть къ стопамъ моего всемилостивѣйшаго Государя хотя слабое засвидѣтельствованіе этого чувства въ особо представляемомъ у сего вѣрноподданнѣйшемъ письмѣ, которое позволяю себѣ покорнѣйше просить вашу свѣтлость поднести Его Императорскому Величеству.

Симптомы болѣзни моей, сколько я могу заключать изъ разномыслія по этому предмету здѣшнихъ врачей, доселѣ еще положительно не разгаданы, между тѣмъ какъ приступы ея, по временамъ, не перестаютъ меня безпокоить, такъ что я до сихъ поръ, кромѣ застуженнаго, въ состояніи желе, бульона, не могу принимать никакой другой пищи, которая бы мнѣ не вредила; а это видимо ослабляетъ мои физическія силы, и я, наконецъ, рѣшаюсь на этихъ дняхъ отправиться въ Одессу, чтобы посовѣтоваться съ тамошними врачами. И потому обязаннымъ себя считаю довести объ этомъ до свѣдѣнія вашей свѣтлости, прося покорнѣйше вашего разрѣшенія и на пребываніе мое нѣкоторое время въ Одессѣ, если бы, по совѣту врачей, оказалось необходимымъ пользованіе мое тамъ.

Съ чувствами непреложнаго уваженія и совершенной преданности честь имѣю быть, вашей свѣтлости, покорнѣйшимъ слугою.

(Подписалъ) М. Лазаревъ.

29 Генваря 1851 года.
Николаевъ.

Письмо Лазарева къ Государю Николаю Павловичу.

Ваше Императорское Величество
Всемилостивѣйшій Государь.

Удостоясь получить высочайшую Вашего Императорскаго Величества грамоту со всемилостивѣйше пожалованными мнѣ знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, я священнымъ долгомъ почитаю повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества

глубокую вѣрноподданническую благодарность мою за столь высокое Монаршее Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, ко мнѣ благоволеніе. Молю Бога, чтобы Его всемогущая десница поддержала силы мои на поприщѣ служенія моего Престолу и Отечеству для оправданія того неоцѣненнаго вниманія, которымъ невыразимо осчастливленъ я Вами, Всемилостивѣйшій Государь, и которое, до послѣдняго вздоха, запечатлѣно будетъ въ душѣ моей.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій
(Подписалъ) генералъ-адъютантъ адмиралъ
Михаилъ Лазаревъ.

29 Генваря 1851 года.

2.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ. 3 Февраля 1851.

Вы получите съ симъ вмѣстѣ, любезный Михайло Петровичъ, рескриптъ, изъ коего усмотрите, сколько Государь заботится о вашемъ здоровьи, для сохраненія котораго желаетъ, чтобы вы воспользовались всѣми представляющимися средствами.

Лучшее изъ нихъ, кажется, поѣздка въ Италію чрезъ Вѣну, гдѣ могли бы посовѣтоваться съ искусными докторами. Здѣсь рѣшительно ихъ нѣтъ, хотя есть хорошіе и даже знаменитые хирурги, которые рѣжутъ мастерски, а лѣчатъ дурно.

Дабы не задержать васъ служебными распоряженіями въ случаѣ желанія скоро отправиться изъ Николаева, вамъ предоставлено все сдать Морицу Борисовичу Берху, и никого другаго на первое время мы придумать не могли. Я полагаю однакоже, что Государь прикажетъ на время вашего отсутствія составить распорядительный комитетъ, какъ бывало при Грейгѣ, или нѣчто въ томъ же родѣ, что́ однакоже не рѣшено еще.

Примите искреннѣйшія желанія мои о скоромъ выздоровленіи вашемъ, любезный и почтенный Михайло Петровичъ и выраженіе истиннаго моего уваженія и преданности.

Меншиковъ.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Ваша свѣтлость.

Вмѣстѣ съ всемилостивѣйшимъ рескриптомъ Государя Императора, отъ 3-го Февраля, я имѣлъ душевное удовольствіе получить и

собственноручное письмо вашей свѣтлости, выражающее личное ваше въ моей болѣзни участіе, которымъ я всегда весьма дорожилъ и дорожу и за которое священнымъ долгомъ почитаю свидѣтельствовать вамъ мою глубочайшую благодарность. Покорнѣйше прошу извиненія вашего, что не отвѣчаю вамъ собственноручно, какъ искренно желалъ бы; силы мои, особенно въ послѣднее время, отъ дѣйствія кровесосныхъ банокъ, до такой степени ослабѣли, что я съ трудомъ подписываю. Здѣшніе врачи совѣтуютъ мнѣ ѣхать за границу, и я рѣшился слѣдовать этому совѣту, ибо въ пользованіи ихъ не вижу никакого успѣха.

Донося формальнымъ порядкомъ вашей свѣтлости о передачѣ обязанностей моихъ по званіямъ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, а также Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора, г. генералъ-лейтенанту Берху, я долгомъ счелъ сообщить на благоуваженіе ваше, относительно учрежденія особаго комитета для рѣшенія дѣлъ Главнаго Черноморскаго Управленія (подобно тому, какъ было при предмѣстникѣ моемъ, адміралѣ Грейгѣ), что съ учрежденіемъ комитета неизбѣжно должна бы быть принята и новая, несравненно болѣе обширная, система въ движеніи дѣлъ по канцеляріи главнаго командира, составъ которой для сего необходимо понадобилось бы увеличить значительно, съ допущеніемъ новыхъ расходовъ; между тѣмъ какъ по хозяйственной части сего Управленія существуетъ уже общее присутствіе Черноморскаго Интендантства, а по инспекторской—Штабъ, и что, для предупрежденія сего, исправленіе временно-означенныхъ должностей, по мнѣнію моему, полезно бы сосредоточить, какъ и нынѣ сіе сдѣлано, въ одномъ лицѣ, которое и должно руководствоваться тѣмъ же порядкомъ и законами, какіе доселѣ для Главнаго Черноморскаго Управленія указаны или впредь изданы будутъ.

Съ непремѣнными чувствами искренняго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою.

(Подписалъ) М. Лазаревъ.

18 Февраля 1851 года.
Одесса.

Послѣдній рескриптъ Государя Николая Павловича М. П. Лазареву.

Съ искреннимъ соболѣзнованіемъ узнавъ о разстроенномъ состояніи вашего здоровья, я поручилъ Начальнику Главнаго Морскаго Штаба Моего выразить вамъ какъ участіе мое, такъ и желаніе, чтобы вы поспѣшили прибѣгнуть къ врачебнымъ пособіямъ для возстановленія вашихъ силъ. Усматривая изъ вашего къ нему отзыва, что, не смотря на утомленіе васъ болѣзнію, вы продолжаете неослабно заниматься дѣлами, я опасаюсь, чтобы труды, для которыхъ, по свойственной вамъ ревности къ любимому вами дѣлу, вы не щадите себя, не усугубили еще болѣе вашихъ страданій; а потому, если только съ желаніемъ вашимъ согласно временно отдохнуть отъ занятій и путешествіе на воды за границу, или куда-либо по совѣту врачей можетъ быть для вашего здоровья цѣлебно, то я, озабочиваясь сохраненіемъ цѣнимой мною дѣятельной и полезной жизни вашей, не токмо дозволяю вамъ, но даже прошу послѣдовать указанію медиковъ, не стѣсняясь нисколько лежащими на васъ обязанностями, какъ по званію главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, такъ и Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора, которые вы передадите, впредъ до особаго распоряженія, старшему по васъ генералъ-лейтенанту Берху. На путевыя же издержки, при сохраненіи вамъ всего получаемаго на службѣ содержанія, разрѣшаю вамъ взять, безъотчетно, 2.000 червонцевъ, или равную имъ стоимость другою монетою, изъ суммъ, въ вашемъ распоряженіи находящихся. Дай Богъ вамъ скораго и совершеннаго выздоровленія, чтобы потомъ съ тѣмъ же усердіемъ и съ тою же пользою, какими всегда отличалось достохвальное ваше служеніе, продолжать его Престолу и Отечеству. Этимъ искреннимъ желаніемъ сопутствуя вамъ всюду, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный Николай.

С.-Петербургъ.
2 Февраля 1851.

ИЗЪ ПИСЕМЪ М. П. ЛАЗАРЕВА КЪ А. И. ВЕРЕВКИНУ.

Эти письма любезно сообщены въ Р. Архивъ родственникомъ М. П. Лазарева Ѳ. М. Сухотинымъ. Славный адмиралъ писалъ ихъ въ Орловскую деревню, къ пріятелю своему и товарищу молодости, отставному моряку Алексѣю Ивановичу Веревкину. Въ нихъ виденъ Лазаревъ въ частномъ своемъ быту какъ помѣщикъ, домохозяинъ и семьянинъ; но посреди подробностей житейскаго обихода адмиралъ иногда касается предметовъ, имѣющихъ общее значеніе и говоритъ объ нихъ съ дружескою откровенностью, какой онъ не могъ имѣть въ перепискѣ съ своимъ начальникомъ княземъ Меншиковымъ. Со временемъ эти письма должно напечатать вполнѣ. Нижеслѣдующія выдержки изъ нихъ содержатъ въ себѣ черты любопытныя для исторіи того времени и для біографіи необыкновеннаго человѣка: Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—наша непререкаемая слава, наша гражданская гордость. Его имя—утѣшеніе Русскому сердцу. П. Б.

1.

Николаевъ, 11-го Декабря 1837.

Излишне бы было описывать тебѣ путешествіе наше вдоль Крымскаго и Абхазскаго береговъ, потому что вѣрно обо всемъ ты слышалъ; скажу только, что, несмотря на жесточайшій штормъ, который выдержали на якорѣ въ Геленджикѣ, все окончили благополучно и, наконецъ, высадили Государя при довольно сильномъ бурунѣ въ Редутъ-Кале, гдѣ и кончилось морское его путешествіе. Государь вообще всѣмъ по нашей части остался доволенъ и, наконецъ, посыпались награды въ полномъ изобиліи! Онъ такъ былъ доволенъ, что мнѣ казалось, чего бы ни попросилъ отъ него, ни въ чемъ онъ не отказалъ бы. Но я очарованъ былъ его привѣтливостію, и величайшею награ-

дою для меня было то, что онъ нашелъ флотъ по всѣмъ частямъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ не ожидалъ и въ которомъ, при множествѣ иностранцевъ, ему желательно было. Между прочимъ Государь, по представленіи моему, многое и утвердилъ, какъ для пользы самаго флота, такъ и для портовъ Николаева и Севастополя.

2.

Корабль Силистрія, въ Керченскомъ проливѣ, 24 Апрѣля 1839.

Интендантство собственную нашу мѣдь утаило; однако это теперь выведено на чистую воду. Государь приказалъ недавно безденежно отпустить намъ мѣди 5 тысячъ пудовъ, къ немалой досадѣ враговъ Чернаго моря, а все за то, что въ короткое время много судовъ построено. На мелкихъ судахъ ниже корветовъ, т. е. на бригахъ и шкунахъ, дозволено имѣть бюсты. Имена судамъ рѣшительно самъ назначаетъ Государь, не исключая и транспортовъ *).

3.

Николаевъ, 16-го Іюня 1839.

Разскажу теперь кое-что о дѣйствіи нашемъ на Черкесскомъ берегу. 2-го Мая подошли мы къ мѣстечку *Субаши* вечеромъ и какъ нѣкоторые изъ судовъ были пріотставши, то я и остановилъ высадку до утра. Только что стемнѣло и мы поворотили отъ берега, къ которому были довольно *близко*, весь берегъ на большое разстояніе и горы освѣтились нѣсколькими тысячами огней, желая, вѣроятно, предувѣдомить насъ, что они принять насъ готовы! Огни продолжали горѣть всю ночь. Поутру сдѣлался густой туманъ и не разсѣялся прежде 9-ти часовъ. Въ это время, находясь отъ берега не далѣе трехъ миль, сейчасъ приблизились и стали по диспозиціи на якори въ разстояніи 150 саженъ, на глубинѣ $5\frac{1}{2}$ саженъ. Черкесы видны были, собравшись въ числѣ 3.000 человѣкъ, стоявшихъ на колѣняхъ (и между ними семь муфтій) и молящихся о дарованіи имъ смѣлости и успѣха въ отраженіи невѣрныхъ враговъ! Какъ ни трогательны были сцены эти, но надобно было дѣлать то, за чѣмъ пришли.

Посадивъ войска на гребныя суда, всего за одинъ разъ до 2,700 человѣкъ, эскадра открыла огонь для очищенія берега и по прошествіи 15-ти минутной пальбы, гребныя суда бросились къ берегу. На этотъ разъ высадка была не такъ удачна, потому что горы были

*) Нельзя не признать, что эти имена придумывались очень удачно, и тутъ высказывалось художественное чувство Государя Николая Павловича. П. Б.

довольно близко отъ берега и въ ложбинахъ Черкесы могли укрыться отъ пальбы съ кораблей; а вмѣстѣ съ тѣмъ по недальнему разстоянію могли и выбѣжать для встрѣчи высадки десанта, коль скоро пальба перестала. Такъ оно и случилось. Едва только успѣли наши построиться на берегу и передовые стрѣлки бросились напередъ, какъ Черкесы открыли чрезвычайно сильный огонь и съ величайшимъ остервененіемъ бросились въ шашки. Тутъ рукопашный бой продолжался съ полчаса времени; наконецъ, подоспѣла артиллерія, открыла огонь, но и тутъ Черкесы въ остервененіи бросились на орудіе и одного изъ артиллеристовъ изрубили; наконецъ, наша взяла и погнали въ штыки. Къ вечеру мѣсто было занято, подѣланы засѣки, и на ночь оставались покойно. Ты вѣдь знаешь, что Черкесы убитыхъ всегда уносятъ съ собою и даже подвергаются при таковыхъ случаяхъ величайшей опасности, лишь бы только не оставить своихъ въ рукахъ невѣрныхъ; но при этой стычкѣ не было для нихъ такъ удачно, какъ прежде и оставили на мѣстѣ 48 тѣлъ, изъ которыхъ одинъ былъ тяжело раненъ и умеръ на другой день. Надобно полагать, что всего убитыхъ и раненыхъ у нихъ было очень много, судя по тому, какъ они ихъ утаскивали съ собою; но у насъ изъ фронта (какъ говорятъ) убыло 128 человѣтъ, изъ коихъ три офицера и одиннадцать рядовыхъ убито, въ томъ числѣ и нашихъ два матроса, а остальные ранены. Офицеровъ раненыхъ 8, изъ числа коихъ флотскихъ капитанъ 2-го ранга Путятинъ въ ляжку на вылетъ и мичманъ Фридериксъ на вылетъ же въ животъ, такъ что удивлялись всѣ медики, какъ сей послѣдній остался живъ; но не менѣе того онъ выздоровѣлъ и теперь опять отправился для вторичной высадки съ Хрущовымъ. Путятину тоже гораздо лучше; онъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и отправился по разстроенному своему здоровью на Кавказскія воды *).

4.

Николаевъ, 21 Августа 1840.

Ежели ты читаешь газеты, то конечно знаешь, что въ Лондонѣ недавно подписана конвенція между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею съ одной стороны и Турціею съ другой привести въ порядокъ дѣла на Востокѣ и дать Оттоманской Портѣ твердое основаніе, а для этого необходимо ограничить Египетскаго пашу *Мехмеда-али* въ его непомѣрныхъ требованіяхъ, ибо властолюбію его нѣтъ конца; и согласились: оставить ему въ наслѣдственное владѣніе только Еги-

*) Графъ Ефимъ Васильевичъ Путятинъ, скончавшійся въ Парижѣ 16 Октября нынѣшняго года. П. Б.

петъ и весьма небольшую часть Сиріи по смерть, послѣ чего часть эта должна отойти къ султану, какъ законному своему государю. Съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ паша нынѣ же возвратить островъ Кандію и Турецкій флотъ, который предался ему измѣнническимъ образомъ. Англійскій пароходъ отправился съ предложеніемъ этимъ въ Александрію 28 Іюля, куда долженъ прибыть дня черезъ четыре или около 1 Августа. На отвѣтъ дано времени 10 дней, послѣ чего, ежели онъ будетъ упорствовать, то Англія немедленно начинаетъ блокировать Александрію; а до того времени и не ожидая отвѣта, послано, чтобы Англійская эскадра теперь же прекратила всякое сообщеніе Египетскихъ судовъ между Александріею и Сиріею. Россія при этомъ случаѣ призывается къ защитѣ Константинополя въ случаѣ нападенія Египетскаго паши, и здѣсь получено секретное повелѣніе о изготовленіи флота въ возможной скорости для принятія десанта въ Босфорѣ. Я, разумѣется, отправляюсь на флотѣ самъ и ожидаю только извѣстія повѣреннаго нашего въ дѣлахъ при Портѣ, что Турецкое правительство проситъ нашего вспомоществованія. Чрезъ весьма немного дней дѣло это должно рѣшиться; ибо по письмамъ, доставленнымъ послѣднимъ прибывшимъ почтовымъ Французскимъ пароходомъ изъ Александріи въ Константинополь, говорятъ, что Мехмедъ-али рѣшительно отказалъ всѣ сдѣланныя ему предложенія и готовится къ войнѣ. Въ такомъ случаѣ онъ конечно рѣшится на удалую и велитъ Ибрагиму-пашѣ, у котораго по газетамъ будто бы въ трехъ мѣстахъ до 90 тысячъ войска, идти прямо на Константинополь. Ежели такъ, то и мы полетимъ туда же. Ежели экспедиція состоится, то и она, т. е. Катинка *), хочетъ пріѣхать въ Константинополь на Одесскомъ пароходѣ и, нанявъ тамъ квартиру, прожить тамъ все то время, что̀ эскадра тамъ останется. Эдакая героиня! И какъ я ее ни отговаривалъ, но она никакъ не рѣшается остаться.

5.

Николаевъ, 23-го Сентября 1811.

Посѣтилъ насъ главный сарвеаръ и кораблестроитель Англійскаго флота *сиръ Виліамъ Саймондсъ*, желавшій видѣть, въ какомъ положеніи у насъ флотъ и кораблестроеніе; онъ хорошо былъ принятъ Государемъ въ С.-Петербургѣ и имѣлъ разрѣшеніе побывать въ Черномъ морѣ. Тутъ пришлось, показавъ ему все, что̀ есть у насъ въ

*) Супруга М. П. Лазарева, Екатерина Тимофѣевна, урожд. Фанъ деръ Флитъ. П. Б.

Николаевѣ, отправиться съ нимъ въ Севастополь; тамъ онъ видѣлъ нашъ флотъ и посѣщалъ почти всѣ военныя суда и, кажется, сверхъ ожиданія своего, нашелъ все въ гораздо лучшемъ и бо́льшемъ размѣрѣ нежели онъ полагалъ найти, молчалъ, закусывая губы. А послѣ изъ писемъ его къ Англійскому въ Одессѣ консулу я видѣлъ, что онъ относился въ весьма лестныхъ для насъ выраженіяхъ. «Тамъ пахнетъ (говорилъ онъ) морскою націею, чего въ Балтикѣ я не замѣтилъ и ежели правительство поддержитъ, то морская часть въ Черномъ морѣ въ скоромъ времени очень усилится». Онъ судами нашими очень любовался и всѣмъ что́ на нихъ есть, какъ-то: красивою постройкою, покроемъ парусовъ, рангоутовъ, гребными судами, кузнечною работою и отдѣлкою вообще.

6.

С.-Петербургъ, 29-го Іюля 1842.

Завтра утромъ оставляемъ мы шумный этотъ и несносный Петербургъ. Во время смотра флота Государь вдругъ говоритъ мнѣ: «А ты приготовься съ сегодняшняго дня надѣвать и мундиръ 12-го экипажа, потому что я тебя дѣлаю шефомъ этого экипажа; званіе это давно тебѣ слѣдуетъ, потому что ты заслужилъ ему Георгіевскій крестъ». Вотъ тебѣ и разъ! Принужденъ былъ шить мундиръ, эполеты 12-го экипажа съ шифромъ, саблю купить, и все напрасно, потому что едва ли когда въ другой разъ надѣть удастся. А шефство это содержанія не прибавляетъ никакого. 1-го Іюля Государь пожаловалъ мнѣ бриллiантовые знаки на Александра; за это спасибо: бриллiанты сейчасъ по боку, а деньги по сіе время, разумѣется, улетѣли; да и кстати оно случилось: иначе пришлось бы въ долгъ входить, чего никогда еще не случалось, да хорошо, что и нынче бѣды этой избавился.

7.

Николаевъ, 25 Сентября 1842.

Въ Кронштадтѣ я нѣсколько разъ былъ, и, не смотря на множество построекъ, тамъ сдѣланныхъ, и на вниманіе, которое обращается на Кронштадтъ, тамъ показалось мнѣ все гораздо скучнѣе нежели какъ при насъ было. Былъ на высочайшемъ смотрѣ и на маневрахъ у Гогланда. Во время смотра Государь съ большою свитою, въ числѣ

коей были Прусскій король и разные принцы, находился на желѣзномъ пароходѣ-яхтѣ *Невка* (на коей и я былъ). 18 кораблей кромѣ фрегатовъ и другихъ мелкихъ судовъ выровнены были, такъ сказать, по ниткѣ, люди по реямъ, и все вмѣстѣ имѣло видъ прелестный. Разумѣется, при поднятіи штандарта все салютовало, и послѣ того сейчасъ въ Петергофъ, гдѣ и обѣдали. Во время маневровъ Государь былъ на новомъ огромномъ пароходѣ въ 600 силъ *Камчатка*. Снялись въ полночь и прибыли къ флоту по O-ую сторону Гогланда, около 10 часовъ утра. Эскадру встрѣтили подъ малыми парусами въ двѣ колонны; Государь прошелъ вдоль по навѣтренной и потомъ по подвѣтренной колоннамъ и съ каждымъ изъ кораблей здоровался, на что команды отвѣчали.

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ІОРДАНЪ.

Ѳ. И. Іорданъ, профессоръ гравированія и ректоръ живописи и ваянія, родился 13 Августа 1800 года въ Павловскѣ, скончался 19 Сентября 1883 въ Петербургѣ. Въ 1809 году онъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Императорской Академіи Художествъ, а въ 1818 году, окончивъ образованіе, онъ избралъ своею спеціальностью гравированіе и поступилъ въ число учениковъ славнаго Н. И. Уткина. По полученіи двухъ серебряныхъ медалей за рисунокъ, ему была присуждена въ 1824 году малая золотая медаль за гравюру, изображающую «Меркурія, усыпляющаго Аргуса». Эта работа была на столько серьезна, что за нее хотѣли дать ему прямо первую золотую медаль, потому что другіе конкурренты выставили мелкія работы, состоявшія изъ одной головки, а въ гравюрѣ Іордана были двѣ обнаженныя фигуры и два животныхъ. Черезъ три года Іорданъ былъ удостоенъ первой золотой медали за превосходную гравюру съ картины профессора Лосенки «Умирающій Авель». За эту работу онъ получилъ царскій подарокъ, именно, золотые часы, а другіе золотые часы были ему пожалованы императрицей Елисаветой Алексѣевной за рисунокъ, сдѣланный карандашемъ съ гравюрѣ Филиппа Шампаня «Положеніе во гробъ». Но этимъ не ограничились труды Іордана, и онъ, будучи еще ученикомъ, исполнилъ много гравюръ по частнымъ заказамъ: для книгопродавца Сленина одну изъ басенъ Крылова «Собачья Дружба»; для Аладьина (издателя «Невскаго Альманаха») портретъ драматическаго актера В. А. Каратыгина; для Ѳ. В. Булгарина, въ его «Русскую Талію», портретъ извѣстной тогда танцовщицы Истоминой; для профессора Буяльскаго двѣ доски, изъ которыхъ одна фронтиспись къ изданію его операцій и, наконецъ, для академика Френа множество досокъ съ изображеніемъ восточныхъ монетъ.

Въ 1829 г. Іорданъ посланъ для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ въ Парижъ, гдѣ занимался у извѣстнаго тогда гравера и члена Французскаго Института Рипома гравированіемъ портретовъ Перуджино и Рафаэля. Затѣмъ онъ готовился приступить къ гравированію «Святаго Семейства» съ Рафаэля, какъ вдругъ получилъ неожиданно приказаніе оставить Францію, по случаю Іюльской революціи, и ѣхать немедленно въ Лондонъ. Знаменитый Англійскій граверъ Раймбахъ, бывшій тогда въ апогеѣ своей художественной славы, радушно принялъ его, и подъ руководствомъ его Іорданъ продолжалъ гравировать «Святое Семейство», а вечеромъ посѣщалъ классы Лондонской Академіи «Sommerset-House». Раймбахъ, готовясь переселиться изъ Лондона въ Гриничъ, послалъ президенту Академіи самый лестный отзывъ объ ученикѣ своемъ и затѣмъ передалъ его другому знаменитому граверу Робинсону. Желая вполнѣ воспользоваться его наставленіями, Іорданъ переѣхалъ въ его квартиру и не разставался съ нимъ въ теченіи своего остальнаго пребыванія въ Лондонѣ. Онъ окончилъ начатыя работы и исполнилъ частные заказы: портретъ одного Англійскаго капитана и сцену одной изъ карикатуръ Гогарта. Кромѣ этихъ работъ Іорданъ началъ гравировать и почти окончилъ съ картины живописца Чиголи «Божію Матерь, оплакивающую смерть Спасителя». Доска эта имѣла большой успѣхъ въ Англіи; но, къ сожалѣнію, во время путешествія по Рейну, она пропала вмѣстѣ съ рисункомъ и большимъ собраніемъ эстамповъ.

Желая посвятить послѣдній годъ своего пенсіонерскаго содержанія на путешествіе въ Италію, Іорданъ отправился туда въ 1835 году. Въ Болоньи онъ встрѣтился съ К. П. Брюловымъ, и съ той минуты художественная дѣятельность его была уже распредѣлена. Брюловъ уговорилъ своего стараго академическаго товарища остаться въ этомъ городѣ и сдѣлать рисунокъ съ картины Ф. Альбано, находящейся въ церкви Santa Maria de Galliere, изображающей также Святое Семейство. Іорданъ согласился, принялся прилежно за работу; но наступившая вскорѣ зима и темнота церкви не позволили ему окончить этого труда. Оттуда онъ поѣхалъ прямо въ Римъ, гдѣ снова встрѣтился съ Брюловымъ, который убѣдилъ его предпринять громадный трудъ, а именно гравированіе «Преображенія Господня», надъ которымъ долгіе годы тупилъ рѣзецъ свой Рафаэль Моргенъ. Долго и долго не рѣшался Іорданъ на это предпріятіе. Пробѣгая мысленно исторію гравированія, онъ останавливался на художникѣ Лонги, посвятившемъ десятки лѣтъ на гравированіе «Обрученія Св. Дѣвы Маріи» и на граверѣ Миллерѣ, проводшемъ всю свою жизнь надъ доской, изображав-

шей Сикстинскую Божію Матерь. Оставалось уступить предъ невозможностью или рѣшиться.... Іорданъ остановился на послѣднемъ.

Доступъ въ Ватиканскія залы былъ всегда труденъ для произведенія въ немъ работъ и сопряженъ съ большими хлопотами, поклонами и даже значительною протекціей; но это не остановило художника. Онъ принялся за задуманное и однажды навсегда рѣшенное съ энергіей, и наконецъ завѣтныя двери отворились предъ нимъ, къ удивленію какъ Италіанскихъ, такъ и иностранныхъ художниковъ, видѣвшихъ въ предпріятіи Іордана несбыточную мечту, горделивую самоувѣренность, даже дерзость. Такое общее убѣжденіе еще болѣе окрѣпло, когда Ѳ. И. Іорданъ приступилъ къ исполненію рисунка; но онъ успѣлъ усыпить взволнованное честолюбіе и умѣлъ увѣрить, что дѣлаетъ рисунокъ «Преображенія» только для изученія великаго произведенія, а отнюдь не для гравированія. Ропотъ умолкъ. Іорданъ продолжалъ трудиться.

Въ продолженіе этого времени Императорская Академія Художествъ, увѣдомленная объ усидчивомъ трудѣ Ѳ. И. Іордана чрезъ конференцъ-секретаря своего В. И. Григоровича, изъявила желаніе, чтобы, по окончаніи рисунка, Ѳ. И. Іорданъ приступилъ къ гравированію его на мѣди. Въ началѣ 1836 года Іорданъ прислалъ въ Петербургъ оттискъ верхней части своей гравюры, изготовленной на крѣпкой водкѣ. Сравнивъ всѣ лучшіе эстампы, существующіе съ картины «Преображенія», Джузеппе Беттелини, Николо Дориньи, Августина Деноє (Desnoyers), Игнатія Павона, Филиппа Моргена и въ томъ числѣ даже Рафаэля Моргена, академическій совѣтъ нашелъ, что произведеніе Іордана превосходитъ ихъ точностью рисунка и выраженіемъ и что присланный начатокъ безъ сомнѣнія будетъ принадлежать къ лучшимъ памятникамъ гравировальнаго искусства.... Но то было только начало великаго художественнаго труда, который былъ оконченъ лишь черезъ четырнадцать лѣтъ, въ Февралѣ 1850 года.

Сравнивая это произведеніе Іордана съ произведеніемъ другихъ художниковъ, его исполнявшихъ, и ни сколько не поддаваясь пристрастію, должно отдать преимущество Русскому граверу, даже предъ Рафаэлемъ Моргеномъ, относительно котораго нельзя же забыть, что онъ рисовалъ не самъ, а пользовался рисункомъ художника Тофанелли, между тѣмъ какъ Іорданъ, не имѣя никакихъ помощниковъ, какъ прочіе, отъ первой черты до послѣдней дѣлалъ все собственноручно. Моргенъ имѣлъ много учениковъ, на которыхъ возложена была гравировка второстепенныхъ частей гравюры; ревнивый рѣзецъ Іордана не довѣрялъ никому ни одного штриха. Независимо отъ превосход-

наго исполненія рисунка и удивительной отчетливости въ малѣйшихъ выраженіяхъ лицъ, нужно замѣтить, что гравюра Іордана есть первая и единственная по своей величинѣ предъ всѣми до сего бывшими этого же сюжета, рѣзанными на одной доскѣ; потому что составная Лебреновская не можетъ назваться одною цѣльною гравюрой, и, наконецъ, гравюра нашего художника въ особенности больше извѣстной гравюры Игнатія Павона, которая есть впрочемъ только увеличенная копія съ Моргена. Въ каждой линіи Іордана видны глубокое изученіе дѣла и ясный взглядъ на тотъ оригиналъ, совершенство котораго онъ успѣлъ передать съ неподражаемымъ изяществомъ.

Во время своего долгаго пребыванія въ Римѣ, преимущественно занятый этимъ своимъ трудомъ, Ѳ. И. Іорданъ нашелъ однакоже время выгравировать портреты покойнаго Государя Александра Николаевича (тогда Наслѣдника Цесаревича) и Великаго Князя Михаила Павловича, малый портретъ поэта Языкова рисовальнымъ манеромъ, и большое число контуръ, въ томъ числѣ fac-simile съ рисунковъ знаменитаго Англійскаго скульптора Гибсона.

Около того же времени началъ свою картину «Явленіе Христа народу» А. А. Ивановъ. Сначала мастерская его была открыта для всѣхъ, и потому пріятели высказывались откровенно о начатой работѣ. Такъ, напримѣръ, знаменитый Овербекъ не предсказывалъ ей успѣха вслѣдствіе отсутствія женскихъ фигуръ. Каждый годъ, съ наступленіемъ лѣта, Ивановъ уѣзжалъ въ окрестности Рима, или во Флоренцію: это было ему необходимо для отдыха и для выполненія эскизовъ съ натуры. Но Іорданъ жилъ безвыходно въ Римѣ. Всѣ пятнадцать лѣтъ своего пребыванія въ немъ Іорданъ занималъ одну и туже квартиру. Хозяева его, супруги Ченче, строгіе католики, вели совершенно своеобразный образъ жизни, которому долженъ былъ подчиняться и жилецъ ихъ. Дверь запиралась въ девять часовъ вечера, такъ что, отправляясь въ театръ, жилецъ ихъ могъ просидѣть только одинъ актъ, а затѣмъ спѣшить домой: иначе онъ находилъ бы все запертымъ, и приходилось проводить ночь въ кофейной. Понятно, что никто не могъ переносить такого деспотизма, и имъ приходилось пускать квартиру свою по самой низкой цѣнѣ. Обѣдалъ Іорданъ всегда дома, неизмѣнно въ теченіи 15 лѣтъ супъ съ вермишелемъ и къ нему кисть винограда, а вечера проводилъ въ кафе «Bon gusto», куда собирались художники всѣхъ націй, особенно Англичане и Американцы. Тамъ можно было встрѣтить Вильямса, Макдональде, Гибсона, Крауфорда; бывалъ тамъ и Торвальдсенъ; тамъ же проводилъ вечера свои и Н. В. Гоголь, когда онъ проживалъ въ Римѣ.

Когда въ 1848 году вспыхнула революція, Іорданъ долженъ былъ вступить въ національную гвардію, такъ какъ считался Римскимъ гражданиномъ, потому что провелъ болѣе 10 лѣтъ въ Римѣ. Желая уклониться отъ исполненія воинской повинности и вернуться къ своимъ мирнымъ занятіямъ, Іорданъ отправился къ начальнику національной гвардіи князю Альдобрандини и просилъ уволить его, ссылаясь на дурное здоровье; но Римскій князь отвѣчалъ ему смѣясь, что онъ здоровъ, какъ монахъ.

Окончивъ свое «Преображеніе», Іорданъ выставилъ его въ эстампномъ магазинѣ на Корсо, и вскорѣ цѣлый Римъ заговорилъ о немъ, и слава его сдѣлалась традиціонной Римской славою.

А художественная Флорентинская газета «l'Arte» высказала слѣдующее мнѣніе: «Русскій профессоръ Іорданъ передалъ божественное произведеніе съ большой точностью и превзошелъ всѣ существующія гравюры (не исключая столь извѣстной Рафаэля Моргена) какъ тонкостью и смѣлостью штриха и вѣрностью характера, который придалъ Рафаэль каждой своей фигурѣ, такъ и оконченностью. Іорданъ обладаетъ большими данными, чтобъ имѣть полный успѣхъ въ своемъ художествѣ. Онъ отличный рисовальщикъ и вполнѣ чувствуетъ манеру великаго живописца (il principe dei pittori). Онъ самъ исполнилъ свой рисунокъ, что́ и дѣлаетъ его гравюру единственною. Мы воздаемъ должную дань его искусству, и пусть это будетъ доказательствомъ, что мы умѣемъ цѣнить талантъ, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ».

Лѣтомъ 1850 года, послѣ 20-лѣтняго пребыванія за границей, Іорданъ пріѣхалъ въ Россію, совершивъ долговременный тяжелый трудъ и везя съ собою 300 экземпляровъ своего «Преображенія». По странному стеченію обстоятельствъ, Императоръ Николай Павловичъ отнесся къ художнику-труженику болѣе чѣмъ равнодушно: не пріобрѣлъ у него ни одного оттиска и ничѣмъ не наградилъ его *). Лучшей, единственной наградой Іордану было то, что Императорская Академія Художествъ сдѣлала его своимъ профессоромъ и вскорѣ заказала ему выгравировать извѣстную картину заслуженнаго профессора Егорова «Истязаніе Спасителя». Одна Москва особенно сочувственно и радушно отнеслась къ нему: тамъ былъ купленъ г. Лихачевымъ рисунокъ «Преображенія», сдѣланный карандашемъ, за 2.000 р., а въ Художественномъ Классѣ данъ былъ роскошный обѣдъ. Первый тостъ за успѣхи Іордана былъ предложенъ профессоромъ Грановскимъ, за нимъ—Шевыревымъ и Погодинымъ, который произнесъ самую теплую, прочувствованную рѣчь. «Лѣтъ пятнадцать тому назадъ я встрѣ-

*) Весьма вѣроятно, что до Николая Павловича дошелъ невѣрный слухъ, будто Ѳ. И. Іорданъ дѣйствительно служилъ въ Римскомъ революціонномъ войскѣ. П. Б.

тилъ въ Римѣ одного изъ Русскихъ художниковъ, человѣка еще молодаго, въ цвѣтѣ лѣтъ, съ длинными черными волосами. Онъ начиналъ гравировать ту картину, которую Римляне съ гордостью называютъ «il primo quadro del mondo». Иностранные художники единогласно осуждали его намѣреніе, смѣялись пожимая плечами и удивлялись, какъ дерзнулъ «quello Russo Moscovito» браться за Рафаэлево «Преображеніе», тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ гравировать всю картину одинъ, между тѣмъ, какъ обыкновенно въ работахъ этого рода и размѣра художникъ раздѣляетъ свой трудъ между другими второстепенными художниками. Вы видѣли его гравюру, вы видѣли всѣ прежніе опыты, произведенія лучшихъ мастеровъ Франціи, Италіи, Германіи! Онъ рѣшительно превзошелъ всѣхъ, не исключая Моргена, строгимъ классицизмомъ своей работы. Незабвенны услуги, оказанныя гравировальнымъ искусствомъ живописи: безъ него исчезли бы навсегда картины Леонардо да Винчи и Микель-Анджело. Имена великихъ граверовъ связаны съ именами великихъ живописцевъ. Искренняя и постоянная дружба соединяла Рафаэля съ Маркомъ Антоніо Раймонди. Эту-то дружбу съ Рафаэлемъ въ наше время возобновилъ нашъ славный граверъ Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ. Благодаримъ, благодаримъ васъ, почтенный художникъ, за вашу семнадцатилѣтнюю, терпѣливую, добросовѣстную бесѣду съ великимъ произведеніемъ Рафаэля. Сколько тайнъ, вложенныхъ въ картину его геніемъ, вы узнали такъ, какъ не знаетъ никто! Продолжайте славный путь! Да пошлетъ Богъ долго и долго свѣтъ очамъ вашимъ, крѣпость вашимъ тѣлеснымъ силамъ, свѣжесть уму, чтобы вы могли долѣе просвѣщать насъ такими произведеніями. Господа! Черезъ годъ исторія гравировальнаго искусства можетъ праздновать четырехсотлѣтіе. Выпьемъ же еще разъ за здоровье Ѳедора Ивановича Іордана, который почти наканунѣ этого юбилея внесъ съ такою славою имя Русскаго гравера въ лѣтописи гравировальнаго искусства!»

Объ исполненіи этой послѣдней работы П. А. Плетневъ высказался такъ: «Тутъ не только возсозданіе безсмертнаго труда Рафаэля, но и вновь повторенная природа. Опять воскресла жизнь, опять дышетъ геній, снова бьется сердце чуднаго человѣка».

Въ 1862 году Іорданъ оканчивалъ «Истязаніе Спасителя» и гравировалъ другой портретъ Гоголя для изданія Чижова. По этому случаю нелишнее будетъ вспомнить, что на первыхъ страницахъ своей замѣчательной и (во время оно) надѣлавшей столько шуму «Переписки съ друзьями» (1847 г.) Гоголь первый повѣдалъ своимъ соотечественникамъ, что въ Римѣ живетъ и трудится надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэлевой «Преображеніе Господне» Русскій художникъ Іорданъ. Авторъ «Переписки» тамъ же просилъ публику

покупать только тотъ свой портретъ, на которомъ написано: «Гравировалъ Іорданъ».

Затѣмъ исполнены Іорданомъ слѣдующіе портреты: Государя Императора, Государя Наслѣдника, президента Академіи Художествъ, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, И. И. Шувалова (основателя Императорской Академіи Художествъ и Московскаго университета), графа Шувалова (бывшаго оберъ-гофмаршала), П. А. Плетнева, Н. Ѳ. Здекауера, игумена Дамаскина (настоятеля Валаамскаго монастыря), сенатора Равинскаго, свой портретъ, а въ 1882 году портретъ перваго Русскаго гравера, временъ Екатерины, Гавріила Скородумова. По поводу появленія этого послѣдняго портрета художественная критика высказалась такъ: «Всматриваясь въ утонченность работы, правильность рисунка, поразительное сходство съ оригиналомъ, нельзя не удивляться необыкновенной твердости руки маститаго художника, которому скоро исполнится 82 года».

Послѣдней работой Іордана были начатые на одной доскѣ портреты бывшихъ профессоровъ Академіи: Егорова, Шебуева и Левицкаго.

Іорданъ состоялъ членомъ академій: Флорентинской, Урбинской и Берлинской. Замѣчательно, что Берлинская Королевская Академія Художествъ избрала его своимъ ординарнымъ членомъ: Ordentliches Mitglied», т. е. съ правомъ засѣданія въ своихъ собраніяхъ, что составляетъ совершенное исключеніе и необыкновеный почетъ.

Въ 1852 году Іорданъ былъ представителемъ нашего художественнаго отдѣла на Лондонской всемірной выставкѣ. Осенью 1874 г. онъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей художественной дѣятельности и получилъ изъ рукъ Августѣйшаго Президента Академіи орденъ Святой Анны первой степени и золотую медаль съ собственнымъ его изображеніемъ, нарочно выбитую къ этому дню. Множество полученныхъ имъ вслѣдъ затѣмъ личныхъ заявленій и телеграммъ изъ разныхъ мѣстъ доставили почтенному юбиляру отрадное доказательство, что его прекрасные труды и заслуги по искусству цѣнятся не въ однѣхъ академическихъ стѣнахъ.

Со смертью Ѳ. А. Бруни, Іорданъ заступилъ его мѣсто, какъ завѣдывающій мозаическимъ отдѣленіемъ и въ теченіи 8 лѣтъ занималъ это мѣсто съ большой пользой для мозаистовъ. Не говоря о томъ, что онъ былъ всегда хорошій рисовальщикъ, чувствовалъ колоритъ и имѣлъ за собой многолѣтнюю опытность, но и самое мозаическое искусство имѣетъ много общаго съ гравированіемъ, потому что требуетъ такого-же терпѣнія и умѣнія въ воспроизведеніи оригинала. Іорданъ всегда вспоминалъ съ благодарностью, что въ концѣ своей жизни онъ

былъ вполнѣ вознагражденъ за всѣ лишенія молодости: онъ занималъ самыя почетныя должности, не смотря на свои преклонные годы, и былъ взысканъ милостью Августѣйшаго Президента Академіи, который относился съ безграничнымъ снисхожденіемъ къ его старческимъ недугамъ и не разъ посѣщалъ его во время болѣзни.

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ Іорданъ состоялъ хранителемъ эстамповъ и оригинальныхъ рисунковъ.

*

Эти свѣдѣнія доставлены въ Русскій Архивъ лицомъ близкимъ къ Ѳ. И. Іордану. Отъ себя прибавимъ, что славный художникъ былъ и человѣкомъ превосходнымъ. Въ жизнь свою внесъ онъ тишину и соразмѣрность, которыя такъ подобаютъ настоящему служителю искусства. Это была самоуглубленная воля, столь же твердая, какъ тотъ рѣзецъ, которымъ выводилъ онъ по металлу свои начертанія, обезсмертившія для потомства столько лицъ и прекрасныхъ образовъ. Только по имени иностранецъ, Іорданъ своими убѣжденіями и привязанностями принадлежалъ къ кореннымъ Русскимъ людямъ. Намъ кажется, что въ немъ было сходство съ другомъ его П. А. Плетневымъ (вдовы ихъ—сестры): тоже спокойствіе и благоволеніе къ людямъ, тотъ же внутренній миръ, распространявшійся на все ихъ окруженіе. Про такихъ людей вспоминаешь съ благодарностью.... П. Б.

ПОПРАВКИ.

I.

Къ стр. 67-й второй книги Русскаго Архива 1883 г.

При императорѣ Павлѣ П. Н. Каверинъ не былъ Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. Онъ назначенъ былъ на эту должность тотчасъ *по смерти Павла*, 12 Марта 1801 г., на мѣсто «отставленнаго отъ службы» генералъ-маіора Эртеля. (Именной Высочайшій Указъ Сенату въ *С.-Петербургскихъ Вѣдом.* 15 Марта 1801 г., № 24, стр. 911).

Л.

II.

Во второй книгѣ Русскаго Архива въ біографіи графа П. В. Завадовскаго вкралась опечатка, на стр. 72. У дочери графа Завадовскаго, Татьяны Петровны Каблуковой, былъ сынъ Александръ Владимировичъ, а не Владимиръ. Онъ служилъ на Кавказѣ въ Кабардинскомъ полку и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Женатъ онъ былъ на дочери генерала Пичугина; вдова его—нынѣ мать Антонія, казначея въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.

И. Листовскій

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

РУССКАГО АРХИВА

1883 года *).

---

*) Русскій Архивъ 1883 года составляетъ три книги. Римскія цифры Указателя означаютъ книги. Цифры курзивныя относятся къ перепискѣ Кристина, которая печаталась съ особымъ счетомъ страницъ. П. Б.

*

27*

*

*

*

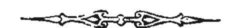
СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1883 ГОДА.

ПРИЛОЖЕНЫ:

1) **Переписка Кристина съ княжною Туркестановой.**
2) **Петербургскій Некрополь.**
3) **Большая гравюра съ портретомъ князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1881 ГОДА.

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА.

Въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, продаются оставшіеся въ небольшомъ количествѣ три тома «Русскаго Архива» 1881 года.

Цѣна по **три** рубли каждый, за всѣ **три** тома **восемь** рублей, съ пересылкою **девять** рублей.

Главныя статьи перваго тома. Разсказы современниковъ о Петрѣ Великомъ.—Русскій паломникъ Барскій, изслѣдованіе А. К. Гиляревскаго.—Записки Нѣмецкаго врача Дримпельмана о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка.—Изъ записокъ Нѣмцевича.—Воспоминанія Н. И. Шёнига.—Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Біографія поэта Полежаева.—Бумаги А. С. Пушкина.

Къ этому тому приложена фотогравюра (Екатерина, ея семейство и ея приближенные) и снимокъ съ Пушкинской подлинной рукописи стихотворенія *Памятникъ*.

Главныя статьи втораго тома. Объ Англійскомъ воспитаніи, статья А. С. Хомякова.—О внутреннемъ управленіи Россіи, статья графа С. Р. Воронцова.—«Дай оглянусь», воспоминанія графа Д. Н. Толстаго-Знаменскаго.—Записки барона Ѳ. Ѳ. Торнау о Николаѣ Павловичѣ.—Разсказы современниковъ о казни Декабристовъ.—Статья митрополита Иннокентія о дѣтскомъ воспитаніи.—Взятіе Гергебиля, разсказъ барона Ѳ. Ѳ. Торнау.—Бумаги А. С. Пушкина.

Къ этому тому приложена книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1825 г.

Главныя статьи третьяго тома. Любовныя письма XVIII вѣка къ графу Чернышову и И. Н. Корсакову.—Біографія графа А. П. Шувалова, написалъ Д. Ѳ. Кобеко.—Воспоминанія А. С. Норова о 1812 г.—Воспоминанія А. П. Бутенева.—Великая Княгиня Елена Павловна, разсказъ барона Ѳ. Ѳ. Торнау.—Бумаги А. С. Пушкина со статьею издателя Русскаго Архива о «Мѣдномъ Всадникѣ»—Графъ Б. А. Перовскій.

Къ этому тому приложены: большая гравюра на мѣди Екатерины Великой и книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1826 года.

CXXVII.

Stutgardt, le 2 (14) VIII-bre 1818.

Les lettres que j'ai écrites à ma tante ont dû vous faire connaître la manière dont j'ai voyagé jusqu'ici. C'est la rapidité la plus désolante. Depuis Varsovie ma santé est cruellement dérangée; j'ai perdu entièrement le goût et l'appétit, toujours de l'amertume dans la bouche et des constipations obstinées; enfin, je suis dans un tel état que si cela continue, on m'enterrera en Allemagne. Nous sommes arrivées ici hier au soir; nous y demeurerons 15 jours pendant lesquels je vais me traiter sérieusement.

A Varsovie on nous a traités à merveille. Monseigneur Constantin qui aime infiniment sa mère, l'a reçue avec tous les honneurs dus à une Impératrice et avec toute la tendresse du fils le plus dévoué. Au lieu de six jours que nous avions destinés pour Varsovie, nous y en avons demeuré huit. Si je n'étais devenue malade en y arrivant, je me serais fort accommodée de ce séjour; d'abord les matinées étaient consacrées à différentes courses et les soirées étaient libres pour nous. Il est vrai pourtant que sur ces huit jours nous avons eu trois bals; j'en ai brûlé un qu'on donnait à l'hôtel de ville, parce que je prenais médecine ce jour-là; les deux autres, qui ont été chez le prince-lieutenant et chez Nowossiltzow, je n'ai pu les éviter. La société de Varsovie est agréable; j'y ai vu des femmes qui causent parfaitement, la princesse Zaionczek entre'autres, c'est une personne de beaucoup d'esprit avec infiniment d'imagination et de vivacité pour son âge qu'on dit être de 60 ans. Elle a vécu 20 ans à Paris et s'est trouvée en relation avec différents individus qui ont marqué dans la révolution, ce qui lui donne une conversation fort intéressante. Son mari a été fort dévoué à Bonaparte, maintenant il sert son roi avec le même dévouement. On paraît l'estimer dans le pays; il a été bon militaire, il est privé de ses deux jambes et marche sur deux béquilles et, de plus, soutenu par ses aides-de-camp. Sa figure est noble, ses cheveux absolument blancs; avec cela un parler doux et quelque chose d'affable.

Le comte Potocky, président du Sénat, est très-instruit, grand amateur et protecteur des arts, mais sec, et d'une politesse qui n'attire pas. Parmi les jeunes gens il y en a de très-bonne société. J'ai fait la connaissance de la vieille princesse Czartoryska, communément appelée la princesse-générale; je n'ai pas à vous faire son portrait—elle est trop connue. Si elle est, peut-être, remarquable par son esprit d'intrigue, je

vous confesse que je l'ai trouvée bien moins aimable que la princesse Radzivil, dame d'honneur. Celle-ci a fait ma conquête décidément. A notre départ de Varsovie nous avons été chez elle à l'Arcadie, ce lieu chanté par l'abbé Delille; c'est la chose du monde la plus bizarre comme la plus intéressante, on y trouve des détails enchanteurs, c'est un véritable poëme à mon avis; quelqu'un a dit que c'est le rêve d'une femme d'esprit.

En quittant la frontière de Pologne, nous avons passés dans les bras de la Prusse. Le prince-royal et son frère le prince Guillaume sont venus à la rencontre de l'Impératrice jusqu'à une terre du prince Eugène de Wurtemberg, qui s'appelle Carlsruhe; de là ils nous ont suivis à Breslau, et de Breslau nous ont encore escortés jusqu'à leur frontière qui est entre Lewin et Nachod. Cette partie de la Silésie est une contrée superbe, j'ai vu des sites tout-à-fait romantiques; entre Frankenstein et Glatz on voit le couvent de la Wharta qui est quelque chose de délicieux.

Après avoir fait nos adieux à la Prusse, nous nous sommes livrés à l'Autriche. Un prince Lobkowitz, un comte Sternberg, un général Clebsberg et un comte Colovrat sont venus nous complimenter au nom de l'empereur François et nous mener à Prague, où l'archi-duc Antoine s'était rendu pour recevoir l'Impératrice. Nous sommes restées deux jours à Prague; j'y ai fait différentes courses fort intéressantes. Parmi les établissements de cette ville le couvent de S-te Élisabeth est digne d'admiration; on y soigne des malades, on y recueille de jeunes personnes pour les instruire; il faut voir comme tout cela est tenu, les religieuses ont bien répondu à l'idée que je m'étais faite quelquefois des couvents catholiques que je trouvais souvent dans les romans, mais aussi j'en ai rencontré qui détruisent absolument l'illusion: les Ursulines par exemple sont sales, bavardes et tellement agitées qu'on aurait envie de les pincer.

Avant d'arriver à Carlsbad, nous avons eu la satisfaction de voir notre chère grande-duchesse Marie, qui est toute aussi bonne et aimable que par le passé. La naissance d'un fils a donné une toute autre couleur à son existence; elle est gaye, très-bien portante et en général très-contente de sa destinée. Elle nous a accompagné jusqu'à Bareuth.

Sur la frontière le roi et la reine de Wurtemberg sont venus au devant de l'Impératrice. On nous a fait coucher à Elvanguen le 30 VII-bre de notre style, et le 1-er VIII-bre, qui l'était hier Mardy, nous sommes arrivés à Stutgardt. Tout ce que j'ai vu de ce pays est magnifique sous le rapport de la végétation. Quand à la manière dont nous avons été accueillies ici, je n'en reviens pas; la pompe de cette cour

m'a jetée dans un véritable étonnement; le château vaut bien le palais d'hyver de Pétersbourg et les ameublements surpassent sans contredit ce que nous avons chez nous (j'en excepte cependant l'Hérmitage). Si on ne trouve pas ici la salle de S-t George et ce qu'on appelle les salles de l'Empereur, en revanche l'énorme quantité de chambres y supplée; leur nombre se monte à 175, et n'allez pas croire au moins que ce soyent de petites pièces, pas du tout, la proportion en est fort belle. Je suis établie, par exemple, dans un appartement qui a cinq chambres; celle où je couche est tapissée d'un beau papier de France, un meuble en damas, bronzes, porcelaines, glaces, fleurs tout s'y trouve; j'ai un salon avec une teinture en soye, un autre salon plus petit, une antichambre et une grande pièce pour Nathalie. J'ai, de plus, l'agrément d'être logée au rez-de-chaussée. La comtesse Samoïlow est également fort bien, et tous nos messieurs aussi. Le domestique est très-nombreux; à chaque entrée (et il y en a plusieurs) on voit un suisse en grande livrée fort riche, et rien qui dénote que cet état de chose soit établi pour notre arrivée: c'est l'état ordinaire. L'illumination qui eut lieu hier était aussi belle que celle de Peterhof et a coûté 80 mille roubles. Nous avons eu grand dîner, et le matin la reine-douairière était venue faire sa visite à l'Impératrice. C'est une petite femme toute épaisse, habillée de noir, une coiffe très-modeste et faisant de petites révérences à l'anglaise plutôt qu'à l'allemande. Je pense qu'elle aura été interdite en voyant la belle tenue de sa belle-soeur, qui généralement fait l'étonnement de tout ce qui la voit. On s'imagine voir une bonne vieille et quand elle paraît, chacun ouvre de grands yeux en apercevant une femme d'une très-belle taille, parfaitement droite, mise avec tout le goût imaginable et portant 40 ans sur son extérieur. Les Autrichiens m'ont fait là-dessus des aveux très-francs et très-plaisants, qu'avec adresse j'ai rendus à S. M., bien sûre que cela lui ferait plaisir à entendre.

Nous ne faisons pas un pas que nous ne donnions du nez sur un frère, un cousin ou un neveu: les parents nous pleuvent. A l'heure qu'il est, j'ai déjà fait la connaissance de deux princes de Wurtemberg, Eugène dont j'ai parlé plus haut, et le prince Ferdinand, marié à la soeur de Metternich. Hier j'en ai vu deux autres, un prince Guillaume, marié à une baronne du pays et dont les enfans sont comtes, et puis le prince Adam, petit-fils de la vieille Czartoryska; celui-ci va entrer au service de Russie.

Nous avons l'espoir que l'entrevue d'Aix-la-Chapelle ne se prolongera point et qu'on retournera à Pétersbourg au mois de janvier. Vous ai-je dit que Théodore Galitzine a fait les délices de Carlsbad;

il a eu du monde presque chaque soir, la Catalani chantait, les joueurs de valze faisaient danser la brillante jeunesse; il n'est bruit que des plaisirs qu'on a eu chez lui, et tous les échos ont pleuré son départ. La comtesse Branitzka, qui est à Stutgardt dans ce moment, m'a répété tout cela. Théodore est allé à Paris, sa femme est demeurée à Dresde; il va la reprendre pour retourner en Russie, ce qui me fait grand plaisir pour la bonne princesse Prozorowsky.

Je crois vous avoir dit que j'écris une espèce de journal pour la comtesse Litta, je lui écris tous les soirs. Il y a déjà soixante pages de parties, et je vous promets de vous le faire lire aussitôt que je serai de retour, car on m'a promis de me le rendre, de sorte que je pourrai vous l'envoyer tout de suite.

CXXVIII.

Moscou, le 11 (23) IX-bre 1818.

Enfin, enfin je l'ai reçue cette bien-heureuse lettre de Stutdardt. Je l'ai lue, relue et relue encore, et puis le même jour la gazette nous a apporté la description de la fête donnée dans les vignes à l'Impératrice; c'étaient là les plus vifs plaisirs de ma jeunesse à moi, né dans un vignoble. J'ai vu avec bien de la peine que vous êtes incommodée et toujours *cousue*; ah, mon Dieu, vous avez le remède sous la main: tous les matins à jeune une belle grappe de raisin, et cela vous aurait fait plus de bien que toutes les potions laxatives du docteur Rhul. Je ne puis répondre à votre lettre en calculant que vous aurez vu toute autre chose, quand je vous dirai ce que je pense de Varsovie, Prague et Stutgardt. Cependant ce qui est durable et fera le même effet partout, c'est assurément la beauté de l'Impératrice-mère; je conçois à merveille l'étonnement de ces bons Allemands qui l'ont vue partie de chez eux il y a 42 ans, et qui la retrouvent aussi droite et presque aussi fraîche que lorsqu'elle les a quittés, tandis qu'eux-mêmes n'ont probablement pas à se louer des ménagements de tems qui sans doute les a fort vieillis.

J'ai reçu une lettre de votre soeur Catherine partant de Genève pour Bergame chez le cousin Terzi; elle est aux anges de son train de vie ambulant. Je vous assure que vous ne la ramenerez jamais en Russie sans l'établir à la cour; l'obstacle que vous y voyez n'en sera pas un: cela vous attacherait de plus en plus, dites-vous, et vous en avez assez!.... Eh, mon Dieu, non, vous n'en avez pas assez, à moins

que vous ne vous mariez: oh, alors il n'y a pas le plus petit mot à dire, il vaut mieux être chez soi qu'à la cour. Mais s'il n'y a pas de mariage sur le tapis, votre place toute naturelle est celle que vous occupez; elle a ses peines comme toute autre manière d'être, elle a ses plaisirs et ses avantages aussi, et là comme ailleurs je crois que tout est compensé. Pour moi je tiens de plus en plus à ma retraite, et je viens de me faire une devise que je grave sur un cachet: *Pour vivre heureux caches ta vie*. Je ne sais pas si je l'invente ou si ce n'est qu'une reminiscence, mais ce qu'il y a de sûr c'est qu'elle peint ma manière de voir et de sentir. Cette manière ne peut et ne doit point être la vôtre: chacun a sa place ici-bas, comme chacun y a ses charges; la sagesse consiste à en tirer le moins mauvais parti possible.

CXXIX.

Stutgardt, le 15 (27) VIII-bre 1818.

Grâce à la comtesse Lieven j'ai pourtant attrapé une couple de soirées pour moi et un peu pour elle, car j'ai mieux aimé faire sa partie de dourak que de bailler au théâtre allemand où je ne comprends rien. Ma santé d'ailleurs est loin d'être remise; concevez-vous le désagrément d'avoir constamment de l'absynthe dans la bouche, et c'est ce que j'éprouve depuis Varsovie. Lorsque vous me parlez de chasselas et de bon chrétien, vous me faites presque pleurer, car je ne touche à rien de tout cela. Mon déjeuner est une tasse de café, mon dîner un bouillon et un beafstake, et le soir il n'est pas question d'autre chose que de rhubarbe; je n'ai pris que deux fois une tasse de thé depuis 15 jours: voilà mon existence. Nous partons demain pour aller dîner à Bruchsal chez la margrave où se trouve l'impératrice Élisabeth, et Dimanche prochain, le 20 de notre style, nous dînons à Cologne avec l'empereur d'Autriche, le roi de Prusse et notre empereur Alexandre, qu'il me tarde de voir pour lui dire combien peu je suis entichée de tout ce que j'ai vu jusqu'à présent. Non, non, monsieur, ce ne sera jamais l'Allemagne qui me servira de retraite, c'est bien plutôt Kalouga ou Toula. Vive la Russie et même les Russes, ne fussent-ils pas autrement faits que le vieux Titow. J'ai trouvé par exemple ici un certain général Tchaplitz que j'avais beaucoup vu autrefois chez les Ostermann; il a toujours été ennuyeux à l'excès, eh bien je l'ai revu ici avec transport. Il m'a demandé la permission de me venir voir, et je l'ai accordée de suite, tandis que les Allemands étaient con-

signés à ma porte. Je dois pourtant rendre justice à tout ce qui concerne la maison du roi; son grand-maréchal Seckendorf et sa femme, qui est dame du palais, sont fort obligeans l'un et l'autre. Le général Spitzenberg, premier aide-de-camp, est aussi un homme bien comme il faut; mais avec tout cela lorsqu'on est quelque part en passant, toujours en grande toilette et avec de l'absynthe dans la bouche, on aime encore mieux le général Tchaplitz, que je fuirais peut-être à Pétersbourg. Basile Galitzine m'a conté Aix-la-Chapelle; il dit qu'on s'y ennuye à mourir. Lord Castelreagh et Nesselrode étaient les seuls qui eussent leurs femmes avec eux et qui pouvaient par conséquent tenir maison. Une princesse de la Tour et Taxis recevait quelquefois les monarques. On voyait ceux-là toujours en frac et se promenant le matin sans la moindre suite; hors le grand-duc Constantin personne n'a porté l'uniforme. Vous aurez déjà appris par la gazette le voyage de l'Empereur à Paris, ou plutôt sa visite au roi de France; car après un dîner aux Tuileries il est reparti immédiatement. L'évacuation des troupes étrangères va avoir lieu sous peu de jours. On avait fait courir le bruit qu'on traiterait d'autres affaires à Aix-la-Chapelle; on parlait de concilier l'Espagne avec le Portugal, de s'occuper des indépendants de l'Amérique, enfin de plaider la cause des médiatisés; mais depuis quelque tems on ne parle plus de rien, et il paraît clair qu'on se rendra dans ses foyers au tems convenu, et plût au Ciel! Comme je me donnerai la douceur de rester souvent chez moi! Je vous réponds qu'on ne me verra pas rouler comme autrefois. Je ne veux plus faire d'économie; je vais manger tout mon argent; c'est une duperie d'amasser pour l'avenir, et puis j'en aurai toujours suffisamment pour Kalouga ou autre ville pareille. Qu'en pensez-vous?

Si vous voyez les Tolstoï, parlez-leur aussi de moi; je suis touchée de leur souvenir, car je n'ai jamais cessé de les aimer, lui particulièrement.

CXXX.

Moscou, le 18 (30) novembre 1818.

Cette préférence pour Toula ou Kalouga me va droit au coeur, à moi, qui après avoir bien couru le monde me suis fixé en Russie par goût et par cette facilité d'y vivre qu'on ne trouve nulle part ailleurs. Ce n'est pas que je veuille Toula moi, je préfère Moscou où toutes choses sont plus faciles encore qu'en province; mais il est certain que si l'on me forçait d'opter entre le séjour de Londres, Paris, Florence ou Naples et un petit bourg en Russie, je choisirais ce dernier, fût-il Kassimow ou Kolomna, parce que mes habitudes sont faites et que je n'en pourrais plus changer. Vous voyez que nous pourrons bien vivre et mourir sous le même ciel; mais vous resterez sur les bords de la Newa comme moi sur ceux de la *Yausa* où je me bâtis une maisonnette tout à côté du pont, sur un terrein brûlé. La maison, qui est déjà couverte, a 7 boutiques qui me rapporteront 3500 roubles, et sur ces boutiques se trouve un étage qui se finira au printems prochain et se louera fort bien 1500 roubles ou me servira d'habitation commode, si je quitte mon logement actuel. Cette maison toute achevée ne me coûtera que 25000. Vous voilà au fait en deux mots d'une spéculation imaginée et dirigée par Virginie avec une intelligence et une activité que personne au monde ne possède au même point. Le terrein a été acheté le 30 août; les ouvriers y ont mis la main à l'oeuvre le 1-er VII-bre, la maison est en pierre de 14 sagènes de long, le toit y est depuis 8 jours, les boutiques seront habitables le 1-er X-bre, et trois sur les sept sont déjà louées à 500 roubles la pièce. Je ne pouvais pas tirer un meilleur parti de mon argent que celui-là. Ne croyez pas que j'aye de grands tracas de batisse; je ne me mèle de rien: Virginie traite avec les entrepreneurs, les fait marcher, les gronde, voit l'architecte, et tout cela avec une aisance incroyable et avec autant de facilité que j'en ai à vous écrire cette lettre. Son amitié attentive et active a imaginé et exécuté tout cela, afin que, dans le cas où je quitte la Nikitzka, j'aye un logement à moi sans aucune diminution de revenus. Cela m'a paru d'abord fabuleux, impossible; elle m'a offert dans le cas où la spéculation ne me conviendrait pas de garder tout pour elle, de me donner le 10 pour cent de mon argent et de m'en rembourser le capital au bout d'un an. J'ai vu combien elle est habile en affaires par l'exécution de ce plan qu'elle a amené aux trois quarts de sa perfection en deux mois et demie.

C'est pourtant cette Virginie contre laquelle on se déchaîne à l'envie et dont on a essayé par mille moyens de me détacher, tandis que je ne vois en elle qu'une amitié constante que rien ne fatigue ni ne détourne de son objet, un coeur d'or et des vertus qui la mettent à mes yeux bien au-dessus de ses détracteurs; jamais peut-être il n'y eut une âme plus véritablement généreuse et dépouillée des petitesses qui paraissent si souvent dans le caractère de ces femmes qui se croyent de droit de la déprécier.

Le prince Basile Galitzine a vu Aix-la-Chapelle d'un oeil bien différent que votre petit cousin Alsoufiew qui en est arrivé dans un ravissement inexprimable et d'autant mieux fondé qu'en sa qualité d'aide-de-camp de Léwachowj l'Empereur lui a fait l'honneur de lui parler. Or, Alsoufiew est là-dessus comme madame de Sévigné. Je crois que vous ne ferez pas mal votre cour à l'Empereur de Russie en lui disant que vous préférez la Russie à tout ce que vous avez vu; du moins, un tel sentiment me semble fait pour lui plaire.

Avez-vous lu la conversation de l'Empereur avec le général Maison à Aix-la-Chapelle? La gazette nous l'a rendue ici littéralement, et pendant 15 jours on n'a parlé que de cela. Cette conversation a fait la même sensation que le discours de l'Empereur à la diète de Varsovie. L'Empereur dit au général Maison qu'il faut que les peuples soyent partout délivrés de l'arbitraire et qu'il veut faire dans ses états ce qu'il a fait en Pologne. Mais, bon Dieu, comment s'y prendra-t-on pour délivrer le peuple russe de l'arbitraire des gouverneurs, de l'arbitraire des tribunaux et même de l'arbitraire des riches qui achètent la justice au poid de l'or? Ce seront les étables d'Augias à nettoyer, et il faudra un autre Hercule pour venir à bout de cette besogne.

Le comte Leon Razoumowsky se meurt d'un charbon à la nuque; on a fait trop tard l'opération, et l'on ne croit pas qu'il puisse s'en tirer ni même vivre encore trois jours. Les Tolstoï passeront l'hyver à Pétersbourg, parce que Zachou entre en activité de service: c'est la raison donnée. Wladimir Apraxine prétend que c'est pour achever son mariage avec Sophie. Mad. Tolstoy jure qu'il n'en est rien. Imaginez un lit de velours blanc peint en guirlandes de roses, comme ces beaux ridicules à la mode: c'est dans ce lit que mademoiselle Dourassow est devenue madame Pissarew la semaine passée. On ne parle que de cette magnificence.

CXXXI.

Memel, le 24 X-bre 1818.

Le séjour de Bruxelles m'a fort convenu. D'abord parce que j'ai eu l'agrément de n'être pas logée à la cour, ensuite parce qu'à l'hôtel garni où toute la suite de l'Impératrice a été établie, j'ai eu la facilité de voir plusieurs personnes qui, peut-être, ne seraient pas venues chez moi si j'avais demeuré chez le prince d'Orange. J'ai eu l'occasion de faire beaucoup de connaissances à Bruxelles, je m'en suis donné de toutes les façons et de toutes les couleurs; des ultra, des constitutionnels, des libéraux et même un déporté, car m-r Montain, médecin que j'ai appelé à cause de ma triste santé, en était un (il a été, je crois, chassé de Paris avec Cambacères). Il ne s'est pas vanté auprès de moi de cette petite circonstance ayant eu même le désir de passer dans mon esprit pour un royaliste, mais j'ai appris la vérité par d'autres, et comme j'avais besoin de ses remèdes et point du tout de ses opinions, je l'ai laissé professer telle foi qu'il a voulu et j'ai docilement avalé sa melisse et son saffran).

Les femmes à Bruxelles sont fort aimables, et il y en a deux ou trois à la cour qui sont du plus grand mérite, entr'autres une duchesse d'Ursel, une princesse Massérano, qui est dame du palais de la reine et qui a été mise de service auprès de l'Impératrice. Il est impossible de réunir plus d'esprit, de grâces, et en même tems de douceurs et de moralité. Cette femme pratique ses devoirs de religion d'une manière exemplaire; elle est pourtant dans le très-grand monde et tient elle-même maison; son mari est également un homme très-comme il faut, ils font un ménage parfait. J'ai connu aussi une madame de Villain-Quatorze qui a été auprès de Marie-Louise; c'est encore une personne des plus agréables et fort liée avec la duchesse d'Ursel. La duchesse de Beaufort, la comtesse d'Outremont, veuve d'un des fils du prince de Ligne, sont aussi des femmes que j'ai beaucoup vues. Enfin, quanf à la société, il est difficile de trouver ailleurs quelque chose de mieux. Les hommes sont amusants par la variété de leurs opinions; plusieurs ont des moyens du mérite, mais souvent des idées exagérées. En général, le Belge et le Hollandais sont aussi distincts entre eux que le blanc et le noir. Jamais il n'y aura aucun amalgame entre ces deux nations, et j'ose assurer que le plus léger mouvement chez les voisins peut mettre tout cela fort en l'air. Le prince d'Orange pourrait seul y mettre empêchement, car il est fort aimé des Belges. Le roi fait ce

qu'il peut de son côté pour maintenir la bonne intelligence. Les états-généraux marchent bien; plusieurs lois, dont on doutait de notre tems, ont fort bien passé. Il y a eu un moment, s'il vous en souvient, où j'avais un peu varié dans mes sentiments pour le prince d'Orange; mais depuis que je viens de le voir de près et de passer avec lui quelque tems, je lui rends de nouveau toute justice: c'est un prince très-distingué, particulièrement par la noblesse de son caractère. J'ai vu avec plaisir qu'il s'est fort raccommodé avec son père, et pendant tout notre séjour cela a été à merveille dans la famille. La reine des Pays-Bas est adorable. Notre grande-duchesse a aussi changé à son avantage: elle a gagné une certaine aménité qu'elle n'avait pas autrefois; l'habitude de tenir cercle, d'avoir de la société et surtout de n'être plus traitée en petite fille lui a donné de l'aplomb. Vous aurez vu dans la gazette que l'Empereur est venu nous voir à Bruxelles.

Nous en sommes partis le 9 novembre de notre style et, après nous être arrêtées deux jours à Francfort, pour y voir encore la reine de Wurtemberg, nous avons pris notre direction sur Weymar, après nous être arrêtés à Cassel chez l'électeur où on nous a fait fête comme partout. Nous sommes demeurés juste trois semaines à Weymar; l'Empereur y est encore venu. Ma santé a été bien mauvaise sur les derniers tems; j'ai eu constamment quelque chose, et quand je vous dirai qu'à Wittemberg j'ai pensé mourir, c'est qu'il s'en est fallu d'un cheveu que je n'eusse eu une inflammation dans les entrailles. J'ai été obligée de quitter l'Impératrice, et on m'a amenée à Potsdam quelques heures après qu'elle y était arrivée. Pendant les trois jours que nous sommes demeurées à Berlin, je n'ai vu autre chose que ma chambre et trois médecins qui m'ont soignés. Ce n'est que la veille de notre départ que j'ai eu la permission de voir du monde et de parler; j'ai vu ce jour-là le roi, qui m'a reçu chez lui sans que je fisse toilette; le prince-royal et ses frères sont venus chez moi. Le soir, lorsque toute la cour a été à la représentation de Jeanne d'Arc, j'ai eu la visite de m-r Ancillon et celle de mon cher baron de Bloome, qui est arrivé tout exprès de ses terres pour faire sa cour à l'Impératrice et un peu pour me voir. Depuis le 15 nous sommes en route; je vais assez bien, Dieu merci, mais les gonflements que j'ai dans tout le corps me font penser avec raison que je reviens toute obstruée. Aussitôt arrivée à Pétersbourg, je veux me mettre entre les mains de Chreighton; je compte faire une cure des plus suivies et des plus rigides, et si je suis encore malade au printems, je partirai de suite pour Carlsbad ou pour Ems, et je m'arrêterai avant tout à Berlin pour y consulter le d-r Formey, seul médecin, peut-être, qui connaisse à fond la vertu des eaux minérales. Je

vous réponds, cher Christin, qu'il n'y aura pourtant qu'une nécessité très-urgente qui me fera quitter la Russie que j'adore plus que jamais depuis que j'ai vu quelques-uns des pays qui se vantent de leur civilisation. En vérité, nous valons bien mieux que ce que j'ai vu, tant en masse qu'individuellement.

Je suis enchantée de mon retour, je compte les heures et les minutes qui me raméneront à Pétersbourg, à ce cher palais d'hyver et même dans cet appartement où l'on ne parvient qu'en grimpant 113 marches. A propos de cela vous me pronostiquez quelquefois des choses qui arrivent: savez-vous bien que j'aurai un autre logement, je l'ai demandé à César un jour qu'il vint me voir à Weymar, et il me promit de changer le mien, et me dit qu'il s'en occuperait dès qu'il serait de retour. Pourvu que je l'aye pour l'automne prochain à ma rentrée de la campagne, c'est tout ce qu'il me faut; en attendant je prendrai patience et je monterai, toute glandulée et obstruée que je suis.

Narva, le 30 X-bre.

J'ai eu encore une rechute de mon mal de Wittemberg; cela m'est arrivé justement à Tudaïkin, d'où je devais vous envoyer cette lettre, et depuis ce jour j'ai voyagé seule avec le médecin. J'ai souffert mort et passion, les secousses de la voiture m'ont abîmée un jour à tel point que j'ai cru toucher à mon dernier moment. Dieu sait que je ne craignais pas la mort; mais de crever comme un chien dans une maison de poste me paraissait assez misérable. L'Impératrice a eu de moi des soins que je n'oublierai de mes jours. J'ai vu que je lui causais de cruelles inquiétudes! Depuis le 28 au soir je me suis sentie soulagée. Me voici, Dieu merci, à Narva, j'y ai passé une nuit assez tranquille. L'Impératrice, pour faire une surprise à ses enfans, est partie à deux heures du matin; elle dînera à Pétersbourg. Pour moi je continuerai ma route avec le d-r Rhul et je pars dans une heure, c'est-à-dire à huit heures du matin.

Le 31 X-bre, au matin.

Je suis à Pétersbourg; j'ai couché dans ma chambre, j'ai mal à la tête et je suis horriblement fatiguée. Je bénis Dieu d'être enfin en place.

CXXXII.

Moscou, le 6 janvier 1819.

Il paraît que vous avez un dérangement tenant aux maladies des femmes; j'en juge par le saffran qu'on vous a donné à Bruxelles; je voudrais que vous puissiez me dire si je me trompe, car c'est un degré de soulagement pour mon imagination que de savoir au juste de quoi vous souffrez.—Il est une chose que je désire vivement, sans espérer beaucoup que ce désir soit satisfait, c'est de lire votre journal. Vous me l'avez promis; mais Dieu sait si vous pourrez le ravoir; ceux qui le tiennent le tiendront bien, et je crains que vous même ne puissiez plus l'obtenir. Il y a mille choses dont je voudrais vous parler et que je remets à un jour où je me porterai mieux, par exemple de cet infâme complot de Bruxelles, du voyage d'Anvers manqué au moment du départ, de l'arrestation des individus compromis dans cette atrocité, des affaires d'Espagne, des folies du landgrave de Hesse-Cassel qui défend l'instruction dans ses états, et mille autres faits de cette nature.—Les Tolstoï partent demain. Moscou est désert et d'une tristesse complète. La maison de mad. la c-sse Bobrinsky est la seule un peu animée. On annonce des prophéties de mad. Krudener pour aujourd'hui; vous pensez que je n'y crois guères. Mais sans mad. Krudener et ses extravagances, les esprits sont dans une sorte d'agitation qu'il serait bien à souhaiter qu'on pût calmer; jamais cela n'a été porté à ce point. L'attente si longue de changements annoncés indirectement met tout en fermentation, et le fait, quelque fâcheux qu'il puisse être, aura, je crois, des résultats moins désastreux que la prolongation de cette incertitude indéfinie. Je suppose que les gens préposés à instruire l'Empereur, lui disent la vérité sur la situation des esprits. Il y a comme des vapeurs sinistres qui se répandent de plus en plus et qui alarment ceux qui, ainsi que moi, aiment la paix et le calme par-dessus toute chose au monde. Tout ceci entre nous, chère princesse; il me semble que je vois juste, mais pourtant il n'est pas impossible que mon imagination n'exagère un peu la chose.

CXXXIII.

Moscou, le 9 janvier 1819.

J'ai besoin de suivre votre régime et d'être au courant des progrès que vous ferez. Saugy me dit que votre cour est si nombreuse que vous ne pourrez jamais parvenir à vous reposer de vos 61 jours de voiture, de vos 68 bals et de vos 169 princes allemands, aussi longtems que vous n'entrerez pas dans une espèce de retraite, en fermant votre porte à la foule.

Ah, si pendant ma petite maladie j'avais votre journal à lire! Mais quelle folie! Mad. de Litta le donnera à la princesse Dolgorouky, celle-ci le fera passer à mad. Gouriew, qui le prêtera à la princesse Youssoupow; Marie Antonowna voudra le voir; toutes celles capables d'en comprendre et d'en apprécier le style et la grâce le liront; puis il deviendra à la mode, et celles qui ne suivent que la mode voudront le lire à tout prix pour dire qu'elles l'ont lu, et je le vois ainsi passer de main en main jusqu'à madame Dournow avant que je puisse me flatter non-seulement de le lire, mais même d'en entendre parler. Ce n'est pas que sa réputation n'arrive à Moscou, mais ce sera l'automne prochain, car il faut tout ce tems pour mettre nos esprits au courant des nouveautés. Le bruit du mariage du prince Woldemar Galitzine avec la jeune princesse Lapouchine reprend faveur ici; cela a-t-il de la probabilité pour le coup? Mille choses au prince Théodore. Vous aurez bien du plaisir à voir votre soeur Sophie; elle m'a promis de m'écrire. Qu'avez-vous dit de la mort de cet excellent comte Léon? Savez-vous que sa femme est sur le point de le suivre; hier on n'en attendait presque rien. Cette femme s'est montrée sous le jour le plus favorable depuis la perte irréparable qu'elle a faite. On la croyait plus égoïste qu'aimante, elle prouve qu'on se trompait, et si elle succombe, elle aura place dans le martyrologe de l'amour conjugal. On revient de chez elle avec la nouvelle qu'elle vomit beaucoup de sang et qu'elle est plus mal encore qu'hier.

CXXXIV.

S-t Pétersbourg, le 6 janvier 1819.

J'ai encore souffert le martyre pendant deux jours, et aujourd'hui, quoique je me sente infiniment mieux, je garde toujours mon lit. Quand je dis mon lit, j'entends parler d'un divan arrangé de coussins; j'y suis ce qu'on appelle à demeure ne le quittant ni jour ni nuit. Chreighton me donne des fondants et des bains tièdes; toute ma maladie consiste à n'avoir plus ce que les femmes ont accoutumé d'avoir; cela vient-il parce que je suis dans un tems critique ou bien d'un froid que j'aurai pris, je n'en sais rien; mais le fait est que depuis trois mois je suis plus constipée que jamais, que le mauvais goût dans la bouche subsiste toujours et que par là-dessus je suis sujette à des coliques venteuses dont je me suis déjà trouvée à la mort. Combien de tems cela durera-t-il, je l'ignore; mais ce qui est de fait, c'est que les moments où je n'éprouve aucune espèce de douleur je sens une béatitude extrême d'être enfin dans mon logis, libre de voir qui il me plaît ou de fermer ma porte. La nuit, lorsqu'il m'arrive d'être quelque tems sans dormir, je me pénétre de ce bonheur.

J'attends ma soeur Sophie demain ou après demain. Je lui prépare la surprise d'un petit trousseau; je lui ai apporté des étoffes à la mode dont elle aura de quoi se faire des robes charmantes. J'aimerais tant qu'elle s'amusât ici pendant le petit séjour qu'elle y va faire; et aussi s'amusera-t-elle, car voilà le prince Théodore qui monte un spectacle pour tout l'hyver.

1819.

I.

Moscou, le 13 janvier 1819.

J'avais à peu près deviné à quoi tenait votre incommodité. Vous êtes bien loin d'être dans la crise; si vous y étiez, je vous dirais: prenez patience et ne faites aucun remède; c'est l'affaire de la nature qui s'en tire mieux par elle-même qu'avec tous les secours de l'art. Mais ceci est un dérangement, et il faut tâcher de faire reprendre le cours ordinaire des choses: tenez-vous bien tranquille et suivez les ordonnances de Chreighton. Après un voyage on se réveille avec délice en pensant qu'on n'a plus à monter en voiture et qu'on peut se reposer tout à son aise. Mais dites-moi: où mangez-vous? Ou, pour mieux dire, d'où vous faites vous apporter à manger? Pour être tout-à-fait commodément, il faudrait avoir son petit couvert des offices de la cour et se faire servir dans sa chambre quand on le veut; si cela est ainsi, ne manquez pas de me le dire; ce me sera un grand repos d'esprit.

La princesse Boris a besoin de vous pour dire quelque chose à *m-r Le Grand* ou pour vous faire parler avec éloges d'elle, de ses fils, de ses filles, et la voilà avec ses anciennes caresses dont vous serez dupe plus d'une fois encore, parce que vous êtes facile, bonne et obligeante. Elle n'a point un mauvais coeur; bien au contraire, mais elle est si bornée qu'elle ne voit d'impossibilité à rien, et beaucoup de choses assez fortes lui ayant réussi, elle croit fermement qu'elle parviendra à tout, pourvu que chacun la serve, sans comprendre que les services qu'elle exige sont souvent absurdes. Ne voulait-elle pas que votre soeur Sophie prit ici au passage le prince Labanow pour lui persuader de faire en sorte que le comte Potemkine donne 400 mille roubles à sa femme comme une espèce de séparation? Imaginez quelle commission, Labanow passant pour faire sa cour à Lise. Vous sentez ce que Sophie en a fait. Rien n'est plus dangereux qu'une tête pleine de vanité et qui travaille toujours à enfanter de nouveaux projets qui flattent sa passion. Je ne doute point au reste que mad. Poltoratsky n'ait fait bien des commérages. Il m'en est revenu plus d'un à moi, qui suis un hermite vis-à-vis de vous. Elle a desservi plus d'une personne près de m-r Le Grand, et cela seul donne la mesure de son esprit en faisant le procès de son caractère. Elle a voulu être (je le crois fermement) ce qu'elle n'est point et ce qu'elle ne sera probablement jamais. Et je ne la crois point satisfaite d'être tout simplement l'épouse d'un général-major en garnison dans l'intérieur.

II.

S-t Pétersbourg, le 10 janvier 1819.

Quoique je n'aye pas bougé de ma chambre encore, je vous écris toujours pour vous parler de ma santé, qui sans doute a plus d'intérêt pour vous que n'en peuvent avoir les nouvelles. Vous saurez donc que depuis trois jours les fortes douleurs que j'avais dans les reins sont presqu'entièrement passées, point de spasmes, mais encore des gonflements et les jambes encore en compotes; cependant j'ai gagné également sur cet article, les playes supurant moins et me faisant moins mal, je puis marcher, ce que je n'ai pu faire pendant 48 heures; hier j'ai même fait plusieurs tours dans ma chambre à différentes reprises.

L'Empereur m'ayant fait demander de mes nouvelles hier, je lui répondis par écrit que ne souffrant plus des douleurs fortes comme la semaine passée je n'étais pas fâchée de l'état présent de ma santé, pour rester tranquillement dans mon coin. Je suis sûre que ce billet aura été fort de son goût, car il m'exhorte toujours à ne pas beaucoup sortir.

Le Conservateur, qui vous arrivera en même tems que cette lettre, vous mettra au fait de tout ce qui se passe en France. C'est une révolte complète, en trois fois 24 heures le ministère a été changé 3 fois. M-r De Cases est le seul qui ait surnagé et qui vient de le prouver authentiquement. Nesselrode est à Paris depuis le congrès d'Aix-la-Chapelle; on l'attendait ici hier, il n'est point arrivé, peut-être ces évènements auront-ils différé son départ: pour un étranger ces sortes de scènes doivent être intéressantes, et Nesselrode aura été aux premières loges pour tout voir, s'il s'est encore trouvé à Paris.

La nouvelle du massacre du roi d'Espagne se confirme encore depuis hier. Saugy est venu me dire que mad. Paliansky avait reçu une lettre de Carlsruhe de m-r Longuinow, secrétaire de l'impératrice Élisabeth, avec les détails de ce crime. Moi j'en doute, m'en rapportant au sentiment du comte Werther qui connaît mieux les choses qu'un autre. Ce comte Werther est ministre de Prusse à Madrid; se trouvant en congé à Berlin à notre passage, il fut placé en qualité de chambellan près de l'Impératrice, et il nous a accompagné jusqu'à notre frontière. Il m'a tellement assuré que l'évènement d'Espagne ne pouvait avoir lieu, que j'y crois avec la meilleure foi.

III.

Moscou, le 16 janvier 1819.

Je ne suis point en peine de vous sous le rapport des visites: vous en aurez autant que vous voudrez et parfois plus que vous ne désirerez; vous êtes en lieu où l'on n'a pas plus d'amis qu'ailleurs, mais où l'on ne manque jamais d'attentifs. Quant au conseil que vous donne l'Empereur, je suis fermement persuadé qu'il tend à votre bonheur. Quiconque sait vivre chez soi évite les neuf dixièmes des maux de ce monde, et la vraye tranquilité, le calme durable ne se trouvent presque jamais que dans l'habitude d'une certaine retraite où l'on n'ignore point ce qui se passe dans la société, mais où l'on n'y prend jamais une part active. C'est à force de vivre que je me suis convaincu de cette vérité; aussi la mets-je bien en pratique et m'en trouvé-je à merveille!

A la vérité, je ne serais étonné d'aucune entreprise atroce contre un souverain qui refuse de se soumettre au joug des idées libérales. Ces idées libérales, qui ne sont point encore définies et qui n'en ont que plus de force sur le vulgaire, sont devenues un mot de ralliement contre tout ce qui soutient *la légitimité*. Il est bien étonnant que les rois légitimes les adoptent ou en fassent le semblant. Ils en seront tous la dupe, et Dieu veuille qu'ils n'en deviennent pas les victimes! Quant à Louis XVIII, il est dans cette circonstance ce qu'il était il y a 30 ans, lorsqu'il flattait la populace de Paris et s'alliait avec tout ce qui préparait la révolution. Le funeste exemple de Louis XVI, qui de concession en concession a perdu, faute d'énergie, et le trône et la vie, ne l'a nullement changé; c'est que la faiblesse du caractère ne se corrige point. Louis XVIII a, par-dessus les défauts de son défunt frère, un fond de fausseté qui pourra hâter sa ruine. Un roi qui croit devoir toujours tromper fait un bien mauvais calcul, en ce que bientôt il ne trompe plus personne et perd l'estime publique sans retour et sans s'en douter; parce que la vanité lui fait illusion sur le but des hommages qu'on ne cesse de rendre à son rang élevé et à la puissance dont il est dépositaire, et qu'il prend ces marques de respect et de soumission pour des preuves d'attachement, jusqu'au moment tardif où quelque catastrophe dissipe l'illusion. Les révolutionnaires veulent le duc l'Orleans parce qu'il n'est pas le légitime successeur du roi, et qu'on pourra en conséquence traiter avec lui des conditions auxquelles on lui remettra une couronne, qui ne lui appartient pas.

La princesse Galitzine est tellement grosse qu'elle sera mère dans deux mois d'ici; son père se porte bien pour ses 72 ans, mais il ne saurait prendre son parti sur l'oubli absolu de m-r Gouriew et du comte Golowine, qui ne daignent plus répondre même à ses lettres. Plaignons, chère princesse, les faiblesses de nos semblables et respectons en lui son âge avancé, ses services et son patriotisme, qui, quoiqu'on en dise, sont cependant des choses réelles et prouvées. La prévention peut les nier, l'envie peut les dénigrer, mais la vérité surnagera, et Markow aux yeux de la raison passera toujours pour un homme d'état qui a bien mérité de sa patrie et que la confiance de Catherine Seconde honore dans l'esprit de tous ceux qui savent apprécier ce beau règne. C'est un grand malheur pour ce vieillard que son ambition mal entendue et son amour du jeu lui ôtent l'aplomb qui lui donnerait de la dignité et lui procurerait les égards auxquels il a droit à bien des titres.

IV.

S-t Pétersbourg, le 13 janvier 1819.

Je n'ai qu'une seule idée, une seule pensée: c'est la mort de la reine de Wurtemberg. Cette nouvelle si imprévue nous a foudroyé généralement; nous l'avons quittée le 15 novembre à Francfort, brillante de beauté, de santé, de bonheur! Personne assurément ne pouvait prévoir que dans six semaines cette même personne ne serait plus de ce monde. Elle a fini ses jours le 9 janvier nouveau style; le 5 elle avait encore écrit à l'Impératrice, elle lui parlait d'une rougeur qui lui était venue sur la figure et qui l'impatientait un peu; le 6 elle fut fort bien, sauf cette rougeur au visage; le 7 une frayeur détermina la maladie. Le feu avait pris dans la chambre de sa petite; épouvantée elle courut à la chambre de l'enfant. Comme je connais le local, je vois qu'elle aura traversé escaliers et corridors sans prendre, peut-être, les précautions qu'exigeait son incommodité. Arrivée chez l'enfant, elle trouva que l'alarme ne subsistait plus, tout était rentré dans l'ordre; mais l'effroi qu'elle avait eu lui occasionna une fièvre très-forte, et le soir même l'érysipèle se déclara. Le 8 elle souffrit horriblement, on lui entendit dire que jamais elle ne s'était sentie si mal. Cependant on faisait au château des préparatifs pour recevoir l'impératrice Élisabeth qui le 9 devait venir dîner à Stutgardt, et la reine, toute malade qu'elle était, prétendait encore lui faire les honneurs de ce dîner. Dans la nuit du 8 au 9 le transport au cerveau donna l'aperçu de son danger; les

médecins, qui ne la quittaient point, firent ce qu'ils purent: tout fut inutile. Vers le matin le transport se calma et fit place à une espèce d'insensibilité, précurseur de la mort, qui suivit bientôt après. Voilà comment une jeune femme de 30 ans a terminé sa vie! L'Impératrice est accablée de douleur, l'Empereur également. Nous voilà dans un deuil de trois mois. J'ai reçu hier une lettre de Stutgardt du comte Winzengerode. Elle n'est que de quelques lignes, il me dit: „Tout est détruit „de tout ce que vous avez vu ici d'heureux, le roi est abymé; quatre „enfans, dont deux entièrement orphelins, attirent seuls son attention. „La ville entière pleure; la cour, qui pour l'ordinaire n'a pas de phy„sionomie, fait exception dans ce moment: elle est navrée".

Je vous avoue que le roi est celui sur qui se reporte plus souvent ma pensée. Si vous aviez vu à quel point elle en était aimée, vous comprendriez quel doit être son état. Je me représente comme il la cherche partout et comme elle lui manque à tous les instants de la journée! Et pourtant avec le sentiment qu'il a eu pour elle, et que certainement il lui conservera toujours, je prévois que sa destinée sera de se remarier par des vues politiques. Ah, comme on est heureux d'être un simple particulier, quand ce ne serait que pour se soustraire à une semblable nécessité.

Sophie est arrivée Vendredy soir; je ne l'ai vue que Samedy matin; elle a dîné chez moi hier, nous avons causé comme des pies. Savez-vous qu'elle a pour vous beaucoup d'amitié et que c'est une excellente personne; elle a vraiment tout plein d'esprit et de raison.

V.

Moscou, le 20 janvier 1819.

Si jamais la fortune nous sourit, nous n'en serons ni éblouis, ni changés; si elle nous tient rigueur, nous y sommes tout accoutumés, et nous n'en murmurons point.—Ne dirait-on pas que nous sommes mari et femme à m'entendre ainsi associer nos sentiments sur notre fortune?

Il court ici un bruit comme si Woldemar Galitzine prenait sa démission et cela se rattache à l'histoire d'un bal que je ne vous conterai point, parce que si elle est vraye, vous la savez de reste. Dites moi seulement si tout cela est fondé et s'il est vrai qu'il vient d'essuyer un refus positif de la part du prince Lapouchine dont il a demandé la fille?

VI.

S-t Pétersbourg, le 16 janvier 1819.

M-r de Heroldinguen qu'on attendait de Stutgardt avec la nouvelle officielle, est arrivé; il est venu chez moi, il m'a conté à peu près tout ce que je vous ai mandé excepté qu'il nie formellement l'histoire de l'incendie; il dit bien que le feu avait pris à un rideau de fenêtre dans la chambre de la petite princesse, mais que le roi seul avait été voir ce dont il était question et que la reine n'en a eu connaissance qu'à-près et n'en a eu nulle alarme. Chreighton prétend que si on avait fait une saignée du bras au lieu d'appliquer les sangsues, le coup d'a-poplexie n'aurait pas eu lieu; car c'est une apoplexie qui a tué la reine en 25 minutes.

Vous me donnez la première nouvelle des prophéties de mad. Krudener, on n'en dit rien ici, et je suis tentée de croire qu'on invente sur cette femme bien des choses auxquelles elle n'a jamais pensé. Un libraire ne s'est-il pas avisé de mettre le roman de Jean Sbogar sous le nom de mad. Krudener pour en assurer le débit! Et cependant il n'est nullement son ouvrage. Madame Viehtingoff sa belle-soeur, que j'ai vue à Stutgardt, m'a conté que tous ces misérables qui la suivent lui font un tort inouï en inventant mille histoires qui lui sont toutes imputées; et je n'ai pas de peine à le croire, car comme elle est toute exagération et enthousiasme, elle ne se doute pas des sottises qu'on fait autour d'elle.

Vous ne trouverez dans mon journal rien de saillant, et pas un mot de cette fameuse conspiration qu'on a beaucoup trop fait mousser et dont nous ne nous sommes jamais occupées à Bruxelles, pendant qu'on faisait des arrestations.

Nesselrode est arrivé; je ne l'ai pas vu, par conséquent je ne sais pas ce qu'il conte sur le nouveau ministère; seulement il m'est revenu que dans tout ce qui s'est passé Pozzo a eu son petit bout de rôle. J'en suis fâchée: le représentant de l'Empereur de Russie ne devrait pas avoir celui qu'on lui prête.

VII.

Moscou, le 23 janvier 1819.

Vous me surprenez en me disant la nullité de vos alarmes à Bruxelles; ah, bon Dieu, que n'a-t-on pas dit ici! Un aide-de-camp de l'Empereur m-r Danilewsky assurait à qui voulait l'entendre que le complot avait été à deux doigts de son exécution. Nous n'avons pas douté que le voyage d'Anvers n'eût manqué par suite de l'arrestation de l'aide-de-camp de Vandamme, amené d'Anvers à Bruxelles, enchaîné la veille du jour où vous deviez aller à Anvers. J'ai frémi en pensant que si ce voyage eut eu lieu, l'Impératrice aurait pu être enlevée et vous de compagnie embarquée pour le champ d'asyle. Enfin, Dieu soit loué; tout cela s'est bien passé et tant tués que blessés personne n'en est mort! Mais cependant on fait une procédure à Bruxelles, et on nous promet un jugement avec la punition des coupables.

On écrit que le prince Woldemar a été définitivement débouté de ses prétentions sur m-lle Lapouchine; j'en suis fâché, mais j'espère que l'histoire du bal est un mauvais conte inventé à Moscou.

VIII.

S-t Pétersbourg, le 20 janvier 1819.

Ayez l'âme en repos: je mange des offices de la cour, et voici comment cela s'est arrangé. Le premier jour de mon arrivée ici je fis chercher le maître d'hôtel de quartier. C'était m-r Pétillard (assez médiocre par parenthèse), je lui dis que, voulant faire une cure, je le priais de m'envoyer tous les jours mon potage et une cotelette, il me répondit que rien n'était plus facile; si bien que du 1-er jusqu'au 15 cela alla à merveille. Le 16 mon domestique vint me dire que le chef de cuisine était changé et que je n'aurai pas à dîner; alors, pour ne pas traiter au bout de chaque 15-aine avec ces messieurs, j'écrivis à madame de Lieven pour la prier de demander à l'Impératrice la permission de me faire apporter deux assiettes de sa cuisine. On me répondit aussitôt que je n'avais qu'à l'ordonner; j'écrivis donc à m-r Desbleds, qui était de quartier, pour demander ce qu'il me fallait. Peu après ne voilà-t-il pas qu'il m'arrive de chez S. M. deux potages, des entrées, du rôti, des *jerchis*. Je priai qu'on me laissa faire à ma mode, et l'or-

dre a été donné une fois pour toutes de me servir ce que je voudrais et à l'heure où je le demanderais. Mais, hélas, je n'ai nul appétit et ne mange presque rien; au contraire, je boirais la mer et les poissons, et voilà ce que me défend Chreighton pour ne pas ajouter à mon gonflement habituel. Quand aux choses que vous avez devinées, il ne s'en met guères en peine; il est, dit-il, bien sûr que cela reviendra: rien qu'avec de l'exercice et des bains que je continue deux fois la semaine. Je crois vous avoir dit que ma jambe m'avait permis de descendre un moment chez la comtesse Lieven, qui nous avait donné des inquiétudes, ayant été saisie tout-à-coup d'une grosse fièvre qui l'a mise au lit. Je suis fort portée à croire qu'elle se sera fait du mal en dînant l'autre jour chez son fils; car la bonne dame est fort gourmande, quand on ne l'observe pas.

Je suis charmé de savoir que la c-sse Razoumowsky est mieux; on devrait, coûte que coûte, la tirer de Moscou pour l'amener bien vite ici; il lui faut un changement d'objets total. J'ai eu hier dans la soirée mon ami Laval, qui est d'une société aussi sensée qu'aimable; il a réellement fait plaisir à ma soeur, qui l'a entendu raisonner sur l'instruction publique d'une manière admirable. Nous avons un peu tourné et retourné le curateur Obolensky. Voilà une fière acquisition qu'on doit à m-r de Kochélew!

IX.

S-t Pétersbourg, le 28 janvier 1819.

Mes jambes vont beaucoup mieux, et s'il fait doux demain, je me propose d'aller faire une petite visite à madame de Litta. Hier j'ai vu l'Impératrice pour la première fois depuis la mort de la reine; en nous apercevant m-lle de Samoïlow et moi, elle a fondu en larmes. Vous imaginez que nous avons suivi cet exemple, et tout cela a formé une scène assez tragique. J'ai trouvé S. M. maigrie et fort triste; il lui arrive tous les jours quelque chose de Stutgardt, qui lui fait verser de nouvelles larmes; tantôt c'est une lettre du roi, tantôt quelque souvenir de la pauvre défunte. Il n'est pas vrai que le 30 X-bre on ait parlé de cette mort à Pétersbourg; à moins de la savoir par inspiration il n'y aurait pas eu moyen d'en être informé, puisqu'elle a eu lieu le 28 de notre style. On prétend que des lettres de négociants en ont parlé le 7 janvier, et dans ce cas il y aurait eu quelque vraisemblance; mais vous auriez tort de croire que cette mort n'ait pas été naturelle:

il est positif que la pauvre reine s'était refroidie à une promenade qu'elle fit aux haras d'Eslinguen: elle sortit de calèche, se mouilla les pieds ayant déjà un commencement d'érysipéle; toutes les gazettes en font foy. Imaginez que dans sa dernière lettre à l'Impératrice elle lui annonçait la mort de la reine d'Espagne. Je vous ai déjà dit que celle-ci est morte de frayeur à la suite de toutes les tortures de Calvo; elle a eu une attaque d'épilepsie qui l'a achevée en une demi heure. On a des nouvelles très-alarmantes de l'Espagne, peut-être saurons-nous dans peu tout ce qui s'y passe. En attendant l'épouse de Charles IV est également morte à Rome. C'est une véritable débacle pour les têtes couronnées; Dieu veuille que cela s'arrête là!

Sophie s'est fort amusée de vótre lettre; ce *nous* l'a fait rire comme une folle. Au reste, tout ce que vous en dites est très-juste, et je dois convenir que quant à la raison elle m'est infiniment supérieure. Ah, bon Dieu, comme je suis encore loin d'être calme et revenue de l'erreur; mais c'est que j'ai un coeur et une imagination désolante!

L'impératrice Élisabeth vient d'arriver. Voilà ma femme de chambre qui vient me l'annoncer. Elle avait couché à Czarsko-Célo, l'Empereur avait été à sa rencontre. Voilà toute la famille à la maison, et si on pouvait rester en place, ce serait très-bien fait. Monseigneur Michel arrivera aussi en may. La Harpe a écrit à l'Impératrice que d'ici là ils auraient vu tout ce qu'il y a à voir. Je n'ai jamais vu partir avec une répugnance comme celle qu'il a témoignée; c'était au point de m'impatienter; il allait en Italie comme on pourrait aller en Sibérie. En revanche le prince royal de Prusse séche sur plante pour faire ce voyage; il en a tellement envie qu'il en a pris de l'humeur contre son père, qui s'y oppose.

Woldemar Galitzine n'a jamais songé à prendre son congé; il a désiré de servir au front, et il vient de passer dans un régiment des chasseurs à cheval, cantonné à Tambow. Il part, je crois, demain; il demeure toujours aide-de-camp de l'Empereur; c'est un dépit amoureux qui lui fait faire cette démarche et non une histoire de bal dont je n'ai jamais ouï parler. Les Lapouchine lui ont donné des espérances à l'infini, et la petite surtout s'est conduite en franche coquette; c'est même sur son assentiment à elle qu'il l'a demandée, et c'est le père qui y a mis obstacle. Une petite retraite ne fera pas de mal à Woldemar qui saura tirer parti de la circonstance, s'il le veut; ses moyens sont suffisants pour cela, et j'ai toujours de l'espoir quand on a de l'esprit et le coeur bon.

X.

Moscou, le 3 février 1819.

A-t-on jamais vu mourir cinq reines en moins de six mois! Et cependant en voilà tout autant qui sont descendues au tombeau depuis le 24 juillet que mourut la reine de Suède. Je ne crois pas qu'aucune époque de l'histoire moderne puisse offrir un semblable rapprochement. Vous avez raison: Tambow et la retraite feront du bien au prince Woldemar; ce n'est pas dans le tourbillon du monde et de la cour qu'on mûrit avec fruit; la solitude seule amène les réflexions salutaires qui apprennent aux hommes à se connaître et à se bien juger. Je pense que Woldemar aura mis un peu de présomption dans son jugement; il aurait dû être plus que certain de la réussite avant de prier l'Empereur de s'intéresser à sa cause; le désagrément gît moins dans le refus en lui-même que dans la manière dont il en a provoqué la publicité.... mais dans bien peu de tems tout cela sera oublié; il fera quelque bon mariage, et on ne pensera point au passé. Il y a des gens ici qui soutiennent qu'il a eu la présomption d'engager à danser madame la grande-duchesse Alexandra, et que le grand-duc lui a fait dire par l'aide-de-camp Zakrewsky qu'il mériterait de finir sa soirée au corps de garde. Je suis charmé que cela ne soit pas vrai ou du moins pas public, puisque vous dites n'en avoir pas entendu parler.

Je suis bien aise que l'impératrice Élisabeth soit de retour en bonne santé. Elle a bien eu ses chagrins et ses peines celle-là aussi! Un frère et une belle-soeur mourants presqu'en sa présence et à la fleur de l'âge! Dites-moi cependant ce que veut dire ces funerailles précipitées de la reine de Wurtemberg? Elle meurt presque subitement le 9 janvier, et le 14 elle est déposée dans le caveau sans que les gazettes, qui donnent les détails les plus circonstanciés de la cérémonie, fassent aucune mention de l'ouverture du corps. C'est ordinairement le premier objet dont on publie le procès-verbal, et ici pas un mot.... Je vous assure que cela semble extraordinaire.

Le comte Markow m'écrit de Kiew du 22 janvier, qu'il s'y répand un bruit qu'il espère bien être sans fondement: on dit que le baron Strogonow, notre ministre à Constantinople, y a été assassiné. Si cette nouvelle était vraye malheureusement, il n'y a aucun doute qu'on le saurait à Pétersbourg avant cette lettre; si donc vous n'avez rien entendu dire de cela, n'en donnez pas la nouvelle: il est clair qu'elle serait fausse ainsi que j'aime à le croire. J'ai fait hier par miracle un

boston chez mad. Koslow jusqu'à deux heures du matin; elle vous dit cent mille tendresses. Le comte Tolstoï y était tout rempli de la nouvelle de la grossesse de la femme du prince Dmitri Galitzine; il ne peut digérer que ses contemporains fassent encore des enfants. Je vous assure qu'hier au soir la gazette et l'agriculture l'occupaient beaucoup moins que cet évènement: on croirait que le prince Dmitri et sa femme lui ont volé cet enfant-là.

XI.

S-t Pétersbourg, le 31 janvier 1819.

J'ai une paresse extrême à vous écrire aujourd'hui, mais je le fais pour vous avertir que Ribeaupierre est parti, qu'il a emporté mon journal et qu'au lieu de le mettre à votre nom il l'a mis à celui de ma tante. Voyez donc à y aller tout de suite réclamer ces papiers et dites que je vous y ai autorisé. Si par hasard il prenait fantaisie à mad. Arséniew d'en faire lecture avant vous et qu'elle vous en témoignât l'envie, je vous laisse maître absolu de l'accorder ou de la refuser. L'essentiel est que ce journal reste dans vos mains jusqu'à ce que je le réclame; je vous supplie de le tenir sous clef et là-dessus j'en appelle autant à votre prudence qu'à votre amitié. L'autre soir je reçus un billet de m-lle Nélidow qui me priait de la part de l'Impératrice de lui envoyer mon journal. Je ne perdis pas la tête, et tout de suite j'écrivis que le soi-disant journal qu'il plaisait à Sa Majesté de demander, n'était autre chose que des feuilles volantes très-mal écrites, que j'avais eu la plus grande peine à rassembler et qu'elles étaient parties pour Moscou depuis une quinzaine de jours. L'a-t-on cru ou non, je n'en sais rien; mais le fait est qu'on n'y est plus revenu, et voilà une raison qui me fait désirer que ce cahier demeure chez vous.

A moins que vous n'ayez entendu de vos deux oreilles les récits de Danilewsky que je connais, je ne croirai jamais qu'il ait pu se les permettre à tous venants. Je le crois trop sensé pour conter les sottises que vous citez; il n'a jamais été question de la saisie de l'aide-de-camp de Vandamme pendant notre séjour à Bruxelles; si on l'a arrêté, cela aura été après nous. Et puis, que peut faire un individu aussi peu signifiant? Au reste, toute cette procédure paraît tombée dans l'eau. J'ai fort aimé la manière dont l'Empereur s'est comporté dans tout cela.

Hier dans l'après-midy, comme j'étais chez la comtesse Lieven à faire sa partie de dourak, je vis entrer madame de Tolstoï qui se jeta à mon cou. „Ah, Barbe, quel bonheur“! Et moi tout de même: ‹Ah, comtesse, que je suis aise›! Et voilà des conversations sans fin et avec toute l'amitié d'autrefois. Je vous assure qu'elle était si charmée de me voir qu'elle eut de la peine à aller se présenter à l'impératrice Élisabeth chez laquelle elle s'était faite annoncer. Elle a voulu revenir passer une soirée chez mad. de Lieven et m'a engagée à m'y rendre de mon côté. Elle m'a dit que son mari vient droit ici, et pourtant je sais de voye certaine que l'Empereur veut aller à Moscou, peut-être même à la fin du mois prochain. On dit aussi qu'il veut voir de certains corps d'armée, mais de quel côté? Dieu le sait. J'aime mieux me taire que de donner de fausses nouvelles.

Adieu. Que lisez-vous maintenant? Connaissez-vous les Mémoires de l'abbé Georgel? Connaissez-vous aussi les lettres de Galiani, qui font suite à celles de mad. d'Épinay? Je les ai lues en voyage; le premier volume est ennuyeux, mais le second renferme des lettres remplies d'esprit. J'ai souvent la visite de Saugy qui va passer dans les hulans de la garde. C'est toujours un pas vers le bien, et plus de seigneurs tartares et de dames mordovines à voir. J'espère qu'avec l'aide de Dieu et de la persévérence nous en ferons un affidé de Miloradowitch.

XII.

Moscou, le 6 février 1819.

La princesse Sophie me mande que vous avez quelque idée de venir ici cet été; j'en serais enchanté, mais pourtant je ne voudrais pas que cela pût nuire à votre fortune, qui demande peut-être encore quelques sacrifices et quelque suite dans votre manière d'être. Je vois trop clairement que vous n'aimez pas votre situation et que bien des attentions flatteuses ne touchent pas votre coeur, parce qu'elles ne partent *pas d'un coeur!* Cela est triste assurément; mais qu'y faire? Vous êtes à la cour, et ce n'est pas là le temple de la cordialité. Nous n'avons pas ici de Soeurs-Grises ni de Visitandines qui puissent vous offrir une retraite honorable et décente en fournissant un aliment à votre âme pleine d'activité et de chaleur! D'ailleurs, soyez certaine que même au couvent vous auriez vos peines et vos ennuis; le bonheur parfait et suivi n'est pas l'apanage de l'homme, dans quelque situation qu'il se trouve. Dieu a voulu dans Sa sagesse que ce monde passager ne pût

jamais nous satisfaire, pour nous contraindre en quelque manière à Le chercher et à Le désirer par delà la vie. Mais Il nous permet d'arranger notre pèlerinage terrestre le moins mal que nous pouvons, et c'est de quoi nous devons tous nous occuper. Je crois que ce qui nuit le plus à cet arrangement est l'inconstance de nos goûts et l'habitude de voir le mauvais côté de ce que nous possédons et d'envisager la situation des autres sous leurs plus belles faces. Vous voyez, chère princesse, que j'en veux venir à vous persuader que la cour est votre véritable place. Vous y êtes arrivée sans l'avoir prévu; un second hasard vous y a mise au bout de 8 ans sur un pied fort distingué; votre esprit vous y fait jouer un rôle et vous y maintiendra avec le genre de supériorité qu'il vous a acquis sur vos compagnes. Vous êtes sur le point d'obtenir encore une distinction plus importante mille fois par la ligne de démarcation qu'elle établira, que par les commodités qui en seront le résultat. N'abandonnez donc pas ce plan, ne faites ni absence ni démarche qui puisse éloigner le moment de votre translation dans un autre appartement; croyez-moi, je vous en conjure; et que l'ennui de Pawlowsky ne vous rebute point. Consultez là-dessus m-r et mad. de Litta, je parie qu'ils vous diront que cet ennui n'est pas un motif suffisant pour vous faire quitter la partie, au moment peut-être de la gagner. *Vous êtes un terrain ingrat*, dites-vous dans votre journal, et les phrases ne vous semblent que des phrases; vous ne pouvez dire qu'un *je vous remercie* à tant de mots qui semblent inviter des périodes bien cadencées et bien sonnantes.... Mais cela n'y fait rien, vous ne changerez ni l'habitude des autres ni votre naturel, j'en conviens. Eh bien, tout cela s'arrangera, vous supporterez les amplifications avec patience, et on fera en tems et lieu (soyez en sûre) l'éloge de votre simplicité, qui au fond est une vertu fort rare chez les personnes qui entourent les souverains. On dira de vous: „Elle dit peu de paroles, mais ses pa„roles sont toujours vrayes“. Je défie qu'on puisse inventer un éloge plus complet d'une personne dans votre position. Cependant c'est ce qui vous attend, parce que la vérité perce toujours à la longue.

XIII.

S-t Pétersbourg, le 3 février 1819.

On peut détester m-r Gouriew tant qu'on voudra; mais je suis convaincue que jamais l'Empereur n'aura un ministre des finances plus occupé de sa besogne et qui peut-être lui rende d'aussi grands services. Je crois moi qu'il fait aller son administration le mieux du monde, et c'est de tout mon coeur que je fais des voeux pour qu'il conserve longtems sa place. Je pourrais vous citer beaucoup d'étrangers qui font passer leur argent en Russie et le placent dans la nouvelle banque comme la plus sûre et la plus avantageuse de l'Europe. Le comte de Wintzengerode, Heroldingue, Fitzthum, le comte de Bruges et sa femme, tous ceux-là et beaucoup d'autres y placent leurs fonds et par conséquent ont de la confiance dans les opérations de m-r Gouriew. Mais comme nul n'est prophête en son pays, il est tout simple qu'on veuille le charger de toutes les iniquités possibles.

Quand vous me demandez ce qu'on fait à Pétersbourg sans violons, oh, alors je peux vous répondre que, sans parler du whist qu'on trouve généralement partout, il y a pour la jeunesse la ressource des petits jeux et de la lotterie, le chat et la souris, la toilette, le voisin passant d'une maison à l'autre. On court à perte d'haleine, on tombe, on se démet les épaules, on se casse les dents. Voilà les grands plaisirs qui ont remplacé les bals. Le jeune Apraxine pour s'être démis le bras a été dans son lit une huitaine de jours; Miatlew a des bosses au front, la princesse Souworow a une dent cassée, enfin c'est l'amusement à la mode. Chez Kotchoubey on a été jusqu'à danser le cottillon sans musique, et cela avait dit-on l'air de fous. Tout cela me revient par la jeune Samoïlow qui va dans le monde et qui, Dieu merci, a conservé jusqu'ici bras, jambes et dents. Au reste, je ne crains pas que pareil malheur lui arrive: elle est en si bonne mesure dans la société que sûrement elle ne poussera personne, comme aussi personne ne s'avisera de la pousser. Elle a vraiment quelque chose de très-distingué. Tous les jours de la semaine sont pris: Le Lundy et le Jeudy chez Théodore, le Dimanche et le Vendredy chez madame Gouriew; le Mardy chez madame Narischkine, la dame d'honneur, le Mercredy chez sa belle-soeur Marie Antonne, et le Samedy chez Kotchoubey.

On m'a lu dernièrement une brochure charmante intitulée le *Nouveau Riche*. Rien au monde n'est plus spirituel. Si je pouvais vous en-

voyer cela je le ferais bien volontiers; mais il n'y a que Modène et Laval qui l'ayent. Ce dernier me l'a apporté, et Saugy, qui passait cette soirée chez moi, s'est complètement amusé de cette lecture. Mais ce qu'il y a de plaisant, c'est qu'on trouve dans cette brochure les portraits de m-r et madame Laval et que celui-ci lit ces choses-là sans s'en douter! Nous avons été mille fois à nous mordre les lévres Saugy et moi: Laval allait toujours son train.

Je ne sais rien sur le remplacement de m-r de Noailles. Ce sera le général Maison ou un autre, peu m'importe. Messieurs de la légation ne regretteront pas Noaïlles, et aucun ne désire son retour à cause de son extrême lésinerie; il faisait argent de sa place et laissait mourir de faim toute sa maison au point que ces jeunes gens étaient obligés de courir après un dîner: c'est ce qu'ils ont dit depuis le départ de l'ambassadeur, auquel certes ils ne font pas une belle réputation. Je crois que de toutes ses connaissances il n'y a que la princesse Boris qui désire de le revoir. *Le bon ambassadeur* était son ami à l'entendre. Nous avons à présent un m-r Brousasco, qui est devenu ministre de Sardaigne de chargé d'affaires qu'il était; il a présenté hier ses lettres de créance. Le comte Maistre est devenu ministre d'état et encore quelque chose de plus dans son pays; j'en suis bien aise, car il n'avait pas de quoi mettre sous la dent. Ce cher comte rapelle involontairement les Jésuites et le catholicisme; c'est donc à propos de lui que je vous dirai que la grosse Schouvalow a passé dans l'église latine. Elle a conduit ses fils chez Fellenberg et ensuite elle est allée à Paris. Sa pauvre fille ne se doute pas de cette incartade; mais son frère, le prince Tcherbatow, marié à la nièce de Kosadawlew, en a été instruit tout récemment. Ma soeur Catherine vient de nous écrire, elle se plaint de trois degrés de froid qu'il fait à Florence. Les habitants en sont consternés et comptent cela comme une grande calamité; elle même a pris son mantelet ouatté qu'elle n'avait pas vu depuis longtems; du reste, elle est toujours enchantée de l'Italie. La societé de Florence est plus aimable que jamais; les Swertchkow, les Tcherbatow, les Boutourlin, tous les jours on est ensemble. Ma soeur va passer la semaine sainte à Rome avec Marie Worontzow; elle se propose de loger chez Grégoire Gagarine, en un mot, elle tire parti de son voyage. Tatiana est toujours faible et malade. M-r Potemkine n'achète ni marbres ni tableaux, à la grande satisfaction de la princesse Youssoupow, qui s'amuse à entasser les revenus de ce fils déjà si riche.

XIV.

Moscou, le 10 février 1819.

Si vous saviez tous les détails qu'on a donné ici sur la gestion des finances, vous seriez forcée de croire que tant de fumée noire ne peut venir sans un feu caché quelque part. Au reste, n'y prenant, Dieu merci, aucun intérêt direct ni indirect, je vous rends tout cela comme on me le donne, et je suis charmé quand vous me redressez. Ce n'est pas aux particuliers que la banque d'amortissement est préjudiciable; bien au contraire, c'est le gros intérêt qu'elle paye aux prêteurs qui la rend à charge à l'état dont elle devrait diminuer la dette. C'est donc la caisse impériale qui est en souffrance; et on assure que les banquiers étrangers ont prouvé cette vérité à l'Empereur quand il les a fait consulter sur cette opération de son ministre. Peut-être n'y a-t-il pas un mot de vrai dans cette consultation, je ne suis étonné de rien de la part de l'envie et des envieux: ils inventent et composent à dire d'experts. Ce qui s'est débité sur la caisse des apanages révisée par m-r Campenhausen et sur les dire du teneur de livres de cette caisse est bien plus fort encore et même est si fort que dès l'instant j'ai tout-à-fait refusé d'y croire. Ensuite, le congé de m-r Opotchinine n'a pas calmé les caquets, comme vous pensez bien.

Je veux vous parler de votre journal. La curiosité de ce qu'apprendra la page suivante nuit à celle qu'on lit. La première chose qui me frappe est un trait de caractère qui vous fait beaucoup d'honneur. Vous êtes partie bien portante et vous avez promis d'écrire sans prévoir ni les fatigues excessives ni la maladie qui n'a cessé de vous tourmenter; cependant vous n'avez pas discontinué un seul jour de tenir parole et vous avez poussé jusqu'au bout une tâche que mille autres en pareilles circonstances auraient abandonnés. Cela est très-caractéristique. Ensuite, l'esprit de vérité et de franchise qui dicte tout ce que vous avez écrit et le style simple et uni que vous employez dans des circonstances qui prêteraient à des exagérations d'amour-propre ou de vanité; tout cela vous peint d'une manière infiniment aimable aux yeux de quiconque connaît un peu le coeur humain et ses faiblesses, et sait apprécier le véritable esprit qui ne gît pas seulement dans ce qu'on dit, mais aussi dans ce qu'on ne dit pas. Vous avez trouvé le talent pendant 224 pages de parler toujours de vous et de n'être presque jamais en scène, ce qui n'est pas un médiocre mérite. Quant à la manière piquante dont vous rendez ce que vous avez vu, on n'y peut

rien ajouter, et j'en ai joui avec délices; mais cela ne m'a point surpris: je m'y attendais et je connaissais à cet égard votre manière de peindre.

Avez vous eu quelques détails sur la révolte des écoliers du Collège de Louis-le-Grand? Je viens de lire une lettre de Paris qui en fait un narré fort remarquable. Le premier point qu'ils ont demandé pour rentrer dans le devoir, c'est de n'être plus menés à vêpres les Dimanches et fêtes. Ils criaient à tue-tête: *Vive notre réviseur Collard qui ne croit pas en Dieu*; et ainsi de suite. J'espère que voilà du libéral et de l'archi-libéral encore!

XV.

S-t Pétersbourg, le 6 février 1819.

Vous avez raison, vous ne me convertirez jamais, et dussiez vous me faire lire toute l'histoire tant ancienne que moderne, vous ne parviendriez pas à me prouvez que les idées de l'homme doivent demeurer toujours les mêmes lorsque les siécles ont amenés tant de changements. Il est impossible de tendre le cou à des actes que l'humanité réprouve, et de se laisser brûler et torturer par Ferdinand VII, parce que pareille chose se faisait sous Philippe II. Lorsque vous me citez les horreurs qui se sont commises en France au Temple et dans les prisons, cela ne prouve rien contre le gouvernement représentatif; il n'y en avait même pas du tems de Bonaparte qui était plus despote peut-être que le dey d'Alger; de sorte que les actes de cruautés qui ont eu lieu sous lui ont été comme en Espagne affaire de passion ou de caprice. Je vous répète toujours que je ne prétends point aller contre la légitimité des souverains, je respecte leurs droits; mais je ne pense pas qu'il suffise d'être le fils de son père pour avoir le talent de gouverner un état; et en vérité, monsieur, quelque chose que vous prissiez dire, on en viendra à mon principe et point du tout au vôtre. *Altri tempi!* Au reste, ne traitons plus cette matière, je vous le demande en grâce: je ne me flatte pas de vous persuader; de votre côté vous ne me convaincrez pas; a quoi bon parler donc d'un sujet qui ne peut amener qu'à de la controverse?

J'ai une répugnance extrême à sortir, et cependant il faudra le faire un de ces jours; car j'ai donné du nez avant-hier contre la princesse Woldemar et la c-esse Strogonow qui ont jetté les hauts cris en m'appercevant et m'ont fort priée d'aller les voir. C'est la première

fois que j'ai aperçu la c-esse Strogonow depuis son veuvage; je suis restée immobile en voyant combien elle a rajeuni: une mise des plus élégantes et un air de jubilation à ne pas vous le rendre. Je me souviens que je m'étais si bien arrangée à la faire mourir tout de suite après son mari, que de la retrouver ainsi m'a véritablement fait mal. J'aurais été enchantée de lui voir la tête grise et le costume d'une veuve de l'ancienne roche; mais ce contraste frappant m'a attérée. Nous avons causé de la meilleure amitié du monde et j'ai vu qu'elle était toujours la même que par le passé. C'est chez la c-esse de Lieven que j'ai rencontré ces dames; elles allaient en *fiochi* faire leur cour à l'impératrice Élisabeth. Le lendemain la princesse Woldemar a eu une surprise assez désagréable. On lui a annoncé la mort de la baronne Strogonow, qui a fini tout d'un coup, sans qu'on s'y attendit. Elle avait dîné chez elle avec madame Meilhan et s'était plaint un moment pendant le repas de n'y pas voir très-clair, ce qu'on attribua à de la faiblesse. Au sortir de table elle reprit un ouvrage qu'elle faisait, et tout allait comme de coutume, lorsqu'à 7 heures elle éprouva l'envie d'aller à la garde-robe. A peine arrivée dans le cabinet, elle eut un vertige, c'était un coup d'apoplexie, on ne l'en sortit que morte. Je suis loin de regretter la baronne, d'abord parce qu'elle était si bonne qu'il y a tout lieu de croire qu'elle sera bien là où elle est maintenant; ensuite, parce que depuis la mort de son fils, son *existence* était devenue une espèce de végétation, car elle en avait enterré les trois quarts avec lui. Si quelqu'un est digne de campassion c'est sa pauvre vielle soeur Soltikow, qui passait sa vie chez elle et qui va se trouver vis-à-vis de son indigne fils, à moins que la princesse Woldemar ne la receuille. C'est le baron Grégoire Strogonow qui hérite des biens de la baronne; mais elle s'est, dit-on, réservé le droit de faire quelques legs. On prétend qu'elle a laissé cent mille roubles à Lise Narischkine, la fille du maître des cérémonies; dix mille à madame Meilhan et encore quelques autres dont je ne me souviens pas. Ce qu'il y a de touchant, c'est qu'on a trouvé un mouchoir derrière ses images avec un papier sur le quel était écrit l'ordre de lui en couvrir le visage, parce qu'il avait couvert celui de son fils. Elle ordonne que ce mouchoir soit enterré avec elle. Je crois qu'elle s'adresse pour tout cela à la comtesse Strogonow comme à son exécutrice testamentaire.

XVI.

Moscou, le 13 février 1819.

J'ai été confondu en voyant le prince Théodore; il était svelte l'année passée en comparaison de ce qu'il est aujourd'hui: rien n'est égal à la rotondité de sa taille, si ce n'est la fraîcheur de son teint. Et c'est sur les grands chemins ou à une table de jeu que tout cela se conserve. C'est merveilleux! J'imagine que Bacchus était fait sur ce modèle et que c'est pourquoi il inspirait la joye et l'allègresse en se montrant. Il m'a dit que vous l'aviez chargé de reprendre votre journal pour le lire en voyage. J'ai à peine convenu que je l'avais vu, et j'ai dit que je ne l'avais plus, sans m'expliquer davantage. C'est à vous, chère princesse, à bien peser s'il est prudent de le laisser courir.... Je vous avoue que j'y vois des inconvénients; quand 5 ou 6 personnes l'auront lu, on ne croira plus devoir en faire mystère, on vous le demandera, et Dieu veuille qu'on ne le communique pas sans le demander et qu'il ne fasse ainsi plus de chemin que de raison. Souvenez-vous qu'il y a des pages dont on pourrait faire un cruel usage, et n'oubliez pas que les hommes en général sont capables de grandes perfidies.

Je ferai vos compliments au c-te Markow; il y sera sensible. On lui prouve clairement qu'il n'a plus d'amis à Pétersbourg; pour moi je crois qu'il n'en a jamais eu. On aimait sa faveur il y a 25 ans; on a eu quelques égards depuis pour les restes d'une considération qu'on n'était pas à portée de juger bien nettement. Mais sans doute quelque chose a prouvé qu'il n'y avait plus rien pour lui dans l'opinion du Maître, et de ce moment tout décorum a fini: on ne s'est plus donné la peine de se contraindre, et il reçoit souvent le coup de pied de l'âne sans pouvoir se le dissimuler. Je suis fâché qu'il en soit si étonné; il aurait dû s'y attendre; il devrait s'y résigner et faire usage de quelque phylosophie; qu'il attende un peu, et d'autres le vengeront. Il n'y a de paix que dans l'indifférence sur les choses de cette nature. Sa fille est heureuse, la voilà mariée, bientôt mère.... N'est-ce pas là où un homme dans sa 73-ème année devrait chercher et trouver le bonheur? Mais ce monde qui nous quitte et que nous ne pouvons abandonner est une terrible chose. L'âge n'a aucun pouvoir sur cette funeste passion; la raison s'éclipse devant des illusions que nous voulons garder à tout prix et malgré l'évidence. L'homme est bercé d'illusions depuis l'enfance jusqu'au tombeau!

XVII.

S-t Pétersbourg, le 12 février 1819.

J'ai fait mes adieux à Voldemar Galitzine Dimanche dernier. Je le regrette pour moi, car j'aimais à le voir; mais je suis bien aise qu'il aille un peu se calmer loin de Pétersbourg. Son histoire avec la princesse Lapouchine ne peut être qu'au détriment de la demoiselle et surtout de sa mère; elles lui ont donné les plus fortes espérances, on a été jusqu'à lui montrer l'appartement qu'on voulait leur faire occuper, et je pense qu'après cela on peut se présenter comme promis en forme. Quant à sa démarche auprès de l'Empereur, il n'a fait que suivre l'exemple de tant d'autres; maintenant il est tellement reçu de n'avoir pas un autre confident dans les amours et les mariages qu'on ne se fait plus le moindre scrupule d'aller frapper à cette porte. Galitzine y a été comme tous ses camarades, l'Empereur le reçut avec bonté et députa Czernichew pour attendrir le père Lapouchine, car on se croyait à peu près assuré de la mère et de la fille. Je ne sais pas dans quels termes a parlé cet envoyé, mais le père a répété *non*, et ayant fait venir les dames leur a fait dire la même chose, sur quoi Voldemar, beaucoup plus piqué que touché, a demandé à partir. Voilà l'histoire telle qu'elle est. Quant à celle du bal c'est un fagot; si même il avait pensé à engager la grande-duchesse à danser, ce qui ne se fait jamais, je vous réponds que le grand-duc n'aurait pas osé faire dire une impertinence à un aide-de-camp de l'Empereur; il n'a le droit d'envoyer au corps de garde qu'un soldat du régiment d'Izmaïlowsky dont il est le chef, ou de la compagnie des sapeurs. Dieu préserve qu'il se donnât ces airs-là avec qui que ce soit.

La comtesse Tolstoï attend son mari aujourd'hui ou demain; l'Empereur, qui est venu chez mad. de Lieven comme nous y étions mad. Tolstoï et moi, lui a dit qu'il lui avait *permis* cette course. Quand vous dites qu'il est *appelé* vous êtes dans l'erreur, et il faut que je vous redresse. Chaque chef d'un corps d'armée a le droit de venir passer quelques semaines à Pétersbourg, mais il ne peut y en avoir qu'un à la fois ici. Le prince Dmitri a commencé; et comme il vient de partir, voilà Tolstoï qui arrive et qui fera place bientôt à Raewsky et ainsi à tour de rôle. Ceci ne veut donc pas dire être appelé, l'entendez-vous bien? C'est user d'une prérogative attachée au rang de ces messieurs.

XVIII.

Moscou, le 20 février 1819.

Avez-vous lu dans la gazette de Francfort du 1-er février un article de Varsovie qui annonce qu'à la première diète les provinces Russes-polonaises seront réunies au royaume de Pologne? Cette gazette ayant passé à la censure sans difficulté, fait croire à bien des gens que cette nouvelle n'est point destituée de fondement. Ce serait la première fois que l'Empire Russe ferait un pas retrograd ; je l'appelle ainsi, parce que ces deux états quoique sous la domination du même souverain, sont pourtant très-distincts et que personne ne peut prévoir les évènements qui dans l'avenir pourront en amener la séparation. Or, le cas échéant de cette séparation, la Russie aurait perdu les plus belles de ses provinces. Je sais bien que le gazettier qui annonce cette réunion se sert d'un adage latin qui dit: *suum cuique*, c'est-à-dire, *à chacun le sien*; mais si cette manière d'arguer était admise, comment conserverions-nous la Finlande et même la Livonie; à quel titre la Prusse jouirait-elle d'une partie des états du roi de Saxe, et le prince d'Orange de la Belgique etc. etc. etc. cent mille et cetera. Il me tarde de voir le développement de toutes les nouveautés que l'état actuel de l'Europe nous promet. C'est un spectacle intéressant pour quiconque n'y a nul intérêt direct et n'est que simple spectateur. Aussi voudrais-je être assuré de 10 ans de vie encore par pure curiosité, car dans dix ans les choses auront à coup sûr changé de face, ou les rois auront changé d'opinions et en seront revenus aux principes royalistes.

XIX.

S-t Pétersbourg, le 17 février 1819.

Mon ami Laval m'a apporté l'autre jour le nouvel ouvrage de Pradt, le *Congrès d'Aix-la-Chapelle*, nous en avons lu plusieurs fragments ensemble, j'en ai trouvé d'extrêmement brillants et une manière de parler de l'Empereur qui m'a ravie. Au reste il ne cesse d'effrayer le genre humain des forces gigantesques de la Russie dont il avait déjà parlé plus d'une fois. A l'entendre nous allons avaler toute l'Europe. Tâchez de vous procurer cette brochure, elle vaut bien la peine d'être lue, je vous en réponds. Il y a cependant beaucoup de choses qui n'auront pas votre sanction; un passage entre autres que j'ai retenu parfaitement. «Les quatre grands éléments dont se compose la civilisation mo-«derne, sont: la presse, le grand commerce maritime, la communication «des peuples entre eux, et ce qui sera plus puissant que tous ces mo-«biles, la formation de gouvernements représentatifs». C'est de la contrebande pour vous. Hem!

Vos élèves de Louis-le-Grand ne sont pas des libéraux, ce sont des effrénés; il ne faut jamais confondre une honnête liberté avec la licence, et voilà ce que messieurs *les ultra* ont grand soin de donner l'un pour l'autre. Des polissons qui ne veulent pas aller à vêpres ne représentent que des misérables qu'aucun gouvernement au monde ne peut tolérer; c'est du tems de la dupe de la raison qu'une incartade de ce genre eût pu passer! Au nom de Dieu, ne tombez pas dans ces exagérations-là, qui vraiment ne sont pas tolérables; je ne les conçois pas avec l'esprit sage que vous avez.

Adieu sur tout cela; il sonne minuit, et je vais me coucher. Soyez tranquille: je ne quitterai pas la cour cette année *à moins que je ne meure*. Dans ce moment cela m'est impossible par bien des raisons. Si je trouve une bonne occasion pour faire le voyage de Moscou cet été, je le ferai positivement; car j'ai grande envie d'esquiver les toilettes de la campagne et de me reposer totalement pendant six semaines ou deux mois.

XX.

Moscou, le 24 février 1819.

Je tâcherai de me procurer *le Congrès d'Aix-la-Chapelle* de m-r de Pradt qui en tout est bien loin d'être mon auteur favori. Un adorateur de Bonaparte tout puissant, qui lui tourne le dos le jour de sa disgrâce, après l'avoir servi dans ses opérations les plus tyranniques, a très-mauvaise grâce à prêcher les constitutions libérales. Si Louis 18 était un Louis 14, m-r de Pradt signerait la révocation de l'édit de Nantes et serait aux pieds des favorites, prêt à tout faire pour arriver à la faveur. Aujourd'hui qu'on lie les mains des souverains et que la mode est de pousser les peuples en avant il se fait un chef de file de ce parti-là. Mais si l'empereur Alexandre qui Dieu merci jouit encore de toutes les prérogatives royales, se donnait le plaisir d'éprouver notre évêque-publiciste en lui offrant quelque place lucrative dont l'exercice n'admettrait que l'arbitraire, vous le verriez aussi despote en actions qu'il est aujourd'hui libéral en paroles. Les auteurs de ce genre ne me persuadent guères. Je suis trop vieux pour me laisser prendre à l'amorce des nouveautés. Ce n'est pas que je sois, ainsi que vous le supposez, encrouté de vieux préjugés; je vois un léger bien sorti d'un déluge de maux, et comme la plupart de ces maux sont irréparables, je trouve qu'il ne faut pas rejeter le bien qu'ils ont pu produire. Mais en même tems je crois qu'il faut être dans la démence pour vouloir acquérir ces biens au même prix, c'est-à-dire pour sacrifier une génération présente à une génération qui n'existe pas encore. Aussi personne ne le veut ainsi, chacun au contraire espère de gagner quelque chose à un changement qu'on se flatte de pouvoir opérer sans courir les mêmes risques, et c'est justement là l'erreur. Mon voisin avait une maison assez logeable, mais son inquiétude naturelle et son goût pour le changement lui ont fait mettre le marteau partout jusqu'à la pierre angulaire qui soutenait l'édifice; il en est resulté que tout a croulé et que le voisin a péri sous ses ruines; ses enfans, après bien des souffrances sous de mauvais tuteurs, sont devenus majeurs, ont fouillé les décombres et y ont trouvé de quoi rebâtir une autre maison qui est loin d'avoir une architecture aussi noble, mais qui leur semble plus commode à habiter et d'une construction plus durable quoiqu'elle n'ait point encore passé par l'épreuve du tems. S'en suit-il que je doive envier ces enfans qui ont payé si cher leur nouvelle demeure, et surtout que je doive m'exposer à périr sous les ruines de ma maison dans

l'espoir que mes enfans auront le même avantage que ceux du voisin? Répondez-moi à cette question, et entendons-nous bien sur mon royalisme. Je ne désire aucune contre-révolution en France; Dieu veuille que les Français se trouvent bien de leur gouvernement actuel; mais l'exemple de la France me fait peur, et je crains toute innovation, parce que les innovations amènent les boulversements. Je redoute surtout les changements marquants dans un pays à peine civilisé, où le tems seul amènera les choses que les hommes pourront seconder, mais dont ils ne peuvent sans péril prévenir les époques marquées par les progrès toujours lents d'une civilisation plus ou moins tardive. Voilà ma profession de foi pure et simple. Mes sentimens sur les hommes qui ont troublé l'Europe sont aussi fort indépendants de la fortune qu'ils ont faite. A mes yeux le prince de Talleyrand ne sera jamais qu'un scélérat enrichi. Fouché comme moins hypocrite m'est aussi moins odieux.

XXI.

S-t Pétersbourg, le 20 février 1819.

Je n'ai pas trouvé Théodore plus gros cette année qu'il ne l'était à Moscou; je crois même que les eaux de Carlsbad l'ont aminci, mais il est possible que depuis son retour il ait engraissé de nouveau, car il mange à faire trembler, et quoi encore? Tout ce qu'il y a de plus gras au monde, de plus indigeste, et puis ce qui lui fait le plus de mal c'est l'abus des boissons, non qu'il s'agisse de vin, mais de tout ce dont on a coutume de se régaler en Russie, le кислы щи, l'hydromel et les différentes eaux de fruit, les différents syrops; vous connaissez les boyars qui donnent dans ce genre. Eh bien, Théodore en est un de cette espèce; il se donne tous ces petits agréments de la vie au détriment de sa santé et par conséquent de sa taille. En revanche, sa femme est comme une ombre. Il y a longtems que la comtesse Annette Tolstoï, née Protassow, a dit sur leur compte quelque chose de très-drôle; elle les a comparé au songe de Pharaon, voyant dans l'un les sept années d'abondance et dans l'autre les sept années de famine. Quant à la bonne vieille princesse Prozorowsky, elle m'a tout l'air de s'en aller bientôt, elle s'affaiblit de jour en jour. Je ne regretterais pas plus cette chère princesse que la baronne Strogonow: c'est la même bonté, par conséquent la même sécurité pour son avenir. Ribeau-

pierre est de retour depuis Mardy; je le vis hier chez Gouriew, il est bien peiné de n'avoir pas eu la possibilité de vous voir, mais il est certain qu'il a eu bien peu de tems libre. Vous savez que c'est en grande partie les affaires de la banque qui l'ont fait aller à Moscou de sorte qu'il en a été presque toujours occupé. La course qu'il a faite ensuite dans ses terres a eu un excellent résultat: il en a rapporté des galions; c'est énorme ce qu'il a pu vendre de blé cette année-ci! Dieu veuille lui en envoyer toujours d'aussi bonnes; car j'ai fort à coeur qu'il paye ses dettes; tant qu'on en a, je ne pense pas qu'on puisse dormir tranquillement. Vous ai-je dit que moi j'étais revenu aussi avec des dettes; je crois en vérité que c'est pour être à l'ordre du jour. Le fait est que je dois 800 roubles au comte Litta, 600 francs au prince Basile Dolgorouky et 500 roubles au grand-duc Michel. Que mes dentelles se vendent aujourd'hui, et demain je ne devrai plus rien. Madame Tolstoï devrait me les acheter pour le trousseau de Sophie dont on dit le mariage tout décidé. Madame de Nesselrode qui est à Paris voit beaucoup Eudoxie, elle en est très contente, le rapport qu'elle en a fait à sa mère m'a réellement fait plaisir; elle aime son mari, lui obéit avec la docilité d'une enfant, s'occupe beaucoup de sa petite, ne fait pas la moindre dépense, enfin se conduit à merveille.

Il est arrivé ici le général d'Auvray que j'ai vu à Varsovie et que je connais d'ailleurs depuis longtems, car il est à notre service depuis des siècles. Tout en causant avec lui hier chez moi, je lui demandai s'il n'avait point la brochure que vous m'avez recommandée? Il ouvrit de grands yeux ne sachant ce que cela voulait dire; pour le mettre au fait je lui lus le passage de votre lettre qui en parle. Il n'en a pas su davantage et m'a assuré que jamais pareille chose n'avait parue à Varsovie; il croit que ce sera quelqu'écrit imprimé à huis clos et venant de Volhynie ou de Podolie, mais pour avoir été publié à Varsovie il soutient que cela n'est pas. Ce même général m'a dit que la femme du prince Adam Czartorysky est si malade et si faible qu'il est à croire qu'elle ne vivra pas longtems; mais toute vieille et malade qu'elle soit elle se mèle toujours de régler le sort de la Pologne. Elle a saisi l'Empereur à son passage et lui a dit-on prêché de nouveau la réunion de la Galicie au grand empire russe. On lui en a fait sentir l'impossibilité et l'inconvénance d'en parler. Soyez sûr que ce n'est pas l'attachement qu'elle a pour la Galicie qui la fait se mêler de tout cela, mais uniquement pour jouer un rôle parmi les siens et se donner l'air d'une patriote comme elle l'a toujours affecté. La connaissez-vous cette sempiternelle? Elle m'a souverainement déplu. Son mari paraît aussi tirer à sa fin.

Le 21 février.

Toute la famille Impériale est en dévotion cette semaine et va ce soir à confesse. Moi je vais tenir compagnie à la comtesse Lieven dont le rhume ne veut point passer. Elle a vu trop de monde, elle a trop causé, ce qui lui a donné de la fièvre et de l'irritation. L'Impératrice a donné ordre de n'y recevoir que les personnes de sa famille et moi qui vais faire sa partie de dourak. Voilà donc ce qui m'attend pour aujourd'hui, et à cet effet je dîne à la maison. Ma soeur ne cesse de courir d'un Galitzine à l'autre; Serge lui monte la tête pour un voyage à Kiew qu'il se propose de faire dans le courant de l'été. Je ne comprends pas comment cela s'arrangerait avec les noces d'Apraxine qui doivent avoir lieu en juillet à Lgova. En tout cas ma soeur n'aura garde de refuser Kiew; je l'engage à y aller pour bien prendre connaissance du local afin de se ménager un lieu de retraite pour les tems à venir. Bien entendu avec moi.

XXII.

Moscou, le 27 février 1819.

Votre général Daunay (si j'ai bien lu son nom) ne s'est probablement occupé en Pologne que du militaire et nullement de la politique, et c'est en quoi je l'approuve beaucoup; mais je récuse son témoignage quand il nie l'existence des représentations respectueuses faites par les communes à S. M. I. et R. Sans doute je me suis trop brièvement expliqué en vous parlant de cela comme d'une simple brochure. Ce sont les actes des séances de la chambre des représentants du royaume de Pologne; c'est comme qui dirait le protocole de ce qui s'y passe jour par jour, imprimé à Varsovie de l'imprimerie du gouvernement. C'est le prince Wiazemsky qui en a apporté la collection à m-r Dmitriew, ci-devant ministre de la justice, et c'est chez ce dernier que je l'ai lû. Rien au monde n'est plus officiel et plus véritable. Cependant, puisqu'on n'en parle pas, ne citez, je vous prie, aucun de ces messieurs. J'irai au premier moment chez m-r Dmitriew qui me prêtera ce livre, et je vous en copierai quelques morceaux saillants. Il n'y a point là d'impression clandestine ni de supposition; ce sont des actes officiels et qui vont droit à l'Empereur. C'est même à cause de lui que ces actes

sont rédigés en français et non en polonais. Je n'ai jamais vu la вѣдьма Czartoryska, mais j'en ai furieusement entendu parler. Ce n'est pas une patriote, mais bien une enragée et pourtant cédant aux circonstances quand sa vanité y trouvait son compte. Elle avait obligé ses deux fils à jurer haine éternelle à la Russie en 1794. L'Impératrice Catherine qui connaissait un peu le coeur humain, jugea à propos d'appeler ces deux jeunes princes à la cour comme des espèces d'otages; mais elle les combla d'agréments et d'attentions, et aussitôt la princesse-mère y répondit par des protestations qui, si elles étaient sincères, prouvaient une absence totale de caractère, et si elles étaient fausses montraient une extrême lâcheté. Elle et son mari doivent être vieux comme Adam et Éve.

XXIII.

Moscou, le 3 mars 1819.

Quelles nouvelles avez-vous de la princesse Catherine et de la santé de Tatiana? Sa soeur Poltoratsky m'engage à l'aller voir; c'est-à-dire qu'elle est surprise que je ne l'aye point encore fait et le dit à des personnes qu'elle sait bien qui me le rediront. Cela est très-obligeant, mais je n'irai pas davantage. Cette société des Poltaratsky, Gagarine et Potemkine est composée de gens beaucoup trop jeunes pour moi; je me trouve mieux de ma manière. Cependant parfois je traverse la rue pour ma voisine Kozlow où je passe alors une heure de l'avant-soirée, c'est-à-dire de 8 à 9. J'aime cette maison pour sa proximité et la bonhomie des maîtres qui me laissent partir quand je veux sans questions ni remarques. Et puis là je suis une espèce *de jeune coq* auprès des poulettes qui s'y rassemblent. Je prends les cartes de mad. Kozlow et je fais deux tours de boston avec la princesse Anne Afanaciewna de Géorgie, la princesse Anne Basiliewna Galitzine (la sourde) et sa soeur Cherémétew, ou bien mademoiselle Kisselew, la tante de l'aide-de-camp. Je trouve ces femmes charmantes: elles sont si polies, si prévenantes, elles vous tiennent tellement compte d'un petit brin de complaisance qu'il y a plaisir à les obliger. Le marquis de Rivière faisait sa cour à une dame un peu plus que sur le retour; je lui en témoignais ma surprise. «Il est vrai», me dit-il, «qu'elle est un peu *faisandée*; mais, mon cher, c'est du gibier d'amateur; d'autres ont peut-être l'extérieur plus agréable, mais nulle ne pourrait avoir un

coeur plus reconnaissant, et à tout prendre je pense qu'il y a plus de plaisir à faire une heureuse qu'à être heureux soi-même». Ce qu'il pensait pour l'amour, je le pense pour le boston et je dis: vivent les jou euses de 60 ans!

XXIV.

S-t Pétersbourg, le 27 février 1819.

J'étais malade. Il faudrait que je demeurasse sans bouger couchée sur le dos, mais cela est impossible; car l'Impératrice veut que j'aille régulièrement tous les soirs chez la comtesse Lieven. Je crois même vous avoir dit qu'elle nous y a mis de service la c-esse Samoïlow et moi: l'une doit y aller jouer au piquet le matin; l'autre jouer au dourak le soir; on ne veut pas que la vieille parle, et c'est de cette manière qu'on lui fait passer le tems. Vous sentez que de traverser ces chiens de corridors ne me fait pas grand bien; mais le moyen de remédier à cela! L'Impératrice n'admet pas qu'on puisse être malade dès qu'on n'est pas alitée. Hier comme Sa Majesté était chez mad. de Lieven, ne voilà-t-il pas qu'elle me demande si mon journal est de retour? Moi sans me déconcerter je répondis: «Madame, il ne reviendra jamais, car cela n'en vaut pas la peine; j'ai eu l'honneur de dire à V. M. que ce n'était pas autre chose que des feuilles détachées et tellement griffonnées que je ne me donnerais jamais la peine de les arranger. On les lira à Moscou pour savoir à peu près ce que j'ai fait, et puis je pense qu'on en fera des papillottes, puisqu'on sait que je ne m'en soucie point». A-t-elle ajouté foi à tout cela, je n'en sais rien, je ne m'en départirai plus, et je vous supplie plus que jamais d'enfermer ce cahier de façon à ce qu'il ne voye jamais le jour. Et vous qui croyez que je voulais le confier au prince Théodore! Non, vous êtes d'une innocence comme on l'était à l'âge d'or.—J'ai eu des nouvelles de Florence qui m'apprennent l'heureuse délivrance de Sophie Tcherbatow. Voilà ce que c'est que d'être partie à tems! Le grand-duc Michel et la comtesse Boutourline en ont été les parrains et marraines. Ma soeur me dit beaucoup de bien du grand-duc; il s'est fort bien montré à Florence et a été en général fort en mesure, ce qui m'a fait grand plaisir; car j'aime ce jeune prince: je lui trouve bien plus d'étoffe qu'à son frère Nicolas qui n'est pas mal courtisan, quoiqu'il pourrait bien s'en passer. En revanche, la femme de ce dernier a singulièrement gagné pour tout, et la figure et la manière d'être. C'est une diffé-

rence énorme avec tout ce que j'ai vu des princesses de la famille à Berlin, quoiqu'il y en ait qui passent pour des merveilles.

Permettez que je vous attaque de nouveau sur votre innocence. Je suis sûre qu'aucun Polonais n'aura ajouté foi à cette *annexation* des provinces russes au royaume de Pologne. Si l'Empereur a lu cet article, je pense qu'un sourire machiavelique se sera promené sur ses lévres. Eh, cher ami, soyez tranquille: ce qui est bon à prendre est bon à garder. Croyez-moi, c'est une maxime qui se transmet avec l'héritage qu'on reçoit de ses pères, et le libéralisme n'y porte pas la moindre atteinte, je vous assure.

J'ai eu hier la visite de Czernichew; je souffrais le martire, mais je n'ai pas osé le refuser à cause de sa susceptibilité en amitié comme en amour. Il m'a lu une lettre de sa femme, qui est bien la chose la plus indigne qu'on puisse voir; il n'y a ni sentiment ni raison; un fatras d'extravagance qu'elle croit être le langage de la générosité ou de l'héroïsme. Enfin, une proposition de la rendre à la liberté; il y est, Dieu mercy, tout-à-fait déterminé, et m'a lu une lettre qu'il écrit à ce sujet à m-r Nowosiltzow, que j'ai fort approuvée. Il n'est pas juste qu'à 32 ans cet homme renonce à toute idée de bonheur; il peut se remarier et à l'instar de Troubetzkoy trouver une femme meilleure que la première. Je vous avoue qu'il sera un peu hasardeux de l'épouser: ses jalousies ont trop couru le monde, mais enfin nous verrons. Le général Kisselew vient d'avoir une destination très-brillante: il a été fait chef d'état-major de la seconde armée; c'est-à-dire le pendant de Diebitch qui est lieutenant-général et chevalier de S-t Alexandre. Kisselew a ce poste avec le rang de général-major. Je ne sais pas trop si le comte Witgenstein sera fort aise de le voir à ses côtés, mais il faudra bien qu'il en prenne son parti.

J'ai eu un mot de Voldemar Galitzine de Moscou; mais n'en dites rien à Théodore, car il n'a écrit qu'à moi, et vous savez comment sont les parens là-dessus.

XXV.

Moscou, le 6 mars 1819.

Mon innocence, dites-vous, tient à l'âge d'or; cela est très-flatteur assurément, et je suis fâché de ne pouvoir vous rendre le compliment; mais j'affirme moi que votre injustice est tout-à-fait de l'âge de fer. Ne dirait-on pas que c'est moi qui ai imaginé d'offrir votre journal à Théodore, tandis que la demande qu'il m'en a faite *en votre nom* m'a donné une peur épouvantable des conséquences que je prévoyais.

Quant à la nouvelle que nous a donnée la gazette de Francfort sur la réunion des provinces russes au royaume de Pologne, je suis charmé d'apprendre que cette mesure est contraire aux principes qui dirigent les intérêts de l'Empire; mais comme depuis 30 ans on voit sans cesse arriver ce qui ne devrait pas être et ce qui renverse toutes les combinaisons de l'esprit humain, il en résulte qu'on n'a plus le droit de s'étonner de rien et qu'on n'est plus fondé à prendre le vraisemblable pour régle de son jugement. De plus, n'avons-nous pas eu certaines données préliminaires qui peuvent faire croire à cette réunion? Un article du Congrès de Vienne ne dit-il pas positivement que l'Empereur de Russie, en garantissant à l'Autriche et à la Prusse l'intégrité de leur territoire, *se réserve la possibilité d'agrandir le royaume de Pologne*? Et où prendrait-il cet agrandissement s'il ne touche point aux terres de ses voisins? Cet article que toute l'Europe a lu, n'a-t-il pas été suivi d'un triage dans l'armée russe de tous les soldats recrutés anciennement et nouvellement dans les provinces de Lithuanie, Podolie et Wolhynie pour les faire passer à l'armée de Pologne? Ces faits, chère princesse, peuvent-ils être contestés, et ne sont-ils pas de nature à donner à penser? Je conviens que tout cela, et même l'article de Francfort inclusivement pourrait bien être une manière d'amuser les Polonais; je préfère cette interprétation-là à la réalité, quoique je n'aime pas que, même en politique, on trompe sans y être impérieusement forcé par les circonstances. J'adopte donc votre opinion que rien de semblable n'aura lieu, et je l'adopte avec d'autant plus de plaisir qu'elle répond parfaitement à mes voeux à cet égard. Il me reste à souhaiter qu'on n'aye jamais à se repentir d'avoir flatté les passions d'une nation qui ne l'oubliera point et qui réclamera souvent d'une façon indirecte, ce qu'on semble lui promettre avec tant de générosité. Je crois qu'il y a toujours de grands inconvénients à se jouer d'un peuple en masse. Le premier est sans doute celui de perdre toute sa confiance sans re-

tour et dans très-peu de tems; or, sans la confiance d'une nation éclairée un souverain n'en tire pas grand parti. Dans le cas présent le souverain est si puissant et la nation si petite qu'elle sera facilement dominée par la force et par la crainte; mais alors elle ne fera jamais rien de grand et s'opposera sourdement à tous les projets de son maître. Je crois que les rois, comme les particuliers, sont souvent la dupe de leur trop de finesse.

A propos de vanité, n'admirez-vous pas son pouvoir tyrannique sur ce pauvre Laval, qui assurément est bien loin de manquer d'esprit, qui à 60 ans, ou à peu près, devrait être revenu des misères de ce monde et faire la distinction de ce qui est utile et bon d'avec ce qui n'est que clinquant. Il se laisse aller à l'affliction, parce qu'on ne lui donne pas un cordon de S-te Anne, devenu si commun qu'il n'honore plus personne! N'est-ce pas là de la folie? Priez-le de ma part de prendre l'almanach de la cour et de jeter les yeux sur la liste des chevaliers de S-te Anne; je crois que les noms qu'il y trouvera calmeront son chagrin. L'ordre de S-t André est d'une toute autre importance, et Koutaïssow en est décoré. Si ces choses-là doivent conserver quelque prix, c'est par leur rareté et par le choix de ceux à qui on les accorde. La manie des rangs et des cordons est le vice radical qui ronge la Russie. On ne se soucie pas de servir pour rendre son nom célèbre par la manière dont on remplit une place; on ne calcule que la probabilité qu'il y a que cette place vous donnera un grade ou un ruban. Nous voyons cependant que les personnages les plus *chamarrés* n'en sont ni plus estimables ni plus estimés; mais ils sont *classés*, et leur place en public dépend de ces classes: voilà ce qui aux yeux des Russes répond à tout. Cela n'amène pas le bien du pays, tant s'en faut; mais cela donne une prodigieuse facilité au Souverain pour mener sa barque. Aussi le mal me paraît-il sans remède. Pour en revenir à Laval, l'ambition est la maladie de son esprit; je me souviens qu'en 1797, il n'était que capitaine tout au plus dans le civil; un certain Torcy, *outchitel* chez Mohrenheim, accoucheur de l'Impératrice, s'adressa à une bonne des enfans Nélédinsky; cette bonne le recommanda à son maître, et m-r Nélédinsky le proposa à l'Empereur Paul qui tout aussitôt en fit un conseiller de cour. Le soir Laval vint chez moi, et je lui contai l'aventure de Torcy sans y attacher la plus petite importance; quel ne fut pas mon étonnement et mon regret en voyant aussitôt ce pauvre Laval fondre en larmes et sangloter comme s'il avait perdu père et mère. C'était de la pure envie et une pénible réfléxion qu'il fesait sur lui-même, qui, lié chez les Pahlen et les Kourakine, n'obtenait pas par ces grands seigneurs ce que Torcy avait

accroché par le moyen d'une bonne d'enfans. Cette scène me fit une telle impression que je l'ai encore présente à la mémoire comme si elle se fut passée hier. Laval depuis a dépassé Torcy et n'en est pas plus content; la S-te Anne ne comblerait pas davantage ses voeux; il y a longtems qu'on a comparé le coeur d'un ambitieux au tonneau des Danaïdes, et la comparaison est fort juste.

Je savais par l'étonnement général des militaires le beau poste qu'avait obtenu m-r Kisselew; cette nouvelle à fait une grande sensation au club; je pense qu'à présent il pourra suivre son projet d'épouser m-lle Potocka; mais hélas la fortune qu'elle lui apportera pourrait lui coûter bien cher.

XXVI.

Moscou, le 10 mars 1819.

C'est une terrible chose que la mort d'un archévêque de Moscou; le fracas de son enterrement surpasse tout ce qu'on peut imaginer. Je voulais vous en faire une description sur parole; car je ne l'ai pas vu, mais je pense que cela ferait un article trop lugubre: trois archévêques, dix archymandrites, plus de trois cent protopopes ou simples prêtres; un superbe catafalque, tous les ornements des églises portés par les fidèles en procession, toutes les cloches de la ville en branle et des curieux par centaine de millers; des voitures comme au 1-er de may, enfin tout le clergé le suivant à pied jusqu'à Troïtza. Je prétends que c'est une hécatombe qu'on immole aux mânes d'Augustin, car il en mourra un bon nombre, je vous assure, par le froid humide qu'il fait. Au reste, c'est le défunt qui a tout réglé lui-même; il se voyait mourir avec le plus grand sang-froid, après avoir fait ses dons comme il l'entendait, il a compté sa bourse où se trouvait encore 17 mille roubles. «Ceci, dit-il, sera pour mon enterrement. Il faut qu'il soit beau et que le peuple s'en souvienne; car songez, mes amis, qu'il y a 70 ans qu'il n'est mort un archévêque à Moscou».

XXVII.

S-t Pétersbourg, le 7 mars 1819.

J'ai tout juste pour quatre mille roubles de dentelles, c'est un présent de la reine des Pays-Bas. Il y a une *pélerine-voile* qui est la plus belle chose qu'on puisse voir et puis une garniture de robe. Tout cela n'est fait que pour figurer dans un trousseau et dussé-je vivre cent ans je suis bien décidée à ne m'en servir jamais. Si je pouvais placer ces effets pour de l'argent comptant, cela m'arrangerait infiniment; mais je n'ai pas l'espoir qu'on m'achète cela ni chez les Tolstoï ni chez les Apraxine: ils ne comprennent pas, je crois, la beauté d'un semblable cadeau; ils préfèrent donner des diamants. La princesse Boris, qui s'y connaît, eut mieux aimé donner ces dentelles qu'un misérable fermoir; car pour 4000 roubles on ne peut avoir que de la drogue en fait de diamants. Enfin, si on n'est pas à cette noce-là, ce sera pour quelqu'autre, et puisse la petite Kotchoubey être bientot promise: car pour la princesse Lapouchine je soutiens qu'elle ne doit épouser que Voldemar Galitzine.

A propos, savez-vous que vous êtes très-injuste vis-à-vis de la comtesse Tolstoï. Pourquoi vouliez-vous qu'elle vous fît la confidence d'une chose qu'elle désirait et sur laquelle elle n'avait pas de certitude, c'eut été un bavardage inutile. Je vous assure que je n'ai pas de fausseté dans le caractère, mais je déteste de conter quelque chose qui me regarde intimement, dont je meurs d'envie et que je ne suis pas sûre de voir réussir. J'ai même là-dessus une espèce de superstition; si on veut réussir dans un projet, je conseille le silence le plus absolu et même avec ses *meilleurs amis*. Vous allez crier au meurtre tant qu'il vous plaira: voilà comme je l'entends. D'ailleurs qu'avez-vous dit en lisant l'autre jour dans mes lettres que madame Apraxine en avait fait un secret à sa propre fille. Il me semble que ceci est encore bien plus bizarre que la dissimulation de mad. Tolstoï avec vous. En attendant, les deux familles sont dans une telle jubilation qu'elles n'en touchent pas terre. Moustache s'est absolument emparée de Sophie, elle la mène faire des visites à ses parents du côté Czernichew, la garde à dîner et ne s'en dessaisit plus. Madame Tolstoï en est enchantée; il est sûr que

ce choix de la princesse Voldemar donne une teinte extrêmement favorable à l'éducation de la jeune personne; il faut supposer qu'on la trouvait d'un genre à pouvoir s'en accomoder dans une famille qui là-dessus fait la renchérie.

Aurez-vous entendu parler d'un beau mariage qui s'est arrangé à Paris? Celui du c-te Michel Woronzow avec la comtesse Branicka. On en a reçu la nouvelle officiele avec le dernier courrier. Voilà des millions qui vont se joindre; au reste, c'est un mariage fort assorti, la demoiselle a 26 ans, le comte en a 37 et l'un et l'autre sont ce qu'on appelle de très-grands partis. Elle est charmante, et lui est un homme très-distingué. Je vais en faire mon compliment à mad. de Litta qui en est toute joyeuse, dit-on, et je le ferai avec grand plaisir, car j'aime beaucoup Lise Branicka que j'ai retrouvé avec la plus grande satisfaction à Stutgardt.

Le vieux Tamara a décampé il y a 3 jours, ce qui met la famille Zagriasky et Kotchoubey dans le chagrin. Au reste, qnand on s'en va à 82 ans, c'est honnête!

Mon général s'appelle d'Auvray; il est venu passer l'autre jour toute une soirée avec moi; si j'avais eu votre lettre d'hier je lui aurais lu tout ce qui concerne le protocole de la diète. Je vous dis que je commence à devenir de la plus belle indifférence sur tout ce qui regarde les constitutions et les gouvernements: pourvu que tout soit tranquille chez nous, je chanterai volontiers:

„Qu'on se batte, qu'on se déchire,
Peu m'importe: c'est un délire".

XXVIII.

Moscou, le 13 mars 1819.

Bon Dieu, chère princesse, que je suis bête et que de réparations je dois vous faire: je vous croyais marchande de dentelles, j'imaginais que vous n'aviez contracté de dettes que pour faire ce petit commerce, et voilà que vous m'apprenez que ces dentelles viennent d'une munificence royale, qui en relève infiniment le prix et la valeur. Comment n'ai-je pas deviné cela, et n'ai-je jamais pensé que toutes ces cours ont dû nécessairement vous faire des présents! Vous avez excité ma curiosité et allumé ma cupidité pour vous; dites-moi donc ce que vous ont donné ces reines de Wurtemberg et duchesses de Saxe-Weymar et le roi de Prusse? Je me reproche mon désintéressement qui fait que jamais mon esprit ne s'est porté sur tout cela.

J'espère que vous vous portez mieux puisque vous ne me dites rien de votre santé, et j'aime à croire qu'il n'est plus question de crampes. Comment va mad. de Lieven, et dites-moi qui est sa fille que vous avez vue malade à Stutgardt? Et puis qui est cette demoiselle Ергальскій avec laquelle vous faisiez des promenades? Pardon de mes questions; mais les personnes dont j'ignorais même l'existence ont pour moi de l'intérêt dès qu'elles jouent un rôle quelconque dans votre vie. Vous allez rire, mais il faut que je vous avoue quelle est la cour qui plaît le plus à mon imagination de toutes celles que vous avez vues. C'est, ne vous en déplaise, celle de la reine-douarière de Wurtemberg à Louisbourg; non point pour la ressemblance des dames qui la composent avec la dame de pique ou la dame de treffle, mais à cause du genre de vie régulier et un peu monotone qu'on y a adopté. On se lève, on dîne, on se couche toujours à la même heure, cela est charmant; mais on ne bouge pas de toute l'année de ce même château, et voilà ce qui à mes yeux est sans prix. Un beau domicile, bien meublé, bien commode, bien rempli de tout ce qu'on aime à avoir autour de soi; jamais un seul moment dans l'année le souci de déménager, d'emporter ceci, de regretter cela, de changer de place pour être moins bien.... Non, je ne connais pas d'existence qui à mon goût approche le plus du vrai bonheur, et je voudrais être le maréchal de cette cour-là plutôt que premier ministre chez un grand souverain. Ajoutez à cela que cette bonne reine s'est vouée au deuil et qu'une couple d'habits noirs compose toute la garde-robe de ses courtisans; y a-t-il rien de plus commode? Je crois bien que les légumes à l'eau et les sauces à

l'Anglaise n'ont ni le piquant ni la saveur des *entrées de Riquet;* mais si cette cuisine simple flatte moins le palais, elle convient en revanche mille fois mieux à l'estomac. A propos, dites-moi, je vous prie, n'êtes-vous pas un peu gourmande? Je remarque que vous faites souvent des réflexions sur les différentes chères que vous avez rencontrées dans votre voyage? Comme je serais bien aise de vous trouver un bel et bon défaut; que dis-je, un défaut, c'est *un vice* que la gourmandise, et il confirmerait chez vous mon système que l'on est toujours puni par où l'on a péché: car la première chose qu'on vous prescrit dans vos incommodités c'est *l'abstinence.* Faites-moi donc votre confession sur l'article gourmandise, je ne vous trahirai pas, mais je serai charmé de voir que vous vous rapprochez de l'humaine nature par quelque côté faible. La perfection est une chose désolante pour ceux qui comme moi n'y peuvent plus atteindre et j'accueille toujours avec un gracieux sourire les petits défauts que je découvre chez les gens qui valent mieux que moi.

Je deviens de jour en jour plus lourd et plus paresseux; mon fauteuil a pour moi un attrait presqu'invincible, ma chambre est mon Louisbourg dont je voudrais ne sortir jamais. Comment font donc les gens qui, beaucoup plus vieux que moi, se trémoussent et se déménent pour de misérables intérêts de société ou pour faire leur cour! C'est ce que je ne comprends en aucune manière. Ce grand-chambellan Narischkine par exemple, qui fait le tour de l'Allemagne en calèche, gagne des courbatures ou essuye la pluie et l'orage, tout cela pour qu'une mère le recommande à son fils! Cela passe ma conception. Et que pourrait faire ce fils encore si même il voulait bien se prêter aux voeux du courtisan? Lui parler deux ou trois fois avec un peu de grâce et flatter ainsi sa vanité; c'est après tout la seule chose qu'il en puisse raisonnablement attendre; les grades, les cordons, il les a tous; il n'aspire pas a commander une armée ni à devenir un ambassadeur!

XXIX.

S-t Pétersbourg, le 10 mars 1819.

Toutes les gazettes avaient dit que m-r de Richelieu abandonnait les 50 mille francs dont il avait été question de le gratifier à la ville de Bordeaux pour un établissement de charité. Je ne sais si cela est vrai, n'ayant pas de lettres de Paris. On s'attend généralement ici à le voir revenir à son Odessa et si vraiment c'était le cas, je vous proposerais bien de changer notre lieu de retraite de Kiew contre cette nouvelle colonie. Ce n'est pas que nous y trouvions des rues pavées et moins de boue peut-être que dans la ville aux catacombes, mais nous y trouverions infiniment plus de ressources que partout ailleurs. D'abord le commerce libre avec quantité d'étrangers et de voyageurs; un théâtre pour peu que le coeur vous en dise; la mer où vous pourriez aller vous baigner. Je vous avoue que la société de m-r de Langeron ne m'attirerait pas, mais j'aimerais fort celle du duc de Richelieu que je connais depuis si longtems. Oui, oui, Odessa plustôt que Kiew, parlez-en à Sophie lorsque vous serez ensemble. Ma soeur Catherine sera à Paris ce printems, m-r Potemkine a déjà écrit pour y avoir une maison. Il se pourrait aussi que la princesse Boris y allât de son côté: elle a toujours fort à coeur d'y conduire sa fille Kourakine pour la faire traiter par Pinel, quoiqu'à vrai dire il y ait peu d'espoir pour cette pauvre créature, qui est souvent plus que folle; c'est-à-dire qu'elle est tout bonnement enragée; car elle frappe à droite et à gauche sans s'embarrasser de ce qui peut lui tomber sous la main. Le mari qui le voit très-bien, n'a pas la plus petite envie de se déplacer; maintenant surtout qu'il est en possession de l'héritage de son oncle, il n'a autre chose en tête que de faire figure; je m'attends à lui voir tenir maison et donner des dîners.

J'ai commencé aujourd'hui mes dévotions, j'ai écouté tous les offices du matin et j'y retourne encore ce soir. Mais cela ne me dispense point de la *douraquerie*: à six heures je serai à mon poste et je jouerai jusqu'à huit. Il n'y a pas de jour où je ne gagne; c'est ordinairement dix sous en argent blanc que j'emporte, la vieille me les sacrifie volontiers, pourvu que je sois exacte au rendez-vous.

M-r de Pradt a été fort bien analysé dans le Journal des Débats; mais pourquoi vous étonnez-vous qu'on ait laissé passer l'article de l'Apocalypse? Croyez-vous qu'on ne sache pas ce qu'on pense généralement de ce traité? Ah, mon Dieu, comme il y a *quelqu'un* qui n'i-

gnore rien! Ou laisse dire, sans pour cela déroger au plan qu'on s'est prescrit. Voilà ce que je tiens *de la personne elle-même.* A propos on m'a assuré l'autre jour que de certaines autorités spirituelles lui avaient donné le conseil de ne pas beaucoup faire de visites en ville. Si cela est vrai je serais bien tentée de les aller remercier. Il est impossible de donner un meilleur avis et il y a bien longtems que c'eût été le mien si on me l'avait demandé. *Moi* me rayant toute la première de la liste.

XXX.

Moscou, le 17 mars 1819.

Sans doute je crois qu'Odessa offrirait une retraite moins triste que Kiew; cependant la description que me fait Gilet de la société de cette ville, n'est pas autrement séduisante: l'argent, et le moyen d'en amasser y est la seule occupation de ses habitants; un assez mauvais spectacle ambulant y vient parfois les recréer, mais d'ailleurs pas une bibliothèque, pas une nouveauté littéraire, pas une autre conversation que celle qui roule sur le cours du change, sur le prix du blé, ou de tel autre objet d'exportation. La vie y est fort chère, et la liberté du port n'est encore que sur le papier; deux partis opposés d'intérêt s'efforcent d'accélérer ou de retarder la mise en exécution de cet oukase. L'Empereur, qui par cette concession avait cru faire le bonheur de la ville, voyant aujourd'hui qu'elle est loin de réunir les voeux de tous les habitans, ne sait à quoi s'arrêter, et les choses pourront demeurer en suspens bien longtems encore, jusqu'à ce que tout le monde soit d'accord. Les loyers sont hors de prix, et l'on se chauffe avec du foin ou de la paille; il n'y a pas un arbre aux environs de la ville; c'est un vrai désert. Voilà comment Gilet me peint cette colonie; il prétend que dans un siècle, si quelque guerre ne la détruit pas, elle pourra prospérer; mais que jusqu'ici, les éloges qu'on en fait sous le rapport du genre de vie, tiennent plus à l'espérance qu'à la réalité. On ne s'étonne que de ce qu'Odessa est sortie du néant en peu d'années, et cela est à la gloire du gouverneur et du gouvernement; mais les douceurs d'une vie oisive et retirée y sont encore à naître. Je vous assure, chère princesse, qu'il y a un petit coin de romanesque dans votre esprit et que c'est de ce coin-là que partent les plans d'une retraite *lointaine.* Vous êtes déjà convenue en voyageant que la Russie est le meilleur des pays, et je suis là-dessus parfaitement de votre avis. Mais

pourquoi dans cette Russie aller choisir aux extrêmités du cercle ce qu'on ne trouvera jamais aussi bien que dans le centre? On peut se faire une profonde retraite à Paris; pourquoi n'y réussirait-on pas à Moscou? Moscou réunit tout excepté le climat, mais le beau climat n'existe sur aucun point de la Russie, il en faut prendre son parti; laissant donc cet article hors de compte, je ne vois pas de ville qui réunisse les avantages de celle-ci. Aucun devoir forcé, mais jamais de solitude obligée; aucune privation de tout ce qui fait la douceur de la vie. Tout y est sous la main et à portée. Ne voulez-vous pas le quartier de la Twerskoy? Eh bien, louons une jolie maison à la Sloboda ou à Préobrajensky avec un jardin; ces places-là sont à fort bon compte, et personne assurément ne nous y viendra pourchasser si ce n'est quelqu'ami sincère et qui aura le vrai désir de nous voir. Mais un abonnement chez Bouvat nous fournira des livres en abondance; mais si nous sommes malades, un médecin connu viendra nous soigner; mais si la fantaisie d'une distraction venait à nous prendre, une maison d'ami nous serait ouverte avec d'autant plus de plaisir que nos visites y seraient plus rares. Celui ou celle qui serait sorti apporterait aux autres un aliment de conversation, et de cette manière la retraite ne serait jamais qu'une affaire de choix dont il serait impossible à l'ennui d'approcher. Voilà mon roman à moi; il y a moins d'imagination que dans le vôtre, parce que j'ai 20 ans de plus que vous et qu'à mon âge on se rapproche extrêmement de la vérité.

Je suis toujours étonné qu'on veuille voir dans l'état de Lise un accident fortuit, tandis que son grand-père est mort aliéné, que son oncle Alexandre l'est encore à l'heure qu'il est et que son frère cadet a déjà tous les symptomes de cette maladie.

Vous croyez donc, chère princesse, *qu'une certaine personne* n'ignore rien de ce qu'on dit en Europe sur les actes où elle peut avoir part; vous croyez qu'elle laisse dire et qu'elle suit sa marche et le plan qu'elle s'est tracé. Cela présente deux faces: beaucoup de caractère, ou un peu d'entêtement; quoiqu'il en soit, cette personne ne peut vouloir que le bien général, et je prie Dieu de la diriger et amener à une heureuse issue les plans qui pourraient réellement contribuer au bonheur du genre humain. Vous m'indiquez quelque chose de très-curieux sur les visites que *de certaines autorités spirituelles* conseillaient de rendre moins fréquentes. Qu'entendez vous par ces autorités? Serait-ce le prince Galitzine ou m-r Kochelew? Vous pouvez parfaitement me faire entendre ce qui en est. Est-il vrai en effet que ces visites ayent fort diminué? Est-il vrai surtout qu'on ne va plus chez cette dame qui

avait envie un jour à la Tauride de se rapprocher de vous? Va-t-on toujours chez la comtesse Strogonow? Est-on allé chez madame Tolstoï, et continue-t-on à tenir rigueur à la princesse Boris?

XXXI.

S-t Pétersbourg le 17 mars 1819.

Je vous supplie de ne pas vous inquiéter sur ma santé: j'ai le pressentiment que le beau tems plus qu'autre chose me la remettra entièrement. L'incommodité dont je me plaignais est déjà passée, c'était hémorroidal autant que nerveux; j'ai une bonne constitution et avec l'aide de Dieu j'espère m'en tirer. Ce qui me fait une peine réelle c'est de voir partir mon bon Chreighton qui vient d'obtenir un congé de seize mois pour faire un voyage en Angleterre que sa santé exige impérieusement; il a des obstructions et se croit menacé d'hydropisie s'il n'y met ordre. Ayant de plus six enfans sur les bras dont une fille de 17 ans à marier et deux petits garçons en âge d'être mis à l'école, il ne voit que son pays pour tout cela. Sa femme est la fille d'un baronet et ne donnerait pas sa fille à un premier venu; l'éducation de ce pays ne convient non plus point à ses idées pour ses fils.

Toutefois à la garde de Dieu! A présent j'ai fort envie de vous faire la confidence d'un projet qui me roule dans la tête, c'est celui de passer aux yeux de l'Impératrice pour plus malade que je ne le suis en effet, et cela, d'abord, pour m'exempter de paraître à ses soirées qui recommenceront après les fêtes, et ensuite pour éviter quelques semaines du séjour de Pawlowsky. J'en ai parlé à Chreighton qui me donne la main à cet effet, et lors qu'on fera les paquets pour la campagne je compte demander la permission de rester ici, jusqu'au jour même du départ de ce cher docteur qui doit se mettre en route sur la fin de may. Cela m'arrangerait infiniment et me débarrasserait peut-être de trois semaines de représentation. Il est possible aussi qu'après cela je sois dans le cas de faire une tournée à Moscou; la princesse Boris m'y mènerait et me ramènerait. Mais enfin ceci est une autre affaire, l'essentiel est de demeurer libre pendant quelque tems pour rattraper sa santé. Sophie est informée de tout ce plan et le trouve fort raisonnable; si elle vous fait un rapport juste de mon état, elle vous dira que je suis un peu jaune, un peu faible, mais d'ailleurs tout comme vous m'avez vue.

J'ai placé mes dentelles; mais où, mais comment? Hélas à crédit et sans toucher un sou d'argent. C'est donc chez la princesse Boris, direz vous? Hélas, oui, c'est là, et je vous prie de croire qu'au lieu de 4,000 roubles, je n'ai reçu qu'une lettre de change de 3,500. A tout prendre il ne me faut que l'intérêt de cet argent, et que ce soit là ou ailleurs, peu importe. Je veux même proposer au prince Boris de placer cette somme dans quelque spéculation d'eau de vie en Sibérie, cela me donnera toujours plus de 10 pour cent d'intérêt. Enfin, mes dentelles doivent être mises dans le commerce, et je ne vois pas de meilleur moyen. Vous ai-je dit que l'eau de vie qu'on a fait pour moi cette année chez le prince Basile Dolgorouky m'a rapporté 50 pour cent. Je lui donnai mille roubles au mois de may dernier et en janvier j'ai reçu de son homme d'affaire quinze cent roubles, c'est clair comme le jour. Maintenant j'ai en réserve le comte Golowine et puis un prince Obolensky à Moscou, gendre de Nélédinsky; celui-ci doit bientôt me rendre également ses comptes.

Votre archévêque Augustin ne savait ce qu'il faisait en commandant cet enterrement pompeux! N'eût-il pas mieux valu laisser cet argent aux pauvres que de le dépenser en galons et en franges? Si c'était pour amuser le peuple par un spectacle, dites-moi encore si cela n'est pas une démence? Ah, comme je n'aimerais pas qu'on m'enterrât de la sorte. Vous avez à sa place l'archévêque Séraphin de Twer; on l'a nommé métropolyte, ce qu'Augustin n'était pas, en sorte qu'il succéda par là à Platon, dernier métropolyte. Le fameux Phylarète a le diocèse de Twer. Ce sont des nominations qui ont eu lieu hier. On va beaucoup à Newsky le Dimanche écouter les sermons du métropolyte Michel; on les dit très-bons, et je le crois, car il écrit très-bien et d'une manière surtout qui le rend intelligible à toutes les classes.

XXXII.

S-t Pétersbourg, le 20 mars 1819.

Voici trois jours que je souffre le martyre des hémorroïdes. Comme je vous traite en garçon médecin, je vous dirai qu'il m'est venu des boutons qui me font un mal de chien et qui m'empêchent d'être assise autrement que sur un coussin de maroquin percé au milieu, et c'est avec ce coussin à la main que je descends chez ma vieille pour le dourak, et c'est aussi sur ce coussin que m'ont trouvée hier et S. M. l'Impératrice et le grand-duc Nicolas; on s'est apitoyé sur mon sort tout en riant de la chétive figure que je fais. Tous les maux à la fois sont venus m'assaillir; mais ce qui me fatigue le plus ce sont les constipations et surtout avec ces fatals boutons. Je vous prie en grâce de ne pas vous étendre sur tout cela avec ma soeur, car je n'ai jamais été tout-à-fait vraye avec elle sur cet article, et il y a mille choses que vous savez et qu'elle ignore; ainsi n'allez pas me trahir.

Vous me demandez si je suis gourmande? Je pourrais dire oui et non à la fois; non, parce que je mange peu et que deux plats me suffisent; oui, parce que je voudrais que ces plats fussent très-bons. Quant à la critique de toutes les cuisines des cours que nous avons visitées cela est assez simple: nous sommes tellement habitués à Pétersbourg à une recherche extrême sur cet article, qu'un mauvais dîner, surtout chez un roi ou un prince, ne se conçoit pas. Ici c'est une affaire extrêmement importante; à Moscou cela n'est pas encore parvenu à ce point. Il n'y a personne qui ne connaisse ici le genre de cuisine de telle ou telle maison, et voilà pourquoi celle de m-r Gouriew a la plus grande vogue, comme celle de m-r Miatlew est réputée pour la plus exécrable. Dès qu'on se met en ménage c'est pour ainsi dire une affaire d'obligation qu'un bon cuisinier. Nicolas Gouriew par exemple a dans ce moment un des meilleurs artistes en ce genre. Tout cela est affaire de luxe. M-lle Ергальскій demeure chez la comtesse Branicka, c'est une très-ancienne connaissance à moi.

M-r Kisselew est parti. Le général Sipiaguine aussi, et Benkendorff le remplace comme chef d'état major de la garde; nous allons voir comment il s'en tirera. On assure que mon ami Czernichew va être envoyé en commission; quand je dis *on assure*, c'est que lui-même est le *on*. Je ne connais pas d'homme plus impatientant, jamais il n'attend qu'on le nomme, il a toujours soin de se nommer lui-même, et voilà pourquoi on se moque de lui.

Je fus hier au soir chez mad de Litta, je crus avoir les côtes brisées: tant les rues sont mauvaises; je n'avais pas mon coussin et je jetais les hauts cris en voiture. Jusqu'à ce que tout soit sec, je ne bougerai plus de mon divan que pour la douraquerie. L'Impératrice, que rien n'intimide, a été au contraire faire une course à Alexandrowsky pour voir sa fabrique éclairée par le thermolampe. Elle y a mené l'Empereur et le grand-duc Nicolas.

XXXIII.

S-t Pétersbourg, le 24 mars 1819.

Rien n'est plus vrai que les nombreuses visites de m-r *le Grand* sont absolument suspendues, et vous avez mis le doigt sur les autorités qui ont donné ce conseil; je répète toujours qu'elles ont rendu par là un service véritable, car cette manière de voir quantité de femmes toutes pour l'ordinaire bavardes ne menait à rien qu'à des commérages. Vous me parlez de la princesse Mechersky, eh bon Dieu, il y a des siècles qu'elle est à Twer chez son père; je le sais, car je vois tous les jours le fils de son mari qui est marié à la petite fille de la comtesse Lieven, m-lle Vietinghoff. Pour en revenir aux visites je suppose que celles à la comtesse Strogonow ne peuvent jamais cesser, car elles sont d'un tout autre genre et datent de 19 ans. On a été également faire compliment à mad Tolstoï, mais point à la princesse Boris. Savez-vous à Moscou ce qu'on vient de me conter ici; c'est que le c-te Worontzow, avant d'avoir fait quitter la France à ses trouppes, s'est enquis des dettes que pouvaient avoir contractées plusieurs de ses officiers; elles se montaient à 250 mille roubles, et il les a toutes payées, ne voulant pas qu'il fût dit que l'armée russe laissa aucune dette ni aucun reproche en s'éloignant. Si le fait est vrai, il faut convenir qu'il est beau et digne de lui. Ce comte Michel est assurément un homme bien distingué, et Lise Braniska pour avoir attendu jusqu'à 27 ans n'y a rien perdu.

XXXIV.

Moscou, le 31 mars 1819.

Je crois en effet qu'on a donné un bon conseil *à m-r le Grand;* mais n'est-il pas étrange que ce vieillard visionnaire, ce Kochelew subjugue un homme dans la force de l'âge! Je l'ai connu anciennement, c'était en vérité fort peu de chose pour l'esprit et l'instruction; des idées absurdes, grand admirateur du ministère de m-r Necker alors même qu'il était prouvé que ce Génevois avait fait le plus grand mal à la France. Comment donc cet homme est-il devenu une autorité en matières spirituelles? Il prétend avoir des visions et communiquer avec la s-te Vierge; cela est bon pour attraper les sots; mais en conscience l'Empereur ne peut pas croire à ces absurdités, et cependant il écoute m-r Kochelew comme un prophête! Je ne savais pas qu'on eût vu mad. Tolstoï, et ne suis point fâché que la princesse Boris n'ait pas joui du même avantage; encore une fois elle perd la tête dès qu'elle n'est pas dans de certaines bornes. Ce qu'a fait le comte Michel Worontzow *est bien noble* et bien digne d'un *grand seigneur.* Voilà comme on s'attache un corps d'officiers pour la vie! Ces traits n'étaient pas rares anciennement; mais l'égoïsme de nos jours a tout perdu, et la plupart des grands seigneurs de l'Europe sont devenus de *grands vilains.* Ne voilà-t-il pas que mad. de Noiseville, après une année de silence, s'avise de m'écrire une belle et longue lettre. Elle dit que votre soeur nage dans la joye de l'idée d'aller à Paris et d'y voir l'opéra; elle n'a pas manqué un bal tout cet hyver. Le grand-duc Michel passe des soirées en famille chez les Boutourline. Il appelle son voyage un exil, il ne regarde ni tableaux ni statues; il est d'ailleurs fort aimable.

A propos, bon Dieu! J'allais oublier de vous dire que Samedy soir il nous arriva une estafette à la princesse Galitzine et à moi pour nous annoncer les couches heureuses de Warinka qui a fait le 18 mars un gros garçon князь Аркадій Сергѣевичъ. Le grand papa en est dans une joye dont l'expressiou est touchante, je vous assure. *La crainte, l'espérance et la joye m'ont tour à tour tant agité depuis 24 heures qu'à peine ai-je la force de tenir une plume.*

XXXV.

S-t Pétersbourg, le 27 mars 1819.

M'est-il arrivé jamais de vous communiquer mes idées sur l'enfer? Je me représente toujours que si j'ai le malheur d'y tomber, je me trouverai dans une chambre sale, remplie de poussière, les meubles sens dessus dessous, un désordre complet et l'odeur que je connaissais autrefois dans l'appartement du vieux Paliansky. Jusqu'ici voilà l'idée que je m'en faisais. Eh bien, c'est à présent que par dessus cela on y éprouvera la douleur d'une rage de dents! Ah, monsieur, quelle horrible chose, quel horrible mal! J'ai cru en vérité en devenir folle. Avant-hier et hier je souffrais la passion, pas une minute de relâche ni de sommeil. Aujourd'hui la joue commence a enfler et la douleur diminue un peu. C'est pour faire diversion à ce qui en reste encore que je me mets à vous écrire. Vous pensez bien que ce ne sera pas pour vous dire grande chose. Cette lettre répondra précisément à la *pauvre lettre* comme vous dites en parlant de votre dernière, écrite au travers d'un mal de gorge. J'ai la joue de travers et je sens que ce soir elle le sera davantage encore, ce qui m'est bien égal pourvu que je cesse de souffrir. Il n'y a que ma vieille comtesse qui y perd sa partie de dourak, mais aussi elle conserve son grivna d'argent que j'emporte toujours, comme vous savez.

Vous ne devineriez pas ce que je me suis mise à lire: les mémoires de Bussy Rabutin qui sont écrits dans un style un peu ancien, mais qui ne sont point dépourvus d'intérêt. Il avait beaucoup d'esprit ce Bussy, et sous ce rapport il était le digne cousin de mad. de Sévigné. Mais c'est inimaginable quelles horribles polissonneries on faisait dans ce tems-là! Jamais les jeunes gens d'à présent ne s'en aviseraient. A un siège qu'on faisait en Espagne, m-r de Bussy se trouvait bivouaquer avec quelques amis; ne voilà-t-il pas que l'un d'eux s'en va faire sauter la pierre d'une tombe, en retire un cadavre, le prend d'une main, donne l'autre à un autre jeune homme et tenant ainsi le mort entre eux deux ils se mettent à le faire danser. Vous conviendrez que voilà une plaisanterie révoltante; Bussy la trouva telle, car il leur en fit honte et les obligea à recoucher le cadavre. Comment trouvez-vous ces messieurs! Je vous demande, si pareille sottise passerait par la tête à quelqu'un à présent?

Czernichew est parti pour le Don; il vint avant-hier me faire ses adieux, au moment où je souffrais le plus, et ma femme de chambre le refusa. J'en suis fâchée, car j'eusse été bien aise de le voir un moment; je veux lui écrire pour lui dire mes regrets et pour lui demander des nouvelles de sa femme. Je suis curieuse de savoir où en est leur projet de divorce.

XXXVI.

Moscou, le 3 avril 1819.

Vous étiez bien indulgente pour l'enfer en en bornant les peines à une chambre malpropre et en désordre, à de la poussière et à l'odeur du vieux Paliansky. Que de pécheurs vous remercieraient si vous pouviez les en tenir quitte à ce prix! On s'accoutume à tout ce qui n'est pas chagrin du coeur ou douleur corporelle; mais un bon remord ou une bonne rage de dents j'avoue que voilà un supplice digne de l'enfer le plus rigoureux. Et vous avez éprouvé cette rage pendant deux jours? Mais vous n'avez donc pas de dentiste à la cour; je n'aurais point eu votre patience et au bout d'une heure ma dent eût été brûlée, plombée, ou arrachée si les autres remédes eussent manqué leur effet. Je connais ce mal et le trouve tout à fait intolérable; j'avoue aussi à ma honte que rien ne m'est plus redoutable qu'une violente douleur; mes nerfs n'y resistent pas, et plus d'une fois les accès d'une goutte un peu forte m'ont arraché des larmes malgré mes efforts pour les retenir. Je sens que je ne serais pas un héros à la torture; et pourtant je ne manque point de force d'esprit au besoin, je l'ai prouvé pendant mes 18 mois de prison sur lesquels j'ai passé 381 jours au cachot et avec secret le plus rigoureux. Je n'ai pas eu un moment de découragement; je priais Dieu, et Dieu seul me soutenait au milieu des angoisses les plus terribles. Rien pour me distraire de mes peines; pas un livre, pas une âme à voir que deux minutes par jour un géolier, insensible comme ses clefs, qui m'apportait ma nourriture. Ah, comme un homme mûrit dans cette situation, comme il apprend à se connaître et à bien apprécier le monde, enfin comme c'est une bonne école pour qui sait en profiter! Il faudrait avoir porté là un coeur de cailloux pour n'en pas sortir plein de pitié pour les malheurs du genre humain et dépouillé à jamais de tout égoïsme!

Vous ne me dites rien de la nomination de Spéransky à la place de gouverneur-général de Sibérie. C'est une grande preuve de confiance

que lui donne le Souverain, mais qui a l'entière approbation de tous ceux qui ont connu Spéransky à Penza. Ce qu'il a fait dans ce gouvernement doit être marqué au coin de la justice et de la prudence, vu la manière dont il a capté l'opinion générale de toutes les classes. C'est la première fois que je vois produire cet effet par un homme en place, et c'est bien dans des cas semblables que l'opinion publique doit être consultée; celle qui est l'effet de l'expérience et de la reconnaissance ne peut pas égarer le souverain qui l'écoute. Je sais qu'à Pétersbourg les ministres redoutent le retour de m-r Spéransky, mais je commence à croire qu'ils pourraient bien avoir tort et que leur crainte n'est pas à leur louange. Le bien se fait toujours lentement, parce qu'il rencontre partout des obstacles multipliés; mais laissons agir m-r Spéransky dans sa nouvelle place et s'il s'en tire aussi honorablement que de celle qu'il quitte, espérons que l'Empereur lui rendra toute sa confiance. Ce pays a tellement besoin d'un ministre éclairé, actif et intègre qu'on ne peut que faire des voeux pour voir paraître ce phénomène, quelque préjugé qui puisse d'ailleurs l'écarter d'un poste aussi élevé. Quand on voit la manière dont la justice est administrée par exemple, il est impossible de ne pas désirer à la tête de ce département, le premier de tous par son influence sur le bien général, un homme capable de réprimer les abus sous lesquels gémissent les sujets de l'Empereur; cet homme me semble de loin devoir être m-r Spéransky s'il soutient la réputation qu'il a su se faire. Qu'en pensez-vous, chère princesse? Je ne vous demande pas l'opinion de m-r Gouriew; je la connais de reste; mais celle que vous puiserez dans vos propres réflexions.

M-r Czernichew est arrivé. On assure qu'il joue un mauvais tour au prince André Gortchakow et à m-r Kisselew qui demeuraient ici en attendant que les rivières fussent *traversables:* Czernichew les passe et va écrire de derrière l'Occa de manière à ce que la date de sa lettre soit la satire de ses deux camarades. Qu'est-ce donc que ces affaires sur le Don? On prétend que les cosaques riches ont usurpé des terres, qu'il faut les contraindre à rendre et que Czernichew va là comme juge. Cela est-il vrai? Mais ce serait donc un homme propre à tout; je crois que lui-même n'en doute pas, mais la présomption ne prouve pas toujours la capacité.

XXXVII.

S-t Pétersbourg, le 31 mars 1819.

Hier comme je me trouvais en disposition causante je reçus Cirile Narischkine, Modène, Laval et mon ami Chreighton qui restèrent chez moi une couple d'heures, pendant lesquelles nous n'avons parlé que de la mort de Kotzebue qui vient d'être assassiné à Manheim par un étudiant de l'université d'Erlanguen. On a vu arriver à l'auberge un jeune homme qui dit s'appeler Frederich; après être resté une demie-heure de tems à défaire des paquets, il demanda qu'on lui enseignât la demeure de Kotzebue, ayant une lettre à lui remettre et voulant s'acquitter de la commission tout de suite. On lui montra la maison qu'il demandait, il y entre et se fait annoncer. Kotzebue le reçoit dans son cabinet et au moment où il se met en devoir de lire la lettre que le jeune homme lui avait remise, il se sent frappé droit au coeur; le coup était ajusté avec une précision admirable. Au cri que pousse Kotzebue et au bruit qu'il fit en tombant son domestique accourut, il vit l'assassin armé du poignard, l'oeil hagard, faire quelques par vers la porte en criant d'une voix effrayante: *qui veut mourir encore?* Vous imaginez que ce ne fut pas le laquais, qui se sauve bien vite pour appeler main forte. Quand le secour arrive on trouve le jeune homme étendu à côté de Kotzebue et poignardé également, conservant toute fois un reste de vie. On se jeta sur les deux pour les secourir, mais Kotzebue était mort; on parvint à étancher le sang du jeune homme, on le porta à l'auberge où il était descendu et en le fouillant on découvrit qu'il s'appelait *Zand*, qu'il était de l'université d'Erlanguen. Il portait sur lui beaucoup de papiers intéressants, entr'autres un appel général à l'Allemagne pour venir établir la liberté dans le Nord de ce pays, le soustraire au joug avilissant sous lequel il se trouve et travailler à l'oeuvre de la réformation qui n'est pas encore achevée; de plus des invectives contre Kotzebue comme agent du despotisme. Kotzebue était exécré en Allemagne; à l'époque où nous passâmes à Manheim, on en disait un mal affreux; il s'était conduit indignement à Weymar envers le grand-duc qui avait été son bienfaiteur et qui par suite de ses écrits malfaisants fut obligé de le renvoyer hors de ses états. Vous aurez vu dans mon journal qu'il vint faire sa cour à l'Impératrice à Manheim, et comme il se tenait à la porte au moment même où l'on servait le dîner, on fut pour ainsi dire obligé de l'inviter à se mettre à table. Il me semble encore le voir assis sur le coin de sa chaise et causant

avec Sophie Samoïlow de l'air du monde le plus piteux. Il doit sa mort à une feuille qu'il rédigeait et dans laquelle il déclamait fortement contre l'esprit de l'Allemagne; il avait la manie de s'attaquer aux individus, et se conduisait en lâche quand on lui en demandait raison. Enfin ce n'était point un homme d'honneur, mais sa mort n'en est pas moins un crime atroce. Je crois que m-r Stourza pourrait bien un peu trembler à l'heure qu'il est: il s'est mêlé aussi de régenter l'Allemagne et sans beaucoup de succès. Je voudrais savoir si notre gouvernement croira devoir demander raison de cette action, Kotzebue étant toujours au service de la Russie et en portant l'uniforme? Je serais curieuse aussi de connaître l'opinion de l'Impératrice sur cet évènement; jamais elle ne voulait croire au mauvais esprit de l'Allemagne surtout · à celui de certaines universités. Que de disputes elle a eu à cette occasion avec Charlotte! Je me rappelle aussi qu'un jour comme nous voyagions dans les états prussiens et qu'on nous menait grand train, il lui arrive de dire: „Mon Dieu, comme on fait des fagots quand on prétend qn'on voyage si lentement en Prusse. Voyez comme on nous mène!"—„Mais, madame", lui dis-je, „vous oubliez que vous avez un petit état dans le monde qui fait qu'on est servi aux postes un peu différemment des autres; il me semble qu'on a quelque soin de l'Impératrice de Russie". Alors elle se mit à rire. Et voilà comme il lui arrive souvent de dire des choses qui n'ont pas infiniment de sens.

Vous voulez savoir ce qu'on m'a donné aux autres cours; eh bien, la reine de Wurtemberg m'a fait présent de deux vases de porcelaine de la fabrique de Stutgardt sur lesquels elle avait eu l'aimable attention de faire peindre des vues que j'avais trouvées jolies. Madame Marie, qui n'est pas riche, m'a donnée simplement un portefeuille en souvenir et son mari un cachet à musique. Le roi de Prusse rien du tout. Il n'était même tenu à aucune espèce de présent, puisque nous n'avons été chez lui qu'en passant.

On a réglé enfin la destinée de Lise; elle part sur une frégatte armée pour les côtes de France, le médecin l'accompagne avec miss Brown et sa femme de chambre mad. Molard. De plus, elle a son cousin Troubetzkoy qui crache le sang et qu'on fait voyager, on lui confie sa cousine pour la traversée; tout cela est fort bien arrangé. Kourakine qui maintenant regorge d'argent fait le magnifique et prétend que le voyage de sa femme, dût-il coûter cent mille roubles, il les sacrifie sans balancer. En attendant il s'amuse à faire voir les diamants de son oncle et en est si charmé qu'il les montre à tout venant.

XXXVIII.

Moscou, Dimanche au soir, 6 avril 1819, jour de Pâques.

J'ai été un peu estomaqué de la manière dont m-r Stourza s'est tiré d'affaire avec les étudiants de Iéna. Vous aurez vu tout cela dans la gazette. Ne pensez-vous pas que Stourza a compromis l'Empereur d'une manière indécente et qu'il s'est bien attiré l'épithéte de *machine pensante* dont ces étudiants l'ont affublé. En France ce serait un ridicule dont un homme ne se relèverait point. A propos, dites-moi je vous prie quel était le duc de Mecklembourg que vous avez vu à Weymar? Je suppose que c'est le gendre de l'Impératrice qui lui aura mené ses enfans. Mais est-ce donc ce beau-frère de l'Empereur qui a passé une année à la cour de Napoléon et qui vous en a conté tant d'anècdotes intéressantes?

La fin de Kotzebue est effroyable, et cet évènement prouve à quel excès les têtes sont montées en Allemagne. On travaille à les monter dans ce pays-ci, et je ne vois pas bien ce qu'on y gagnera. Sur ce sujet les rênes du gouvernement sont flottantes, et j'ai peur qu'il ne soit un peu tard quand on voudra les tenir d'une main plus ferme. Les leçons manquent leur effet; depuis 30 ans les rois en reçoivent de tous côtés et de bien sévères; mais ils les prennent toutes en sens contraire, et l'on croit voir la main de Dieu s'appesentir sur leur intelligence et maintenir chez eux:

..... cet esprit d'imprudence et d'erreur,
Da la chûte des rois funeste avant-coureur.

Je doute que la Russie prenne fait et cause pour Kotzebue, mais je désirerais qu'elle le fît. Peut-être sa grande prépondérance actuelle l'engagera-t-elle à se montrer mieux qu'elle ne le fit dans une circonstance semblable il y a 17 ans. Vous me ferez le plus grand plaisir de m'envoyer l'écrit de Laval sur cet évènement et de me dire ce qu'on pense à Pétersbourg de la lettre de Stourza au sénat de Weymar, dans laquelle il dit en toutes lettres, que l'ouvrage qui lui a attiré le cartel des étudiants de Iéna, a été *pensé et rédigé* par ordre de l'Empereur de Russie? A-t-on jamais dit qu'on pense par ordre! C'est pourtant sur cet ordre que m-r Stourza se croit dispensé de répondre au cartel qu'il a reçu. Et c'est à un sénat qu'il s'adresse pour se tirer d'affaire? Le sénat a envoyé sa lettre au recteur de Iéna, le recteur l'a com-

muniquée aux deux étudiants en exigeant leur rétractation, et ceux-ci ont fait cette rétractation par écrit de la manière du monde la plus humiliante pour Stourza. Elle est conçue à peu près en ces mots que je vous rends de mémoire n'ayant pas la gazette sous les yeux. „M-r de Stourza ayant répondu au cartel que nous lui avons adressé pour lui demander raison des injures qu'il débite contre l'Allemagne et les Allemands dans son livre intitulé. . . . . que ce livre a été *pensé*, *rédigé*, *composé* et *imprimé* par ordre exprès de S. M. l'Empereur Autocrateur de toutes les Russies: nous, Allemands et *libres;* nous déclarons que nous n'avons aucun droit de nous mêler de ce qui se fait dans un autre pays, et que nous rétractons l'appel envoyé par nous *à une machine pensante et écrivante nommée Stourza.*" Je vous avoue que je suis horriblement scandalisé de la marche que Stourza a donnée à cette affaire; il n'y a mis ni la maturité que devrait avoir tout agent d'un grand souverain, ni l'esprit qu'on lui accorde. Cela rejaillit d'une manière fâcheuse sur le souverain, qui donne sa confiance à un homme aussi peu formé.

Comment Boris Kourakine, né au sein des richesses et destiné à en avoir beaucoup, ne sait-il pas se préserver des manières d'un parvenu? Car aller ainsi montrant ses diamants à tout venant, cela ressemble aux nouveaux riches, qui n'avaient pas compté sur leur fortune, et cela me rappelle que Laval, au commencement de son mariage et après avoir meublé sa première maison, levait la housse de ses fauteuils aux anciennes connaissances, qui venaient le visiter, pour leur montrer l'étoffe qui était dessous; cela lui allait mieux qu'à Kourakine. Je fais des voeux pour que la fête de Pâques amène le cordon au prince Théodore et au comte Laval, puisqu'ils le désirent si vivement; cependant, après le premier instant de bonheur, je doute que cela leur cause une satisfaction bien réelle: l'un s'apercevra bientôt qu'il n'en est pas plus maigre, et l'autre qu'il n'en est pas plus gras. Mais y aura-t-il une pièce de ruban assez longue pour faire le tour de Théodore?

Je suis enchanté de vous trouver du même avis que moi sur m-r Spéransky; sa conduite à Penza prouve que c'est un homme d'esprit, et Magnitzky à Simbirsk a été bien loin de fournir les mêmes preuves. Je connais ce dernier depuis 18 ans et je l'ai toujours vu fanatique de liberté, par système et non par conviction.

XXXIX.

Moscou, le 14 avril 1819.

Je vous félicite de tout mon coeur sur l'avancement de votre ami Laval, puisque vous y tenez si fort. Mais à propos, votre soeur m'a dit que madame Laval allait partir pour l'Italie sans mener son mari avec elle, et qu'il en est désolé. Cela est-il bien vrai? Il me semble qu'à sa place j'en serais bien aise, à moins pourtant qu'elle n'emporte la clef de la cuisine et celle de la cave, auquel cas elle courrait le risque de faire brèche à la considération de son époux. Dépêchez-vous bien vite de vous régaler de ses *croute au pot* pendant que la marmite va encore?

Mais que pensez-vous du présent que les paysans de mad. Miatlew viennent de lui faire? Voilà un bel oeuf de Pâques, j'espère! Trois fils de perles de 75 mille roubles donnés ci-devant par l'empereur Paul à la princesse Lapouchine et rachetés par l'intendant de Poretzk, pour en faire hommage de la part des paysans à leur dame et maîtresse. En vérité, voilà qui renverse un peu les raisonnements des libéraux, qui croyent le peuple Russe le plus misérable et le plus opprimé des peuples. Dans quel pays verrait-on un trait semblable? Je voudrais qu'on en envoyât la relation aux auteurs de la Minerva pour leur prouver que cinq mille misérables esclaves, comme ces messieurs appellent nos paysans, font, librement et sans se gêner le moins du monde, pour leur maîtresse plus que toute la France n'a pu faire pour *le champ d'asile*, tout en y étant sollicitée par l'esprit de parti et le fanatisme. Ce sont là des faits; je ne vois pas de raisonnements captieux ou abstraits, qui puissent en atténuer la réalité ni en faire tirer des conséquences au détriment du bonheur et de l'aisance du peuple Russe. Les mots ne font rien aux choses; nos paysans sont dans le servage, si l'on veut; mais ce servage fait leur aisance, et le seigneur est toujours là pour les protéger contre les calamités qui souvent laissent les paysans des pays libres sans secours. Mauvaise récolte, inondation, accidents partiels: le seigneur répare tout, et la chaumière du pauvre n'est jamais vendue comme ailleurs pour acquitter des contributions que le seigneur paye encore au défaut du sujet. Mais ce servage attache le paysan à son maître par des liens semblables à des liens de famille et par là même donne à l'état une force incalculable et que nul souverain ne peut se flatter de trouver dans son pays. L'Empereur dit un mot, la noblesse obéit sans la plus légère difficulté, cette

noblesse répète l'ordre à ses vassaux, et la masse aussitôt est en mouvement avec zèle, avec gayeté, avec bonhomie. L'an 1812 l'a prouvé. Et c'est cette belle et noble machine, si simple dans son organisation, si utile dans ses mouvements, si favorable à celui qui en est le maître, qu'on voudrait disloquer, briser, pour obéir à des principes prétendus phylanthropiques, qui, depuis 30 ans qu'ils régissent l'Europe, n'ont produit que des guerres cruelles, des massacres, des maux de toute espèce! Ah, je conçois que les ennemis ou les rivaux jaloux de la Russie employent des sophismes pour tâcher de dénaturer la source de sa puissance; mais que ces sophismes gagnent les Russes eux-mêmes et leur fassent désirer un changement qui ne pourrait que nuire à la gloire de leur pays et à leurs intérêts propres, c'est ce que je ne comprendrai jamais. Notre Empereur est sans contredit le souverain de l'Europe le plus heureux par ses sujets et par la constitution de son pays. La plus belle, la plus noble des tâches lui est imposée par sa puissance: celle d'améliorer la marche de la justice dans ses états, en y établissant des écoles de jurisprudence, d'où il sorte des sujets, auxquels, comme dans les autres pays, on puisse confier, avec connaissance de cause, la vie et les biens des citoyens, qui sont jusqu'ici entre les mains de juges ignorants et prévaricateurs dans les tribunaux de première instance et en dernier ressort entre les mains de sénateurs, à l'honneur et à la probité desquels je veux croire implicitement, mais qui n'ont étudié les loix que dans des règlements militaires pendant qu'ils servaient à l'armée, ou dans le code maritime pendant qu'ils servaient sur la flotte, et qui, après une vie entière sans analogie avec leurs fonctions de sénateurs, viennent, pleins de souvenirs étrangers à leurs devoirs, pleins d'idées analogues à leur vocation précédente, décider dans des causes litigieuses qui exigeraient toute la sagacité de jurisconsultes consommés et toute l'impassibilité d'hommes vieillis dans les emplois de Thémis. Tel est le travail qui méritera à notre Empereur le nom de Grand et la reconnaissance de ses sujets. Puissent les annéees de sa jeunesse ne pas s'écouler sans que nous le voyons mettre la main à l'oeuvre pour la seule et unique régénération que le bonheur de la Russie demande; car c'est là où est la vraiè plaie de ce bon pays. C'est là ce qui le sépare encore de la civilisation européenne bien plus que le servage du peuple, et c'est là aussi ce qui rendrait ce servage mille fois plus difficile à abolir. Car cette abolition, pour être opérée sans secousse et sans révolution, devrait être appuyée par des cours de justice qui méritassent toute la confiance générale de tous les partis et assurassent les intérêts de toutes les classes, et c'est ce que nous n'avons pas et ce que le complément de la gloire d'Alexandre

nous donnera, j'espère, quand il aura assuré la paix générale dans l'Europe et mis ses états à l'abri de toute atteinte étrangère. Je m'étendrais trop sur un sujet dont je suis si rempli et qui souvent occupe trop mes pensées; c'est pourquoi je finis ici ma tirade amenée par les perles de mad. Miatlew, qui ne se doute guères que son collier me jette dans la politique et les réformes du gouvernement.

XL.

S-t Pétersbourg, le 10 avril 1819.

Je rentre dans le moment chez moi après avoir joué deux grandes heures au dourak. Ma comtesse, qui s'est gâtée avec moi, compte les jours où elle ne me voit pas. Ce matin il m'est arrivé un Mercure de sa part avec des reproches tendres; aussi suis-je allée à six heures gagner mon grivena. Elle est trop heureuse d'avoir ma société à si bon compte. Si j'obtenais des chambres à Pawlowsky à côté des siennes, je suis sûre que je passerai ma vie chez elle depuis le déjeuner jusqu'au dîner, et c'est là que ma plume aurait à faire: elle me ferait écrire depuis le ministre jusqu'au scribe. Au reste, en disant ceci, j'ai l'air de me plaindre de vexation de la part de mad. de Lieven, et cependant je ne demande pas mieux que de faire tout ce qui lui convient, lui étant sincérement attachée.

Je ne suppose pas que le poste que va occuper m-r Spéransky soit un prélude à quelqu'autre place qui le mettrait plus près du soleil. Non, il restera à Tobolsk et y fera le bonheur de ses subordonnés tout comme à Penza; mais à propos, monsieur, il me paraît que vous avez une dent contre mon gros Gouriew, tout comme vous en avez une contre la princesse Boris. Je vous passe cette dernière, parce qu'il vous sera revenu des propos ridicules; mais mon gros qu'a t-il fait? Est-ce parce qu'il n'écrit pas à Markow? Je crois qu'il a bien autre chose à faire qu'il ne fait pas, et d'après cela on peut lui pardonner de négliger une correspondance qui ne pourrait être qu'insignifiante.

La Néwa a passé ce matin, et le commandant l'a traversée au ronflement du canon, ce qui n'empêche pas la neige de tomber par flocons; la grande place en est couverte, et si elle fond pour demain, la belle parade de Pâques ne pourra pas avoir lieu. Aujourd'hui on a exercé depuis sept heures du matin jusqu'à 3 de l'après-midy; et à quatre heures j'ai vu de nouveau revenir les soldats pour recommencer.

Il faut convenir que c'est une existence détestable même pour Wassilitchkow, qui les exerce.

J'ai reçu des nouvelles de Woldemar Galitzine; il me dit qu'il est tout juste comme Robinson, séparé des humains par des inondations affreuses. Il s'occupe beaucoup de son escadron; il le fait exercer et prétend que cela ne va pas mal du tout. Ses officiers viennent déjeuner et dîner avec lui, car il n'aime pas à manger seul; mais il est convenu qu'une fois le repas terminé chacun va à ses affaires. J'ai grand espoir que cette retraite fera du bien à Galitzine, qui m'écrit la lettre du monde la plus sensée et la plus répentante de toutes les folies qu'il a faites. Ah, sûrement, il n'y a pas de comparaison entre André et lui; et croyez-moi, si Woldemar n'avait pas été confié à l'âge de 14 ans à ***, il eût été tout autre. Il a le germe de tout ce qui est beau et bon, mais on n'a jamais cherché à le développer, et cette vilaine Soumarokow ne lui a-t-elle pas gagné deux mille roubles à la rocambole qu'elle jouait de tous les tems et dont il ignorait la marche, et cela quand il avait 14 ans!-L'Empereur est à Czarsko-Célo depuis Lundy et n'en revient que demain. Je me suis trompé sur les visites; non, il tient bon, et tant mieux, je le répète toujours.

XLI.

Moscou, le 17 avril 1819.

Nathalie Abramowna est morte enfin, après une agonie de trois ans pour ainsi dire. On l'enterre ce matin. C'est une véritable délivrance pour ses entours. Sa fille s'est conduite jusqu'au bout comme un ange, ne la quittant ni jour ni nuit, la soignant comme on soignerait un enfant d'un mois, la nourrissant, la lavant, la déshabillant, sans que jamais une femme de chambre lui rendit aucun soin. Quand ces choses-là se soutiennent des années sans jamais se démentir, cela devient réellement bien méritoire et fort touchant. Aussi la princesse Gagarine mérite-t-elle d'être heureuse par ses enfans. Je ne sais pas si bien ce que mérite Alexis Pouchkine, qui était loin de professer pour sa mère les mêmes sentiments qui animaient sa soeur; mais ce qui est certain, c'est que le même jour que sa mère est morte il a perdu aussi son fils chéri, qui faisait toute sa joye et ses délices. Ces rapprochements ont quelque chose de frappant et de solennel.

Vous ne croyez donc pas que Spéransky arrive jamais au ministère! J'en suis fâché, car on y aurait grand besoin d'un homme de sa capacité; mais je pense en effet que trop de gens redoutent son approche pour que tous les partis ne se réunissent pas au besoin dans le but de l'écarter. Cependant, si l'Empereur voulait juger par lui-même et prononcer dans sa toute-puissance, les adversaires de m-r Spéransky seraient demain dans son antichambre. Non, en vérité, je n'ai point une dent contre m-r Gouriew; et à quel titre pourrais-je l'avoir ne le connaissant point? Qu'il n'écrive pas au c-te Markow, c'est la chose la plus simple vu la défaveur de ce dernier: il faudrait avoir une certaine grandeur d'âme, dont les courtisans sont bien rarement capables, pour soutenir des relations avec un homme décidément disgracié par le Maître, et ce serait se battre contre des moulins à vent que de vouloir attaquer la bassesse des grands en pareille circonstance. Je ne suis point ce Don Quichotte-là, je laisse aller le monde comme il veut, sans la moindre haine, me contentant de ne pas faire une grande dépense d'estime pour lui. Quant à m-r Gouriew, il ne peut m'intéresser qu'en sa qualité d'homme public, chef d'un département dont la bonne ou mauvaise gestion influe sur le bien-être de la societé en général et de tous ses membres en particulier. Or, je vous avoue que, comme ministre des finances, en dépit des pièces d'éloquence dont les dernières gazettes le présentent comme l'auteur, je l'envisage sous un point de vue peu avantageux à ses talents. Je vais droit au fait. Un habile administrateur répare en tems de paix les désastres de la guerre. Depuis quatre ans une paix profonde régne partout; la Russie a tiré de la France d'énormes contributions: nos impôts, loin de diminuer, s'accroissent annuellement..... cependant, notre rouble ne remonte point, et le change est tout juste comme il était dans les tems les plus calamiteux et dans les époques les plus désastreuses. Aux yeux des gens qui prennent pour règle leur bon sens, sans aller chercher midy à quatorze heures, cette preuve claire et nette des moyens de notre ministre le fait passer pour un homme inepte, je vous le dis bonnement. Ceux qui le connaissent personnellement appuyent ce jugement de mille preuves détaillées dont pour moi je n'ai aucun besoin. Je sais bien qu'à la cour on sait à peine ce que c'est que le change et qu'on n'en connaît presque pas les résultats; cependant, c'est la clef de notre bien-être, et si le rouble redevenait ce qu'il a été jusqu'en 1807, nous aurions le beau drap à 10 roubles l'archine au lieu de 35, le tonneau de vin à 100 roubles au lieu de 400, le poud de sucre à 12 roubles au lieu de 50, et ainsi de suite pour tout ce que nous fournit l'étranger. Cela vaudrait la peine de s'en occuper sérieusement, et ce serait le

premier objet qu'aurait en tête m-r Gouriew, s'il était véritablement *le ministre des finances de la Russie*, au lieu d'être exclusivement le trésorier de l'Empereur. Or, l'Empereur lui-même verrait quadrupler ses moyens de puissance si on travaillait ses finances de manière à rendre à ses sujets l'aisance dont ils jouissaient quand les assignats avaient leur valeur ancienne; le Souverain serait quatre fois plus riche comme le dernier de ses sujets: car enfin, il paye tout au même taux que nous. Non, chère princesse, votre ami Gouriew est un fort gros homme, j'en conviens; mais pour un grand ministre permettez-moi d'être intimément convaincu du contraire et de faire des voeux pour que les finances passent en des mains plus habiles et qui n'appartiennent pas à une tête assoupie comme la sienne par les vapeurs de ses cuisines.

XLII.

S-t Pétersbourg, le 14 avril 1819.

Comment voulez-vous que je ne sache pas l'histoire de m-r Stourza, qui occupe le monde depuis plus de trois mois. Je connais tout ce qui s'est dit sur la *machine pensante* et je suis bien de votre avis sur la vilainie de sa conduite. Je l'ai vu à Weymar; nous logions dans la même maison; sa soeur mad. Édeling a été la première à me parler de l'ouvrage de son frère. Elle m'invita un soir chez elle pour m'en lire plusieurs morceaux; je fis remarquer à m-r Stourza le danger de s'attaquer ainsi à une masse dont l'esprit était fort monté, et d'après la réponse qu'il me fit alors, je jugeais que l'ouvrage était de commande, ou du moins qu'il voulait me le persuader. Je priai très-sérieusement mad. Édeling de ne pas le laisser soupçonner à d'autres; il semble qu'un pressentiment me dictait cette observation. Malgré cela, ils n'ont rien eu de plus pressé que de le publier. Je ne sais comment l'Empereur aura pris la chose, mais je suis scandalisée de cette lâcheté de Stourza, et je ne comprends pas comment il c'est décidé à compromettre ainsi son Maître. Je n'entends rien non plus à Capo d'Istria, qui dans le tems l'a laissé faire; car il est bon que vous sachiez que c'est à Aix-la-Chapelle que ce bel ouvrage a été composé. De toute manière je ne voudrais pas me trouver dans la peau de Stourza; il occupe le public à ses dépens, il déplaît à son Maître, et pourtant ne semble sentir le désagrément de son état que relativement au danger qui menace ses jours. Quoique les étudiants de Iéna

ayent retiré leur cartel, il est sûr qu'on a cherché à le tuer. La princesse Meschersky, la soeur de Czernichew, écrit dernièrement de Weymar et rapporte le fait, en ajoutant qu'on cherche à le faire évader et que dam. Édeling est décidée à accompagner son frère où qu'il aille; elle ajoute qu'il serait difficile de donner une juste idée de la fermentation qui existe en Allemagne: il y a des *Sand* à l'infini, et ces têtes exaltées ont formé une *liste noire* sur laquelle ils portent les noms de tous ceux dont on veut se défaire, et Stourza est un des premiers sur cette liste fatale. Il y a vraiment de quoi trembler. Les uns prétendent que Sand ne peut pas vivre plus d'un mois; d'autres croyent au contraire qu'il en réchappera; ce qu'il y a de certain, c'est que géneralement on donne du caractère et des moeurs de ce jeune homme les rapports les plus avantageux. Voyez pourtant comme on a su fanatiser cette tête!-Il est arrivé hier un courrier de Paris qui m'a apporté beaucoup de souliers et pas un mot de lettres, et voilà près de 6 jours que je n'ai vu mon ami Laval, qui est le seul être qui puisse me dire quelque chose; il faut croire qu'il est occupé. Mad. Laval fait ses paquets pour partir. J'ai eu ce matin la princesse Boris, qui m'a conté des choses merveilleuses de sa fille Kourakine: elle a recommencé à parler religion, elle crache par la fenêtre sur chaque prêtre russe; enfin, il paraît qu'elle a des moments d'un parfait retour à la raison. Je ne sais si cette mère se fait illusion. Elle aimerait à la voir embarquée déjà, mais la frégate ne peut être prête que vers la fin de may. Dès que Lise sera partie, la princesse ira à Moscou; elle vient d'y louer la campagne de mad. Glébow appelée *Élizawetine,* et j'ai été étonnée du prix de 2,500 roubles pour 3 mois. Mais c'est tout ce qu'on pourrait demander ici à Kamennoi- Ostrow, et cette vieille Glébow qui est si riche!

XLIII.

Moscou, le 21 avril 1819.

Vous m'avez fait rire aux larmes en me contant les preuves que la princesse Boris donne du retour de sa fille à la raison: *elle crache déjà par la fenêtre sur tous les prêtres russes qui passent.* Voilà assûrement le signe de guérison le plus bouffon qu'on puisse imaginer, et cela ne peut manquer de conduire cette pauvre Lise à une santé parfaite; et ce qui est le plus plaisant c'est l'air sérieux avec lequel vous débitez tout cela; on vous croirait persuadée aussi bien que cette mère l'est elle-même dans la naïveté de son âme! C'est donc une affaire résolue: elle échange la Colonie Chinoise contre Élizawetine, et toute la troupe dorée contre les élégants de Moscou. Ah, bon Dieu, quelle chute! Notre Moscou est pitoyable. André Gagarine est le coryphée de la jeunesse, et Bergmann le *nec plus ultra* de l'élégance.... Il en faudra revenir à monsignor Badossi, et je vois d'avance que votre soeur Sophie ne bougera plus d'Élizawetine jusqu'au moment où l'automne la rappelera à Pétersbourg.

Il paraît que rien ne se passe à Paris que sourdement. Benjamin Constant est député. Je ne sais quel membre de cette chambre se plaint avec toute justice des jury qui acquittent les plus grands criminels et entr'autres les assassins de Fualdès. Il est certain que l'institution du jury chez une nation démoralisée n'est autre chose qu'un gage d'impunité à l'abri de la loi. Partout où l'esprit de parti domine, le jury devient un instrument dangereux dont les factieux se saisissent. C'était un jury qui prononçait sous Robespierre contre tous les innocents qu'on envoyait à l'échaffaud. Cette cruelle époque aurait dû prouver à la France qu'elle n'était pas mûre pour une institution qui répose sur la moralité nationale. Vous verrez bientôt la France succomber sous ses loix, parce que ses loix ne sont point en rapport avec ses moeurs. Jamais le gouvernement représentatif ne s'y maintiendra, parce que les contrepoids nécessaires à sa durée n'existent point. Il faut encore à ce malheureux pays une catastrophe nouvelle ou un partage qui restreigne considérablement ses limites, ou un homme qui le gouverne avec un sceptre de fer et fasse taire les partis sous l'ascendant de son caractère. Cet homme, je ne l'entrevois pas dans la famille royale. Le partage me paraît donc plus probable, et les Français le provoqueront à force d'agitations, d'inquiétudes et de sottises.-Mais laissons la politique pour parler de votre santé qui me touche de bien

plus près. Vous vous plaignez de fatigue; comment êtes-vous pour le fond de votre incommodité, ces obstructions, ces gonflements? Voici le moment où vous pourrez faire de l'exercice autant que vous voudrez; j'aime mieux un régime en action que l'usage des drogues. Je vous quitte: j'ai une affaire avec la *douma*, qui m'oblige à écouter des avocats, à signer des papiers et à boursiller avec trois ou quatre scribes.

XLIV.

S-t Pétersbourg, le 17 avril 1819.

Connaissez-vous l'histoire des perles de mad. Miatlew? Son mari vous a-t-il écrit quelque chose là-dessus? Ici elle est contée de deux manières et fait à la fois une belle et une mauvaise action. Il y a quelques jours que je rencontrai mad. Miatlew chez la comtesse Lieven et lui voyant un collier de perles magnifiques à trois rangs, je lui demandai depuis quand elle en avait fait l'acquisition. Alors elle me dit qu'elle était étonnée que l'histoire du collier ne fut pas parvenue jusqu'à moi, que cela faisait la nouvelle du jour, que c'étaient ses paysans qui le lui avaient donné en guise d'oeuf de Pâques; qu'ils avaient su qu'elle désirait ces perles et que de suite ils étaient allés les acheter au prince Gagarine, mari de la défunte princesse Lapouchine. Je trouvai la chose charmante, et me voilà dans l'admiration des paysans russes! Le lendemain je retournai chez mad de Lieven, qui se moque de moi et m'apprit que c'était m-r Miatlew qui avait ordonné à ses gens de faire l'acquisition du collier, leur représentant que 55 milles roubles répartis sur 5,000 paysans ne faisait que 10 roubles par tête, que c'était une bagatelle pour eux et qu'ils étaient sûrs de faire plaisir à leur dame. Vous imaginez que les paysans n'ont pas contestés et ont été chercher les dites perles. Voilà comme la chose a été contée chez l'Impératrice et si elle n'est pas vraie, c'est au moins la version qui a été adoptée par la majorité, et ce qui a passé d'abord à mes yeux pour un trait charmant s'est converti tout-à-fait en autre chose.

A minuit.

L'Empereur est resté chez moi deux heures et demie. Il m'a témoigné, comme de coutume, infiniment de bonté; nous avons causé sur

des sujets parfaitement intéressants, la mort de Kotzebue par exemple; et puis je lui ai fait lire la relation que vous m'avez envoyée. Non, mon cher Christin, il faut entendre parler cet homme pour juger de ses moyens; ils sont en vérité infinis. La manière dont il a commenté la relation vous aurait fait un plaisir extrême, j'en suis sûre; il a tellement suivi cette affaire du changement du ministère, qu'après qu'il avait lu un paragraphe de cet écrit, il disait, avant de passer à l'autre: —„Et voilà ce qui s'est fait dans l'intervalle, et c'est à cause de ceci, ou bien à cause de cela". Ensuite il faisait des objections sur telle ou telle chosse. En somme, il a conclu que ce papier contenait quelque chose de vrai et de juste, mais qu'il y avait aussi du roman. Il est loin de soutenir m-r Decases et ne parle de S-t Cyr qu'avec un souverain méppis. C'est lui encore qui avait proposé Lauriston, il l'avait nommé au duc d'Angoulême à Aix la-Chapelle. Enfin, on se trompe bien si on imagine qu'il favorise les démarches qu'on voit faire. Si nous étions à même de nous parler, je pourrais vous conter beaucoup et vous donner même la clef de bien des choses; écrire est absolument impossible. Encore un coup, on est dans l'erreur sur une quantité de chose! On est revenu sur le changement de mon appartement; il m'a parlé du palais Schépélew, mais comme il faudrait prendre peut-être celui de la défunte Soltikow, qui ne me conviendrait guères, je crois que je finirai par ne pas bouger, ou peut-être par ne faire qu'un troc avec des chambres voisines des miennes où je ne ferais que gagner un peu plus de soleil; tout ceci, au reste, doit se débrouiller cet été. Si Dieu me prête vie et santé, j'espère arranger mes affaires dans une genre qui me conviendra, et d'ailleurs si j'adopte la manière de vivre que j'ai eu cet hyver, qu'importe après tout que mon escalier soit haut? Je ne le descendrai ni ne le monterai pas assez souvent pour en être fatiguée.

XLV.

Moscou, le 24 avril 1819.

Vous avez vu dans une de mes précédentes lettres ce que m-r Miatlew m'a écrit sur les perles de sa femme; c'est absolument ce que vous a dit mad. Miatlew de son côté, et j'aime à croire que c'est la vérité. Je conviens que la réputation du mari (qui peut être n'est pas méritée) prête un peu à l'interprétation donnée par la malignité à la cause de ce présent; mais cependant qui a pu savoir que m-r Miatlew *ait ordonné* aux paysans de madame de lui faire un don de cette nature? Le fameux affranchi Щеткинъ, représentant de ses paysans, n'aurait sûrement pas trahi son maître, si même celui-ci eût usé de son influence pour le pousser à cet acte de générosité; or, c'est Щеткинъ qui seul a tout arrangé, au dire de m-r Miatlew. J'en conclus que la chose est *douteuse*, mais que la mauvaise volonté des courtisans est *positive* et qu'ils ont fait leur *métier* en portant cette botte à un homme mal vu déjà par le Maître et qui n'a besoin de nul ennemi pour le mettre en mauvaise odeur. Il est fort riche, et l'envie se venge; cela est dans l'ordre, peut-être sans en être plus noble.

Je suis bien aisé d'apprendre qu'on est loin de soutenir m-r Decases et qu'on ne parle de S-t Cyr qu'avec mépris; mais, hélas, comme on aurait pu éloigner tout ce parti-là si on se fut prononcé en 1814 et même en 1815. Enfin, le passé est sans remède. Un Louis 14 ou un Henry 4 avec son Sully eussent pu rendre quelqu'éclat à une couronne qu'on n'a replacée sur la tête du légitime souverain qu'après en avoir arraché les plus beaux fleurons. C'est une erreur qui aura des suites funestes et, peut-être, bien longues, mais qui à coup sûr rallumera des guerres. On n'a enchaîné aucune des passions qui ont fait la révolution, et on a consacré tous ses crimes en abandonnant ses victimes. La Providence a amené en 1814 un des plus *grands évènements* que fournisse l'histoire du monde; mais les hommes dont elle s'est servie n'y ont mis aucune *grandeur*, et l'on croirait que cette Providence a été jalouse de tant de gloire et n'a employé de tels instruments .que pour qu'on ne puisse point la lui contester.

Votre plan de vie est parfaitement sage, et cette retraite vous donnera un grand poids et beaucoup de considération; mais si j'osais, je vous demanderais d'être bien réservée dans vos conversations avec la jeunesse masculine, qui est souvent plus indiscrète que les femmes. Je

sais bien ce que vous pensez par exemple d'une certaine personne qui eut une colique dans la cathédrale de Mayence ou de Cologne *); mais ne vous ouvrez jamais sur son sujet, si ce n'est avec d'intimes amis, prudents, sages et point enclins à l'envie. Tout le reste est dangereux, et vous êtes parfois trop confiante avec des jeunes gens qui ne le méritent pas et qui peuvent en abuser malignement, ou même par simple indiscrétion.

Ma lettre est un peu grave, mais il est des sujets qu'on ne peut traiter légèrement, et partout où le coeur parle, son langage est toujours sérieux. Passez moi donc cette intonation et n'en plaisantez pas, comme cela vous est arrivé en pareille circonstance. Je vous dis que je suis pour vous un autre homme que pour moi-même; c'est le parfait contraste d'un égoïste, et je trouve à la nature de mon attachement pour vous quelque chose qui tient de l'amour paternel, car le bonheur d'un père est tout dans le succès de son enfant. Vous sentez bien que ma comparaison cloche sur tous les autres points, mais sur celui-ci elle est parfaitement juste.

XLVI.

S-t Pétersbourg, le 21 avril 1819.

Miatlew vous a menti d'une manière atroce, d'abord sur le prix des perles qui n'ont jamais coûté 75 mille roubles, mais 55 milles, ainsi que je vous l'ai dit, ce que je tiens de mad. Miatlew elle-même. Ce collier est tout aussi connu à Pétersbourg que l'a été autrefois celui du cardinal de Rohan. Quand l'empereur Paul en fit présent à la princesse Lapouchine, il fut évalué 40 mille roubles, depuis le prix a monté à 60 mille, et à force de marchander les paysans l'ont obtenu de Gagarine pour 55 mille.

Je me suis fort amusée, je vous l'avoue, de votre idée de faire insérer dans les gazettes étrangères ce prétendu beau trait des paysans russes envers leur maîtresse, parce que la même pensée m'avait passé par la tête aussi. Mais encore un coup, rengaînons notre beau zèle et laissons m-r Miatlew écrire comme il le veut et madame conter comme elle l'entend une chose qui s'est passé tout autrement. D'ailleurs, tout ce que vous observez sur le sort de nos paysans est parfaitement juste, et si vous avez fait attention dans mon journal à la conversation que

---

*) C'est l'impératrice-mère. *Note de l'éditeur.*

j'ai eue sur ce même sujet à Bruxelles avec l'aide-de-camp du général Vander-Burch, vous aurez vu que j'étais loin de soutenir la fausse opinion des étrangers qui ne jugent que fort en l'air et sans aucune connaissance de cause. Mais à propos de ceci, savez-vous que l'Empereur, Jeudy dernier, m'a dit quelque chose qui m'a bien-dévoilé son arrière-pensée sur le même article. Comme je lui contais le présent de noce de mad. Ostermann à Sophie Tolstoï, je me suis servi, je ne sais comment, de ces mots: *elle lui a donné 1030 paysans*. Il a jeté un cri: «Oh Dieu!» me dit-il, «le coeur me saigne quand j'entends qu'on peut faire présent d'un *semblable à soi*, comme d'un meuble!» Cela prouve cependant qu'il est bien occupé de l'idée de mettre ce *semblable* à l'abri de pareil évènement. Mais le Ciel seul peut savoir quand cette oeuvre sera accomplie; je suis bien sûre que ni vous ni moi ne le verrons.

Le grand-chambellan Narichkine a été fait chancelier des ordres, parce qu'il devait perdre la direction du théâtre, et qu'on voulait lui donner une espèce de dédommagement d'une chose qu'il avait la bêtise de regarder comme un vrai malheur. C'est *notre patronne* qui lui a arrangé cette affaire, et grâce à elle, il est remonté à flot de bien bas qu'il était. Je pense que nous l'aurons cet été à Pawlowsky où il fera à merveille, car étant d'humeur joviale je suis sûre qu'il mettra en train tout le monde, et si le Ciel nous amène encore le prince Antoine Radzivil, je ne parierais que vous n'entendissiez dire que je joue la comédie; et cependant vous savez combien peu cela m'amuserait!.... Et l'Empereur, qui veut encore que je ne paraisse pas chaque soir et que je m'établisse sur le pied de ne faire que ce qui convient à ma santé! Oui, vraiment, c'est bien avec notre bonne dame que la chose est fesable! Lorsque nous sommes au dourak, nous rabâchons un peu là-dessus avec Charlotte, qui est bien contrariée aussi de ce fatal goût pour la dissipation.

XLVII.

Moscou, le 28 avril 1819.

Chère princesse, je vois que vous prenez l'affaire du collier dans le sens le plus contraire à Miatlew. Vous en faites un m-r de Lamotte, et le voilà livrée sinon à la vindicte publique, du moins au mépris général, et ce pauvre homme ne s'en doute pas: il m'écrit de la même date que votre lettre № 28 la lettre la plus gaye et la plus folle qui m'a fait de la peine en comparant son contentement avec l'opinion publique qu'il ne saurait apprendre sans en être affligé. Cependant, il m'est revenu hier de nouveaux renseignements sur cette affaire par une voix bien intéressée à se plaindre de la vexation, si vexation réelle il y avait; c'est un des principaux paysans de Poretzk, cette terre qui a fait le présent. Il m'a conté la chose, non, à la vérité, comme un mouvement de générosité spontané de la part du village, mais comme un trait de politique de Щеткинъ, *affranchi*, chargé de procuration de la commune auprès de leur maîtresse. Ce Щеткинъ a encore deux frères et des neveux qui ne sont point affranchis et qu'il désire fort de rendre libres. Ce Щеткинъ et sa famille avaient été à la tête des paysans, qui pendant cinq ans ont sollicité l'exécution du testament du défunt comte Soltikow, et avaient fait deux voyages en 1813 et 1814 en Allemagne et en France pour tâcher d'obtenir de l'Empereur la liberté que le testateur avait donnée au quatorze mille paysans qu'il laissait après lui, par un testament qui était contre toutes les loix. Ils avaient dépensé plus de 200,000 roubles des revenus de la terre, et enfin leurs peines et leurs dépenses ont été perdues en vertu de l'oukase infiniment juste de S. M. I., qui rendait aux filles du maréchal Soltikow le bien de leurs ancêtres auxquels elle avaient les droits les plus incontestables. A peine cet oukase fut-il connu que ce même Щеткинъ, qui avait été si contraire aux droits des deux soeurs, prêcha les paysans sur la nécessité de se soumettre au décret du Souverain et de regagner l'affection de leurs seigneurs par quelqu'action d'éclat. Toute la commune fut d'accord là-dessus, et Щеткинъ fut chargé de chercher l'occasion de les remettre en grâce; mais pour cela il fallait attendre que le partage fût fait, pour savoir à qui ils appartiendraient de madame Miatlew ou de la comtesse Orlow. La première devint leur maîtresse par le sort, et aussitôt Щеткинъ s'occupe de chercher quelque bonne galanterie à faire. Le collier se présenta, il écrivit aux paysans

qui jugèrent qu'en effet c'était un sacrifice fort à leur portée et le chargèrent de l'acheter. Dans tout cela, le paysan qui conte le fait, croit bien que Щеткинъ tirera parti de ce service pour obtenir l'affranchissement de sa famille; mais il n'a pas la plus légère idée que m-r Miatlew ait désiré ou encore moins indiqué cette emplette. Si cela est, Щеткинъ ne leur en a pas dit un mot. Je suis porté à croire pour l'honneur de Miatlew que la chose s'est passée ainsi, et je pense que pour l'amour de la charité nous devons tous dans l'occasion tâcher de la présenter sous ce point de vue. Lisez un peu ceci à mad. de Lieven, je vous en supplie; vous ne risquez que de faire du bien en effaçant une fausse impression, ou en diminuant du moins l'effet de celle que la version adoptée a dû produire; cela sera digne de votre belle âme. Quant aux 75 mille roubles, peut-être ai-je mal lu les chiffres; je ne suis plus à même de le vérifier, car j'ai envoyé cette lettre au comte Markow pour lui faire admirer le trait de ces paysans.

Ce qu'on vous a dit à l'occasion des paysans donnés par mad. Ostermann à Sophie Tolstoï, me peine sans m'étonner. Je crains qu'on ne veuille aller trop vite en besogne dans une affaire qui ne peut être que l'ouvrage *du tems*. Celui qui passe pour avoir donné la première idée de ce changement, m-r La Harpe, pensait comme moi que la chose ne pouvait être amenée que fort à la longue et qu'en attendant il serait fort dangereux d'en parler. Il m'est tombé sous la main le mémoire qu'il donna à ce sujet à l'Empereur en 8-bre 1801; je l'ai lu, relu et étudié, et j'en suis venu à faire des voeux pour qu'on ne le suive qu'à la lettre, car déjà on va plus loin que la ligne qu'il a tracée. Vous savez que je n'aime pas m-r La Harpe, c'est l'homme qui m'a fait le plus de mal dans ma vie; mais cela ne m'empêche pas de lui rendre justice dans une affaire qui l'a perdu auprès de la noblesse russe, parce que cette noblesse a su en gros qu'il conseillait de travailler à l'affranchissement des serfs, sans savoir qu'il n'indiquait cette mesure qu'autant *qu'elle ne blesserait en rien le droit de propriété;* sans savoir qu'il conseillait à l'Empereur de commencer par des terres de la couronne, et de les organiser de manière à engager les seigneurs à en faire autant, en leur prouvant par l'exemple que la mesure était salutaire; sans savoir qu'il insistait sur ce que ces essais se fissent d'abord sur de très-petites portions de terre; et qu'enfin il déclarait à l'Empereur qu'il ne lui serait pas donné de voir la fin d'une entreprise aussi immense, mais que ce serait déjà beaucoup pour lui que d'avoir fait en sorte d'obliger ses successeurs à suivre la même ligne. Ce mémoire commence d'une manière alarmante, et j'ose dire même maladroite, en signalant presque tout l'Empire comme ennemi d'une réfor-

me qui selon lui ne peut être effectuée que par l'enthousiasme de la jeunesse. Ce début fait trembler; c'est une espèce d'appel à la révolution; mais quand on vient aux moyens que l'auteur indique, on ne peut disconvenir qu'ils sont dictés par un esprit juste et nullement ennemi du pays. Il m'a fallu quatre ou cinq lectures de ce mémoire pour en bien saisir l'esprit et apprécier les intentions de l'auteur contre lequel je ne pouvais me défendre des préventions personnelles qui nuisent toujours au jugement. D'ailleurs, l'ouvrage est mal écrit, sans style; mais il n'en est pas moins d'un immense intérêt quand on le reconnaît pour le thème que l'Empereur a suivi jusqu'ici. En effet, on y voit l'établissement du ministère de l'instruction publique avec son conseil, et plusieurs autres choses déjà exécutées, et d'autres qui marchent encore.

Je suis homme à vous faire de suite une copie de ce mémoire et à vous l'envoyer par voye sûre si vous êtes curieuse d'y étudier, comme moi, une grande partie de ce qui se fait sous nos yeux. Il va sans dire que vous ne le montrerez à personne, mais il pourra singulièrement vous servir dans vos conversations avec m-r Le Grand, pour les diriger sur des sujets qui occupent ses pensées. Répondez-moi donc si vous désirez que je copie, et bien vite je me mettrai à l'ouvrage. Mais nulle confidence à qui que ce soit.

XLVIII.

Moscou, le 1-er may 1819.

Je ne finis point sur l'affaire du collier. Depuis ma dernière lettre j'en ai reçu une de m-r Miatlew qui m'a été apportée et remise par le fameux Щеткинъ en personne, lequel j'ai questionné sur le présent de perles et qui m'a conté absolument la même version que le paysan dont je vous ai parlé dans ma précédente lettre. «Comment», me disait-il, «si mad. Miatlew avait la volonté de vexer ses paysans, elle en tirerait bien autre chose que cela! Mais bien loin d'y penser, elle ne nous a pas même parlé d'arrérages pour les six ans que nous avons joui de tout; ensuite, elle nous a accordé tout ce que nous lui avons demandé en bois, en prairies, en champs, et elle a doublé l'avoir des paysans sans rien diminuer à la vérité de son revenu annuel, qui est de quatre cent mille roubles pour cette seule terre. Avant de savoir que ces perles existaient, j'avais l'ordre des paysans de faire pour nos maîtres quelque chose de marquant et j'aurais été jusqu'à cent mille roubles si les circonstances l'eussent requis. Jamais m-r Miatlew ne s'est douté de l'em-

plette, à moins que la princesse Wolkonsky ou madame Gouriew que j'ai consulté sur les prix, ne lui ayent dit mon intention».

J'ai soutenu la même cause hier matin chez mad. Kozlow contre madame Apraxine, qui était dans la même opinion que vous, et je lui ai cité toutes mes autorités, après quoi elle s'est rabatue à dire que mad. Miatlew aurait agi plus délicatement en refusant. Madame T*** ne pousse pas l'abnégation jusques là, car à la première nouvelle que je lui donnai du fait il y a 15 jours, elle s'écria: «Ah, si mes paysans de Nijni pouvaient en faire autant pour Sophie, que je serais contente!»

Nous avons ici l'archevêque Innocent, qui est bien malade et qui voyage, vous savez pourquoi. Mais ce que vous ignorez peut-être c'est que la princesse Meschersky le recommande à ses amies avec une affection toute filiale, disant qu'elle honore son caractère comme il le mérite, mais surtout qu'elle approuve sa doctrine de tout point, ne pensant plus à Pinkerton ni aux Anglicans et ne voulant suivre que la religion grecque dans toute la pureté de son orthodoxie. Voilà assurément une belle conversion. Ce que je vous dis de ces lettres est positif, je le tiens de ceux qui les ont lues.

Il n'est question à Moscou que des fêtes du comte Potemkine dont le luxe et la dépense surpassent toute imagination. Bon Dieu, quel malheur qu'il n'ait pas épousé Alexandrine: la princesse Boris aurait enfin un gendre à sa guise et qui ferait toute la dépense qu'elle peut désirer. Il est vrai que ce beau rêve pourra bien quelque jour avoir un fâcheux réveil, mais enfin ce serait toujours un tems de précieuse illusion pour ceux qui aiment ce genre de jouissance.

Je traverse la rue pour voir madame Kozlow, qui est malade depuis sa course à Iliinsky avec la noce. Le portrait qu'elle fait du comte Ostermann et que mad. Apraxine confirme, fait véritablement pitié et quelquefois horreur. Cet homme ne pourra pas durer longtems; c'est un ennui poussé au dernier degré possible, et en même tems une espèce de fièvre et d'irritabilité qui lui rend tout repos insupportable; il ne fait rien et s'agite sans cesse; il ne lit point, mais il ouvre 20 livres dans un quart d'heure. Il ne fait pas ce qu'on appelle une promenade, mais il sort et rentre sans cesse, va à la pluye, revient mouillé, sort encore, appelle, gronde, donne un ordre, le change, propose une chose et avant qu'elle soit acceptée en a déjà mis une autre sur le tapis. Sa femme a une santé misérable aussi et parle de voyager. Mais avec les forces d'un poulet de 8 jours, elle conserve cette âme haineuse, ce caractère de fer pour les objets qui ont le malheur de lui déplaire, et elle fait peine à voir et plus encore à entendre.

XLIX.

Moscou, le 5 may 1819.

Je ne puis vous dire ce que j'éprouvai quand on me remit une lettre de m-r Miatlew et rien de vous; aussitôt j'envoyai chez mad. Arséniew qui me répondit en m'envoyant le billet qu'elle venait de recevoir de vous du 29. Grand Dieu, vous avez été malade au point de n'avoir pu écrire que le sixième jour! Et vous ne dites point quelle est votre maladie; madame Swistounow, qui pourrait donner des explications, n'est point arrivée. Il est impossible d'exprimer ce que je sens de pénible sur mon coeur, ce que j'éprouve d'inquiétudes sans pouvoir m'en distraire une seule minute, ni le jour ni la nuit. Il faut attendre 36 heures avant d'avoir de vos nouvelles. Le fait incontestable que la brièveté de votre billet du 29, autant que le caractère de votre écriture, prouvent sans replique que vous avez cruellement souffert et que vous souffriez encore en écrivant. Vous parlez du danger comme passé; mais le danger a donc été imminent! Et vous aviez Chreighton et tous les secours de l'art!.... Je courus hier chez mad. Arséniew que je trouvai en larmes, votre soeur plus pâle et plus saisie que je ne puis vous le dire. M-r Arséniew, prouvant à tout le monde que ce ne pouvait être qu'une colique hémorroïdale qui ne doit pas inquiéter, ne persuade personne quoiqu'on lui sache gré de l'intention. Je vais retourner chez vos parents pour savoir si mad. Swistounow est enfin arrivée. Si je n'avais pas su que je vous aimais de tout mon coeur, je l'aurais appris dans cette circonstance. Je prie Dieu avec ferveur de vous rendre bien promptement votre santé. Faites écrire par quelqu'un tous les détails de votre convalescence. J'ai passé en revue tout ce que je connais à Pétersbourg pour savoir à qui je pourrais demander de vos nouvelles. Pas une âme à qui je sois en mesure de demander ce léger service. Miatlew est à Znamensky. J'ai été sur le point d'écrire à Laval; je crois qu'il me comprendrait; une réflexion m'a retenu. J'écris bien à Saugy par cette poste, mais s'il est à Strelna, quand aura-t-il ma lettre? Et peut-être apprendra-t-il par elle seulement votre maladie?

L.

Moscou, le 9 may 1819.

Grâce soit rendue à la comtesse Samoïlow pour son petit mot à votre soeur en date du 2 may; il nous a tiré de la plus violente inquiétude qu'on puisse éprouver; mais je ne sais par quelle fatalité ce mot n'est arrivé à son adresse qu'hier au soir, 24 heures après l'arrivée de la poste, en sorte que toute la journée d'hier nous ne savions que penser d'un si inconcevable silence. Il vaudrait mieux mettre tout sous mon couvert, la poste me sert très-bien, et un postillon à cheval m'apporte mes lettres au moment de l'ouverture de la malle.

Cette faiblesse extrême qui, selon la c-sse Samoïlow, vous restait encore le 2 may n'est, j'espère, du moins accompagnée d'aucune douleur! Bon Dieu, que de détails ce petit bulletin nous laisse à désirer! Mad. Swistounow nous a fait venir la chair de poule en nous parlant d'un *choléra morbus*....!

LI.

Moscou, le 12 may 1819.

Lisez-vous mes lettres, chère princesse? Je ne les écris pas autant pour vous que pour moi-même, car j'éprouve l'impérieux besoin de vous parler de ce que votre maladie me fait sentir de peines. Votre soeur m'envoya la lettre de Ribeaupierre à votre tante. Il assure que vous êtes en pleine convalescence et que dans 8 jours vous pourrez écrire vous-même, que la faiblesse qui vous reste est la seule chose qui vous en empêche.

Dieu soit loué mille fois pour ces paroles consolantes; cependant quelles ont dû être vos souffrances, puisque cette faiblesse est aussi grande! Il me semble que vous n'avez pas tout ce qui vous est nécessaire, et d'abord un bon lit; vous êtes accoutumée à une chaise longue, assez incommode couchette quand on est en santé, et tout-à-fait insuffisante pendant une longue maladie. Faites-vous prêter un bon lit à la française par m-r Laval: vous verrez que vous vous y trouverez beaucoup mieux. Que ne suis-je à Pétersbourg pour pourvoir à ces soins-là! Mais peut-être ne me laisserait-on pas entrer, car la princesse Boris mande que longtems votre porte lui a été fermée.

LII.

Moscou, le 15 may 1819.

J'ai vu quelques lignes de votre écriture à mad. votre tante en date du 8, chère princesse, et cela m'a fait un bien grand plaisir. J'espère que cette faiblesse extrême n'existe plus et que bientôt vous nous annoncerez votre entière convalescence. Je pense à vous le jour et la nuit et je regrette de ne pouvoir me charger de vos maux. J'envie ceux qui ont le bonheur de vous donner des soins, et je conjure m-r de Ribeaupierre d'être un peu moins avare de détails; car vous sentez à quel point toutes les plus petites circonstances de votre état nous intéressent; je dis *nous*, parce qu'à cet égard-là je partage entièrement et sans restriction les sentiments de votre famille, avec laquelle je lis tout ce qui arrive de vous ou de vos entours.

LIII.

Moscou, le 19 may 1819.

Dieu soit loué mille fois, chère princesse: j'arrive de chez votre tante, et dans ce moment elle a reçu votre lettre du 12, achevée par m-r de Ribeaupierre. Nous aurions dû l'avoir Samedy à midy cette lettre rassurante, mais le mieux, qui est souvent l'ennemi du bien, fait que m-r de Ribeaupierre l'envoye par la poste aux paquets. Cette différence nous a causé à tous les plus vives alarmes. Votre pauvre soeur était à moitié morte, et quand elle a vu votre écriture, elle a fondu en larmes en remerciant Dieu. Enfin, nous savons au moins quelle a été votre maladie, et toute affreuse que soit une fièvre nerveuse, nous savons aussi que quand on peut écrire et qu'on sent l'état où l'on a été, on peut se croire en convalescence. Nous voyons aussi que vous êtes bien entourée et que personne ne vous oublie et ne vous abandonne. Vous voilà mieux logée, très-bien même et à portée de vous promener dans le jardin de l'Hermitage. Oh, mon Dieu, mon Dieu, quel soulagement pour tous vos amis de croire qu'incessamment ils apprendront votre parfait rétablissement. J'ignore si beaucoup de personnes vous

connaissent *bien*, mais je sais que ceux qui le font vous aiment comme vous méritez d'être aimée. Je bénis l'Empereur de vous avoir donné cet appartement de l'Hermitage; c'est celui où était le roi de Prusse, dit-on. Jouissez-y de votre retour à la santé et jouissez aussi du bonheur que nous en ressentons tous; il est bien vif et sera bien pur dès que nous croirons n'avoir absolument plus rien à craindre. Je vous baise les mains mille fois.

LIV.

Moscou, le 22 may 1819.

Il y a aujourd'hui un mois que vous êtes malade, chère princesse, sans que nous sachions encore si vous vous trouvez en convalescence règlée, où si l'état de la maladie dure. La lettre du 15 nous parle d'un essai que vous avez fait d'aller de votre lit à votre fauteuil, et ce léger mouvement ne vous a pas réussi: preuve que la faiblesse est bien grande. Nous sentons, nous partageons vos maux en gémissant de notre éloignement et en portant envie a ceux qui ont le bonheur de vous entourer, particulièrement à m-r de Ribeaupierre dont les lettres devenant plus longues font notre seule consolation. Votre bonne tante prie Dieu et le jour et la nuit, votre soeur de même, et vous croyez sans peine que si mes prières avaient quelque mérite, vous seriez déjà en parfaite santé. Nos voeux ardents sont, hélas, tout ce que nous pouvons faire....! Nous gémissons sur l'impussance humaine; nous nous nourrissons d'espérance, nous la mettons en Dieu bien plus encore que dans les secours des hommes, quoique nous soyons ravis de savoir qu'aucun de ces derniers ne vous manquent. Grâces soyent rendues à l'Empereur, qui a songé à ce qui peut vous convenir. Vous ne sortez pas de ma pensée un seul instant; ce que vous souffrez, ce que vous éprouvez au moral et au physique fait ma seule occupation. Ne pensez qu'à vous ménager et aux soins que votre état exige; attendez le retour de vos forces pour commencer la plus petite action; en un mot, suivez les conseils de Chreighton à la lettre.

Lettre de m-r Saugy.

S-t Pétersbourg, Dimanche, 18 may 1819.

Aussitôt après avoir reçu votre lettre je suis allé chez la princesse; depuis plus de 4 semaines elle est dans un bien triste état; vous n'avez aucune idée de tout ce qu'elle a souffert. Comment se peut-il qu'à Moscou vous ne sachiez pas même quelle est sa maladie? Elle a eu le *miserère*; maintenant elle est d'une faiblesse extrême, souvent dans le délire; les médecins désespérent tout-à-fait de la sauver. Avant-hier elle s'est confessée, et ce matin à 5 heures elle a communié; je vais tous les jours savoir de ses nouvelles. Ribeaupierre y va 3 ou 4 fois par jour, il n'aurait pas plus soin de sa soeur; il diffère son départ pour la campagne à cause de l'état de cette pauvre princesse. Avant-hier elle était si faible et si mal que quand on a voulu l'exhorter à faire venir un prêtre, elle a répondu qu'elle ne se souvenait plus de rien. La princesse Boris m'a dit qu'elle écrivait régulièrement à Moscou, mais elle n'ose pas dire à la princesse Sophie tout ce que sa soeur souffre et l'état déplorable dans lequel elle se trouve: elle est tout-à-fait méconnaissable. Je suis bien fâché, mon cher ami, d'avoir de si mauvaises nouvelles à vous apprendre. Dieu veuille qu'au prochain courrier je puisse vous en donner de meilleures.

Saugy.

Lettres de m-r Ribeaupierre.

1.

S-t Pétersbourg, le 20 may 1819.

A une heure après minuit, j'ai vu mourir ma meilleure, ma plus ancienne amie. Je n'ai pas le coeur, monsieur, d'annoncer à ses parents ce triste évènement. Veuillez-les prévenir. Je vous écrirai en détail par la poste prochaine. Voici deux lettres que l'on m'a dit arrivées de votre part. Elles n'ont pu être ouvertes. Je vous les envoye. Si elles n'étaient pas de vous, brûlez-les. S'il en vient d'autres, je vous les enverrai aussi. L'amitié que vous a portée la princesse, m'inspire pour vous une foule de sentiment dont je vous prie d'agréer l'assurance, de même que celle de ma considération la plus distinguée

Ribeaupierre.

2.

A monsieur Arséniew.

S-t Pétersbourg, le 22 may 1819.

Par la dernière poste j'écrivis à m-r Christin pour lui annoncer la cruelle perte que nous venons de faire, en le priant de vous faire part de ma lettre. Aujourd'hui je m'adresse à vous, monsieur, afin de vous communiquer les tristes détails suivants, aussi bien qu'à ma tante madame Arséniew et à la princesse Sophie.

Ce fut Vendredy, 16 may, que l'état de la princesse Barbe devint dangereux. Les remèdes ne fesaient nul effet; cependant les médecins Chreighton et Leyton n'avaient point perdu toute espérance. Samedy le danger devint plus grand, et les suites du choléra morbus reparurent. Dimanche la princesse demanda elle-même à être administrée et reçut le viatique avec une fermeté sans exemple et avec une confiance entière en la miséricorde divine. Après avoir communié, elle me demanda de lui lire l'Évangile pendant qu'elle continuait à prendre les remèdes prescrits. Elle entendit aussi la lecture de la dernière lettre de madame Arséniew et de la princesse Sophie. Pendant tout le reste du jour elle priait ou m'entretenait de sa fin prochaine avec les sentiments de la plus grande résignation.

Lundy la faiblesse devint excessive, et les médecins déclarèrent qu'il n'y avait plus aucun espoir; nous en appelâmes encore deux nouveaux, mais inutilement, car les organes intérieurs ne faisaient plus aucune fonction. L'Impératrice-mère, avertie du danger, vint de Pawlowsky pour voir la princesse et depuis 10 heures du matin jusqu'à 9 heures du soir ne quitta presque pas le chevet de son lit, l'exhortant, la consolant et lui fesant des lectures pieuses. Elle la soigna comme si elle eût été sa propre fille; et de ma vie je ne pourrai oublier l'intérêt vraiment maternel qu'elle lui témoigna pendant toute cette journée. Ce fut l'Impératrice qui, lui voyant toute sa connaissance, lui proposa de recevoir l'extrême onction, ce à quoi elle consentit avec joye; mais après cette cérémonie les forces l'abandonnèrent tout-à-fait, et les yeux commencèrent à s'obscurcir. Sa voix, qui jusques là s'était soutenue, commença à baisser, et peu après le départ de S. M. elle perdit presque l'usage de la parole, quoiqu'elle conservait toute sa connaissance. Enfin, à une heure après minuit cette inappréciable amie ferma les yeux pour toujours. Tous ceux qui l'ont connue déplorent cette perte et n'ont de consolation que celle de savoir qu'elle est morte comme une sainte.

Vous pouvez être sûr que jusqu'au dernier moment les médecins ont fait pour la sauver tout ce qui était humainement possible. L'Empereur a ordonné que le corps restât au palais, ce qui est une marque de distinction sans exemple; et il veut que les funerailles soyent faites à ses fraix.

Sophie Alexiewna n'a pas quitté la princesse un seul instant pendant toute sa maladie, et elle a mis avec moi les scellés sur les effets et les papiers de la défunte. Tout est en ordre, et les scellés resteront jusqu'à ce que la pauvre princesse Sophie puisse s'occuper de cette succession et m'envoyer une procuration pour la représenter. Je la prie d'en user avec moi comme avec un frère, aussi bien cette cruelle perte nous est commune, et je partage entièrement l'amertume de son coeur.

Nous transporterons le corps ce soir à six heures au monastère de Newsky, et demain matin nous ferons l'enterrement.

Le bal d'usage de hier 21 pour la fête du grand-duc Constantin a été contremandé par l'Impératrice à l'occasion de cette mort.

Recevez, monsieur, l'hommage de mon respectueux dévouement.

Ribeaupierre.

3.

S-t Pétersbourg, le 5 juin 1819.

Je ne vous ai point écrit, monsieur, comme je me l'étais proposé, parce que j'ai dû envoyer tous les détails du triste évènement dont je voulais vous entretenir, à m-r Arseniew, qui n'aura pas manqué de vous en faire part.

J'ai éprouvé, moi qui en ai été témoin, moi qui ne l'ai pas quitté pendant sa maladie, j'ai éprouvé le même saisissement, la même surprise que vous, quand j'ai entendu dire aux médecins qu'elle ne pouvait plus vivre. J'étais si loin de la croire en danger. C'est la nuit du Vendredy au Samedy qui tout-à-coup a mis fin à nos espérances. Elle-même n'en avait plus depuis longtems. Je pleurais, et elle me consolait. Je la suppliais de vivre, et elle répondait que son heure était venue. On ne peut pas se figurer une résignation plus chrétienne, une confiance plus entière en la bouté de Dieu.

Oui, mon cher monsieur, et vous et moi nous avons fait une perte irréparable. Une amie de 20 ans, une amie comme elle ne se retrouve plus.

J'attends l'autorisation de la princesse Sophie pour lever les scellés que j'ai mis sur ses effets. J'y ai vu entr'autres vos lettres rangées dans un ordre étonnant, les unes près des autres, année par année; un tiroir entier en est rempli. Je vous les ferai parvenir par une occasion sûre, comme vous le désirez.

Ribeaupierre.

*

NB. A la fin de cette correspondance nous avons rencontré y annexée la note suivante, de la main d'un de nos bibliographes et généalogistes:

La princesse Tourkestanow est accouchée d'une fille, appelée *Marie* (Mimi). Cette fille a été élevée chez le prince W. S. G. (né en 1793) avec ses autres enfans.

Iw. Ark. N., se trouvant au Caucase, l'a vit chez les G., en tomba amoureux, et l'épousa. Elle est morte jeune.

Dans la famille N. on raconte que W. S. G. avait *parié* qu'il séduirait la princesse Tourkestanow, qu'il s'introduïsit clandestinement dans son appartement,—et que c'est à la suite de ce pari gagné que Mimi vrint au monde.

AVERTISSEMENT DE M-R CHRISTIN.

Les personnes entre les mains desquelles pourra tomber cette collection de lettres, se demanderont sans doute quel motif a pu m'engager, possedant les originaux, à en faire encore une copie de ma main? Je répondrai à cela que je suis vieux, que j'aime la solitude et vis dans une grande retraite; que tout travail de tête me fatigue, et que pourtant j'ai besoin d'une occupation manuele pour remplir les moments perdus entre le peu de visites que je reçois et les longues lectures que je fais.

Je ne pouvais trouver un genre d'occupation plus analogue à mon goût, car n'ayant plus d'avenir je retrace avec plaisir à ma mémoire les souvenirs du passé. Comme tous les vieillards qui ont eu le bon sens de se rendre justice et de ne plus rien prétendre pour eux-mêmes, je m'étais attaché à un objet plus jeune dont la réussite et les succès m'occupaient agréablement et redonnaient de l'intérêt à ma vie.

J'étais rentré à Moscou au commencement de l'année 1813, bientôt après l'incendie de cette immense cité, et quand ses anciens habitants revenaient chercher sous ses cendres les débris de leur propriété.

Le peu de ressources qu'offrait alors cette ville ruinée, qui ne comptait à cette époque que quinze équipages, faisait que des gens qui dans d'autres tems ne se seraient peut-être jamais connus, se liaient très-promptement: un malheur commun rapprochait tout le monde, une espérance très-vive ranimait tous les coeurs. On logeait sous des ruines, on manquait à peu près de toutes les commodités de la vie, mais on recevait chaque jour des nouvelles du succès de nos armées et de la désastreuse retraite des Français. On se sentait délivré pour toujours de cette effroyable invasion qui avait failli perdre la Russie et qui l'aurait probablement fait reculer de cent ans si l'impatience de Napoléon lui eût permis d'attendre sur le Borysthène le printems de 1813 pour pénétrer dans l'ancienne Russie et s'il en eût pendant ce tems détaché la Pologne à tout jamais en lui donnant un roi et en lui rendant son antique nationalité.

Les dangers qu'on avait courus et auxquels on échappait si miraculeusement dilâtaient tous les coeurs. On était joyeux au sein des

privations, et littéralement on chantait des Te-Deum sur des ruines encore fumantes!

C'est dans ces circonstances que je fis la connaissance de la princesse Barbe Turkestanow, demoiselle d'honneur des impératrices Marie et Élisabeth et habitant par conséquent Pétersbourg où son devoir la fixait. Elle était venue momentanément à Moscou pour y voir une tante fort âgée, qui y rentrait aussi après l'émigration générale de toute la noblesse en 1812. La princesse Barbe avait alors plus de 30 ans; elle était d'une figure extrêmement agréable et d'un esprit tout-à-fait social. D'origine persanne par son père, elle avait dans l'oeil et dans toutes ses manières quelque chose de très-vif et de peu commun, qui, modéré par une excellente éducation et des principes sévères, en faisait une personne très-remarquable par son esprit très-vif et ses manières infiniment gracieuses. Elle avait le talent de se mettre à merveille, je veux dire de s'habiller avec tout le goût et l'élégance possibles; et son ton poli, ses manières franches et sa conversation piquante la faisaient briller dans toutes les sociétés et la sortaient de pair partout où elle se trouvait.

En peu de jours notre connaissance devint une amitié sincère. Lors qu'après six mois de séjour à Moscou son devoir la rappela à la cour, une correspondance suivie s'ouvrit entre elle et moi et n'a plus fini qu'à sa mort, hélas, si cruelle et si prématurée.

Pendant le cours de notre correspondance les circonstances la firent connaître plus particulièrement de l'empereur Alexandre, qui n'échappa point au charme que son esprit répandait sur tout ce qui l'approchait. L'Empereur prit peu-à-peu l'habitude d'aller la voir chez elle, l'attacha plus intimément à l'Impératrice-mère et prenait tout-à-fait le chemin de s'en faire une amie véritable, et surtout verédique, telle que les souverains en rencontrent si rarement.

Le goût que la princesse avait pour le monde et la société où elle réussissait si bien, contrariait, je crois, cette amitié naissante de l'Empereur. Un souverain épanche difficilement son coeur avec une personne fort répandue; une vie plus retirée aurait inspiré plus de confiance, et c'est ce que je m'efforçais de persuader à mon amie, et ce qu'elle n'a commencé à comprendre qu'au moment où la mort l'a frappée. Si elle eût vécu, elle aurait pu devenir un personnage marquant et une amie utile pour son souverain; c'est où mes voeux et mes efforts tendaient à la conduire. De là tant et de si longues lettres de ma part, qui faisaient mon plaisir le, plus doux quoique toujours écrites au courant de la plume et sans la moindre correction; ce dont on s'apercevra souvent.

Je combattais *son goût pour une jeunesse indiscrète,* pour les principes libéraux et tant soit peu révolutionnaires que cette jeunesse lui inculquaient; je cherchais à redresser son jugement sur certains points fondamentaux dans lesquels elle errait, et je m'efforçais à lui inspirer l'esprit de l'état que j'aurais voulu lui voir occuper à la cour, celui d'une amie du souverain sans aucune mélange de galanterie.

Elle mourut au moment où elle paraissait comprendre et adopter mes idées, et outre la peine du coeur que cette mort me cause, j'éprouvai encore le vide que sentirait un père qui aurait perdu son enfant unique, de la manière la plus subite et la moins prévue.

Quand mes lettres me revinrent, je les mis en ordre, et quelques années après je conçus l'idée de faire une copie des siennes et des miennes pour en former une collection qui pût être lue de suite.

Je n'avais aucun but que celui de me créer une occupation qui me fît revivre dans le passé sans fatiguer mon esprit, et cela m'a bien réussi; car pendant les 18 mois que j'ai employés à écrire ce receuil dans mes moments perdus, je n'ai pas éprouvé un seul instant d'ennui, et cette occupation a maintenu mon âme dans une certaine activité douce, fort salutaire à la vie d'un homme de 60 ans.

Je ne promets pas le même plaisir à ceux qui pourront lire ce recueil, surtout si, comme je l'exige, il n'est ouvert que dans 25 ans, lorsque les personnes dont il fait mention n'existeront plus. Je ne me dissimule point qu'il aura perdu alors tout ce que les anecdotes de société lui donneraient de piquant aujourd'hui; mais on y trouvera peut-être encore sur les évènements du jour des choses qui pourront intéresser ceux qui auraient la patience de les chercher au milieu de tant de pages ennuyeuses et d'anecdotes qui auront perdu tout leur sel.

Ferdinand Christin.

Ce 28 juin 1824.

Notice sur Ferdinand Christin

PAR M-R DE WIGUEL.

(Tiré de ses Mémoires).

C'est aussi chez Prascowia Youriewna que j'ai fait la connaissance de la comtesse de Broglio *), née Léwachow, laquelle avait épousé en premières noces son frère le prince Alexandre Youriewitz Troubetzkoï. Cette femme, pendant longtems, ne fut que trop connue à Moscou sous le nom de la comtesse Anna Petrowna. C'est à cette connaissance que je dois une autre des plus agréables et des plus curieuses.

Il y avait dans sa maison un étranger, qui faisait le maître, quoiqu'il ne demeurait pas chez elle, et dont la société de Moscou se souvient jusqu'à présent avec regret. Je ne nomme pas m-r Cristin comme Français, quoique je n'ai pas connu de Français de l'ancien régime plus aimable, ni d'un commerce plus agréable, ni d'une conversation plus intéressante que lui. Je le fais par la raison qu'il était Suisse d'origine, de la ville d'Yverdun, sur l'ancienne frontière de France. Son histoire mérite d'être racontée, ne fut ce que brievèment.

Il a passé son enfance en France, et tout jeune encore il parvint à devenir le secrétaire de Calonne, ce ministre si connu. Il a vu le commencement de la révolution, qu'il a fui avec son protecteur. Plus tard, à Coblentz, recommandé par lui, il fut employé par les princes, frères du roi; il plut particulièrement an comte d'Artois (Charles X). Plusieurs fois il fit le voyage de Paris, travesti et chargé de commissions secrètes, et à la dérobée, avec danger de vie, il pénètra au palais de Tuileries pour remettre au roi-prisonnier des lettres et lui présenter des consolations. Il ne pouvait plus être question d'étiquette; il causait simplement avec lui, avec la reine, la princesse Élisabeth et caressait l'enfant, le malheureux dauphin. Quand les crimes furut accomplis, quand les têtes des innocentes victimes royales furent tombées, le comte d'Artois le prit avec lui à Pétersbourg. On sait quel fut le brillant accueil que lui fit Catherine. Il partit, et Cristin resta en Russie. Le comte Markow, sans gérer le Collège des affaires étrangères, en était cependant la cheville ouvrière. Il vivait alors avec m-lle Hus, la tragédienne française, et c'est par elle qu'il fit la connaissance, on peut dire qu'il se lia même d'amitié avec Christin.

---

*) C'est la *Virginie* de la Correspondance du Christin et de la princesse Tourkestanow.

Tout-à-coup ce dernier devint enragé. Il partit pour la Suède et y commença à médire hautement de la Russie et des Russes. Le régent d'alors, le duc de Sudermanie (depuis Charles XIII) nous détestait jusqu'à la fin de sa vie. C'est pourquoi il commença à recevoir un homme presque sans nom, à le combler de bontés, à l'inviter même aux bals de la cour. A un de ces bals il fit semblant de se laisser entraîner par le courant et, avec la lègéreté d'un Français, il heurta le jeune roi, mineur Gustave IV, qui se tenait près de la cheminée; puis, le saluant très-bas et faisant semblant de lui faire ses excuses tout consterné, il lui souffla à l'oreille, en baissant la voix: „Sire, on vous trompe; on veut vous marier à un monstre; permettez-moi d'avoir une explication avec vous". L'autre lui répondit d'une voix à peine distincte: „J'ai un maître de mathématiques votre compatriote, un certain Chevalier; écrivez-moi par son entremise". Christin présenta un mémorandum, dans lequel il ne manqua pas de dépeindre les charmes de la grande-duchesse Alexandra Pawlowna et toute l'utilité d'une alliance de famille avec Catherine. C'est dans ce moment qu'on attendait la fiancée, une princesse Mecklenbourgeoise, toute contrefaite. Le roi fit tout-à-coup le récalcitrant; il annonça que ce mariage n'aura jamais lieu et tint bon, malgré tous les efforts qu'on fit pour le convaincre. Personne ne put comprendre la raison d'un changement aussi brusque; cependant, c'était grâce à l'indiscrétion du roi ou au bavardage de Chevalier, ou bien on devina de soi-même, le fait est que les foudres se concentraient sur la tête de l'agent secret. Quelqu'un vint lui dire sous le sceau du secret que déjà le lendemain on voulait s'emparer de lui pour l'expédier dans les mines de la Dalécarlie. Connaissant bien tous les diplomates, il courut chez le ministre d'Angleterre et lui fit part de tout l'horreur de sa situation. Ce dernier a eu des blancs-seings, et il l'attacha, en arriérant de date, à sa mission. Quand on vint pour le saisir, il montra l'ordre de partir, comme courrier, pour Berlin. De là il ne revint en Russie qu'après quelques mois, et il arriva au moment même, quand le roi de Suède se trouvait à Pétersbourg avec son oncle et que les pourparlers de mariage étaient en train. Comme de raison, il ne pouvait pendant tout ce tems se montrer nulle part *). Quoique le mariage projeté n'eut pas lieu, Catherine

*) Il lui arriva alors un anecdote amusant. Catherine le reçut dans son cabinet, le combla d'amabilité et lui ordonna ne se trouver pendant le spectacle au théâtre de l'Hermitage, seulement en loge fermée. Là il s'ennuya tellement qu'il se mit à roder dans les coulisses et pénètra tout à-fait jusqu'en haut. Se trouvant fatigué, il s'assit sur un siège quelconque, lequel se mit à descendre. Il crit, et on a eu le temp de le relever; car on ne vit que ses pieds. C'était un nuage sur lequel devait descendre Mercure. Et s'il s'était montré ainsi à la cour et aux hôtes, nouvellement arrivés! Catherine a ri beaucoup, quand on lui conta cet à-propos.

le combla largement. Elle l'ordonna qu'on l'attacha au Collége des affaires étrangères, tout droit comme conseiller de cour, et le gratifia de 400 paysans près de Létitchew, dans le gouvernement de Podolie.

Sous Paul, le comte Markow fut en disgrâce. Il fut congédié et relégué à Létitchew, qui lui appartenait. Christin, qui avait sa petite terre à côté, toujours fidèle à l'amitié et au malheur, quitta le service également, et pendant quatre ans il partageait de son gré l'exil de son Mécène. Sous Alexandre, Markow fut appelé et envoyé à Paris. Christin l'y suivit, car il était déjà rayé de la liste des émigrés. L'activité lui revint: il n'en avait pas encore assez. Il lia connaissance avec la famille Bonaparte, avec ses soeurs, et se rapprochant de Josephine et d'Hortense, lui, royaliste inébranlable, il fut en correspondance secrète avec le comte d'Artois, qui se trouvait en Angleterre. On s'en aperçut, on l'enleva de l'ambassade de Russie, pour l'envoyer à Lion, où on l'enferma dans la forteresse. Ce fut une des raisons des grossièretés faites par le premier consul à Markow. Un serviteur fidèle facilita au prisonnier le moyen de s'évader de la forteresse, et il disparut à Coppet chez madame de Staël. Je ne sais pas comment il parvint de là à Moscou, où il se reposa à jamais de la vie d'aventurier.

Il demeurait chez Markow en ami et occupait une partie de sa maison. Il vendit sa propriété, et profitant d'une partie des pourcents de capital qu'il avait réalisé, il l'augmenta peu à peu. Les grands seigneurs le visitaient souvent. Il fallait voir son attitude avec eux: comme il était peu gêné, et comme il était poli.

Nous fimes bientôt notre connaissance. J'étais un questionnaire indiscret avec des gens comme lui, il me répondait avec condescendance. Voilà pourquoi j'appris à connaître les principales phases de son existence. Il m'avoua qu'il inscrivait tout ce qui lui était arrivé, et c'est lui qui me donna la première idée d'écrire ces Mémoires, ce que je ne parvins à réaliser que beaucoup plus tard. En mourant il légua toute sa fortune à la comtesse de Broglio. Quels trésors en fait de manuscripts, quelles perles devait posséder cette femme! Sa correspondance avec plusieurs personnages historiques (ce que valaient les lettres de madame de Staël, que j'ai lues!), tout ce roman de son existence, tout cela, comme étant inutile, fut livré aux flammes par la main ignorante....

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго**, по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья II. **В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа Н. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.
Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина — Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

Немногія оставшіяся годовыя изданія 1881 года продаются со всѣми приложеніями по 8 р., съ пересылкою 9 р.

*

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ИННОКЕНТІЙ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

Сочиненіе И. П. Барсукова. Большой томъ съ потретами и рисунками. Продается по **пяти** рублей у автора въ Москвѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, близъ митрополичья подворья, въ домѣ Красноглазовой.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва,** Ермолаевская Садовая, домъ 175-й.

Цѣна каждой книжкѣ РУССКАГО АРХИВА въ отдѣльной продажѣ **два** рубля.

*

Русскій Архивъ, историческій сборникъ, преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1884 году **шесть разъ** въ годъ, въ Генварѣ, Мартѣ, Маѣ, Іюлѣ, Сентябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**девять** рублей. Для Германіи—**одинадцать** рублей; для Франціи, Италіи Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ Конторѣ Русскаго Архива въ **Москвѣ,** на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, куда и обращаются гг. иногородные.

Въ **Петербургѣ**—у Полицейскаго моста, въ книжномъ магазинѣ Мелье; **въ Кіевѣ,** на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ домѣ Стефановича, у Марьи Михайловны Булгакъ.